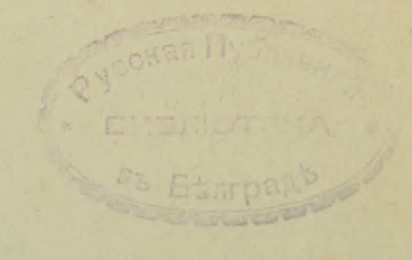
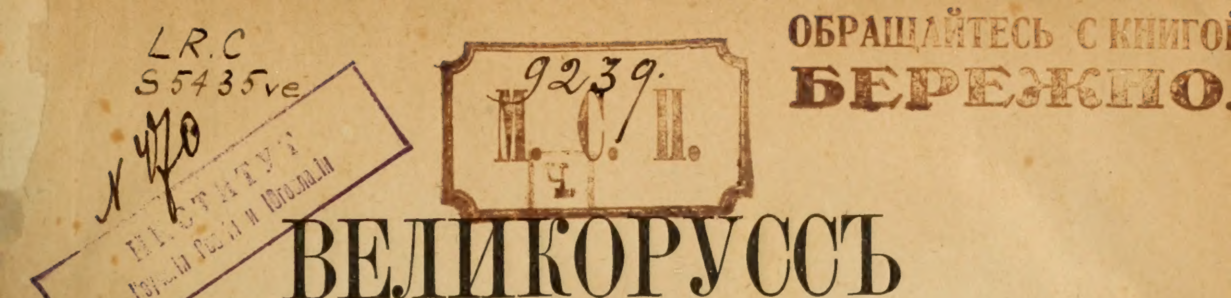
3 1761 08821298 0


въ Бѣлградъ



ВЕЛИКОРУССЪ

ВЪ СВОИХЪ

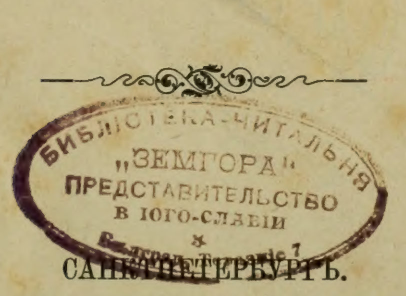
ПѢСНЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ, СКАЗКАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И Т. П.

МАТЕРІАЛЫ СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

П. В. ШЕЙНОМЪ.

Томъ I, выпускъ первый и второй

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, декабрь 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Неутомимому изслѣдователю, знатоку и любителю народной поэзіи,

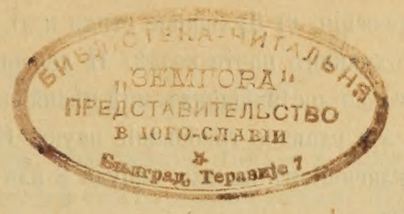
Всеволоду Өедоровичу

Миллеру

СЪ ГЛУБОКИМЪ УВАЖЕНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

сердечно ему преданный

СОБИРАТЕЛЬ.



Предисловіе къ первой части Сборника (изд. 1870 г.).

Сочувствіе и одобреніе, съ которыми люди, занимающіеся изученіемъ Русской старины и народности, встрѣтили въ 1859 г. мое небольшое собраніе русскихъ пѣсенъ и былинъ, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», ободрило меня къ дальнѣйшему труду на поприщѣ собирателя.

Въ качествѣ учителя, сперва домашняго, потомъ уѣзднаго и наконецъ Штатнаго Смотрителя училищъ, мнѣ попеременно приходилось жить въ губерніяхъ: Московской, Тверской, Рязанской, Симбирской и Тульской. Вездѣ я старался сближаться съ народомъ, прислушиваться къ его живой, своеобразной рѣчи, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для пополненія своего собранія. Хотя названныя мѣста, какъ близкія къ вліянію средъ гражданственности и промышленности, очень скудны остатками древней эпической поэзіи, однако, тѣмъ не менѣе, тутъ, какъ и вездѣ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, пѣсня до сихъ поръ остается вѣрной спутницей многотрудной жизни Русскаго человѣка, отъ колыбели до могилы.

Мнѣ казалось, что чисто народная пѣсня, хотя и не древняго склада, непремѣнно знакомитъ насъ, и очень близко, со многими сторонами быта русскаго человѣка, съ его вѣрованіями и т. п., и во всякомъ случаѣ съ неисчерпаемымъ богатствомъ его языка, которымъ онъ такъ творчески умѣетъ пользоваться.

Съ этой стороны, мнѣ сдавалось, собиратель не долженъ пренебрегать пѣсней, даже не занимательной по содержанію. Онъ долженъ непремѣнно внести ее въ свое собраніе, если только она отличается нѣкоторыми замѣчательными особенностями по языку. Это его прямая обязанность. Весь накопившійся у меня запасъ пѣсенъ (№№ около 1000) я расположилъ въ порядкѣ біографическомъ или бытовомъ, а еще вѣрнѣе сказать, этотъ порядокъ сложился почти самъ собою; по всѣмъ почти знаменательнымъ мгновеніямъ семейной, бытовой, какъ и исторической жизни русскаго народа, у меня набрались цѣлые ряды пѣсенъ, а иныя даже въ нѣсколькихъ разночтеніяхъ.

Такъ мое собраніе раздѣляется на два отдѣла: къ 1-му относятся а) пѣсни дѣтскія, б) хороводныя, в) плясовыя и скоморошныя, г) бесѣдныя: голосовыя или протяжныя, д) бесѣдныя: шутливыя, забавныя или сатирическія, ж) обрядныя, з) свадебныя, и) похоронныя. Ко 2-му же отдѣлу: а) рекрутскія и солдатскія, б) былины и историческія, в) бурлацкія, острожныя и воровскія, г) Духовные стихи и д) разнаго содержанія.

Мѣстный говоръ сохраненъ почти вездѣ. Я говорю почти вездѣ, потому что нѣкоторыя изъ лицъ, обязательно доставившихъ мнѣ пѣсни своей родной мѣстности, не обратили достаточное вниманіе на это главное требованіе науки. Кѣмъ и гдѣ каждая пѣсня записана, обозначено вездѣ, за исключеніемъ какихъ нибудь 8 или 10 пѣсенъ, которыхъ я въ свое время не успѣлъ отмѣтить.

Въ заключеніе я считаю пріятнѣйшимъ долгомъ принести мою искреннѣйшую благодарность всѣмъ лицамъ, которыя съ большой готовностью содѣйствовали мнѣ въ добываніи матеріаловъ для этого сборника.

Витебскъ. Сентября 15-го дня, 1867 года.

Приступая къ изложенію плана, содержанія, состава и характернаго отличія предлагаемаго на судъ знатоковъ и любителей своего великорусскаго сборника, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить здѣсь мою глубокую сердечную признательность всѣмъ высокочтимымъ членамъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за то, что они съ первыхъ же моихъ шаговъ на поприщѣ собирателя въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ неослабно поддерживали меня словомъ и дѣломъ и ободряли къ дальнѣйшей дѣятельности въ излюбленномъ мною направленіи и наконецъ на склонѣ дней моихъ дали мнѣ утѣшительную возможность передать многолѣтній мой трудъ и по великорусской этнографіи въ вѣдѣніе той науки, въ рядахъ чернорабочихъ которой я имѣю честь служить не со вчерашняго дня.

Весь матеріалъ, вошедшій въ предлежащій сборникъ и обозначенный на заглавномъ его листѣ, распадается какъ по формѣ, такъ и по содержанію на двѣ неравномѣрныя по объему части: а) на стихотворную, пѣсенную и б) на прозаическую, куда кромѣ подлинныхъ устныхъ произведеній народнаго творчества въ прозѣ, какъ, напримѣръ, сказки, легенды, прибаутки, анекдоты и т. п., входятъ и описанія проявленій творческаго духа народа въ его исконныхъ обрядахъ, обычаяхъ и разнаго рода вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающую его природу.

Пѣсенный матеріалъ я раздѣляю на двѣ категоріи: а) на пѣсни, отражающія въ себѣ главные моменты жизни человѣка: рожденіе, женитьба, смерть и всѣ крупныя бытовыя отношенія, встрѣчающіяся ему на перепутьѣ между означенными стадіями, но только въ предѣлахъ своей семьи, своего родного угла, своей волости и б) на группы такихъ пѣсенъ, въ которыхъ высказывается уже постепенный переходъ этой личной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ своего родимаго гнѣзда на болѣе широкій путь жизни общественной, государственной и исторической.

Количество пѣсенъ той и другой категоріи въ сложности доходитъ тысячъ до трехъ, если не болѣе, и займетъ два тома, первый изъ которыхъ, по обстоятельствамъ, пришлось раздробить на два выпуска. Изъ нихъ предлежащій выпускъ составляетъ первую половину всего перваго тома, за которымъ въ непродолжительномъ времени, надѣюсь, выпустить въ свѣтъ и второй.

Относительно принятой мною системы дальнѣйшаго распредѣленія пѣсеннаго матеріала, какъ по означеннымъ рубрикамъ, такъ и по неозначеннымъ, болѣе детальнымъ подрубрикамъ, считаю нужнымъ сказать слѣдующее:

Во первыхъ: изъ разряда пѣсенъ дѣтскихъ, которымъ открывается настоящій сборникъ, я выдѣлилъ и перенесъ въ отдѣлъ сатирическихъ и скоморошныхъ тѣ изъ нихъ, которыя трактуютъ о разныхъ домашнихъ животныхъ, насѣкомыхъ и звѣряхъ. Почти всѣ онѣ отличаются явнымъ сатирическимъ характеромъ, смыслъ и цѣль котораго съ теченіемъ времени затмились и сгладились, вслѣдствіе чего онѣ въ значительной степени потеряли совершенно интересъ въ средѣ народа для людей старшихъ поколѣній. Но, благодаря обилію заключающихся въ этихъ пѣсняхъ аллитерацій, тавтологій и риѳмъ, а равно легкости для запоминанія ихъ несложныхъ музыкальныхъ мотивовъ, онѣ, такъ сказать, сами напросились своими неоцѣненными услугами матерямъ, нянькамъ и пѣстуньямъ, для которыхъ онѣ явились самымъ желаннымъ, самымъ удобнымъ и подходящимъ средствомъ занимать и забавлять пріятнымъ образомъ своихъ и чужихъ малютокъ. И если эти малютки, выросши и возросши до отроческихъ лѣтъ, сами съ удовольствіемъ начинаютъ часто употреблять эти самыя пѣсенки и прибаутки, то это обстоятельство никоимъ образомъ не даетъ еще намъ права выдавать ихъ за такой памятникъ народнаго творчества, по которому будто можно изучать языкъ, бытъ и психическую жизнь крестьянскихъ дѣтей. Что бы мы сказали о современномъ языковѣдѣ, который, желая изучать постепенный ходъ проявленія звуковъ человѣческой рѣчи, между прочимъ, и по дѣтскому языку, вздумалъ бы основать свои наблюденія, не на естественномъ обнаруженіи этихъ звуковъ у различныхъ индивидуумовъ младенческаго возраста, а на такихъ будто бы примитивныхъ дѣтскихъ словахъ, какъ, напримѣръ, *жижа* (огонь), *пáпа* (хлѣбъ), *нямъ-нямъ* (ѣсть), *бай-бай* или *баиньки* (спать), *му-му* (корова), *тпруа*[1]) (гулять, кататься, ѣхать) и т. п.? На это можно только отвѣтить, въ видѣ объясненія, нѣмецкой поговоркой: «Wie die Alten sungen, so zwitscherten die Jungen».

Во вторыхъ, я, на оборотъ, не позволилъ себѣ свалить и смѣшать въ одну общую кучу слѣдующіе за дѣтскимъ отдѣлы пѣсенъ хороводныхъ, любовныхъ, семейныхъ и т. п. для того только, чтобы, перетасовавъ ихъ въ новые ряды, выставить ихъ однородность на основаніи сходства или даже тожества сюжетовъ, потому, что велика разница въ способѣ изложенія одного и тогоже сюжета въ каждомъ изъ названныхъ отдѣловъ, какъ по формѣ, такъ и по тону. Возьмемъ, напримѣръ, хоть выборъ зазнобы или подруги жизни, измѣну, мщеніе и т. п. Въ пѣсняхъ хороводныхъ эти предметы являются большей частью въ формѣ діалогической и въ тонѣ довольно серьезномъ, хотя подчасъ и веселомъ, и непремѣнно сопровождаемые движеніемъ, дѣйствіемъ не только того, что обозначается въ пѣснѣ словами, но многими иными традиціонными, о которыхъ пѣсня и не намекаетъ; въ пѣсняхъ плясовыхъ они излагаются уже съ оттѣнкомъ ироніи, даже сарказма, при настроеніи юмористическомъ. Наконецъ въ пѣсняхъ любовныхъ, семейныхъ эти же самые предметы выражаются большей частью въ формѣ монологической и въ тонѣ не только серьезномъ, но даже эпическомъ. Затѣмъ спрашивается: какое право имѣетъ собиратель затушевывать

---

1) Это слово какъ нельзя болѣе изобличаетъ недѣтское свое происхожденіе: звукъ *р*, какъ извѣстно, рѣдкій изъ дѣтей произноситъ раньше третьяго года, не говоря уже о затрудненіи для нихъ произношенія слова съ тремя, рядомъ стоящими согласными.

исконныя традиціонныя формы народнаго пѣснетворчества, во имя сохраненія котораго для грядущихъ поколѣній онъ и взялся за дѣло? Встрѣчаются, правда, нерѣдко случаи, что и народъ, вслѣдствіе ли ослабленія у него памяти, или чисто бытовыхъ и историческихъ условій, какъ, напримѣръ, прекращенія крѣпостного труда артелями, сообща, переселеніе, разселеніе и т. п. — самъ спутываетъ и смѣшиваетъ роды и виды своихъ пѣсенъ, выдавая одинъ вмѣсто другого, не различая строго ихъ примѣненія къ дѣлу, но задача собирателя (правда не совсѣмъ легкая) стараться по возможности распутать спутанное, для чего онъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ найдти руководящую нить въ сравненіи данной пѣсни одной мѣстности съ параллелями ея въ другихъ или въ старинныхъ сборникахъ, а въ особенности въ музыкальномъ ея мотивѣ. Если разрѣшеніе этой задачи, вслѣдствіе отсутствія въ нашей печати полнаго собранія музыкальныхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ еще можетъ затруднять собирателя, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ стараться избѣгать по возможности дальнѣйшаго запутыванія и смѣшиванія родовъ и видовъ пѣсенъ. Этимъ замѣчаніемъ не хочу сказать, что мой настоящій сборникъ совсѣмъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи.

Согласно вышеуказанному плану группы пѣсенъ I-го тома я раздѣляю на два отдѣла въ біографико-календарномъ порядкѣ. Первый отдѣлъ начинается пѣснями колыбельными и дѣтскими потѣшными (куда входятъ и игры съ пѣсенными прибаутками), за которыми слѣдуютъ хороводныя и плясовыя. За послѣдними идутъ бесѣдныя, распадающіяся на любовныя, семейныя, сатирическія, юмористическія, скоморошныя и пародіи. Всѣ перечисленные виды бесѣдныхъ пѣсенъ, въ особенности первые два, рисуютъ намъ разныя фазы сердечной и душевной жизни изъ періода юношества и мужества поселянина.

Пѣсни любовныя и семейныя расположены по двумъ группамъ, относящимся къ жизни обоего пола: а) до вступленія въ супружество и б) къ жизни этихъ субъектовъ послѣ брака, въ состояніи супружества.

За бесѣдными пѣснями біографическій порядокъ размѣщенія пѣсенъ нѣсколько уклоняется въ сторону изображенія жизни обрядовой, выходящей изъ уровня обычнаго, повседневнаго, будничнаго ея теченія. Этотъ циклъ пѣсенъ, составляющій второй отдѣлъ настоящаго перваго тома и озаглавленный словами «*Пѣсни обрядовыя*», подраздѣляется на: а) пѣсни обрядовыя праздничныя, б) пѣсни обрядовыя свадебныя и в) обрядовыя погребальныя (причитанія). Пѣсни обрядовыя праздничныя расположены по календарю: сперва идутъ пѣсни святочныя, колядныя, за которыми слѣдуютъ масляничныя, весеннія, троицкія и духовскія, толочныя и жнивныя. Послѣдними заключается предлежащій выпускъ. Почти всѣ означенныя группы пѣсенъ обставлены относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и играми. Пѣсни же подраздѣловъ б) и в), изъ категоріи обрядовыхъ, т. е. свадебныя и погребальныя, войдутъ уже во второй выпускъ тома. Такимъ образомъ этими послѣдними группами пѣсенъ жизнеописательный порядокъ ихъ размѣщенія вполнѣ возстановляется и завершается круговоротъ жизни — отъ колыбели до могилы.

II томъ начинается пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія, солдатскія, казацкія, бур-

лацкія, извощичьи, воровскія, разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернечскія. За чисто-народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церковной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшой коллекціей пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ.

За этими пѣснями послѣдуетъ тотъ рядъ этнографическихъ данныхъ въ прозаической формѣ, который значится въ началѣ этого предисловія.

Въ концѣ каждаго тома будутъ приложены необходимые указатели, примѣчанія и дополненія.

Что же касается до состава настоящаго моего сборника, то въ него вошли во первыхъ: всѣ прежніе мои великорусскіе сборники, печатавшіеся въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1859, 1868, 1869, 1870 и 1877 гг., изъ которыхъ, какъ извѣстно, только самый большой былъ изданъ названнымъ Обществомъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Русскія народныя пѣсни, ч. I» — и уже давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Остальные же два сборника никогда не были изданы отдѣльно, вслѣдствіе чего труженики науки, особенно въ провинціи ихъ и не видали, а сборничекъ 1877 года сверхъ того долгое время оставался неизвѣстнымъ даже такимъ спеціалистамъ, какъ покойные профессора О. Ѳ. Миллеръ и Н. И. Костомаровъ, которые были не мало изумлены, когда въ началѣ 80-хъ годовъ они совершенно случайно отъ меня узнали о существованіи въ печати означеннаго сборничка, составлявшаго значительную долю II-ой части всего моего тогдашняго великорусскаго сборника. Къ этому нужно прибавить, что всѣ, только что названные пѣсенные мои матеріалы печатались въ «Чтеніяхъ» безъ моей корректуры и весьма небрежно, поэтому они обилуютъ крупными опечатками и погрѣшностями всякаго рода.

Во вторыхъ, въ составъ настоящаго моего труда вошли, кромѣ значительнаго количества пѣсенъ, записанныхъ мною вновь въ разныхъ мѣстностяхъ Великой Руси, цѣлыя значительныя коллекціи интересныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ и беззавѣтно предоставленныхъ въ полное мое распоряженіе почтенными и вполнѣ заслуживающими довѣрія лицами. Изъ числа такихъ обязательнѣйшихъ вкладчиковъ въ мой трудъ назову пока хоть нѣкоторыхъ: Н. А. Александрова (изъ Вятской губерніи), Н. А. Иваницкаго (изъ Вологодской губ.), Б. Б. Глинскаго и Л. Н. Майкова (изъ Новгородской губ.), А. А. Майкова (изъ Владимірской губ.), Д. Н. Садовникова и Г. Н. Потанина, автора повѣсти: «Старое старится, молодое растетъ» (изъ Самарскаго края), М. И. Семевскаго (изъ Псковской губ.), П. Ѳ. Соловьева (изъ Тульской губ.), А. И. Соколова, бывшаго директора Саратовской и Пермской гимназій (изъ Пермской губ.), Е. И. Томилина, дѣйствительнаго студента Московскаго университета (изъ Курской губ.), С. Н. Рачинскую (изъ Смоленской губ.), И. И. Манжуру (изъ Екатеринославской губ. [1]), С. Г. Рыбакова и А.

1) Записан. отъ пришлыхъ русскихъ крестьянъ-рабочихъ изъ Калужской губерніи.

П. Кузнецова (изъ Оренбургской губ.) и много другихъ, наконецъ этнографическія отдѣленія Императорскихъ Обществъ: Русскаго Географическаго и Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, съ большой готовностью удѣлившія мнѣ изъ своихъ архивовъ нѣкоторые интересные и весьма подходящіе къ моему дѣлу матеріалы. Всѣмъ сейчасъ названнымъ и неназваннымъ лицамъ и учрежденіямъ съ такимъ живѣйшимъ сочувствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ отозвавшимся на мое рискованное, трудное и крохоборное предпріятіе на пользу науки, считаю священнымъ своимъ долгомъ принести здѣсь мою глубокую, задушевную признательность. А о тѣхъ изъ нихъ, которые не дожили до появленія въ печати этого труда, я сохраню въ глубинѣ своей души самую живѣйшую благодарную память до конца жизни.

Въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, протекшихъ отъ появленія въ печати нѣкоторыхъ только частей моего великорусскаго собранія, оно, благодаря участію поименованныхъ лицъ и учрежденій, увеличилось до того, что въ настоящій моментъ, объемомъ одного только пѣсеннаго матеріала превосходитъ втрое всѣ прежніе мои печатные сборники вмѣстѣ взятые. Да кромѣ пѣсенъ это собраніе обогатилось еще новыми, не безъинтересными для науки данными, какъ изъ круга другихъ родовъ и видовъ творческой фантазіи народа, такъ и изъ области его бытовой, обрядовой и отчасти религіозной жизни.

При этомъ долженъ замѣтить, что изъ печатанныхъ матеріаловъ я для настоящаго изданія сборника воспользовался въ весьма немногихъ только случаяхъ, и то лишь въ ограниченномъ объемѣ, изъ малоизвѣстныхъ и забытыхъ изданій.

Изъ всего доселѣ изложеннаго, между прочимъ, уже довольно ясно, какъ мнѣ кажется, видно, чѣмъ настоящій мой сборникъ отличается отъ всѣхъ прочихъ однородныхъ съ нимъ и извѣстныхъ по сіе время въ нашей литературѣ. Здѣсь позволю себѣ обратить вниманіе читателей на одну изъ выдающихся его сторонъ: всѣ его предшественники предлагаютъ пѣсенный матеріалъ изъ одной какой-либо губерніи или еще болѣе ограниченной мѣстности и то лишь изъ нѣкоторыхъ отдѣловъ народнаго творчества, даже самый капитальный, самый объемистый и замѣчательнѣйшій изъ нихъ, многотомный великорусскій сборникъ профессора А. И. Соболевскаго оставилъ за бортомъ и, вѣроятно, не безъ основательныхъ соображеній почтеннаго издателя, пѣсни дѣтскія и обрядовыя, — между тѣмъ, какъ мой «Великоруссъ» предлагаетъ въ довольно, кажется, достаточномъ количествѣ образцы всѣхъ доселѣ извѣстныхъ родовъ и видовъ и изъ всѣхъ почти великорусскихъ губерній, записанные изъ устъ народа отчасти мною, а преимущественно мѣстными, вполнѣ заслуживающими довѣрія, любителями народности, въ теченіе почти сорока лѣтъ, начиная со времени только что пошатнувшагося крѣпостнаго права вплоть до нашихъ дней.

Указанной параллелью я никакъ не думаю умалить значеніе и важность областныхъ сборниковъ въ пользу своего. Напротивъ того, я вполнѣ понимаю и сознаю важность и цѣнность подобныхъ сборниковъ для изученія бытовой и духовной жизни сельскаго люда каждой области въ отдѣльности и отъ всего сердца желаю, чтобы такіе сборники являлись почаще и побольше изо всѣхъ областей территоріи, населенной великорусскимъ племе-

немъ. Но пока не предвидится въ близкомъ будущемъ осуществленія этого желанія, я счелъ своимъ долгомъ выставить на видъ и довести до свѣдѣнія, кому вѣдать надлежитъ, въ особенности труженикамъ народности въ провинціи, интересы которыхъ я никогда не упускалъ изъ виду во всѣхъ своихъ этнографическихъ трудахъ, что въ предлежащемъ сборникѣ, кромѣ варіантовъ пѣсенъ на одну и ту же тему изъ разныхъ отдаленныхъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга мѣстностей, заключаются цѣлые самостоятельные сборники изъ нѣсколькихъ великорусскихъ губерній, которые я получилъ въ свое распоряженіе отъ ихъ почтенныхъ составителей, помимо ихъ сочувствія къ моему предпріятію, преимущественно благодаря косности нашего книгоиздательства, ограниченнымъ средствамъ нашихъ ученыхъ обществъ и малому запросу въ нашемъ образованномъ обществѣ на подобные труды.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что я счелъ необходимымъ сказать въ преддверіи къ своему труду тѣмъ читателямъ, которые пожелаютъ поближе съ нимъ познакомиться и съ перваго же приступа знать, съ кѣмъ имъ предстоитъ знакомство. Къ этому долженъ присовокупить и то, что по причинѣ ограниченія срока для кредита суммъ, назначенныхъ Императорской Академіей Наукъ для этого изданія, я поставленъ былъ въ необходимость заниматься его редакціей подъ тяжкими ударами семейнаго горя, вслѣдствіе чего въ немъ, т. е. въ изданіи, оказались нѣкоторые пробѣлы, недосмотры и погрѣшности, и вообще оно является теперь передъ публикой далеко не въ томъ видѣ, не при той обстановкѣ, при которой я желалъ бы его видѣть въ печати. При всемъ томъ позволяю себѣ думать, что указанные недостатки настоящаго сборника касаются большею частію типографскихъ погрѣшностей, легко исправимыхъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ повести къ значительному ущербу его частной цѣнности для науки и для литературы вообще.

Если Господу Богу угодно будетъ продлить мнѣ еще немного вѣку, съ сохраненіемъ здоровья хоть въ томъ его состояніи, которымъ пользуюсь теперь, то постараюсь, по мѣрѣ своихъ силъ, представить на судъ публики краткій историческій обзоръ предлагаемаго труда, т. е. обзоръ всего того, какъ, когда, подъ какими вліяніями онъ зародился, что содѣйствовало и что препятствовало его возрастанію, какія передряги и мытарства мнѣ приходилось перетерпѣть на длинномъ и тернистомъ пути къ этому возрастанію, что однако меня такъ неудержимо толкало продолжать свои крохоборные сборы, и наконецъ, какія роковыя обстоятельства задерживали такъ долго подъ спудомъ этотъ достаточно созрѣвшій и желанный для пользованія спеціалистами трудъ. Если они, а за ними образованное русское общество, найдутъ въ этомъ трудѣ хоть часть того интереса, котораго они считаютъ себя въ правѣ отъ него ожидать, то я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ за все мною перетерпѣнное его ради во весь длинный періодъ моей собирательской дѣятельности. Тогда и я, вслѣдъ за нашимъ поэтомъ Раичемъ [1]), дерзну произнести его молитвенныя слова:

Благодарю тебя Всевышній!
И я на землѣ былъ не лишній.

С.-Петербургъ, 15-го декабря 1897 г.
Николаевская улица, д. 61.

Собиратель.

---

1) **Въ его поэмѣ «Арета».**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДѢТСКІЯ.

А. Колыбельныя и потѣшныя.

Б. Пѣсенныя прибаутки и приговоры и т. д.

Прибаутки и передразниванія.

Счетъ.

Дни недѣли.

Отправляясь по грибы.

В. Жеребьевыя пѣсенныя прибаутки предъ началомъ игры (securanье).

ХОРОВОДНЫЯ.

А. Хороводныя наборныя (приступъ къ хороводу).

Б. Хороводныя игровыя.

В. Хороводныя разборныя или разводныя.

ПЛЯСОВЫЯ.

Возгласы или припѣвы произносимые во время плясокъ плясуномъ или плясуньей.

БЕСѢДНЫЯ.

А. Любовныя.

Пѣсни загадки.

Пѣсни о неразрѣшимыхъ задачахъ.

Пѣсни объ отравлении.

Б. Семейныя.

[1]) По недосмотру — 2-й разъ.

В. Юмористическія, сатирическія, скоморошныя и пародіи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ — ПРАЗДНИЧНЫЯ: СВЯТОЧНЫЯ, МАСЛЯНИЧНЫЯ, ВЕСЕННІЯ, ВОЗНЕСЕНСКІЯ, СЕМИКОВЫЯ, ТРОИЦКІЯ, ТОЛОЧНЫЯ И ЖНИВНЫЯ.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

А. Праздничныя.

Святочныя.

Игрища.

Игра игуменъ.

Подблюдныя.

Игрища въ Вятской губернии, Котельническаго уѣзда.

Масляничныя (пѣсни и обряды).

Веснянки.

Пѣсни волочебниковъ.

Вознесенскія (пѣсни и обрядъ крещенія кукушки).

[1]) Вѣрнѣе: взойду.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

I. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ по побережью Бѣлаго Моря отъ г. Онеги до Кемскаго уѣзда (стр. 377—386).

—

Свадебные обряды города Пинеги (стр. 386—398).

Поѣздка. Плачи невѣсты къ роднымъ и сосѣдямъ.

(Плачи невѣсты).

Причитаніе невѣсты, когда ей подносятъ дары (отъ жениха).

Рукобитье.

—

Той же губ. Шенкурск. у.

(Когда расплетаютъ косу).

—

II. Вологодской губерніи.

Свадебныя причитанія и пѣсни.

(На дѣвичникъ, собравшимся съ жениховой стороны невѣста причитаетъ).

(Невѣста къ подружкамъ).

(Къ жениху).

(Послѣ запорученія невѣста причитаетъ):

(Причетъ невѣсты передъ пріѣздомъ поѣзжанъ):

(Передъ поѣздомъ къ вѣнцу):

[1]) № 1486 пропускается, какъ не сюда относящій. Онъ попалъ въ свадебные причеты по недосмотру.

III. Вятской губерніи.

Крестьянская свадьба въ Елабужскомъ уѣздѣ. (стр. 459—469).

[1]) Эти двѣ пѣсни, хотя и не свадебныя, но парни и бабы поютъ ихъ и еще другія подобныя для подавленія въ себѣ грусти, наводимой на нихъ пѣснями дѣвушекъ.

VI. Новгородской губерніи.

XI. Орловской губерніи, Малоархангельск. у.

(На дѣвичникѣ):

Той же губ., Орловск. у.

XII. Курской губерніи, Тимск. у.

Той же губ., Рыльск. у.

XIII. Тверской губерніи, Калязинск. у.

XX. Саратовской губерніи.

Свадебные обряды, Сердобск. у.

(На пропоѣ):

(Послѣ запоя):

(Наканунѣ дѣвичника):

(На дѣвичникѣ):

(Въ день свадьбы):

(На другой день свадьбы, когда подымаютъ молодыхъ, свахи поютъ):

XXI. Оренбургской губерніи и у.

(На помолвкѣ невѣста):

(Дѣвушки поютъ):

(На другой день свадьбы, когда на молодую надѣваютъ повойникъ):

(Пѣсни, распѣваемыя въ теченіе свадебныхъ обрядностей):

(Пѣсни величальныя (на сговорѣ и другія).

(Тысяцкому):

(Дружкѣ и подружкѣ):

(Свахѣ со стороны жениха):

—

XXII. Иркутской губерніи.

Станица Шерагольская.

—

Той же губ. Свадебн. пѣсни.

Обряды погребальные и поминальные.

Указатель мѣстности, откуда доставлены пѣсни и причеты.

(Цифры означаютъ №№ пѣсень).

Екатеринославской губерніи.

Александровск. у. 550, 586, 611 [1]), 701, 714, 756, 757, 762, 783, 791, 792, 831, 845, 847. Павлоградск. у. 685, 688.

Иркутск. губ. Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское: 383, 396, 428, 458, 559, 576, 627, 625, 777, 784, 807, 865, 2453—2501.

Калужской губерніи.

Боровск. у.—212, 213. Жиздринск. у. 359, 418, 462, 471. Калужск. у., с. Ахлебинино: 1956. Малоярославск. у. — с. Костино: 386, 399, 536, 567, 858, 1953, 1954—1969. Мщовск. у., с. Воскресенское: 534, 566, 743, 752, 798. Тарус. у., с. Маковицы: 2530.

Костромской губерніи.

Ветлужск. у., с. Рождественское: 371, 375, 765, 785, 817, 823, 826. Галицк. у. 808. Солигалицк. у. 271, 276, 452, 479. Юрьевецк. у., Посадъ Пучежъ: 89.

Курской губерніи.

Бѣлгородск. у.: 142. Дмитріевск. у.: 832. Старооскольск. у. 15, 65, 66, 122, 211, 225, 226, 617. Тимск. у. 26, 28, 79, 80, 99, 105, 112, 120, 132, 205, 224, 226, 243, 259, 267, 277, 593, 608, 612, 613, 616, 647, 676, 718, 750, 2072. Дер. Березенько: 2072—2078. Дер. Верхополье. 2079—2085. С. Мандрово. 2086. С. Княжая. 2087, 2088. Рыльск. у. 2088—2126. Щигровск. у. 272, 279, 283. Фатежск. у. 453.

Московской губерніи.

Дмитровск. у. 1039. Коломна: 575, 709, 880, 896 [2]). Москва: 3, 5, 12, 42, 43, 45, 53, 54, 86, 91, 110, 124, 127, 139, 157, 162, 181, 812, 877, 885, 946, 958, 965, 971, 975, 979, 980, 982, 983, 1084, 1086, 1094, 1095, 1103. Можайск. у. 395, 417. Серпуховск. у. 241, 251, 254, 255, 260, 1245 (с. Бѣгичево).

Нижегородской губерніи.

Ардат. у. 2527 (безъ указанія у. и в. д.) 848, 904. Лукоянск. у., с. Старорождественно: 2314—2319. Макарьевск. у.: 2270—2305. С. Богородское: 2320—2339. С. Воскресенское: 2340—2357. Сергаческ. у., с. Пересѣкино: 2308—2313.

Новгородской губерніи.

Бѣлозерск. у., д. Буброва: 849, 1668—1671. С. Антушево: 1663—1667. (Друг. в.): 1672—1704. Дер. Гришкина: 2502—2503. Валдайск. у., с. Гоголево: 11, 23, 26, 88, 90, 106, 113, 150, 169, 215, 216, 228, 408, 442, 463, 540, 541, 544, 637, 708, 721, 723, 728, 802, 809, 855, 1705—1742, 2517—2518, 2521. Демьянск. у. 422, 551, 618. Чуженеск. в. 2509—2511. Кирил. у. 518, 563, 589, 840, 2525, 2526. Крестецк. у., с. Ватагино: 349, 378, 394, 1645—1662. Старая Русса: 104. Устюжск. у. 445, 603, 604.

Одесса: 272, 282.

Олонецкой губерніи.

Пудожск. у. 1628—1644. Петрозаводск. у. 2504—2506, 2519, 2520, 2522, 2524, 2528, 2535.

Оренбургской губерніи.

Верхнеуральск. у. 707, 796. Илецкая защита: 370, 382, 388, 398, 401, 582, 820. Троицк. у. 909, 995. Оренбургск. у. 1023, 1043—1047, 2399—2453.

Орловской губерніи.

Болховск. у.: 1164. Дмитровск. у., с. Глоднево: 419, 534, 1166. Елецк. у. 351, 976, 2035—2042. Малоярославск. у. 454. С. Каменка: 2006—2034. Мценск. у. 967, 1028. Орловск. у. 535, 2043—2071. Сѣвск. у., с. Доброводье: 1049, 1076, 1165, 1166, 1246, 1253. Трубчевск. у. 1183, 1090.

Пермской губерніи.

(Безъ означенія уѣзда и т. п.) 27, 32, 391, 403, 415, 455, 486, 841, 903, 876, 1054, 1059, 1068. Камышлск. у. 868, 876. Красноуфимск. у.: 1205—1234.

Псковской губерніи.

Великолуцк. у., с. Ѳедорцево: 347, 367, 450, 529, 553, 601, 639, 644, 702, 703, 716, 760, 763, 786, 806, 810, 816, 839, 842, 1821—1833. Опочковск. у. 384, 524, 689, 814, 838, 868, 881, 1016, 2514. Островск. у. 441, 477,

[1]) Ошибочно значится: Харьковск. у.

[2]) Ошибочно напечатано 986.

---

[1]) Ошибочно напечатано 1284.

ОПЕЧАТКИ, ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ.

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	2	4 снизу	Пастухъ	Пѣтухъ.
9	1	2 снизу	Коклюшка	коклюшка
28	1	подъ № 135	Всѣ 3	Обѣ
31	2	10 сверху	скачекъ	скачетъ
32	2	13 сверху	Овцу яливицу	Овцу яловицу
40	1	20 сверху	Ваня Гоголь	Ваня гоголь.
79	1	18—19 сверху	Мы коней выпустимъ, выпустимъ. На что же выпустите выпустите?	А мы коней выкупимъ, выкупимъ. А чѣмъ же вамъ выкупить выкупить?
94	1	13 снизу	Въ короводѣ	Въ короводъ.
106	2	13 сверху	срасною	красною
107	1	15 сверху	Салигалич. у.	Солигалич. у.
112	1	14 снизу	Княжескій	Клязескій
125	1	3 сверху	биляйко	виляйко
133	2	21 сверху	колышку	колышки
134	1	3 снизу	за зазоръ	за заборъ.
135	2	23 сверху	А курицѣ	А курица
136	2	11 сверху	Само поводу	Сама по ѳоду
141	2	6 сверху	Пѣтухи топоютъ	Пѣтухи-то поютъ
—	1	11 снизу	Съ трехъ	Изъ трехъ
160	1	19 сверху	Харьковск. губ.	Екатеринославск. губ.
162	2	22 сверху	пе корастны	не корыстны
172	1	16 снизу	Николи меня хмели разыгрывали	Николи меня хмелина не разыгрывала
184	2	17 снизу	извольте-ка вы кушать	извольте-ка выкушать.
195	1	18 сверху	Обѣ зап. мною	Зап. мною.
—	2	17 снизу	Той же губ.	Тульск. губ.
197	1	9 сверху	Не совсею	И со всею
—	1	19 сверху	А съ жиру а твово	А съ жиру да твово
199	1	6 сверху	Не соколъ ронитъ	Не соколъ ронитъ

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
200	2	14 снизу	Миткоевая рубашка	Миткалевая рубашка
—	2	15 снизу	уладная коса	укладная коса.
206	1	12 снизу	Кричало махала мой: мой милой остановись	Кричала, махала: мой милый остановись!
207	2	7 снизу	за грими	за греми
209	2	2 снизу	отвязалася	отвязалося
211	1	23 снизу	На огонь	Не огонь
213	2	19 снизу	ведетъ	ведутъ
217	1	16 снизу	всякъ поклониться	всякъ поклонится
—	1	17 снизу	всякъ помолиться	всякъ помолится
224	2	1 сверху	Бѣльск. у.	Бѣлевск. у.
225	1	7 снизу	Я горя-бѣдна	Я горе-бѣдна
227	2	6 сверху	Певѣстушекъ	Невѣстушекъ
229	2	2 сверху	Кричитъ, вапитъ	кричитъ, вопитъ
231	2	17 снизу	навялится	навалится
243	2	. . . .	вм. 986	896.
254	1	13 сверху	Ровно двадцать внучатъ	Ровно двадцать внучатъ:
257	1	15 снизу	Наклапа	Наклала
259	2	15 сверху	Па печи	На печи
264	1	24 сверху	На новое	На новóѣ
271	1	25 сверху	оты малка	отымалка
290	2	18 снизу	никто не знаетъ	Никто не знаетъ, Никто не спознаетъ
290	2	17—16	Спозналъ совушку, Спозналъ вдовушку	Спознали совушку, Спознали вдовушку
—	2	14 снизу	сталъ сову щипать	Стали сову щипать
292	1	7 сверху	сметанку воѣдати	сметанку поѣдати
295	2	12 снизу	Прохмѣля	Про хмеля
296	2	20 сверху	прохорчилася	прохарчилася
299	2	10 сверху	бережечко	беремечко
—	2	14 сверху	комариво	комарово
310	1	11 сверху	Ой свѣтки	Ой, святки́
312	1	12 снизу	Распрекрасную королеву	Распрекрасную королевну.
—	2	24 снизу	По твое поряженное	По твое по ряженное
313	2	3 снизу	Ёнъ покоргоду	Енъ по корогоду
314	2	10 снизу	Вотъ мнѣ шапки	Вотъ мнѣ шапка
319	2	19 снизу	по келійку хожу	по келійкѣ хожу
135	1	13 сверху	Усырые уборы	Ў сырые ў боры
321	2	5 снизу	Всѣ 13	Всѣ 16
354	1	2 снизу	такой боснинькой	такой басинькой
366	1	5 сверху	заросла полыпомъ	заросла полыномъ
—	1	7 сверху	съ цвками	съ цѣвками
384	2	14 снизу	буной головы	буйной
397	2	5 снизу	по лотенца	полотенца
419	2	7 сверху	не вымольятъ	невылмовятъ
459	2	13 сверху	опа	она
—	2	23 сверху	опи	они
467	2	19 снизу	пе чернилы	на чернилы
471	1	13 сверху	пачинаютъ	начинаютъ
483	2	5 сверху	помолись Богу,	помолившись Богу,
—	2	18 сверху	зловомъ	словомъ
487	1	5 сверху	Такъ поспѣй ты кресна матушка.	Такъ поспѣй ты кресна матушка,

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
501	2	27 сверху	сенныя ставухи	сѣнныя ставухи
535	2	1 снизу	Шашкинымъ	Шашинымъ
539	1	6 сверху	матушки	матушка
555	2	17 снизу	разгораються	разгараются
693	2	6 снизу	отъ нынѣ	отнынѣ
706	1	21 сверху	свылося	свыклося
719	2	16 снизу	на лилую	на милую
747	1	17 сверху	за столо	за столы
753	2	21 сверху	см. выше.	см. дальше.

ПѢСНИ ДѢТСКІЯ.

А. Колыбельныя и потѣшныя. Первыми убаюкиваютъ дѣтей младенцевъ, укладывая ихъ спать, а послѣдними ихъ потѣшаютъ, забавляютъ во время ихъ бодрствованія, — когда онѣ гу́лятъ[1]).

1.

Тверской губерніи.

Богъ тебя далъ
Христосъ даровалъ,

—

Пресвятая Похвала [2])
Въ окошечко подала,

—

Въ окошечко подала,
Иваномъ назвала:

—

Нате тко
Да примите-тко!

—

Ужъ вы нянюшки,
Ужъ вы мамушки!

—

Водитеся,
Не лѣнитеся.

—

Старыя старушки,
Укачивайте!

—

Красныя дѣвицы
Убаюкивайте!

—

Спи-се съ Богомъ,
Со Христомъ

—

Спи со Христомъ,
Со ангеломъ!

—

Спи, дитя, до утра,
До утра, до солнышка

—

Будетъ пора,
Мы разбудемъ тебя.

—

Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по избѣ,

—

Сонъ-то говоритъ:
«Я спать хочу,

—

«Дремота говоритъ:
«Я дремати хочу!»

—

По полу, по лавочкамъ
Похаживаютъ,

—

Ванюшкѣ въ зыбочкѣ [3])
Заглядываютъ,

—

[1]) Агу́каютъ, нѣжатся, улыбаются: Дитя гу́литъ. Слов. Даля.
[2]) Т. е. Божія Матерь.

[3]) Зыбка, зыбочка (отъ глаг. зыбать, — колыхать) — колыбелка, колыска, люлька. Ш.

Заглядываютъ —
Спать укладываютъ.

Сообщ. А. Н. Аѳанасьевъ.

2.

Рязанской губернiи, Данк. у., с. Муравьевка.

Баюшки баю!
Сохрани тебя
И помилуй тебя
Ангелъ твой, —
Сохранитель твой.
Отъ всякаго глазу,
Отъ всякаго благу,
Отъ всѣхъ скорбей,
Отъ всѣхъ напасте́й:
Отъ лому ломища,
Отъ крови кровища,
Отъ зло-человѣка, —
Супостателя.

3.

Въ Москвѣ.

Баюшки баю, баю:
Живетъ баринъ на краю.
Онъ ни скуденъ, ни богатъ,
Много у него ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Кашу масляну ѣдятъ.
Каша масляная
Ложки крашеныя.
Ложка гнется,
Сердце бьется,
Душа радуется.

Обѣ зап. мною.

4.

Смоленской губернiи, Духовщинск. у.

Баю, баюшки баю!
Живетъ мужикъ на краю:
Онъ не бѣденъ, не богатъ, —
Много у него ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Всѣ соломку ѣдятъ.

Зап. Ю. А. Соловцовой.

5.

Въ Москвѣ.

Баю, баю, за зы́бою,
Отецъ пошелъ за рыбою,
А матушка дрова рубить,
А бабушка уху варить.
Спи, спи, дитя милое!
Укачаю я тебя,
Убаюкаю.

Зап. мною.

6.

Въ Тулѣ.

Гуркота, гуркота!
А Митенькѣ дремота.
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ мому Митенькѣ зашла,
Подъ головушку спать легла.
Баюшки баю,
Баю дѣточку мою!
Прилетѣли гулюшки,
Садились на люлюшку,
Они стали гуркивать,
Стали Митиньку качать,
Прибаюкивати:
Спи, Митинька, засни,
Угомонъ тебя возьми.
Лучше выспишься —
Не закуражишься,
Пойдешь въ садъ —
Разгуляешься,
Да и съ нянюшками,
Да и съ мамушками.
Будешь въ золотѣ ходить
Много се́ребра носить.
Баю, баюшки баю,
Баю ди́точку мою!
У котика у кота
Была мачиха лиха:
Она била кота
Поперекъ живота.
А котъ съ горюшки,
Котъ съ кручинушки, —
Котъ на печку пошелъ:
Горшокъ каши нашелъ.
На печи калачи,
Какъ огонь горячи.
Пряники пекутся,
Коту въ лапки не даются.

Зап. учен. уѣздн. училища.

7.

Сонъ ходитъ по сѣнямъ
Дрема́ по новымъ.
Сонъ у дремы все выспрашиваетъ:

Гдѣ найти намъ люлечку
Ва́нюшкину?
Гдѣ найдемъ,
Тутъ и спать укладемъ.
Нянюшки и мамушки
Качайте дитя!
Сѣнныя дѣвушки,
Люлюкайте!
«Спи, мое дитя,
Да спи милое!
Выростешь великъ, —
Будешь въ золотѣ ходить, 2
Чисто серебро носить,
Нянюшкамъ мамашкамъ
Пригоршни жемчугу дарить,
Сѣннымъ-то дѣвушкамъ
Болѣе того.

Изъ «Воспоминаній» Е. А. Авдѣевой, Отеч. Зап., Кн. 4, смѣсь, стр. 243—246.

8.

Въ Твери.

Сонъ да дрема
По новымъ сѣнямъ брела
Да и къ Машѣ забрела:
«Гдѣ Машины колыбель?»
— На высокомъ теремѣ,
Въ шитымъ бранымъ по́логѣ:
Кольцы-пробойцы серебряныя.
Ты выростешь большая
Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить,
Мамушкамъ, нянюшкамъ
Обносочки дарить,
Краснымъ дѣвушкамъ
По ленточкѣ
Молодымъ молодушкамъ
По *сборничкамъ* [1]),
А старымъ старухамъ
По повойничкамъ.

Зап. мною въ 1859 г. отъ няни крестьянки, д. Рѣдкины, Тверск. у.

9.

Псковской губерніи, Порховск. у.

Глупый сонъ, сонъ
Неразумная дрема!

—

Баю, баю! неразумная дрема.

[1]) Женскій головной уборъ, родъ кокошника.

Мимо ты ходишь,
Колыбели не находишь.

—

Вотъ тутъ колыбель
Во высокомъ терему,

—

Виситъ колыбель
На высокомъ на крюку;

—

Крюкъ золотой,
Ремни бархатные

—

Колечки витыя,
Крюки золотые

—

Мамушки, нянюшки
Качайте дитя!

—

Сѣнны красны дѣвки
Прилюлюкивайте!

—

«Выросту большая
Буду въ золотѣ ходить,

—

Буду въ золотѣ ходить,
Парчеву шубу носить,

—

Мамушкамъ, нянюшкамъ
Обносочки дарить,

—

Старымъ старушкамъ
По повойничку,

—

Молодымъ молодкамъ
По кокошничку».

—

Сѣннымъ дѣвушкамъ
По ленточкѣ.

—

Золото монисто, —
То маменькѣ,

—

Соболи, куницы, —
То папенькѣ;

—

Сонъ да дрема, —
Да то Машенькѣ.

—

(Если больное дитя).
Шолуди короста,
То папенькѣ,

—

Доброе здоровьеце,
То Машенькѣ.

—

Спи въ камкѣ,
А рости въ парчи.

Зап. М. И. Семевскимъ.

10.

Тверской губерніи, Корчевск. у.

Бай, бай, качи!
На улицѣ калачи
За улочкомъ—прянички.
Качь, качь, качь!
Привезетъ отецъ калачъ,
Матери сайку,
Дочери китайку.
Стану я качать,
Въ балалаечку играть.
Баю, баю, баю,
Баю дитятку мою.
Качу, качу, качу,
За волосы схвачу,
Хомяковъ [1]) надаю.

11.

Новогородской губерніи, Валд. у., с. Гоголево.

Люли, люли, мою милую!
Люли, люли, мою хорошую!
Люли, люли, мою пригожую!
Баю, баю, покачаю
Дитю миленькую,
Дитю крошечную!
Я пойду во торги
И куплю пояски, —
Всѣ шелковенькіе.
Къ люлькѣ прицѣпите,
Аннушку усыпите.
Баю, баю, укачаю.
Сонъ да дрема
По новымъ сѣнямъ брела, 2
Аннушку искала.
«Ино гдѣ мнѣ ее найдтить —
«Тутъ и спать уложить,
Спать уложить, дитю усыпить.
Баю, баю, баю!

Отъ бывшей дворовой.

12.

Въ Москвѣ.

Люли, люли, люлиньки!
Прилетѣли гулиньки
На Володину люленьку;
Стали Володю утѣшать
Спать укладывать.
Изъ за кусточку, изъ за ельничку
Бѣжитъ сѣренькій волчокъ,
Беретъ Володю за бочокъ
И несетъ на краёкъ.
А на томъ-то на крайку
Живетъ бѣдный мужичокъ,
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ, —
Только семеро ребятъ:
Всѣ на солнышкѣ лежатъ,
Приговаривать велятъ.

13.

Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Мураевна.

Летѣли голубцы
Сѣли на воротцы.
Воротцы — скрыпъ, скрыпъ!
Леленька — спитъ, спитъ.
Тутъ калачики съ медкомъ,
Тутъ кашка съ молочкомъ.
Хочуть пивушку варить,
Хочуть Лешиньку женить,
Хочуть Василису ему брати.
Василиса идеть,
Черну курицу несеть.
Черна курица ряба
На заваленкѣ спала.
Прилетѣла сова,
Серьги вывернула,
Перья выщипала.

Всѣ 4 зап. мною.

14.

Самарской губерніи.

Летѣла ворона,
Сѣла на ворота, —
Стукъ, стукъ! въ вереё:
«Мнѣ хозяйку самоё!»
— Глянула золовка,
Злая колотовка:
«Что тебѣ надо?»
— Дома ли куница,
— Красная дѣвица?
«Ушла на рѣкушу
«Соболей смотрѣти».
— Наши соболи богаты,
— Что свиньи рогаты.
— Пастухъ топотунъ,
— Селезень кряхтунъ.
«Не кряхти, селезень,
«Не томи Божій день!

[1]) Вм. тумаковъ (толчковъ).

«Убью шестомъ,
«Убью пестомъ,
«Сковородникомъ!» *)

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

15.

Курской губерніи, Старооскольск. у.

Литѣли соколы
Уронили сапоги.
«А ты, дѣвка, подыми,
«А ты, красна, подыми!»
— Я къ обѣдни спишу,
— Я головушку чишу.
«А ты, дѣвка, ни спишишь,
«Подай мои пирошки, —
«Съ лучкомъ, съ мачкомъ,
«Съ козинымъ бобочкомъ.

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

16.

Вятской губерніи.

Спи, усни, —
Бай, бай, бай!
Угомонъ тебя возьми.
Сонъ да дрема
У тя въ сердцахъ,
Кунья та шуба
У тя на ногахъ,
Соболина — та шапка
У тя въ головахъ.
Спи, посыпай
На повозъ поспѣвай:
Доски готовы,
Кони спряжены.
Спи посыпай,
Боронить поспѣвай.
Мы тѣ шапочку купимъ,
Зипунъ сошьемъ;
Зипунъ сошьемъ,
Боронить сошлемъ
Въ чистыя поля,
Въ зелены луга.

Сообщ. Н. А. Александровымъ.

17.

Пошелъ котикъ во лѣсокъ, —
Нашелъ котикъ поясокъ
Чѣмъ люлечку подцѣпить,
Да Ванюшку положить.
Ваня будетъ спать,
Котикъ Ваню качать.
А котикъ его качать
Да, сѣренькій, величать.
«Сонъ да дрема
«Усыпи мое дитя!
Пошелъ котокъ во торжокъ,
Купилъ себѣ пирожокъ.
Идетъ котикъ на лавочкѣ
Ведетъ киску за лапочку.
Ходятъ вмѣстѣ они —
А ты, маленькій, усни!

Изъ «Воспоминаній» Е. А. Авдѣевой. Отеч. зап. 1849 г., кн. 4, смѣсь, стр. 243—246.

18.

Въ Тулѣ.

А баю, баю, баю!
Ходитъ кошка по краю.
Она лыка деретъ,
Она лапти плететъ,
А коту-то не даетъ.
Ему сына женить
Да и дочь отдавать.

19.

Баю, баюшки баю,
Баю диточку мою:
У котика кота
Была мачиха лиха.
Она била кота
Поперекъ живота.
А котъ съ горюшки,
Котъ съ кручинушки,
Котъ на печку пошелъ,
Горшокъ каши нашелъ.
На печи калачи
Какъ огонь горячи.
Пряники пекутся, —
Коту въ лапки не даются.

Обѣ зап. учен. уѣздн. училища.

20.

Тамъ-же.

Котинька котокъ,
Котя, сѣренькій хвостокъ!
Приди котикъ ночевать,
Мово Лешиньку качать,
Прибаюкивати.
Я тебѣ, коту
За работу заплачу:
Бѣленькій платочекъ
На шею навяжу,

А другой голубой
Въ ручки подарю.
А еще тебѣ, коту,
За работу заплачу:
Въ Великій постъ, —
Рѣдьки хвостъ
Склянку вина
И конецъ пирога.

21.

Тамъ-же.

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій.
Онъ по улицѣ ходилъ,
Ночевать къ намъ приходилъ,
Лешиньку попросилъ:
«Пусти меня почевать
Я стану всю ночь качать.
Ужъ я тебѣ коту
За работу заплачу:
Лапки вызолочу,
Хвостикъ высеребрю,
И дамъ тебѣ *папы* [1])
Въ обѣ лапы.
Ты ѣшь, котикъ, не кроши,
Еще папы не проси.
У котика кота
Короватка хороша,
А у Лешиньки мово
  Есть получше ево;
У котинка у кота
  Перинка хороша,
У Лешиньки мово
  Есть получше ево;
У котинка у кота
  Изголовье высоко,
У Лешиньки мово
  Еще выше ево;
У котика у кота
  Одѣяльце хорошо,
У Лешиньки мово
  Есть получше тово;
На котика на кота
  Приходила слѣпота,
А на Лешиньку мово
  Приходи, сонъ, дремота!
Спи, мой Лешинька, усни,
  Угомонъ тебя возьми!
Выростешь большой
  Будешь въ золотѣ ходить
Нянюшекъ и мамушекъ
  Златомъ, серебромъ дарить.

[1]) Т. е. хлѣбъ. Слово это изъ такъ называемаго дѣтскаго языка. Ш.

22.

Тамъ-же.

Ай ты котинька котокъ,
Кудреватенькій лобокъ!
Ай повадился котокъ
По боярскій творогъ.
Хотятъ котика изловить,
Ему ножки переломить.

23.

Новогородской губерніи, Валд. у., д. Гоголева.

Ай люлиньки люли,
Ай котиньки коты,
Вы сѣрые хвосты!
Придите котиньки ночевать,
Придите дитю милую качать.
Ахъ ты, котинька котокъ,
Котя сѣренькій хвостокъ!
Повадился котокъ
Къ барынѣ на краекъ,
По сметанѣ, по творогъ.
Какъ увидали кота
Два лакея изъ окна:
Они хлопнули окномъ,
Побѣжали за котомъ.
Насугнали кота
Посреди бѣлаго двора.
Ухватили кота
Поперегъ живота:
«Вотъ тебѣ котинька котокъ,
«И сметана и пирогъ,
«И прѣсное молочко!»

Всѣ 4 зап. мною.

24.

Самарской губерніи.

Котикъ котокъ,
Кудреватый лобокъ!
Сидитъ котъ у воротъ,
Къ себѣ милую ждетъ:
Кошечка въ окошечкѣ,
Кошурки въ печуркѣ,
Котятки въ подлавкѣ.
«А кто у васъ большой?
«А кто у васъ меньшій?»
— Мы всѣ подростемъ,
— За мышами пойдемъ;
— Одинъ дѣдушка котъ
— Будетъ дома сидѣть,
— Да на печкѣ лежать,
— Насъ съ добромъ поджидать.

25.

Тамъ-же.

А барашеньки
Крутороженьки
По горамъ ходятъ,
Въ дудочку играютъ, —
Васю потѣшаютъ.
А сороки-бѣлобоки
Стали примѣчати,
А совища ихъ лѣсища
Глазами-то: хлопъ, хлопъ!
А козлище изъ хлѣвища —
Ногами-то: топъ, топъ!

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

26.

а) Новогородской губерніи, Валд. у., д. Гоголева.

«Птюшечка полевая!
«Гдѣжъ ты, птюшечка,
«Въ полѣ ночевала?
— Въ чистомъ полѣ на болотѣ.
Ѣхали съ кумарочкомъ,
Высѣкли по пруточку,
Сдѣлали по гудочку.
«Ужъ вы, гудки, не гудите,
«Моего батьку не будите!
«Мой батя старенекъ,
«Моя мать матеренекъ (?),
«Всѣ братья по службамъ,
«А сестры по замужьямъ, —
«Большого брата убили.»
— Гдѣ-жъ его схоронили?
«Противъ Спаса Власа,
«Противъ Николки на горкѣ.»
— Ктожъ объ ёмъ поплакалъ?
«Двѣ свиньи горбаты,
«Два волка хохлаты,
«Третья — Марья Казачковна.
«Она по рынку ходила,
«На деньгу шелку купила,
«Дорогой уронила.»
— Ктожъ его поднялъ?
«Кошка горбата
«Кота горюна Копоуловича.
— Что ты котъ не мелешь?
«Завтра мои имянины,
«Бабьи сорочины».

Зап. мною въ 1868 г. отъ 74 лѣтн. старухи бывшей дворовой.

27.

б) Пермской губерніи.

(При убаюкиваньѣ).

«Тень, тень, тень, Коклюшка!
«Дома ли братъ Андрюшка?
— Брата Андрея убили,
— Подъ колоколъ схоронили,
— Камешкомъ приложили,
— Крышечкой придавили,
— Шаняшкой [1]) помянули.
«Кто, кто поплачетъ?
«Кто, кто помянетъ?
— Два волка хохлатыхъ,
— Два старика горбатыхъ,
— Да двѣ старухи копалухи.

Зап. г. Михайловъ (напечат. въ журн. «Учитель» за 1862 г., № 17).

28.

Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандрово.

А бай, бай, бай!
А лю, люлю, лю, лю!
А спи, спи, спи, Вóличка,
А спи, спи, спи, дѣточка!
Да прилетѣли гули,
А сѣли на люли;
Стали думать и гадать,
Чѣмъ Воличку пропитать:
Чи пряничкомъ, чи мядкомъ,
Чи рожóчакъ съ молочкомъ?
А бай и т. д.
Пошелъ котикъ у лясóкъ,
Нашелъ котикъ поясокъ,
Чѣмъ Воличку качать.
Пришелъ котикъ изъ ляскá,
Сталъ и Воличку качать.
А бай и т. д.
Сталъ и Воличку качать,
А Воличка будетъ спать.
А спи, спи, спи, Воличка!

Зап. дѣйств. студент. филолог. факультета Моск. университ. Ег. Е. Томилинымъ.

29.

Смоленской губ., Духовщинск. у.

А качи, качú, качú
Прилетѣли къ намъ грачи.
Они сѣли на ворота.
Ворота-то: скрыпъ, скрыпъ!
А Колинька спитъ, спитъ.

Зап. Ю. А. Соловцевой.

30.

Тверь.

Ай люлú, ай люлú!
Кабы щей налили,

[1]) Шаньга, шаняшка — видъ ватрушки, сочня или простой лепешки. Слов. Даля.

Мы бы выхлебали,
Кабы кашки комокъ,
Я бы въ чашкѣ растолокъ.

Зап. мною.

31.

а) Рязанской губерніи, Зарайск. у., с. Жолчино.

Бай, бай, да люли!
Хоть сегодня умри [1]).
Завтра морозъ,
Снесутъ на погостъ [2]).
Мы поплачемъ, повоемъ, —
Въ могилу зароемъ.

Зап. И. А. Худяковъ.

32.

Пермской губ.

Баю, баю, да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины, —
То поминки твои.
Сдѣлаемъ гробокъ
Изъ семидесяти досокъ,
Выкопаемъ могилку
На плѣшивой горѣ,
На плѣшивой горѣ,
На господской сторонѣ.
Въ лѣсъ по ягоды пойдемъ,
Къ тебѣ, дитятко, зайдемъ.

Зап. 15-го октября 1862 г., г. Михайловымъ. Сообщ. Г. Паульсонъ.

33.

Тульской губерніи.

Когда проснувшійся младенецъ протягивается, то его гладятъ по животику, приговаривая:

а) Потягунушки, потягунушки!
Поперегъ толстунушки,
А въ ножки ходунушки,
А въ ручки фатунушки,
А въ ротокъ говорокъ,
А въ головку разумокъ.

34.

Тамъ-же.

б) Потягушошки,
Дитя ростушошки,
Ножки ходушошки,
Ручки гребушошки.

или:

35.

в) На кота потягушки,
На дитя поростушки.

Зап. мною.

36.

Когда дитя послѣ купанья окачиваютъ водою, приговариваютъ:

а) Вода текучая,
Дитя растучее.
Съ гуся вода,
Съ тебя худоба!
Вода къ низу,
А дитя къ верху!

37.

Новгородской губерніи, Валд. у.

Съ гоголя вода,
Съ тебя худоба!
Спи, *дягни* [3]), —
Христосъ съ тобой!

38.

Во многихъ мѣстахъ мать, няни и мамки цѣлуя, милуя дитя, приговариваютъ:

Ахъ ты дѣточка,
Золотая квѣточка! [4])
Виноградная вѣточка,
Сладкая конфеточка!

39.

Тай, тай, тай!
Гостиночку дай.
— Я бы рада дала, —
На базарѣ не была.

Всѣ 4 зап. мною.

---

[1]) По варіанту изъ Тверск. губ., сообщ. И. И. Петропавловскимъ, тутъ вставляется слѣдующіе два стиха:
Сколочу тебѣ гробокъ
Изъ дубовыхъ досокъ.

[2]) А тутъ по этому же варіанту слѣдуютъ:
Бабушка старушка!
Отрѣжь полотенце,
Накрыть младенца.

[3]) Дяглить, дягнуть — рости, плотнѣть, здоровѣть, крѣпчать. Сл. Даля.

[4]) Отъ сл. квѣтка, квѣтъ, т. е. цвѣтъ. Ш.

40.

Ребенокъ сидитъ на колѣняхъ у матери или у няни, которая беретъ его ручки и, расправляя ихъ горизонтально, приговариваетъ слѣдующіе стихи:

Батюшкѣ — сажень!
Матушкѣ — сажень!
Братцу — сажень!
Сестрицѣ — сажень!
А мнѣ — долга́, долга́, долга́!

При каждомъ стихѣ ручки ребенка складываются и снова расправляются, а при послѣднихъ словахъ еще болѣе. Ребенокъ при этомъ обыкновенно смѣется отъ удовольствія и начинаетъ самъ дѣлать рученками сажени.

41.

Мать или няня сажаетъ ребенка къ себѣ на колѣни и, держа его за ручки, покачиваетъ то въ сторону къ себѣ, то отъ себя, приговаривая:

То́ню тя́ну,
Рыбу ло̀влю,
Въ ко́шель кладу,
Домой не́су:
Щу́рки въ ку́чки,
Плоти́чки въ поли́чки.
Одинъ ершокъ —
Дай тотъ въ горшокъ.
Щей наварю,
Николая накормлю,
Спать положу.
Спите-тко, ребята,
Не чухкайте.

Обѣ сообщ. I. Ив. Паульсономъ.

42.

Въ Москвѣ.

«Ладушки, ладушки!
«Гдѣ были?» — У бабушки.
«Что ѣли?» — Кашку.
«Что пили? — Бражку. [1])
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.
Попили, поѣли, —
Шу-у-у — полетѣли,
На головушку сѣли.

Зап. мною.

[1]) Отсюда по вар. изъ Самарск. губ. сообщ. Потанинымъ, продолжается такъ:
Кого били? — Машку.
За что про что?
— Не ѣшь нашу кашку
Не пей нашу бражку.
(Конецъ, какъ въ текстѣ).

43.

Лады, лады, ладки!
Перебились бабки;
Лады, ла́душки!
Перебились бабушки.

При этихъ пѣсенкахъ берутъ у ребенка обѣ ручки и хлопаютъ ими одну о другую въ ладоши, въ тактъ, а при послѣднихъ словахъ ручки разводятъ и быстро подымаютъ на голову ребенку. Это неожиданное живое движеніе его очень забавляетъ и онъ впослѣдствіи самъ ужъ бьетъ въ ладошки подъ тактъ этихъ пѣсенокъ.

Сообщ. I. Ив. Паульсономъ.

44.

Владимирской губерніи, Шуйск. у.

«Лапки, лапки!
«Гдѣ были?» — У бабки.
«Что ѣли?» — Оладки.
«Еще что?» — Пышку
— Съ сѣмичкомъ.
«Еще что били? — Спинку.
«Чѣмъ били?» — Вѣничкомъ.

45.

Москва.

Берутъ у ребенка ручку и намусливъ чуть-чуть въ срединѣ ладошки указательнымъ пальцемъ, кружатъ довольно скоро по этому мѣсту, приговаривая:

а) «Сорока, сорока!
«Гдѣ была?» — Далеко;
Кашку варила,
На порогъ скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали, —
Каша пригорѣла.

Потомъ, указывая на каждый палецъ руки, начиная съ большого приговариваютъ:

И этому дала,
И этому дала,
И этому дала,
И этому дала,

и, останавливаясь на мизинцѣ, добавляютъ:

А ты малъ мале́некъ:
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ.
Шу-у-у! полетѣли —
На головушку сѣли.

Обѣ зап. мною.

46.

Симбирской губернии.

б) 1. Сорока, сорока,
2. Сорока бѣлобока
3. Кашку варила,
4. Гостей скликала,
5. На порогъ скакала,
6. Гостей посматривала:
Не будутъ ли гости,
Не съѣдятъ ли кости?
Этому на ложку,
Этому на чашку,
Этому на поваренку,
Этому весь горшокъ,
Этому не достало:
Ходитъ мелетъ,
Дрова носитъ,
Баню топитъ;
Дитю паритъ.

Зап. Г. Н. Потанинымъ. Ср. у Сахарова Сказан., изд. 3, т. 1.

47.

в) По этому варіанту, начиная съ 6-го стиха, продолжается такъ:

Гостей скликала.
Гости услыхали,
Быть обѣщали.
Гости на дворъ,
Кашицу на столъ.
Этому дала на блюдечкѣ,
Этому на тарелочкѣ,
Этому на ложечкѣ,
Этому поскребушки,
А этому нѣтъ ничего.
Шувы! полетѣли,
На головушкѣ сѣли.

И за тѣмъ щекоча слегка ладонь ребенка и суставчики рукъ, колѣнъ и наконецъ подъ мышку, приговариваютъ:

Тутъ пень,
Тутъ колода,
Тутъ студеная вода.
Тутъ кипятокъ, кипятокъ!

48.

г) Тульской губерніи.

Сорока, ворона
Кашку варила,
На порогъ скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Кашки не ѣдали
Все своимъ дѣткамъ отдала.

За тѣмъ, перебирая пальчики, начиная съ большого говоритъ: «Этому дала, этому дала и т. д. до мизинца. Мизинецъ она захватываютъ двумя пальцами и трясутъ его, говоря:

Этому не дала:
Зачѣмъ дровъ не носилъ
Воды не носилъ?
Знай впередъ:
Здѣсь водица —
Холодненькая

(Между кистью руки и самою рукою):

Здѣсь тепленькая,

(въ сгибѣ локтя):

А здѣсь горяченькая,

(подъ мышкой):

Здѣсь кипятокъ, кипятокъ!

При послѣднемъ прикосновеніи дитя непремѣнно засмѣется.

Сообщ. I. Ив. Паульсонъ.

49.

д) По вар. изъ г. Котельничъ (Вятск. губ.) сообщ. тѣмъ-же, эта пѣсенка, дойдя до мизинца, продолжаетъ такъ:

А этому весь масленичекъ:
Толчетъ, мелётъ,
По воду ходитъ,
Квашóнку заводитъ.
Квашонка на липкѣ,
Мутовка на соснѣ,
Вода на болотѣ, —
Мука не молота.

50.

Когда ребенокъ гулитъ или агукаетъ:

Ахъ поетъ, поетъ
Соловушка!
Ахъ поетъ, поетъ
Молоденькой;
Молоденькой,
Хорошенькой,
Пригоженькой!

51.

Когда ребенокъ начинаетъ учиться ходить.

Ножки, ножки
Бѣгите по дорожкѣ,
Нарвите горошку.

52.

«Ножки, ножки
«Куда вы бѣжите?»
— Въ лѣсокъ по мошокъ:
— Избушку мшить,
— Чтобы не холодно жить.

При этомъ треплютъ слегка ножки ребенка.

Сообщ. тѣмъ-же.

53.

Въ Москвѣ.

Посадивши ребенка на руку, его качаютъ вверхъ и внизъ подъ слѣдующій мѣрный напѣвъ:

А тари, тари, тари!
Куплю Машѣ янтари,
Останутся деньги,
Куплю Машѣ серьги,
Останутся пятаки, —
Куплю Машѣ башмаки,
Останутся грошики,
Куплю Машѣ лож(и)ки,
Останутся полушки,
Куплю Машѣ подушки.

Зап. мною.

54.

При слѣдующей пѣсенкѣ поющая держитъ ребенка на колѣняхъ, сидитъ у стола и при каждомъ словѣ ударяетъ въ тактъ:

Тра та-та, тра-та та
Вышла кошка за кота!
Кра-ка, ка, кра, ка-ка!
Попросила молока;
Дла, ла, ла, дла, ла, ла!
Кошка-то и не дала.

Сообщ. І. Ив. Паульсонъ.

55.

Въ Торжкѣ.

Ребенка ставятъ или садятъ къ себѣ на колѣни и, подкачивая его, припѣваютъ въ тактъ:

Скокъ поскокъ!
Молодой дроздокъ
По водичку пошелъ,
Молодичку нашелъ.
Молодиченька,
Невеличенька:
Сама съ вершокъ,
Голова съ горшокъ.
Шу-вы! полетѣли, —
На головушки и сѣли.

Зап. мною.

56.

Самарской губерніи.

Тютюшки, тютюшки!
Веселы ли, душки?
Подниму дочушку
На крутую горку.
Бухъ! покатились, —
Съ горки свалились.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

57.

Тамъ-же.

Изображая изъ пальцевъ правой руки рога, няня щекочетъ ими слегка ребенка, припѣвая речитативомъ:

а) Идетъ коза рогатая
Къ маленькимъ ребятушкамъ:
Кто молоко не пьетъ,
Кто сиску не сосетъ,
Того рогомъ бьетъ, бьетъ, бьетъ!

Зап. тѣмъ-же.

58.

Тула.

б) Идетъ коза рогатая,
Идетъ коза бодатая:
Ножками: — топъ! топъ!
Глазками: хлопъ, хлопъ!
Кто кашки не ѣстъ,
Кто молока не пьетъ,
Того забодаетъ, забодаетъ.

Сообщ. І. Паульсонъ.

59.

Тверь.

Шутливо постукивая слегка ребенка въ *загорбокъ*[1]), приговариваютъ:

Горбъ, горбокъ!
— Что въ горбу?
— Денежки
Чѣмъ наклалъ?
— Ковшичкомъ
Какимъ?
Золотенькимъ.

Зап. М. А. Тетяевымъ.

---

[1]) *Загорбокъ*, захребетье, заплечье — верхняя часть спины, межъ плечъ или лопатокъ. Надъ загорбкомъ — загривокъ, надъ загривкомъ — затылокъ. Слов. Даля.

60.

Въ Твери.

Когда дитя начинаетъ становиться на ножки, приговариваютъ:

Дыбо́чки дыбокъ!
Скоро Сашенькѣ годокъ.

61.

а) Тамъ-же.

Дитя водятъ подъ мышки или за ручки вдоль лавочки, приговаривая:

Три-та, та, три-та та!
Вышла кошка за кота.
У кошки лепешки,
У кота пирожки:
Ходитъ котъ по лавочкѣ,
Ведетъ киску за лапочку.
Ходитъ котъ по лавочкѣ,
Продаетъ булавочки:
Тому сему продаетъ,
А Сашенькѣ такъ даетъ.

Обѣ зап. мною.

62.

б) Самарской губерніи.

Три-та, та, три-та, та!
Вышла кошка за кота.
Ходитъ котъ по лавочкѣ,
А кошечка по подлавочкѣ,
Ловитъ кота за лапочки:
«Охъ ты котикъ котокъ,
«Крутолобенькій!
«Поиграй ты, котъ, со мной,
«Съ Машкой, кошкой молодой!»

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

63.

Рязанской губерніи.

«Кисенька! Гдѣ была?»
— На мельницѣ.
«Что дѣлала?»
— Муку молола.
«Что вымолола?»
— Грошикъ.
«Что купила?»
— Калачикъ.
«Съ кѣмъ съѣла?»
— Одна.

64.

Въ Торжкѣ.

«Жукъ, жукъ! гдѣ твой домъ?
«Жукъ, жукъ! гдѣ твой домъ?
— Мой домъ подъ г...омъ,
— Мой домъ подъ г...омъ.
— Ѣхали татары
— Мой домъ растоптали.
Жукъ, жукъ! гдѣ твой домъ?

Обѣ зап. мною.

65.

Курской губерніи, Старооскольск. у.

1. «Чичи, чичи! сорока.
2. «И дѣ была? — Далеко.
3. — У батюшки на точку
4. — Юзилёномъ колпачку:
— Кашку варила,
— Хвостикомъ миша́ла,
— Пальчикомъ кушала.
— Пріѣхали нѣмцы
— Подъ бабины сѣнцы;
— Замычали, закричали,
Штоба люди молчали.

66.

б) Тамъ-же.

Начиная съ 5-го стиха продолжается такъ:

Паня ў платьѣ голубомъ —
Вышивала подъ окномъ.
Она посматривала съ бо́ку
Биспристанно на сороку.
«Ужъ вы, хлопцы мои, хлопцы!
«Послужите мнѣ потомъ:
Поймайте сороку живьемъ.

Обѣ зап. В. П. Шумаковой.

67.

Тульской губерніи, г. Епифань.

Чили, чили, воробей,
Не клюй нашихъ конопей!
Конопей трещитъ,
Воробей пищитъ.
Пекла баба калачи, —
Калачи горячи
Хоть за окошки мечи.
Пріѣхали чернецы
Разобрали калачи.
Прибѣгъ мальчикъ,
Обжегъ себѣ пальчикъ;
Побѣжалъ на базаръ,

Всѣмъ ребятамъ разсказалъ.
Ты Ерема; ты Ерема,
Сиди-ко ты дома.

Зап. мною.

68.

а) Тверской губерніи.

Галки вороны,
Собирайтеся къ намъ!
Варите кутью,
Поминайте Кузьму.
За рѣкой, въ кусту
Кузьма денежки куетъ,
Всѣмъ по денежкѣ даетъ:
Тюшѣ, Матюшѣ,
И бабушкѣ горбушѣ,
Еще трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ.

Зап. учит. уѣздн. учил. г. Петропавловскимъ.

69.

б) Въ Твери.

А птру, птру, птру! 2
Вари кашу круту,
Поминай Кузьму,
За рѣкой въ кусту.
За рѣкой за Моской,
Ахъ тамъ Кузьма
Колоколки куётъ
И на полку кладетъ:
Полки хрясть!
Колоколки въ грязь.
Колоколъ звонилъ,
Себѣ голову сломилъ.

Зап. мною.

70.

в) Самарской губерніи.

А птру, птру, птру! 2
Не вари каши круту,
Вари жиденькую,
Вари мяконькую,
Да молошненькую.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

71.

Тульской губерніи, Крапивин. у., с. Ясная поляна.

Чики, чики, чикалочки
Ѣдетъ мужикъ на палочкѣ,
Жена на телѣжкѣ
Щелкаетъ орѣшки.

72.

Чики, чики, барабанчики, —
Поѣхали по засѣки,
Зацѣпились за пенекъ,
Прогуляли весь денекъ.

Обѣ зап. мною.

73.

а) Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Кукареку! кочетокъ,
На повѣти мужичокъ
Лапти плелъ, —
Кочетыгъ [1]) потерялъ,
Шарилъ, шарилъ — не нашелъ,
Онъ полушку нашелъ.
Онъ жену купилъ.
Жена дорога
Калачей напекла.
Калачи горячи, —
За окошко мечи
Прибѣжали чернецы,
Похватали калачи.
Пришелъ мальчикъ
Обжегъ пальчикъ.

Зап. мною.

74.

б) Тверь.

Кукареку! пѣтушокъ.
Подаетъ голосокъ
На боярскій дворокъ.
Тамъ бояре сидятъ,
Они кройки кроятъ, —
Не докраиваютъ,
Они пушки пушатъ
Не допушиваютъ.

Сообщ. П. П. Петропавл.

75.

Владимірской губерніи.

Кукареку, кочетокъ!
Тамъ шапки шьютъ —
Не доши́ваютъ,
Рукавицы ли дѣлятъ,
Не додѣливаютъ.

---

[1]) Или *кочедыкъ*: ла́патное шило. Слов. Даля.

Кому клинъ, кому два,
Кому пуговки литыя,
Кому . . . .

Зап. учен. дух. учил.

76.

Вологодской губернiи и у.

Кукареку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Вскочилъ бабѣ на шестокъ,
Уклюнулъ блинокъ,
Помянулъ дружка,
Харитонушка.
Харитонова жена
Блины пекла;
Блины пекла,
Волосникъ [1]) сожгла.

77.

Тамъ-же.

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
«Золотой гребешокъ!
«Далеко ли леталъ?»
— До Куликова поля,
— До матушкина дома.
«Что тебѣ матушка дала?»
— Овинъ съ овсомъ,
— Мерина съ хвостомъ,
— Курицу въ опарѣ,
Пѣтуха въ заварѣ.

78.

Тамъ-же.

Кикирики, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
На поличкѣ сидѣлъ,
Трои лапти сплелъ,
Коточикъ потерялъ,
Денежку нашелъ,
Молодичку нашелъ.
Молодичка не добра,
Рукавички связалà —
Барановыя.

Всѣ зап. Н. И. Иваницкiй.

79.

Курской губернiи.

Курочка ряба
Все овесъ толкла,
Просо сѣяла,
Горохъ вѣяла.

[1]) Головной женск. уборъ, родъ чепчика.

80.

Курочка ряба
Черезъ улицу брела,
Перешиблена нога.
— «Кто ей перешибъ?»
— Торопыжка.
Торопыжка мужичокъ
Торопится въ кабачокъ:
Коротеньки ножки,
Новеньки сапожки.
Курочка по двору
Похаживаетъ,
Цыпляточковъ своихъ
Поваживаетъ,
Хохолокъ подымаетъ,
Бояръ утѣшаетъ.
Бояры-то смѣются,
У нихъ бороды трясутся.

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

81.

Симбирской губернiи.

Курочка ряба,
Пришиблена нога
Черезъ улицу брела.
Изъ курочки перо,
Изъ пера-то ядро.
Покатилося ядро
На Ивановъ дворъ.
Ты Иванушка Иванъ,
Сѣропѣгiй кафтанъ!
Середи ты Москвы
На пожарищѣ.
Ворота крашòны,
Веретья точѐны,
Околица тыномъ.
Свиньи за овиномъ
Огородъ городютъ.
На гумнѣ овечки
Хлѣбушки молотятъ;
Боровъ убираетъ,
Въ закромы ссыпаетъ.
Козелъ караулитъ,
Коза затираетъ.
А сучка на рѣчкѣ
Съ кубелемъ [2]) гуляетъ.
Хозяинъ на печкѣ
Ломоть убираетъ.
До поту трудится,
Хочется жениться.
Курочка рябушка
Избенку мететъ,
Кошка на лукошкѣ

[2]) Кобелемъ.

Ширинку [1]) шьетъ,
Котъ на палатяхъ
Указываетъ:
Не такъ кошка,
Не такъ плошка
Не такъ черепецъ [2]) —
Нашъ Иванъ молодецъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

82.

а) Самарской губернiи.

Долгоногой журавель
На мельницу ѣздилъ,
Диковинку видѣлъ:
Коза муку мелетъ,
Козелъ засыпаетъ,
А маленьки козленочки
Муку выгребаютъ,
А барашки круты рожки
Въ дудочку играютъ,
А сороки-бѣлобоки
Пошли танцовати,
А вороны стережёны.
Пошли примѣчати.
Сова изъ за угла смотритъ.
Ногами топчитъ,
Головой вертитъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

83.

б) Вологодской губернiи и у.

Былъ я па мéленкѣ,
Видѣлъ я диковинку:
Козелъ муку сѣетъ,
Козлиха подсѣваетъ,
Маленьки козляточки
Въ скрыпочку играютъ,
Коростелько на постелькѣ
Правой ножкой топаетъ.
«Матушка попадья!
«Кого ты родила?»
— Сыночка Максима
— Дудошника,
— Балалаешника.
Галки, вороны,
Обитые подолы! —
Наѣхали купцы.
Обивать рубцы.

[1]) *Ширинка* — полотенце, отрѣзокъ цѣльной ткани, во всю ширину ея, съ рубежами какъ есть. Сл. Даля.

[2]) Обломокъ разбитой посуды. Тамъ же.

84.

Той же губернiи.

Зайчикъ, зайчикъ,
На четырехъ лапкахъ,
Пятый у тебя хвостъ, —
Ступай на погостъ:
Тамъ кошку дерутъ,
Тебѣ лапки дадутъ.

Обѣ зап. Н. А. Иваницкiй.

85.

Тверь.

Зайчикъ, ты зайчикъ,
Коротеньки ножки
Сафьяны сапожки!
«Куда мнѣ бѣжати,
«Медвѣдя женити?
«Медвѣдь-то мнѣ дядя,
«Лисица-сестрица,
«Комаръ провожатый».
Дикунъ дикуночикъ; —
Дроздъ на рябинѣ,
Сова на болотѣ
Мохъ таскаетъ, —
Домъ построитъ.

Зап. мною.

86.

а) Москва.

Скачетъ галка
По ельничку,
Бьетъ хвостомъ
По березничку.
Наѣхали на галку
Разбойнички,
Сняли они съ галки
Синь кафтанъ.
Не въ чемъ галочкѣ
По городу гулять.
Плачетъ галка,
Да негдѣ взять.

Сообщ. А. Н. Островскимъ.

87.

б) Тверь.

Первые 9 стиховъ не разнятся отъ предыдущаго вар., а дальше такъ:

Не въ чемъ галкѣ
Гостей сзывать.

. . . .

«Ѳедька воръ,
«Укажи намъ дворъ!»
Ужъ какъ нашъ-то дворъ

На семи верстахъ
Середи Москвы:
Собачка на лычкѣ
Потявкиваетъ,
Съ лычка на лычко
Подергивается,
А кобель на цѣпи
Урывается,
А хомякъ [1]) на печи
Обувается,
Кошка на окошкѣ
Ширинку шьетъ.
Котъ-то кошкѣ
Указываетъ.
Курица по горницѣ
Похаживаетъ,
Въ красненькихъ башмачкахъ
Поскрыпываетъ.

Зап. И. П. Петропавловскій.

88.

а) Новогогодской губерніи, Валд. у.

Шапочка курганочка
Бѣжала по лавочкѣ —
Задкомъ, передкомъ,
На боярскій дворъ.
«Гдѣ бояре живутъ?»
— Подъ окошечкомъ.
Журавъ тети (?)
Хотѣлъ улетѣти
Къ Иванушкѣ въ гости.
Иванушка пишетъ,
На дѣвушку дышетъ.
Эта дѣвка хороша, —
Полюбила торгаша.

Зап. мною.

89.

б) Костромской губерніи, Юрьевецкаго у., посадъ Пучежъ.

Шапочка татарочка
Поѣхала по лавочкѣ
Задомъ, передомъ —
Ко Фетиньѣ на дворъ.
«Тетушка Фетинья!
«Отдай свою дочку
«За нашего князя.
«У нашего князя
«Два коня въ сѣдлѣ,
«Въ золотой уздѣ,
«Двѣ плети татарскихъ,
«Два яблока *литарскихъ*» (?)

[1]) Въ переносномъ смыслѣ: лѣнтяй, соня, лежебокъ. Слов. Даля.

Ударили въ доску, —
Поѣхали въ Москву.
У насъ въ Москвѣ
Не по вашему живутъ:
Все калачики пекутъ.
На печи калачи
Какъ огонь горячи,
А въ горнушкахъ-то витушки, — [2])
Все ребячьи игрушки.

Зап. Н. П. Зарубинъ.

90.

а) Новогородской губерніи, Валдайск. у., с. Гоголево.

Туру туру пастушокъ,
Осиновый листышекъ!
Для чего ты трубишь
Отъ моря до моря
До Кіева города?
— Въ чистомъ полѣ дубъ стоитъ,
— На дубу сова сидитъ.
Сова, сова, теща —
«Синичка — сестричка!
«Сходи за водичкой».
— Я волка боюся,
— Медвѣдя страшуся.
Волкъ на болотѣ
Считаетъ озороды [3]).
Свою жену кричитъ.
Своя жена Марья
Спородила сына,
Сына Максима,
Въ четыре аршина.

Зап. мною.

91.

б) Въ Москвѣ.

Туру, туру, пастушокъ.
— «Далеко ли отошелъ?»
— Отъ моря до моря,
До Кіева города.
«Что тамъ царь дѣлаетъ?»
— Туру [4]) ногу пишетъ,

[2]) *Витушка* — родъ сайки, калача, свитаго въ 3 полосы. *Горнушекъ* — горшечекъ.

[3]) Озородъ (азородъ), зародъ — скирдъ, большая кладь хлѣба. Тамъ же.

[4]) *Туръ, турóкъ* — вся масса печи, печной столбъ, основаніе котораго, называемое нога, размалевываютъ цвѣтными узорами фута на два или полтора отъ пола. Арх. Словарь обл. Архангельск. нарѣчія А. Подвысоцкаго. Въ Слов. Даля это слово объясняется такъ: «Туръ, турóкъ (арх.) — печной столбъ, коего основанье (нога) расписывается пестро красками. Отъ этого въ пѣснѣ: туру ногу пишетъ». Слов. Даля.

— На золотомъ блюдѣ,
— Серебрянымъ стулѣ.
Стулъ подломился,
Царь покатился.
Его жена Марья
Породила сына.
«Какъ его имя?»
Царя Константина.
Бубенъ [1]), ты, бубенъ!
Сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего князя.
У нашего князя
Собаки борзыя,
Холопы босые [2]).

Зап. мною.

92.

в) Рязанской губерніи, Зарайск. у., с. Жолчино.

Туру, туру! пастушокъ.
«Гдѣ лѣто лѣтовалъ?
«Гдѣ зиму зимовалъ?»
— У царя въ городѣ.
«Что царь дѣлаетъ?»
— Туру ногу пишетъ
— На дѣвицу дышетъ.
«Дѣвица, дѣвица!
«Пойди по водицу».
— Я боюся волка.
«Волкъ на работѣ
«Сова на болотѣ».
Вдарили въ доски
Поѣхали въ *Мошки* (д. б. въ Мóскву)
Встрѣлась коза —
Лубяные глаза.
«Гдѣ, коза, была?»
— Я коней стерегла.
«Гдѣ кони?
— Въ клѣткѣ сидятъ.
«Гдѣ клѣтка?
— Вода снесла.
«А гдѣ вода?»
— Быки выпили.
«А гдѣ быки?»
— За горы ушли.
«А гдѣ горы?»
— Черви выточили.
«А гдѣ черви?»
— Въ тростникъ ушли.
«А гдѣ тростникъ?»
— Дѣвки выломали.
«А гдѣ дѣвки?»
— За мужья ушли.
«А гдѣ мужья?»
— Мужья пóмерли,
— Гроба пóгнили.

Въ селѣ Мишинѣ того же уѣзда оканчиваютъ такъ:

«А гдѣ мужья?»
— На войну ушли.
«А гдѣ война?»
— Посередь поля.

Зап. А. И. Худяковымъ.

93.

г) Тульской губерніи, Крап. у., усадьба Ясная поляна.
Начало какъ въ № 90.

1. Тамъ моя родина.
2. На родинѣ дубъ стоитъ,
3. На дубу сова сидитъ;
4. Сова-то мнѣ теща,
5. Кукушка женýшка;
6. Воробушекъ братецъ,
7. По камушкамъ скачетъ:
8. «Дѣвица, дѣвица,
9. «Поди по водицу!»
10. — Я боюсь грозицы.
11. Гроза на болотѣ,
12. Волкъ на работѣ.
Поповы ребята
Горохъ молотили,
Цѣпы переломали, —
За овинъ побросали.
Овинъ загорѣлся, —
Попъ испужался, —
Полѣзъ подъ кадушку,
Прищемилъ себѣ ушки,
Дьяконъ съ печи
Оборвалъ плечи.
Наша хозяйка добра,
Калачей напекла.
Прилетѣли чернецы
Подобрали калачи.

Зап. мною.

[1]) *Бубенъ* — голышъ, человѣкъ, все промотавшій. Слов. Даля.

[2]) Другіе оканчиваютъ такъ:

Ты Назаръ, ты Назаръ
Поди-ко на базаръ,
Купи мнѣ сарафанъ:
Ни дологъ, ни коротокъ, —
Ни въ лѣсъ ходить,
Ни зайцевъ ловить.

94.

д) Слѣдующій №, записанный въ 50-ыхъ годахъ А. И. Худяковымъ въ Зарайск. у., Рязанской губ., въ видѣ отдѣльной пѣсни, есть не что иное, какъ вар. ко второй половинѣ предыдущаго №, начиная съ 12-го стиха:

Волкъ па болотѣ,
Свинья па работѣ;
Зайчикъ па кочкѣ
Спустилъ порточки.
Поповы ребяты
Горохъ молотили,
Цѣпы поломали,
Въ *ометъ* [1]) побросали,
Попу-то и сказали.
Попъ па *казёнкѣ* [2])
Вылупилъ глазёнки,
Попадья съ печки,
Баранъ изъ подъ печки
Съ крутыми рогами.
Сѣла баба на баранъ,
Поскакала по горамъ.
Встрѣтились ей гости —
Семенныя (?) кости.
«Ахъ ты, баба, не гони!
«Подай мои пироги!»
— Съ чѣмъ твои пироги?
«Съ лукомъ, съ перцемъ,
«Съ собачьимъ сердцемъ».

95.

е) По одному вар. зап. въ Тверской губ. учит. уѣздн. учил. И. П. Петропавловскимъ послѣ стиха: «попу-то и сказали» продолжается такъ:

Попъ-то съ печки
Отшибъ себѣ плечки,
Дьяконъ съ *брюза* (?)
Отшибъ себѣ пузо,
Звонарь съ верхушки,
Отшибъ себѣ ладу́шки.
Коза на болотѣ
Платье колотитъ.
Коза не проскочитъ,
Рога не проломитъ.
— Коза проскочила,
Рожки сломила.
«Гдѣ твои рожки?»
— Подъ гору укатились.
«Гдѣ гора?»
— Черви выточили.
«Гдѣ черви?»
— Въ воду ушли.
«Гдѣ вода?»
— Быки выпили.
«Гдѣ быки?»
— Въ Кіевъ ушли.

[1]) *Ометъ* — куча, ворохъ, стогъ сѣна. Слов. Даля.
[2]) *Казенка* — перегородка въ избѣ, откуда нѣтъ топки; деревянный пристрой къ печи въ избѣ, съ дверкою, служащій приступомъ для лазу на печь и лежанку. Слов. Даля.

96.

а) Самарской губерніи.

Поповы ребята
Горохъ молотили
Цѣпы поломали,
За тынъ побросали,
Попу не сказали.
Ударили воспОлохъ —
Всполошили весь народъ.
Ударили въ до́ску,
Поѣхали въ Мо́скву;
Ударили въ барабанъ,
Поскакали по горамъ.

97.

б) Поповы-то дѣтки
Горохъ воровали,
На попа сказали.
Попа-то связали,
Да въ городъ послали.
Сидитъ онъ въ коробу́,
Словно Божій рабъ въ гробу.
Попадья-то реветъ,
Всѣхъ за бороду деретъ,
Поповы-то ребята
Лежатъ на полатяхъ,
А попъ увѣщаетъ:
«Грѣшно, свѣтъ, браниться!
«Давай-ка мириться
«Во имя Христово!»
— Ви́нишка купили,
Попа напоили,
А на мировую
Отдали гнѣдую,
Два поросенка,
Да цѣлаго теленка,
Полштофъ вина,
Да четыре блина:
Хошь пей, хошь лей,
Хошь домой вези,
Лошадямъ мѣси.

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

98.

в) Рязанской губернии, Данк. у., с. Мураевно.

Поповы ребята
Горохъ молотили,
Цѣпы переломали,
На(о)винъ побросали:
Овинъ переломилси,
Козелъ удавилси.
Встрѣлась коза
Лубяныя глаза.
«Гдѣ коза была?»
— Я коней стерегла.
«Что выстерегла?»
— Коня въ сѣдлѣ,
— Въ золотой уѣздѣ.
«Гдѣ твой конь?»
— Миколай увелъ.
«Гдѣ Миколай?»
— Въ клѣти сидить.
«Гдѣ клѣтка?»
— Водой снесло.
«Гдѣ вода?»
— Быки выпили.
«Гдѣ быки?»
— За бугоръ ушли.
«Гдѣ бугоръ?»
— Черви выточили.
«Гдѣ черви?»
— Гуси выклевали.
«Гдѣ гуси?»
— Въ тростникъ ушли.
«Гдѣ тростникъ?»
— Дѣвки выжали.
«Гдѣ дѣвки?»
— Замужъ повышли.
«Гдѣ мужья?»
— На войнѣ стоять.
Зап. мною.

99.

г) Курской губернии, Тимск. у.

Поповы рибята
Горохъ молотили
Цѣпы поломали,
З'овинъ побросали.
Косой заглидѣлси,
Овинъ загорѣлси.
Попъ испугалси,
Попадья съ печки,
Дьяконъ изъ подъ лавки
Пирибилъ всѣ склянки,
Кочитъ съ полицы
Поломалъ косицы.
Зап. В. П. Шумаковой.

100.

Вологодской губернии.

Сѣлъ воробей па *трепягу* [1]),
Сталъ воробей щекотати:
«Ты, Иванъ, на меня не надѣйся!»
Попъ въ Москвѣ заблудился,
Пономарь съ паперти свалился,
Желѣзнымъ прутомъ убился.
Стала Москва жениться —
Въ кривыхъ сапогахъ,
Въ полуженныхъ скобахъ.
Шолкомъ шито,
Бумагой строчено.
. . . . [2])
У Карпово двора
Укатана гора.
Кто укаталъ?
. . . .
Карповы дѣти
Горохъ молотили,
Меня, молодую,
По саду водили.
. . . .
Мишка воръ,
Укажи мой дворъ.
Середи Москвы
Верей вострѝ.
Собачка за вороточкомъ
Потявкиваетъ:
«Тявъ, тявъ, тявъ!»
Въ печи калачи
Какъ огонь горячи.
Прибѣжали сорвачи,
Расхватали калачи, —
За окошко мечи.
Зап. Н. А. Иваницкій.

101.

Вятской губернии.

Овечушка яловка
По бережку ска́кала,
Увидѣла Па́вела.
Павелъ-то не кошка,—
Золотыя рожки.
Бѣжитъ баба безъ души,
Тянетъ козу за уши.
«Коза, ты коза,
«Испеки пирога —
«Гороховика!»
—Горохъ-то въ Казани,
На верхнемъ базарѣ.

---

[1]) Въ Слов. Даля: «Трепло, трепало — лопаточка, родъ зубчатой дощечки, коею изъ горсти льна выколачиваютъ кострыку».
[2]) Здѣсь д. б. пропускъ.

Бѣжитъ баба въ сарафанѣ,
Утка въ юбкѣ,
Селезень въ сапожкахъ
На босую ножку.
Чигуновы дѣти
Хотѣли летѣти
Отъ моря до моря,
До Кіяна-города.
Во Кіянѣ-городѣ
Стояла дубинка.
На этой дубинкѣ
Сидитъ совинка.
Сова-то не теща —
Воронова невѣста.
Ванька шуринъ
Глазъ защурилъ.

Сообщ. І. Ив. Паульсономъ.

102.

а) Московской губерніи, Богород. у.

Бубенъ, ты бубенъ!
Отдай свою дочку
За нашего князя.
У нашего князя
Трое саней съ козырями, —
Шелкомъ обшиты,
Серебромъ покрыты,
Сѣни новыя.
Курица взлетѣла,
Сѣни обломила,
Пришла коза
Подняла на рога.
«Охъ ты козынька, коза!
«Гдѣ же ты была?»
— У попа я на дворѣ.
«Что тамъ дѣлала?»
— Коней пасла.
«Что жъ ты выпасла?»
— Жеребеночка
— Въ золотой уздѣ —
— Позолоченной.
«Гдѣ же жеребеночекъ?»
— Въ клѣтку ушелъ.
«Гдѣ жъ клѣтка?»
— Вода потопила.
«Гдѣ жъ вода?»
— Быки выпили и т. д.

103.

б) Рязанской губерніи, Зарайск. у., с. Мишино

Бубенъ, ты бубенъ!
Жени ты сыночка.
У твово ли сына
Хоромы большіе,
Шелкомъ покрыты,
Бронзою убиты.
Прискочила коза,
Прищемила хвостъ.
«А гдѣ мой хвостъ?»
— Николашка унесъ.
«А гдѣ Николашка?»
— Въ клѣтку ушелъ.
«А гдѣ клѣтка?»
— Вода снесла и т. д.

Обѣ зап. А. И. Худяковымъ.

104.

Новогородской губерніи, Старая Руса.

Стучитъ, брячитъ по улицѣ
Ѳома ѣдетъ на курицѣ,
Тимошка на кошкѣ —
Туды жъ по дорожкѣ.
«Куды Ѳома ѣдешь,
«Куды погоняешь?»
— Сѣно косить.
«На что тебѣ сѣно?»
— Коровокъ кормить.
«На что тебѣ коровы?»
— Молоко доить.
«На что тебѣ молоко?»
Ребятокъ поить.

Зап. А. А. Сѣвериковымъ.

105.

Курской губерніи, Тимск., с. Мандриво.

Шутливо трепля слегка по носу ребенка, приговариваютъ протяжно слѣдующія слова:

«Чей носъ?»
— Макѣевъ.
«Куды ѣдешь?»
— У Кѣевъ.
«Што вязешь?»
— Рожь.
«Што возьмешь?»
— Грошъ.
«Што купишь?»
— Калачъ.
«Съ кѣмъ сьѣшь?»
— Одинъ (одна).
«Не ѣшь одинъ!
Не ѣшь одинъ.

Зап. Е. И. Томилинымъ.

106.

Новогородской губерніи, Валд. у.

Слова, произносимыя матерями и нянками при умываніи дѣтей водою во время ихъ болѣзни:

У волка боли, у лисы боли, у Николаши боль — на березку въ лѣсъ улети!

Зап. мною.

107.

Если у ребенка появится на глазу ячмень, то мать или няня проводитъ по немъ указательнымъ пальцемъ и припѣваетъ:

Ячмень, ячмень,
На тебѣ кукишь!
Чего хочешь — купишь.
Купи себѣ топорикъ,
Сруби себѣ головку —
Какъ маковку.

Зап. И. Голышевъ. Влад. вѣдом. 1870 г. № 36.

108.

а) Тульской губерніи, Крапив. у., д. Ясня Поляна.

Ай дуду, дуду, дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
На солдатскомъ на лугу.
Онъ шарилъ, — не нашелъ, —
Къ государынѣ пошелъ:
«Государыня, боярыня,
«Роди ты мнѣ сына
«Въ четыре аршина».
— «Бабушка Арина
— «Подай полотенце
— «Накрыть младенца».
Младенецъ не великъ, —
Во всю лавушку лежитъ.
Онъ сталъ на дыбокъ,
Досталъ потолокъ.

109.

б) Тамъ же.

Ай дуду, дуду, дуду!
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу.
Труба точеная,
Позолоченая:
«Жена плеточку плететъ
«Свово мужа продаетъ —
«За лисицу, за тряпицу,
«За лысаго кобеля,
«За медвѣдя ....».

110.

в) Въ Москвѣ.

По этому варіанту, начиная съ 4-го стиха, продолжается такъ:

. . . .
Во серебряную.
Черезъ мышкинъ домъ
Идетъ дымъ столбомъ:
Кошка съ мышкой подралась, —
Въ одной ямкѣ собралась.
Маленькій мальчикъ
По бережку скачетъ,
Рыбушку ловитъ,
Мамашенькѣ носитъ,
Папашеньку кормитъ.

Всѣ 3 зап. мною.

111.

г) Самарской губерніи.

А дуду, дуду, дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
На поповомъ на току.
Шарилъ, шарилъ, — не нашелъ,
Ко боярынѣ пошелъ:
«Сударыня, боярыня!
«Прикажъ вора поимать,
«Руки, ноги обломать,
«На низенькихъ ножкахъ,
«Въ синенькихъ сапожкахъ».

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

112.

д) Курской губерніи, Тимск. у.

А дуду, дуду, дуду!
Патирялъ мужикъ дугу
На Сименовскомъ лугу.
Шарилъ, шарилъ, — ни нашелъ, —
Къ сударушки зашелъ:
«Ты сударушка моя!
Ради сибѣ сына —
Въ четыри аршина.
Кумъ — Гаврила,
Кума — Стипанида.
«Тетка Алёнка!
«Падáй палаценца,
«Накрыть маладенца».
. . . .
Свѣтъ мои ножки!
Купили сапожки,
Нарядили бабку
Въ трибýшнаю шапку!
Павили к'абѣдни.
А попъ испугалси,
На печку взабралси.
Пападья съ печки
Паламала плечки,
Папамарь звонарь
Усѣ свѣчи паламалъ.

Обѣ зап. В. П. Шумаковой.

113.

е) Новогородской губерніи.

Ай дуду, ай дуду
Потерялъ мужикъ дугу
На поповомъ на лугу;
Шарилъ, шарилъ, — не нашелъ, —
Во де́ревеньку пошелъ.
Во деревенькѣ воютъ:
Во солдатушки отдаютъ.
«Дома ль Гриша?
«Дома-ль Миша?
«Дома-ль дядюшка Власъ?»
— Онъ лошадушекъ пасъ —
Съ сохой, бороной
И лошадкой вороной.

114.

ж) Рязанской губерніи, Данк. у.

Ай дуду, дуду, дуду!
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу.
Труба тёсанная,
Перетёсанная,
Труба шолковая
Лишь пощелкиванть, —
Шиты браны рукава.
Прибѣжали два быка
Вы зеленые луга.
Тамъ и дѣвица спала
До бѣлаго свѣту.
У ей денегъ нѣту.
Когда будутъ деньги,
Купитъ себѣ серьги:
Серьги жемчужки
На бѣлыя ушки.

Обѣ зап. мною.

115.

з) Рязанской губерніи, Данк. у.

. . . .

Первые три стиха тѣ же, а далѣе такъ:

Труба шелковая,
Перешелковая.
Не будь дѣвка такова —
Шиты, браны рукава.
Пряла она тонко,
Возьметъ ео Хомка.
— Я за Хомку не хочу,
За Якова полечу.
У Якова калачи
Какъ огонь горячи.
Подошелъ мальчикъ,
Взялъ калачикъ,
Побѣжалъ на базаръ,
Всѣмъ ребятамъ разсказалъ.

116.

Тамъ-же.

Начиная съ 9-го стиха предыдущаго варіанта прибаутку эту иныя бабы продолжаютъ такъ:

Какъ Якова жена
Калачи пекла:
Калачи горячи,
Хоть за'кошко мечи.
Прилетѣли дергачи,
Похватали калачи.
Прибѣгъ мальчикъ,
Обжогъ себѣ пальчикъ.
Побѣгъ на базаръ,
Всѣмъ ребятамъ разсказалъ,
И попамъ и дьякамъ,
Всѣмъ русскимъ мужикамъ.
Тетушка Хима
Проѣхала мимо, —
Зацѣпила за пенекъ,
Простояла весь денекъ.
У ей бока тонки,
У ей бока звонки.

Обѣ зап. Кн. С. П. Долгоруковой.

117.

Тверской губерніи, Новотор. у.

Лучина, лучина
Гори, гори жарко, —
Ѣдетъ Захарко:
Самъ на лошадкѣ,
Жена па коровкѣ,
Дѣтки на теляткахъ,
Слуги на запяткахъ.
. . . . [1]
Выскочилъ холопъ
Изъ господскихъ воротъ, —
Онъ по курицѣ кнутомъ:
Изъ курицы перо
Покатилося ядро.
Иванъ съ шестомъ,
Жена съ пестомъ,
А маленькіе ребятки
Съ косырями, съ топорами,
Съ сковородничками.

118.

Тульской губерніи, Веневск. у.

А чучу, чучу, чучу!
Я горошекъ молочу

[1]) Тутъ видно пропускъ.

На чужомъ точку,
На пригорочкѣ
Въ переулочку.
Ко мнѣ курочка бѣжитъ,
Конопаточка спѣшитъ
Я по курочкѣ цѣпо́мъ,—
Она къ верху зобо́мъ
Завертѣлась колесомъ.
Воробей пищитъ,
Сто рублей тащитъ.
А изъ курочки перо,
Изъ пера-то зерно.
Покатилось оно
Подъ Иваново село.

119.

Тамъ-же.

Шелъ попъ съ Москвы,
  Упалъ съ доски:
Ручки, ножки переломилъ,
  На колёсы положилъ,
Всѣ колесы загремѣли,
Два борова захрапѣли,
Двѣ коняжки ржутъ,
Перемѣнки ждутъ.
Ахъ! въ Москвѣ-то калачи,
Какъ огонь горячи,
А въ деревни калачи
Какъ ледъ холодны.

120.

а) Курской губерніи.

А чучу, чучу, чучу!
Я горохъ молочу,
На чужомъ точку,
На прилиночку.
Ко мнѣ курочки литять,
Гарабурочки клювать.
А Ивашка поповъ
Загонялъ волковъ
На боярскій дворъ.
Шапка канарка
Князя убила.
«Князь ни печальси!
«Твоя жена родила».
— И что-жъ она родила?
— Она родила сына.
«Какъ иво имя?»
— Иво имя Константина.

121.

б) Рязанской губерніи, Данк. у., с. Мураевна.

Первые 8 стиховъ какъ въ № 119, а далѣе такъ:

По кропаточкѣ кнутомъ.
Изъ курочки перо.
Покатилося оно
Подъ Иваново село.
Иванъ государь!
Постарайся по мнѣ.
Я тебѣ полтину,
А женѣ холстину,
Дочери корову,
Сыну коня,
Бѣлогристаго кобеля.

Всѣ 5 зап. мною.

122.

Курской губерніи, Старооск. у., д. Верхостужня.

А цуцу, цуцу, цуцу!
Я горошекъ молоцу
На чужомъ на току,
На прилипочку.
Ко мнѣ курочку бѣжить,
Конопелочку лятить:
Она рябенькая,
Полосатенькая.
Какъ я ее цапо́мъ,—
Она къ верху зобо́мъ;
Покатилося зярно́
Подъ Иваново сяло.
«Иванъ Голованъ,
«Провяди меня домой!
«Мой домъ недалече,—
«Посередь Москвы:
«Краснаи окна,
«Зеленаи стёкла,
«Тёсомъ покрыты,
«Гвоздями прибиты.»
А собачка на лычку
  Побрёхиваить
А вѣдмедь на цѣпи
  Порываетца
А мужикъ да ў дорогу
  Собираетца,
А старикъ на печи
  Да обуваетца,
А старуха подъ бочёкъ
  Подвигаетца.
«Дѣвки, вы дѣвки,
  «Слѣзайтя вы съ печки!»
Баранъ изъ подъ печки
  Съ крутыми рогами,
  Котъ съ пирогами,
  Кошка съ блинами,
  Котята съ блинцами.

Зап. Е. И. Томилинымъ.

Б. Пѣсенныя прибаутки и приговоры, которыми дѣти, вышедшія изъ младенческаго возраста, уже начинаютъ сами себя тѣшить и забавлять.

123.

а) Вологодской губ. и у., с. Яковлевское.

Тень, тень, потетень!
Выше городу плетень.
У Спаса бьютъ,
У Николы звонятъ,
У стараго Егорья
Часы говорятъ.
Братцы Казанцы,
Поѣдемте на зайца!
Зайца убьемте,
Попа привеземте:
Попа за столъ,
Попадью подъ столъ.
Кикиморка на печкѣ
Ширинку шьетъ,
Пѣтухъ въ сарафанѣ
Овесъ толчетъ,
Курочка въ сапожкахъ
Избушку мететъ,
Блоха на порогѣ
О-три ноги.

Зап. Н. А. Иваницкій.

124.

б) Москва.

Тень, тень, потетень!
Какъ у Спаса звонятъ,
Какъ у стараго Егора
Часы говорятъ:
«Бабушка старушка
«Бей въ доску,
«Вспоминай Москву:
— «Какъ у насъ въ Москвѣ вино —
— «По три денежки ведро:
— «Хоть пей, хоть лей,
— «Хоть окачивайся.
— «Пряники пекутся,
— «Въ руки не даются.
— «Мальчикъ рѣзвый
— «Въ руку плюнулъ.

Не достаетъ, какъ видно, конца.

125.

в) Тульской губернии, Крап. у., д. Ясная Поляна.

Тень, тень, потетень!
Выше города плетень.
Садись галка на плетень.
Галки хохлушки,
Спасенныя душки.
Воробьи пророки
Шли по дорогѣ,
Нашли они книгу
Въ этой книгѣ...
. . . .
Зюзюка [1]), зюзюка!
«Куда намъ катиться?»
— Вдоль по дорожкѣ
Овсяны [2]) сапожки.

Обѣ зап. мною въ 1861 г.

126.

г) Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Тень, тень, потетень!
Выше городу плетень.
На печи калачи
Какъ огонь горячи.
Пришелъ мальчикъ
Обжегъ себѣ пальчикъ.
Побѣжалъ на базаръ, —
Никому не сказалъ, —
Одной только бабушкѣ
Повивалушкѣ.
«Ужъ ты бабушка
«Повивалушка!
«Гдѣ ты была?»
— Я коней стерегла.
«А гдѣ твои кони?
— Кони за горами... (и т. д.)

Зап. А. И. Худяковъ.

127.

д) Москва.

Потетень, потетень!
Не ходи, баба, въ день,
Не обманывай людей,
Да боярскихъ дѣтей,
Растакихъ матерей!

Зап. мною.

---

[1]) Картавый, шепелявый. Сл. Даля.
[2]) Т. е. сафьяны.

128.

е) Вятской губернии.

Тень, тень, потетень!
Выше городу плетень.
На полицѣ трубица,
Гороховица.
На печѣ звѣзда
Калачи пекла
Про Егорову жену.
А Егорова жена
Тройниковъ принесла,—
Сѣла на ложку,
Поѣхала въ Móскву
Ребятъ крестить,
Перекрещивати:
Попъ-отъ сдурѣлся —
Попадью перебилъ,
Попадья-то сдурѣла —
Монастырь [1]) зажгла.
Маленька Матрёшка
Бѣжитъ съ поварёшкой
Монастырь заливать.

Зап. Н. А. Александровымъ.

129.

ж) Тульской губерніи., Веневск. у.

Первые 6 стих. по этому вар. тѣ же, а дальше слѣдуетъ такъ:

. . . .
«Тетка богатка,
«Сшей мнѣ рубашку!
Я поѣду жениться,—
На стенькѣ, на буркѣ,
На вѣчной кауркѣ.
Сенька-вязенька,
Вязи меня на палкѣ,
А самъ пѣшкомъ,
Перевертушкомъ.

Зап. И. П. Чулковскій.

130.

Тверской губерніи.

Тили-бомъ, тили-бомъ!
Загорѣлся козій домъ.
Коза выскочила,
Глаза вытаращила,
Нанюхалась табаку,
Побѣжала къ кабаку [2]).
У этого кабака
Стоитъ яма глубока.
У этой ямы жили три мышки.
Одна мышка померла,—
Всѣмъ мышкамъ кума была;
А татары полюбили,
По всему городу возили.

Зап. мною.

131.

Той же губ.

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Бѣжитъ курица съ ведромъ —
Заливать кошкинъ домъ.

Зап. М. А. Тетяевымъ.

132.

Курской губерніи, Тимск. у.

Трахъ, трахъ тарарахъ!
Ѣдитъ баба на волахъ.
Встрѣтилися гости,—
Старая кости.
«Постой, баба, ни бижи!
«Идѣ твои пироги?»
— У Москвѣ
На доскѣ.

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

133.

Владимірской губерніи.

Ужъ какъ шла лиса по тропкѣ,
Нашла грамотку въ охлопкѣ.
Она по лѣсу ходила,
Громкимъ голосомъ вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела.
Вотъ и сѣла на пенекъ,—
И читала весь денекъ:
Будто небо провалится
И земля загорится,—

---

[1]) Въ Москвѣ — церковный дворъ, погостъ, церковная земля съ строеньями, съ домами попа и причта. Слов. Даля.

[2]) По вар. зап. въ Самарск. губ. Г. Н. Потанинымъ конецъ такой:
Побѣжала къ дубу,
Прикусила губу.
Побѣжала на базаръ
Всему свѣту разсказать.

Лисѣ негдѣ будетъ жить —
И пришлось съ горя топиться.

Зап. И. Голышевъ. Влад. губ. вѣдом. 1870 г. № 30.

Весною, играя на дворѣ, на улицѣ, дѣти окликаютъ радостно первый дождь, привѣтствуютъ первое теплое солнышко, первую радугу нижеслѣдующими пѣсенками, которыми они потомъ уже во все лѣто встрѣчаютъ эти явленія природы:

134.

а) Тула.

Ужъ дождь дождемъ
Поливай ковшомъ!

б) Рязанской губерніи, Данк. у.

Дай Богъ дождю
Въ толстые возжи!
Поливай весь день
На нашъ ячмень,
На бабью рожь [1])
На мужичій овёсъ,
На дѣвичью гречу,
На ма́личье просо.

135.

в) Тамъ же.

Дождикъ, дождикъ припопонь!
Мы поѣдемъ за попомъ —
Богу молиться,
Христу поклониться.

Всѣ 3 зап. мною.

136.

г) Орловской губерніи.

Дождикъ, дождикъ припусти,
Я поѣду межъ кусты
Богу молиться,
Христу поклониться.
Богова сирота
Отворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

137.

д) Рязанской губерніи и у., с. Жолчино.

Дождикъ, дождикъ пуще!
Дадимъ тебѣ гущи,
Дадимъ тебѣ ложку:
Хлебай понемножку.
Я убогій сирота
Отворяю ворота
Крючкомъ пятачкомъ,
Бѣленькимъ платочкомъ.

Обѣ зап. А. И. Худяковымъ.

138.

Шуя.

Дождикъ, дождикъ пуще!
Ѣдетъ Ванька съ гущей,
Задѣлъ за пенекъ —
Освѣтился огонекъ,—
Задѣлъ за кочку,—
Пролилъ гущи бочку.

Зап. учен. дух. учил. В. Аѳонскій.

139.

е) Москва.

Дождикъ, дождикъ перестань
Я поѣду на Ердань
Богу молиться и т. д.

Зап. мною.

140.

ж) Архангельской губерніи и у.

Дождь дождемъ
Поливалъ ковшёмъ.
Мать Божья́,
Не давай дождя,
Давай солнышко,
Высокольнишко.

Сообщ. Н. П. Булановъ.

141.

а) Рязанской губерніи.

Солнышко, ведрышко,
Выгляни, высвѣти!
Твои дѣти на повѣти
По камушкамъ скачуть.
Камушки трясутся,
Кишки волокутся;
Кошкамъ по ложкамъ,
Собакамъ по крошкамъ.

Зап. мною.

---

[1]) По Московск. вар.:
На Иванову рожь
Поливай какъ хошь.

142.

б) Курской губерніи, Бѣлгородъ.

Солнышко, ядрышко,
Высвѣти, выгляни!
Твои дѣти на межѣ
Церкуломъ пáютъ,
Въ масло обмакаютъ.

Зап. І. В. Шаталовъ.

143.

г) Владимірской губерніи, Вязник. у., слобода Мстера.

«Солнышко, солнышко!
«Гдѣ твои дѣтки?»
— Сидятъ на повѣткѣ
— Въ соломенной клѣткѣ.
«Что онѣ *дѣлутъ* [1])?»
— Яйцы катаютъ,
— Собакамъ бросаютъ.
— Собаки-то злыя:
— Попа укусили
— Попъ-то свиснулъ,
— Попадья-то крикнула;
— Попадья-то за ремень,
— Чтобы попъ-то не ревѣлъ.

Влад. губ. вѣдом. 1870 г., № 36, неоф. отдѣлъ.

144.

Радуга, дуга,
Принеси намъ дождя.

145.

Радуга дуга
Перебей дождя!

146.

Радуга, дуга,
Не пей нашу воду.

147.

Радуга, дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка,
Колоколнышко!

[1]) Т. е. дѣлаютъ.

148.

Радуга, дуга!
Унеси меня въ луга,
Не тѣмъ концемъ,
Золотымъ кольцемъ.

Зап. разн. лицами въ разн. губерн.

Поймавъ улитку, мальчики кладутъ ее на ладонь руки и поютъ:

149.

а) Владимірской губерніи.

Улита, улита,
Высунь рога!
Дамъ конецъ пирога.

150.

б) Новогородской губерніи.

Слизень, близень
Выкажи роги
На четыре дороги.

Зап. мною.

Прибаутки, которыми шаловливые ребятишки потѣшаются и другъ надъ дружкою, и надъ взрослыми, издѣваясь, то надъ ихъ именами отъ крещенія, надъ ихъ сословными, даже телѣсными недостатками, то надъ ихъ принадлежностью къ иной, не русской національности, и т. п., часто безъ всякаго даже повода, ради одной только словесной забавы:

151.

Тула.

Акулина съ высока
Задушила гусака.
Гусакъ пищитъ,
Сто рублей тащитъ.

Зап. мною.

152.

Самарской губерніи.

Андрей воробей!
Не гоняй голубей,
Гоняй галочекъ
Изъ подъ палочекъ;
Не клюй песокъ,
Не тупи носокъ!
Пригодится носокъ
Клевать колосокъ.

153.

Владимірской губерніи.

Аннушка сердце!
Свари уху съ перцемъ,
А я приду съ хлѣбцемъ;
Я приду хлебати,
Тебя цѣловати.
Наварила, напекла
Три аршина киселя,
Пять пудовъ пироговъ.
А къ этимъ пирогамъ
Выбирался женишокъ,—
Иванушка дурачекъ.

Зап. И. Голышевъ. Влад. губ. вѣдом. 1870 г., № 36.

154.

Тульской губерніи, Епиф. у.

«Ужъ ты бабушка Арина!
«Ты куда, куда ходила?»
— На базаръ ходила,
— Себѣ ведерки купила.
«Что дала?»—Рубль дала,
— Коромыселъ полтора.

155.

«Аѳонюшка братецъ!
«Почемъ же ты плачешь?»
— Какъ же мнѣ не плакать?
— Жена молодая
— Зацѣпила за пенекъ,
— Простонала весь денёкъ.
Господи Йсусе!
На коникѣ гуси,
На печи волчокъ
Сухари толчётъ.

Обѣ зап. мною.

156.

Самарской губерніи.

Ванюшка дурачекъ
Повадился въ кабачекъ.
Тамъ его били
Въ четыре дубины,
Пятая осина
По бокамъ возила,
Шестой костыль
По бокамъ вострилъ,
Седьмое колесо,
Подъ оврагъ свезло.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

157.

Московской губерніи.

Ванюшка бѣдный
Нашелъ мѣшокъ мѣдный,
Пошелъ по водицу,
Нашелъ молодицу.
Молодица хороша,
Калачей напекла.
Калачи горячи
За окошко помечи.
Прилетѣли дергачи,
Похватали калачи.
Прилетѣлъ голубокъ,
Потерялъ сапожокъ.
«Бабушка Ивановна!
«Отдай сапожокъ».
— Мнѣ нéкогда отдать:
— Мнѣ черезъ рѣчку перходить,
— Чужу жёнку перносить.
Прорубилъ прорубку,
Поймалъ голубку:
Голубка-то бьется,
А Иванъ смѣется.

Зап. мною.

158.

Тверь.

«Гришка воръ!
«Покажи свой дворъ!»
— Мой дворъ посередь Москвы, —
— Ворота пестры.
Кошка на окошкѣ
Ширинку шьетъ,
Курочка въ сапожкахъ
Избенку мететъ,
Котъ съ полатей
Указываетъ,
Блоха на порогѣ
Въ три ноги бьетъ.
Стара баба на печи
Уплетаетъ калачи.

Зап. М. А. Тетяевымъ.

159.

Владимірской губерніи.

Звони, звони, пономарь,
Мою Дуньку не замай!
Моя Дунька пышка
На улицу вышла,
На камушекъ сѣла,
Два яблока съѣла,
Третьимъ закусила.

Изъ № 30 Влад. губ. вѣдом. 1870 г.

160.

Шуя.

Какъ на горкѣ на горѣ
У Егорки на дворѣ
Двѣ нищенки подрались,
У нихъ сумки потряслись:
Всѣ кусочки полетѣли —
Они стали подбирать.

Зап. учен. Шуйск. прогимназіи
В. Аѳонскій.

161.

Егорушка коновалъ
Кошкѣ ножку подковалъ.
Поѣхалъ жениться, —
Привязалъ корытце.
Корытце болтается
Жена улыбается.

162.

Москва.

Ерема, Ерема!
Сидѣлъ бы ты дома,
Строгалъ бы ты стружки,
Ребячьи игрушки.
Твоя жена пряха, —
По ниточкѣ пряла,
Въ коробочку клала.
Коробка пропала,
Кузьму поклепала.
Кузьма-то божиться,
Къ стѣнѣ приложиться!
Куда мнѣ дѣваться?
Въ солому ли скрыться?
У соломы коровы, —
Быки забодаютъ;
Въ конопляхъ воробьи.
Коноплева-то жена
Пироговъ напекла.
Я хвать за пирогъ, —
Меня скалкой въ лобъ.

Обѣ зап. мною.

163.

Шуя.

Ѣхалъ дядя Еремѣй
На коровѣ на своей.
Крѣпко онъ за хвостъ держался,
Громко пѣсню запѣвалъ,
Но недолго наслаждался, —
Вдругъ съ коровы оборвался.

Зап. учен. Шуйск. прогимназіи
В. Аѳонскій.

164.

Самарской губерніи.

Иванъ бѣсъ
Пошелъ въ лѣсъ,
Сломилъ палку,
Убилъ галку.
Галка скачекъ,
Иванъ плачетъ.

165.

Иванъ болванъ,
Молоко болталъ, —
Не выболталъ,
А все выхлебалъ.
Жена пышку пекла,
Ему шишъ подала.

166.

Иванъ долгой
Пошелъ Волгой,
Прорубилъ порубку,
Поймалъ голобку.
Голубка-то бьется,
А Иванъ смѣется.

167.

Иванушка бѣдный
Нашелъ кувшинъ мѣдный
Пошелъ по водицу
Увидалъ молодицу.
«Дѣвица, дѣвица!
«Налейка водицы,
«Мнѣ для кашицы!
«У меня годи́на
«По женѣ Аринѣ».
Придетъ Коля пастушокъ
Мою кашицу хлебать,
Кобылятину таскать.

Всѣ 4 сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

168.

Владимірской губерніи.

Иванушка рачекъ
По бережку скачетъ,
Бѣлу рыбку ловитъ,

Аннушкѣ носитъ:
Аннушка сердце!
Свари уху съ перцемъ,
А я приду съ хлѣбцемъ;
Я приду хлебати,
Тебя цѣловати.
Наварила, напекла
Три аршина киселя,
Пять пудовъ пироговъ.
А къ этимъ пирогамъ
Выбирался женишокъ —
Иванушка дурачекъ.

Владим. губ. вѣдом., ч. не офф. № 36 (4-го сентябр.) 1870 г.

169.

Новгородской губерніи.

«Иванушка братецъ!
«Сострой мнѣ избушку:
«Шелкомъ шита,
«Тесомъ покрыта».
Кошка вскочила, —
Тесъ обломила;
Пришла коза —
На рогахъ унесла.

Зап. г. Шашинымъ.

170.

Тверской губерніи, г. Торжокъ.

Пошелъ Кузьма по́ воду,
Нашелъ мѣшокъ со́лоду;
Наварилъ кулажку [1]),
Зазвалъ Дуняшку.
«Дуняшка, Дуняшка!
«Зачѣмъ вечоръ не была?»
— Побоялась дергуна.
«Дергунъ тебѣ не судья».
Дергуновы дѣти и т. д.

Зап. мною.

171.

Шуя.

Братцы Кондратцы
Поѣхали по зайцы —
Убили кота.
Привели попа:
Попъ-отъ съ крестомъ,
Попадья-то съ пестомъ,
Маленькіе робятки —
Съ метелками.

Зап. учен. дух. уч. В. Аѳонскимъ.

172.

Шуя.

Тенти бренти,
Чортъ Лаврентій
Ножичекъ точетъ,
Рѣзать меня хочетъ.

Зап. учен. дух. учил. В. Аѳонскимъ.

173.

Самарской губерніи.

Ахъ ты Левка требуха!
Съѣлъ корову да быка,
Овцу ялвицу,
Свинью пакостницу,
Пятьдесятъ поросятъ, —
Однѣ ножки висятъ.
Пришелъ капралъ
Остатки побралъ,
А за нимъ Елизаръ, —
Все чи́стенько подлизалъ:

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

174.

Рязанской губерніи.

У нашего Макея
Было шесть лакеевъ,
А нынче Макей
Сдѣлался самъ лакей.

Зап. мною.

175.

Тульской губерніи, Крап. у.

Матрена плясея́
Наварила киселя, —
Обварила кобеля!
Кобель визжитъ,
Сто рублей тащитъ.

Зап. мною.

176.

Марья Казара
На заваликѣ спала,
Мужу пить подала; —
Мужъ не пьетъ,
По щекамъ ее бьетъ.

Влад. губ. вѣд. 1870 г. № 36.

[1]) Уменьшит. отъ слова *кулага*: саламата, гуща; сырое соложенное тѣсто, иногда съ калиною. Слов. Даля.

177.

Рязанской губерніи, Данск. у.

Ужъ ты Маша хромонога!
Нарожала дѣтей много.
Чѣмъ ихъ будешь кормить?—
Навари ты горшокъ каши,
Наклади имъ цѣлу чашу,—
И пущай они ѣдятъ.

178.

Михайла Кортома́,
Пожарная голова,
Еловая кожа,
Сосновая рожа!

Обѣ зап. мною.

179.

Воронежской губерніи.

Никита волокита!
Купилъ лошадь безъ копыта.
У нашего хозяина
Кудрявая голова.
Онъ кудрями потрясетъ,
По чарочкѣ поднесетъ. [1])

Сообщ. А. Н. Аѳонасьевымъ.

180.

Тула.

Николашка требушка!
Съѣлъ корову да быка
Семьсотъ поросятъ —
Одни лапочки висятъ.

181.

Въ Москвѣ.

Николай, сиколай,
Сиди дома, не гуляй,
Въ балалаечку играй,
На сарай полѣзай!
Тамъ кошку дерутъ,
Тебѣ лапку дадутъ.

Обѣ зап. мною.

182.

Самарской губерніи.

Николинька гусачекъ
По бережку скачетъ,
Бѣлу рыбку ловитъ,
Бабушку кормитъ.
Бабушка старе́нька,
Бабушка добре́нька,
Рыбушку ловитъ,
А внучка голубитъ,
Гладитъ по головкѣ,
Шьетъ ему обновки,
Частенько цѣлуетъ.
Да счастье колдуетъ.

183.

Ты Николка Николай,
Сиди дома, не зѣвай!
Твоя жена пышка
На улицу вышла,
На камешекъ сѣла,
Три лягушки съѣла.
Твоя жена пряха,
Тонка она пряла,
Въ коробочку клала и т. д.

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

184.

Владимірской губерніи.

Олёша два гроша,
Жена не хоро́ша:
Груди большія,
Полупудовыя.

Зап. И. Голышева. Влад. губ. вѣд. 1896 г. № 30.

185.

Самарской губерніи.

Ужъ ты дѣдушка, Степанъ!
Наизнанку кафтанъ.
Тебя дѣвушки любили,
За тобой гурьбой ходили,
Называли капитаномъ:
«Капитанъ поручикъ,
«Сизенькій голубчикъ!
«На немъ шапочка съ перомъ,
«Рукавички съ серебромъ,
«Онъ и ходитъ семенитъ,
«Рукавичками звенитъ».

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

186.

Владимірской губерніи.

Степка лопатка,
Стукъ въ барабанъ
По всѣмъ городамъ.

Изъ 30 № Владим. губ. вѣд. 1870 г.

[1]) Послѣдними 4 стихами въ иныхъ мѣстахъ работники или работницы пытаются вызвать хозяина на угощеніе ихъ водкой. Ш.

187.

Самарской губернии.

Ужъ ты дядюшка Тарасъ,
Побывай-ка у насъ!
У насъ сестра
Не путемъ росла.
Росла не путемъ:
Руки-крюки, колесомъ,
Ноги вилами торчатъ,
Глаза на розь глядятъ,
Голова котломъ,
Рука ящикомъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

188.

Тульской губернии, Крап. у.

Дядя Тарасъ
Не доѣхалъ до насъ.
Твоя дочка у насъ
Плетеночки плететъ
Въ кошо́лочки кладетъ!

189.

Рязанской губернии, Данковск. у., с. Троицкое.

Бабушка Ульяна!
Голова твоя кудрява.
Садись-ко въ сани,
Поѣдемъ-ко съ нами.
Тамъ па базарѣ
Коза въ сарафанѣ,
Утка въ юбкѣ,
Курочка въ сапожкахъ,
Корова въ рогожѣ, —
Нѣтъ ее дороже.

190.

Ужъ ты Филя простота!
Купилъ лошадь безъ хвоста,
Поѣхалъ жениться, —
Привязалъ корытце:
Корытцо болтается,
Жена сидя улыбается.

Всѣ 3 зап. мною.

191.

Самарской губернии.

Сидитъ Яша
На лаковомъ стулѣ,
Грызетъ Яша
Кедровы орѣшки.
Подходила къ Ящѣ
Красавица дѣвица,
Говорила Яшѣ
Красавица бѣлолица:
«Яша, ты Яша!
«Будешь ли жениться?
«Выбирай невѣсту
«Изъ любыхъ любую,
«Себѣ молодую».

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

192.

Тамъ-же.

Ахъ ты Ѳедька бобо́къ!
Наклалъ въ коробокъ,
Покрылъ лубкомъ,
Потянулъ зубкомъ, —
Зубъ-отъ переломился,
Ѳедька подавился.

Сообщ. тѣмъ же.

193.

Шуя.

Какъ у Ѳомки на плѣши
Разыгралися три вши:
Одна пляшетъ
Друга скачетъ,
Третья пѣсенки поетъ.

Зап. учен. Шуйск. прогимна:
В. Аѳонскій.

194.

Въ Тулѣ.

Кутейники рыгачи
Драли козу на печи.
Коза проситъ мыла, —
Опи ее въ рыло,
Коза проситъ молока,
Опи ее подъ бока,
Коза проситъ гущи, —
Опи ее пуще [1]).

---

[1]) Небольшой вар. къ этому № находимъ въ Слов. Даля:

Кутейники дергоноги
Не нашли пути дороги.

195.

Хохолъ, мохолъ,
Плескалъ молоко,
Не выплескалъ, —
Онъ женѣ отдалъ:
Жена не похлебала,
По щекамъ его оттрепала.

196.

Косой бѣсъ
Пошелъ въ лѣсъ,
Срубилъ палку,
Убилъ галку:
Галка плачетъ,
Косой скачетъ.

197.

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ
Ѣхалъ рыжій на быкѣ.
Рыжій краснаго спросилъ:
«Чѣмъ ты бороду красилъ?
— Я ни краской, ни помазкой,
— Я на солнышкѣ лежалъ,
— Къ верху бороду держалъ [1]).

198.

Обманули дурака
На четыре кулака,
На пятое стуло, —
Чтобъ тебя раздуло!
На шестое колесо,
Чтобъ тебя разнесло!

199.

Кривъ кривца
Наварилъ пивца,
Назвалъ гостей,
Кривыхъ чертей:
Пиво попили
Кривого прибили;
Срубили палку,
Убили галку.
Галчата кричатъ,
За мать драться хотятъ.

Всѣ 6 зап. И. П. Чулковскимъ.

200.

Самарской губерніи.

Чечотки сестрицы,
Красныя дѣвицы!
Кукушка подружка,
Воробушекъ шуринъ
Глазки прищурилъ;
Ворона невѣста
Сѣла на мѣсто.

201.

Мордовынька мордва
Поѣхала по дрова.
Тамъ задѣла за пенёкъ —
И простояла весь денекъ.

202.

Тамъ-же.

У нашего дядюшки
Четыре лошадушки:
Перва лошадь пѣгая —
Мимо двора бѣгала,
Другая гнѣдуха, —
Ушла съ голодухи;
Третью савраску
Свелъ съ двора Тараска,
А четвертый соловой, —
Его давитъ домовой.
— Сиди Ерема дома.

203.

Пѣгушка пѣгая
Мимо двора бѣгала,
Диковинку видѣли:
Ѣдетъ баринъ на козѣ,
А барыня на баранѣ,
А малые барчата
Словно поросята:
Въ закоулкахъ хрючатъ, —
Знать спать не хотятъ.

204.

Ѣхалъ шуринъ на базаръ,
Купилъ шуринъ шапку:
Туда уголъ, сюда уголъ, —
Въ серединѣ кисточка.

Всѣ 5 сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

[1]) Въ Шуйск. у., Влад. г., еще прибавляютъ:
А какъ солнышко взошло,
Всю бородушку сожгло.

205.

Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандрево.

Чумаковъ съ волами дразнятъ:

Волы, волы, бушки,
Четыре кадушки.
Волъ покатился,
Чумакъ удавился.

Зап. Е. И. Томилинымъ.

206.

а) Шуя.

Коси коса
Пока роса,
Роса долой —
Косецъ домой.
Коса любитъ лопатку,
Лопатка — песокъ,
Самъ косецъ пирожокъ,
Чтобы сердце обжогъ.

Зап. учен. прогимназ. В. Аѳонскій.

207.

б) Вологодской губ. и у.

Коси, коса, гладко,
Коса любитъ лопатку,
Лопатка песочекъ,
Косецъ — пирожочекъ.

Зап. Н. А. Иваницкій.

208.

Шуя.

Моя мила модная:
По три дня голодная;
Захотѣла чаю пить, —
Чаю не на что купить.
Продамъ лисей воротникъ,
Куплю чаю золотникъ,
Продамъ аленькій платочикъ,
Куплю сахару кусочикъ,
Продамъ мѣдныя тазы,
Куплю милому часы.

Зап. учен. Шуйск. прогимназіи
В. Аѳонскій.

209.

Владимірской губерніи, Вязн. у.

Ты татаринъ бусурманъ,
Посадилъ дѣвку въ карманъ;
Она плачетъ и реветъ:
За татарина нейдетъ.

Влад. губ. вѣд. 1870 г., № 36.

210.

Тульской губерніи.

Татарки, татарки!
Взяли по палки,
Ударили по доскѣ,
Поѣхали по Москвѣ.

Зап. мною.

211.

а) Курской губерніи, Старооскольск. у., д. Лопухинка.

Трынки, трынки!
Три полтинки,
Сахаръ, махоръ
Четвертакъ.
Нюхалъ старый дѣдъ табакъ.
Не доѣхалъ до границы —
Бросилъ шапку рукавицы.
. . . .
Кобыленка пала, —
Кожа не пропала:
Изъ кожички сапожачки,
Изъ хвоста дергала,
Въ скрипочку играло.
«Играй, играй, скрипачёкъ!
«Сошью тебѣ колпачёкъ, —
«Краснаю опушку,
«Бѣлаю макушку:
«По буднямъ не носить,
«По праздничкамъ узнавить!»

Зап. Е. И. Томилинымъ отъ 13 л.
мальчика Митрофанова.

212.

б) Калужской губерніи, Боровск. у.

Трынка, брынка, —
Два съ полтинкой.
Шагомъ, магомъ
Четвертáгомъ.
Солдатъ дергаетъ табакъ, —
Не дошедши до границы.
Бросилъ шапку, рукавицы.
Попъ поѣхалъ на кобылкѣ, —
Кобылка упала,
Шкурка не пропала:
Съ шкурки сапожки,
А съ копыта гребёшки.

213.

А Иванъ, а Иванъ!
Проводи меня домой.
Мой домъ не далекъ.—
Собачка на рѣчкѣ
Побрехиваетъ,
А курочка на печкѣ
Лепешки пекетъ.
А хозяинъ на печи
Обувается,
А медвѣдь на дворѣ
Повивается,
А свинья подъ мостомъ
Овесъ толкетъ,
А лягушка на дворѣ
Пѣсенки поетъ.

Обѣ зап. мною.

214.

Владимірской губерніи, Вязник. у., с. Мстера.

Когда гонится стадо коровъ съ поля, то дѣти становятся въ кружокъ и поютъ:

Стадо гонится,
Богу молится,
Умывается,
Утирается.

Влад. губ. вѣд. 1870 г., № 36.

215.

СЧЕТЪ.

Новогородской губерніи, Валд. у.

Одинъ, два, —
Голова,
Три, четыре, —
Прицѣпили,
Пять, шесть, —
Сѣно везть;
Семь, восемь, —
Сѣно косимъ;
Девять, десять, —
Деньги вѣсить;
Одиннадцать, двѣнадцать, —
На улицѣ бранятся.

216.

Тамъ-же.

Разъ, два, три, —
Стара баба ты,
Четыре, пять, —
Стара баба ты опять.
Шесть, семь, —
Стара баба ты совсѣмъ.

217.

Рязанской губерніи.

Первóй, другой,
Три, четыре, —
Прицѣпили;
Пять, шесть, —
Бьемъ шерсть;
Семь, восемь, —
Сѣно возимъ...

(Далѣе какъ въ предыдущ.).

218.

ДНИ НЕДѢЛИ.

Тульской губерніи.

Понедѣльникъ — бездѣльникъ,
Вторникъ — подворникъ,
Среда — посконная борода,
Четвертокъ — голодокъ [1]),
Въ четвергъ — по дрова.
Въ пятницу — на мельницу,
Въ субботу — на работу,
Воскресенье — на веселье.

Всѣ 4 зап. мною.

219.

Рязанской губерніи, Данк. у.

Воскресенія день
Завалился за плетень, —
Проспалъ весь день.
Хозяинъ дрова рубилъ,
И то меня не разбудилъ.
«Курочка съ яичкомъ,
Пѣтушокъ съ гребешкомъ,
Баранчикъ съ рожками.

Всѣ 3 зап. Кн. С. П. Долгоруковой.

220.

Владимірской губерніи.

Когда деревенскіе ребятишки отправляются въ лѣсъ по грибы, то дорогой они обыкновенно бросаютъ впередъ себя корзинку и, по положенію, которое она приметъ по паденіи, стараются отгадать послѣдствія своего похода: если, напримѣръ, она ляжетъ на землю дномъ, то будетъ набрана полною, если станетъ ребромъ, то только въ половину, если же, наконецъ,

---

[1]) Вар. Середа — меледа.

вверхъ дномъ, то она останется совсѣмъ пустою. При этомъ они приговариваютъ нараспѣвъ:

Ставчикъ, бурчикъ,
Самъ кавурчикъ,
Стогомъ, рогомъ,
Свинья подъ порогомъ.

При возвращеніи же изъ лѣсу съ удачной добычей они приговариваютъ ужъ такъ:

221.

Ужъ ты грибъ грибовой!
Доведи меня домой,—
Либо самъ, либо сынъ,
Либо пасыночекъ,
Либо барченочекъ.

Сообщ. учител. Шуйск. прогимназіи г. Меморскимъ.

В. Жеребьевыя пѣсенныя прибаутки предъ началомъ игры (конанье).

Слѣдующія пѣсенки или приговоры употребляются дѣтьми вмѣсто жеребья:—кому первому начать игру (водить), или кому играть въ ней выдающуюся роль (волка, лисицы, коршуна, костромы и т. п.). Это дѣлается обыкновенно такъ: Всѣ желающіе участвовать въ игрѣ становятся въ рядъ или кругъ и старшій или старшая изъ нихъ, обходя рядъ или кругъ, говоритъ въ тактъ одинъ какой-либо изъ помѣщенныхъ ниже приговоровъ, притрогиваясь слегка рукою при каждомъ словѣ къ плечу или груди каждому изъ участвующихъ, и на кого падетъ послѣднее слово, тотъ или та отходитъ въ сторону. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока считающій такимъ образомъ не останется съ однимъ—самъ-другъ; и тутъ-то послѣднее слово рѣшаетъ, кому изъ нихъ двоихъ быть въ игрѣ коноводомъ, предводителемъ. А на долю котораго достанется предпослѣднее слово, тотъ исполняетъ второстепенную роль, если только она есть въ игрѣ.

222.

Тверской губерніи.

Куколка, куколка,
Боярыня куколка!
У боярыни вдовѣ,
У посадской женѣ
Бѣжитъ, бѣжитъ заинька,
Бѣжитъ горностаенька.
«Погоди, заинька,
«Погоди горностаенька!»
— А мнѣ некогда годить:
— У волка-то свадьба,—
— Отдаетъ лисичку.
— Муха стряпуха.

Зап. мною отъ няни старухи.

223.

Той-же губерніи, Новотор. у., с. Селихиво.

«Куколка, куколка,
«Боярыня куколка!
«Зачѣмъ вечоръ не пришла?»
— Побоялась *типуна.*
«Типунъ тебѣ не судья
«Тебѣ судья Владыка». [1])
Владыкины дѣти
Сидѣли на клѣти,
Горохъ молотили,
Попа не спросили.
Попъ-то съ печки
Сломалъ себѣ плечки,
Попадья съ кровати
Сломала полати.

Зап. мною въ 1857 г.

224.

Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандриво.

«Тивунъ тивунокъ!
«Ольховая дудочка
«Чему вчора не была?
— Боялася тивуна.
Тивуновы дѣти
Горохъ молотили,
Цѣпы поломали,
Врозь раскидали.
Покатилося зерно
На Мартиново гумно.
Мартинъ съ мѣшкомъ,
Мартиниха съ горшкомъ,
Мартиняточки,
Чертиняточки

[1]) По вар. зап. въ Москвѣ А. Н. Островскимъ:
— Побоялась тіуна.
«Тіунъ тебѣ не судья, —
«Судья тебѣ архіерей».

Съ подситочками,
Съ рѣшоточками.

Зап. Ег. И. Томилинымъ отъ 12-ти лѣтн. дѣвочки Дарьи Молодцовой.

225.

а) Курской губернiи, Старооскольск. у.

1. «А куколка, куколка!
2. «Чему дома не была?»
3. — Боялася драгуна.
4. «Драгунъ тебѣ не судья». —
5. Драгоновы дѣти
6. Хочуть улетѣти
7. Изъ моря въ море
8. Великое горе.
9. Тамъ ихъ тетки:
10. Олёна Бурена.
11. Она трехъ родила:
И попа, и дьячка,
И серебреника.
Гарбузъ, дыня, ключъ!

226.

Той-же губ., Тимск. у.

1. Куколка, бакалка
5. Стригуновы дѣти
10. Тетка Арина
11. Коровъ доила.

Обѣ зап. Ег. И. Томилинымъ.

227.

Рязанской губернiи, Данк. у., с. Мураевна.

«Куколка, куколка!
«Что вечоръ не была?»
— Я боялась *типуна.*
«За что его боялась?
«Типунъ тебѣ не судья».
Типуновы дѣти
Хочуть улетѣти.
Полетѣли соколы
Уронили сапоги.
«Аннушка, подыми!»
— Мнѣ некогда поднять:
— Мнѣ мостъ мостить,
— Серебромъ гвоздить.
Вода по колѣно
Разливается,
Какъ царь на коню
Взвивается,
А царица вы свѣтлицѣ
И двоихъ родила,
Вы пелёночки, вы новы́я
Ихъ свила.

Зап. мною.

228.

Новогородской губернiи, Валд. у.

Куколка, ты куколка!
Гдѣ-жъ ты, куколка, была?
Гдѣ-жъ ты, барынька, была?
— Я была, была, была
— Въ Новѣ-городѣ,
— Еще была я, была
— Въ Вышнемъ-Волочкѣ.
«Постой, постой, куколка!
«Постой, постой, барынька!»
— Неколи стояти,
— Пора мнѣ бѣжати
— Волка снаряжати.
— У волковъ-то свадьба:
— Мушка-стряпушка,
— Комаръ полетушка,
— А я побѣгушка.

(Видно не кончен.). Зап. мною.

229.

Псковской губернiи, Порховск. у., д. Поддубья.

«Куколка, барынька!
«Что ты вечо́ръ не пришла?»
— Побоялась типуна.
Типуновы дѣти
Хотя улетѣти
На барски хоромы.
— Барски хоромы
Тесомъ обиты,
Шелкомъ обшиты.
А я лѣсикомъ шелъ, —
Горшокъ каши нашелъ:
Каша маслянная,
Ложка крашенная.
Еще далѣ я прошелъ, —
Толокна мѣшокъ нашелъ:
Толоконце заболталъ
И въ сласть похлебалъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

230.

Самарской губернiи.

Курочка-потатурочка,
Кукушка, рябушка
Сѣли, горѣли,
За море летѣли.

За моремъ горка,
На горкѣ дубровка,
Въ дубровкѣ царица,—
Красная дѣвица.
Медокъ, сахарокъ,—
Поди вонъ, королёкъ!

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

231.

Рязанской губерніи, Егор. у.

Ты кукушка, я кукушка,
Что-жъ ты долго не была?
— Я боялась стригунца.
Стригунцовы дѣти
Сидятъ на повѣти,—
Горшки катаютъ,
Собачкамъ метаютъ.
Собачки лихія
Дьячка утащили.
Дьячекъ изъ подъ казенки
Вытаращилъ глазенки.
Ваня Гоголь
Сломалъ ногу,
Сказалъ Танѣ,—
Красны сани.
Петя печень,
Перепечень.
Шишелъ вышелъ,
Вонъ пошелъ.

Зап. учен. реальн. учил. Никитинымъ.

232.

Самарской губерніи.

Первой далъ,
Другой взялъ,
Трое сѣли
Все поѣли.
Кому гадки гадать?
По туречки писать?
Шелъ, прошелъ
Не нашелъ;
Шишелъ вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

233.

Тула.

Первый банъ,
На колодѣ барабанъ.
Пятьсотъ судьевъ
Попомарь Ульевъ. [1])
Прѣли, горѣли,
За море летѣли.
За морью [2]) церква,
Церква Микола,
Дарья Быкова,
Утка Праскутка,
Селезень Гаврютка.
Родивонъ
Выди вонъ!

234.

Перводанъ, другоданъ,—
Сѣла баба на баранъ,
Поѣхала въ церковь
Богу молиться.
Церковь Микола,—
Дарья Быкова.

Обѣ зап. мною.

235.

Вологодской губерніи и у.

Перводанъ, другоданъ
На четыре угадалъ...
Пятъсотъ курья́,
Пономарь Илья.
Заяцъ, мѣсяцъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку;
Взялъ, не взялъ,—
Дурень вонъ!

236.

Самарской губерніи.

Тюрю, зурю!
Крестъ крещенный,
Мостъ мощенный.
Бѣленькій зайчикъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ, не взялъ,—
Тотъ и вышелъ,—
Вонъ пошелъ.

237.

Тамъ-же.

Первой данъ, другой данъ,
На четыре угадалъ

[1]) Въ иныхъ мѣстахъ: Лудьевъ, Гудьевъ и т. п.
[2]) Въ Самаркс. и друг. вар.—за моремъ.

Пятьсотъ судьевъ —
На семь костровъ.
Ни ложки, ни плошки,
Ни толкачъ, ни рогачъ, —
Одинъ подмазокъ.
Родивонъ,
Поди вонъ!

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

238.

Тульской губерніи, Епиф. у.

Первенчики,
Друженчики,
Беребенчики, —
Трынцы, волынцы,
Поповы ладанцы.
Цыкинь, выкинь!

239.

Тамъ-же.

Первенчики, другенчики.
По колобу, по молоту,
Сучокъ, топорокъ,
Шишелъ, вышелъ,
Духомъ вонъ!

Обѣ зап. мною.

240.

Вологодской губерніи.

Перви́нчики, други́нчики,
Убили голубинчики,
На колобень, на ёлобень,
На Божьей росѣ,
На поповой полосѣ, —
Тамо чашки и ложки,
Медокъ сластокъ, —
Поди вонъ, дружокъ.

Обѣ зап. Н. А. Иваницкій.

241.

Владимірской губерніи, Муромск. у., д. Корниловка.

Первинчики, вѣнчики,
Сумочки, котомочки,
Пять костровъ
Ненаколотыхъ дровъ:
Кому думано скакать,
Тотъ долженъ ихъ достать,
Стенько, маненько,
Златной медокъ.

242.

Тамъ-же.

Клубокъ ты мой золотой!
Я не пряла, — потеряла.
За то меня мать бранила,
Во четыре прута била,
Во серебряная:
Пила воду съ винограда,
До самого до посада.
Чикирей,
Микирей,
Тризвонъ,
Выдь вонъ.

Обѣ зап. Ек. Добрынкина. Труды Влад. стат. к., вып. IV, стр. 133—4.

243.

Курской губерніи, Тимск. у.

Трыньчики,
Волыньчики,
Пядунъ,
Ладунъ,
Дикинь
Выкинь.
Радивонъ
Пади вонъ!

Зап. Е. И. Томилинымъ.

244.

Шуя.

Первенчики, друженчики,
Летали голубенчики
По солоду, по молоду.

(или)

По Божьей росѣ,
По поповой полосѣ.
Тамъ шашки, орѣшки,
Медокъ, сахарокъ, —
Поди вонъ, королекъ!

Зап. учен. прогимназіи Аѳонскимъ.

245.

Рязанской губерніи.

Первенчики, другенчики
Летѣли голубенчики:
Ни трошки, ни ложки,
Ни семь крестовъ,
Николотыхъ дровъ.
Кому думать и гадать, —

Не выгадати.
Поди вонъ, Родивонъ!

246.

Тамъ-же.

Первенчики
Другенчики,
Лебеди по насту.
Крестикъ,
Свистикъ,
Свинка,
Полянка.
Шишелъ
Вышелъ —
Онъ —
Родивонъ,
Пошелъ вонъ!

247.

Московской губернiи, Серпух. у.

Первенчики,
Другончики
На желобѣ.
На колодѣ —
Ставка,
Пленка,
Сучекъ,
Каблучекъ. —
Заяцъ, мѣсяцъ,
Вырвалъ травку
Положилъ на лавку.
Кто взялъ?
Ты!

Всѣ 3 зап. мною.

248.

Самарской губернiи.

Пер́еелики,
Другéлики,
Трынцы,
Волынцы,
Вята,
Лада, —
Шестокъ,
Кипятокъ.
Родивонъ,
Поди вонъ!

249.

Тамъ-же.

Ягодка малиновка,
Медокъ, сахарокъ,
Поди вонъ, королекъ!
Тамъ тебѣ мѣсто —
Въ кислое тѣсто.

250.

Тамъ-же.

Плыла пѣна
Изъ за морья.
Стали пѣну бѣлу
Колотити
Да и спрашивати:
«Кто возьмени,
«Кто возьмени?»
— Царь царица,
Гребеница.
Чашка,
Ложка,
Медокъ,
Сахарокъ!

Всѣ 3 сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

251.

Московской губернiи, Серпух. у.

Цыбу́лики, бу́лики!
За пазухой бублики.
Иванъ капитанъ!
Чѣмъ кони подбивалъ?
— Золотымъ путцемъ.
Дубовая бочка,
Луговая кочка,
По ней мелкая осочка.
Поди, выйди вонъ,
Моя дочка!

252.

Тульской губернiи, Крап. у.

«Зайчикъ бѣленькiй!
«Гдѣ ты былъ?»
— Въ лѣсѣ.
«Что дѣлалъ?»
— Лыки дралъ.
«Куды ихъ клалъ?»
— Подъ колоду.
«Кто бралъ?»
— Родивонъ.
«Выйди вонъ!»

Обѣ зап. мною.

253.

Тверской губерніи, Каляз. у.

Прибѣжали два быка
Во зеленые луга.
Были бы деньги,
Купила-бъ баба серьги,
Вдѣла бы въ уши,
Поѣхала бы тпруши.
Тпруши, ладуши, —
Три курицы кладуши,
Пятухъ клохтунъ,
Человѣкъ свистунъ!
Родивонъ, выйди вонъ!

Сообщ. А. В. С.

254.

Московской губерніи, Серпух. у.

За черемя
За беремя;
За какова?
— За ялова.
Шерстень,
Перстень,
Сорокалецъ,
Воронецъ,
Пьявица,
Жукъ!

255.

Тамъ-же.

За черемя,
За беремя,
За стараго
За Петра
Петровича,
Егорыча,
Труса,
Пеня,
Князь!

256.

Тульской губерніи.

Тенти, бренти!
Самъ соколъ
Черезъ поле
Перешелъ:
Руку, ногу
Накололъ.
Сышелъ, вышелъ,
Вонъ пошелъ!

257.

Тамъ-же.

Перя,
Еря,
Суха (Чуха),
Рюха,
Пята,
Сата,
Ива,
Дуба,
Мака,
Крестъ!

258.

Тамъ-же.

Висѣлъ колоколъ
На яблонкѣ.
Чего проситъ?
— Говядинки,
Краюшечка,
Горбушечка,
Кончикъ!

Всѣ 5 зап. мною.

259.

Курской губерніи.

Дзинь, дзинь,
Передзинь!
Постригули,
Помигули.
А ты, Иване,
Капитане,
Держи кони
На припонѣ.
Чѣмъ кони
Попутаны?
— Серебромъ,
Золотомъ,
Подъ копытомъ
Брязь!

Зап. гимназист. 7-го класса.

260.

Московской губерніи, Серпух. у.

Ой Ваня, капитаня
Стоятъ кони
На припони:
Златцы путцы;
Подкопутцы
Пряжка!

261.

Тульской губерніи, Епиф. у.

Кони новы,—
Чѣмъ подковы?
— Златомъ литы,
По́томъ политы.
«Кто тамъ?»
Казакъ Донской,
Родивонъ.
Выйди вонъ!

262.

Тамъ-же.

Ваня, баня,—
Что подъ нами?
Подъ желѣзными
Подъ столбами?
— Стульчикъ, мальчикъ
Самъ корольчикъ.
Вонъ пошелъ.

Всѣ 3 зап. мною.

263.

Тверской губерніи, Каляз. у.

Лѣзу я, лѣзу
На низкую церковь,
Вижу я, вижу
Ивана капитана.
Я ему дарила,
Я ему сулила
Триста листовъ [1])
Полста голубей.
Ро́ди, Роди, Родивонъ,
Сѣки голикомъ,
Посыпай пескомъ,
Золотымъноскомъ!

Сообщ. А. В. С.

[1]) Вар. Два коня татарскихъ,
Двѣ шлеи мытарскихъ,
Еще конь да сунонь,
Да десятый вонъ.

264.

Рязанской губерніи, Данк. у.

Ходить свинья по бору,
Щиплеть траву лебеду:
Она рветь и береть,
Во беремечки кладеть.—
Что́ ка́лина, что́ ма́лина.
Красна дѣвка вонъ пошла.

265.

Тамъ-же.

Ужъ ты грибъ молодой,
Не налитый водой.
Когда станешь наливать,
Изъ села выгонять?
Шишелъ вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Обѣ зап. мною.

266.

Петербургской губерніи, Лужск. у.

Трынды, брынды упарца,—
Постригается овца.
Завтра масляница.
Свинья ходитъ по двору
Щиплетъ траву лебеду.
Она въ ротъ не беретъ,
Все подъ яслицы кладетъ.

Зап. П. А. Ш.

267.

Курской губерніи.

У Ивана
Капитана
Стоятъ кони
На приборѣ:
Пряжки
Звяжки.
Шишелъ
Вышелъ,
Дикинь
Выкинь!

Зап. мною.

Г. Дѣтскія игры (съ пѣсенными приговорами).

268.

ИГРА ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Владимірской губерніи; Шуйскаго уѣзда.

Вся суть этой игры состоитъ въ томъ, чтобы въ отвѣтахъ на предлагаемые вопросы не употреблять словъ: *бѣлый*, *черный*, *да* и *нѣтъ*. Обмолвившійся нечаянно однимъ какимъ-нибудь изъ этихъ словъ, подвергается штрафу; онъ обязанъ дать какой-нибудь фантъ: орѣхи или что-нибудь въ этомъ родѣ:

Обыкновенно игра эта происходитъ такъ: одинъ изъ играющихъ, выбранный по жребію (водящій), подходитъ къ другому и предлагаетъ ему вопросы, въ родѣ слѣдующихъ:

«Какая у тебя шляпа?»

— Синяя.

«Какая синяя? Она бѣлая».

— Зеленая.

«Какая зеленая? Да она вовсе черная».

— Голубая, — упорно отвѣчаетъ тотъ, мѣняя каждый разъ отвѣты, чтобы не впасть въ повтореніе.

«Вотъ какъ! Голубая. Шляпа-то голубая! Да посмотрите (обращается онъ при этомъ къ другимъ игрокамъ) — можно ли назвать ее голубой? — Совершенно бѣлая!»

— Нѣтъ, не правда, не бѣлая, а черная!

Отвѣтившій такъ необдуманно, подвергается за свою ненаходчивость двойному наказанію за то, что употребилъ два изъ запрещенныхъ словъ: *нѣтъ* и *черный*.

Предлагаютъ и такіе вопросы:

«Есть ли у тебя рога?»

— Есть.

«Неужели есть?»

— Имѣю.

«Стало быть и хвостъ у тебя есть?»

— Хвоста не имѣю.

«Хвоста нѣтъ, а рога есть, такъ кто же ты такой?

— Человѣкъ.

«Нѣтъ, не человѣкъ, а безхвостое животное съ рогами!»

Эти слова вызываютъ, разумѣется, смѣхъ у участниковъ игры, что выводитъ изъ терпѣнія отвѣчающаго и онъ, разсерженный кричитъ: «нѣтъ! человѣкъ!» А эта выходка въ свою очередь еще болѣе усиливаетъ смѣхъ товарищей.

Сообщ. учит. Шуйск. прогимназіи.

269.

КУРИЛКА.

Рязанской губерніи.

Играющіе садятся рядомъ довольно близко другъ отъ друга и кто-нибудь изъ нихъ зажигаетъ тонкую лучину, и когда она хорошенько разгорится, то ее тушатъ и, пока огонь еще тлѣетъ, передаютъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока не погаснетъ. Тотъ, въ чьихъ рукахъ она потухаетъ, долженъ исполнить какое-либо приказаніе. Передавая лучину, всѣ поютъ хоромъ:

Жилъ былъ Курилка,
Жилъ былъ душилка,
Ужъ у Курилки,
Ужъ у душилки, —
Ножки маленьки,
Душа коротенька.
Не умри, Курилка,
Не умри, душилка!
Ужъ у Курилки,
Ужъ у душилки
Ножки маленьки,
Душа коротенька.
Живъ, живъ Курилка!
Живъ, живъ душилка.

Сообщ. учител. народн. училища.

270.

ЗОРЯ.

Той же губерніи, Егор. у.

Играющіе садятся въ кругъ и закладываютъ руки назадъ, а одинъ (Зоря) ходитъ позади нихъ со свитымъ жгутомъ и говоритъ:

Зоря зоряница,
Красная дѣвица,
По полю ходила,
Ключи обронила:
Ключи золотые,
Ленты голубые,
Кольцы обвитыя —
За водой пошла.

Съ послѣднимъ словомъ онъ кладетъ потихоньку жгутъ позади кого-либо изъ играющихъ, который, если это замѣтитъ, то тотчасъ поды-

метъ, ударитъ имъ своего сосѣда, приговаривая: «Не сти Зорю»! прогонитъ его съ мѣста и гонится за нимъ до тѣхъ поръ, пока тому не удастся сѣсть опять на свое прежнее мѣсто. Если же тотъ не замѣтитъ лежащаго около него жгута, то Зоря вновь обойдетъ кругомъ, незамѣтно самъ подыметъ жгутъ, да какъ хлыснетъ имъ прозѣвавшаго, приговаривая: «не прячь, не прячь!» Игра за тѣмъ начинается снова.

Зап. ученикъ Зарайскаго реальнаго училища Никитинъ. Ср. у Покровскаго: «Дѣтскія игры», стр. 114—15.

271.

КУМА.

Костромской губерніи, Тотемск у.

Въ этой игрѣ играютъ только дѣвочки: маленькія—дѣти и подростки,—ихъ няньки. Первыя садятся назадъ въ кружокъ и возлѣ каждой изъ нихъ становится ея нянька. Одна дѣвушка, выбранная по жребію, ходитъ за кругомъ и подходя къ каждой изъ стоящихъ нянекъ, спрашиваетъ:

«Кума, кума, продай дитя!» Этими словами она обходитъ весь кругъ нянекъ и ото всѣхъ получаетъ въ отвѣтъ: «За рѣкой!» Она начинаетъ снова свой обходъ и на этотъ разъ на ея предложеніе первой же нянькѣ: «Кума, кума, продай дитя!» та ее спрашиваетъ: «что даешь»? Спрошенная на это отвѣчаетъ:

Шильце, мыльце,
Бѣлое бѣлильце,
Грошъ да денежку,
Красную дѣвушку,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ.

При этихъ словахъ спрашивающая убѣгаетъ въ одну сторону, а нянька въ другую, стараясь перегнать другъ дружку, чтобы прежде прибѣжать къ своему мѣсту. Кому это удастся, той и ребенокъ.

Зап. мною отъ бывшей дворовой.

272.

КОРОЛИ.

Курской губерніи, Щигровск. у.

Играющіе становятся въ кругъ, по серединѣ котораго становятся двое, другъ противъ друга, держа за концы кушакъ и поютъ:

«Чтожъ не идешь? Чтожъ не идешь»?

— «Короля боюсь» (отвѣчаетъ одинъ изъ играющихъ).

«А нашего короля дома нѣтъ, въ городъ поѣхалъ».

— Зачѣмъ же онъ поѣхалъ?

«Пряники закупать».

— На что вамъ? на что вамъ?

«Васъ кормить, васъ поить.

При этихъ словахъ всѣ разомъ подымаютъ кушакъ и поютъ:

У нашего короля
Растворены ворота
По самыя верея́:
Трое деревцевъ,
Четверо воротцы
Шелкомъ шиты,
Бумагою крыты,
Гвоздями прибиты.

Тутъ всѣ играющіе, взявшись за руки, попарно пробѣгаютъ подъ кушакъ, а послѣдняя пара становится на мѣсто державшихъ его и игра начинается снова.

Сообщ. М. В. Бабанина. Ср. у Покровскаго «Дѣтскія игры», стр. 203—4.

273.

ВЪ КОРШУНЪ.

Владимірской губерніи, Шуйск. у.

Одинъ изъ участниковъ игры, представляющій коршуна, садится на землю и копаетъ ямку, остальные всѣ ходятъ кругомъ его цѣпью, держась одинъ за другого. Первый въ цѣпи называется маткою, всѣ же прочіе—дѣтками. Ходя кругомъ коршуна, играющіе поютъ:

Коршунъ не спитъ, не лежитъ,—
Богу молится.
Свѣчи топятся,
Растопляются,
Стадо гонится,
Разгоняется.

По окончаніи этого припѣва, матка привѣтствуетъ коршуна словами:

«Коршунъ, коршунъ, Богъ помочь!»

— Не въ тѣ ворота взошли, сурово отвѣчаетъ коршунъ.

Матка снова ходитъ и повторяетъ свой привѣтъ. На этотъ разъ коршунъ благосклонно отвѣ-

чаетъ: «Богъ спасетъ!» А матка продолжаетъ спрашивать:

«Что ты тутъ дѣлаешь?»
— Ямку копаю.
«На что тебѣ ямка?»
— Копѣечку ищу.
«Зачѣмъ тебѣ копѣечку?»
— Иголочекъ купить.
«Зачѣмъ тебѣ иголочки?»
— Мѣшечекъ сшить.
«На что тебѣ мѣшечекъ?»
— Камешки класть.
«Зачѣмъ тебѣ камешки?»
— Въ твоихъ дѣтей шугать.
«Въ чемъ они повинны?»
— Они лукъ, макъ повытаскали и черезъ заборъ повыбросали.
«Какой у тебя лукъ, макъ былъ?»
— Вотъ этакой! (показываетъ рукой вверхъ, выше себя).
«А у меня маленькій былъ, да и то не съѣли».

Послѣ этихъ словъ матка опять начинаетъ ходить со всей цѣпью кругомъ коршуна, припѣвая:

Колесомъ, колесомъ!
Твои дѣти за лѣсомъ
Ѣсть, пить просятъ!

Коршунъ, какъ бы раздраженный этимъ пѣніемъ, стремительно бросается на матку со словами: «Кровь пью дѣтей твоихъ! икры звхотѣлъ». Матка, защищая своихъ цыплятъ отъ нападенія коршуна, говоритъ: «Икра на базарѣ, иди покупать». Переловивши всѣхъ, начиная съ младшаго, ставшаго позади всѣхъ, коршунъ велитъ истопить себѣ баньку. Матка, заколотивши гдѣ-нибудь колышекъ, посылаетъ своего дѣтеныша просить коршуна въ баню. «Ты еще малъ!» говоритъ коршунъ первому посланному; «ты неопрятенъ!» говоритъ онъ другому. «Поди, почище одѣнься!» говоритъ третьему. Наконецъ приходитъ сама матка просить коршуна.

«Какая у васъ баня?» чванливо спрашиваетъ онъ матку.
— Новая, отвѣчаетъ та.
«Какой потолокъ?»
— Серебряный.
«Какіе тазы?»
— Вызолоченые.
«Какіе вѣники?»
— Съ позолотою.
«Нѣтъ ли гадовъ?»
— Нѣту!
«Не хочу я идти, пусть несутъ меня».

Играющіе, схватясь руками, несутъ коршуна на указанное мѣсто. Положивши его тамъ на траву, начинаютъ мыть его, т. е. слегка ерошить ему голову. Этимъ и оканчивается игра.

Сообщ. учит. Шуйск. духовн. учил.

274.

б) Въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодск. губерніи (на границѣ Солигалич. у., Костромской губ.) эта игра чаще называется «воронъ», и въ первой своей половинѣ ничѣмъ почти не отличается отъ предыдущаго варіанта, но начиная съ вопроса: «Что мои дѣти дѣлали?» или: «Въ чемъ они повинны?» игра продолжается уже такъ:

— Они всю капусту перерывали.
«Огородомъ загороди».
— Огородъ сломаютъ.
«Тыномъ затыни».
— Оттынютъ.
«Пирогомъ закрой».
— Огложутъ.
«Блиномъ закрой».
— Съѣдятъ.

Тутъ матка закричитъ: «Блинъ да соченъ!» При этихъ словахъ всѣ играющіе выставляютъ по очереди то правую, то лѣвую ногу, спрашивая: «Эта ли?»—Нѣтъ. «Эта ли?»—Нѣтъ. Наконецъ, когда очередь дойдетъ до послѣдней въ вереницѣ, то воронъ закричитъ: «это!» и бросается стремглавъ ловить, а матка старается защищать своихъ дѣтокъ, передвигаясь всѣмъ своимъ рядомъ съ одной стороны въ другую.

Зап. мною отъ бывшей дворовой. Ср. у Сахарова: «Сказ. русск. нар.», т. I, «Р. народн. игры», стр. 81. Терещенко: «Бытъ русск. жизни», ч. III, стр. 94 — 6. «Дѣтскія игры» Покровскаго, стр. 163—167. Игра эта весьма распространенная во всей Россіи, какъ среди корен. населенія, такъ и инородцевъ.

275.

ГОРШКИ.

Рязанской губерніи, Егорьевск. у.

Играющіе изображаютъ собою горшки. Всѣ садятся кругомъ. Позади каждаго сидящаго (горшка) становится другой,—это торговецъ. Затѣмъ одинъ, выбранный по жеребью, обходя кругъ, подходитъ поочередно къ каждому изъ торговцевъ, спрашивая цѣну горшка. Сторговавшись, бьютъ по ру-

камъ. Хозяинъ и покупатель, схватившись за руки, говорятъ речитативомъ слѣдующіе стихи:

Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ,
Сорокъ амбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Шильце, мыльце,
Красненькое яичко,
Хорошаго жениха [1]).

И въ то же время бѣгаютъ вокругъ играющихъ, и кто первый захватитъ горшокъ, тотъ его и хозяинъ.

Зап. учен. Зарайск. реальн. училища Никитинъ.

276.

МАКЪ.

а) Костромской губерніи, на границѣ съ Тотемскимъ уѣздомъ Вологодск. губ.

Играющіе составляютъ кругъ, въ срединѣ котораго садится одинъ (выбранный по жребію)— *Ермакъ*. Кругъ двигается и поетъ:

Маки, Маки, маковицы,
Золотыя головицы!
Станемте мы такъ,
Спросимте про макъ!
Тутъ одинъ изъ круга спроситъ:
Ермакъ, Ермакъ!
Поспѣлъ-ли макъ?
Ермакъ:
Только посѣянъ.

Хоръ снова начинаетъ пѣть первый куплетъ, который онъ повторяетъ послѣ каждаго изъ четырехъ слѣдующихъ вопросовъ Ермаку, который отвѣчаетъ—на второй: «Всходитъ», на 3-й: «Цвѣтетъ», на 4-й: «Зрѣетъ», на 5-й: «Поспѣлъ».

Зап. мною отъ бывшей дворовой вышеозначенной мѣстности.

277.

б) Въ Курской губерніи эта игра отличается нѣкоторыми занимательными особенностями, которыя и приводимъ здѣсь.

Сидящій въ серединѣ круга получаетъ названіе «старикъ».

Кругъ поетъ:

Маки-жъ мои, маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Какъ зеленый макъ!

При послѣднемъ словѣ одинъ изъ играющихъ обращается къ сидящему въ срединѣ: «Старикъ»! на что послѣдній отвѣчаетъ: «ау»!—Поспѣлъ ли макъ?

Старикъ: «Только съ печи слѣзаю».

Кругъ снова поетъ: Маки-жъ мои и т. д. и опять вопросъ: поспѣлъ ли макъ? Старикъ отвѣчаетъ: «соху направляю». Кругъ опять поетъ: Маки-жъ мои и т. д. Въ 3-й разъ старикъ отвѣчаетъ: «посѣялъ», въ 4-й: «всходитъ», въ 5-й: «цвѣтетъ», въ 6-й: «поспѣваетъ», въ 7-й наконецъ: поспѣлъ. Тутъ весь кругъ бросается на него, онъ изо всѣхъ силъ старается убѣжать, но его ловятъ и подбрасываютъ.

Сообщ. И. Е. Томилинымъ. Ср. у Покров. «Дѣтскія игры», стр. 188.

278.

ИГРА ВЪ ХРѢНЪ.

Одесса.

Одна изъ дѣвицъ или молодыхъ женщинъ хватается за столбъ, за дерево или за что-либо другое, а прочіе играющіе за нее и другъ друга. Проситель хрѣна ходитъ вокругъ нихъ и поетъ:

Ой хрѣнъ мой, хрѣнъ!
Ой хрѣнъ господинъ!
Да и кто тебя садилъ?
Да и кто поливалъ?
Селиванъ поливалъ.
Селиванова жена
При дорожкѣ жила,
Приговаривала:
«Я взлѣзу на церковь,
На маковку,
Я сорву *ажику* (?)
Серебреную».
— Стукъ, стукъ у воротъ!

— Кто тамъ? — спрашиваетъ корень хрѣна.
«Князья и бояре», отвѣчаетъ проситель.
— За чѣмъ? —
«Дай хрѣнку»!
— А куда дѣвали прежній? —

[1]) Или хорошей невѣсты,—смотря по полу играющихъ.

«Шли мы чрезъ такое-то мѣсто, наскочили на насъ такіе-то, отняли нашъ хрѣнъ и прибили насъ самихъ».

— Ну, рвите да немного! —

При этомъ всѣ начинаютъ держаться какъ можно крѣпче другъ за друга, и просителю часто стоитъ много труда, чтобы оторвать одну изъ играющихъ.

Зап. А. Великановъ. Сообщ. І. Ив. Паульсонъ. Ср. у Покровскаго «Дѣтскія игры» стр. 177.

279.

ЧЕРНЫЙ — ВОРОНОЙ.

Курской губерніи, Щигр. у.

Дѣти всѣ садятся на полъ или на землю, а одинъ ходитъ съ палкой, представляя собою старика; всѣ поютъ:

Черный мой вороной,
Гдѣ ты былъ, пробывалъ?
— Самъ, черный, потонулъ,
Дѣтей съ собой потянулъ
Шелковымъ неводомъ,
Бырчатымъ рукавомъ.

Подходитъ старикъ:

«Кихи, кихи!»

— Чего ты, старый чортъ, кашляешь?

«Хорошая, пригожая! пойдешь за меня замужъ?»

— Я не умѣю ни толочь, ни молоть, ни по воду ходить.

«А что-жъ ты умѣешь?»

— «Я умѣю спать, лежать и пѣсни пѣть». Съ этими словами она отходитъ въ сторону.

И такимъ образомъ *черный* подходитъ къ каждому изъ играющихъ, и когда всѣхъ заберетъ, то онъ беретъ палку и начинаетъ посылать ихъ на работу; тѣ отказываются, а онъ бросается за ними въ догонку, пока не поймаетъ кого-нибудь. Они всѣ разбѣгаются отъ него въ разныя стороны.

Сообщ. М. В. Бабанина.

280.

КОСТРОМА.

Курской губерніи, Щигровск. у.

Въ эту игру играютъ преимущественно дѣвочки. Выбираютъ онѣ по жеребью двухъ: одну въ бабку или няньку, а другую — въ больную Кострому. Нянька садится на полъ, а больная ложится къ ней на колѣни, а остальныя всѣ, взявшись за руки, ходятъ вокругъ нихъ и поютъ:

Костромушка Кострома,
Сударыня ты моя!
Состарила ты меня
Своимъ умомъ-разумомъ,
Своею походкою,
Скорою поговоркою. [1])

Игр. «Тукъ, тукъ у воротъ!»
Нянька. — Кто тамъ?
Игр. «Кузьма [2]) Криворотъ».
Н. — Зачѣмъ?
Игр. «Кострома дома?»
Н. — Нѣту-ти, въ городъ уѣхала [3]).

Хороводъ опять ходитъ съ тою же пѣснею вокругъ няньки и, остановившись, предоставляетъ еще какой-нибудь изъ участницъ возобновить разговоръ съ нянькой въ такомъ родѣ:

Игр. «Тукъ, тукъ у воротъ!»
Н. — Кто тамъ?
Игр. «Кузьма Криворотъ».
Н. — Зачѣмъ?
Игр. «Кострома дома?»
Н. — Обѣдаетъ.

Повторяется то же и на вопросъ играющей: «Кострома гдѣ?» няня отвѣчаетъ: «животъ заболѣлъ».

Игр. «Тукъ, тукъ у воротъ».
Н. — Кто тамъ?
Игр. «Кузьма Криворотъ».

---

[1]) По другому варіанту вмѣсто послѣднихъ 4-хъ стиховъ поютъ слѣд. 3 стиха:

Поставила ты меня
Безъ ума, безъ разума,
Безъ своея памяти.

[2]) Иванъ.

[3]) Отсюда, по означенному варіанту, запись продолжается такъ: «Опять начинаютъ ходить кругомъ и пѣть. Послѣ обычныхъ вопросовъ, на вопросъ: «Готова ли Кострома?» бабка отвѣчаетъ: «Къ обѣдни ушла»; во второй разъ: «отъ обѣдни пришла»; въ 3-й: «обѣдаетъ»; въ 4-й: «отдыхаетъ»; въ 5-й: «заболѣла»; въ 6-й: «вочень трудна»; въ 7-й: «умерла»; въ 8-й: «хоронить несутъ». При послѣднихъ словахъ всѣ дѣвушки бросаются на Кострому, схватываютъ ее за руки, за ноги, какъ попало и съ воемъ и голосьбой нараспѣвъ, но безъ всякихъ причитаній, тащатъ ее и кладутъ куда-нибудь въ сторону, а сами падаютъ ницъ. Тогда Кострома вскакиваетъ и бьетъ лежащихъ, приговаривая: «Пеки блины, поминай меня!» Когда она ударитъ послѣднюю, всѣ вскакиваютъ и бѣгутъ,—она за ними, и которую поймаетъ, та въ слѣдующій разъ дѣлается Костромой, и съ помощью старой Костромы должна выловить бабку.

Н. — Зачѣмъ?
Игр. «Кострома гдѣ?»
Н. — При смерти.

На слѣдующіе вопросы отвѣчаютъ:

а) За попами послали.
б) Подъ образами лежитъ.
в) Обмываютъ.
г) Унесли на погостъ.

Кострому хоронятъ и всѣ ложатся спать недалеко отъ нея. Ночью Кострома встаетъ и, ударяя по нѣскольку разъ каждаго изъ спящихъ, приговариваетъ: Пеките блины, поминайте Кострому. Спавшіе вскакиваютъ и разсказываютъ другъ другу: «А что я видѣлъ во снѣ! Кострома приходила и говорила: «Пеките блины, поминайте Кострому». Всѣ идутъ на мѣсто погребенія Костромы. Послѣдняя вскакиваетъ и гоняется за всѣми до тѣхъ поръ, пока не переловитъ ихъ всѣхъ. Этимъ игра и кончается.

Зап. А. И. Марковой. Ср. у Сахарова «Ск. р. н.», ч. II, отд. Праздники и обычаи, стр. 90 (изд. 1849 г.), Е. Покровскаго: «Дѣтск. игры», стр. 197.

281.

УТКА.

Вятской губерніи.

Эта игра ходовая. Производится подъ руководствомъ взрослыхъ женщинъ: сестрицы, тетки и т. п. Двѣ женщины становятся рядомъ и взявшись за руки, подымаютъ ихъ къ верху—въ видѣ воротъ. Дѣти тоже берутся за руки и растягиваются въ прямую линію. Впереди ихъ становится старшая дѣвушка и взявши близъ стоящаго ребенка за руку, проходятъ подъ пѣніемъ нижеслѣдующей пѣсни вокругъ этой пары, а при послѣднемъ стихѣ проходятъ подъ ворота,—что повторяется нѣсколько разъ.

Утка шла по берегу,
Сѣра шла по крутому,
Дѣтокъ вела за собою:
«Вы, дѣтоньки, остановитесь,
«Вы, маленьки, подождите! —
Я схожу на дворъ на боярскій;
Тамъ живетъ лисица лихая,
Изъ лихихъ лихая:
Она съѣла утенка,
Изъ лучшихъ лучшаго,
Изъ матерыхъ матераго.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

282.

ИГРА ВЪ ГУСИ.

Одесса.

Въ нее играютъ только однѣ дѣти. Изъ нихъ ставятъ кого-либо матерью, а другого волкомъ. Всѣ прочіе представляютъ гусей. Мать садится, волкъ отходитъ въ сторону, гуси становятся въ полѣ. Затѣмъ мать начинаетъ звать дѣтей своихъ домой слѣдующимъ образомъ:

«Гуси домой!»
А они спрашиваютъ:
— Зачѣмъ?
«Волкъ за горой!»
— Что онъ дѣлаетъ?
«Гуску щиплетъ».
— Какую?
«Сѣрую, бѣлую, волохатую. Бѣгите домой».

Въ это мгновеніе волкъ бросается на гусей и ловитъ ихъ. Кого поймаетъ, того отводитъ въ свою яму. Потомъ гуси снова идутъ въ поле, и на зовъ матери, опять бѣгутъ къ ней, а волкъ старается пресѣчь имъ дорогу и сдѣлать ихъ своей добычей. Игра такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока первый не переловитъ послѣднихъ. Потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, мать идетъ въ разныя стороны искать ихъ. Любовь приводитъ ее даже къ исконному ея врагу—волку.

«Волкъ, волкъ, не видѣлъ ли ты дѣтей моихъ?»
— «Видѣлъ», — отвѣчаетъ онъ.
«А въ какую сторону пошли они, по какой дорожкѣ?»
— По синенькой.

Мать идетъ въ показанную сторону.

«Не нашла», печально говоритъ она, возвратившись.

— Ну, поищи по красненькой, да по зелененькой дорожкѣ, авось найдутся.

Мать опять ищетъ и — не находитъ.

Въ это время гуси, стоящіе позади волка, начинаютъ шипѣть и бить въ ладони.

«Что это у тебя, кумъ, за шумъ да стукъ?»

— Не стоитъ безпокоиться, кума: сыплется пшено, да ложки падаютъ съ полки.

«Ну-ко, покажи».

При этомъ дѣти, представляющіе гусей, складываютъ ладони и сжимаютъ ихъ. Мать начинаетъ разнимать; у кого разниметъ, тотъ переходитъ на ея сторону, а у кого нѣтъ, тотъ остается за волкомъ.

Послѣ этого мать и волкъ расходятся. Для послѣдняго начинаютъ приготовлять баню. Мать приглашаетъ его туда чрезъ дѣтей своихъ; но волкъ

всѣмъ отказываетъ. Наконецъ она сама приходитъ къ нему и проситъ его такъ:

«Волкъ, волкъ! пожалуй къ намъ въ баню. У насъ баня на славу, тазы золотые, вѣники дорогіе».

— Хорошо, кумушка, хорошо, — отвѣчаетъ волкъ.

Тогда дѣти вьютъ жгуты или берутъ прутья и становятся въ два ряда, другъ противъ друга. Это—баня. Волкъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые остались за нимъ, бѣжитъ посреди этихъ рядовъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ никто не сдѣлаетъ промаху, и удары одинъ за другимъ сыпятся на бѣгущихъ

Зап. А. Великановъ. Сообщ. I. Ив. Паульсонъ. Ср. «Дѣтскія игры» Покровскаго, стр. 170. (Волкъ и гуси). По его указанію эта игра практикуется въ губ. Черниг., Екатеринославск., Харьковск., Курской и въ Терской области.

283.

ЛѢНЬ.

Курской губерніи, Щигровск. у.

Одинъ изъ играющихъ, представляющій собою лѣнь, садится на земь или (если игра происходитъ въ комнатѣ) на полъ и около него его невѣста. Остальные участвующіе въ игрѣ ходятъ кругомъ и поютъ:

Лѣнь моя лѣнь, лѣнь лѣнивая!
«Тепло ли тебѣ, лѣнь?
«Холодно ли тебѣ лѣнь?»
— Мнѣ не такъ тепло,
Мнѣ не такъ холодно.
Одѣньте меня!
Приголубьте!
Съ красной дѣвушки вѣнокъ,
Съ молодушки платокъ,
А со малаго ребенка
Косой воротокъ.
. . . .
Гдѣ утя шла —
Тамъ пыль прошла,
А гдѣ я, молода, —
Тамъ рожь густа.
Она густа, густа,
Густа и колосиста,
Колосиста и волосиста:
Со колоса *корвега*,
Со полузерна — калачъ,
А съ цѣлаго — пирогъ.

При послѣднихъ словахъ ходящіе кругомъ останавливаются и обращаются къ лѣни съ слѣдующимъ вопросомъ:

«Что ты лѣнь сидишь?»
— «Жениться хочу!» отвѣчаетъ та.
«Кого-жъ тебѣ надо?»
— «Я старуху не хочу, и вдову не хочу, а хочу красную дѣвушку...» и называетъ по имени кого хочетъ.

Тутъ прежняя невѣста встаетъ, а новая садится около лѣни (жениха). Затѣмъ игра продолжается по прежнему.

Сообщ. А. И. Марковой. Ср. у Покровскаго: «Дѣтскія игры», стр. 196.

284.

ЛИСА.

Псковской губерніи, Порховск. у.

Играющіе становятся въ кружокъ и считаются (конаются) такъ:

Пиврóшка, другóшка,
Трышка, валышка,
Пя́дунъ, ла́дунъ,
Шóханъ, рóханъ,
Ди́кинь, вы́кинь!

Кому достанется «выкинь», тотъ выходитъ изъ кружка, а остальные снова считаются тѣми же словами, и на кого на этотъ разъ падетъ слово «выкинь», тотъ тоже выходитъ вонъ. И такимъ образомъ продолжаютъ считать до тѣхъ поръ, пока въ кружкѣ при словѣ «дикинь» останется только одинъ человѣкъ. Тогда всѣ играющіе начинаютъ его дразнить: «Ли́са, ли́са, долгой хвостъ». А онъ бросается ихъ ловить, и кого поймаетъ, тотъ долженъ помогать ему ловить остальныхъ, пока ему не удастся переловить всѣхъ.

285.

ПАЛОЧКА-ТАТАРОЧКА.

Псковской губерніи, Порховск. у.

Эта игра относится къ разряду игръ «въ прятки» и «въ бѣгъ въ запуски». Начинается она тѣмъ, что играющіе выбираютъ по жребію изъ своей среды одного въ ловильщики. Дѣлается это обыкновенно такъ: одинъ изъ нихъ беретъ предназначенную для игры палку (около аршина длины и немного потолще пальца), обхватывая ее рукою за нижній конецъ, другой такимъ же образомъ немного повыше, третій еще выше и т. д. Кому послѣднему достанется покрыть своей рукой руку товарища и верхній конецъ палки, тотъ

и долженъ ловить. Этотъ способъ *кананья* называется *перебираться.*

Затѣмъ одинъ изъ играющихъ закидываетъ палку какъ можно дальше, и пока ловящій бѣжитъ за нею, остальные игроки спѣшатъ спрятаться какъ можно лучше (напр. за сараемъ, за колодой, за бревномъ, за изгородью и т. п.), чтобы не быть замѣченными ловильщикомъ. Послѣдній бѣжитъ наугадъ къ одному изъ этихъ мѣстъ съ палкою въ рукахъ и, ударяя по нему, говоритъ:

Па́лычка-тата́рычка
Нико́ва не нашла.
Каво перваво найдетъ,
Таво въ поле пошлетъ. [1])

Вслѣдъ затѣмъ ловильщикъ идетъ отыскивать спрятавшихся товарищей, и кого найдетъ, того онъ долженъ назвать по имени и бѣжать къ палкѣ, — *застучать* его. Если имъ найденный и *застучитъ* ловильщика, то спрятавшіеся выходятъ всѣ разомъ и тогда онъ опять остается ловильщикомъ. Если же послѣднему удастся прибѣжать къ палкѣ прежде своихъ товарищей, то онъ, постучавъ ею, говоритъ: «Палычка-татарычка на такомъ-то!» и съ этими словами идетъ разыскивать остальныхъ. Но если онъ обознается, т. е. назоветъ не того, кого увидитъ (что легко можетъ случиться, такъ какъ спрятавшіеся обыкновенно обмѣниваются другъ съ другомъ одеждой), то всѣ играющіе разомъ выходятъ изъ своихъ убѣжищъ и тогда ловильщику приходится опять продолжать свою роль и ему опять закидываютъ палку и т. д. Товарищи пойманнаго стараются захватить отъ него палочку, какъ только онъ отойдетъ отъ нея. Если же, наконецъ, ловильщикъ отыщетъ и *застучитъ* всѣхъ, то ловить долженъ первый имъ пойманный товарищъ.

Обѣ по записи учен. духовн. училища
К. Евсѣева.

[1]) Вар. Палычка-татарычка
На мѣсти ляжитъ,
Ни куды не бѣжитъ.

ХОРОВОДНЫЯ.

А. Хороводныя наборныя (приступъ къ хороводу).

Хороводныя пѣсни по своему характеру и содержанію, распадаются на три разряда: на а) *наборныя* или *сборныя*, б) *игровыя* и в) *разводныя* или *разборныя*. Такъ раздѣляетъ ихъ самъ народъ во многихъ губерніяхъ.

Пѣсни перваго разряда служатъ какъ бы вступленіемъ ко второму, настоящей сути хоровода.

Когда сельская молодежь обоего пола собирается хороводы водить — весною и лѣтомъ на лугу зеленомъ или на улицѣ широкой, а осенью и зимою въ болѣе просторныхъ избахъ, — то дѣвушки сперва запоютъ небольшую пѣсенку-пригласительную, весьма скудную содержаніемъ и заурядъ оканчивающую стихами такого рода:

Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

или:

У Катюши огородъ, —
Пожалуйте въ хороводъ!

или:

Подпоясавшись тряпицей,
Выбирай парень, дѣвицу!

или:

Кроетъ милому рубашку —
Нѣмецкій воротокъ, —
Пожалуте въ хороводъ!

или:

Пишетъ милый мой
Объ любови дорогой, —
Пойдемъ, дѣвица, со мной! и т. п.

Объ этомъ же разрядѣ пѣсенъ свидѣтельствуютъ и собиратели сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, Сахаровъ, наблюдавшій хороводъ въ Тульской, Калужской и другихъ подмосковскихъ губерніяхъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ хороводнымъ пѣснямъ (Сказ. р. н. I, Отд. Хороводн., стр. 75) по поводу извѣстной пѣсни: «А мы просо сѣяли, сѣяли» говоритъ слѣдующее: «Обыкновенно передъ началомъ этой пѣсни хороводница выступала на лугъ и запѣвала первую *сборную*, а игроки постепенно скликались въ кружки, приготовлялись пѣть хороводную пѣсню». Сборныхъ, предхороводныхъ пѣсенъ было, вѣроятно, не мало въ обращеніи среди народа во время Сахарова и по этому нельзя не пожалѣть, что онъ изъ ихъ цикла напечаталъ въ своемъ сборникѣ всего на все только двѣ [1]).

---

[1]) Приводимъ здѣсь обѣ сборныя пѣсни цѣликомъ для сравненія съ нашими:

1-я у Сахарова въ Отд. хороводн., стр. 27, подъ № 1.

Какъ по улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы, холостые, не глядите,
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не взяти.
Ужъ какъ взять ли не взять ли *по любви?*
Что по батюшкину повелѣнію,
Что по матушкину благословенью.

2-ая въ томъ же отдѣлѣ, стр. 37, № 32.

Жилъ курилка у воротъ,
Жилъ чижикъ у воротъ,
Жилъ воробышекъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій,
Чижикъ желтенькій.
Ахъ братцы мало насъ,
Голубчики, немножко.

Болѣе подробное сообщенiе объ этихъ пѣсняхъ мы находимъ у Студитскаго. Въ своемъ сборникѣ народныхъ пѣсенъ Вологодской и Олонецкой губерній онъ передъ отдѣломъ хороводныхъ пѣсенъ изъ первой губерніи помѣстилъ 4 пѣсенки подъ заглавіемъ *сборныхъ* (стр. 7—10) и въ выноскѣ къ нимъ (стр. 10) замѣчаетъ слѣдующее: «Эти 4 пѣсни поютъ тогда, когда набираютъ хороводъ, вотъ почему и называютъ сборными. Молодецъ беретъ дѣвушку, дѣвушка другаго молодца и такъ дальше, — всѣ бѣгаютъ и поютъ одну и туже пѣсню разъ пять и больше»». — Къ этому нужно прибавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новогородской и Вологодской губерній наборныя пѣсни извѣстны подъ именемъ *заинка*.

По окончаніи описаннаго *сбора* или набора пары становятся въ кругъ и тутъ-то начинается главный актъ хоровода, открывающійся большей частью рядомъ пѣсенъ, которыя сопровождаются тѣлодвиженіями и дѣйствіями дѣйствующихъ лицъ, имѣющими въ виду наглядно изобразить все то, о чемъ говорится въ поющейся пѣснѣ. Вотъ такія именно пѣсни въ народѣ почти повсюду слывутъ *игровыми*. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ онѣ, — за малымъ развѣ исключеніемъ, весьма содержательны, полны драматизмомъ и часто заключаютъ въ себѣ цѣлыя баллады.

Съ окончаніемъ игровыхъ пѣсенъ рѣдко однако оканчивается сложное хороводное *дѣйство*, а чаще всего вслѣдъ за ними запоютъ коротенькую пѣсню, въ родѣ прощальной или благодарственной, которая обыкновенно оканчивается стихами такого рода:

Гдѣ ни сойдемся
Мы поклонимся,
Гдѣ ни свидимся —
Поцѣлуемся.

или:

Съ кѣмъ ходили, съ кѣмъ гуляли,—
Расходились — цѣловались.

или:

Кто чужу жену любитъ,
Тому грѣшно будетъ,—
Кто дѣвицу приголубитъ,—
Семь разъ поцѣлуетъ.

Послѣднее заявленіе всегда исполняется на дѣлѣ очень усердно, какъ участниками, такъ и участницами хоровода. Такія пѣсенки народъ называетъ *разборными* или *разводными*.

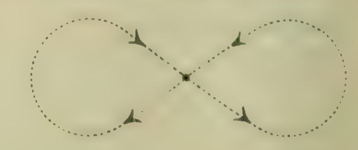
Вѣнчаетъ же всю хороводную затѣю скорая, живая плясовая пѣсня, часто сопровождаемая вакхическими возгласами и животрепещущими тѣлодвиженіями. Впрочемъ не всѣ плясовыя пѣсни таковы. Немалое ихъ количество довольно серьезнаго характера и содержаніемъ своимъ часто сходятся съ хороводными, отличаясь отъ послѣднихъ только юмористическимъ или сатирическимъ тономъ. Собиратель.

Въ дополненіе къ сказанному, считаю не лишнимъ привести здѣсь и замѣтку о хороводныхъ пѣсняхъ Островскаго уѣзда Псковской губерніи, которая была уже разъ напечатана въ первомъ моемъ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ (изд. въ 1870 г.).

«Хороводы бываютъ лѣтомъ, особенно въ праздничные дни, когда народъ свободенъ и когда многіе пріѣзжаютъ въ гости изъ другихъ приходовъ и даже уѣздовъ къ своимъ родичамъ и знакомымъ.

Но въ Островскомъ уѣздѣ, а особенно въ Муравейскомъ приходѣ и смежныхъ съ нимъ, хороводы бываютъ трехъ родовъ:

1. Дѣвушки и мужчины, взявшись за руки, составляютъ кругъ. Этотъ кругъ сначала двигается въ одну сторону, потомъ подъ ту же пѣсню вожакъ, или чаще вожачка (которая и заправляетъ пѣніемъ и плясками), входитъ въ кругъ. За ней двигаются всѣ и при движеніи образуютъ цифру 8. Потомъ снова составляютъ кругъ и пока поется пѣсня, продолжаютъ и перемѣны.

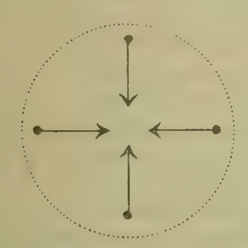


Вы сбирайтесь, молодые
Вы сходитесь, холостые,
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики немножно!
Вы сбирайтесь молодые,
Вы сходитесь, красныя!
Еремѣй сударь, иди къ намъ,
Ивановичъ, приступись!
Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики немножко!
Чижикъ, пыжекъ у воротъ,
Воробышекъ въ хороводъ.

Въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ (стр. 81, № 32) Сахаровъ говоритъ слѣдующее: «Эту пѣсню поютъ въ весеннихъ хороводахъ, предъ началомъ игръ. Запѣвало начинаетъ прежде пѣть одинъ, къ нему присоединяются другіе. Поселяне Тульскаго уѣзда обыкновенно выражаютъ эту пѣсню: «Кликать кличъ».

2. *Хороводъ съ платкомъ.* Здѣсь тоже въ началѣ—кругъ; у каждой изъ играющихъ или, по крайней мѣрѣ, у половины изъ нихъ платокъ въ правой рукѣ. Вожакъ подаетъ своей сосѣдкѣ конецъ платка, та беретъ его лѣвою рукою и, отступя другъ отъ друга, поднимаютъ руки такъ, что образуютъ ворота. Въ эти ворота входитъ слѣдующая пара и, пройдя, становится за первою и тоже поднявши руки къ верху, образуя новыя ворота, за ними третья и слѣдующія, такъ что послѣдняя пара проходитъ черезъ 7, 8 и болѣе воротъ, по числу паръ играющихъ.

3. *Крестъ.* Въ этой фигурѣ играютъ 4 человѣка,—обыкновенно 2 женщины и 2 мужчины, съ притоптываньемъ и помахиваньемъ платкомъ. Женщина приближается къ мужчинѣ, который, въ свою очередь, помахивая шляпой, подходитъ къ ней. Подошли, поклонились, отвернулись и—тѣмъ же порядкомъ возвращаются на свои мѣста, только одинъ къ другому тыломъ. Другая пара идетъ тѣмъ же порядкомъ, но уже подъ прямымъ угломъ, къ первой. Кругъ же играющихъ поетъ пѣсни».



Зап. Ив. Яковлевъ въ 1863 г., іюля 9-го. Великія Луки. Сообщ. М. И. Семевскимъ въ 1868.

286.

Тверской губерніи и у.

Становятся въ кругъ и ходятъ. Выступаетъ впередъ дѣвушка и выбираетъ парня, а эта пара выбираетъ другую и т. д. Во время выбора поютъ слѣдующія пѣсни:

«Мальчюшичка молодой,
Владимірскій полковой!
Гдѣ ты, мальчикъ, былъ, былъ?»
— Былъ я, мальчикъ, у душеньки,
У душеньки, у Катюшеньки.
Катю дома не засталъ,
На крылечкп простоялъ,
За колечко продержалъ,
За такое, за витое,
За серебряное.
Во горенку я вошелъ —
Ничего я не нашелъ,
Во свѣтлицу я вошелъ, —
Всѣ веселости нашелъ:
Сидитъ моя милая
За убранымъ столомъ,
Вышиваетъ полотенце,
Полушелковый платокъ,
Кроетъ милому рубашку,
Нѣмецкій воротокъ. —
Пожалуйте въ хороводъ!

287.

Тамъ-же.

Не безчестно молодцу
Вдоль по улицѣ пройти, 2
Къ хороводу подойти.
Подойду я къ хороводу,
Поклонюсь всему пароду;
Я подвинуся поближе,
Поклонюся имъ пониже.
Я, по прежней по любви,
Съ дѣвкой шуточку сшутилъ,
Шуткой на ногу ступилъ:
Башмакъ новый проломилъ.
—«Мнѣ не жалко башмака,
Жалко бѣлаго чулка:
Башмакъ батюшка купилъ
Чулокъ милый подарилъ».

288.

Тамъ-же.

Мимо рощицы дорожка пролегала.
Знаю *вѣду*, кто дорожку проложилъ:
Холостой парень ко дѣвушкамъ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
Мнѣ на ручку золотъ перстенечекъ,
На шеюшку левантиновый платочикъ

— «Размолодчикъ молоденькой,
Бери дѣвушку хорошенькую!»

Всѣ 3 зап. И. А. Никольскимъ.

289.

Тверь.

Свѣтитъ мѣсяцъ
Передъ горницею,
Заря потухаетъ
Передъ свѣтлицею.
Ходитъ хорóша
Изъ терема въ теремъ,
Стелетъ постелю,
Перину пуховую:
Лисье одѣяло
Припасала милому,
Пухову подушку
Перетряхивала,
Съ милыми подружками
Разговаривала:
«Что жъ это, подруженьки,
«Милова нѣтъ?»
— Не былъ, не бывалъ,
— Въ короводѣ прогулялъ.
А вотъ онъ идетъ,
Съ собой дѣвицу ведетъ.

290.

Тамъ-же.

Я полю, полю капусту
Полю бѣленькую,
Полю бѣленькую,
Полубѣленькую.
У кого капусты нѣтъ, —
Приходи ко мнѣ въ огородъ,
Прійди ко мнѣ въ огородъ,
Въ дѣвичій короводъ:
Капусту поливать,
Самъ дѣвицу выбирать.

291.

Тамъ-же.

«Вейся, ты вейся, капуста,
Завивайся, бѣлáя! [1])
— Какъ же мнѣ, капусткѣ, не виться,
Какъ же мнѣ, бѣлой, не клубиться?
Вечоръ на капусту,
Вечоръ на бѣлу̀ю
Выпалъ частый дождикъ.
Сильный дождь поливаетъ,
Бѣлую капусту ломаетъ [2]),
Молодецъ дѣвицу выбираетъ.

Всѣ 3 зап. мною.

292.

Тверской губерніи.

«По лужкамъ трава
Растилается.
Что за травушка
За муравушка!
Что за молодцы
Разудалые!»
— Что за дѣвица,
Раскрасавица!
Я тебя люблю,
Въ хороводъ беру,
Въ хороводъ беру
Красну дѣвицу,
Красну дѣвицу
— За себя возьму.

Зап. семинарист. Тверск. семинаріи.

293.

Той же губерніи и у.

Дунай рѣчка широка,
Моя ручка коротка,
Положу я *ламину* [3]),
Переведу я милую,
Переведу любезную
На свою я сторону.
На моей ли на сторонкѣ
Гулянье, веселье,
Гулянье, веселье,
Краснымъ дѣвушкамъ собранье.
А вотъ мой миленькій идетъ
Съ собой дѣвушку ведетъ.

Зап. студент. Духовн. акад. Никольскимъ.

---

[1]) Вар. Ужъ ты вейся, ты вейся
Капустка моя!
Развивайся вилой, корешокъ!
Не женись молодой паренекъ.

[2]) Ливмя льетъ, поливаетъ,
Бѣлую капусту завиваетъ.

[3]) Вмѣсто: *лáвину*, отъ слова *лáва*: кладочка, перекладка.

294.

Той же губерніи, Новоторжск. у.

Руби, руби, молодецъ,
 Куда древо клонится!
Отдай, отдай, батюшка,
 Куда замужъ хочется!
За парня холо̀стаго,
 За купца богатаго,
За купца богатаго,
 За горькаго пьяницу!
«Пьяница, пьяница,
 Выбирай красавицу.
Размолодчикъ молодой,
 Бери дѣвицу съ собой!»

295.

Тамъ-же.

Дамки, дамки, да́мочки;
Наши дѣвки кра́лечки.
Онѣ любятъ пранички,
А старушки сухари,
А ребята водку.
Водку пили, булки ѣли,
Прогуляться захотѣли.
. . . .
Мой мужъ, не хорошъ,
Поѣхалъ за рѣчку, —
Дай Богъ, чтобъ издохъ,
Я поставлю свѣчку.
Зажгу свѣчку сальную,
Сама пойду въ спальную.
Во спальнѣ комодъ...
 Пожалуйте въ хороводъ!

Обѣ зап. мною.

296.

Той же губерніи и у.

Какъ у Дуни много думы,
У красавицы забавы:
Гдѣ бы съ милымъ повидаться,
Повидаться, не разстаться?
— Во саду ли во садочкѣ,
Тамъ гуляли дѣво́чки;
Одна въ розовомъ платочкѣ:
Она ходитъ, горюетъ,
Частехынько вздыхаетъ,
Любезнаго вспоминаетъ.
 «Ты молодчикъ молодой,
 Бери дѣвицу съ собой!»

297.

Тамъ-же.

Печка, ты печка,
Экая хитра̀я!
Труба-то, труба, —
Труба я кривая,
Дымокъ *воево̀къ*, —
Пожалуйте въ хороводъ.

298.

Тамъ-же.

«Ужъ ты Катя, Катерина!
Зачѣмъ любишь дворянина?»
— Ужъ ты матушка моя, —
А я дочка твоя.
Не учила ты меня,
Когда маленька была,
А теперь я велика;
Люди хвалятъ жениха.
Женихъ-то Ванюша,
Золовка — Катюша,
У Катюши огородъ.
Пожалуйте въ хороводъ!

299.

Тамъ-же.

Въ огородѣ-то гряда,
Разсажена въ три ряда.
Какъ по этой по грядѣ
Ѣдетъ милый на конѣ.
Шуба на немъ вьется, —
 Раздувается,
А молодецъ надъ дѣвицей
 Насмѣхается:
«Ты разуй, разуй, дѣвица,
 Разуй, милая моя!»
— Ужъ я рада разувать,
Боюсь кольца замарать,
 Ребятъ дѣвокъ выбирать.
. . . .

Всѣ 4 зап. студент. Духовной академіи, И. А. Никольскимъ.

300.

Той же губерніи, Новоторжск. у., с. Селохово.

Башмачки мои козловенькіе!
Башмачки скрыпятъ, — 2
Все ребята глядятъ.
Полюбила-бъ я такого
Расхорошаго мило̀ва:

Расхорошій милой
Много денегъ да̀ритъ.
У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ,
У кого денегъ поболѣ,
У того руки на волѣ.
«Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ хороводъ!
Въ хороводъ поставлю:
— «Танцуй ты, танцуй я,
«Танцуй, милая моя!»

Зап. мною.

301.

Псковской губерніи.

Мимо саду винограду
Пролегала дорожка.
По этой по дорожкѣ
Мала дѣвушка шла.
Шла дѣвушка ма́ленька,
На ней шубка а́ленька,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая.
Ходитъ, походитъ, —
«Пожалуйте въ хороводъ!»

Сообщ. М. И. Семевск.

302.

Тверской губерніи и у.

Киселевскіе[1]) ребята
За рѣкой гуляли,
Чужихъ дѣвокъ любили,
А своихъ конфузили.
Чужи дѣвки хороши, —
Погуляли да ушли.
Обѣщалися опять
Къ намъ по вечеру гулять, — 2
Ребятъ, дѣвокъ выбирать.

303.

Ужъ мы думали воробушки летятъ, —
Анъ Киселевскіе ребята катятъ.
Мы хотѣли съ молодцами говорить,
Съ правой ручки колечко дарить, —
Родной батюшка въ окошко глядитъ,
Поклониться пониже велитъ.

Обѣ зап. студ. Петербург. Духовн. академіи И. А. Никольскимъ.

---

[1]) Изъ деревни «Киселевка».

304.

Той же губерніи, Новоторжск. у.

а) Не стучи подъ окномъ;
Ступай прямо въ хату!
Разскажу я молодчику
Какъ родному брату:
Чтобы трубокъ не курилъ,
Водочки не кушалъ,
Чтобы дѣвокъ не любилъ,
Все бы меня слушалъ.
Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

305.

Тамъ-же.

б) Я ходила, я гуляла
Во зеленомъ садѣ;
Я щипала, я рвала
Поспѣлыя вишни,
Подводила свово милова
Подъ свои подъ мысли:
Чтобы трубокъ не курилъ и т. д.
Ходилъ Ваня гулялъ,
Дѣвушекъ выбиралъ.

(Какъ видно передѣлка съ малор.)
Обѣ зап. мною.

306.

Той же губерніи и у., с. Кушалино.

Я хожу, хожу по пашенькѣ,
Я взойду, взойду во гореньку.
Какъ во горенькѣ два стульчика стоятъ,
А на стульчикѣ два голубя сидятъ,
Промежъ себя они ничего не говорятъ,
А голубка разговариваетъ:
Завтра праздникъ, гуляньице,
А намъ дѣвушкамъ въ собраньице.
Мой миленькій гулять пошелъ,
Меня, дѣвушку, за рученьку повелъ.
«Размолодчикъ молоденькой,
Бери дѣвушку хорошенькую»!

Зап. студ. Дух. акад. Никольскимъ.

307.

а) Тверской губерніи, Новоторж. у., с. Склихово.

1. Не шелковая травушка
2. Вкругъ бережка вьется,
3. Ждетъ красавица дружка,
4. Долго не дождется.

5. Ждала годъ два мѣсяца,
6. Подожди денечекъ:
7. Не воротится-ль назадъ
8. Миленькій дружечекъ?
9. «Взойди, взойди, миленькій,
10. Въ нашу круговую,
Выбирай-ко, миленькій,
12. Дѣвушку любую,
Любую и другую,
14. И сударушку свою.»

308.

б) Тамъ-же.

Первый стихъ тотъ же.

2. Во полюшкѣ вьется
3. Красавица дѣвушка
4. Дружка не дождется.
. . . .
9. Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ короводъ!
Въ короводѣ поставлю,
Танцовать заставлю.

Обѣ зап. мною.

309.

Той же губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

Покатимте мы, дѣвушки, шаромъ!
Калина моя, малина моя!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

По лугу шаромъ, шаромъ,
По терему мячомъ, мячомъ.
Заглянемте, дѣвушки
Подъ бѣлый подъ шатеръ:
Какъ подъ бѣлымъ подъ шатромъ
Спитъ молодчикъ молодой, —
Веселилъ мою головушку дѣвушкину.
Гулять миленькій идетъ,
И меня съ собой беретъ, — 2
Всегда милою зоветъ,— 2
Поцѣлуетъ обоймetъ.

Зап. учен. VII кл. Тверск. гимназіи г. Тюкинымъ въ 1859 г.

310.

а) Тверской губерніи и у.

Не пора ли намъ, ребятушки, домой?—
Съ утра рано молотити
Спи ты жёнушка Олёнушка,
Спи ты, радость дорогая!
Вотъ тебѣ въ головы подушка,
Вотъ ситцевая другая.
До дороги не дошелъ, —
Въ хороводъ плясать пошелъ.

Зап. студентомъ И. А. Никольскимъ.

311.

б) Той же губерніи и у., с. Глазково.

Молодые крестьяне
Пошли рано молотить;
Жалко жонушекъ будить:
«Усни, жонка, усни душка!
Вотъ тѣ въ голову подушка.
Усни, радость дорогая, —
Вотъ тѣ въ голову другая!»
— «Размолодчикъ молодой,
«Бери дѣвицу съ собой!»

Зап. мною.

312.

Тамъ-же.

У Глазковскихъ *молодежъ*
Дома гроша не найдешь.
Сапоги носятъ со скрыпомъ,
Оброковъ не платятъ;
Со стороны денегъ не носятъ,—
Приданаго у дѣвокъ просятъ,
Кому дали, кому нѣтъ,
А кому и не за что.
Молодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

313.

Тамъ-же.

Изъ за рѣчки, изъ за рѣчки
Близъ къ ручеечку.
Что я думалъ, что я чаялъ, —
Увидать дѣвочку.
Хоть я думалъ, хоть я чаялъ,—
Не буду казаться.
Запрягу я пару коней,
Поѣду кататься.

314.

Тверской губерніи и у.

Милъ садился на коня,—
Шевельнулъ уздою,

Коню шпоры подъ бока,—
    Конь его стрѣлою,
Конь его стрѣлою
    Ко дому родному.
Роза, роза — цвѣтъ лица,
    Сбуди красну дѣвицу:
«Встань, красавица, проснись,
    Со молодчикомъ простись!
По утру барочки въ отвалъ,—
    Къ Петрову не ожидай.
Къ Петрову дню я не буду,
    Къ Ильѣ, конечно, приду.
Пожалуйте ручку
Пойдемте въ короводъ!»

315.

Тамъ-же.

Какъ на рѣчкѣ на Валдайкѣ
Ѣхалъ миленькій на палкѣ:
Ноги длинныя кривыя,
Портки бѣлые худые,
На босу ногу оборки,
Лапти подъ поясомъ,
Подпоясавши тряпицей.
    «Выбирай, парень, дѣвицу!»

Всѣ 4 зап. мною.

316.

Тамъ-же.

Взошелъ миленькій въ покой,—
Топнулъ правою ногой,
Сказалъ: «Милая, ахти!
Гарнитуровой тафты,
Атласу голубова,
Гарнитуру дорогова,
Черный бархатъ на сапожки,
Бриліантовы сережки,
На шеюшку платокъ,
На рученьку перстенекъ,
На другую два кольца».
— Беретъ дѣвица молодца.

или:

На ручку рукавицу, —
Беретъ молодецъ дѣвицу.

Зап. учен. семинаріи.

317.

Той же губерніи, Весьег. у.

Ваня въ зеркало глядѣлся, —
Самъ собою дивовался:
«Какой я хорошій,
Какой я пригожій!
Рубашечка красна,
Жилеточка атласна:
Жилетка съ цвѣтами, 2
Голова съ кудрями,— 2
Пожалуйте съ нами!»
Молодецъ удалый
По горенкѣ ходитъ
Въ зеркало глядится,
Самъ себѣ дивится:
«Хорошъ уродился,
Пригожъ снарядился».
— Самъ по полю гуляетъ,
Невѣстъ выбираетъ.

Сообщ. А. В. С.

318.

Новогородской губерніи, Крестецк. у.

Одинъ изъ молодыхъ парней при первыхъ звукахъ пѣсни выбѣгаетъ на средину избы, представляя собою заиньку, и во все время пѣсни пляшетъ, притопывая ногами; онъ же и набираетъ хороводъ. Сначала выбираетъ себѣ дѣвушку, потомъ, по ея указанію, или просто по порядку вызываетъ въ хороводъ всѣхъ попарно.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Мужикъ лапти плелъ съ огнемъ,
Лапоточки подвиралъ,
Себѣ пару выбиралъ.

319.

Свѣтитъ мѣсяцъ предъ свѣтлицею,
Заря утрени передъ горницею.
Ходила дѣвица изъ терема въ теремъ,
Гуляла красавица изъ высокаго,
Стеля перины, перины пуховы,
Лисья одѣяла запасала милому,
Мягкія подушки растряхивала,
Съ дѣвушкамъ подружкамъ разговаривала:
«И на чтожъ это любезного долго нѣтъ?»
— Миленькій идетъ
Сзади дѣвицу ведетъ.

320.

Ужъ ты верба, вербушка,
    Золотая вербушка!
Не рости, верба, во ржи,
Рости къ полю на межи.
Вербу вѣтеръ не беретъ,
Соловей гнѣзда не вьетъ.
Какъ бы кустушекъ не милъ, —
Соловей гнѣзда не вилъ.

Соловей-то — Ванюшка,
Кинарейка — Марьюшка,
Походи-ка, погуляй,
Хороводы набирай.

321.

Ты калинка, калинка моя!
Сельская Акулинка Кузмина!
Я по бережку ходила, гуляла,
Живу рыбушку ловила не одна.
Окунечки не ловятся, —
Все плотица попадается.
Я до пояса смочилася,
Подъ орѣшкой сушилася.
Какъ завидѣли ребятушки, —
Разсказали моей матушкѣ.
Моя матушка — Маренушка
Тимоеевна сударушка была,
Никакого отвѣта не дала,
Посулила пять копѣекъ серебра.
Какъ заставила капуску полоть,
Приневолила разсаду поливать.
Я полю, полю — не хочется.
— Дали, дали перемѣнушку:
Паренечка и дѣвушку.

322.

Стукнулся Миколинька:
«Выходи-ка, Олинька!
Поди, выйди, выступай,
Короводы набирай».

323.

Ужъ ты журавъ долгоногій,
Выходи большой дорогой.
Ты иди-ка стороной,
Борони-ка бороной,
Бороной желѣзной, —
Выбирай любезный!

324.

У мово батюшки пиръ во дому
Мнѣ-ль, молодешенькѣ, не быть во пиру?
Кислаго квасу не кушати,
Милаго за ручку не важивати?
— Миленькій идетъ
Сзади дѣвицу ведетъ.

325.

Покуль маленькій родился —
Никуда я не годился,
Малешенько сподросъ, —
Въ хороводъ къ дѣвкамъ пригожъ.

326.

Какъ Ватагински [1]) дѣвицы
Хороши да важны:
Русы косы завитыя,
Гребеночки золотыя.
Черпай воду, не качай,
Оставляй ее на чай.

327.

Гуляй, гуляй молодецъ
Покуль не женилъ отецъ.
Молодецъ ходилъ гулялъ,
Красавицу выбиралъ.

328.

Какъ у батюшки сынокъ
Горько-пьянюшка,
Утромъ выпилъ полуштофъ,
Къ вечеру косушку;
Опохмѣлился водой —:
«Бери дѣвицу съ собой!»

329.

Какъ у батюшки сынокъ
Былъ такой затѣйникъ,
Продалъ соху на нужду,
А купилъ себѣ кофейникъ.
Продалъ мѣдные тазы,
Купилъ серебряны часы;
Часики въ карманѣ:
«Пожалуйте съ нами.»

330.

По желтому песку
Бѣжитъ рѣченка въ Москву.
Черезъ эту рѣченку
Положу я лавинку,
Переведу сударушку.
Перевелъ хорошую
На мою сторонушку.
На моей на сторонѣ
Всѣ утѣхи и гульбы,
Молодецкія игры.

[1]) Изъ села Ватагина.

Молодецъ ходилъ гулялъ,
Молодицу выбиралъ.

331.

Не шелковая травинка
Околъ пенья вьется,
Красавица дѣвушка
Дружка не дождется, —
Я ждала два мѣсяца,
Подожду денечекъ:
Не воротится-ль назадъ
Миленькій дружочекъ?
Встрѣтила, замѣтила
Своего любезнаго.
«Ты пожалуй, молодецъ,
Въ нашу круговую,
Выбирай-ка удалой
Дѣвицу любую.»

332.

У Васильюшки уски —
Серебрены волоски;
Лицо бѣло, брови черны,
Развеселые глаза —:
«Вы пожалуйте сюда».

333.

Какъ за дядинымъ дворомъ
Ростетъ деревина,
Не простая деревúна, —
Кислая рябина.
Покуль вѣточку ломалъ,
Себѣ пару выбиралъ.

335.

По дороженьки я шла,
Двѣ дорожки нашла,
Золотыя два кольца, —
Бери дѣвúца молодца.

336.

У мово роднаго
Есть много добраго,
Есть и два куля мякины,
Полтора куля грибовъ, —:
«Бери молодца въ любовь.»

334.

Уплетаетъ мой любезный
Рыбны корки безъ стыда, —:
«Вы пожалуйте сюда.»

337.

Сверну я шубушку комочкомъ,
Положу я на снѣжокъ, —:
«Вы пожалуйте въ кружокъ.»

338.

Какъ у Аннушки
Ручки бѣленьки, —
Самы нѣженки:
Не работу работать,
Чай да кофе разливать,
Себѣ мила выбирать.

339.

Вдоль горницы шелъ,
Клубокъ лентъ нашелъ,
Клубокъ катится,
Лента тянется,
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Лента дòли, дòли, дòли.
Заяцъ бѣленькій,
Хвостъ сѣренькій.
Заяцъ въ сторону скочилъ —
Кое-чего купилъ,
Въ другую скочилъ, —
Тамъ рѣка глыбока,
Рѣчка тѝнова,
Рябинова.
«Гдѣ рябинушка густа,
Выбирай пожалуйста.»

Эта пѣсня поется все время, пока набирается хороводъ. А по наборѣ его начинаютъ уже пѣть на другой мотивъ — игровыя.

340.

Во ерши глаза больші́, —
Рыбка маленька, костлявенька.
Ино кто рыбу ловилъ,
Я того бы полюбилъ,
Ино кто рыбу хлебалъ
Я того бы поцѣловалъ.

Всѣ 23 зап. Б. Б. Глинскимъ.

339.

Вологодской губернiи, Тотемск. у., Кокшенга.

У насъ на гумнёкѣ немножко:
Пятьдесятъ молодцевъ, сорокъ дѣвокъ.
«Ужъ ты, бурлакъ-дѣтина, догадайся!
Выбирай себѣ дѣвицю по обыцью,
По своему обыцью, по мужицью [1]).»

340.

У воротъ было воротечекъ,
У воротъ было рѣшещатыхъ
Сѣра утица купалася,
Лебедь бѣлая умывалася.
«Ты душа ли, красна дѣвица!
Ты пройди-ка вдоль по улицѣ,
За собой коня выведи;
Ты по мыслямъ себѣ выбери
Удалòва добра молодца.»

341.

До милашки дологъ вóлокъ:
Насчитаю сорокъ ёлокъ,
Сорокъ ёлокъ съ ёлочкой.
Пойду шить съ иголочкой;
Взялъ аршинчикъ и утюгъ, —
Пошелъ съ милой шить самъ-другъ.

342.

Сеня-Косеня!
Не бѣгай по сѣнямъ,
Не топай ногой,
Не качай головой,—
Мнѣ не быть за тобой,
Мнѣ не надо съ бородой!
— Надо парень молодой,
Надо дудошника,
Надо балалаешника.

Всѣ 4 зап. Н. А. Иваницкимъ.

343.

Новогородской губернiи, Крестецк. у.

Ужъ я Настеньку люблю:
Она уборчиста, 2
Разговорчиста.
На ей платьице надѣто—
Точно шелково.
Раздуваечка баска—
Цѣловаться три разка.

(Парень при этихъ словахъ цѣлуется съ дѣвушкой направо).

Зап. Б. Б. Глинскимъ.

ЗАИНЬКИ [2]).

344.

а) Вологодской губернiи.

1. Заинька по сѣничкамъ
2. Гуляй таки гуляй,
3. Сѣренькiй по новенькимъ
4. Разгуливай, гуляй!
5. Некуда зайчику
6. Выскочити,
7. Некуда сѣрому
8. Выпрыгнути:
9. Трóи воротà
10. Призатворены стоятъ,
11. Всѣ на нихъ замочки
12. Крѣпко заперты висятъ,
13. А у кажныхъ у воротъ
14. По три сторожа стоятъ,
15. По три дѣвицы сидятъ:
16. Первая въ камкѣ,
17. Другая въ тафтѣ,
18. А моя-то любезнàя
19. Во всемъ золотѣ.
20. «Не хочу камки,
21. «Не хочу тафты,—
22. Хочу ситчику
23. Полосатенькова,
24. Люблю дѣвицу
25. Тороватенькую».

345.

б) Тверской губернiи.

1—4. Ходилъ да гулялъ
или: Топы́, топы́, топы́! (притопываютъ)
Сѣрый по новымъ
Разгуливалъ гулялъ.
9—10. Семеро воротъ
Крѣпко заперты стоятъ
. . . .

[1]) Пѣсню эту поютъ, устраивая хороводы на гумнахъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Иваницкiй.

[2]) Названiе коротенькихъ, большею частью игровыхъ пѣсень, въ родѣ прибаутокъ. Иваницкiй.

14. По сторожу есть
15—17. Всѣ сторожа
Въ ряды гулять пошли,
Ключики, замочки
По карманичкамъ унесли.
. . . .
24—25. Беру дѣвицу
Расхорошенькую.

Сообщ. А. В. С.

346.

Вятской губернiи.

Заинька по сѣничкамъ
Гуляй, гуляй, гуляй,
Сѣренькiй по новенькимъ
Погуливай, гуляй.
Некуда заинькѣ выскочити,
Некуда сѣрому выпрыгнути:
Всѣ ворота призатворены стоятъ,
У всѣхъ у воротъ по три сторожа стоятъ,
По три сторожа стоятъ,
По три дѣвицы сидятъ:
Одна въ тафтѣ,
Другая въ камкѣ,
А третья горюшица
Вся въ золотѣ.
Не хочу тафты,
Не хочу камки,
Хочу ситчику полосатенькаго,
Люблю молодца кудреватенькаго,
Кудреватенькаго, неженатенькаго.
Для того кудри кудрились,
Чтобы дѣвицы любили.
Русы кудерцы отпали,
Любить дѣвицы отстали,
Цѣловаться не переставали.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

347.

Псковской губернiи, Великолуцк. у.

Какъ ходитъ зайка
Да по короводу,
Да по дѣви́чью,
Да по молоди́чью.
Что некуда зайки
Выскочити,
Что некуда зайки
Выбѣжати:
Какъ одни ворота
Позади города.
Три сестрицы стоятъ, 2
Три лебедушки:
Какъ одна въ тафтѣ,
Другая въ камчи;
На третьей сестрицѣ
Золотой вѣнокъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

Б. Хороводныя игровыя.

348.

в) Въ Тулѣ.

«Заинька, и гдѣ былъ, побывалъ?
«Сѣренькiй, и гдѣ былъ, побывалъ?»
—Былъ, былъ, парень мой,
Былъ, былъ, сердце мой,
Я въ лѣсѣ, лѣснику,
Я въ сараю, тростнику.
«Заинька, не видалъ ли кого?
«Сѣренькiй, не видалъ ли кого?
— Видѣлъ, видѣлъ, парень мой,
Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой:
Три дѣвицы хороши,
Красавицы пригожи.
«Заинька, не звали ль тебя,
«Сѣренькiй, не звали ль тебя?»
Звали, звали, парень мой,
Звали, звали, сердце мой.
«Заинька, встрѣчали ль тебя?
«Сѣренькiй, встрѣчали ль тебя?»
— Встрѣчали, встрѣчали, парень мой,
Встрѣчали, встрѣчали, сердце мой:
Катюша изъ сѣней,
А Мавруша изъ дверей,
А и Дуня удала
Во горницу провела.
«Заинька, угощали ль тебя?
«Сѣренькiй, угощали ль тебя?»
—Угощали, угощали, парень мой,
Угощали, угощали, сердце мой:
Катюша-то блинами,
А Мавруша пирогами,
А и Дуня удала

Кашки съ масельцемъ дала.
«Заинька, дарили ль тебя?
Сѣренькій, дарили ль тебя?»
— Дарили, дарили, парень мой,
Дарили, дарили, сердце мой:
Катюша-то платкомъ,
А Мавруша колпакомъ,
А и Дуня удала
Перчаточки съ рукъ дала.
«Заинька, провожали ль тебя?
Сѣренькій, провожали ль тебя?»
— Провожали, провожали, парень мой,
Провожали, провожали, сердце мой:
Катюша изъ сѣней,
А Мавруша изъ дверей,
А и Дуня удала
За вороты провела.

Зап. учен. 3-го кл. уѣздн. училища Н. Бѣловымъ.

349.

б) Новгородской губерніи, Крестецкаго у.

«Гдѣ жъ ты былъ, заенько?
Гдѣ жъ ты былъ, бѣленькой?»
— Въ огородѣ, пани мой,
Въ огородѣ, душа мой.
«Заенько, бѣленькой

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ четырехъ стиховъ).

«Что жъ ты дѣлалъ, заенько?
Что жъ ты дѣлалъ, бѣленькой?»
— Я капусту ломалъ,
Зеленую поглодалъ.
«Не видали ли заеньку?
Не видали ли бѣлаго?»
— Видли, видли, пани мой,
Видли, видли, душа мой.
«Кто жъ тебя видѣлъ, заеньку?
Кто жъ тебя видѣлъ, бѣлаго?»
— Три дѣвицы, пани мой,
Три дѣвицы, душа мой.
«Не побили ли, заеньку?
Не побили ли, бѣлаго?»
— Били, били, пани мой,
Били, били, душа мой!
«Чѣмъ тебя били, заенько?
Чѣмъ тебя били, бѣлаго?
— По бокамъ — кулакамъ,
По загривку — рукавамъ.
«Не плакалъ ли, заенько?
Не плакалъ ли, бѣленькой?»
— Плакалъ, плакалъ, пани мой,
Плакалъ, плакалъ, душа мой.
«Какъ ты плакалъ, заенько?
Какъ ты плакалъ, бѣленькой?»
— Гу гу гу, пани мой,
Гу гу гу, душа мой.
«Что жъ ты не ушолъ, заенька?
Что жъ ты не ушолъ, бѣленькой?»
— Я уттить не ушолъ,
Убѣжать не убѣжалъ.
«Ты бы бороздкой, заенько,
Ты бы бороздкой, бѣленькой».
— Какъ бороздка узка,
А капустка низка.
«Ты бы дорожкой, заенько,
Ты бы дорожкой, бѣленькой».
— Какъ дорожка съ пескомъ,
А я зайка босекомъ.
«Ты бы подъ яблыньку, заенька,
Ты бы подъ яблыньку, бѣленькой».
— Яблынька шумливая,
Я зайка пугливая.
«Ты бы во поле, заенько,
Ты бы во поле, бѣленькой.»
— Чисто поле широко,
Темны лѣса далеко.
«Ты бы подъ ёлку, заенько,
Ты бы подъ ёлку, бѣленькой.»
— Какъ на ёлкѣ иголки, —
Боюсь: уколюсь.
«Ты бы за кустикъ, заенько,
Ты бы за кустикъ, бѣленькой».
— Какъ кусточикъ рѣденькой,
А я зайка бѣленькой.
«Ты бы въ деревню, заенько,
Ты бы въ деревню, бѣленькой».
— Какъ въ деревнѣ народъ,
Зайку гонятъ отъ воротъ.
«Былъ ли ты въ гостяхъ, заенько,
Былъ ли ты въ гостяхъ, бѣленькой?»
— Былъ, былъ, пани мой,
Былъ, былъ, душа мой.
«Накормили ли, заеньку?
Накормили ли, бѣлаго?»
— Накормили, пани мой,
Накормили, душа мой.
«Чѣмъ тя кормили, заенька?
Чѣмъ тя кормили, бѣлаго?»
— Маша, Маша — калачамъ,
Саша, Саша — пирогамъ,
А Дуняша вдовина
Двѣ конфетины дала.
«Напоили ли, заенька?
Напоили ли, бѣлаго?»
— Напоили, пани мой,
Напоили, душа мой.

«Чѣмъ тя поили, заенько?
Чѣмъ тя поили, бѣленькой?»
— Маша, Маша — пивцомъ,
Саша, Саша — винцомъ,
А Дуняша вдовина
Стаканъ рому поднесла.
«Проводили ли, заенька?
Проводили ли, бѣлаго?»
— Проводили, папи мой,
Проводили, душа мой.
«Какъ тя провожали, заенька?
Какъ тя проводили, бѣлаго?»
— Маша, Маша — изъ дверей,
Саша, Саша — изъ воротъ,
А Дуняша вдовина
Вдоль по улицѣ вела.

Зап. сельск. учит. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

350.

в) Вятской губерніи.

«Заинька! гдѣ ты былъ, побывалъ,
Сѣренькій, гдѣ ты былъ, побывалъ?»
— Былъ, былъ, папе мой,
Былъ, былъ, сердце мой,
Въ огородѣ въ ельничкѣ,
Въ сараѣ въ сѣнничкѣ.
«Заинька! тамъ не видалъ ли кого,
Сѣренькій, тамъ не видалъ ли кого?»
— Видѣлъ, выдѣлъ, папе мой,
Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой:
Три дѣвчины хороши,
Три дѣвчины пригожи.
«Заинька! а не знаешь какъ зовутъ?
Сѣренькій, а не знаешь какъ зовутъ?»
— Знаю, знаю, папе мой,
Знаю, знаю, сердце мой:
Катюшка да Марюша,
Третья — Дуня удала.
«Заинька! въ гости звали ли тебя,
Сѣренькій, въ гости звали ли тебя?»
— Звали, звали, папе мой,
Звали, звали, сердце мой:
Катюша па денекъ,
Марюша па другой,
А Дуня удала —
На недѣльку позвала.
«Заинька! чѣмъ кормили тебя,
Сѣренькій, чѣмъ кормили тебя?»
— Кормили, папе мой,
Кормили, сердце мой:
Катюша блинами,
Марюша пирогами,
А Дуня удала —
Каши съ масломъ подала.
«Заинька! чѣмъ поили ли тебя,
Сѣренькій, чѣмъ поили ли тебя?»
— Поили, папе мой,
Поили, сердце мой:
Катюша пивцомъ,
Марюша винцомъ,
А Дуня удала —
Стаканъ рому подала.
«Заинька! что не спалъ ли ты съ кѣмъ,
Сѣренькій, что не спалъ ли ты съ кѣмъ?»
— Спалъ, спалъ, папе мой,
Спалъ, спалъ, сердце мой:
У Катюши на рукѣ,
У Марюши на другой,
А у Дуни удалой —
На всемъ животѣ.
«Заинька! не бранили ли тебя,
Сѣренькій, не бранили ли тебя?»
— Бранили, папе мой,
Бранили, сердце мой:
Катинька — кривымъ,
Марюша же — косымъ,
А Дуня удала:
Пучеглазымъ назвала.
«Заинька! что не били ли тебя,
Сѣренькій, что не били ли тебя?»
— Били, били, папе мой,
Били, били, сердце мой:
Катюша за високъ,
Марюша за другой,
А Дуня удала
За усики подрала.
«Заинька! проводили ли тебя,
Сѣренькій, проводили ли тебя?»
— Проводили, папе мой,
Проводили, сердце мой!
Катюша изъ дверей,
Марюша изъ сѣней,
Третья, Дуня удала,
За воротъ провела.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

351.

г) Въ Орловской губерніи, Елецк. у.

«Гдѣ ты былъ, заинька,
Гдѣ ты былъ, бѣленькой?»
Заинька, да бѣленькой!
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

— Въ огородѣ, папе мой,
Въ огородѣ, душа мой.

«Что жъ ты тамъ дѣлалъ, заинька?
Что жъ ты тамъ дѣлалъ, бѣленькой?»
—Я капустку щипалъ,
Я бѣлую ломалъ.
«Не били-ль тебя, заинька,
Не били-ль тебя, бѣленькой?»
—Били, били, пане мой,
Били, били, душа мой!
. . . .
«Какъ же тя били, заинька,
Какъ же тя били, бѣленькой?»
—По бокамъ кулаками,
По загривку рукавами.
«Плакалъ ли ты, заинька,
Плакалъ ли ты, бѣленькой?»
—Плакалъ, плакалъ, пане мой!
Плакалъ, плакалъ, душа мой!
«Какъ же ты плакалъ, заинька?
Какъ же ты плакалъ, бѣленькой?»
Алымъ платочкомъ глазки утиралъ,
Лапочками носикъ сморкалъ.

Зап. А. М. Агафонова отъ Ярославск. плотника.

352.

д) Тульской губерніи, Бѣлевск. у.

«Заинька, бѣленькой!
Гдѣ же ты былъ?»
— Былъ я, пане мой,
Жилъ я, сердце мой,
Въ городѣ Травникѣ,
Въ амбарѣ Сѣнникѣ.
«Заинька, бѣленькой!
Что жъ ты тамъ видѣлъ?»
— Видѣлъ, видѣлъ, пане мой,
Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой:
А Катюша хороша,
А Мавруша пригожа,
А Дуняшка удала,
Право лучше всѣхъ.
«Заинька, бѣленькой!
Кормили ль тебя?»
— Кормили, пане мой,
Кормили, сердце мой:
А Катюша пирогами,
А Мавруша-то блинами,
А Дуняшка удала,—
Кашки съ маслецомъ дала.
«Заинька, бѣленькой!
Поили ль тебя?»
— Поили, пане мой,
Поили, сердце мой:
А Катюша-то виномъ,
А Мавруша травникомъ,
А Дуняшка удала —
Стаканъ меду налила.
«Заинька, бѣленькой!
Били ли тебя?»
— Били, били, пане мой,
Били, били, сердце мой:
А Катюша помеломъ,
А Мавруша кочергой,
А Дуняшка удала,
За усики подрала.

353.

Въ Тулѣ, на Оружейной сторонѣ.

Всѣ участвующіе въ игрѣ становятся или садятся рядомъ въ кругъ. Посреди круга ходитъ парень и ему поютъ:

Заинька, походи!
Сѣренькой, походи!
Вотъ такъ, вотъ такъ походи!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія съ повтореніемъ послѣдняго его слова).

—

Заинька, перевернись!
Сѣренькой, перевернись!

—

Заинька, попляши!
Сѣренькой, попляши!

—

Заинька, топни ножкой!
Сѣренькой, топни ножкой!

—

Заинька, поклонись!
Сѣренькой, поклонись!

—

Заинька, кого любишь,
Сѣренькой, кого любишь,

—

Заинька, поцѣлуешь,
Сѣренькой, поцѣлуешь.
Вотъ такъ, вотъ такъ, поцѣлуешь.

Парень, ходящій въ кругу, исполняетъ все, что поется въ пѣснѣ: ходитъ, перевертывается, пляшетъ, топаетъ ногой, кланяется всѣмъ, и подъ конецъ цѣлуетъ, кого ему вздумается, изъ круга, и садится на его мѣсто, а поцѣлованный выходитъ въ кругъ. Если парнемъ поцѣлована дѣвушка, то ей начинаютъ пѣть:

354.

Постелька моя, постелюшка,
И ты пуховая!

Жена ль моя, боярыня,
И ты молодая.
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую,
Кладу, кладу изголовьице,
Кладу высокую.
Кого люблю, того дарю,
Того поцѣлую.

Это она и исполняетъ тутъ же на дѣлѣ. Если же *«заинька»* поцѣловалъ парня, то ему, когда онъ выходитъ въ кругъ, запѣваютъ или слова: «Заинька, выходи» и т. д., или же:

355.

Царскій сынъ, королекъ! 2
Раздушенька, королекъ!
Размиленькій, королекъ!
Зайди, сударь, въ городокъ, 2
Царскій сынъ, королекъ! 2
Всѣмъ дѣвицамъ поклонись,
И молодцамъ не забудь! 2
(При этихъ словахъ онъ кланяется).
Царскій сынъ, королекъ! 2
Кого любишь, поцѣлуй! 2
Царскій сынъ, королекъ,
Размиленькій королекъ!

Парень опять цѣлуетъ по выбору, затѣмъ поютъ или предшествующія пѣсни, или: «Со вьюномъ я хожу» и т. д.

Обѣ зап. И. П. Чулковскій.

356.

а) Вологодской губерніи.

У воротъ было вороточекъ,
У воротъ было рѣшещатыхъ,
Тутъ молодчикъ убивается,
Онъ ко стѣнкѣ прививается,
Сиротинкой называется.
«Кто бы, кто бы сиротинушку призрѣлъ?
Кто бы, кто бы его ночевать пустилъ?»
Одна дѣвица промолвилася,
Красавица проговорилася:
«Ужъ я нонече сиротъ больно люблю,
Сиротинку ночевать пущу».
Сиротинкѣ стаканъ водки налила.
«Сиротинушка, не пей до дна!
Разудалый, не видать добра!» —
Сиротинушка выпилъ до дна, —
Съ того разу упалъ съ крыльца.
Тутъ всѣ дѣвицы расплакалися,
Красавицы растужилися.
Онѣ бросили дѣло съ рукъ,
Оступили сиротинушку вокругъ.
— Небольшой, мальчикъ, осадистый,
Какъ наливчатый яблочекъ,
Какъ разсыпчатый прянничекъ
По бѣлу блюду катается,
Словно сахаръ разсыпается,
Ко дѣвушкѣ подвигается,
Поцѣлуя дожидается.

357.

б) Той же губерніи, г. Вельскъ.

Какъ Иванушка коломчатый мужикъ,
У воротъ стоитъ колотится,
Колотиломъ подпирается,
Сиротиной называется:
«Кто бы, кто бы сиротину полюбилъ?
«Кто бы, кто бы ночевать пустилъ?»
Одна дѣвушка и сдобрилася
Сиротинушкѣ ворота отперла,
Сиротину за бѣлы руки брала,
Сиротину въ особливу увела,
Сиротинѣ стаканъ рому налила,
Сиротинѣ тутъ словечко молвила:
«Сиротинушка, не пей до дна!
«Сиротинушкѣ не видать добра!»
— Сиротинка не послушался,
Сиротинка выпивалъ до дна,
Сиротинка не видалъ добра,
Сиротинушка упалъ съ окна,
Сиротинка изломалъ два ребра:
Сиротинушкѣ не можется,
Сиротинушкѣ нездоровится.
Сиротинкѣ Богъ полегче даетъ,
Сиротинкѣ вотъ полегче стаетъ.
Сиротинка сталъ похаживати,
Сиротинка поговаривати:
«Вы послушайте, ребятушки!
Сиротинушка не нà-худо учитъ,
Сиротина не про-тàкъ говоритъ:
— «Что котора дѣвка щурится,
Та давно съ милымъ любится,
А котора и топчава и баскà [1]),
У тыё дѣвки по миленькомъ тоска,
А которая бѣлёшенька,
Та давно дружку радёшенька,
А котора дѣвка сéрдится,
Будетъ время — смилосéрдится,
А котора приколачиватъ скобой [2])
Поведите ту, ребята, за собой».

Обѣ зап. Н. А. Иваницкій.

---

[1]) Красива.
[2]) Подковой у сапога.

358.

Калужской губернии и у., с. Ахлебинино.

По зорюшкѣ, по зорѣ,
По вечерней, по росѣ,
Калина моя,
Обманула ты меня!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ).

По вечерней, по росѣ
Шелъ молодецъ изъ гостей,
Онъ и рубить, и бѣжить, 2
Ко своему двору спѣшить. 2
За нимъ дѣвушка во слѣдъ 2
Кричить: «молодецъ, постой! 2
«Сизъ голубчикъ, душа мой, 2
Умились передо мной, 2
Передъ горькой сиротой. 2
Я горькая сирота 2
Безъ матери, безъ отца, 2
Безъ Ванюшки удальца.» 2
Парень голосъ услыхалъ, 2
Съ ноги на ногу ступалъ, 2
Дѣвки разумъ упыталъ: 2
«Ты скажи, скажи, дѣвчонка, 2
Скажи правду ўсеё: 2
Сколько любишь молодцовъ?» 2
— Люблю Гришу, люблю Мишу, 2
Люблю Ваню удальца.

Зап. М. А. Баскаковой.

359.

Калужской губернии, Жиздринск. у.

Въ кругу ходятъ три парня, — хоръ поетъ:

У насъ по кругу — кругу
Ишли три молодца.

—

Тошно мята, рожь не жата
Не кошенная трава!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго двустишія).

—

Да три мо́лодцы,
Всѣ они хо́лосты,

—

Всѣ они холосты,
Не женаты:

—

Первый молодецъ, —
Да Иванъ государь, —

—

Расхорошенькой
Свѣтъ Семеновичъ;

—

Другой мо́лодецъ
Да у насъ Петра государя, —

—

Расхорошенькой
Свѣтъ Ивановичъ.

—

Третяй молодецъ
У насъ Василій государь, —

—

Расхорошенькой
Миколаевичъ.

(Каждый изъ этихъ парней выбираетъ себѣ дѣвушку).

—

Первый молодецъ беретъ дѣвушку,—
Свѣтъ Грахвенушку,

—

Расхорошенькію
Свѣтъ Хведоровну;

—

Другой молодецъ беретъ дѣвушку,—
Свѣтъ Марьюшку,

—

Расхорошенькію
Свѣтъ Ивановну;

—

Третяй молодецъ беретъ дѣвушку,—
Свѣтъ Марьюшку,

—

Расхорошенькію
Миколаевну.

—

Красныя дѣвушки
Домой просилися:

—

«Добрые молодцы,
Отпустите вы насъ!

—

Отпустите вы нас
На единый часъ!»

—

— Красны дѣвушки,
Не отпустимъ мы васъ!

—

Не отпустимъ мы васъ
На единый часъ.

—

Поцалуйте вы насъ
По двѣнадцати разъ!

Зап. г-жею Преображенскою.

360.

Калужской губернии и у.

1. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
2. Изъ за садику зеленова,
3. Ой ляли, ляли изъ садику зеленаго,

Припѣвъ: «ой ляли, ляли» повторяется послѣ каждаго стиха, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха.

4. Тутъ шли, прошли да два молодца,
5. Да два молодца, оба холоста,
6. Оба холоста, не женатые,
7. Не женатые, щеголеватые,
8. Они шли, прошли, остановились,
9. Они врозь пошли, разбранились
10. За одну душу, красну дѣвушку,
11. Выходила къ нимъ, говорила имъ:
12. «Ужъ вы, молодцы разудалые,
13. Вы не ссортесь, разойдитесь,
14. Вы по совѣсти разойдитесь,

(достаетъ платокъ).

15. Вы помѣряйтесь, похватайтесь,
16. Одному кому-нибудь я вамъ достануся:
17. Либо черному, чернобровому,
18. Либо бѣлому, бѣлокурому.
19. Доставалась парню черному.»
20. Онъ и взялъ её, онъ за рученьку.
21. Онъ повелъ её вдоль пó кругу.
22. Онъ идеть, идеть, поклоняется,
23. Всѣмъ товарищамъ выхваляется:
24. «Хороша-ль, братцы, вотъ сударушка?»
25. Ой ляли, ляли, вотъ сударушка.

Зап. М. А. Баскаковой.

361.

б) Тульской губерніи и у.

8. Они шли, прошли — поклонилися.
11. Катеринушка выходила къ нимъ,
Выходила къ нимъ, говорила имъ
13. Вы не ссорьтеся, не бранитеся,
14. Вы по совѣсти разойдитеся
23. Онъ товарищу поклаияется,
Молодой женой выхваляется:
24. Погляди-ка-ся на невѣстушку:
Лицомъ бѣлая, щечки алыя,
Щечки алыя, брови черныя.

Зап. мною. Ср. у Соболевскаго, т. II, №№ 202—203.

362.

в) Тверской губерніи, Кашинск. у.

Ахъ ты дѣвица, красавица моя,
Изсушила, сокрушила ты меня!
Ой роза, роза алая моя!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Изсушила, сокрушила молодца,
Весь повывела румянецъ изъ лица,

—

Завила кудри красавица моя,
Завивши, приговаривала:

—

«Когда рѣчиньки разóльются,
Тогда кудерки разóвьются.»

—

— Быстры рѣки разливалися,
Мои кудри развивалися.

—

Близко садику дороженька торна,
Близъ дороженьки зеленый дубъ стоитъ;

—

Близъ дубочка васильковы цвѣты, —
Кругъ дѣвушки удалы молодцы.

—

Они вьются, увиваются, —
Кому дѣвица достанется:

—

Либо первому середнему,
Либо самому послѣднему.

Сообщ. А. В. Соколовымъ. Ср. у Соболевскаго, т. II, №№ 202—203.

363.

Вологодской губерніи и у.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удала голова.
Онъ-то встрѣтивши, которую искалъ.
Повстрѣтившися, «здорово» не сказалъ.
«Вѣрно, молодецъ, не любишь ты меня?
Вѣрно, молодецъ, иная у тебя?»
— Не одна ты, красна дѣвица душа, —
Много есть, которы лучше тебя.
«Посмотрите, добры люди на меня:
Чѣмъ я, Машенька, родилася дурна?»
Наша Машенька бѣлёшенька,
На нее взглянуть милёшенько,
Наша Машенька со всѣми говоритъ,
Наша Машенька очами всѣхъ даритъ.
«Я встряхнуся, встрепенуся, молодá,
Побѣгу къ милу скорошенько,
Тропу милаго легошенько.
Я милу дружку наказывала,
Сердешному наговаривала:
— «Намъ къ чему было капусту садить,

— «Къ чему было огородъ городить!
— «Лучше съ миленькимъ по садику ходить.»
Я по садику похаживала,
Во сыромъ бору погуливала.
«Ты ау, ау, мой миленькой дружокъ!
Мнѣ подай-ка свой тонкóй голосокъ
Черезъ темненькой, зелененькой лѣсокъ.»
На лѣску была прогалинка,
На прогалинкѣ проталинка,
На проталинькѣ зелененькій лужокъ,
На лужкѣ цвѣли три цвѣтика.
Алы цвѣтики аляются [1])
За Машѐнькой женишки вьются;
Вьются, вьются они, сватаются.
«Ужъ вы сватайтесь, не сватайтесь ко мнѣ, —
Одному-то я достанусь, молодà;
Либо первому середнему,
Либо самому послѣднему.»

Изъ рукоп. сборн. Н. А. Иваницкаго.

364.

Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

Туманъ, туманъ на долинѣ, 2
Широкій лѣсъ на калинѣ. 2
Есть поширче на дубочку. 2
Онъ не сизенькій голубчикъ, — 2
Разудаленькій молодчикъ. 2
Онъ не голубемъ воркуетъ, 2
Голубушекъ къ себѣ кличетъ 2
Не свою кличетъ, чужую: 2
«Пойди, радость, поцѣлуй!» 2
— На что чужу цѣловати 2
— Тоски къ сердцу придавати? 2
Сталъ молодчикъ цѣловать, 2
Стала дѣвушка рыдать. 2
Молодчику жалко стало, 2
Сталъ дѣвчонку унимать, 2
Платкомъ слезы утирать: 2
«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна, 2
Я самъ холостъ, не женатъ. 2
Скоро буду я жениться, 2
Просимъ милости на свадьбу. 2
На моей-ли, на свадьбѣ 2
Много пива и вина!» 2
— Мнѣ не диво твое пиво, 2
Дивнёшеньки твои рѣчи. 2
Твоя маменька-злодѣйка, 2
Сестра твоя—лиходѣйка 2
Разлучаетъ насъ съ тобою, 2
Словно рыбицу съ водою. 2
Рыба щука живетъ въ морѣ, 2
А я, млада, по всей воли. 2
Рыба щука съ карасями, 2
А я, млада, съ молодцами, 2
Но съ такими, съ удалыми, 2
Съ ребятами холостыми. 2
Рыба щука по песочку, 2
А я, млада, по лужочку. 2

Зап. М. А. Баскаковой.

365.

Тульской губерніи, Епифанск. у.

За нашей деревней
За большимъ селеньемъ
Лели, лели.
Тутъ ѣхалъ бояринъ,
Молодой, богатый,
Холостъ не женатый.
Какъ всѣ ему дѣвушки
Низко поклонилися, —
Одна ему дѣвушка
Низко не кланялася.
Пригрозилъ бояринъ,
Молодой, богатый.
«Добро же ты, дѣвка,
Добро же ты, красная!
Ты будешь стояти
У моей кровати,
Горючи слезы ронити
Рѣзвы ноженьки знобити!
Пойди, выйди, дѣвушка,
Выйди за ворота,
Со мной, съ молодцемъ,
Со мной побороться.»
— «Не хвались, молодецъ,
Своею красотою,
Силою большою.
Вотъ я тебя, молодецъ,
Сейчасъ обезчещу
При всемъ я при міру,
При всемъ при народѣ,
При большомъ корогодѣ.»
Какъ дѣвушка молодца поборала:
Пуховую шляпушку
Долой сшибала
Смуръ кафтанчикъ на ёмъ
Заваляла,
Козловые сапожки
Долой скидавала,
Ситцеву рубашечку
На ёмъ разорвала,
Шелковый поясочекъ
На ёмъ оборвала. —
Какъ красная дѣвка
Парня сожалѣла:

[1]) Алѣютъ. Ив.

За правую рученьку
Его подымала,
Пуховую шляпу
Ему надѣвала,
Смуръ кафтанчикъ
На ёмъ отряхала,
Ситцеву рубашечку
На ёмъ зашивала.
«Пойди, выйди, матушка,
Пойди, попеняй-ко!
—«Ужъ какъ тебѣ, дѣвушка,
Какъ тебѣ не стыдно:
При всемъ-то при мiру,
При всемъ при народѣ,
Въ большомъ порогодѣ.»

366.

б) Той же губерніи и у., с. Лотовиново.

У насъ по травкѣ, —
Люли, люли!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

У насъ по муравкѣ
Тутъ ходитъ, гуляетъ
Молодой молодчикъ,
Кличетъ, выкликаетъ
Красную дѣвчонку:
«Выйди, выйди, дѣвушка,
Выйди за ворота, 2
Со мной побороться!»
— Дѣвка выходила,
Рѣчи говорила:
«Не хвались, молодецъ,
Не хвались удалой
Ты самъ собой,
Своей красотой!
Давай, давай, молодецъ,
Мы съ тобой бороться.»
— Какъ красная дѣвка
Парня поборола
При всемъ мiрѣ, при народѣ,
При большомъ короводѣ:
Пуховую шляпу
Долой съ него сшибла...
Русыя кудри на емъ
Спутляла,
На сборахъ поддѣвку —
Сборы разодрала,
Козловые сапожки
Долой скидовала.
Пошелъ 2 молодецъ
Самъ слезно заплакалъ:
«Матушка родима!
На горе меня родила,
Несчастною сторонкой
Меня благословила
Меня, добраго молодца,
Дѣвушки не любятъ,
Молодыя молодушки
Играть не принимаютъ.»
Пошла, пошла мать
Дѣвушку пенять:
«Дѣвушка, ты дѣвушка невѣста!
Какъ тебѣ не стыдно?
Какъ тебѣ не дурно?
Обидѣла молодца парня
При всемъ при мiрѣ,
При мiрѣ, при народѣ,
При большомъ короводѣ.»
— Не плачь, родимый!
Русы кудри—можно причесать,
Пухову шляпу—можно надѣть,
На сборахъ поддѣвку
Все можно собрать,
Ситцеву рубашку—можно зашить,
Козловые сапожки—можно надѣть,
А намъ съ тобою, молодецъ,
Все можно пожить,
И другъ друга любить.

Обѣ зап. мною.

367.

в) Псковской губерніи, Великолуцк. у.

По травушкѣ, по муравушкѣ, —
Ай люли, люли—по муравушкѣ

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха такимъ же образомъ).

По лазоревымъ по цвѣточкамъ-василечкамъ,
Тамъ ишелъ прошелъ воръ-дѣтинка,
Воръ-дѣтинка — щеголёцекъ.
И хорошо дѣтинка выступал.
Прошелъ ко дѣвушкамъ въ хороводецъ,
Просилъ дѣвушекъ побороться.
Всѣ дѣвушки разбѣжались,
Ваня молодца испужались, —
Одна Дунюшка устоялась.
Дуня съ молодцемъ боролась;
Дуня молодца одолѣла:
Кушакъ, шапочку—въ грязь втоптала.
Пошелъ молодецъ,—самъ заплакалъ,
Пошелъ молодецъ къ матушкѣ ко родной:
«Мать моя родная! на что на горе зародила?
Почто меня молодца оженила?
Молода жена не взлюбила:
Со кровати сопихнула
Ножку, ручку совихнула.»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

368.

г) Калужской губернии и у., с. Ахлебинино.

У насъ да по травкѣ, зеленой муравкѣ,
Ой лешеньки лели, зеленой муравкѣ,

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ двухъ послѣднихъ словъ этого же стиха).

Тутъ ходить, гуляеть удалой молодецъ,
Кличеть, выкликаеть красну дѣвицу:
«Пойди, выйди, дѣвушка, ко мнѣ за ворота,
Со мной, со молодчикомъ, со мной побороться.»
— Какъ дѣвушка молодца, она его сборола,
Пуховую шляпушку долой скидавала,
Всѣ русыя кудерки на ёмъ распутляла,
Синенькій халатикъ, сборы разбирала,
Ситцеву рубашечку на ёмъ разорвала,
Сафьяны сапожки долой скидавала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ, самъ слезно заплакалъ:
«Родимая матушка па горе породила,
Худой меня долей, долей надѣлила,
Никто-жъ меня, молодца, да никто не любить,
Дѣвушки не любять, молодца не хвалять».
— Пойдемъ, пойдемъ, дитятко, съ горя погуляемъ,
Зайдемъ, зайдемъ къ дѣвушкамъ, въ глаза попеняемъ.
«Дѣвушка невѣста, какъ тебѣ не стыдно,
Какъ тебѣ не стыдно, глазамъ не позорно,
Какъ ты мово сына, сына пристыдила,
При всемъ, при народѣ, въ большомъ хороводѣ.» [1])
— «Пойди, пойди, матушка, пойди не ругайся.
— «А я твово сына, сына сожалѣю.» —
Назадъ-то молодчика, назадъ ворочала:
«Воротися, молодецъ, воротися, удалой,
Не хвалися, молодецъ, да ты самъ собой,
Ты самъ собою, своею красотою.»
Всѣ русые кудерки на ёмъ причесала,
Пуховую шляпушку ему надѣвала,
Синенькій халатикъ, сборы собирала,
Ситцеву рубашечку на ёмъ зашивала,
Сафьяны сапожечки ему надѣвала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ, пошелъ взвеселился.

Зап. М. А. Баскакова.

---

[1]) По вар. зап. въ с. Кушалинѣ (Тверск. губ. и у.) тутъ слѣдуетъ вотъ какая вставка:

Тутъ дѣвица къ молодцу выходила,
Тутъ, красная, съ молодцемъ рѣчи говорила:
«Прости, прости, молодецъ, виновата!
«По частой походочкѣ не признала.»

(Далѣе какъ въ предыдущ.).

Зап. студент. Ив. А. Никольскимъ.

369.

д) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Выходила дѣвица
У садъ погуляти
Ой лёшеньки, лёшеньки!
У садъ погуляти.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго второго стиха, который тоже повторяется).

Вызывала дѣвушка
Молодца бороться.
Вотъ и добра молодца
Она поборола.
При честномъ народѣ
Въ большомъ хороводѣ:
Пуховую шляпушку
Она съ него сшибла
На сырую землю молодца
Она свалила.
Приходила къ молодцу
Его родная матерь:
«Какъ тебѣ, дѣвчонка,
Какъ тебѣ не стыдно!
Да за что молодчика
Ты такъ обижаешь?»
— Подходила дѣвица
Парня подымала,
За бѣлыя рученьки
Крѣпко придержала,
Пуховую шляпушку
Ему надѣвала.
Вотъ она молодчика
Сладко цѣловала;
Сладко цѣловала,
Такъ отвѣтъ держала:
«Тебѣ дѣла нѣту,
— Что я друга била
Сама понимаю,
Друга утѣшаю, —
Ой лёшеньки, лёшеньки!
Друга утѣшаю.

Зап. С. Н. Рачинской.

370.

е) Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Выходилъ молодчикъ
Люли, люли!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

На свою сторонку,
Выносилъ молодчикъ
Звончатые гусли.
Гусельцы играютъ, —

Дѣвокъ вызываютъ:
«Дѣвицы, дѣвицы,
Хитры-мудреницы!
Дѣвицы, дѣвицы,
Пойдемте бороться!»
— Какъ дѣвица молодца
Взяла поборола
Въ большомъ хороводѣ,
При всемъ при народѣ:
Пуховую шляпу
Съ головы смахнула,
У сѣраго кафтана
Всѣ боры примяла
Русыя кудри
Всѣ исколочила.
(Не кончена).

Зап. учит. Ѳ. Никиф. Барановымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Л. Е. А. и Э.

371.

ж) Костромской губ., Ветлуж. у., с. Рождественское.

Пошелъ молодецъ на гулянье,
Къ краснымъ дѣвушкамъ на свиданье,
Ой лелю, лелю! на свиданье.
«Миръ вамъ, дѣвушки, на гуляньѣ,
«Миръ вамъ, красныя, на свиданьѣ!»
Входитъ молодецъ въ кругъ къ дѣвицамъ,
Ходитъ молодецъ по кружалу
Проситъ молодецъ: побороться.
Всѣ тутъ дѣвицы пріутихли,
Всѣ тутъ красныя пріумолкли,
Одна дѣвица всѣхъ смѣлѣя,
Всѣхъ смѣлѣя, всѣхъ веселѣя,
Дѣвка къ молодцу выходила,
Выходила дѣвка,— съ молодцемъ говорила:
«Изволь, молодецъ, побороться!»
Дѣвка молодца споборола,
Черну шляпу съ кудеръ сшибла,
На немъ синь кафтанъ изорвала,
Алу ленточку въ грязь втоптала,
Кушакъ шелковой изщипала,
За русы кудри теребила,
Во право плече колотила,
Лицо бѣлое пристыдила.
Пошелъ молодецъ самъ заплакалъ,
Пришелъ къ матери съ жалобою:
«Ужъ ты матушка, мать родная!
Меня дѣвушки не злюбили,
Всѣ то красныя меня не любятъ,
Одна дѣвица сполюбила,
Меня молодца споборола,
Черну шляпу съ кудеръ сшибла,
Алу ленточку въ грязь втоптала,
Кушакъ шелковой пзщипала,
На мнѣ синь кафтанъ изорвала,
За русы кудри теребила,
Во право плече колотила,
Лице бѣлое пристыдила.»
Проситъ дѣвица помириться,
Проситъ красная распроститься.»

Изъ собранія М. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э. Ср. у Студитск., стр. 15, у Смирнова, стр. 15, Варенцова, стр. 134.

372.

а) Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Не бѣленькій снѣжокъ
На талу землю напалъ,
Ужъ какъ мой-то милой
Со добра коня упалъ, —
Упалъ да лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Его прежняя сударушка
Похаживала,
Частёшенько на милаго
Поглядывала.
«Вставай, милый, не лежи,
Коня въ сѣдлѣ не держи!
Отъ колечка отвяжи
Отъ такова отъ витова,
Отъ серебряннова,
Переточенаго,
Позолоченаго.»
На коня дружка сажала,
Я подсаживала,
Ему наказывала:
«Ты поѣдешь, мой любезной,
На чужую сторону, —
На чужой ли на сторонкѣ
Не загуливайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся!
Что хорошія пригожія
Тебя высушили,
Изъ бѣлаго изъ лица
Румянъ вывели.
Что и черная грязь, —
То старухи у насъ,
Что и бѣлая капустка,
То молодушки у насъ;
Что лазоровый цвѣтокъ, —
Красны дѣвушки у насъ
Что гнилая-то солома, —
То ребятушки у насъ.
На гнилую-то солому

Нынѣ честь пришла;
Что гнилая-то солома
Нынѣ женится,
А лазоревый цвѣтокъ
За нихъ замужъ идутъ;
Гнилая-то солома
На кроватушкѣ лежитъ,
А лазоревый цвѣтокъ
У кроватушки стоитъ, —
У кроватушки стоитъ,
Сама плачетъ, говоритъ:
«Ужъ ты, другъ, прости,
На кровать меня пусти!»
— Я тогда тебя пущу,
Когда три кожи спущу.
«Хоть и три кожи спусти, —
На кровать меня пусти.»

Зап. студентъ И. А. Никольскій.

373.

б) Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

На горѣ снѣжокъ напалъ
Молодецъ съ коня упалъ.

Калина моя, малина моя!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Онъ упалъ да лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Сударушка увидала,
Скорешенько подбѣжала,
На добра коня сажала
Все приказывала:
«Ты поѣдешь, моя радость
По уѣздамъ, городамъ,
По уѣздамъ, городамъ,
Чужимъ дальнимъ сторонамъ,
Со купцами, господами
Не заторгивайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.
Хорошія, пригожія
Тебя высушили,
Безъ мороза, безъ лютова
Сердце вызнобили.
Что и черная грязь
Старики у насъ,
Что гнилыя-то гнилушки —
У насъ старыя старушки,
Что и маковый цвѣтокъ, —
То молодушки у насъ,
Что лазоревы цвѣтъ —
Красны дѣвушки у насъ,
Что гнилая-то солома
То молодчики у насъ.
На гнилую-то солому
Нонче честь пришла:
Она женится, *черемонится.* (?)
Что лазоревый цвѣтъ
За него замужъ идетъ,
За него замужъ идетъ, —
Въ ноги кланяется:
«Ужъ ты миленькій, милой,
Пусти меня на кровать!»
— Я тогда тебя пущу,
Когда плёточку сыщу,
Когда плёточку сыщу, —
Съ тебя шкурушку спущу.
«Хоть двѣ спусти, —
На кровать меня пусти».

Зап. М. А. Баскаковой.

374.

в) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Что не бѣлый снѣгъ напалъ, —
Молодецъ съ коня упалъ.

Охъ калина моя,
Охъ малина моя!

(Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

Онъ упалъ, упалъ — лежитъ
Никто къ нему не бѣжитъ.
Увидала, подбѣжала
Красна дѣвица душа:
За бѣлы руки примала,
На добра коня сажала,
Съ уговоромъ провожала
Все приказывала:
«Какъ поѣдешь, моя радость,
Какъ поѣдешь, моя жизнь,
Что по селамъ, городамъ,
По нѣмецкимъ слободамъ, —
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся:
Что хорошія, пригожія
Тебя высушили,
Безъ мороза, безъ лютаго
Сердце вызнобили.
Что ни черная грязь —
То старушонки у насъ,
Что ни бѣлая капустка, —
То молодушки у насъ,
Что ни аленькій цвѣтокъ —
Красны дѣвушки у насъ,
Что ни гнилая солома, —

То молодцы у насъ.
Что гнилая-то солома
Нонче женится,
Что аленькій цвѣтокъ
За ней замужъ идетъ.
Гнилая-то солома
На кроватушкѣ лежитъ,
Что ни аленькій цвѣтокъ
Длѣ[1]) кроватушки стоитъ, 2
Слезно плачетъ, говоритъ:
«Ты прости, прости, —
На кровать меня пусти!»
— Я тогда тебя прощу,
Когда плеть сыщу
Объ семи хвостахъ
И семи пахвостничкахъ.

Зап. мною въ 1862 г.

375.

Костромской губерніи, Ветлужск. у., с. Рождествено.

Я пойду ли молоденька
Во зеленый садъ гулять.

—

Калина моя
Ой малина моя!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Со травы сорву цвѣтокъ,
Заверну его въ платокъ,

—

Ужъ я погодя маленько,
Помедлявши часокъ,

—

Разверну этотъ платокъ,
Посмотрю на цвѣтокъ,

—

Что не сохнетъ ли, не вянетъ ли,
Мой аленькій цвѣтокъ,

—

Что не плачетъ ли не тужитъ
Мой миленькой по мнѣ

—

Мой миленькій по мнѣ
На чужой сторонѣ.

—

Я сегодня, молода,
Всю ноченьку не спала,

—

Всю ноченьку не сыпала,
Все милова собирала,

—

Все милова собирала,
Русы волосы чесала,

—

Русы волосы чесала,
Кудеречки завивала,

—

Кудеречки завивала,
Черну шляпу надѣвала,

—

Черну шляпу надѣвала,
Синь кафтанъ оболокала,

—

Синь кафтанъ оболокала,
На добра коня сажала,

—

На добра коня сажала,
Шелковъ поводъ подавала,

—

Шелковъ поводъ подавала,
Вороточки отворяла,

—

Вороточки отворяла,
Въ чисто поле провожала,

—

Въ чисто поле провожала
И наказывала:

—

«Ты поѣдешь, молодецъ,
По чужимъ городамъ,

—

По бесѣдамъ, по пирамъ, —
Не нахаживайся.

—

Хоть найдешь меня получше
Не заглядывайся.

—

Я дѣвица не стара
А вѣковѣчная твоя.

—

Я надѣюсь на тебя, —
Пойду замужъ за тебя».

Изъ рукописн. сборн. М. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

[1]) Длѣ (для) — возлѣ, подлѣ.

376.

г) Вологодской губернии, Сольвычегодск. у.

. . . . [1])
Гнилая-то солома
По загуменью лежитъ,
Маковъ-то цвѣтъ
Въ огородѣ цвѣлъ;
Гнилая-то солома
Пошла свататься,
Маковъ цвѣтъ
Пошелъ прятаться. [2])
Гнилая-то солома
Сосваталася,
Маковъ-то цвѣтъ
Спрятался.
Гнилая-то солома
Вѣнчаться пошла,
Маковъ-то цвѣтъ
За ней же во слѣдъ;
Гнилая-то солома
Домой пришла,
Маковъ-то цвѣтъ
За ней во слѣдъ;
Гнилая-то солома
Лежитъ да трещитъ,
Маковъ-то цвѣтъ
Стоитъ да дрожитъ,
Гнилая-то солома
Поворотится,
Маковъ-то цвѣтъ
Поклонится.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

377.

Псковской губерніи.

Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси мальцы дешевы —
Первый молодецъ хоть бы дровъ костеръ,
Другой молодецъ хоть бы лыкъ пучекъ,
Третій молодецъ хоть бы дегтю кувшинъ!
Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси дѣвки дороги —
Перва дѣвка во сто рублей,
Друга дѣвка во тысячу,
А третей дѣвицы цѣны нѣту-ти! [3])

Сообщ. М. И. Семевскимъ. Ср. у Соболевск. Великор. н. пѣсни, т. I, стр. 561—566.

[1]) Начала не достаетъ. Ш.
[2]) Пратача. Ив.

378.

Новгородской губерніи, Крестецк. у.

Какъ у вашихъ, нашихъ
Новыхъ дворовъ
Ай люли, ай люли!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Какъ скачетъ и пляшетъ,
Малъ воробей, —
Ужъ малъ таки малъ,
Гораздъ маленькій.
Ужъ онъ бѣлъ таки бѣлъ,
Гораздъ бѣленькій.
Дѣвушекъ, молодушекъ
На улицу манилъ:
«Пойди, дѣвушки, съ намъ,
Молодицы съ намъ!
Ужъ старыхъ старушекъ
Намъ не надобно.»
Молодицы дѣвицамъ
Спозавидовали:
«Вамъ, дивья, хорошія дѣвушки,
Своя воля гулять,
Отцы матери велятъ
И наказываютъ, —
И наказываютъ,
Не загораживаютъ.»
— Теперь наша воля миновалася
И потерялася.
Проявилась моя волюшка
У короля въ Новѣгородѣ, —
Въ новомъ городу
Во высокомъ терему, —
Во высокомъ терему, —
На перинѣ на пуху.
Она пусть поспитъ,
Понѣжится,
Неровной сойдетъ —
Горе навидается:

[3]) Пѣсня эта, можетъ быть, историческая, т. е. заключаетъ въ себѣ намекъ на удало-распутную жизнь молодежи древняго Новгорода, гдѣ дѣвицъ оказывалось мало, а еще вѣрнѣе, что это шутливая запѣвочка парня, въ которой имя города вставлено только для стиха. М. Сем.

Она безъ соли щей
Нахлебается,
Волочащихъ кусочковъ
Нахватается,
Безъ хлѣба на барщину
Понаходится,
Во чужихъ то людяхъ
Понамается.
Ужъ какъ вьютъ-то кнутки
Все ремяные,
Ужъ какъ плетутъ-то плетки
Шелковыя,
Что про наше тѣло
Про бѣлое,
Что про нашу кровь
Горячую.
Плетка плотно лежитъ,
Кровь-то ручьемъ бѣжитъ.
Плетка взвизгиваетъ, —
Кровь-то взбрызгиваетъ.

Зап. Б. Б. Глинскимъ въ 1882 г. отъ крестьянки Авдотьи Григорьевой.

379.

Тверской губерніи и у.

Варили мы пиво,
Зеленое вино.
Ай лешиньки лели!
Зеленое вино.

(Такимъ же образомъ и далѣе припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
— Мы пива напьемся
И всѣ разойдемся.

—

Варили мы пиво,
Зелено вино.
Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
— Мы пива напьемся,
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ вмѣстѣ посядемъ.
Всѣ вмѣстѣ повстанемъ,
Всѣ вмѣстѣ подеремся,
Всѣ вмѣстѣ помиримся.

Все сказанное исполняется на дѣлѣ и при послѣднемъ стихѣ обходятъ весь хороводный кругъ и цѣлуются мужчины съ женщинами, въ знакъ мира и прощенія за обиду, нанесенную другъ другу въ дракѣ.

Сообщ. св. А. В. Соколовымъ. Поется и и въ другихъ губ.

380.

а) Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

За рѣкою диво:
Чернецъ варилъ пиво.

—

Охъ, черничикъ мой,
Горюнъ молодой!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Чернецово пиво
Разымчиво было.

—

Пиво, какъ былинку,
Клонитъ сиротинку.

—

Клонится былинка—
Маша сиротинка.

—

Клонитъ — разнимаетъ,
Съ Машенькой гуляетъ.
Охъ черничикъ мой!
Горюнъ молодой!

Изъ рукоп. сборн. С. Я. Дерунова. Сообщ. Отд. Этногр. И. Общ. Л. Е. А. и Э.

381.

б) Тверской губерніи.

На улицѣ было
На широкой диво:
Варилъ чернецъ пиво.
Черничикъ ты мой
Горюнъ молодой!
Вступила хмелина
Во буйну головку:
Не даетъ мнѣ тряхнуться,
Не даетъ ворохнуться.
А все я тряхнуся,
А все я ворохнуся.»
— Я пиво носила,
Меня разносила,
Я пиво сливала,
Меня разбирала.

Зап. семинарист. Тверск. семинаріи.

382.

а) Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Раздѣлившись на двѣ партіи, дѣвушки становятся въ двѣ прямыя линіи другъ противъ друга на небольшомъ разстояніи. Каждая партія, по-

двигаясь попеременно всей своей линіей къ другой, противостоящей, поетъ по одному стиху пѣсни съ припѣвомъ и возвращается на свое мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ тоже самое повторяетъ другая партія при пѣніи слѣдующаго стиха:

1-я партія: «А мы чищу чистили, чистили,
«Ой дидъ ладу, чистили, чистили.»
2-ая — А мы пашню пáхали, пáхали,—
— Ой дидъ ладу! пахали, пахали.
1-ая «А мы просо сѣяли, сѣяли» и т. д.
2-ая — А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ и т. д.
1-ая «А чѣмъ же вы вытопчете, вытопчете?»
2-ая — А мы коней выпустимъ, выпустимъ.
1-ая «А мы коней выловимъ, выловимъ.»
2-ая — На что же вы выловите, выловите?
1-ая «На шелковые повода, повода.»
2-ая — А мы коней выпустимъ, выпустимъ.
1-ая «На что же выпустите, выпустите?»
2-ая — А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
1-ая «А мы дадимъ тысячу, тысячу.»
2-ая — Не надо намъ тысячу, тысячу.
1-ая «А что же вамъ надобно, надобно?»
2-ая — Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу.
1-ая «А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу.

Зап. учит. Буратск. школы Ѳ. Ник. Барановъ. Сообщ. Отдѣл. Этногр. И. Об. Л. Е. А. и Э.

383.

б) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, въ с. Большемомырскомъ (на р. Ангарѣ).

Дѣвки просо сѣяли,
Ой ли да ладу! сѣяли
«Пущай просо выростетъ,
Ой ли да ладу! выростетъ»
— Мы ей рости нé дадимъ,
Ой ли да ладу! *не дадимъ.* 2
Коней зáпустимъ,
Ой ли да ладу! запустимъ. 2
У васъ просу *вытопчутъ*, 2
Ой ли да ладу! *вытопчутъ*.» 2
— Мы коней *ѝзловимъ*, 2
Ой ли да ладу! *ѝзловимъ*, 2
За уздечки *тесменныя*, 2
За поводья шелковыя,
Ой ли да ладу! шелковыя.
«Мы у васъ коней *выкупимъ*, 2
Ой ли да ладу! *выкупимъ*: 2
Мы дадимъ вамъ *сто рублей*, 2
Ой ли да ладу! сто рублей»
— Намъ не надо *тысячу*, 2
Ой ли да ладу! *тысячу*. 2
«Мы дадимъ вамъ *горницу*, 2
Ой ли да ладу! *горницу*.» 2
— Намъ не надо *горницу*, 2
Ой ли да ладу! *горницу*. 2
«Мы дадимъ вамъ *свѣтлицу*, 2
Ой ли да ладу! *свѣтлицу*.» 2
— Мы дадимъ вамъ *дѣвицу*, 2
Ой ли да ладу! *дѣвицу*. 2
«Объ дѣвицѣ *слова нѣтъ*, 2
Ой ли да ладу! слова нѣтъ. 2
Намъ дѣвицу надобно,
Ой ли, да ладу! надобно.»
— Отворите вороты, пропускайте дѣвицу,
Ой ли, да ладу, дѣвицу.

Зап. бывш. учит. Тобольск. Морского училища въ с. Большемомырскомъ. Сообщ. Этногр. От. И. Общ. Л. Е. А. и Э.

384.

в) Псковской губерніи, Опочецк. у.

«Мы просо сѣяли, сѣяли»

—

— А мы просо вытопчимъ, вытопчимъ.

—

«А мы топтать не дадимъ, не дадимъ.»

—

— А чѣмъ вы вытопчете? вытопчете?

—

«Мы коней напустимъ, напустимъ.»

—

— А мы коней пòймаемъ, пòймаемъ.

—

«А чѣмъ вы поймаете, поймаете?»

—

— Шелковымъ неводомъ, неводомъ.

—

«А мы неводъ разорвемъ, разорвемъ.»

—

— А мы коней въ стойло запремъ, запремъ.

—

«А мы коней выкупимъ, выкупимъ.»

—

— А чѣмъ же вы выкупите, выкупите?

—

«Мы сто рублей дадимъ, дадимъ.»

—

— Намъ ста рублей не надо, не надо!

—

«Мы тысячу рублей дадимъ, тысячу.»

—

— Намъ и тысячи не надо, не надо!

—

«Мы дадимъ дровъ костеръ, дровъ костеръ.»

—

— Намъ дрова не надо, не надо:
Въ насъ избы стоплены, стоплены.

—

«Мы дадимъ лыкъ пучокъ, лыкъ пучокъ.»

—

«Намъ лыкъ не надо, не надо,
Въ насъ лапти сплетены, сплетены.»

—

— Мы дадимъ дѣдушку, дѣдушку.

—

«Намъ дѣдушки не надо, не надо.»

—

— Мы дадимъ молодца, молодца.

—

«Намъ молодецъ не надо, не надо.»

—

— Мы дадимъ денежку, денежку.

—

«Намъ денежка не надо, не надо.»

—

— Мы дадимъ дѣвушку, дѣвушку.

—

«Намъ дѣвушка нада, нада.»

—

— В' насъ въ полку убыло, убыло.

—

«А в' насъ въ полку прибыло, прибыло.»

—

Тутъ поющимъ даютъ хлѣба, масла, молока и т. п.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

385.

г) Вологодской губерніи, Сольвычегодск. у.

(Начало не достаетъ).

Дѣвушки: Коней выпустимъ,
Коней выпустимъ.
Ой рядила ладу! вы́пустимъ.

Парни: Коней взымаемъ 2
Ой рядила ладу! взымаемъ.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухстишія съ повтореніемъ послѣдняго слова).

Д. Коней выкупимъ. 2
П. На выкупъ не дадимъ. 2
Д. Мы дадимъ сто рублей. 2
П. Намъ сто рублей не надобѣ.
Д. Мы дадимъ тысячу. 2
П. Намъ тысяча не надобѣ. 2
Д. Что же вамъ надобѣ? 2
П. Намъ надобѣ дѣвица.
Д. Вамъ которая дѣвица?
П. Намъ надо крайняя. 2
Д. У насъ крайня въ золотѣ.
П. Намъ надо въ жемчугѣ.
Д. У насъ нѣтъ такой.
П. Давайте намъ ворота, пайдемъ!

Парни проходятъ въ ворота (изъ рукъ) и выбираютъ дѣвушку.

Д. Наша играла, да выиграла.
П. Ваша играла, да проиграла.
Д. Благо, бѣсова урода
Со двора уволокла.
Не пряха была,
Не ткаха была,
Не шелковица была,
Не полушелковица,
Не по воду хожа́йка,
Не щей варея́,
Не хлѣба печея́:
Испечетъ, — сожжетъ,
Сваритъ, — прольетъ,
Принесетъ на столъ —
Не поклонится,
Не поклонится —
Отвернется.
Парни: Не тужи, мати, не печалься
Ужъ мы станемъ учить,—переучивать:
У насъ будетъ ткаха,
У насъ будетъ пряха,
Шелковица, полушелковица,
По воду хожайка,
Щей варея, хлѣба печея.
Испечетъ, — не сожжетъ,
Сваритъ, — не прольетъ,
На столъ принесетъ, — поклонится,
Поклонится, — не отвернется.

Зап. П. А. Иваницкій. Ср. всѣ вар. напи съ № 2 въ Сказан. Сахарова, т. I, стр. 27.

386.

Калужской губерніи, Малоярославск. у., с. Костино.

Какъ подъ рощею, подъ зеленою, —
Ай люли, люли, подъ зеленою.

Тутъ и спалъ лежалъ добрый молодецъ
Ай люли, люли, добрый молодецъ.

(Такимъ образомъ припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха съ прибавленіемъ къ нему послѣдняго слова или словъ, смотря по требованію размѣра).

Передъ нимъ стоитъ красна дѣвушка.
Говоритъ она красну молодцу:
«Ты возстань, проснись, пробудись, душа,
Погляди-ко-ся на сине море:
На синемъ морѣ корабли плывутъ,
Корабли плывутъ со товарами,
Посреди — корабль съ златомъ, серебромъ,
А другой корабль съ мелкимъ жемчугомъ,
Какъ третій корабль съ красной дѣвушкой.»
— Злата, серебра дѣвать невуда,
Мелка жемчуга сыпать нé во что,
Красну дѣвицу — подавай сюда!
Ей надобно напередъ идти,
Напередъ идти, хороводъ вести,
Хороводъ вести съ краснымъ дѣвушкамъ
Во Рязань городъ, за солдатъ замужъ.
Наши дѣвушки испужалися,
Поскорѣй замужъ побросалися:
Кто за стараго, кто за малаго,
Кто за ровнюшку, за мила дружка,
Кто-жъ за горькую пьяницу,
Ай люли, люли! все за пьяницу.

Зап. мѣстн. помѣщицей Е. Г. Дурново.

387.

Вологодской губерніи.

«Маменька, маменька,
Родимая матушка!
Сострой-ка мнѣ келейку
Со тремъ со окошечкомъ:
Первое окошечко
На широку улічку,
Другое окошечко
Во зелёнъ садъ,
Третье окошечко
На сине море.»
По синему по морю
Три суденышка плывутъ:
Первое судёнышко
Съ егерáмъ, съ некрутамъ,
Другое судёнышко
Съ атласáмъ, съ бархатáмъ,
Третье судёнышко
Съ добрымъ молодцамъ.
«Маменька, маменька,
Родимая матушка!
Какъ бы судно удержать,
Молодца въ гости позвать?»
— Ахъ ты дочка умная,
Надежда разумная!
Пора времячка придетъ, —
Само судно приплыветъ,
Молодецъ въ гости придетъ,
Въ хороводъ тебя возьметъ,
Въ хороводъ тебя возьметъ,
Поцѣлуетъ, обойметъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

388.

а) Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Участвующіе, преимущественно дѣвушки, становятся въ кругъ. Въ средину его выступаетъ одна, и подъ пѣніемъ хоровода нижеслѣдующей пѣсни начинаетъ плясать и выражать пантомимой всѣ тѣ пріемы обработки льна, о которыхъ говорится въ пѣснѣ.

Подъ дубравою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою, ленъ, ленъ.
Ужъ я сѣяла, сѣяла ленокъ,
Ужъ я сѣя, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На всѣ бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой ленъ,
Ты удайся, мой бѣленькій,
Полюбися, дружокъ миленькій!»

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ полоть».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи,
Вотъ такъ да чи дочки мои,
Вотъ такъ да голубушки,
Вотъ такъ да голубушки.

—

Я полола, полола, ленокъ,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала.
И т. д. до словъ: Научи меня мати.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ дергать».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи,
Вотъ такъ да чи дочки мои и т. д.

—

Ужъ я дергала, дергала ленокъ,
Ужъ я дергала, приговаривала и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый стлати».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи,
Вотъ такъ да чи дочки мои и т. д.

—

Ужъ я стлала, стлала ленокъ
Ужъ я стлала, приговаривала и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ сушить».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи и т. д.

—

Я сушила, сушила ленокъ,
Я сушила, приговаривала и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ мяти».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи... и т. д.

—

Ужъ я мяла, мяла ленокъ
Ужъ я мяла, приговаривала... и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ трепати».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи... и т. д.

—

Ужъ я мяла, мяла ленокъ,
Ужъ я мяла, приговаривала... и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ чесати».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи... и т. д.

—

Я чесала, чесала ленокъ,
Я чесала, приговаривала и т. д.

—

«Научи меня, мати,
«Какъ бѣлый ленъ прясти».

—

— Еще такъ да вотъ такъ, чи дочи... и т. д.

—

Ужъ я пряла, пряла ленокъ,
Ужъ я пряла, приговаривала... и т. д.

Зап. учит. О. Н. Барановымъ. Сообщ. Этногр. От. И. Общ. Л. Е., А. и Э.

389.

б) Тульской губерніи.

Ужъ мы сѣяли, сѣяли ленокъ,
Мы сѣяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
«Ты удайся, удайся, ленокъ,
Ты удайся, мой бѣленькой!
Не крушись, мой миленькой!
Мы ходили, ходили за ленкомъ,
Мы ходили, приговаривали,
Чеботами приколачивали.
Мы пололи, пололи вѣнокъ,
Мы пололи, приговаривали.
Мы косили, косили ленокъ
Ужъ мы пряли, мы пряли ленокъ,
Ужъ мы пряли, приговаривали...
Ужъ мы ткали, приговаривали...
Мы ходили, ходили на торгъ,
Мы ходили, приговаривали...
Продавали, давали ленокъ,
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ переворачивали:
«Ты удайся, удайся, ленокъ,
Ты удайся, удайся мой бѣленькой,
Не журись ты, мой миленькой!»

Зап. И. П. Чулковскій.

390.

а) Вятской губерніи.

Играющіе составляютъ кругъ, въ средину котораго одинъ изъ нихъ садится на стулъ, а всѣ остальные ходятъ вокругъ него, взявшись за руки, то въ одну, то въ другую сторону и поютъ:

Сидитъ олень
Подъ ку́стичкомъ,
Подъ березничкомъ.
«Что? Тепло ли тѣ, олень?
Студено ли тѣ, олень?»
— Мнѣ не такъ тепло,
Мнѣ не такъ студено.
Пріодѣньте меня,
Пріокутайте.
Что со дѣвицы вѣнокъ,
Со молодицы платокъ,
Со удала молодца
Красна шапочка,
Еще съ малаго ребенка—
Рубашка съ плечъ,—
Куда хочешь спречь.

При этихъ словахъ двое или трое бросаютъ на голову сидящаго свои платки, что за ними

дѣлаютъ и другіе, при чемъ пѣсня запѣвается снова и поется до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ набросать на него свои платки всѣ участники игры. Тогда онъ встаетъ со стула, становится на него, держа въ рукахъ платки и вытаскивая одинъ платокъ за другимъ, показываетъ ихъ играющимъ, и тотъ, чей платокъ, долженъ выскочить и вырвать его у него изъ рукъ. Между тѣмъ кругъ ходитъ и поетъ:

«Дѣвка, выскачи вѣнокъ!
Дѣвка, выпляши вѣнокъ!
Со своимъ станкомъ,
Со коротенькимъ».
— Еще станъ-отъ коротокъ,
Опоясочка долга.
Семисаженна изба,—
Повернуться негдѣ:
Что повéрнешься,
Призачéрнишься.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

391.

б) Пермской губерніи.

Вó полѣ олень, во полѣ олень
Золотые рога, золотые рога!
Мимо *ольня*, мимо ольня
Молодецъ проѣзжалъ:
«Я тебя олень, я тебя олень,—
И я подстрѣлю.»
—Не стрѣляй, добрый молодецъ,
Не стрѣляй, добрый молодецъ:
Будешь жениться, будешь жениться,—
На свадьбу приду,
Златыми рогами, златыми рогами
Весь дворъ освѣчу,
Пѣсню спою, пѣсню спою, —
Всѣхъ гостей взвеселю;
Пуще того, пуще того,
Я невѣсту твою.

Сообщ. А. Соколовъ.

392.

а) Тульской губерніи.

Играющіе составляютъ кругъ, въ серединѣ котораго становится запѣвало. Онъ немедленно затягиваетъ пѣсню, всѣ мигомъ ее подхватываютъ и поютъ за нимъ протяжно, сопровождая каждую строку движеніями, соотвѣтствующими содержанію пѣсни:

Какъ повадился мужéнюшка
За охотою ходить, —
Перепелушекъ ловить.
Не поймалъ же перепелку,
Поймалъ бѣлаго лунька[1]).
Какъ жена-то говоритъ:
«Сѣмъ лунька убить!»
Припечалился лунекъ.
Какъ присѣлъ же нашъ лунекъ:
Одну ножку потянетъ,
А другую поведетъ.
Какъ жена-то говоритъ:
«Сѣмъ на волюшку пустить!»
— Подымался нашъ лунекъ
Потихохоньку, помалёхоньку.
Какъ поднялся нашъ лунекъ,
Полетѣлъ же нашъ лунекъ;
Какъ пошелъ же нашъ лунекъ
Да плясать и скакать.

При этихъ словахъ кругъ разрывается и всѣ начинаютъ плясать и скакать.

Сообщ. І. Ив. Паульсономъ.

393.

б) Московской губерніи, Можайск. у.

Какъ Ефимовъ сынъ Трофимъ
Охочь по лѣсу гулять
Ой люли, люли!
Охочь по лѣсу гулять.
Часты плёнки становить.
Не поймалъ перепелку,
Поймалъ сизаго лунька, —
Поймалъ сизенькаго,
Сизокрыленькаго,
Со руками, со ногами,
И со буйной головой,
И со русою косой,
Со дѣвичьей красотой.
«Ужъ гдѣ же мнѣ лунька
Посадить будетъ его?
Посажу свово лунька, —
Во огородѣ во саду,
Во шелковую траву,
Во холодную водý.
— «Окунись-ка, мой лунекъ,
Окунись-ка, молодой!
Ты поглыбже, поглыбже,
Еще глыбже того!
Ты присядь-ка, мой лунекъ,
Ты присядь-ка, молодой!
Ты пониже, пониже,—
Еще ниже того!
Обоймемся, мой лунекъ,
Обоймемся, молодой!
Ты покрѣпше, покрѣпше, —
Еще крѣпше того!

[1]) Уменьшит. отъ сл. *лунь:* хищная птица (Salco rusticolus). Слов. Даля.

Поцѣлуйся, мой лунекъ,
Поцѣлуйся, молодой!
Ты послаще, послаще,—
Еще слаще того!
Разоймемся, мой лунекъ,
Разоймемся, молодой!
Ты послабже, послабже,—
Еще слабже того!
Разодвинься, мой лунекъ,
Разодвинься, молодой!
Ты подальше, подальше,—
Еще дальше того!
Ты привстань-ка, мой лунекъ,
Ты привстань-ка, молодой!
Ты пошибче, пошибче,
Еще шибче того!
На насъ дѣвушки глядятъ,
Всѣ молодушки смотря́тъ,
Цѣловаться намъ велятъ.»

Зап. мною отъ дворовой. Поется и въ Калужской губ. съ незначительными только перемѣнами въ нѣкоторыхъ словахъ.

394.

в) Новогородской губерніи, Крестецк. у.

Ужъ вы кумушки мои, голубушки!
Вы не знаете про то, да не вѣдаете:
Ужъ какъ мой мужъ рыболовъ
  Пошелъ рыбу ловить,
Поймалъ онъ лунька 2 маленькаго,
  Невеличка, круглоличенькаго.
«Садись, садись мой лунекъ,
  Садись, миленькій,
Садись, садись, миленькій,
  Невеличенькій, круглоличенькій!
Се эту ногу протянетъ,
  Се ту ногу протянетъ,
Се то крыло подыметъ,
  Се друго крыло подыметъ;
Се то лицо погладитъ, —
  Се друго лицо погладитъ.
Вставай, вставай, лунекъ,
  Вставай, маленькій!
Вставай, маленькій,
  Невеличенькій, круглоличенькій.

При послѣднихъ словахъ пѣсни, сидящій на полу парень, представляющій лунька, подымается и окружающія его дѣвки бьютъ.

Зап. Б. Б Глинскимъ.

395.

Вятской губерніи.

По заулочку воробышекъ гуляетъ,—
  Онъ летаетъ, 3
У воробушка головушка больна,—
  Что больна; 3
Что ретиво сердечушко щемило,—
  Что щемило.
Еще сталъ воробе́юшко садиться,—
  Онъ садится;
Еще сталъ воробеюшко дремати,—
  Онъ дремати;
Еще сталъ воробей засыпати,—
  Засыпати.
Потомъ сталъ воробей шевелиться,—
  Шевелиться.
Еще сталъ воробеюшко вставати,—
  Вставати,
Да пошелъ воробей танцовати,—
  Танцовати:
Онъ на правую ножку припадати,—
  Припадати;
Еще ищетъ себѣ перемѣну, —
  Перемѣну, 3
Перемѣну — красную дѣвку,—
  Красную дѣвку, 3.

Изъ рукоп. сборн. Н. А. Александрова.

396.

Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Большемамырское (на р. Ангарѣ).

На лужкахъ было лужечкахъ,—
Тутъ дѣвушки кружки вили,
Разлапушки танцевали,
Танцевали, гарцевали.
Одна дѣвка пріуставши,
Пріуставши, придремавши,
Спать ложилась къ молодцу на колѣни,
Подъ веселые подъ гуслицы.
Молодецъ въ гусли играетъ,
Свою Дуню разбужаетъ:
«Встань матушка,
Встань лапушка,
Встань бѣлая лебедушка!
Эвонъ ѣдетъ твой батюшка!»
— Я батюшки не боюсь,
Родимова не стыжусь
Мой батюшка не чужой:
Побьетъ, побьетъ — перестанетъ,
Перестанетъ бить, устанетъ
— Со мною, со младою.

Зап. бывш. учит. Тобольск. морск. учил. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Л. Е. А. и Э.

397.

Вологодской губерніи.

Деревня отъ деревни
Неподàлеку стоитъ;
Промеждý этимъ дерѐвнямъ
Рѣчка быстрая бѣжитъ.
Не велятъ мнѣ добру молодцу
За рѣченьку ходить, 2
Красныхъ дѣвушекъ любить.
За рѣченьку за быструю
Ходить буду ходить,
Красныхъ дѣвушекъ молодушекъ
Любить буду любить.
Дѣвушки къ намъ,
Молодушки къ намъ!
Старыя старушки
Во сторонушку, 2
Во слободушку!
Ко Любавину двору
Добрымъ молодцемъ иду,
Черезъ черную грязь
Сѣрымъ журавлемъ,
Черезъ быструю рѣчку —
Яснымъ соколòмъ.
Дома ли Любава,
Дома ли душечка моя?
Кабы дома ты была,
Вышла, встрѣтила меня,
Гостинова сына,
За бѣлы руки взяла,
Поцѣловала, обняла [1]).

Зап. Н. А. Иваницкій.

398.

Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Не дождемъ березу
Водой поливаетъ, —
Въ хороводѣ дѣвокъ
Прибываетъ.
Скачите, пляшите,
Красны дѣвки!
А вы молодые
Не глядите,
Въ хороводѣ дѣвокъ
Не судите!
Со глядѣнья вамъ дѣвушекъ
Не взяти.
Ужъ взять ли не взяти,
Вамъ по любови,
По батюшкиному
Хлѣбу-соли,
По матушкиному
Благословенью,
По сестрицыному
Повелѣнью,
По братилкиному
Приказанью.

Зап. учит. Ѳ. Н. Барановымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

399.

а) Калужской губерніи, Малоявосл. у., с. Костино.

Подъ лѣсомъ лѣсочкомъ
Трава шелкова.
По той по травкѣ, по муравкѣ
Молодчикъ идетъ.
Гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Во скрипушку поигрывалъ,
Во скрипушку поигрывалъ —
Невѣстъ выбиралъ.
Выходила дѣвчоночка:
Тонка, высока, собой хороша.
«Хорошая, пригожая,
Поди замужъ за меня!
Не пойдешь, — спокаешься,
Вспомянешь ты меня!»
— Пойтить было къ сусѣдушкѣ,
Спросить про тебя:
— «Сосѣдушка, голубушка!
Скажи-кась ты мнѣ,
Скажи-кась ты мнѣ:
Каковъ онъ человѣкъ?»
«Онъ пьяница, пропоица, —
Пропилъ самъ себя,
Пропилъ самъ себя,
Пропьетъ и тебя».

Зап. Е. Г. Дурново. Ср. у Соболевск. т. II, №№ 224—229.

400.

б) Ярославской губерніи, Пошхонск. у.

Какъ по травкѣ, по муравкѣ
Молодецъ гулялъ.

---

[1]) Вар. После словъ: «во слободушку»:
Мальчикъ на ножку ступаетъ,
Ума разума пытаетъ,
Мальчикъ руку жметъ,
Поцѣлуя ждетъ.
Цѣлуй дѣвицу въ уста, —
Пусть деревня не пуста.
Иваницкій.

Онъ и ходитъ, онъ и смотритъ
Невѣсту себѣ.
«Хорошая, пригожая
Поди за меня,
За такова удалова
Молодца.
Не пойдешь — ты спокаешься
Вспомянешь меня.

Молодецъ останавливается передъ дѣвушкой и кланяется. Дѣвушка встаетъ и идетъ вдоль пола, а молодецъ садится на ея мѣсто. Пѣсня продолжаетъ:

Идти было, спросить было
Сосѣдъ про тебя:
«Сосѣдушки, собранушки,
Скажите вы мнѣ
Про милова, удалова
Молодца...?»
— Сосѣдушки, собранушки
Не хвалятъ тебя.
А я, красна дѣвица,
Нейду за тебя.

Молодецъ при послѣднихъ словахъ встаетъ съ лавки и идетъ вдоль по полу, а дѣвица садится на свое мѣсто. Пѣсня повторяется вся сначала и на этотъ разъ сосѣди хвалятъ молодца и поэтому послѣ словъ его: «выйди за меня за такова, удалова молодца,» она отвѣчаетъ:

Сосѣдушки-собранушки —
Всѣ хвалятъ тебя,
А я, красная дѣвица,
Иду за тебя!

Изъ рукоп. сборника С. Я. Дерунова. Сообщ. Отдѣл. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

401.

а) Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Выходили красны дѣвицы
Изъ воротъ играть на улицу,
Выносили красны дѣвицы
Соловья ли позолоченаго. 2
Молодово позаверчатаго.
Возговорилъ соловушко,
Возговорилъ молоденькій:
«Поиграйте, красны дѣвицы,
«Вы покудова у батюшки,
«У сударыни у матушки
Неровенъ ли сватъ присватается,
Неровенъ ли чертъ навяжется:
Либо старый чертъ удушливый,
Либо ровнюшка ревнивый мужъ.
Либо младой горькій пьяница».
— Я бы стараго потѣшила, —
Въ сыромъ бору повѣсила,
На горьку осинушку,
На саму вершинушку.
Я бы младова потѣшила —
Раскачала-бъ — въ воду бросила.
Я бы ровнюшку потѣшила, —
Я бы съ ровнюшкой гулять пошла.

Зап. учит. Ѳ. Н. Барановымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Люб. Естествозн., Антроп. и Этногр.

402.

б) Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

Выходили красны дѣвушки
Съ хороводами на улицу,
Выносили въ рукахъ по соловью.
Ужъ ты пой, распѣвай, соловей!
Ой, утушка, утушка,
Ой, сѣрая утушка!

Приходила сѣрая утушка,
Притопила малыхъ дѣтушекъ, —
Во меду ихъ и во патокѣ
И во яствѣ сахарной.

—

Ужъ ты пой, распѣвай, соловей:
Пока воля есть у батюшки,
Пока нѣга есть у матушки,
Пока воля есть у дѣвушки.

—

Пой, распѣвай, красна дѣвица,
Въ хороводѣ разгуливай
На вольной волюшкѣ,
Во красѣ во дѣвичьей.

Зап. С. А. Деруновъ. Сообщ. Отд. Этногр. О. Л. Е., А. и Э.

403.

в) Пермской губерніи.

Выходили красны дѣвицы
Изъ воротъ гулять на улицу,
Выносили красны дѣвицы
Соловейка на бѣлыхъ ручкахъ.
Соловеюшко расвищется,
Красны дѣвицы разыграются.
Поиграйте, красны дѣвицы,
Пока весело во дѣвушкахъ.
Неравно-то замужъ выйдется,
Неровенъ-то чортъ навернется,

Либо старый-отъ удушливый,
Либо малый-отъ недо̂шленькій,
Либо ровнюшка хорошенькая.
Я бы стараго потѣшила —
Среди поля повѣсила,
Что на горькую осинушку,
И на самую вершинушку,
Добрымъ людямъ на посмѣшище,
Чернымъ воронамъ на *граянье*;
Я бы малаго потѣшила —
Подъ кровать бы спать поло̂жила;
Я бы ровнюшку утѣшила,—
На кроватку спать положила,
На кроватку, на тесовую,
На перинушку, на пуховую,
И на правую на рученьку.

Сообщ. А. Соколовымъ. Ср. относящ. сюда варіанты у Соболевск., т. II, стр. 95—122.

404.

Вятской губерніи.

Какъ на морѣ валы бьютъ, 2
Валики валы бьютъ, 2
Черный воронъ воду пилъ, 2
Воду пилъ, воду пилъ, 2
Онъ не напилъ, возмутилъ, 2
Возмутилъ, возмутилъ, 2
Возмутивши, говорилъ, 2
Говорилъ, говорилъ, 2
«Выдьте дѣвки замужъ-отъ 2
Замужъ-отъ, замужъ-отъ 2
За стараго старика, 2
Старика, старика». 2
— Я старому споровлю, 2
Сноровлю, сноровлю, 2
Постельку постелю, 2
Постелю, постелю, 2
Въ три рядочка кирпичу, 2
Кирпичу, кирпичу, 2
Во четверту шипицу, 2
— Шипицу, шипицу, 2
Въ пятый рядикъ крапиву, 2
Крапиву, крапиву, 2
Шипючюшка колюча, 2
Колюча, колюча, 2
Крапивушка жалюча, 2
Жалюча, жалюча. 2

Изъ рукописн. сборн. Н. А. Александрова.

405.

Вологодской губерніи, Тотемск. у.

Ужъ ты улица, улица
Да широкая улица!
Трава мурава — зеленые луга!
Всячиною, всячиною
Изукрашенная, изукрашенная
Гудками и волынками,
Молодцами, молодицами,
Ду̂шамъ красными дѣвицами.
Невеличка птичка пташечка
Сине море перелетывала,
Чисто поле перепархивала.
Что садилася пташечка 2
Среди моря, среди моря
На бѣлый камышокъ, на бѣлый камышокъ.
Чуть заслышала пташечка 2
У соловьюшки голосъ
У красныя дѣвки пѣсенку;
Плачетъ 2 красна дѣвушка душа:
«Я за стараго замужъ не пойду!
Еще старъ мужъ погубитель мой,
Погубилъ онъ мою голову,
Молодецкую мою молодость.»

Зап. мною отъ бывшей дворовой Алек. Макаровой въ 1871 г. Ср. у Соболевскаго, т. II, №№ 355—361.

406.

Вятской губерніи.

Ты не пой, соловей 2
При долинѣ, 2
Ты воспой, соловей 2
При теремѣ: 2
Какъ во теремѣ дѣвица
Коверъ шила,
Коверъ шила, вышивала,
Вышивала,
Сама себѣ дѣвица завѣчала,
Завѣчала:
«Что кому этотъ коверъ
Достанется?»
Доставался коверъ
Старому мужу.
Старому *соймищу* (?)
Не соспати,
Мою молодость
Не сдержати.

—

Ты не пой, соловей
При долинѣ,
Ты воспой соловей
При теремѣ:
Какъ во теремѣ дѣвица
Коверъ шила
Коверъ шила, вышивала, 2
Вышивала, 2

Сама себѣ дѣвица завѣчала, 2
Завѣчала: 2
«Что кому этотъ коверъ 2
Достанется?» 2
Доставался этотъ коверъ
Малому мужу.
Малу соймищу не соспати, 2
Не соспати, 2
Мою молодость 2
Не сдержати. 2

Повторяется все сначала, и послѣ стиховъ: «Кому этотъ коверъ достанется», продолжается ужъ такъ:

Доставался коверъ
Младому мужу.
Младому соймищу ужъ соспати, 2
Ужъ соспати, 2
Мою молодость 2
Содержати. 2

Изъ рукописнаго сборника Н. А. Александрова. Ср. вар. у Соболевск., т. II, №№ 325—331.

407.

Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

(Начала не достаетъ).

Недоростокъ по Волгѣ гуляеть, 2
Ой-да, ли-да-да, лида,
Лида, лида-да!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

По полуночи домой прибываеть, 2
Поперекъ кроватушки ложится 2 —
Нельзя къ нему приступиться:
Разуваться, раздѣваться недается.
Ужъ я жъ его разувать, разувать!
Ужъ я жъ его раздѣвать, раздѣвать!
А онъ меня по щекѣ, по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ, по серьгѣ,—
Какъ жемчужная сережечка разсыпалась,
Передъ молодцомъ дѣвчоночка расплакалась:
«Разсукинъ сынъ недоростокъ, недоростокъ!
Не смѣешь мной погнушаться,
Надо мною молодой наругаться!»

Зап. М. А. Баскаковой.

408.

Новогородской губерніи, Валдайск. у.

Что за рѣчкой, за рѣкой,
За матушкой, за быстрой,
Иванушка сѣно коситъ,
Маринушка воду носитъ.
Иванушка припотѣлъ,
Попить водицу захотѣлъ,
Маринушка не добра,
Пить водицы не дала.
Воротилась, удобрилась,
Ваню водицей напоила:
«Охъ ты, Ваня, кашеваръ,
Что-жъ ты холостъ, не женатъ?»
— Маринушка, лебедь бѣла,
Мнѣ жениться не велѣла,
За меня замужъ хотѣла.—

Зап. мѣстнымъ помѣщикомъ К. Шашинымъ.

409.

Казанской губерніи, Якимовск. у.

Течетъ рѣчка по песочку, —
Черезъ рѣчку — мостикъ.
Черезъ рѣчку лежитъ дорожка
Къ сударушкѣ въ гости:
«Мостомъ ѣхать, мостомъ ѣхать,
Иль водою плыть?
Мнѣ нельзя, чтобы у любезныя
Въ гостяхъ не быть.
Не поѣду же я мостомъ, —
Поищу я броду.
Пусть приложатъ худу славу
По всему народу.
Худа слава мнѣ забава
Что въ томъ за утѣха?
Мнѣ съ любезной повидаться —
Рѣчка не помѣха.
Ходитъ панья по терему,—
Похаживаетъ,
Русу косу, русу косу
Расчесываетъ,
Алу ленту, алу ленту
Восплетываетъ,
Другую ленту голубую
Приплетываетъ,
Третью ленту разноцвѣтну
На шею кладетъ.
Иванушко Татьянушку
Выспрашиваетъ:
«Скажи Таня, Танюшка,
Гдѣ лента взяла?»
— Первую ленту букетовую —
Сама нажила;
Другую ленту голубую,
Батюшко купилъ;
Третью ленту разноцвѣтну —
Милой подарилъ.

Иванушко Татьянушку
Зоветъ въ лѣсъ гулять.
«Срубимъ, вырвемъ черемушку
Молоденькую,
Мы посадимъ черемушку
У себя въ саду.
Станемъ, будемъ черемушку
Чаще поливать.
Не созрѣвши зеленую,
Нельзя заломать, —
Не узнавши красную дѣвку,
Нельзя замужъ взять.

Изъ рукописн. сборн. Н. А. Александрова.

410.

а) Владимірской губерніи, Ковровск. у.

Ай по улицѣ по Шведской,
Въ слободѣ было Нѣмецкой, —
Молодой нѣмчинъ гуляетъ,
(Выходитъ въ кругъ парень).
За собой ведетъ дѣвку.
(Парень выбираетъ дѣвушку).
Водитъ дѣвку иноземку
Онъ за правую за ручку,
За златые перстенёчки.
«Говори, ты, дѣвушка, не тайся,
Людей, радость, не опасайся.
Насъ не сколько — только двое,
Только двое: мы съ тобою,
Еще третій — высокъ теремъ,
За тремя красны крылечки,
За косящаты окошки.
Мы пойдемъ-ка съ тобой, дѣвка,
Во осиновую рощу,
Какъ и сломимъ мы съ тобою
Со осинушки вершинку, —
Ты изволь ее и скушать.

(Парень подымаетъ что-нибудь съ земли и предлагаетъ своей подругѣ).

«Какова горька осина?
Таково житье со старымъ».

(Махавіемъ платка парень выражаетъ вопросъ).

Какъ отъ стараго-то мужа
Ни грозы нѣту, ни воли,
Отъ семьи нѣтъ обороны,
Отъ добрыхъ людей защиты.
По улицѣ по Шведской,
Во слободѣ было Нѣмецкой и т. д.
Мы пойдемъ-ка съ тобою, дѣвка,
Во калиновую рощу,
Мы сорвемъ съ тобою, дѣвка,
Со калины ягодки.
Ты изволь ее и скушать.

(Парень пантомимой проситъ дѣвушку искушать).

Какова горька малина,
Таково житье со малымъ.
Какъ отъ малаго-то мужа
Ни грозы нѣту, ни воли,
Отъ семьи нѣтъ обороны,
Отъ добрыхъ людей защиты.
По улицѣ по Шведской и т. д.
Мы пойдемъ-ко-ся съ тобой, дѣвка,
Во малиновую рощу,
Мы сорвемъ-ка, съ той, дѣвка,
Со малины ягодку.
Ты изволь ее искушать.
Какова сладка малина,
Таково жить съ ровней:
Какъ у ровни-ти у мужа,
Отъ семьи-ти есть оборона,
И гроза-ти есть и воля,
Отъ добрыхъ людей защита.

Изъ архивн. матеріаловъ И. Р. Г. Общества. Сообщ. В. П. Розановъ.

411.

б) Тульской губерніи.

Въ насъ по улицѣ по Шведской,
Въ слободѣ было нѣмецкой,
Генералъ-отъ нѣмецъ ходя,
За собою дѣвку вóдя.
Водить дѣвку, водить красну
Молодýя иноземку.
Дѣвка съ нѣмцемъ говорила.

(Выступаетъ дѣвка).

«Говори ты, моя радость,
Говори со мною,
Всего двое насъ съ тобою.
Всего двое, двое,
Третій высокъ теремъ.
Ты поѣдешь, моя радость,
Во царскую службу,
Заѣзжай, моя надежда,
Въ калиновую рощу,
Привяжи, моя надежда,
Коня ко кусточку,
Откушай, моя надежда,
Откушай калинки.
Какова жа горькая калинка,
Таково мнѣ жить со старымъ,
Жить со старымъ, не за удалымъ,

Не за удалою головою.»

Въ насъ по улицѣ по Шведской и т. д.

«Заѣзжай, моя надежда,
Въ малиновую рощу,
Привяжи, моя надежда,
Коня ко кусточку,
Откушай-ко, моя надежда,
Откушай малинки,
Какова сладкая малина,
Таково мнѣ за ровней,
За удалой головой.»

Зап. мною. Вар. у Соболевскаго, т. II, №№ 365—370.

412.

а) Вятской губерніи.

Вдоль изъ улицы въ конецъ
Шелъ удалый молодецъ,—
Ты Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ):

—

Еще звали Дунаѧ,
Позывали Дунаѧ,—

—

Что во пиръ пировать,
Во бесѣдушкѣ сидѣть,

—

Во бесѣдушкѣ сидѣть
Съ краснымъ дѣвушкамъ играть.

—

Гулять хочется, *нездоровится*, 2
Все головушка болитъ.

—

Ужъ я думаю, подумаю:
Еще знать-то, — пойду!

—

Еще звали простоту,—
Посадили въ тѣсноту,

—

Посадили въ тѣсноту
Противъ дѣвки на скамью.

—

Дунай дѣвицу цалуетъ, —
Съ него шапка долой.

—

«Ужъ ты, дѣвица, подай,
«Раскрасавица, подай!

—

«На голову наложи,
Да подальше отложи.»

—

— Я не служка твоя, —
Я не слушаю тебя.

—

Когда буду я твоя,
Буду слушать я тебя, —

—

А теперь не твоя,
Я не слушаю тебя.

—

«Мнѣ не честь молодцу,
Не хвала удальцу!»

—

— Не радошенъ, не весёлъ,
Самъ заплакалъ, да пошелъ.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

413.

б) Владимірской губерніи, Ковровск. у., с. Санинково.

Въ кругу ходитъ нѣсколько парней.

Вотъ изъ улицы въ конецъ,
Прошелъ добрый молодецъ,
Шляпу на ухѣ пронесъ,
Соло́вьюшкомъ просвисталъ,
Чтобы слышала она
Раскрасавица моя,
Не дремала-бъ, не спала,
Друга-гостя ждала
И постелю стлала.
Постелюшку пос(т)лала,
Заплакала, спать легла.
— Вечоръ звали молодца
Какъ во пиръ-отъ пировать,
Въ пиръ-отъ бесѣдушку сидѣть.
Посадили молодца
Противъ вдовушки, —
Съ молодца шляпа долой.

(Каждый изъ парней, находящихся въ кругу, становится по выбору своему передъ какой-нибудь дѣвушкой и, снявъ шляпу, кладетъ ее на землю).

«Ужъ ты, водовинька, подай!»
Вдова горькая, подай!»
— Не раба, сударь, твоя,
— Я не слушаюсь тебя.
Обезчестила вдова
Удалого молодца
При своемъ братцѣ,
При товарищѣ,

При своей сестрѣ,
Красной дѣвушкѣ.

(Парни поднимаютъ шляпы и надѣваютъ ихъ на головы).

Вотъ изъ улицы въ конецъ и т. д.
Посадили молодца
Противъ дѣвушки.
Молодецъ дѣвкѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.

(Парни выходятъ изъ круга сажени на три и, положивъ шляпы, входятъ опять въ кругъ и становятся каждый передъ дѣвушкой).

«Ужъ ты, дѣвушка, подай,
Раскрасавица, подай!»
— Я раба, сударь, твоя,
— Я послушаюсь тебя.

(Пока пѣсня допѣвается, выбранныя дѣвушки идутъ за шляпами и, приблизившись къ своимъ молодцамъ, надѣваютъ имъ на головы шляпы, послѣ чего становятся опять на свои мѣста).

Дѣвка шляпу надѣла,
На голову надѣла,
Поклонъ низкій отдала.

Изъ архива Имп. Р. Г. Общ.

414.

в) Тульской губерніи, Богогодск. у.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удальца
На игрище поглядѣть,
На Ярылу посмотрѣть.
Ты Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ 4-хъ стиховъ).

Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.

—

Выходилъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ,
Къ короводу подходилъ, —
Низко кланялся.

—

Какъ садился молодецъ,
Противъ вдовы на конецъ,
Просилъ вдову погулять,
Его рѣчей послухать.

—

«Не раба, сударь, твоя,
Я не слухаю тебя:
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить».

—

Опять сначала и затѣмъ продолжаютъ:

Какъ садился молодецъ
Противъ дѣвки на скамью:
Ужъ ты, дѣвушка душа,
Ты послухай, другъ, меня.

—

Снималъ шапку съ головы,
Бросилъ дѣвкѣ подъ ноги:
«Ты раба, дѣвка, моя,
Ты послушай, другъ, меня!»

—

— Я раба, сударь, твоя,
Я послухаю, другъ, тебя:
Буду вмѣстѣ съ тобою жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.

Сообщ. г. Дмитріевымъ, помѣщикомъ означен. уѣзда. Ср. у Варенцова, стр. 112.

415. = N1200 стр. 345

г) Пермской губерніи.

Ѣхалъ панъ, ѣхалъ панъ
Ѣхалъ панъ изъ пира пьянъ 2
Сронилъ панъ, сронилъ панъ
Свою шляпу черную,
Свою шляпу черную,
Черную, пуховую.
Кликалъ панъ, кликалъ панъ
Свою панью милую: 2
«Подь сюда, подь сюда,
Моя панья милая! 2
Подними, подними
Мою шляпу черную,
Мою шляпу черную,
Черную, пуховую!
Припадѣнь, припадѣнь
На мою головушку!
Поклонись, поклонись,
Поклонись низехонько!
Поцѣлуй, поцѣлуй,
Поцѣлуй милехонько!»

—

Шла панья, шла панья,
Шла панья изъ горницы, 2

Сронила, сронила
  Свою шаль шелковую, 2
Кликала, кликала
  Своего пана милаго: 2
«Подь сюда, подь сюда,
  Подь сюда, мой милый панъ!
Подними, подними
  Мою шаль шелковую!
Припадѣнь, припадѣнь
  На мои на плечики!
Поклонись, поклонись,
  Поклонись низехонько!
Поцѣлуй, поцѣлуй,
  Поцѣлуй милехонько!»

Сообщ. А. Соколовымъ. Ср. у Сахар. Сказанія р. н., т. I (Хороводы), стр. 28, Смирнова 129, Варенцова, стр. 112.

416.

д) Вятской губерніи.

Какъ по лугу зелену,
    Зелену (2)
Росла трава шелкова,
    Шелкова (2)
По той травѣ панья шла,
    Паньюшка (2)
За паньюшкой панъ летитъ,
    Панъ летитъ (2)
Хватилъ панью за руку,
    За руку (2)
11. За ту ручку, за лѣвую,
    За лѣвую: (2)
«Здравствуй, паньюшка моя,
    Ты моя». (2)
15. — Право, сударь, не твоя,
    Не твоя (2)
17. Я не слушаю тебя,
    Я тебя; (2)
Когда буду я твоя,
    Я твоя, (2)
Буду слушати тебя,
    Я тебя. (2)

Эта пѣсня поется и 2-й разъ съ измѣненіемъ въ 11 стихѣ «лѣвую» на «правую», въ 15 «не твоя» — «твоя», въ 17 вмѣсто: «я не слушаю» поется «теперь слушаю», а послѣдніе 4 стиха совершенно не поются.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

417.

а) Московской губерніи, Можайск. у.

Во лузяхъ лузяхъ,
  Во зеленыихъ лузяхъ;
Во зеленыхъ лузяхъ
  Стоятъ дѣвушки въ кружкахъ,
По другую сторонушку
  Удалые молодцы.
Удалые, веселые,
  Не женаты, — холостые.
Что пошли наши ребята
  Вдоль по кругу гулять;
Вдоль по кругу гулять,
  Красныхъ дѣвокъ выбирать.
Выбралъ, выбралъ парень
  Красну дѣвушку невеличку, —
Красну дѣвушку ни величку,
  Ни величку, ни малу.
Ни величка, ни мала, —
  На ней шубочка ала;
На ней шубочка ала,
  Душегрѣечка красна.
Душегрѣечка красна
  Сердце молодцу зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвку
  По бѣлому по лицу,
По румяной по щекѣ,
  По жемчужной по серьгѣ.
Какъ жемчужная сережка
  Разсыпалася,
Передъ молодцомъ дѣвчонка
  Расплакалася:
«Ты не бей, не бей, невѣжа!
  Не твоя, сударь, надежа.
Коли я буду твоя,
  Буду слушаться тебя.
А теперь я не твоя —
  Я не слушаюсь тебя.
Отойди ты, шельма, прочь,
  Отойди отъ меня.»

Зап. мною въ 1856 г. отъ дворовой женщины означенной мѣстности.

418.

б) Калужской губерніи, Жиздринск. у.

Парень входитъ въ кругъ и хоръ поетъ:
  По зеленымъ по лугамъ
  Дѣвки ходятъ въ кругу;

—

Вотъ-ли, вотъ ляли!
Дѣвки ходятъ въ кругу.

(Такъ и далѣе припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ 2-го стиха).

—

По другой правой сторонѣ
Удалые молодцы,

—

Удалые молодцы,
Не женаты, холосты.

—

Одна дѣвка мала̀
Посмѣлѣе всѣхъ была,

—

Посмѣлѣе, веселѣе,
Во кругу плясать пошла

—

Во кругу плясать пошла,—
Молодцу сердце зажгла.

—

Какъ ударилъ парень дѣвку
По бѣлому по лицу,

—

По бѣлому по лицу,
По румяной по щекѣ,

—

По румяной по щекѣ,
По серебряной серьгѣ.

—

Какъ серебрянна сережечка
Расчикнулася,

—

Какъ жемчужная подвѣска
Разсыпалася,

—

Передъ молодцомъ дѣвчоночка
Расплакалася:

—

«Ты не бей меня, не бей! невѣжа!
Не твоя, сударь, надежа́.

—

Если бы я была твоя,
Я бы слушала тебя,—

—

Но я гуляю, веселюся,
И тебя, другъ, не боюся.»

Зап. г-жею Преображенской.

419.

а) Орловской губерніи, Дмитровск. у., с. Глоднево.

Хмель мой, хмелюшко,
Хмелевое перушко!
Перевейся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку,
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое.
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Ходилъ, пригорюнившись,
Ходилъ, опечалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема.
«Дитя мое милое!
Что ты угорюнилось?
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое.
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню.»
— Сударыня матушка!
Та мнѣ не жена будетъ,
Тебѣ не невѣстушка,
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не *кукобница*, [1])
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не приве́рнется.
«Возьми-жъ, возьми, дитятко,
Въ сосѣдушки дѣвушку.»
— Сударыня матушка!
Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстушкой,
Во полѣ работница,
Во дому кукобница,
А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ приве́рнется.

Зап. въ 1861 г. Ю. Ѳ. Ауэрбахъ.

420.

б) Тульской губерніи, Крапивин. у.

Хмель мой, хмелюшко,
Веселая головушка!
Кабы этотъ хмелюшко
На моей сторонушкѣ,
На моемъ на привольицу —
Приволье привольное,
Раздолье широкое.
По томъ по раздольицу
Гулялъ добрый молодецъ,—
Иванъ Николаевичъ:
Связалъ буйную голову
Камкою зеленою.
Увидала его матушка

[1]) Кукобницей въ означенной мѣстности называютъ хорошую хозяйку, умѣющую въ особенности ухаживать за скотиной. А.

Съ высокаго терема:
«Не мое-ль это дитятко,
Не мое-ль это милое?»
— Твое, твое, матушка,
Твое, государыня.
«Что ты, мое дитятко,
Не весело погуливаешь:
Ходишь — унинаешься,
Тростью упираешься?»
— Государыня матушка!
Что-то мнѣ не можется.
«Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми себѣ, дитятко,
Енеральскую дочерю».
— Сударыня матушка!
Тоё-то мнѣ надобно.

Зап. сельск. учит. г. А. Шумилинымъ.

421.

в) Тверской губерніи, Новоторж. у., с. Селихово.

«Родимая матушка
Неженатъ хожу,
Ой люли, люли, люли!
Неженатъ хожу.»

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, съ повтореніемъ второго).

—

Не женатъ хожу,
Холостъ гуляю.»

—

— Поди, поди, молодецъ,
Въ короводѣ къ дѣвкамъ.

—

Бери, бери, молодецъ,
Самъ себѣ лучшую, —

—

Самъ себѣ лучшую,
Дочь дворянскую.

—

Дочь дворянская
Низко кланялась;

—

Низко кланялась, —
Мнѣ не нравилась.

—

«Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ не работница,

—

Твоимъ ручушкамъ
Я не замѣнушка.»

—

Пѣсню опять запѣваютъ сначала и на этотъ разъ предлагается дочь купеческая, которая тоже отвергается; наконецъ въ третій разъ парень выбираетъ дочь крестьянскую, которая и говоритъ:

«Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ работница,

—

Твоимъ ручушкамъ
Я замѣнушка.»

Зап. конторщикомъ А. Соловьевымъ.

422.

Новогородской губерніи, Дем. у.

Полно, полно намъ ребята
Чужо пиво пити,
Не пора ли намъ ребята
Свое заводити.
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмѣль на тычинѣ, —
На тычинѣ, на тычинѣ,
На самой вершинѣ.
Тычинка тонкая гнется,
А хмѣлечекъ вьется.
Тычинушка подломилась,
А хмѣль опустился, —
Опустился, посвалился
На мать сыру землю.

—

Во саду ли въ огородѣ
Дѣвица гуляетъ. 2
Она ростомъ невеличка,
Бѣла круглоличка:
Во всю щечку, въ всю бѣлу
Румянецъ играетъ. 2
Бѣлъ кудрявинькой молодчикъ
За дѣвушкой ходитъ.
Онъ за дѣвушкой ходитъ,
Ничего не молвитъ. 2
Только молвила милая
Едино словечко:
«Что ты, душечка молодчикъ,
Рѣдко въ гости ходишь,
По рѣдешиньку ходишь,
Ничего не носишь?»
— Я бы радъ чаще ходити,
Да нечѣмъ дарити.
Случай будетъ въ городъ ѣхать, —
Куплю два подарка,
Дорогіе два подарка:
Ситцу, левантину. 2
«Ужъ я ситцу не хочу,
Левантину не ношу.

Если любишь, милой, купишь
Золото колечко.
Твое золото колечко
Я буду носити.»
— Носи, милая, колечко,
Не суши сердечко.

Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

423.

Тверской губерніи, Осташк. у., с. Өедоровъ Дворъ.

Ужъ какъ полно намъ, ребята,
Чужо пиво пити!
Время, время, холостые,
Свое заводити.
— Мы и рады бы заводили,
Да солоду нѣту.
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмѣль на тычинѣ, —
На тычинѣ, на тычинѣ,
На самой вершинѣ.
Тычинушка гнется, гнется,
Хмѣлинушка вьется, вьется.
Тычинушка сломилася,
Хмѣлинушка свалилася.
Свалилася хмѣлинушка
Въ буйную головку.
Болитъ моя головушка,
Болитъ очень больно,
Щемитъ мое сердечушко,
Ноетъ ретивое.
Пойду кинусь, пойду брошусь,
Пойду утоплюся.
— Не кидайся, не бросайся,
Удалой молодчикъ:
Свою душеньку погубишь
И въ раю не будешь.

Зап. гимназист. 6-го кл. Тверск. гимназіи Тюкинымъ.

424.

Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

Не полно ли намъ, ребята,
Чужо пиво пити?
Не пора ли намъ, ребята,
Свое заводити?

—

Послѣ каждаго куплета всѣ дѣвушки и парни, участвующіе въ игрѣ, ходятъ по избѣ кру́гомъ, останавливаются и кланяются другъ другу.

У насъ солоду-то нѣту,
Хмѣлю небывало:
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмѣль на тычинѣ.

—

На тычинѣ, на тычинѣ,
На самой вершинѣ.
Тычинушко тонко гнется,
А хмѣль къ верху вьется.

—

Вился, вился, — опустился
На мать сыру землю.
Вотъ мы хмѣль-то собирали,
Бражку затирали.

—

Съ этой-то со бражки
Болѣла головка.
Болитъ, болитъ головушка
До самаго мозга.

—

Ноетъ, ноетъ сердечушко,
Бьется ретивое;
Пойду брошусь, утоплюся
Съ каменнаго мосту.

—

Во время пѣнія послѣднихъ стиховъ дѣвушки отворачиваются отъ парней въ другую сторону, парни же идутъ за ними и хоръ продолжаетъ:

Не кидайся, не бросайся,
Красна дѣвица, —
Свою душеньку погубишь.
Скажи, кого ты любишь?

—

Во саду ли въ огородѣ
Дѣвушка гуляла.
Она ростомъ невеличка,
Лицомъ — кругголичка.

—

За дѣвочкой дѣтинушка,
Бѣлъ-кудрявый молодецъ,
А другой-то чернобровый
Изъ окошка смотритъ:

—

Какъ бы ты, моя милая,
Не эдакъ ходила,
Ты не эдакъ бы ходила,
Одного любила.

—

Подарю тебѣ, милая,
Алаго глазету
На два платья дорогія,
На двѣ душегрѣйки.

—

Видишь, милый, мои ножки,
Ножки невелички.
Купи, милый, черевички,
Лайковы башмачки.

—

Мнѣ въ этихъ черевичкахъ
По росѣ ходити,
Росу, росу обивати,
Тебя вспоминати.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

425.

Вологодской губернии и у.

Во саду ли въ огородѣ
Дѣвица гуляла.
Она ростомъ не величка,
Лицомъ круглоличка.
За ней ходитъ, за ней бродитъ
Удалой молодчикъ.
Онъ и ходитъ, онъ и носитъ
Дороги подарки.
Дорогіе два подарки —
Кумачу, китайки.
«Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Хочу ситичка
Полосатенькова,
Люблю молодца
Кудреватенькова.
Если любишь, душа, купишь
Золото колечко.
Твое золото́ колечко
Прижму ко сердечку.
Если любишь, душа, купишь
Алова глазету
На двѣ шубки, на двѣ юбки,
На двѣ тѣлогрѣйки.
Что спасибо молодцу
Нарядилъ онъ дѣвицу.
Мнѣ не стыдно, молодѐнькѣ,
На улочку выйти,
Мнѣ на рыночекъ гуляти,
Въ торгѣ покупати.
Накуплю я, молоденька,
Пахучія мяты,
Насажу я, молоденька,
Противъ своей хаты.
Не ходи, бѣлой, кудрявой,
Противъ моей хаты,
Не топчи, бѣлой, кудрявой,
Пахучія мяты.
Не для тя, милой, садила,
Не для (тя) поливала.
Для того мяту садила,
Кого я любила,
Для того я поливала,
Кого цѣловала.

Зап. Н. А. Иваницкимъ. Ср. у Прача (изд. 2), ч. II, стр. 33.

426.

а) Тула.

«Вѣрный мой колодезь! 2
Почто стоишь безъ воды?»
— Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина,
Нашего богатаго
Дома не случилося.
Поѣхалъ нашъ хозяинъ,
Поѣхалъ нашъ богатый
Въ Питеръ городъ погулять.
Привезъ нашъ хозяинъ,
Привезъ нашъ богатый
Питерскую умницу.
«Питерскую умницу
Выведу на улицу:
Стой, мое золотцо,
Цѣлуй меня, молодца!»

Тутъ пѣсню запѣваютъ опять сначала и на этотъ разъ слова: «Поѣхалъ нашъ хозяинъ въ Питеръ... Привезъ питерскую умницу» замѣняютъ словами: «Поѣхалъ нашъ хозяинъ въ Рязань, привезъ рязанскую умницу», въ третій разъ — хозяинъ ѣдетъ въ Орелъ и привозитъ орловскую умницу. Затѣмъ хороводъ поетъ такъ:

«Питерская умница,
Стели мнѣ постелюшку!
Рязанская умница,
Клади возголовьице!
Орловская умница,
Клади спать хозяина!»
— Нашего хозяина,
Нашего богатаго
Кому-жъ пробуждать будетъ?
«А кто больше любитъ
«Тотъ его пробудитъ».

Во время пѣнія этой пѣсни играющіе стоятъ или сидятъ, изображая собою кругъ. Въ кругу ходитъ парень, — хозяинъ, который при словахъ: «Питерскую умницу», указываетъ рукой на излюбленную имъ дѣвушку и, выводя ее на улицу, т. е. въ кругъ, цѣлуетъ и ставитъ посрединѣ. То же самое онъ дѣлаетъ съ рязанской и орлов-

свой умницами и, когда всѣхъ ихъ, поставленныхъ рядомъ, онъ перецѣлуетъ, онѣ принимаются за дѣло: питерская умница стелетъ постелюшку, т. е. разстилаетъ на землѣ или на полу (когда игра происходитъ въ комнатѣ), рязанская кладетъ *возголовьице*, скомкавъ для этого свой ручной платокъ; орловская умница укладываетъ хозяина спать: онъ растягивается на землѣ или на полу. Затѣмъ, кто больше любитъ, его пробуждаетъ, т. е. подымаетъ и цѣлуетъ.

Зап. въ 1862 г. И. П. Чулковскимъ.

427.

б) Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

«Винный мой колодецъ,
Винный мой глубокой,
Что-жъ въ тебѣ воды нѣтъ?»
— Кони воду выпивали,
Копыточкомъ выбивали.
Нашего молодчика,
Нашего удалова
Въ домѣ не случилося.
Уѣхалъ молодчикъ,
Уѣхалъ удалый,
Во Казань городъ гулять.
Вывезъ онъ дѣвицу,
Вывезъ красавицу,
Казанскую умницу.

При этомъ молодецъ приглашаетъ съ собой ходить дѣвушку, которая идетъ съ молодцемъ по полу, а пѣсня запѣвается опять вся сначала, съ той только разницей, что вмѣсто Казани удалой молодчикъ ѣдетъ въ Москву, откуда вывозитъ московскую красавицу-разумницу; накопецъ повторяютъ всю пѣсню еще разъ и теперь молодецъ ѣдетъ въ деревню и оттуда вывозитъ деревенскую красавицу. Всѣ три красавицы, по приглашенію его, ходятъ за нимъ, а пѣсня поется уже такъ:

Казанская умница,
Постели постелюшку!
Московская разумница,
Положи сголовьицо!
Деревенская кралечка,
Убери постелюшку!

Во время пѣнія этихъ стиховъ первая дѣвушка стелетъ на полу платокъ, вторая на этотъ платокъ кладетъ другой, свернутый въ видѣ изголовья, а третья собираетъ всѣ платки, т. е. убираетъ постель.

Зап. С. А. Деруновъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. И. О. Л. Е., А. и Э.

428.

Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Большемамырское (на р. Ангарѣ).

На горѣ-то калина,

—

Ну што-жъ, кому дѣло — калина,
Ну какое кому дѣло — калина!

—

Подъ горой-то малина,
Ну што-жъ, кому дѣло — малина,
Ну какое кому дѣло — малина!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха съ присоединеніемъ послѣдняго его слова).

Тамъ дѣвчонка гуляла,
Калинъ вѣтку ло́мала
Въ пученечки ве́зала,
На дорожку бро́сала,
Въ офицера по́пала.
Офицерикъ молодой,
Подъ нимъ ко́нь-отъ вороной.
«Во первыхъ удружу,
Пару коней подведу,
Разлюбезну посажу,
По городу прокачу,
Колечушкомъ подарю,
На колѣни посажу,
Поцѣлую да уйду.
Ну што-жъ, кому дѣло,—поцѣлую да уйду,
Ну какое кому дѣло,—поцѣлую да уйду!»

Эта пѣсня поется три раза: когда поютъ въ первый разъ, парень садится къ какой-нибудь дѣвицѣ на колѣни; второй разъ — онъ цѣлуется съ ней, а въ третій разъ уходитъ.

Изъ рукоп. сборника бывш. учит. Тобольскаго морск. учил. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Этногр. От. И. О. Л. Е., А. и Э.

429.

а) Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

Я по полю ходила —
Лели, лели! ходила.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ послѣдняго слова).

Я пашеньку пахала,
Я бѣлый ленъ сѣяла.
Посѣявши, полола,
Бѣлы ручки колола.
Какъ во этотъ во ленокъ
Повадился паренекъ,
Иванушка щеголёкъ, —

Всѣ головки посорвалъ
Вѣночки завивалъ,
Въ Дунай-рѣку побросалъ,
Дунай-рѣку запрудилъ.
«Ты, дѣвушка, хороша,
Красавица, пригожа,
Поди замужъ за меня!»
— Я слышала, мальчикъ, про тебя,
Что ты, мальчикъ, мотоватъ,
Часто ходишь во кабакъ,
Зелено вино ты пьешь.

Зап. М. А. Баскаковой.

430.

б) Вятской губерніи.

Посѣяли дѣвки ленъ, дѣвки ленъ,
Ходи браво! дѣвки ленъ.

(Такимъ же образомъ припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Посѣяли зеленóй, зеленóй.
Повадился во ленокъ, во ленокъ
Васильюшка соколокъ, соколокъ:
Со льну цвѣтъ сорвалъ, сорвалъ,
Въ Дунай-рѣку побросалъ, побросалъ.
Дунай-рѣка не примаетъ, не примаетъ,
Къ бережку прибиваетъ, прибиваетъ.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.
(Оба вар. видно не конченные).

431.

а) Тульской губерніи, Епиф. у.

Какъ у насъ по лугу, лугу,
По зеленому лугу,
То-то любо, да люли!

(Повторяется послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ).

—

Разливалася вода,
Разстилалася трава.

—

Собиралися дѣвушки
На зеленый лугъ гулять.

—

Какъ на зеленымъ лужкѣ
Стояли дѣвушки въ кружкѣ:

—

По одну сторону дѣвицы,
По другую молодцы.

—

Всѣ дѣвушки хороши, —
Одна дѣвка лучше всѣхъ:

—

Въ косѣ лента алая,
Собой дѣвка бравая.

—

У холостенькаго парнечка
Разгорѣлися глаза:

—

«Чья дѣвица хороша?
Чьего она дома, чьего она рода?»

—

— Московскаго купца дочь!
Отойди, мальчикъ, прочь.

—

Неженатый парень, холостой, —
Всю ноченьку ты простой.

—

«Я всю ночку простою,
На дѣвицу посмотрю.»

Зап. мною отъ бывшей дворовой.

432.

б) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Во лугахъ, лугахъ, лужечкахъ,
Во зеленыхъ во лугахъ
Разливалася вода,
Растилалася трава
Да расцвѣтали все цвѣты, 2
Да тамъ дѣвушки хороши.
Одна дѣвка лучше всѣхъ, —
Въ хороводъ гулять пошла
Да молодцу сердце зажгла.
«Какъ по имени зовутъ?»
— Мое имя — Катерина:
Московскаго купца дочь.
Отходи, молодчикъ, прочь!
Говорить съ тобой не въ мочь.
«Хоть ни слова не скажу,
А всю ночку простою, —
Всю ночку простою,
На милую прогляжу.»

Зап. С. Н. Рачинской.

433.

Самарской губерніи.

Какъ пошла наша Параша
Съ горы на горы гулять, 2
Яровое въ поле жать, —

Одинъ снопочекъ нажала. 2
Не успѣла завязать —
Оглянулася назадъ: 2
Идетъ Ванюшка межёю,
Несетъ чулочки подъ полою,
Шелковы чулочки съ рѣшеточкой,
И козловы башмачки.
«Ты садись-ка, Параша,
На высокую межу,
Обувайся-ко, Параша,
Въ черевички, башмачки!»
Одну ноженьку обула,
А другую не обуть.
«Мнѣ чулочки тѣ не гожи,
И на взглядъ не хороши.»
Распрогнѣвался Ванюша
На Парашеньку свою, —
Ужъ какъ ударитъ онъ Парашу
По румяной по щекѣ, 2
По жемчужной по серьгѣ:
Не вѣдь — жемчугъ подбирать, 2
Не вѣдь — къ батюшкѣ бѣжать.
Какъ на встрѣчу-то Парашѣ
Родной батюшка идетъ, 2
Съ родной матушкой.
«Ты скажи, скажи, Параша,
Скажи милая моя:
Зачѣмъ подбитые глаза
И растрепана коса?»
— Ахъ, родной ты мой батюшка!
У меня головушка болитъ.
Родная ты моя матушка!
Я и вся не могу.»
Къ бѣлу свѣту Параша
Не поправилася, 2
Переставилася.
За рѣкой за Политью
Въ большой колоколъ звонятъ, —
Знать Парашу хоронятъ.
А Ванюшинька молодчикъ, —
Онъ догадливый былъ: 2
Забѣжалъ онъ напередъ
И на сыру землю палъ.
«Ты прости, прости, Параша,
Прости, милая моя!
Я хотѣлъ вѣдь пошутить,
Не до смерти тебя убить.
Не достанься-жъ, ты, Параша,
Ни мнѣ, ни тому,
Непріятелю мому!
А достанься, ты, Параша,
Сырой матушкѣ землѣ,
Гробовой доскѣ.»

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

434.

а) Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Ужъ ты зимушка зима
Зима вьюжливая
—
Дунай мой, Дунай
Сынъ Ивановичъ Дунай 1)
—
Зима вьюжливая,
Заметелистая,
Закуделистая.
Изъ тѣхъ новыхъ воротъ
Идетъ съ барыней холопъ.
Какъ и барыня холопа
Стала спрашивати:
«Ты раздушенька холопъ!
Гдѣ ты былъ побывалъ,
Темну ночку ночевалъ?»
— Сударыня боярыня!
У тебя въ терему
Съ твоей дочерью.
«Ты раздушенька холопъ!
Зачѣмъ сказываешь?»
— Сударыня, боярыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
«Ты раздушенька холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ».
— Сударыня, боярыня!
Безъ посылу вонъ пойду.
Три-то бѣды я сдѣлаю:
Я на первую бѣду —
Воротечки растворю,
На вторую-то бѣду —
Пару коней уведу,
А на третью бѣду —
Твою дочь увезу,
Во карету посажу.
«Ты раздушенька холопъ,
Поживи со мной годокъ!
Поработай на меня,
На меня и на себя
И на дочь на мою.»

Зап. студ. И. Никольскимъ въ концѣ 50-хъ годовъ.

435.

б) Той же губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

Ужъ ты зимушка, зима,
Зима вьюжлива была,
Все кутила, все мела, —
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала.

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ,
А на встрѣчу холопу
Сама барыня идетъ 2
И пригрaживаетъ:
«Ахъ ты, сукинъ сынъ холопъ!
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Гдѣ ночeньку ночевалъ?»
— Сударыня, боярыня,
Во твоемъ терему, 2
Въ шитомъ браномъ пологу, 2
На перинѣ на пуху, 2
Съ твоей дочерью, 2
Душой Машенькою.
«Ахъ ты, сукинъ сынъ, холопъ!
Пошто сказываешь?»
— Сударыня, боярыня,
Пошто спрашиваешь?
«А и я тебя, каналью,
Со двора свово сгоню.
— Сударыня, боярыня,
Не согнавши, самъ пойду, 2
Душу Машу уведу.
«Ты раздушечка, холопъ!
Поживи со мной годокъ, 2
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя.»

Зап. въ 1858 г. гимназистомъ VI кл. Тверск. гимназіи Тюкинымъ.

436.

в) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Ужъ ты зимушка, зима,
Зима вьюжливая;
Ай Дунай, мой Дунай!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

—

Зима вьюжлива,
Метелюжлива,

—

Зимой вьется и мететъ,
Вдоль по улицѣ несетъ,—

—

Вдоль по улицѣ несетъ,
Завьюжила, замела

—

Всѣ дорожки и пути,—
Нельзя къ миленькой пройти, 2

—

Все развѣю, размету,
Самъ я къ миленькой пройду.

—

У ба́рони у воротъ
Стоитъ молодой холопъ.

—

Сударыня выходила,
Со холопомъ говорила:

—

«Ты, красавецъ, мой холопъ,
Гдѣ ты былъ, пробывалъ?»

—

(Отвѣтъ тотъ же, какъ и въ предыдущихъ варіантахъ).

— Сударыня, ба́роня!
По что спрашиваешь?

—

Если ты бы не спросила,
Я бы вѣчно не сказалъ,

—

Я бы вѣчно не сказалъ
На своемъ умѣ держалъ.

—

«Не люблю тебя, холопъ!
Поди прочь отъ воротъ!»

—

— Сударыня, со двора такъ не уйду,
А три бѣды сотворю.

—

Ужъ я первую бѣду—
Всѣ ворота растворю,

—

Всѣ ворота растворю
Твою дочку осмѣю.

—

«Еще ета не бѣда,
Что растворены ворота,—

—

Только ето мнѣ бѣда,
Что моя дочь осмѣяна.

—

Ужъ молодецъ, холопъ!
Поживи со мной годокъ,

—

Хоть годокъ или два —
Поработай на себя.

—

Выбирай себѣ невѣсту,
Коя лучше всѣхъ.»

—

— Твоя дочь хороша:
Всѣхъ и вѣжливѣе,

—

Всѣхъ и вѣжливѣе,
Всѣхъ и очесливѣе.

Изъ рукоп. сборн. г-жи М. В. Лугининой. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. Ср. у Соболевск. т. II, №№ 51—59.

437.

Тульской губерніи.

Повѣй, повѣй вѣтеръ
Изъ чистаго поля.

—

Эй, или лё!
Изъ чистаго поля.

(Такъ и далѣе припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ втораго).

—

Изъ чистаго поля,
Изъ синяго моря.

—

Суши, суши, вѣтеръ,
Всѣ стежки, дорожки.

—

Мнѣ къ батюшкѣ ѣхать
Пиры пировати,

—

Столы столовати,
Мнѣ скатерти стлати:

—

Мнѣ брата женити,
Сястру отдавати.

—

Я брата женила, —
Плясала, скакала;

—

Сястру отдавала, —
Плакала, рыдала.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

438.

а) Воронежской губерніи, Бобровск. у.

Какъ на дворѣ дождикъ
Ни малъ, ни великъ.
Вотъ люли, люли,
Ни малъ, ни великъ.

(Припѣвъ этотъ такимъ же образомъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Не ситичкомъ сѣетъ,
Ведромъ поливаетъ.
Какъ братецъ сестрицу
За ручушку водитъ, 2
По головушкѣ гладитъ:
«Рости-ка, сестрица,
Рости-ка, родная!
Выростишь большая,
Отдамъ тебя замужъ,
Отдамъ тебя замужъ
Въ иную деревню, 2
Въ согласную семью,
Куда ни поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду:
«Здорова-ль, сестрица,
Здорова-ль, родная?»
— Родимый мой братецъ
Не очень здорова,
Шелковая плётка
Ни па мѣстѣ висѣла, 2
Всю ночь просвистѣла
На моемъ бѣломъ тѣлѣ,
Дубовыя двери
Всю ночь проскрипѣли.

Зап. А. Н. Афанасьевымъ.

439.

б) Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ
Не низко, высоко,
Не близко, далеко
Семь верстъ за Москвою,
За быстрой рѣкою.
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима.
Захотѣлось братцу
Къ сестрицѣ въ гости.
«Здорово, сестрица,
Здорова, родима?»
— Не больно я здорова.
Есть четыре горя
Пятая кручина:
На первое горе —
Свекоръ-то грозливый,
На другое горе —
Свекровь воркотлива,
На третье горе —
Деверекъ насмѣшникъ,
На четвертое горе —
Золовка смутьянка,
На пятое горе —
Мужъ жену не любитъ.
«Потерпи, сестрица,

Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя
Пятую кручину:
Свекоръ-то грозливый —
Скоро въ землю пойдетъ,
Свекровь ворчотлива —
У ней добра много,
Деверёкъ насмѣшникъ,—
Самъ онъ въ люди пойдетъ,
Золовка смутьянка —
Сама туда пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ,—
Другую не возьметъ,
Тебя поцалуетъ».
— Спасибо, мой братецъ,
На твоемъ *разсудьи*!
Разсудилъ, мой братецъ,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.

Зап. студент. Духовной академіи
И. А. Никольской.

440.

в) Той же губерніи.

По горенкѣ ходитъ
По головкѣ гладитъ,
Ай лешиньки, лели!
По головкѣ гладитъ:

(Такимъ-же образомъ припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

«Вырости, сестрица,
Вырости, родная!
Отдамъ тебя замужъ
Не близко, далеко,
За Москву,—три вёрсты.
Куда ни поѣду, —
Къ сестрицѣ заѣду:
«Здорова, сестрица,
«Здорова, родная?»
— Не здорова, братецъ,
Не здорова, родной.
Есть у меня, братецъ,
Три, четыре горя,
Пятая — кручина:
Первое-то горе и т. д. (какъ въ предыдущемъ, разница только въ нѣкоторыхъ словахъ).

Зап. А. В. Соколовымъ.

441.

г) Псковской губерніи, Островск. у.

На улицѣ дождь,
На широкой частый,
Какъ ситичкомъ сѣя.
По этому дождю
Братъ сестру во́дя:
«Ты рости 2, сестрица,
Ты рости, родная!
Выростишь больша́я,
Будешь хороша́я,
Отдамъ сестру замужъ
Не далече, близко,
За Москву три вёрсты,
Въ богатую деревню,
Въ согласную семью.
. . . .

(Продолженіе какъ въ предыдущей. Приводимъ цѣликомъ отвѣтъ брата, ради отличит. грам. формъ, въ немъ заключающихся).

Свекоръ-то журливый —
Скоро въ землю по́йдя,
Свекровь-то хлопоча,
Не худова хо́ча,
Деверь просмѣшливый,—
Самъ жениться бу́дя,
Золовка смущая,
Сама въ люди по́йдя,
Мужъ тебя не лю́бя,
Другую не возьмя. [1])

Сообщ. М. И. Семевскій.

442.

д) Новогородской губерніи, Валдайск. у.

На улочкѣ дождь, дождь
На ши́рокой частой
Ситичкомъ сѣянъ,
Рѣшетомъ прогроханъ.
Братецъ сестрицу
Жалѣетъ, лелѣетъ,
На ручкахъ качаетъ,
Сестрой величаетъ:
«Сестрица родима!
Выростешь большая
Будешь хороша́я.
Отдамъ тебя замужъ
Въ большу деревню
Въ хорошу семью.
Куда ни поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду.
Сестрица родима!

---

[1]) Въ Калужск. у. эта пѣсня заканчивается такъ:
Мужъ жену не любить,—
Въ солдаты пойдетъ,
А я, молоденька,
Солдаткой останусь.

Хорошо-ль здоровье?»
— Круто изголовье
Мои русы косы
Всю ночь просвистѣли,
Осипова грядка
Всю ночь проскрипѣла.
Все ради для свекра,
Для стараго чорта;
Все ради свекровки,
Для старой чертовки,
Все ради девéрья,
Ради кобéлья,
Все ради золовокъ,
Ради колотовокъ.

Зап. мѣстн. помѣщ. А. Шашинымъ.

443.

е) Тамбовской губерніи, Козловск. у.

На горѣ диво
Варилъ Ваня пиво.
Какъ этого пива,
Добре пьяно было,
Въ голову вступило,
Всеѐ голову разломило.
«Сестра Парасковéя,
Рости поскорѣе,
Отдамъ тебя замужъ
Въ иную деревню,
Не въ согласную семью.
Куда не поѣду,
Все къ сестрѣ заѣду:
— «Здорово, сестрица,
Здорово, родная!»
Все мое здоровье, —
Дубовыя двери
Всю ночь проскрипѣли,
Шелковая плетка
Всю ночь прощелкала,
Побилъ меня свекоръ
Не легкимъ, ни тяжелымъ, —
Дубовымъ полѣномъ
По самымъ колѣнямъ.

Зап. мною отъ крестьянки. Ср. вар. у Соболевскаго, т. II, №№ 560—570.

444.

а) Калужской губерніи и у., с. Ахлѣбинино.

Не бѣла заря занималася
Ой ляли, ляли занималася

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ послѣдняго его слова).

Не красно солнце выкаталося,
Моему мужу занеможилось,
Занеможилось, не здоровилось.
Мой постылый мужъ изъ Москвы пришелъ,
Изъ Москвы пришелъ, во постелю легъ.
Во постелю легъ, во пуховую. [1])
Захотѣлъ постылъ ключевой воды,
Ключевой воды со Дунай рѣки,
Со Дунай рѣки, съ трехъ колодезей.
Приказалъ постылъ три часа ходить:
«Въ три часа сходи, въ три минуточки.»
Ужъ и въ первый часъ изъ двора пошла,
А другой я часъ воду черпала,
Ужъ я въ третій часъ ко двору пришла.
Мой высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Всѣ окошечки распечатаны,
Мой постылъ мужъ во мертвыхъ лежитъ.
Во мертвыхъ лежитъ, пеленой покрытъ.
Отецъ съ матерью въ головахъ стоять,
Какъ и братъ съ сестрой по бокамъ стоять.
Отецъ съ матерью плачуть, что рѣка льется,
Какъ и братъ съ сестрой, что волна бьется.
Молода жена въ ногахъ стоить, [2])
Въ ногахъ стоить, думу думаить:
«Ну, и какъ мнѣ быть, какъ по мужу выть.
Какъ одна слеза покатилася,
Она опять назадъ воротилася».
— «Поглядите вы, люди добрые,
Устають-ли у васъ мужья мертвые?
Мой постылый мужъ изъ мертвыхъ усталъ,
Изъ мертвыхъ усталъ, цѣловать сталъ.»

Зап. М. А. Баскаковой.

445.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у., д. Карцова.

Какъ во полюшкѣ дубъ шатается,
Какъ мой милый перемогается:

---

[1]) Вар. Посылаетъ молоду
За ключевой водой, 2
Въ три часа урочные:
Первый часъ — туда дошла,
Другой часъ — воду черпала,
Третій часъ — домой пришла.

[2]) А я, млада, во ногахъ стала,
Думушку думала, думу крѣпкую:
Если плакать — вся исплачуся,
А не плакать — отъ людей стыдно.
Одна слеза покатилася,
И та назадъ воротилася (и т. д., какъ въ предыдущемъ).

Зап. мною въ Епифани (Тульск. губ.) отъ мѣстной крестьянки.

«Мнѣ не надо цаю кофею,
Мнѣ не надобно сладкой водочки,
А мнѣ надобно ключевой воды.
Ты поди, сходи, молода жена,
Сходи ровно ты въ три часа.»
— Какъ я первый-то часъ туда сошла,
На другой часъ воду черпала,
А на третіи часъ я домой пришла.
Всѣ вороточки порастворены,
Всѣ окошечки распечатаны.
Какъ и мой-то мужъ во мертвыхъ лежитъ,
Во мертвыхъ лежитъ, во гробу стоитъ.
Родной батюшка въ головахъ стоитъ,
Родна матушка во ногахъ стоитъ,
Сестры, братцы по бокамъ стоятъ,
Молода жена въ стороны стоитъ,
Въ стороны стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, людямъ сказываетъ:
«Мнѣ не жаль его, какъ людей стыдно,
Какъ одна слеза покатилася,
Другая назадъ воротилася.
Ужъ вы люди, люди добрые», и т. д., (какъ въ предыдущ.).

Зап. мною. въ 1859 г.

446.

в) Владимірской губерніи, Шуя.

Подъ грушицей (3) зеленою, (2),
Подъ яблонцей, подъ садовою,
Какъ синь горючь камень,
Камень разгорается
А мой милый другъ размогается,
Милъ не пьетъ, не ѣсь,
Милъ не кушаетъ,
Онъ не меду, онъ не сахару,
Онъ не яблочковъ садовыихъ
Пожелалъ милый со леду воды,
Пожелалъ милый изъ ключа воды,
Приказалъ милъ сходить ровно въ три часа,
и т. д., (какъ въ предыдущемъ).
Мой высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Растворенъ онъ стоитъ, распечатованъ,
А мой милый другъ впереди лежитъ,
Впереди онъ лежитъ, переставился.
Какъ горятъ свѣчи воску ярова,
Какъ поютъ попы все со дьякономъ,
Начала я, млада, тужить, плакати,
Да после я-то поотдумалась:
Не нажить-то мнѣ отца съ матерью, —
Наживу я дружка получше этого.

Зап. мною. въ 1874 г.

447.

г) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Какъ всѣмъ царямъ
Давно сказано, —

—

Аи люли, люли!
Давно сказано.

(Такъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

—

Давно сказано
Служба явная:

—

На войну итить
Круги заводить.

—

А моему дружку
Напередъ итить.

—

Какъ всѣмъ царямъ
По коню дали,

—

А мому дружку
Коня нéдали.

—

Я своего коня
На войну пошлю.

—

Какъ всѣ цари
Изъ войны пришли, —

—

А мово дружка
Въ завѣтѣ нѣтъ,

—

Одинъ конь бѣжитъ,
На ёмъ явь лежитъ,

—

На ёмъ явь лежитъ:
Черна шляпа пуховая.

—

Во той во шляпѣ
Мой шелковъ платокъ

—

Мнѣ не жаль платка, —
Платокъ въ шляпѣ носится

—

А мнѣ жаль дружка:
Милъ съ иной водится,

—

Милъ съ иной водится,
А со мной ссорится.

Какъ мой постылъ
Во постелю слегъ,

—

Во постелю слегъ,
Во постель мягкую.

—

Захотѣлъ постылъ
Ключевой воды,

—

Ключевой воды
Со быстрой рѣки...

—

(Далѣе, какъ въ предыдущ.).

Зап. мною. Ср. у Смирнова, стр. 123.

448.

Вятской губерніи.

Играющіе становятся въ кружокъ, посрединѣ котораго ходитъ одинъ или одна, представляя куму. Всѣ хоромъ поютъ:

«Кумушка, ты кума!
Жизнь твоя дорога.
Дома ли твой воробей?
Дома ли твой молодой?»

Ходящ. въ кругу:

— Дома, дома, мой воробей,
Дома, дома, мой молодой.
«Чего онъ судитъ, рядитъ?»
— Ничего не судитъ, не рядитъ,
Во скорбѣ, болѣ лежитъ,
Ничего не говоритъ —
Головушка болитъ,

(Съ поникшей головой указывая на плечо).

— Право плечико щемитъ.

При этихъ словахъ хороводъ начинаетъ ходить быстрѣе, а ходящій въ кругу плясать или ходить быстрѣй и веселѣе. Хороводъ поетъ:

Ахъ ты, воробей!
Ахъ ты, сѣме́ничекъ,
Ахъ ты, конопля́нычекъ!
Тебѣ сѣмечка горошку
Не клевывати,
Тебѣ красныхъ дѣвицъ
Не цаловывати,
Тебѣ молодыхъ молодокъ
Не трясывати.

(Ходящій въ кругу выбираетъ дѣвицу, треплетъ ее по плечу, цалуетъ и вводитъ въ кругъ вмѣсто себя, а пѣсня поется до тѣхъ поръ, пока это самое не продѣлаютъ поочередно всѣ участвующіе въ игрѣ).

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

449.

Тверской губерніи и у.

«Дома-ль кумъ воробей?»
— Дома.
«Что онъ дѣлаетъ?»
— Боленъ лежитъ.
«Что у него болитъ?»
— Плечики.
«Сходи, кума, въ огородъ,
Сорви травы гречки,
Попарь ему плечки!»
— Парила, кумушка,
Парила голубушка!
Его паръ не беретъ,
Только къ сердцу придаетъ.
«Дома-ль, кумъ воробей?»
— Дома.
«Что онъ дѣлаетъ?»
— Боленъ лежитъ.
«Что у него болитъ?»
— Животокъ.
«Сходи, кума, въ огородъ,
Сорви травки репеекъ,
Попарь ему животокъ».
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его паръ не беретъ,
Только къ сердцу придаетъ.
«Дома-ль, кумъ воробей?»
— Дома.
«Что онъ дѣлаетъ?»
— Боленъ лежитъ.
«Что у него болитъ?»
— Лы́точки.
«Сходи, кума, въ огородъ,
Сорви травки сныточки,
Припарь ему лыточки».
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его паръ не беретъ,
Только къ сердцу придаетъ.
«Дома-ль, кумъ воробей?»
— Дома.
«Что онъ дѣлаетъ?
— Боленъ лежитъ.
«Что у него болитъ?»
— Пяточки.
«Сходи, кума, въ огородъ,

Сорви травки мя́точки,
Припарь ему пяточки!»
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его паръ не беретъ,
Только къ сердцу придаетъ.

Зап. мною въ 1859 г.

450.

Псковской губернии.

Ходила калина,
Ходила малина —
Ка́лина, ма́лина!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Ходила малина
Тихими шагами

—

Тихими шагами,
Крутыми берегами

—

Кликали калину
Во пять голосочковъ:

—

Первый же голосъ —
Да свекровь кличетъ,

—

Да свекорко кличетъ
Работы пытая.

—

А я къ свекру
Съ мягкимъ калачами,

—

Съ мягкимъ калачами,
Съ сладкою сытою.

—

А второй же голосъ —
Свекровушка кличе,

—

Свекровушка кличе,
Работы пытая.

—

А я ко свекрови
Съ бѣлымъ кужелечкомъ.

—

Третій же голосъ —
Золовушки кличутъ,

—

Золовушки кличутъ,
Да чесаться хочутъ.

—

А я ко золовкамъ
Съ частымъ гребешечкомъ,

—

Съ частымъ гребешечкомъ,
Съ шелковымъ уплеточкомъ.

—

А четвертый голосъ, —
Деве́рьюшки кличутъ,

—

Деверьюшки кличутъ,
Да гуляти хочутъ.

—

А я ко деве́рьямъ
Съ красною дѣвицей,

—

Съ срасною дѣвицей,
Съ веселой музыкой

—

Пятый же голосъ
Мило ладо кличетъ.

—

Мило ладо кличетъ —
Да спатиньки хочетъ.

—

А я къ милой лады —
Съ пуховой подушкой

—

Съ пуховой подушкой
Съ крутымъ изголовьемъ,

—

Съ крѣпкимъ обниманьемъ,
Съ сладкимъ цѣлованьемъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

451.

Самарской губернии.

Въ чистомъ полѣ калинушка,
Въ зеленымъ саду малинушка.
На калини-та соловушекъ сидитъ,
На малини-та пташичка.
«Ну-ко, соловушекъ, за пѣсенки,
А пташичка за припѣвыньки!
Я-ли, молодешинька по горенкѣ хожу,
Ручки жму къ ретиву сердцу.
Охъ сердце, душа моя, не радуйся,
У меня ли, у младешиньки старый мужъ.
Старъ добре, да не ровнинъ мнѣ.
Въ поли-та ѣдитъ, робяты рвутъ,

Изъ поля ѣдитъ собаки грызутъ.
На̀ пичъ-ту лѣзитъ — удушье беретъ,
Съ печи-та лѣзитъ — дахи да кахю!

—

Во чистомъ полѣ калинушка.»

Здѣсь повторяется все съ начала до стиха: «охъ, сердце душа моя, не радуйся», а здѣсь:

«Сердце, душа моя, порадуйся,
У меня-ли, у младешеньки, ровня мужъ,
Ровня мнѣ, да не по́дъ вирсту.
Въ поли-та ѣдитъ — пѣсенки поетъ,
Изъ поля ѣдитъ — присвистываетъ.»

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

452.

Костромской губерніи, Салигаличскаго у.

«Старичокъ, мой старичокъ,
Касатикъ старичокъ!
Ой люли, ой люли, касатикъ старичокъ!

(Такимъ образомъ и далѣе послѣ каждыхъ двухъ стиховъ повторяется этотъ припѣвъ съ присоединеніемъ къ нему втораго).

Пусти-жъ меня, старичокъ,
На улицу погулять.
«Охъ люли, ой люли,
«На улицу погулять.
Ужъ я съ улицы приду,
Много пѣсенъ принесу.
— Мнѣ не надо твоихъ пѣсенъ,
Не пущу младу гулять! —
«Старичокъ, мой старичокъ, и т. д.
Пусти-жъ меня, старичокъ
Во зеленый садъ гулять.
Ужъ я изъ саду приду,
Много яблокъ принесу.»
— Мнѣ не надо твоихъ яблокъ,
Не пущу младу гулять! —
«Старичокъ, мой старичокъ, и т. д.
Пусти-жъ меня, старичокъ,
«Во зелены луга гулять.
Изъ луговъ, млада, приду,
Много ягодъ принесу.
— Мнѣ не надо твоихъ ягодъ,
Не пущу младу гулять!
«Старичокъ, мой старичокъ и т. д.
Пусти-жъ меня, старичокъ,
На Дунай рѣку гулять,
Съ рѣки, млада, приду,
Много рыбъ принесу.
— Мнѣ не надо твоей рыбы,
Не пущу младу гулять! —
«Спасибо тебѣ, старичокъ,
Много воли не давалъ,
На улицу просилася —
Я хотѣла убѣжать.
Въ зеленъ садъ просилась,
Удавиться хотѣла.
На Дунай рѣку просилась —
Утопиться хотѣла.
Старичокъ, мой старичокъ,
Касатикъ мой, старичокъ,
Спасибо воли не давалъ.»

Зап. г-жею Н. К. Говоровой. — Ср. у Соболевск. т. II, стр. 362.

453.

а) Курской губерніи, Фатеж. у., с. Покровское.

Улица да моя улица,
Улица широкая.
Мурава, моя мурава,
Мурава зеленая!
Игра-жъ ты моя, игра,
Ты игра веселая.
Я играю, веселюся,
Никого не боюся:
Я ни свекра, ни батюшки,
Ни свекрови, ни матушки.
Батюшка у воротъ стоитъ,
Родимый ко двору кличетъ:
«Ужъ ты стой, не стой у воротъ»
Хоть ты кличь, не кличь ко двору—
Не пойду съ игры къ двору,
Не пойду да со улицы:
Мнѣ игра не доиграна,
Шуточка не дошучена,
Таночекъ не довоженъ,
Милый другъ не провоженъ.
Провожу я милаго дружка
Со скрипками, со волынками,
Съ частыми переборами,
Съ низкими поклонами.
Переборъ, переборчикъ мой,
Золотой, серебряной!
Переберу я переборъ
Ниткою тонилкою.

Сообщ. В. Ѳ. Миллеромъ.

454.

б) Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда.

У воротъ у воротечковъ
Стояла сосенушка, —
Зелена зеленехонька.
Подъ сосенушкой

Играла тамъ дѣвушка,
Шутили молодушки.
Хорошая дѣвушка,
Игарливая Дарьюшка,
Дарья Евсѣевна
Разыграла корогодъ
Супротивъ своихъ воротъ,
Супротивъ батюшкиныхъ.
Батюшка у воротъ стоитъ,
Родненькій съ игры кличетъ.
Онъ и кличетъ, покликаетъ,
Играть вволю не даваетъ:
«Дитятко, иди ко двору!»
— Батюшка, воля твоя:
Не доиграна игра,
Не допѣта пѣсенка,
Не доволенъ таночекъ,
Не забавленъ дружечекъ.
Я забавлю дружечка
Дудками, волынками,
Звонкими ладонями,
Частыми переборами.
Переборъ, переборчикъ мой,
Переборъ серебряный
Переберу тонепкою
Шелковою ниткою.

Зап. Г. В. Новицкою.

455.

в) Пермской губерніи.

Ты заря-ли, моя зоренька
Ты заря моя вечерняя!
Ты игра ли, моя игра,
Ты игра моя веселая!
Я лишь только разыгралася,
Какъ свекоръ меня домой зоветъ:
«Подь, поди, моя сноха, домой,
Подь, невѣстушка, послушайся!»
— Я нейду домой, неслушаюсь,
Я игры моей не рушаю
И тебя не послушаю
Ты заря-ли . . . и проч.
Меня деверь домой зоветъ и пр.
Ты заря-ли . . . и пр.
Меня золовка домой зоветъ и пр.
Ты заря-ли . . . и проч.
Милый ладо меня домой зоветъ:
«Подь, поди, моя жена, домой,
Подь, поди, жена, послушайся!»
— Я иду домой и слушаюсь,
— И игру мою нарушаю.

Сообщ. А. Соколовымъ. Ср. у Соболевск. т. II, №№ 627—633.

456.

Орловской губерніи.

Рябина, рябина,
Рябина кудрявая!
Ой люли, ой люли,
Рябина кудрявая!
Рябина кудрявая,
Еще кучерявая.
Что же ты, рябина,
Не зе́лена ро́стишь? 2
Росту не дава́ишь?
Или ты, рябина
Морозомъ убита? 2
Солнцемъ засушена?
Молодка, молодка,
Молода нездорова
Головушка больна?
Животъ замираить?
— Мужа дома нѣту-ти,
Раскурвина сына! 2
Гроза его дома,—
У клѣти на стѣнки.
Шелковая плеточка 2
Всее ночь прохлестала
По моемъ тѣлу бѣломъ,
По платью по твѣтномъ.
Ужъ я-ль, молоденька,
Устану раненько,
Умоюся бѣленько,
Погоню-жь я скотину,
Покажу свою спину,
За что, млада, бита,
За что она мучена,
Къ чему она учена?
— За дѣвичій обычай.
«Дѣвичій обычай
Умру не забуду:
Плясать, играть буду.»

Зап. мною лѣтомъ 1871 г. въ Липецкѣ отъ бывшаго дворового Орловской губ.

457.

Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

Какъ за нашимъ, за дворомъ, 3
За высокимъ теремомъ, 3
Росла трава шелкова, 3
Зеленая мурава, 3
По той травѣ панья шла, 3
За панью шелъ панокъ, 3
Кричитъ: «панья, ты моя!» 3
— А я, сударь, не твоя, 3

А я, сударь, батюшки, 3
Сударыни матушки. 3
Какъ изъ нашихъ, изъ воротъ 3
Молодой ямщикъ выѣзжалъ, 3
Красны сукны ростилалъ, 3
Гулять панью высылалъ: 3
«Гуляй, панья, до поры, 3
До вечерней, до зори». 3
— Какъ зорюшка занялась, 3
А я млада поднялась, 3
Подхожу я ко двору, 3
Деверь ходитъ по двору, 3
Расчесавши бороду, 3
Примасливши голову, 3
Деве́рушка не чужой, 3
«Деверинушка, мужнинъ братъ, 3
Проведи меня къ мужу спать, 3
Проводивши, часъ постой, 4
Постой, постой, послушай! 3
Какъ бить будетъ, отыми, 3
Цѣловать будетъ, прочь пойди. 3
— Цѣловалъ, миловалъ — тутъ стоялъ, 2
Какъ бить-то сталъ, — прочь пошелъ. 2
«Разсукинъ сынъ, деверекъ, 2
Невѣстушку не сберегъ». 2

Зап. М. А. Баскаковой.

458.

Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа.

Пойду луку полоть,
Зеленóва полоть

—

Калина, малина
(Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Я полю, полю лучекъ
И перепалываю,

—

Черезъ тынъ въ огородъ
Перебрасываю

—

Ко терему припаду
И повыслушаю:

—

Отецъ сына бранитъ,
Жену бить велитъ.

—

«Мнѣ за што жену бить?
За што любушку учить?

—

Мнѣ съизмолода жена
По обычаю пришла,

—

По обычаю пришла,
Господиномъ назвала.»

Зап. учит. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

459.

Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Родная матушка
Голова болитъ,

—

Ай да люли, люли
Голова болитъ.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ втораго).

—

Я украдуся, нагуляюся,
Нагулюся

—

Съ милымъ дружкомъ
Навидаюся.

—

Ты скажи-жъ, милой
Какъ идти домой.

—

Я-жъ домой пойду
Быстрой пташкою,

—

Широкимъ дворомъ
Яснымъ соколомъ,

—

Во высокъ теремъ
Женою честною.

—

А высокъ теремъ
Растворенъ стоитъ,

—

Мужъ ли грозный мой
У стола сидитъ.

—

«Хлѣбъ да соль тебѣ,
Государь ты мой!»

—

— Добро жаловать
Молода жена.

—

Мужъ съ стола встаетъ
Съ стѣны плеть беретъ.

—

Я, младешенька,
Испугалася

—

Къ свекру батюшкѣ
Обратилася:

—

«Свекоръ батюшка,
Заступи меня!»

—

Свекоръ-то говоритъ, —
Велитъ больше бить,

—

Велитъ больше бить
Приговаривать:

—

«Не ходи, жена,
Поздно вечеромъ!

—

Ой да люли, люли,
Поздно вечеромъ.»

Зап. С. Н. Рачинскій. Ср. у Сахарова т. I (изд. III), Хороводн., стр. 34, № 22.

460.

а) Архангельской губерніи.

Бѣлилицы, румяницы мои
Сокатитеся со бѣла лица.
Ой да мой ревнивый ѣдетъ мужъ домой,
Везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
Семихвостку *товалжаной* черешокъ.
Онъ однажды-то имъ стегнетъ — семь рубцовъ,
Онъ другоредь-то — четырнадцать.
Я не знала ни пени, ни вины,
Никакой прослуги за собой.
У сосѣдушки во бесѣдушки была,
Двою, трою я по горенкѣ прошла,
Да за собою холостова привела,
Холостому-то стаканъ меду подала.
Холостой-то стаканъ меду принималъ,
Ко стакану бѣлы ручки прижималъ,
О стаканъ златы перстни приломалъ.
Онъ-де при людяхъ меня сестрицей называлъ,
Безъ людей — милоладушкой:
«Ой ты, ладушка, сударушка моя,
Поглянулася походка мнѣ твоя,
Поглянулся твой умильный взглядъ,
Поглянулся твой обычай дорогой.

Сообщ. С. В. Максимовъ.

461.

б) Вологодской губерніи.

Вотъ идетъ, идетъ постылый мужъ домой,
Онъ несетъ, несетъ подарокъ не милой:
Со правой руки колечко золото,
На колечушкѣ написаны слова,
Что слова-то тѣ — великая гроза.
Я не знаю, молодёшенька,
Я не знаю, зеленёшенька,
За собой я ни пени, ни вины.
Только знаю, молодёшенька,
Только знаю, зеленёшенька,
За собою провиночку одну:
Что изъ горницы во горницу прошла,
За собою холостова привела,
Холостому стаканъ водки налила.
Холостой-отъ неучтиво принималъ,
Ко стакану бѣлу руку прижималъ,
Принародно сестрою называлъ,
Безъ людей-то меня душечкою:
«Ахъ ты душечка, Катюшечка моя!
Мнѣ понравилась походочка твоя,
Полюбилась очень рѣчь хороша.
Гдѣ не пройдешь — утѣшишь молодца,
Слово скажешь — украсишь на рѣчахъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

462.

а) Калужской губерніи, Жиздринск. у.

Въ кругъ входитъ парень съ дѣвушкой. Онъ показываетъ видъ, будто ее бьетъ, а она не кланяется. Хоръ поетъ:

У насъ подъ бѣлою
Подъ березою,

—

Ай люли, люли!
Подъ березою.

—

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

Мужъ жену училъ,
Мужъ, — угрюмую,

—

Мужъ — угрюмую,
Не веселую [1]).

—

Какъ жена мужу
Не вкорилася [2])

—

[1]) Вар. Нелюдимую.
[2]) ...скорилася.

Свекру-батюшкѣ
  Споклонилася.

—

Дѣвушка кланяется другому парню и поетъ:

«Свекоръ-батюшка
  Отыми меня 2

—

Отъ лиха мужа,
  Отъ негоднаго,

—

Отъ негоднаго,
  Отъ недобраго.

—

Свекоръ говоритъ,
  Велитъ больше бить,

—

Велитъ больше бить,
  Велитъ слушаться.

—

Повторяются первые 6 стиховъ и затѣмъ хоръ поетъ:

Свекрѣ- [1]) матушкѣ
  Споклонилася:

—

Свекра-матушка
  Отыми меня

—

Отъ лихова мужа,
  Отъ негоднаго. [2])

—

Свекра говоритъ:
  Воля не моя,

—

Воля не моя,
  Воля мужнина.

—

Опять повторяютъ первые 6 стиховъ и затѣмъ хоръ продолжаетъ такъ:

Какъ жена мужу
  Покорилася,
На колѣни
  Становилася.

При этихъ словахъ она становится на колѣни и поетъ:

Ужъ ты брось лозу,
  Поцѣлуй жену.

Зап. въ 1876 г. г-жею Т. Преображенскою. Ср. у Варенцова стр. 146.

[1]) Свекрови.

[2]) Свекры съ свекромъ говорили ей:
Не наша воля, воля сынина,
Воля сынина, журьба мужнина,
Ай люли! журьба мужнина.

Изъ записи г-жи Е. Г. Дурново въ с. Костинѣ той же губ., Малоявосл. у.

463.

б) Новогородской губернии, Валдайск. у., д. Гоголева.

Скажу матушкѣ
Голова болитъ,
Худо можется,
Гулять хочется!
— Я украдуся
  Погуляюся
  Уворуюся,
  Поцѣлуюся.
«Охъ ты, миленькій!
Научи милой,
Какъ домой ходить.»
— Ходи, умная,
Ходи, разумная:
Частой уличкой —
Сѣрой утичкой,
Черезъ черну грязь —
Перепелочкой,
Къ широку двору —
Рябой курочкой,
Широкимъ дворомъ —
Красной дѣвушкой,
Во высокъ теремъ —
Молодой женой.
Мой высокъ теремъ
Растворенъ стоитъ,
Всѣ окошечки
Распечатаны.
Мой постылый мужъ
За столомъ сидитъ,
Хлѣбъ-соль кушаетъ.
«Тебѣ хлѣбъ да соль,
Мой постылый мужъ!»
— Ужъ какъ мой-то мужъ
  Подымается,
За шелкову плеть
  Принимается.
Шелкова плеть
  По мнѣ хлыснула,
А какъ я, млада,
  Очень взвизгнула.
Ужъ я думала,
  Подумала:

Кому-жъ мнѣ-то
Возмолитися?
Возмолилась я
Свекру-батюшкѣ:
«Свекоръ-батюшка,
«Отойми меня
Отъ такихъ побой
Отъ тяжелыихъ!»
Свекоръ-батюшкѣ
На печкѣ лежитъ,
На печкѣ лежитъ,
Какъ кобель ворчитъ,
Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить.
Ужъ я думала,
Подумала,
Кому-жъ мнѣ-то
Возмолитися?
Возмолилась я
Свекровь-матушкѣ:
«Свекровь-матушка,
Отойми меня,
Отъ такихъ побой,
Отъ тяжелыихъ!»
Свекровь-матушка
На печи лежитъ,
На печи лежитъ,
Какъ змѣя шипитъ,
Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить.
— Ужъ я думала
Подумала:
Кому-жъ мнѣ-то
Возмолитися?
«Охъ ты, милый мой,
Мужъ хорошенькій!
Возлюби меня,
Ты не бей меня,
Ты не бей меня,
Поцѣлуй меня!»

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки составляютъ кругъ, а одна стоитъ въ срединѣ круга и представляетъ все то, что поется въ пѣснѣ.

Зап. К. Шапинымъ, помѣщикомъ Валдайск. у. въ концѣ 60-хъ годовъ. Ср. вар. къ этимъ №№ у Соболевскаго II, №№ 524—537.

464.

Вологодской губерніи и у.

Люди вы, люди!
Вы на насъ взгляните,
Съ хозяйкой разсудите:
Женушка не любитъ,
Радость ненавидитъ, —
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Сяду поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.
Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку.
«Прими, жена, фатку,
Прими коноватку,
Прими же, не чванься,
Мною не ломайся!»
— Мнѣ не надо фатку,
Не надо коноватку:
Тебя пана нѐ люблю,
Молодого нѐ терплю.
Сяду поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.
Куплю женѣ плетку,
Плетку троехвостку,
«Прими, жена, плетку,
Прими шелкову̀ю,
Прими же, не чванься,
Мною не ломайся!»
Люди вы, люди,
Вы на насъ взгляните,
Съ хозяйкой похвалите:
Женушка любитъ,
Радость и навидитъ:
Къ людямъ ходитъ плечикомъ,
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

465.

Владимірской губерніи, Ковровск. у., с. Княжескій городокъ.

Подъ наши̇́ ворота́
Подливалася вода.
Калинушка ты моя,
Сама съ милымъ гуляла́.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Подливалася вода,
Разстилалася трава,
Разстилалася трава,
Трава шелковая.
Какъ по этой по травѣ
Идетъ мужъ съ женой,

Идетъ мужъ съ женой,
Словно братецъ съ сестрой,
Разговоръ говорятъ,
Разговариваютъ:
«Ужъ какъ жить то намъ пожить,
Много денежекъ нажить.
Много денежекъ нажить,
Хлѣба-соли накупить,
Хлѣба-соли накупить,
Молоду жену кормить,
Съ малымъ дѣточками,
Съ сироточками.
Какъ еще-то намъ пожить,
Да еще больше нажить,
Во Москву городъ сходить,
Плису, бархату купить,
Женѣ шубочку сошить,
Вкругъ шею обложить,
Вкругъ шею обложить,
Поскорѣе мужа сжить,
Поскорѣе мужа сжить,
Подъ оврагъ его стащить:
Подъ оврагъ его стащить,
Со живаго кожу снять,

(Дѣвушка беретъ у парня платокъ и стелетъ, а пославши, выбираетъ другаго молодца и ходитъ внѣ круга).

Со живаго кожу снять,
Подъ себя ее послать,
Чтобы мягче было спать,
Веселѣе утромъ встать.
— Какъ моя-то ли жена
Со чужимъ гулять пошла,
Съ Иванушкой щегольцемъ
Старый мужъ увидалъ,
Къ хороводу подбѣжалъ, —
Къ хороводу подбѣжалъ,
Ее за руку схваталъ,

(Ходившій въ кругу парень беретъ опять свою прежнюю подругу).

Къ сторонѣ ее отвелъ,
По щекѣ ее оплелъ.

(Парень ударяетъ дѣвушку по лицу платочкомъ).

Какъ моя-то-ли жена
Стыдъ, безчестье приняла, —
По затылку оплела,

(Въ свою очередь дѣвушка ударяетъ парня платкомъ).

Поклонилась, да прочь пошла.

Зап. В. П. Розановъ. Сообщ. И. П. Корниловъ. Изъ архива И. Р. Г. Общ.

466.

в) Тульской губерніи, Веневск. у.

Какъ по первой по порошѣ
Трое саночекъ бѣгутъ,
И шумятъ, и гремятъ,
Лишь копытцы говорятъ;
Трое саночекъ бѣгутъ
Къ Акулинину двору.
Акулина выбѣгала,
Воротички отпирала.
Акулинушка бѣжитъ,
Только юбочка шумитъ:
Ворона коня примала,
На конюшку становила,
Овса сѣна заложила.
Акулининъ мужъ
Онъ догадливъ былъ:
Онъ въ конюшку вошелъ, —
Ворона коня нашелъ.
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ по торгу ходила,
Ворона коня купила.
«Акулина, хорошо!
Григорьевна, славно.»
Акулининъ мужъ
Онъ догадливъ былъ:
Онъ во горенку вошелъ,
Кафтанъ съ шляпою нашелъ.
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ по торгу ходила,
Кафтанъ съ шляпою купила.
«Акулина, хорошо!
Григорьевна, славно!»
Акулининъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ:
Онъ въ другую-то вошелъ,
Тесову кровать нашелъ,
На кроватушкѣ дѣтинушка
Кудрявенькій лежитъ.
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ по торгу ходила,
Сиротинушку нашла.
«Надо, надо сиротинушку,
«Приголубить, приласкать,
Три плёхи ему дать,
Со двора его согнать.»
— Акулина, хорошо!
Григорьевна, славно!

Сообщ. мѣстнымъ помѣщикомъ П. М. Глѣбовымъ (въ 1862 г.).

467.

г) Той же губернии, Епифанск. у.

Какъ по этой по мятели
Трое саночекъ летѣли,
Не стучамши, не гремемши,
Лишь копытца говорять —
Къ Акулинушкѣ катять.
«Акулина душа,
Отпирай ворота!»
— У меня, милый другъ,
Отперты ворота.
«Акулина душа!
Гдѣ-жъ коня постановить?»
— Станови свово коня
Середь мово двора,
Привяжи свово коня
Къ золотому кольцу.
«Акулина душа!
Гдѣ-жъ кушакъ со шляпой положить?»
— Милый другъ, положи,
Кушакъ съ шляпою на столъ.
«Акулина-душа
Дружка милаго взяла,
Во спаленку ввела.
Акулининъ мужъ
Онъ догадливъ былъ:
Во конюшеньку взошелъ,
Добра коня нашелъ.
Къ Акулинѣ подошелъ:
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, мой другъ, на что?
Я на рыночекъ ходила,
Ворона коня купила.
Восемьсотъ рублей дала.
Акулининъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ:
Онъ догадался и пошелъ,
Онъ въ горницу взошелъ —
Онъ и плетку нашелъ;
Къ Акулинѣ подошелъ.
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, мой другъ, на что?
Извощики здѣсь были,
Шелкову плетку забыли.
Акулининъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ:
Онъ догадался и пошелъ,—
Къ столику подошелъ:
Кушакъ съ шляпою нашелъ,
Къ Акулинѣ подошелъ:
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, мой другъ, на что?
Здѣсь господа были,
Кофій, чай пили,
Кушакъ съ шляпою забыли.
Акулининъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ,
Онъ догадался и пошелъ,
Во спальню взошелъ,
Онъ и сидѣльцецу нашелъ,
Къ Акулинѣ подошелъ:
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, мой другъ, на что?
Я въ добрыхъ людяхъ видала
И себѣ имѣть хочу.
Акулининъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ,
Онъ догадался и пошелъ,
Къ тесовой кровати подошелъ, —
Дружка милаго нашелъ.
«Акулина! это что?»
— А тебѣ, мой другъ, на что?
Прости, мой милый другъ!
Виновата передъ тобой.

Зап. мною въ 1863 г. отъ мѣстной крестьянки.

468.

а) Вологодской губернии и у., с. Нивойское.

Погляжу въ окошко, —
Мужъ идетъ домою. (sic)
Гость пришелъ въ окошко:—
«Садись подъ рогожку!»
— Жена, моя радость,
— «Жена дорогая!
Что у тебя на голбцѣ
Закрыто рогожкой?»
— Большая сѣрáва
Принесла барана.
«Жена моя радость,
Жена дорогая,
Покажи барашка!
— Мужъ ли мужичечекъ,
Ясный соколочекъ,
До трехъ дней не кажутъ:
Глазъ-отъ опризорчивъ,
Языкъ оговорчивъ.—
Три дня на проходѣ — :
«Покажи барашка!»
— Мужъ ли мужичечекъ,
Ясный соколочекъ, —
Барашекъ извелся.
— Покажи овчинку.
«Съ горя со кручинки
Кинула съ овчинкой.

469.

е) Той же губерніи и у.

Какъ по первой по порошѣ
Двои саночки бѣгутъ;
Первы сани съ козырами,
Други́ съ вы́рѣзами.
«Приворачивай, ребята
Къ Полинарьину двору!»
— «Полинарья, душа,
— «Отворяй ворота̀!»
Полинашенька вставала,
Лицо бѣло умывала,
Воротечки отворяла,
Добра молодца встрѣчала;
Ворона коня взяла,
Во конюшенку ввела,
Сѣделечко сняла
Въ новы сѣнечки внесла,
Добра молодца взяла,
Къ себѣ въ горницу ввела;
За убраный столъ садила,
Чаемъ, кофеемъ поила.
На ту пору — вотъ бѣда!
На ту пору мужъ на дворъ.
Полинарьинъ мужъ —
Онъ догадливъ былъ,
Догадался, да пошелъ,
Во канюшенку вошелъ.
Во конюшенку вошелъ, —
Ворона̀ коня нашелъ.
«Полинарья! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Я по рыночку ходила,
Ворона̀ коня купила,
Я пятьсотъ рублей дала.
Полинарьинъ мужъ, —
Онъ догадливъ былъ:
Догадался, да пошелъ, —
Въ новы сѣнечки зашелъ.
Въ новы сѣнечки вошелъ, —
Тутъ сѣделечко нашелъ.
«Полинарья! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ по торгу ходила,
Я сѣделечко купила, —
Петьдесятъ рублей дала.
Полинарьинъ мужъ
Онъ догадливъ былъ:
Догадался да пошелъ,
Въ нову горенку зашелъ.
Въ нову горенку зашелъ,
Тамъ молодчика нашелъ.
«Полинарья! это что?»
— А тебѣ, сударь, на что?
Вечоръ по торгу ходила,
Сиротинушку нашла.
Надо-жъ мо́лодца призрѣть,
И обуть и одѣть,
Накормить, напоить,
Со двора проводить.

470.

ж) Той же губерніи, Сольвычегодск. у.

Какъ построилась деревня
Сто четырнадцать дворовъ.
По этой по улочкѣ
Ненаглядный мой идетъ, —
За собой ненаглядный
Ворона коня ведетъ.
Ко кусточку привязалъ,
Ко Груняшѣ забѣжалъ.
Ко Грунину несчастью
Ея мужъ былъ на дворѣ.
«Ужъ Груняша, ты Груняша!
Почто шуба на полу?»
— Постояльцы, сударь, были,
Шубу позабыли.
«Ужъ ты Гру́нюшка, Груняша!
Полуштофъ на столѣ?»
— Постояльцы, сударь, были,
Полуштофъ съ виномъ забыли.
«Ужъ ты Грунюшка, Груняша!
Перстенечекъ на рукѣ?»
— Постояльцы, сударь, были,
За фатеру заплатили.
«Ужъ ты Грунюшка, Груняша!
На что шляпа на брусу?»
— Постояльцы, сударь, были,
Шляпу позабыли.
«Ужъ ты, Грунюшка, Груняша!
Перчаточка на брусу?»
— Постояльцы, сударь, были,
Перчаточки оставили.
«Ужъ ты Грунюшка, Груняша!
Не обманывай меня,
Самъ постарше я тебя».

Всѣ 3 зап. Н. А. Иваницкимъ.

471.

а) Калужской губерніи, Жиздринск. у.

(Одинъ изъ парней ходитъ въ кругу).

У насъ по улицѣ Шведской,
Въ слободѣ было Нѣмецкой,
Ай люли, ай люли,
Въ слободѣ было Нѣмецкой!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

Молодой купчикъ пріѣхалъ,
Къ души Катеньки заѣхалъ.

—

Въ кругъ входитъ дѣвушка, парень ей кланяется и поетъ:

«Здравствуй, Катенька, милая!
«Отворяй-ка ворота,

—

«Отворяй-ка ворота,
«Успушшай мово коня.

—

«Ужо ты Катенькя милая,
«Гдѣ коня-то мнѣ поставить?»

—

— Сударь Ванюшкя Ванюша!
Середи мово двора,

—

Середи мово двора,
Дли точёнаго столба,

—

Дли точёнаго столба,
Дли дубовой верея.

—

«Ужъ ты Катенькя милая!
Гдѣ мнѣ плеточку повѣсить?»

—

— Ужъ ты Ванюшкя Ванюша,
Въ колидорѣ на стѣнѣ;

—

Въ колидорѣ на стѣнѣ
На серебрянномъ гвоздѣ.

—

«Ужъ ты Катенькя милая!
«Гдѣ мнѣ шляпу положить?»

—

— Ты положъ, сударь Ванюша,
У горницы на столѣ,

—

У горницѣ на столѣ,
На дубовой на доскѣ;

—

На дубовой на доскѣ,
На шелковой скатерти.

—

Кладя шляпу на землю, онъ поетъ:

«Ужъ ты Катенькя милая!
Гдѣ мнѣ спать почевать?»

—

— Ты почуй, сударь Ванюша,
У спаленькѣ ў моей;

—

У спаленькѣ ў моей
На кровати тесовой, 2

—

На перинѣ пуховой,
На подушкѣ шелковой.

Дѣвушка при этихъ словахъ разстилаетъ свой платокъ, парень садится на него, а другой входитъ въ кругъ. Хоръ поетъ:

На ту пору, на тотъ часъ
Катинъ тятинька пріѣхалъ:

—

«Ужъ ты дочинькя, Катюша!
Что ворота расперты?»

—

— Сударь тятинькя родимый!
Вечóръ по воду ходила.

—

«Ужъ ты доченькя, Катюша!
Что за кони на дворѣ?

—

Дли точенаго столба,
Дли дубовой верея?»

—

— Ужъ ты тятенька родимый!
Я на конный дворъ ходила;

—

Я на конный дворъ ходила,
Ворона коня купила;

—

Ворона коня купила,
Три съ полтиной заплатила.

—

«Ужъ ты доченькя, Катюша!
Что за плетка на стѣнѣ?»

—

— Ужъ ты тятенькя родимый!
Я на рыночекъ ходила,

—

Ему плеточку купила,
Полтораста заплатила.

—

«Ужъ ты доченькя, Катюша!
Што за шляпа на столѣ?»

—

— Сударь тятинькя родимый!
Вечóръ гости в'мене были;

—

Вечоръ гости в'мене были,
Пухову шляпу забыли.

—

«Ужъ ты доченькя, Катюша!
Што за молодецъ ляжить?

—

«У спаленкѣ ў твоей,
На перинѣ пуховой?»

—

— Ужъ ты тятенькя родимый!
Я къ заутренѣ ходила,

—

Я къ заутренѣ ходила,
Сиротинушку призрѣла,

—

Ўспоила, ўскормила,
Да и спать тутъ положила.

Зап. г-жею Преображенской (дочерью мѣстн. священника) въ 1878 г.

472.

б) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Какъ поѣхалъ милой
Къ душѣ Катинькѣ своей,—
 Калинка моя, малинка моя!
«Ахъ ты, Катенька душа!
Да гдѣ коня становить?»
— Ты поставь-ко милой,
Середь батюшкина двора, 2
У точенаго столба.
«Ахъ ты Катенька моя!
Куда плетку положить?»
— Ты повѣсь-ко милой,
Въ новыхъ сѣняхъ на стѣнѣ, 2
На златомъ-ли на гвоздѣ.
«Ахъ ты Катенька моя!
Гдѣ мнѣ спать, почивать?»
— Ты ложися, милой,
Во горенкѣ во новой, 2
На кроваткѣ тесовой, 2
На перинѣ пуховой, 2
На подушкѣ шелковой. —
 Въ тую пору, въ то время
Катинъ батюшка пришелъ.
«Ахъ ты Катя, дочь моя,
Что за коникъ у тебя?»
— Я на ярмонкѣ была,
Себѣ коня купила, 2
Сто рублевъ я отдала.
«Ахъ ты Катя, дочь моя,
Что за плетка на стѣнѣ?»
— Я на рыночкѣ была,
Себѣ плетку купила, 2
Рубль цѣлковый отдала.
«Ахъ ты Катя, дочь моя,
Что за молодецъ лежитъ?»
— Я у церкви была,
Сиротинку подняла,
Вспоила, вскормила,
На добра коня садила, 2
Да приказывала:
— «Ты поѣдешь, мой милой,
Во чужую сторону,—
На хорошихъ, на пригожихъ
Не засматривайся.
Хорошія, пригожія —
 Часовыя твои,
А худая, да благая, —
 Вѣковѣчная твоя.
 Калина моя, малина моя!

Зап. (въ 70-хъ годахъ) С. Н. Рачинской.

В. Хороводныя разборныя или разводныя.

473.

а) Вологодской губерніи и у.

Раскололся сырой дубъ
 На четыре грани.
А кто любитъ мужнихъ женъ,
 Того душа въ адѣ,
А кто вдовушку полюбитъ —
 Вѣчное спасенье;
Кто же любитъ дѣвушку, —
 Всѣмъ грѣхамъ прощенье.
Люблю, люблю дѣвушку,
 Люблю молодую,
А которую люблю,
 Ту и поцѣлую.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

474.

б) Тульской губерніи.

Расколися, сырой дубъ
 На четыре грани.

А кто дѣвушку полюбитъ,
Того душа въ ра́и;
Кто молодушку полюбитъ,
Того душа на спасенье;
А кто старую старуху обойметъ,
Тотъ въ адѣ мѣста не найдетъ.

Зап. мною.

475.

Тульской губерніи, с. Околчино.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой,
По ело́венькой.
Тонка жердочка гнется,
Не ломится;
Хорошо съ милымъ водиться,
Не стошнится.
Пойду, выйду, молода,
За новы́ ворота,
За но́вы́, клено́выя,
За рѣшатчатыя,
Гляну, гляну молода,
Вдоль по улицѣ конца:
У новыхъ-то у воротъ
Стоитъ дѣвокъ хороводъ.
Этѣ дѣвки хотятъ
По лугу гулять,
По лугу гулять,
Круга заводить,
А эти ребята хотятъ
Дѣвокъ цѣловать, 2
Хорошую дважды,
Пригожую трижды.
«А самую худерьбу
«Округъ ее обойду,
«Поцѣлую, обойму,
«Замужъ возьму».

Зап. И. А. Худяковымъ.

476.

Вологодской губерніи.

Чѣмъ намъ пѣсенку начать,
Чѣмъ ее окончить?
— Разговорами начнемъ,
Поцѣлуемъ кончимъ.

Зап. Н. А. Иваницкій.

477.

Псковской губерніи, Островск. у.

Между горочекъ ишла,
На горушку вышла,
Одна горочка высока,
А другая низка,
Одинъ миленькій далече,
А другой-то близко:
А я дальнаго милова
Людямъ подарую,
А я ближняго милова
Три раза поцалую.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

478.

Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Рука за руку взялись,—
Познакомилися:
Не ты ли мнѣ кумъ,
Не я-ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся —
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся —
Поцалуемся.

Зап. студ. И. А. Никольскимъ.

479.

Костромской губерніи, Солигалич. у.

«Кто со мной, кто со мной
На Дунай воевать?»
— Я съ тобой, я съ тобой
На Дунай воевать.
«Есь ли у тебя, есь ли у тебя
Твой добрый конь?»
— Есь у меня, есь у меня
Мой добрый конь.
«Есь ли на конѣ, есь ли на конѣ
Тесмянная узда?»
— Есь на конѣ, есь на конѣ
Тесмянная узда.
«Есь ли на конѣ, есь ли на конѣ
Булатныя стремена?»
— Есь на конѣ, есь на конѣ
Булатныя стремена.
«Есь ли на конѣ, есь ли на конѣ
Черкасское сѣдло».
— Есь на конѣ, есь на конѣ
Черкасское сѣдло.
«Есь ли на конѣ, есь ли на конѣ
Добрый молодецъ?»

— Есь на конѣ, есь на конѣ
Добрый молодецъ.
— Добрый молодецъ съ плеткой шелковой.
Ужъ мы съѣдимся, — поклонимся,
Поклонимся и поцѣлуемся.

Зап. мною отъ бывшей дворовой дѣвушки.

480.

Вологодской губерніи, Грязовецк. у.

Еще около сырȧ дубȧ,
Еще около зелёнаго
Скачетъ черный соболь.
Не скачи, соболь, по улицѣ,
Не скачи, соболь, по ши̇рокой,
Скачи, соболь, въ нову горенку,
Выбирай себѣ дружинушку,
Выбирай себѣ хорошую,
Каковъ я самъ молодецъ,
Каковъ я самъ удалецъ.
— Еще вотъ моя дружинушка,
Еще вотъ моя хорошая, —
Каковъ я самъ и пр.
Походитъ было съ дружинушкой,
Походитъ было съ хорошенькой
Каковъ я самъ и пр.
Пріобоймемся съ дружинушкой,
Пріобоймемся съ хорошенькой,
Каковъ я самъ и пр.
Поцѣлуемся съ дружинушкой,
Поцѣлуемся съ хорошенькой,
Каковъ я самъ и пр.
Распрощаемся съ дружинушкой,
Распрощаемся съ хорошенькой,
Каковъ я самъ и пр.

481.

Той-же губерніи.

Ерши, вы ерши!
Рыбка мяконькая,
Костоватенькая.
Кто ерша изловитъ,
Того трожды цѣловать.

Обѣ зап. Н. А. Иваницкимъ.

482.

Тверской губерніи, Осташк. у.

Я по садику ходила, дѣвица,
По зеленому гуляла, красная,
Я лазоревы цвѣточки рвала,
Со цвѣточковъ вѣночки пляла.
Какъ увидѣли рябятушки,
Разсказали моей матушки.
Моя матушка ни лиха, ни добра, —
Никакова отвѣта мнѣ не дала,
Послала меня въ зеленъ садъ гулять,
Приказала розу алую щипать.
Я щиплю, щиплю, — не хочется щипать,
Вонъ ко дѣвицамъ мнѣ хочется.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ молодой,
Приносилъ съ руки перстень золотой.
Перстенёчка не хочется, —
Вонъ изъ садику хочется.
«Я за этотъ перстенёчекъ золотой
Поцѣлуемся мой милый съ тобой.»

Зап. учен. 6-го кл. Тверской гимназіи Ѳ. Тюкинымъ.

483.

а) Самарской губерніи.

Ужъ ты вѣнъ-ли, мой вѣночекъ,
Въ саду розовый цвѣточекъ!
Мнѣ куда тебя, вѣночекъ, положить?
Положу тебя, вѣночекъ,
Въ саду розовый цвѣточекъ,
На головку ко дѣвицѣ,
Ко названной, ко сестрицѣ.
Какъ не братъ съ сестрой сходилися,
Какъ не братъ съ сестрой поклонилися,
Поздоровалися и распростилися.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

484.

б) Тверской губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

Ужъ ты вѣнчикъ, мой вѣнчикъ,
Ай да вѣночикъ!
Вѣнокъ, — синенькій цвѣточикъ,
Ай да цвѣточикъ!
Кому вѣнчикъ подарити?
Ай да подарити
На ково-жъ мнѣ положити?
Ай да положити
Положу-ль я на головку,
Ай да на головку,
Что на красную, на дѣвицу,
Ай да на дѣвицу.
Что ни кумъ съ кумой покумился,
Ай да покумился, —
Молодецъ съ дѣвицей подружился,
Ай да подружился:

Гдѣ не сойдемся, — пріобоймемся,
Ай да пріобоймемся;
Пріобоймемся, поцалуемся,
Ай да поцалуемся,
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся.

Зап. въ 1857 г. гимназистомъ 6-го кл. Тверск. гимназіи Ѳ. Тюкинымъ.

485.

в) Вятской губерніи.

Вѣнъ ли ты, мой вѣночикъ,
Ай да мой вѣночикъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется какъ и въ предыдущемъ варіантѣ послѣ каждаго стиха съ прибавленіемъ послѣдняго его слова).

На кого этотъ вѣночикъ положить?
Наложу этотъ вѣночикъ на головку,
Что на бѣлую на лебедку, —
На душу красну дѣвицу,
Что на родную да на сестрицу.
Что не кумъ съ кумой сокумилися,
Посреди кружка становилися,
Золотымъ кольцомъ подарилися, —
Молодецъ съ дѣвицей подружилися.
«Еще ты мой кумъ, еще я твоя кума.
Гдѣ мы сойдемся, — поздороваемся,
Разойдемся, — ай да распростимся.»

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

486.

г) Пермской губерніи.

Ахъ ты вѣнчикъ ли мой вѣночикъ,
Славный розовый мой цвѣточикъ!
Мнѣ куда тебя, вѣночикъ, положити?
— Положу тебя, вѣночикъ, на головку,
На головку ко удалому молодцу.
Или: (Ко душѣ красной ко дѣвицѣ,
Ко названной-то ко сестрицѣ). —
Что не кумъ съ кумой сокумилися,
Середи кружка становилися.
«Еще ты мой кумъ, еще я твоя кума
Или: (Еще ты моя кума, еще я твой кумъ)
Гдѣ мы сойдемся, — поздороваемся, —
Разойдемся — распро́стимся.»

Сообщ. А. Соколовымъ.

487.

д) Вятской губерніи.

Со вьюномъ я хожу,
Съ золотымъ я хожу, —
Что куда мнѣ вьюна положить?
— Положу я вьюна,
Положу я зелена,
Что ко павѣ на правое плечо,
Что ко боярынѣ на поволосы.
— Чѣмъ мнѣ вьюна выкупить?
Чѣмъ мнѣ золото выручить?
— Есть у меня, у млады, —
Три кони вороны,
Да четыре неѣзженные.
Тѣхъ мнѣ не выкупити,
Тѣхъ мнѣ не выручити.
Есть еще у млады:
Три дома каменные,
Да четыре некладенные.
Есть еще у млады:
Три перстни золотые,
Да четыре серебряные. . . .
(Видно не оконченная).

Изъ рукоп. сборн. Н. А. Александрова.

488.

е) Вологодской губерніи и у.

Со вьюнкомъ я ходила̀,
Съ молодымъ гуляла̀.
Чѣмъ мнѣ вьюночка
Выкупити?
Чѣмъ молодого
Выручити?
— Дамъ я за вьюночка
Двѣ гривны золотыя,
Четыре серебряныя,
Дамъ коня *винохода* [1]),
Четыре со двора долой не сходятъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

489.

ж) Симбирской губерніи, Корсунск. у., с. Усть-Урань.

Со вьюномъ я хожу,
Съ зеленымъ я хожу,
Я хожу, хожу, хожу.
Не знаю, куда вьюна положить?
— Положу со плечика на плечо его,

[1]) Т. е. иноходца.

Я со лѣваго на правое плечо.
Я ко дѣвицѣ иду, иду, иду,
Ко красавицѣ иду, иду, иду,
Поцѣлую обойму, обойму,
Да и прочь пойду, пойду.

Зап. мною въ 1855 г. (Поется въ этомъ видѣ и въ Тульской губерніи).

490.

Вятской губерніи.

Въ заводѣ [1]) были мы,
Были мы, (2)
Сокола мы видѣли,
Видѣли, (2)
Сокола молодчика,
Молодчика, (2)
Соколицу дѣвицу,
Дѣвицу. (2)
«Стань, дѣвица, подбодрись,
Подбодрись! (2)
«Двою, трою обернись,
Обернись! (2)
Двою, трою поклонись,
Поклонись! (2)
Разъ пятнадцать поцѣлуй,
Поцѣлуй! (2)

Сообщ. Н. А. Александровымъ.

491.

Тверской губерніи.

Полюби, полюби
Радость-дѣвица, душа!
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая.
Я люблю тебя душой,
Надѣлю тебя казной.
Что денечикъ, то обновка,
Буду милую дарить;
Ты ни прясть, не ткать,—
Ты не будешь работать:
Знай умыться, снаряжаться,
Да обновки обновлять;
Красна дерева кровать,
На коврѣ ты будешь стоять,
И на бархатномъ диванѣ
Будешь, радость, почивать.
Тутъ и я прилечу,
Расцалую, размилую;
Расцалую, размилую,
Мою радость дорогую.

Зап. семинарист. Тверск. сем.

[1]) Вар.: въ хороводѣ.

492.

Тверской губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

Покатимте, дѣвушки, по лугу шаромъ,
Калина моя, малина моя!
(Припѣвъ этотъ послѣ каждаго стиха).
По лугу шаромъ, по терему мячомъ,
Заглянемте, дѣвушки, подъ бѣлый подъ шатеръ.
Какъ подъ бѣлымъ шатромъ спитъ молодчикъ молодой.
Взвеселимъ мою головушку дѣвушкину.
Гулять миленькій идетъ, 2
И меня съ собой беретъ, 2
Всегда милою зоветъ, 2 —
Поцѣлуетъ, обойметъ.

Зап. учен. VI кл. Тверск. гимн. г. Ѳ. Тюкинымъ въ 1859 г.

493.

Вологодской губерніи.

Затыню, затыню
Рѣчку быструю,
Загоню, загоню
Голубя съ голубушкой.
Голубь-то у насъ —
Свѣтъ Иванушка,
Сизый-то у насъ, —
Свѣтъ Ильичъ съ Фомина.
Голубушка при немъ —
Поликсенушка,
Сизая при немъ —
Свѣтъ Викторовна.
Свидятся они —
Все поклонятся,
Сойдутся они —
Поцѣлуются.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

494.

Тверской губерніи.

Что подъ деревомъ такимъ
Мила дѣвица сидитъ:
Черноброва, миловидна,
На всѣ стороны глядитъ, —
Въ *сентетюровомъ* капотѣ
Мериносовой шали,
Въ мире-розовой косынкѣ
И въ козловыхъ башмакахъ;
Что козловые башмаки
Съ переплеточками,
А шелковые чулочки
Съ рѣшеточками. —
— Расцалую, размилую
Мою радость дорогую.

Зап. семинарист. Тверск. семимаріи.

495.

Той же губерніи, Осташк. у.

Ужъ на что-жъ это за мѣсяцъ:
Ночью свѣтитъ, а днемъ нѣтъ?
И на что это за милый:
Вечеръ люби, другой нѣтъ?
Походочка его у сердечка моего,
Поговорочка его — у ретивово мово.
Милъ па ноженьку ступап,
Ума разума пытап,
Милъ за ручку крѣпко жметъ,
Поцалуя себѣ ждетъ.

Зап. учен. VII кл. Тверск. гимназіи Ѳ. Тюкинымъ.

496.

а) Вологодской губерніи, Тотемск. у., с. Антово.

Сковородникъ на печи,
Ты не много хлопочи!
Десяточка два-три
Ты блиновъ напеки.
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся и обоймутся, 2
Обоймутся и поцѣлуются
По старому закону:
Четыре на кону,—
Но не выщелкать.
Цѣловать девять разъ,
Противъ носу, противъ глазъ,
Девяносто одинъ разъ.

Зап. мною отъ бывшей дворовой дѣвушки А. Макаровой.

497.

б) Тверской губерніи, Бѣжецк. у., с. Кушалино.

На полатѣ, при лопатѣ, —
Сковородникъ на печи.
Сковородки въ печи,
Мнѣ блипочковъ испечи!
— Двое ходятъ, двое бродятъ —
Не обоймутся.
А во старые-то годы
Не бывало такой моды,
Какъ нынче у насъ
Упубликованный указъ:
Цѣловаться девять разъ.

Зап. студ. Дух. Ак. Никольскимъ. Ср. у Студитскаго, стр. 70; разницы почти нѣтъ.

498.

а) Псковской губерніи, Островск. у.

Бѣжу, бѣжу по пожнинкѣ,
Прибѣгала ко дорожинькѣ.
Для дорожки березка стоитъ,
На березкѣ два голубя сидятъ.
Одинъ голубь ничего не говоритъ,
А голубка разговариваетъ:
«Завтра праздникъ — Ивановъ день,
Мой миленькій гулять пойдетъ,
Меня, дѣвушку, съ собой возьметъ,
На гуляньи при компаньи
Поцѣлуетъ, обоймет.»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

499.

б) Вологодской губерніи.

Я бѣгу, бѣгу по пожецькѣ,
Добѣгаю до часовеньки,
На часовенькѣ два голубя сидятъ;
Первый голубь ничего не говоритъ,
Другой голубь поговариваетъ.

...Далѣе, какъ въ предыдущ.; послѣдній же стихъ:

При компаньи поцѣлуетъ, обоймет.

Зап. Н. А. Иваницкій.

500.

а) Тверской губерніи, Бѣжецк. у.

Во городѣ во Казани
Полтораста рублей сани.
Дѣвка ходитъ по крыльцу,
Платкомъ машетъ молодцу,
Другая по горенкѣ,
Горюетъ по молодцу.
Приходили двѣ подружки,
Унимали горевать.
«Я не слушаюсь васъ,
Поцалую сто пять разъ!»

Зап. студ. Дух. Акад. Никольскимъ.

501.

б) Тульской губерніи.

Ѣхалъ милый изъ Казани, —
Полтораста рублей сани,
Семисотный конь,
Съ позолоченной дугой.
«Вы не думайте, дѣвицы,

Попьче замужъ выходить!
Вы не вѣрьте молодцамъ
Въ чемъ они божатся.
Они бо́жатся, клянутся,
А послѣ смѣются.
Я по горницѣ хожу,
Сама веселюся.»
— Я дѣвицу поцалую,
— На мѣсто сажуся.

Зап. мною.

502.

в) Самарской губерніи.

Ѣхалъ мальчикъ бравый
На лошадкѣ карой:
Въ полтораста рублей сани,
Въ пятьдесятъ рублей дуга.
Мальчикъ дѣвушкѣ слуга.
Вы позвольте-ко, ребята,
Въ Казань-городъ сходить —
Плису, бархату купить.
Плисъ ты мой бархатъ!
Во сто рублей платье.
— «Да кому было купить?
«Да кого было дарить?» —
— Купить было молодцу,
Дарить было дѣвицу:
Дары даровати,
Шесть разъ цѣловати.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

503.

Тверской губерніи.

Леталъ голубь, леталъ сизой
Со голубушкою,
Что ходилъ, гулялъ молодчикъ
Съ милой дѣвушкою.
Кабы эта мила дѣвица
Во теремѣ жила,
Я бы ее золотомъ украсилъ,
Жемчугомъ бы унизалъ,
Я бы ее лѣтнею порою
На своихъ добрыхъ коняхъ,
На своихъ добрыхъ коняхъ,
Да на лаковыхъ саняхъ.
— Гдѣ ни сойдемся, мы поклонимся,
Гдѣ ни свидимся, поцалуемся.

Зап. семинарист. Тверск. сем. г. А. А.

504.

Тамъ-же.

Я по бережку похаживала,
Бѣлу рыбицу залавливала;
Какъ увидѣли ребятушки,
Разсказали моей матушкѣ.
Моя матушка ни лиха, ни добра,
Никакого мнѣ отвѣта не дала,
Посылала въ зеленый садъ гулять,
Приказала цвѣты алые щипать.
Я щиплю, щиплю, — не хочется,
Къ милымъ дѣвушкамъ хочется,
Приходилъ молодчикъ молодой,
Приносилъ перстенечекъ дорогой.
Перстенечекъ-то хочется,
Цаловать его не хочется. —
Я любила тишёшенко,
Цаловала милёшенко,
Провожала далекошенько.

Зап. тѣмъ-же.

505.

Тамъ-же.

У мово ли у милова
Дорогъ перстень на рукѣ —
Позолоченый орелъ.
Парень дѣвушку провелъ.
Гдѣ дѣвица шла, —
Тутъ трава росла,
Гдѣ красавицу вели,
Тамъ цвѣты алые цвѣли.
Канарейка летяшка
Переломала крылышки.
По полю летается,
Соколъ-то искается.
«Соколикъ мой ясный,
Молодецъ прекрасный
Ходить веселиться.
— Поди распроститься»!

Зап. тѣмъ-же.

506.

Тула, Оружейная сторона.

(Когда въ кругу ходилъ парень).

Царскій сынъ, королекъ,
Раздушенька королекъ!

(Эти 2 стиха повторяются послѣ каждаго изъ послѣдующихъ стиховъ).

Войди, сударь, въ городокъ.
Стань, сударь, подопрись,
Всѣмъ дѣвицамъ поклонись!

507.

Если-же въ кругу ходила дѣвица, то поютъ такъ:

а) Золотыя мои кудри
Перестали виться,
Жена моя боярыня
Ходитъ веселится.
Она ходитъ, веселится,
Постелюшку стелетъ.
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую,
Кого люблю, кого люблю, —
Того поцалую.

Зап. учен. III-го кл. уѣздн. училища Бѣловымъ, жителемъ оружейной стороны.

508.

б) Тамъ-же.

Какъ заѣхалъ, какъ пріѣхалъ
Ко мнѣ милый поздно:
Онъ раскинулъ, онъ разбросилъ
Постелюшку розно.
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую
Люблю, люблю боярышню (или молодца)
Люблю молодую;
Кого люблю, того дарю,
Того поцалую.

Зап. тѣмъ-же.

509.

Вологодской губерніи и у.

Ужъ какъ голубь-то на коникѣ сидитъ,
Что голубка на колѣняхъ у него.
Ты на что, голубь, голубушку держи́шь?
— Мнѣ голубушка надобна, —
Красна дѣвица понадобилась:
Она хлѣбцы мяконьки печетъ,
Она корочки на полочку кладетъ.
Добрый молодецъ гулять пойдетъ,
Онъ красавицу съ собой возьметъ;
Погулявши, поцѣлуетъ, обоиметъ.

510.

Тамъ-же.

Что со вечера цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебряная.
Горитъ, горитъ, — перегарываетъ.
«Ужъ ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица съ высокаго!
Что на улочкѣ свѣтлѣшенько,
Въ переулочкѣ сухошенько,
Что башмачки не топчутся
И чулочки не мараются.»
— Подойду къ милу скорёшенько,
Трону милаго легошенько,
Поцѣлую я милёшенько.

511.

а) Той же губерніи, Сольвычегод. у.

«Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку,
Я сѣку, рублю мечомъ,
Ворота все ищу,
Красну дѣвицу душу,
Марью Васи́льевну.
Ужъ выдайте мнѣ варотечка!
Я зайду ли къ вамъ
Во красный во кружокъ,
Возьму ее за праву руку,
Обведу кругомъ города,
Я поставлю на мѣстечко,
Середь кружка на середочку,
На единую поло́вочку.
Раздайтеся легошенько,
Мы сдвинемся близёшенько,
Поклонимся низешенько,
Пріобоймемся легошенько,
Поцѣлуемся любёшенько —
Со удалымъ добрымъ молодцемъ,
Съ Павломъ Ивановичемъ»
— Отойди-ка прочь, удалой молодецъ,
Не стыди-ка красну дѣвицу душу.
Я, красна дѣвица, умнёшенька, —
У тебя ума малёшенька.

Всѣ 3 зап. И. А. Иваницкимъ.

512.

б) Самарской губерніи.

Я качу, качу золотое кольцо бриліантовое,
За кольцомъ идетъ красна дѣвица,
За собой ведетъ добра молодца.
«Ты возьми его за правую руку,
Проведи его вдоль по горницѣ,
Вдоль по горницѣ, вдоль по новой
Ты поставь его среди горницы, среди новой,
Подойди къ нему, стань близехонько,
Поклонись ему низехонько,
Поцѣлуй его милехонько.»

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ. Ср. у Варенцова, стр. 127, № 11.

513.

а) Новогородской губернии, Кириловск. у.

Что не зайко скачетъ,
Не биляйко пляшетъ.
У заюшка у биляюшка
Ушка долги, ножки коротки.
Ему въ сторону скочить —
Много сорому хватить,
Рѣка брести, — глубоко брести;
Рѣка глубока, рѣка продолговата,
Рѣка тиновата, рѣка ребиновата.
Ребинушка чиста, —
Поцѣлуй дѣвицу въ уста!

Зап. учителемъ Петропавловск. сельскаго училища. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

514.

б) Вологодской губернии.

Заянька сѣренькой,
Ушки долгенькія
Ножки коротенькія!
Зайка въ сторону скочилъ,
Много солоду купилъ,
Онъ въ другую скочилъ,—
Тутъ рѣка глубока́;
Рѣка тиновата
И рябиновата.
Что рябинушка часта̀, —
Цѣлуй дѣвушку въ уста.

515.

Дряни, дряни, дрянички!
Любятъ дѣвки прянички.
Что старуха-то въ углу
Кричитъ: «прянички люблю, —
Калача ѣсть не хочу!»
Что у шута у *вагана̀* [1])
Пиво, брага варена̀.
У ваганихи шутихи
Яндова пива стоитъ,
Цѣловаться велитъ.

516.

Тамъ-же.

Ахъ ты дѣвушка обманчивая,
Красавица перелестливая!
Ты сказала: я замужъ не пойду
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатенькаго, —
Выходила красна дѣвица
За такого добра молодца,
За удалую головушку,
За небритую бородушку.
«Мой-отъ миленькій хорошъ, хорошъ,
Со русыхъ кудрей на милаго похожъ.
Онъ похожъ, похожъ малёшенько,
Цѣловаться съ нимъ милёшенько.

Всѣ 3 зап. Н. А. Иваницкимъ.

517.

Вятской губернии.

Верба моя, вербочка,
Съ винограду вѣточка!
Не стой, верба, надъ водой,
Надъ Ураломъ надъ рѣкой!
Что на этой вербочкѣ
Перепелка гнѣздо вьетъ, 2
Соколъ развиваетъ.
Перепелка — Аннушка,
А соколъ — Ко́ленька
Ходитъ соколъ по̀ двору,
Сертукъ на немъ до̀ полу,
Фуражка на боку,
Куритъ трубку табаку.
Люди спросятъ: чей такой?
Она скажетъ: «соколъ мой!»
Они сойдутся, обоймутся,
Что обоймутся, поцѣлуются.

Сообщ. Н. А. Александровъ.

518.

Новогородской губернии, Кирил. у.

Изъ цвѣтовъ вьюнокъ совью,
Алой лентой обовью,
Встрѣчу милаго съ вѣнкомъ:
Поцѣлуемся съ дружкомъ.

Сообщ. Л. Н. Майковъ.

519.

Псковской губернии и у., дер. Остенко.

Много розы нащипала
И побросала за себя;
Хочетъ мой мило́й узнать
И скоро въ дѣлѣ распознать.
Долго милой дивовался
И любовался на меня;

[1]) Житель береговъ Ваги. И.

Говорилъ мой милой:
«Поцалуй ты меня!»
— Я не буду цаловать, —
— Я сердита на тебя...
Я, дѣвица, не глупа;
— Не надѣлаю проказъ, —
Поцалую восемъ разъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

520.

Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Слала, слала, дѣвушка
Перинушку мягку,
Ждала, ждала, красная,
Полковничка въ гости.
Не дождавшись полковничка,
Легла, пріуныла.
Поутру рано вставала,
Вѣсти услыхала:
Померъ, померъ полковничекъ
Своей скорой смертью;
Остаются малы дѣти
Съ молодой женою,
Остается конь вороный
Съ золотой уздою.
«Стой мое золотце
Цѣлуй меня молодца!»

Зап. студ. Духовн. академіи Никольскимъ.

521.

Той же губерніи, с. Архіерейская Бѣль.

Въ огородѣ гряда
Разсажена въ два ряда.
Какъ по этой по грядѣ
Добрый молодецъ идетъ.
На молодчикѣ шуба дуется,
Раздувается,
Какъ молодчикъ надо мной,
Надо мной, надъ дѣвицей
Насмѣхается:
«Ты разуй, разуй меня, милая,
Разуй, радость дорогая!»
— Я бы рада разуть,
Да не знаю, какъ зовутъ.
«Зовутъ-то меня, зовутъ
Добрымъ молодцемъ.
Полюби ты меня,
Ты душечка моя,
А я цаловать буду тебя.»

Зап. семинаристомъ Тверск. семин.

522.

Тула, Оружейная сторона.

Черпай, черпай, не качай!
Береги воду на чай!
Гуляй, гуляй молодецъ,
Покуда ужинаетъ отецъ,—
А отъужинаетъ отецъ, —
Ступай домой, молодецъ!
Спасибо отцамъ:
Спотакаютъ молодцамъ,
Еще же матерямъ; —
Даютъ волю дочерямъ.
Наши матери не знаютъ,
Гдѣ ихъ дочери гуляютъ.
Мы гуляли при гульбѣ,
Всегда милой на умѣ:
Цаловаться съ нимъ бы мнѣ.

Зап. ученикомъ III-го кл. уѣздн. училища Бѣловымъ.

523.

Псковской губерніи, Островск. у.

Сѣяли дѣвушки ленъ.
Повадился Вася щеголекъ —
Весь леночикъ притопталъ,
Всѣ головки посорвалъ,
Въ Дунай рѣчушку побросалъ.
Дунай рѣчушка широка.
«Выйди, дѣвушка за меня!»
— Про тебя, Васинька, славушка худа:
Во царевъ кабакъ, ты Вася ходишь
Зелено вино пить.
«Я не буду во царевъ кабакъ ходить,
Зелена вина не буду пить,
Свою жену не буду бить,
Я ее буду любить.»

524.

Той же губерніи, Опочк. у.

Мнѣ нужно сходить
До зеленаго луга,
Мнѣ нужно розыскать
Милую подругу.
«Пойдемъ, милая, со мной, 2.
Пойдемъ, разгуляемся!
Мнѣ наскучило одному
По травѣ ходити.
Пойдемъ, милая, ходити!
Будешь ли любити?
Я за прежнюю любовь
Три раза цалую» (и цѣлуетъ).

Обѣ зап. М. И. Семевскимъ.

525.

Тверской губерніи и у., с. Кушалино.

Иванушка травушку коситъ,
А дѣвица воду носитъ.
Иванушка припотѣлъ,
Воду пить захотѣлъ.
А дѣвица увидала,
Въ окошечко подавала.
Въ окошечко полковничка
Молодчикомъ называла.
Люби, молодецъ, меня, —
Цаловать буду тебя!

Зап. студент. И. А. Никольскимъ.

526.

Той же губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

На горѣ комарики,
Подъ горою мошки,
Искусали комарики
Вáрюшкины плечки.
Кланялася Варюшенька
Капитану въ ножки:
«Капитанъ поручикъ,
Сизенькій голубчикъ!
Сыми мово милова
Съ караула крѣпкóва.
Караулы крѣпки,
Перемѣны рѣдки,
Морозы студенные,
Сюртуки зеленые.
На дворѣ морозъ-трескунъ, —
Ты, Варюша, не тоскуй!
Куплю тебѣ, Вáреньки
Черевички маленьки,
Банку розовой помады,
Коленкору широку.
Я тебя, Варю, люблю, —
Поцѣлую, прочь пойду.

Зап. учен. VI кл. Тверской гимназіи Ѳ. Тюкинымъ.

527.

Тамъ-же.

У сосѣда на сараѣ
Ходитъ пиво въ сарафанѣ.
На бочкѣ цѣпочка
Серебряная.
Подлѣ бочки фата
Новокупленная,
Новокупленная,
Неразрубленная.
Я найму, зарублю, —
Разикъ поцѣлую.

Зап. тѣмъ-же.

ПЛЯСОВЫЯ.

528.

Рязанской губерніи, Данков. у.

Овечка моя,
Косматка моя!
Хто-жъ тебя напасить,
Мою ласточку?
Матка стара,
А дочь мала,
А я, молоденька,
Красна ткала.
Красна ткутся,
Нитки рвутся,
Околѣ меня солдатики
Молоденьки вьются.
«Вы вейтеся, не вейтеся,
На меня, молоду, не надѣйтеся.
— Челнокъ свищеть,
Нитку ищеть,
То внизъ, то вверхъ,
То по бердечку.»

529.

Псковской губерніи, Великолуцк. у.

Я подумаю, погадаю, —
Ой люли, люли! погадаю.

(Припѣвъ этотъ повторяется такимъ образомъ послѣ каждаго стиха).

Я головушкой покачаю.
Да за что меня люди любятъ?
Да за что меня почитаютъ?
Что я у батюшки дочь едина?
Что я у роднова дочь гульлива?
— Всеё ночушку не спала,
Всеё осеннюю прогуляла,
Золотыя ключи потеряла,
Что со шелковымъ поясочкомъ,
Со серебрянымъ со цѣпочкомъ.

Обѣ зап. мною.

530.

Вятской губерніи.

Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
На бѣлый камень ступила,
Алый тюфель проломила, 2
Бѣлый чулокъ замарала. 2
Мнѣ не жаль тюфля́,
Жаль бѣлаго чулка.
Чулокъ бѣленькій,
Дружокъ миленькой.
Ай милъ мой, милъ,
Душа ягода моя!
Не садись возлѣ меня,
Не гляди, милъ, на меня:
Я не выйду за тебя,
За удала молодца.
Хо̀ди, хо̀ди, молодецъ,
Хо̀ди хо̀рошо убранъ:
Носи шапочку съ перомъ, —
Позолоченный орелъ, —
При полку, сударь, маіоръ.
— Дѣ-ка дѣвка шла, —
Тутъ трава росла,

Дѣ дѣвицу провели, —
Цвѣты алы расцвѣли.
Гдѣ дѣвицу цѣловали, —
Цвѣты алы расцвѣтали, 2
Цвѣты алы сорывали,
Вѣночики завивали, 2
На головушку вздѣвали, 2
Какъ на маковку.
Съ головушки сорывали,
На Дунай-рѣку бросали.
Дунай-рѣка не примаетъ,
Ко бережку прибиваетъ,
Ко бережку ко крутому,
Ко песочку ко желтому, 2
Ко Макарьевскому.
У Макарья но песку
Стоитъ бражка въ *туеску*; [1]) 2
Бражка пьяна и хмѣльна —
. . . . [2])
Веселая голова! 2
Не ходи мимо сада, 2
Не прокладывай слѣда.

531.

Той же губерніи.

Во Захарьѣ, во селѣ
Тужатъ дѣвки о себѣ,
Они тужатъ и горюютъ,
И не знаютъ, какъ и быть: 2
Въ селѣ некого любить.
Попы-то, дьяки стары,
Пономари очупали [3])
Еще малы-то ребята
На Волгу ушли.
Ужь я стану, младешенька,
На меленку ходить, 2
Засыпниковъ любить.
Засыпники молодые,
Не женатые, холостые,
Не женаты, холосты } 2
Очень ласковые, } 2
Упоили, участили —
И уподчивали.

Обѣ изъ рукоп. сборн. Н. А. Александрова.

[1]) Умен. отъ с. *туезъ* или туесъ: берестовый буракъ, т. е. корзина, сплетенная изъ ивовой драни. Опытъ обл. великор. словаря.
[2]) Слѣдующіе 3 стиха — начало другой пѣсни, въ родѣ помѣщенной ниже подъ № 532.
[3]) Одурѣли.

532.

Тульской губерніи, Крапив. у.

«Широкая борода,
Не ходи мимо сада́,
Дороженьку не тори,
Худу славу не клади!»
— Онъ дороженьку проторилъ,
Худу славу положилъ.
Стыдъ — головушкѣ долой!
Какъ мнѣ придти домой,
Сказать матушкѣ родной?
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу этакъ, — на косякъ:
«Я по садику гуляла,
Сладки яблочки рвала,
На тарелочку клала,
Дружка жаловала.
Дружокъ яблокъ не беретъ
Мнѣ отвѣта не даетъ.
Ужъ я топну ногой, —
Призадумается,
Ужъ я топну другой, —
Образумится, —
А самъ съ терема долой.
Оставайся! Шутъ съ тобой!»

Зап. сельск. учит. г. Шумилинымъ.

533.

Вятской губерніи.

Прилетѣлъ орелъ,
Прилетѣлъ сизой,
Сѣлъ на ворота,
Самъ встрехнулся,
Самъ сворохнулся,
Самъ взворковалъ:
«Ты-ли, Машенька,
Ты-ли, Степановна?
Не ходи-ко боса,
На дворѣ роса
Студеная, холодная.
Все Андреюшку,
Все Яковличу —
Ему будетъ жаль, жаль,
Купить чеботочки —
Вострые носочки,
Гарусъ поясочки,
Съ ленточками,
Съ позументичками,
Чтобы ленточки шумѣли,
Позументички гремѣли,
На нее люди глядѣли.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

534.

Орловской губернiи, Дмитровск. у.

Сударь ты, мой батюшка!
Поставь ты мнѣ горенку
Новую, тесовую
Окошечкомъ на улицу,
А другимъ въ околицу,
Чтобъ я, млада, видѣла —
Три лебеди плаваютъ,
Три бѣлые плаваютъ:
У перваго лебедя —
Златая головушка,
У другого лебедя —
Жемчужная шеюшка,
А в' третьяго лебедя —
Прави́льное перышко.
Златая головушка —
Молодой Иванъ: —
Жемчужная шеюшка —
Молодой Гаврилъ;
Прави́льное перышко —
Молодой Петрунь.

Зап. Ю. Ѳ. Ауэрбахъ.

535.

Той-же губернiи и уѣзда.

По улицѣ мятелица мететъ,
По проулочку Степановна идетъ,
Дочку Сашеньку ведетъ, —
Волна быстрая по рѣчкѣ течетъ,
А по бережку Иванушка идетъ;
Онъ идетъ, идетъ — не трёхнется,
А шляпа на немъ не колыхнется,
На немъ кудри не всклокочутся.
Завидѣла милая его,
Завидѣла дорогая его:
Выйди, Иванушка, дружокъ,
Зайди, зайди, моя душа!
Про тебя, моя душа,
Пива, меду наварила,
Сладкой водки настояла:
Короватушка расписная,
А запаѣски узорчатыя.

Зап. Е. А. Цуриковой.

536.

а) Калужской губернiи, Малояросл. у., с. Костино.

Какъ по лугу, лугу,
По зеленому лугу
—
Ай люли, ай люли!
По зеленому лугу,

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, — съ повторенiемъ второго).

—

Разливалася вода,
Растилалася трава,
—
Растилалася трава,
Трава шелковая.
—
Какъ у молодца, молодца
Разгорѣлися глаза,
—
Разгорѣлися глаза,
Что дѣвчонка хороша́,
—
Что дѣвчонка хороша,
Плясать по кругу пошла.
—
Сама пляшетъ, рукой машетъ
Прiаукиваетъ:
—
«Ау! ау! пастушокъ,
Ау, миленькiй дружокъ!
—
Ты скотинушку паси, —
Ночевать ко мнѣ ходи!»
—
Пастухъ ночку ночевалъ, —
Онъ овечку потерялъ
—
Какъ другую ночевалъ, —
Со ярочкою.
—
«Кабы знала, молода, —
Не манила-бъ пастушка,
—
А сама бы стерегла,
Про себя бы берегла,
—
Ай люли, ай люли!
Про себя бы берегла.»

Сообщ. Е. Г. Дурново.

537.

б) Тульской губернiи, Епиф. у., с. Муравленка.

Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На попову луговину!
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,

Гонятъ малые ребята,
Гонятъ стары старики, —
Міроѣды мужики,
Гонятъ старыя старушки, —
Міроѣдовы женушки.
Одна дѣвка весела:
Она плясать въ кругъ пошла.
Она пляшетъ, рукой машетъ:
«Пастухъ мой, пастушокъ!
Пастухъ, миленькой дружокъ!
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мнѣ ходи!»
— Пастухъ ночку ночевалъ—
Сѣру овцу потерялъ,
Онъ другую ночевалъ, —
Коровушку потерялъ,
Онъ и третью ночевалъ, —
Все стадо потерялъ.

Зап. мною отъ запѣвалы Сони.

538.

в) Симбирской губерніи, Ардатовск. у.

Коли солнышко взойдетъ,
Роса на землю падетъ, —
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Заиграетъ въ рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ;
Будитъ дѣвокъ, будитъ бабъ,
Будитъ малыхъ ребятъ:
«Вставай, дѣвки, вставай бабы,
Вставай, малые ребята!
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На зеленую луговину!»
Одна дѣвка весела
Въ хороводъ плясать пошла.
Сама пляшетъ, рукой машетъ
Пастушка къ себѣ манитъ:
«Сюды, сюды, пастушокъ,
Сюды, миленькій дружокъ!
Ты скотину паси,
Ночевать ко мнѣ ходи!»
Пастухъ ночку ночевалъ, —
Коровушку потерялъ.
«Кабы знала, молода,
Не манила пастуха,
Не манила, не обманывала».
— Онъ другую ночевалъ —
Онъ другую потерялъ.
Туда, сюда погляжу,
Куда рѣчушка бѣжитъ?
— Бѣжитъ рѣчка по песку,
Во матушку во Москву.
Мнѣ сказала про милова,
Что его нѣту живова,
Не живъ, не живъ, нездоровъ, —
Совсѣмъ безъ вѣсти пропалъ,
За ракитовъ кустъ припалъ.

539.

г) Тамъ-же.

Шла Машенька изъ лѣсочку,
Несла Маша два вѣночка:
Себѣ и ему — дружку своему.
Сама Маша говорила,
Пастушка къ себѣ манила:
«Сюды, сюды пастушокъ,
Сюды, маленькій дружокъ!
Не покинь меня.»
— Не покину сиротину
При широкой долинѣ
Въ лужкахъ одноё.
Онъ туда, сюда бросался,
Со скотиной управлялся,
Къ женѣ поспѣшилъ:
«Ты не жди меня порою,
Жди вечернею зарёю, —
Пойду въ лѣсъ гулять».
У насъ въ темномъ лѣсочки
Есть ракитовый кусточикъ, —
Тамъ Машенька ждетъ.
Ждала Маша поджидала,
За ракитовъ кустъ запропала, —
Пускай милый пройдетъ.
Не стерпя своего сердечка,
Я промолвила словечко:
«Здѣсь я, милой!»
Мой миленькой взрадовался,
На бѣлу грудь бросался,
Началъ цѣловать.
Цѣлуетъ, милуетъ,
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ,
Машей называетъ:
«Ужъ ты, Маша черноброва!
Зачѣмъ любишь ты инова,
Меня покидаешь?»

Обѣ зап. Ив. Никол. Юркинымъ, чл. сотр. И. О. Л. Е., А. и Э. Сообщ. Этногр. Отд. эт. общ.

540.

Новогородской губерніи, Валдайск. у., с. Голева.

«Ты любовь, ты любовь,
Любовь дѣвушкина!

Ты когда, моя любовь,
Побываешь у меня?»
— Развѣ въ ту пору, молодчикъ,
Я побуду у тебя,
Когда выростетъ трава
Средь широкаго двора,
Да поразольется вода
Съ крутымъ бережкомъ равна,
Всплыветъ бѣлъ — горючъ камень
Поверху по водѣ.

541.

Тамъ-же.

Мимо нашего любимаго села
Протекала матушка Колыма рѣка.
Что по рѣченькѣ гоголюшка плыветъ,
Выше бережка головушку несетъ,
Выше плечекъ крыльемъ взмахиваетъ.
Нонѣжь во людяхъ пословица идетъ.
Будто съ милымъ во люби жить хорошо.
А я жила съ милымъ тихошенько,
Поступала веселешенько.
А кто любилъ вѣрно тошнешенько,
А я любила его, мнѣ тошнѣй было того.
Я могу ли такую радость получить,
Что сердечнаго дружка въ гости залучить?
Залучивши, я стану его подчивати.
Поднесу дружку стаканъ зеленаго вина,
А поднесши, буду кланяться,
Поклонивши, буду рѣчи говорить:
«Молодецъ, ты моя радость, дорогой,
Моему сердцу былъ на свѣтѣ размилой,
Что ты меня, миленькій, на прочихъ промѣнялъ?
— Хоть я тебя на прочихъ промѣнялъ
А я жизнь свою до вѣку проклиналъ.

Обѣ зап. мною отъ 74-хъ лѣтн. старухи, бывш. дворовой въ концѣ 60 годовъ.

542.

Тверь.

Лебединь мой, лебединь,
Лебедушка бѣлая, 2
По камушкамъ бѣгала,
Плясала, вертѣлася,
Замужъ захотѣлося.
Люди баютъ, говорятъ,
И кутятъ и мутятъ
Съ милымъ развести хотятъ.
Не боюсь я вѣчной муки,
Боюсь съ миленькимъ разлуки.
Боюсь, боюсь батюшки,
Опасаюсь матушки.
«Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Коли я пошла гулять,
Себѣ ровню выбирать!
Себѣ ровнюшку. —
Семеонушку».
У Сенюшки кудряша
Нѣту денегъ ни гроша;
За то слава хороша.
Ужъ ты Сеня Симеонъ!
Не ходи по сѣнямъ!
Ты не топай ногой,
Не качай головой,
Мнѣ не быть за тобой!
Мнѣ быть за Иванушкой,
За кудрянушкой.
У Ивана кудряша
Нѣту денегъ ни гроша, —
Только слава хороша.

Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
Тяжело несла —
И катокъ, и валекъ,
Еще милаго платокъ.

Зап. мною въ 1859 г.

543.

Саратовской губерніи, Сердобск. у.

Пошли дѣвки, пошли дѣвки
Въ лѣсъ по ягоды сбирать
Одна дѣвка, одна дѣвка
Оставалась во лѣсу
Ужъ начали, ужъ начали
Комары, мухи, кусать,
А я млада, а я млада
Руками махать.
Пошли дѣвки, пошли дѣвки
Вдоль по улицѣ гулять;
Вдоль улицы, вдоль улицы, —
Мимо кузницы.
Во кузницы, во кузницы
Молодые кузницы
Куютъ, дуютъ, куютъ, дуютъ
Припаваривaютъ,
Меня младу, меня младу,
Приговариваютъ;
Сулятъ дарятъ, сулятъ дарятъ
Мнѣ замочекъ съ ключемъ.
«Не надо мнѣ, не надо мнѣ
Ни замочка, ни ключа,

А мнѣ надо, а мнѣ надо —
Мнѣ кленовую стрѣлу.
Убить — сгубить, убить — сгубить
Во снѣ постылаго мужа,
Постылаго, постылаго
Да не милаго.
Постылый мужъ, постылый мужъ —
Таракапъ, таракапъ.
Изъѣлъ Дунинъ, изъѣлъ Дунинъ
Сарафанъ, сарафанъ,
А ленточки, а ленточки —
Осока́, осока́!
Рости Дуня, рости Дуня
Высока, высока!
А гарусыкъ, а гарусыкъ —
Дигелекъ, дигелекъ,
А пуговки, а пуговки —
Репеекъ, репеекъ.»

Зап. В. А. Мясоѣдовой.

544.

Новогородской губерніи, Валд. у., с. Гоголево.

Какъ у бабушки курочки велись,
У Макарьевны рябенькія.
Черезъ перушки на золотѣ,
А черезъ два-три позолоченныя.
У насъ завтра праздничекъ,
Праздничекъ Ивановъ день.
Всѣ добры люди капустушку заламывали,
А я, млада, въ огородѣ не была,
Не была, не заламывала.
Хоть капустушка не клубиста,
А я дѣвушка грудиста.

Зап. мною отъ 74-лѣтн. старухи, бывшей дворовой.

545.

Той же губерніи, Устюжск. у.

Какъ на улицѣ мужикъ
Съ разсадушкой стоитъ.
Не по множку онъ разсадушки, —
По денежки даетъ.
Хоть бери, не бери, —
На весь алтынъ,
Хоть сади, не сади, —
На весь огородъ.
Я капусту садила,
Приговаривала:
Ты рости, рости, капустка,
И бѣла, и клубна.
И бѣла, и клубна,
Со тыномъ равна.
Какъ приходитъ праздничекъ
Ивановъ день:
Ужъ какъ всѣ люди капусту
Заламываютъ,
А я то, молода,
Въ огородѣ не была,
Въ огородѣ не была,
Не заламывала.
Ужъ я выдеру дощечку, —
Сама скокъ въ огородъ;
Кудрявенькій дѣтинка
За мной во слѣдъ.
Не капусту онъ торгуетъ, —
Красну дѣвушку любуетъ.
Хоть капуста не люба́, —
Красна дѣвка хороша.

Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

546.

Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Я колышку тешу,
Я огородъ горожу,
Я капусту сажу,
Сажу бѣленькую,
Развеселенькую.
Ты родись, моя капуста,
И бѣла, и вила́,
И со тыномъ равна.
«Ахъ ребята, вы ребята,
Удалые молодцы!
Кому надобно капусту, —
Приходи ко мнѣ торговать,
А я буду продавать.»
— Гдѣ ни взялся паренекъ,
Зашелъ къ дѣвкѣ въ огородъ.
Онъ капусту не торгуетъ,
Самъ на дѣвушку смотри́тъ.
Онъ на дѣвушку глядитъ, —
Вѣрно хочетъ полюбить,
За себя станови́ть.
«Кабы волюшка была, —
Ночевать дружка взяла.
Черезъ волюшку ступлю,
Ночевать дружка возьму.»
Мы спали, ночевали;
Вдругъ проснулися — заря!
Пора милому со двора.
Какъ на улицѣ бѣлый снѣгъ;
Погляжу милому во слѣдъ:
Куда миленькій пошелъ?

Куда скоро побѣжалъ?
— Вдоль улицы столбовой,
Ко Дуняшѣ вдовиной.
Какъ Дуняша вдовина —
Чѣмъ же лучше она меня?
Она умильнѣй глядитъ,
Поучливѣй говоритъ.

Зап. мной отъ дворовой женщины въ 1864 г.

547.

Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Вейся ли, вейся, капуста,
Вейся ли, вейся, бѣлая!
Во саду ли во зеленомъ
Гуляй душечка родная.
Какъ вечоръ на капусту,
Какъ вечоръ на бѣлую
Частый дождикъ поливалъ.
Въ кругу молодецъ гуляетъ,
Себѣ пару выбираетъ:
Лизавету — по совѣту,
А Настасью — по согласью.
Я Аленушку люблю,
Шелковый платокъ куплю, —
Сто рублей заплачу.
Сто рублей намъ нипочемъ! —
Гуляй дѣвка съ молодцемъ.

Зап. С. Н. Рачинской.

548.

а) Владимірской губерніи, Шуйск. у.

Полно Груняша, Груняша
Шаловать и баловать,

—

Тамъ да вотъ это,
Здѣсь да вотъ это!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Въ балагурычки играть,
Часто по воду ходить,

—

Часто по воду ходить,
За зазоръ-то воду лить,

—

За заборъ-то воду лить
Противъ кумова двора.

—

Какъ у кумова двора
Есть укатана гора,

—

Укатана, улита,
Вся башмачками убита.

—

Распроклятый башмачокъ!
Повернулся каблучокъ;

—

Повернулся каблучокъ,—
Я упала на бочокъ.

—

Не послышала упала,—
Погляжу, млада, — лежу,

—

Погляжу, млада, лежу
Я на правомъ на боку.

—

Оглянулася назадъ —
Стоитъ партія солдатъ.

—

Стоитъ партія солдатъ,—
Я не знаю, какъ назвать.

—

Подумала, пождала,
Васильюшкомъ назвала:

—

«Поди Вася, поди, раздýша,
Поди, Груню подыми.»

—

— Мнѣ нельзя никакъ поднять:
Со стороны люди глядять: 2

—

Все богатые мужики,
Воры ябедники.

—

Они пьють, ѣдять готово,
А носять краденное.

—

Вотъ недолго стали ждать,
Стали Груню поднимать.

—

Взяли Груню подхватили,
Къ майору потащили.

—

А майоръ господинъ
На крылечко выходилъ,

—

На крылечко выходилъ,
Съ ребятами говорилъ.

(Не кончена). Зап. мною въ 1873 г.

549.

б) Тверской губернии, Новоторжск. у.

«Груня моя, Груня!
Груня ягода моя,
Весела голова!
Зачѣмъ любишь Ивана?»
— За то люблю Ивана, —
Лицо бѣлое, румяно,
И головушка кудря́ва.
Какъ повадилась наша Груня
Часто по воду ходить,
Съ горы на гору ходить,
По задворьямъ воду лить,
По задворьямъ, по заборамъ,
Противъ милова двора
Противъ Ванина дружка.
Противъ милаго двора
Пріукатана гора,
Пріубита, пріулита,
Пріумаслянная:
Водой улита,
Чеботой убита.
«Ужъ я скокъ на ледокъ!
Окаянный башмачокъ!
Отвалился каблучокъ, —
Подломился ледокъ:
Не видала, какъ упала.
Погляжу, млада, — лежу
На лѣвомъ на боку,
Ко цареву кабаку, —
Помираю со смѣху́.
Туды глядь, сюды глядь,
Меня некому поднять.
Оглянулася назадъ, —
Стоитъ душенька казакъ,
Стоитъ Ванюшка солдатъ, —
Не знаю, какъ назвать.
«Ужъ ты Ваня лебединъ!
Подыми меня одинъ.
Ужъ ты Ваня, подыми,
Сударикъ подыми!»
— Я бы радъ сподкять, —
Со стороны люди глядятъ
И про насъ говорятъ,
И ругаютъ, и бранятъ
Любить Ванѣ не велятъ.

Зап. мною.

550.

Екатеринославской губернии, Алекс. у.

Сама дѣвка хату поставила,
Сама высыпала,
Въ печкѣ дрова подпалила,
Дай по воду пошла.
Пришла дѣвка до брода —
Ахъ! сколочена вода,
Стала дѣвка — постояла,
Пока вода устояла;
Поднялася, побрела,
Зачѣпила, набрала,
На плечики подняла,
Вострухнулась да й пошла.
Противъ милаго двора —
Сопротивилась гора —
Водицею полита,
Башмачкомъ прибита.
Разсукинъ сынъ башмачокъ,
Подвернулся каблучокъ, —
Пала дѣвка на бочокъ.
Какъ упала да й лежитъ.
Ѣдетъ кумъ и кума —
Да смѣются у глаза:
«Ой, вставай же, кума!
Разгорѣлися дрова;
А борщъ — каша у печи
Раскипѣлися,
А курицѣ на посадѣ
Раскудахталася.»

Зап. И. И. Манжура.

551.

в) Новогородской губернии.

Зародилася Груняша
Больно счастлива,
Груня талантлива.
Разохоча наша Груня
На ключь по воду ходить,
Во заворы [1]) воду лить,
Къ Алексѣю заходить,
Алексѣюшку будить:
«Встань-ко ты, Оленька Алеша!
Встань, послушай, другъ, меня:
Не сержусь я на тебя.
Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
За холодной ключевой.»
Передъ Груниным окошкомъ
Стоитъ озеро воды,
Ключевыя, свѣжія.
Алексѣй коня поилъ,
На горушку выводилъ,
Къ верeюшкѣ становилъ,
Къ колечушкѣ привязалъ,
Ко Грунюшѣ забѣжалъ,
Два словечушка сказалъ,

[1]) *Заворы* (и заваръ) — часть огорода (или загороди), изъ которой вынимаются поперечныя перекладины, называемыя заворотнями для проѣзда телѣгъ и прохода людей. Оп. обл. в. слов.

Крѣпко Грунѣ наказывалъ:
«Ужъ ты, Груня, Аграфена,
Стереги моего коня,
Чтобы не сорвалъ повода, 2
Не сломалъ бы стремена,
Стремена золочены,
Сѣделешко точено
Кольца позолочены.
— Я заплáчу, зарыдаю,
Тяжелехонько вздохну,
Я писемцо напишу.
Напишу я грамотку
На атласѣ бархату,
На гербовомъ листу.
Отошлю я граматку
Въ Сибирь городъ батюшку,
Ко рожённой матушкѣ:
«Ты, родная моя мать!
Позволь дочери гулять».
— Гуляй, гуляй, дитятко,
Доколь волюшка своя,
Не расплетенная коса.
Какъ расплетется коса, —
Всѣ отступятся, отстанутъ,
Любить дѣвицу не станутъ.

Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

552.

г) Рязанской губерніи.

Деревня, деревня,
Четыре двора 2
Изъ воротъ въ ворота,
Въ той-ли, во деревнѣ
Мой миленькій живетъ,
Онъ живетъ, живетъ, —
Онъ не знается, 2
Не видается.
Ужь и я то молода,
Зла, догадлива была.
Я, взявши ведерки
Въ плечь, по воду пошла.
Я по воду иду, иду,
Радость пѣсни пою,
Съ водой иду, иду,
Прищелкиваю,
Я ведерки становила,
Съ милымъ рѣчь говорила:
«Ахъ что же ты за милъ,
Вечоръ долго не былъ?»
— А за тѣмъ, за семъ, сударушка,
Замѣшкался.
Я меты металъ,
Всѣ прометы прометалъ,
Я въ карты игралъ,
Шестьдесятъ рублей проигралъ
Купилъ вина
На четыре рубля.
— Бочка съ медомъ качается,
Гости съ боярами
Съѣзжаются.

Зап. мною отъ Молчанова.

553.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Өедорцово.

Я молода одинокая была.
Сама печь топила,
Само поводу ходила,
Я по воду, воду, воду
На Самарову рѣку.
На Самаровой рѣкѣ
Гуси сѣрыя сидятъ,
Воду свѣжую мутять.
Сомутили, сомутили
Воду свѣжую съ пескомъ.
А я, молода, догадлива была, —
Поставила ведерочки
На тоненькій ледокъ,
На шелковенькій платокъ.
Постояла молода, —
Простоялася вода,
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
Узнала, пошла,
На гору взойшла.
На той на горѣ,
На той на крутой
Стоитъ кумъ съ кумой,
Еще кумова жена.
«Здравствуй, кумушка моя!
Давноль ты со двора?»
— Сходите-ко ко дому;
Что дѣлается на двору:
Одинъ *печокъ* у печи.
Подорвался кипучи,
А другой на полу
Позавидовалъ тому,
Середніи горшечки
Понаплакалися.

Зап. мною.

554.

Тульской губ.

«Старики наши старые
У васъ бороды сѣдые

Усы стриженные.
Вы не хлопайте усами
Шевелите бородами.»
Бородами шевелять,
Господина веселять:
«Господа наши бояре
Не разсудливые.
Не разсудять того дѣла,
Чего дѣвка захотѣла.
Захотѣла красна дѣвка
По улицѣ погуляти.
— По улицѣ по широкой
Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой.
За ей парень молодой. 2
За ей парень, словно баринъ
Кричить дѣвицѣ: «Постой!
Пойдемъ вмѣстѣ за водой
На матушку на Неву.»
— На матушкѣ на Невѣ
Гуси лебеди сидять
Воду свѣжую мутять.
Размахнулась широко,
Почерпнула глубоко,
Подняла, пошла,
На круту гору взошла, —
Сочинилася бѣда:
Расплескалася вода,
Загорѣлась слобода.
Съѣзжалися господа
Дивилися на пожаръ:
«Что это за пожаръ,
Что не жарко горить
Да не вспыхиваить?
Ужь и что это за мужъ,
Что жены своей не бьеть?
Тутъ и мило не живеть.
Ты и бей жену къ обѣду
И къ ужину еще,
Чтобы щи были горячи,
И лапша хороша,
Каша масляниая,
Жана ласковая.»

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

555.

Вологодской губерніи, Тотемск. у.

Посылали молодицу
Подъ горúцу
По водúцу.
Я въ кáлину,
Я въ мáлину
Я хочу — пойду,
Хочу — нéпойду,
Я въ кáлину
Я въ мáлину!
Еще ведро велико,
Вода далеко,
Носить тяжело.
Бѣло бѣлило
Сонцóмъ запецеть,
Алыя, румяныя
Вѣтромъ выбухаеть.
А мнѣ свекоръ грозить
Право тѣмъ да и семъ:
И сыномъ-то своимъ,
А мужемъ-то моимъ,
Свекрова гроза
Мнѣ не пылка дана.

Зап. мною въ Витебскѣ отъ бывшей дворовой дѣвушки — уроженка означен. уѣзда.

556.

Тверь.

Ночка-ль ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная, —
Осенняя, долгая.
Молодая молодка,
Молоденькая,
Головка твоя
Побѣдненькая.
Не съ кѣмъ мнѣ, молодкѣ,
Ночку ночевать,
Ночку ночевать,
Осеннюю коротать.
Лягу спать одна
Безъ мила дружка.
Обуяла грусть тоска.
— Грусть-тоска беретъ,
Далеко милый живетъ.
Далече, далече,
Не близко ко мнѣ;
Не близко ко мнѣ —
На той сторонѣ.
Ходитъ мой милой
Тою стороной,
Машетъ мой милой
Правою рукой.
Правою рукой,
Шляпой пуховой:
«Перейди, сударушка,
На мою сторонушку!»
— Я бы рада перешла, —
Переходу не нашла.

Переходъ нашла, —
    Жердочка тонка.
Тонка, тонка, — гнется,
    Боюсь переломится.
Знать-то мой милой
    Съ иной водится.
Жердочка тонка,
    Рѣчка глубока.
Въ этой во рѣчкѣ
    Купался боберъ, —
Купался, купался,
    Не выкупался,
На горку взошелъ,
    Весь вымарался,
Подъ горку сошелъ, —
    Отряхивался.
Лисица добра:
    Будила бобра:
«Ты вставай, боберъ,
    Ты вставай, молодой!
Охотники свищутъ:
    Тебя, бобра, ищутъ.
Хотятъ бобра бить,
    Хотятъ застрѣлить;
Машѣ шубу сшить
    Бобромъ опушить,
На фабрику ходить —
    Бумажку мотать,
Бумажку мотать,
    Въ Москву отсылать.»

Зап. мною въ 1857 г. отъ извозщика Григорья. Ср. у Сахар. Сказ. р. н., т. I, стр. 95, № 24.

557.

Тульской губернiи, Епиф. у.

На базаръ Маша ходила:
Чеботы себѣ купила,
Три полтины заплатила,
На босу ногу посила;
Бѣлу пшонушку молола,
Черный куколь выбирала,
На чужу межу бросала,
Чеботами притоптала —
И сама туда попала,
Перепелкой закричала.
Какъ ѣхали бояре —
Перепелочку поймали:
Со руками, со ногами,
Со буйной головой.

Зап. мной отъ бывшей дворовой.

558.

Въ окрестности Твери, въ дер. Назаровкѣ.

Я посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку.
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная разсадушка.
Пошлю казака по воду, —
Ни воды нѣтъ, ни казаченька.
Кабы мнѣ, младой, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Скакала, плясала по лугамъ,
Съ Донскимъ, съ молодымъ казакомъ,
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

Зап. мною въ 1857 г. отъ извощика.

559.

Иркутской губернiи, Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское (на Ангорѣ).

Я по горенкѣ хожу —
    Милова не вижу

—

Разъ, два, три, четыре.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, — съ повторенiемъ 2-го).

—

Милова не вижу, —
    Голосочекъ слышу,

—

Голосочекъ услыхала,
    Возлѣ мила *сяла.*

—

Я немножко посижу,
    На мило́ва погляжу,

—

За праву ручку возьму,
    По горенкѣ проведу.

—

По горенкѣ проведу,
    Танцовать заставлю:

—

Потанцуй малешенько,
    Поцѣлуй милешенько.

—

Я немножко танцовала,
    Малешенько цѣловала

—

Разъ, два, три, четыре!
Малешенько танцовала.

Изъ рукоп. сборника бывшаго учит. Тобольск. морск. училища Н. Суханова. Сообщ. Этн. от. И. Об. Л. Е., А. и Э.

560.

Владимірской губерніи, г. Шуя.

Дай по травкамъ, по муравкамъ,
Дай по лѣтніимъ дорожкамъ,
Ходилъ, гулялъ холостъ не женатый,
Не женатый, выжеватый
А на встрѣчу молодому,
А на встрѣчу холостому
Идутъ старыя старушки,
Стары женки, старобразы.
Старобразы рѣчь говорятъ,
Рѣчь говорятъ, слово молвятъ:
«Давай, молодъ, поиграемъ,
Душа радость, потанцуемъ!»
— Не хочу съ вами играти,
Не хочу я танцовати:
Мои ножки не топаютъ,
Бѣлы ручки не щелкаютъ, 2
Очи ясны не взираютъ.
— Дай по травушкамъ, по муравкамъ,
Дай по лѣтніимъ дорожкамъ,
Ходилъ, гулялъ холостъ, не женатый,
Не женатый, выжеватый.
А на встрѣчу молодому.
А на встрѣчу холостому
Идутъ красныя дѣвочки;
Красны дѣвки рѣчь говорятъ,
Рѣчь говорятъ, слово молвятъ:
«Давай, молодъ, поиграемъ,
Душа радость, потанцуемъ!»
— Я готовъ съ вами играти,
И готовъ я танцовати,
Мои ножки затопали,
Бѣлы ручки защелкали,
Очи ясны завзирали,—
Сударушекъ увидали,
Сударушекъ красныхъ дѣвушекъ.

Зап. мною въ 1873 г. отъ деревенск. парня.

561.

Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Какъ у нашихъ у воротъ
Росла шелкова трава.

—

Ой, калина моя,
Ой, малина моя!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Шла молодка молода,
За ней баринъ удалой.

—

«Пойдемъ вмѣстѣ мы съ тобой
До горенко до новой.

—

Никого-то дома нѣтъ,
Только поваръ, еще я,

—

Только поваръ, еще я,
Еще вѣрная слуга.

—

Но я повара, лакея
Во Сибирь—городъ сошлю,

—

А тебя, моя милая,
На кроватку посажу,

—

На кроватку посажу,
Что хочу, то и творю:

—

Нѣтъ суда на насъ большаго,
Нѣтъ отвѣта никакого

—

Что хочу, то и творю,—
Рубль цѣлковый подарю.»

—

— Мнѣ нельзя, нельзя, младенькѣ,
Рубль—цѣлковый получить;

—

Спроситъ батька, спроситъ матка:
Гдѣ-же, дѣвка, ты была?

—

«Ты скажи, моя милая,
Что ты въ лѣсикѣ была,

—

Грибы, ягоды брала,
На цѣлковый набрала.

—

Ой, калина моя,
Ой, малина моя!

Зап. С. Н. Рачинской.

562.

Самарской губерніи.

«Пройди, Катя, горенкой,
Топни правой ноженькой!»
— Я бы рада топнути,
Да боюся батюшки,
Опасаюсь матушки.
Я скажу, что не могу
Платкомъ голову свяжу,
По горенкѣ похожу,
Погорюю, потужу,

Въ окошко погляжу, —
Что увижу-не скажу.
На улицѣ ярица,
На дворѣ метелица.
Какъ не ярица вьетъ,
Не метелица мететъ —
А холодная роса льетъ,
По росѣ милой идетъ,
За собой дѣвокъ ведетъ,
Вина стклянницу несетъ.
У него стклянница чужая,
Вино краденое;
Въ домѣ кладенная.
Говорила Катѣ мать:
«Полно, Катенька, гулять!»
— Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять!
Когда я мала была —
На что волюшку дала?
Я теперича велика —
Я уважу человѣка,
Я уважу дружка
Семіонушка:

—

«Ужъ ты Сеня Семіонъ,
Не ходи-ка по сѣнямъ,
Ты не топай ногой,
Не мотай-ка головой, —
Мнѣ не быть за тобой!
А мнѣ быть, молодой,
За Иваномъ Кудряшомъ.
У Ивана Кудряша
Нѣту денегъ ни гроша, —
Одна слава хороша.

Зап. Д. В. Садовниковымъ.

563.

а) Новогородской губерніи, Кирил. у.

«Катя маленькая,
Катя удаленькая!
Пройди, Катя, горенькой,
Топни правой ноженькой».
— Рада, рада-бы пройти,
Рада топнути —
Боюсь, боюсь батюшки,
Опасаюсь матушки.
Не боюсь я злыя скуки,
Боюсь горькія разлуки.
«Отойди прочь, — не люблю
Я грека (?) полюблю.
Платкомъ голову свяжу
По горенькѣ похожу, 2
Въ окошечко погляжу.
Я во толи въ окошечко,
Во косящатое,
Я во толи во стеколышко,
Во рѣшетчатое:
На улицѣ е́лица
За дворомъ метелица.
Что не елица вьетъ,
Не метелица мететъ, —
Холодную росу вьетъ,
Короводъ дѣвокъ ведетъ
Одна дѣвица *рѣчлива*
Съ парнемъ рѣчи говорила:
Ты носи кафтанъ съ борами, —
Легче бѣгать по полямъ,
Кушачекъ-то бѣлъ-сырецъ.
Носи шапочку съ кисьми,
Отъ сударушки съ *висьми.*
У меня у молодыя.
Есть батюшка старъ —
На палатцяхъ спалъ,
Прибужаться сталъ,
Пошевеливаться,
Окошеливаться.
«Ужъ ты, дочь моя родная;
Выдувай вскорѣ огня:
Подъ окошечкомъ
Кто-то стукается,
Кто-то брякается.»
— Подъ окошечкомъ
Сѣра кошечка.
Отворить-ли младѣ окно?
Запустить сѣра кота?
Котъ по полу идетъ, —
Половицы скрыпятъ,
Переводины трещатъ.
«Котъ, брысь, уберись!
На кровать спать завались,
Въ одіяла увернись,
Кошка лапкой обнимись».

Зап. учит. удѣльн. училища. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

564.

б) Тульской губерніи.

Ужъ и батька старъ
На палатяхъ спалъ, 2—
Пробуждаться сталъ.
«Ужъ и дочь родна,
Ты вздуй огня!»
—Ужъ не чортъ-ли тебя
Батюшка спрашиваетъ?
Сѣрой кошечкой
Подъ окошечкой.
«Ужъ и брысь, повались,

На перину завались,
Подъ-дѣяло схоронись!»
Ой не горе горевать?
— Не куды кота дѣвать.
Посажу кота въ подолъ,
Понесу кота на дворъ,—
Кину, брошу на заборъ.
Ужъ и котъ побѣжалъ —
Весь заборъ задрожалъ,
Всѣхъ телятъ перепугалъ,
И маленькихъ ребятъ.

Зап. мною.

565.

Псковской губерніи, Порховск. у.

У воротъ, у воротъ
Воротъ батюшкиныхъ,
Что съ подъ этихъ воротъ
Стоитъ озеро воды.
Съ берега на травкѣ
Молодецъ коня поилъ,
Коня воронова,
Кругомъ кованова.
Конь воды не пьетъ,
Самъ копытомъ въ землю бьетъ.
Изъ копытъ руда идетъ, 2
Молодца горе беретъ,
Что на этомъ на конѣ
Нельзя пашни пахать,
Полоски борновать.
— Я на пашню найму,
— За работу заплачу.
Я посѣяла ленку
Кругъ дорожки, кругъ боркý.
Уродился ленокъ
Тонокъ, долокъ и высокъ:
Изъ коренья коренистъ,
Изъ головокъ головистъ.
Что на этомъ на ленку
Три дорожки пролегло,
Три мальчишки пробѣгло.
Я не знаю какъ быть, —
Съ трехъ котораго любить:
Какъ женатаго любить?
Какъ женатаго любить —
Худу славу нажить;
Офицера полюбить —
Надо щегольно ходить;
Холостаго полюбить —
Самопряхой надо быть.
Вотъ я въ суточки по ниточкѣ,
Въ недѣлю рушничокъ.
Поставила станокъ —
Съ мясоѣда до толòкъ:
Что съ подъ набилъ, съ подъ нитей
Кура вывела дѣтей —
Девяносто пѣтуховъ,
Курицъ весемьдесятъ.
Пѣтухи-топоютъ,
Куры торòщутся,
Гулять просются:
«Ты пусти, пусти, хозяюшка,
На улицу погулять,
Шелковой травы порвать,
Ключевой воды попить,
Съ тоски малаго забыть.
Курица на улицу
Сама съ тоски пойдетъ».
Проведу я милòва
Дàли Порхова, дали Питера.
Посреди Москвы разставалися —
Какъ вси купцы сдивовалися:
Что не братъ съ сестрой,
И не мужъ съ женой —
Удалой молодецъ
Съ красной дѣвушкой, 2
Палагеюшкой.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

566.

а) Калужской губерніи, Мещовск. у., с. Воскресенское.

Я по бережку похаживала,
Чернобыльничикъ заламливала,

—

Ай жги, жги, говори!
Чернобыльничикъ заламливала.

—

(Такимъ образомъ и далѣе припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ втораго).

«Ай вы гуси, гуси, лебеди мои,
Ай вы гуси, гуси, лебеди мои!

—

Да и всѣ ли вы паплавалися?
А я, млада, на васъ наплакалася.

—

На чужой на сторонушкѣ,
На чужихъ молодцевъ глядючи.

—

А какъ мой-то мужичоночка,
Онъ и весь-то съ кулачоночка.

—

Какъ и всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ соболи, бобры.

—

Ай жги, жги, говори,
Покупили женамъ соболи, бобры.»

Зап. мною со словъ И. Я. Одинцова.

567.

б) Калужской губерніи, Малояросл. у., с. Костино.

1. Я по бережку похаживала,
2. Гусей сѣрыхъ я загонивала

—

3. Тега, гуси, тега сѣрые мои!
4. Не пора ли вамъ наплаваться?
5. Ужъ и мнѣ, младой, наплакаться?

—

6. Наплакалась, нарыдалася:
7. Давно съ милымъ не видалася.

—

8. Погоню я гусей сѣрыихъ домой, —
9. Мнѣ на встрѣчу шелъ дѣтина молодой.

—

10. Онъ молоденькій, хорошенькій,
11. Онъ сталъ со мной заигрывати:

—

12. На рѣзвы ножки наступливати:
13. За бѣло лицо похватывати.

—

14. «Не играй со мной, дѣтинка молодой!
15. Не хватай меня за бѣлое лицо!

—

16. Моя матушка догадливая:
17. Приду домой — догадается:

—

18. Приду домой догадается,
19. Отъ чего лицо разгарается:

—

20. Либо съ пива, либо съ зелена вина,
21. Либо сладенькую водочку пила.

—

Сладка водочка анисовая,
Тесова кровать расписаная.

—

Тесова кровать расписаная,
Расписаная, разрисованная,

—

Занавѣсочка узорчатая, —
Красна дѣвица уборчатая,

—

Красна дѣвица уборчатая,
Уборчатая, разговорчатая.
Тега, гуси, тега, сѣрые мои!

Зап. Е. Г. Дурново.

568.

в) Тульской губерніи, Новосильск. у.

2. Чернобылъ — траву заламывала,
3. Гуси, лебеди загонивала
4—5. Вы ужоль, гуси, наплавалися,
Я на васъ глядя, наплакалася.
8—9. Я гоню, гоню гусей сѣрыихъ домой,
А на встрѣчу офицеръ молодой
10. Онъ и сталъ со мной заигрывати,
11. За бѣло лицо похватывати
12. Мое личико разгарчивое,
13. Разгарится — невоймется и т. д.
20. Либо съ пивца, либо съ полпивца
21. Съ сладкой водочки анисовой
Кроватушки расписаной;

Затѣмъ продолжается такъ:

Хозяюшка разнаряженная,
На кроватку спать ложилася:
Куда ручка, куда поженька,
Куда буйная головушка.
Моя буйная головушка
Ко милу дружку на рученьку.

Зап. сельск. учит. г. Шумилинымъ.

569.

Тверь.

Какъ во полюшкѣ рябинушка стоитъ,
Подъ рябинушкой тропинушка лежитъ,
По тропинушкѣ дѣтинушка бѣжитъ,
Дѣтинушка удалой молодецъ.
Онъ всю травушку-муравушку примялъ,
Всѣ лазаревы цвѣточки посорвалъ.
Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить,
Много злата, много серебра носить,
Безъ расчету золотой казной дарить,
Безъ аршинца камочки отдирать.
Ты камочка, камочка моя!
Ты камочка, мелкотравчатая,
Мелкотравчатая, узорчистая!
Не давайся ты, камочка моя,
Ни простому, ни боярину,
Ни тому сыну гостинному.
Ой, гостинный-то сынъ волюшку беретъ,
Красну дѣвушку за ручушку ведетъ.

. . . . [1])
Ой голудьба, удалой молодецъ!
У голудьбы столбы точеные,
Вереюшки позолоченыя.
Подворотянка стекольчистая,
У воротинки бѣлъ камушекъ лежитъ,
Изъ подъ камушка быстра рѣчка течетъ,
А по рѣчушкѣ судёнушко плыветъ,
Во суденушкѣ немножко людей,
Да и съ ними красна дѣвушка сидитъ.

Изъ стариннаго семинарскаго рукописн. сборника.

570.

а) Тульской губерніи.

Эта пѣсня поется самодергой, т. е. скороговоркой.

Ой самодерга, ой самодерга! [2])
Самодерга дома нѣту, 2
Ой дома нѣту! 2
Самодерга у сосѣда, 2
Ой у сосѣда, 2
У сосѣда во бесѣдѣ, 2
Ой во бесѣдѣ. 2
Кума къ кумѣ приходила, 2
Ой приходила, 2
Рубашечки она просила, 2
Ой да просила: 2
«Кума, кума, дай рубашку, 2
Ой дай рубашку! 2
Хоть худую, да льняную, 2
Ой да льняную, 2
Со долгими рукавами, 2
Ой съ рукавами,
Съ кумачными полика́ми, 2
Ой съ поликами!» 2
— Ай нужъ, кума, провалися, 2
Ой провалися! 2
Сама пряди, не лѣнися, 2
Ой не лѣнися, 2
Съ кѣмъ не надо, не водися, 2
Ой не водися. 2
«Я бы рада не лѣнилась, 2
Ой не лѣнилась, 2
Да льнянишка не родилось, 2
Ой не родилось, — 2
Хоть родилось, не годилось, 2
Ой не годилось.»

Сообщ. С. И. Карѣевой.

571.

б) Самарской губерніи.

Самодерга, самодерга,
У сосѣда во бесѣдѣ.
Полагеи дома нѣту,
Полагея выбѣгала,
Выбѣгала за вороты, —
Три замочка отпирала,
Веретенъ выбирала.
Тоны, тоны, веретёны,
Веретены не точены.
Кума, кума дай рубашку!
Хоть худую да льняную
Съ долгими рукавами,
Съ красными кушаками.
— Кума, кума! отстань, провались! —

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

572.

а) Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

Ужъ ты ковыль, ковылечекъ! 2
Ковалекъ (2) ковалечекъ. 2
Ужъ ты кумъ мой, куманечекъ, 2
Куманекъ (2) куманечекъ. 2
Мы поѣдемъ въ городочекъ, 2
Въ городокъ (2), въ городочекъ. 2
А мы купимъ топорочекъ, 2
Топорокъ (2) топорочекъ. 2
Мы поѣдемъ во лѣсочекъ, 2
Во лѣсокъ (2), во лѣсочекъ, 2
Срубимъ зеленый мы дубочекъ, 2
Мы дубокъ (2) мы дубочекъ. 2
Сдѣлаемъ Донѣ холодочекъ, 2
Холодокъ (2), холодочекъ, — 2
Чтобы Донюшка не горѣла, 2
Не горѣла (2), не горѣла. 2
Животъ, сердце не болѣло, 2
Не болѣло (2), не болѣло. 2

Зап. М. А. Баскаковой.

573.

б) Рязанской губерніи.

Коваль, коваль, ковалечекъ! 2
Ковалекъ, ковалекъ, ковалечекъ,
Ковалекъ, ковалекъ, ковалечекъ!

---

[1]) Отсюда, какъ видно, идетъ приставка изъ другой пѣсни, не состоящей въ связи съ предыдущей, развѣ только сходствомъ музыкальнаго мотива. Ш.

[2]) Самодерга — а) шерсть, которая сваливается весною съ овецъ клочьями, когда ея не стригутъ; б) дѣвица, которая любитъ охарашиваться, обдергиваться передъ зеркаломъ. Слов. Даля.

Коваль миленькій дружечекъ! 2
Ты дружокъ, ты дружокъ, ты дружечекъ.
Скуй мнѣ, коваль, топорочекъ!
Топорокъ, топорокъ, топорочекъ, 2
Поди, коваль, во лѣсочекъ, 2
Во лѣсокъ, во лѣсокъ, во лѣсочекъ, 2
Сруби, коваль, мнѣ дубочекъ!
Мнѣ дубокъ, мнѣ дубокъ, мнѣ дубочекъ. 2
Сострой, коваль, мнѣ домочекъ! 2
Мнѣ домокъ, мнѣ домокъ, мнѣ домочекъ! 2

Сообщ. г-жею Л.

574.

Вятской губерніи.

Маленькій мальчикъ
Ай въ горенкѣ сидѣлъ,
Въ горенкѣ сидѣлъ, 2
Ай въ окошко глядѣлъ,
Въ окошко глядѣлъ
Въ окошко, въ окошечко
Ай въ косящатое,
Въ косящатое.
На полѣ поѣхалъ,
Ай, сѣмена забыты,
Сѣмена забыты.
Съ поля воротился,
Ай за уголъ задѣлъ,
За уголъ задѣлъ, 2
Ай зазнобу запѣлъ,
Зазнобу запѣлъ:
Зазноба, зазнобушка
Ай твоя и моя,
Твоя и моя, 2
Ай дѣвонюшкина —
Дѣвонюшкина.
У дѣвушки глазенки —
Ай черны веселы,
Черны веселы.
У молодыя глазенки
Ай заглядчивые,
Заглядчивые.
Заглядѣлись мои глазенки
Ай туда и сюда,
Туда и сюда 2
Ай въ зелены сада, —
Въ зелены сада.
Во зеленомъ во садикѣ
Ай дорожка торна,
Дорожка торна. 2
Ай тропка пролегла,
Тропка пролегла.
На этой на тропинкѣ
Ай молодцовъ толпа,
Молодцовъ толпа, 2
Ай дѣвокъ хороводъ,
Дѣвокъ хороводъ.
Дунюшка удала,
Ай за гульбой пошла,
За гульбой пошла.
За гульбой, за гульбой,
Ахъ, ахъ, за охотою,
Ай за охотою.
За охотою своей волею,
Своей волею. 2
Полюбила Дуня молодца
Ай двадцати двухъ лѣтъ, 2
Двадцати двухъ лѣтъ.
А сама сорока́, сорока́, —
Ай сорока́, сорока́.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

575.

Московской губерніи, г. Коломна.

Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки походя поговариваютъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулятъ.
Въ старыхъ корысти-то нѣтъ,
Только ихъ дѣло на печи лежать.
Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки походя поговариваютъ,
Молодымъ молодкамъ плеть сулятъ.
Та-ли-то плеть о семи хвостахъ,
Первый разъ ударитъ она — семь рубцовъ,
Другой разъ ударитъ — четырнадцать,
Третій разъ ударитъ — двадцать одинъ.
Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки походя поговариваютъ,
Краснымъ дѣвушкамъ хворостину сулятъ;
Та-ли хворостина въ лѣсу не выросла,
Хоть выросла, да не вывезена.
Мнѣ, красной дѣвушкѣ, битой не быть.

Сообщ. А. Н. Островскимъ. Зап. по его порученію.

576.

Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское (на р. Ангарѣ).

У Сенюшки Семена,
У Семена молодца,
У сына Васильевича
Уродилась дочка,
Дочка ягодка красна, —
Въ зеленомъ саду зросла,
При дорожкѣ разсвѣла, —

При дорожкѣ при путѣ,
При всей красотѣ.
Аленькой, аленькой,
Мохровой цвѣтокъ!
Миленькой, миленькой,
Сердешной мой дружокъ!
Не въ любви со мной живетъ
И не въ совѣтѣ говоритъ.
Сполюбилася, сполюбилася
Дѣвица молодцу, пріобычилася.
Я со этою любовью, дѣвка,
Шуточки шутила:
Перву шутку пошутила —
Парню на ногу ступила;
Другу шутку-то пошутила —
Праву ручку подавила.
Третью шутку пошутила
Съ милымъ рѣчи говорила,
По харѣ оплела,—
Харитономъ назвала:
Харя, Харя, Харитонъ!
Не шути со мной потомъ.
Есь у меня другъ получше тебя, —
Другъ получше, почище, повѣжливѣе,
Повѣжливѣе, посчесливѣе:
Онъ выше плечомъ,
И красивѣе лицомъ.
За себя слово замолвитъ,
За меня два-три.

Зап. бывш. учителемъ Тобольск. Морскаго училища Ив. Сухановымъ. Сообщ. Этногр. Отдѣл. И. О. Л. Е., А. и Э.

577.

Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Я подумаю, погадаю
Ой люли, люли! погадаю,

(Такъ и далѣе повторяется припѣвъ послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ послѣдняго его слова).

Головой своей покачаю:
Ахъ за что меня люди любятъ?
Ахъ за что меня уважаютъ?
— Я у матушки дочь едина,
Я у батюшки дочь игрива.
Всю-то ноченьку прогуляла,
Золоты ключи потеряла.
Находили ключи ребята,
Все ребятушки удалые,
Не женатые, холостые.
Ну, да кто-жъ у насъ холостъ ходитъ?
Ну, да кто-жъ у насъ неженатый?
— Николай у насъ холостъ ходитъ,
— Да Андреевичъ неженатый.
Ну, пущай себѣ холостъ ходитъ,
Ну, пущай себѣ дѣвокъ любитъ.
У насъ дѣвушки всѣ малешёньки,
У нихъ ленточки все алешеньки, —
Ой люли, люли! — все алешеньки.

Зап. С. Н. Рачинскій.

578.

а) Тверской губерніи.

Сговорила меня мать
За солдатика отдать.
«Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за солдатика!
Будь онъ унтеръ рядовой —
У него лишь хлѣбъ съ водой.
Часто пивомъ, медомъ поитъ,
Торговать на рынокъ водитъ!
Нейду, нейду, матушка, 2
Замужъ за солдатика!» 2

—

Сговорила меня мать
За кузнечика отдать.
«Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за кузнечика!
Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
Самъ въ сажѣ — чортъ какъ чортъ,
Часто въ кузницѣ бываетъ, —
Неравно онъ замараетъ.
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За поповича отдать.
«Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за поповича:
Будь онъ дьяконъ, или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Стрѣлы водитъ по ночамъ, —
Не дастъ спать моимъ очамъ. [1])
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать —
За купца было отдать.
«Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за купчика:
Купецъ воръ, обманщикъ, плутъ,

---

[1]) Вар. Попы рано встаютъ,
Попы громко поютъ.

Черезъ годъ, можетъ, банкрутъ, —
Его возьмутъ въ тюрьму,
А я по міру пойду.
— «Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За боярина отдать.
«Иду, иду, матушка,
Замужъ за боярина:
Жизнь боярская — что твой рай,
Только знай себѣ гуляй, —
Въ клубъ, театръ, на балъ катайся,
Или дома забавляйся, —
Я боярина люблю,
Замужъ за него пойду.
Иду, иду, матушка, 2
Замужъ за боярина.»

Сообщ. А. В. Соколовымъ.

579.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

Надъ рѣкой дѣвка стоитъ,
Сама плачетъ говоритъ:
«Эка я несчастная,
Дѣвка безталанная!
Сговорила меня мать
За боярина отдать.
— «Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за боярина!
Бояринъ-то охотничекъ:
Собаки-то у него борзыя
А лакеи босые.»

—

Сговорила меня мать
За крестьянина отдать.
— «Нейду, нейду, матушка,
Замужъ за крестьянина.
Крестьянинъ-то, матушка,
Много земли пашетъ,
Деньги пропиваетъ.»

—

Сговорила меня мать
За подъячаго отдать.
— «Иду, иду, матушка,
Замужъ за подъячаго:
Какъ подъячій-то писать,
А я денежки считать.»

Сообщ. М. С. Олениной.

580.

в) Тульской губерніи.

Сговорила меня мать
За крестьянина отдать.
«Нейду, нейду, маменька,
Замужъ за крестьянина:
Съ крестьяниномъ жить — трудиться,
Рано встать, поздно ложиться,
Сѣно косить, жито жать,
Съ требухой (?) въ овинъ сажать.
— Нейду, нейду, маменька,
— Замужъ за крестьянина.»

—

Сговорила меня мать
За сапожника отдать.
«Нейду, нейду, маменька,
Замужъ за сапожника:
Сапожникъ воръ, буянъ,
Съ утра до вечера пьянъ,
Жену моритъ голодомъ,
Заморозитъ холодомъ.
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За солдатика отдать.
«Нейду, нейду, маменька,
Замужъ за солдатика:
Солдатъ — хоть будь строевой, —
Съ нимъ всегда ѣшь хлѣбъ съ водой;
Часто пивомъ, медомъ поитъ,
Торговать на рынокъ водитъ.
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За купчика отдать.
«Нейду и т. д.
Купецъ гадкій воръ и плутъ,
Черезъ годъ будетъ банкрутъ,
Его посадятъ въ тюрьму,
А я по міру пойду.
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За поповича отдать.
Нейду и т. д.
Будь онъ дьяконъ, или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ:
Съ требой ходитъ по ночамъ, —
Не дастъ спать моимъ очамъ.
— Нейду» и т. д.

—

Сговорила меня мать
За штабъ-лекаря отдать.
Нейду и т. д.

Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ:
Смотри въ спиртъ, да на ланцетъ;
Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
На тотъ свѣтъ меня отправитъ.»
— Нейду» и т. д.

Сговорила меня мать
За боярина отдать.
«Иду, иду, маменька,
Замужъ за боярина:
Жизнь боярина — что твой рай,
То и дѣло, что гуляй, —
Въ клубъ, на балъ,
Въ театръ катайся,
Или дома забавляйся.
— Иду, иду, маменька,
Замужъ за боярина.»

Зап. учен. VII кл. гимназіи г. Горошковскимъ.

581.

г) Той же губерніи, Епифанск. у.

Захотѣла меня мать
За Ивана отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Ивана въ саду яма,
Завсегда я буду тамо.»
Захотѣла меня мать
За Степана отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Степана три стакана,
Завсегда я буду пьяна.»
Захотѣла меня мать
За Филипа отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Филипа въ саду липа,
Завсегда я буду бита.»
Захотѣла меня мать
За кошатника отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
Кошатникъ кошекъ драть,
А мнѣ ножки держать.»
Захотѣла меня мать
За боярина отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
Какъ баринъ крестьянъ бить,
А мнѣ милости просить.»
Захотѣла меня мать
За писаря отдать, —
«Иду, иду, маменька,
Иду и подумаю:
Какъ писарь писать,
А мнѣ деньги считать.»

Зап. мною отъ солдатки Лукерьи въ 1864 г. Ср. Полное собран. Россійскихъ пѣсенъ. М. 1780, ч. II, 179.

582.

Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

Тутъ утицы летѣли, —
Сизы крылышки гремѣли.

Диду, ладу!

(Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Не отдай-ка меня, мати,
За мѣщанскаго за сына!

Какъ мѣщанскій сынъ — каналья,
Онъ съ квартиры на квартиру.

Тутъ утицы летѣли —
Сизы крылышки гремѣли.

Не отдай-ка меня, мати,
За солдатскаго за сына!

Какъ солдатскій сынъ каналья,
Онъ съ мѣшечкомъ по базару.

Тутъ утицы летѣли, —
Сизы крылышки гремѣли.

Не отдай-ка меня, мати,
За поповскаго сына!

Какъ поповскій сынъ, каналья, —
Онъ съ кадиломъ по могиламъ.

Тутъ утицы летѣли, —
Сизы крылышки гремѣли.

Ты отдай-ка меня, мати,
За писаря молодова!

Какъ писарь-то будетъ писати,
А я денежки считати.

Зап. учит. Ѳед. Никифор. Барановымъ.

583.

д) Новогородской губерніи, Кирил. у.

Ночéшная почецька вся въ думѣ прошла,
Ноченьку продумала, осенню проплакала.
Думать дѣвкѣ есть чего, а любить дѣвкѣ некого:
Всѣ наши ребяты отданы въ солдаты,
Кои переженены, иные пріосталися,
Иные пріосталися, тѣ намъ не досталися.
Остальные ребятушки ушли на канаву.
Думала, подумала: кого полюбить?
Мнѣ любить Наумушка, много будетъ думушки,
Мнѣ любить Андрюшка, много будетъ дивýшка,
Мнѣ любить Егóрушка, много будетъ гóрюшка,
Мнѣ любить Иванушка, много будетъ славушки,
Мнѣ-ка дальнаго любить, ему далеко ходить,
Рѣдкое свиданьице — сердцу надсаженьице,
Сердечко надсядется, вся любовь скончается.
Мнѣ-ко ближняго любить — ближній часто бѣгаетъ,
Ближній часто бѣгаетъ, бесѣды всповѣдаетъ,
Бесѣды всповѣдаетъ, ничего не сдѣлаетъ.
Надо за рѣкой любить, надо перевозъ держать,
Надо легка лодочка, крашенное весельце,
Надо въ этой лодочкѣ, надо перевощичка,
Надо перевощичка Ванюшу хорошова,
Надо на Ванюшку красная рубашечка,
Надо на рубашечку шелкова жилеточка,
Надо на жилеточку сибирочка новая,
Надо на сибирочку кушакъ шелковый,
Надо на головушку шляпочка пуховая,
Надо на рѣзвы руки перчаточки козловыя.
Совсѣмъ добра молодца, совсѣмъ снарядили.

Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

584.

е) Тверской губерніи.

Какъ у Кати, Кати,
Да у Катеринки

—

Калина, малина,
Да у Катеринки.

(Такимъ же образомъ этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, т. е. съ повтореніемъ послѣдняго изъ нихъ).

—

Были три дочеринки —
Да все Катеринки!

—

Большая-то дочка
Задумала замужъ,

—

Да за пахарёчка,
Да за молодóва,

—

Да за молодова,
Да за холостова.

—

Средняя-то дочка
Задумала замужъ,

—

Да за рыболова,
Да за молодова,

—

Да за молодова,
Да за холостова.

—

А третья-то дочка
Задумала замужъ,

—

Да за скомороха,
Да за молодова,

—

Да за молодова,
Да за холостова.

—

Первая-то дочка
Идетъ въ гости къ матери,

—

Идетъ въ гости къ матери, —
Несетъ пирогъ мáтерой:

—

Ширины-то — этакой!
Долины вотъ — этакой!

(Показываетъ руками размѣръ).

—

Средняя дочка
Идетъ въ гости къ матери,

—

Идетъ въ гости къ матери,
Несетъ рыбу мáтеру:

—

Ширины-то — этаку!
Долины вотъ — этаку!

—

А третья-то дочка
Идетъ въ гости къ матери,

—

Идетъ въ гости къ матери, —
Несетъ гудокъ мáтерой·

—

Ширины-то — этакой!
Долины вотъ — этакой!

—

Стали пирогъ ру́шати,
Бѣлу рыбу кушати,

—

Бѣлу рыбу кушати,
А гудокъ-отъ слушати.

—

Вы послушайте, ребята,
Что гудокъ-отъ говоритъ,

—

Что гудокъ-отъ говоритъ:
Намъ жениться велитъ.

—

Велитъ стару бабу взять,
На печи въ углу держать.

—

Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить.

—

Съ киселя-то весела,
Съ молока-то молода.

Сообщ. А. В. Соколовымъ въ 1859 г.

585.

Курской губерніи, Путивльск. у.

Чарочки по́ столику похаживаютъ
Рюмочки по́ходя все рѣчь говорятъ:
Сватался-присватался къ дѣвицѣ богатый купецъ,
Сказывалъ-разсказывалъ житье-бытье,
Житье-бытье, все богатство свое:
«Есть у меня, дѣвица, семь деревень,
Есть у меня, красная, семь деревень,
Семь деревень, что съ приселочками.»
— Думаю, подумаю: пойдти ли за него?
Разумомъ раскину, — не быть дѣлу такъ!
Ты поѣдешь на море,
Меня покинешь на горе.

—

Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки по́ходя все рѣчь говорятъ:
Сватался-присватался къ дѣвицѣ богатый музыкантъ, —
Сказывалъ-разсказывалъ житье-бытье,
Житье-бытье, все богатство свое:
«Есть у меня, дѣвица, скрипочка, дудо́къ,
Есть у меня, красная, скрипочка, дудо́къ,
Скрипочка, дудокъ, балалаечка, смычокъ.»
— Думаю, подумаю: пойдти ли за него?
Разумомъ раскину — быть дѣлу такъ:
— «Ты будешь мнѣ играть,
— А я буду тебѣ танцовать.»

Зап. В. Е. Чишихинымъ.

586.

ж) Екатеринославской губерніи, Александр. у.

1. Чарочки по столикамъ прохоживаютъ,
2. Съ походомъ жизнь говорятъ.
3. Сваталъ, сваталъ дѣвицу —
4. Богатый купецъ,
5. Сказывалъ, разсказывалъ
6. Житье-бытье, богатство свое:
7. Есть у меня, дѣвушка, —
8. Семъ кораблей,
9. Есть у меня, красная —
10. Семъ кораблей —
11. Все съ товарами полнѣй.
12. Ужь я думала, подумала —
13. Пойтить за нево,
14. Съ разумомъ раскинула —
15. Не быть дѣлу такъ
16. Онъ поѣдетъ на моря,
17. Меня покинетъ на горя.

а)

Ст. 1—4.

Богатый дворянинъ.

Ст. 5—8.

Семь деревень
Все съ присёлушками.

Ст. 14—16.

Онъ поѣдетъ на войну,
Меня покинетъ молоду.

б)

Ст. 1—4.

Веселый музыкантъ.

Ст. 5—8.

Скрипица, лучокъ, 2
Свистелка, гудокъ.

Ст. 12—17.

Что быть дѣлу такъ:
Онъ будетъ у скрипочку играть,
А я буду млада танцовать.

Зап. И. И. Манжурою.

587.

а) Самарской губерніи.

Ужь ты мать моя, матушка,
Мать, бѣла лебедушка!
Ты на что меня хорошу родила,
Черноброву, приглядчивую?
Мнѣ нельзя къ обѣднѣ сходить,
Нельзя Богу молится,
Добрымъ людямъ поклонится.
А на меня-ли люди зарятся,
А попы-то запѣваются,
А дьячки-то зачитаются.
Просвирнинъ сынъ по церкви ходилъ,
Онъ тихохонько на ножку ступилъ,
Пол-осмины мнѣ просвиръ посулилъ.
Мнѣ просвиры-то хочется,
А полюбить-то не хочется.
Полюбилъ меня изъ лавочки купецъ,
Посулилъ онъ мнѣ китаечки конецъ.
Мнѣ китаечки-то хочется,
А полюбить его не хочется.
Полюбилъ меня крестьянинъ молодой,
Посулилъ мнѣ снопъ соломы аржаной.
Мнѣ соломки-то не хочется,
Полюбить его хочется.

588.

б) Самарской губерніи.

Ужъ ты бабушка келейница,
Золотая рукодѣльница!
По лѣтамъ ты дома сиживала,
Въ рѣшетѣ ты воду пашивала,
Косыремъ ты траву кашивала,
На боронѣ сѣно важивала,
На навозѣ его сушивала.
— «Ужъ ты батюшка попъ Мартынъ!
Ты возьми, возьми съ меня алтынъ
Пусти въ алтарь постоять
Богу помолиться, Спасу поклониться.»
Поклонилася, — обернулася, —
Рубашонка на мнѣ вздернулася, 2
Всѣ народы обернулися,
Православные усмѣхнулися.
Попъ-то въ уголышкѣ молитвы чтетъ,
На меня ли, рабу грѣшную,
Прямохонько плюетъ;
Дьяконъ мимо кади́тъ,
На меня, младу, глядитъ,
А дьячки-то зачитались,
Словно запинались;
Пономарь-то не звони́тъ,
Все туда же норовитъ.

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

589.

в) Новогородской губерніи, Кирил. у.

Ахъ ты мать моя, матушка!
Государыня, боярыня моя!
На что дочку хорошу родила?
Хорошу дочь ухорошивала?
Гребнемъ голову причасывала,
Русу косыньку заплятывала
И косынкой перевязывала?
Дочь къ обѣднѣ отправаживала.
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣдни идти,
Мнѣ нельзя да Богу молиться:
Всѣ попы-то запѣваются,
А дьячки-то зачитаются,
Дьяконъ ходитъ — запинается,
Пономарь Васька мѣшается.
Добрый молодецъ про то же говоритъ:
Эта чья дочка хорошая стоитъ,
Хорошая дочка, счастливая?
И таланливая дочь, обманчивая.
Не равно ей замужъ выйдется,
Не равенъ злодѣй навяжется,
Старый, либо малый попадетъ:
Либо пьяница, пропоица,
Либо пьяница дуракъ.
Съ дураками дуракъ знается,
Дураками забавляется;
Не отпуститъ меня бѣдну
На улицу погулять, —
На улицу погулять,
У веселыхъ хороводовъ постоять:
Въ хороводѣ парень на ногу ступилъ.
Молодой бурлакъ ленту подарилъ.
Онъ за ленту три годика ходилъ,
На четвертый печаль наложилъ
Вдоль по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Вдоль по крутому бережку,
На калиновомъ на мостикѣ,
На ракитовомъ на кустичкѣ
Соловеюшко пѣсенки поетъ,
Молодой воръ наговариваетъ:
Погуляйте-ко дѣвушки,
Походите, молодушки,
Пока въ волюшкѣ батюшковой,
Пока въ нѣгушкѣ матушкиной.

Зап. сельск. учителемъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

590.

г) Тульской губерніи, г. Епифань.

1. Свѣтитъ, свѣтитъ мѣсяцъ
2. Далеко, не близко, —

---

3. То-то люли, то-то люли,
4. То-то люлюшки мои!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія).

—

5. Далеко, — не близко,
6. Высоко, — не низко.

—

7. Какъ во́ полѣ, полѣ
8. Дѣвка просо полетъ,

—

9. Дѣвка просо полетъ,
10. Бѣлы руки колетъ.

—

11. Жалко мнѣ дѣвицы, —
12. Снялъ бы рукавицы,

—

13. Снялъ бы рукавицы,
14. Подарилъ бы ихъ дѣвицѣ:

—

15. Пускай просо полетъ,
16. Бѣлыхъ рукъ не колетъ

—

17. Зашлю къ ней свата, —
18. За себя посватать.

—

19. А попъ-то не вѣнчаетъ, —
20. За сыночка чаетъ,

—

21. А дьяконъ не служитъ, —
22. По дѣвицѣ тужитъ.

—

23. А дьячокъ-то говоритъ,
24. Самъ за сына норовитъ;

—

25. Понамарикъ не поетъ, —
26. Грусть тоска его беретъ.

—

27. «Поѣдемъ-те, братцы,
Да въ лѣсъ по охоту,

—

Наловимъ-те, братцы,
Разныхъ звѣрковъ много,

—

Убьемъ-те звѣрковъ, братцы, —
Всѣмъ-то имъ по звѣрю:

—

Попу-то — куницу,
Дьякону — лисицу,

—

А дьячку-то бѣдному —
Бѣлу горностайку,

—

Понмарю-то горюну —
Хоть сѣраго зайку,

—

Просвирнѣ горюши —
Хоть заячьи уши,

—

Чтобъ они не мѣшали, —
Съ дѣвкой обвѣнчали.

Зап. въ 1864 г. канцелярскимъ служителемъ Ник. Ст. Некрасовымъ.

591.

д) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

1. Свѣти . . . . . .
7. Во все чисто поле.
Во чистомъ во полѣ
11—16. Гдѣ ни взялся молодчикъ,
Скинулъ рукавички, —
Далъ красной дѣвички.
Дѣвка парню полюбилась,
Сердце вспламенилось.
17—24. Послать было свата
За дѣвушку сватать.
Попъ-то не вѣнчаетъ, —
Денежки считаетъ,
Дьяконъ-то не служитъ, —
По дѣвушкѣ тужитъ,
Пономарь не звонитъ,
Вонъ изъ церкви гонитъ.

Зап. конторщикомъ А. Соловьевымъ въ 1852 г.

592.

е) Тульской губерніи, Епифанск. у.

По улицѣ молодчикъ идетъ,
По широкой удаленькій.
Онъ идетъ не пьянъ — шатается,
Къ короводу приближается
И за дѣвушку хватается.

—

Полюбилъ меня молоденькій попокъ,
Посулилъ мнѣ кашмировой платокъ.
Мнѣ платокъ-то взять хочется,
А попа мнѣ любить не хочется,
Потому мнѣ любить не хочется,

Что по погосту онъ волочится.
Онъ блинами-то побирается,
Цѣлый вѣкъ пробавляется.

—

Полюбилъ меня молоденькій купецъ,
Посулилъ мнѣ китайки конецъ.
Мнѣ китайки взять хочется,
А любить купца мнѣ не хочется;
Потому мнѣ любить не хочется, —
По базару онъ волочится,
Онъ тряпьемъ побирается,
Цѣлый вѣкъ пробавляется.

Зап. мною отъ крестьянки изъ подгородней деревни (въ 1864 г.).

593.

а) Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандрово.

Да у батюшки у воротъ
Да три садика ростуть, —
Ой ля́ли-жъ, ляли ля́ли-жъ, ляли!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, при чемъ повторяется и второй стихъ).

Да три садика растуть,
Три зелёные твятуть.
Какъ во первомъ во саду —
Да кукушечка куку́я,
Во другомъ же у саду
Соловеюшка шшабеча,
Какъ во третьемъ саду,
Тамъ горькяя удова
Слезно плакала одна.
Какъ прихо́дя къ удавы́
Сударь батюшка родной.
«Сударь батюшка родной!
Ты придумай, пригадай
Ой какъ же мнѣ, младой, быть,
За кого замужъ идти?»
— Возьми, дочка ты, костыль
Да пойди ў монастырь.
«Я младешунькя млада,
Я гриливая была —
Ужъ я пѣсню заиграю, —
Ўся келья зазвянить,
Ў ладони пріударю, —
Съ кельи верхъ полятить,
А скакать же я пойду, —
Всѣхъ монаховъ полюблю.»
Полюбилъ меня монахъ
Въ гарнитуровыхъ штанахъ.
Полюбёмши, снарюжомши,
Ўзялъ замужъ за себе.

Зап. Е. И. Томилинымъ отъ крестьянки.

594.

б) Вологодской губерніи и у.

Шила, вышивала
Тонки бѣлы рукава;
Вышила рукавчики,
Ко батюшку пошла:
«Батюшка суда̀рь!
Ты подумай, погадай:
Замужъ ли итти,
Во вдовахъ ли мнѣ сидѣть?»
— Дитятко-дитя,
Чадо мило, дочь моя!
Замужъ не ходи
И во вдовахъ не сиди, —
Пойди, дитя милое,
Въ дѣвичій монастырь!
«Батюшка-суда̀рь!
Я, черничка молода,
Келью раскачу̀,
Монастырь весь раззорю,
Старыхъ старушекъ
Повыгоняю,
Молодыхъ молоду̀шекъ
Пона̀пущаю;
Посидѣнки соберу
И веселье заведу.»
Сватовъ посылаетъ
Ко вдовушкѣ женихъ —
Богатый дворянинъ.
Хвасталъ онъ, нахвастывалъ
Богачествомъ своимъ:
«Есть у меня, вдовушка,
Пятьсотъ вѣдь душъ крестьянъ.»
— Думаю, подумаю:
— За этого нейду.
Сватался, посватался
Ко вдовушкѣ женихъ —
Изъ Питера купецъ.
Хвасталъ онъ житьемъ-бытьёмъ,
Богачествомъ своимъ:
«Есть у меня, вдовушка,
Пятьсотъ кораблей.»
— Думаю, подумаю, —
— За этого нейду.
Сватался, посватался
Къ вдовушкѣ женихъ —
Съ дороги скоморохъ.
Хвасталъ онъ, нахвастывалъ
Богачествомъ своимъ:
«Есть у меня, вдовушка,
Волынка да гудокъ.»
— Думаю, подумаю, —
За этого пойду:
Сы́та̀ ли, не сы́та̀ ли —

Всегда весела,
Пьяна ли, не пьяна ли —
Всегда плясея.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

595.

в) Тамбовской губерніи.

У пани во дворьяхъ трава мурава,
У пани въ сѣнюшкахъ вдова молода.
Вдовушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Во рученькахъ пяльчики понашиваетъ,
Шьетъ-ли, не шьетъ-ли, лишь показываетъ.
Вышила платеньчико, ко батюшкѣ пошла:
«Батюшка родимой! придумай и пригадай:
Замужъ мнѣ идти, во вдовахъ ли вѣкъ сидѣть?»
— Дитятко родимое, чадо милое мое!
Замужъ не ходи, во вдовахъ вѣкъ не сиди,
Поди, мое дитятко, въ дѣвичій монастырь! —
«Батюшка родимой! въ монастырь не гожусь:
Келью поломаю, монастырь весь разгоню,
Старыихъ старухъ вонъ повыгоню.»
Сватался за вдовушку изъ Саратова купецъ,
Сказывалъ житье-бытье: пятьсотъ кораблей.
«Думаю, подумаю: не иду я за него,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ.»
Сватался за вдовушку ерыга [1]) изъ кабака,
Сказывалъ житье-бытье: волынку да гудокъ.
«Думаю, подумаю: пойду за него,
Умъ-разумъ раскину: быть дѣлу такъ:
Сыта-ли, не сыта — всегда весела,
Пьяна-ли, не пьяна — всегда плясея.»

Зап. мѣстною помѣщицей Дурново въ 1871 г.

596.

г) Той же губерніи, Шацк. у.

Сидѣла красная дѣвица
Въ новой горенкѣ одна, 2
Передъ ней горѣла
Воску ярова свѣча,
Шила, вышивала
Тонкія, бѣлыя,
Бѣлыя рукава.
Плакала рыдала } 2
У дубоваго стола, }
Слезы утирала
Бѣлымъ рукавомъ.
Вышивши рукавчики,
Пошла въ теремъ къ батюшкѣ:
«Родной мой батюшка,
Не вѣкъ же мнѣ въ дѣвицахъ сидѣть.»
— Дитя мое милое,
Ступай въ монастырь! —
«Родимый мой батюшка,
Въ монастырь я не гожусь:
Молодыхъ монашенекъ
По городу распущу.
Сама въ своей кельѣ
Темно, цвѣтно платье изорву.»

Зап. г-жею Леймбахъ (мѣстной помѣщицею).

597.

д) Вятской губерніи.

Сидѣла Катюшинька
Въ новой горенки одна,
Шила моя Катинька
Тонки бѣлы рукава,
Вышивши рукавчики,
Въ теремъ къ батюшкѣ пошла:
«Родимый мой батюшка,
Ты подумай обо мнѣ!»
— Думаю, подумаю:
Въ монастырь, Катя, поди! —
«Родимый мой батюшка,
Въ монастырь я не гожусь,
На старой игуменьѣ
Всю рясу изорву,
Молоду священнику —
Ему въ щеку запалю,
Молодыхъ монашенёкъ —
А я всѣхъ ихъ оскверню.
Ужъ я всѣхъ оскверню.»
Сватался къ Катинькѣ
Изъ Сан-Питера купецъ,
Хвалилъ онъ, похваливалъ
Онъ свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Полторасто кораблей!»
— «Думаю, подумаю:
Я за этого нейду.»
Сватался къ Катинькѣ
Изъ Москвы генералъ.
Хваливалъ, похваливалъ
Онъ свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Полторасто душъ крестьянъ.»
— «Думаю, подумаю:
Я за этого нейду.» —
Сватался къ Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ.
Хваливалъ, похваливалъ
Онъ свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Только скрипка да гудокъ.»

[1]) Шатунъ, пьяница, ёра. Сл. Даля.

— «Думаю, подумаю:
Я за этого пойду.
Сыта-ли, не сыта,
Всегда буду весела;
Выду я на улочку
Будетъ честь мнѣ, похвала,
Честь мнѣ будетъ, похвала —
Музыкантова жена.»

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

598.

а) Псковской губернии и у.

1. Посѣю я, млада, ленку
2. При дорожкѣ, при толку:
3. Ты рости, рости, ленокъ,
4. Тонокъ, дологъ и высокъ,
5. Въ земелюшку корешокъ,
6. Что внизъ коренистъ,
7. А вверхъ сѣмьянистъ.
8. Сказали про мой ленъ:
9. Весь прикатанъ, приваленъ.
10. Знаю, знаю, чья рука, —
11. Моего прежняго друга́:
12. То Иванушки.
13. Я не знаю, какъ быть,
14. Мнѣ котораго любить?
15. Женатаго полюбить, —
16. Надо бпасно ходить,
17. Холбстаго полюбить, —
18. Надо цисто, щегольно ходить.
19. Сказали про меня,
20. Что я прялья была:
21. По три нитоцки въ денёкъ,
22. Въ недѣлюшку рушничёкъ,
23. Что годокъ, то мотокъ,
24. Моту́шицко — съ локотокъ.
25. Собиралася весна, —
26. Весна девятая пришла.
27. На прошести самосѣдка
28. Цыплятъ высидѣла:
29. Ровно семьдесятъ цыпленковъ,
Девяносто пѣтушковъ.
Какъ одинъ пѣтухъ сапожникъ,
Другой циботарь.
Циботарь, циботарь, —
Башмацки мнѣ сработалъ.
Какъ я, млада, сама
По воду пошла;
Что по́ воду, воду́,
На рѣцушку на Пскову́,
На холодную воду́.
Размахнула широко,
Поцярнула глубоко:
Закутила, замутила
Воду свѣженькую.
Я вступила на ледокъ,
Подломился каблуцокъ.
Не видала, какъ упала, —
Погляжу, млада, ляжу́,
На правомъ на боку.
Оглянулася назадъ:
Стои́ Ванюшка казакъ.
Полуцила сокола, —
«Павлушенькой назвала:
«Павлушенька, душенька!
Подыми меня за руцыньку.»
— Я бы радъ, душа, поднять, —
Со стороны люди глядятъ,
Не цужіе, все свои,
Все товарищи мои, —
Разберутъ наши слѣды,
Доведутъ насъ до бѣды,
До бѣдушки до большой,
До славушки до худой.
Худа славушка по́йде,
Нихто замужъ не во́зьме.»

Зап. М. И. Семевскимъ.

599.

б) Той же губернии, Порховск. у.

У воротъ, у воротъ,
Воротъ батюшкиныхъ, —
Что съ подъ этихъ воротъ
Стоитъ озеро воды.
Съ берега на травкѣ
Молодецъ коня поилъ;
Коня во́ронова,
Кругомъ кованова.
Конь воды не пьетъ,
Самъ копытомъ землю бьетъ,
Изъ копытъ руда идетъ;
Молодца горе беретъ,
Что на этомъ на конѣ
Нельзя пашни пахать, 2
Полоски борновать.
«Я на пашню найму,
За работу заплачу.»

[1]) 1—2: Я посѣяла ленку,
При дорожкѣ, кругъ борку.
3: Уродился ленокъ
. . . .
6—7: Изъ коренья коренистъ,
Изъ головокъ головистъ.

---

[1]) Отсюда цыфрами указывается разница отъ тѣхъ стиховъ, которыми они обозначены въ предыдущемъ варіантѣ.

Далѣе слѣдуетъ:

Что на этомъ на ленку
Три дорожки пролегло,
Три мальчишки пробѣгло:
14: Съ трехъ котораго любить
15—30: Какъ женатаго любить —
Худу славушку нажить;
Офицера полюбить,
Надо щегольно ходить;
Холостаго полюбить, —
Самопряхой надо быть.
Вотъ я въ суточки по ниточкѣ,
Въ недѣлю рушничокъ.
Поставила ставокъ
Съ мясоѣда до толокъ.
Что съ подъ набилъ [1]), съ подпитей
Кура вывела дѣтей
Девяносто пѣтуховъ
Курицъ восемьдесятъ.

Далѣе этотъ вар. продолжается такъ:

Пѣтухи-то поютъ,
Куры торощутся [2]),
Гулять просятся:
«Ты пусти, пусти, хозяюшка,
На улицу погулять,
Шелковой травы порвать,
Ключевой воды попить,
Съ тоски милаго забыть.
Курица на улицу
Сама съ тоски пойдетъ.
Проведу я милова
Дали Порхова, дали Питера.
Посредѣ Москвы разставалися, —
Какъ вси купцы сдивовалися:
Что не братъ съ сестрой,
И не мужъ съ женой, —
Удалой молодецъ
Съ красной дѣвушкой
Палагеюшкой.

Сообщ. тѣмъ же.

600.

в) Тульской губерніи, Епифанск. у., с. Рожествено.

Начало этого варіанта отличается отъ предыдущаго только нѣкоторыми отдѣльными словами. Далѣе слѣдуетъ жалоба дѣвушки на неспособность коня къ работѣ; милой замѣчаетъ:

«Не тужи, моя милая!
Я на пашню найму,
Свои деньги заплачу́.»

Начиная съ 8-го стиха вар. а), этотъ вар. продолжаетъ уже такъ:

Какъ сказали про мой ленъ
Весь притоптанъ, привалёнъ,
Во три тропочки проторёнъ.
Три тропочки прилежали,
Три молодчика пробѣжали,
Меня молодую испужали.
Ужъ не знаю, какъ мнѣ быть,
Мнѣ котораго любить?
Ужъ мнѣ перваго любить —
Походочку перемѣнить;
А другого любить —
Тонкопрядицею быть.
Ужъ я пряла, выпрядала
По три ниточки въ день,
Въ недѣлю розбитъ,
А въ мѣсяцъ простовитъ,
Во годокъ на мотокъ.
Какъ восьмая весна
Я поставила кросна;
Какъ девятая весна
И десятая прошла, —
Еще я не во́ткала кросна.
На нашестѣ, на прошестѣ
Насѣдка вывела цыплятъ,
Какъ сто молодокъ,
Девяносто пѣтуховъ.
На подножкахъ, на поклюшкахъ
Какъ и выросла трава.
Я на эту на траву
Я съ косою найму:
Коса будетъ косить,
А я буду копнить,
Козелъ сѣно возить.

Зап. мною въ 1864 г. отъ подгородной крестьянки.

601.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькою,
Я по новенькою.
Тонка жердочка гнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ жить,
Да не сто́шнится
Не стошнится, — разгуляется.
Выйду, выйду, молода,
За новыя ворота,
За новыя, кленовыя,
За рѣшетчатыя.

[1]) По Далю: набилки ж. мн. — ткацкое бердо или вѣрнѣе двѣ грядки въ кои бердо вставляется.
[2]) Топорщатся, пыжатся къ сноскѣ яйца. Сл. Даля.

Мнѣ на встрѣчу
Другъ милой:
На ёмъ кафтанъ голубой.
Плисовыя шапки —
То наши ребятки.
Въ горохи не ходите,
Шутокъ не водите.

Зап. мною.

602.

а) Новгородской губерніи, Устюжскаго у.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Все за батюшкинымъ

—

Дунай мой, Дунай, веселой Дунай!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Варятъ пиво поварнѣй:
Завтра праздникъ у насъ.

—

А мнѣ молодцу худо можется,
Худо можется, нездоровится.

—

Я сапожки на ножки
Синь кафтанчикъ на плечо,

—

Синь кафтанчикъ на плечо,
Черну шляпу на ушко.

—

Я гитару подъ полу,
Полу правинькую.

—

Ужъ я сяду на дощечку
На дубовинькую,

—

Я ударю во струну,
Струну серебряную.

—

Вы послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ,

—

Что струна-то говоритъ:
Мнѣ жениться велитъ,

—

Мнѣ жениться велитъ.
Мнѣ жениться, — разориться.

—

Пожилую дѣвку взять, —
На печи ее держать,

—

Калачемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить.

—

Съ киселя-то весела,
Съ молока-то молода.

—

Опять все сначала до стиха «Мнѣ жениться велитъ» включительно, а затѣмъ пѣсня продолжается такъ:

Мнѣ жениться велитъ.
Мнѣ жениться — веселиться.

—

Расхорошую брать,
Красну дѣвицу брать,

—

Во новой горницѣ держать,
Въ терему ее держать.

—

Въ терему ее держать,
Чаемъ, кофеемъ поить.

—

Чаемъ, кофеемъ поить,
Все конфектами кормить,

—

Все конфектами кормить,
О любви съ ней говорить.

—

Дунай мой, Дунай, веселой Дунай!

Сообщ. Л. Н. Майковымъ. Ср. у Прача (изд. 1815 г.) ч. II, въ отд. скор. или плясов. № 14.

603.

Тамъ-же.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькой

—

Ой жги, ой жги, говори!
Вдоль по широкой удаленькой.

(Такимъ-же образомъ повторяется этотъ припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка-то шелковая,

—

Рукавички-то бархатныя,
Сапожки-то сафьяновые,

—

На немъ шапочка-то бархатная,
А околышекъ чернаго соболя.

—

Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.

—

Стару бабу за себя ему взять, —
Стару бабу на печи бы держать;

—

Стару бабу киселемъ бы кормить,
Сытой бабу припаивати.

—

Кабы бабѣ киселя, киселя, —
Стала-бъ баба весела, весела

—

Кабы бабѣ молока, молока,
Стала-бъ баба молода, молода.

—

Кабы бабѣ сапоги, сапоги,
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги.

—

Ой жги, ой жги, говори!
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги.

Зап. сельск. учит. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

604.

в) Вятской губерніи.

(Начало не достаетъ).

Богатую взять — будутъ попрекать,
Хорошую взять — много будутъ люди знать,
Умную взять — не дастъ слова сказать,
Церковнаго чина взять — кутейникомъ ставутъ звать,
Изъ посадскихъ взять — много вина содержать,
Граматницу взять — станетъ праздники разбирать,
Убогую взять — нечѣмъ содержать,
Старую взять — часто съ ней хлопотать,
Фабричную взять — дому не собрать,
Пьяницу взять — станетъ, крадучи, вино покупать.

Сообщ. Н. А. Александровымъ.

605.

Тульской губерніи.

Хорошъ Егорёкъ!
Гулять щеголекъ.
«Ужъ не полноль, Егоречко,
Неженатому ходить?»
Хорошъ Егорёкъ!
Гулять щеголёкъ.
—Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ не кого взять.
«Во дѣвичьемъ хороводѣ
Ходитъ дѣвка хороша, 2
Все купечецка родня.»
— Я купечецку родню, —
Я до страсти не люблю.
Хорошъ Егорёкъ,
Гулять щеголёкъ!
«Ужъ не полноль, Егорочко,
Неженатому ходить?»
— Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ не кого взять.
«Во дѣвичьемъ хороводѣ
Ходитъ дѣвка хороша, —
Все поповская родня.»
— Я поповскую родню
Я до страсти не люблю.
Хорошъ Егорёкъ,
Гулять щеголёкъ
«Ужъ не полноль, Егоречко,
Неженатому ходить?»
— Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ некого взять.
«Во дѣвичьемъ хороводѣ
Ходитъ дѣвка хороша, —
Все *ружённая*[1] родня.»
— Я ружённую родню,
Я до страсти люблю,
За себя замужъ возьму,
Поцѣлую, обойму.

Зап. въ Тулѣ И. П. Чулковскимъ.

606.

Владимірской губерніи, г. Шуя.

Отдалъ меня батюшка
Не въ малую семью, 2 [2])
Не въ согласную таку
Охъ, охъ, хо, хо, охти мнѣ!

(Повторяется припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Ужъ какъ свекоръ да свекровь,
Да четверо деверьевъ, [3])
Двѣ золовушки, двѣ тетушки.

---

[1]) Оружейная, т. е. родня оружейникамъ съ оружейнаго завода въ Тулѣ.

[2]) По вар. зап. въ Корчев. у., Тверск. губ.
Отдаютъ меня младеньку
Не въ маленьку семейку.

[3]) Да и къ свекру, къ свекрови и т. д.

Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Про меня ли говорятъ.
Какъ свекоръ говоритъ:
«Къ намъ медвѣдицу ведутъ.» [1])
А свекровь-то говоритъ:
«Къ намъ лиху змѣю ведутъ.»
Деверья-то говорятъ:
«Къ намъ неряху ведутъ.» [2])
А золовки говорятъ:
«Къ намъ неткаху ведутъ.»
А двѣ тетки говорятъ:
«Къ намъ нестряпку ведутъ.»
Какъ я ночку проспала,
    Поосмѣлилася, —
    Слово вымолвила:
«Ты позволь, позволь свекровь,
Вдоль по горенкѣ пройти
Слово вымолвити:
Какъ медвѣдица толстая
Во темномъ лѣсѣ живетъ;
Какъ лихая-то змѣя, —
То свекровушка моя.
Деверья вы кобеля!
У васъ жёны каковы?
Вы золовки, вы плутовки, —
Вамъ самимъ замужъ идти;
Сами замужъ пойдитё, —
Много горя примитё.
А ужъ вы тётки-колотовки, —
Я [3]) вамъ въ чужомъ дому не указывати.
Какъ поставлю на порогъ,
Да въ три шеи за воротъ.
Ужъ какъ свекоръ на печи,
Точно кобель на цѣпи;
А какъ свекровь-то на палатяхъ,
Точно сука на канатѣ.
Мужъ на лавочки сидитъ,
На жену косо глядитъ.
«Хоть косися, не косися —
Не боюся я *тея*,
Не ударишь ты меня.»
— Мужъ по горенкѣ прошелъ,
Лѣву рученку отвелъ,
Жену по уху оплелъ.

Жена-то какъ прошла, —
Праву руку отвела,
По всей харѣ мужа оплела.

Зап. мною въ 1873 г. отъ деревенск. парня.

608.

в) Тульской губерніи, Епифанск. у.

Я не знала, молода, —
    Ай люли, люли, люли!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Какъ просватана была, —
Я узнала, молода:
Пріѣхали сватовья.
Сватовья — на дворѣ,
Женихи-то въ теремѣ.
Какъ взяли молоду
За правую за руку, —
Повели меня, младу
Ко вѣнчаньицу;
Отъ вѣнчаньица ведуть
Къ свекру батюшку на дворъ.
Какъ свекоръ говорить:
Медвѣдицу везуть,
Свекровушка говорить:
Щеголиху везуть;
Деверёчикъ говорить:
«Расточиху везуть.»
Золовушка говорить:
«Щекотуху везуть.»
А какъ я, молода,
Во смыслу замужъ шла.
Какъ я стала, молода,
Посередь избы,
Какъ я стала, молода,
Отговаривать:
«Медвѣдихи, батюшка, —
Во темныхъ во лѣсахъ,
Щеголиха, матушка, —
Что попова попадья;
Расточиха, деверекъ, —
Большая споха;
Щекотуха, матушка, —
Сорока на дворѣ.»

Зап. мною отъ крестьянки въ 1864 г.— Ср. у Рыбникова, т. III, стр. 446, у Баренцова: Пѣсни Самарскаго края, стр. 95, у Студитскаго Народн. пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, стр. 159. Вар. этотъ самый полный и интереснѣйшій изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ.

---

1) Ужъ какъ свекоръ взговоритъ:
Къ намъ непряху ведутъ.

2) Деверья-то говорятъ:
Къ намъ смутьянку ведутъ.

Оканчивается этотъ вар. такъ:
А я мужа не боюсь;
Пойду въ ножки поклонюсь.
Сообщ. А. В. Соколовымъ.

3) Вмѣсто *а* (послѣ гласн. *и*).

608.

Курской губерніи.

Сколько бражки мнѣ не пити,
Съ бражки пьяной мнѣ не быти.

—

Ой лели, лели, лели
Съ бражки пьяной мнѣ не быти.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ прибавленіемъ послѣдняго).

—

Когда-бъ чарочку горѣлки,
Я бы пьяна напилася,

—

Я бы пьяна напилася,
Вдоль по улицѣ прошлася,

—

Травку-муравку топтала,
Трое чеботовъ сносила;

—

Гопъ, гопъ, гопъ, чеботочки!
Здравствуйте милые дружечки.

—

У насъ дома нездорово:
Свекоръ съ печки свалился.

—

Свекоръ съ печки свалился,
За корыто завалился,

—

За корыто завалился,
Ветчиною подавился.

—

Когда-бъ было мнѣ вѣстимо,
Я бы выше подмостила,

—

Я бы выше подмостила,
Свекру голову сломила.

Зап. гимназистомъ 7-го кл. гимназіи Е. Горошковскимъ.

609.

На границѣ Костромской, Солигал. у. и Вологодской, Тотемск. у.

(Подъ пѣніемъ первыхъ 10-ти стиховъ ходятъ мѣрнымъ движеніемъ хоровода, а затѣмъ, съ болѣе ускореннымъ темпомъ пляшутъ).

Хóдила, гýляла
По край моря синяго,
Видѣла, видѣла
Цѣрную ягоду смородину,
Вы́зрѣла, вы́зрѣла
Церная ягода смородина,
Вы́знала, вы́знала,
Всю правду свекрову.
Кабы знала я, молода,
Сповѣдала, молода

(Пляшутъ).

Гдѣ бы свекру спать,
Лиходѣю ночевать,
Я бы постлала постелюшку
Мякохоньку:
Все въ три ряда каменья,
На каменьяхъ-то кременья,
На кременьяхъ-то шипицу
Колючую, —
Чтобъ мягче спать,
Веселѣй вставать
Чтобы болѣсть въ ногахъ,
Кумоха[1]) въ головахъ:
Она бьетъ и тепетъ,
Нали взбрасываетъ.

Зап. мною въ 1871 г. отъ бывшей дворовой.

610.

а) Саратовской губерніи, Хвалынскаго у.

Какъ по улицѣ молодецъ идетъ,
Какъ по широкой удаленькій бредетъ,
Рукавички у него барановыя,
За нихъ денежки недаванныя
Ой дидъ, калина моя,
Въ саду малина моя.

Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ 4-хъ стиховъ.

Не пробученная рубашка по пятамъ,
Опоясочка на немъ шелковенькая,
Двадцатипяти рублевенькая.
Не метелица, метелица мететъ, —
За метелицей мой миленькій идетъ.
Увидѣли щекатуры изъ окна:
«Ты пожалуй, Степановна сюда!
При тебѣ ли много пива и вина,
Сладка водочка анисовая,
Коровать новая расписанная?
Одѣяльцо мое заиндѣвѣло,
Подушечки потонули въ слезахъ,
Тебя, милый мой, дожидаючи,
Свою участь проклинаючи:
Ужъ ты участь моя, участь,
Участь горькая моя!
Какъ купилъ мужъ коровушку —

---

[1]) Лихорадка.

Погубилъ мою головушку,
Какъ купилъ мужъ безрогую,
Полюбилъ меня безродную.
Перво дѣльце, — коровушку подои,
Второе дѣльце — теленочка напой,
А третье дѣльпце — коровушку отгонь.
Я погнала коровушку на росу, —
Попадается медвѣдь во лѣсу.
Я медвѣдя испужалася,
За кустики бросалася,
За ракитова хваталася.
«Ты медвѣдюшка батюшка!
Ослободи мою головушку,
Обдери мою бурёнушку!
Еще что это лѣсъ трещитъ,—
Не мово-ли мужа чортъ тащитъ?

Зап. мною лѣтомъ 1871 г. отъ мѣстнаго крестьянина.

611.

б) Харьковской губерніи, Александр. у.

А у мене мужичекъ съ кулачекъ —
Да поѣхалъ на ярмарочикъ
Ахъ люли, да полюли мои,
Въ саду ягоды малиновые!

(Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Да купилъ мнѣ коровушку
На мою бѣдну головушку.
Да купилъ менѣ коровушку рябу,
До коровушки доёнушку нову.
До коровы нужно рано вставать,
Я-жъ привыкла все до полудня спать,
Я не вмѣю ни коровушки доить,
Я не вмѣю ни доёнушки помыть.
Какъ погнала коровушку на росу,
Да увидѣла медвѣдика въ лѣсу,
Да медвѣдикъ ты, мой батюшка,
Разорви мою коровушку,
Слобони мою головушку,
Ай люли полюли мои,
Въ саду ягоды малиновыи!

Зап. И. И. Манжура.

612.

а) Курской губерніи, Тимск. у.

Соловей мой солóвьюшка,
Соловей мой молоденькой!
Какъ тебѣ не скучится
Во сыромъ бору сидючи,
На зеленые сады глядючи?
«Молодая молодушка,
Молодая хорошая!
Какъ тебѣ не скучится
За старымъ мужемъ живучи,
На стараго черта глядючи?»
— Сестрицы подруженьки!
Пойду разгуляюсь я,
Нарву хмѣлю я̀рьяго,
Напою мужа пьянаго,
Положу спать середи двора,
Середи двора на погребѣ;
Постелю ему постелюшку,
Постелюшку мягкую:
Солому гречишную
Въ голова пшенишную.
Зажгу ту постелюшку
Огнемъ, жаркимъ полумемъ,
Закричу я громкимъ голосомъ:
«Сосѣди мои сосѣдушки,
Сосѣди люди добрые!
Не видали-ли откуда туча шла?
Моего мужа громъ убилъ,
И громъ и мола̀нья сожгла,
А меня молодёшеньку
Молоду Богъ помиловалъ:
Съ кроватки свалилася,
Доской покрылася.

613.

б) Тамъ-же.

Свѣтъ мои орѣшики щелкапцы!
Вы рано цвѣли, а поздно выросли,
А я, молода, догадлива была:
Пялички взяла въ посидѣлки пошла.
Мнѣ ни шьется, ни придется,
Въ посидѣлкахъ не сидится,
Веретино изъ рукъ валится
Донце ѣдитъ подо мной.
«Молодая ты молодушка
Молодая ты хорошая
Бѣлая, румянная чернобровая!
Какъ тебѣ не скучится
За старымъ мужемъ живучи,
На стараго мужа глядючи?»
— Пойду я млада у темный лѣсъ,
Нарву я млада хмѣлю ярьяго,
Наварю пива пряпнаго
Напою мужа пьянаго,
Положу мужа спать у холади,
У холади, что на погребѣ,
Зажгу огнемъ полымемъ,
Закричу громкимъ голосомъ:
«Сосѣди, сосѣдушки недальніи, ближніи

Моего мужа громъ убилъ,
Стараго молоньёй сожгло,
А меня Богъ помиловалъ:
Съ кароватки свалилася,
Рукавомъ защитилася.

Обѣ зап. Е. Томилиной.

614.

Вятской губернiи.

Александровска береза, береза,
Супротивъ кремля стояла, стояла,
Она листьицемъ шумѣла, шумѣла,
Золотымъ вѣнцомъ вѣяла, вѣяла.

(Пляшутъ).

Зашатался козелъ,
Зашатался пошелъ: —
Онъ не ельничкомъ, —
По березничкамъ,
По частымъ, мелкимъ
По осиничкамъ.
«Ты гулю, гулю, голубчикъ!
Гулю, гулю, голубокъ!
Ты куды, голубь, пошелъ?
Ты куды полетѣлъ?»
— Я ко дѣвкѣ пошелъ,
Я ко красной полетѣлъ,
Коя лучше всѣхъ,
Попривѣтливѣе.
Безъ бѣлилъ она бѣла,
Безъ румянъ хороша;
Безъ шубки, безъ юбки —
И такъ тепло, —
Безъ шелковой плетки
И такъ умна. [1])

Изъ рукописн. сборн. Н. А. Александрова.

615.

Симбирской губернiи, Корсунск. у., с. Усть-Урень.

Александровская берёза
Середи кремля стояла.
Она листьями шумѣла, шумѣла,
Она вѣтвями вѣяла, вѣяла.

(Пляшутъ).

Закидался козелъ,
Заметался козелъ,
По ельничку,
По березничку,
По частому,
Горькому
По осиничку.
«Гуляй, гуляй, голубокъ,
Сизокрылинькiй!
Ты куда, гуля, полетѣлъ?
Ты куда, сизый, полетѣлъ?»
— Я ко дѣвицѣ,
Ко красавицѣ
Ко́я бѣлена,
Ко́я румя́нена,
Коя лучше всѣхъ,
Коя краше всѣхъ, —
Безъ бѣлилъ бѣла,
Безъ румянъ ала, —
Та невѣста моя!»

Зап. мною отъ дворовыхъ въ 1856 г.

616.

Курской губернiи, Тимск. у.

А воробушка воробей,
Да угрюнъ бѣдный молодой!

—

Эй люли, эй лели, а лелей-лели.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

А што лежишь не можешь?
А што болить не скажешь?

—

А болить больно голова
Сы зеленаго сы вина;

—

Да болить больно спинушка
Сы боярскова пи́вушка.

—

А не дай, Боже, ходити
Вы черне́цкiи вы хоромы:

—

Тамъ ни пьютъ, ни ѣдять, ни гуляють,
И ни весило играють,

—

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эту пѣсню оканчиваютъ такъ:
Коя пирожки пекла,
Коя шанежки (сочни, лепешки),
Коя кашку варила:
Кашку масляную.
Кашка по блюдечку катается,
Соль по зубамъ разсыпается.

И ни весило играють,
И не радостно говорять.

—

Я сама сибе погубила, —
Ни того парня полюбила.

—

Полюбить было игрунка,
Короводничка, скакунка.

—

А воробушка воробей
Да угорюнъ бѣдный молодой!

—

А што лежишь, да не можешь?
А што болить, да не скажешь?

—

— Да болить больно голова
Сы зилёна сы вина,

—

Да болить больно спинушка
Сы боярскова пивушка.

—

А дай Боже ходити
У Михайловы хоромы.

—

У Михайловыхъ вы хоромахъ
И пьють, и ѣдять, и гуляють,

—

И весило играють
И радостно говорять.

—

Михайлушка говорить:
Я самъ сибе погубилъ,

—

Я самъ сибе погубилъ:
Ни тыё дѣвку полюбилъ.

—

Полюбить было игруху,
Короводницу скакуху.

—

Эй, хто-жъ у насъ игрунокъ?
А хто-жъ у насъ скакунокъ?

—

— Михайлушка игрунокъ,
Ивановичъ плясунокъ.

—

А хто-жъ у насъ игрунья?
А хто-жъ у насъ скакунья?

—

Ой Натальюшка игруха,
Короводница, плясуха.

Зап. мною.

617.

Той же губерніи, Старооскольскаго у., д. Гущина.

Беруть меня думки да гадки:
Отчево чужія жоны гладки?
Моя Марусенька маленька.
Пойду я на токъ молотите,
Жаль Марусеньку будите.
«Спи, моя жонка, д'обѣда!
Вотъ тебѣ хлѣба *корвега* [1]).
Спи, моя милая, милàя,
Вотъ тебѣ бумажное одѣяло!
Спи, моя жонка, до солнца,
Вотъ тебѣ гребень да донце!
Спи, моя жонка-женушка,
Вотъ тебѣ пуховая подушка!»
Запрягу я бѣлою кобылу,
Поѣду въ городъ ў Каширу,
Каширскія дѣвки привѣтны.
Тимани на возъ навалились
Задняя ось переломилась.
Тиманошка ходя горюя:
Съ чего в' меня кудри не мудры?
Съ чего волоса не корастны?
Ай у меня лапти осметки?
Ай у меня онучи отрепки?
— Пошелъ онъ съ горя плясать.

Зап. К. Е. Томилина.

618.

а) Новогородской губерніи, Демьянск. у.

Одинокъ, одинокъ,
    Одиночество мое!
Затопила избушку,
    Сама по воду пошла. 2
Вотъ пошла таки пошла
    На Неву ли на рѣку.
Перелѣтовы дрова
    Переуглилися.
Пустые кашнички-горшечки
    Надсѣлись, кипучи,
А рожённое дитя
    Переплакалося.
Одна курочка по лавочкѣ
    Похаживаетъ,
Вотъ похаживаетъ,
    Поговариваетъ:
«Раскудахъ, тахъ, тахъ!
    Не бывало у насъ такъ.
Что куда наша хозяюшка
    Гулять пошла?
Пошла наша хозяюшка
    Въ три поля гулять:

[1]) Т. е. коврига.

Первое поле яровое,
А другое аржаное,
Въ третьемъ полѣ
Конопель воробей тащитъ;
Конопель воробей тащитъ,
Конопель трещитъ.

—

Мужикъ пашенку пахалъ,
Самъ на солнышко глядѣлъ.
Я еще попашу,
Я еще погляжу.
Ужъ какъ всѣ люди обѣдали —
Полудновать хотятъ,
А моя негодяйка
Обѣдать не несетъ.
Вотъ обѣдать не несетъ,
Не спровѣдываетъ.
Ужъ я выпрегу кляченку,
Поѣду самъ домой.
Подъѣзжаю ко кусту,
Ко ракитовому.
Вотъ я вырѣжу лозу
На свою курву жену.
Пріѣзжаю ко дому, —
Жена ходитъ по двору, —
Жена ходитъ по двору
Набѣленная, нарумяненая.
Ужъ я брошу лозу,
Поцѣлую жену.
«Ино гдѣ, жена, была?
Гдѣ, *красава*, гуляла?»
— Я была, сударь, была
Во царевомъ кабакѣ.
Я не медъ, пиво пила —
Бражку сыченую.
Все до капли выпивала,
Тебя здраствовала.
«Вотъ, спасибо, жена,
Не забыла ты меня.»
— Да ужъ какъ тебя забыть, —
Не могу врага сбыть.
Если-бъ волюшка моя, —
Продала бы я тебя,
Я купила бы молодчика
Молоденькаго,
Вотъ молоденькаго
И хорошенькаго.

Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

619.

б) Рязанской губерніи, Зарайск. у.

«А скажи-ка мнѣ, жена,
Ты и гдѣ, жена, была?»
— Я была, сударь, была,
У попа въ гостяхъ была.
«А скажи-жа мнѣ, жена:
Что ты ѣла и пила?»
— Я пила, сударь, пила
Много пива и вина.
«А скажи-ка мнѣ, жена:
Вспомянала ли меня?»
— За твое, сударь, здоровье
Стаканъ квасу выпила. [1])
«Погоди-же, ты, жена,
Поколочу же я тебя!»
— А я старому хрычу
Сама вдвое отплачу; 2
Спину на бокъ своročу
И найду себѣ молодчика
Молоденькаго.
Что молоденькаго,
Да хорошенькаго, 2
Да холостенькаго.

Зап. учен. Зарайск. реальн. училища Л. Миллеромъ.

620.

в) Той-же губерніи, Данк. у.

Всѣ кумушки домой,
Всѣ голубушки домой,
А я млада не хочу,
А я млада здѣсь буду,
На улицѣ поночую.
На мнѣ шуба чужая,
Рубашонка худая.
Пойду домой, передѣну,
Я новую надѣну.
Навстрѣчь куманекъ:
«Здравствуй, кумушка кума!»
— Не само́ [2]), кумъ, здорова:
Болитъ больно голова
Со вчерашняго хмѣля,
Съ дубоваго кнутника.
Уѣхалъ мужъ вы поле,

---

[1]) Отсюда, по варіанту, записанному Н. А. Александровымъ въ Вятской губ., поется такъ:

«Ахъ, спасибо тѣ, жена! } 2
Не забыла ты меня!» }
— Ахъ, какъ тебя забыть?
Не могу чорта избыть.
Вѣдь ты, сударь, у меня
Какъ бѣльмо на глазу.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

[2]) Очень.

А я, млада, въ контору.
Въ конторушки торгаши —
Ребятушки хороши:
Безъ румяна румяны,
Безъ бѣлила бѣлы.
На румяны — корову,
На бѣлилу — кобылу,
А на парядъ — скирдъ овса.
Пріѣхалъ мужъ съ поля:
«Гдѣ, жена, корова?»
— Свела, мужъ, въ поле.
«Гдѣ, жена, кобыла?»
— Поить, сударь, водила,
Въ трясинушку всадила —
«Гдѣ, жена, скирдъ овса?»
— Подымалася гроза,
Зажигала скирдъ овса.
«Гдѣ, жена, попелокъ?»
— Его вѣтромъ разнесло.

Зап. мною.

621.

г) Тула.

Нынче куры поютъ пѣтухами,
Нынче жёны больши́ надъ мужьями,
Больши́ надъ мужьями
  Сѣкуть ихъ батожками.
Мужъ женѣ покорился,
  Въ ноги поклонился:
«Жёнушка, виноватъ!
  Душа моя, виноватъ!
Ложись ко мнѣ на кровать,
  А я буду цѣловать.»
— Ты, мужъ, не пахарь,
  А я, жена, непряха.
Мужъ-то въ поле съ сохой,
  Съ сохой, съ бороною,
А я, жена, на печь
  Съ гребнемъ, съ донцемъ,
Съ гребнемъ, съ донцемъ,
  Съ кривымъ веретенцемъ.
Пріѣхали торгаши
  За заднія ворота:
Кобылушку продала, —
  Румянъ себѣ я взяла,
Одоньице продала, —
  Сурмилъ себѣ я взяла.
Мужъ пріѣхалъ съ поля
  Съ сохой, съ бороною,
А я, млада, на печи
  Съ гребнемъ, съ донцемъ,
Съ гребнемъ, съ донцемъ,
  Съ кривымъ веретенцемъ.
«Гдѣ, жена, корова?»
  — Ў стадушко прогнала.
Ў стадушко прогнала,
  Тамъ волки сѣрые ее съѣли.
«Гдѣ, жена, одонье?»
  — Одонье сгорѣло.
«Гдѣ, жена, попелокъ?»
  — Разнесъ, сударь, вѣтерокъ,
Разнесъ, сударь, вѣтерокъ,
  На боярскій на дворокъ.
«Съ чего, жена, такъ бѣла́?»
  — Муку, сударь, сѣяла.
«Съ чего, жена, румяна́?»
  — Противъ жару стояла,
Противъ жару стояла,
  Лице загорѣло.
«Съ чего, жена, бровь черна?»
  — Съ грядъ дрова снимала,
Съ грядъ дрова снимала,
  За брови хватала. —
Какъ билъ мужъ жену отъ клѣти до клѣти
  Во четыре плети,
Еще билъ мужъ жену отъ гумна до гумна:
  «Будь, жена, у́мна, умна!»

Зап. мною отъ 70-ти лѣтней старухи, бывшей дворовой.

622.

д) Вологодской губерніи и у.

Возьму козла за рога,
Поведу я въ три торга.
Въ первомъ торгѣ рубль даютъ,
Въ другомъ торгѣ два рубля,
Въ третьемъ торгѣ три рубля.
За три рубля отдала
Я на первый рубль бѣлилъ,
На второй-отъ рубль мазилъ,
А на третій рубль сурмилъ.
Приду домой, — набѣлюсь,
А мазиломъ намажусь,
Черны брови подведу.
На ту пору мужъ на дворъ:
«Что ты, женушка, бѣла?»
— Муку, сударь, сѣяла.
«Что ты, жена, румяна̀?»
— Противъ печки стояла̀,
Дрова въ печку клала,
Да за бровь-то схватила.
«А гдѣ, жена, бѣлъ козелъ?»
— Пошелъ козелъ подъ гору,
Сломилъ козелъ голову.
«А гдѣ, жена, голова?»

— Укатилась голова
За поповы ворота.
«А гдѣ, жена, туловó?»
— Собаченки сглóдали.
«А гдѣ, жена, косточки?»
— А вороны разнесли.

Зап. Н. А. Иваницкій.

623.

е) Смоленской губерніи, Сычевск. у., с. Юшино.

Скочилъ козелъ въ огородъ.
Ну что-жъ? — кому дѣло? — въ огородъ!
Ну какое кому дѣло? — въ огородъ!

(Этотъ припѣвъ повторяется такимъ-же образомъ послѣ каждаго стиха, прибавляя къ нему послѣднее его слово или два).

Помялъ бѣлъ чеснокъ.
Хозяюшка молода
Взяла козла за рога,
Повела козла въ три торгá
Промѣнивать на товаръ:
На бѣлыя бѣленá,
На красныя румянá.
«Приду домой — набѣлюсь,
Приду домой нарумянюсь.»
Пришелъ мужъ съ Москвы.
«Отчего, жена, ты такъ бѣла?
Отчего ты такъ красна?
— Я, сударь, муку сѣяла,
Да пылочка летѣла, —
На личико падала.
Оттого я дуже бѣла;
Оттого я, мужъ, красна,
Что печку топила,
Жаромъ лицо охватило, —
Оттого я стала красна.

Зап. Г. Н. Генади.

624.

Тверской губерніи, Новоторж. у., с. Селихово.

Посѣяли дѣвки ленъ
Уродились конопли
Какъ въ эти конопли
Повадились воробьи.
Я старому воробью
Коломъ ногу переломлю,
Молодому воробью
Головушку оторву.
Куды же мнѣ дѣться,
Куды схорониться?
Въ соломушку сяду,
Сѣномъ затрушуся.
У попа была корова,
Корова прожора:
Соломушку съѣла,
Сѣно подобрала,
Сѣно подобрала,
Меня оказала.

—

Какъ нынѣ-то куры
Поютъ пѣтухами,
Какъ нынѣ-то жоны
Вольны надъ мужьями,
Вольны надъ мужьями, —
Сѣкутъ батожьями:
Лежи ты, мужъ, тута,
Дожидайся кнута.

625.

Рязанской губерніи, Данк. у.

Ужъ вы, бабочки, бабеночки мои,
Разсудите мое горе и печаль,
Почему мнѣ эту бабочку жаль?
Жаль бабочку, жаль болючую мою,—
Она прежняя полюбовница моя,
Ты скажи ка, кого любишь безъ меня?
— Кромѣ тебя, моя радость, ни кого.
Ты не любишь, лишь обманываешь.
Красота твоя въ моемъ лицѣ горить,
По тебѣ мое сердечушко болить,
Что болить-то, болить, побаливаить.
Напишу я своему милому письмо,
Чтобы шелъ милъ, не мѣшкалъ, поскорѣй,
А я буду въ новой горенкѣ одна,
Въ окошечко часто глядывати.
Вдоль по улицѣ метелица мятеть,
За метелицей канпаньица идеть,
Вы канпаньицы мой миленькій идеть,
Подъ полой разны музыки несеть,
Пойду, дойду свово милова встрѣчать,
Я заставлю въ разны музыки играть,
Сама буду безотвѣтно танцовать.
Танцовала, приговаривала:
«Идеть, идеть распостылый мужъ домой,
Несеть, несеть мнѣ подарокъ дорогой.
Подарокъ — шелковая плеточка.»
Я думала — эта плетка шелкова, —
Эта плетка изъ посконнаго ремня
Прилегала къ тѣлу бѣлу моему.

626.

Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Знаменское.

У рыжаго мужика,
У Егора дурака
Пшеница на току
Немолоченная,
Неколоченная.
Какъ на лавкѣ кувшинъ
Съ пивомъ стоитъ,
А надъ лавкой чугунъ —
Съ пивоварушкой.
Кто пиво не пьетъ,
Тотъ пьянъ не живетъ.
А жена говоритъ:
«Въ полу доска —
А моему мужу тоска,
Въ печи лучина —
На моего мужа кручина.»
А другая сударушка
Отговариваетъ:
«Расколись въ избѣ доска,
Сойди съ милаво тоска!
Загорись въ печи лучина,
Сойди съ милаго кручина!
Переломись въ избѣ берно [1]),
Сойди съ милаго бѣльмо!»
Какъ мужъ жену училъ:
По морозамъ, по лютымъ
Босикомъ ее водилъ.
Какъ жена мужа учила, —
Въ тюрьмѣ мѣсто купила:
«Вотъ тебѣ, муженекъ,
Особливый уголокъ,
Чтобъ чортъ тебя не поволокъ.»

Всѣ 3 зап. мною.

627.

а) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское (на р. Ангарѣ).

Стояла березонька зелена кудрява.
Не кому березу заломати,
Ой люли, ой люли!
Не кому березу заломати.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ второго).

—

Я спойду, спогуляю,
Бѣлую березу заломаю.

—

Высѣку я два гудочка,
Третью балалаечку,

—

Сяду на ременчатый на стулъ,
Стану въ балалаечку играти;

—

Стану въ балалаечку играти,
Стара мужа разбужати:

—

«Встань, мой мужъ, пробудися!
На тебѣ помойцевъ — умойся!

—

На тебѣ отымалочку — утрися!
На тебѣ лопату — помолися!

—

На тебѣ сухарь — подавися!
На тебѣ ложку щей — захлебнися!

—

На тебѣ шило — заколися!
Ой люли, ой люли! — заколися!

Изъ рукоп. сборника бывш. учит. Тобольскаго морск. учил. Ив. Суханова. Сообщ. Этногр. От. И. О. Л. Е., А. и Э.

628.

б) Тверской губерніи.

Во полѣ рябина стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,

—

О, о, ой ты, рябина моя!
О, о, ой ты, кудрявая моя!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, или же одного повторяющагося стиха).

Кудрява, раскудрява,
Кудреватая моя! [1])

—

[1]) Т. е. бревно.

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тульской губерніи, напр. въ Бѣлевѣ и его уѣздѣ эта, пѣсня поется съ припѣвомъ:

Шары, бары
Раздабары,
Снѣги бѣлы
Выпадали,
Сѣры зайцы
Выбѣгали,
Охотнички
Выѣзжали,
Красну дѣвку
Испугали.
Ты, дѣвица
Стой, стой!
Красавица,
Пой, пой, пой!

И тогда напѣвъ этой пѣсни бываетъ совершенно отличный отъ перваго. Но нужно замѣтить, что въ томъ и другомъ случаѣ пѣсня эта поется хоромъ. Зап. *И. П. Чулковскимъ* (уроженцемъ Бѣлевск. уѣзда) въ 1862 г. Примѣч. Какъ я въ послѣдствіи узналъ припѣвъ: Шары-бары и т. д. поется при нашей пѣснѣ и въ друг. губерніяхъ. Ш

Не кому рябины заломати,
Не кому кудрявой заломати.

—

Пойду ль я заломаю, заломаю,
Срѣжу ль я три пруточка,

—

Срѣжу ль я три пруточка,
Сдѣлаю ль три гудочка:

—

«Вы гудочки не гудите,
Стараго мужа не будите!

—

Старый мужъ пробудился,
Старый мужъ пробудился:

—

Вотъ тебѣ помои — умойся!
Вотъ тебѣ онучи — утрися!
Вотъ тебѣ заслонъ — помолися!
Вотъ тебѣ сухарь — подавися!

Зап. уроженцемъ Тверск. губ. г. Соловьевымъ. Ср. сказан. р. н. Сахарова, т. I, стр. 27.

629.

Той же губерніи.

«Уточка полевая!
Гдѣ ты спала, ночевала?»
— Я спала, ночевала
На болотѣ, подъ кусточкомъ,
У березы подъ листочкомъ.
Ужъ какъ шли прошли скоморохи —
Срѣзали по пруточку,
И сдѣлали по гудочку:
Вы гудочки не гудите,
Мово батюшку не будите.
Мой-етъ батюшка спитъ съ похмѣлья,
Со великаго перепою.

—

И было у меня три братца:
Одного-то братца убили,
И подъ колоколенькой похоронили.
И кто объ немъ поплакалъ? —
Двѣ свиньи полосатыхъ.

Зап. семинаристомъ Тверск. семинаріи В. А.

630.

Тульской губерніи.

Во лужкахъ дѣвки гуляли,
Съ комарикомъ плясали, —
Комаръ ножку отдавилъ;
Кричитъ матери: косаря!
Рубить, казнить комаря.
Покатилась голова
Во заднія ворота.
На улица срамота:
Жена мужа продала,
За дешево отдала:
Взяла цѣну шесть полтинъ,
По русскому — три рубли.
Я за то его продала, —
Плететъ лапти, кошели,
Оборы вьетъ, какъ гужи:
Оборвутся, — надвяжи.

631.

Той же губерніи, Епиф. у., с. Бутырки.

Я съ комарикомъ плясала, —
Мнѣ комаръ ножки отдавилъ,
Всѣ суставочки раздробилъ.
Я вскричала: «Мати!
Подай, мать, топора,
По русскому: косаря, —
Рубить, казнить комаря.
Покатилась голова
За заднія ворота.
На улицѣ срамота:
Жена мужа продала
За дешево отдала,
За горячій блинъ; —
Онъ таковскій былъ,
Взяла цѣну шесть полтинъ,
По русскому три рубля.
За то его продала:
Плететъ лапти, кошели,
Оборы вьетъ, какъ гужи.
Я сама мужу угожу,
Ему рубашечку сошью
Изъ тонкаго полотна,
Изъ дерюжнаго холста;
Пришью ему пуговку
Дегтярную баклажку,
А петельки завертки.

Обѣ зап. мною.

632.

Вологодской губерніи.

Какъ у батьки у батюшка
Росла дочка Натальюшка, —
Съ ведромъ по воду не хаживала,
Съ двора гостя не проваживала.

Тутъ выбрался удалый молодецъ,
Нарядился сѣрой козонькой.
И пошла коза по улицѣ гулять,
Она стукнула копытомъ о бревно,
Красна дѣвушка выглядала въ окно.
«Ахъ ты мать ли моя матушка!
Кабы это сѣра козонька
Къ батюшку во высокой во терéмъ,
Ко матушкѣ въ нову горницу,
Ко мнѣ, младѣ, на тесовую кровать,
Я не стала бы ни спать, ни дремать,
Только стала-бъ сѣру козу цѣловать.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

633.

а) Тульской губерніи.

Я по садику, по садику
Гуляла;
Я съ комарикомъ, съ комарикомъ
Плясала.
Мнѣ комаръ ножку, комаръ ножку
Отдавилъ,
Всѣ суставочки, суставочки
Переломилъ.
Ужъ и я, млада, и я, млада,
Кричала:
«Мнѣ подай, мати, подай, мати,
Косаря!
Мнѣ по русскому, по русскому:
Топора!
Мнѣ рубить казнить, рубить казнить
Комара.
Покатилася, покатилася
Голова
Вдоль широкаго, вдоль широкаго
Двора,
Ужъ за заднія, за заднія
Ворота.
Ужъ на улицѣ, на улицѣ
Рамота:
Ужъ жена мужа, жена мужа
Продала.
«Я не дорого, не дорого, —
Рубь взяла.
Я за то его, за то его
Продала:
Онъ плететь лапти, плететь лапти —
Кошели,
Онъ оборы вьеть, оборы вьеть —
Какъ гужи,
Онъ обрывашки, обрывашки
На тяжи.
Я сама мужу, сама мужу
Удружу:
Я сошью мужу, сошью мужу
Рубашку,
Я изъ бѣлаго, изъ бѣлаго
Полотна,
Я изъ торпища, изъ торпища
Изъ холста:
Ты носи-ка, мужъ, носи-ка, мужъ,
Поблюдай!
Ты по праздникамъ, по праздникамъ
Годовымъ,
Ты по Троицамъ, по Троицамъ
По честнымъ,
Ты по Масляницамъ, по Масляницамъ
По честнымъ.

Зап. сельск. учит. г. А. Шумилинымъ.

634.

б) Калужской губерніи.

Какъ жена мужа продала,
Она не дорого взяла —
По старому два рубля.
Какъ мой негодяй, 2
Никуда не годёнъ:
Ни въ солдаты, ни въ матросы,
Ни мазать колёсы.
Какъ мой негодяй, 2
На печи ялозитъ,
Съ женой огрызается.
Какъ жена догадалась 2
Кочергой ў зубы,
Помеломъ ў губы.
Она бить его била 2
Не на худо вчила:
Вей, вей, мужъ, оборы,
Плети женѣ лапти.

Отъ каменьщика зап. П. И. Манжура.

635.

в) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

На улицѣ ромада, мада, мада:
Жена мужа продала, дала, дала;
Не дорого да взяла, взяла, взяла —
Съ полтиною полтора, тора, тора,
Купила три коня, коня, коня,
Воспахала три поля, поля, поля,
Посѣяла житарю, тарю, тарю,
Надѣлала солоду, лоду, лоду,
Наварила пиварю, варю, варю,

Зазвала гостей, гостей, гостей,
Гости пиво выпили, пили, пили,
Хозяюшку увели, вели, вели,
Привязали ко ели, ели, ели, —
Прибѣжали кобели, бели, бели:
Растащили по ногѣ, ногѣ, ногѣ, —
Куды руку, куды ногу, ногу, ногу,
Куды туловище, вище, вище.

Зап. мною въ 1858 г.

636.

г) Самарской губерніи.

На улицѣ срамота, —
Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копѣйку, полушку,
Да въ шею колотушку:
Не умѣетъ работать, —
Лошадёнку запрягать,
Не умѣетъ за столъ сѣсть,
Не умѣетъ каши ѣсть.
Плететъ онъ лапти, кошели,
Вьетъ оборы тяжелы, —
Какъ оборвались — такъ вяжи.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

637.

а) Новогородской губерніи, Валдайск. у.

Безъ меня, меня женили,
Я на мельницѣ былъ,
Пріѣзжаю я домой
И поздравляютъ со женой.
— Не коснуть-ли мнѣ головой,
Да не тряхнуть-ли бородой
Для хозяйки молодой? —
Я головушкой коснулся
И кудерышкамъ тряхнулся —
И самъ себѣ улыбнулся.

Зап. мною отъ 74-хъ-лѣтн. старухи, бывшей дворовой.

638.

б) Вологодской губерніи и у.

Я па горкѣ стою
Слезки катятся,
Женить меня хотятъ, —
Мнѣ не хочется.
Безъ меня меня женили, —
Я па мельницѣ былъ.
Приманили домой,
Да и потчуютъ женой,
Хозяюшкой молодой.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

639.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Не ель сосна раззыбалася,
Ай люли, люли! раззыбалася.
Тамъ Аксиньюшка разгулялася,
Ай люли, люли! разгулялася,
За ею батюшка посылочку,
Ай люли, люли! посылочку:
Гонецъ за гонцомъ, посолъ за посломъ,
Ай люли, люли! посолъ за посломъ.
Я того гонца не убоялася,
Ай люли, люли! не убоялася.
Первый куръ попѣлъ, — я домой нейду,
Ай люли, люли! я домой нейду,
Другой куръ попѣлъ, — я не думаю,
Ай люли, люли! я не думаю,
Третій куръ попѣлъ, — я домой пошла,
Ай люли, люли! я домой пошла,
Я домой пошла, — заря взошла,
Ай люли, люли! заря взошла.
Прихожу я ко двору, ко широкому,
Ай люли, люли! ко широкому,
Ко терему, ко высокому,
Ай люли, люли! ко высокому:
Мой высокъ теремъ растворёнъ стоитъ,
Ай люли, люли! растворёнъ стоитъ,
Мой браный пологъ распышонъ виситъ
Ай люли, люли! распышонъ виситъ,
Мой ирнивый [1]) мужъ въ переду́ сидитъ,
Ай люли, люли! въ переду сидитъ,
А ремена плеть на гвоздю виситъ,
Ай люли, люли! на гвоздю виситъ,
Ёнъ по лавицѣ подвигается,
Ай люли, люли! подвигается,
За ремену плеть принимается,
Ай люли, люли! принимаится,
Ёнъ и бьетъ жену понапрасницу,
Ай люли, люли! понапрасницу,
По чужимъ рѣчамъ, по моимъ плечамъ,
Ай люли, люли! по моимъ плечамъ:
«Ты не ходи, жена, на улицу,
Ай люли, люли! на улицу,

---

[1]) Ревнивый.

Не играй, жена, со ребятами,
Ай люли, люли! со ребятами,
Со ребятами, все женатами,
Ай люли, люли! все женатами!»

Зап. мною.

640.

Нижегородской губернии.

Курочка по сѣнюшкамъ
Похаживаетъ, поговариваетъ:
«Еще кудахъ, да кудахъ,
Не бывало въ домѣ такъ,
Гдѣ хозяюшка гуляетъ,
Въ печи кашнички-горшечки
Всѣ надсѣлись кипучи,
На привязочкѣ теля̀
Удавилася, ревя̀,
Въ калыбелочкѣ дитя
Надорвалося, вопя̀.
Ушла наша хозяюшка
Въ три поля гулять:
Во первое въ еровое,
Во другое во ржаное,
А въ третье поле въ конопли,
Въ конопляхъ-то воробьи.
Воробей-то полоротъ,
Не кричи во весь народъ,
Мой батюшка у воротъ,
Зоветъ меня въ огородъ
Чесноку луку полоть,
Луку сѣянаго,
Мачку вѣянаго.
Я нарву-то луку въ руку,
Во другую чесноку,
Помираю со смѣху̀
На Романову сноху.
У Романовой снохи
Сарафаны хороши,
На полахъ-то галуны,
На подольяхъ — шабаны [1]).
Что па улицѣ шумятъ?
Сарафанъ бабы дѣлятъ,
Кому клинъ, кому станъ,
Кому весь сарафанъ,
Кому пуговки литыя,
Кому петельки витыя,
А боярамъ господамъ
На ушечки къ сапогамъ,
Поповымъ дочерямъ
На подвязочки къ чулкамъ.

Зап. К. Л. Даль.—Первыя 17 строкъ весьма сходны съ началомъ №618 (см. выше стр. 162).

[1]) Ни у Даля, ни въ Обл. словар. этого сл. нѣтъ.

641.

а) Вологодской губернии.

Сарафанъ мой сарафанъ,
Мой честной, хваленой,
Частопуговишной!
Что вездѣ мой сарафанъ
Пригождается:
Онъ при городѣ городъ,
При дорожкѣ бѣлъ шатёръ,
Онъ отъ солнышка застѣнокъ,
Отъ сырой земли постѣля.
За рѣкою шумъ шумитъ,
За быстро̀ю гомъ гомитъ.
Я думала пиво пьютъ,
Анъ сарафанъ мой дерутъ:
Что попамъ-то на скуфьи̇,
Попадьямъ на фаты̀,
Нашей дьяконицѣ
Ей на ластовицы,
Дьячихамъ щеголихамъ
На кокошнички,
Пономарйцамъ молодицамъ,
Имъ на сборнички.
Ужъ какъ ба̀рамъ господамъ —
На подвязки сапогамъ,
Боярынямъ сударынямъ —
Имъ на чепчики,
Краснымъ дѣвушкамъ —
Имъ на ленточки,
Молодымъ бабамъ —
Имъ на сборнички;
Отъ подолу-то рубцы
Молодцамъ на голунцы.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

642.

б) Тверской губернии.

Ты доцы моя, доцы!
Бери золоты клюцы, 2
Отпирай сундуки:
Ты возьми денегъ полтину,
Колы-жъ мало, такъ другую,
Ты и дай тому дѣтинѣ,
Чтобы шелъ на базаръ, 2
Чтобъ купилъ мнѣ сарафанъ:
Чтобъ не дологъ былъ,
Ни коротокъ былъ,
Часты пуговки литыя,
Золотыя, завитыя.
Ахти мой сарафанъ!
Господинъ мой, сарафанъ!

Какъ на все мой сарафанъ
Пригожаться сталъ:
Онъ и дьяконамъ на рясы,
И попамъ на скуфьи,
И дьячихамъ щеголихамъ —
 На повойнички.
Имъ и съ лавокъ сотираютъ,
Имъ и трубы затыкаютъ.
Ахти мой сарафанъ,
Господинъ мой, сарафанъ!

Зап. семинаристомъ Тверской семинаріи и сообщена профес. этой сем. А. В. Соколовымъ въ 1858 г.

643.

Тульской губерніи.

Охъ, чей это садокъ
 Зеленехонекъ стоитъ?
Чья во садикѣ кроватушка
 Тесовенькая?
На кроватушкѣ перинушка
 Пуховенькая,
На перинушкѣ изголовьице
 Высоконькое,
На изголовьицѣ дѣвочка
 Хорошенькая.
Хороша, пригожа,
 Раскрасавица моя!
Взялъ бы дѣвку для себя,
 Изукрасилъ для себя.
Я нанялъ бы сударушки
 Гребцовъ молодцовъ.
Хорошо-то гребцы гребутъ,
 Сами пѣсни поютъ.
Одинъ-то молодецъ
 Не грянетъ, не гребетъ.
Не грянетъ, не гребетъ
 И самъ пѣсни не поетъ.
Онъ съ пожки на пожку
 Поскакиваетъ,
Сапогъ объ сапогъ
 Покалачиваетъ
Къ широкому двору
 Приворачиваетъ,
Къ широкому двору
 Къ Дуняшиному.
«Ой, дома ли жена,
 Жена, барыня моя?
Жена, барыня моя,
 Не гнѣвайся на меня!
Не болитъ ли голова,
 Не привесть ли тебѣ попа? —
— Охъ, ну тебя съ попомъ
 Съ духовнымъ молодцомъ!
Вы подите, приведите
 Чумака съ кабака.
Чумакъ пьяница идетъ,
 Вина скляницу несетъ,
Вина скляницу несетъ,
 Всѣмъ по рюмкѣ обнесетъ.

Зап. сельск. учител. А. Шумилинымъ.

644.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Өедорцово.

Девятое лѣто
Мужа дома нѣту,

—

Ой бай, говори, голова!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Гроза его дома —
Шелковая плетка

—

У горенки на грядки,
На правой сторонки.

—

Я во горенку войду, —
Мое сердце ноетъ,

—

Я изъ горенки выйду,
Мое сердце отойдетъ.

—

Выйду за вороты —
Все мхи да болоты,

—

Выйду за новые, —
Луги зеленые.

—

Луги зеленые
Съ дѣвкамъ говорили:

—

Вы дѣвки, злодѣйки,
Не пейте горѣлки!

—

Горѣлка-злодѣйка
Къ добру не приводитъ.

—

Къ добру не приводитъ, —
Съ ума дѣвку сводитъ

—

Съ ума дѣвку сводить,
Въ пуньку заводить.

Во пуньки мякинки,
Во мякинки дитинка

Щелкаить, мигаить,
Къ себѣ дѣвку манить,

Душой называить,
Къ сердцу прижимаить.

Травка-муравка,
Травка зеленая!

По тебѣ, травушка,
Я не нахожуся,

На свово милóва
Я не нагляжуся.

Люди, раздайся,
Народъ, разступися!

Дайте мнѣ съ милымъ,
Дайте погуляти,

Покуль батюшка
Меня не затямилъ,

Родная матушка
Меня не заручила.

Зап. мною.

645.

а) Самарской губернiи.

Николи меня хмѣлина разыгрывала
Какъ и нынче меня хмѣлина разняла.
Разняла меня хмѣлина,
Полюбилъ щеголь дѣтина, —
Иванушка сиротина.
Онъ зажегъ сердце ретиво.
Онъ зажегъ, запалилъ,
Чулочками подарилъ,
Коты новы купилъ.
Вы носитесь-ка, коты,
Разбивайтесь, каблуки!
Не сама коты купила,
Не свои деньги платила:
Купилъ коты Константинъ,
Заплатилъ онъ семь алтынъ.

Зап. Д. В. Садовниковымъ.

646.

б) Вологодской губернiи, Тотемск. у., с. Антоново.

Никто Дунюшку не любитъ,
Никто замужъ не беретъ.
Полюбилъ Дуню Ванюша, —
Дунѣ котики купилъ:
«Ты, носи, Дуня, коты,
Не сбивай каблуки!»
— Еще что тебѣ за дѣло
До моихъ было котовъ?
Что не ты коты купилъ,
Не ты денежки платилъ.
Я сама коты купила,
Свои денежки платила.
Мнѣ Андрюшка далъ полушку,
Мнѣ Гришка далъ денежку,
Мнѣ Абросимъ — гривенъ восемъ,
А Микита — полтора,
Мнѣ Егоръ на задоръ
Два съ полтиною на столъ.
Я туды-сюды ходила,
Себѣ голубя купила.
Буду горе горевать:
Куды голубя дѣвать?
Отпущу я голубка
На боярскiй дворъ,
На гороховый ладонь [1]).
Горохъ катится,
Голубь давится,
Горохъ покатился,
Сизъ голубчикъ подавился.

Зап. мною отъ бывшей дворовой.

647.

Курской губернiи.

А дѣдушка-то
Люби бабушку
Сѣнокосъ поспѣлъ
Люди надомны.
Вотъ дешовое вино:
По три денюшки ведро,
По полушки крюкъ
И гдѣ дѣвки пьютъ.
А тили, тили, тили-то!
Не соленаи блины-то!
Съ овсомъ пироги-то!
Съ жемярикою кисель
На колѣнки присѣлъ.
Кабы рогъ табаку-то,

[1]) Токъ.

Я бы легъ на боку-то
Кабы скляпица вина, —
Я бы пьяпица была.

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

648.

Меня мать при случаѣ родила,
А бабушка съ похмѣлья повила.
Кумъ-отъ былъ винокуровъ сынъ,
Кума-то была винокурова жена.
Хрестили меня въ царевомъ кабакѣ,
Обмачивали меня во зеленомъ во винѣ.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

649.

Самарской губерніи.

Какъ изъ улицы дѣвченка,
Съ переулка молодецъ.
Они встрѣтилися,
Поздоровилися,
Сохватилися руками,
Соплеталися ногами, —
Покатились подъ гору
Ко Иванову двору.
У Иванова двора
Стоитъ банюшка нова,
Чисто выстрогана.
Какъ во этой ли во банюшкѣ
Сидятъ три баушки:
Одна *пуска*, друга *уска*,
Третья аглицкая.
Одна паритъ,
Друга правитъ,
Третья спрашиваетъ:
«Ты скажи, скажи, Парашенька,
Съ котораго числа
Себѣ чадо понесла?»
— Съ Миколы, съ Рождества,
Съ курвы масляницы.
Курва масляница
Мнѣ спать не дала
Свекоръ батюшка веревочки вьетъ,
Свекровь матушка пеленочки деретъ.

Возгласы или припѣвы, произносимые во время плясокъ плясуномъ или плясуньей.

650.

Тульской губерніи, Епифанск. у., с. Муравленка.

Разсыпься, горохъ
На двѣнадцать дорогъ!

651.

Ходи, барыня, смѣлѣй!
Музыканту веселѣй.

652.

Полюбила-бъ коваля, —
Да воля не моя.

653.

а) Ходи изба, ходи сѣни,
Мово мужа черти съѣли!
— Что ты? что ты? что ты?
Я на улицу пойду,
Семерыхъ еще найду.

654.

б) Ходи изба, ходи печь!
Хозяину негдѣ лечь:
На печи широко, —
Растянешься далеко. [1])

655.

Были сиськи, —
Съѣли кыски!
Пришелъ вечеръ, —
Мануть нечѣмъ.

656.

Я пошла-бъ за торгаша, —
Нѣту денегъ ни гроша,

657.

Хочешь — любишь, хочешь — нѣтъ:
Ни копѣйки денегъ нѣтъ;
Ни копѣйки, ни гроша, —
Походочка хороша.

658.

Деньги есть — веселюсь,
На хорошенькой женюсь.
Жениться — не разориться,
А хлѣбомъ не подавиться.

---

[1]) Вар. зап. Е. И. Т. въ Тимск. у., Курск. губ. заканчиваетъ такъ:

Ходить хата, ходить груба,
Ходить бабушка беззуба.

659.

Ужъ ты, Фпля, простота!
Купилъ лошадь безъ хвоста.
Самъ поѣхалъ, засвисталъ,
И всѣ сани замаралъ.

660.

Расколпся, сырой дубъ,
На четыре грапи!
А кто дѣвушку полюбитъ,
Того душа въ ра́и.
Кто молодушку полюбитъ,
Того душа на спасенье,
А кто старую старуху обоймётъ,
Тотъ въ адѣ мѣста не найдетъ.

Всѣ 12 записаны мною.

661.

Курской губерніи, Тимск. у.

Ой пить и попить,
И коровушку пропить:
Пускай она не ревётъ,
Мнѣ досады не даётъ!
Ой пить будемъ,
И гулять будемъ,
Когда смерть придетъ,
Помирать будемъ.
Пришла смерть 2
Отъ самого Бога;
Не хочется умирать:
Гўляла немного.

662.

Какъ нонче ю насъ
Проявилсе указъ:
Чтобы трубокъ не курить,
Табаку не нюхать,
По трахтирамъ не ходить,
Чужихъ жёнъ не любить,
А своихъ бы слухать.

663.

А на стѣнкѣ сучёкъ, —
То-то мой старичекъ:
За яго завалюсь,
Никого не боюсь.

664.

А чортъ табе нёсъ,
На дырявый мостъ!
А было-бъ держаться
За собачій хвостъ.

665.

Растатуриха коровъ пасла,
Зашшамила промежъ ногъ козла;
Козелъ глаза вытарашшилъ,
На рогахъ . . . . выташшилъ.

666.

Ахъ ты, бабушка Сидоровна!
Высоко́ ноги ўскидовала,
А другая позавидовала:
«Если-жъ-бъ я была Сидоровна,
Я-бъ повыше подкидовала.»

667.

Ой тетка съ племянницею
Помѣнялися передницею.

668.

Кобе́ликъ мой пестро́й,
На кончику востро́й,
Посередкѣ серебро, —
Ўсѣмъ дѣвушкамъ добро.

669.

«Бей трепака, не жалѣй башмака!»
— Мнѣ не жалко башмака,
Жалко зеленаго чулка.
Башмакъ батюшка купилъ
Чулокъ милый подарилъ;
Онъ не такъ мнѣ подарилъ, —
Ночевать ко мнѣ ходилъ.

670.

Ахъ ну, тряхану́
Про Ерёму, про Хому,
Про Хомину жену,
Про Хоми́ныхъ дѣтей,
Про ядрёныхъ матерей!

671.

Пошла Улькя по цыбульки,
А Ванюша по чеснокъ;
Пришла Улькя вотъ безъ юбки,
А Ванюша безъ портокъ.

672.

Ай чукъ Кременчукъ,
Недалече Волга!
По три гроша бураки,
По четыре мóрква [1]).

673.

Чукй, чуки, чуки!
Подралися барчукй.
За какую бѣду?
— За дѣвушку молоду́.

674.

Никому такъ не вдалось,
Какъ нашаму Юрки,
Самъ сидитъ на печи,
А ноги ў печурки.

675.

Ахъ черти хохлушекъ бьють,
Что (о) ни мéленьки витушки вьють,
А солью обвѣшиваютъ,
А дегтемъ обмѣриваютъ,
А папуши перевязываютъ,
А ребята ихъ обманываютъ...

676.

Той же губерніи, Тимск. у., с. Мандрово.

Пьяна баба напилась,
У солдата нанялась;
Наплясала — гóпнула, —
У ней ж. лопнула.
Того баба разсердилась,
Что въ солдаты не годилась.

Всѣ 17 зап. Е. Е. Томилинымъ отъ 12-ти-лѣтн. дѣвочки Пелагеи Молодцовой.

[1]) Морковь.

БЕСѢДНЫЯ.

А. Любовныя.

677.

Ропотъ дѣвушки на свою красоту, мѣшающую ей показаться въ люди.

Ахъ ты, мати моя, матушка!
Ахъ ты, мати, государыня моя!
Ты на что, мати, хорошу родила?
На что, мать, пригожу́ родила?
Что счастливую, талапливую,
Что таланливу, догадливую?
Мнѣ нельзя, мать, по улицѣ ходить,
Мнѣ нельзя, мати, по широкой гулять:
Мигуны, мати, помигиваютъ,
Свистуны, мати, посвистываютъ;
Мнѣ бѣлилечки, румянечки сулятъ,
Мнѣ бѣлиться, румяниться велятъ.
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣднѣ ходить:
Купцы Богу не молятся,
Всѣ дворяна усмѣхаются.

Изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія. №№ 1 и 2. Библіогр. Зап., т. II. 1859 г., стр. 337. Ср. выше, стр. 150, №№ 587 и 589.

678.

Молодецъ объясняется дѣвушкѣ въ любви.

а) Вологодской губерніи.

Вотъ какъ дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ.
На ней платьице бѣлѣется,
Полуша́лочекъ алѣется.
На головушкѣ розовый цвѣтокъ,
Во правой рукѣ нѣмецкій вѣерокъ.
Вѣерочкомъ помахиваетъ,
Добрый молодецъ поглядываетъ:
«Ахъ ты вѣрная, любезная моя!
Красота неоцѣненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдъ обошелъ,
Тебя лучше и краше не нашелъ.
Хоть лучше и краше тебя есть,
Въ моемъ сердцѣ желанной изъ тѣхъ нѣтъ».

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

679.

Тоже.

б) Псковской губерніи, Порховск. у.

Хо́ди Машинька по садику,
Яна ходи пи ша́пицці,
Па старо́нку пи агля́питцы,
На ёй платье бялѣнццы,
Душагрѣйка алѣнццы.
На галовушки ша́левый платокъ,
А на ручки пимецкій кавирокъ [1]);
Кавирочкамъ помахован.
На яну́ милой посматриван:
«Сколька я свѣту прозошелъ,
Ну красивый я въ свѣти ни пашелъ.
Хашь въ свѣти и лу́чча тяо́я есть,

[1]) Искаженное сл. *вѣерокъ*.

На маёй души пріятній тябя нѣтъ.
Хашь въ свѣти и луччи тябя есть,
Да на маёмъ сéрцы жаланьица нѣтъ.»
— Прашу, мȯладецъ: цалуй жи ты мяня,
Ни датрагивай да бѣлава лица:
Лицо бѣлая, разгарчистая,
Разгариццы яно въ мяня, не у́ймиццы.

Зап. учен. С.-Петерб. Дух. сем. Евсѣевымъ.

680.

Безкорыстная любовь дѣвушки.

Тульской губерніи.

Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣта ало́ва,
Супротивъ мово мило́ва.
Эхъ, мой миленькій хорошъ,
Чернобровъ душа пригожъ.
Мнѣ подарочекъ принесъ,
Мнѣ подарокъ дорогой
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу такъ тебя любить.

Зап. С. Д. Карѣевой.

681.

Влюбленный парень перечисляетъ своей зазнобѣ понесенныя имъ жертвы ради свиданія съ нею.

Тверской губерніи.

«Соловей, мой соловей, соловей мой батюшка!
Ой люли, ой люли соловей мой батюшка!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха съ прибавленіемъ послѣднихъ его словъ).

Соловей мой батюшка, залетная пташечка
Залетная пташечка, далеко ли летаешь?»
— Я летала, летала въ ракитовый кусточекъ.
«Ты не вей, не вей гнѣзда при дорожкѣ, при бо́ѣ,
При дорожкѣ, при боѣ, при ракитовомъ кустѣ».
— Кабы кусточекъ не милъ, я-бъ тепло гнѣздо не вилъ.
Кабы ты мнѣ не мила, не любилъ бы тебя.
Износилъ я башмаки, за тобою ходючи,
Смуръ кафтанчикъ изодралъ, по заборамъ ла́зючи,
По заборамъ лазючи, много страсти видаючи,
Пухову шляпу сгноилъ подъ капе́лью стоючи,
Подъ капе́лью стоючи, много нужды примаючи,
Два ножичка изломалъ, окошечко открывалъ,
Окошечко открывалъ, красавицы не видалъ.

Изъ старин. рукописн. сборника.

682.

Ночное свиданіе съ любезной. Перекоры.

Симбирской губ., Ардатовск. у.

Мнѣ не спится, не лежится,
И сонъ меня не беретъ.
Сходилъ бы я къ любезной,
Да не знаю, гдѣ живетъ,
Попросилъ бы товарища:
Пущай меня доведетъ.
Товарищъ лучше, краше, —
Боюсь, любу отобьетъ.
Свѣти мѣсяцъ, свѣти звѣзды,
Свѣти, бѣлая заря!
Просвѣти-ка путь-дорожку,
Гдѣ бы къ любушкѣ пройти.
Подхожу я подъ окошко, —
Любезная крѣпко спитъ.
«Стыдно, стыдно, дѣвчоночки,
Стыднехонько крѣпко спать.»
— Тебѣ, молодецъ, стыднѣе
По ночамъ поздно гулять.
Пора, миленькій, жениться,
Ко мнѣ сваху засылать.

Зап. чл.-сотр. И. О. Л. Е., А. и Э. Ив. Н. Юркинымъ. Сообщ. Отд. Этногр. означен. Об.

683.

Мрачныя мысли о замужествѣ; мечты о миломъ; ночное свиданіе.

Тверской губерніи и у., д. Гласкова.

Погуляй-ко, Дунюшка,
Пока волюшка своя,
Пока волюшка своя,
Не покрыта голова.
Покроютъ головушку, —
Минуетъ вся гульба,
Минуетъ вся гульба,
Всѣ отступятся друзья;
Не захочется Дунюшкѣ
На улицѣ погулять,
На улицѣ погулять,
Съ ребятами поиграть.
Сидѣла бы, Дунюшка
Поздно вечеромъ одна,

Горѣла бы у Дунюшки
Бѣлъ-сальная свѣча,
Ждала-бъ, дожидалася
Себѣ милаго дружка.
Не дождавшись, Дунюшка,
Постелюшку послала,
Пославши постелюшку,
Ложилася спать одна;
Ложилася, божилася,
Всѣми клядьбами клялась.
Стучалъ, гремѣлъ Иванушка
У косящата окна:
«Спишь ли ты, Дуняшка,
Али такъ лежишь?»
— Не сплю, не сплю, Ванюшка,
Больше такъ лежу,
На умѣ держу, Ванюшка,
Думу крѣпкую о тебѣ.

Зап. мною въ 1859 г.

684.

Тоскующей о миломъ дѣвушкѣ не спится во всю ночь, въ ожиданіи его. Онъ приходитъ. Угощеніе. Разговоръ съ нимъ.

Вологодской губерніи и у.

Какъ вечо̀ръ тоска одоля́ла:
Всю я ноченьку, млада, не спа̀ла.
Я не спа̀ла, не спа̀ла, не сыпа̀ла,
У тесовыя кровати простояла,
Соболино одѣяло продержала.
Я изъ горницы въ горницу ходила,
Изъ окошка въ окошко смотрѣла,
Я къ любимому *комоту* подходила,
Я любимый комотикъ отпирала,
Отпирала, отпирала, отворяла,
Я побольше графинчикъ вынимала,
Я любимый стаканчикъ доставала,
Поспѣшно я его наливала,
Я любезному дружку подносила,
Любезному своему говорила:
«Ужъ ты выпей-ко, выкушай, надежда,
Ужъ ты выпей-ко, выкушай, не чванься,
Надо мной, молодой, не ломайся!»
«Ужъ я батюшка обманула,
Ужъ я матушку сомути́ла:
Я во гости ихъ снарядила,
Любезнова своего угостила.»

Зап. И. И. Иваницкимъ.

685.

Желаніе дѣвушки соединиться съ милымъ.

а) Екатеринославск. губ., Павлоградск. у.

Охъ вы, мушки, вы комарики мои,
Вы за што, по што кусаете меня?
Отъ кусанья все головушка болитъ,
Отъ головушки ретиво сердце щемитъ,
Отъ сердечка бѣло личико горитъ.
А кто-жъ мово дружка назадъ воротитъ.
Воротися ты, мой милый другъ, назадъ,
Какъ совьемъ мы на головушку вѣнокъ,
Соберемъ мы красныхъ дѣвушекъ кружокъ.

Зап. И. И. Манжура.

686.

Сновидѣніе о миломъ.

б) Тверской губерніи, Осташк. у., с. Ѳедоровъ Дворъ.

Ужъ охъ вы мухи, комары,
Безуёмны ваши головы!
Спокой-ночки мнѣ уснуть не дали.
Чуть заснула на первой на зарѣ, —
Хорошъ сонъ мнѣ, младой, привидѣлся:
Будто миленькій ко мнѣ пришелъ,
По новымъ сѣнюшкамъ прошелъ,
Ко кроваткѣ подошелъ,
Раскрылъ бѣлое полотно, —
На бѣлыя груди палъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Въ уста меня цѣловалъ.

Зап. въ 1859 г. гимназистомъ 6-го кл. Тюкинымъ.

687.

Тоска по миломъ, опасеніе людскаго злорѣчья.

Вологодской губерніи.

Не пой соловей,
Не пой вольной, молодой!
Ты не дай тоски-кручины
Сердечику моему.
Мое тайное сердечко
Изболѣло все оно.
Все изныло по миломъ.
Сердце ныло, грудь болѣла.
По тебѣ все, милой мой!
Шла я лѣсомъ, шла я темнымъ,
Не боялась никого.
Да мнѣ некого бояться,
Кромѣ дружка своего.
Шла я садомъ, шла зеленымъ,
Мнѣ казался алый цвѣтъ.
Цвѣтикъ алый, цвѣтъ лавровый,
Безъ вѣтру листы шумятъ.
Не шумите вы листочки
Въ моемъ зеленомъ саду.

Не про насъ ли люди баютъ,
Не про насъ ли говорятъ,
Тебя молодца бранятъ?

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

688.

Грусть молодца о деспотизмѣ родителей.

Екатеринославской губерніи, Павлоградск. у.

Соловей да кукушку —
Онъ сподманиваетъ:
«Полетимъ, да кукушка,
Во зеленый садъ
Да совьемъ себѣ гнѣздушко
Соловьиное,
Да выведемъ себѣ дѣтушекъ,
Соловьятушекъ».
Да вечоръ дѣвка съ молодцемъ
Разговаривала:
«Охъ ты, молодецъ, ты молодецъ,
Ты по што не веселъ?»
— Да какъ же мнѣ, молодцу,
Веселому быть?
Сударыня-матушка
Все бранитъ, журитъ,
Сударь, родной батюшка,
Хочетъ въ службу отдать.
А мнѣ, доброму молодцу,
Не хочется,
А хотѣлося мнѣ, молодцу,
Хоть одинъ годокъ,
Хоть одинъ годокъ погулять,
Въ Москвѣ побывать.

Зап. И. И. Манжура.

689.

Молитва за мила дружка не утомляетъ.

Псковской губерніи, Остров. у.

На горѣ часовня стояла,
Ни кто въ ту часовню не ходитъ,
Одна Александра ходила,
За матушку Богу молила,
Съ тово голова заболѣла,
Ретивое сердце защемѣло.
На горѣ часовня стояла,
Никто въ ту часовню не ходитъ,
Одна Александра ходила,
За мила дружка Богу молила,
Съ тово голова не болѣла,
Ретивое сердце не щемило.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

690.

Совѣтъ любезной своему милому: не жениться на вдовѣ.

Тульской губерніи, Новосильск. у.

Какъ я нпньча молоденькя ўставала раненькя,
Ўставала я раненькя, мувалась бѣленькя,
Умувалася бѣленькя, дружка провожала.
Проводила я милȯва ня близко, — далёко,
Я ня близко, ни далеко, — за новы ворота,
Я за новые ворота, за логи, болоты.
Я про все ли, про все съ милымъ, про все говорила,
Про ядйнное словечко сказать позабыла:
«Ты жанйся, жанйсь, милый, жанись, не сгубися,
Не бяри́-ка, не бяри́-ка горькію ўдовку.
У ўдовушки обычай ня тотъ, што дявичай:
На постелюшку-та стеля, сама слезно плача,
Возголовья воскладая, — сама возрыдая».

Зап. учительн. народн. школы Кириловой.

691.

Мысль о трудовой жизни въ замужествѣ, мѣшающемъ любовнымъ отношеніямъ къ своему прежнему возлюбленному, не должна торопить дѣвушекъ выходомъ замужъ. Любовныя воспоминанія.

Вологодской губерніи.

Намъ не надо въ чужіе люди торопиться, —
Жить у батюшки дома хорошо.
Въ чужихъ людяхъ поутру рано будятъ,
На работушку гонятъ съ утра.
Мнѣ чужая работа робить не по силамъ.
Съ той работы рученьки болятъ,
Болятъ рученьки по плечамъ,
Со сдыханья бѣлая грудь болитъ,
Сердце бьется, печали предается,
Кого люблю, того дружечка жаль.
Жаль тошнехонько милȯва, сердешнȯва,
Сердешнова дружечка своего.
Куда скрылся, мой милый, удалился
На все лѣтико теплое отъ меня,
На всю зиму, на весь кругленькій годокъ?
На поминочки миленькой оставилъ
Со правой руки золотȯ кольцо.
День до вечера колечеко носила,
Въ ночи въ голову колечико клала.
Мнѣ не спится, дѣвчонушкѣ, все мапится —
Будто нѣтъ колечка въ головахъ.
По утру ранешенько вставала,
Умывалася горючими слезами.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

692.

Ночное свиданіе; указаніе милой на способъ къ устройству слѣдующихъ свиданій.

Тверской губерніи, Весьегонск. у., с. Вятка.

Какъ ходилъ гулялъ Ванюша 2
Вдоль по улицѣ, 2
На Паранино окошко 2
Часто взглядывалъ, 2
Про Паранино здоровье 2
Часто спрашивалъ: 2
«Ужъ не спишь ли ты, Параша, 2
Или такъ лежишь?» 2
— Я не сплю, душа Ванюша, 2
Больше такъ лежу. 2
Научить ли тя, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить?
Ты не улицей ходи, —
Переулочкомъ;
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи!
Чтобы я, млада младенка,
Догадалася:
Со пиру ли, со бесѣды
Подымалася.
Я подруженькамъ скажу —
Головой больна,
Отцу-матери скажу: [1])
Я и вся больна.
Я ко милому приду
Веселехонько.

Сообщ. А. В. Соколовымъ. Пѣсня эта весьма распространенная.

693.

Вызовъ на свиданіе милой; ея уклончивый отвѣтъ. Отчаяніе милаго.

а) Тверской губерніи, Новоторжск. у., д. Карцово.

Какъ по первой по порошѣ
Шелъ Павелъ долиною,
Шелъ Павелъ долиною
Чужою-то межою, своей полосою; [1])
И набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу.
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Къ Дуняшѣ въ окошко:
«Ты, Дуняша, догадайся,
Красавица домекнися.»
— Я бы рада догадаться, —
У батюшки въ гостяхъ гости,
У матушки въ гостяхъ сестры,
У меня, млады, подружки,
А у родныхъ у братьевъ —
Холостые ребята.
Пошелъ Павелъ отъ окошка
Закачалъ онъ головою.
Онъ головушкой качаетъ,
Самъ руками разсуждаетъ:
«Кого жь мнѣ будетъ любити?
Когожь дарити?
Какъ солдатушку любить, —
Убитому быть;
Какъ вдовушку любить, —
Застрѣлену быть.
А мнѣ, молодцу, любить —
Красную дѣвицу.
Красну дѣвицу любить. —
Счастливому быть».

Зап. мною.

694.

б) Вологодской губерніи и у.

Какъ на талую землю
Выпала пороша,
Какъ по этой по порошѣ
Шелъ мальчикъ хорошой,
Не путемъ шелъ, не дорогой, —
Чужимъ переулкомъ.
Онъ чужимъ шелъ переулкомъ,
Чужею межою,
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлова снѣгу.
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Дѣвушкѣ въ колѣни.
«Не шути, бѣлъ кудрявый!
Мнѣ теперь не время,
Мнѣ теперь не время,
Очень не свободно:
У батюшки гостятъ гости,
У матушки гостьи,
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я съ тобою застоялась,
Подругъ растеряла, —
Я подружекъ растеряла, —
Тебя цѣловала».

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

---

[1]) Вар.: Я и батюшки скажу:
Голова болитъ,
Я и матушкѣ скажу:
Плохо можется,
Нездоровится.
Я къ милому приду
Здоровешенько,
Веселешенько.

[1]) По друг. вар. (Тульск. губ.).
Чужимъ Ваня огородомъ,
По заднимъ воротамъ.

695.

Встрѣча любящихся на жнивѣ. Онъ, замечтавшись, жнетъ чужую полосу и ранитъ себѣ руку. Милая спѣшитъ къ нему на помощь, что вызываетъ недовольство со стороны его родителей. Размолвка.

а) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. окр., с. Больше-Мамырское (на р. Ангарѣ).

Посылала Ваню мать
Ярoвова хлѣба жать.
Пошелъ Ваня по дорожкѣ,
Не нашелъ своей полоски, —
Сталъ чужую жать.
Онъ жать-то не нажалъ,
Съ милой время провожалъ.
Со этой-то со скуки
Онъ обрѣзалъ себѣ руки:
Идетъ урѣзна кровь.
Недалеко ми́ла жала,
Она къ нему прибѣжала
Платкомъ руку завязала:
«Уймись урѣзна кровь!»
Отецъ съ матерью услыхали
Ваню до́мой закликали:
«Иди, сынъ, домой!»
Ваня до́мой торопился, —
Калинъ мостикъ подломился, —
Тутъ рѣчка течетъ.
Течетъ рѣчка во Москву,
Беретъ Ваню во тоску, —
Опять Ванѣ бѣда.
Ваня бѣды не боитца,
За дубовой столъ садитца:
На бумашку написалъ,
Своей милой отослалъ:
«Прими, милая, письмо!»
— Кабы милъ меня любилъ,
Онъ бы самъ ко мнѣ прибылъ.
Даки самъ, даки самъ, —
Не письмамъ. . .

Зап. бывш. учит. Тобольск. морского училища И. Сухановымъ. Сообщ. Этн. Отд. И. Об. Л. Е., А. и Э.

696.

Тоже. Но тутъ къ косцу спѣшитъ на помощь его барыня. Дѣвушки, гулявшіе невдалекѣ ругаютъ Ваню за невниманіе къ нимъ. Его отвѣтъ.

б) Саратовской губерніи, Сердобск. у.

И да посылаетъ Иванушку мати,
И да еровой хлѣбъ Ваню убирати.
Не хотѣлось Ванюшѣ итти,
И да вотъ итти.
Вышелъ Ваня на крылечикъ
И да положилъ серпокъ, бѣдный, на плечикъ.
Самъ заплакалъ Ваня, зарыдалъ,
Да зарыдалъ.
Сталъ Ваня ужъ за полосу заходити,
И да къ сырой землѣ припадати, — 2
Разъединный снопочекъ нажалъ,
И да нажалъ.
Обуяла Ваню тоска, скука,
И да обрѣзалъ онъ себѣ серпомъ руку, —
Полилась его нѣжна кровь,
И да кровь.
Его мать съ отцемъ увидала
И да надъ сынкомъ Ванюшей ужаснулись:
Что ты Ваня, сынокъ нашъ,
И да сынокъ нашъ?
Что ты сдѣлалъ надъ собою
И да надъ бойною головою?
Что ступай поскорѣе да домой,
И да домой.
И да его барыня увидала,
И да платкомъ въ лохтѣ Ванѣ руку перевязала,
И да зоветъ Ваню въ садъ гулять,
Вотъ гулять.
Да въ саду дѣвушки тамъ гуляли,
И да въ глаза Ванюшку ругали:
«Что ты, Ваня, долго не бывалъ,
И да не бывалъ?»
— «И да ужъ вы, дѣвчонки,
Разгульны ваши головки!
Мнѣ не время къ вамъ прити,
Да мнѣ прити.»
Да во славномъ Питерѣ Ваня родилси,
И да во Саратовѣ Ваня крестилси,
Въ Москвѣ Ваня женилси,
И да женилси.
И да взялъ черничку — ростомъ невеличку,
Разозлая, шельма, была въ полѣ работать,
И да работать.
Она жать-то, шельма, не нажала, —
И да подъ межей она пролежала, —
Только время, ахъ, она провела,
И да провела.

Зап. А. А. Мясоѣдовой.

697.

в) Смоленской губерніи, Сычевск. у., с. Юшино

Что за скука, печаль да забота —
Деревенская въ полѣ работа:
Тамъ ночку молотятъ,
Другъ предъ дружкой торопятъ,
Чтобы съ поля скорѣе убраться,

Боишься тучи, чтобъ не сходили,
Яровое поле не смочили
Частымъ дробнымъ дождемъ.
Высылала Ваню мать
Яровое поле пожать.
Не хотѣлось Ванѣ идтить.
Пошелъ Ва́нюшка не веселъ, —
Онъ голову повѣсилъ.
Онъ немного въ полѣ жито жалъ,
Серпомъ руку обрѣзалъ.
Сударушка Ваню увидала, —
Платкомъ руку завязала,
Чтобы кровь съ руки не шла.
Ишелъ Ваня, торопился,
За дубовый столъ садился,
Начиналъ перомъ писать.
Списалъ городъ и селенье.
Вотъ и Юшино село —
Должно Москвой назвать.
Тамъ богаты мужики,
Много дѣвокъ и ребятъ:
Они ходятъ въ сапогахъ.

Зап. Г. Н. Генади.

698.

г) Рязанской губерніи, Раненбургск. у., д. Урусовка.

Посылаетъ Ваню мать
Яровова въ поле жать.
Нападала на Ваню тоска-скука:
Онъ обрѣзалъ себѣ серпомъ руку,
Проливалъ онъ свою нѣжную кровь.
Сударушка его увидала,
Платкомъ ручку завязала.
Звала Ваню въ темный лѣсъ:
«Пойдемъ съ тобой, Ваня, по тропинки,
Мы вырѣжемъ съ тобой по тростинки
Во зеленый садъ пойдемъ.»
Въ этомъ ли саду дѣвица гуляла,
Красавица цвѣты рвала.
. . . .
. . . .
Въ Новомъ Городѣ Ваня родился,
Въ Питерѣ Ваня христился,
Въ каменной Москвѣ Ваня женился.
Онъ бралъ себѣ жену черничку,
Черничку, ростомъ невеличку,
Пріудалая въ полѣ работать,
Она жать-то не нажала,
Лишь подъ межкой пролежала.

Зап. мною.

699.

Жена грозитъ своему вѣтреному мужу отдачей въ солдаты за его любовь къ чужимъ женамъ.

а) Смоленской губерніи.

Выйду, выйду за ворота, —
Все мхи да болота,
Выйду, выйду за другія,
Все луга зеленые,
А на тыхъ же на лужечкахъ
Стояло древо.
Стояло древо
Тоненько высоко;
Тоненько высоко,
Корешкомъ глубоко.
На томъ древѣ, на томъ тонкомъ
Сизенькій голубчикъ, —
То мой другъ Ванюша.

—

Пошелъ Ванька на торжочекъ,
Искалъ себѣ товару.
Не знашовъ себѣ товару,
Знашовъ остру косу.
Чужо сѣно Ванька коситъ,
Свое, стоя, сохнетъ,
Чужихъ жонокъ Ванька любитъ,
Своя, стоя, плачетъ.
Стоя плачетъ причитаетъ:
Брось Ванюша, брось дружочекъ,
Чужихъ жонокъ любить.
А не бросишь чужихъ жонокъ, —
Намъ не жить съ тобою,
Быть же вору, быть же плуту
На чужой дальней сторонѣ,
На чужой дальней сторонѣ, —
Быть табѣ въ солдатахъ:
Служить Богу, служить Ца́рю,
Служить Бѣлу Государю.

Зап. учен. VI кл. Витебской гимназіи Волковымъ.

700 [1]).

б) Саратовск. губ., Сердобск. у., с. Пяша.

Ходилъ Ванюшка по базару,
Искалъ Ваня товару.
Не нашелъ Ванюшка товару, —
Купилъ нову косу.
Купилъ нову косу: «старую брошу!»

—

[1]) Эта пѣсня сшитукована изъ двухъ. Въ первыхъ 13 строкахъ она содержаніемъ сходится съ предыдущей, но далѣе она сообщаетъ изліяніе сердечныхъ чувствъ любящихся.

Косилъ Ванюшка чужую травку,
Своя стоитъ, вянетъ.
Любилъ Ваня чужую жонку, —
Своя стоитъ, плачетъ.
Она плачетъ и рыдаетъ
И свово мужа ругаетъ.
Я за то его ругаю,
Что съ другой гуляетъ.

—

«Пойду, выйду за ворота,
Во всѣ лужки болота.
Въ тѣхъ лужкахъ зеленыхъ
Ростетъ шалфей травка.
Травка стелется, плетется,
Вокругъ кусточка вьется.
У добраго у молодца сердечешко бьется,
Ни на часъ оно не уймется.»
— Не про насъ ли, моя хорошая,
Худая славушка несется?
Худа слава, нехороша!
Лихіе люди про насъ судятъ.
Они судятъ и ругаютъ,
Што я тебя люблю.
Люблю дѣвушку хорошу, —
Всегда любить ее стану.
Я до тѣхъ поръ любить ее стану, —
Пока самъ не отстану.

Зап. А. А. Мясоѣдовой.

701.

То же содержаніе, что въ 13 строкахъ предыдущей.

в) Екатеринославской губерніи, Александр. у.

Охъ и што кому за дѣло,
Што я съ милымъ сѣла?
Только сѣла, посидѣла,
Пѣсенки запѣла.
Ходитъ Ваня по базару,
Шукае [1]) товару;
Не нашелъ Ваня товару
Себѣ подъ нарѳву.
Нашелъ Ваня остру косу,
Пошелъ по покосу.
Рубитъ Ваня чужу травку,
Своя, стоя, сохнетъ,
Сохнетъ, вянетъ шелковая травка
Отъ жаркаго солнца.
Любитъ Ваня чужу жену,
Своя съ горя плачетъ.
Она плачетъ, все рыдаетъ,
Любовь вспоминаетъ,

[1]) Отъ малороссійск. *шукать* — искать.

Ты любо́ва, ты размо́ва,
Разлука съ тобою,
Разлучила насъ неволя —
Чужая сторона.

Зап. И. И. Манжура.

702.

Грусть молодца по милой. Оправдательное извиненіе въ непосѣщеніи.

Псковской губерніи, Великолуцк. у.

Какъ за рѣчушкой садикъ вoросталъ, [2]) 2
Какъ да за быстрою зеленъ разцвѣталъ, 2
Во томъ во садикѣ соловей поетъ, 2
Краснымъ дѣвушкамъ голосъ подаетъ: 2
Красныя дѣвушки, спойте соловья! 2
— Соловеюшко, мальчикъ молодой, 2
Да чернобровый, хорошій, удалой, 2
Встань, послушай, что я тебѣ скажу, 2
Словесно, чудесно, да все разскажу! 2
Ой, не пой рано, соколикъ, по утру,
По утренней по холодной по росы:
Ой, роса утренняя холоднешенька,
Ой, доброму молодцу жить скучнешенько, 2
Скучно, грустно — не знаю, по чему, 2
Знаю, знаю, по чемъ сердце болитъ, 2
По любушки дѣвушки по своей; 2
Не гнѣвайся, дѣвчонка, да на меня, 2
Ой, что я не балъ [3]) у гостяхъ у тебя,
Балъ я, балъ ў сумерки безъ огня,
Не узнала ты, любезная, меня.

Зап. мною.

703.

Горькая жалоба на милаго.

Псковской губ., Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Ты трава-ль моя,
Ты шелко́вая,
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла.
Подъ осень травка
Засыхать стала,
Про мила дружка
Забывать стала.
Милъ сушилъ крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свелъ меня
Съ ума-разума.

Зап. мною.

[2]) Выросталъ.
[3]) Былъ.

V 1P.

704.

Тоска дѣвушки о миломъ.

Ярославской губерніи.

Ты злодѣй-то, злодѣй, удалъ добрый молодецъ!
Изсушилъ ты, сокрушилъ мое сердце дѣвичье.
Долго ли моему сердцу будетъ ныть, болѣть?
Ужъ пойду я съ горя лягу на кроватку,
По кроватушкѣ, млада, раскачуся,
Съ пуховой-то я подушкой обоймуся,
По миленькомъ дружкѣ спохвачуся,
Горючими слезами зальюся:
Ужъ вы ночи мои ночи, ночи долги темныя!
Надоѣли вы мнѣ ночи, надоскучили,
Съ милымъ дружкомъ меня разлучили!

Зап. мною въ Москвѣ отъ крестьянина Ярославск. губ.

705.

Грусть дѣвушки о миломъ, ею оскорбленномъ.

а) Тверь.

Охъ вы ночи, мои ночи, ночи темныя,
Ночи темныя мои, вы осеннія!
Ужъ я всѣ ноченьки, млада, просидѣла,
Всѣ думушки въ эти ночи продумала,
Какъ одна думушка съ ума нейдетъ,
Мнѣ съ ума нейдетъ, со разума:
Проторилъ милый другъ дороженьку,
Путь дороженьку широкую;
Проложилъ-то милой худу славушку,
Худу славушку онъ про дѣвушку.
— Я сама, дѣвка, глупо сдѣлала,
Назвала дружка горькой пьяницей:
Горькой пьяницей и пропойцей:
Будто, милый, пьянешенько напивается,
Будто, милый, въ солдаты нанимается.

Зап. мною въ 1859 г.

706.

б) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Ужъ вы да ночи, ночи темныя,
Вечера ли мои веселые!
Всѣ я ноченьки просиживала,
Всѣ я думушки продумывала,
Какъ одна мнѣ дума съ ума нейдетъ,
Съ ума нейдетъ, съ великаго разума:
Тутъ проторилъ милый другъ дороженьку
Мимо садика, мимо зеленаго.
Я сама, дѣвка, глупо сдѣлала,
Своего дружка я прогнѣвала,
Назвала я дружка горькой пьяницей.

Зап. мной отъ дворовой въ 1863 г.

707.

Оренбургск. губ., г. Верхнеуральскъ.

Ужъ вы но... Ужъ вы, ноченики, вы ночи те...
  Эхъ, ночи темныя, ноченьки осеннія,
Всѣ-то я но... Всѣ-то я ноченики, млада, проси...
  Эхъ, я просидѣла, я, млада, просидѣла.
Всѣ-то я ду... Всѣ-то думушки, млада, приду...
  Эхъ, я придумала, я млада придумала.
Одна ду... Одна думушка да мнѣ съ ума...
  Эхъ, мнѣ съ ума нейдетъ, мнѣ младой со разума,
Будто мой, будто мой-то милой да во дали...
  Эхъ, во дали живетъ, милый во дали живетъ,
За быстрой, за быстрой-то рѣкой да за широ...
  Эхъ, за широкою, милый за глубокою.
За крутой, за крутой-то горой за высо...
  Эхъ, за высокою, милый за высокою.
Во кабакъ, во кабакъ идетъ да самъ руга...
  Эхъ, самъ ругается, милый, самъ ругается.
Изъ кабака, изъ кабака-то идетъ да самъ шата...
  Эхъ, самъ шатается, милый, самъ шатается.

Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

708.

Разговоръ любящихся, — упреки въ холодности. Оправданіе.

Новгородской губерніи, Валдайск. у.

Ахъ ты дѣвица, дѣвица хорошая моя,
Ты хорошая, пригожа, лучше всѣхъ.
Вотъ извольте-ка вы кушать изъ чарочки винца,
Да изволь-ко вывѣдать у молодца ума,
Каковъ умъ-разумъ-обычай у дружка.
Я одинъ годочекъ со милымъ жила,
А на другой годъ сиротой бѣдной слыла.
Сиротинкой вдоль по бережку гуляла,
А мой милый по другой-ли сторонѣ,
Черезъ рѣчку милый просится ко мнѣ:
«Сударушка, перейми ты меня, къ себѣ перевези.»
А я, младешинька, не лесливая,
Не леслила своего дружка къ себѣ,
Во глаза дружка канальей назвала:
«Ты, каналья, разбезсовѣстный дружокъ!
Никогда, дружокъ, не зайдешь побывать,
Ты не можешь поры, времени избрать.»
— Ужъ, ты милая, хорошая моя!
Не могу я поры, времени избрать:

Коли вечеромъ прійдется,
Тебя дома не найдется
Ты въ бесѣдушкѣ сидишь,
А въ полночь къ тебѣ прійтить,
Тябя жалко разбудить,
А съ утра коли прійтить,
Отецъ съ матерью не спятъ, —
Обругаютъ, забранятъ.»

Зап. г. Шашинымъ.

709.

Русская дѣвушка, преслѣдуемая французами до моря, проситъ перевозчиковъ отвезти ее за хорошее вознагражденіе на родину.

а) Московской губерніи, городъ Коломна.

Что не бѣлая лебедушка по степи гуляетъ, —
Красная дѣвушка изъ полона бѣжитъ, —
Что бѣжитъ она бѣжитъ, торопится,
На головушкѣ у ней шелковый платочекъ
раздувается.
А за нею гонятъ двое молодцы, — не русскіе,
французскіе.
Подгоняли они красну дѣвушку близко къ синю
морю,
Становилася она на бѣленькій на горючь камень,
Закричала она громкимъ голосомъ своимъ:
«Кто же есть здѣсь русски вѣрны перевозчики?
Перевезите вы меня, красную дѣвушку,
На свою сторонушку, на нашу Россеюшку,
Передставьте вы меня къ моему отцу съ матерью.
За работу вамъ, что надобно, столько вы съ меня
и возьмите,
Возьмите вы сто рублей или тысячу,
А ежели того вамъ мало покажется,
Отдамъ я вамъ свой золотъ перстень.

(Недостаетъ конца).

Сообщ. А. Н. Островскимъ. Зап. по его порученію.

710.

Дѣвушка у перевоза. Неудачные переговоры съ перевозчикомъ.

б) Симбирской губерніи, Корсунск. у., д. Козловка.

Въ тридцатымъ во четвертымъ году
Уродилось много ягодъ во бору,
Красна дѣвушка заплуталась въ лѣсу,
Выходила на Самару на рѣку,
Становилась на крутенькій бережокъ,
Растилала кашемировый платокъ,
Вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Перевозчикъ, рыболовчикъ, парень молодой,
«Перевези-ка меня, дѣвчоночку на свою сторону
домой!»
— Красна дѣвушка, перевозъ мой дорогой.
«Добрый молодецъ! пятьдесятъ рублей съ меня
возьми!»
— Красна дѣвушка! мнѣ не надо ничего,
Только, дѣвушка, выйди замужъ за меня!
«Добрый молодецъ! въ томъ воля не моя,
Въ томъ воля вся батюшкина,
Еще воля вся матушкина.
У батюшки я одна дочка была. . .»

Зап. мною.

711.

в) Вологодской губерніи и у.

Красна дѣвица заблудилась во лѣсу,
Выходила на Дунай быстру рѣку,
Кличетъ, гаркаетъ перевозчичка къ себѣ:
«Перевощикъ, парень молодой!
Перевези меня на ту сторону домой,
На ту сторону на батюшкину,
На родимую на матушкину.»
— Красна дѣвица, перевозъ-отъ дорогъ мой.
«Добрый молодецъ, что хочешь, то бери.»
— Красна дѣвица, выйди за мужъ за меня!
«Добрый молодецъ! у меня воля не своя, —
У меня воля батюшки, да родимыя матушки.»
— Красна дѣвица! ты не спрашивай отца,
Распотѣшь меня молодца.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

712.

г) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Не въ нонѣшномъ было — въ прошломъ году
Уродилось много ягодъ въ бору,
Заблудилась красна дѣвица въ лѣсу,
Выходила на Дунай быструю рѣку,
Становилась на крутой на бережокъ,
Разстилала цвѣтъ малиновой платокъ,
Вынимала сладкой водки полуштофъ,
А закусокъ садовыхъ яблочковъ пятокъ,
Потомъ просила красна дѣвка перевозъ:
«Перевозчикъ, рыболовчикъ молодой,
Перевезь-ка на ту сторону домой,
Мнѣ къ тятѣ, потомъ къ маменькѣ родной!»
— Красна дѣвица, нынче дорогъ перевозъ.
«Добрый молодецъ, лиса шуба вотъ съ меня!»
— А нѣтъ, красавица, пойди ты за меня!
«Добрый молодецъ, въ етомъ воля не моя.
Есть на то отецъ и мать
Да за кого хочутъ отдать.»

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л Е., А. и Э.

713.

Воспоминаніе о прожитой порѣ счастливой жизни.

Рязанской губерніи.

Случилося-то мнѣ, доброму молодцу,
Ахъ, да мимо садику, саду ѣхати.
Хорошо, братцы, въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ, самъ высвистываетъ,
Приговорки онъ приговариватъ.
Какъ получше того красна дѣвица, —
Припадаючи она ко сырой землѣ,
Обнимаючи она частъ ракитовъ кустъ.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Во слезахъ она слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:
«Ахъ ты, батюшка, нашъ ракитовъ кустъ,
Подъ тобою-ли, подъ кустикомъ,
Было попито, погу́ляно,
Со милымъ дружкомъ посижено,
Много тайныхъ словъ поговорено.»

Отъ Ив. Ев. Молчанова.

714.

Сѣтованіе дѣвушки на свою безотрадную судьбу.

Екатеринославской губерніи, Александр. у.

Охъ, нѣтъ на свѣтѣ несчастнѣе меня!
Закрылися всѣ радости отъ меня,
Сострѣлися всѣ напасти и со мной.
Вы напасти отойдите отъ меня!
Судьба-жъ моя, до чегожъ ты довела?
Никакой ты радости не дала,
Только сердцу печали придала.
День настанетъ — я смутная прохожу,
Ночь настанетъ, — въ горькихъ слезахъ пролежу.
Гдѣ бъ я дѣлась — свою тоску раздала?
Спишу тоску на гербовомъ листу,
Пошлю тоску въ городъ Москву.
А кто письмо прочитаетъ,
Тотъ мое все горе узнаетъ.
Охъ вы люди, перестаньте говорить!
Разсудите, какъ на свѣтѣ одной жить.

715.

Дѣвушка, тоскующая объ отъѣзжающемъ миломъ, бѣжитъ за нимъ — не догоняетъ и утомленная падаетъ на дорогѣ и засыпаетъ. На сонную наѣзжаетъ сынъ купеческій и будитъ ее злой насмѣшкой.

Тамъ-же.

Ходила Параношка по лисочку —
Наколола поженьку на драночку,
Заболѣла поженька да не больно
Любилъ парень дѣвочку да не долго,
Недолгое времячко—два годочка,
Показалось дѣвочкѣ за одинъ годочекъ,
Поѣхалъ мой миленькій въ городочекъ —
На долгое время—на часочекъ,
А я-жъ молоденька во слидочекъ,
Бѣжала, бѣжала, я не догнала,
Бѣжала, бѣжала, я приморилася,
Среди дороженьки спать ложилася.
Охъ наѣхалъ на дѣвочку сынъ купецкой,
Сынъ купецкой, молодецкой:
«Устань, устань, дѣвочка, пробудися;
На мою колясочку подивися!
Што въ меня колясочка золотая,
Што въ меня кониченьки вороные,
Кучера — хвалетора молодые.»

Обѣ зап. И. И. Манжура.

716.

Тоска по милой, желаніе видѣться съ ней.

Псковской губерніи.

Если бы мнѣ молодцу сизы крылышки,
На сизомъ на крылышкѣ золотыя перушки, —
Вздынулся бы я высоко, полетѣлъ бы я далеко—
Къ любушки-сударушки въ зеленый садочикъ,
Съ зеленаго садочка подъ красное окошечко,
Подъ краснымъ окошечкомъ сталъ бы гурковати,
Къ любушки-сударушки свой голосъ подавати,
Свой голосъ подавати и словечкамъ увѣщати:
«Когда тебѣ, любушка, скучно, — пиши ко мнѣ письма.»
— Писать я не умѣю, писарямъ не вѣрю,
— Писаря наши — злодѣи; разлучить насъ хотѣли.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

717.

Тоска по милой.

Тверской губерніи, Весьегонск. у., с. Смердыня.

Ахъ вы мысли мои, мысли, печальныя мысли!
Скажите вы, мои мысли, про мое несчастье:
Какъ же мнѣ, молодчику, жить въ такой напасти?
Печальное мое сердце безпрестанно тужитъ,
Тоскуетъ оно, горюетъ все по прежней волѣ.
Имѣлъ бы я крылушки, еще златыя перья, —
Взвился бы я высоко, полетѣлъ бы далеко,
Гдѣ бы мнѣ понравилося, тамъ бы опустился,
Ко своей сударушкѣ сѣлъ бы я на окошко,
Сѣлъ бы я на косящетое, сталъ бы я ворковати,
Свою разлюбезную сталъ бы я потѣшати.

Зап. учен. Тверск. семинаріи Н. С.

718.

Разлука съ возлюбленнымъ вызываетъ охлажденіе.

а) Курской губерніи, Тимск. у.

Да южъ вы вздохи, мои-жъ вздохи,
Да вы тяжелаи да мои!
Полятитя да вы, мои вздохи,
Къ тому, кого-жъ я люблю. 2
Прилетитя, да вы мои вздохи,
Вы опять ко мнѣ назадъ.
Принеситя менѣ отъ милаго
Мнѣ пріятнаю вѣсть, 2
Мнѣ пріятнаю вѣсть жа,
Што хороша въ свѣтѣ есть. 2
Да хороша въ свѣтѣ много, —
Да я много полюблю, 2
Да я много размилаго,
Да разлюбезнаго свово. 2
Мнѣ минуты жить безъ милаго, —
Да мнѣ кажется сто лѣтъ.
Не разрушенъ мой да покой жа,
Да я разсѣю разумъ свой,
Да я разсѣю разумъ свой, —
Да по тебѣ, любезный мой. [1])

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

719.

б) Саратовской губерніи, Хвалынск. у., с. Безобразовка.

Ужъ вы вздохи мои, вздохи,
Растяжелые мои!
Воздохните мои вздохи,
Воздохните тижело.
Воздохните тижело,
Полетайте далеко,
Назадъ скоро возвратитесь,
Сядьте на правое плечо!
Погляди ты, мой милёнекъ,
На мое бѣлое лицо:
Мое личико кругленько, —
Словно жаръ въ лицѣ горитъ.
Не жури, ты, мой милёнекъ, —
Оглянись самъ ты на себя:
Оглянись самъ ты на себя:
Не сколь ты лучше меня.
Только тѣмъ ты, миленькій, получше,
Ходишь браво, щепетко [2]),
Ходишь браво, щепетко,
Носишь платье ты цвѣтно.

Зап. мною.

---

[1]) Послѣдніе два стиха при повтореніи пѣвица пѣла такъ:

Да я разсѣю, да разумѣю
Какъ на свѣтѣ мнѣ прожить.

[2]) Щеголевато, нарядно. Сл. Даля.

720.

Тоска по миломъ.

Тульской губерніи, Крапив. у.

Заводы мои, вы заводушки,
Вы кирпичные, горемычные!
Вы не стойте, заводы, близко къ берегу:
Что придетъ-то придетъ весна красная,
Что пойдетъ-то, пойдетъ вода вольная,
Вода вольная, половодная,
Что подмоетъ твои всѣ корешечки,
Позасохнутъ твои сучки, вѣточки,
Сучки, вѣточки, всѣ отросточки,
Ужъ и кто-жъ эти заводы заводилъ?
Завела эти заводы красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, Пелагеюшка,
Заведёмши заводы, сама въ лѣсъ пошла,
Въ лѣсъ по ягодки, по черную по смородину;
Ўсѣ дѣвки понабралися,
Одна дѣвка не набралася,
Съ молодцомъ дѣвка застоялася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую она засмотрѣлася:
«Ты рябина моя, рябинушка,
Ты рябина моя кудреватая,
Кудреватая рябина, щеглеватая!
Не стой, рябина, близко къ берегу,
Что придетъ-то придетъ, весна красная,
Что подмоетъ твои сучки, вѣточки,
Сучки, вѣточки, всѣ отросточки.»

Сообщ. г. сельск. учит. Шумилинымъ.

721.

Тоска по миломъ; ропотъ на родителей.

Новогородской губерніи, Валд. у.

Вы молодчики молоденькіе
Дружки вы мои, вы мои!
Безъ огня мое сердце изожгли,
Безъ вѣтру мои мысли разнесли,
Разнесли мысли по чистымъ полямъ,
По чистымъ полямъ, по зеленымъ лугамъ.
Кабы мнѣ волюшка отъ батюшки была дана,
Кабы нѣга мнѣ отъ родной матушки была,
Не сидѣла-бъ у окошка я одна,
Не лежала-бъ бѣлой грудью на окнѣ,
Не роняла-бъ горьки слезы за окно,
Не смотрѣла-бъ въ путь-дорожку далеко,
Не ждала бы друга милаго мово.

Зап. мною отъ 74-лѣтн. старухи, бывшей дворовой.

722.

Кручина молодца о своей любезной,—вызовъ на свиданье.

Симбирской губерніи, Корсун. у., с. Усть-Урень.

Кручинушка ты моя, кручинушка великая!
Ни кому ты, моя кручинушка, не извѣстна,
Извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу,
Покрыта ты, моя кручинушка, бѣлой грудью,
Запечатана ты, моя кручинушка, крѣпкой думой.
Заной-ко, заной, мое сердечушко, заной, ретивое!
Заслышь-ко, моя любезная, заслышь мой
голосочикъ!
Ужъ выдь, моя раздушинька, на красный
крылечикъ!
Погляди-ко ты, моя разлапенька, во чистое поле:
Не бѣлы-то снѣжки во чистомъ полѣ забѣлѣлися,
А забѣлѣлися дружка милаго бѣлыя палаты,
Во палатахъ раскинуты шатры шелковые,
Во шатрахъ-то стоятъ три столика дубовые,
На столахъ-то пораскинуты скатерти бранны,
За столами-то сидятъ три молодца бравы.

Зап. мною (въ 1856 г.).

723.

Сѣтованіе дѣвушки на своихъ родителей за запретъ сокрушаться о миломъ.

Новгородской губерніи, Валдайск. у., с. Гоголево.

Что-то не павушка по дворику гуляла,—
Красная дѣвушка по сѣничкамъ ходила,
Ена нянюшекъ и мамушекъ будила:
Вы вставайте, няньки, мамки, пробужайтесь!
Иль да вы ли души красны дѣвицы!
Вы подумайте мнѣ младенькой, пригадайте,
Что за что меня вечоръ отецъ и мать бранили,
На весь-то народъ-племя меня, хорошую, журили,
Не велѣли мнѣ по миленькомъ плакать,
Не велѣли мнѣ по хорошемъ тосковать.
Ужъ вы сами, добрые люди, разсудите, 2
Ино какъ же мнѣ по миломъ не тосковать?
Ужъ какъ же мнѣ по хорошемъ не плакать?
Какъ ёнъ хорошъ, пригожъ, мой миленькій
уродился;
Вышелъ мой миленькій родствомъ, пригожествомъ,
Вышелъ мой миленькій всею красотою,
Вышелъ мой миленькій всею молодецкою
поступкою.

Зап. мною отъ 74 л. крестьянки.

724.

Любовныя мечты; мысли противъ женитьбы,—ихъ опроверженіе.

Вологодской губерніи и у.

Не велика птичка-пташечка
Много знала, много видѣла,
На сине море лѣтывала.
Что садилась птичка-пташечка
Середи моря на камушекъ.
Она слушала, выслушивала
Соловьюшка голосу,
Красныхъ дѣвушекъ пѣсенокъ.
Говорила птичка-пташечка
Человѣческимъ голосомъ,
Говорила любезному своему:
«Не женись, мой любезный другъ!
Когда женишься — спокаешься,
Съ молодой женой намаешься.»
— Полно глупая, не дѣло говорить!
Люди женятся,— не каются,
Съ молодымъ жонамъ не маются,
Только въ саночкахъ катаются.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

725.

Пріятное сновидѣніе о миломъ.

Псковской губерніи, Порхов. у.

Засидѣлась Доня моя поздно вечеромъ,
Ждала, поджидала, къ себѣ гостя милаво;
Притомилась Доня, притомилась,
На тесовую кроватку спать ложилась,
Непріятенъ сонъ Донѣ пригрезился,
Сгрезилось не про батюшку, не про матушку,
Только сгрезилось про Ванюшечку:
Мой любезненькій во дали живетъ,
Во дали, въ дали, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, за Москвой, за Питеромъ,
За Москвой, за Питеромъ, въ славномъ Порховѣ,
Въ тяжелой работушкѣ, въ тяжелой во каменной,
И ёнъ строитъ миленькій дворецъ,
Самъ по рыночку пойшелъ, 2
На почтовый дворъ зайшелъ,
Ёнъ послалъ милой посылочку,
Посылочку — алую косыночку.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

726.

Любовныя мечтанія.

Тверь.

Какъ и во полѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей птица сидитъ,

Горьку ягоду, калинушку, клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью два сокола,
Взяли, брали, соловеюшку съ собой,
Посадили его въ клѣточку, *
За серебряну рѣшеточку.
Что заставили пѣсни пѣть:
«Ужъ ты пой, воспѣвай, мой соловей!
При кручинѣ спотѣшай молодца,
При великой разговаривай его,
Чтобы молодецъ не плакалъ, не тужилъ,
Всее ноченьку молоденькой не спалъ,
Все во золоты цимбалы проигралъ,
Все бы душу дѣвицу спотѣшалъ,
Чтобы дѣвушка любила молодца,
Чтобъ любила его, жаловала,
При людяхъ его надеждою звала,
А въ безлюдьицѣ душечкою!»

Зап. В. А. Соколовымъ.

727.

* По варіанту, выписанному изъ старипнаго рукописнаго сборника (въ Твери) пѣсня отсюда продолжается такъ:

Посадили его въ зеленомъ саду.
Какъ заставили пѣсень пѣть:
Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей!
При кручинѣ утѣшай молодца!
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Все въ золотые цимбалы проигралъ,
Онъ душу красну дѣвицу вспотѣшалъ,
Чтобъ дѣвица любила молодца,
Чтобъ любила и жаловала,
При своихъ сестрахъ надеждою звала,
Безъ людей — сердцемъ, душичкой:
Ахъ, ты душечка, удалой молодецъ!
Еще нѣтъ нигдѣ такого молодца,
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
Ни у Макарья — на желтыхъ пескахъ,
Ни у насъ въ каменной Москвѣ.
Проявился удалой молодецъ,
Что у насъ ли, во Покровскомъ во селѣ,
Во вдовушкиномъ онъ во дворцѣ;
Что у вдовушки у голубушки,
Ни отца нѣту, ни матери,
Лишь одинъ у ней удалой молодецъ
Онъ и родъ-племя и миленькій другъ.

Изъ старин. рукописн. сборника.

728.

Томительное ожиданіе встрѣчи влюбленныхъ.

Новогородской губерніи, Валд. у., с. Гоголево.

Во сыромъ бору подъ сосенкой, подъ сушинкой,
Что подъ бѣлою, подъ кудрявою подъ березкой.
Собирались добры молодцы на лужечикъ,
Становились, разудалые, въ кружечикъ;
Ені́ думали думу крѣпкую за едино,
За едино, за свое ретивое за сердечко:
«Нѣтъ намъ волюшки, добрымъ молодцамъ, погуляти,
По своей по родимой по сторонушкѣ походити,
На сударушкино на окошечко некогда посмотрѣти,
У сударушки некогда про здоровьице распросити:
— «По здорову ли, моя сударушка, живешь можешь?»
— Плохое мое здоровьице, какъ крутое изголовице.
Я ночесь всю ноченьку мало спала,
На окошечкѣ *своей* бѣлой грудью пролежала,
Всѣ я свои горючи слезы проливала,
Я ждала къ себѣ любезнаго, дожидала,
Я насилу къ себѣ любезнаго дождалася,
Я своимъ горючимъ слезамъ облилася,
Во слезахъ своему любезному говорила,
Во глаза своему милому попеняла:
«Ты по что ко мнѣ, миленькій, рѣдко ходишь?»

Отъ 74-лѣтн. крестьянки.

729.

Грусть молодца на чужой сторонѣ по своей милой. Ревность.

Тула.

Все то мнѣ мило, все то мнѣ хорошо,
Одно то не мило — чужа сторона:
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить,
Умѣючи жить, поклонному быть,
И старому и малому все низкій поклонъ,
Молодымъ молодушкамъ пониже всѣхъ,
А краснымъ дѣвушкамъ шапочка долой.
Ужь ѣхалъ я, ѣхалъ, вдоль по селу,
Ужь видѣлъ я, видѣлъ милую свою,
Она ходитъ, гулятъ, въ зеленомъ саду,
Щипитъ, ломаетъ, изюмъ-виноградъ,
Мечетъ, бросаетъ, милому на кровать.
Щипи, щипи, милая, мнѣ и себѣ!
Нащипишь, душа моя, ко мнѣ принеси!

730.

Печаль разлуки съ милымъ.

а) Тверской губерніи, Новоторжск. у., с. Селихово.

«Полно, солнышко, по залѣсью ходить,
Полно, красное, въ саду яблонь сушить!
Полно, дѣвица, по молодцу тужить!»
— Какъ мнѣ, дѣвицѣ, не плакать, не тужить?
Мнѣ такова дружка по́ вѣкъ не нажить,
Мнѣ не ростомъ, не пригожствомъ, простотой
Молодецкой поступочкой, щегольствомъ.
«Не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улицы свѣтилъ, —
Заря бѣлая, — день въ окошечко взошелъ, —
Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ забавы, всѣ утѣхи принесла,
Въ окошечко бѣлы ручки подала,
По другіимъ увѣряла молодца,
Увѣрявши, чернобровымъ назвала:
— «Чернобровый, черноглазый, милый мой!
— «Мнѣ не долго во любви пожить съ тобой.
— «Во любви пожить, во согласьи погулять:
— «Тебя, молодца, женить скоро хотятъ.
— «Тебя женятъ, меня замужъ отдадутъ.
— «По дорожкѣ заѣзжай ко мнѣ, милой!
— «На послѣдки распростимся мы съ тобой.»

Всѣ 3 зап. мною въ 1857 г.

731.

б) Вологодской губерніи.

Полно солнышко изъ за лѣсу свѣтить,
Не цвѣтите въ полѣ алые цвѣты!
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить!
— Ужъ какъ же не плакать, не тужить, —
Мнѣ такого дружка во вѣки не нажить!
Вы молодчики молоденькіе,
Вы дружки мои хорошенькіе!
Ваши ласковы пріятныя слова,
Безъ огня вы мое сердце разожгли,
Вы безъ вѣтру мои мысли разнесли
Разнесли мысли по чистымъ по полямъ,
По зеленымъ садикамъ, лужкамъ,
По уѣзднымъ по далекимъ городамъ.
Ктобы, ктобы моему горю помогъ?
Ктобы, ктобы мое сердце взвеселилъ?
Кто-бъ любезнаго съ дорожки воротилъ
«Воротись-ка, мой любезный другъ, назадъ,
Меньше-бъ стало мое сердце тосковать?
Не сидѣла-бъ въ новой горенкѣ одна,
Не лежала-бъ бѣлой грудью на окно,
Не ронила-бъ горькія слезы за окно,
Не смотрѣла-бъ въ чисто поле далеко́».

Зап. П. А. Иваницкимъ.

732.

в) Тамъ-же.

«Полно солнце, полно красно
Изъ-за лѣсику сіять!
Полно дѣвка, полно красна
По молодчикѣ тужить!»
— Какъ мнѣ дѣвкѣ, какъ мнѣ красной,
Какъ не плакать, не тужить?
Мнѣ такого-то дѣтинушки
Во вѣки не нажить,
Мнѣ ни ростомъ, ни красой,
Молодецкой форсотой.
Заря бѣла, заря бѣла
Къ намъ въ окошечко вошла
Саша съ Машей, Саша съ Машей
Незваны въ гости пришли.
Праву ручку, праву ручку
Я въ окошко подала,
Увѣряла молодца,
Увѣрявши, говорила,
Чернобровымъ назвала:
«Чернобровый, черноглазый,
Расхорошій милый мой!
Намъ не долго, намъ не долго
Во любви пожить съ тобой:
Тебя женятъ, тебя женятъ,
Меня за мужъ отдадутъ.
Отдадутъ молоду
За немилаго дружка, 2
За постыла женишка.

Зап. тѣмъ же.

733.

Жалоба влюбленнаго молодца на людское злорѣчье и просьба возлюбленной переночевать у нея.

Тульской губерніи, Новосильск. у.

«У насъ нння день суботняй:
Нельзя въ полѣ работать,
Нельзя въ полюшкѣ работа́ть,
Ни скородять, ни пахать.
Пойдемъ съ тобой, раздушечка,
Въ зеленый садъ погулять.
Ва зелёномъ вы садочку
Соловьи пташки поють.
Одна пташка-канарейка
Очань жалобно поеть.
Оии поють, распѣвають,
Мнѣ спокою не дають.
Тибе дѣвушку ругають,
Мине молодца бранять, —

Тибе, дѣвушку, за правду,
Мине, молодца, за што?»
— Вичоръ поздно я милаго
Убирала хорошо.
Убирала, снаряжала,
Оставляла ночевать:
«Ночуй, ночуй, мой миленькяй,
Хоть одну ночку со мной.»
— Я бы радъ бы, ночевалъ бы,
Боюсь зорюшку проспать.
«Ня бось, ня бось, милинькяй,
Сама рано ўстаю,
Сама рано ўстаю я,
Тибя, мой другъ, ўзбужу.»

Зап. учительн. народн. училища Кириловой.

734.

Дѣвушка уклоняется отъ ласкъ и угощенія своего, ославившаго ее поклонника.

Вологодской губерніи, Тотемск. у.

Гнала, гнала Дуняшенюшка,
Гнала стадо бѣлыхъ лебедей,
Вдругъ на встрѣчу Дуняшенюшкѣ
Идетъ миленькій дружокъ,
Зоветъ Дунюшку во садочекъ:
«Пойдемъ, Дунюшка, во садочекъ!
Сладкимъ яблочкамъ тебя угощу,
Я словечкамъ тебя улещу.»
— Не лести-ка, миленькій, словами,
Не обманывай, милый, во глаза!
Я у батюшки, у рòдной матушки
Во любови, дѣвушка, взросла,
Я отъ жару, я и отъ морозу
Бѣло личико берегла,
Отъ худыя славушки, недобрыя,
Никуда я замужъ не ушла.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

735.

Дѣвушка отказываетъ въ своей рукѣ своему возлюбленному за его прежнія насмѣшки.

Ярославской губ., Пошехонск. у.

Заболитъ головушка,
Заноетъ сердечушко
По голубчикѣ своемъ.
«Гдѣ-то живетъ, любушка,
Гдѣ живетъ голубушка?»
— Живетъ-то моя любушка,
Живетъ моя голубушка
По ту сторону рѣки.
Переѣхалъ бы я къ ней; —
Переѣхавши къ любезной,
Тамъ бы выстроилъ теремъ,
Насадилъ бы дрявъ лавровыхъ —
Вышелъ бы въ садикъ погулять.
«Здравствуй, лапушка дѣвочка!
Я хочу теперь жениться,
Я *намѣренъ* взять тебя.»
— Ты женись, женись, любезный!
Я замужъ нынѣ не пойду.
Не пойду я нынѣ замужъ
За насмѣшки за твои.
За твои, злодѣй, насмѣшки,
За похвальныя слова.
Когда маленькая я была
Ты смѣялся надо мной,
Теперь я выросла велика, —
Всѣ насмѣшки отсмѣю.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. Общ. Л. Е., А. и Э.

736.

Разговоръ дѣвушки съ рѣкой, утопившей ея милаго.

а) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Заболитъ головушка,
Заноетъ сердечушко
У моего дружка, да дружка
По сударушкѣ по своей.
Гдѣ живетъ сударушка?
Гдѣ живетъ разлапушка?
Кралечка душа, да душа?
— Тамъ за рѣкой, за рѣкой
Чесалъ милый кудерки,
Чесалъ милый русые
Свои волоса, волоса
Своимъ частымъ гребешкомъ.
Причесавши кудерки,
Причесавши русые
Свои волоса, волоса,
Пухову шляпу надѣлъ.
Шляпушка пуховая,
Сибирушка новая, —
Нова зелена, зелена.
Не дошелъ до дѣвицѣ,
Не дошелъ къ разлапушкѣ, —
Кралечкѣ душѣ, да душѣ, —
Быстра рѣчка заняла.
Нѣту на той рѣченькѣ,
Нѣту на той быстренькой,

Быстрой же рѣкѣ, да рѣкѣ, —
Нѣтъ ни моста, ни перилъ.
Только на той рѣчушкѣ,
Только на той быстренькой, —
Быстрой же рѣкѣ, да рѣкѣ, —
Только жердочка была.
Жердочка сломилася,
Шляпушка свалилася.
У моего дружка, да дружка, —
Друга быстра рѣка унесла.
Увидала дѣвица,
Увидала красная,
Кралечка душа, да душа,
Со высока терема.
Проклинала красная,
Кралечка душа, да душа,
Эту быструю рѣку:
Каково-жъ тебѣ, рѣченька,
Каково-жъ тебѣ, быстрая,
Быстрая рѣка, да рѣка,
Безъ крутаго бережка, —
Таково-жъ мнѣ, дѣвицѣ,
Таково-жъ мнѣ красненькой,
Кралечкѣ душѣ, да душѣ,
Безъ сердечнаго дружка.

Зап. С. Н. Рачинской.

737.

Просьба дѣвушки къ рыболовамъ спасти утопающаго ея возлюбленнаго и проклятіе рѣкѣ.

б) Тульской губерніи, Новосильск. у.

«Ужъ ты матушка родная,
Хочу съ горя умереть!
Вы подитя, привядитя
Кого вѣрно я люблю.
Полюбила я молодчика
Сы кудрявой головой.
Милай кудярцы расчёша,
По проулочкамъ мы пройдемъ,
По проулкамъ, пираулкамъ
Дунай рѣчка протекла.
Какъ по этой Дунай рѣчкѣ
Калинъ мостикъ замошшёнъ.
Калинъ мостикъ обломился,
Мой милинькяй спотонулъ.
— «Ужъ вы хлопцы, рыболовцы,
Закиньтя вы невода!
Вы достаньтя майво друга
Изъ подъ самаго съ пододна!
Кали выташшитя вы милова
Буду рѣчку выхвалять,
А ня выташшитя вы милова,
Буду рѣчку проклинать:
Провалися ты, Дунай рѣчка,
Зворотися, мой милой!»

Зап. народн. учительн. Кириловой.

738.

в) Вологодской губерніи и у.

Я нигдѣ дружка не вижу,
Во постелюшкѣ лежу,
Нигдѣ голосу не слышу,
Умереть по немъ хочу.
Послушайте, люди добрые,
О чемъ я васъ попрошу:
Вы сходите, приведите
Кого я вѣрно люблю!
Люблю я бѣлаго, кудреватаго,
Удалого молодца.
Чешетъ милый русы кудри
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ.
Разчесалъ милóй кудѐрюшки,
Самъ къ дѣвушкѣ пошелъ.
И случилося милому
Черезъ рѣченьку итти.
Черезъ рѣчку, черезъ быструю
Тонка лавинка лежитъ.
Тонка лавинка подогнулася, —
Мой любезный потонулъ.
Понесло шляпу пуховую
Вдоль по быстрой по рѣкѣ.
Что увидѣла красна дѣвица
Изъ высокаго терема,
Взяла вѐдерки дубовыя,
Сама по воду пошла.
Зачерпнула, да поставила,
Пухову шляпу взяла,
Говорила дружку милому:
«Черезъ рѣчку не ходи!
Ты ходилъ бы, моя радость,
Черезъ темненькій лѣсокъ
Въ мой зеленый во садокъ.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

739.

Поклонъ и наказъ молодца своей возлюбленной, препятствія къ свиданію съ ней и подозрѣніе въ измѣнѣ.

Вологодской губерніи и у.

Ты товарищъ братецъ мой!
Не поѣдешь ли сего лѣта домой?

Скажи дѣвушкѣ нижающій поклонъ;
Не ждала бы сего лѣта домой,
Сего лѣта до холодныя зимы.
Замерзали всѣ болота и ручьи,
Становились быстры рѣки широки́,
Выпадали бѣлы снѣги глубоки́,
Нельзя молодцу ко дѣвушкѣ пройти:
По подворьецу — дорога не торна̀,
По подъ-о̀конью — дорожка широка,
Широка, торна̀, пробоиста до песку,
До того ли до синёва камешку.
Знаю, знаю, кто дорожку проторилъ:
Молодой парень ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
Безъ расчету золотой казной дарилъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

Отворяла окошко
Помалёшеньку
Говорила съ милы̀мъ
Потихо̀шеньку:
«Ахъ ты, милый мой,
Другъ не во́ время!
Мой постылый мужъ
На рукѣ лежитъ,
Во глаза глядитъ,
Цѣловать велитъ.
Цѣловать-то его
Мнѣ не хочется,
Сердце не воротится,
Кровью обливается.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

740.

Ревность и улики въ невѣрности своего милого.

а) Вологодской губ. и у.

Полынька, полынька,
Тра̀вонька горькая!
Не я тя садила,
Не я сѣяла.
Сама ты, злодѣйка,
Уродилася
По зеленому садочку
Растелилася,
Заняла, злодѣйка,
Въ саду мѣ́стечко —
Мѣсто доброе,
Хлѣбородное.
На этомъ на мѣстѣ
Черносливъ растетъ,
Черносливъ растетъ,
Виноградъ цвѣтетъ,
Изюмъ-ягода,
Да черная смородина.
Свѣти-ка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю темну ночь,
Освѣщай дорожку,
Когда милъ пойдетъ.
Что пошелъ мой милый
По улицѣ вдоль,
Въ самый крайней домъ,
Ко чужой женѣ.
Что чужая-то жена
Зла-догадлива:
Устилала постельку
Подъ окошечкомъ,
И ложилась спать
Подъ косящатымъ,

741.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у., с. Селихово.

Полынь ты моя, полыньюшка, горькая трава,
Полынь горькая трава, шелковая!
Не я ли тебя, полыньюшка, сѣяла?
Не сама ли ты, полыньюшка-злодѣй, уродилася?
По зеленому по садику, злодѣй, расплодилася?
Заняла ты мнѣ, полыньюшка, въ саду мѣ́стечко,
Въ саду мѣстечко, мѣсто доброе, хлѣбородное.
Во саду ли во садикѣ виноградъ растетъ,
Виноградъ растетъ, черносливъ цвѣтетъ.
Свѣти-ко, свѣти ты, свѣтелъ мѣсяцъ,
Чтобъ было видно мнѣ, куда милъ пошелъ.
Пошелъ мой миленькій изъ улицы въ край,
Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ въ домъ.
У вдовушки дочушка была, дочь одна;
Ложилась она спать подъ окошечкомъ:
Открывала окошечко немножечко,
Говорила съ милымъ потихошечку.

Зап. мною въ 1856 г.

742.

в) Тверской губерніи, Корчевск. у.

Разглупая ты, Саша,
Разглупенькій твой умокъ!
Не умѣла же ты, Саша,
Въ рукахъ ты счастьице держать:
Любила-то молодчика,
Не могла любовь признать.
«Стала любовь признавать,
Сталъ мой милый отставать, 2
Со иной Сашей гулять.
Гулянье ты, мое гуляньице,

Гулянье вѣрное мое:
Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
Все дружка на умѣ держу, —
Все на умѣ, на разумѣ,
На своихъ крѣпкихъ мысляхъ.
— Свѣти-ко, свѣтелъ мѣсяцъ,
Свѣти, новый, молодой!
Просвѣти ты ту дорожку,
Куда милый мой пошелъ.
Пошелъ мой миленькій
Вдоль улицы во конецъ,
Ко вдовушки во дворецъ.
У вдовушки у вдовой
Была дѣвка хороша, —
Свѣтъ Аннушка душа.»

Зап. И. О. Никольскимъ.

743.

а) Калужской губерніи, Мѣщовск. у.

Любила дѣвчинышка,
Любила молодчика —
Все Донскова казака.
Казачекъ милёшенекъ,
Миленькій, добрёшенькій,
Кудрявая голова.
Разчесамши кудрюшки,
Разчесамши русыя,
Самъ до дѣвушки пошелъ,
А до той же дѣвушки,
Все до той же красной,
Што за рѣчкою живетъ.
Черезъ тоя рѣчушку,
Черезъ тоя быструю —
Тонка кладычка лежитъ,
А по той же кладычкѣ,
А по той же тоненькой
Добрый молодецъ прошелъ.
Кладычка сломилася,
Шляпушка свалилася —
Вдоль по рѣчкѣ поплыла.
Увидала дѣвушка,
Увидала красная
Съ высокава терема.
Она тоя рѣчушку,
Она тоя быструю
Да на вѣкъ проклела:
«Бодай тебя, рѣченька,
Бодай тебя, быстрая,
Желтымъ пескомъ занесло!»

Зап. И. Ив. Манжурой.

744.

Ревность и мечты дѣвушки о возвращеніи къ себѣ прежней любви возлюбленнаго.

Владимірской губерніи, Ковровск. у., с. Саниково.

Ужъ вы дѣвушки, подруженьки!
Вы не знаете моего горя.
Что я, глупа, надѣлала:
Дружка милаго прогнѣвила.
Осердился милъ, огнѣвался.
У милóво сердце замерло,
Нутряннымъ замкомъ заперто.
Запирала красна дѣвица,
Заперши, ключи потѐряла,
Потерявши, слезно плакала,
Во слезахъ слово промолвила:
«Господа вы рыболовнички,
Государевы работнички!
Заработайте работушку,
Вы работу не чажелую:
Вы сходите въ нову горницу,
Вы возьмите новъ шелковъ неводъ,
Вы сходите на Дунай рѣку,
На Дунай-рѣчку на быструю,
Вы раскиньте новъ шелковъ неводъ,
Поймайте бѣлорыбицу,
Бѣлорыбицу, — красну дѣвицу!
Вы разрѣжьте ей бѣлую грудь,
Ужъ вы выньте золоты́ ключи,
Золоты ключи нѣмецкіе,
Нѣмецкіе молодецкіе,
Отоприте вы его сердце,
Его сердце молодецкое.»

Сообщ. Н. П. Корниловъ. Изъ Этнографич. матеріаловъ архива И. Р. Географич. Общ.

745.

Горе дѣвушки объ охладѣвшемъ къ ней возлюбномъ. Ревность.

а) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Разумильныя мои подруженьки!
Не сказать ли вамъ про горюшку,
Про свое горе про великое?
— Разсердился милъ, прогнѣвался,
Назадъ сердцемъ не возмолится.
У мово ли у любезнова сердце замерло,
Сердце замерло, нутреннымъ замкомъ заперто;
Запирала замкомъ красна дѣвушка,
Заперши, она ключи потеряла,
Находила ключи молодая ключница —
Моего мила друга зла-разлучница.

746.

б) Тамъ-же.

Всѣ я ноченьки просиживала,
Свѣчи сальныя просвѣчивала,
Подруженекъ уговаривала:
«Ложитеся спать, подруженьки!
На васъ нѣтъ такой заботушки,
Заботушки, дружка милово.
На меня милый другъ осердился,
Онъ осердился, прогнѣвался.
Я просила свово милова:
Пусти, милый, на кроватушку! —
У милаго сердце каменно,
Золотымъ замкомъ заперто,
Заперла замокъ красна дѣвица,
Заперши, ключи потéряла,
Находила ключи ключница,
Съ милымъ дружкомъ разлучница.

Обѣ зап. мною.

747.

Дѣвушка задумываетъ мстить своему милому за измѣну горючими слезами.

а) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти,
Ни какой нѣтъ заботушки!
У меня ли, у молодешеньки
Есть и горе, и заботушка: [1])
Знобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ повысушилъ.
— Я сама дружка повысушу;
Я не зельями, не кореньями —
Я своими горючьми слезьми:
«И ты кань, кань, горюча слеза
Къ милу дружку на бѣлую грудь,
На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!»

Зап. мною лѣтомъ 1862 г. Ср. Сахарова: Сказанія русск. нар., т. I, 214, № 51.

[1]) По вар., зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ (отъ крестьянки той же губерніи) отсюда пѣсня продолжается такъ:

У меня есть заботушки:
Какъ первая-то заботушка —
Змѣя лютая свекровушка,
А другая-то заботушка —
Мужъ неудалая головушка.
Ужъ они-жъ меня повысушили.
Ужъ и я ихъ повысушу:
Я ни зельемъ, ни кореньями —
Я своими горючьми слезьми.

748.

б) Вологодской губерніи и у., с. Несвойское.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту стыда въ глаза,
У кого нѣту и совѣсти.
Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту милà дружка.
У кого нѣту мила дружка,
У того нѣту и горюшка.
У меня ли у младешеньки
Превеликія заботушки.
Ужъ какъ первая заботушка —
Свекоръ да свекровушка,
А вторая-то заботушка —
Мужъ удалая головушка.
Ужъ какъ третья-то заботушка —
Еся миленькой сердешный другъ:
Зазнобилъ меня, повысушилъ,
Суше вѣтра, суше вихорю,
Суше той травы кошóныя.
Къ сырой землѣ положóныя.
Я сама дружка повысушу,
Я любезнова повызноблю
Суше той травйночки,
Полевой былиночки:
Не достанься, мой любезный другъ,
Не сестрицѣ, не подруженькѣ,
Ты достанься, мой сердешный другъ
Одной матушкѣ сырой землѣ,
Еще бѣлой гробовой доскѣ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

749.

в) Той же губерніи, Веневск. у., с. Хайдоково.

Охъ матушка, тошно мнѣ!
Тошно мнѣ, голова болитъ.
Болитъ больно головушка,
Да не знаю, какъ быть,
Дружка милаго не могу забыть.
Полюбился мнѣ боярскій сынъ,
Молодой боярскій сынъ меня высушилъ,
Суше вѣтра, суше вихоря,
Суше травушки подкóшенной.
Я сама же на грѣхъ наступлю,
Я сама же его высушу,
Я не зельями, не кореньями, —
Я своими горючими слезьми,
Сдѣлаю его какъ былочку,
Какъ былочку во чистомъ полѣ.

Сообщ. П. М. Глѣбовымъ.

750.

Дѣвушка угрожаетъ молодцу страшной позорной смертью за его насмѣшки и оскорбленія, ей нанесенныя публично.

а) Курской губерніи, Тимск. у.

В'насъ на улицы, в'насъ на широкой,
 Ай лё, лё, лё, ай лё, лё, лё, лё, лё, лё!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

В'насъ да на муравѣ, в'насъ да на зиленой
Молодецъ дѣвку прибезчёстовалъ,
Цаловалъ, миловалъ, да за руки *хваталъ*, 2
Перестеночки сымалъ позолоченныи,
Отшедши отъ ней, насмѣхаться сталъ,
Насмѣхаться сталъ, насмѣиваться:
«Кабы эта дѣвушка за мною была,
За мною была и мною слыла,
Мною слыла добрымъ молодцемъ,
Привязалъ бы я ее къ короватушки,
Къ короватушки, къ дубовой доски,
Стояла-бъ она увсію ночинькю,
Увсію ночинькю, всію темною,
Глядѣла-бъ она вдоль по нёбушки,
Сшитала-бъ она часты звѣздочки.»
— «Эй добро, добро, добрый молодецъ!
Отсмѣю тибѣ всѣ насмѣшечки,
Издивлю тибѣ всѣ издивочки.
Есть у меня два брата родныхъ,
Два брата родныхъ, два названныи.
Ой братцы мои, вы родимыи!
Ой пойдите вы на конюшенькю,
Ой возьмитя вы коня сивова,
Коня сивова, сивогривова,
Сивогривова, бѣлокопытова,
А убейтя яго па полуверсты, 2
На полуверсты до полусмерти,
Привязитя мнѣ тѣло бѣлоя,
Тѣло бѣлоя, молодецкоя,
Молодецкоя, завдалецкоя;
Я изъ рукъ, изъ ногъ короватку смощу,
Изъ ребёръ яво мосты помощу,
Изъ висковъ яво фитилей насучу,
Изъ мозгу яво я свѣчей налью,
Изъ жиру яво сала натоплю,
Поставлю свѣчу пиредъ короваткою:
«Гори моя свѣча не вгасаемчи,
Плачь яво матушка не вмолкаемчи.
— Сестрицы мои вы подруженьки!
Што-жъ это такой: по миломъ хожу,
По миломъ хожу, па милова гляжу,
Предо мною милой свѣчей горитъ?»
Сестрица яво увозвалася:
«Эхъ мы ему говаривали, —
Что не ходи долго в'вичиря,
Долго в'вичиря по зарѣчитьи.

Зап. въ 1878 г. В. П. Шумаковой отъ крестьянки, вновь провѣрена мной на мѣстѣ отъ той же старухи-пѣвицы въ 1883 г.

751.

б) Вологодской губерніи и у., с. Несвойское.

«Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги восковой свѣчи,
Ты не шей, не шей брана полога,
Ты не трать, не трать пусто золота!
Не спать дѣвушкѣ въ этомъ пологѣ,
Тебѣ спать, дѣвушка, во синёмъ морѣ,
Во синёмъ морѣ на желтомъ песвѣ,
Обнимать дѣвушкѣ круты берега,
Цѣловать дѣвушкѣ сѣръ горючъ камень.»
— Не серди меня, добрый молодецъ!
Вѣдь я дѣвушка не безродная:
У меня, дѣвушки, есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, два братца милые.
Я велю братцамъ подстрѣлить тебя,
Подстрѣлить тебя, потребить душу.
Я изъ косточекъ теремъ выстрою,
Я изъ ребрышекъ полы выстелю,
Я изъ рукъ изъ ногъ скамью сдѣлаю,
Изъ головушки яндову солью,
Изъ суставчиковъ налью стаканчиковъ,
Изъ ясныхъ очей чары винныя,
Изъ твоей крови наварю пива.
Созову я всѣхъ подруженекъ,
Посажу я всѣхъ по лавочкамъ,
Сама сяду на скамеечку.
«Вы подруженьки мои, голубушки!
Загану я вамъ загадочку,
Вамъ хитру, мудру, недогадливу:
Во миломъ живу, по миломъ хожу,
На миломъ сижу, изъ милова пью,
Изъ милова пью, кровь милова пью.»
Тутъ всѣ дѣвушки призадумались, —
Одна дѣвица порасплакалась;
Эта дѣвица была — сестрица:
«Говорила я братцу милому:
Не ходи, милый, къ дѣвушкѣ въ слободу, —
Что тебя дѣвушка совсѣмъ сгубитъ.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

752.

в) Калужской губернiи, Мещовск. у., Еропкинск. в.

Полюбилъ портной Ваня дѣвчонку,—
Онъ хотѣлъ ее ўзять.
Онъ ўзять ее ўзялъ,
Насмѣяться надъ ней сталъ.
«Ты не смѣйся, душа молодчикъ!
Душѣ жизни твоей скоро конецъ
Не со всею, парень, красотою.
Не я, дѣвка, сиротою.
Есть у мене только отецъ-мати,
Есть у мене два братика родныхъ,
Два соколика в'мене ясныхъ.
Велю я тебя, расканалью,
Среди поля тебе догнать,
Душу съ тѣломъ твоимъ растерзать.
А изъ косточекъ твоихъ-суставцевъ —
Я высокъ теремъ срублю,
А изъ жиру а твово, изъ сала
Сальныхъ свѣчекъ да налью,
А изъ жилъ твоихъ, изъ мяса
Пироговъ напечу.

Отъ мастерового.

753.

г) Харьковской губернiи, Волковск. у.

Ой, велю, велю милаго поймать,
Велю его приковать, —
Ручки-ножки обломать.
Ой, изъ его тѣла пироговъ напеку,
Ой, изъ его сала я свѣчей налью,
А изъ его крови варэнои наварю.
Ой, зазову гостей — красныхъ дѣвушекъ,
Ой, красныхъ дѣвушекъ и сестрицу его.
Загадаю имъ загадку — не отгадливую:
«Ой, я на милому сижу,
Я на милаго гляжу,
Милымъ подчиваю.»
— А сестрица его догадалася,
Да дробными слезами умывалася.
«Ой ты, братецъ мой родной,
Отца матушки одной!
Чи я тебѣ, мой братецъ, не приказывала,
Што не ходи ты, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ.
Ой, не покупай ты, мой братецъ,
Сладкихъ водочекъ!
Ой, не напаивай ты, мой братецъ,
Красныхъ дѣвушекъ.
Што имъ слава хороша,
Тебѣ, братецъ, тяжело,
Што у свѣтѣ не жить,
По улицамъ не ходить,
Красныхъ дѣвокъ не любить.

Обѣ зап. И. И. Манжура. Ср. у Соболевск. т. I, стр. 211—223, Сборн. О. Хр. Славянской, вып. I, стр. 17—19.

754.

Тоска дѣвушки по отъѣзжающемъ миломъ.

Вологодской губ., Грязовецк. у.

Распечальное мое сердечко
Всегда занываетъ,
Тоскѣ предаваетъ.
Оставляетъ милóй въ горѣ,
Во слезахъ, что въ морѣ.
Кругъ кораблички вьюны вьются,
А изъ глазъ-то слезы льются.
До меня дружокъ мой ласковъ,
Какъ соколикъ ясный.
Высоко соколъ летаетъ,
Самъ разлуку съ милой чаетъ:
«По разлукѣ, моя радость,
Ты пиши мнѣ письма.»
— Радъ бы я, душа, писати, —
Не съ кѣмъ переслати.
Отошлю я со друзьями,
Съ тѣмъ ли со дружечкомъ
Съ сизымъ голубочкомъ. —
«Велю голубя поймать
И письмо-то отобрать.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

755.

Трогательное прощанiе съ милымъ.

Тульской губ. и у., с. Лотовиново.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ заботушки, 2
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Что дѣтинушка, дворянскiй сынъ,
Зазнобя сердце, вы походъ пошелъ,
Вы походъ пошелъ — въ иныя земли,
Въ иныя земли, — вы Турецкiя,
Изъ Турецкiихъ вы Шведскiя.
Ужъ я тутъ съ другомъ прощалася —

Вся Москва-царство сдивовалася:
Что не братъ съ сестрой прощается,
Что не мужъ съ женой раставается, —
А полюбовникъ съ полюбовницей.

Зап. мною. въ 1862 г.

756.

Разставаніе съ милымъ.

Екатеринославской губерніи, Александровск. у.

Закатилося, солнышко, закатилося,
Да безсчастная дѣвушка уродилася,
Да куда не пойду, млада,
Все журятъ, бранятъ дѣвушку,
Журятъ, бранятъ, плакать велятъ.
«Заплачь, заплачь, дѣвушка,
По своему горюшку, по великому,
По своему Ванюшѣ чернобровому.»
Шелковая травушка разстилается,
Ванюша въ дороженьку собирается,
Съ своею любезною прощается.
«Прощай, прощай ты, любезная,
Прощай, прощай, не забудь меня,
Пріѣду съ дороженьки, заберу тебя.»

757.

Дѣвушка горюетъ объ отъѣзжающемъ другѣ. Онъ утѣшаетъ ее и проситъ писать ему письма, отъ чего она, не безъ основанія, отказывается.

Тамъ-же.

«Куда вздумалъ, право, гадать,
Меня дома одну покидать?
А я дома сама остаюся,
Много горя наберуся.»
— А я съ горя да съ печали
Пойду въ поле, прохожуся.
Въ чистомъ полѣ на раздольѣ
Стоитъ ку́стичекъ калины.
Стопчу, сломлю калиноньку
При самомъ корешечку,
Да посажу калиноньку
Ў пригожему мѣстечку.
Въ такомъ мѣстѣ, ў пригожемъ
У милой въ садочку:
«Расти, расти, калинынька —
Въ гору — не шатайся!
Живи, милая ты дома,
Живи, не печалься.
А какъ будешь печалиться —
То дай мнѣ знати —
Пиши ко мнѣ письма скоро.»
— Охъ, я писать, право, не умѣю,
А писарю, право, не повѣрю,
А писари, — вороги, злодѣи,
Оии мои лиходѣи.

Обѣ зап. И. И. Манжурой.

758.

Тоже, но конецъ иной: увѣреніе со стороны дѣвушки въ вѣрности своему любезному до гроба.

Симбирской губерніи, Ардатовск. у.

Ахъ вы вѣтры, вѣтерочки,
Полуденны вихоречки!
Полно вѣтры, бушевати
Съ горъ желты пески сдувати,
Сине море колыхати.
Сине море колыхли́ва,
Бѣла рыбица пуглива,
Красна дѣвица тосклива.
Ей сегодня скука, —
Со милымъ дружкомъ разлука.
Разлучаетъ насъ неволя —
Чужа-дальная сторонка, —
Астраханская дорожка.
Я по этой по дорожкѣ, —
Сколько разъ по ней ѣзжала,
Много писемъ посылала.
Мои письма не доходятъ:
Знать курьеры не довозятъ,
Слуги вѣрные не догонятъ.
Слуги вѣрные злодѣи
Разлучить съ милымъ хотѣли.
Насъ тогда съ тобой разлучатъ,
Когда въ гробъ меня положатъ,
Гробовой доской накроютъ.
Заростай, моя могила,
Ты травою муравою!
Какъ я на эту на могилу
Дикарь камень положу.
Я на этотъ на камушекъ
Примѣточку положу.

Зап. член.-сотрудн. И. О. Л. Е., А. и Э. И. Н. Юркинымъ. Сообщ. Отд. Эт. этого Об.

759.

Трогательное прощаніе любящихся. Они обмѣниваются кольцами и знаменательными при этомъ замѣчаніями.

Тульской губерніи, Епифанск. у., с. Сукромно.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки, —
Скачетъ молодецъ по дороженьки,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей.
Распрощался онъ съ своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка.
Распрощался онъ съ красной дѣвицей:
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень со алмазами;
На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное.
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
«Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ!
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоминаючи:
Коль помыслю я о другой любви, —
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь, —
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня.»

Зап. учен. Епифанск. училища Демидовымъ.

760.

Упреки дѣвушки своему милому передъ отъѣздомъ его въ путь недальній; наказъ его жить честно.

а) Псковской губерніи, Великолуцк. у.

Дунюшка, ты моя ли Дуняшенька!
Какъ у Дунюшки лицо, личико бѣлешенько,
Безъ румянъ лицо, — щечки разгораются.
Пройди, миленькій Ванюшка дружокъ, вдоль по улицы,
Взглянь, хорошенькій, на мое окошечко.
На моемъ окнѣ, миленькій, бѣдой лежитъ,
Что бѣдинушко бѣдна, родна сухота.
Ай, да что ссушилъ, скрушилъ дѣвушку съ малешенька,
Самъ отправился любезный въ путь, въ дороженьку,
Хоть не въ дальнюю, миленькій, и не въ ближнюю,
Ай, да жалко милова дружечка, жаль его тошпешенько.
«Воротись, мой милой, да поскорешенько!
Не воротишься, миленькій, съ тоски помру,
Да съ такой тоски, — съ большой досадушки.»
Я про эту про досаду сама знала, вѣдала,
Да что мнѣ будетъ съ милымъ дружкомъ раставаньице,
Чужедальняя сторонка, рѣдкое свиданьице.
Какъ ближняя сторонка, — частое свиданьице.
Мой миленькій дружокъ все наказывалъ,
Ай да ёнъ наказывалъ, право, наговаривалъ:
«Ай, да поживи, мой другъ, Дуняша, безъ дружка, безъ Ванюшки, —
Хоть одинъ годочекъ безъ худой, безъ славушки.»

Зап. мною отъ бывшей дворовой.

761.

б) Той же губерніи, Островск. у.

Ты пройди, пройди, мой милый,
Вдоль да по улушкѣ!
Посмотри-ко, мой милый,
На мое на окошечко.
На моемъ ли на окошечкѣ —
Не бѣда ли тамъ лежитъ? 2
Лежитъ сухота большая
Что ссушила, сокрушила
Меня молодешеньку,
Дѣвушку глупешеньку:
Выѣзжаетъ мой милóй
На чужую сторонушку.
На чужой сторонушкѣ
Житье невеселое;
Житье невеселое,
Гулянье нерадостно.
Со тоски ли я помру
Со большой со досадушки.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

762.

Тоскующая дѣвушка, сидя на берегу рѣки, видитъ свою тѣнь на водѣ и въ разговорѣ съ рѣкой узнаетъ, что милый ея уѣхалъ куда-то. Напрасно пытается его воротить.

Екатеринославской губ., Александровск. у.

Можно, можно по рощицѣ разгуляться,
Тоску, скуку свою разогнать.
Какъ пойду я, дѣвушка, на рѣчушку,
Сяду я, млада, на крутъ бережку.
Не сама я, дѣвушка, сидѣла,
Увидѣла свою тѣнь на водѣ.

«Охъ, тѣнь моя, тѣнь пустая,
Тѣнь холодная, какъ въ рѣкѣ вода,
Охъ, ты не видѣла, тѣнь моя пустая,
Чи не видѣла здѣсь ты никого?»
Говорила рѣчка, отвѣчала:
«Здѣсь проѣхалъ твой милый дружокъ
На своему вороному коню.»
— Стану, млада, да домой пойду,
Своего дружка назадъ сворочу:
«Воротися, мой милый дружочекъ,
На широкій да на мой дворъ.
Пускай коня у конюшеньку,
А самъ ступай ко мнѣ въ домъ.»
— Охъ, какъ я завтра отъѣзжаю
Въ славный городъ Петербургъ.

Зап. И. И. Манжура.

763.

Размолвка любящихся, внезапный отъѣздъ милаго.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Проходили ўсѣ наши веселые деньки,
Наступають слезовыя горьки времена,
Посмотрѣлъ бы мой любезный дружокъ на меня.
Слышу, вижу, милъ досаду твою; 2
Я про ту про досаду въ домѣ не скажу — 2
Ни батюшки, ни матушки родной;
Я скажу только подруженькѣ своей потайной:
«Ты подруженька, голубка ты моя!
Ты не знаешь, что за горе пришло, за бѣда,
Со всего свѣту напасти на меня:
Разсердился мой любезный дружокъ на меня:
Ёнъ и ходитъ, гуляетъ по чисту двору,
Ёнъ скоро заходитъ во конюшню свою,
Беретъ вдругъ Черкаское новое сѣдло,
Сѣдлаетъ любезный доброва коня,
Соѣзжаетъ мой любезный съ чистова двора.
Становится дружечикъ противъ Дунина окна:
— «Прощай, моя Дуня, душечка моя!»

Зап. мною.

764.

Тоска дѣвушки о разлукѣ съ милымъ.

Тульской губерніи, Крапив. у.

Долина-ль ты моя, долинушка,
Долина-ль ты широкая,
На той ли на долинѣ
Выростала калина.
На той ли на калинѣ
Кукушка вскуковала.
«Ты объ чемъ моя кукушечка,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?»
— Ужъ и какъ же мнѣ, кукушечки,
Какъ не куковати?
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевати?
Одинъ былъ зеленый садъ,
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младешеньку,
Одное меня покидаетъ.

Зап. сельск. учит. Г. А. Шумиловымъ.

765.

Грустныя думы влюбленныхъ во время сѣнокоса.

а) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Эко сердце ты, эко бѣдное мое;
Почто сердце во мнѣ ныть и изнывать
Моему сердцу съ покоемъ не бывать,
Съ безпокоику сталъ я мальчикъ нездоровъ?
Къ нездоровью приключалася болѣзнь.
Вотъ болитъ, шумитъ буйная голова,
Не глядятъ на свѣтъ веселые глаза,
Днемъ не видятъ съ неба солнечныхъ лучей,
Изъ лучей, лучей туманикъ выпадалъ,
Изъ туманику частый сильный дождь идетъ,
Дождь прибилъ, примочилъ шелковую траву.
Прилегла трава по самой корешокъ.
Есть у дѣвицы тамъ за рѣчкой сѣнокосъ,
Сѣно косила красна дѣвица душа;
По разкосу добрый молодецъ идетъ,
Божья помощь тѣ, красна дѣвица душа,
Не коситъ, не беретъ уладная коса,
Миткоевая рубашка къ тѣлу льнетъ,
Бѣлорозовый сарафанчикъ вѣтромъ бьетъ,
Красной дѣвицѣ сѣнокосъ на умъ нейдетъ.

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

766.

б) Псковской губерніи, Островск. у.

Что за сердце мое, сердце бѣдное!
Знать моему сердцу вѣкъ спокою не видать.
Что болитъ, шумитъ у дружка буйна голова,
Что не глядятъ на свѣтъ развеселые глаза,
Что не видятъ глаза съ неба солнечной лучъ.
Изъ луча сталъ туманчикъ выпадать;
Со того ли со тумана частый дождикъ наливать:

Прибилъ, примочилъ всю шелковую траву,
Что припала, прилегла вся шелковая трава.
У мова ли у дружка былъ рѣдкой сѣнокосъ:
Сѣно косила красна дѣвушка душа.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

767.

Грусть дѣвушки по отъѣзжающемъ другѣ, сомнѣніе въ его вѣрности.

Тверь.

Сердце мое сердце,
Сердце мое бѣдное,
Оно ноетъ, ноетъ,
Ноетъ занываетъ,
Ноетъ заныкаетъ,
Тоски прибавляетъ.
Нажила я себѣ друга —
По совѣсти вѣрной.
Что такой, сякой, не ласковъ,
Соколикъ мой ясный?
Высоко соколъ летаетъ,
Меня спокидаетъ.
Спокидаетъ меня въ горѣ,
Какъ корабль на морѣ;
Спокидаетъ меня въ кручинѣ,
Какъ корабль въ пучинѣ.
«При разлукѣ, моя радость,
Пиши ко мнѣ письмы.»
— Я бы рада къ тебѣ писати, —
Не съ кѣмъ переслати.
Я буду писать слезами,
Отошлю съ друзьями,
Отошлю съ друзьями —
Съ буйными вѣтрами;
Если хуже ты меня полюбишь,—
Меня воспомянешь,
Если лучше ты меня полюбишь,
Меня на вѣкъ позабудешь.

Зап. мною отъ извощика Григорья въ 1859 г.

768.

Размолвка съ милымъ.

Тульской губерніи, Епифаньевскаго у.

Напади роса на темны лѣса,
Напади тоска на милá дружка!
На мила дружка, кого я люблю,
Кого я люблю, съ кѣмъ гулять хожу.
Занесло всѣ пути дороженьки,
Всѣ лѣтнія тропиночки,
Лѣтнія тропиночки — милова слѣдиночки.
То-ль черезъ три поля я свово дружка видѣла,
Черезъ темный лѣсъ голосъ слышала,
Черезъ рѣчиньку словечушко молвила,
Словечушко молвила, рѣчь говорила.
Ударилъ меня парень по бѣлу лицу,
Изъ бѣла лица руда брызнула,
Покатились изъ ясныхъ очей горючи слезы.

Зап. мною.

769.

Размолвка любящихся, подозрѣніе въ измѣнѣ.

Саратовской губерніи, Хвалынскаго у.

«Что соловушекъ не весело сидишь
Повѣсилъ головушку, корму не клюешь?
Въ золотой клѣточкѣ пѣсенъ не поешь?»
— Не надо мнѣ вашей клѣточки съ золотымъ шестомъ,
А надобно мнѣ рощинки съ зеленымъ со листомъ.
Зеленая моя рощинка сердце мое возвеселитъ,
А золотая ваша клѣточка помирать мнѣ велитъ.
На вёткахъ подруженьки чай тужатъ обо мнѣ,
Плачутъ мои малы дѣточки, Богомъ даны мнѣ.
«Вылетай, соловушка, вылетай ты мой!
Я построила тебѣ горенку къ рощинки лицомъ,
А сама сяду, дѣвушка, съ добрымъ молодцомъ.
— «Что ты грустенъ больно, молодецъ, ненаглядный ты мой?
— «Иль любишь ты другихъ дѣвушекъ, свѣдался съ тоской?»
— Люблю, люблю, красная, что она молчитъ,
— Ретиво мое сердечушко крушитъ и сушитъ.
«Ты брось, милый, думу думати, брось ты, позабудь!
Соклони свою головушку на мою бѣлу грудь.
Словно темна ноченька сердце у меня,
Объ тебѣ, мой размиленькій, тоскую я.»
— Вы подуньте вѣтры буйные, унесите вы меня,
— Унесите вы меня, гдѣ отъ роду не былъ!

Зап. мною лѣтомъ 1872 г. отъ крестьянина Ѳед. Сем. Вдовина.

770.

Грустныя думы о предстоящей разлукѣ съ милой.

Саратовской губерніи.

Ахъ, размолоденьки,
Ахъ, вы дружки мои,
Ахъ, унесите вдаль меня!

Ахъ, то не вѣтеръ разнесъ
Кудри мои золотисты, —
Разнесла ихъ грусть-тоска.
Ахъ, долго, долго не видать ее
Мнѣ голубушку свою, —
Такъ нагляжусь же про запасъ!

Сообщ. въ 1855 г. А. А. Мамоновымъ.

771.

Кручина молодца о томъ, что любимая имъ дѣвушка рѣшительно оттолкнула его отъ себя.

Псковской губерніи, Островск. у.

Я вечоръ-то, вечоръ, добрый молодецъ,
Вечоръ загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой
Долго застоялся;
Я у любушки, у своей сударушки
Слова дожидался.
Какъ сказала она, шельма,
Сказала, отвѣтила:
«Ты отстань ко, отстань,
Отстань съ доброй волюшки!
Не отстанешь съ доброй волюшки,
Отстань по неволюшкѣ!»
Я со этого словечушка
Былъ въ тоскѣ кручинушкѣ:
Что никто-то, никто моему горюшку,
Нихто не пособитъ, —
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни братъ, ни сестрица;
Пособитъ ли, поможетъ ли моему-то горюшку, —
Душа красная дѣвица.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

772.

Размолвка, примиреніе.

Вятской губерніи.

«Горенка, горенка новая,
Солдатка-горюша полковая! 2.
«Да полно по горенкѣ ходити 2.
Да полно по миленькомъ тужити.» 2
— Да какъ мнѣ не плакать, не тужить? 2
Во вѣки таково не нажити,
Да ростомъ (2), красотою (2),
Всею молодецкой поступкой 2
Вечеръ я со милымъ разбранилась 2,
Вечеръ я съ канальей разсчиталась. 2
Какъ будетъ съ миленькимъ мириться?
Собой покориться, — не годится? 2
Людьми засылаться, — будетъ стыдно. 2
Стараго послать — не дождати, 2
Малаго послать — не повѣрятъ. 2
Дождусь я, младенька, поры-время, 2
До той поры-время, темной ночи. 2
До темной ночи, полуночи. 2
Сама я ко милу побываю, 2
Въ глаза ему, шельмѣ, напеняю: 2
«Ты голубчикъ мой, сизенькій голубчикъ, 2
Не гляди на разумы чужіе! 2
Что люди ти баютъ, сомущаютъ, 2
Людямъ-то забѣдно, что совѣтно, 2
Людямъ-то досадно, что согласно. 2
Возьми, милъ, за правую, за ручку, 2
Поведи въ свѣтлую свѣтлицу, 2
Посади на тесову кроватку, 2
Сними-ко бумажную рубашку, 2
Возьми-ко шелковую-то плетку, 2
И бей мое тѣло, сколько хочешь, 2
Чтобъ мое тѣло не болѣло, 2
Ретивое сердце не шумѣло!»

Сообщ. Н. А. Александровымъ.

773.

Отказъ дѣвушки въ своей рукѣ замечтавшемуся о ней молодцу за его насмѣшки.

Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

Гдѣ живетъ моя милая,
Тамъ разливъ большой воды,
Я нанялъ бы легку лодку,
Переѣхалъ бы я къ ней.
Переѣхавши къ любезной,
Теремъ выстроилъ бы тамъ.
Насадилъ бы я деревьевъ,
Вышелъ въ садикъ разгуляться,
Увидѣлъ лапушку въ лицо.
«Здравствуй лапушка моя!
Въ свѣтѣ нѣтъ лучше тебя.
Я хочу нонѣ жениться
И намѣренъ взять тебя.»
— Ты женись, женись, любезный,
А я замужъ-то нейду.
Не пойду нонѣ замужъ
За насмѣшки за твои.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

774.

Молодецъ уговариваетъ дѣвушку не плакать напрасно о своемъ возлюбленномъ, уѣхавшемъ отъ нея.

Симбирской губерніи, Ардатовск. у.

Шелъ Ванюша горою,
Несетъ гусли подъ полою,

Опъ звончаты подъ правою, —
Сталъ въ гусе́люшки играти,
Душу Маши потѣшати:
«Ты не плачь, душа Марюша,
Не роняй слезы напрасно!
Слезы ронишь, лицо портишь,
Съ пути дружка не воротишь.
Хоть воротишь, — не надолго:
На три лѣта, на три теплыхъ,
На три зимушки студеныхъ.»

Зап. чл. сотрудникомъ И. О. Л. Е., А. и Э. Ив. Ник. Юркинымъ. Сообщ. Отд. Этногр. означ. Общ.

775.

Молодецъ, опоздавшій къ своей милой на свиданіе, имъ же назначенное, оправдывается ссорою съ женою. Поучительныя слова милой.

а) Рязанской губерніи.

Сказали про молодца,
Что не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго,
Будто безъ вѣсти пропалъ,
А нонече молодецъ
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Любимую свою пѣсенку
Шибко громко просвисталъ,
Душѣ красной дѣвицѣ
Въ теремъ голосъ подавалъ,
Чтобъ слышала любезная
Не дремала, не спала,
Ждала-бъ, ждала-бъ дѣвица
Къ себѣ милаго дружка,
Горѣла-бъ у дѣвицы
Воску ярова свѣча.
Не дождавшись, дѣвица,
Ложилась спать одна.
Пришелъ добрый молодецъ
Въ самую полночь:
Стучитъ, гремитъ молодецъ
У косящата окна:
«Дома ли любезная?
Вышла-бъ, встрѣтила меня.»
— Зачѣмъ, зачѣмъ, молодецъ,
Ко мнѣ раньше не пришелъ?
«За тѣмъ, за сѣмъ, дѣвица,
Позамѣшкался въ дому:
Съ худою женою у насъ, —
Съ ней побраночка была,
А все, мой другъ, за тебя.
Я билъ ее, молодецъ, —
Чуть живу на свѣтъ пустилъ.»
— Не бей, не бей, молодецъ,
Худую свою жену.
Съ худою женонькою
Тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,
А со мной, красной дѣвицей,
Одну ночку ночевать.

Сообщ. извѣстнымъ пѣвцомъ народныхъ русскихъ пѣсенъ Е. Молчановымъ.

776.

б) Тульской губерніи.

Сказали про молодца:
Милый не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго:
Совсѣмъ безъ вѣсти пропалъ.
По утру ранешенькя
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Любимую свою пѣсеньку
На свисточкяхъ просвисталъ:
«Спишь ли ты, любезная,
Али такъ съ горя лежишь?»
— Не сплю, не сплю, миленькій,
А такъ съ горя лежу.
Почто-жъ ты, любезный другъ,
Вечоръ долго не бывалъ?
«Душа, красна дѣвушка
Мнѣ не времячкя было;
Не время мое, и несчастье твое:
Съ худою съ жанёночкою
Побраночка была
Журила и бранила
Тебя и меня;
Тебе звала: сука — блядь,
Мене — борзымъ кобелемъ.
И билъ я билъ бестію,
Чуть живу на свѣтъ пустилъ.»
— Не бей, не бей, миленькій,
Ты худу свою жану!
Съ худою жёненькой
Тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,
Со мною, красной дѣвушкой,
Одинъ часикъ часовать.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

777.

в) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Большемамырское (на р. Ангарѣ).

Мнѣ сказали про молодца,
Будто не живъ, не здоровъ,

Вечоръ ночесь молодецъ
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Любезную свою пѣсеньку
На свисточкѣ просвисталъ.
На свисточкѣ свищетъ
Будто младой соловей.
Душѣ красной дѣвицѣ
Въ теремъ вѣсточку подаетъ,
Штобъ моя любезная
Не дремала, не спала,
Ждала-бъ, дожидала-бъ
Своего мила дружка,
Зажгла-бъ моя любезная
Бѣлу-сальную свѣчу.
«Милой мой, сердешной другъ!
Не случилось у меня свѣчи.
Не случилось у меня свѣчи,
Лучинка не ясненько горитъ:
Злая свекровушка
Съ печи пепломъ загребла,
Лютая золовушка
Взяла щами залила.
Идетъ, идетъ мой миленькой, —
На дворѣ заря.
«Зачѣмъ ты, мой милой,
Ко мнѣ долго не бывалъ?»
— Затѣмъ, затѣмъ, моя любезная,
Прозамѣшкался въ дому, —
Любезную свою своячину
Со двора я провожалъ,
Любезному своему шурину
Добра коня сѣдлалъ.

Зап. бывш. учител. Тобольск. морск. училища Ив. Сухановымъ.

778.

Упреки дѣвушки своему женатому возлюбленному въ невниманіи его къ ея оклику въ лѣсу, гдѣ она брала ягоды. Его оправданіе вызываетъ въ ней проклятіе на голову жениной его родни.

а) Новогородской губерніи, Валд. у.

Охъ ты, роща наша, рощица зеленая,
Въ этой рощицѣ молодецъ гулялъ съ молодушкой,
А другой гулялъ съ красной дѣвушкой.
Въ рощицѣ дѣвушка заблудилася,
Заблудивши, она стала аукати:
«Ты ау, ау, милъ сердечный другъ!
Отчего ты мнѣ не отъаукнешься?»
— Ахъ, ты милая дѣвушка, глупая,
Мнѣ нельзя тебѣ отъаукнуться:
Что за мной ходятъ три сторожа:
Ужъ какъ первый сторожъ — тесть батюшка,
А второй-то сторожъ — теща матушка,
Третій сторожъ — молода жена.
Ты зайди, зайди, туча грозная,
Ты убей, убей тестя батюшку,
Сожги молньей тещу матушку,
Застрѣли стрѣлой молоду жену!

Зап. мѣстнымъ помѣщикомъ К. Шашинымъ.

779.

б) Симбирской губерніи, Корсунск. у., с. Усть-Урень.

Какъ въ лѣсикѣ во дремучіимъ —
Тутъ ходитъ гулять красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Машинька.
Какъ брала-то, брала Маша грибы, ягоды.
И не набрала Маша грибовъ, *ягодовъ*, —
Въ темныимъ лѣсу заплуталася,
Съ милыимъ дружкомъ проаукалась:
«Ты ау, ау, — дружокъ миленькій!
Недалече ходишь, милый, — не откликнешься.»
— Мнѣ нельзя тебѣ откликнуться, —
Какъ за мною ходитъ трое сторожи,
Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ — тесть батюшка,
Второй сторожъ — теща матушка,
Третій сторожъ — молода жена.
«Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, — пустимъ въ быстру рѣчушку.»
— «Ахъ ты возмой, возмой, туча грозная,
Убей моего тестя батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу матушку,
Сильнымъ дожжичкомъ засѣки молоду жену!
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красну дѣвушку, прежнюю сударушку!

Зап. мною. въ 1857 г.

780.

в) Вологодской губерніи и у.

Пошла Машенька въ лѣсъ за ягодамъ,
Что за черною черницею,
За румяною земляницею.
Во лѣсу Маша заблудилася,
Подъ рябинушку становилася,
Возлѣ кустика слезно плакала,
Во слезахъ она дружка гаркала;
Мнѣ никто, младѣ, не откликнулся.
Вдругъ откликнулись мнѣ три сторожа,
Три сторожа да три строгіе:
Первый сторожъ — свекоръ батюшка,
Другой сторожъ — свекровь матушка,

Третій сторожъ — мой постылый мужъ.
Вскорѣ Машенька Богу возмолилася:
«Ты возстань, возстань, туча грозная!
Ты убей, убей свекра батюшка,
Во-вторыхъ убей свекровь матушку,
А лиха мужа я сама убью,
Со милымъ дружкомъ я гулять пойду.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

781.

Тоскующая по миломъ дѣвушка ведетъ разговоръ съ рѣкой о своемъ горѣ: родители не даютъ ей воли гулять.

а) Тверь.

1. Веселитеся, подружки!
2. Къ намъ весна скоро придетъ:
3. Весна придетъ, солнце взойдетъ,
4. Сгонитъ снѣги весь морозъ,
5. Пріударитъ частый дождь.
6. Расцвѣтутъ въ саду цвѣточки,
7. Всѣ раскинутся кусточки.
8. Между этихъ-то кусточковъ
9. Быстра рѣчка протекла.
10. Течетъ рѣчка, течетъ быстра,
11. Съ крутымъ бережкомъ равна.
12. Я на эту быстру рѣчку
13. Гулять съ милымъ выхожу, 2
14. Печаль-горе выношу,
15. Быстрой рѣчкѣ говорю:
16. Рѣка быстра, вода чиста,
17. Ты возьми горе съ собой!
18. Рѣка быстра отвѣчала:
19. «Не пойдетъ горе за мной.
20. На водѣ горе не тонетъ,
21. И волною не несетъ.»
22. Прибиваетъ мое горе
23. Ко крутому бережку, 2
24. Ко желтому ко песку.
25. Что на этомъ на песочкѣ
26. Бѣлъ горючъ камень лежитъ,
27. А на этомъ да на камнѣ
28. Красна дѣвица сидитъ,
29. Отца съ матерью бранитъ:
30. Что за отецъ, да что за мать, —
31. Не даютъ волю гулять.

Зап. мною отъ извощика Григорья, крестьянина подгородней деревни.

782.

б) Тверской губерніи, Корчевск. у.

Что ты Саша пріуныла,
Пригорюнившись сидишь?
Прежде пѣла, говорила
Ко подруженькамъ своимъ:

Ст. 1—5 безъ разницы.

6. . . . . въ полѣ
7. . . . . ракиты
10. Течетъ рѣчка, течетъ быстра
12. На ту рѣчку, на ту быстру
13. Тоску горе выношу.

Оканчивается этотъ вар. такъ:

Неси подальше мое горе,
Чтобъ не чуть было про него,
Чтобъ не чуть было, не слышно
Ни съ которой стороны.

Зап. студ. Духовн. академіи И. А. Никольскій.

783.

Отчаянная грусть дѣвушки о своемъ одиночествѣ и о преслѣдующемъ ее всегда и повсюду несчастьѣ.

Екатеринославской губерніи, Александровск. у.

Охъ, нѣту въ свѣту несчастнѣе меня,
Закрылися всѣ радости отъ меня,
Сострѣлися всѣ напасти и со мной.
Вы, напасти, отойдите отъ меня.
Судьба-жъ моя, до чего-жъ ты довела!
Никакой ты радости не дала,
Только сердцу печали придала.
День настанетъ, я смутная прохожу,
Ночь настанетъ, въ горькихъ слезахъ пролежу.
Гдѣ-бъ я дѣлась, свою тоску раздала?
Спишу тоску на гербовомъ листу̀,
Пошлю тоску въ городъ Москву:
А кто письмо прочитаетъ,
Тотъ мое все горе узнаетъ.
Охъ, вы, люди, перестаньте говорить,
Разсудите, какъ одной на свѣтѣ жить.

Зап. И. И. Манжура.

784.

Сѣтованіе молодца на измѣну возлюбленной, заставившей его любить чужемужную жену.

Иркутской губерніи, Нижнеудинскаго округа.

По мосту мосту, по калинному,
По калинному мосточку, по малинному
Шелъ прошелъ молодчикъ молоденькой,
Молоденькой, пріугодниинькой

На немъ голевой кафтанчикъ —
Полудурьице раздувается,
Миткалинова рубашка бѣлѣетца,
Скомороковы монетки трепещутца
Въ правой рукѣ тросточка серебреная,
Въ тросточкѣ ленточка пухетовая,
Въ лѣвой рукѣ гранитуровой платокъ
Онъ тросточкой подпираетца
Самъ горючими слезами уливаетца,
Онъ душой красной дѣвицей похваляетца:
Повынула румянички изъ бѣлова лица,
Изъ бѣлова лица, изъ дородна молодца,
Пустила сухоту по моему животу,
Разсыпалась печаль по моимъ плечамъ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ,
Заставила любить чужемужную жену:
Чужемужная жена — бѣла лебедь хороша,
Моя курва жена — полынь горькая трава
Въ огородѣ стояла, въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ подъ колодой, какъ змѣя.

Зап. учит. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Отдѣл. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

785.

Молодецъ, проѣзжая на тройкѣ лѣсомъ, встрѣчается тамъ съ своей тоскующей по немъ зазнобой и саркастически приглашаеть ее ѣхать съ нимъ къ вѣнцу.

а) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Дѣвушка молоденька семнадцати лѣтъ
Любила молодчика до двадцати лѣтъ,
Обѣщался миленькой до вѣку любить,
Пришло разставанье — не милъ мать отецъ,
Не милъ не милешенекъ, не милъ вольной свѣтъ,
Со етова горенька пойду въ темной лѣсъ,
Посмотрю по лѣсику дороженьки нѣтъ,
Посмотрю подъ ноженьки дорожка лежитъ.
По етой дороженькѣ троечка бѣжитъ,
А за етой за троечкой коляска катитъ,
Во етой колясочкѣ мой милой сидитъ,
Кричала махала мой: «милой остановись,
«Милая хорошая, садись увезу!»
— Миленькой, хорошенькой, куда увезешь?
А вотъ, моя красавица, къ вѣнчанью увезу,
Да вотъ, моя красавица, кони не стоятъ,
Молоды повозиички коней не сдержатъ.

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. тѣмъ же Отдѣл.

786.

Тоже, но конецъ иной: проклятие измѣнщику.

б) Псковской губерніи, Великолуцк. у.

Жила была дѣвушка семнадцати лѣтъ,
Полюбила меня, молодца, двадцати трехъ лѣтъ,
Пришло разставаньице — не милъ бѣлый свѣтъ,
Не милъ милешенекъ ни мать, ни отецъ.
Ай, со эстой со досадушки бѣгу въ темный лѣсъ,—
Во лѣсу, въ лѣсикѣ дорожка лежитъ,
По эстой по дороженьки коляска бѣжитъ,
Во эстой во колясочкѣ молодецъ сидитъ,
На своихъ ворбненькихъ посвистываетъ.
Ай, да позади колясочки дѣвица идетъ,
Своимъ громкимъ голосомъ воскрикиваетъ:
«Постой, постой, молодецъ, подожди, дѣвку, меня!»
— Радъ *ба* [1]) я, любезная, радъ ба я подождать,
Троечку ворбненькихъ пришло не удержать.
«Крутись, крутись, молодецъ, крутись, твоя голова!
Не дастъ же Богъ счастьице черезъ дѣвку меня,—
Ни въ полѣ, ни во двбрѣ, ни въ милыхъ животахъ!»

Зап. мною.

787.

в) Харьковъ.

Ходила Паранюшка по лисочку,
Наколола ноженьку по драночку.
Заболѣла ноженька да не больно.
Любилъ парень дѣвочку, — да не долго,
Не долгое времячко, — два годочка;
Показалось дѣвочкѣ за одинъ годочекъ.
«Поѣхалъ мой миленькій въ городочекъ, —
На долгое времячко — на часочекъ,
А яжъ молоденька во слѣдочикъ.
Бѣжала, бѣжала я, — не догнала,
Бѣжала, бѣжала я, — приморилася,
Среди дороженьки спать ложилася.»
Охъ, наѣхалъ на дѣвочку сынъ купецкой,
Сынъ купецкой, — молодецкой.
«Устань, устань, дѣвчонка, пробудися!
На мою колясочку подивися,
Што въ меня колясочка золотая,
Што въ меня кониченьки вороные,
Кучера хвалеторы мо́лодые.

Зап. И. И. Манжура.

788.

Молодецъ заявляетъ своей возлюбленной рѣшеніе жениться на другой, что вызываетъ въ ней слезы и упреки.

а) Тверской губерніи, Осташк. у., с. Өедоровъ Дворъ.

Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги, восковой свѣчи,

---

1) Бы.

Восковой свѣчи, воску ярова!
Ты не жди, не жди дорогá гостя,
Дорога гостя, дружка милова!
«Я не гость пришелъ, не гоститися, —
Пришелъ я къ дѣвушки доложитися,
Всѣмъ подарочкамъ размѣнятися:
Ты возьми, возьми свой тальянскій платъ,
Ты отдай, отдай золото кольцо!
Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этѣмъ кольцомъ обручатися.
Позволь, милая, мнѣ женитися!»
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говóрила:
«Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Ты не будь, миленькій, насмѣхателемъ,
Красной дѣвицѣ поносителемъ!»

Зап. учен. VI кл. Тверск. гимназіи В. Тюкинымъ въ 1859 г. Ср. выше стр. 202, № 773.

789.

б) Той же губерніи, Новоторжск. у., д. Карцово.

На гулянье хожу, на радости,
Ужъ я жду къ себѣ дорогá гостя,
Дорога гостя, дружка милова,
Дружка милова, хорошаго.
Какъ идетъ, идетъ ко мнѣ милый другъ:
«Здравствуй, дѣвица, раскрасавица!»
— Добро жаловать, мой любезный другъ!
«Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ, —
Я пришелъ у вашей милости доложитися:
Позволишь ли ты мнѣ женитися?»
— Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Я не чаяла отъ тебя того —
Ты-бъ сказалъ мнѣ такое словечушко;
Прострѣлилъ ты мое сердечушко.
Ты возьми, возьми саблю вострую,
Ты разрѣжь, разрѣжь мою бѣлу грудь,
Погляди мое ретиво сердце:
Не бѣлѣе чернаго бархата!
«Не плачь, дѣвица, раскрасавица!
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго.»
— Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его во зеленый садъ.
Мы по садику разгуляемся,
Мы подарочкамъ размѣняемся
Ты возьми, возьми свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай, мой тальянскій платъ!
Тебѣ перстенемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго,
Дружка прежняго, расхорошаго.

Зап. мною. Ср. у Варенцова «Пѣсни Самарск. края», стр. 56 и у Якушкина, стр. 176.

790.

в) Вологодской губерніи и у.

«При весельи хожу, при радости,
Ужъ я жду къ себѣ, дожидаюся
Дорогá гостя, друга милаго.
Вотъ идетъ-идетъ мой любезный другъ,
Онъ несетъ-несетъ два подарочка.
Я возьму другá за бѣлы́ руки́,
Проведу дружка во зеленый садъ.
Въ зеленóмъ саду разгуляемся.
Ты возьми, возьми золотó кольцо,
Ты отдай, отдай мой тальянской платъ.
Тебѣ тѣмъ кольцомъ обручатися,
А мнѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
Жениха дарить, дружка милаго.»
— Не печалься, моя любезная!
Я ходить буду чаще прежняго,
Я любить буду пуще стараго.
«Не обманывай, добрый мóлодецъ
Что не грѣть солнцу противъ лѣтняго,
Не любить тебѣ противъ прежняго!
Хоть любить будешь — все обманывать,
Молодой женѣ пересказывать.
Какова-то жена навяжется,
Каково-то женѣ покажется.»
— Не сердись ты, моя любезная!
Я возьму-то вѣдь самою̀ тебя!

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

791.

Ночное свиданіе. Совѣтъ дѣвушки своему возлюбленному жениться на ея подругѣ.

Екатеринославской губерніи, Александр. у.

Ожидала дружка разудалаго:
Чи стучитъ, чи гремитъ по дорожечки?
Застучи, загрими подъ окошечки:
Тамъ не воръ, не злодѣй, не разбойничекъ.
Я къ тебѣ зашелъ не бранитися.
Чи позволишь, душа, оженитися?
— Ты женись, женись, размолодичекъ,
Ты возьми себѣ подруженьку,
Подруженьку, сродну сеструшку.

Какъ мы съ нею ругалися,
Въ одной школѣ обучалися.
Одной иголочкой подѣлялися,
Одной ниточкой обшивалися,
Въ одно платьѣ одѣвалися,
Въ одни башмачки обувалися.

Зап. И. И. Манжура.

792.

Горе и досада молодца объ измѣнѣ своей возлюбленной.

Тамъ-же.

Не сѣямши, братцы, не пахамши,
Охъ, завраднлся бѣлой ленъ.
Уродился ленокъ, уродился,
Охъ, сталъ леночекъ, вой-да, поспѣвать,
Охъ, стала плакать, вой-да, горевать,
Охъ, съ кѣмъ ляночекъ буду брать?
Отецъ каже, — вой-да, со мною,
Охъ, съ дѣвчонушкой, съ молодою.
По той бочокъ, вой-да, за рѣченькой
Тамъ стоялъ бѣлой да шатеръ,
Ва томъ шатрѣ, вой-да, ва томъ бѣломъ,
Тамъ цынбалушки да бьютъ.
Не мою-ли это красну дѣвку
Охъ, и къ вѣнчаньячку ведутъ?
Женихъ ведетъ, вой-да, за рученьку,
Охъ, дружка ведетъ, вой-да, за рукавъ.
Ваня стоитъ, вой-да, слезы ранитъ,
Охъ, любилъ да не взялъ.
Поилъ, кормилъ молоду дѣвчонку,
Охъ, чаялъ замужъ, вой-да, за себя.
Охъ, не досталася красная дѣвка,
Охъ, не товарищу, вой-да, не мнѣ,
А досталася красная дѣвка
Да лакею, вой-да, свиньѣ.

Зап. И. И. Манжура.

793.

Совѣтъ: не спѣшить замужествомъ, гдѣ ее можетъ встрѣтить измѣна милого и вмѣстѣ съ этимъ печаль и слезы.

Тверской губерніи, Корчевск. у.

Полно Дуня въ люди торопиться,
Живи дома хорошо;
Въ люди выдешь, Дуня, горя примешь,
Станешь плакать, горевать,
Тяжелехонько, Дуня, вздыхать.
Со вздыханья сердце ноетъ,
Со печали грудь болитъ,
Со печали, со большой досады:
Милъ гуляетъ отъ меня,
Милъ гуляетъ, покидаетъ
Здѣсь въ несчастной сторонѣ.
На несчастной здѣсь сторонкѣ
И травыньки не растутъ,
Не растутъ у насъ и травки
И цвѣточки не цвѣтутъ;
Въ саду грушица завяла
И мелки пташки не поютъ
Не поютъ и мелки пташки,
Одинъ только развеселый соловей.

Зап. И. Ѳ. Никольскій.

794.

Влюбленная и тоскующая дѣвушка подноситъ своему возлюбленному полевой цвѣтокъ, при чемъ учитъ его терпѣнію и скромности.

а) Рязанской губерніи, Ряжск. у., с. Мазинецъ.

Ахти горе великое,
Печаль тоска несносная!
Куда-жъ бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду съ горя въ чисто поле —
Въ чистомъ полѣ часты кусты;
Часты кусты, мѣста́ пусты.
Въ чистомъ полѣ трава растетъ, —
Трава растетъ шелковая,
Цвѣты цвѣтутъ лазоревы.
Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ,
Милу дружку на головушку:
«Носи вѣнокъ, не скидывай,
Терпи горе, не сказывай!
Нося вѣнокъ — самъ скинется,
Терпя горе, — слово молвится.»

Зап. С. Н. Шафрановымъ.

795.

б) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Соловей-то поетъ жалостнешенько,
Вотъ и мнѣ, молодой, жить тошнешенько.
Вотъ печаль-то тоска мнѣ несносная,
Вотъ и горюшко мнѣ все великое.
Ты прости прощай, ахъ, да весь бѣлый свѣтъ,
А еще-то прощай, другъ соловушко.
Мнѣ куда же бѣжать, тоску горе дѣвать? —

Я пойду ли съ горя во чисто поле;
Во чистомъ полѣ расцвѣтали цвѣты,
Расцвѣтали цвѣты все лазоревые.
Я сорву ли цвѣтокъ, я совью ли вѣнокъ,
Своему ли дружку на головушку:
«Ты носи-ко, милой, да не скидывай,
Ты люби-ко меня, — не покидывай!»

Зап. С. Н. Рачинской.

796.

б) Оренбургской губерніи, г. Верхнеуральскъ.

Какъ подъ дубчикомъ подъ зелененькомъ —
Тамъ сидѣла дѣвка, дѣвка съ купчикомъ.
Не купецъ ли дѣвку уговаривалъ:
— «Ужъ ты дѣвица раскрасавица,
Моя прежняя сполюбовница!
Какъ мы прежде съ тобой, мы любилися,
Подъ сырымъ дубомъ спороднилися.»—
— «Какъ одна-то вѣтка засыхать стала,
Меня милый другъ забывать сталъ.
Я пойду-то съ горя во чисто поле
Во чисто-то поле, тамъ трава растетъ,
Растетъ травынька, все муравынька,
Цвѣтутъ цвѣтики все лазоревые.
Я сорву цвѣтокъ и совью вѣнокъ
Своему дружку на головушку:
«Ты носи-ко вѣнокъ, да не спрашивай,
Люби дѣвицу, не обманывай.»
— «Ты моей шельмѣ женѣ не сказывай
Какъ моя-то жена, что люта змѣя, —
По травѣ идетъ, трава вянетъ,
Близь воды идетъ, вода реветъ,
По землѣ-то идетъ, земля стонетъ.»

Зап. въ 1896 г. С. Г. Рыбаковымъ.

797.

Горе преслѣдуетъ дѣвушку повсюду, — до гробовой доски.

а) Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Знаменское.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать? —
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ, —
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
«Срублю, срублю сыры боры,
Сыщу, найду красну дѣвицу!»
Куда мнѣ отъ горя бѣжать?
Бѣгу отъ горя въ чисто поле,
За мной горе съ косой бѣжитъ:
«Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу, найду красну дѣвицу!»
Куда-жъ мнѣ отъ горя бѣжать? —
Я отъ горя брошусь въ сине море, —
За мной горе бѣлой рыбицей:
«Выпью, выпью сине море,
Сыщу, найду красну дѣвицу!»
Куда-жъ мнѣ отъ горя бѣжать? —
Я отъ горя замужъ уйду, —
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла, —
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла, —
За мной горе съ лопатой идетъ,
Стоитъ горе выхваляется:
«Вогнало, вогнало я дѣвицу въ сыру землю!»

Зап. мною въ концѣ 60 годовъ отъ бывшей дворовой.

798.

Горе преслѣдуетъ молодца.

б) Калужской губ., Мещовск у., Еропкинской в., с. Городище.

1. Изъ подъ бережка, изъ подъ крутова
2. Выходила Горе,
3. Она лычкомъ подпоясына,
4. Ремнемъ подобута,
5. То-то, братцы, Горя замоталася,
6. Къ доброму молодцу привязалася.
7. Добрый молодецъ отъ Горя
8. Во зеленые лѣса,
9. А Горя за нимъ, все за нимъ идетъ,
10. Топоръ несетъ, пику волочетъ.

в)

Стихи: 5—7.

Во зеленые луга
А Горя за нимъ, все за нимъ идетъ,
Косу несетъ, грабли частыя.

Стихи: 8—10.

Во постелю слегъ,
А Горя въ нево въ головахъ стоитъ,
Воши ищетъ и гнидъ бьетъ,
А какъ померъ добрый молодецъ,
Тогда Горя отвязалася.

Зап. И. И. Манжура (отъ каменьщика).

799.

в) Минской губернiи.

Якъ я мала въ колышитцѣ ляжала,
Го́ра за мной въ головахъ стояло,
Якъ я мала коло лауки ходзила,
Гора меня за ручки водзило.
Я отъ гора на сине море, —
Гора за мной въ чоўночкѣ плывець,
Я отъ гора въ грибы пошла, —
Гора за мной кошелку несе́ць,
Я отъ гора въ могилку пошла, —
Гора за мной съ лопатой идзе́ць,
Я отъ гора заховалася [1]), —
Со мной гора распрощалося.

Зап. учен. VIII кл. Минской гимназiи.

800.

г) Витебской губернiи и у., с. Мадклино.

Я ў го́ры ни родзилася, 2
Само го́ра прикацилося,
Я зъ го̀ры ў чисто поле, —
Гора за мной силязнемъ,
Я зъ го́ра ў цемны лясы́ —
Го́ра за мной соловейкою;
Я одъ го́ра ды ў посьцелюшку —
Го́ра мое ды ў ногахъ стоиць;
А я одъ го́ра помираю, —
Го́ра мое ў головахъ сядзиць;
А я зъ го́ра ў могилочку, —
Го́ра за мной зъ лапаточкой;
А я одъ го́ра закопалася, —
Тогды го́ра одчуралося [2]):
Пошла го́ра по бяло́му,
По бяло́му ды ўсе свѣту,
По тыйхъ бѣдныхъ ўдовочкахъ,
По тыйхъ дробныхъ сироточкахъ.

Зап. мною лѣтомъ 1875 г.

801.

Тоже, но конецъ другой.

д) Вологодской губ. и у.

Пока малый былъ
  Горя не была.
Возрастать я сталъ,
  Горя прибыло.
Куда ни́ пойду —
  Въ бѣду попаду,
Съ кѣмъ сведу совѣтъ —
  Ни въ комъ правды нѣтъ.
Брошу здѣшнiй мiръ,
  Пойду въ монастырь,
Пойду въ монастырь
  Ко монашкамъ жить.
Тамъ я выстрою
  Келью новую,
Въ ней я вырублю
  Три окошечка,
Три окошечка
  Три косящаты.
Въ перво по́смотрю —
  На Дунай рѣку,
На Дунай рѣку
  На крутой бере́гъ;
Въ другѐ по̀смотрю —
  Разгуляюся,
Въ третье по̀смотрю —
  Разрыдаюся.

Зап. Н. А. Иваницкимъ. Ср. у Соболевск. т. I, стр. 532—537.

802.

Размолвка любящихся.

Новогородской губернiи, Валдайск. у.

Не велятъ мнѣ на улочку ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Что молодчика молоденькаго,
Неженатаго холо́стенькаго.
Холостой парень, любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любови никакой,
Какова любовь на свѣтѣ хороша,
Тяжела любовь: слезами облита.
Стоитъ Машенька уплаканы глаза,
У красавицы утерты рукавомъ.
«Вечѐръ, милый, больно били за тебя,
За тебя ли, удалаго молодца;
Я со этихъ побоевъ три недѣли не могла,
По четвертую недѣлю я здоровья приняла,
А по пятую недѣлю во зеленый садъ пошла.
Мимо садику дорожка пролегла.
Да ужъ кто-жъ эту дорожку проторилъ?
Холостой парень ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
Безъ разсчоту золотой казной дарилъ.»

Зап. мною.

803.

Смерть дѣвушки отъ побоевъ парня.

Саратовской губ., Хвалынск. у.

Какъ повадилась Параня
Часто по воду ходить,

[1]) спряталась.
[2]) отстала.

Подъ забору воду лить.
Какъ Алешинька Вдовинъ —
Онъ догадливый былъ,
Впередъ онъ забѣгалъ,
Въ ковыль траву залегалъ,
Соколикомъ вылеталъ,
И воробушкомъ выпорхалъ.
Онъ ударилъ Параню
По бѣлому по лицу,
По румяной по щекѣ,
По серебряной по серьгѣ.
У ней личико разгорѣлося, —
Разболѣлася, разнедужилася:
Ко полуночи Параня
Преставилася,
А ко обѣду Параню
Хоронить понесли!
Гдѣ собачушки лаютъ
Тутъ могилушку роютъ,
А гдѣ волки завываютъ,
Тамъ Параню зарываютъ.

Зап. мною лѣтомъ 1872 г.

804.

Отчаяніе женатаго молодца при вѣсти о смерти своей прежней полюбовницы.

а) Тверь.

Изъ подъ камышка изъ подъ бѣлова —
На огонь горитъ, не смола кипитъ,
Что кипитъ сердце молодецкое.
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Ни по душечкѣ молодой женѣ, —
Что кипитъ сердце молодецкое
Ужъ по душечкѣ, красной дѣвицѣ,
По своей прежней полюбовницѣ.
«Перепалася ко мнѣ вѣсточка,
Красна дѣвица разнемоглася,
И за вѣсточкой скоро грамотка:
— «Красна дѣвица переставилась.»
Ужъ пойду я съ горя на конюшій дворъ,
Ужъ я выведу коня доброва,
Что ни доброва, самолучшаго,
И пойду я къ Божьей церкови,
Привяжу коня къ колоколенкѣ,
Самъ ударюся объ сыру землю:
«Разступися ты, мать сыра земля,
И откройся ты гробова доска!
Развернися ты, золота парча!
Пробудися ты, красная дѣвица,
Красная дѣвица, прежняя полюбовница!»

Изъ старин. рукописн. сборника.

805.

б) Саратовской губ., Хвалынск. у., с. Горюша.

Какъ на горечкѣ на крутенькой,
На крутенькой на пригоречки
Стояла горенка сосновенька.
Во горенкѣ жила вдовинка,
У вдовинки сынокъ Иванушка.
Сынъ по горенкѣ похаживаетъ
Про свое горе разсказываетъ;
Случилось съ нимъ несчастьице,
Несчастьице горемышное:
«Померла моя сударушка,
Моя сударушка, красна дѣвушка,
Безъ причастья, безъ повѣданья,
И безъ попа, безъ духовнаго.»
Онъ пошелъ съ горя на конюшій дворъ,
Осѣдлалъ коня своего добраго,
И поѣхалъ съ горя во чисто̀ поле,
Пустилъ коня во долинушку,
А самъ пошелъ на могилушку.
Онъ ударился объ мать сыру землю:
«Разступись-ко, матушка, сыра земля,
Ты откройка-ся, гробова доска,
Развернись-ко ты, тонкой сава́нъ,
Встань-ко ты, моя лебедушка,
На свои ли на рѣзвы ноженьки!
Разведи-ко ты свои бѣлыя ручушки,
Ты прижми-ко меня къ ретиву сердечушку
И промолвь со мной хоть единное словечушко!
Поцѣлуй меня во остаточки!..»
— Прощай, ты улица *безродна*, 2
И гулять съ тобой полно!

Зап. мною 25-го іюля 1872 г. отъ 73 лѣтн. старика крестьянина Зиновея Даниловича Чернощекова.

806.

Дѣвушка осаждаетъ свою мать просьбами скрыть ея грѣхъ: рожденіе ребенка.

а) Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Өедорцово.

«Матушка, головка болитъ,
Сударыня, головка болитъ,
Охъ! головка болитъ.»
— Дитятко, свяжи платочкомъ! —
«Матушка! платокъ корото́къ,
Охъ, платокъ коротокъ.»
— Дитятко, навяжи другой.
«Охъ, матушка, другой худой 2
Охъ, родимая, сына родила! 2
Охъ, матушка, скажи на себя.»
— Дитятко, вѣдь я стара!

Курва-блядь, вѣдь я стара!
«Матушка, скажи на сноху,
Родимая, скажи на сноху.»
— Курва-блядь сноха молода!
«Матушка, ступай за попомъ,
Родимая, посули пять рублей.»
— Курва блядь! гдѣ мнѣ ихъ взять?
«Матушка, на печи въ углѣ,
Въ бумажномъ чулкѣ.
Родимая, отрывай пупокъ!

Зап. мною въ 1868 г. отъ старой няни гг. Семевскихъ.

807.

б) Иркутской губ., Нижнеудинскій округъ, с. Больше-Мамырское (на р. Ангарѣ).

«Матушка, лапушка, голова болитъ!»
— Дитятко, Олюшка, завяжи платкомъ.
«Матушка, лапушка, платокъ коротокъ!»
— Дитятко, Олюшка, вежи два платка.
«Матушка, лапушка, голова больна!»
— Дитятко, Олюшка, лечь поди на печь.
«Матушка, лапушка, печь-то не проста!»
— Дитятко, Олюшка, чево на печи?
«Матушка, лапушка, на печѣ дитя.»
— Курва, безтравница, ковды родила?
«Матушка, лапушка, почесь [1]) въ пѣтухи.
Матушка, лапушка, сходи по попа!»
— Курва, безтравница, попъ-отъ не пойдетъ.
«Матушка, лапушка, сули пять рублей.»
— Курва, безтравница! гдѣ деньги возьмешь?
«Матушка, лапушка, со друзьевъ деньги возьму.»
— Курва, безтравница! много ли друзьевъ?
«Матушка, лапушка, — тридцать молодцевъ.»

Изъ рукоп. сборника бывш. учителя Тобольск. морск. учил. Ив. Суханова. Сообщ. Этногр. Отд. И. Общ. Л. Е., А. и Э.

808.

в) Костромской губерніи, Галицк. у.

«Матушка, лапушка, брюшинька болитъ!»
— Курва блядь, дочинька, лягъ поди на печь!
«Матушка, лапушка, на печи-то квашня.»
— К. бл., дочинька, лягъ за квашней.
«Матушка, лапушка, за квашней увязнешь!»
— К. бл., дочинька, когда ты принесла?
«Матушка, лапушка, — вчерась въ пѣтухи.»
— К. бл., дочинька! на кого теперь сказать?
«Матушка, лапушка, скажи-ка на сестру!»
— К. бл., дочинька, сестра-то молода!
«Матушка, лапушка, скажи на сноху.»
— К. бл., дочинька! снохи-то дома нѣтъ
К. бл., дочинька! куда его дѣватъ?
«Матушка, лапушка, спрячь его въ голбецъ! [2])»
— К. бл., дочинька! изъ голбца запахъ пойдетъ!

Зап. мною въ маѣ 1896 г. отъ молодой крестьянки означеннаго уѣзда.

809.

Дѣвушка беззастѣнчиво заявляетъ о нарожденныхъ ею дѣтей до замужества.

Новогородской губерніи, Валд. у.

Я во дѣвушкахъ не гуливала,
Съ молодцами не говаривала,
А я во дѣвушкахъ троихъ родила,
А четвертаго выпортила (выкинула),
И брюхатая замужъ пошла,
И на перву ночку родила,
Всей семеюшкѣ покою не дала,
Вся семейка догадалась про меня:
Свекоръ батюшка мнѣ люлечку плететъ,
Свекровь матушка пеленочки деретъ,
Деверья-то всѣ веревочки вьютъ,
А золовушки свивальнички шьютъ.

Зап. мѣстнымъ помѣщикомъ К. Шашинымъ.

810.

Дѣвушка сокрушается, плачетъ о послѣдствіяхъ своего грѣхопаденія.

Псковской губ., Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

У нашего Ванюшки заболѣла голова,
Заболѣла головушка отъ зелена вина,
Глазки-то дремлютъ — спать хотятъ,
Спать хотятъ, на свѣтъ Божій не глядятъ.
Проглянитеглазушки: путь-дорожка—темный лѣсъ!
Во темномъ во лѣсикѣ ничего тамъ не слыхать.
Слышно, слышно во лѣсикѣ — мелки листушки шумятъ, —
Шумятъ, гремятъ листушки, про березу говорятъ:
«Березушка бѣлая, бѣлая кудрявая!
На той же березѣ солетались пташечки,
Солетались пташечки: соловей съ кукушечкой.
Ай, кукуитъ кукушечка во своимъ теплымъ гнѣздѣ,
Плачитъ дѣвушка о своимъ горькимъ житьѣ:
Жила я, дѣвушка, долго въ дѣвушкахъ жила,
Въ дѣвушкахъ жила, худой славы нажила:
Въ дѣвкахъ сына родила, горькой долей нарекла, 2
Во солдатушки сдала на чужую сторону.»

Зап. мною отъ старой няни господъ Семевскихъ.

[1]) вчера ночью.

[2]) Голбецъ — деревянная придѣлка (чуланъ) къ печи въ родѣ полатей, подъ которыми дѣлается ходъ въ подполье. Оп. великр. обл. слов.

811.

Дѣвушка-мать не узнаетъ своихъ взрослыхъ сыновей, брошенныхъ ею въ море тотчасъ по появленіи ихъ въ свѣтъ.

Смоленской губ., Духовецк. у.

Какъ у Брянска купца
Была дочка хороша,
По горенкѣ ходила,
Двухъ купчиковъ любила,
Двухъ сыночковъ родила,
Сама бабушкой была,
Въ пеленочки сповила,
На Дунай рѣчку снесла:
«Вы крутые береги!
Дѣтей моихъ стереги́,
Вы желты мелки пески,
Не давайте мнѣ тоски!
Красна лодочка плыветъ,—
Сколыхни моихъ дѣтей.
Соловей, мой соловей,
Не буди моихъ дѣтей!
На двѣнадцатомъ году
Пошла дѣвка по воду́,
Стала дѣвка воду брать,
Сталъ корабль приплывать.
Тамъ два молодца сидитъ,
Одинъ весельцемъ правйтъ,
Другой рѣчь говоритъ:
«Что-жъ ты дѣвица стоишь?
На насъ, молодцовъ, смотри́шь?»
— Ужъ я, дѣвица, стою,
На васъ, молодцовъ, смотрю:
За одного замужъ пойду,
За другого дочь отдамъ.»—
— «Ужъ ты дѣвица умна
Ты намъ матушка родна.»

Сообщ. С. Н. Рачинской.

812.

Пѣсни-загадки.

а) Московской губерніи.

«Загадать ли тебѣ, дѣвица, шесть загадокъ?»
— Отгадаю, сынъ купеческій, хоть десятокъ.
«Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?»
— Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце,
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ,
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды,
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупенъ жемчугъ,
Безъ умолку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка,
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья.
«Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужъ и быть за мною, быть моей женою.

Зап. А. Н. Аѳанасьевымъ.

813.

б) Тульской губерніи, Новосильск. у.

Какъ по мосту, по мосточку
Шла дѣвка семилѣтка,
За дѣвушкой сынъ купецкой:
«Постой, дѣвка семилѣтка,
Загадаю три загадки,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что ростетъ безъ кореньевъ?
А что цвѣтетъ безъ алаго цвѣту?
А что шумитъ безъ буйнаго вѣтру?»
— Растетъ камень безъ кореньевъ,
Шумитъ вода безъ буйна вѣтру,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту.

Сообщ. штат. смотрит. Новосильск. училищъ г. Щедринымъ.

814.

в) Псковской губерніи, Островск. у.

Летѣлъ голубь черезъ поле,
Несъ онъ вѣстку про невѣстку,
Про такую, про милую,
Про Дуняшину вину.
Вечеръ Дуню ведетъ въ пуню [1]).
Дуню въ пунѣ больно били.
Ее били, причитали:
«Бросай волю, кидай нѣгу!»
— Я не кину — пойду къ тыну.
Я не брошу, — пойду къ рощу.
Я по рощицѣ гуляла,
Свой платочекъ уроняла.
Кто не пойдя, тотъ подо́йми,
Кто подоймя, Дуню любя,
Дуню любя, вина ку́пя.
Купя булку для залуку,
А конфетовъ для совѣта,
А изюму — на раздуму,
Винограду для разгаду.
Ишла дѣвка семилѣтка, —
За ней парень, словно баринъ.
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загадаю три загадки:

[1]) — Поливня, сарай, гдѣ держатъ мякину. Оп. обл. великор. слов.

Что ростетъ-то безъ коренья?
Что цвѣтетъ-то, но безъ цвѣта?
Что шумитъ-то, но безъ вѣтра?»
— Дѣвка стала, отгадала:
Ростетъ камень безъ коренья,
Цвѣтетъ сосна, но безъ цвѣта,
Шумитъ рѣчка, но безъ вѣтра.

Зап. М. И. Семевскимъ.

815.

г) Харьковской губерніи, Бѣлогор. у.

Ахъ, Дуня, моя любушка!
Люби, Дуня, одного,
А я тебя одноѐ.
Ахъ, роди сына у мене,
А дочеря у себе,
А учи сына грамотѣ,
А дочеря шолкомъ шить,
А бумагою выводить. [1])

—

Какъ по шляху [2]) по шляшо́чку
Бѣжитъ дѣвка семилѣтка,
Вохъ, за дѣвкой сынъ купецкой,
Сынъ купецкой, молодецкой,
Кричитъ: «Лави́, постой, дѣвка!
Вохъ, загадаю я три загадки:
Охъ, што растетъ безъ ко́риня?
Охъ, што твитетъ безъ алаго цвѣту?
Охъ, што шумитъ безъ буйнаго вѣтру?»
— Охъ, растетъ камень безъ ко́риня,
Охъ, твитетъ сосна безъ алаго цвѣту,
Охъ, шумитъ вода безъ буйнаго вѣтру.

Зап. И. И. Манжура.

816.

Пѣсни о неразрѣшимыхъ задачахъ.

а) Псковской губерніи, Великолуцк. у.

На рѣкѣ на рѣчкѣ
Дѣвка платья мыла,
Звонко колотила,
Насухо крутила,
На березѣ клала.
Тамъ ишелъ дѣтина:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
Насухо крутити,
На березу класти!»
— Дѣвушка спѣсива
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала.
«Душечка дѣвица!
Сшей-ко мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши.»
— Душечка-молодчикъ!
Выстрой теремочикъ
Безо мху, безъ лѣсу,
Безъ бѣло́ву тесу.
«Душечка-дѣвица!
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Вознесеньѣ.»
— Душечка-молодчикъ!
Сшей-ко мнѣ башмачки
Со желтова песочку.
«Душечка-дѣвица!
Напряди верви́цы
Со чистой росицы.»
— «Душечка-молодчикъ!
Слей-ка перстенечикъ
Со краснова солнца:
Гдѣ бы я не ходила,
Все бы я свѣтила.»

Зап. мною.

817.

б) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Какъ па рѣчкѣ на рѣчкѣ,
На тонкой дощечкѣ
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила, —
Изъ подъ вилья донъ, донъ, донъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго куплета).

—

Звонко колотила,
Сухо выжимала,
На берегъ кидала,
Дружка поджидала,

—

Ѣдетъ мой дружечикъ
Изъ чистаго поля, 2
На ворономъ конѣ,
Въ синемъ балахонѣ,
Въ нѣмецкомъ наборѣ.

—

«Дѣвица, дѣвица,
Бѣла, круглолица!

[1]) Эти 8 строкъ, не состоящія ни въ какой связи съ нижеслѣдующими, взяты изъ весьма распространенной свадебной пѣсни. III.

[2]) Шляхъ — дорога.

Напой моего коня
Среди синя моря, 2
На камешкѣ стоя!» 2

—

«Молодчикъ, молодчикъ,
Удалой молодчикъ,
Дворянскій сыночекъ!
Сшей-ко мнѣ башмачки
Изъ желта песочка.» 2

—

— Дѣвица, дѣвица,
Суща мудреница, 2
Бѣла круглолица!
Напряди-ко дратвы
Изъ дождевой капли.

—

«Молодчикъ, молодчикъ,
Удалой молодчикъ, 2
Дворянской сыночекъ!
Свяжи мнѣ чулочки
Изъ буйнаго вѣтру.»

—

— Дѣвица, дѣвица,
Суща мудреница,
Бѣла круглолица!
Сшей-ко мнѣ рубашку
Изъ макова цвѣту.

—

«Молодчикъ, молодчикъ,
Удалой молодчикъ, 2
Дворянскій сыночекъ:
Макова-то цвѣту, —
Его здѣся нѣту.»

—

(Конца недостаетъ).

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

818.

в) Тверской губ., Осташковск. у., с. Өедоровъ Дворъ.

Дѣвка платье мыла,
Валькомъ колотила,
Бѣло полоскала,
Круто выжимала,
Дружка поджидала.
Ѣдетъ милый съ поля
На ворономъ конѣ:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти!»
— Благодарствуй, дѣтинка,
На добрыимъ словѣ.

—

«Дѣвица хороша!
Напой мово коня
Среди синя моря,
На камушкѣ стоя, —
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился.»

—

— Молодецъ хорошій!
Сшей мнѣ башмачки
Изъ желтова песочку,
Чтобъ башмачокъ не сносился,
Чтобы песокъ не ронился
И не теръ бы бѣлыхъ ногъ.

—

«Напряди, милая, дратвы
Изъ дождевой капли,
И сшей, милая, халатикъ,
Изъ булатной стали,
Сталь булатная картина,
Чтобы пуля не пробила,
Чтобы могъ ее носить.»

—

— Сруби, миленькій, мнѣ тéремъ,
Изъ маковыхъ зéренъ,
Чтобы были двери,
Двери, двѣ кровати,
Чтобъ могла я спати,
Чтобы снился милый мнѣ сонъ.

Зап. учен. VI кл. Тверской гимназіи В. Тюкинъ.

819.

г) Вологодской губерніи, Грязовецк. у.

Въ рѣкѣ дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
Звонко колотила,
Сухо выжимала.
«Душечка молодчикъ!
Сошей мнѣ башмáчки
Изъ желта песочку.»
— Кралечка дѣвица
Напряди-ка дратвы
Изъ дождевой капли.
«Душечка молодчикъ!
Сошей-ко мнѣ платье
Изъ макова цвѣту,
Прострочи-ко строчку,

Не прорви листочку.»
— Кралечка дѣвочка!
Напряди-ка питокъ
Изъ бѣлова снѣгу.
«Душечка молодчикъ!
Солей перстенечекъ,
Вложи во глазочекъ,
Въ восточную звѣзду.»
— Кралечка дѣвочка!
Напой же ты кóней
Середь синя моря,
На камешкѣ стóя.
Сама не потонешь,
Коня не потопишь,
Сѣдла не обмочишь.
«Душечка молодчикъ!
Сострой же мнѣ теремъ
Въ Петрово говѣнье
Изъ моря леденья.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

820.

д) Оренбургской губерніи, Илецкая Защита.

На рѣчкѣ па рѣчкѣ,
На быстрой па Волгѣ.—

Калина-ли моя,
Малина-ли моя!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Мыла дѣвка платье, —
Мыла вымывала.

—

Мыла вымывала,
Дружка выжидала.

—

«Парень паренечекъ,
Миленькій дружечекъ!

—

Сшей-ка мнѣ башмачки
Изъ желта песочка!»

—

— Дѣвица, дѣвица,
Сама красавица,

—

Напряди мнѣ дратвы
Изъ дождевыхъ капель!

—

«Парень паренечекъ,
Миленькій дружечекъ,

—

Сшей-ко мнѣ платье
Изъ макова цвѣта!»

—

— Дѣвица, дѣвица,
Сама красавица,

—

Напряди мнѣ нитокъ
Изъ бѣлаго снѣга!

—

«Парень паренечекъ,
Миленькій дружечекъ,

—

Слей-ка мнѣ колечко
Изъ чистаго злата!»

—

Вставь-ка въ перстенечекъ
Восточную звѣзду:

—

Гдѣ-бы ни ходила,
Все-бъ звѣзда свѣтила!

—

Гдѣ бы ни гуляла,
Все-бъ звѣзда сіяла!»

—

— Дѣвица, дѣвица,
Сама красавица,

—

Напой мнѣ конечка
Среди синя моря,

—

Чтобы конь напился,
Копытъ не взмочился!

Зап. учитель Ѳ. Н. Барановъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

821.

Пѣсни объ отравленіи.

а) Тульской губерніи и у., с. Лотовиново.

Какъ подъ грушей, подъ зеленою
Строгалъ стружки добрый молодецъ,
Онъ пущалъ стрѣлу во чисто поле,
Онъ убилъ, ушибъ змѣю лютую.
Тутъ брала стружки красна дѣвица.
Ахъ нашла она въ стружкахъ змѣю лютую,
Ахъ изсушила змѣю сухо на сухо,
Истолкла змѣю мелко на мелко,

Ахъ сыпала змѣю въ зеленое вино,
Что ждала-то въ гости брата роднаго.
Что встрѣчала брата середи двора,
Что брала-то брата за бѣлыя руки,
Ахъ, что ввела брата въ новую горницу,
Посадила брата за дубовый столъ,
Подносила брату зелья лютаго.
«И ты пей, сестра, напередъ сама.»
— Я пила, братецъ, наливаючи,
Ахъ, я тебя, братецъ, дожидаючи.
«Ахъ, какъ не пить вина, прогнѣвить сестру,
Ужъ какъ и выпить вина, тутъ и смерть моя. —
Ахъ не клади меня, сестра, у Божьей церкви,
Положи меня, сестра, при дороженьки,
Ты поставь на меня крестъ часовеньку:
Ужъ кто ни пройдеть — всякъ поклониться,
Ахъ ужъ кто ни проѣдеть — всякъ помо́литься.

Зап. мною лѣтомъ 1864 г. отъ дворовой.

822.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла, —
По лужечку гуляла,
Зло-коренье копала.
Я копала зло-коренье
Глыбко наглыбко его,
Ужъ я мыла зло-коренье
Бѣло на̀ бѣло его,
Ужъ сушила зло-коренье
Сухо на сухо его,
И толкла я зло коренье
Мелко на̀ мелко его,
Я варила зло-коренье,
Я варила, наровила,
Наровила зло-коренье
Немилому дружку, —
Какъ попало зло-коренье
Братцу ро̀дному:
Какъ со вецера мой братецъ
Поразохался,
Ко полуноци мой братецъ
Онъ попа спросилъ,
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился.
«Схорони, меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Между Тверской-Ямской:
Кто ни ѣдетъ, кто ни йдетъ
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ даетъ.»

Зап. мною зимою 1857 г.

823.

в) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Подъ кустомъ, кустомъ, кустомъ, да подъ ракитовымъ, —
Тутъ сидѣлъ душа добрый молодецъ,
Онъ тесалъ-строгалъ стружки легкія,
Собирала ихъ красна дѣвица,
На огонь клала зелья лютова,
Пепелъ вѣяла, да зелье дѣлала, —
Не для батюшки, не для матушки,
А для мила дружка для насмѣшника,
Налила стаканъ зелья лютова,
Подавала я дружку милому:
«Ты испей, испей, добрый молодецъ!»
— Ты испей сама, красна дѣвица.
Налила стаканъ зелья лютова,
Капля канула коню на гриву,
Коню на гриву, дружку на сердце.
А тутъ его рѣчь перемѣнилася:
«Что ты плохо пьешь, красна дѣвица?»
— «А я пила, пила, наливаючи,
Все тебѣ, милой, подаваючи.»
У коня грива загоралася,
У дружка голова съ плечъ повалилася,
Да къ коню подъ ноги покатилася,
Тутъ на правду съ нимъ распростилася.

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

824.

г) Вологодской губерніи и у.

Разгуляюсь я, младенька,
Въ чисто поле далекѐ,
Я разрою сыру землю
Въ темномъ лѣсѣ глубокѐ,
Накопаю зла-коренья,
И на рѣченьку пойду,
Я намо̀ю зло-коренье
Разбѣле́шенько,
Изсушу я зло-коренье
Разсухо̀шенько,
Истолку я зло-коренье
Размелько̀шенько.
Наварила зла-коренья, —
Дружка въ гости позвала:
«Ты покушай, моя радость,
Стряпатинья моего!»
Угостивши любезно̀ва.
Я спросила у него:
«Каково́, дружокъ, любезный
У тебѣ на животѣ?»
— У меня на животѣ
Точно камешекъ лежитъ,

Ретиво́ мое сердечко
Во всѣ стороны щемитъ.
И скончался мой любезный
На утряной на зорѣ.
Отвозила любезнова
Я на утряной зорѣ;
Отвозила любезнова
Въ чисто поле далеко̀,
Я зарыла любезнова
Въ сыру землю глубоко̀.

825.

д) Той же губернии и у.

Я ходила по горамъ,
Я ходила по кустамъ,
Я искала зло-коренья.
Я коренья набрала.
Я хотѣла окормить
Дружка милаго, —
Окормила, опоила,
Братца милаго.
Онъ успѣлъ, моя надежда,
Слово вымолвить:
«Не кладите-ка меня
Близко къ церковкѣ,
Положите-ко меня
Ко часовенкѣ.
На могилушкѣ поставьте
Гусли звончатыя:
Развеселый-то пройдетъ, —
Онъ напляшется,
Моя милая пройдетъ, —
Такъ наплачется.

Обѣ зап. Н. А. Иваницкимъ.

826.

е) Костромской губернии, Ветлужск. у.

Я копала-ли коренье-ли коренье кое надобно,
Ужъ мыла то коренье бѣло на бѣло,
Я сушила ли коренье сухо на сухо,
Я молола то коренье мелко на мелко,
Я топила то коренье въ меду въ патокѣ,
Я наклала въ то коренье зелья страшнова,
Я хотѣла опоить супостателя невначай, —
Я опоила дружка милова свово,
Чуть успѣлъ мой другъ Ванюша слово высказать:
«Ты вели обмыть, Параша, холодной водой,
Оботрать вели, Параша, шелковой травой,
Прикажи одѣть, Параша, въ платье цвѣтное,
Проводи меня, Параша, въ поле чистое,
Хоронить вели, Параша, при дороженькѣ,
Въ зголовахъ вели поставить колоко́ленку,
А во ногахъ поставь, Параша, ты часо́венку,
Въ праву ручку дай, Параша, мнѣ гитарочку,
Въ лѣву ручку дай, Параша, мнѣ цыгарочку,
Во уста, подай, Параша, стаканъ водочки:
Что старой идетъ, Параша, Богу молится,
Молодой идетъ, Параша, наиграется,
Весело́й идетъ, Параша, онъ напляшется.
Если, Параша, куда идешь, — ты наплачешься,
Какъ пьяной идетъ, Параша, стаканъ водочки
попьетъ.

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

827.

ж) Тульской губернии.

«Сербина, Сербинушка!
Сватай меня дѣвчинушку.»
— «Я бы радъ тебя сватать,
Да боюсь твово я брата.
Ужъ струти[1]) ты свово брата,
Тогда тебя буду сватать.»
«Я бы рада иструтила,
Да не знаю того зелья.»
— «Ходи, дѣвка, въ чисто поле,
Въ чистомъ полѣ долинушка,
На долинушкѣ былинушка,
Подъ былинкой гадю́чинка[2]).
На былинку вѣтромъ дуеть,
На гадючу солнцемъ печеть,
Изъ гадючи трута[3]) течеть.
Подставь, дѣвка, ко́нявочкю[4])
Подъ гадючю головочкю.
— Еще братецъ во дорогѣ,
А сестра ему на помогѣ:
«Коштуй[5]), кратецъ, мое пиво,
Безъ тебя я наварила.»
— Братецъ пиво выпиваить.
Онъ на коничекъ садился,
За сердечко ухватился:
«Ужъ и что-жъ, сестра, за пиво,
Что за сердце ухватило?»
— Во всѣ звоны зазвонили,
Сестра братца схоронила.
Сама пошла до Сербина.

---

[1]) Отъ сл. струтить: отравлять.
[2]) Уменьш. отъ гадюка — змѣя.
[3]) Ядъ.
[4]) Уменьш. отъ конявка — деревянная кружка съ рукояткой и крышкой — кринка. Слов. Носовича.
[5]) попробуй.

«Сербина, Сербинушка!
Сватай меня дѣвчинушку.»
— Ты струтила свово брата,
Свово брата-то роднова, —
Струтишь меня, парня молодова.

Зап. въ Петербургѣ Н. Ѳ. Соловьевымъ отъ крестьянки Тульской губ. и у., изъ с. Байдики, Марьи Гаврилов. Бабановой. Она называла эту пѣсню: Подольскою, изъ Кам. Подол. губ.

828.

з) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла
Зло-коренье копала.
Я копала зло-коренье
Глыбко на-глыбко его;
Ужъ я мыла зло-коренье
Бѣло на-бѣло его;
Ужъ сушила зло-коренье
Сухо на-сухо его;
И толкла я зло-коренье
Мелко на-мелко его,
Я варила зло-коренье, —
Я варила, норовила
Немилому дружку...
Какъ попало зло-коренье
Братцу родному.
Какъ со вечера мой братецъ
Поразохался;
Ко полуночи мой братецъ —
Онъ попа спросилъ;
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился.
«Схорони меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Межъ Тверской, Ямской!
Кто ни ѣдетъ, кто ни йдетъ, —
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ даетъ.»

829.

и) Рязанской губерніи, Данковск. у.

Дрянь дѣвочка по лужечку гуляла
Зло-коренье копала;
Накопавши зло-коренье,
Во платочекъ связала;
А связамши зло-коренье
На Дунай-рѣку пошла.
Ужъ я мыла зло-коренье
Бѣло на-бѣло его;
Я вымывши зло-коренье,
Сухо на-сухо сушу;
Изсушомши зло-коренье,
Мелко на-мелко столкла;
Истолчомши зло-коренье,
Въ меду, въ сахарѣ сварю;
Я, сваримши зло-коренье,
Дружка въ гости позову;
Я, зазвамши разлюбезнаго,
На кроватку посажу;
Посажомши на кроватку,
Стаканъ меду поднесу;
Поднесомши стаканъ меду,
Я любезнаго спрошу:
«Ты скажи-ка, мой любезный,
Что на сердцѣ на твоемъ?»
— На моемъ на сердцѣ
Точно лютый змѣй шипитъ;
На моей на бѣлой груди
Тяжелъ камушекъ лежитъ...
Ты умѣла, расканалья,
Меня ядомъ напоить, —
Ты умѣй-же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Ты положъ-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Между Кіевской большой;
Ты поставь-же, расканалья,
Животворящій Крестъ!»

Обѣ зап. мною.

Б. Семейныя.

830.

Жалоба на трудную жизнь въ замужествѣ. Пріятное воспоминаніе о прежней дѣвичьей жизни въ домѣ родительскомъ.

а) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Ахъ да у соловушки крылья примахалися,
Примахалися,
Ахъ да сизы перушки, ахъ, да поломалися.
Поломалися.
Ахъ да у молодчика кудри завивалися,
Завивалися.
Ахъ да тѣми ли кудерками дѣвки дивовалися,
Дивовалися.
Дивовавши кудерками, замужъ похваталися,
Похваталися.
Вышедши молодушкой, жизнью обижалися,
Обижалися:
«Ахъ, да распроклятая жизнь наша замужняя,
Жизнь наша замужняя.
Ахъ да я у матушки жила, какъ цвѣтокъ цвѣла,
Какъ цвѣтокъ цвѣла.
Ахъ да я у батюшки жила, какъ вѣнокъ плела,
Какъ вѣнокъ плела.
Ахъ да я молодушкой живу, какъ въ огнѣ горю,
Какъ въ огнѣ горю.»

Зап. С. Н. Рачинской.

831.

б) Екатеринославской губерніи, Александровск. у.

Охъ, ты грушица, грушица зеленая!
Въ саду росла, въ саду выросла, —
На высокъ тынокъ похилилася.
На улицу, на широкую,
На долинушку, на глыбокую.
На долинушкѣ ростутъ цвѣты розовыя,
Цвѣты розовыя, приморозовыя.
Охъ ты дѣвица-раскрасавица!
У батька росла, у батька выросла,
А замужъ пошла — зажурилася,
А съ бѣлыхъ ножекъ извалилася,
А съ бѣлаго личика измѣнилася,
Съ кѣмъ слюбилася — разлучилася,
Съ кѣмъ не зналася — повѣнчалася.

Зап. И. И. Манжура.

832.

Мысли молодой женщины о томъ, что покорностью и угодливостью можно облегчать себѣ свое положеніе въ домѣ мужа. Нелегкія пожеланія послѣднему.

Курской губерніи, Дмитровск. у., с. Киликино.

Изъ подъ горъ, млада, иду,
Гусевъ лебедевъ гоню,
Приговариваю:
Привыкайте вы, гуси,
Ко лугамъ, ко болотамъ,
Ко студеной, ко водѣ,
Ко шелковой, ко травѣ,
Какъ и я ли, молода,
Я привыклива была:
Я привыкивала
Ко чужой сторонѣ,
Въ чужихъ людяхъ живучи,
Чужимъ людямъ угождаючи.
А я свекру угожала, —
Ранешенько вставала,
Воды на руки давала,
Съ полотенчикомъ стояла.
Я свекрови угожала, —
Рано банюшку топила
Зелененькою хвощала,
Чтобъ коростою напала.
А деверю угожала, —
Среди двора встрѣчала,
Коня на руки примала;
Накормила, напоила,
Въ конюшенку становила.
А золовкѣ угожала, —
Дробно кóсушку плела,
Приговаривала:
«Ты рости, моя коса,
До шелкова пояса!
Ой нехай моя коса
Покрасуется,
Ой, нехай мой милый
Потоскуется!
По проулкамъ, закоулкамъ
Потаскается!
Какова въ полу доска, —
Такова ему тоска!
Какова въ печи лучина, —
Такова ему кручина!

Какова въ печи *супуха*, —
Такова ему сухота!
Расколю я ту доску́, —
Разведу ему тоску.
Разнесу эту лучину, —
Разведу ему кручину;
Размету супуху, —
Разведу сухоту.

Зап. З. С. Ма́лченко, мѣстная помѣщица, слушательница Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

833.

Суровое обращеніе свекра и свекрови съ молодой своей невѣсткой; иное къ ней отношеніе со стороны любящаго мужа.

а) Тверь.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку;
Свекоръ батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ
Снохѣ спать не даетъ:
«Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ
Снохѣ спать не даетъ:
«Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Милъ любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

Хоръ.

«Спи, спи, спи, ты, моя умница,
Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана.»

Зап. мною въ 1859 г. отъ К. А. Шавровой въ Твери.

834.

Суть содержаніе тоже, конецъ иной.

б) Рязанской губ., Данковск. у.

На дворѣ-то дождь, дождь, —
Не частéнекъ, не мелéнекъ:
Какъ ситочкомъ сѣетъ,
Ведромъ поливаетъ.
Свекровь молодая
По сѣничкамъ ходитъ —
Постукиваетъ,
Сонную невѣстку
Побуживаетъ:
«Невѣстушка встань, встань!
У нась на дворѣ
Не рано добрé.
Коровы не доёны,
Теляты не поёны.»
Невѣстка вставала —
Попыхивала [1]),
Свекровь молодую
Побранивала:
«Что-то за семья
За проклятая, —
Все рано вставай!
Мнѣ спать не даютъ.
Я у батюшки у родимаго
Бѣлой зори не видывала,
Я коровъ одеровъ
Не да́ивала,
Я телятъ острѣлятъ
Не па́ивала.»

Зап. учен. 4-го кл. реальн. училища С. Ивановъ.

835.

в) Тульской губерніи, Епифанск. у.

На зорѣ на зорюшкѣ
Лютая свекровушка коровъ доила
Невѣстушку свою рано будила:
«Невѣстушка встань, сударушка встань!
У насъ на дворѣ не все въ добрѣ:
Коровки-буренки на лугъ сведены,
Телятъ острѣлятъ — и тѣхъ дома нѣтъ.»
Невѣстушка вставала — побранивалась:
«Что чортъ за семья — все рано вставай!»

Зап. мною.

---

[1]) поважничала.

836.

Послѣдствія насильственнаго брака; взаимное недовольство супруговъ. Мужъ отказываетъ въ пріемѣ братьямъ жены.

а) Вологодской губерніи и у.

Кабы на цвѣты не морозы, —
И зимой бы цвѣты расцвѣтали,
На меня молоду не печали, —
Я поджавъ бѣлыхъ ручекъ не сидѣла,
Подпершись, молода, не ходила.
Слышу стукъ, слышу брякъ подъ окошкомъ.
Я окошечко отворила,
Я въ окошечко заглянула:
У воротъ гости дорогіе,
Тамъ два братца мои, два родные.
— Свекра батюшка дома нѣту,
Свекровь матушка на пирушкѣ,
А деверья ушли за охотой,
А невѣстушки ушли въ гости,
А золовушки во бесѣдѣ.
Погодите, братцы, доложусь,
Я у милаго лады спрошуся:
«Отворись, отворись, тепла спальня,
Пробудись, моя милая лада!
У воротъ гости дорогіе,
Тамъ два братца мои, два родные!»
— «Отойди прочь, жена мнѣ не мила,
Мнѣ родня твоя вся постыла!»
Тутъ сестрица въ окно заглянула,
Своимъ братцамъ роднымъ отказала:
«Поѣзжайте домой поскорѣе
И скажите родной челобитье,
А сестрицамъ моимъ по поклону,
А родному батюшкѣ не спасибо,
Что онъ выдалъ меня за урода,
За большое свекрово богатство,
За цвѣтное нарядное платье.
Ихъ большое богатство — сусѣки,
А ихъ цвѣтное платье на грядкѣ,
А уродъ-то лежитъ на кроваткѣ,
И велитъ передъ нимъ мнѣ стояти,
И велитъ мнѣ его цѣловати.
Не могу на урода смотрѣти,
А не то, что его цѣловати!»

837.

б) Тамъ-же.

Дуня въ теремѣ ходила,
Своего мужа будила:
«Ужъ ты встань, пробудись,
Мой таланливый мужъ!
Что у новыхъ у воротъ
Молоды гости стоятъ,
Молодые удалые,
Братья-шурья холостые.»
— «Поди прочь, жена немúла,
По тебѣ родня постыла!»
Дуня всплакала, завыла,
Вдоль по терему пошла,
На крылечко выходила,
Братанамъ говорила:
«Ужъ вы братцы мои,
Поѣзжайте домой!
Поѣзжайте, не поздайте,
Въ темномъ лѣсѣ не ночуйте,
Въ чистомъ полѣ не простойте.
Вы свезите-ко, братаны,
Всему роду по поклону.
Вы забудьте-ка иную —
Мою матушку родную.
Вы за то ее забудьте —
Запросватала меня, —
Просватала, отдала
Не за милаго дружка.
Отдала меня не къ мѣсту,
Что роднымъ нѣту пріѣзду.
Позадорилась родная
На высокія хоромы,
На раскрытые балконы,
На свѣтлые самовары,
На хрустальные стаканы.
— Самоваровъ не грѣвала,
Изъ стакановъ не пивала:
Хоша чай когда и пью,
Черезъ чай я слезы лью.»

Обѣ зап. Н. А. Иваницкій.

838.

в) Псковской губерніи.

Дѣвка по саду гуляла,
Соловья пташку поймала,
Долго думала, гадала,
Куда пташку дѣть?
Соловейку сподѣвать?
— Посажу я пташку въ клѣтку,
За серебряну рѣшетку.
Кричитъ пташка: «клѣтка мала,
Клѣтка мала, сѣтка крѣпка.
Негдѣ пташки разгуляться,
Божіимъ міромъ наслаждаться.»
Пташка крылья приломала,
Острый носикъ притупила,

Нельзя пташки улетѣть,
И негдѣ пташки пѣсни пѣть.
— «Запою я, пташка, пѣсню, —
Пѣсню новую про волю:
«Кому волю и кому нѣга? —
Мальцамъ воля, дѣвкамъ нѣга,
Мальцамъ воля до женитьбы,
Дѣвкамъ нѣга до замужья;
Молодухамъ нѣга миновалась,
И съ лица краска потерялась,
Съ черной грязью совмѣщалась.
Я по горенки ходила,
Своего мужа пробудила:
«Ты встань, мужъ мой милый,
Къ намъ пріѣхали гости,
Твои шурья — мои братья.»
— «Мнѣ твоя родня постыла
Поди прочь, жена немила!»
Сестра брата проводила,
Сестра брату говорила:
«За что мужа не угостили,
И на полу спать положили?»

Зап. М. И. Семевскимъ.

839.

Сѣтованіе замужней сестры на невниманіе къ ней роднаго брата. Оправданіе послѣдняго.

Псковской губ., Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Понизешенько солнце ходить,
Поблизешенько братецъ ѣздить,
Ко мнѣ въ гости не заѣдить.
Аль ёнъ дороженьки не знаить?
Аль ёнъ тропипушки не утямить?
Аль ёнъ добра коня не управить?
Аль ёнъ семью мою стыдится?
Аль ёнъ собакъ моихъ боится?
— Ай ты, сестрица, горестница!
Я собакъ твоихъ не боюся,
Я и семью твою не стыжуся.
Я пріѣду, — а ты плачешь,
Я и поѣду, — а ты возрыдаешь.

Зап. мною.

840.

Грустныя мысли женщины о своемъ положеніи въ домѣ мужа по поводу посѣщенія ее роднаго отца.

Новогородской губ., Кирил. у.

Что съ по рѣченьки, съ по быстрой
На нашей сторонѣ,
Что на нашей, на веселой
Хороша угода.
Расхорошая угода
Хорошъ хмѣль родился,
Расхорошій хмѣль родился
Вокругъ колышка вился;
Вился, вился увивался —
Вѣнцы золотые.
Золотые вѣнцы вьются,
Серебряно листье; 2
Серебряно листье,
Жемчужныя кисти.
Пойду, млада, въ садъ погуляю,
Нащиплю я хмѣлю,
Нащиплю я хмѣлю,
Я хмѣлю садовóва.
Наварю я, млада, пива,
Пивушка пьянова,
Созову я, млада, гостя,
Гостя дорогово,
Гостя дорогово,
Батюшка роднóво.
Пьетъ онъ пиво и вино,
До пьяна не допьется,
Со двора домой съѣзжаетъ
Меня, младу, оставляетъ;
Меня, младу, оставляетъ
На чужой сторонѣ,
На чужой сторонѣ
Въ чужихъ людяхъ жить.
Въ чужихъ-то людяхъ жити
Всякому служити,
Годяю и негодяю
Всякому человѣку,
Человѣку не простому,
Парню холостому.

Зап. учит. учил. удѣльн. вѣдом. въ 1860 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

841.

Замужняя дочь посылаетъ съ соловьемъ совѣтъ матери и обѣщаніе прилетѣть къ ней черезъ три года вольной пташкой.

а) Пермской губерніи.

Мимо мóего садика,
Мимо мóего зеленаго
Пролегала дороженька:
Широкúмъ она не шúрока,
Только больно пробоиста. [1])

[1]) Ухабиста.

Какъ по той ли по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Жалобнехонько плакала,
Соловейку наказывала:
«Соловей, соловеюшко,
Соловей, вольна пташечка!
Полетай, соловеюшко,
На мою родну сторону,
Ко моей родной матушкѣ!
Ты скажи, соловеюшко,
Чтобъ родимая не плакала,
Во чужомъ пиру сидючи,
На чужихъ дѣтей глядючи,
Ко мнѣ, горькой, примѣняючи:
«Какъ чужія-то дѣточки
При своихъ отцахъ, матеряхъ,
А я то ли дитятко
На чужой на сторонушкѣ,
При чужомъ отцѣ, матери.
Ты скажи, соловеюшко,
Ты скажи, что не буду я
Ровно три года къ матушкѣ;
На четвертый ли годокъ я
Прилечу вольной пташечкой
Ко моей родной матушкѣ;
И я сяду у матушкѣ
Во зеленомъ ея садикѣ,
На любимую яблоньку,
На сахарную вѣточку.»

(Не кончена).

Сообщ. бывшимъ директоромъ Пермской гимназіи А. Соколовымъ.

842.

б) Псковской губ., Великолуцк. у.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Подымалась туча грозная,
Туча грозная, невозможная,
Друга туча — снѣга бѣлаго.
Что съ того-то снѣга бѣлаго
Пролегала путь-дороженька,
Что по той по дороженьки
Дочка къ матери въ гости ѣхала;
Она ѣхала, — не доѣхала,
Черезъ три поля широкія,
Черезъ три луга зеленые,
Черезъ три рѣчки широкія, —
Тележоночка разломилася,
Кобыленочка заморилася.

(Конца недостаетъ).

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

843.

в) Тульской губерніи, Бѣльск. у.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго
Выходила туча грозная,
Туча грозная, непогожая.
Дочь у матушки въ гостяхъ была, —
Домой дочка торопилася,
Съ родной матушкой не вспросилася, —
Поѣхала, — не простилася.
Пріѣхавши въ сыръ дремучій лѣсъ, —
Середь лѣсу становилася,
Съ соловьемъ думу думала:
«Соловей ты мой, соловеюшка,
Соловей ты мой, молоденькій!
Пролети ты, мой соловеюшка,
На мою родную сторонушку,
Къ моему ли отцу-матери,
Поклонися ты родному батюшкѣ,
Что пониже того родной матушкѣ,
Поклонися всему роду племени!»

Зап. И. П. Чулковскимъ.

844.

г) Уфимской губерніи и у., въ Катовскомъ заводѣ.

Изъ за лѣсу — лѣсу темнаго,
Изъ за зеленой дубровушки, 2
Возмывала туча грозная, 2
Друга туча непроносная, 2
Третья туча со сильнымъ дождемъ, 2
Съ сильнымъ дождемъ, съ мелкимъ градомъ. 2
Въ эту пору, въ это времечко, 2
Дочь отъ матери собиралася, 2
Собиралася — снаряжалася; 2
Снарядившись, слезно всплакнула, 2
Во слезахъ-то не простилася, 2
Середи пути становилася, 2
Середи пути-дороженьки, 2
Середь поля, середь чистаго, 2
Противъ кустика ракитова, 2
Противъ гнѣзда соловьинова: 2
«Соловей ты мой, соловушекъ! 2
Соловей ты, вольна пташечка!
Не съ одной-ли ты сторонушки? 2
Ты слетай, слетай, соловушекъ,
На родимую сторонушку: 2
Ты скажи, скажи, соловушекъ, 2
Моему отцу новой поклонъ, 2
На особицу моей матушкѣ: 2

Не ждала бы меня по теплу домой, 2
Дожидалась бы холодною зимой, 2
Когда рѣчушки закроются,
Западутъ снѣгомъ дороженьки.

Зап. Зах. Васильев. Мингалевымъ. Сообщ. въ 1874 г.

845.

г) Екатеринославской губ., Александровск. у.

Изъ за лѣса, лѣса темнаго,
Изъ за садика зеленаго
Наступала туча грозная,
А другая непогожая,
Все съ дождями да съ морозами,
Все съ снѣгами невылазными.
Дочерь съ матерью бранилася,
Бранилася — не простилася,
Не простившись въ гости ѣхала;
А ѣхала — не доѣхала,
Сѣра лошадь притомилася,
Середь лѣса, лѣса темнаго,
Подъ грушею спать ложилася,
Грушевымъ листомъ прикрылася,
Да все-жъ той думы думала,
Соловьевой пѣсни слушала.
«Охъ, ты соловей, ранняя пташечка,
Ранняя пташечка, — Питенбурская.
Полети-жъ ты въ ту сторону,
Подай батюшкѣ поклонушку.

Зап. Ив. Ив. Манжура.

846.

Недовольная своимъ замужествомъ дочь оборачивается птицей, летитъ въ садъ родительскаго дома, гдѣ ее узнаютъ и приглашаютъ въ домъ подѣлиться своимъ горемъ.

а) Томской губерніи, Кузнецк. у.

Меня батюшка не любитъ, —
Отдаетъ меня замужъ.
Зарекся мой батюшка
Вѣчно въ гости не бывати,
Въ глаза меня не принимати.
Я горя-бѣдна, горе,
Въ три годочка стосковалась,
Въ три минуты сгоревалась.
Попрошу я горе-бѣдная
У ласточки крыльевъ,
У соловушки голосочку,
У кукушечки жалобочку,
Полечу я горе-бѣдная
На свою родимую сторонку,
Сяду я горе-бѣдная
Къ батюшкѣ на ворота.
Ужъ какъ братилка вышелъ, —
Тугой лукъ натягаетъ,
Застрѣлить меня хочетъ;
Ужъ какъ другой-то братъ вышелъ, —
Тужѣе того натягаетъ;
Ужъ какъ батюшка вышелъ:
«Стойте дѣти, не стрѣляйте!
Не мое ли дитя плачетъ?
Не мое ли возрыдаетъ?
Не мое-ли дитя милое?
Не ваша ли сестра родимая,
Ласточка косатая,
Перепелочка крылатая!
Зачѣмъ рано вылетывала
Изъ своего тепла гнѣздышка?»
— Не сама собой вылетывала,
Выживаетъ младъ-ясенъ соколъ
Изъ своего тепла гнѣздышка.
Свѣтъ же наша (имя невѣсты)
Свѣтъ наша (отчество)!
Зачѣмъ рано замужъ пошла
Изъ своего тепла гнѣздышка,
Въ любо мѣстечко.

Томскія губ. вѣдомости 1861 г. «Свадебн. обряды крест. Кузнецк. у.».

847.

б) Вологодской губ., Грязов. у.

Во саду черемушка
    Рано расцвѣла,
Рябину кудрявую
    Вода поняла.
На ту пору матушка
    Меня родила.
Спородивъ, родимая,
    Невѣстой назвала,
Не собравшись съ умомъ-разумомъ,
    Замужъ отдала.
Выдала родимая
    За лѣсъ далеко̀.
Провожала матушка
    До синя моря.
Спрашивала матушка:
    «Когда въ гости ждать?»
Осержусь на матушку,
    — Не буду я къ матушкѣ,
Не буду я къ матушкѣ
    — Три года гостить,

На четвертый пташечкой
Къ ней возвращусь.
Прилечу я къ матушкѣ
Во зеленый садъ,
Сяду я на яблоньку,
На кужля́вую, —
Весь зеленый садъ
Съ корнемъ подсушу,
Яблонцу кужлявую
Въ слезахъ утоплю.
На ту пору матушка
Сѣнечки мела,
Невѣстушекъ-ластушекъ
Побуживала:
«Вставайте-ка, невѣстушки,
Лапушки мои!
Не мое ли то дитятко
Возвратилося,
Съ чуже-дальней стороны
Проявилося?»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

848.

в) Нижегородской губернии.

Подъ горушкой галушка росицу пила.
Въ несчастной день меня матушка родила.
Кипарисному де́ривцу Богъ листу не далъ,
А мнѣ красной дѣушки Богъ счастья не далъ.
Отдаетъ меня батюшка далеча замужъ,
Государыня матушка еще дальши таво.
Не велѣлъ мнѣ батюшка семь лѣтъ не бывать,
Государыня матушка хошь вѣкъ не видать.
Я годъ, млада, не была, другой не была,
На третій годъ тоску изпела,
Тоска младу изпела, слезу пролила.
Я скинусь, младешенька, кукушечкою,
Полечу-ль я, младешенька, на свою сторону,
Сяду-ль я, младешенька, въ батюшкинъ садокъ,
Закукую кукушечкой, — весь садъ оглушу,
Заплачу ребушечкой, — весь садъ потоплю,
А крыльями встрепену — весь листъ обобью.
Услыхалъ мой батюшка въ высокомъ терему
«Не наша-ли, горькая, съ чужой стороны?»
Какъ по новымъ сѣнюшкамъ матушка идетъ,
За родимой, за матушкой три брата идутъ
Большой братъ говоритъ: «убить кукушку!»
А средній братъ говоритъ: «поймать кукушку!»
Меньшой-отъ братъ говоритъ: «ни бить, ни ловить!
Эта наша сестра съ чужой стороны.»
А матушка говоритъ: «когда ваша сестра,
Пойти она въ терёмъ и сядь за столомъ.»

Сообщ. К. Л. Даль.

849.

г) Новогородской губернии, Бѣлозерск. у., д. Буброва.

Во саду черё́мшинка рано расцвѣла,
Зелена кужлявая водой поняла,
На ту пору времечко матушка мння родила,
Спородила родимая невѣстой назвала,
Не собравши съ разумомъ замужъ мння отдала,
Отдала мня матушка замужъ далеко,
Коль далеко, далеко, — за сине море,
Провожала *мня* матушка до синя моря
Спрашивала родная, когда въ гости ждать?
Я разсержусь на матушку на родимую свою
Положу завитьицо на три годика,
На четвертый го̀дичекъ пташкой приличу,
Сяду на черё́мшинку жалобно пѣсни запою.
По горницамъ матушка похаживала,
Своихъ ли невѣстушекъ побуживала:
Встаньте вы невѣстушки, голубушки мои!
У батюшка въ садикѣ что за пташица,
У матушки въ зеленомъ за косатушка?
Гдѣ ты, мое дитятко, причеты взяла,
Гдѣ ты, мое милое, научилася?
— Научила, матушка, чужая сторона.
На осинѣ листвицо безъ вѣтру шумитъ, —
Чужая сторонушка дѣвицу сушитъ,
Чужой ли отецъ и мать безъ вины бранятъ,
Чужой ли отецкой сынъ зубами скрежетъ,
На мня молодешенку кулачки зажметъ.

Зап. зимою 1884 г. крестьянской дѣвушкой Гликеріей Тмаковой. Сообщ. народн. учителемъ Н. Г. Вересовымъ.

850.

д) Тульской губернии, Крапивн. у.

Ишла дѣвушка лѣсомъ, подъ лѣсомъ
Да нашла (2) красная кунарезъ древо,
На томъ кунарезѣ древо листики шумять,
Шумять листики, пташечки поють.
Поють (2) пташечки, — назолу дають.
Отдалъ меня батюшка замужъ далеко,
Онъ далеко, далеко, — за Волгу рѣку.
Не вилѣлъ мнѣ батюшка семь лѣтъ не бывать.
Да родима моя мать хоть вѣкъ не видать.
Я годъ не была, молода, и другой не была.
Онъ на третій годъ молоду слеза пронила.
Скинусь я, молодешенькя, горькою кукушкою,
Полечу, молодешенькя, къ батюшкѣ въ садъ,
Сяду я, молодешенькя, на любую яболеньку,
Закричу, молодешенькя, громкимъ голосомъ.
Родимый мой батюшка по сѣнямъ ходитъ,
Да невѣстушекъ-ластушекъ побуживаитъ:

«Встаньтя, невѣстушки, бѣлыи ластушки,
Встаньтя, послушайтя, што у насъ въ саду,
Што у насъ въ саду жалобно поётъ, назолу
даётъ!»
Большой братъ говоритъ: «пойду, застрѣлю!»
А меньшой братъ говоритъ: «пойду, посмотрю!
Не наша ли грѣшница изъ чужой стороны?
Коли наша грѣшница, — да лятн на терёмъ,
Лятн на терёмъ, да садись за столъ.»

Зап. народн. учителемъ г. Шумилинымъ.

851.

е) Той же губернии и у., с. Лотовиново.

Изъ куста изъ смородинки рѣчка протекла,
На ту пору меня матушка горькую родила.
Не собравшись съ умомъ разумомъ, замужъ отдала
Во чужую дальню сторону, незнакомую.
Меня свекоръ-батюшка напрасно бранитъ,
Свекровушка матушка по̀ пусту журитъ.
Вскинусь, взброшусь я кукушечкою,
Полечу на свою сторону, на батюшкину,
Сяду я у батюшки въ зеленомъ саду,
На любимую на яблоню на матушкину,
Стану, стану куковать, жалко причитать.
Жалкими причетами народъ прослежу,
Горькими слезами весь садъ затоплю.
Матушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ пробуживаетъ:
«Невѣстушки-ластушки, вставайте скорѣй!
Что это за пташка въ нашемъ саду?»—
Большой сынъ взго̀воритъ: «пойду застрѣлю!»
Среднiй сынъ взговоритъ: «пойду спужну!»
Меньшой-то сынъ взговоритъ: «пойду погляжу!
Не наша ли горькая съ чужой стороны?
Съ чужой дальней сторонушки родная сестра?»
— «Ты пойди, пойди сестрица въ нашъ высокъ
теремъ,
— «Свое горе разскажи, наше распроси.»

Зап. мною лѣтомъ 1864 г. отъ бывшей дворовой.

852.

ж) Той-же губернии.

Калинушку съ малинушкой водой залило, —
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись съ разумомъ, меня замужъ отдала.
Я три года у матушки въ гостяхъ не была.
На четвертый годъ вздумала, — пошла.
Я скинуся, сброшуся горькой пташечкой, —
Полечу я, горькая, въ матушкинъ садокъ,
Сяду я, горькая, на сладкую яблонь:
Слезами-то горючими весь садъ затоплю,
Причетыми горькими животъ-сердце изсушу.
А матушка ходитъ по новымъ сѣнямъ,
Певѣстушекъ ластушекъ побуживаетъ:
«Невѣстушки, ластушки, встаньте скорѣй!
Што у насъ во садику пташечка поётъ?
Гдѣ она, горькая, причёты беретъ?»
— Большой-то братъ скажетъ: «давай застрѣлимъ!»
Середнiй братъ скажетъ: «давай поймаемъ!»
А меньшой-то братъ скажетъ: «на что вамъ ее?
Не наша ли горькая съ чужой стороны?
Поди же ты, горькiя, въ нашъ высокъ теремъ,
Про свое горе разскажи, про наше спроси:
Какъ батюшку съ матушкой за Волгу везутъ,
Большого-то брата въ солдаты куютъ,
А середняго-то брата въ лакеи стригутъ,
А меньшаго-то брата — въ прикащики.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ отъ крестьянки Тульской губ.

853.

з) Смоленской губернии, Бѣльск. у.

Изъ за лѣса, лѣса темнаго,
Изъ за садика зеленаго
Собиралась туча грозная
Со снѣгами, со сыпучими,
Со морозами со трескучими.
Дочка къ маткѣ собиралася;
Пособравшись, дочь поѣхала.
Поѣхала дочь, не доѣхала,
Среди лѣсу становилася:
Лошадёнка истомилася, 2
Телѣженка изломилася,
Всѣ каточки раскатилися, 2
Ко дубочку прикатилися.
На дубу сидитъ соловушка.
«Ахъ ты птушка, птушка вольная!
Ты лети, лети въ мою сторонушку,
Ко батюшкѣ во зеленый садъ,
А къ матушкѣ во вновь теремъ.
Ты неси, неси, соловушка,
Ахъ, батюшкѣ, да низкой поклонъ,
А матушкѣ челобитьице:
Что пропали наши головы
За боярами, за во̀рами!
Гонятъ стараго, гонятъ малаго
На работушку ранешенько,
А съ работушки позднешенько.»

Зап. С. Н. Рачинской.

854.

Превращение въ дерево.

Тамъ-же.

Молодость, молодость, да дѣвичья красота
Ой люли, ой люли, да дѣвичья красота.
Ахъ, да чѣмъ же молодость мнѣ подъ старость вспомянуть?
Ой люли, ой люли, да подъ старость вспомянуть?
Вспомяну я молодость тоскою, печалью,
Ой люли, ой люли, большою печалью.
Да пойду я за водой со ушатами, ведрами,
Ой люли, ой люли, съ коромысломъ, веслами.
Пущу ведра по воду, коромысло подъ гору.
Ой люли, ой люли, коромысло подъ гору.
Коромысло подъ гору, сама ударюсь объ землю,
Ой люли, ой люли, сама ударюсь объ землю,
Раскинусь я яблонькой, зеленой кудрявою,
Ой люли, ой люли, зеленой кудрявою.
Тамъ ѣхали господа, тамъ ѣхали бояре,
Ой люли, ой люли, тамъ ѣхали бояре.
Срубили яблонь подъ корень, кололи доски тонкія.
Ой люли, ой люли, дѣлали гусли звонкія,
Чтобъ боярамъ тѣмъ играть, боярышнямъ плясать.
Ой люли, ой люли, боярышнямъ плясать.

Зап. С. Н. Рачинской.

855.

Недовольство молодой женщины своимъ замужнимъ житьемъ.

Новогородской губерніи, Влад. у., д. Гоголева.

Изъ за лѣсику, лѣсу темнова,
Изъ за садику, изъ за зеленова
Только вылеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ, бѣлокрыльчатый.
На лету у сокола крылушки примахалися,
Отъ худой погодушки перья приломалися,
А у добраго молодца кудерышки завивалися.
Не въ одинъ рядъ вились кудерышки — ровно въ три ряда,
Надъ этимъ кудерышкамъ люди дивовалися,
Всѣ московскіе купцы соѣзжалися,
Красныя дѣвушки кудрямъ любовалися;
Какъ одной красной дѣвушкѣ кудри полюбилися
За того молодца замужъ похватилася,
Вышедши, дѣвушка послѣ воспокаялася.
Пошла дѣвушка на кипучій ключъ,
На ключу дѣвушка слезно плакала,
Проклинала это-то замужьице:
«Распроклятое житье замужнее,
Расхорошее житье дѣвичье!»

Зап. мною отъ 74-хъ-лѣтн. старухи.

856.

Мужъ пьяница.

а) Самарской губерніи.

Ахъ ты, душенька молодой ямщикъ,
Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабакъ идешь — самъ шатаешься,
Изъ кабака идешь — самъ валяешься,
Возлѣ стѣнки пробираешься,
За вереюшку самъ хватаешься:
«Верея-ль ты моя, вереюшка,
Верея-ль ты моя сосновая!
Не сама въ землю становилася,
Становили тебя добрые молодцы,
Добрые молодцы, Володимірцы.»
Какъ у сизова млада селезня
Не сами перья заломалися,
Заломала ихъ сѣрая утица
По единому сизу перушку.
Какъ у доброва молодца
Не сами кудри завивалися,
Завивала ему красна дѣвица,
По единому черну волосу,
Завивши кудри, сама заплакала:
Кабы знала, млада, вѣдала,
Вѣкъ сидѣла бы во дѣвушкахъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинъ.

857.

б) Тульской губерніи.

Что это хмѣлинушка зародилася?
Зародилась хмѣлинушка отъ сырой (мати) земли,
Отъ сырой земли, отъ соложенки.
Кто съ хмѣлинушкой поводится,
Тотъ недобрый человѣкъ.
Поводился, подружился молоденькій паренекъ,
Молоденькій паренекъ, его глупый разумокъ.
У кабакъ идетъ дитинка словно маковка цвѣтетъ,
Изъ кабака идетъ дитинка, что лутошечка гола,
Что гола, гола, гола, въ чемъ матушка родила,
Въ чемъ матушка родила, а бабушка повила.

У пьяницы у воротъ молода жена стоить,
Молода жена стоить, про пьяницу говорить:
«Приди, пьяница, домой, пропойца домой,
Ты пропилъ, промоталъ все житье-бытье свое.
Все житье-бытье свое и приданое мое.»

Сообщ. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

858.

Жена, недовольная своимъ мужемъ-недоросткомъ, подвергаетъ его въ лѣсу жестокой пыткѣ, чѣмъ и вымучиваетъ у него для себя полную волю.

а) Калужской губерніи, Малояросл. у.

1. Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди!
2. Не мѣшайте мнѣ, младенькѣ, по саду гулять,
3. Въ саду, въ саду погулять, свѣтиковъ набрать,
4. Пока батюшка родимый замужъ не выдалъ,
5. За того ли дѣтинку, за невѣжу.
6. Въ кабакъ идетъ дѣтинка, тужитъ, плачетъ,
7. Изъ кабака идетъ невѣжа, свищетъ, гóрчитъ,
8. Къ широку ко двору подходитъ, жену выкликаетъ:
9. «Ужъ, выйдишь ты, жена молодая,
10. Отпирай-ко, жена, широкія вороты!»
11. — Ужъ я-ли, молода, была торопліва,
12. Скорохонько съ постели вставала,
13. На босу ножку башмачки надѣвала,
14. Я сѣньми бѣжала — не стучала,
15. Крылечкомъ бѣжала — лѣсенки считала,
16. Широкимъ дворомъ бѣжала — поспѣшала.
17. Я скорохонько вороты запирала,
18. Посмѣлѣя съ невѣжей говорила:
19. «Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротами!
20. Вотъ те мягкая постель — бѣлая пороша,
21. Вотъ те высокое изголовье — подворотня,
22. Вотъ те соболинное одѣяло — частыя звѣзды,
23. Ужъ будешь-ли, невѣжа, кормить хлѣбомъ?»
24. — Ты, сударыня жена, хоть калачами. —
25. «Ужъ будешь-ли, невѣжа, возить въ гости?»
26. — Сударыня жена, хоть по всей Мóсквѣ. —
27. «Каково тебѣ, невѣжа, за воротами,
28. Таково мнѣ, младенькѣ, за тобою,
29. За тобою, за непутной головою.»

Зап. Дурново.

859.

б) Тульской губерніи, Крапив. у.

2. . . . . . красной дѣвкѣ . . . . .
3. Въ саду погулять, цвѣтковъ посорвать.
6. На кабакъ идетъ невѣжа—скачитъ, пляшитъ,
7. Съ кабака идетъ невѣжа . . . кричитъ, вапитъ.
10. Отворяй-ко, ты, ворота становыя,
Встрѣчай мужа съ работы веселаго.
11. Какъ и я ли, молоденька, торопливо выходила
За новыя за ворота становыя.
22. За твоею за дурацкой головою.

Сообщ. шт. смотрит. училищъ Новосильскаго у. Щедринымъ.

860.

в) Вологодской губерніи и у.

Вы раздайтесь, растунитесь, добрые люди!
Ужъ вы дайте мнѣ, младенькѣ, походити,
Пока батюшка-сударь замужъ не выдалъ
За того ли за дѣтину, за невѣжу.
На кабакъ идетъ невѣжа — кричитъ, вопитъ,
Съ кабака идетъ невѣжа — восклицаетъ:
«Дома-ли моя жена молодая?
Отворяй, жена, широкія ворота,
Выставляй, жена, высоку подворотню.»
— Ужъ какъ я ли, молоденька, поспѣшила,
По новымъ сѣнямъ поспѣшала,
Поплотнѣе воротѐчка запирала,
Посмѣлѣе я съ невѣжей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротамъ, —
Тебѣ мягкая постель — бѣлы снѣги,
А высòко изголовье — подворотка,
А теплòе одѣяло — буйны вѣтры,
Шитый-браный положокъ — часты звѣзды,
Воску ярова свѣча — свѣтелъ мѣсяцъ
За воротами проспишься, пріютишься,
Какъ проспишься, такъ и въ теремъ погодишься.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ. Ср. Собраніе русск. народн. пѣсенъ Прача (изд. 1815 г.), ч. I, въ отд. плясов., стр. 43.

861.

г) Тульской губерніи, Каширск. у.

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у матушки женился
Ой люли, люли, мальчикъ я родился.
Я привелъ себѣ жену молодую,
Словно ягодку, ее, боровую.
Повела меня жена къ тестю въ гости,
Привела меня жена къ березовой рощѣ,

Привязала меня жена къ бѣлой березѣ,
А сама-то и пошла, сама загуляла,
Ровно девять-то денечковъ ко мнѣ не бывала,
На десятый-ли денечикъ пришла, приходила,
Что такія-ли рѣчи она говорила:
«Хорошо ли тѣ, негодный, въ пиру пировати?»
— Государыня жена, мнѣ ужъ не до пиру!
Соловьюшки головушку всеё расклевали,
Комарики-сударики ножки обточили.
«Ужъ будешь ли, негодный, поить меня квасомъ?»
— Государыня жена, стану я сытою,
Что сытою, что сытою, сладкой медовою.
«Ужъ и станешь ли, негодный, кормить меня хлѣбомъ?»
— Государыня жена, стану калачами.
«Ужъ и станешь ли, негодный, пускать меня въ гости?»
— Государыня жена, поди хоть и вовсе!

Зап. г. Суворовымъ.

862.

д) Той же губерніи.

Я малешенекъ мальчикъ родился,
Несмышленекъ мальчикъ женился,
Я увзялъ (2) жену молодуя, словно ягодку налитуя,
Изсушилъ я, искрушилъ жену какъ лутошку
И въ лицѣ ее сдѣлалъ, какъ бѣлу ветошку.
Я сама то пойду, (2) загуляю.
Что хорошая жена мужемъ (?) называла:
«Мы пойдемъ-ко, мужъ негодный,
Погулять къ тещѣ въ гости.»
Заведу я негодяя въ березовую рощу,
Привяжу я негодяя ко бѣлой березѣ!
И семь-то денечкёвъ къ нему не ходила,
На осьмой-то денечекъ пойду, загуляю.
«Хорошо-ль тебѣ, мужъ негодный, въ пиръ пировати?»
— Государыня жена, мнѣ ужъ не до пиру:—
Мнѣ соловушки головушку всю проклевали,
Мнѣ комарики ножки всѣ обкладали,
Мнѣ разбойнички рубашку всю изорвали.—
«Ужъ будешь ли ты, мужъ негодный, кормить меня хлѣбомъ?»
— Государыня жена, буду калачами.—
«Ужъ и будешь ты, мужъ негодный, поить меня квасомъ?»
— Государыня жена, буду сытою сладкою медовою.—
«Ужъ ты будешь-ли, мужъ негодный, пущать меня въ гости?»
— Государыня жена, ступай хоть и вовсе.

Зап. Н. О. Соловьевымъ.

863.

Тоже, но конецъ иной.

е) Вологодской губерніи и у.

Недоноскомъ меня матушка спорóдила,
Недоросточкомъ меня споже́нила,
Взяла жену перерóсточку.
Назвала жена мужа негодяемъ,
Начала жена мужа колотити,
По три у̂тра безъ хлѣба морити,
«Ужъ ты маленькимъ не родися,
Ужъ ты глупенькимъ не женися!
Негодяй, негодяй, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ въ лѣсъ за малиной,
За второй ягодой смородиной.»
Привязала жена мужа ко березѣ.
Что на первый денекъ не бывала,
На второй-отъ день прогуляла,
На третій-отъ день побывала.
«Каково тебѣ, мужъ, у березы,
Каково, негодяй, у зе́леной?»
— Сударыня-жена, не корыстно:
Тѣло бѣло комары искусали,
Буйну голову ворóны исклевали.
«Отпусти, негодяй, меня въ гости,
Отпусти, негодяй, на недѣльку!
— Сударыня-жена — хоша̀ на̀ двѣ.
«Отпусти, негодяй, на лошадкѣ.»
— Сударыня-жена — хошь на тройкѣ.
«Отпусти, негодяй, на телѣжкѣ.»
— Сударыня-жена — хошь въ коляскѣ.
«Проводи, негодяй, черезъ поле!»
— Сударыня-жена, хоша за̀ два.
Отвязала жена мужа отъ березы,—
Ужъ какъ началъ мужъ жену толочи́ти,
По пенью, по коренью волочи́ти,
Назвала жена мужа Филаретомъ:
«Филаретъ, Филаретъ, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ вмѣстѣ, станемъ жить хорошенько.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

864.

ж) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Не кукушка, во полѣ кукуеть,
Ахъ, во полѣ кукуеть, —
Молодецъ удалой, горе все горюеть,
Ахъ, горе все горюеть:
«Меня матушка, на̀ горе родила,
Ахъ, на горе родила.
Малолѣтняго меня оженила,
Ахъ, меня оженила.
Молодая жена, меня не взлюбила,
Ахъ, меня не взлюбила,

На постелюшку къ себѣ не пустила,
Ахъ, меня не пустила;
Бѣлу рученьку мою изломала,
Ахъ, мою изломала.
Недоросточкомъ меня называла,
Ахъ, меня называла.
Я пойду съ горя, за сине море
Ахъ, да за сине море,
Проживу молодецъ, тамъ я шесть годочковъ,
Ахъ, тамъ я шесть годочковъ.
Ну приду я домой, дома не узнаютъ,
Ахъ, дома не узнаютъ.
Молодцемъ удальцемъ, меня величаютъ,
Ахъ, меня величаютъ.
— «Ты откуль же, откуль, молодецъ-дѣтинка,
Ахъ, молодецъ-дѣтинка.
Я пошелъ за моря, жeнинъ недоростокъ,
Ахъ, женинъ недоростокъ,
Ужь я жилъ шесть годочковъ горькой сиротинкой,
Ахъ, горькой сиротинкой,
Ну вернулся сюда удалымъ дѣтиной,
Ахъ удалымъ дѣтиной.

Зап. С. Н. Рачинской.

865.

з) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. округа, с. Больше-Мамырское.

Что ты Ванюша не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ?
Черной шляпой призакрылся,
Горячими слезьми облился,
Своей матушкѣ взмолился:
«Охъ, ты мать моя родима,
На што на горе меня родила,
Во несчастный день крестила,
Недоросточка меня женила?
Жена мужа не злюбила:
На кровать спать не пустила,
Со кроваточки столкнула,
Ручку, ножку вывихнула,
Головушку проломила,
Горячу кровь пропустила,
Подъ кроватку затолкала
И чернымъ платьемъ забросала.

Зап. учит. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

866.

Жалоба молодца на супружескую свою участь: женился на вдовѣ.

Рязанской губерніи, Данковск. у.

Не ясенъ соколъ по воздуху летаетъ,
Добрый молодецъ на ворономъ конѣ разъѣзжаетъ.
Онъ разъѣзжаетъ, ищетъ такова человѣка
Кто бы (2) изъ вострой сабли ржавчинку вывелъ,
Кто бы изъ мова ретива сердца кручинушку вынулъ.
Что не ржавчинка востру саблю изъѣдаетъ,
Не кручинушка мое ретиво сердце сокрушаетъ.
Что сушитъ, крушитъ молодчика одна худая слава,
Отъ худой славы я, молодчикъ, погибаю.
Какъ задумалъ добрый молодчикъ, задумалъ женитися,
Не на душечки, на красной дѣвицѣ,
А на той-ли на горькой, на безсчастной, на вдовицѣ.
У вдовушки, у молодушки разумъ не дѣвичій.
Постелю она стелитъ, сама слезно плачетъ,
Возголовье кладетъ, сама возрыдаетъ,
Своего перваго мужа она поминаетъ,
А меня доброва молодчика проклинаетъ.

Зап. мною.

867.

Нелюбая жена.

Рязанской губерніи, Раненбургск. у., д. Урусовка.

Говорила дружку, баялася:
«Не женись (2) душа холостой парень.
Коли женишьси, мой другъ, вспокаешьси
Неравно жена жёнивка навялится журливая;
Бѣлый день — все журитъ, бранитъ,
Во темную ночь на руки лежитъ,
На руки лежитъ, во глаза-то ли глядитъ,
Цѣловать, шельма, велитъ.
Цѣловать-то мнѣ не хочется,
Сердце мое не воротится.
Обратилось сердце къ любушкѣ,
Къ любушки, къ сударушки,
Къ моей-ли души къ Варварушки.

Зап. мною.

868.

Удаленіе отъ себя нелюбой жены. Позднее раскаяніе.

а) Пермской губерніи, Камышловск. у.

Ахъ ты молодость моя, молодецкая!
Ой ли воля моя, воля дѣвичья!
Мы когда-то съ тобою, волюшка, разстанемся?
— Мы разстанемся съ тобой, волюшка, у Божьей церкви,

У Божьей церкви, да подъ златымъ вѣнцомъ,
Подъ златымъ вѣнцомъ, да съ добрымъ молодцомъ.

Навязалась на меня да зла лиха жена:
Возлѣ бокъ жена лежитъ, да какъ зима студитъ,
На рукѣ жена лежитъ — ретиво знобитъ,
Въ глаза глядитъ, да цѣловать велитъ.
Цѣловать-то ее мнѣ не хочется,
Ретиво мое сердечушко не воротится.
Я пойду же, добрый молодецъ, на большой
базаръ,
Я куплю же, добрый молодецъ, да тесовый
корабль,
Я убью этотъ корабличекъ плисомъ, бархатомъ,
Нагружу этотъ корабличекъ да золотой казной,
Посажу я, добрый молодецъ, злу лиху жену,
Я спущу же, добрый молодецъ, да на сине
море,
Я найму же, добрый молодецъ, да корабель-
щиковъ.
Корабельщики гребутъ, какъ крыльями машу́тъ,
Кораблнчекъ плыветъ, какъ соколъ летитъ.
Я пойду же, добрый молодецъ, да на круту
гору,
Окричу я, добрый молодецъ, да корабельщи-
ковъ:
«Корабельщички мои, остановитеся!
Молода моя жена да воротись назадѣ!
Ужъ мы станемъ съ тобой жить лучше стараго,
Лучше стараго, да старопрежняго.»

Зап. членомъ-сотрудникомъ Геогр. Общ. А. Л. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.

869.

б) Псковской губерніи, Опочецк. у.

Молодость, моя молодецкая!
Не видалъ я тебя, молодость,
Когда ты прошла, — скоро миновалася.
Какъ худая жена навязалася,
Что не сжить своей жены боярыни, —
Что ни свату, ни брату, ни товарищу.
Какъ пойду я, молодецъ, на рыночекъ,
Какъ куплю я, молодецъ, новъ тесовъ корабль,
И пущу я корабль на сине море,
Какъ я выйду, молодецъ, на круту гору,
Какъ я крикну, молодецъ, громкимъ голосомъ:
«Воротись моя жена боярыня!
Что мы будемъ жить лучше прежняго.»
— «Не свѣтитъ солнце лучше лѣтняго,
Не живать намъ лучше прежняго.»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

870.

в) Новогородской губерніи, Демьянск. у.

Ахъ ты молодость моя, молодецкая!
Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, миновалася,
Съ угрюмой женой живучи.
Не продать жену, не промѣнять ее, —
Что никому-то она не надобна:
Ни брату, ни свату, ни товарищу.
Какъ пойду-то я, добрый молодецъ, на конюшній
дворъ,
И куплю я, добрый молодецъ, новъ тесовъ корабль,
Посажу-ль на него свою жену боярыню.
«Ты прости, прости, моя жена боярыня!»
Корабль побѣжалъ, какъ соколъ полетѣлъ.
Вотъ тутъ я, добрый молодецъ, одумался:
«Воротись ты, моя жена, боярыня!
Ужъ мы будемъ жить съ тобой лучше прежняго.»
Закричала жена громкимъ голосомъ:
«Не кричи ты мужъ, татаринъ злой!
Намъ не жить съ тобой лучше прежняго.»

Зап. сельск. учителемъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

871.

г) Витебской губерніи (бывш.), Суражск. у., Раскольничья деревня.

Молодость ты моя, молодецкая!
Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, прокатилася
Съ худою женой, съ некорыстною.
Мнѣ худую жену все ни сжить, ни сбыть,
Все ни другу подарить, ни товарищу.
Какъ пойду я, молодецъ, на сине море,
Закуплю-жъ я женѣ смоленой корабь, —
О двѣнадцати гребцовъ, тонкихъ парусовъ,
Объ шестнадцати бѣлыхъ молодцевъ.
Какъ пойду, молодецъ, на круту гору, —
Посмотрю на море, какъ корабль бяжитъ:
Корабь-то бяжитъ, какъ соколъ лятитъ,
Жена жъ-то сидитъ, какъ боярыня,
Дѣтя жъ-то дяржитъ, какъ свѣча горитъ.
Какъ крикнулъ молодецъ громкимъ голосомъ:
«Воротись жена, жена боярыня!»
— «Не порой солнце свѣтитъ, не по лѣтнему,
Не любитъ мнѣ мужа все по прежнему.»

Зап. гимназистомъ 6-го кл. Витебской гимназіи Баньковскимъ. Ср. у Варенцова: Сборн. пѣсенъ Самарск. края, стр. 102.

872.

По просьбѣ мужа смерть освобождаетъ его отъ нелюбой жены — и онъ скоро утѣшается.

а) Рязанской губ., Раненбургск. у., усадьба Красная Слободка.

Объ чемъ, мальчикъ, сумлѣвался?
Да ходитъ холостъ, не женатъ?
Съ поневолюшки женился,
Некорыстну жену взялъ, —
Некорыстну, не по мысли,
Не по совѣсти своей.
Я не буду въ люби съ нею жить!
Буду за рѣку ходить,
Буду дѣвушекъ любить,
На свою-то я жену
Буду смерти молить.
Околъ рѣчки бережечку
Распрекрасна смерть идеть:
«Ужъ ты, смерть моя прекрасная!
Воротися, смерть, назадъ,
Сокончай мою жену.»
Не успѣлъ я слово молвить, —
Начала жена кончать,
Не успѣлъ я оглянуться, —
Накрылъ бѣлымъ полотномъ,
Пріударилъ въ колоколъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Въ короводъ къ дѣвкамъ зашелъ.
Всѣ-то дѣвки, всѣ-то красны, —
Всѣ мои пѣсенки поютъ.
Одна дѣвка, одна красна,
Моихъ пѣсенъ не поетъ.
Эта дѣвка, эта красна,
Знать моей женѣ родня, 2
Знать родимая сестра.

873.

б) Той же губерніи.

Ужъ нѣтъ того хуже—женатаго любить.
Онъ женатый, распроклятый, —
Его очень жизнь бѣдна:
Гдѣ ни ходить, гдѣ ни гуляеть,
А жана все за имъ глядить.
Нѣтъ того лучше — холостаго любить:
Холостой парень гуляеть,
Какъ соколъ въ полѣ летаеть.
Прилетаеть соколъ на мѣсто,
Онъ ложится на спокой.
Онъ ложился, онъ божился, —
Нѣтъ заботы никакой.
Только есть одна забота, —
Что красная дѣвушка.
Съ поневоли меня женили
Не по' [1]) бычью мнѣ жану взяли,
Не по'бычью, не по мыслямъ, —
Я не буду съ нею въ люби жить,
Буду, мальчикъ, за рѣку ходить,
На свою жану буду смерти молить.
Не дошелъ я до дворочка,
Скончалася моя жана.
Пріударилъ ее кулакомъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Къ хороводу подошелъ:
Всѣ дѣвушки играютъ,
Одна дѣвушка стоитъ, —
Знать моей жанѣ родня.

Обѣ зап. мною.

874.

в) Екатеринославской губ., Александр. у.

Эхъ, што хуже таво нѣту
Мнѣ жанатаво любить.
Вонъ жанатой, распроклятой,
Ево жисть очень бѣдна.
Ой, дѣ ни ходитъ, ни гуляетъ —
Все жена за нимъ смотритъ.
Да я жены не боюся, —
Я гуляю до поры,
До завутреней зари.
Охъ какъ зорюшка занялася,
А я, молодецъ, пошелъ.
И шелъ миленькій дорожкой,
На устрѣчу смерть идетъ.
А я смерти не боюся,
Смерти въ ножки поклонюся:
«Ой, ты смерть моя прекрасна,
Умори мою жану,
Опростай мою голову!»
— Не вспѣлъ смерти я сказать,
Начала жану мою конать.
Не дождалъ я все конченья,
Взялъ на койку положилъ.
Положилъ ее на койку,
Принакрылъ ее полотномъ.
Принакрывши полотномъ,
Взялъ привдарилъ кулакомъ,
Самъ на вулицу пошелъ
Къ карагоду подошелъ:
«Играй дѣвки, играй бабы, —
Померла моя жена!
Отвалилась *жабота.*»

Зап. И. И. Манжура.

---

[1]) Т. е. по обычью.

875.

Какъ князь Волконскій велѣлъ повѣсить своего ключника Ваню за сожитіе съ его женою.

а) Саратовской губ., Хвалынск. у., с. Безобразовка.

Ахъ былъ я, братцы, во святой Русѣ,
Во святой былъ Русѣ, въ каменной Москвѣ.
Тамъ построены полаты новы каменныя.
Какъ во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь,
Не одинъ-то онъ жилъ княжечикъ — съ молодой своей княгиней.
У этого у князя былъ душа Ванюша — вѣрный ключничекъ.
И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
Нисколько ни мало, ровнехонько три года.
На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,
Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался
Отъ молоденькой дѣвченочки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Выходилъ князь Волхонскій на крашёнъ на новъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
Ты поди сюда, Ванюша, на крашенъ на новъ крылецъ.»
Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,
Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату его,
Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивати:
«Ты скажи, душа Ванюша, всеё правду мнѣ,
Всеё правду мнѣ, правду истинную, —
Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
— «Знать то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю.» —
И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Вани лицу,
И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной,
Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
Изъ очей его ясныхъ слезы покатились, словно градъ.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашёнъ бѣлъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги, мои слуги, слуги вѣрные мои,
Ужъ вы стройте-ко, ребята, крашенныя рельица,
И вейте поскорѣе шелковыя петельки,
И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника.
Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку.
— Подвели душу Ванюшку къ крашеннымъ ко рельицамъ.
И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
«Ужъ вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
Вы подайте мнѣ *гитару*, я сыграю на нее.
Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать
И всю правду зачалъ разсказывать:
«То-то ребята сколько было попито, поѣдено!
Съ молодой княгиней сколько погуляно!
И цвѣтное платье сколько поношено!»
— И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко.
И онъ на рельицахъ качается, —
Молода княгиня о немъ печалится.
И на третій день княгиня сама скончалася,
Подъ этими рельицами вострымъ ножикомъ зарѣзалася.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ, —
Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ соль не кушати!

(Дальше пѣвецъ не зналъ).

Зап. мною 23 іюля 1872 г. отъ крест. Ѳед. Сем. Вдовина.

876.

б) Пермской губерніи, Камышлов. у.

Какъ во далече-далече въ каменной Москвѣ,
Въ той было улочкѣ Успенской,
Тутъ живетъ-проживаетъ батюшка Волхонскій князь, —
У него да проживаетъ молодой денщикъ,
Молодой денщикъ да Ванька клюшничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ, Ванюшка не два года,
Онъ живетъ у него да три годочка.
На четвертый годочекъ князь довѣдался,
Самъ на него прогнѣвался.
Выходитъ князь на высокъ балконъ;
И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли при мнѣ слуги, — слуги вѣрные мои?
Вы пойдите, приведите Ваньку клюшника.»
Ведутъ-то, ведутъ Ванюшеньку не пьянова,
А ведутъ его, Ванюшеньку, избитова.
Его буйная головушка изломана,
Коленкорова рубашка вся изорвана,
Матѣрева жилетка кровью призабрызгана.
Приводятъ Ванюшку ко князю кайться.
Началъ его князь грозно спрашивать:
«Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься!»
Отвѣчаетъ князю Ванюша клюшничекъ;

«Я, сударь, не знаю, не вѣдаю...
— Я за то тебя, Ванюшка, подарить хочу,
Двумя селами со деревнями...
«Я самъ знаю про то вѣдаю:
Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
Четвертой то шелковой петелькой—
За мою вину, да за проступочку,
За веселую мою да гуля́почку.
Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою пе́нюшку,
Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
На свою супругу благовѣрную.
За охотниками она была охочая»...
Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
Между двумя столбами съ перекладиной.

Зап. членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Кокосовымъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

877.

в) Москва.

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
Стоялъ новъ высокъ теремъ;
Ужъ и въ этомъ теремочкѣ,
Жилъ да былъ Волхонскій князь. [1])
Какъ у эвтаго-ль у князя
Были слуги вѣрные,
А ужъ всѣхъ то ихъ вѣрнѣе
Былъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
Онъ другой любилъ.
А на третій годъ про эвто
Самъ ли князь довѣдался,
Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
Самую паскудную. [2])
Ужъ и вышелъ князь Волхонскій
Онъ на свой красенъ крылецъ; [3])
Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, гой еси, мои холопья,
Слуги мои вѣрные!
Вы возмите-ка, возьмите
Заступы желѣзные,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте тутъ, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повѣсьте, вы повѣсьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку клюшника.»
Ой ведутъ Ванюшу,
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка изодрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны сапожки
Кровью залиты. [4])
Ой ведутъ, ведутъ Ванюшу!
Самъ князь усмѣхается:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
Ты съ какой поры со времени
Со княгиней свѣдался?»
—«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не вѣдаю.
Ужъ и гдѣ же мнѣ холопу
Со княгиней знатися»..
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
Вора Ваньку клюшника!»
—«Нѣтъ постойте-ка, постойте,
Вы мои товарищи!
Ужъ вы дайте мнѣ потѣшить
На́шего боярина.
— Ужъ и третій годъ я, сударь,
Со княгиней знаюся:
Что въ этомъ теремочкѣ
Много было гуляно,
На пуховой ли перинѣ
Много было лежано,

[1]) Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
Что еще того подальше —
Во проселочкѣ во Дмитровскомъ —
Тамъ живетъ-то, поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь.
Не одинъ онъ поживаетъ —
Съ молодой княгинею.

[2]) Онъ не годъ то съ ней годуетъ,
Не другой годъ съ ней живетъ,
Что на третьемъ на годочкѣ
Скоро князь довѣдался
Черезъ бестію каналью
Да сѣнную дѣвку.

[3]) На новое на крылечко.

[4]) Что ведутъ Ванюшу
За бѣлыя руки;
Какъ у Ванюшки
Головка проломлена,
Горнетурова рубашечка
Вся изодрана;
А сафьяные сапожки
Кровью принаполнены.

За бѣлыя ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость
Часто было ругано!»—
— «Ну повѣсьте же, повѣсьте
Вора Ваньку клюшника,
Молодой моей княгинѣ
Вѣрна полюбовничка!
Ужъ пускай же воръ Ванюшка
Пускай покачается,
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»—

878.

г) Воронежской губерніи, Бобровск. у.

Какъ поссорился Ванюша
Съ сѣнною дѣвушкой, [1])
Что съ такою шельмою сѣнной —
Съ самою послѣднею;
Начала эта дѣвчонка
Угрозы угроживать:
«Ты добро, добро, ты Ванюша,
Добро, шельма ключничекъ!»
Что дойдутся эти рѣчи
Рѣчи къ самому князю:
«Охъ ты князь, князь нашъ Волхонскій,
Все ты пьешь, гуляешь,
Ничего ты въ своемъ домѣ,
Не знаешь, не вѣдаешь,
Что молода твоя княгиня
Живетъ съ Ванькою клюшничкомъ!»
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, слуги, мои слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите
Ко мнѣ Ваньку клюшничка,
Молодой моей вотъ княгинѣ
Вѣрна полюбовничка.»
— Ты поди-ка, Ванюша,
Поди, тебя баринъ зоветъ;
Какъ и хочетъ тебя баринъ,
Хочетъ тебя жаловать
Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
Своимъ воронымъ конемъ».
Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
Идетъ широкимъ дворомъ;
Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
Съ кровью перемѣшана.
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги, мои слуги,
Вы подите-же, берите
Лопаты широкія,
Вы копайте, вы копайте
Вы ямы глубокія,
Становите вы столбочки,
Столбочки точеные,
Вы кладите перекладъ,
Перекладъ кленовый,
Вы цѣпляйте, вы петельку
Петельку шелковую! [2])
Закричалъ-та Ваня клюшникъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, князь, нашъ князь, Волхонскій! [3])
Прикажи мнѣ пѣсню спѣть: [4])
«Что съ твоей младой вотъ княгинею
Попито, погуляно,
Въ сахарныя вишь усточки
Было поцѣловано!»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ, вы слуги, мои слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите же Ванюшку,
Цапляйте за голову!»
—Какъ и Ванюшка въ петелькѣ, —
Въ петелькѣ качается,
Молодая его вотъ княгиня
Въ терему кончается,
А какъ самъ-то князь Волхонскій
Стоитъ, улыбается.
Выходила сѣнная дѣвка
Самая послѣдняя:
«Охъ, ты князь, князь нашъ Волхонскій,
Загубилъ ты три души:
Эхъ какъ двѣ души вотъ виновныя
«Третья де не виновная!» [5])

---

[1]) Въ пѣніи каждое двустишіе повторяется два раза.

[2]) Вы берите-тка ребята
Лопаты желѣзныя;
Ужъ вы ройте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія;
Становите-тка, ребята,
Два столба точеные,
Вы кладите, ребята,
Перекладину дубовую;
Вы вбивайте-тка, ребята,
Два кольца золоченыя.

[3]) Охъ ты, батюшка, Волхонскій князь!

[4]) Во садикѣ во зелененькомъ
Тамъ стояла ли, стояла
Кроватка тесовая,
Какъ на этой ли кроваткѣ
Перина пуховая,
Какъ на этой ли перинѣ
Ваня часто сиживалъ...

[5]) По народному объясненію, это значитъ, — княгиня была беременна. А.

879.

д) Калужской губерніи.

Ужъ какъ жилъ-то, поживалъ
Батюшка Волхонскій князь.
Какъ у этого у князя
Былъ Ванюша ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужъ и годъ живетъ Ванюша,
Ваня и другой живетъ,
А на третій-то годочекъ
Самъ-отъ князь довѣдался,
Черезъ дѣвку, черезъ сѣнную,
Черезъ самую послѣднюю.
Выходилъ нашъ князь Волхонскій
На крыльцо высокое,
Говорилъ нашъ князь Волхонскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-тка, возьмите
Лопаты желѣзныя,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте-ка, поставьте
Два столба высокіе;
Положите-ка, положите,
Перекладину кленовую,
Вы возьмите, приведите
Вора Ваню ключничка,
Молодой моей княгини
Вѣрна полюбовничка!
Пускай Ванина головушка,
Пускай покачается,
Молодая то княгиня
Пущай попечалится!»
—Ведутъ Ваню, ведутъ Ваню,
Ваню вора, ключничка.
Какъ у Вани-то головка
До мозгу проломлена,
А сафьяновы сапожки
Кровью понаполнены,
Миткалинова рубашка
Вся на немъ изорвана.

Всѣ 3 сообщены А. Н. Афанасьевымъ.

880.

е) Московской губерніи, Коломна.

Любила княгиня своего лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ князь про княгиню,
Что любитъ она своего лакея.
— Есть ли у меня вѣрные слуги,
Вѣрные слуги, мои лакеи?
Берите вы, слуги, тугіе луки,
Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло лакея!
Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!» —
Увѣдала княгиня про своего лакея:
— «Есть ли у меня вѣрные слуги,
Вѣрные слуги мои лакеи?
Вяжите, вяжите шелковы неводы,
Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
Ловите, ловите бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло моего лакея.
Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
Несите вы тѣло во свѣтлицу!
Вздуньте, вы вздуньте, буйные вѣтры,
Выньте, вы выньте душу изъ князя,
Душу изъ князя моего мужа,
Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло моего лакея,
Моего лакея, моего милаго.
Кого я любила, того-бъ оживила! —
Кого не любила, того-бъ погубила.»

Сообщ. А. Н. Островскимъ.

881.

ж) Псковской губерніи.

Далече-подалече было въ каменной Москвѣ,
Во второй улицѣ во Дмитровкѣ
Жилъ, проживалъ Волхонскій князь.
У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгинѣ вѣрный полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ Ванюша,
Ванюшка и другой живетъ,
Ну на третій на годочекъ самъ князь довѣдался
Отъ такой ли отъ дѣвчонки,
Дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной отъ самой послѣдней.
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя,
Подите-ка, возьмите лопаточки желѣзныя,
И ройте, копайте двѣ ямы глубокія;
Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
Вы кладите перекладину новую, ясновую!
Вы бейте, вколотите два кольца желѣзныя,
И вѣшайте, повѣшайте, двѣ петли шелковыя!»
— Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные мои,
Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,

Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка.»
Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
По славной, по Митровской.
У Ванюши головка поизломана,
Кашмировымъ платкомъ головушка связана,
Коленкорова рубашечка кровью вся измочена.
Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхается,
Надъ его буйною головушкой надругается;
А Ваня князю возмолляется:
— Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсню спѣть:
«Дальше-подальше въ каменной Москвѣ
Жилъ проживалъ Ванюшка клюшничекъ,
У этого князя былъ зеленый садъ,
Въ этомъ садикѣ горенка новая,
Въ этой горенкѣ кроватка тесовая,
На кроватушкѣ перинушка пуховая.
Въ этомъ во са́дикѣ съ Ваней погуляно,
На этой на перинѣ много полежано,
Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
Съ молодой княгиней полежано,
Молоду княгиню за груди подержано,
По черному по соболю Ваней подрано.»
Надъ Ванюшиной головушкой князь надругается:
«Пусть Ванюшина головушка покачается,
Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

882.

з) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Что не ягода лѣсная
Спѣла, зрѣла и красна, —
Одна княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила.
Какъ у князя былъ Ванюша,
Кудреватый холостой,
Ваня ключникъ злой разлучникъ
Разлучилъ князя съ женой.
Онъ не даривалъ княгину
Не батистомъ кумачемъ,
А подарилъ Ваня княгину
Съ руки перстень золотой.
Князь дознался, догадался,
Не давалъ жену въ позоръ.
«Вы слуги мои, холопы,
Слуги вѣрые мои!
Вы подите приведите
Ваню ключника ко мнѣ!»
Что ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Вѣтерочкомъ кудри вьетъ,
Князь выспрашивалъ княгины:
«Что такое у тебя?»
А потомъ спросилъ Ванюши,
Сколько лѣтъ знакомъ съ женой?
— Не скажу я вамъ всей правды,
Всей я правды не скажу,
Про то вѣдаютъ подушки,
Да пуховая постель.
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Чѣмъ ты даривалъ ее?»
— «Я ничѣмъ ее не дарилъ,
Только дѣлалъ по её.
«Вы слуги мои, холопы,
Слуги вѣрные мои!
Вы сходите въ чисто поле,
Вы тамъ вроите столбы,
Вы повѣсьте тамъ Ванюшу
На шелковомъ поясу́!
Пусть завянетъ тамъ Ванюша,
Какъ травинка на межѣ,
Пусть княгиня помираетъ
Во свѣтлицѣ на ножѣ!»

Зап. М. В. Лугининой. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

883.

и) Харьковской губерніи, Богодуховск. у.

А въ Москвѣ, въ Москвѣ
Въ городѣ каменномъ —
Тамъ жилъ Ванюша князь.
У князя былъ Ванюша клюшничекъ,
Его княгини полюбовничекъ.
Жилъ же Ваня со княгинею
Три годочка съ половиною.
На четвертый годъ князь довѣдался,
На своего Ваня клюшничка прогнѣвался.
Какъ крикнулъ князь на слугъ своихъ:
«Охъ вы мои слуги вѣрные,
Позовите ко мнѣ Ваню клюшничка.»
— «Пожалуй-ко, Ваня, васъ требуетъ князь.»
Охъ скоро Ваня убирается,
Въ чисто зеркальцо выдивляется,
Онъ своему несчастью не чается.
На немъ рубашечка колинкорова,
На немъ жилеточка гарнитурова,
На немъ сапожки — какъ лакомъ наведёны.
Скоро Ваня въ горничку вхожаетъ,
Его князь расправиваетъ:
«Охъ, признайся, ты, Ваня,
Сколько жилъ съ моею княгинею?»
— «Понапрасно, баринъ, наговорено!»
Скоро, скоро Ваня изъ горнички выхаживаетъ,
На немъ рубашечка съ тѣломъ смѣшана,
На немъ сапожки всѣ въ грязи.

Какъ крикнетъ Ваня на товарищей:
«Вы товарищи мои вѣрные!
Становите вы столбы дубовые,
А кладите перекладины еловые,
Вѣшай вы петельки шелковыя!»
Ваня въ петлѣ качается,
А княгиня въ постелѣ кончается.

Зап. И. И. Манжура.

884.

к) Самара.

Спѣла ягодка лѣсная,
Преукрыта и спѣла;
Свѣтъ-княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила...

Какъ у князя былъ Ванюша,
Кудреватый молодой —
Ваня клюшникъ, злой разлучникъ,
Мужа стараго жены...

—

«Я не даривалъ княгиню
Ни парчей, ни кумачомъ,
Она льнула ко дѣтинѣ, —
Какъ сорочка ко плечу...

—

Цѣловала, миловала,
Подносила чару мнѣ...
Потайкомъ меня клала
Спать на князеву постель.»

—

По извѣстнымъ наговорамъ
Князь дознался про вину,
Князь дознался, догадался,
Посадилъ подъ ключъ жену...

—

«Ужъ вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!..»
Вы подите, приведите, —
Ваню клюшника ко мнѣ.»

—

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Ванѣ вѣтеръ кудри вьетъ,
А княгиня за Ванюшу
Свою душу отдаетъ...

—

«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколь съ княгиней долго жилъ?»
. . . .
. . . .

—

— «О томъ вѣдаетъ подушка
И пуховая постель
И ткапьево одѣяло
Полотняна простыня.

—

«Ужъ вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!
Ужъ вы выройте двѣ ямы
И поставьте два столба...

—

Вы повѣсьте-ка Ванюшу
Во шелковую петлю!»
— Вотъ виситъ, виситъ Ванюша
Во шелковой во петлѣ.

—

И Ванюшу все качаетъ,
Какъ былинку на межѣ,
А княгиня во свѣтлицѣ
Умираетъ на ножѣ.

Зап. Г. И. Акутинымъ. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

885.

л) Московской губернии.

Въ полѣ ягода лѣсная
Пріукрытая спѣла,
А княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила.

—

Какъ у князя былъ Ванюша,
Кудреватый молодецъ.
Ваня ключникъ, злой разлучникъ
Между мужемъ сталъ и женой.

—

«Не дарилъ ее Ванюша
Ни парчей, ни кумачемъ.
Цѣловала, миловала,
Подносила чару мнѣ.

—

Подъ тайкомъ его уклала
Спать на князеву кровать.
Какъ-то князь-то все дознался
Про Ванюшу, про свово.

—

«Вы холопы, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!
Вы подите, приведите
Ваню Клюшника мово.»

—

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюша,
Только вѣтеръ кудри вьетъ
Про то вѣдаетъ подушку
И пуховая постель:

—

Сколько лѣтъ Ванюша этотъ
Со княгиней жилъ...

Конца пѣвица не знала. Зап. П. В. Тихановой въ 1874 г.

886.

м) Вологодской губерніи и у., с. Несвойское.

Во Москвѣ было у князя Волконскаго.
Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня-Клюшничекъ,
Молодыя-то княгини полюбовничекъ.
Какъ годъ живетъ, другой живетъ — князь не вѣдаетъ.
На третій-то на годочекъ князь довѣдался,
Черезъ ту ли черезъ дѣвушку-то сѣнную,
Черезъ сѣнную, да черезъ самую послѣднюю.
Закричалъ тутъ князь Волконскій зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню-Клюшника.»
И сталъ же князь Ванюшу да распрашивати:
«Ты скажи-ко мнѣ, Ванюша, скажи правду всю,
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?»
На первый-отъ разъ Ванюша не покаялся.
Онъ распрашивалъ Ванюшу ровно три часа.
Что ужъ тутъ-то нашъ Ванюша и покаялся.
Закричалъ же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный дворъ.»
Повели же тутъ Ванюшу широки́мъ дворомъ.
На Иванушкѣ сибирочка пошумливаетъ,
Александрійская рубашка ровно жаръ горитъ,
Козловы̀ новы̀ сапожки поскрипываютъ.
У Иванушки кудеречки разсыпаются,
А идетъ-то самъ Ванюша усмѣхается.
Привели же тутъ Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывати.
Александрійская рубашка съ тѣломъ смѣшана,
Казимирова сибирочка вся изо̀рвана,
Что русы̀я-то кудеречки прирастрёпаны,
Козловы́ новы́ сапожки крови полные.
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты баринъ ли нашъ, баринъ, ты Волконскій князь!
Поставлено зеленó вино — кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки — кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то съ княгиней было пóжито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было пóпито,
Приготовленныхъ закусочекъ покушано!»
Закричалъ же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы кленóвую,
Вы повѣсьте тутъ Иванушка измѣнника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Что Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня-то въ теремѣ кончается.

Ср. наши варіанты съ варіантами напечат. г. Безсоновымъ въ 3-мъ выпускѣ «Пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ», стр. 128—163.

887.

Король литовскій велитъ повѣсить разгульнаго молодца, соблазнившаго его дочь.

Вологодской губерніи.

Ужъ ты крапива ли, крапивушка жегу̀чая.
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія.
Малъ я, былъ я, молодецъ у короля въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодецъ, къ королю въ дворецъ.
Королева дочь съ молодцемъ во любвѣ жила.
И сталъ же добрый молодецъ упиватися,
Во хмѣлю то сталъ удалый похвалятися:
«Что вечóръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ:
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь.»
Тутъ лиха была на мóлодца своя братья̀,
Доносили эти рѣчи королю въ ушѝ.
Что на эти-то на рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же тутъ король громкимъ голосомъ:
«Вы слуги̇-ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладину кладите вы дубовую,
Повѣсьте-ка вы петельку шелко̀вую
Истребите-ка Ванюшу прелестника!»

Обѣ зап. Н. А. Иваницкимъ.

888.

Жена стараго, нелюбаго мужа повѣсила.

Вологодской губерніи и у.

Изъ воротъ было воротечекъ,
Изъ новыхъ было рѣшещатыхъ
Выходили красны дѣвушки,
Что весной онѣ на улицу гулять.
Выносили красны дѣвушки
Соловьюшка на бѣлыхъ рукахъ.
Соловьюшка посвистываетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:

«Погуляйте, красны дѣвушки,
Во своей волѣ у батюшка,
У родныя у матушки!
Не равно замужъ выйдется,
Неравёнъ злодѣй навяжется:
Либо старый удушливый,
Либо младый невѣжливый,
Либо ровнюшка пьяница дуракъ, —
«Не отпуститъ на улицу гулять.»
Я старà мужа потѣшила, —
На осинушку повѣсила,
На осинушку на горькую,
На шипицу на колючую,
На крапивушку жегучую.
Пусть осинушка качается,
Мой старый мужъ величается,
Пусть осинушка обломится,
Мой-отъ старый мужъ обóрвется,
О шипицу онъ околется,
О кроватушку обóжжется,
Въ быстрой рѣчкѣ закупается,
Въ свѣжей водѣ захлебается.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

889.

Жена мужа повѣсила. Позднее ея раскаяніе.

Тула.

Ты зима ль моя, зима холодная!
Боюсь я тебя, ознобишь ты меня.
Ты жена ль моя, жена хорошая!
Боюсь я тебя, погубишь ты меня.
За совѣтъ жена мужа въ садъ звала,
За любовь жена мужа повѣсила
На славномъ деревцѣ, на яблонькѣ;
Пришла ко двору, сѣла на полу,
Сѣла на полу, думу думала:
Худо ў дому женѣ безъ мужа.
Пойду, млада, въ садъ,
Возьму мужа назадъ.
«Слѣзай, мужъ, долой,
Пойдемъ, мужъ, домой!»
Мужъ домой не лѣзетъ,
И домой нейдетъ.
— «Али ты сладкихъ яблокъ накушался?
Соловьевыхъ пѣсенъ наслушался?»

Зап. мною въ 1862 г. отъ 70-ти-лѣтней старухи. Содержаніе пѣсни, по словамъ пѣвицы, основано на истинномъ происшествіи.

890.

Жена мужа зарѣзала.

а) Тульской губерніи, Епиф. у., с. Муравленка.

Зимушка зима, зима лютая моя!
Я прошу тебя: не морозь меня, 2
При дороженькѣ, коня вéдучи,
Коня ведучи, сбрую нéсучи.
Сбруя моя, сбруя, сбруя ясная!
Доля моя, доля, разнесчастная!
Какъ жена мужа пріутѣшила:
Въ зеленомъ саду зарѣзала,
Сладкихъ яблочекъ принакушался,
Мелкихъ пташечекъ принаслушался.
(Конца недостаетъ).

Зап. мною.

891.

б) Новгородской губерніи, Кириловск. у.

Что подъ ельничкомъ, да березничкомъ,
Подъ частымъ, мелкимъ орѣшничкомъ,
Тутъ ходилъ, гулялъ вороной конь, —
Трои сутки некормленъ былъ,
А двѣ недѣли не поёнъ стоялъ,
Черкасское-то сѣдло на бокъ сбилъ,
Золотую узду въ грязь втопталъ,
А шелковой поясъ изорвалъ.

—

Что у Сидора Потаповича
Солучилося несчастьице:
Жена мужа погýбила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала.
На ножичкѣ сердце вынула,
На булатномъ оно встрепенулося, —
А шельма женка усмѣхнулася,
Во холодной погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула, —
Сама ушла во нову горницу.
Она умылася бѣлешинько,
Снарядилася хорошехонько
Сама сѣла подъ окошечко:
Поглядывать въ окошечко.
Вотъ идутъ деверья милые:
«Невѣстушка лебедь бѣлая!
Что ты такъ поснарядилася?
Ты куда же братца дѣвала? —
Или ты его зарѣзала?
Ты снимай-ко платье цвѣтное
Надѣвай платье печальное.
Да ступай-ко на судъ праведный.»

Зап. сельск. учителемъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

892.

в) Симбирской губернии, Корсунск. у., с. Усть-Урень.

Ты звѣзда ли моя восхожая,
Восхожая, полунощная!
Высоко ты, звѣзда, восхо́дила,
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.
Далеко, звѣзда, просвѣтила,
Дальше городу, дальше Саратова,
Дальше купчика богатого.
У того ли у купца богатаго
Солучилося несчастьице,
Несчастьице большое, не малое:
Какъ жена мужа зарѣзала,
Какъ бѣлую грудь она ему изрѣзала,
Вынимала сердце съ печенью, —
Сама, младешенька, испугалася,
Садилась подъ окошечкомъ:
«Ужъ куда мнѣ это тѣло дѣть будетъ?
Положу я тѣло въ холодёнъ погребъ,
Я засыплю тѣло пескомъ жёлтымъ,
А на верхъ того землей чорною.»
Сама, младешенька, вошла въ гореньку.
Подъ окошечкомъ переднiимъ
Прилетали къ ней двое соколы,
Двое соколы, двое ясные, —
Деверья ея любимые.
Они стали ее спрашивати:
«Ты, сноха ли наша, невѣстушка!
А гдѣ нашъ братецъ Иванушка?»
— «Онъ отъѣхалъ во путь во дороженьку,
Во путь во дороженьку,—въ лѣсъ за охотушкой,
За лютымъ звѣремъ, за львицею.»
«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Что у тея въ горенкѣ за кровь?»
— «Ужъ я ли, молода, бѣлу рыбу чистила:
Бѣлая рыбица металася,
По горенкѣ кровь брызга́лася.» —
«Ахъ, ты ль, сноха наша, невѣстушка!
На словахъ ты насъ не обманывай!
Его добрый конь на стойлѣ стоитъ,
Его сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.»
— «Ахъ вы, деверья, вы, ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите съ меня буйну голову!
Я своего мужа зарѣзала,
Вынимала сердце съ печенью,
Положила тѣло въ холоденъ погребъ,
Засыпала тѣло пескомъ желтымъ,
А наверхъ того землею черною.»

Зап. мною въ 1858 г. отъ ратника П. Картавенкова. Ср. Русск. народн. пѣсни, собран. Костомаров. и Мордовцевой въ «Лѣтоп.» Тихонравова, т. 4, стр. 54, № 8.

893.

г) Той же губернии, Буинск. у., д. Козловка.

По часту мелку орѣшничку,
Тутъ ходилъ-гулялъ вороный конь;
Трое сутокъ не поенный былъ,
Недѣлюшка не кормя́ стоялъ,
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Золотую узду изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязи вымаралъ.

—

Не въ Москвѣ я былъ, не въ Питерѣ —
Въ Стрѣлецкой славной улицѣ,
Во Стрѣлецкой, во Купеческой.
У купца было у богатова,
Случилось у него несчастьице:
Жена мужа потéряла,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала,
Не простымъ ножикомъ — булатнымъ;
На ножикѣ сердце вынула,
На булатнымъ встрепенулося,
Жена только улыбнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Съ горъ желтымъ пескомъ засыпала,
Лѣвой ноженькой притопнула,
Правой рученькой прищелкнула,
Хоронила — и не плакала,
Отъ него пошла, — заплакала.
Прилетѣли къ ней два голубя,
Два голубя, два деверья:
«Сноха наша, невѣстонька!
Что у тея за руда на стѣнахъ?»
— Деверья вы мои любимые!
Бѣлу рыбицу я чистила:
Бѣла рыбица трепеталася,
По стѣнамъ руда металася.

Зап. мною въ томъ же году отъ крестьянина Щербакова.

894.

д) Вологодской губернии и у., с. Несвойское.

Во лѣсу было въ орѣшникѣ, —
Тутъ стоялъ, стоялъ воро́ный конь, —
Трое сутокъ не кормленый былъ,
Недѣлюшку не поёнъ стоялъ,
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Тесмяную узду въ грязь втопталъ.

—

Не въ Москвѣ было, — во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ.
Тутъ жена мужа потрёбила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала:

На ножѣ-то сердце выняла,
На булатномъ встрепенулося,
А жена-то усмѣхнулася, —
Во холодный погребъ бросила,
Правой ноженькой притопнула,
Пришла, сѣла подъ окошечко, —
Правый локоть на окошечко,
Горючи слезы за окошечко.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

895.

Убійство жены за подозрѣніе въ измѣнѣ.

а) Костромской губерніи, Ветлужск. у.

Какъ женился князь лѣтъ 12-ти,
Взялъ княгинюшку 10-ти годовъ,
Онъ жилъ съ ней ровно 3 года,
На 4-й годъ на войну ушелъ,
На войнѣ-то жилъ ровно 7 годовъ,
На восьмо-етъ годъ побѣдилъ онъ всѣхъ,
Со побѣдушкой князь домой пошелъ,
Повстрѣчалися съ нимъ двѣ монашины,
Двѣ монашины, чернокнижницы.
«Ужъ ты князь ли князь, молодой ты князь,
У тебя въ дому не по старому.
Не по старому, не по прежнему.
Тамъ твоя жена изшалѣлася,
У ней добры кони пріуѣзжены,
Платья цвѣтныя всѣ прихóжены,
Питья и кушанья припиты, скушаны,
Въ новой спаленкѣ колыбель виситъ съ ея мальчикомъ.»
Загорѣлось его сердце богатырское,
Закипѣла его душа молодецкая,
Онъ хлесталъ коня богатырскова.
Говорилъ ему конь слово ласково:
«Ихъ ты князь-ли князь, молодой ты князь,
Погубишь ты, князь, двѣ головушки, двѣ невинныя!»
— «Ахъ, волчья сыть, трававой мѣшокъ!
И иди скорѣй ко граду ко Кіеву!»
Подъѣзжаетъ князь къ своему терему, —
Всѣ-то крѣпости отворилися,
Всѣ вереюшки закачалися,
Молода его жена встрѣтила
Въ одной юбочкѣ съ великимъ трепетомъ.
Еще семь годовъ солнца не было,
На восьмо етъ годъ высоко взошло,
Вынимаетъ князь остру сабельку,
И снимаетъ онъ княгинѣ голову.
Голова ее на землю не падаетъ,
Понесло ее прямо подъ облаки. —
Князь вскочилъ съ коня, побѣжалъ къ конямъ:
На коняхъ не ѣзжено, по колѣна въ землѣ стоятъ,
Пришелъ въ палаты онъ — удивился самъ,
Рѣзвы ноги подкосилися, бѣлы руки опустилися,
Цвѣтны платьица всѣ новешеньки,
Вина, кушанья всѣ цѣлешеньки,
Нова спаленка слезами потоплена,
Не столь молено, сколько плакано.
Изъ палатъ въ безпамятствѣ князь выбѣжалъ,
Со слезами коню въ ноги кинулся.
«Ужъ ты конь ли, мой конь, лошадь вѣрная!
Говорилъ ты мнѣ правду истину.
Погубилъ я невинную княгинюшку.
Ты догоняй скорѣй чернокнижицъ тѣхъ!»
Они догнали чернокнижицъ, сняли имъ головы.
Потомъ князь въ слезахъ слово высказалъ:
«Ты прости, мой конь, лошадь вѣрная!
Ты гуляй теперь въ зеленыхъ лугахъ,
Помираю и я за княгинюшкой.»

Зап. В. В. Лугининой. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е., А. и Э.

986.

б) Московской губерніи, Коломенск. у.

Што поѣхалъ добрый молодецъ въ вольный городъ,
Въ вольный городъ, въ торгъ на ярморку,
И догнали его, добра молодца, два товарища.
Во глаза ему, доброму молодцу, насмѣялися:
«Ничего ты, нашъ товарищъ, не знаешь, не вѣдаешь!
Что твоя молода жена по пирамъ пошла,
Всѣ настойные сладкіе твои напиточки повыпила,
Воронова твоего жеребчика позаѣздила,
А любимова твоего конюха со двора гонитъ.»
— Молодецкое сердечушко разгоралося,
Съ половины пути-дорожки назадъ молодецъ ворочался.
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ къ своему подворью:
Онъ стучитъ гремитъ у калиточки.
Что встрѣчаетъ его молода жена,
И бѣжитъ она только въ одной рубашечки,
И брала его, добра молодца, за праву руку.
Какъ въѣзжаетъ добрый молодецъ на широкій дворъ,
Вынимаетъ онъ, добрый молодецъ, саблю вострую —
И срубилъ добрый молодецъ женѣ буйну голову,
А самъ пошелъ прежде во конюшенку, —
А любимый его конюхъ лежитъ на коечкѣ,
Вороной его жеребчикъ стоитъ на стойничкѣ.
Какъ пошелъ добрый молодецъ въ свои палатушки, —
Всѣ настойные его сладкіе напиточки
Стоятъ цѣлы и не тронуты.

Сообщ. А. Н. Островскій.

897.

з) Екатеринославской губернии, Александровск. у., с. Покровское.

Жена мужа дай примѣтила,
Вострымъ ножемъ дай зарѣзала,
У зеленомъ саду дай повѣсила,
Сама пошла въ домъ — сѣла за столомъ,
Сѣла за столомъ, съ яснымъ соколомъ.
Охъ, сѣла-жъ она дай подумала:
Охъ, горе съ такимъ мужемъ жить,
А и горше дай безъ этого.
Охъ, пойду въ садъ — возьму милаго назадъ.
«Охъ уже жъ ти милый нагулялся,
Соловьюшковъ ужъ наслушался,
Сладкихъ яблочковъ да накушался?»
— Прилетѣло а три ластушки, —
Тожъ не ластушки — его родны сеструшки.
«Здрастуй, здрастуй, ты наша невѣстка!
Гдѣ-жъ ты сваво мужа да запродала?
— Поѣхалъ мой мужъ прямо на охотушку,
За зайцами прямо, за лисицами,
За красными, право, за дѣвицами. —
«Не обмануй ты, наша невѣстушка!
А што коники стоятъ по станиченькамъ,
А хортики [1]) сидятъ по свѣтличенькамъ,
Хортики, право, да попрятны,
Отъ мужа отъ тваво отрѣзаны.

Зап. И. И. Манжура. Ср. выше стр. 241, № 889.

898.

Смоленской губернии, Бѣльск. у.

И какъ во городѣ, во Саратовѣ,
Ахъ, Саратовѣ,
И тамъ жила да молода вдова,
Молода вдова.
Загубила свою душиньку,
Свою душиньку,
Что своего мужа зарѣзала,
Ахъ, зарѣзала.
Что за лѣса, лѣса темнаго,
Лѣса темнаго
Въ буйный вѣтеръ, въ непогодушку,
Въ непогодушку,
Ахъ летѣли да два сокола,
Ну два сокола,
И ахъ два сокола, деверя,
Ну да деверя.
«Ты скажи, наша невѣстушка,
Ахъ, невѣстушка,
Да и гдѣ же нашъ родной братецъ?
Ну, родной братецъ?»
— Въ лѣсъ пошелъ да за охотою,
Ну, охотою,
— За лисицами, куницами,
Ну, куницами.
«Ты сестра-ль наша, невѣстушка,
Ну, невѣстушка!
Да чья же кровь-то здѣсь набрызгана?
Ахъ, набрызгана?»
— Рыболовы рыбу чистили,
Ну, да чистили
Алу кровь они набрызгали,
Ну, набрызгали.
«Охъ, сестра наша, невѣстушка,
Да невѣстушка!
Наше сердце горе чуяло,
Ахъ да чуяло.
Мы пошли искать по горенки,
Да по горенки,
По анбарику, по дворику,
Ну по дворику.
Ахъ нашли мы братца старшаго,
Ну да старшаго.
Охъ лежитъ онъ на сырой землѣ,
На сырой землѣ,
Да изъ раны льется ала кровь,
Охъ и ала кровь.
— Деверечки, ясны соколы!
Ясны соколы.
Да берите саблю острую,
Саблю острую,
Вы сѣките буйну голову,
Буйну голову,
Вы кладите съ мужемъ рядышкомъ,
Ну, и рядышкомъ.

Зап. С. Н. Рачинской въ 70-хъ годахъ. — Ср. у Студитск.: Народн. пѣсн. Вологодск. и Олонецк. губ. — пѣсню: «Собирался Кн. Михайло въ государеву во службу», стр. 169. Ср. выше съ №№ 892 и 893, куда эти вар. собственно и относятся.

899.

Братъ убиваетъ сестру.

Курской губернии, Тимск. у.

Ишелъ братецъ во служебку, —
И братъ сестрѣ приказываеть: 2
«Не ходи, сестра, на вулицу, 2
Не грай, сестра, съ Большимъ королемъ!
Большой король насмѣшникъ злой.» 2
— Вотъ годъ прошелъ — нѣту мово братца,
Другой прошелъ — нѣту родимаго.
На третій годъ мой братъ пришелъ,
Пришелъ братецъ со служебки, 2
Вошелъ братецъ въ высокъ теремъ. 2

[1]) Собачки.

Въ *высоку* (?) терема колубель висить. 2
Висить колубель малёшенька,
Да висить колубель малёшенька,
Лежить дитя дробнёшенька, 2
Подошелъ братецъ, — онъ сталъ качать:
«Баю, баю, мое дитятко! 2
Баю, баю, чадо милое! 2
Я не знаю, какъ тебе назвать 2
По батюшки и по матушки.»
— «Я по матушки младъ ба́рченокъ, 2
А по батюшки таца́рченокъ. 2
А мой отецъ Большой король, 2
Большой король, насмѣшникъ злой.
Моя матушка — душа Аннушка.»
Пошелъ братецъ во комнатку, —
Да во комнатки сестра сидитъ, 2
Русая коса растрепанная,
Ея локонцы по плечушки. 2
Узялъ братецъ сестру на косу,
Да узялъ. . . . .
«Не руби мнѣ, братецъ, во горенкѣ, 2
Отруби мнѣ, братецъ, на вулицы, 2
Штобы всѣмъ было на ди́вища,
Большому королю на позорище, 2
Што (о)трубилъ братецъ сестрѣ голову...

По окончаніи пѣсни пѣвица добавила отъ себя слѣдующее объясненіе: «Онъ вывелъ сестру на улицу, положилъ на плаху ея голову, — сталъ рубить. Она думала, что Большой король заступится, а онъ посмотрѣлъ да прочь пошелъ.»

Зап. Е. Е. Томилинымъ.

900.

Жена задушаетъ своего стараго мужа при помощи своего любовника.

а) Вологодской губерніи, Грязов. у.

За малинкой въ лѣсъ не хаживала,
Стара́ мужа малинкою не кармливала.

—

Ужъ я прялочку взяла,
Въ посидѣлочку пошла.
Ужъ какъ пѣтухи запѣли,
Я не думала итти,
Какъ другіе-то запѣли —
Не подумала итти,
А какъ третьи-то запѣли, —
Тутъ заря взошла.
Зоря взошла, я домой пошла.
Ужъ я прялочку на лавочку,
Башма́чки подъ кровать.
Я башмачки подъ кровать,
Сама скокъ на кровать,
За старо́ва мужа спать.
Какъ старо́й-отъ мужъ
Пробуждается:
«Что же ты жена,
Не теперь ли ты пришла?
Со мной жена не спитъ
Все обманываетъ.»
— «Ахъ ты, старый чортъ!
Не во снѣ ли ты врешь
Не во снѣ ли тебѣ *гриждится?*
Я хочу вставать,
Хочу избу топить,
Кисель, кашу варить:
Я кисель хочу варить
Тебя, стараго кормить.»
«Ну, спасибо женѣ,
Не забыла старика!»
А я петельку на шейку,
А конецъ за окно.
«Ужъ ты, милый, потяни!
Душа радость, помоги!
Новъ канатикъ мой — не со́рвется,
Стара шея не разо́рвется.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

901.

б) Тульской губерніи, Епиф. у.

Прялочка взяла
Да въ посидѣлки пошла.
Всю ночь просидѣла
До первыхъ пѣтуховъ.
Пѣтухи пропѣли,
Не думала домой,
Другіе попѣли,
Я не гадовала.
Заря занялась, —
Я домой поднялась.
Иду ко двору —
Свекоръ ходи по двору.
«Пойди-ко, невѣстушка,
Не бойся ничего! 2
Не бойся ничего,
Дома нѣтъ никого.»
Кидалась, бросалась,
За стараго легла.
Старый мужъ просыпается,
Сѣда борода пробуждается:
«Гдѣ, жена, была?
Гдѣ, боярыня, была?»
— «Ахъ, старый мужъ,
Ты не бредишь ли?

А сѣдая борода,
Не во снѣ ли говоришь?
Я хочу вставать,
Хочу печку топить,
Щи, кашу варить,
Тебя, стараго, кормить.»
«Спасибо, жена,
Не забыла про меня!»
— «Какъ тебя забыть?
Не могу чорта избыть.»
Петельку на шею
Накидывала,
Милому въ окошко
Конецъ подала:
«Милый, потяни!
Дорогой, поради!
Толстое ужище
Не обóрвется,
У стараго шея
Не отóрвется.»
Старый захрапѣлъ, —
Будто спать захотѣлъ,
Ногами забилъ, —
Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ,
Смѣяться сталъ.

Зап. мною. Ср. у Рыбникова, т. III, стр. 447, № 9 и стр. 454, № 5.

902.

в) Псковской губерніи и у.

Старъ, да ты старъ,
Да ты добръ до меня,
Я же до старова
Гораздъ хороша.

—

Прялоцку взяла
Въ посидѣлочки пошла.
Куры попѣли —
Сижу, таки сижу,
Другіе попѣли, —
Не думаю домой;
Третьи попѣли, —
Заря занялась,
Заря занялась, —
Я домой собралась.
Прялоцку за грядоцку,
Сама за старика.
«Цёртъ ли, жена!
Не таперь ли пришла?»
— «Старый сатана!
Не съума ли ты сошелъ?»
Лáжу вставать,
Лажу пецку топить,
Лажу пецку топить,
Щи, кашу варить,
Щи, кашу варить,
Цёрта старова кормить.»
Петéлюшку на шеюшку
Накидывала,
Своему милому
Конецъ подала.
«Ты, тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Новые гужи —
Не сóрвутся,
В'старова шея
Не отóрвется.»
— Старый захрыпѣлъ, —
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится,
Высонулъ языкъ,
Будто Вася *бузыкъ*.[1])

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

903.

Казакъ убиваетъ свою жену. Вопль дѣтей.

а) Пермской губерніи.

У ключа, ключа, охъ, да у студенаго,
У колодезя, охъ, да у глубокаго,
Молодой казакъ, охъ, да не коня поилъ,
Не коня поилъ, охъ, да жену губилъ.
Какъ жена мужу, охъ, да взмолилася,
Ниже поясу, охъ, да поклонилася:
«Ахъ ты гой еси, охъ, да молодой казакъ!
Не губи меня, охъ, да середь бѣла дня, —
Погуби меня, охъ, да въ темну ноченьку,
Чтобъ добры люди, охъ, да не видѣли,
Малы дѣтоньки, охъ, да спать улягутся.»
На утро дѣти, охъ, да стали спрашивать:
«Ахъ, ты гой еси, охъ, да родной батюшко!
Ты куда дѣвалъ, охъ, да нашу матушку?»
— «Ваша матушка, охъ, да въ новой горницѣ, —
Она бѣлится, охъ, да румянится,
Ко Божьей церкви, охъ, да собирается.»
И пошли они, охъ, да ко Божьей церкви:
Передъ образомъ, охъ, да помолилися,

[1]) т. е. пьяница, отъ слова: «*Бузыкать*— клюкать, пьянствовать, пить.» Слов. Даля.

На всѣ стороны, охъ, да поклонилися,
Стали спрашивать: «Охъ, да люди добрые!
Не видали ли, охъ, да нашей матушки?»
— «Пролетѣлъ здѣсь, охъ, да чернóй воронъ,
Въ когтяхъ пронесъ, охъ, да праву рученьку,
Праву рученьку, охъ, да съ золотымъ кольцомъ,
Съ золотымъ кольцомъ, охъ, да вашей матушки.»

Сообщ. А. Соколовымъ.

904.

б) Нижегородской губерніи.

Изъ подъ камышка, камня бѣлова,
Течетъ рѣченька, рѣчка быстрая.
На той рѣчиньки мосты калиновые,
На тѣхъ мостахъ дѣвушка мылася.
Тутъ Донской казакъ выводилъ коня поить.
Онъ поилъ коня, самъ думу думалъ,
Думу думалъ, какъ жену губить.
«Добрый молодецъ, ты Донской казакъ!
Не губи жену ты со вечера,
Загуби жену со полуночи,
Какъ дѣтушки спать полягутся.»
— На дворѣ заря занимается,
Малы дѣтушки просыпаются.
«Ты родимый нашъ батюшка!
Гдѣ же наша матушка?»
— «Ваша матушка въ новой горницѣ:
Она бѣлится, румянится,
Въ гости собирается.»
«Ты родимый нашъ батюшка!
Наша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору подъ бѣлою березою.»

Сообщ. К. Л. Даль.

905.

в) Псковской губерніи, Островск. у.

На быстрой рѣкѣ молодецъ коня поилъ, —
Не коня онъ поилъ, — молоду жену губилъ.
А жена-то мужу слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говóрила:
«Ахъ ты мужъ мой, муженекъ,
Мой муженекъ, Донской казачекъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Согуби меня со полуночи:
Вся семеюшка спать уляжется,
Малы дѣтушки со сну прóснутся,
Со сну прóснутся, пробудятся,
Родной матери онѣ спохватятся.
Ахъ ты, батюшка нашъ, Донской казакъ!
Ахъ, гдѣ же наша родна матушка?»
— «Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки,
Беретъ ягодки, все брусниченки.»
«Ахъ ты, батюшка нашъ, Донской казакъ!
Не обманывай ты насъ, малыхъ дѣтушекъ.
Наша матушка во болотинкѣ,
Во болотинкѣ, подъ колодинкой.»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

906.

г) Тульской губерніи.

Была я у камушка, была я у бѣлова.
Тамъ молодецъ коня поилъ;
Напоимши коня, стоитъ призадумавшись:
«Ужъ какъ же мнѣ жену загубить?»
Жена мимо его проходила, — покорилася,
Низехонько ему поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечеру,
Загуби-жъ ты меня со полуночи,
Пока малы дѣтушки угомонятся.»
Заря бѣлая занимается,
Малы дѣти просыпаются.
«Родимый нашъ батюшка!
Гдѣ же наша матушка?»
— «Не плачьте вы дѣтушки!
Ваша матушка въ новой горницѣ
Бѣлится, румянится,
Въ гости собирается.» —
«Родимый нашъ батюшка!
Это не наша матушка, —
Это красная дѣвушка
Бѣлится, румянится,
Въ гости собирается.»
— «Не плачьте вы, дѣтушки,
Не плачьте вы малыя!
Я сострою вамъ горницу новую,
Складу печь голанскую.» —
«Сгори, батюшка, твоя горница новая!
Развались, ты печь голанская!
Провались, мачиха молодая!
Встань, наша матушка родная!
Изъ зеленаго садику,
Изъ дубоваго гробика!»

Зап. со словъ солдатки Аграфены Кочетовой
г-жею Соколовой въ 1863 г.

907.

д) Новгородской губернии, Старая Русса.

Какъ у Дунюшки, у моей любушки, —
У ней лицо бѣлое, у ней набѣленное,
У ней брови черные, глаза развеселые.

—

Что у колодезя у студенаго
Шелъ Донской казакъ, — онъ коня поилъ.
Не коня поилъ, онъ жену губилъ.
Жена мужу покорилася,
Ему въ ножки поклонилася:
«Ужъ ты мужъ, ты мой мужъ!
Не губи меня посередь бѣлова дня!
Ты губи, губи меня со полуночи,
Какъ дѣточки спать улягутся,
Спать улягутся, порасекатятся,
Родной матушки спохватятся:
«Родной нашъ тятенька!
Гдѣ наша маменька?»
— «Ваша маменька въ новой горенкѣ,
Въ новой горенкѣ бѣло моется,
Бѣло моется, въ гости ладится.» —
«Ты насъ, тятенька, обманываешь.
Наша маменька во сырой землѣ,
Во сырой землѣ подъ колоденкой.»

Зап. мною въ 1868 г.

908.

е) Тамъ-же

Когда на зарѣ было на зорюшкѣ,
На бѣлой зорѣ на утренней
Удалой казакъ что коня поилъ,
Что коня поилъ, что жену губилъ.
Какъ жена ему тутъ восплакалась:
«Мой законный мужъ, добрый молодецъ,
Родной батюшка моимъ дѣтушкамъ!
Не губи ты мою головушку,
Пожалѣй ты нашихъ дѣтушекъ!
И глупешенькихъ и малешенькихъ!
Онѣ спать улягутся — съ лавки свалятся,
Съ лавки свалятся, меня схватятся.
(Продолженіе какъ въ предыдущ. вар.).

Сообщ. А. А. Сѣриковымъ.

909.

ж) Оренбургской губернии, Троицк. у.

Какъ поѣхалъ нашъ Донской казакъ,
Какъ поѣхалъ во зеленый лугъ,
Что раскинулъ же свой бѣлый шатеръ,
Онъ подъ шатричкомъ да и подъ бѣлыемъ
Онъ самъ легъ, призаснулъ.
Какъ привидѣлось расказаченькѣ
Да нерадостный сонъ:
Изъ подъ правой изъ подъ рученьки
Соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой, изъ подъ бѣлой,
Сѣра́я утица.
Поѣхалъ же да раздонской казакъ
Во Питеръ городъ,
Какъ во Питерѣ во славномъ городѣ
Старушка жила.
«Ужъ бабушка, ворожеячка,
Да отгадывай сонъ.»
— Ужъ ты миленькій, да раздонской казакъ,
Ты разсказывай сонъ.
— «Изъ-подъ правой изъ-подъ рученьки
Соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлоей
Сѣра́я утица».
— «Ой ты миленькій, да раздонской казакъ,
Что нерадостный сонъ:
Какъ твоя молода жена
Сынка родила».
Что туго-то казакъ призадумался,
Что повѣсилъ каза́ченко буйну голову,
Буйну голову со могучихъ плечъ.
Покатилися у казаченка
Да горючи́ слезы́ изъ глазъ.

—

У ключа-то ключа да студенаго
У колодечка у глубокаго
Раздонской казакъ онъ коня поилъ,
Ко́ня сивова, сивогривова,
Ой коня-то поилъ да во лужка пустилъ,
Во лужка-то пустилъ, самъ къ воротечкамъ сталъ.
Самъ къ воротечкамъ сталъ:
Шашку въ руки взялъ
Да думу думать сталъ, —
Да какъ домой прійти:
— «Мнѣ домой-то прійти,
Да мнѣ жену убить!»
Что жена-то мужу возмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
— «Ты не бей-ко, не бей меня съ вечера,
Ты убей-ко, убей да во глуху полночь,
Когда люди-то всѣ прилягутся
Малы дѣтоньки да приспокоются.»
Утромъ рано было на разсвѣтечкѣ,
Что у всѣхъ-то людей да печки топятся,
Печки топятся да истопляются
Что ея-то малы дѣтоньки пробуждаются;
— «Ты родимый да нашъ тятенька,
Ты куда дѣвалъ да нашу мамыньку?»
— «Вы не плачьте, да милы дѣтоньки!

Ваша мамынька да въ новой горенкѣ.
Она бѣлится да все румянится,
Въ цвѣтное платье снаряжается
Да въ Божью церковь собирается».
— «Не обманывай-ка, подлый тятенька,
Ты убилъ да убилъ на̂шу мамыньку.»

Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

910.

Нетерпѣливое ожиданіе смерти нелюбой жены, негодованіе дѣтей.

а) Тверской губерніи, Новоторж. у.

Спасибо-то, спасибо, синему кувшину:
Разогналъ-то, разогналъ всю тоску-кручину.
Не тоска ли, не кручина, по сѣнямъ гуляла,
У молодца у дѣтинки жонка умирала.
«Умирай-ка-сь, истывай жонка, поскорѣе!
Я свезу-ли, я свезу во мхи, во болота,
Положу-то, положу я въ гнилую колоду,
Схороню-то, схороню подъ бѣлую березу,
Пойду-ли я, пойду, молодецъ, на волю,
Я пойду ли, я пойду въ города новые,
Я куплю-то, я куплю топоры вострые,
Я пойду ли, я пойду во лѣса темные,
Нарублю-то, нарублю лѣсу ровнóва,
Напилю-то, напилю тёса гладкóва,
Я срублю-то, я поставлю горницу новую,
Приведу-то, приведу жонку молодую,
А своимъ-то я дѣтямъ мачиху лихую.

(Продолженіе пѣвица не знала).

Зап. мною въ 1853 г.

911.

б) Саратовской губерніи, Сердобск. у.

«Спасибо, спасибо синему кувшину!
Размыкалъ онъ тоску мою кручину.
Не кручина меня сокрушила, —
Сокрушила меня жена молодая.
И давно-ль, ты жена не хворала?
Захворай-ка ты, жена, побольнѣе,
И умри ты, жена, поскорѣе!
И мнѣ будетъ жить повольнѣе.
Я возьму острую сѣкиру,
Пойду въ рощу зеленую,
Срублю сосну молодую,
Постановлю горенку новую,
И печку складу муравую,
И возьму себѣ жену молодую,
И дѣтушкамъ своимъ мачиху лихую.»
И дѣти ему на отвѣтъ сказали:
«Сгори наша горенка новая,
И помри наша мачиха лихая,
И возстань ты, наша матушка родная!»

Зап. В. А. Мясоѣдовой.

912.

Добавочный вар. къ № 908.

Витебской губерніи.

Забилъ казакъ молоду жену,
Осиротилъ казакъ дробныхъ дѣтокъ.
Стали они у батьки пытаться:
«Ахъ тата нашъ, ахъ нашъ рóдный!
Гдѣ подѣлъ ты нашу маму?»
— Ваша мáмухна на Дунай пошла.
Пошли дѣтухны на Дунай глядѣть:
Стоитъ Донушко все тихохонько,
Лежитъ платьице все цѣлехонько.
Пошли дѣтухны къ тату пытатися:
«Ахъ татухна, татухна! гдѣ наша матухна?»
— «Ваша матухна въ садокъ пошла,
Въ садокъ пошла яблочки щипать.»
Пошли дѣтухны въ садокъ глядѣть:
Стоятъ яблухны всѣ тихусенько,
Висятъ яблухны всѣ цѣлюсеньки.
«А нашъ татухна, а нашъ родненьки!
Скажи всю правду, гдѣ подѣлъ матухну?»
— Скажу я вамъ правду всю:
Ваша матухна во сырыхъ борахъ,
Во сырыхъ борахъ, въ гробовыхъ доскахъ,
Въ гробовыхъ доскахъ, во желтыхъ пескахъ.

Зап. въ 1866 г. учителемъ народн. училища г. Коробовымъ отъ старообрядцевъ. Ср. всѣ вар. объ убійствѣ у Соболевскаго т. I, №№ 89—130.

В. Юмористическія, сатирическія, скоморошныя и пародіи.

913.

а) Псковской губерніи, д. Поддубье.

Собрались дѣвки на супретку,
Что на супретку на *сюпулку*. (?)
Задумали дѣвки пиво варить:
Ка́я хмѣлю, кая солоду мѣшокъ,
Наварили дѣвки пива горшокъ;
Пошли дѣвки гостей зазывать:
Ка́я тетку, кая дядюшку.
Пришелъ къ дѣвушкамъ незваный гость,
Что незваный гость, не вѣдаютъ какой;
Стали дѣвки перешептываться;
Кая въ щеку, кая за волосы,
Черезъ ска́мью дали таска́нину,
Черезъ порогъ его клюкой поперегъ,
По сѣничкамъ будто сѣмячко толкутъ,
А по крыльцамъ будто ступицу катятъ,
По дворичку будто платьице перутъ.
Вдоль улицы, мимо кузницы,
А во кузницѣ два молодые кузнеца,
Что куютъ, дуютъ, навариваютъ,
Меня молоду подговариваютъ:
«Пойди, Дуня, въ огородъ, въ огородъ!
Сорви, Дуня, лапушокъ, лапушокъ,
Подъ са́менькой корешокъ, корешокъ!
Сошей, Дуня, сарафанъ, сарафанъ,
Со частымъ съ оборомъ, съ оборомъ!
Носи, Дуня, сберегай, сберегай,
По праздничкамъ въ коробочку замыкай!»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

914.

б) Новогородской губерніи, Валд. у.

Вечоръ дѣвки во бесѣдѣ сидѣли,
Пришелъ къ дѣвушкамъ незнамый гость,
Незнамый гость, невѣдомый откуль.
Стали дѣвки перешептываться.
— «А ну чѣмъ же намъ гостя подчивати?
Кое въ щеку, кое за волосы,
Черезъ ска́мью дадимъ таскалье»
Черезъ столъ тащатъ, волоса трещатъ,
По сѣничкамъ будто сѣмечко толкутъ,
По крылечку ровно ступицу катятъ,
По дворику какъ солому волокутъ,
Вдоль улицы, мимо кузницы,
Во кузницѣ молодые кузнеца
Куютъ, дуютъ, навариваютъ,
Меня, младу, подговариваютъ:
«Пойдемъ, Дуня, съ огорода въ огородъ!
Сорвемъ, Дуня, лопушокъ, лопушокъ,
Подъ самый корешокъ, корешокъ,
Сошьемъ Дунѣ сарафанъ, сарафанъ,
По нашему на борахъ, на борахъ,
По нѣмецки съ рукавамъ, съ рукавамъ;
Носи, Дуня, соблюдай, соблюдай,
По праздничкамъ надѣвай, надѣвай,
Въ коробочку замыкай, замыкай,
Сестрамъ, Дуня, не давай, не давай.»

Зап. г. К. Шашинымъ.

915.

Вологодской губерніи и у., с. Яковлевское.

Изъ кути по лавкѣ
Все сидятъ валявки,
Вдоль по скамейкѣ
Все сидятъ бѣленьки.
Одна кукомдя, — [1])
Лизавета неумдя.
За ѐй ходитъ купчикъ
Миленькой голубчикъ.
Брусъ мыла носитъ,
Котелъ воды таскаетъ:
«Лизанька, умойся!
Будешь побѣлѣе,
Мнѣ помилѣе.»

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

916.

Тверской губерніи.

«Пряльюшки-попрядальюшки!
А что же вамъ, пряльюшки, прясть-то будетъ?»
— Старымъ старушкамъ охло́почковъ,
Молодымъ моло́душкамъ — чесаный ленъ,
Красным дѣвушкамъ бумажки куделя,
Молодымъ щегольцамъ — омя̀льица [2]).

[1]) *Кукомдя* — человѣкъ неопрятный, неряха. Доп. къ Оп. обл. великор. словаря.
[2]) *Омяльица* умен. отъ *омялья* или *омелье:* кострика, оставшаяся отъ мятія льна. Тамъ же.

«Пряльюшки-попрядальюшки!
Что же вамъ, пряльюшки, ѣсть-то будетъ?»
— Старымъ старушкамъ — хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодчикамъ — кисель да сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ калачики,
Молодымъ-то щегольцамъ—*дурынды* [1]) кусокъ.
«Пряльюшки-попрядальюшки!
А гдѣ же вамъ, пряльюшки, спать-то будетъ?»
— Старымъ старушкамъ на печи въ углу,
Молодымъ молодушкамъ — на войлочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ — на перинѣ пуховой,
Молодымъ щегольцамъ съ свиньями въ хлѣву.
«Пряльюшки-попрядальюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки, будетъ-то будить?»
— Молодцовъ-то щегольцовъ — полѣномъ по пятамъ, [2])
Красныя дѣвушки — пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ — намаются,
Всякой-то заботы напримаются.

Зап. А. В. Соколовъ.

917.

а) Тверской губерніи и у., с. Голениха.

1. Ходили дѣвушки по Волгѣ по рѣкѣ,
2. Добрые молодчики другою стороной.
3. Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль.
4. Сѣяли онѣ, приговаривали:
5. Расти, хмѣль, по тычинкѣ вверхъ!
6. Безъ тебя, безъ хмѣлинушки, не водится:
7. Добрые молодцы не женятся,
8. Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ.
9. Вздумала Паранюшка — замужъ пошла.
10. Теща про зятя пирогъ пекла:
11. Соли да муки — на четыре рубля,
12. Масла крупъ — на цѣлковый рубль.
13. Сахару, изюму — на восемь рублей,
14. Сталъ ей пирогъ въ тринадцать рублей.
15. Думала, гадала семерымъ не съѣсть.
16. Теща зятюшку въ гости звала,
17. Теща роднаго зятя потчивала:
18. «Сядь-ко, зятюшка, покушай-ка!»
19. Зять былъ смѣлъ, за присѣдъ пирогъ съѣлъ.
20. Теща по горенкѣ похаживаетъ,
21. Косо на зятюшку поглядываетъ,
22. Потихонько зятюшку побраниваетъ:
23. «Какъ тебя, зятюшка, не разорвало!»
24. — «Лучше бы ты, теща, не потчивала.

Я-жъ тебѣ, теща, честь воздамъ.
Позову я въ гости объ масляницѣ,
Я-жъ тебя, теща, употчиваю,
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.»
Рвалась, рвалась, — насилу вырвалася,
Бѣжала, бѣжала, — насилу ушла.
Прибѣжала теща къ своему двору, —
У воротъ теща грохнулася:
«Экой воръ да вѣдь зять-то мой!
Бѣжала, бѣжала, — насилу ушла.»

Зап. мною отъ крестьянина въ 1858 г.

918.

б) Тульской губерніи.

1. Гуляли дѣвушки за быстрой за рѣкой
3. Сѣяли, сажали они ярый хмѣль
5. Вейся, хмѣлекъ.....
6. Безъ тебя, хмѣлинушка, не водится:
Сладкій медокъ не становится,
Пиво и вино не варится.
9. Вздумалъ Николаша — жениться сталъ,
Вздумала Параша — замужъ пошла.
10. Теща Акулина зятя въ гости звала
18. «Сядь-ка-ся, ты, зятюшка, покушай-ка!»
Думала теща пятерымъ пирогъ не съѣсть,
А зять-то сѣлъ, да за присѣстомъ съѣлъ.
21. Нехотя..........

Къ этому стиху прибавлено:

23. На семь частей не раздернуло...
24. Лучше разорви тебя, тещу мою,
Тещу мою да вмѣстѣ съ дочерью,
Звала бы ты, теща, не потчивала.

Далѣе этотъ вар. продолжается такъ:

Сталъ потомъ зять тещу въ гости звать:
«Приходи, молъ, теща, на масляницу.
Я тебѣ, матушка, честь воздамъ,
Я тебя, матушка, отпотчиваю.
«Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.»
Вырвалась теща изъ зятниныхъ рукъ;
Бѣжала домой безъ оглядки.
Прибѣгла домой, да на печку легла.
Вотъ погодя: стукъ, стукъ! у воротъ.
«Батюшки, ребятушки! не зятикъ ли мой?»
— Матушка родимая, зять идетъ!
Зять идетъ, на похмѣльице зоветъ.
«Скажите ему: «Со вчерашняго больна:
Съ пива и съ вина болитъ вся спина,
Съ мягкихъ блиновъ порасперло бока,
Съ сладкаго меду я вся не могу.»

Зап. И. П. Чулковскимъ въ 1862 г.

---

[1]) Выбоины изъ конопляного масла.

[2]) Вар.: Молодыхъ молодушекъ — плеточкой,
Молодцовъ-то щегольцовъ — по бокамъ костылемъ.

919.

в) Смоленской губернии, Бѣльск. у.

Дѣвушки по лугу погуливали,
Красныя по лугу погуливали,
Хмѣлюшку яраго пощипывали,
Приговорки приговаривали:
«Что же ты, хмѣлюшка, не родишься?
Безъ тебя бражки да не водится,
Безъ тебя молодцы не женятся,
Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ.»
Вздумала Дуня — ёна замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ спекла:
Соли да муки ну и на два рубля,
Сахару, изюму да на восемь рублей, 2
Сталъ пирогъ ну и въ десять рублей; 2
Думала теща семерымъ не съѣсть, —
Зятюшка сѣлъ: одинъ все съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Косо на зятюшку посматриваетъ:
«Чтобъ тебя, зятюшку, да розорвало!»
— «Чтобъ тебѣ, тещенка, пусто было!
Приходи-ко, теща, на масляницу:
Я тебя, теща, блинкомъ угощу —
Четыре дубинки все новенькія,
Пятая плетка все шелковенькая.»
Прибѣжала теща къ своему ли двору:
«Сынъ ты, сынокъ, у окошко смотри:
То не зять ли стоитъ у воротъ?
Тещу-ль къ себѣ на похмѣлье зоветъ?»

Зап. С. Н. Рачинской.

920.

г) Владимірской губ., Гороховецк. у., Мордвиновск. в.

Собиралась теща
    Пирогъ печи.
Собиралась на базаръ
    Купить соли да муки —
    На четыре бы рубли,
Гусей, лебедей —
    На двѣнадцать рублей,
Меду да малины —
    На четырнадцать рублей.
Еще всталъ тещѣ пирогъ
    Ровно въ тридцать рублей.
Этотъ пирожокъ
    Былъ на улицѣ мѣшонъ,
А на солнышкѣ печёнъ,
    На семи пáрахъ везёнъ.
Кони-то взоржáли,
    Перемѣны себѣ ждали.
А колесы-то скрипятъ,
    Дегтемъ мазаться хотятъ.
Онъ (пирогъ) въ ворота не прошелъ,
    Сквозь повѣтн протащенъ.
Ужъ какъ этотъ пирожокъ
    На дубовый столъ кладенъ, —
У дубоваго стола
    Переломилася нога,
    Раскололася доска.
Ужъ какъ этотъ пирожокъ
    Восьмерымъ не поднять.
Пришелъ зятюшка пострѣлъ, —
    Пирожокъ этотъ весь съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
    Съ коса на косо на зятюшка
        поглядываетъ:
«Какъ тебя, зятюшко, не розорвало?
    Развысокой горой не положило?»
— «Ты спасибо скажи, теща,
    Что поѣвши я пришелъ,
А неѣвши бы, пришелъ,
    Безъ другова-бъ не ушелъ.»
Зятюшка сталъ свою тещу
    Въ гости звать:
«Приходи-ко ко мнѣ, теща,
    Да на маслянцѣ въ четвергъ,
А въ великій придешь постъ,
    Только рѣдьки тебѣ хвостъ.»
Собиралась теща
    На маслянцѣ въ четвергъ, —
Встрѣтилъ зять тещу
    Черезъ три поля къ себѣ,
Черезъ три поля
    Да съ тремя дубинами.
Онъ ей перву воздалъ честь, —
    По затылку тещу — хлесь!
А другую воздалъ честь
    Тещу по брюху хлесь!
Онъ и третью воздалъ честь.
    По спинѣ тещу хлесь!
«Ну, спасибо тебѣ, зятюшка,
    На пивѣ, на винѣ.
Съ пива да съ вина
    Болитъ брюхо и спина,
А со сладкія со браженьки
    Головушка болитъ.
— «Ужъ вы дѣтки-ребята
    Запирайте ворота
Не пришелъ бы въ гости зять
    Да не позвалъ бы опять.»

Изъ Влад. губ. Вѣдом. 1865 г. № 1—2.

921.

Тульской губерніи.

Поѣхалъ зять къ тещѣ
По зеленой рощѣ

На жену просити.
«Здорово ты, зятикъ,
Здорово, касатикъ?»
— Несовсѣмъ здоровъ я:
Жена меня била,
Больно колотила.
Ничѣмъ ни тяжелымъ —
Полѣномъ дубовымъ.
«За что же ты, зятикъ,
За что же, касатикъ?»
— Залѣзъ я въ погребъ,
Поѣлъ всю сметану,
Ни мало маленько —
Двѣнадцать горшечковъ.
«Дочь моя дура
Мало тебя дула!»
— Прощай же ты, теща,
Прощай, немила́я!
«Прощай же ты, зятикъ,
Прощай же, сметанникъ!»

Зап. сельск. учителемъ г. А. Шумилинымъ.

922.

Рязанской губерніи, Данковск. у.

Было у тещи
Семь зятьевъ:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять,
Зятюшка Ванюшка,
Милѣй всѣхъ зятьевъ.
И стала теща
Зятьевъ въ гости звать.
Хомка идеть,
И Пахомка идеть,
И Гришка идеть,
И Гаврюшка идеть,
И Макарка идеть,
И Захарка идеть.
«Зятюшка Ванюшка,
Иди поскорѣй!»
И стала теща
Зятьевъ за столъ сажать.
Хомка сѣлъ
И Пахомка сѣлъ,
И Гришка сѣлъ,
И Гаврюшка сѣлъ,
И Макарка сѣлъ,
И Захарка сѣлъ.
«Зятюшка Ванюшка,
Поди вотъ тутъ сядь!»
Стала теща зятьевъ
Виномъ потчивать:
Хомкѣ рюмкѣ,
И Пахомкѣ рюмка,
И Гришкѣ рюмка,
И Гаврюшкѣ рюмка,
И Макаркѣ рюмка,
И Захаркѣ рюмка, —
Зятюшкѣ Ванюшкѣ,
Рюмочка съ винцомъ.
Стала теща съ зятьевъ
Деньги обирать.
Съ Хомки — рубь.
И съ Пахомки — рубь,
И съ Гришки — рубь.
И съ Гаврюшки — рубь,
И съ Макарки — рубь,
И съ Захарки — рубь,
Съ зятюшки Ванюшки —
 Пара серебра.
Стала теща
Зятьевъ провожать:
И Хомкѣ въ шею,
И Пахомкѣ — въ шею,
И Гришкѣ — въ шею,
И Гаврюшкѣ — въ шею,
И Макарку — въ шею,
И Захарку — въ шею,
А зятюшку Ванюшку, —
За святые волоса.

Зап. мною.

923.

а) Шуя, Владимірской губерніи.

Ходила чечотка,
Гуляла лебедка
 На дворянскомъ дворѣ.
Поймали чечотку,
Поймали лебедку
 На дворянскомъ дворѣ.
Посадили чечотку,
Посадили лебедку
 За рѣшоточку.
Прижила себѣ чечотка,
Прижила себѣ лебедка
 Ровно семь дочерей:
Марью, да Дарью,
Анисью, Антониду,
Акулину, Стефаниду,

А седьмую Катерину,
Душу Катиньку.
Прижила себѣ чечотка,
Прижила себѣ лебедка
Ровно семь зятьевъ:
Степана, Романа,
Дементея, Клементея,
Австегнея, Евсипея,
А седьмого Алексѣя,
Душу Алексѣюшку.
Прижила себѣ чечотка,
Прижила себѣ лебедка
Ровно двадцать внучатъ.
Два сидня, два лежня,
Два пóползня;
Два на лавочкѣ сидятъ,
Два учиться хотятъ;
Двѣ Акульки въ люльки
Качаются,
Двѣ Оленки въ пеленкахъ
Валяются,
Двѣ Дарьюшки у краюшки
Подвизаются,
Двѣ Наташки у кашки
Копаются,
А на судницѣ сметана,
У сметаны два Степана
Наслаждаются.
Стала же чечотка,
Стала же лебедка
Гостей угощать:
И Степану — блинъ,
И Дементью — блинъ,
И Клементью — блинъ,
Евстигнею — блинъ,
Авсиѳею — блинъ,
А Никитушкѣ съ Акулинушкой —
Цѣлу криночку со сметанушкой.
Стала же чечотка,
Стала же лебедка
Гостей укладывать:
И Степана на полати,
И Романа — на полати,
И Евсигнея — на полати,
И Климентея — на полати,
Дементея — на полати,
Евсиѳея — на полати,
А Никитушку съ Окулинушкой —
На перинушку на пуховую.
Стала же чечотка,
Стала же лебедка,
Гостей будить:
И Степана — въ бокъ,
И Романа — въ бокъ,
И Дементея — въ бокъ,
И Климентея — въ бокъ,
Австигнея — въ бокъ,
Евсиѳея — въ бокъ,
А Никитушку съ Окулинушкой —
Потихохоньку, полегохоньку.
Стала же чечотка,
Стала же лебедка
Гостей провожать:
И Романа — за ворота,
И Степана — за ворота,
И Дементея — за ворота,
И Климентея — за ворота,
Австигнея — за ворота,
Евсиѳея — за ворота,
А Никитушку съ Окулинушкой —
Въ калиточку въ тесовую,
Вдоль всей улицы пречинехонько.

Зап. Вл. Покровскимъ, ученикомъ духовнаго училища.

924.

б) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Какъ гуляла чечотка,
Какъ гуляла лебедка
Въ зеленомъ саду, 2
Какъ поймали чечотку,
Какъ поймали лебедку
Въ зеленомъ саду. 2
Посадили чечотку,
Посадили лебедку
За рѣшоточку:
Ты сиди, моя чечотка,
Ты сиди, моя лебедка,
За рѣшоточкой: 2
Выводи, моя чечотка,
Выводи, моя лебедка,
Да семи дочóкъ: 2
Ну и Дарью, и Марью,
И Марину, и Арину,
Степаниду, Плаканиду
И седьмую Катерину,
Катеринушку.
Ты сиди, моя чечотка,
Ты сиди, моя лебедка,
За рѣшоточкой. 2
Наживи, моя чечотка,
Наживи себѣ, лебедка,
Да семи зятьевъ: 2
Да Абрама, да Романа,
Да Терентья, да Клементья,
Евсигнѣя, да Сергѣя,
А седьмого Алексѣя,
Алексѣюшку. 2

Какъ и всѣ-то зятья
По тетери принесли:
　Ты чечотка моя,
　Ты лебедка моя!
Какъ одинъ-то постылъ —
Онъ куницу приносилъ.
　Ты чечотка моя,
　Ты лебедка моя!
Какъ и всѣ-то зятья
На перину спать легли, —
　Ты чечотушка,
　Ты лебедушка!
Какъ одинъ-то постылъ
Въ рѣшетѣ застылъ.
　Ты чечотушка,
　Ты лебедушка.
Ты сиди, моя чечотка,
Ты сиди, моя лебедка,
　За рѣшоточкой!
Наживи себѣ, чечотка,
Наживи себѣ, лебедка,
　Ну двадцать внучатъ:
Да два сѣдня, два лежня,
Два ноползня.
Два на лавкѣ сидятъ,
Два учиться хотятъ;
Двѣ Акульки у люльки
　Качаются.
Двѣ Варушки къ ватрушки
　Придвигаются
Двѣ Наташки у кашки
　Питаются,
Двѣ Алёнки у пеленкахъ
　Свиваются.
Два Мякитка у мякинкѣ
　Копаются.
Какъ насуналась сметана —
Во сметанѣ два Степана,
　Да два Степанушка. 2
Какъ вздумала чечотка,
Какъ вздумала лебедка
　За внукъ Бога молить:
　Богъ помилуй
　Богъ помилуй.
Да два сѣдня, два лежня и т. д. Еще разъ называются всѣ внуки и этимъ пѣсня кончается.

Зап. С. Н. Рачинскій.

925.

в) Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Залетѣла чечотка,
Залетѣла лебедка
　На боярскій дворъ;
Поймали чечотку,
Поймали лебедку
　На боярскомъ дворѣ.
Посадили чечотку,
Посадили лебедку
　За рѣшотку.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка —
　Семь дочерей:
Двѣ Марьи, двѣ Дарьи,
Арину и Марину,
　А семую Катерину.
О, помилуй, Боже,
Моихъ дочерей:
Двѣ Марьи, двѣ Дарьи,
И Арину, и Марину,
А семую Катерину,
　Катеринушку. [1])
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
　Много зятьевъ:
Два Ивана, два Романа,
Дементея, Клементея,
А семого Алексѣя, —
　Алексѣюшка душа!
О, помилуй Боже
Моихъ семь зятьевъ и т. д.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
　Многое внучатъ:
Двое въ люлькѣ
Въ бирулькѣ
　Качаются,
Двѣ Аленки
Въ пеленки
　Свиваются,
Два Степана
Въ сметанѣ
　Копаются;
Двое сидмя сидятъ,
Двое ползмя ползутъ.

---

[1]) Въ Тверской губ.

Что пошелъ холопъ за охотою,
Поймалъ холопъ себѣ чечотку и т. д.
Что и вывела эта чечотка
　Себѣ семь дочерей:
Дарью и Марью,
Арину и Марину,
Степаниду, Соломониду,
Да семую Катерину.
Что пошла эта чечотка,
Что пошла эта лебедка
　Богу молиться:
«Да помилуй, Боже, Боже,
Моихъ семь дочерей!» (тутъ перечисляются вновь имена. Далѣе мало разницы).

Двѣ Парашки
Кашкой
Питаются,
Двѣ Варюшки
Къ краюшкѣ
Подвигаются,
Двое на окошечкахъ сидятъ,
По лепешечкѣ ѣдятъ.
О, помилуй, Боже
Моихъ всѣхъ внучатъ и т. д. [1])

Зап. мною. Ср. у Студитск. Народн. пѣсни Волог. и Олонецк. губ., стр. 177.

[1]) Не лишенный интереса и отрывокъ изъ варіанта этой пѣсни, записанной мною въ сельцѣ Селиховѣ, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи. Вотъ онъ:

Какъ пошли наши бояре за охотою,
За охотою чечотокъ ловить.
Какъ поймали чечотку въ клѣточку,
Посадили эту чечотку въ клѣточку.
Вывела эта чечотка семь дочерей:
Перву Дарью, другу Дарью,
Степаниду, Солмониду,
И Арину, и Марину,
И семую Катерину.
Какъ пошла наша чечотка
Въ торгъ торговать,
Зятьевъ выбирать.
Выбрала себѣ чечотка семь зятьевъ:
И Вавилу, и Данилу,
И Андрея водогрѣя,
Епифана, Ермолая,
И семого Николая.

(Пѣвица обочлась, но не могла припомнить имя еще одного зятя. Въ дальнѣйшемъ нѣтъ разницы отъ предыдущ.).

926.

Смоленской губерніи.

Какъ жила была чечотка, 2
На пу́стынкѣ,
Да на пустынкѣ.
А какъ было у чечотки, 2
Семь дочерей,
Да семь дочерей:
А все Маша да Даша,
Устинья, Фетинья,
Ѳедосья, Ѳедора,
Да Маланьюшка,
Да Маланьюшка.
Нажила себѣ чечотка 2
Семь зятевей,
А да семь зятевей:
А все Гриша да Миша,
Климъ да Якимъ,
Филентій да Милентій,
Да Абрамушка,
Да Абрамушка.
Какъ пріѣхали къ чечоточкѣ 2
На масляпку,
Да на масляпку:
А вы кушайте, покушайте,
Семь дочерей,
А да семь дочерей:
А все Маша да Даша,
Устинья, Фетинья,
Ѳедосья, Ѳедора,
Маланьюшка,
Да Маланьюшка.
А вы кушайте, покушайте 2
Семь зятевей,
А да семь зятевей:
А все Гриша да Миша,
Климъ да Якимъ,
Филентій да Милентій,
Да Абрамушка,
Да Абрамушка.
Какъ у каждой у дочери
По два ребятъ,
А да по два ребятъ:
Два лежня, два сидня,
Два поползня,
А два поползня,
Двѣ Ульки въ люлькѣ
Качаются,
Да качаются.
Два Васьки въ салазкахъ
Катаются,
Да катаются.
Двѣ Дарьюшки у краюшки
Утруждаются,
Да утруждаются.

Сообщ. Ю. Д. Беръ.

927.

а) Тульской губерніи, Епиф. у.

Баба рушила крупу,
Обратила на муку,
Становила баба хлѣбушки
На допушкѣ, на ладонушкѣ.
Три недѣли хлѣбы кислй
Да не выкисли.

На четвертую недѣлю
Они стали восходить.
Ахъ горе горевать!
Куды хлѣбушки дѣвать?
— На печи пекла,
Кочергой гребла.
Испеку я колобокъ, [1])
Повезу я въ городокъ.
Нихто хлѣбушки не купитъ,
Нихто даромъ не беретъ.
Одна сивая свинья,
Понюхала, — отошла:
Она рыло замарала,
Три недѣли прохворала,
На четвертую недѣлю
Богу душу отдала.

Сообщ. М. И. Раевской.

928.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у.

Растворила я квашоночку
На столбушкѣ,
Три недѣли квашня кисла, —
Не выкисла,
На четвертую-то недѣлю
Стала хлѣбушка валять:
На полу валяла,
На печи въ углу пекла,
Кочергой оттуль гребла.
Наклапа въ коробокъ,
Потащила въ городокъ, —
Нихто хлѣбушки не купитъ,
Нихто даромъ не беретъ.
Подошла свинья Аксинья,
Да два борова Василья:
Торговать не торговали,
Только рыло замарали.

Зап. мною отъ дворовой.

929.

в) Вологодской губерніи, Кадник. у., с. Лапатино.

По задворью баба шла,
Въ рѣшетѣ она несла
Полтора зерна.
Она по̀ три дня сушила,
По четыре дня толкла.
Она сѣяла муку
На палатяхъ на боку,
Растворило — ничего,
Поставила на чело. [2])
Три дня квашня кисла,
Да не выкисла.
На четвертую недѣльку
Стала пѣниться.
По пяти дёнъ блины пекла, —
Не наѣлась до сыта̀,
Ко сосѣдушкѣ пошла.
Что сосѣдушка-то скупа —
Не попотчевала.
Тутъ пришла она домой,
Начала мужа бранить:
«Ужъ ты Филя простофиля,
Филя, дуринъ сынъ!
Говно ку́ричье ѣдалъ,
Поросячье подбиралъ.»
Привязалъ онъ тонку нитку
За соломеньку.
Ужъ какъ первый разъ хлеснулъ —
Онъ по полочкѣ попалъ,
А второй-отъ разъ хлеснулъ —
Онъ по лавочкѣ попалъ;
Ужъ какъ въ третій разъ хлеснулъ —
Онъ по ёй, младѣ, попалъ.
Она съ этихъ-то побоевъ
Въ постелюшку слегла:
Семь недѣль она лежала.
На восьмую-то недѣльку
Стала сбраживаться. 2
Сѣла ужинать, —
Съѣла пять калачей,
Девять мяконькихъ;
Заулокъ рогулекъ, [3])
Костеръ [4]) пироговъ,
Быка третьяка,
Овцу я̀ловицу,
Еще семьдесятъ утёнковъ,
Девяносто поросенковъ;
Семь ушатовъ молока
Пястью выхлебала.
Что скупая-то свекровь
Позавидовала:
«Какъ тебя, невѣстушка,
Не ро́зорвало?»

Зап. Н. А. Иваницкій.

---

[1]) Сдобная прѣсная лепешка изъ бѣлой муки. Оп. великор. обл. словаря.

[2]) Чело печи.

[3]) *Рогуля* — лепешка изъ прѣснаго тѣста, загнутая или защипанная только съ краевъ, такъ что начинка остается не покрыта; ватрушка.

[4]) Въ Осташ. у., Тверск. губ., означаетъ, между прочимъ, мѣру длины въ 2 сажени. См. Доп. къ великор. обл. словарю.

930.

г) Новгородской губернии, Череповск. у.

Изъ Питера кума
Въ рѣшетѣ приплыла,
Веретенами гребла,
Мотомъ парусилась.
Безъ огня рыбу варила,
Молотомъ дрова рубила.
Я поставлю свѣчу
Передъ пятницею,
Стану Богу молиться,
Самому Христу трудиться,
Чтобы свекра, свекровь,
Чтобы лѣшій увелъ,
Деревей [1]) кобелей
По водѣ-бъ унесло,
А золовокъ-колотовокъ
Комуха [2]) бы затрясла
А мою-ли то ладу [3])
На печи въ углу
Въ три ряда сволокло,
Не расправило-бъ его.
За эту, за вину
Меня мужъ-отъ билъ:
Привязалъ нитку́
Ко соломинкѣ.
Онъ первый-то разъ ударилъ,
По лавкѣ попалъ,
А въ другой-то разъ ударилъ,
По ступѣ попалъ,
А въ третій-то разъ ударилъ
По мнѣ, молодѣ.
Я со этихъ, со побой
Три недѣлюшки лежала,
Хлѣба соли не ѣдала.
Только съѣла я
Свинью-Аксинью,
Борова-Василья,
Да быка третьяка
На рожняхъ [4]) испекла,
Ушатъ молока,
Стоя, выхлебала,
Четверикъ толокна,
Ходя, вызобала,
Три печи хлѣба,
Пять печей калачей:
Девять мяконькихъ. [5])
Заулокъ — рогулекъ,
Да костеръ пироговъ.
Кривошлыкая [6]) свекровь
Позавидовала:
«Какъ тебя, невѣстушка,
Не разорвало.»
— «Разорвушка разорви
Кривошлыкую свекровь.» —

Сообщ. Н. А. Александровымъ.

[1]) Т. е. деверей.
[2]) Лихорадка.
[3]) Лада — мужъ.
[4]) Рожникъ — ухватъ.
[5]) Мяконькая — ватрушка.
[6]) Кривошлыкая — баба, у которой повойникъ сидитъ криво.

931.

д) Калужской губерніи и у., с. Ахлебинино.

Въ деревнѣ я жила,
Я рѣзва очень была 2
Уморилась. 3

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ).

По проулочку бѣгла 2
Тяжело несла 2
Въ рѣшетѣ овса 2
Полтора зерна. 2
Я до дому дошла,
Въ печку высыпала 2
Сухо высушила,
Три недѣли протолкла,
По пяти блиновъ пекла, 2
Не наѣлась до сыта;
А меня курва сосѣдка
Не попотчивала.
Мужъ ударилъ по спинѣ:
«Не жалься, когда
Не кормишь меня.»
Ужъ я съ этого побоя
Три недѣли пролежала —
Пять пудовъ хлѣба поѣла, 2
Пятьдесятъ поросятъ, 2
Девяносто гусятъ, — 2
Одни ножки висятъ.

Зап. М. А. Баскаковой.

932.

е) Рязанской губерніи, Данковск. у.

Какъ по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
Тяжело несла
Четверикъ овса.
Четверикъ не великъ
Полтора зерна.
Я домой пришла,

Хату вытопила,
Овинъ высушила.
Я четыре дни толкла,
Блиновъ напекла;
Я сытой навела
И сыта не была.
Я къ сусѣдки пошла,
Сусѣдка не добра,
Не попотчивала.
Ужъ я губушки надула,
Ножкой топнула.
Я домой пришла,
Мужа выругала:
«Ужъ ты, хвиля, прохвиля,
Ужъ ты губъ, простогубъ.»

(Не оконченная).

Зап. мною.

933.

ж) Тульской губерніи, Епифанск. у.

Солома, солома
Дрова рубленныя

—

Ай да али! дрова рубленныя.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ прибавленіемъ къ послѣднему или одного слова послѣдняго или всего его).

—

Деревенская баба
Не пропека была,

—

Не пропека, недолóга, [1])
Не догадливая.

—

Она хлѣба пекла —
Таракана запекла.

—

На торжокъ побѣжала, —
Да паневу потеряла.

—

Три карбонца размѣняла,
Паневушку покупала.

—

Паневушку покупала,
Сама себя спаряжала.
(Видно не кончена).

Зап. А. К. Матвѣевой.

[1]) Въ сл. Даля: «*недолыга* — плохой лгунъ, неумѣющій хорошо солгать.»

934.

з) Самагской губерніи.

Ахъ Парашенька, Парасковьюшка,
Счастливая Параня, *таланливая!* 2
Она растворитъ квашонушку на донышкѣ,
Что на дóнышкѣ во ведёрушкѣ:
По уторамъ-то мука,
Среди квашни-то вода.
Три недѣли квашня кисла,
Квашня кисла не выкисла,
На четвертую недѣлю *замолаживалась* [1]).
Ахъ, на пятую недѣлю
Стала хлѣбушки валять.
Она по полу валяла,
По подлавочью катала,
На печи пекла,
Кочергой сгребла, — 2
Кулаки прижгла. 2
Она склала въ коробокъ, —
Поѣхала въ городокъ
И расклала на полокъ.
Ахъ, никто хлѣба не купитъ,
И никто не торгуетъ.
А Казанскіе купцы —
Пересмѣшливые:
Они хлѣба не купили,
Только цѣну-то набили.
Она склала въ коробокъ,
Поѣхала во домокъ.
Ахъ на встрѣчу Паранѣ
Еще тотъ да иной, —
Ахъ тотъ да иной, —
Дворянинъ молодой.
«Что, Паранюшка, везешь?
Что, Паранюшка, продаешь?»
— «Я не каменья везу,
Не кирпичи продаю, —
Ужъ я хлѣбы везу:
Мягки, бѣленькіе,
Востро-кисленькіе.»
Пріѣхала во домокъ,
Склала хлѣбы въ уголокъ.
У нихъ сивая свинья-то
Догадлива была,
Она хлѣбовъ тоже не ѣла,
Только корочки измяла, — 2
Три недѣли пролежала.
На четвертой на недѣлѣ
Свою душу отдала.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

[1]) *Замолаживать* — начинать бродить, переходить въ броженіе. Сл. Даля.

935.

Поется на посидѣлкахъ бабѣ, которая дремлетъ за работой.

а) Смоленской губерніи, Бѣльск. у.

Пошла наша Дуня на рынокъ гуляти
Дуня моя Дунюшка, Дуня тонкопрядница.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

На рынокъ гуляти, кудели купляти;
Купила кудели, да на три недѣли.
Недѣлюшку пряла, другую мотала.
Другую мотала, а третью сновала.
Основала, Дуня, стѣнку съ половиной;
Пошла наша Дуня берды добывати.
Берды не добыла, собакъ раздразнила.
Присудили люди: въ изгороду ткати,
Въ изгороду ткати, коломъ прибивати.
Ѣхали бояре: «Богъ помощь!» сказали,
«Богъ помочь тѣ, Дуня, ткать рогози́ну!»
— Не лги же ты, бояринъ, не лги одноглазый!
То не рогозина, — тонкая холстина:
Дѣвкамъ на платочки, зятьямъ на порточки.

Зап. С. Н. Рачинской.

936.

б) Тверской губерніи, Новоторжск. у., д. Карцева.

Пошла наша Дуня
По торгу гулять.

—

Дуня-ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопрялья!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія).

—

По торгу гулять,
Ленку покупать

—

Купила моя Дуня
Ленку-то немножко.

—

Ленку-то немножко,
Всего три десятка.

—

Запряла-то Дунюшка
Потолще ужища,

—

Потолще ужища,
По тонѣ каната;

—

Напряла-то Дуня
Съ поцатоцкомъ девять.

—

Пошла наша Дуня
Красе́ньецы сновати:

—

Семь стѣнъ обложила,
Семь коловъ сломила 2

—

Семь коловъ сломила,
Семь бабъ задавила.

—

Пошла наша Дуня
По селу свистать,

—

По селу свистать,
Бердецу искать.

—

Семь селъ освистала,
Бердъ не сыскала.

—

Пошла наша Дуня
Къ Егору на гору.

—

Къ Егору на гору,
Просить изгороду:

—

«Пожалуй-ко, Егоръ,
Частой изгородки,

—

Частой изгородки, —
Красеньицы мнѣ ткати.»

—

— Коломъ-то пихала,
Шестомъ притыкала.

—

Пошла наша Дуня
Холстинки моцити:

—

Семь рѣкъ изсушила, —
Холста не смоцила.

—

Ѣде Аѳанасій
Съ кривымъ глазомъ:

—

«Богъ *помоть*, Дуня,
Рогожа моцити!»

—

— Это не рогожа, —
Дунина холстинка!

—

Пошла наша Дуня
Холстинку сушити:

—

Семь жердовъ сломила,
Холста не ссушила.

—

«Давай-ко, намъ, Дуня,
Холстину кроити!

—

Пилой-то пилити,
Топоромъ рубити!

—

Давай-ко намъ, Дуня,
Рубашечку шити!

—

Напарьемъ [1]) провéрнемъ,
Канатомъ продéрнемъ.

—

Давай-ко намъ, Дуня,
Рубашечку надѣвати!

—

Семеро держатъ,
Трое надѣваютъ.»

—

Дуня-ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопрялья!

Зап. мною въ 1860 г.

937.

в) Вятской губерніи.

Дунька ли ты, Дуняша,
Дуня милая моя!

—

Пошла Дуня на базаръ,
Купила, купила Дуняша

—

На алтынъ кудельки,
На рубль веретенцовъ.

—

Дунька ли ты, Дуняша,
Дуня милая моя!

—

Зачинала Дунька прясти, —
Не тонко, не толсто,

—

Не въ гужъ, не въ веревку,—
Въ самую завертку. [2])

—

Пять нитокъ напряла —
Весь кужель отпряла.

—

Въ огородъ Дуня надѣла,
Коломъ притыкала.

—

Первый разъ бросила, —
Стѣнку [3]) *заучила* (?)

—

Другой разъ бросила, —
Навой оголила.

—

Стала ли Дуня
Полотна бѣлити.

—

Пошла ли Дуня
На Дунай-рѣку мыти:

—

Первóй махнула —
Дунай помутила.

—

Другой разъ махнула —
Валькомъ колотила,

—

Третій разъ махнула —
Дунай осушила.

—

Ѣхалъ князь-бояринъ:
«Богъ помочь, Дуняша!

—

Богъ помочь, Дуняша,
Рогожи колотити!»

—

— «Что ты, князь-бояринъ?
Это не рогожи,

—

Это не рогожи, —
Это тонкія полотна.

—

Пошла ли Дуня домой,
Понесла Дуня полотна.»

—

[1]) Напáрье, напáлье и напáрей — большой буравъ, лопатой или совкомъ, также въ видѣ циркуля съ ножкою, для выкруженья круговъ и нарѣзки мѣтокъ. Сл. Даля.

[2]) *Завертка* — палка съ веревкою, которыя придерживаютъ чеку или колышекъ задняго колеса. Пск., Тверск. Осташк. Оп. Обл. слов.

[3]) *Стѣна* — часть основы въ тканьѣ холста, мѣрою въ 10 аршинъ. Нижег. г.

Домой приходила,
На сарай бросила,

—

Сарай обложила, —
Семь снохъ задавила,

—

Осьмую золовку,
Девятую свекровку.

—

Дунька ли ты Дунька,
Дуня милая моя!

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

938.

г) Вологодской губернии и у.

Пошла наша Дуня
Въ рыночекъ гуляти 2
Кудели закупати.
Три пуда купила,
Денегъ не платила.
Стала наша Дуня
Куделюшку прясти.
Три года пряла,
Три нитки напряла:
Пряжа не прядется,
То́нка нитка рвется.
То́нка, не то̀нка, —
Потоньше полѣна,
Потолще колѣна.
Стала наша Дуня
Свою пряжу ткати.
Стала наша Дуня
Бёрдочка искати.
Село обѣжала
Бёрда не сыскала.
Въ огородъ вдѣвала,
Коломъ притыкала.
Стала наша Дуня
Кончики бѣлити, —
Снѣги всѣ стопила,
Конца не смочила.
Стала наша Дуня
Пòртно [1])-то мыти.
Въ эту саму пору
Ѣхалъ баринъ съ поля:
«Богъ на помочь, Дуня,
Рогожу-то мыти!»
— Красная ты рожа!
Это не рогожа —
Тонкія полотна.
Стала наша Дуня
Рубашку кроити:
Топоромъ наставитъ,
Молотомъ ударитъ.
Стала наша Дуня
Рубашечку шити:
Напальемъ прове́рнетъ,
Канатомъ проде́рнетъ.
Стала наша Дуня
Рубашку вздѣвати:
Семеро держали,
Трое надѣвали.
Три года носила,
Смѣны не просила.

[1]) Узкій, грубый холстъ на крестьянскія и рабочія рубахи. Сл. Даля

939.

д) Той же губерніи, Тотемск. у., с. Печенега.

Тетушка Орина по рыночку ходила,
На три денежки куделюшки купила,
На алтынышекъ веретёшекъ прихватила,
Пришла дòмой, — на полйцу положила:
«Ты лежи, моя куделя, всю недѣлю,
У хорошія прядѐюшки другую:
Что по пятницамъ добрй жёны не пряли,
По субботамъ по родителямъ давали,
Въ воскресенье на веселье я ходила,
Въ понедѣльникъ баню-пàрушу топила.
Въ овторничекъ я париться ходила,
Я во сѐреду съ угару пролежала,
Въ четвертокъ я буйну голову чесала,
А во пятницу ранёшенько вставала,
Три я ниточки тонёшенько напряла,
Три мозоли кровяные навертѣла,
Пришла, милому мозоли показала:
«Посмотри-ко, мой любезный, на работу!»
— «Наплевай, моя сударушка, не майся!
Три недѣлюшки во постелькѣ проваляйся.
Наростутъ въ саду широкіе лопỳшки,
Мы сошьемъ тѣ сарафанчикъ-раздуванчикъ,
Сарафанчикъ-раздуванчикъ-размахавчикъ,
Воротушку изъ лопушки, поясокъ-дадилёчекъ.
Не ходи, моя милàя, мимо саду,
Мимо саду, мимо саду зеленова,
Чтобы тамъ тебя солдаты не признали,
Сарафана-раздувана не содрали
Не увидѣли поповы овцы, козы,
Сарафана-раздувана не сорвали,
Сарафана не сорвали, воротушку не сжовали,
Поясочекъ не сглодали, въ грязь не втоптали.»

Обѣ зап. П. А. Иваницкимъ.

940.

е) Тверской губерніи, Новотор. у., с. Селихово.

Въ воскресный день по рыночку ходила,
На три денежки *кудерюшки* [1]) купила,
На алтынъ веретенцъ подхватила,
Я, пришедши, подъ лавку положила:
«Ты, лежи, лежи, куделюшка, недѣльку,
Что по доброй-то пряльюшкѣ другую!»
Въ понедѣльникъ я банньку топила,
Я во вторникъ париться ходила,
Я въ среду съ угара пролежала,
Въ четверкъ буйну голову чесала,
Что по пятницамъ добры жены не пряльи,
Въ субботу по родителямъ ходила,
Воскресенье — день на веселье,
Въ понедѣльникъ раненько встала,
Охъ, я три ниточки тонешенько напряла,
Охъ, мозоли кровавые понатирала.
Охъ, я дождавши, милому показала.
«Не пряди, моя милая, не невольси,
Охъ, что придетъ-то, придетъ, моя милая, весна красна,
Что повыростетъ лопушничекъ широкой,
Я сошью тебѣ, моя милая, сарафанчикъ,
Что по Русскому сказать: раздыманчикъ.
Да не ходи, моя милая, околъ тыну,
Ты ходи, моя милая, по лужечку,
Что по ровненькому, по гладенькому мѣстечку,
Чтобъ поповы-то козы не видали,
Чтобъ сарафанчика-раздыманчика не разорвали.»
А поповы-то козы увидали,
Сарафанчика-раздыманчика разорвали,
Часты пуговки всѣ перервали,
Шелковы петельки всѣ пріѣли.

Зап. мною въ 1860 г.

941.

ж) Самарской губерніи.

Жила была бабушка Ненила,
Каждый праздникъ гулять она ходила.
Послѣ праздничковъ за умъ она взялась;
Съ понедѣльника работать принялась:
На три денежки куделюшки купила,
На алтынецъ веретенецъ подхватила,
Въ коробуху веретенцы заперла.
«Ты лежи моя куделя всю недѣлю:»
Въ понедѣльничекъ съ похмѣлья мнѣ лежать,
А во вторничекъ-отъ съ угару отдыхать,
Всее середу не хочется приняться,
А въ четвергъ не успѣешь разломаться,
Придетъ пятница и легкій бы денекъ, —
Да нѣтъ времюшки: пора мнѣ въ кабачекъ,
А суббота канунъ праздника — грѣшно,
По писанію — работать не должно.
Такъ и бродишь всю недѣлю какъ во снѣ.
Охъ, охо-хо, да охти мнѣ!
Кабъ не праздничекъ Христовъ,
Не спастись бы отъ грѣховъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

942.

з) Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Троицкое.

Дуня, ты моя Дуня,
Дуня моя тонкопрялья,

(Припѣвъ этотъ повторяется то послѣ трехъ, то послѣ четырехъ, то послѣ двухъ стиховъ).

—

Пряла наша Дуня,
Потоньше полѣна,
Потолше оглобля.
Пошла наша Дуня
Берды добывать,
Бердъ не добыла,
Собакъ перебила.
Присудили нашей Дунѣ:
Въ борóнушку ткати,
Коломъ притыкати.
Мимо нашей Дуни
Ѣдетъ Афанасій:
«Богъ помочь тебѣ, Дуня,
Рогоженьку ткати!»
— «Это не рогожа,
А твоя, Афанасій, рожа!» —
Пошла наша Дуня
Холстикъ мочити,
Холстика не намочила,
Всю рѣчку изсушила.
Пошла наша Дуня
Холстикъ разстилать,
Холстикъ не разслала:
Лужка не достала.
Стала наша Дуня
Рубашеньку кроити, —
Топоромъ наставятъ,
Обухомъ ударятъ.
Стали нашей Дунѣ
Рубашеньку шити,
Буравами провернутъ,
Канатомъ продернутъ.
Стали нашей Дунѣ

[1]) Т. е. куделюшки. Кудель или куделя — мотокъ льна. Обл. сл.

Рубашеньку надѣвати,
Семеро держали,
Пятеро надѣвали.
Три года носила,
Смѣны не проспла, —
Завелись блошки
По поповой кошки,
Завелись вшоночки
По поповы щеночки.

Зап. мною.

943.

и) Иркутской губерніи, Нижнеудинск. окр., с. Больше-Мамырское.

«Зять ты мой зятюшко!
У тебя нѣтъ ни кола, ни двора,
Ни липовой избушечки.»
— Ой ты теща, ты теща моя!
У тебя дочь поученая была:
Опа пряла въ день по ниточекъ,
Пять день — веретешечко.
Поставила Дуняшинька красна, —
Этимъ краснамъ девятая весна,
Десятая масляница.
Подъ краснамъ-то травка выросла
На новое мелки пташечки поютъ
Между ниченокъ заплесневѣло
Между бердица *свѣточки разсвѣли.*
Мужики-то косы выточили,
Подъ красномъ-то травку выкосили,
По подъ-лавочью валы валятъ,
На полатяхъ-то зароды мечутъ.

Зап. учит. Ив. Сухановымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э.

944.

Вологодской губерніи, г. Тотьма.

Марьюшка Казаковна
По торгу она ходила,
Ситца, рѣшетца̀ купила.
Шла домой растеряла, —
Пришла домой, — разсердилась:
Кошку ремёшкой стегала,
Стараго кота татаỳромъ, [1])
А дѣдка въ лобъ мотовиломъ,
Бабку въ лобъ поварёшкой.
«Дѣдушка не сердись-ка!
На́, пирожка, подавись-ка!
На́, молочка, захлебнись-ка!

[1]) *Татауръ*: ремень, приузъ. См. Слов. Даля.

Завтра твои именины,
Послѣзавтрева хоронины.
Пріѣдутъ къ тебѣ на именины,
Пріѣдутъ на хоронины
Два волка сѣдатыхъ,
Два старика горбатыхъ,
Двѣ дѣвки косматыхъ,
Два парня безъ шапокъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

945.

а) Тверской губерніи, Калязинск. у., с. Спирово.

Охъ, мужъ у меня,
Онъ злодѣй былъ до меня,
Онъ хоть баринъ, да туракъ,
Я не барыня — умна.
Заставилъ меня мужъ,
Заставилъ господинъ,
Баню, банюшку, топить, 2
И я, ходя баю, баю, 2
Будто банюшку топлю. 2
Охъ, мужъ у меня,
Онъ злодѣй былъ до меня,
Онъ хоть баринъ, да дуракъ,
Я не барыня — умна.
Заставилъ меня мужъ,
Заставилъ господинъ,
Въ баню вòдицу носить, 2
И я, ходя, — вою, вою, 2
Будто водицу ношу. 2
Охъ, мужъ у меня,
Онъ злодѣй былъ до меня,
Онъ хоть баринъ, да дуракъ,
Я не барыня — умна.
Заставилъ меня мужъ,
Заставилъ господинъ,
Въ баню вѣпички носить. 2
И я, ходя, — вѣю, вѣю,
Будто вѣнички ношу. 2

Зап. А. Завьяловъ, ученикъ Тверск. семинаріи.

946.

б) Москва.

Заставилъ меня мужъ — господинъ
Баню, банюшку топить,
А я, ходя, баю, баю,
Будто банюшку топлю.
Заставилъ меня мужъ — господинъ

Вѣникъ, вѣничекъ, вязать.
А я ходя, вѣю, вѣю,
Будто вѣничекъ вяжу.
Заставилъ меня мужъ — господинъ
Щелокъ, щелочекъ, варить.
А я, ходя, щолкъ, щолкъ!
Вудто щелочекъ варю.
Заставилъ меня мужъ — господинъ
Шаекъ, шаекъ искать.
А я, ходя шарю, шарю,
Будто шаечекъ ищу.

Зап. А. Н. Афанасьевъ.

947.

в) Курской губерніи, Тимск. у.

Приказалъ мнѣ мужъ,
Приказалъ господинъ:
«Вари, вари, жена, кашу!» 2
— Я по хатѣ пля́шу, пляшу,
И по сѣнямъ пляшу, пляшу,
Будто я варю кашу, кашу.
А я каши не варила, —
Человѣка одурила,
Ей Богу одурила!
Право слово, одурила!
Приказалъ мнѣ мужъ,
Приказалъ человѣкъ:
«Вари, вари, жена, горохъ!
Вари, вари, жена, горохъ!»
Я по хатѣ: торохъ, торохъ,
И по сѣнямъ: торохъ, торохъ, —
Будто я варю горохъ,
Будто я варю горохъ.
Я гороху не варила, —
Человѣка одурила.
Ей Богу! одурила,
Право слово! одурила.
Приказалъ мнѣ мужъ,
Приказалъ человѣкъ:
«Вари, вари, жена, щуки,
Вари, вари, жена, щуки!»
Я по сѣнямъ: чуки, чуки!
И по хатѣ: чуки, чуки!
Будто я варю щуки,
Будто я варю щуки.
А я щуки не варила, —
Человѣка одурила.
Ей Богу, одурила,
Право слово одурила.

Зап. А. И. Томилина.

948.

а) Владимірской губерніи, Шуйск. у., с. Парское.

«На печкѣ сижу,
Посиживаю,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Все мужа браню,
Прибраниваю:
«Продай, мужъ, корову
Съ лошадушкою!
Купи, мужъ, шубейку —
Всю на золотѣ,
Опушку боброву
Жемчужной *боротъ*.
А я соберуся —
Къ обѣднѣ пойду.
А люди-то скажутъ:
«Чья така́ идетъ:
Либо съ барскаго двора,
Либо земскаго жена?»
Отъ обѣдни приду —
Пообѣдаю,
На печкѣ лягу,
Погрѣюся.»
— Идетъ мужъ съ двора,
Несетъ воровины, возжи,
Воровины возжи,
Несмоленный кнутъ.
«Слѣзай, жена, съ печки,
Надѣвай хомутъ!
Поѣдемъ, жена, въ рощу,
Въ рощу по дрова.»
Пріѣхалъ въ цѣликъ,
Наклалъ возъ великъ.
Онъ въ горку-то ѣдетъ —
Похлыстываетъ,
А съ горки-то ѣдетъ —
Подсвистываетъ,
Въ деревню-то ѣдетъ —
Ребятамъ кричитъ:
«Ребята, ребята,
Кобылка добра!
Кобылка добра —
Великій возъ везла.»
Пріѣхалъ ко двору, —
Выпрягалъ жену.
Засыпалъ женѣ
Сѣна и овса: 2
«Ѣшь, моя жена!»
Въ скороемъ время
Возмолилася:
— «Продай, мужъ, шубейку —
Всю на золотѣ,

Купи, мужъ, коровенку, —
    Хоть безрогиньку,
Купи, мужъ, лошадку,
    Хоть безхвостеньку.»

Зап. мною въ 1874 г. отъ молодого парня А. Шлокина.

949.

б) Тверской губернии и у.

Сижу я, млада
На печкѣ одна,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Я мужа браню,
Прибраниваю:
— «Какой ты мнѣ мужъ?
Какой муженекъ?
Борзой кобелекъ!
Продай, мужъ, корову
    Съ лошадушкою!
Купи, мужъ, саянъ —
    Широкій подолъ,
Душегрѣйку —
    Камчатнинькую.
Купи, мужъ, кокошникъ —
    Косой, золотой,
Еще ожерелье
    Жемчужненькое.
Молода снаряжуся,
    Къ обѣднѣ пойду.
Ахъ, люди-то скажутъ:
    «Чья эта така?
Чья эта така?» —
    — Купецка жена!
Обѣдня отходитъ —
    Мой милый идетъ;
Мой милый идетъ,
    Саночки везетъ;
Саночки везетъ
    И хомутикъ несетъ:
«Младая жена,
    Впрягайся сама!
Впрягайся сама,
    Да въ лѣсъ по дрова!»
Заѣхалъ въ цѣликъ,
    Наклалъ возъ великъ.
На горку онъ ѣдетъ —
    Прихлыстываетъ,
Подъ горку онъ ѣдетъ —
    Присвистываетъ.
Не то мнѣ досадно,
    Что возъ великъ,
А то мнѣ досадно,
    Что мужъ на возу;
Что мужъ на возу,
    Объ одномъ глазу.

Зап. мною отъ О. А. Шавровой.

950.

Насмѣшки надъ неумѣлыми работниками.

а) Вятской губернии, Яранск. округа, с. Ижевское.

Въ городѣ во Ростовѣ,
У боярина Толстова,
На широкомъ на дворѣ
Жили были два братенника,
Два складенника:
Ерема да Ѳома.
Они жили болѣе славно,
Пили ѣли сладко,
Ходили хорошо.
Ерема ѣлъ рѣдьку,
Ѳома чеснокъ.
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно ли, брателко,
Сладко намъ ѣсти?
Станемъ-ко, брателко,
Щепетко [1]) ходить?»
— Ерема въ балахонѣ,
Ѳома въ шабуркѣ. [2])
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно ли, брателко,
Щепетко ходить,
И у барина жить?»
Станемъ-ко, брателко,
Домъ заводить.»
— Ерема купилъ топоръ,
А Ѳома долото.
У Еремы не рубитъ,
У Ѳомы не беретъ. 2
«Да не полно-ли, брателко,
Домъ заводить?
Станемъ-ко, брателко,
Пашенку пахать.»
— Ерема впрягъ кота,
А Ѳома пѣтуха,
У Еремы не тянетъ,
У Ѳомы не беретъ.
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно-ли, брателко,
Пашенку пахать?
Станемъ-ко, брателко,
Рожь засѣвать.»

[1]) Щегольски.
[2]) Шабура и шабуръ — рабочій, грубый азямъ, балахонъ. Слов. Даля.

— Ерема-то посѣялъ,
А Ѳома-то не посѣялъ.
Ѳому горе беретъ.
«Не полно-ли, брателко,
Рожь засѣвать?
Станемъ-ко, брателко,
Рожь зажинать.»
Ерема-то взялъ шило,
А Ѳома кодочикъ.[1])
У Еремы-то не рѣжетъ,
У Ѳомы-то не беретъ.
Ѳому горе беретъ.
«Не полно-ли, брателко,
Рожь зажинать?
Станемъ-ко, брателко,
Кладушку класть.»
Склали же кладушку
На печной на столбъ.
Котикъ скочилъ,
Кладушку уронилъ.
«Не пора ли и т. д.
. . . .
Станемъ-ко, брателко,
Рожь молотить.»
Ерема-то съ бичемъ,
А Ѳома-то съ кулакомъ.
У Еремы-то не брызжитъ,
У Ѳомы-то не летитъ.
. . . .
«Станемъ-ко, брателко,
Солодъ продавать!»
Ерема продаетъ,
Ѳома такъ отдаетъ.
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно-ли, брателко,
За торговлею ходить,
Барыши приводить?
Станемъ-ко, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиковъ ловить?»
— Ерема-то съ котомъ,
А Ѳома съ пѣтухомъ.
У Еремы-то не ловитъ,
У Ѳомы-то не бѣжитъ.
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно-ли, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиковъ ловить?
Станемъ-ко, брателко,
Въ церковь ходить,
Бога молиться;»
Ерема пришелъ въ церковь,
А Ѳома въ олтарь.
Ерема запѣлъ,
Ѳома-то заревѣлъ.
Пришелъ строгій пономарь,
Ѳому въ шею протолкалъ.
Ѳому горе беретъ. 2
«Не полно-ли, брателко,
Въ церковь ходить,
Богомольничати?
Станемъ-ко, Ерема,
Рыболовничати.»
Ерема купилъ сѣть,
Ѳома тенето,
Ерема купилъ лотку,
Ѳома ботникъ.
Лотка-то утла,
А ботникъ безодна.
Ерема закидалъ,
А Ѳома-то заметалъ.
Ерема говоритъ:
«Къ Петрову дню мнѣ быть.»
А Ѳома-то говоритъ:
«Какъ намъ Господь велитъ.»
Ерема-то зболтали,
А Ѳома-то сколыбали.
Ерема упалъ въ воду,
Ѳома ко дну.
Отъ Еремы-то валы,
А отъ Ѳомы пузыри.
По Еремѣ-то блины,
По Ѳомѣ пироги.

Сообщ. протоіерей с. Ижевскаго, Спасской церкви Василій Пасынковъ (въ 1847 г.). Изъ архива Импер. Р. Геогр. Общ. Ср. въ сборн. пѣсенъ, собран. Н. И. Костомаровымъ и Д. Л. Мордовц. Лѣтоп. Тихонравова и Древ. и Нов. Р., т. 4, отд. II, стр. 3.

951.

б) Тверь.

Ерема да Ѳома
Двое братеньки
Прокуратенки.
У нихъ бороды, какъ бо́роны,
Усы — какъ кнуты.
Собирались наши бороды
Въ торгъ торговать.
Ерема взялъ полтину,
А Ѳома полтора,
Ерема купилъ лошадь,
А Ѳома жеребца.
Еремина не ѣдетъ,
Ѳомина не везетъ.

[1]) «Кочедыкъ, кодочикъ, коточикъ, костыга—ла́потная шило.» Слов. Даля.

Ерема-то ножомъ,
Ѳома кожу на рожонъ.
«Неудача намъ, Ерема,
Съ тобой пашеньку пахать,
Лучше станемъ мы, Ерема,
Съ тобой клѣти ломать!»
Вотъ Ерема залѣзъ въ клѣть,
А Ѳома въ амбаръ,
Ерема схватилъ шубу,
А Ѳома кафтанъ.
Ерему ухватили,
А Ѳому сгребли.
Ерема убѣжалъ,
Ѳома вырвался.
Вотъ Ерема-то бѣжитъ, —
Не оглянется,
А Ѳома за нимъ спѣшитъ, —
Не разстанется.
«Неудача намъ, Ерема,
Съ тобой клѣти ломать.
Лучше станемъ мы, Ерема,
Съ тобой Бога молить!»
Вотъ Ерема идетъ въ церковь,
А Ѳома въ алтарь
Ерема схватилъ ризы,
А Ѳома стихарь,
Ерема взялъ кадило,
А Ѳома свѣчу.
Ерема-то кадитъ,
Ѳома кланяется.
Какъ патялся [1]) на нихъ
Да лихой пономарь.
Вотъ Ерему-то въ рылу,
А Ѳому по ноздрямъ.
Ерема убѣжалъ,
Ѳома вырвался.
«Неудача намъ, Ерема,
Съ тобой Бога молить.
Лучше станемъ мы, Ерема,
Съ тобой рыбу ловить!»
Вотъ Ерема купилъ неводъ,
А Ѳома бредникъ.
Вотъ Ерема-то за щуку,
А Ѳома за сома́.
Вотъ Ерема утонулъ,
И Ѳому потянулъ.
Вотъ Ерема сѣлъ на дно, —
И Ѳома съ нимъ за (о)дно.
Вотъ Ерему схоронили,
А Ѳому погребли, —
Ужъ не выйдутъ изъ земли.

Зап. мною въ 1859 г. отъ 70-ти-лѣтней старухи.

[1]) напалъ, наткнулся.

952.

в [2])

Вотъ Ирема съ подъ Билива
А Хама съ подъ Орла.
Они родныи братьи,
На нихъ разныи платьи.
Они ўмѣстѣ живали,
Они сладка ѣдали.
Вотъ Ирема ѣлъ витчинку,
А Хама зайчинку.
«Мы задумаемъ, Ирема,
Загадаемъ хорошо!
Да давай-ка, мы Ирема,
Ахотушку вчинять.
Мы ахотушку вчинять,
Мы пахаеньку пахать.»
Вотъ Ирема купилъ кобылу,
А Хама мерина.
Вотъ Иремина ни тянеть,
А Хомина не везеть.
Ирема сталъ *чужумъ* (?)
А Хама выхватилъ ножомъ.
Они вышли на горку.
Заплакалися,
Расчуфанилися.
«Братецъ мой да ты, Хамушка,
Мы задуманмъ иноя,
Загаданмъ хорошо:
Давай же мы, Иремушка,
Ахотушку вчинять,
Бѣлыхъ зайцавъ лавить!»
Вотъ Ирема купилъ суку,
А Хама кабеля́.
Ирема сталъ гнать,
А Хамина сѣла с....
Они вышли на горку,
Расплакалися, (2)
Расчуфанилися.
«Ой братецъ мой да ты, Хамушка!»
— «Ахъ, свѣтикъ мой, ты Иремушка!»
Давай мы, Иремушка,
Ахотушку вчинять!»
Бѣлу рыбицу ловить.
Вотъ Ирема сталъ нырять,
А Хама за нимъ гонять.
Вотъ Ирема потонулъ,
А Хама иво потянулъ.
Они вышли на горку,
Расплакалися, (2)
Расчуфанилися.
«А братецъ да ты, Хамушка!»
«Ахъ свѣтикъ мой ты, Иремушка!»

[2]) Указаніе мѣстности записи упущено по недосмотру переписчика или самой записавшей. Ш.

— «Мы задумаимъ, Ирема,
Загадаимъ хорошо,
Ахотушку вчинять, 2
Надъ дорогами стоять, 2
Зипуны, шубы снимать.»
Вотъ Ирема взялъ дубинку,
А Хама вязинку.
Какъ пріѣхали дьячки,
Понисли они ихъ въ толчки.
Вышли на горку,
Расплакалися 2
Расчуфанилися.
Они нюхаютъ табакъ.
А понюхавши табакъ,
Стали вѣшать собакъ.
«Братецъ мой Иремушка!»
— «Кормилицъ Хомушка!»
«Давай-же мы съ тобой
Ахотушку чинять,
Бѣлу рыбушку ловить.»
Ирема купилъ судно,
А Хама весло.
Ирема сталъ нырять,
А Хама за нимъ гонять,
Иремушка вынырнулъ,
Хомушку на кляпъ выдернулъ.

От Микотиной.

953.

г) Владимірской губерніи, г. Шуя.

Митрофанъ да Василій
Были брательнички,
Прокурательнички.
По стариннымъ-то годамъ
Они жили — слава Богу,
А по нынѣшнимъ годамъ —
Стало нечего обуть.
Накупили овецъ,
Да остригли ихъ.
Митрофанъ-то на вариги,
А Василью на чулки.
Митрофана-то не грѣютъ,
А Василью — студены.
«Братъ размилый,
Братъ Васюта,
Это плохо ремесло!
Давай ново заводить:
За охотою ходить.»
Митрофанъ-то купилъ суку,
А Василій кобеля.
Митрофанова не лаетъ,
А Василья — не бѣжитъ.
«Братъ размилый,
Братъ Васюта,
Это плохо ремесло!
Давай ново заводить:
Чернопашенку пахать.»
Митрофанъ-отъ купилъ лошадь,
А Василій жеребца.
Митрофанова не ѣдетъ,
А Василья не везетъ.
«Братъ размилый,
Братъ Васюта,
Это плохо ремесло!
Давай ново заводить:
Подъ дорогою стоять.»
Митрофанъ взялъ тычину,
А Василій колъ.
Стояли они ночь,
И глухую полночь.
Испужались они вдругъ, —
Побѣжали оба въ кустъ.
Митрофанъ бѣжитъ шибко,
Не оглянется,
А Василій за нимъ, —
Не разстанется.
«Братъ размилый,
Братъ Васюта,
Это плохо ремесло!
Давай ново заводить:
Бѣлу рыбицу ловить.»
Митрофанъ-отъ купилъ лодку,
А Василій ботничекъ.
Митрофанъ-отъ сѣлъ на дно,
А Василій тамъ давно.

Зап. учен. III-го кл. Шуйской прогимназіи В. Аѳоньскій 8-го янв. 1874 г. Ср.

954.

а) Тульской губерніи, Новосильск. у.

Какъ звали Недвигу
Во пиръ пировать,
Во бесѣду сидѣть,
Въ честную сидѣть.
Люли, люлюшинки мои!
Стала Недвига
Отнѣкиваться,
Отговариваться
Отъ меня молодца:
«Мнѣ не въ чемъ итп
Мнѣ не отъ кого.»
Стала Недвига
Снаряжаться,
Поворачиваться

Во бархаты, во атласы, —
Приказала мужилушкѣ
Дома сидѣть:
«Ты сиди, мужъ, дома,
Жди жидомора, —
Лапти плети,
Пшеницу суши,
Цыплятъ стереги,
Дитя колыши!»
Какъ на встрѣчу Недвигѣ
Старъ старичокъ,
Кривой колпачокъ, —
Сани писанныя.
«Ты садись-ка въ сани
Поѣдемъ-ка съ нами.
У насъ, на Руси,
Три радости:
У мужа жена
Себѣ сына родила —
Безъ пальца нога,
Безъ мезинца рука,
Безъ уса борода,
Безъ ума голова.»
Пріѣзжаетъ Недвига
Къ широкому двору:
«Ты, здравствуй, мужилушка!
Дома сидишь?»
— «Не само́ [1]) здорово.
Прилеталъ жидоморъ, —
Я кинулся, — опрокинулся:
Масло пролилъ,
Пшеницу разсыпалъ,
Дѣтя разбудилъ,
Семерыхъ задавилъ.»
Жена мужа въ щеку,
Жена въ другую, —
Сама прочь пошла.

Зап. штатнымъ смотрителемъ г. Щедринымъ.

955.

б) Тульской губерніи.

1. Не въ погоду лыки драли,
2. Не въ ненасье лапти плели.
3. Спляту себѣ лапотки —
4. Высокія пятки,
5. Частыя головашечки.
6. Понясу свои лапотки
7. Въ торгъ торговать,
8. Продамъ свои лапотки
9. За четыре конѣечки.
10. На четыре конѣечки
11. Куплю себѣ цыпынькю.
12. Моя цыпынькя няска́ была:
13. По три ко́кушки [1]) на день нясла.
14. Посажу цыпынькю на трехъ кокушкахъ.
15. Вывела цыпынькя
16. Три цыпленочкя.
17. — Пошла моя жонушка
18. Въ торгъ торговати:
«Ужъ ты мой мужъ, мужи́лушка,
Ты смели-ко пшеницу мѣшокъ,
Ты сбей-ко сметану горшокъ,
Укачай-ка-ся дочушку,
Пригляди-ко цыпынькю.»
— Я рукою-то пшени́цу мололъ,
Я друго́ю-то сметану сбилъ,
А ногою-то дитя качалъ,
А глазами-то на цыпкю глядѣлъ.
Гдѣ ни взялся воръ коршунъ —
Задралъ мою цыпынькю.
30. Я кинулся, бросился —
31. Я разсыпалъ пшеницу мѣшокъ,
32. И разбилъ сметану горшокъ,
33. И убилъ свою дитятку.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

956.

в) Курской губерніи, Тимск. у.

3—4. Сплела себѣ лапотки
Семи-семирешуньки
8. Продали и т. д.
13. По три коконьки въ день мнѣ несла
14—16. Посадила я курочку
На четыре яичушки.
Вывела курочка
Одного мнѣ цыпленочка.
17. Какъ идетъ моя жёнушка
18. Во пиръ во бесѣдушку
Какъ дала мнѣ женушка
Тяжелу работушку.

(Затѣмъ этотъ вар. продолжаетъ слѣдующимъ образомъ):

«Ты смѣси сметаны горшокъ,
Ты смели пшеницы мѣшокъ,
Накорми мою цыпоньку,
Уложи мою дитятку.»
— Я ногами сметану мѣшу,
Я руками пшеницу мелю,
Я глазами на цыпку гляжу.

---

[1]) Очень.

[1]) яички.

Откуда нé взялся коршунъ жидовинъ
Подхватилъ цыпоньку поперекъ живота.
Опрокинулся молодецъ,
Опрокинулся удалецъ.
Я разлилъ сметаны горшокъ
Я разсыпалъ пшеницы мѣшокъ
Я задавилъ свою цыпоньку
И убилъ свою дитятку.
Какъ идеть моя жёнушка
Изъ пира изъ бесѣдушки.
Я стою, пожимаюся,
Говорю — улыбаюся:
— «Виноватъ, моя жёнушка,
Виноватъ, моя сударушка:
Я смѣсилъ сметаны горшокъ,
Я смелилъ пшеницы мѣшокъ
Накормилъ цыпоньку,
Уложилъ твою дитятку
Откуда не взялся... и т. д. (Какъ въ предидущ., только вм. твою, твое—вездѣ свою, свое).

Оканчивается этотъ вар. такой бранью:

«Ахъ ты мышь подколодная!
Ты лягушка болотная!
Таракашка запечная!
Ахъ ты оты малка горшечная!
Сверчишка поганый ты!»

Зап. Ег. И. Томилинымъ отъ В. Г. Ф., который перенялъ эту пѣсню отъ кр. дер. Верхополя Ивана Кириченкова.

957.

г) Рязанской губерніи.

Я поѣду въ Москву городъ на ярманку,
Я куплю ли себѣ куроцьку.
По три кокійнки въ день несла,
По четвертому по большому яйчу.
Посажу я эту куроцьку на эти на яйчи,—
Она высидитъ мнѣ цыпинку,
А жена мнѣ родитъ дитятку.
— Собиралась жена барыня
Къ сосѣду во бесѣдушку,
Своему мужу приказывала,
Жидовину наговаривала:
«Ты, смели-ко, мужъ,
Пшеничушку мѣшокъ!
Разболтай ты мнѣ, мужъ,
Сометанушку горшокъ!
Укачай, ты, глупо дитятко,
Сбереги, ты, малу чипинку.»
— Я одной рукой пшеничушку мололъ,
Я другой рукой сметанушку болталъ,
Я ногой глупо дитятко качалъ.
Прилетѣлъ ко мнѣ коршунъ-моргунъ,
Коршунъ-моргунъ съ аршинъ.
Я бросился со всѣхъ своихъ ногъ —
Разсыпалъ пшеничушки мѣшокъ,
Разбилъ сметанушки горшокъ,
Уронилъ я мало дитятко,
Задавилъ я малу чипинку.
Какъ приходитъ жена барыня
Отъ сосѣдушки изъ бесѣдушки,
Начала мужа распрашивати,
Жидовина выговаривати.
Какъ мужъ женѣ пужаеча,
На словахъ-то мужъ сбиваеча,
На жену-то мужъ осержаеча:
«Ты жена ли, змѣя лютая!
Ты лягушка болотная!
Отмыкалка подколодная!»

Сообщ. Ив. Ев. Молчановъ.

958.

а) Москва.

Запѣвало.

Разсказать ли вамъ про то,
Что чуднѣе всего?

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что чуднѣе всего!

Запѣвало.

Размудреный мужикъ
Шиломъ сѣно косилъ!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Шиломъ сѣно косилъ!

Запѣвало.

Онъ косилъ, косилъ, косилъ,
Да подкашивалъ, косилъ!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Да подкашивалъ, косилъ.

Запѣвало.

Коли ефто ли не чудо,
Что послѣ за чудеса!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что послѣ за чудеса!

Запѣвало.

Разсказать ли вамъ про то,
Что чуднѣе того?

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что чуднѣе того!

Запѣвало.

Размудреный мужикъ
Долотомъ дрова рубилъ!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Долотомъ дрова рубилъ!

Запѣвало.

Онъ рубилъ, рубилъ, рубилъ,
Да подрубливалъ рубилъ!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Да подрубливалъ рубилъ!

Запѣвало.

Коли ефто ли не чудо,
Что послѣ за чудеса?

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что послѣ за чудеса?

Запѣвало.

Разсказать ли вамъ про то,
Что чуднѣе того!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что чуднѣе того.

Запѣвало.

Супоросая свинья
Поросятъ вывела!

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Поросятъ вывела!

Запѣвало.

Всѣ по сучьямъ висятъ,
Улетѣть они хотятъ.

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Улетѣть они хотятъ!

Запѣвало.

Коли ефто ли не чудо,
Что послѣ за чудеса?

Хоръ.

Ай, ай, ай,
Ой, ой, ой,
Что послѣ за чудеса?

Сообщ. въ 1855 г. А. А. Мамоновымъ, который записалъ ее на Воробьевыхъ горахъ (подъ Москвою) отъ фабричныхъ.

959.

б) Рязанской губерніи.

Когда я въ 1872 г. пѣлъ эту пѣсню извѣстному знатоку и любителю народной поэзіи С. Н. Шафронову, онъ вспомнилъ, что въ молодые свои годы слышалъ въ Рязанск. губ. подобную же пѣсню, изъ которой онъ тутъ же сообщилъ мнѣ изъ нея тѣ стихи, которые еще уцѣлѣли въ его памяти. Вотъ они:

Ужъ и что это за диво?
— Я дивнѣй того скажу!
Ой калина моя,
Ой малина моя!

Какъ на улицѣ кобель
Саламату [1]) деретъ.
Ой калина моя,
Ой малина моя!
Саламату деретъ,
Много масла беретъ.
Ой калина моя,
Ой малина моя!
Ужъ и что это за диво?
— Я дивнѣй того скажу!
Ой калина моя,
Ой малина моя!
Сивобрысая свинья
На дубу гнѣздо свила.
Ой калина моя,
Ой малина моя!
Сивобрысые поросяточки
По вѣточкамъ сидятъ.
Ой калина моя,
Ой малина моя!
По вѣточкамъ сидятъ,
Улетѣть онѣ хотятъ.

960.

в) Новогородской губерніи, Кириловск. у.

Жардодонъ, жардодонъ!
Что не во́ полѣ мужикъ
Косаремъ сѣно коситъ.
— Мнѣ идти, молодѣ,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко дуракъ косу,
Больше сѣна накосишь.»
Что не во полѣ мужикъ
Бороной сѣно гребетъ.
— Мнѣ идти, молодѣ,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко, дуракъ, грабли,
Больше сѣно нагребешь.»
Что не во полѣ мужикъ
Шиломъ сѣно подавалъ.
— Мнѣ идти, молодѣ,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко, дуракъ, вилы,
Больше сѣна подашь.»
Что не во полѣ мужикъ
Бабой стоги подпиралъ.
— Мнѣ идти, молодѣ,
Научить дурака:
«Ты возьми, дуракъ, топоръ,
Насѣки же больше *поръ*, [2]) —
Порамъ крѣпче подопрешь,
Съ бабой вѣкъ свой проживешь.»

Зап. сельск. учит., сообщ. Л. Н. Майковымъ въ 1870 г.

961.

г) Ярославской губерніи, Пошехонск. у.

Какъ во полюшкѣ мужикъ
Косаремъ траву коситъ.
— Я пойду-ка, молода,
Поучу-ка мужика:
«Ты возьми-ка, мужикъ,
Не косарь, а косу, —
Больше травки накосишь.»
Какъ во полюшкѣ мужикъ
Бороной сѣно сгребалъ.
Я пойду-ка, молода,
Поучу-ка муженька,
Постановлю дурака:
«Ты возьми-ка, муженекъ,
Въ руки грабли и сгребай, —
Больше сѣна нагребешь.»
Какъ во полѣ мужичекъ
Шиломъ сѣно подаетъ.
— Я пойду, молода,
Потерзаю (?) мужика:
«Ты возьми-ка, дурачекъ,
Вилы въ руки подюжей, —
Сѣна больше уберешь.»
Какъ во полѣ мужичекъ
Подпираетъ плечомъ стогъ.
— Я пойду-ка, молода,
Поругаю дурака:
«Ты возьми-ка, дурачекъ,
Повострѣй въ руки топоръ,
Наруби въ лѣсу подпоръ, —
Ими крѣпче подопрешь.»

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

962.

д) Смоленской губерніи, Краснинск. у., с. Ивановское.

Вы послушайте, ребята,
Моей сказки небогатой
Отъ конька горбунка
И медзвѣдя плясунка:
Облоухая свинья
На дубу гнѣздо свила,
Поросила поросятъ
Ровнымъ счетомъ шестьдзѥсятъ.
Распустила поросятъ
Все по маленькимъ сучкамъ.
Поросяты визжать
Полетѣць яны хоцяць.
Полецѣли, полецѣли

[1]) *Саламата*: овсяная крупа, поджаренная на маслѣ или салѣ. Сл. Даля.
[2]) т. е. подпоръ.

И на воздухѣ присѣли.
Косолапый мядзьвѣдзь
Съ мухи шкуры содравъ,
Полсапожки себѣ сшивъ,
Въ полсапожкахъ щеголявъ,
Оскользнувся и упавъ,
Въ сине море ёнъ попавъ.
Сине море все повыгорѣло,
Бѣла рыба вся повылетѣла.
А на печкѣ мужикъ
Осетра-рыбу поймавъ,
А въ пламени другой
Быструю щуку схвативъ.
Якъ пошло на чудеса,
Идзѣ море — тамъ лѣса,
Водой палюць лѣса.

Зап. г. Некрасовымъ. 1878.

963.

е) Минск. губ., Борис. у., Юрьевской вол., с. Юрьево.

«Ой дзяцка Мойсей!
А ци видзiў чудасей?»
— Ой тамъ-то мужикъ
Комарами ораў,
Дубиною погоняў.
Ой дзяцька Мойсей!
А ци видзiў чудасей?
— Ой тамъ-то мужикъ
На печи воўка лупiў,
Да ўсе спицаю.
А якъ спицу изломаў,
Дакъ зубами дадзираў.
Ой дзяцька Мойсей!
А ци видзiў чудасей?
— Шиломъ 2 мужикъ
Сѣно косiў,
А пазухой мужикъ
Домоў носiў.
Ой чуда чудаса,
Дива, дива, диваса.

Зап. учен. Молод. учит. сем. Арх. Павловскимъ.

964.

ж)

Ой ти, брате, ти Мусiю,
Чи бачивъ ти чудасiю?
Ну, да ну, да ну,
Чи бачивъ ти чудасiю? [1])

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ. Вмѣсто этого припѣва въ иныхъ мѣстахъ припѣваютъ:

Жандарми, жандарми,
Жандармичокъ молодой!

Ой я бачивъ чудака,
Въ мене доля не тако́:
Що богатый мужикъ
Комарами оравъ,
Комарами й оравъ,
А мухами поганявъ,
Жинку и матiръ запрягавъ.
Ой на матiръ: ну да ну!
А на жинку: тпру, да тпру!
Ой на матiръ дубину,
А на жинку билину.
Ой ти, брате, ти Мусiю и т. д.
Що богатой мужикъ
Штаньми рибу ловивъ.
Ой поймавъ карася —
Матня вырвалася.
Ой ти, брате и т. д.
Що на дубi свиня
Да поросятъ навела.
Небагато поросятъ —
Ажъ сто вiсiмдесятъ!
Вони iсти хотiли,
Да изъ дуба полетiли.

(Новицкiй).

Изъ 5-го т. Трудовъ Чубинскаго, изъ отдѣла Пѣсенъ Шуточныхъ, стр. 1178.

965.

з) Москва.

Въ Чтен. въ Имп. Об. Исторiи и Древностей Россiйскихъ за 1878 г. въ 1-й книгѣ (редакцiи А. Н. Попова) напечатана книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ Императрицъ Анны Iоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову, съ предисловiемъ Кудрявцева. Тамъ въ «цидулкѣ» приложенной къ одному изъ ея (указовъ) писемъ къ названному вельможѣ (изъ Петергофа, отъ 30-го iюня 1739 г.) написано:

У Василья Федоровича Салтыкова [2]) въ деревнѣ поютъ пѣсню крестьяне, которой начало: «Какъ у насъ въ сельцѣ Поливановѣ да бояринъ-то куракъ рѣшетомъ пиво цѣдилъ.» Оную пѣсню вели написать всю и пришли къ намъ немедленно, пославъ въ ту деревню человѣка, который бы оную списать могъ.» Послѣднее было исполнено и вотъ текстъ этой пѣсни:

Какъ у насъ въ сельцѣ Поливановѣ
Бояринъ-куракъ въ рѣшетѣ пиво цѣдилъ,
А дворецкiй куракъ въ сарафанѣ пиво сливалъ.
— «Возьми, куракъ, бочку, — больше пива наcливаешь!»
А попъ-отъ, куракъ, косаремъ сѣно косилъ.
— «Возьми, куракъ, косу, — больше сѣна накосишь!»

[2]) Главнокомандующаго въ Москвѣ.

А пономарь дуракъ на свиньѣ сѣно возитъ.
— «Возьми, дуракъ, лошадь, — больше сѣна навозишь!»
А поповичъ дуракъ шиломъ сѣно подавалъ.
— «Возьми, дуракъ, вилы, — больше сѣна подашь!»
А крестьянинъ дуракъ косточкой пашню пахалъ.
— «Возьми, дуракъ, соху, — больше пашню напашешь.»

Ср. Народн. Сказки Аѳанасьева, кн. III, стр. 421.

966.

Дурень.

Въ окрестности города Твери.

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню.
Въ чужой-то деревнѣ —
Овинъ молотили.
Тутъ-то нашъ дуракъ сказалъ,
Тутъ-то молвилъ:
«Создай вамъ, Боже:
Съ овина по овсинѣ,
А съ копны три зернины!»
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.

—

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою-то деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ и колотили.»
— Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тутъ дуракъ сказалъ:
«Создай вамъ, Боже:
Носить — не переносить
И возить — не перевозить!»
Побѣжалъ нашъ дурында
Во чужую деревню;
Во чужой-то деревнѣ —
Родителя[1]) несутъ.
Тутъ нашъ дуракъ и сказалъ:
«Создай вамъ, Боже:
Носить — не переносить,
Возить — не перевозить!»
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.»
— Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тутъ, дуракъ, и молвилъ:
«Вѣчная память,
Царство небесно!»
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню, —
Въ чужой-то деревнѣ
Свадьбу играютъ.
Тутъ нашъ дуракъ сказалъ:
«Вѣчная память,
Царство небесно!»
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.»
— Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы, дуракъ, плясалъ,
Ты бы, дуракъ, скакалъ.
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню, —
Въ чужой-то деревнѣ
Овины горятъ, —
Тутъ нашъ дуракъ плясалъ,
Тутъ нашъ дуракъ скакалъ.
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.
Побѣжалъ нашъ дурында
Во свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.»
— Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тутъ, дуракъ, съ ведромъ,
Ты бы тутъ, дуракъ, съ водой.
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню, —
Въ чужой-то деревнѣ:
Мужикъ свинью палитъ.
Тутъ нашъ дуракъ съ ведромъ,
Тутъ нашъ дуракъ съ водой.
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою деревню:
«Баба ты, баба,

[1]) Покойника.

Жена молодая!»
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ меня колотили.
— Дура, ты дура,
Дура полевая!
Ты бы тутъ, дуракъ, сказалъ:
«Рѣпа тебѣ мясо!
«Въ праздникъ разговѣться,
Тѣмъ и заговѣться.»
Побѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню.
Въ чужой-то деревнѣ
Мужикъ кобылу деретъ.
Тутъ-то нашъ дуракъ сказалъ:
«Рѣпа тебѣ мясо!
Въ праздникъ разговѣться,
Тѣмъ и заговѣться!»
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.

Зап. мною въ 1859 г. Ср. у Кирши Данилова. М. 1818 г., стр. 390 и въ моемъ Бѣлорусск. сборникѣ, изд. И. Р. Геогр. Общ. (въ 1874 г.), стр. 421—425.

967.

(Козелъ, коза, крыса съ мышей, разныя домашнія животныя въ награду за послуги).

а) Орловской губерніи, Мценск. у.

Пошла коза по орѣхи...
«Ступай, коза, съ орѣхо́въ!»
— Нейдетъ коза съ орѣховъ.
Смотри-жъ, ты коза!
Напущу на тебя волка:
«Волкъ, ступай козу рѣзать!»
Не идетъ волкъ козу рѣзать.
Коза не идетъ съ орѣховъ.
«Смотри-жъ, волкъ,
Напущу на тебя людей!»
«Люди идите волка бить!»
— Не идутъ люди волка бить,
Волкъ не идетъ козу рѣзать,
Кока не идетъ съ орѣховъ.
«Смотрите-жъ, вы, люди,
Напущу на васъ татаръ:
— «Татары, иди людей сѣчь!»
Нейдутъ татары людей сѣчь, и т. д.
«Смотрижъ, ты, татаръ!
Напущу на тебя огонь:
—«Огонь, иди татаръ жечь!»
— Татаръ не идетъ людей сѣчь... и т. д.
«Смотри-жъ, ты, огонь!
Напущу на тебя воду:
—«Вода, иди огонь лить!»
— Не идетъ вода огонь лить,
Огонь не идетъ татаръ жечь... и т. д.
«Смотри-жъ, ты, вода!
Напущу на тебя воловъ:
—«Волы, идите воду пить!»
Не идутъ волы воду пить,
Вода не идетъ огонь лить... и т. д.
«Смотрите-жъ, вы, волы!
Напущу на васъ долбню:
—«Долбня, иди воловъ бить!»
— Не идетъ долбня воловъ бить... и т. д.
«Смотри-жъ, ты долбня!
Напущу на тебя червей:
— «Черви, идите долбню точить!»
— Не идутъ черви долбню точить... и т. д.
Смотрите-жъ, вы черви!
Напущу на васъ куръ:
«Куры, идите червей клевать!»
— Не идутъ куры червей клевать... и т. д.
«Смотрите-жъ, вы куры!
Напущу на васъ совъ:
— «Совы, идите куръ драть!»
Совы пошли куръ драть,
Куры пошли червей клевать,
Черви пошли долбню точить,
Долбня пошла волковъ бить и т. д.
Волкъ пошелъ козу рѣзать, —
Пошла коза съ орѣховъ.

Зап. А. Як. Полонскимъ со словъ А. А. Фета (Шеншина).

968.

б) Вологодской губерніи.

Пошла коза за орѣхами,
Пошла за калёными, —
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными;
Нейдетъ коза за рѣку,
Не слушаетъ мужика.
«Молчи же ты, ко̀за,
Пошлю на тя ло̀зы!»
Нейдутъ лозы козу бить.
«Молчите же лозы,
Пошлю на васъ о̀гонь!»
Нейдетъ огонь лозы жечь,
Нейдутъ лозы козу бить.

«Молчи же, огонь!
Пошлю на тя воду.»
Нейдетъ вода огонь лить,
Нейдетъ огонь лозы жечь и т. д.
«Молчи же ты вòда!
Пошлю на тя вòлы.»
Нейдутъ волы воду пить и т. д.
«Молчи же вы, вòлы!
Пошлю на васъ дубы.»
Нейдутъ дубы волы бить и т. д.
«Молчи же вы, дубы!
Пошлю на васъ черви.»
Нейдутъ черви дубы тòчить и т д.
«Молчите же вы, черви!
Пошлю на васъ гуси.»
Пошли гуси черви клèвать,
Пошли черви дубы точѝть,
Пошли дубы волы бить,
Пошли волы воду пить,
Пошла вода огонь лить,
Пошелъ огонь лозы жечь,
Пошли лозы козу бить,
Пошла коза за рѣку,
Послушалась мужика:
Пришла коза съ орѣхами,
Пришла коза съ калёными.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Иваницкимъ.

969.

в) Петербургской губерніи и у.

Пашелъ казелъ съ лычкамъ,
А *кожа* за арѣшкамъ.
Пришелъ казелъ съ лычкамъ,
Нѣтъ *кажы* съ арѣшкамъ.
Добро же ты кожа,
Добро же ты сѣра!
Нашли (ю?) на тя волки.
Волки нейдутъ кожу ѣсть.
Добро же вы волки,
Нашли на васъ люди! etc. (см. конецъ).
Добро же вы люди,
Нашелъ на васъ мидвѣдь!
Добро же ты мидвѣдь,
Нашелъ на тебя агонь!
Добро же ты агонь,
Нашла на тебя вада!
Добро же ты вада,
Нашли на тебя валы!
Добро же ты валы,
Нашелъ на тебя дубъ!
Добро же ты дубъ,
Нашли на тя топоръ!
Добро же ты топоръ,
Нашелъ на тя камень!
Добро же ты камень,
Нашли на тебя черви!
Черви пашли камень тачить,
Камень пашелъ топоръ зубить,
Топоръ пашелъ дубъ рубить,
Дубъ пашелъ валовъ бить,
Валы пашли воду пить,
Вада пашла агонь лить,
Агонь пашелъ мидвѣдя жечь,
Мидвѣдь пашелъ людей ломать,
Люди пашли волковъ гонять,
Волкъ пашелъ кажу ѣсть.
Вотъ кажа съ арѣхами,
Вотъ кажа съ калеными!

Зап. И. А. Шляпкинымъ отъ своей матери-старухи. Мать слышала отъ ворожеи и прибаутницы Мареы Елизаровой, умершей лѣтъ тридцать назадъ въ глубокой старости, въ с. Александровкѣ, Бѣлоостр. вол., Спб. губерніи и уѣзда.

970.

г) Могилевской губерніи, Сѣппинскаго у., с. Игрушка.

Пошовъ козелъ у грибы, коза у орѣхи
Пришовъ козелъ со грибовъ, нѣтъ козы съ орѣхъ. 2
«Постой, коза, пашлю на тябе вовковъ!»
Няйдуть вовки козы ѣсти — нѣтъ козы съ орѣхъ.»
«Постойте-жъ, вовви, пашлю на васъ стральцовъ!»
Няйдуть стральцы вовковъ бить,
Няйдуть вовки козы ѣсти —
Нѣтъ козы съ орѣхъ.
«Постойте-жъ, стральцы, нашлю на васъ мядвѣдевъ!»
Няйдуть мядвѣди стральцовъ ломать
Няйдуть стральцы и т. д.
«Постойте-жъ мядвѣди, нашлю на васъ довбню!»
Няйдеть довбня мядвѣдевъ бить и т. д.
«Постой же, довбня, нашлю на тебе огонь!»
Няйдетъ огонь довбню палить и т. д.
«Постой же, огонь, нашлю на тебе воду!»
Няйдеть вода огонь тушить и т. д.
Нашлю воловъ.
Няйдуть волы воду пить и пр.
Нашлю ножей.
Няйдуть ножи воловъ рѣзать и пр.
Нашлю камень.
Няйдеть камень ножи истрійть[1]) и пр.
Нашлю червей.

[1]) т. е. острить.

Няйдуть черви камень точить и пр.
Нашлю курей.
Няйдуть куры червей клевать и пр.
Нашлю коршуна.
Коршунъ пойшовъ курей драть,
Куры пойшли червей клевать,
Черви пошли камень точить и т. д.
Есть коза съ орѣхъ — 2
Пришла коза съ орѣховъ,
Нащипала семь мяховъ.

Зап. учителемъ Игрушецкаго народ. учил. Р. Свидерскимъ.

971.

а) Москва.

Какъ у бабушки козелъ,
У старой бабы, сѣдой,
Тпру-ка, ну-ка, тили-ли,
Тилилюшеки мои!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго двухстишія).

—

Онъ на шёсточкѣ лежалъ,
Судомоичку лизалъ.

—

Отпросился козелъ,
Отпросился сѣдой, —

—

На часокъ во лѣсокъ,
На часокъ во лѣсокъ.

—

Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка

—

Отпусти-ка ты козла!
Я поймаю тебѣ

—

Волка сѣренькаго,
Лису желтинькую,

—

А волчицу на капотъ,
А лисицу на салопъ.

—

Какъ на встрѣчу козлу
Идутъ семь волковъ,

—

Осьмой-отъ волкъ, —
Подопрѣлый бокъ:

—

Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.

—

Испугался козелъ,
Испугался сѣдой:

—

Онъ бородкою трясетъ
Точно вѣничкомъ,

—

Онъ ножками стучитъ
Словно ступочками:

—

«Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка!

—

Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла!»

Зап. мною въ 1857 г. отъ 90-лѣтн. свящ. Ст.

972.

б) Тула.

У бабушки козелъ,
У Варварушки сѣдой;
Онъ подъ печкой живалъ,
Все сухарики ѣдалъ.
Отпросился козелокъ
У бабушки на часокъ —
Погулять во лѣсокъ:
«Ужъ ты, бабушка,
Ты Варварушка!
Ты пусти, пусти въ лѣсокъ,
На единый на часокъ!
Я семь волковъ убью,
Тебѣ шубу сошью,
А восьмого убью, —
Воротникъ пришью.»
Пошелъ козелъ дорогою,
Пошелъ дуракъ широкою —
Поплясываетъ,
Поскакиваетъ, —
Веселехонекъ дуракъ
Посматриваетъ.
На встрѣчу козлу —
Да и заюшка,
Да и сѣренькій.
Пріустрастился козелъ,
Пріужахнулся, —
Косъ на косъ припадалъ,
Головой замоталъ,
Бородою затрёсъ —

Словно вѣничкомъ,
Ногами застучалъ —
Точно ступочками.
А что-жъ тому козлу
Бѣжать, — не убѣжать;
Не лучше ли козлу
Къ самому звѣрю челу?
«А я заюшка,
А я сѣренькій
По городамъ [1]) я хожу,
Я капустку стерегу,
А на пору хозяину
Разсаду полью.»

Опять сначала: «Жилъ у бабушки», до слова: «посматриваетъ», затѣмъ слѣдуетъ:

На встрѣчу козлу
Да и лисинька,
Да и желтенькая.

Пріустрастился козелъ и пр. до сл. «звѣрю челу».

«А я лисинька,
Я желтенькая,
Я по коникамъ [2]) хожу
Я курей стерегу,
А на пору хозяину
Цыплятъ загоню.

Опять сначала до сл. «Посматриваетъ», послѣ чего слѣдуетъ:

На встрѣчу козлу
Да и семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ
Подопрѣлый бокъ.
Онъ три года болѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
«Мы давай-ка, козелокъ,
Мы поборемся,
Побрухаемся!»
Ухватилъ волкъ козла
Поперекъ живота,
Разорвалъ волкъ козла,
Да на часточки:
Туда, сюда голова,
Подъ колоду рога,
Его ноженьки
По дороженьки.

Зап. въ 1862 г. Ив. П. Чулковскимъ.

---

[1]) Огородамъ.

[2]) Коникъ — лавка въ крестьянскихъ хатахъ вдоль передней стѣны, въ родѣ неподвижнаго сундука. Въ этихъ коникахъ (по замѣчанію пѣвца) большею частью у крестьянъ несутся куры. Ч.

973.

в) Калужской губерніи.

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осиничку.
Какъ на встрѣчу козлу
Бѣжитъ заинька,
Бѣжитъ сѣренькой,
Еще бѣленькой.
«Ахъ ты звѣрь, ты звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя!
Ты не смерть ли моя?
Ты не съѣшь ли меня?»
— «Ужъ я не смерть-то твоя,
Ужъ я не съѣмъ-то тебя.
Ужъ я заинька,
Ужъ я сѣренькой,
Еще бѣленькой.
Ужъ я по лѣсу хожу,
Себѣ пищу ищу.»
Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осинничку.
Какъ на встрѣчу козлу
Бѣжитъ лисанька,
Бѣжитъ рыженька:
«Ахъ ты звѣрь, ты звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя!
Ты не смерть ли моя?
Ты не съѣшь ли меня?»
Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осинничку,
Какъ на встрѣчу козлу —
Сѣрый волчинка:
«Ахъ ты звѣрь, ты звѣрина!
Ты скажи-ка свое имя:
Ты не смерть ли моя?
Ты не съѣшь ли меня?»
— «Ужъ я смерть-то твоя,
Ужъ я съѣмъ-то тебя!»

Сообщ. К. Л. Даль.

974.

г) Тульской губерніи.

Былъ у бабушки козелъ,
У старушки доброй.
Онъ подъ печкой живалъ,

Стару бабушку бивалъ.
Онъ за то ее бьетъ,
Пирожки дурно печетъ:
Когда кислы, когда прѣсны,
Когда не солоны.
Попросился козелокъ
У бабушки во лѣсокъ,
Погулять на часокъ:
«Я тебѣ волка убью,
Волчью шубу сошью.»
Какъ этотъ козелокъ,
Онъ пошелъ во лѣсокъ.
Какъ на встрѣчу козелку
Идутъ семеро волковъ.
Одинъ-то волкъ —
Весь изорванный бокъ.
Онъ три года болѣлъ,
Все козлятинки котѣлъ.
Хватилъ онъ козелка
Поперекъ живота:
Его ноги — на дорогѣ,
Голова его въ кустѣ,
Борода его въ гнѣздѣ.

Зап. сельск. учит. А. Шумилинымъ

975.

Москва.

Какъ у насъ-то козелъ —
Что за умный былъ!
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ,
Дѣда съ бабкою кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ —
Онъ во темный лѣсъ.
Какъ на встрѣчу козлу
Да семь волковъ.
Какъ одинъ-то волкъ, —
Онъ голодный былъ:
Онъ три года ходилъ,
Все козлятинки просилъ.

Сообщ. А. Н. Островскимъ.

976.

д) Орловской губерніи.

Какъ у бабушки козелъ,
У Варварушки козелъ,
Муку сѣяну ѣдалъ,
Воду цѣжену пивалъ.
«Ужъ ты бабушка,
Ты Варварушка!
Отпусти меня козла
Во лѣсокъ на часокъ —
Волковъ, зайцевъ ловить,
Тебѣ шубу сшить.»
Какъ на встрѣчу козлу
Ни сѣро́, ни бѣло́, ни пожаристо.
«Ужъ давай волкъ съ тобой
Мы поборемся,
Побрухаемся!»
Какъ взялъ волкъ козла
За гривицу
Перекинулъ волкъ козла
Черезъ спиницу.
Поплыла требуха.....

Зап. мною отъ г-жи Великолѣповой.

977.

Тамбовской губерніи, с. Мизинецъ.

Какъ пошла наша бабушка
Вдоль по дорожкѣ
Фтня! Такъ и быть,—
По дорожкѣ.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

—

Какъ взяла наша бабушка
Своего козлище;

—

Пріустала наша бабушка
Отъ дорожки.

—

Приморилися у бабушки
Ея рѣзвыя ножки.

—

Прикорнула наша бабушка
Подъ кусточекъ.

—

Пріуснула наша бабушка
На часочекъ.

—

Какъ проснулась наша бабушка —
Козлища нѣту!

—

Ножки по дорожкѣ,
Шкурка въ болотѣ.

—

Фтня! такъ и быть, —
Шкурка въ болотѣ.

Зап. С. Н. Шафрановымъ. 1827.

978.

Екатеринославской губерніи, Александровск. у.

Крыса съ мышей задралася,
Крыса въ яму убралася.
Дѣ не взялся Терешка,
Вмоталъ крысу въ рогожку,
Да понесъ на базаръ.
Никто крысы не купуетъ,
Никто даромъ не беретъ.
А гдѣ взялся татаръ —
Да не русской человѣкъ,
Началъ крысу торговать,
Полтора рубля давать.
А тотъ крысинъ господинъ —
На крылечко выходилъ.
«Ты разсукинъ сынъ, Татаръ,
На што крысу берешь,
Полтора рубля даешь?»
— Буду сына женить,
Дочку замужъ давать;
А тѣ ушки — на закуски,
А уменный хвостъ —
На великій постъ,
А потрушекъ да въ мѣшокъ:
Буду въ Москву отправлять,
Буду лавки держать,
Буду торгомъ торговать,
Буду крысу продавать,
Полтора рубля брать.

Зап. И. И. Манжура.

979.

Панскія награды за службу.

а) Москва.

Жилъ я у пана
Первое лѣто,
Далъ же мнѣ пане
Курочку за это.
Моя курочка
Хохлушечка:
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаетъ,
Пана утѣшаетъ.

* * *

Жилъ я у пана
На второе лѣто,
Далъ же мнѣ пане
Кочета за это.
Мой кочетъ
Курку топчетъ.
Моя курочка —
Хохлушечка и пр.

* * *

Жилъ я у пана
На третье лѣто,
Далъ же мнѣ пане
Уточку за это.
Моя утя
Водоплутя и пр.

* * *

Жилъ я у пана
На четвертое лѣто,
Далъ же мнѣ пане
Гуся за это.
Мой гусь
Подлѣ усъ,
Моя утя
Водоплутя и пр.

* * *

Жилъ я у пана
На пятое лѣто
Далъ же мнѣ пане
Барана за это.
Мой баранъ
По горамъ,
Мой гусь
Подлѣ усъ и пр.

* * *

Жилъ я у пана
На шестое лѣто,
Далъ же мнѣ пане
Теля за это.
Мое теля
Хвостомеля,
Мой баранъ
По горамъ и пр.

Зап. мною отъ 90-лѣтняго старика св. Ст.

980.

б) Тамъ-же.

Жилъ я у пана
По первое лѣто,
Выжилъ я у пана
Курицу себѣ.
Моя курка
Потатурка
По двору ходитъ,

Хохолъ подымаетъ,
Бояръ утѣшаетъ.

* * *

Жилъ я у пана
По второе лѣто,
Выжилъ я у пана
Гуся себѣ.
Мой гусь, —
Потри усъ,
Моя курка
Потатурка и пр.

* * *

Опять сначала... на 3-е лѣто получаетъ утку:

Моя утка
Поплавутка,
Мой гусь... и пр.

* * *

Сначала опять... на 4-е лѣто получаетъ барана:

Мой баранъ
По горамъ,
Моя утка
Поплавутка,
Мой гусь —
Потри усъ,
Моя курка
Потатурка
По двору ходитъ,
Хохолъ подымаетъ,
Бояръ утѣшаетъ.

Зап. Г. П. Сорокинъ.

981.

в) Въ окрестностяхъ Твери.

Жилъ я у пана,
У того у свѣта,
Жилъ я у пана
На первое лѣто,
Выжилъ я у пана
Курочку себѣ.
Моя курка
Черношейка
По двору ходила,
Хохолъ надымала,
Пана спотѣшала:
Страмъ, страмъ, страмъ!
Курица моя,
Хохлатенькая!
Шулды, булды, бухъ!
Какъ разъ!

Опять сначала... на второе лѣто получаетъ *уточку*:
Моя утка
Водоплавка, [1])
Мая курка
Черношейка и т. д.

* * *

Жилъ я у пана и т. д.
На третье лѣто;
Выжилъ я у пана
Гуся себѣ.
Мой гусь
Возлѣ усъ, [2])
Моя утка и т. д.

* * *

Жилъ я у пана и пр.
На четвертое лѣто,
Выжилъ я у пана
Индюшку себѣ.
Мой индюкъ —
Шлепендюкъ,
Мой гусь и пр.

* * *

Жилъ я у пана и т. д.
На пятое лѣто,
Выжилъ я у пана
Барана себѣ.
Мой баранъ
Тавápганъ,
Мой индюкъ —
Шлепендюкъ и пр.

* * *

Жилъ я у пана и пр.
На шестое лѣто,
Выжилъ я у пана
Свинку себѣ.
Моя свинка
Черноспинка
Мой баранъ
Таварганъ и пр.

* * *

Жилъ я у пана и т. д.
На седьмое лѣто,
Выжилъ я у пана
Кóзу себѣ.
Моя коза
Сорветъ съ вóза,
Моя свинка
Черноспинка,

---

[1]) По др. Тверск. же вар.:
Моя утя
Водомутя.

[2]) Мой гусь
Водомусь.

Мой баранъ
Таварганъ,
Мой индюкъ,
Шлепендюкъ,
Мой гусь
Возлѣ усъ,
Моя утка
Водоплавка,
Моя курка
Черношейка
По двору ходила
Хохолъ надымала,
Пана спотѣшала.
Страмъ, страмъ, страмъ!
Курица моя,
Хохлатенькая,
Шулды, булды, бухъ,
Какъ разъ!

Зап. мною. въ 1859 г. отъ извозщика Григорья.

982.

Грибы отказываются идти на войну.

а) Москва.

Ужъ какъ вздумалъ грибъ,
Загадалъ-де боровикъ,
Онъ подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи, —
Онъ наказывалъ,
Онъ приказывалъ:
«Собирайтеся, опенки, на войну ити!»
Отказалися опенки:
«У насъ ноги очень тонки
Нейдемъ на войну!» 2

—

(Опять повторяются первые 6 стих.).
«Собирайтесь, мухоморы, на войну ити!»
Отказались мухоморы:
«Мы-де сами сенаторы, —
Нейдемъ на войну!» 2

(Опять сначала).

«Собирайтесь, волнушки, на войну ити!»
Отказалися волнушки:
«Мы-де старыя старушки, —
Нейдемъ на войну!» 2
(Снова повторяются первые 6 стих.).
«Собирайтеся, бѣлянки, на войну ити!»
Отказалися бѣлянки:
«Мы-де столбовы дворянки, —
Нейдемъ на войну.»

Зап. мною въ 1861 г. отъ 90-лѣтняго свящ. Ст.

983.

б) Тамъ-же.

Какъ вздумалъ грибъ,
Возгадалъ дубовикъ,
Подъ дубомъ сидючи,
На всѣ грибы глядючи,
Грибовъ приглашаючи
На войну воевать.
Отказалися опенки:
«У насъ ноги очень тонки;
Неповинны мы тому, —
Мы нейдемъ на войну!» [1])

—

Повторяются перв. 6 стих. и затѣмъ:

Отказалися волнушки:
«Мы-де старыя старушки, — [2])
Не повинны мы тому,
Мы нейдемъ на войну.»

—

Опять сначала.

Отказались валуи:
«Мы господски холуи» и пр. [3])

—

Опять сначала и пр.

Отказались чернушки:
«Насъ заѣли мушки» и пр. [4])

—

Опять сначала, а затѣмъ:

Какъ сказали грузди:
«Мы ребята дружны, [5])
Повинны мы тому, —
Мы идемъ на войну!»

Зап. Г. П. Сорокинымъ.

---

[1]) По вар. зап. мною въ Тульск. губ. (Епиф. у.):

Отказались сморчки:
«Мы старые старички!
Не повинны мы тому» и пр.

—

[2]) Отказались волнянки:
«Мы почетныя гражданки» и пр.

—

[3]) Отказалися свинушки:
«Мы-де старыя старушки» и пр.

—

[4]) Отказались рыжики:
«Мы богаты мужики» и пр.

—

[5]) «Мы грузди — люди дружны;
Давайте въ руки ружья!
Повинны мы тому,
Идемъ на войну».

984.

Птицы:

а) Чины на морѣ разнымъ великимъ и малымъ птицамъ.

Царь на морѣ сизой орелъ,
Царица — бѣлая колпица,
Павлинъ на морѣ воевода,
Малыя павлинята, —
То на морѣ воеводскія дѣти.
Лунь на морѣ архимандритомъ,
Дьякъ на морѣ попугай,
Кречетъ на морѣ подъячій,
Бѣлой колпикъ на морѣ епископъ,
Черный воронъ на морѣ игуменъ,
Грачи на морѣ старцы,
Галочки на морѣ черйицы.
Ласточки на морѣ молодицы,
Косаточки на морѣ красны дѣвицы.
Лебеди на морѣ князья,
Сѣрые гуси на морѣ бояра,
Селезни на морѣ дворяна,
Малыя чирята, —
То на морѣ пашенные крестьяна.
Пелепелки, —
То на морѣ поповы женки
Жаворонокъ на морѣ дьякъ,
Скворецъ на морѣ подъячій,
Соловей на морѣ псаломщикъ,
Старый пелепелъ на морѣ трапезникъ,
Синица на морѣ просвирьня.
Зяблица на морѣ вдовица,
Плишка (?) на морѣ сиротинка.
Чижъ на морѣ гостиной сотни торговой,
Гость на морѣ щегленокъ,
Гóстиная жена — сорока,
Цвѣтное платье носитъ,
Бодрую поступку учиняетъ,
Она же блядь-курва и волочайка.
Кокушка на морѣ ворожейка,
Она же бабушка и повитушка,
По дворянъ летаетъ,
Робятъ повиваетъ.
Коршунъ на морѣ — лѣкарь,
Армейской дохтуръ,
Летаетъ — цыплятъ хватаетъ,
Тѣмъ сытъ пребываетъ.
Ворона воровка,
Она же бладь, курва и волочайка,
Днемъ летаетъ по дорогамъ,
А ночью по гумнамъ.
Скопа [1]) на морѣ еретица,
Сова — боярыня высокая,
Брови по якутски,
Глаза съ проволокой.
Соколъ — разбойникъ,
Лебединое стадо разбиваетъ,
Горючую кровь проливаетъ,
Тѣмъ сытъ пребываетъ.
Куликъ на морѣ перевощикъ,
Дятелъ на морѣ плотникъ,
Стерхъ [2]) на морѣ мельникъ,
Мельничной строитель.
Чеглокъ на морѣ цѣловальникъ,
Бакланъ на морѣ водолазомъ,
Въ воду лазитъ, рыбу хватаетъ,
Живую глотаетъ;
Рыболовы на морѣ мартышки,
Зуйки на морѣ козаки,
Голуби на морѣ солдаты,
Пѣтухъ индѣйскій на морѣ начальникъ,
Аистъ на морѣ полицемейстеръ,
Зуй на морѣ майоромъ,
Клюй (?) на морѣ адъютантомъ,
Потатуй на морѣ капитаномъ,
Чечетка на морѣ капиташа,
Снигирь на морѣ поручикъ,
Аппура на морѣ прапорщикъ;
Жолна на морѣ лантратомъ,
Ястребъ на морѣ губернаторомъ,
Журавль на морѣ комиссаромъ,
Пѣтухъ на морѣ сержантомъ,
Куропашка на морѣ капраломъ,
Гагара на морѣ рудометомъ,
Дроздъ на морѣ фульеръ,
Глухарь на морѣ ефрейторъ,
Воробышекъ на морѣ прохвостомъ;
Дергачь на морѣ барабанщикъ,
Полуношникъ на морѣ сиповщикъ,
Рябчикъ на морѣ гранатчикъ,
Выпь на морѣ трубачемъ.
Стрижъ на морѣ навигатуръ,
Ремезъ на морѣ штурманъ,
Щегленокъ на морѣ шкиперъ,
Сычь на морѣ боцманъ,
Турманъ на морѣ ничманъ,
Керовка на морѣ конопатьчикъ,
Ронжа на морѣ передерщикъ
Ѳилинъ на морѣ командоромъ,
Чайка на морѣ командорша.
Мартышки на морѣ швардонцы
Чегравы [3]) на морѣ гренадеры,

[1]) Орликъ, рыбакъ,—хищная птица.

[2]) Бѣлый журавль (Grus leucogeranus). Сл. Даля.

[3]) *Чеграва* — маленькая чайка. (Sterna Caspia). Сл. Даля.

Ивороги на морѣ канонеры,
Сѣрыя мартышки на морѣ баталіонцы,
Селезни на морѣ драгуны.

Изъ сборника XVIII вѣка, хранящагося въ Император. Публичной Библіотекѣ (по каталогу, XVII, 0, 17), извлечена Л. Н. Майковымъ.

985.

б) Челобитье птицъ.

Вологодской губерніи, Кадниковск. у.

Что во мартѣ было мѣсяцѣ,
Во восьмой было тысячѣ—
Горе-горькая кукушица
Бьетъ челомъ сизы́мъ орламъ
На богатую породу,
На Карпову дочь ворону:
Будто богатая порода,
Карпова дочь ворона,
Гнѣздо раззорила
Дѣтей прибила,
Ноги связала,
Подъ гнѣздо сметала,
Пять рублей денегъ украла;
По полямъ летаетъ,
Суслоны обиваетъ,
Крестьянъ зо́ритъ.
Крестьяне раззорились,
По чужой сторанѣ набродились,
Милостыни напросились.
Сычъ прилетавъ, сынъ подъячій:
«Ступайте, отыщите ворону!»
Летали, летали, —
Нашли ее въ полѣ на огородѣ:
«Ворона! тебя требуетъ
Бѣлая куропать.»
Ворона прилетаетъ близко,
Кланяется низко,
Говоритъ умильно:
«Ваше благородье,
Филиповье отродье!
Верхній и нижній судъ,
Бѣлая куропать,
На что меня требуете?»
— «Ты, говорятъ, по полямъ летаешь,
Суслоны обиваешь
Крестьянъ зоришь.
Крестьяне раззорились,
По чужимъ сторонамъ набродились,
Милостыни напросились. —
«Я этому дѣлу не виновата!»
— «Сычъ приставъ, сычъ подъячій,
Ищите воронье жилище!»
Летали, летали, —
Нашли въ полѣ на елѣ —
Тутъ и домъ её.
Въ спальной горницѣ
Кровать тесовая,
Перина пуховая,
Въ ногахъ три дятлины головы,
Въ головахъ пять рублей денегъ
И два амбара хлѣба.
«Ворона! гдѣ ты эстолько денегъ накопила?»
— «Денежка по денежкѣ,
Копила, да и накопила.»
«Гдѣ ты, ворона, эстолько хлѣба взяла?»
— «Зернышко по зернышку сбирала —
Да и насбирала.»
Взяли, воронѣ ноздри вырвали,
Кнутами наказали.
И во ссылку послали.

Зап. Н. Иваницкаго.

986.

в) Споръ птицъ и судъ орла.

Калужской губерніи, Козельск. у.

Бѣдный гусь на мори живалъ,
Много холоду, голоду видалъ.
Богу сроду въ глаза не видалъ.
Прилетѣлъ къ няму журавъ:
«Эхъ ты гусь — вертогузъ!
Ты на мори живалъ,
Много холоду, голоду видалъ,
Богу сроду въ глаза не видалъ;
Я повыше табѣ лята́ю,
Почишше платья надиваю,
И то Богу въ глаза ни видаю.»
Прилетѣлъ жавороночекъ, птичка ни виличка:
«Долгобутылый журавъ,
Я повыше васъ всѣхъ лята́ю,
И то Богу въ глаза ни видаю.»
Прилетѣла сорока-посвисту́ха,
Деревенская баба лопоту́ха:
«Я Богу въ глаза видала,
Съ Богомъ баяла объ тѣлесныхъ душъ:
Кому рай, кому спа́сенье».
Прилетѣлъ соколишша
Молодой парнишша,
Тишь-шишлата.
«Я по вамъ царь.»
Прилятаитъ черный воронъ.
«Ахъ, соколиша — молодой парниша!

Почему ты царемъ называешься,
Царскимъ хвамиліемъ поношаешься?
У насъ есть царь-орелъ.
Я царю орлу прозьбу пода́мъ.»
Пришла отъ царя орла:—
«Сороку съ соколомъ свизать,
Отправить въ темное лѣсище,
Въ старые дубище,
Въ бѣлыя палаты.»
«Ну соколиша, молодой парниша!
Почему ты царемъ называешься,
Царскимъ хвамиліемъ поношаешься?»
— «Потому я царемъ называюсь,
Повыше всѣхъ я лята́ю,
Всякую птицу на лят́у пошибаю.
Почаму ты, царь орелъ называешься?» —
«На денехъ — орелъ, на билетахъ — орелъ,
«На царской коронѣ — орелъ».
«Ну ты, сорока посвистуха!
Деревенская баба лопот́уха!
Гдѣ ты Богу видала,
Съ Богомъ баяла объ тилѣсныхъ душъ,
Кому рай, кому спасенье?»
— «Батюшка-царь, я ни въ своемъ умѣ была,
Промоловлась и проговорилась.» —
«Будь ты сорока барыня,
А ты соколъ — баринъ!»
Они царю орлу поклонилися,
Кверху взвилися и политѣли.
Прилятаетъ ворона.
«Батюшка царь, разсуди мои дѣла
Съ воробьишемъ, съ скверн ымъ мальчишемъ!
Онъ у Москвѣ живалъ — намосквичился,
То ў горбъ мене, то ў голову,
Я отъ того погоду чую.»
А воробей сидить и говоритъ:
«Какъ ни бить дуравишу?
Сядить къ мужику на овинъ,
Ореть, кричить.
Мужикъ торопиться, высаживать боиться.
Нѣтъ у мужика печёнаго,
Нѣтъ ни молочёнаго,
Карга—каргуить, погода будить».
Дураки воробьи били,
Што ее до смерти не убили.»
Прилетаить насѣдка:
«Батюшка царь, разсуди мои дѣла
Съ дириве́нскими бабами:
«Они минѣ бьють, колотють.
А голубокъ сидить:
«Батюшка царь, какъ ни бить дуравишу,
Большую ардавишу?
Во́дить она ни водить,
Корми́ть не ко́рмить.
Посѣять мужичекъ годоваго запасу:
Лучку, рѣпки, морковки,
Она на горо́дъ увзойдеть,
Узроить, учиридить;
Тѣмь ни пройметься,
Къ сусѣду забиреться.
А за то бываить у нихъ драка.»
Прилитаить чапля.
«Батюшка царь, буслави мене!
Я поличу увъ монастырь спасаться:
Я пиредъ Богомъ гряшна́.»
— Чѣмъ ты, чапля, гряшна? —
«Поставить мужикъ вершу,
Я сяду на вершу,
Которую рыбу потаскаю,
Которую — распужаю.
Придеть на утро тресть,
Тамъ ничаво́ нѣтъ.»
А галочка сидить:
«Я поличу въ монастырь спасаться
Я настоящая монашинька,
Черная, и ў кружокъ пострыжена,
На колоколинкѣ живаю,
Царковную слу́жбу слыхаю.»
А глухой тетерь:
«А я на кустѣ сижу,
Чужихъ дѣлъ не сужу.»
Синичка въ отвѣтъ:
«Идешь-же, глухой титирище,
Нашихъ дѣлъ судить:
Тибѣ ни то што охотникъ убиваить,
Часта деревенская баба
Исподъ куста голову сшибаить.»

Записалъ ученикъ V-го класса Калужск. реальн. училища, Брагинъ.

987.

Сватовство и свадьба совы.

а) Тверь.

Солетались къ совинкѣ
Сороки, вороны,
Галки чернобровы.
Сватали совушку
За нашего князя, —
За бѣлова гуся.
Сова этому обрадовалась:
Бѣло умывалася,
Сухо вытиралася.

Клопъ банюшку топилъ, [1])
Комаръ водушку возилъ,
Гнида щелокъ щелочила,
Блоха вѣники мочила,
Вошь парилася,
Преставилася,
Съ полки свалилася.
Бѣла гнида подскочила,
За рученьки подхватила,
Положила передъ банкой, —
Передъ банкой жарко.

988.

б) Тула.

«Сова-ль моя совушка,
Вдова-ль моя вдовушка,
Залѣсная барыня,
Ульяна Степановна!
Гдѣ же ты живала?
Гдѣ же ты бывала?»
— Живала я, совушка,
Бывала я, вдовушка,
Во темныхъ лѣсищахъ,
Во сырыхъ дуплищахъ.
Знаютъ меня, совушку,
Знаютъ меня, вдовушку,
Два луня бѣлыхъ,
Два друга милыхъ.
Стали сову сватать,
Сватовъ засылать,
Сову убирати,
Въ лапти обувати,
Въ лапти осметки,
Въ онучи отрепки,
Въ платье рогожное,
Въ ожерелье гороховое.
Воронъ былъ поваромъ,
Сорока — стряпухой:
По двору летали
Куръ собирали,
На свадьбу сзывали:
«Куры, вы дуры,
Пожалуйте на свадьбу!
У насъ нынче праздникъ,
Праздникъ Вознесенье,
Большое веселье:
Сову замужъ отдаемъ —
За бѣло́ва луня [2]),
За милова друга.
У нашего луня,
У нашего бѣлаго, —
Сорокъ кадушекъ
Соляныхъ лягушекъ,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Пятьдесятъ поросятъ —
Только ножки висятъ.»

989.

в) Рязанской губернiи, Данковск. у., с. Троицкое.

У насъ завтра праздникъ, —
Микола Дербентской.
Сова идетъ замужъ
За бѣлаго луня,
За милаго друга.
Ахъ, что это ты, сова
Раскапу́стилась,
Да въ лѣсъ пу́стилась?
Погляди-тко, ты, сова:
Эти люди наши
За море ходили,
Сѣно косити,
Горохъ молотити,
Кашицу варити, —
Людей насмѣшити.
. . . .
Сова разсердилась,
Взяла разрядилась:
Повѣсила срядку
На верхнюю грядку.
«Виси, виси, моя срядка,
До мово до замужества.
Сова-ль ты, моя совушка,
Сова чернобровушка!
Пойдешь ли ты замужъ
За меня за луня,
За милаго друга?

---

[1]) По вар., записанному мною въ Москвѣ (въ 1860 г.), пѣсня эта отсюда продолжается такъ:

Тараоанъ дрова рубилъ,
Чиркунъ *) по полу ходилъ,
Блоха щелокъ щелочила,
Гнида вѣники мочила,
Вошка парилася,
Да запарилася
Съ полки свалилася.
Побѣжала по попа,
По стараго по клопа:
«Помяни, батька, рабу,
Бѣлу вошь во гробу.»

*) *Чиркунъ* — кузнечикъ, кобылка. Новгор. Тверск. г. Слов. Даля.

[2]) *Лунь* — хищная птица *salco rusticolus*, мышатникъ; самецъ его бурый, самка побольше и бѣлесовато-пепельнаго пера. Онъ сѣдъ какъ лунь. Слов. Даля.

Сова согласилась,
Взяла нарядилась
Въ кичку-затычку,
Въ . . . . серьги,
Обулась въ осметки,
Одѣлась въ рогожу.

Всѣ 3 зап. мною.

990.

г) Той же губерніи и у.

Нынче праздникъ,
Завтра радость:
Сова идетъ замужъ
За бѣлаго луня,
За милаго друга.
Нарядили совушку,
Нарядили вдовушку
Въ сорочку тряпичку,
Подзатыльникъ — лычку,
Сережки — горошки.
Пожелала совушка,
Пожелала вдовушка
Во Питеръ побывать,
Себя показать,
Людей посмотрѣть.
Полетѣла совушка,
Полетѣла вдовушка
Во Питеръ, во Москву.
Встрѣтила совушка,
Встрѣтила вдовушка
Въ маленькомъ лѣсочкѣ
Сѣрые бѣсочки, —
Сѣрые малы́е,
Крылышки алы́е,
Носики во́стрые,
Сами пестрые.
Сова встрепеталась,
Назадъ ворочалась,
Въ кутѣ зацѣплялась —
Сама испугалась.
Прилетѣла совушка,
Прилетѣла вдовушка
Ко бѣлому луню,
Ко милому другу,
Сова похвалялась:
«Я была въ Москвѣ —
Всего много видѣла:
Утку Васютку,
Селезня Петрушку,
Телешку Гришку,
Быка Филимошку.
Ахъ лунь мой бѣлый,
Другъ мой милый, —
Какъ Питеръ стоитъ!
Насъ съ тобой жить манитъ.»

Зап. учен. Зарайск. реальн. училища Медвѣдевымъ.

991.

ж) Курской губерніи, Тимск. у.

«Сова-ль, моя совка,
Сова-ль, полетовка!
Гдѣ ты бывала?
Гдѣ проживала?»
— Была во лѣсищѣ,
— Въ зеленомъ дубищѣ.
Нихто сову не познalъ,
Нихто не повѣдалъ.
Познали сову,
Князья да бояре,
Сороки — вороны, —
Все знатнаи жёны.
Сорока-то свахой,
Ворона сходахой:
«Иди, сова, замужъ,
Иди, дура, замужъ!»
— Какъ же мнѣ быти?
— За кого итити?
«Или за куляжку [1])
Или за луняшку?»
— Такъ тому быти, —
За луня итити.
— «Лунь ты мой бѣлый!
Друхъ ты мой милой!
Житья-бытья много,
Того сего столько,
И всего довольно.»
Отлетѣла сова въ лѣсъ,
Сѣла сова на вѣти,
Дала луню по . . .
Да на каждой вѣтѝ —
Разовъ по пяти.
«Што-жъ то за люди,
Што за бояре,
Што по полю ходють,
Манерно ступають,
Сапогъ не ломають?»
— Тожъ-то не люди,
Тожъ не бояре;
То наши хрестьяне,
Журавли.

---

[1]) Кулижный коршунъ.

«Што-жъ они дѣлали?»
— Сѣно косили,
— Сѣно гребли.
«Для кого косили?
Для кого гребли?»
— Для тебе, для мене,
Для дѣтушекъ нашихъ.
«Чѣмъ-жъ они косили?
Чѣмъ они гребли?»
— А што у насъ нóсы,
То у нихъ косы,
А што у насъ ноги,
То у нихъ грабли,
А што у насъ крылья,
То у нихъ вилья:
Косами косють,
Ногами гребуть,
А крыльями подають.

Сообщ. Ег. И. Томилинымъ.

992.

д) Рязанской губерніи, Данковъ, Казацкая слобода.

Нынче праздникъ,
Завтра веселье:
Сова идетъ замужъ
За бѣлаго луня,
За ми́лаго друга.
Сычъ былъ ря́дчій,
Московскій подъячій,
Ястребъ — стряпчій,
Ворона — сходатай:
По двору летае,
Куръ собирае, —
Совушкѣ давае.
Полетѣла совушка,
Полетѣла вдовушка
Ко луню-то бѣлому,
Ко другу-то къ милому.
На встрѣчу совушкѣ
Сѣры́я, малы́я,
Крылышки долгія,
Носики вострые
По верху летаютъ
По землѣ хватаютъ.
Начали ее, вдовушку,
Щипати да рвати,
По клокамъ метати.
Вотъ было сова всторонилась,
Назадъ было сова воротилась, —
Да въ кустъ головою,
Къ верху ногою.
Ножкой какъ топнула!
Бровкой какъ хлопнула!
Всѣ эти птицы, —
Всѣ врозь разлетѣлись.
Прилетѣла совушка,
Прилетѣла вдовушка,
Къ другу-то къ милому —
Расплакалася,
Разжаловалася.
«Лунь-то мой бѣлый,
Другъ ты мой милый!
Что это за птицы —
Сѣры́я, малы́я,
Крылышки долгія,
Носики востры́я,
Пó верху летаютъ,
Пó земи хватаютъ. —
Начали было меня, совушку,
Начали было меня, вдовушку
Щипати да рвати,
По клокамъ метати.
Я было, сова, всторонилась,
Назадъ было воротилась, —
Да въ кустъ головою,
Къ верху ногою!
Ножкой какъ топнула!
Бровкой какъ хлопнула! —
Всѣ эти птицы
Да врозь полетѣли.»
— «Это наши все люди
За моремъ жили,
Сѣно косили —
На тебя, на меня,
На барыню на мою,
На совушку на вдову.
Слава тѣ (ти = тебѣ) Богу!
Вышла — не ошиблась!
Есть — кого послати,
Есть, — кому подати.

—

«Старинушка, старина,
Широкая борода!
Гдѣ-жъ ты былъ побывалъ?
Что же видѣлъ?»
— За моремъ былъ я далеко.
Я тамъ видѣлъ:
Утку-Анютку,
Селезня-Петрушку,
Телушку-Хаврошку,
Бычка-Филимошку,
Курицу-Машку,
Кочета-Ивашку.

Сообщ. С. Н. Шафрановымъ въ 1830 г.

993.

е) Рязанской губернии, Зарайск. у., с. Вакино.

Сова-ль моя, совушка,
Сова-ль моя, вдовушка,
Гдѣ-же ты бывала,
Гдѣ-же ты живала?
— Бывала я, совушка,
Бывала я, вдовушка,
Во старомъ дубищи,
Во темномъ лѣсищи.
Нихто мине совушку,
Нихто мине вдовушку,
Нихто не сознаить,
Нихто не сувѣдаить.
Узнали совушку,
Сувѣдали вдовушку,
Два луня бѣлыхъ,
Два друга милыхъ.
Стали сову сватать,
Стали засватати,
Свата засылати.
Засылали свата
Совинова брата.
Совиный-то братъ
Былъ ходатай сватъ,
Сорока — скакухою,
Ворона — стряпухою,
Воронъ — поваръ;
По двору летаитъ
Куръ собираитъ:
«У насъ ноня праздникъ,
Завтра — веселья.
Сова — идеть замужъ
За бѣлова луня,
За милова друга.»
Стали сову рвати,
Стали щипати,
Клочья метати.
Сова сторопилася,
Назадъ воротилася.
«Што-же мнѣ нейтати,
Што-же не ходити?
Али я косая?
Али я слѣпая?
Али косоротая?
Али косоглазая?
Сова чорнобровая,
Сова чорноглазая,
Зарѣшная барыня,
Бисерны снизки,
Рѣдшины сиськи.

Записано учителемъ народнаго училища г. Кедровымъ въ 1875 г.

994.

ж) Вологодской губернiи.

«Выкушай, Сова Елизаровна!»
— Спасибо тѣ, Сычу Елизаровичу.
«Сычушко, сычушко, что долго не женишься?»
— Радъ бы я жениться, да невѣсты нѣтъ:
Синку [1]) взять, — долгонога,
Ворону взять, — неуборна,
Сороку взять — поскаклива.
Взять-ли, не взять-ли
Старопрежнюю сову.
«Что ты совушка,
Ткешь-ли, прядешь-ли?»
— Матушка ткала и пряла,
Да не по два носила;
Батюшка не ткалъ, не прялъ,
Да обутъ и одѣтъ ходилъ.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

995.

з) Орловской губернiи, Мценск. у.

«Сова-ль моя совушка,
Сова-ль моя вдовушка,
Залетная барыня!
Куда полетѣла?
Куда залетѣла?»
— Полетѣла сова
Во чистыя поля.
«Никто меня, совушку,
Никто меня, вдовушку,
Никто не знаетъ.»
— Спозналъ совушку,
Спозналъ вдовушку
Орелъ да соколъ.
Сталъ сову щипать —
Только клочья летятъ.
Сова уробѣла,
Домой полетѣла
Въ кустъ головою,
Да къ верху ногою.
Прилетѣла ко двору, —
Развалилась на полу.
«Лунь ты мой, лунечекъ,
Милый мой дружечекъ!
Чьи-жъ эти люди?
Чьи-жъ это крестьяне?»
— «Рябчиковъ стадычко,
Копчиковъ стадычко —

---

[1]) т. е. синицу.

Все-то наши люди,
Все наши крестьяне.
А слава ти Богу, —
На лѣвую ногу!
Пить ѣсть — есть что:
Лягушечка жареная,
Другая-то паренная,
Двѣ мыши на посылкахъ,
Третья на разсылкахъ.»
Сова засмѣется,
Хохолъ затрясется.
А воронъ-то поваръ
Куръ закупаетъ,
Коровъ загоняетъ:
«Тпру же, моя коровушка,
Тпру же, моя буренушка!
Волки тебя заколи!
Двѣ синички на полочкѣ
Ножками: топъ, топъ!
Глазками: хлопъ, хлопъ!
Длинноногій журавель
На мельницу ѣздилъ.
Тараканъ дровсѣкъ
Себѣ ножки отсѣкъ.
Блоха баню топила,
Гнида щелокъ щелочила,
А вошь парилася —
Съ полки вдарилася:
Она бокомъ, ненарокомъ,—
Ребро себѣ переломила,
Крысу задавила.
Ай и крысій господинъ
Жилъ на погребѣ одинъ.
Онъ на міръ выходилъ,
Стариковъ собиралъ:
«Старики вы, старики,
Міроѣды мужики!
Вы зачѣмъ крысу убили?
Зачѣмъ душу загубили?»
— «Не мы крысу убили,
Не мы душу загубили.
А убилъ крысу Ермошка.
У Ермошки сынъ Азаръ
Повезъ крысу на базаръ.
Никто крысу ни купитъ,
Никто крысу не сторгуетъ.
Сторговалъ крысу маіоръ
Изъ конторы приведенъ.
Его ушки на макушки,
А крысій хвостъ
На весь Великій постъ.

Зап. А. Як. Полонскимъ со словъ
А. А. Фета (Шеншина).

996.

и) Тульской губерніи, Епифанск. у.

1. Воробей пиво варилъ,
2. Карповичъ вино курилъ,
3. Онъ всѣхъ гостей созывалъ,
4. Всѣхъ мелкихъ пташечекъ;
5. Одною сову не звалъ.
6. Совушка сама пришла,
7. Савельевна незванная,
8. Она сѣла посередъ пола,
9. Середъ полу на цыпочкахъ,
10. Заиграла во скрипочку:
11. Воробей плясать пошелъ,
12. Карповичъ скакать пошелъ,
13. Совушкѣ на ножку сталъ,
14. Савельевнѣ на правую.
15. Совушка осѐрдилась,
16. Савельевна прогнѣвалась,
17. Она дверью хлопнула,
18. Воротами скрыпнула.
19. Воробей въ погонъ за ней,
20. Карповичъ догонять пошелъ:
21. «Воротися, совушка,
22. Воротись, Савельевна!»
23. — Не того я отчества,
Чтобъ назадъ воротитися, —
А я роду царскаго,
А лица дворянскаго.

997.

к) Тамъ-же.

2. Молодой гостей сзывалъ
Ай люли, ай люли!
(Повтор. послѣ каждаго двустишія).

6. Совушка не спѣсива,
Савельевна не гордива:
Сама пришла незваная.
9. Середь полу на лапочки
11, 12, 13....
Воробей пошелъ плясать,
Молодой въ присядочку,
Отдавилъ совѣ ногу,
Савельевнѣ правую.
Совушка разсердилася,
Савельевна возгордилася...
19. Воробей пошелъ въ догонъ,
Молодой съ поклонами
23...
Я сама вино курю,
Я сама крестьянъ держу.

Обѣ зап. мною.

998.

Смерть и похороны комара.

а) Курской губернии, Тимск. у., с. Мандрово.

Какъ задумалъ комарикъ жениться,
Какъ ўзялъ себѣ мушку невѣсту,
Вонъ неряху, неряху, неряху.
Она только по сѣничкамъ летати,
Изъ кушинчиковъ сметанку воѣдати,
Комарика бѣднаго забижати.
„ Полетѣлъ комаречекъ во лѣсочекъ,
Усполозъ комаречекъ на дубочекъ
Какъ поднялися буйные вѣтры,
Размахались, раскачались всѣ дубочки.
Какъ упалъ да комаречекъ съ дубочка,
Онъ зашибъ себѣ буйну головку.
Прилетѣли мушки дружки да во кружочекъ,
Стали да комарика собирати въ комочекъ,
И здѣлали яму́ коробочекъ
Изъ орѣховой шкарлупки,
Накрыли яго три рогожки,
Положили яго при дорожки.
Какъ ѣхали купцы Обоянцы:
«Охъ что-жъ это ляжить во гробочку?
Что не нашъ-ли царъ, не нашъ-ли полковникъ?
Что не тотъ-ли комаречекъ покойникъ,
Что помёръ-то да во вторникъ?
Въ середу панихвидушки служити,
Всѣмъ по рюмочки вѣнца подносити,
И попамъ и дьякамъ и поповымъ батракамъ —
И серебряникамъ.
Ешше пару колесъ, чтобъ до дому не довезъ,
Чтобъ до дому не довезъ, ешше шпильку ўносъ.

Зап. Е. Е. Томилинымъ отъ крестьянина.

999.

б) Тульской губернiи.

Собирался комарикъ жениться
Что на той-ли на мушкѣ на горюшкѣ,
Налетѣли сверчки да раскорили:
«Ну что-жъ эта, комарикъ, за невѣста?
Ни ткать, ни прясть не горазда,
Она шелкомъ шить не умѣетъ.»
Полетѣлъ комарочикъ во лѣсочикъ;
Сѣлъ комарочикъ на дубочикъ,
На зеленый-ли дубочикъ подъ листочикъ.
Какъ ударился комарикъ объ сырую землю, —
Разсыпались кости комаревы.
Соѣзжались господа все дворяне,
Они этимъ костямъ дивовались:
«Ну, что-жъ это за кости комарёвы?
Они и бѣлы, и чисты, и рѣчисты!»
Сосватался комаръ да на мушкѣ, 2
Прилетѣлъ слѣпень да расхаялъ:
«На чортъ эта мушка не замужка?
Она лѣтомъ по клѣтямъ летаетъ,
Съ крыночекъ сымочекъ сымаетъ.»
Полетѣлъ комарище со дубища.
Прилетѣли слѣпни да подымали,
Комарево бѣло тѣло погребали.

Зап. сельск. учител. А. Шумилинымъ.

1000.

в) Самарской губернiи.

Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ:
Комаръ съ дуба свалился,
Упалъ онъ на коренище,
Сбилъ онъ себѣ плечище.
Слетались мухи горюхи,
Славныя наши громотухи.
Стали они возглашати,
Что о комарѣ вспоминати:
«Ахъ ты нашъ свѣтикъ, комаръ!
Жаль намъ тебя не малу.
Какъ будешь ты умирати,
Гдѣ намъ тебя погребати?»
— Схороните меня во полѣ,
Во зеленой во дубровѣ, —
Тамъ-то ребята бываютъ,
Зелено вино распиваютъ,
Туды-сюды зазираютъ,
Про комара вспоминаютъ:
«Тутъ-то лежитъ комарище,
Удалой парень ребятище.»

1001.

Смерть и похороны вошu.

а) Самарской губернiи.

Двѣ дѣвицы-бѣлолицы
Нову баньку строили,
Да плохо поставили.
Дятелъ трубку просѣкъ,
Тараканъ дрова таскалъ,
Мышка банюшку топила,
Крыска щеловъ щелочила,
Блошка вѣнички мочила,
Гнида мыльца принесла,

Вошка париться пошла.
Не до пару! — вонъ пошла;
Въ передбаничкѣ упала,
Руки, ноги изломала,
Шею вывихнула,
Спину выломала,
И до дому не дошла, —
Тутъ съ разу померла.
Несутъ вошь во гробу,
Точно божію рабу, —
Въ вонючихъ тряпичкахъ,
Въ банныхъ затычкахъ.

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1002.

б) Калужской губерніи.

Два братца, два Кондратца
Нову баинку строили;
Двѣ сестрички, двѣ лисички
Нову баиньку топятъ.
Повела вошка блошку
У новую баиньку.
Муха пару подавала,
Вошка парилася;
Съ перепару вошь упала, —
Ножку выломала.
Ты сходи-ко къ воеводѣ,
Попроси-ко воеводу...
Два дни лѣчилася, —
На третій въ могилу.
. . . .
А попы были клопы,
А дьячки были сверчки.
Тараканы погребали,
Мыши голосъ подавали:
«Помяни нашу рабу,
Сѣру вошь во гробу.»

Сообщ. г-жею Юрковской, слышавшею эту пѣсню въ дѣтствѣ отъ старой своей няни изъ Калужск. губерніи.

1003.

в) Вологодской губ., Кадниковск. у.

Летали летаички, —
Летали стадами,
Садились рядами.
«Скажи птичка соловей:
Что на морѣ болѣ?
Что на морѣ менѣ?»
— Селезень попушка,
Свинья попадьюшка.
Поѣхали ребята
На высокой лошади,
Увидали зайку—
Короткія ножки,
Сафьяновы сапожки.
Пойду я, схожу
Во зеленую рощу,
Высѣку, высѣку
Кленова лѣса,
Сдѣлаю, сдѣлаю
Звончатыя гусли,
Заиграю, заиграю
Въ звончатыя гусли:
«Два-то братца,
Два Кондратца,
Двѣ сестрицы,
Двѣ лисицы.
Журавли-то долгоноги —
Журавли полы мостили,
Тараканъ дрова рубилъ,
Мошка воду носила,
Блошка баню топила,
Вошка парилася.
Со угару вошь упала,
Во ушатъ пупомъ упала —
Изувѣчилася, изуродовалася:
Безъ пальца рука,
Безъ мизинца нога.
Посылаетъ блошку вошка
Къ воеводѣ за лѣкарствомъ:
«Воевода, государь,
Вы пожалуйте лѣкарство —
Вошку излѣчити!»
Что на третій день копали
Кроты яму колупали,
Мухи голосомъ кричали.
«Помяните-ка рабу!
Вошь лежитъ во гробу
Слава Богу, околѣла!
Всему свѣту надоѣла.»

Зап. Прокопіемъ Дилакторскимъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.

1004.

г) Тверь.

Тараканъ дрова рубилъ,
Комаръ водушку носилъ,
Въ грязи ножки увязилъ.

Вошка парилася —
Да ударилася;
Ненарокомъ
Правымъ бокомъ: —
Ребро вывихнула.
Клопы подымали,
Животъ надорвали.

Зап. мною отъ старой няни.

1005.

Самарской губернии.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ,
Комаръ воду возилъ,
Въ грязи ноги увязилъ.
Вошка банюшку топила,
Мошка щелокъ щелочила.
Блошка парилась,
Да запарилась,
Съ полки сва́лилась.
Гнида блошку поднимала,
Животики надрывала,
Не поднявши, вонъ пошла,
На крылечко поползла.
Журавелка увидала,
Помогать себѣ позвала:
«Долгоносый журавель!
Ты куда летишь теперь?»
— «Я на мельницу леталъ,
Тамъ диковинку видалъ:
Коза муку мелетъ,
Козелъ засыпаетъ,
Маленьки козлятки —
И тѣ безъ оглядки
Та́къ-то работаютъ:
Муку выгребаютъ,
Кулей набиваютъ,
Долой отсылаютъ.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1006.

Тульской губернии, Епиф. у.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ.
Комаръ воду возилъ,
Въ тинѣ ногу увязилъ;

Мушка парилась —
Пріумаялась,
Съ полки упала,
Ребра поломала;
Блоха подымала,
Животъ надрывала.

—

Двѣ курицы, двѣ рябыя,
Горохъ молотили,
Два кочета, два красные
Съ току волочили.
. . . .

—

Ужъ ты журя, журя, журавецъ,
Журя добрый молодецъ!
На мельницу ѣздилъ,
Диковинку видѣлъ,
Диковинка небольшая:
Коза муку мелетъ,
Маленькій козюльчикъ —
Туды-жъ не гуляетъ,
Муку выгребаетъ,
А ворона стережена
По горенкѣ ходитъ,
Въ окошечко смотритъ.
. . . .
Какъ и наша попадья
Зародила воробья...
Совсѣмъ воробей,
Совсѣмъ молодой:
Востроносенькій,
Клиноносенькій.
Повели воробья
На боярскій дворъ —
Къ воеводушки.
«Воеводушка!
Сударь-батюшка!
Не сѣки меня кнутомъ,
Остриги меня кругомъ.
Три косички оставь,
На дорожку поставь;
Хто не ѣдетъ, хто пейдетъ
Все попомъназоветъ:
«Ужъ ты, батюшка попокъ!
Что ты служишь безъ портокъ?»
— Поѣду въ полки,
Куплю себѣ портки;
Портки строченные,
Позолоченные, —
Надѣваше
И похваляше.

Зап. мною.

1007.

Новгородской губерніи.

На субботу ввечеру
Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ,
Комаръ воду возилъ,
Въ грязи ноги увязилъ,
Его мухи выдирали,
Животъ, сердце надорвали.
Блоха баенку топила,
Гнида щелокъ щелочила,
Вошка парилася,
Съ полку свалилася,
Она бокомъ, она рогомъ
Ребра выломила.
— А матушка попадья
Спородила воробья
Черноносинькаго,
Долгохвостинькаго,
Какъ есть воробей,
Какъ есть удалой.
Какъ застали воробья
За полѣницею
Съ красной дѣвицею.
Повели воробья
Воеводу возить.
«Воевода, воеводчикъ,
Ты не бей меня кнутомъ,
Остриги меня кругомъ,
Три косички оставь,
Въ попы меня поставь:
Кто ни ѣдетъ, кто нейдетъ,
Воробья попомъ зоветъ.
Ахъ ты попушка, попокъ,
Что ты служишь безъ портокъ?
— Я поѣду во торги,
Куплю новые портки.
Портки строченные
Всѣ уплоченные.
Тараканы строчили,
Красна дѣвица платила.

Зап. К. Шашинымъ.

1008.

Мызгирь.

Вологодской губерніи.

По край болота жили: мызгирь толстóй, клопъ простой, мошка грязная, да строка некошная. Онѣ завоевали, да заворовали, да скать-де другъ дружку и хвалятъ, а мызгиря-борца ни къ какому дѣлу не ставятъ. Это мызгирю стало вредно, и взяло ево великое непокорство. Онъ съ горя съ кручинушки сталъ ножками трести да мережки плести, и ставить тѣ мерешки на тѣ путьдорожки, гдѣ мухи летали. Одна муха летала, да въ мерешку попала. Мызгирь пришелъ, въ мерёшкѣ муху засталъ, — ей руки и ноги связалъ и учалъ ее бити, губити и за горло давити, а муха ево пити. Услыхала ихъ драку чесная госпожа̀ оса. Она прилетѣла въ скорости боса̀, да и безъ пояса. Прилетѣла да тутъ же въ мерешку и попала. Однако она рвалась, да вырывалась и говоритъ: «Ахъ тошно моѣй головѣ! Лучше жить бы мнѣ въ своей слободѣ. У насъ выѣзды частые, а у мызгиря, у плута, вымыслы лихіе. «Вотъ пропустили про мызгиря такую славу — будто бы ево заслали въ дальные города, будто бы ему тамъ руки и ноги связали, и шибко, больно наказали. Мухи послѣ тово первую весенку летаютъ, да писенку попиваютъ, въ барскіе домы летаютъ, крестьянъ кусаютъ. Какъ бы муху убить, а она, плутовка, и улетитъ. Вотъ мухамъ сталъ жаръ не по нутру. И всѣ онѣ забрались въ дуплю. А мызгирь тогда сдружився съ клопомъ съ таракановъ и съ сверчкомъ блинникомъ, а дуплю подтенетилъ. Сверчокъ сповчокъ сѣлъ на кочокъ, да въ дудочку заигралъ. А клопъ да тараканъ учали бить въ барабанъ. Мухи таково шуму испужгались,—тотчасъ всѣ изъ дупла выбирались, и всѣ въ мерешку попались. Мызгирь ихъ въ мерешку засталъ,—всѣмъ имъ руки и ноги связалъ и учалъ ихъ бити, губити и больно за горло давити, а мухи — ево пити. Тогда мухи, которыя по волѣ летали, къ мызгирю тутъ и прилетали и всѣ ему покорства отдавали. — Сему судному дѣлу конецъ, а хто сложилъ про нево — молодецъ. [1])

Изъ архива И. Р. Геогр. Общества. Кѣмъ записана эта побаска въ рукописи не значится.

1009.

Прохмѣля.

Вятской губерніи, Яранск. округа, с. Ижевское.

Какъ въ городѣ въ Казани,
Среди торгу на базарѣ
Молодой хмѣлюшко по выходу гуляетъ,
Онъ самъ себя хмѣлюшко выхваляетъ:
«Нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше,

---

[1]) Эту побасенку съ такимъ именно содержаніемъ, съ какимъ она приводится здѣсь и съ какимъ она была уже напечатана нами въ 1866 году, слышали мы изъ устъ простого народа Лещевской волости, сосѣдней съ Косьяновской.

Нѣтъ меня, хмѣлюшки, честнѣе:
Безъ хмѣлю стѣнъ не поднимаютъ,
Безъ хмѣлю свадьбы не бываетъ;
Подерутся, побранятся, —
Безъ меня же, хмѣля, не мирятся.
Только лихъ на меня крестьянинъ:
Копорулею [1]) глаза застилаетъ
Въ ретиво сердце тычипушку втыкаетъ.
Еще будетъ же Петрово говѣнье —
Уже я въ то время хмѣль отрощуся,
Вверхъ по тычинушкѣ взовьюся,
Отпущу я зеленые листья, свои ярыя шишки.
Только лихъ на меня крестьянинъ:
Рѣзвы ноженьки ножечкомъ подрѣжетъ,
Потихохоньку съ тычинушки снимаетъ,
Мои ярыя шишки обираетъ,
Въ рогожные кули зашиваетъ,
По ярмонкамъ хмѣлю возитъ.
Купечески люди объѣзжали,
Меня, хмѣлюшку, закупали.
Отдавали на поварню
Молодому-то повару.
Только лихъ на меня молодой поваръ:
Въ суслѣ хмѣлюшко утопилъ,
Потихоньку въ головушку колотитъ,
Еще въ чанъ же меня, хмѣлюшко, сложитъ,
Правымъ-то ухомъ припадаетъ:
«Не пора ли тея хмѣлюшко сливати?
Въ тѣ же бочки дубовыя, въ тѣ же погреба студеные?»
Ужъ я въ то время стану крестьянину платити:
Я ударю его въ тынъ головою,
Въ парный колъ головою.

Сообщ. протоіерей, свящ. с. Ижевскаго Спасской церкви, Василій Пасынковъ (въ 1847 г.). Изъ архива Имп. Р. Г. Общ.—Ср. въ «Пчелѣ» Н. Щербины.

1010.

Сидоръ Карповичъ.

Тульской губерніи, Епиф. у.

«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
Сколько тебѣ лѣтушекъ?»
— Семьдесятъ, бабушка, семьдесятъ,
Семьдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
Сколько у тебя дѣтушекъ?»
— Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро!
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
Что онѣ ѣсть-то будутъ?»
— Хлѣбушка, бабушка, хлѣбушка,
Хлѣбушка, Пахомовна, хлѣбушка,
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
Гдѣ-жъ онѣ хлѣбушка возьмутъ?»
— По міру, бабушка, по міру,
По міру, Пахомовна, по міру:
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
По міру ходить собаки съѣдятъ.»
— Съ палочкой, бабушка, съ палочкой,
Съ палочкой, Пахомовна, съ палочкой.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
Зимой по міру — ноги озябнуть.»
— Въ лапоткахъ, бабушка, въ лапоткахъ,
Въ лапоткахъ, Пахомовна, въ лапоткахъ.

Зап. мною.

1011.

а) Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандрово.

Ахъ матушка масляница!
Пропилась ты прохорчилася.
А когда-жъ намъ тонко прясть?
А когда-жъ намъ часто ткать?
Ю середу не пряли, не пряли,
А въ четверхъ не загадавали,
А въ пятницу то грѣхъ, то грѣхъ,
У субботу баню топить,
Въ воскресенье по свадьбамъ ходить,
Въ понедѣльникъ къ торгу ѣхать.
Какъ поѣду-жъ я къ торгу,
Да куплю я за рубъ шелку,
Да сплету я веревченку,
Забратаю я быка за рога,
Поведу-жъ я быка къ торгу,
Привяжу-жъ (его) да къ столбу,
А къ столбу точенному,
Дайшше позлаченному.
Обаполо купцы похаживаютъ,
За бока быка похватываютъ
«А что-жъ та бычатенька,
Молодая да говядинка?»

—

А и дѣ-жъ это виданное,
А и дѣ-жъ это слыханное,
Чтобы курычка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ,
Кочерга да раскудахталась,
Помело да разгнѣздилося?

Зап. Е. Е. Томилинымъ отъ крестьянки Дарьи Аѳанасьевой.

[1]) Копоруля:—лопатка, которою очищаютъ землю съ сошниковъ. Оп. обл. великор. словаря.

1012.

Тульской губерніи.

Ты Маланья, Маланья душа,
Подъ березкой корову доила,
Доила да приговаривала:
«Ахъ ты матушка, бычка,
Государыня телушечка!
Ты спусти-ка свои долги рукава,
Замотай-ка ты быку за рога,
Поведи-ка быка на задній дворъ!
Привяжи быка къ тому столбу,
Къ тому столбу точеному,
Къ кольцу позолоченому!
И ты дай ему сѣна клокъ,
Пертруса ему соломы пучокъ!
— «Пертрусила-бъ тебя, матушка,
Лихорадка-бъ тебя съ болѣстію,
Лихоманка-бъ тебя съ хворостію,
Мой быкъ не соломистый,
Мой быкъ не сѣнистый:
Мой быкъ ѣсть утятиньки,
Молодую поросятинку.»

Зап. учен. 3-го кл. уѣзднаго училища,
А. Демидовъ.

1013.

б) Самарской губерніи.

Солнышко низехонько,
Животинка близехонько.
Чай мои быки пришли?
— Одного нѣту буренушки,
Кудреватенькой головушки.
Пріѣзжали купцы-молодцы́,
Астрахански добры мо́лодцы, —
Давали за быка сто рублей.
«Сатана ли васъ догадывалъ?
Мой быкъ не соломистый.»
Привяжу я быка къ столбицу,
Ужъ дамъ быку соломицу.
На быкѣ-то не бычья стать:
На быкѣ-то чулки вя́занные,
Башмаки смазанные.
Поднесу-ли я быку стаканъ вина,
На закуску-конецъ пирога.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1014.

в) Тульской губерніи.

Купили бычка —
В'Антопа мужичка.
Собиралися мужики —
Повели быка на гать,
Стали думать и гадать:
У кого быка бить?
У кого свѣжевать?
— Били быка
В'Истратія мужика,
Свѣжевали-то быка —
У Филиппа мужика,
Разрубили-то быка —
У Семена мужика:
Василій развозилъ, —
Соловова надсадилъ.
За тѣ ему труды
Три корыта руды.
Степану-то хвостъ,
Онъ и самъ мужикъ простъ,
Ѳедосью-то пупъ —
Онъ и самъ мужикъ скупъ,
Поликарпу-то копытце, —
Передъ нимъ жена бодрится;
Егору полхвоста, —
Его дѣтки безъ креста,
Ѳедоту копытцы, —
Ему нечѣмъ напиться;
Ехиму коготки, —
В'его дѣти голышки;
Митрофану-то рога, —
В'его брага дорога:
Она подъ поломъ стоить,
Поросеночковъ поить;
Антипу колѣно, —
Онъ и бьетъ жену полѣномъ;
Ивану печенку, —
Хороша в'его дѣвчонка;
Якову два зуба, —
Онъ и самъ мужикъ зуда; [1])
Ананью языкъ, —
За пелепелками бѣжить;
Герасиму-то печень, —
Онъ и самъ мужикъ увѣченъ;
Микитѣ-то уши, —
Онъ зоветъ жену тирушей (гулять),
Петру-то ножки, —
Онъ живетъ при дорожки;
Алексѣю рубецъ, —
Онъ и самъ мужикъ купецъ;
Петру требуху, —
Онъ ходитъ въ терюху (дерюгѣ).

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ отъ крестьянки
Тульской губ. Марьи Бабковой.

---

[1]) *Зуда*: егоза, елоза, привязчивый, докучливый человѣкъ, подлипало. Слов. Даля.

1015.

г) Рязанской губернiи, Данковскаго у.

Купила быка
У скупого мужика.
Повели быка на ножъ.
Стали думать и гадать:
Кому рѣзать, свѣжевать?
— Рѣзать-то Акиму,
Свѣжевать Данилу.
Ехремъ разрубалъ —
И топоришку разломилъ.
Какъ Иванъ-то развозилъ —
И меренишка охрамилъ.
У Ѳедота-то рога, —
Его жена дорога.
Семену-то за труды:
Три корыта руды.
Какъ Михаилъ-то тупъ, —
Онъ самъ мужикъ скупъ:
Брага въ погребѣ стоитъ,
А гостей квасомъ поитъ.

Зап. мною.

1016.

Псковской губернiи, Опочецкаго у.

Жилъ свѣтъ Васильюшка Путятинскій.
Енъ трудно больно во постелюшкѣ лежалъ,
Что не сможа ёнъ головы поднять.
Выпилъ чарочку зелена вина, —
Съ винца голова весела,
Со пива просыпаться тяжело,
Со колачика шейка бѣла,
Со попряничка румяньица,
Со киселенька поектанiйце,
Съ толоконца порыганiйце.
Мнѣ гусятинки не хочется,
Поросятинки на умъ нейдетъ.
Захотѣлося говядинки,
Право свѣжей бычачинки.
Вотъ я крикну свою скорую слугу,
Слугу, свою вѣрную посылочку:
«Ты поди ко мнѣ, скорая слуга!
Поди, вѣрная посылочка!
Походи по рынку, по дворамъ,
Поцѣпи быка веревкой за рога,
Доведи быка къ болотiйцу,
Привяжи быка къ сосоночкѣ,
Прiударь быка березенкой,
Хорошенько съ быка кожу сними,
Половину на куски разруби,
А другую на поварню отошли,
Прикажи мати нажарить, наварить,
Штобъ до свѣту артель накормить,
Штобы не было пенялыщиковъ,
А послѣ того жалальщиковъ;
Во дворѣ пану песказывалибъ.»
— Была баба шельмилица,
Была старая харчевница,
Ничаво-те ена не взяла, —
Только бычьи рожки да ходилочки.
Хорошо баба выпаливала,
Чередно яну выскабливала,
Ету стюдиньку наваривала,
По ночовочкамъ разливывала,
На боярушекъ вынахывала,
А боярушки откухывали,
Калачомъ яну закусывали,
Ету стюдиньку похваливали:
«Хороша твоя, бабушка,
Хороша твоя стюдинька!»
— «На здоровье вамъ, боярушки,
На здоровье, кормилицы!
На здоровье, мои батюшки,
Со великою со сытностью,
Што со вашего-жъ со добрыхъ.»

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

1017.

Курской губернiи, Старооскольск. у., с. Верхо-стужня.

Какъ у насъ въ прошломъ году,
При царю Иванъ Васильевичу,
Какъ выскочилъ Донской казачекъ,
Вонъ изволилъ себѣ свататься.
Вонъ и высваталъ себѣ червонúцу,
Молодую полковнúцу.
Понемножко приданнаго берётъ:
Семсотъ Донскихъ казаковъ,
А три тысячи завдалыхъ молодцовъ.
«Ахъ братъ ты мой, братецъ мой!
Не по моему ты бóресься,
Не по моему хватаесься.
А дай-ка-ся я возьмусь,
А дай-ка-ся я поборюсь!»
Вонъ хватилъ поперегъ живота,
Вонъ ударилъ объ сырую мать землю, —
Сыра зéмлюшка воздóхнулася. 2
На нёмъ шкурочка разлопнулася. 2

Ахъ браты! румене, румене!
А курочка дле мене, для мене.

А я басомъ,
Курка съ мясомъ.
Швурхай
Буркай
Носомъ дёргай.

Зап. Ег. И. Томилинымъ отъ Ег. Сергѣева 12 лѣтъ.

1018.

Самарской губерніи.

Гдѣ это видано, да гдѣ это слыхано,
Чтобы курычка бычка родила,
Кочерыжка яичка снесла,
Помелица раскудахталась,
А чепелина на яицахъ сидитъ,
А Ермошникъ вылетываетъ?
Журавелюшка всю ночку проходилъ,
Онъ насилу жеребеночка родилъ.
— Матушка! бычка, бычка!
Государыня! телушечка!
Повели бычка во терёмъ,
Напоили бычка киселемъ.
Бычурычка напивается,
Рога его раздуваются.
Купцы братцы по сѣничкамъ,
Что по сѣничкамъ сѣнямъ расхаживали,
Сини полы разворачивали,
На бычурычку поглядывали.
Какъ зарѣзали бычурычку,
Вынули требушечку,
Повѣсили на цѣпушку.
Откуда ни взялся Стенькинъ братъ,
Отхватилъ требушины *шматъ*. [1])
Завязали ему руки назадъ,
Заставили рѣчи говорить.
При царѣ, царѣ царевичѣ
(Вѣчная ему память),
Какъ вздумалъ онъ жениться.
Онъ немного приданнаго бралъ:
Триста Донскихъ казаковъ,
Девяносто тридцать мужиковъ.
«Всѣ-ли гости съѣхались?»
Одного гостя нѣту—мово шурина любимаго.
Онъ попозже всѣхъ пріѣзжалъ,
Попроворнѣй всѣхъ наѣдался,
Поскорѣе всѣхъ вылѣзалъ.
Онъ семьсотъ скамеекъ повалилъ,
Девяносто мужиковъ задавилъ.

[1]) Кусъ или кусокъ, ломать, часть, отрѣзокъ, отрывокъ. Слов. Даля.

Вотъ злая свекровушка,
Вышла на крылечушко,
Ударила дѣтище своего
Объ сыру землю такъ,
Что сыра земля растрещалася,
Рубашечка разсѣкалася.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1019.

Самарской губерніи.

Обойду, обойду широкой дворъ батюшкинъ,
Наберу, наберу сырыхъ дровъ бережечко,
Истоплю, истоплю про молодца темницу,
Наварю, наварю кашицу здобную,
Положу, положу тараканій окорокъ,
Еще-ли положу, положу камариво плечико.
«Кушайте, кушайте наварную кашицу.
Каюсь, каюсь, что много положила.
Обойду, обойду широкій дворъ матушкинъ,
Истоплю, истоплю про дѣвицу свѣтлицу,
Наварю, наварю наварную кашицу,
Положу я здобинья поросячій окорокъ,
Еще-ли положу баранья плечика,
Еще ли положу три фунтика маслица.
Кушайте, дѣвицы, наварную кашицу,
Каюсь я, каюсь, что мало положила.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1020.

Самарской губерніи.

Кругъ я печки хожу, 2
Кругъ муравленыя, 2

—

Я на печку гляжу, 2
На муравленую. 2

—

«Отворяйся заслонъ,
Вынимайся пирогъ.

—

Становися пирогъ,
На дубовый ставокъ.

—

Наѣдайся, душа, — 2
Душа зятюшкина.» 2

—

Я наѣлся, какъ быкъ, 2
Самъ незнаю, какъ быть, 2

—

Кругъ я бочки хожу, 3
Кругъ дубовенькія. 3

—

Я на бочку гляжу, 2
На дубовенькую. 2

—

«Оттыкайся, гвоздокъ, 3
Наливайся медокъ. 3

—

Напивайся, душа, 3
Душа затюшкина.» 3

—

Я напился, какъ быкъ, 3
Самъ не знаю, какъ быть. 3

—

Кругъ кроватки хожу, 3
Кругъ тесовенькія. 3

—

На кроватку гляжу, 3
На тесовенькую. 3

—

На кроваткѣ лежитъ
Душа Катенька и т. д.

—

(Остальные стихи неудобны для печати).

Зап. Д. В. Садовниковымъ. Эта-же самая пѣсня безъ всякихъ измѣненій была записана мною въ 1857 г. въ Москвѣ отъ крестьянина плотника Ярославской губ., но списокъ ея затерялся во время моихъ странствій.

1021.

а) Самарской губерніи.

У нашего господина
Разыгралась вся скотина:
Утки въ дудки,
Тараканы въ барабаны,
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Въ ольняныхъ [1]) порткахъ,
Въ бѣлевы́хъ чулкахъ,
Въ кривыхъ лаптяхъ.
Рупалитины ребята
Кошели поплели,
Въ Казань-городъ побрели.
А татары поступили,
Бѣлы шляпы покупили,
Чтобы дѣвушки любили,
И въ гости бы ходили
И гостинцы носили.

Ударили въ до́ску —
Поѣхали въ Мо́скву:
Мостъ мостить,
Поросять крестить.
Попъ съ крестомъ,
Попадья съ пестомъ,
Жеребецъ съ хвостомъ,
Малы татарчаты
Съ половничками,
Съ сковородничками,
Съ лутошечками.

1022.

б) Тамъ-же.

У нашего господина
Разыгралася скотина:
И коровы и быки
И дворовы мужики
Раззинули кадыки:
Овцы въ донцы,
Сверчки въ лучки,
Тараканы въ барабаны,
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Козелъ въ липовыхъ лаптяхъ.
Козелъ муку мелетъ,
Коза подсыпаетъ,
Козлины-то дѣтки
Въ скрипочку играютъ,
А сорока-бѣлобока
Подъ скрипочку пляшетъ,
А синица на полицѣ
Ножками-то: топъ, топъ!
А сова-то на болотѣ
Глазами-то: хлопъ, хлопъ!

Обѣ сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1023.

(Небывальщина).

Оренбургской губерніи и у.

Не спѣть-ли вамъ братцы, про старинушку,
Про старинушку стародавнюю,
Небывалую, неслыхалую?
Я спою про нее по-старинному:
На старинный ладъ, на давнишній складъ,
Какъ пѣвалъ удалецъ—воръ Алешенька,
Въ стальномъ городѣ во Кіевѣ,
За столомъ сидючи у Владиміра,
У того-ли у Краснаго Солнышка.

---

[1]) т. е. въ льняныхъ.

А вы слушайте—поучайтеся,
Поучайте тому и своихъ дѣтушекъ,
Дѣтей глупыихъ, неразумныихъ...
Какъ въ старинушку стародавнюю
По синю морю пашню пахали;
Какъ въ старинушку стародавнюю
По чисту полю лодки плавали;
Какъ въ старинушку стародавнюю
На дубу свинья свила гнѣздышко.
Какъ и свивши тамъ себѣ гнѣздышко,
Свинья вывела пару птенчиковъ.
Пару сивенькихъ, вострорыленькихъ,
Пару глупенькихъ, неразумненькихъ:
Они вверхъ глядятъ—улетѣть хотятъ,
А какъ внизъ глядятъ—упасть хотятъ!...

Зап. Аѳан. Павл. Кузнецовымъ.

1024.

Вологодской губерніи и у.

Здѣсь случилося бѣда:
Загорѣлось вдругъ вода.
Какъ ее ни заливали,
А огня все не уняли.
На то счастье, на тотъ разъ
Проходилъ мимо Тарасъ,—
Живо воду затушилъ
И тѣмъ славу заслужилъ.
Какъ онъ заливалъ?
Про то намъ онъ не сказалъ,
Только слышно стороной:
Затушилъ онъ бородой.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

1025.

Вологодской губерніи, Тотемск. у., с. Печенга.

«Баба деревенска въ лаптяхъ!
Куда ты пошла?»
— На поминки, мой батюшка, на поминки.
«А кого-ты поминать пошла?»
— Мужа, мой батюшка, мужа.
«А какъ у тебя мужа-то звали?»
— Не знаю, мой батюшка, не знаю.
«Да на что имя-то его похоже?»
— На вилы, мой батюшка, на назёмныя.
«Такъ не Вилантій ли мужъ-то былъ?»
— Вилантій, мой батюшка, Вилантій.
«Какимъ онъ промысломъ-то занимался?»
— Скрыпошнымъ, мой батюшка, балалаешникъ.
«Какія онъ по скрыпкѣ пѣсни пѣлъ?»
— «Ужъ ты Ѳекла бѣлая!
Зачѣмъ глупо сдѣлала—
Разъ, два, три, люли!
Зачѣмъ глупо сдѣлала —
Горюна́ прогнѣвала
Чернаго, горбатаго,
Горюна проклятаго?
За́все вижу пьянаго
У Никахи въ кабакѣ,
Въ изорва́номъ шубнякѣ,—
Зеленое вино пьетъ.
Жена Ѳеклушка идетъ
Горюна домой зоветъ:
«Все ты пропилъ, промоталъ,
Все на картахъ проигралъ,
Къ столу овцу привязалъ,
Журавля на маштѣ взялъ.
Журавли-то долгоноги,
Не нашли домой дороги,—
Шли стороной,
Боронили бороной.

Зап. Н. А. Иваницкимъ.

1026.

а) Самарской губерніи.

Логинъ кабылушку сѣдлаетъ
Сивую и вороную,
Карую и голубую.
Настя у стременовъ стояла,
Шелковую плеть подавала,
Настя слезно возрыдала:
Привези дѣвку смышлянку,
Хорошу, пригожую Матренку —
Широки покромки.
Матрена по горницѣ гуляла,
Сама слезно возрыдала:
«Что это у насъ въ городѣ за мода,
Кто у насъ въ дому воевода?»
— Въ дому воевода—Ульяна,
А выборный—Маремьяна,
Староста—Евдокія,
Кислый квасъ—Василиса,
Промозглая каша—Огаша,
Творила опару—Марина,
Пекла пироги—Макарина,
Ставила на столъ—душа Анна,
Била челомъ—душа Дарья,
Ѣла пироги—душа Марья.

Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.

1027.

а) Псковской губ., Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Сяду, пóсяду,
Ко милому сяду
Ой ли, да ой!

(Припѣвъ послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ)

Еще пересяду
На путь, на дорожку,
Гдѣ милъ проѣдетъ,—
Меня не проѣдетъ
На сивкѣ, на буркѣ
Еще въ Петербургѣ.
Ременныя вожжи
Лежатъ у Егорки.
Егоркина жонка
Скотинкѣ давала, —
По имени назвала:
Корова—Матрена,
А быкъ-то—Ерема,
Козлы-то—Микиты,
А козы—Улиты,
Кобыла—Ненила,
Жеребецъ—Данила,
Свиньи—Аксиньи,
Борова—Васильи,
А ерешки—Рюшки,
А барашки—Яшки,
Сучка-то—Настушка,
Пéсичикъ—Петрушка,
Кошка—Солошка,
Котокъ—Агафошка,
Курочка—Ѳедорка,
Пѣтушекъ—Егорка,
Уточка—Анютка,
Селезень—Павлушка,
Гусынька—Гагамка,
Гусачокъ—Абрамка.

Зап. мною.

1028.

б) Орловской губерніи, Елецк. у.

Утка—Маврушка,
Селезень—Павлушка,
Кошка—Хаврошка,
Котъ—Мирошка,
Свинья—Апросинья,
Боровъ—Василій,
Телушка—Матрюшка,
Кобыла—Арина,
Меринъ—Гаврило —
Пестрое рыло.

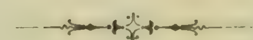
Зап. А. М. Агаѳоновой.

1029.

в) Тамбовской губерніи, Козловск. у

Прописали указы —
Всяму́ сялу́ диву —
Да всѣмъ скотамъ имя:
Свинья—Улита,
Боровъ—Микита,
Кобыла—Катюшка,
Жеребецъ—Матюшка,
Утка—Варутка,
Селезень—Васютка,
Курица—Полька,
Кочетъ—Прошка,
Корова—Арина,
Быкъ—Гаврила.

Зап. мною отъ крестьянки.



ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ — ПРАЗДНИЧНЫЯ: СВЯТОЧНЫЯ, МАСЛЯНИЧНЫЯ, ВЕСЕННІЯ, ВОЗНЕСЕНСКІЯ, СЕМИКОВЫЯ, ТРОИЦКІЯ, ТОЛОЧНЫЯ И ЖНИВНЫЯ.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

А. Праздничныя.

а) Святочныя.

α. Колядныя.

1030.

Псковской губерніи.

Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвушки, во многихъ мѣстахъ мальчики и парни, собравшись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

Проходила коледа
Напередъ Рождества, —
Винаградье красно-зеленое мое!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Напала пороша
Снѣгу бѣлинькаго.
Какъ по этой по порошѣ
Гуси, лебеди летѣли.
Коледовщички,
Недоросточки, —
Недоросточки,
Красны дѣвушки
Сочили[1]), искали
Иванова[2]) двора.

[1]) сочить—искать, отыскивать. Слов. Даля.

[2]) т. е. имя хозяина, подъ окномъ котораго коледовщики поютъ. Вм. Ивана, поставлен. здѣсь для примѣра, по обстоятельствамъ замѣняется настоящимъ именемъ дѣйствит. хозяина дома.

А Ивановъ дворъ
Ни близко, ни далеко,—
На семи столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоитъ три терема,
Златоверхіе:
Во первомъ терему —
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему —
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему —
Часты звѣздочки.
Свѣтелъ мѣсяцъ —
То хозяйка во дому,
Красно солнышко —
То хозяюшка,
Часты звѣздочки —
Малы дѣточки.
Какъ самого господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Неслучилося,
Въ Москву съѣхавши, —
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,

Домой ѣдетъ онъ.
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру́ коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то коледа
Ни мала, ни велика,
Она въ двери не лѣзетъ,
И въ окно намъ шлетъ:
Ни ломай, ни гибай —
Весь пирогъ подавай.
Виноградье красно-зеленое мое!

1031.

Ходили, гуляли коледивщики,
Сочили-искали боярскаго двора:
Виноградье красно-зеленье мое!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Нашъ боярскій дворъ на семи верстахъ,
На семидесяти столбахъ.
Какъ поѣхалъ государь на Судимую гору—
Судъ судить по сто рублей,
Ряды рядить по тысячи.
Какъ ѣдетъ государь со Судимой со горы,
Везетъ своей женѣ кунью шубу,
Своимъ сыновьямъ по добру коню,
Своимъ невѣстушкамъ по кокошничку,
Своимъ дочушкамъ по ленточки,
Своимъ служенькамъ по сапоженькамъ.
Подарите, не знобите, коледовщиковъ!
Наша коледка ни мала, ни велика,
Ни въ рубль, ни въ полтину,
Ни въ четыре алтына.
Подарите, не знобите, коледовщиковъ!
Либо изъ печи пирогомъ,
Либо съ клѣти осьмакомъ.
Наша коледка ни мала, ни велика:
Въ двери нелѣзя, въ окно—какъ щье (?), —
Либо кружечка пивца,
Либо чарочка винца.
Хозяинъ—ясенъ мѣсяцъ,
Хозяюшка—красно солнышко въ дому.

Обѣ сообщ. М. И. Семевскимъ.

1032.

Тверь.

Пришла коляда
Накапунѣ Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку.
А дай Богъ тому,
Хто въ эвтомъ дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:
Ему съ колосу осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полузерна—пирогъ.
Надѣлилъ-бы васъ Господь
И житьемъ и бытьемъ
И богатствомъ,
И создай вамъ, Господи,
Еще лучше того!

Сообщ. А. В. Соколовъ.

1033.

Тул. губ., Черн. у., дер. Сторож.

Колёдушка—коледа!
Ходила коледа
По Святымъ вечерамъ.
Блинъ да лепешка
Въ заднее окошко....

1034.

Тамъ-же.

Колёдушка—коледа!
Вшивая борода.
Какъ не дашь пирога —
Такъ корову за рога!....

1035.

Моск. губ, Дмитр. у., дер. Василёво.

(Кличутъ коледу парни вечеромъ накапунѣ Рождества; они ходятъ съ ведрами и туда кладутъ подачку).

Колёда, колёда!
Пришла коледа
Накапунѣ Рожества
На барской дворъ

Коня просить.
«На что коня?»
— Дубнякъ возить.
«На что дубнякъ?»
. . . .
«На что стуну?»
— Кутью толчи́.
«На что кутья?»
— Колёду поминять.
Подайте коровку —
Масляну головку.
Кто подастъ коровку, —
Что̀ е [1]) въ лѣсу елокъ,
Только [2]) бы на дворъ коровокъ;
Что̀ въ лѣсу кочекъ,
То бы тебѣ далъ Богъ дочекъ.
Кто не подастъ коровку, —
Что̀ на дворѣ вшивяковъ,
То тебѣ въ горбъ кулаковъ. [3])

Зап. студ. г. Марковымъ. Сообщ. Отдѣл. Этног. И. О. Л. Е. А. и Э.

1036.

Вятской губерніи.

Виноградье красно, зеленое!
Еще ходятъ же ребята колядовщики.
Виноградье красно, зеленое.

(Припѣвъ послѣ каждаго стиха).

Еще ищутъ-же ребята государева двора,
Государевъ-то дворецъ середи Москвы стоитъ,
Середи Москвы стоитъ, середь ярманки.
А вокругъ его двора стоитъ желѣзный тынъ,
А на каждой тынинкѣ по маковкѣ, —
Что по маковкѣ и по золоту кресту.
А самъ-то Государь, какъ свѣтелъ мѣсяцъ, взошелъ,
А сама-то Государыня, какъ утрення заря,
Малы дѣтоньки, часты звѣздочки.
Самъ-то Государь на крылечко выходилъ,
На крылечко выходилъ и по рублику дарилъ,
А сама-то Государыня по полтинѣ дарила,
Малы дѣточки по копѣечкѣ.

Изъ рукописн. сборн. Н. А. Александрова.

[1]) есть.
[2]) столько.
[3]) Ср. Дѣтскія пѣсни, Безсонова 241—2.

Въ Кал. губ., Мед. у., старухи сочельникъ передъ Рождествомъ называютъ коледой. Въ Гжат. у., Смол. губ. *коледа* считается дурнымъ прозвищемъ для дѣвушекъ; М.

1037.

Рязанской губерніи, Зарайскаго у.

Мы ходили, мы ходили 2
По Мишину селу, —
Авсень, авсень!
Кишки да желудки
На печкѣ сидѣли;
На печкѣ сидѣли,
На насъ-то глядѣли,
Въ кошель захотѣли.
Какъ у Ивана на дворѣ
Стоитъ дровъ костеръ:
Ему пиво варить,
Ему сына женить.
Сынъ-то Павелъ —
Свѣтлый мѣсяцъ,
Его жонушка —
Красно солнышко,
Его дѣточки —
Часты звѣздочки.
Даримъ Павлу шадру. [4])
А чѣмъ погоняти? —
Простой кишкой,
Простой кишкой,
Шелудивымъ парсукомъ.

Зап. И. А. Худяковымъ.

1038.

Саратовской губерніи, Сердобск. у., с. Пяша.

(Поется мальчиками передъ каждымъ домомъ).

Таусинь! таусинь!
Ребята, ребята.
Таусинь!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

«Берите топоры!»
— На что брать топоры?
«Рубите вы сосны!»
— На что рубить сосны?
«Колите вы доски!»
— На что колоть доски?
«Мостите вы мосты!»
— На что мостить мосты?
— Кому по нимъ ѣздить?
«Василію по нимъ ѣздить.»
— На чемъ ему ѣздить?
«На сивенькой свинкѣ.

[4]) лошадь.

— Чѣмъ ее погонять-то?
«Цудукимъ поросенкомъ.»
— А чѣмъ ему взнуздать-то?
«Жирною кишкою.»
(Въ одинъ голосъ:)
«Пышка, лепешка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла, —
Въ ротъ захотѣла.
Дайте намъ кишку съ локоть,
Чтобъ семерымъ не слóпать!
Дайте намъ ломоть пирога
Во всѣ коровіи рога.
Не дадите лепешки, —
Закидаемъ всѣ окошки, —
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота.

Зап. В. А. Мясоѣдовой.

1039.

Рязанской губерніи, Данк. у., с. Мураевно.

У Иванова двора
Стоитъ горенка нова.

—

Баусимъ, баусимъ!

(Повторяется послѣ каждаго 2-го стиха).

—

Вы этой, вы горенкѣ
Стоятъ двѣ скамеечки,

—

На этихъ скамеечкахъ
Сидятъ двѣ дѣвочки,

—

Онѣ косы плетутъ,
Приговариваютъ:

—

«Ты рости, рости, коса,
До шелкова пояса,

—

До нѣмецкаго чулка,
До чернаго башмака!»

—

— Кишки, желудки
Въ печи сидятъ,

—

На печи сидять
На насъ глядятъ.
Давайте пирога!
Кто не дастъ пирога, —
Сведемъ корову за рога. [1])

1040.

Рязанской губерніи, Зар. у., дер. Чурилково.

Овсень, Овсень
Ходилъ пó всѣмъ:
По заулочкамъ,
По проулочкамъ.
Кишку, ножку,
Сунь кочережкой —
Въ верхнее окошко.
Здравствуй хозяинъ
Съ хозяюшкой!
«Гдѣ хозяинъ
Съ хозяюшкой?»
(Изъ избы отвѣчаютъ:)
«Уѣхали въ поле
Пшеничку сѣять.»
— Дай имъ Богъ
Изъ полнá зерна пирогъ!

1041.

Тульской губ.

Овсень, овсень,
Боу́ овсень!
Мы ходили, мы гуляли
По Святымъ вечерамъ [2]);
Мы искали, мы искали
Алексѣевъ домъ;
Мы нашли его дворъ
Середи Москвы (2):
Воротá красны́.
Ужъ дай тебѣ Богъ,
Зароди тебѣ Господь,
Чтобы рожь родилáсь,
На гумно свалилáсь.

---

[1]) Епиф. у., Тульск. губ. эту пѣсню оканчиваютъ такъ:

Не дадите пирога—
Мы корову за рога
Авсень, авсень!
Не дадите ножку —
Мы свинью объ сошку.

Зап. мною.

[2]) т. е. на святкахъ, вечеромъ.

1042.

Рязанск. губ., Михайловскаго у., дер. Лукьяновка.

(Наканунѣ Новаго года дѣвушки ходятъ по избамъ и поютъ нижеслѣдующую пѣсню, за что получаютъ чего нибудь съѣстного).

Мы ходили—походили
По Свитымъ вечерамъ.
Дай овсень! (2) [1])
Мы искали — поискали
Алексѣева двора.
Какъ Лексѣевъ дворъ
Весь тынемъ отыненъ (2),
Кольцомъ [2]) обведенъ.
У Лексѣя на дворѣ [3])
Стоялъ шитеръ;
Какъ въ эфтимъ шитрѣ
Трое дверей:
Какъ перьвыи двери —
Свитёлъ мѣсяцъ,
А вторыи двери —
Красно солнушко,
Какъ третьи двери —
Часты звѣздушки.
Вы скажите, прикажите,
У воротъ не держите.
Не дадите пирога —
Мы корову за рога;
Не дадите пышки —
Мы свинью за сиськи,
Со стола-то пирога,
Изъ ко́ника прасука̀. [4])

Ср. Сах. IV, 370; Бѣл. пѣс. Шейна, 43—6, 55.

Зап. студ. филолог. фак. Моск. унив. А. Марковымъ, сообщ. отд. этнограф. И. О. Л. Е. А. и Э.

1043.

Оренбургской губерніи.

Коляда, коляда!
А бываетъ коляда
Наканунѣ Рождества.
Коляда пришла,
Рождество принесла.

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія; въ пѣніи выходитъ какъ бы: «да-ай». Въ дер. Лѣсищахъ поютъ, ви «дай, бай.»
[2]) т. е. круго́мъ.
[3]) вар. «Середи его двора.»
[4]) коникъ—длинный ларь подъ лавкой; прасукъ—поросенокъ.

1044.

Таусень, баусень!
Кошки перепрѣли, —
Все въ печкѣ сидѣли,
Все на насъ глядѣли.
Кто не дастъ пирога —
Мы корову за рога.

1045.

Таусень, баусень
Въ печкѣ сидятъ
На насъ глядятъ:
Пить, ѣсть хотятъ:
Мы ихъ напоили,
Мы ихъ накормили —
Спать положили,
Ватолой [5]) накрыли.

1046.

Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества.
За горою за крутою
За рѣкою за быстрою.
За горою за крутою,
За рѣкою за быстрою
Стоятъ лѣса дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ пылающіе.
Вокругъ огней люди стоятъ,
Люди стоятъ колядуютъ:
«Ой коляда, коляда,
Ты бываешь, коляда,
Наканунѣ Рождества.

1047.

Коляда, коляда!
Ты подай пирога,
Или хлѣба ломтину,
Или денегъ полтину,
Или курочку съ хохломъ,
Пѣтушка съ гребешкомъ,
Или сѣна клокъ,
Или вилы въ бокъ.
Тутъ ходили,
Тутъ гуляли
Колядовщики, —
Искали коляду
По всѣмъ по дворамъ,
По всѣмъ улочкамъ
Переулочкамъ.

Зап. всѣ 5 А. П. Кузнецовымъ.

[5]) Ватола — родъ одѣяла. К.

β. Игрища.

1048.

Рязанской губернии, Данковск. у.

Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли,
Святые вечера пришли, святыя игрища;
Всѣ мои подружки на игрища ушли,
На игрища ушли,—по дворамъ нарядныя ходятъ,
А красная дѣвица дома замѣшкалась,
Дома замѣшкалась, работой занялась...

(Дальше пѣвица не могла вспомнить).

Зап. мною.

1049.

Орловской губернии, Сѣвск. у., с. Доброводье.

Ой свѣтки́ мои, святки́, святые вечера!
Ой ди, ой лады моя!
Ой всѣ дѣвки на улицу уйшли,
Ой ди, ой лады моя!

(припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

А меня-ти, молоду свекоръ не пустилъ;
Заставляетъ свое дѣло дѣлати,
Свое дѣло дѣлати,—овинъ молотить;
Овинъ молотить, другой посадить.
—Я овинъ молочу и другой посажу.
Другой посажу, цѣпы въ печь помечу,
Цѣпы́ въ печь помечу, сама на улицу пойду.

Зап. мѣстн. помѣщицей, г-жей Постельниковой.

1050.

Тульск. губ., Новосильск. у.

Нынче святки,—все святые вечера!
Всѣ мои подруги на игрища пошли,
Мене молоду свекоръ не пустилъ.
Заставилъ мене свекоръ овинъ сушить.
И я-то со зла овинъ сожгала,
Овинъ сожгала и туды-жъ пошла.
—Нынче святки, все святые вечера!
Всѣ мои подружки на игрища пошли,
Мене молоду свекры не пустила.
Заставила *свекры* красенъ натыкать.
Я со зла красна изорвала, берды выломала,
Берды выломала да и туды-жъ пошла.

Зап. П. Θ. Соловьевымъ.

1051.

Симбирской губернии, Буинск. у., с. Серезнево.

Мимо нашего села,
Мимо свекрова двора,
Что ни въ гусельки играютъ,
Ни въ свирѣль говорятъ,—
Говорятъ: мои подруженьки
На игрища пошли.
А меня, младу младешеньку,
Свекоръ не пускаетъ.
Какъ заставилъ свекоръ батюшка
Гумно грести,
Какъ гумно грести,
Все метлой мести.
Ужъ я въ сердце войду,—
Разсердитоваюсь:
Ужъ гумно-то я стопчу,
Я метлу-то изломлю,
А сама, млада—младешенька,
На игрища пойду.
Мимо нашего села,
Мимо свекрина двора,
Что не въ гусельки играютъ,
Ни въ свирѣль говорятъ,
Говорятъ: мои подруженьки
На игрища пошли.
А меня, младу младешеньку,
Свекровь не пускаетъ.
Какъ заставила свекровь матушка
Красна дотыкать.
Ужъ я въ сердце-то взийду,
Разсердитоваюсь
Я красна-то изорву,
Я челнокъ-то залукну,
А сама, млада младешенька,
Во игрища пойду.

Зап. В. М. Кузьминой.

1052.

Тамъ-же.

Ужъ вы кумушки мои, голубки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обѣщалися?
Что у васъ-то мужья молодые;
У меня-ли, у младеньки, старичище.
Не пускаетъ старичище на игрище.
Я уходомъ отъ старо́ва уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
У сосѣду подъ навѣсомъ одѣвалась,
Я бѣлымъ-то снѣжкомъ умывалась,

Я кисейнымъ рукавомъ утиралась.
Я не долго и не мало проходила:
Со вечерней зари до бѣла дня.
Я не знаю, какъ старому подъявляться.
Ужъ я утушкою прилетала,
А косаточкою подъявилась:
Ужъ я брякъ-то бряки! у калитки,
Ужъ я стукъ-то стуки! за колечко,
Какъ за то-ли золотое, за витое.
Какъ нелютые медвѣди заревѣли,
Не борзыя-ли собаки завизжали —
Заревѣль-то мой старый старичище.
Солѣзаетъ старичище со печища,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ бьетъ-ли не бьетъ по легоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку.
Какъ и тутъ я старому возмолилась:
«Ты прости, сударь, меня, я не буду;
Какъ другой-то разъ уйду,—я не приду.

Сообщ. В. М. Кузьминою. Ср. у Снегирева Русск. простонародн. праздники. Вып. II, стр. 98. Пѣсня эта весьма распространенна.

1053.

Курской губерніи, Фатежск. у., с. Покровское.

Ой выду я, выду я
На широкую улицу;
Стану я, стану я
Подъ Царь-городъ каменный;
Скину я, скину я
Съ руки перстень золотой;
Вдарю я, вдарю я
Золотымъ кольцомъ объ стѣну.
Ой разобью, разобью
Царевъ городъ каменный;
Ой выпущу, выпущу
Три щеголя молодыхъ.
Ой щеголекъ, щеголекъ,
Щеголенокъ Васильюшка!
Бѣленькій, хорошенькій
Василій Ивановичъ.

(также и для двухъ остальныхъ пѣсня вся повторяется)

Ой выпущу, выпущу
Три щеголки молодыхъ.
Щеголка, щеголка —
Щеголка Парасковьюшка,
Бѣлая, хорошая,
Парасковья Андреевна!

(также и двухъ остальныхъ)

Хорошо деревцо —
Васильюшка женится,
Беретъ себѣ дѣвушку,
Беретъ себѣ красную,
Прасковью Андреевну.

(также и для остальныхъ).

Этой пѣсней величаютъ не только женатыхъ, но жениха съ невѣстой,—и кого придется.

Сообщ. В. Ѳ. Миллеромъ.

1054.

Пермской губерніи.

Подойду, подойду
Подъ бѣлъ-городъ каменный, 2
Прошибу, прошибу
Копьемъ стѣну каменну, 2
Уведу, уведу
Я у батюшки добра коня,
У родимаго—любимаго;
Подарю, подарю
Я лютому свекру батюшку. 2
Скажетъ-ли, скажетъ-ли
Что лютой-отъ свекоръ—батюшка: 2
Богъ намъ далъ, Богъ намъ далъ
Такую невѣстушку,
Такую голубушку.

—

Подойду, подойду
Подъ бѣлъ-городъ каменный, 2
Прошибу, прошибу
Копьемъ стѣну каменну,
Уведу, уведу
Я у матушки коровушку,
У родимой любимую.
Подарю, подарю
Я лютой свекровкѣ—матушкѣ. 2
Скажетъ-ли, скажетъ-ли,
Что лютая-то свекровушка: 2
Богъ намъ далъ, Богъ намъ далъ
Такую невѣстушку,
Такую голубушку.

—

Подойду, подойду
Подъ бѣлъ-городъ каменный, 2
Прошибу, прошибу
Копьемъ стѣну каменну,
Унесу, унесу
Я у братца сѣдѣлышко,
У родимаго черкасское.

Подарю, подарю
Я лютому деверю. 2
Скажетъ-ли, скажетъ-ли,
Что лютый деверь-отъ: 2
Богъ намъ далъ, Богъ намъ далъ
Такую невѣстушку,
Такую голубушку.

Сообщ. А. И. Соколовымъ.

1055.

Псковской губерніи.

Подойду, подступлю
Подъ Иванъ—городъ каменный,
Выломлю, вышиблю
Чеботомъ стѣну каменну,
Растворю, растворю
Колыванскія вóрота,
Выведу, выведу
Душу красну дѣвицу. [1])

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

1056.

Тверской губерніи, Кашинск. у., с. Медвѣдево.

(Одинъ изъ участвующихъ въ игрѣ ходитъ за кругомъ).

По за городу царевъ сынъ, 2
Что ни царскій есть сынъ воитель.

(Выбираетъ изъ кругу дѣвушку)

Выбиралъ себѣ невѣсту, 2
Распрекрасную королеву: 2
Что не та-ли моя невѣста, 2
Среди города стояла, 2
Золотымъ вѣнцомъ блистала, 2
Бриліантами освѣщала?
Вы сѣкитеся ворота, 2
Поклоняйтесь низенько, 2
Вы пожалуйте, княжна, праву ручку.

(Двое изъ стоящихъ рядомъ въ кругу разнимаютъ руки. Всѣ кланяются).

Сообщ. профес. Тверск. семинаріи А. В. Соколовымъ.

[1]) Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ намекъ на отношенія Псковитянъ къ Ливонцамъ. Иванъ—городъ находится близъ Нарвы, Колывань — это Ревель. М. И. С.

1057.

Псковской губерніи, Великолуцк. у.

(Княгиня въ хороводѣ, а князь за хороводомъ).

Ходилъ гулялъ княжой сынъ, княжой сынъ,
Онъ искалъ своей княгини, княгини,
Что которая посреди города стояла, стояла,
Золотымъ вѣнцомъ просіяла, просіяла,
Позолоченнымъ просвѣщала, просвѣщала.
Вы сѣките, бояра, ворота, ворота!
Вы кланяйтесь бояра, бояра,
Что пониже того княгинѣ, княгинѣ,
Ты бери ее за правую за ручку!

Разнимаютъ руки и выводятъ княгиню, потомъ хоръ поетъ опять сначала, въ кругъ входитъ другая дѣвушка и съ ней повторяется тоже, что и съ первой. Игра эта такимъ образомъ продолжается, пока не наскучитъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

1058.

Костромской губерніи, на границѣ Солигалич. и Тотемск. уѣзда.

«Бȯяре, бȯяре! куда вы пріѣхали?
— Цȧревна, цȧревна! по твое по суженное,
По твое, поряженное.
«Бȯяре, бȯяре! какъ мое-то суженное,
Какъ мое-то ряженное —
Недорослое дерево,
Не доцвѣлый лазоревъ цвѣтъ.»
— Цȧревна, цȧревна, какъ твоя-то суженная,
Какъ твоя-то ряжённая
Перерослое дерево,
Перецвѣлый лазоревъ цвѣтъ.
«Бȯяре, бȯяре, ужъ вы что-жъ дȧдите
За душу красну дѣвицу»,
— Цȧревна, цȧревна! деревню съ крестьянами,
— А усадьбу съ боярами.
«Бȯяре, бȯяре, намъ еще того помалу
За душу красну дѣвицу.»
— Цȧревна, цȧревна, мы коня вамъ поступчата,
На коня добра молодца.
«Бȯяре, бȯяре, вы возьмите, повѐдите
Душу красну дѣвицу.»

(Пляшутъ съ прискокомъ).

Нашего полку прибыло, прибыло.
Нашего полку убыло, убыло.
Еще наши-то скакали,
Да выскакали,

Еще наши-то плясали,
Да выплясали.
Ужъ какъ дома-то спала
На перинкѣ пуховой,
У насъ тебѣ спать
На соломѣ на ржаной;
Ужъ дома-то ѣла
Пироги да калачи,
А у насъ тебѣ ѣсть
Овсяный хлѣбъ,
Ужъ ты дома-то пила
Мёдъ да сыту,
А у насъ тебѣ пить
Болотну воду!

Зап. мною.

1059.

Пермской губерніи.

Ходитъ царь, ходитъ царь
Вкругъ-Нова-города,
Вкругъ Нова-широка.
Ищетъ царь, ищетъ царь, —
Онъ царевну свою,
Королевну свою:
«Гдѣ вы видали? гдѣ вы видали —
Царевну мою,
Королевну мою?
— Вотъ гдѣ она, вотъ гдѣ она!
Въ Новѣ-городѣ,
Въ Новѣ-широкомъ
Золотымъ вѣнцомъ 2
Просіяла она, 2
Златыми ключами 2
Побрякивала: 2
«Отворяйтеся 2
Широки́ ворота̀!
Пропускайте
Царевича,
Королевича.
Возьми, царевичъ, 2
Царевну свою,
Королевну свою.
Поведи ее, поведи ее
Вкругъ Нова-города,
Вкругъ Нова-широка.
Поставь ее, поставь ее
Середи города,
Середи широка.
Заставь ее, заставь ее
И скакать, и плясать,
И скакать, и плясатъ:
«Скокни царевна, скокни царевна!
Царевичъ велѣлъ,
Молодой приказалъ.
Поцѣлуй, царевна! 2
Царевичъ велѣлъ,
Молодой приказалъ.»

Сообщ. А. И. Соколовымъ.

1060.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Царевна въ кругѣ, а царевичъ за кругомъ.

Кругъ города ходитъ,
Царевъ сынъ, королекъ,
Невѣстъ выбираетъ,
Царевъ сынъ, королекъ.
Что за городомъ царевичъ,
Что во городѣ царевна
Золотымъ перстнемъ сіяла,
Все царевича прельщала,
Золотымъ ключемъ бряцала.
Разрубай, царевичъ, вороты,
Что воротички пошире,
Что еще того пониже:
Войди, царевичъ, въ городъ,
Подойди, царевичъ, поближе,
Что еще того поближе!
Поклонись царевичъ, пониже,
Что еще того пониже!
Поцѣлуй ее послаще,
Что еще того послаще!
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее за городъ!
Выбирай себѣ другую,
Что изъ тысячи любую.

Зап. мною отъ старухи няни господъ Семевскихъ. Ср. у Рыбникова, т. III, стр. 441.

1061.

Тамъ-же.

Составляется кругъ. Одинъ изъ играющихъ выступаетъ впередъ и ходитъ по кругу. Хоръ поетъ:

Ходилъ Бо́рисъ, гулялъ Бо́рисъ
Ёнъ по коргоду, ёнъ по дѣвичью,
Ёнъ по дѣвичью, ёнъ по молодичью.
Искалъ Борисъ ласковую тещу,

Привѣтливой невѣсты.
«Вотъ моя теща, вотъ моя невѣста!»

(При этихъ словахъ онъ указываетъ на избранную дѣвушку). Хоръ продолжаетъ:

«Поѣзжай, Борисъ на рыночекъ,

(Парень выходитъ за кругъ).

Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ,—на шею жемчужку.
«Примай, жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердися на меня!»

Тутъ хоръ повторяетъ все сначала, затѣмъ продолжаетъ такъ:

«Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,
Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ, ременну плеть.»

При послѣднихъ словахъ парень опять входитъ въ кругъ, со словами, обращенными къ своей избранницѣ:

«Принимай, жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердися на меня!»

При послѣднихъ словахъ онъ бросаетъ на полъ плеть, она тотчасъ ее поднимаетъ, оба схватятся за руки и цѣлуются.

Зап. мною отъ крестьянки Дарьи.

1062.

Вятской губерніи.

Царь, царь царевъ сынъ.
По загороду гуляетъ, —
Царь, царь царевъ сынъ.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Онъ царевну то ищетъ.
Что не та-ли царевна,
Что не та-ли молодая,
Въ Новомъ городѣ гуляетъ,
Что во ситцевомъ платкѣ,
А на шейкѣ платочикъ,
На головѣ вѣночикъ,
Сережки жемчужны,
Въ бумажныхъ чулочкахъ,
Въ сафьянныхъ башмачкахъ,
Что коса со цвѣтами?
— Отворяйтесь ворота!
Ты въѣзжай, душа, въ городъ,
Ко царевнѣ то въ гости.
Поклонись ты боярамъ,
А царевнѣ пониже!
Подойди къ ней поближе,
Поклонись ей пониже,
Ты ступи ей на ножку,
Ты возьми ее за ручку,
Что за золотые перстни!
Ты прижми ее къ сердечку,
Поцѣлуй миленько,
Что того еще милѣе:
Поведи ее на волю, —
Что куды она изволитъ.

Изъ рукоп. сборн. Н. А. Александрова.

1063.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Өедорцово.

Играющіе раздѣляются на два разряда, изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою представителей деревни, т. е. деревенскихъ жителей—земледѣльцевъ, а другой — представителей боярскаго сословія, и становятся другъ противъ друга и поютъ. Во время пѣнія перваго стиха выступаетъ, двигаясь подъ медленный тактъ, впередъ парень (бояринъ), во главѣ боярскаго ряда. При пѣніи второго стиха выступаетъ такимъ-же порядкомъ деревенскій рядъ, потомъ по очереди опять боярскій и опять деревенскій и т. д. и это чередованіе продолжается до конца пѣсни, т. е. до тѣхъ поръ, пока бояринъ не выберетъ себѣ облюбованной имъ невѣсты.

Деревня: Да пусти въ карогодъ!
Ай да ли года!
Бояринъ: Да зачѣмъ въ карогодъ?
Деревня: *Дѣвить* любовать.
Бояринъ: Покажи женишка,
Деревня: Вотъ мнѣ женишокъ!
Бояринъ: Покажи шапку,
Деревня: Вотъ мнѣ шапки!
Бояринъ: Покажи мнѣ кафтанъ!
Деревня: Вотъ мнѣ кафтанъ!
Бояринъ: Покажи мнѣ кушачекъ.
Деревня: Вотъ мнѣ кушачекъ!
Бояринъ: Кая тебѣ невѣста люба?
Деревня: Вотъ мнѣ эта люба!

Зап. мною отъ старухи няни гг. Семевскихъ. Ср. Этногр. Сб. Геогр. Об. 1864 г. I, вып. II, стр. 65.

Игра игуменъ.

1064.

а) Костромской губерніи, на границѣ Солигалич. и Тотемск. уд.

Парни и дѣвки разсаживаются по лавкамъ. Изъ дѣвушекъ встаетъ одна, беретъ въ одну руку лучину, а въ другую платокъ и начинаетъ ходить неправильными кругами по избѣ и затягиваетъ за одно съ другими слѣдующую пѣсню:

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному:
Младешеньку въ чернички стригутъ,
Зеленешенькую подстригиваютъ.
«Не мое-бы дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое-бы дѣло молебны служить,
Только мое-бы дѣло скакать и плясать,
Только мое-бы дѣло игрища собирать.
Пастуменъ мой подъ лавку брошу,
Монашенъ мой на столъ положу,
Пѡдарю я, подарю братцу моему,
Пѡдарю, подарю любезнѣйшему.»
— (Если дѣвица... любезнѣйшей).

При этихъ словахъ ходившая вокругъ поцѣлуетъ сидѣвшую. Послѣдняя беретъ лучину и идетъ такимъ-же образомъ.

Зап. мною отъ бывшей дворовой.

1065.

б) Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Одинъ изъ играющихъ избирается игуменомъ и садится посреди горницы, а остальные, сцѣпляясь руками, составляютъ кругъ, ходятъ и поютъ:

Чернички мои,
Сестрички мои!
Попляшемтя,
Поскачемтя!
Мы безъ игумена свово,
Безъ канальи его.
Ужъ игуменъ-то
Меня молоду стрижетъ,
Въ черну рясу кладетъ.

По окончаніи этой пѣсни останавливаются и спрашиваютъ у стоящаго за стуломъ, или скамейкой, участника игры, изображающаго привратника: «Дома-ли, отецъ игуменъ?»

— «Уѣхалъ въ городъ или село N!—

Кругъ продолжаетъ вертѣться и нѣсколько разъ останавливается передъ привратникомъ съ тѣмъ-же вопросомъ, пока тотъ не отвѣтитъ

«Пріѣхалъ.»
— «Что онъ дѣлаетъ?» —
«Въ баню пошелъ».

Далѣе слѣдуетъ отвѣтъ:

«Легъ отдыхать.»

Тутъ играющіе поютъ ужъ очень тихо и, кончивши пѣсню, опять возобновляютъ свой вопросъ:

«Что дѣлаетъ игуменъ?»
— «Всталъ и зоветъ на расправу.»—

При этомъ всѣ разбѣгаются, однако вскорѣ потомъ подходятъ къ нему по одиночкѣ. Игуменъ спрашиваетъ:

«Ну, мать (или сестра), что дѣлала?»
— Молилась, постилась, душой смирилась.» —
«А, гдѣ четки?»
— «Ахти, плясала да потеряла!

Игуменъ до тѣхъ поръ бьетъ жгутомъ играющую пока она не успѣетъ встать и убѣжать.

Зап. учител. народн. училища г. Кедровымъ.

1066.

в) Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Знаменское.

Охъ, хо, хо!
Я по келійкку хожу,
Черничку бужу:
«Черничка, встань!
Молодая, встань!»
— Не могу я встать,
Головы поднять...
Ужъ и встати было,
Поплясати было —
Для милыхъ гостей,
Поломать костей.
«Ты святой отецъ игуменъ,
Постриги меня, пожалуй!»

Опять сначала и на этотъ разъ уже поютъ:

Разстриги меня, пожалуй!
Мой батюшка разстригся,
Такъ и мнѣ захотѣлось.

Въ этомъ игрищѣ участвуютъ и дѣвушки и парни. Играется такъ: избирается изъ среды играющихъ парень или дѣвушка въ игумены. Ей

или ему даютъ въ руки жгутъ и всѣ поочередно въ игрѣ подходятъ къ игумну по одиночкѣ и когда хоръ поетъ: «Ты святой отецъ игуменъ, постриги меня, пожалуй!» то игуменъ наклоняется и даетъ просящей или просящему легкій ударъ жгутомъ по спинѣ. Она или онъ, отходитъ прочь и поочередно начинаютъ подходить и другіе, съ которыми продѣлывается тоже самое, пока не перейдутъ мимо него всѣ. Затѣмъ всѣ, схватясь руками, поютъ снова «Охъ, хо, хо!» и т. д. и вдругъ прерывая пѣнье, начинаютъ спрашивать: «Пріѣхалъ-ли игуменъ?» — «Еще далеко!» отвѣчаетъ кто-нибудь изъ играющихъ. Тогда хоръ продолжаетъ пѣсню до конца и затѣмъ снова спрашиваетъ: «Далеко-ли игуменъ?» — «Близко!» Хоръ снова повторяетъ всю пѣсню до конца, пока не услышитъ на свой вопросъ отвѣтъ: «Пріѣхалъ!» Тогда къ игумну подходятъ всѣ поочередно, наклоняются передъ нимъ, между тѣмъ хоръ поетъ:

Разстреги меня, пожалуй!
Мой батюшка разстригся,
Такъ и мнѣ захотѣлось.

Игуменъ, въ отвѣтъ на это, даетъ ему сильный ударъ жгутомъ. Тѣмъ игра и кончается.

Сообщ. гр. В. Д. Толстой.

1067.

г) Курской губерніи, Тимск. у.

Играющіе становятся въ кругъ, взявшись за руки, а одинъ становится по серединѣ круга. Хоръ поетъ, приплясывая:

«Ой, дѣвушки,
Вы голубушки!
Поскачемте, попляшемте!»
— Не велѣлъ намъ игуменъ
— Ни скакать, ни плясать,
— Велѣлъ Богу молиться,
— Свиньямъ корму давать.

Пропѣвъ пѣсню, хоръ спрашиваетъ стоящаго въ кругу: «Далеко-ли, нашъ игуменъ?» тотъ называетъ какой-нибудь городъ. Кругъ опять поетъ и приплясываетъ, по окончаніи пѣсни спрашиваетъ опять: «Далеко-ли нашъ игуменъ?» стоящій въ кругѣ называетъ какой-нибудь городъ поближе. Затѣмъ опять поютъ и предлагаютъ тотъ-же вопросъ, игуменъ оказывается еще ближе и наконецъ у воротъ, а на новый вопросъ хора, отвѣчаетъ, что игуменъ пріѣхалъ, всѣ кланяются, а средній спрашиваетъ: «живы-ли мои лошади?» хоръ отвѣчаетъ: «наши живы, а ваши подохли.» Такимъ образомъ онъ спрашиваетъ обо всѣхъ домашнихъ животныхъ, и получаетъ тотъ-же отвѣтъ. Наконецъ онъ спрашиваетъ: «живы-ли мои свиньи?» хоръ отвѣчаетъ: «наши живы, ваши подохли», и вмигъ разбѣгается, а разсерженный игуменъ хватаетъ кого-нибудь и ставитъ въ кругъ. Затѣмъ игра продолжается тѣмъ-же порядкомъ.

Сообщ. И. И. Томилинымъ.

Игра келейкою.

1068.

а) Пермской губерніи.

Кто нибудь изъ парней садится на стулъ среди избы, дѣвушки-же составляютъ кружокъ, ходятъ вокругъ сидящаго и поютъ:

Вокругъ я келейки хожу,
Вокругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія,
Ужь я старца бужу,
Я спасенную душу:
«Ужъ ты, старецъ, встань,
Ты спасенная душа!
Къ заутрени звонятъ,
Къ обѣднѣ зовутъ!» —
— Ужъ ты прочь, пономарь,
Пустозвонъ, не мѣшай!
Не могу я встать,
Головы поднять;
Голова моя болитъ,
Ретиво сердце щемитъ.
Ужь и встать было мнѣ,
Поплясать было мнѣ.
Для милыхъ гостей
Растрясти костей.

При этомъ парень подымается со стула и пляшетъ. Пѣсня продолжается:

Моя милая идетъ,
Графинъ водочки несетъ, 2
Распростится да уйдетъ.

Парень цѣлуетъ одну изъ дѣвушекъ; она садится вмѣсто него на стулъ, и пѣсня начинается снова. Дѣвушка смѣняется опять парнемъ и такъ далѣе, пока всѣ играющіе не пересидятъ въ келейкѣ.

Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. II въ статьѣ: «Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ» А. Я. Кокосова, стр. 414—415.

1069.

б) Московской губерніи.

Я по келейкѣ хожу,
Я черничку бужу:
Люли, люли.

(Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

«Ты черничка встань,
Спасеничка встань!
Вѣдь къ обѣднѣ звонятъ
И часы говорятъ.
Люди сходятся,
Богу молятся.» [1])
— Не могу я встать,
Головы поднять,
У меня спина болитъ,
Наклониться не даетъ.
— Я по келейкѣ хожу
Я черничку бужу:
Ты, черничка, встань,
Спасеничка, встань.
Музыки пришли,
И скрыпицы принесли.»
— Ахъ, встати было,
Поплясати было,
Поломать костей,
Взвеселить гостей.
Ты, черница, грѣхъ,
Спасеница, грѣхъ.»
— Я голикъ возьму
И грѣхи подмету,
И подъ лавкой грѣхи,
И на лавкѣ грѣхи,
По всей кельѣ грѣхи, и т. д.

Изъ рукописнаго сборника прошлаго столѣтія, найденнаго Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерн. и напечат. А. Н. Пыпинымъ въ Отеч. Записк. 1858 г., т. CXVI въ статьѣ: «Народные стихи и пѣсни.»

1070.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Коло тыну хожу я
Я леночекъ пашу.
Гоголекъ гоголечикъ

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Я леночекъ пашу,
Приговариваю:
«Ты рости, ленокъ,
Наравнѣ съ тынкомъ!
А не быть ленку
Супротивъ тынку; —
Не быть тестю
Противъ батюшки,
А свекровушки
Противъ матушки.
Коло лѣсочку хожу,
Я черничку бужу:
«Ты, черница, встань,
Жидовица, встань!»
— Вотъ и мнѣ не встать,
— Головы не споднять.
«Скоморохи пришли,
Гудки принесли!»
— Сходите вы, позовите вы!
«Скоморохъ придеть,
И гудки принесеть.»
— Охъ устать бы мнѣ
— Поплясать бы мнѣ
— Про милыхъ зятей,
— И про своихъ гостей!

1071.

Тамъ-же.

Сиди, сиди, ящеръ, —
Ладу, ладу!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Въ орѣховомъ кустѣ,
Въ бѣлой капустѣ.
Въ бѣлой капустѣ
Чего досидѣти?
— Выбирай, ящеръ, панью,
— Кая тебѣ люба,
— Кая у ферезяхъ,
— Кая у сапожкахъ.
Мнѣ Машенька люба:
«Ена по совѣту,
Ена по привѣту.»
Ладу, ладу.

Обѣ зап. мною отъ старухи няни гг. Семевскихъ.

---

[1]) По вар. зап. въ Вологодской губ.:
Люди молятся,
Черти возятся,

1072.

Псковской губернии.

Ахъ ты, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Дорогой мой хрѣнъ!
Что не я тебя сажалъ,
Что не я поливалъ.
Хрѣнъ самъ взросъ,
Самъ кореньица разнесъ.
Бославите-ко-сь, бояре,
Хрѣну вытащити,
Съ корня выкопати.

—

Что какъ ѣхали бояре
Съ Новагорода,
Какъ завидѣли дѣвицу
Съ высокова терема
Что въ тоненькой рубашкѣ,
Въ шелковомъ пояску.
Что какъ Павлова жена
Яна сына понесла,
Захотѣлось ей хрѣника,
Бѣлой рѣдички, чесночишеньку.
Я рѣдечки подсѣку,
Я во бабушки спрошу:
«Ахъ ты бабушка добра,
Твоя рѣдечка сладка.
Рѣдька рано посаженная,
Часто, густо поливанная.
Ахъ вы бабы шельмы!
В'меня свой огородъ,
Въ меня сѣмена чужія,
Не купленныя.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

1073.

в) Рязанской губернии, Зарайск. у.

Вокругъ бабушки хожу,
Свою бабушку ищу:
Моя бабушка пропала,
Округъ пороху запала.
— Тупъ, тупъ!
«Кто тутъ?»
— Я, Иванъ попокъ.
«Зачѣмъ тебя вихирь приволокъ?»
— Мнѣ рѣдички захотѣлось.
«Я тебѣ рѣдички далъ.»
— Я шелъ черезъ мостъ,
— Меня ухватили за хвостъ —
И рѣдичка подъ мостъ.

Зап. мною.

1074.

Тульской губернии.

Охъ, охъ, ужь вы кумушки!
Охъ, охъ, вы голубушки!
Охъ, охъ басловите-жь меня
Вдоль по улицѣ пройтить,
Чеботамъ проторить,
Женихов посмотрить.
Охъ, охъ не тотъ толь мой женихъ
Впереди меня стоить?
Въ дерюжёночкѣ, въ рогожоночкѣ?
Охъ, охъ не тотъ то мой женихъ,
Охъ, охъ не ровня мнѣ
Не ровня мнѣ и не подъ версту.

Повторяются первые семь стиховъ, затѣмъ продолжаютъ такъ:

Позади мене стоить 2
Въ красной шапочкѣ.
Охъ, охъ вотъ и тотъ то мой женихъ,
Охъ, охъ ужь онъ и ровня мнѣ,
Охъ, охъ ужь онъ мнѣ и подъ версту.

Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

1075.

Псковской губ., Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Какъ во старова мужа молодая жена.
Вохъ на емъ хо, хо, хо!
Вохъ на емъ: охти мнѣ!
Ена часто не можетъ, все повохиваетъ:
Такъ: вохъ, таки вохъ, — да головушка болитъ!
Такъ: вохъ, таки вохъ,—ретивое сердце щемитъ.
Вохъ на емъ: хо, хо, хо,
Вохъ на ёмъ: охти мнѣ!
«Охъ ты мужъ муженекъ, молодой разумокъ!
Ты поѣзжай мужъ въ городъ, ты купи жаны лынька,
Ты купи жаны лынька, ты купи животка» —
Вохъ на емъ: хо, хо, хо
Вохъ на емъ: охти мнѣ!
Присадился мой лынекъ, присадился животокъ,
Ко сырой землѣ, ко желтымъ пескамъ, —
По тихо́шечку, по мале́шечку.

(При этихъ словахъ одна изъ играющихъ садится потихоньку на полъ, впереди всѣхъ, и при пѣніи послѣдующихъ стиховъ становится на колѣни и исполняетъ все въ нихъ сказанное: то протягиваетъ одну ногу, то другую, то махнетъ одной рукой, то—другой и т. д.).

Вохъ на емъ; хо, хо, хо!
Вохъ на емъ: охти мнѣ!

Какъ присѣлъ же мой лынекъ, какъ присѣлъ же животокъ, —
Лынекъ ножку протянулъ, ёнъ другую протянулъ;
Лынекъ ручушкой махнулъ, ёнъ другою махнулъ —
Вохъ на емъ: хо, хо, хо!
Вохъ на ёмъ: охти мнѣ!
Лынекъ бровку теребилъ, ёнъ другую теребилъ,
Лынекъ ручкой скоблилъ, ёнъ другою скоблилъ. —
Подымался мой лынекъ, подымался животокъ —
Вохъ на емъ: хо, хо, хо!
Вохъ на емъ: охти мнѣ!
Отъ сырой землѣ, отъ желтыхъ песковъ.
Полетѣлъ же мой лынекъ, полетѣлъ же животокъ
Ў сырые уборы, ў желтые у пески.
Вохъ на емъ: хо, хо, хо!
Вохъ на емъ: охти мнѣ!

Зап. мною.

1076.

Орловской губ., Сѣвск. у., с. Доброводье.

Сѣни-ль мои сѣнечки,—
Ой люли, люли!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Ой сѣни-ль мои новыя.
Ой столбы точеныя,
Ой крыльцы золоченыя!
И съ чего-ль сѣни гнутся?
Съ чего-ль сѣни колышутся?
— Какъ погнулися сѣни —
Три боярина сѣли,
Три хорошіе сѣли,
Чернобровые сѣли.
Ой первый бояринъ — Ягорушка,
Господинъ Ивановичъ,
Ой другой-же бояринъ — Харлампушко,
Господинъ Терентьевичъ,
Ой третій бояринъ — Миколушка,
Господинъ Миколаевичъ!

1077.

Тамъ-же.

Не былоночка въ полѣ зашаталася,
Зашаталася у молодца головушка
По чужой дальней сторонушкѣ:
«Сторона ты моя все было сторонушка,
Чуже-дальняя все незнакомая!
Я не самъ зашелъ на тебя, сторонушка,
Завела меня, молодца, няволюшка
Чужа дальняя, а все незнакомая.
Осударь ты мой, а все рóдный батюшка!
Ты поѣдешь въ лѣсъ добровушку, —
Не сяки древо кудреватое!
Кудряво дерево никуда не клонится.
Осударыня да все рóдная матушка!
Не отдай дочки замужъ, куды ей не хотца,
Не за стараго, а все не за малаго,—
Ты отдай дочку замужъ за пріудалаго.
Какъ за старымъ жить сухота все моя,
А за малымъ жить — все кручинушка,
За пріудалымъ жить — красота все моя.

Обѣ зап. г-жей Постельниковой.

γ. Подблюдныя.

Подъ новый годъ дѣвушки собираются вмѣстѣ и обыкновенно гадаютъ о своемъ суженомъ такъ: ставятъ на столъ чашку съ водою, опускаютъ въ нее кольца и серьги и т. п. и закрываютъ скатертью. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и женщины, хорошо знающія подблюдныя пѣсни, поютъ. Въ это время каждая дѣвушка старается вынуть изъ чаши свое кольцо подъ звуки того пѣсеннаго стиха, который ей особенно приходится по сердцу.

1078.

а) Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Я золото хороню, хороню! 2
Пріучистиво серебро хороню! 2
Я по краснымъ по дѣвушкамъ,
По молодымъ молодушкамъ.
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная!
Во чьи руки перстень,
Во чьи золоченый.
Ядеръ, сударь, гадайте,
Отъ батюшки идучи,
Русу косу плетучи
Шелкомъ поплетаючи,
Златомъ перевиваючи.
Сыщите, найдите!
Пани моей матушки
Вы не скажите.
Пани моя матушка,
Ена ернива,[1])
Чтобъ меня, молоду, не побила,
Да на игрища отпустила.
Вы, кумушки, гадайте,
Голубушки, гадайте!

---

[1]) т. е. ревнива.

По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертый — замчужный.
Палъ, палъ перстень,
У калину, у малину,
У черную смородину.
Смородина не ягода,
Смеринъ [1]) сынъ, не баръ сынъ:
Ёнъ во шапочкѣ хорошъ,
Во колпачикѣ пригожъ.

Зап. мною.

1079.

б) Рязанской губерніи, Данковск. у., с. Знаменское.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ,
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
У дворянина у молодова. 2
На правой на ручкѣ, на мезинцѣ.
Ужъ вы кумки, вы голубки,
Вы скажите, не утайте:
Меня мати хочетъ бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Гадай, гадай, дѣвица:
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиная крылица?
— Я бы рада гадала
— Черезъ поле идучи,
— Русу косу плетучи
— Шелкомъ прививаючи,
— Златомъ приплетаючи.
«Ищи золото со свѣчами.»
— Золото пропало
И порохомъ запало.

Сообщ. граф. В. Д. Толстой.

1080.

Тульской губерніи, Епифанск. у.

Исусъ Христосъ у воротъ стоитъ;
Онъ съ хлѣбомъ съ солью, со скатертью,
Со скотинкою, съ животинкою
Слава Дѣвы, слава!
Кому вынется,
Тому сбудется
Не минуется.
Слава!

1081.

Разсыплю я монисто по закрому.
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
— Собирать монисто съ милымъ дружкомъ.

Кому вынется и т. д.

1082.

«Заинька повиляинька!
Ты виляй, виляй —
Не отвиляешься.»
— Вилялъ, вилялъ, —
— Въ тенета попалъ.
Кому вынется и т. д.

1083.

Рылась курочка
На заваленкѣ
Вырыло курочка
Золотъ перстень.
Мнѣ тѣмъ перстнемъ
Обручатися.
Кому вынется и т. д.

1084.

Москва.

Курочка ряба
Изъ подъ воротъ
Навозъ гребла,
Вырыла курочка
Золотъ перстень.
Кому вынется и т. д.

1085.

Тамъ-же.

Бѣгала мышка
По закормцамъ,
И собирала мышка
По зернышкамъ.
Кому вынется и т. д.

[1]) т. е. смердинъ.

1086.

Бѣле—клубокъ
Красе—клубокъ
Трястить нитки [1])
Истрястить поясокъ
Кому вынется

108[illegible]

Епифанск. у., Ту[illegible] [illegible]берніи.

Мышъ пишть,
[illegible]оровать трещить;
Еще пошищу;
Еще потащу:
Слава Дѣвы!
Кому вынется и т. д.

1088.

Костромской губерніи, Юрьевск. у.

Комаръ пищитъ,
Коровай тащитъ,
Комариха верещитъ, —
Гнѣздо вѣниковъ тащитъ.
Кому вынется и т. д.

1089.

На печи звѣзда
Высоко взошла!
Ком[illegible] вынется и т. д.

1090.

Маленькій точо́къ,
Большой ворошо́къ.
Кому вынется и т. д.

1091.

За дежой сижу,
Пятерней вожу.
Еще посижу,
Еще повожу.
Ай диво, ай слава!
Кому вынется и т. д.

[1]) Въ слов. Даля: *тростить*, *трощивать* веревку, вить, свивать, спускать пряди, сучить и т. д.

1092.

Рязанской губерніи, Данковск. у.,

За корытомъ сижу,
Корысти себѣ жду;
Еще посижу,
Еще подожду.
Кому вынется и т. д.

1093.

Тамъ-же.

Катилось валилось
Одонье ржи,
Погодя маленько —
Скирдъ овса.
Кому мы спѣли,
Тому добро,
Кому вынется и т. д.

1094.

Москва.

Катилось колечко
По бархату,
Прикатилось колечко
По яхонку.
Кому вынется и т. д.

1095.

Ѣдутъ бояре
Изъ города
Торчатъ ноги
Изъ короба.
Кому вынется и т. д.

Всѣ 13 зап. мною.

1096.

Новгородской губерніи, Кирилловск. у.

Живетъ за рѣкой бога́тинька,
У богатинки двѣ вѣночки.
Кому вынется и т. д.

1097.

Обулся не такъ,
Оболокся не такъ,
Заѣхалъ въ ухабъ, —
Не выѣхать никакъ.
Кому вынется и т. д.

1098.

Бѣгаетъ пѣтелъ
По наволоку,
Ищетъ пѣтелъ
Быка третьяка.
Кому вынется и т. д.

1099.

Идетъ мужикъ изъ Питера:
Куницами, лисицами обтыкался,
Чернымъ соболемъ опоясался.
Кому вынется и т. д.

1100.

Плыветъ чашечка
Изъ-за морья, —
Куда приплыветъ,
Тутъ и расцвѣтетъ.
Кому вынется и т. д.

1101.

Въ ба́енкѣ ледокъ,
Въ предбаенкѣ ледокъ.
Кому вынется и т. д.

1102.

Брякнула иголка
Во ящичекъ, —
Полно шить
На батюшку,
Полно шить
На матушку, —
Пора шить
На младу милую.

Всѣ 7 зап. сельск. учителемъ.
Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

1103.

Москва.

Растворю квашонушку
На донушко,
Поставлю квашонушку
На столбушкѣ.
И моя квашонка
Полнымъ полна.
Ладу, ладу!
Съ краямгровна.
Кому вынеся и т. д.

110[illegible]

Тульской губ[illegible]ифанск. у.

Сидит[illegible]
В[illegible]родѣ,
Гл[illegible]робей
[illegible]жу сторону.
[illegible]ому вынется и т. д.

1105.

Тамъ-же.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребуть жемчугъ лопатами.
Кому вынется и т. д.

1106.

Рязанской губерніи, Данковск. у.

Сидѣла ворона на столбикѣ, —
Очутилась ворона середь избы.
Кому вынется и т. д.

Всѣ 4 зап. мною.

Тульской губерніи, Чернск. у., дер. Сторожевая.

Поставивши на столъ чашку съ водою, *закре́стятъ* ее и кладутъ туда кольца, серьги и т. п. Гадаютъ загадки и дѣвушки, и бабы, и холостые парни, и женатые. Вещи вынимаетъ изъ чашки какая-нибудь одна дѣвушка. Въ Гжатскомъ у.,

Смоленской губ., гадают только дѣвушки и холостые ребята. Для послѣдних кольца опускают въ шапку.

1107.

Мышь пищыть,
Сто рублей тащыть.

(Послѣ каждой пѣсни припѣвъ):

Диво улй Ляду!
Кому спѣли, тому добро.

Вмѣсто послѣдняго стиха поютъ и такъ:

Кому вынется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

1108.

На горкѣ Ягорка
Крупу продаеть:
Мѣрочка мала —
Крупа хороша.

1109.

Идеть кузнецъ изъ кузницы;
На немъ шуба худы́мъ-худа; —
Одна пола—сто рублей дана.

1110.

За печкой *мара́* [1])
Чарны́мъ-чарна.
Сравнялась мара
Съ господами ровна.

1111.

У по́дполѣ блоха
Толкача (?) родила.

1112.

Ползеть ежикъ по зава́ленкѣ,
Тащыть казну на моча́ленкѣ.

[1]) Призракъ, привидѣніе и т. д. Слов. Даля.

1113.

Висить пехте́рь [1]) надъ матицей;
Кто пойдеть, головой попадеть.

1114.

Старикъ старуху звалъ
На сѣно спать:
«Мы съ тобой подумаемъ:
Либо сына женить,
Или дочерю отдать.»

1115.

Котъ кошурку
Звалъ спать ў печурку:
«У печуркѣ спать
Тяпло хорошо.»

1116.

Сѣрая капустка —
Зеленый кочанокъ;
Они со́йдются,
Не разо́йдются.

1117.

Что у стѣнкѣ сучекъ —
То и мой старичокъ;
Завалюсь за него,
Не боюсь никого.

1118.

Мокрый хлопъ
По з. трёпъ.

1119.

Какъ вашъ Ивашъ
Ў снягу завязъ;
А нашъ Ивашъ
Съ возо́мъ на дворѣ.

[1]) Мѣшокъ, связанный изъ веревокъ. Изъ него кормятъ лошадей. М.

1120.

На загнѣточкѣ сижу,
Кашки жду:
Либо кашки въ ротъ,
Или ложкой въ лобъ.

1121.

На повѣтѣ (т. е. крышѣ) мужикъ
Обгаженный лежитъ.
Увидѣла свинья,
Да куви, куви. (Собств. такой звукъ
издаютъ поросята!)

1122.

Куютъ кузняцы
Золотые вянцы.

1123.

Заинька-ковыляинька!
Ковыляй, ковыляй,
По чужой сторонѣ!

1124.

Обвилась кишка
Вокругъ горшка;
Быть кишкѣ
Увсемъ горшкѣ!

1125.

Курочка-копароичка,
Она выкопала золотое кольцо.

1126.

Курочка ряба
По проулочку брела,
Кочетъ (т. е. пѣтухъ) слѣпъ
За ней ўслѣдъ.

1127.

Стоитъ корыто
Другимъ накрыто.
(т. е. гробъ). [1])

[1]) Подобное выраженіе въ Русск. Простонар. Легенд., дополн., 6—7; Эти. Сб. VI, ст. IV, 49.

1128.

Сидитъ сова
Надъ сáпушкой. [2])

1129.

Прилетѣлъ сокóлъ,
Сорвалъ хохолъ.

1130.

Заинька-ковыляинька, Слава тѣ!
Ковылять тебѣ на чужу сторону! Слава тѣ!
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

Дорога мущинѣ, женщинѣ далекое замужество.

Слава тѣ» повторяется послѣ каждаго стиха, а другой припѣвъ послѣ каждой пѣсни.

1131.

Саночки-самокаточки,
Сѣсть на васъ да поѣхати.
(Дорога).

1132.

На стѣнкѣ сучекъ —
Мой старичокъ,
Завалюсь за него,
Не боюсь никого.
(Богатство).

1133.

Сидитъ ворона на столбѣ,
Очутилась на скирдѣ.
(Смерть).

1134.

Несутъ корыто
Другимъ накрыто.

[2]) Дымъ въ курной избѣ.

1135.

Съ печки слѣзъ
Весь облѣзъ,
Къ двери подошелъ,
Трое желудей нашелъ.

1136.

Идеть смерть по улицѣ,
Несеть блинъ на блюдцѣ.

(Смерть).

(Припѣвъ послѣ каждой пѣсни):

Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

1137.

На загнѣткѣ сижу,
Долги нитки вожу,
Еще посижу,
Еще повожу.

(Дѣвичество).

1138.

На дубчикѣ два голубчика
Цѣлуются-милуются.
То диво, то слава!
Кому выльется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

1139.

Сидитъ воробей
На жердочкѣ
Смотритъ воробей
На чужую сторону.

1140.

Калужской губерніи, Таруск. у., с. Маковицы.

Сѣй, мать, мучицу,
Пеки пирожки:
Къ тебѣ сваты,
Ко мнѣ—женихи. (Свадьба).
Диво лилё, ладо́ моё!
Кому спѣли, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.

1141.

Обвилась кишка
Вокругъ горшка.
Быть кишкѣ
Во всемъ горшкѣ.

(Свадьба).

1142.

Сидитъ воробушекъ на колушкѣ,
Смотритъ воробушекъ на чужу сторонушку.

(Идти въ чужую сторону).

1143.

На столбу сижу,
Заплатки плачу́.
Еще посижу,
Еще поплачу.

(Предвѣщаетъ что-то нехорошее).

1144.

Катится горошекъ по́ току,
Прикатилась она [1]) къ во́роху.

(Тоже что-то не хорошее).

1145.

Вѣнички пошумельнички,
Еще повисятъ, еще пошумятъ.

Всѣ 40 зап. студ. Моск. унив. А. Марковымъ. Сообщ. Этногр. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э.

δ) Игрища въ Вятской губерніи, Котельническаго уѣзда.

Крестьянскія игрища обыкновенно бываютъ въ святочное время, начиная со второго дня Рождества Христова и кончая кануномъ сочельника Крещенія. Близкое сходство съ играющими еще имѣютъ такъ называемые *ссыпки*, отличающіеся отъ первыхъ тѣмъ, что на ссыпки складываются

[1]) т. е. горошина.

нѣсколько крестьянскихъ семействъ на муку, пиво, вино и лучину, и составляютъ такимъ образомъ игрище, на которое можетъ приходить всякій, кто-бы ни вздумалъ. Настоящее игрище всегда дѣлаютъ только тѣ изъ крестьянъ, которые посостоятельнѣе и у которыхъ въ семействѣ бываетъ много дѣвокъ; на него ходятъ только по приглашенію. Большею частію *сыпки* бываютъ въ тѣхъ селахъ или деревняхъ, гдѣ немного народонаселенія. Въ такомъ случаѣ нѣсколько крестьянскихъ семей изъ разныхъ деревень условливаются собраться гдѣ-нибудь въ одной деревнѣ и тамъ припасаютъ сообща все, что нужно для предполагаемаго игрища. Наканунѣ предшествующаго игрищу дня хозяинъ игрища разсылаетъ по всей деревнѣ своихъ «робятъ» извѣстить о предстоящемъ игрищѣ всѣхъ сосѣдей слѣдующими словами: «Пожалуйте, хоть напр., Кузьма Васильевичъ съ дѣтками сегодня къ намъ на вечеринку поиграть и испить пивца.» При семъ приглашаемый всегда извиняется и повидимому, какъ будто отказывается, говоря, что онъ ужъ и пива больше не пьетъ, зарокъ далъ, потому что-де третьяго дня напился до зѣла и разодрался съ Ѳедькой Кошаевымъ; а своихъ дѣтей пошлетъ, пусть побалуютъ. Если *робята* находятъ въ своей деревнѣ какого нибудь Микулку Музурова изъ другой деревни, заказываютъ и ему: когда онъ пойдетъ домой, объявить своимъ деревенскимъ сосѣдямъ, не угодно-ли будетъ кому-нибудь изъ нихъ придти туда-то на вечеринку.

Прежде всего собираются на игрище дѣвки, а потомъ уже молодые парни, которые не иначе должны сюда придти, какъ въ родѣ странствующихъ скомороховъ, стучащихъ подъ окошками и кричащихъ писклнвымъ голосомъ: «Пустите-ко, дѣвушки, насъ ночевать!», причемъ дѣвки отвѣчаютъ тѣмъ же тономъ «идите!»

До начала игры молодые робята, разряженные въ красные рубахи и плисовые шаровары съ безконечными карманами, въ которые нагребается почти до полупудовки орѣховъ,—садятся за стоящій подъ полатями столъ и начинаютъ играть въ карты; а дѣвки садятся впереди по лавкамъ и поютъ сначала круговыя, а потомъ *парочныя* пѣсни, — парочныя пѣсни замѣняются иногда музыкой, состоящей изъ скрипки о двухъ или трехъ струнахъ, гармоники и балалайки,— а наконецъ поютъ «бояръ», т. е. такія пѣсни, въ которыхъ величаютъ попарно парня съ дѣвкой, начиная прежде съ хозяина съ хозяйкой, потомъ его семейства, а наконецъ и поющихъ, и пляшущихъ, и просто глазѣющихъ...

Нѣсколько дѣвокъ и парней становятся посрединѣ избы въ кругъ и, ходя кругомъ, поютъ круговыя пѣсни, начинающіеся обыкновенно молодушками. Молодушки начинаютъ:

1146.

На дворѣ-то дождикъ накрапаетъ,
А на игрище дѣвокъ прибываетъ.
Вы дѣвушки, пляшите и скачите,
На насъ молодушекъ не глядите.

(Далѣе молодушки и дѣвки поютъ вмѣстѣ):

А вы холостые и женаты,
Берите насъ по любовѣ, [1])
По батюшкину благословенью,
По матушкину приказанью,
По братцову-то приговору,
По сестрицыну низкопоклонью.

Эта пѣсня повторяется трижды, послѣ чего опять молодушки и дѣвки поютъ вмѣстѣ, а молодые ребята уже не учавствуютъ — они или пляшутъ, или играютъ подъ полатями въ карты.

1147.

Калинушка съ малинушкой стояла,
На калинѣ соловей птица сидитъ;
Онъ горьку ягоду-калинушку клюетъ
И малинушкой закусываетъ.
Прилетали къ соловью два сокола,
Звали, звали соловейка съ собою;
Накормили соловейка пшеною,
Напоили соловейка сытою,
Посадили соловейка въ зеленъ садъ,
Во серебряну-то клѣточку,
Да въ позолочену-то рѣшоточку;
Заставили соловейка пѣсни пѣть.
Ой ты пой соловей, воспѣвай
Про кручину удалую молодца.
Не найдется ли такого игрока
Супротивъ соловья?
Вотъ нашелся игрокъ
Въ старомъ во городѣ во Новгородѣ:
Онъ игры возыгрывая,
Да лужёну стрѣлу намѣчивая,
Говоритъ онъ зычнымъ голосомъ:
Полетай, летай луженая стрѣла,
Полетай ты по поднебесью!
Ты убей, убей сѣру утицу, на кушанье,

[1]) т. е. по любви.

Бѣлу лебедь на кушанье,
Черна ворона на разлуку молодцу.
Разлучатъ его съ красной дѣвицей,
Со другою со красавицею.

или:

1148.

Я по цвѣтикамъ ходила,
Я по маленькимъ гуляла,
Алый цвѣточикъ искала;
Не нашла цвѣтка такого
Сопротивъ дружка милаго.
Мой миленькій хорошъ,
Чернобровъ душа, пригожъ,
Онъ любовь ко мнѣ принесъ,
Да и подарокъ дорогой —
Съ ручки перстень золотой
На мизинецъ на правой.
Люди баютъ — говорятъ,
Любить друга не велятъ.
Я людей-то не слушаю
Люблю друга всей душой.

Послѣ этой пѣсни одна изъ дѣвокъ становится за кругъ съ подвязанною платкомъ головою.

Прочіе поютъ:

1149.

Ты куда наша Надеженька суряжаешься?

При этихъ словахъ къ ней подходитъ молодой парень и начинаетъ её распрашивать: чья она дочь, какъ её зовутъ и любитъ-ли она кого? Та отвѣчаетъ ему, что слѣдуетъ. Между тѣмъ прочіе продолжаютъ припѣвать:

Суряжалася Надеженька на Волгу на рѣку,
На Волгу на рѣку, на крутые берега,
На крутые берега, на вольные луга,
Гдѣ рѣчушка быстра, скоро судно принесла.
По суденышку её миленькой похаживаетъ
Черны брови подымаетъ и покрикиваетъ,
Изъ ума младу Надеженку вывѣдываетъ,
Изъ ума изъ разума, изъ дѣвичей красы,
Изъ дѣвичей красоты,изъ русыя изъ косы.

или:

1150.

Цвѣтъ мой цвѣтъ,
Дорогой мой цвѣтъ!
Скажи любишь, али нѣтъ?
Буде любишь, такъ скажи,
А не любишь—откажи.

Эти слова импровизируетъ одна изъ дѣвокъ, которая должна ходить вокругъ и составлять кругъ. Далѣе опять поютъ всѣ:

Красна дѣвица сказала:
Боюсь, боюсь батюшка,
Опасаюсь матушки....
Не убоюсь я отца,
Распотѣшу молодца;
Распотѣшу, распотѣшу!
Онъ одинъ сынъ у отца, —
Лучше матери отца.

Вслѣдъ за этой пѣсней въ кругъ входитъ вмѣстѣ съ ходящей за кругомъ дѣвкой и парень и молча становится съ нею рядомъ.

Дѣвки поютъ:

1151.

На красавцѣ два кафтана
Гормазинскаго сукна.
Полы машутся, раздуваются.
Миткалиная рубашечка бѣлѣется,
Вкругъ вороту, подолу —
Золотая бахрама;
Вкругъ рукавецъ, вкругъ карманецъ
Золотой позументъ.
На немъ шапочка съ перомъ,
Рукавицы съ серебромъ;
На немъ шапочка смѣется,
Рукавицы говорятъ....
Поженитися велятъ.

Парень начинаетъ пѣть одинъ:

Радъ бы я женитися, да мнѣ некого взять.
Стару бабу взять — при горнцѣ держать.
Красну дѣвицу — душу мнѣ взять —
За стеклышкомъ держать.
Стару бабу—сухарями кормить,
Молодую молодушку калачиками,
Красну дѣвицу душу — сладкими пряничками.

(Стоящіе въ кругу парень съ дѣвкой уходятъ; вмѣсто ихъ опять становится въ кругъ другой парень. Молодушки поютъ, — сначала одни):

У дѣвицы-бѣлолицы румянцы играли;
Молодому, холостому досаду давали.
Молодой — онъ холостой,
Въ зеленыхъ лугахъ гулялъ;
Въ зеленыхъ лугахъ гулялъ,
Много травочки примялъ,
Примялъ, примялъ, притопталъ,
Путь дороженьку искалъ,
Искалъ, искалъ не нашелъ;
Самъ заплакалъ да пошелъ
Ко любезной во гости......

Тотчасъ послѣ этой пѣсни стоящій въ кругу парень подходитъ къ какой нибудь дѣвкѣ, беретъ её за руку и спрашиваетъ её, станетъ ли она его любить? та отвѣчаетъ: «стану!» При этомъ влюбленный въ невѣсту запрещаетъ ей говорить кому-либо про свою любовь и, получивъ на это ея согласіе, начинаетъ съ ней плясать припѣвая:

1152.

Любезная выходила на красно крылечко,
Любезна говорила тайное словечко,
Слово тайно, не утайно:
Гулять съ милымъ полно.
Съ кѣмъ гуляла—не хочу,
Съ кѣмъ гу́ляно—не скажу.

Позади круга становится молодой дѣтина и плачетъ, а пѣсня между тѣмъ допѣвается всѣми:

Черезъ городъ
Летитъ голубь,
Какъ изъ лука стрѣла.
Черезъ море плыветъ утка,
Плыветъ утка — селезень
Тихою водою, травою муравою.
Парень молодой
Тужитъ плачетъ о милой....

или:

1153.

На горушкѣ долина,
На долинѣ рябина.
А что-съ кому дѣло—рябина.
Да какое кому дѣло—рябина?
Я рябинушку ломала,
Я въ пучечки вязала.
А что-съ, кому дѣло—вязала,
Да какое кому дѣло—вязала?
Я подъ горушку бросала.
А что-съ, кому дѣло—бросала,
Да какое кому дѣло—бросала?
Калинъ мостикъ мостила;
Я ко милому ходила.
А что-съ, кому дѣло—я ходила?
Да какое кому дѣло—я ходила?
Ахъ ты, миленькой, ты милый мой!
Возьми меня замужъ за себя.
А что-съ, кому дѣло—за себя,
Да какое кому дѣло—за себя?
Станутъ люди-же смѣяться,
Меня матерь забранитъ.
А что-съ кому дѣло—забранитъ
Да какое кому дѣло—забранитъ?

или:

1154.

Черный воронъ воду пьетъ,
Воду пьетъ, воду пьетъ.
Онъ не напилъ—намутилъ;
Возмутивши, говорилъ,—
Говорилъ, говорилъ:
«Не быть дѣвкѣ замужемъ, —
Замужемъ, замужемъ,
За старенькимъ старичкомъ, —
Старичкомъ, старичкомъ.»
Красна дѣвица сказала,—
Сказала, сказала:
«Я старому сноровлю,
Сноровлю, сноровлю:
Постелюшку постелю,
Постелю, постелю,—
Въ три рядочка кирпичу;
Въ четвертый шипицу колючую,
Колючу, колючу;
Крапиву шипучую,
Шипучу, шипучу.

или:

1155.

Думала думушки загадки:
Чужи жены хороши да гладки;
А наша та Маруся некорыстна:

Маленька, худенька, черненька.
Вѣдь наши то робята вороваты:
Поймали курочку—рябушку,
Выдергали перья на подушку,
А мелкой пухъ на перину.
«Вотъ, женушка, подушка,
Вотъ тебѣ другая пуховая:
Спи, моя жена, да высыпайся!»
Моя то жена молодая,—
Молодая, удалая,
Черную пашеньку пахала,
Семъ мериновъ загоняла,
Восьмую кобылку соловую.
Частые борозды гоняла,
Широки загоны проѣзжала,
Сѣяла огурчики, капустку,
Сладкую рѣдечку московску,
Славное сѣмя ярославско.

По окончаніи этой пѣсни въ середину круга становятся двѣ молодушки, изъ коихъ одна называется старикомъ, а другая старухой, причемъ эта послѣдняя пляшетъ вмѣстѣ съ другими дѣвками и молодушками, а первая стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Старуха спрашиваетъ старика: «Старикъ пойдешь пахать?» старикъ отвѣчаетъ — «не хочу.» Потомъ поютъ всѣ:

1156.

Горе мое, да гореванье,
Тяжелешенько да воздыханье!
Напередъ меня горе уродилось.
Какъ у кумушки старикъ-отъ вѣдь не можетъ,
И работать его головушка не хочетъ.

Далѣе на вопросы старухи: «Старикъ, пойдемъ съ поля хлѣбъ убирать!» «Старикъ пойдемъ овинъ сушить!» «Старикъ пойдемъ хлѣбъ молотить!» Старикъ на все отвѣчаетъ однимъ—«не хочу» и послѣ каждаго отказа на вопросъ поется «Горе мое, да гореванье....»

Послѣ этихъ вопросовъ старуха зоветъ старика на мельницу. Старикъ отвѣчаетъ — «не могу», и опять поютъ тоже. Наконецъ старуха предлагаетъ ему послѣдній вопросъ: «Старикъ, пойдемъ пиво пить?» И старикъ, ничего не говоря, одѣвается, обувается, и наконецъ говоритъ: «Пойду, пойду, моя голубушка!» и идетъ за старухой, которая подноситъ ему большой деревянный бокалъ пива; старикъ пьетъ, а прочіе поютъ:

Радость моя, да радованье,
Веселешинько пированье!
Пора намъ бросить горе,
Пора намъ позабыти слезы:
Вѣдь у кумушки старикъ можетъ,
И работать его головушка хочетъ.

или:

1157.

Утка шла по бережку,
Сѣрая шла по крутому,
Дѣтокъ вела за собою.
Вы, дѣтки, остановитесь,
Вы, маленьки, подождите,
Я схожу на дворъ на боярской:
Тамъ живетъ лисица лихая,
Ихъ лихихъ лихая;
Она съѣла утенка,
Изъ лучшихъ, лучшаго,
Изъ матерыхъ матераго.

Эта пѣсня поется трижды. Потомъ поются *парочныя* пѣсни, замѣняемыя иногда музыкой. Въ избѣ въ это время вдругъ дѣлается тихо; всѣ и старые и молодые садятся по лавкамъ, а другіе за отсутствіемъ порожныхъ мѣстъ размѣщаются или по казенкамъ или по полицамъ. Играющіе роль жениха съ невѣстой выходятъ на середину избы и пляшутъ.... Эти пѣсни называются еще и припѣвальными, т. е. къ дѣвкѣ припѣваютъ жениха, и это припѣванье припѣвается къ каждой дѣвкѣ, находящейся въ избѣ.

1158.

Стоитъ верба надъ водой,
Надъ Дунаемъ надъ рѣкой;
Какъ на этой вербочкѣ
Золотыя вѣточки,
Какъ на этихъ вѣточкахъ
Канарейка гнѣзда вьетъ,
А соколикъ воркуетъ.
Ходитъ соколъ по двору;
На немъ кафтанъ до полу;
Черный картузъ на боку;
Куритъ трубку табаку.
Скажутъ люди—чей такой?
Марья *) скажетъ: «Соколъ мой.»

или:

1159.

Двѣ чарочки по блюдичкамь ходятъ,
Двѣ гитары пóходя говорятъ.
Онисья ходить по терему,
Степановна по высокому.
Она бѣлится, румянится,
И у Ивана въ гости просится,
У Матвѣича выпрашивается:
«Ты, Иванушка, отпусти меня
Ко родному батюшкѣ
Да ко родной матушкѣ.»
«У насъ, Онисьюшка, это въ дому не водится,
Упрося въ гости не просятся;
Твоему свекру это не понравится,
И свекровушкѣ не полюбится.»

Послѣ этой пѣсни всѣ дѣвки, начиная съ 10 лѣтъ, садятся на лавки и закрываются платками, а молодушки поютъ «бояръ» и раздѣляются на двѣ половины; первая половина становится къ дверямъ избы, а другая на противуположную сторону. Первая половина идетъ къ другой и поетъ:

1160.

1-ая «Бояра! мы къ вамъ идемъ,
Молодые! къ вамъ идемъ!»
2-ая — Княжины! зачѣмъ вы къ намъ,
Молодые! зачѣмъ вы къ намъ?
1-ая «Бояра! мы невѣстъ смотрѣть,
Молодые! молодыхъ смотрѣть.»
2-ая — Княжины у насъ нѣту невѣстъ,
Молодые! всѣ не доросточки.
1-ая «Бояра! у васъ выросль,
Молодые! всѣ доросточки.»
2-ая — Княжины! у васъ кто женатъ.
Молодые! у васъ кто холостъ?
1-ая «Бояры! у насъ Яковъ не женатъ,
Молодые! что Михеичъ холостой.»
2-ая — Княжины! изволь выбирать,
Молодые! изволь изъ любыхъ.

Этотъ «бояръ» припѣвается къ парнямъ и поется столько разъ, сколько на игрищѣ всѣхъ парней, невѣстами которыхъ бываютъ впрочемъ только изъ того дома, въ которомъ дѣлается игрище. Во время пѣнья «бояра» всѣ свѣчи гасятъ, кромѣ одной, находящейся подъ полатями, на картежномъ столѣ; а когда пропоютъ «бояръ» для всѣхъ дѣвокъ и парней, то начинаютъ женить бояръ, т. е. считать хлопнутую парнемъ по плечу дѣвку его невѣстою. Послѣ этого дѣвки всѣ опять открываются; а одна изъ молодушекъ садится по серединѣ избы на стулъ. Около нея пляшутъ парень съ дѣвкой. Прочіе дѣвки поютъ пѣсни:

1161.

У стола, стола китайчатаго,
Противъ зеркала стекольчатого,
Тутъ сидитъ, стоитъ Микита господинъ;
Онъ чешетъ голову, разсчесываетъ,
И съ Натальей разговариваетъ:
«Ты, Наташинька, увей кудри,
Ты, Ивановна, увей русы.»
— Я теперь, Микита, не въ твоей волѣ,
А въ волѣ батюшковой,
И въ волѣ матушкиной.
А когда буду я твоя,
Тогда я буду слушаться тебя.

Сидѣвшая на стулѣ молодушка ловитъ пляшущаго съ дѣвкой парня и спрашиваетъ его, кого онъ любитъ? Парень отвѣчаетъ: «Наталью». Молодушка опять его спрашиваетъ: «Какъ?» Парень отвѣчаетъ: три дня хлѣба и соли не ѣсть, да Наталью любить.» Потомъ также спрашиваетъ молодушка и дѣвушку..... Далѣе поютъ:

1162.

Островъ зеленый!
Какъ за городомъ,
Какъ за новенькимъ,
Стояли трои ворота,
Трои точеныя,
Да позолоченыя.

При послѣднихъ словахъ становятся три пары молодушекъ, изъ которыхъ одна пара, схватываясь руками, подымаютъ ихъ къ верху, образуя тѣмъ, какъ бы ворота. Пѣсня продолжаетъ:

Островъ зеленый!
Въ первы ворота
Проѣзжали сватовья.

(Въ первыя ворота проходятъ двѣ пары).

Островъ зеленый!
Въ други ворота
Провозили сундуки.

(Во вторыя ворота провозятъ сундукъ).

Островъ зеленый!
Въ третьи ворота
Проѣзжали женихи.

Проходитъ въ третьи ворота парень съ дѣвкой, называвшейся его невѣстой и обязанной вмѣстѣ съ нимъ плясать.

Островъ зеленый!
Кто сына женитъ,
У кого дочерь беретъ?
Миколай сына женить,
У Ивана дочь беретъ.
Островъ зеленый!
Микитушка женится,
Натальюшку беретъ.
Онъ беретъ таки беретъ,
Она идетъ, таки идетъ.

Потомъ дѣвки спрашиваютъ жениха, какъ онъ любитъ свою невѣсту? Онъ отвѣчаетъ: «она мнѣ дороже всего моего богатства.» Затѣмъ молодая чета опять начинаетъ плясать, припѣвая вмѣстѣ съ другими дѣвками и молодушками:

1163.

Плавала чарочка на сладкомъ на меду;
Некому чарочку переняти....
Перейметъ—не перейметъ —
Микита господинъ.
Поднесетъ—не поднесетъ —
Натальѣ госпожѣ:
«Кушай-ка, Натальюшка, выпей всю!
Что же ты, Натальюшка, упрямишься?
Чтожъ тебѣ, Ивановна, не нравится?
Вѣдь я тебя не силой бралъ?
Вѣдь я къ вамъ свата посылалъ?
Сватъ-отъ кланялся твоему отцу,
Всей твоей семьѣ и твоей роднѣ.

Эта пѣсня поется трижды, послѣ чего молодушка, сидѣвшая во время пѣнья этой пѣсни посреди избы на стулѣ, ловитъ парня и спрашиваетъ: «Какъ ты любишь, Иванушко, свою жену?» Женихъ отвѣчаетъ: «Я ее люблю больше своей жизни».

Подъ конецъ игрища, утомленная плясками молодежь, играетъ или въ такъ называемыя *ладышки* или *лычки*, выпивая при этомъ баснословное количество пива. Иногда впрочемъ приходятъ на игрище «наряженые», въ родѣ напр. медвѣдя въ вывороченной шубѣ, который покажетъ вамъ, какъ старуха шла на барскую работу; при чемъ медвѣдь и скобянится и со стономъ и почти ползкомъ пойдетъ къ дверямъ; а когда спросятъ его, какъ эта старуха просила у барина милостины, то медвѣдь встаетъ на колѣни и съ плачемъ кланяется въ ноги.

Старики и старухи, безъ которыхъ обыкновенно нигдѣ почти дѣло не обходится, во все продолженіе игрища пьютъ пиво и вино (котораго впрочемъ бываетъ мало) и разговариваютъ о своихъ житейскихъ дѣлахъ. При этомъ, какъ водится, не обходится также безъ ссоры и драки, рѣшающейся обыкновенно попойкой..... Наконецъ вся эта шумливая и подгулявшая ватага людей собирается во дворѣ въ груду, раздѣляясь на партіи и дружно обнявшись, также съ пѣснями и пляской отправляется по своимъ угламъ, условливаясь между собою на прощаніи заходить другъ къ другу въ гости, потому что «пиво-то у насъ-де и у самихъ варено» и есть чѣмъ угостить куманька и кумушку.

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

б) Масляничныя. (Пѣсни и обряды).

1164.

Орловской губерніи, Болховск. у., с. Студенка.

Я летала по чужой сторонѣ перепелкою, —
Я летала.
Я искала батюшку на чужой сторонкѣ, —
Я искала.
Не нашла я своего батюшку на чужой сторонкѣ, —
Не нашла я,
Только нашла я пень да колоду, холодную воду, —
Только нашла я.
Всколыхнися холодна вода въ колодезѣ, —
Всколыхнися!
Откликнися, сударь батюшка, на чужой сторонкѣ,
Откликнися!
Не всколыхнулась холодна вода во колодезѣ,
Не всколыхнулась.
Не откликнулся сударь батюшка на чужой сторонкѣ,
Не откликнулся.

Сообщ. Ѳ. Э. Ромеръ.

1165.

Той же губерніи, Сѣвск. у., с. Доброводья.

Да выйдуль я на горку,
Воскликну-ль соловейкю:
«Соловеюшко, батюшко!

Пярепёлушка матушка!
Ты къ чему въ гости не пріѣдешь?
Ты чяму, молодый, не навѣстишь?»
— Ой ты дочь моя, дочь милáя,
Ты голубушка моя, ты сизáя!
Я пріѣду къ табѣ, а ты плачешь,
Я поѣду отъ табя, а ты скачешь;
А далече въ чисто поле провожаешь.
Я подъ яромъ часъ простояла
А я слезками яро, яръ подмыла.
А ня буря вярхи засушила,
Вздыханьецемъ макушечку сломило.

Зап. г-жею Постельниковой.

1166.

Той-же губерніи, Дмитровск. у.

«За рѣкою, матушка, гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня, звончатые:
Пусти меня, матушка, гуслей послушать!»
— Пустить тебя, дитятко,—вѣкъ не видать.
«Приду, приду, матушка, на Великъ день
Съ красненькимъ, матушка, со яичкомъ,
Съ молоденькимъ, матушка, со зятóчкомъ:»
— Милое дитятко, мнѣ тебя далече ждать.
«А ты меня, матушка, кличь закликай!»
— Дитя мое милое! голосу нѣтъ.
«А ты, моя матушка, близко подойди.»
— Дитя мое милое! ножки нейдутъ.
«А ты, моя матушка, письмо напиши.»
— Дитя мое милое! писаря нѣтъ.

Зап. Ю. Ю. Ауэрбахъ въ 1863 г. Поется и въ Болховскомъ у., съ небольшими отмѣнами только въ нѣкоторыхъ словахъ.

1167.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

На горы казаки,
Подъ горой мужики;
Гоголекъ, гоголечикъ!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Все посвистываютъ,
Погаманиваютъ,—

—

Меня, молоду,
Подговариваютъ.

—

У меня, молодой,
Свекоръ батюшка лихой!

—

Ёнъ на горушки
Меня не пущаитъ.

—

А я свекру угожу,
Три бѣды наряжу: 2

—

Подошлю воровъ,
Чтобъ покрали коровъ;

—

Подошлю людей,
Чтобъ покрали клѣтей;

—

Подошлю куманей,[1]
Чтобъ увели комоней.[2]

1168.

Съ горы на гору снѣги сыплють
Люли, люли! снѣги сыплють,—
Гоголекъ, гоголечикъ![3]
Меня, молоду, домой кличуть: 2
«Будь, невѣстка, домой, 2
Будь, лебедка домой! 2
У насъ дома нездоровье: 2
Убился свекоръ съ палатей!» 2
— Кабы знала, молода,
— Подняла бы палатья, 2
— Что повыше того, 2
— Чтобъ убился свекоръ
— Да побольше того. 2

1169.

Горе мое гореванье, 2
Люли, люли гореванье,—
Гоголекъ, гоголекъ!
Тяжело мое ўздыханье 2
На чужой дальней сторонкѣ, 2
У чужова у батьки,
У чужой у матки.
Протекала рѣка слезовая, 2
Воколо той рѣкѣ же лѣсочикъ, 2

---

[1]) кумовей.
[2]) коней.
[3]) Припѣвъ: «люли, люли!» слѣдуетъ за каждымъ стихомъ, съ прибавленіемъ къ нему одного или двухъ словъ предыдущаго стиха—«гоголекъ гоголечикъ!» Такимъ же способомъ поступаютъ съ этимъ припѣвомъ и въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Ш.

Усё лѣсочикъ, усё рябина, 2
Усё пташки, усё кукушки; 2
Ены день и ночь усе кукують, 2
А меня, молоду, усё прослезують, 2
На чужой дальней на сторонкѣ.

1170.

Мы масляницу сострѣчали, 2
Люли, люли! сострѣчали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
На горушки не бывали, 2
Сыромъ гору набивали. 2
Наши горушки катливы,
Наши дѣвушки игривы,
Молодушки веселыя; 2
Стары бабушки воркотливы:
Ены на печки сидять,
На насъ воркотять.
«Вы, бабушки, не ворчите!
Дайте масляницу намъ прогулять, 2
Съ ребятами поиграть, 2
Съ ребятами, со холостыми,
Со холостыми, не женатыми, 2
Люли, люли, не женатыми, —
Гоголекъ, гоголечикъ!

1171.

Наша масляница годовая, 3
Ена гостика дорогая, 2
Ена пѣшою къ намъ не ходить, 2
Усе на комоняхъ разъѣзжаить, 2
Чтобы коники были вороные, 2
Чтобы слуги были молодые. 2

1172.

На долинушки сыръ дубъ стоить
На дубу сидить самъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ ёнъ держить черна ворона, —
Да черна ворона да сврво недруга
Енъ пустилъ же руду по сыру дубу.
Ужъ вы возвейтеся, вѣтры буйные
Вы и ыбивайте да сизова ворона
Сизова ворона да свово недруга.
Свово недруга да братца рóднова.

Всѣ 6 зап. мною отъ старой няни господъ Семевскихъ.

1173.

При проводахъ масляницы.

Курской губерніи, Тимск. у., с. Мандрово.

А масляна, масляна полизуха!
Полизала блинцы да стопцы, —
На тарельцы.
А мы свою масляну провожали,
Тяжко важко да по ней воздыхали.
«А масляна, масляна, воротися,
До самого Велика дня протянися!»

Зап. Е. Томилинымъ.

Похороны масляницы.

Калужской губерніи и у., д. Песочна.

Въ прощенное воскресенье, т. е. въ послѣдній день масляницы, послѣ обѣда соберутся дѣвки и бабы и совершаютъ обрядъ ея похоронъ слѣдующимъ образомъ: дѣлаютъ изъ соломы куклу съ руками, надѣваютъ на нее бабью рубашку и сарафанъ, а на голову навязываютъ платокъ. Въ такомъ видѣ кукла эта изображаетъ собою масляницу. Затѣмъ одну бабу нарядятъ попомъ, надѣнутъ на нее рогожу намѣсто ризы и въ руки дадутъ ей навязанный на веревкѣ осметокъ—на мѣсто кадила. Двое изъ участвующихъ въ обрядѣ берутъ масляницу подъ руки и въ сопровожденіи толпы, подъ предводительствомъ попа пускаются въ путь изъ одного конца деревни въ другой, при пѣніи различныхъ пѣсенъ. Когда же процессія выступаетъ въ обратный путь, то масляницу сажаютъ на палки вмѣсто носилокъ, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессія останавливается. Тутъ куклу-масляницу раздѣваютъ, разорвутъ и растреплютъ всю. Во все время шествія съ масляницей попъ, размахивая *кадиломъ*, кричитъ «аллилуя», а за нимъ кричитъ, шумитъ вся толпа,—кто во что гораздъ: кто плачетъ, кто воетъ, кто хохочетъ и т. д. А когда масляницу хоронятъ, то поютъ пѣсни. [1]) Въ заключеніе нужно замѣтить, что куклу-масляницу дѣлаютъ во многихъ домахъ на деревнѣ, а хоронятъ только одну.

Сообщ. мѣстной помѣщицей М. А. Баскаковой.

---

[1]) Къ сожалѣнію г-жа Баскакова не нашла нужнымъ сообщить эти пѣсни, какъ и самый способъ погребанія *масляницы*. Ш.

Скопище.

Архангельской губернии, Пинеж. у.

Жители города Пинеги и его уѣзда любятъ попраздновать и погулять. Много у нихъ разныхъ праздниковъ извѣстныхъ подъ названіями *скопищъ, кануновъ и богомолій*, установленныхъ искони. Я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ изъ этихъ праздниковъ,—о скопищѣ. Онъ бываетъ, начиная съ мяснаго заговѣнья, каждый день во всю сырную недѣлю, но не во всѣхъ деревняхъ вдругъ, а поочередно въ каждомъ селеніи[1]), въ слѣдующемъ назначенномъ и утутвержденномъ временемъ порядкѣ:

Въ мясное заговѣнье—въ селеніи Цымолѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, внизъ по теченію рѣки Пинеги.

Въ понедѣльникъ на масленой недѣлѣ—въ Заборьѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города, вверхъ по рѣкѣ.

Во вторникъ—въ Кулогорахъ, въ 4-хъ верстахъ вверхъ по рѣкѣ.

Въ среду—въ Валдукурьи, въ 7-ми верстахъ, внизъ по рѣкѣ.

Въ четвертокъ—въ Вонгѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, на противоположномъ берегу рѣки.

Въ пятницу—въ Вояполѣ, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ города вверхъ по рѣкѣ.

Въ субботу—на Крестной-Горѣ[2]), состоящей изъ 8 домовъ и составляющей часть города, Завратѣ, Великомъ дворѣ—маленькихъ деревенькахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Крестной-горы и отдѣляющихся отъ нея ручьемъ, и въ Запольѣ, деревнѣ, лежащей на сѣверъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Завpагу.

Въ воскресенье или самое заговѣнье предъ Великимъ постомъ—въ г. Пинегѣ.

Этотъ праздникъ ведется издревле, такъ что и старожилы не помнятъ съ какого времени онъ начался. Называется скопищемъ, вѣроятно, отъ скопленія народа на горку. Тутъ пріѣзжаютъ и молодые сказанныхъ селеній и города, сочетавшіеся бракомъ въ періодъ времени съ Пасхи до настоящей масленицы. Здѣсь каждому новобрачному вмѣняется въ обязанность скатить съ горки свою молодую жену. Прочіе остаются только зрителями этой церемоніи. Конечно не всѣ пріѣхавшіе на праздникъ находятся у горки, но гораздо большая часть; только нѣкоторые мужички заблаговременно заправляются пивцомъ и водочкой у гостепріимныхъ хозяевъ пира. Если въ селеніи, гдѣ скопище, нѣтъ горки, то вмѣсто того, чтобы молодому катить свою жену, они оба садятся на большіе сани, на которыхъ возятъ воду, называемые дровнями, и мужики волочать ихъ со *звоза*, у котораго, какъ и у горки, скопляется почти весь народъ.

Начинаютъ съѣзжаться послѣ полудня, часа въ 2 и позже. Молодые большею частію пріѣзжаютъ прямо на горку въ самыхъ лучшихъ нарядахъ. Мужики въ суконныхъ тулупахъ, хотя нѣкоторые и въ чужихъ, за неимѣніемъ своихъ, а жены ихъ въ парчевыхъ или штофныхъ (у кого какіе есть) юбкахъ и шубейкахъ и косматыхъ чебакахъ[1]). Шубейки уже начали оставлять; ихъ замѣняютъ суконныя шубы. Такъ точно и чебаки выходятъ изъ моды, и въ этомъ году молодые большею частію пріѣзжали въ большихъ платкахъ, заступившихъ мѣсто чебаковъ, еще очень недавно бывшихъ въ великой модѣ, и которые служили вмѣстѣ съ шубейками непремѣннымъ украшеніемъ каждой женщины. Молодыя остаются на саняхъ у катица горки, а мужья идутъ на нее, гдѣ всегда въ это время много мужиковъ и болѣе холостыхъ, которые по приходѣ молодаго кричатъ: «Молоду (напр. Прокопья Шапкина) на горку.» Она, услышавъ приглашеніе, выходитъ изъ саней и, поклонившись на ту и другую сторону въ поясъ, идетъ къ ожидающему ее мужу, безпрерывно кланяясь, а зашедши на горку и еще отмѣрявъ въ одну сторону 3 низкихъ поклона и сѣвши къ супругу на колѣни, цѣлуетъ его два или три раза; но стоящіе тутъ зѣваки, недовольствуясь такою малою любезностію новобрачныхъ, держатъ санки, говоря: «еще, еще разъ, подмажь, ходче пойдетъ», и заставляютъ ее такимъ образомъ цѣловать 10 разъ и болѣе, и тогда только спускаютъ ихъ кататься. Скатившись, молодая опять цѣлуетъ мужа одинъ разъ, какъ-бы изъявляя ему свою благодарность за сдѣланное ей удовольствіе,—прежде однако-жъ раскланявшись съ зрителями,—и садятся оба въ сани. Съ этою церемоніею каждый молодой долженъ скатить свою жену съ горки по одному разу. Толпящіеся около горки считаютъ сколько разъ *скатятъ* всѣхъ молодыхъ (по ихъ выраженію), что послѣ и составляетъ предметъ раз-

[1]) Подъ селеніемъ разумѣю нѣсколько деревенекъ разныхъ названій, но соединенныхъ подъ одно общее названіе. Наприм. Цымола заключаетъ въ себѣ деревеньки: Ширипино, Олькино, Конецгорье и другія.

[2]) Крестная гора не есть гора, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а называется такъ потому что по сѣверную ея сторону течетъ ручей, надъ которымъ эта часть города возвышается, но ничуть невыше того мѣста, гдѣ расположенъ и самый центръ города.

[1]) Чебакъ—мѣховая шапка; женскій чебакъ—съ круглымъ парчевымъ верхомъ и собольей опушкой на лбу и по затылку. Слов. Даля.

говора. Гдѣ было болѣе молодыхъ, той деревни и чести болѣе.

Во время катанія молодыхъ,—свободные отъ хлопотъ и занятій жители той деревни, гдѣ скопище, ходятъ около горки зазывать къ себѣ гостей паужнать. Тутъ пробираясь между санями и лошадьми, дѣвки, порхая въ снѣгу, отыскиваютъ своихъ подругъ и знакомыхъ, а молодые парни бабы и мужики, обнимаясь и кланяясь, приглашаютъ къ себѣ на па́ужинъ.

Когда молодые исполнятъ свою обязанность, всѣ посѣтители горки отправляются къ своимъ знакомымъ или роднымъ паужнать, у которыхъ между тѣмъ приготовлены уже столы, убранные на подобіе свадебныхъ, съ тою только разницею, что не кладутъ на нихъ цѣлыхъ хлѣбовъ и самыя перемѣны кушаній не столь разнообразны, но они состоятъ изъ разнаго рода рыбъ, какъ-то: треска, приготовленная въ коровьемъ маслѣ, палтасина, сиги, омули, харьюсы, щуки, семга и проч. Пива и вина довольно, отчего мужички иные за столомъ уже совершенно ослабѣваютъ въ физическихъ силахъ, другіе вышедши изъ-за стола безъ церемоніи продолжаютъ пить нешипучее, а просто русской пѣнничекъ и ходятъ изъ дому въ домъ, пока ноги носятъ. Пьютъ водку и женщины, молодые ребята, даже и многія дѣвки, какъ говорится не за столомъ, а за столбомъ. Послѣ па́ужны во многихъ домахъ бываетъ чай, орѣхи, у иныхъ и закуски пряничныя. Въ нѣкоторыхъ домахъ можно найти тенерифъ; но чрезвычайно рѣдко.

Молодые парни сбираютъ для дѣвокъ вечереньки, которыя обыкновѐнно начинаются не ранѣе 9 и даже 10 часовъ вечера и продолжаются до 3-хъ, 4-хъ и даже до 5-ти часовъ утра. Пришедши съ вечеренки и соснувъ 3 или 4 часа, встаютъ. Къ этому времени сбираются съ силами и тѣ, которые наканунѣ вовсе ихъ лишились отъ вліянія спиртоваго, любимаго ими напитка и первые подкрѣпляютъ свою *усталось* и *слабось*, какъ здѣсь выражаются, горячими; а послѣдніе, чѣмъ ушиблись, тѣмъ и лѣчатся на основаніи правила: клинъ клиномъ выбивать и такимъ образомъ къ полудню или ко времени поѣздки на скопище того дня въ другое селеніе порядочно подкрѣпятся. Безъ сомнѣнія не всѣ тутъ ночуютъ; но и уѣзжающіе домой остаются довольны своимъ положеніемъ.

Въ городѣ, какъ мы сказали, скопище бываетъ въ самое заговѣнье, а потому и вечереньки на Великой постъ не дѣлаютъ; но послѣ паужны ѣздятъ гулять, составляя обозъ лошадей въ 25-ть и болѣе; а потомъ изъ дому въ домъ прощаться, конечно къ знакомымъ. Такъ пинежане ежегодно проводятъ масляницу.

Вечеренька.

Сказавши, что въ дни этого праздника сбираются вечереньки, я нахожу очень умѣстнымъ сказать нѣчто и о нихъ.

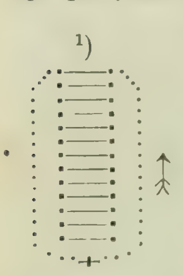
Для составленія вечереньки посылаютъ мальчишекъ закликать. Они обѣгаютъ все селеніе или городъ, гдѣ вечеренька и кричатъ подъ окнами каждаго дома на вечереньку, не входя ни въ какіе подробные разговоры и недожидая отвѣта: придутъ или нѣтъ,—бѣгутъ къ слѣдующему ближнему дому: время и мѣсто собранія извѣстно, ибо изба нанимается всегда у одного небогатаго селенина, потому что богатые считаютъ неприличнымъ позволять у себя въ домѣ сбирать вечереньки, не смотря на то, что спускаютъ на нихъ своихъ сыновей и дочерей. На вечереньки ходятъ дѣвки и холостые мужики, немного бываетъ на нихъ съ своими женами недавно женившихся, также и въ лѣтахъ женщинъ, ходящихъ только посмотрѣть. Изъ этого видно, что дочери спускаются родителями однѣ или со своими подружками безъ всякаго присмотра со стороны родителей, хотя начинаютъ сбираться на вечереньку не ранѣе 9 часовъ, но иногда и позже, а съ ней приходятъ почти всегда не прежде 3-хъ часовъ и даже играютъ до 5 часовъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой слабости родителей бываетъ то, что холостяки, провожая дѣвокъ, увиваются около тѣхъ, которыя имъ нравятся. Хотя у иныхъ есть и сестры, но они оставляются братьями на произволъ судьбы и подъ попеченіемъ ихъ обожателей. Нерѣдко они и назначаютъ тутъ себѣ невѣстъ и получаютъ на то ихъ согласіе.

Самыя вечереньки очень скучны: на нихъ не только не танцуютъ, даже и не пляшутъ. А играютъ такъ: Мужикъ подходитъ къ одной изъ дѣвокъ, сидящихъ на лавкахъ избы, кланяется и беретъ ее за руку или за платокъ [1]), который она вяло и молча подаетъ ему, и они взявшись такимъ образомъ парою ходятъ вдоль избы взадъ и впередъ подъ пѣсню, которую поютъ дѣвки и то не всѣ; а большая часть ихъ сидятъ и жеманяться, не говоря почти ничего даже и между собою, особенно побогаче. По окончаніи пѣсни, а чаще, недождавшись конца ея, дѣвка кланяется парню; а онъ выпускаетъ изъ своихъ рукъ платокъ или руку ея и задѣвъ рукою по плечу дѣвки съ большею или меньшею чувствительностію, на что и она отвѣчаетъ ему слабо, идетъ на свое мѣсто, въ задній уголъ къ своимъ товарищамъ, изъ среды коихъ она беретъ другаго, кланяясь, и

[1]) Платки и у дѣвокъ болѣе бумажные, дешевой цѣны, у нѣкоторыхъ полотняные.

показывая платкомъ, не говоря ни слова. Парень выходитъ и беретъ ее за платокъ или за руку и ходятъ какъ предъидущая пара и тоже не говоря между собою ничего, исключая развѣ какого-либо между ними секрета, который они стараются передать одинъ другому съ величайшею осторожностію и украдкою. Раскланявшись, дѣвка садится, а парень избираетъ себѣ другую и опять тоже повторяется. Поигравши этой игрою довольно долго, для разнообразія заводятъ *караводъ* (по ихъ выраженію). Оставшійся парень беретъ дѣвку, а если дѣвка, то парня и взявшись рука за руку, ходятъ взадъ и впередъ по избѣ одинъ за другимъ. Заднiй опять беретъ дѣвку и такимъ образомъ накопляется очень много и почти всѣ входятъ въ этотъ хороводъ. Походивши довольно, передовой или вожатой садится, а слѣдующій за нимъ, поводивъ сколько ему угодно, отстаетъ и такимъ образомъ мало-по-малу хороводъ уничтожается; но вмѣстѣ съ тѣмъ и опять возобновляется чрезъ набираніе (заднимъ послѣднимъ) оставившихъ хороводъ. Вожатому предоставляется право водить какъ вздумается, во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ.

Наскучивъ и этою игрою, заводятъ 3-ю и послѣднюю, такъ называемую. «Изъ за столба». Всѣ становятся въ пары, одна пара за другою и обыкновенно пару составляютъ парень и дѣвка, а за недостаткомъ первыхъ становятся и двѣ дѣвки. Вставши, всѣ начинаютъ ходить такъ: первая пара распускается и одинъ идетъ по ту, а другой по другую сторону составленнаго столбца, какъ-бы на встрѣчу его парамъ, а въ концѣ избы сходятся и опять идутъ обратно парою, взявшись рука за руку, такъ и каждая пара дошедши до извѣстнаго предѣла, распускается и идетъ на другой конецъ избы для соединенія, и такимъ образомъ все приходитъ въ движеніе. Но какъ вечереньки продолжаются долго, а игоръ только 3 рода, то онѣ и повторяются одна за другою нѣсколько разъ въ произвольномъ порядкѣ.



На вечереньках, бываемыхъ во время святокъ каждаго пріѣзжающаго изъ другой деревни, женятъ, давши ему нѣсколько времени поиграть; послѣ чего женившіеся должны уѣзжать съ вечереньки. Женятъ такъ: мужики той деревни, гдѣ вечеренька, берутъ пріѣзжаго подъ руки и ведутъ къ дѣвкамъ. Которую изъ нихъ онъ назначитъ себѣ невѣстою мужики за руку выводятъ съ мѣста, не обращая вниманія на ея сопротивленіе. Женихъ садится на ея мѣсто на лавку, а мужики къ нему на колѣни одинъ на другаго, избранная-же невѣста стоитъ передъ ними и кланяется пока поется пѣсня:

1174.

Что не штофики по горницы (ѣ) стучатъ,
Что не стаканы по столу говорятъ, —
Что не Дарья ходитъ по́ терему,
Не Петровна по высокому,
Она бѣлицется, румяницется,
У Прокопья въ гости просицется,
У Михайловича доложицется:
«Ты Прокопьюшка душенька!
Ты, спусти въ гости ко батюшку,
Ко родимой ко матушкѣ.»
— «Ужъ Дарьюжка Душенька!
Поживи у меня на дому,
Погляди на меня молодца.»

По окончаніи этой пѣсни мужики сходятъ съ колѣней жениха, который встаетъ и, хлопнувъ невѣсту по плечу и раскланявшись другъ другу, расходятся по своимъ мѣстамъ, а дѣвки опять заводятъ хороводъ. Кто изъ этихъ новобрачныхъ пойдетъ напередъ въ него, тотъ обязанъ взять своего или свою избраннаго или избранную.

Мужики съ цѣлію женятъ, чтобы не п[illegible]ть пріѣзжающимъ своего почёта, который [illegible]ся съ прибытіемъ порядочныхъ гостей; [illegible]ѣд-нихъ этою женитьбою удаляютъ съ в[illegible]ки.

Вечереньки бываютъ о святкахъ, о[illegible]ицѣ и рѣдко по праздникамъ въ періодъ [illegible]отъ святокъ до масляницы; съ масляниц[illegible] По-крова онѣ вовсе не бываютъ. Съ По[illegible] Фи-липова поста сбираются вечереньки [illegible]дни-камъ, и тогда ихъ называютъ субот[illegible]а ве-череньки въ Новый годъ и Крещен[illegible] хо-дятъ въ самыхъ лучшихъ нарядахъ [illegible]кахъ, въ другое же время, хотя не въ луч[illegible]днако въ хорошихъ; но всегда румянятся, [illegible] даже и бѣлятся.

Зап. въ 1852 г. учителемъ Пинеж[illegible]приход-скаго училища С. Пругавинымъ [illegible] архива И. Р. Г. Общ.

---

[1]) Точки, соединенныя линіями, означаютъ пары столба, идущія по направленіи стрѣлки, а показанныя отъ послѣдней пары точки по ту и другую сторону столба значатъ распустившіяся пары, изъ коихъ парень идетъ по ту сторону, а дѣвка по другую обратно для соединенія въ знакѣ -+-.

[1]) Прокопій и Дарья имена жениха и невѣсты, взятыя для примѣра.

в) Веснянки.

1175.

Курской губернии, Тимск. у.

Весна красна!
На чѣмъ пришла?
— На жёрдочкѣ,
На боро́здочкѣ,
На овсяномъ колосо́чкѣ,
На пшеничномъ пирожо́чкѣ.
А мы вясну́ ждали,
Клочки допрядали.
Лятѣлъ куликъ
Изъ-за морья,
Принесъ куликъ
Девять за́мковъ.
«Куликъ, куликъ!
Замыкай зиму, 2
Отпирай вясну —
Теплое лѣто.

Эта пѣсня поется дѣтьми обоего пола въ *со́роки*, т. е. въ день сорока мучениковъ (9-го марта)—первый весенній праздникъ. Онѣ (т. е. дѣти) собираются на огородахъ и приносятъ съ собою куликовъ, которые пекутъ изъ пшеничнаго или ржанаго тѣста. Иногда они называются жаворонками. Этихъ куликовъ привязываютъ нитками къ шестамъ, которые втыкаютъ въ одонки. Вѣтеръ качаетъ куликовъ, такъ что они представляются какъ-бы летящими, а дѣти поютъ:

Вясна красна!
На чемъ пришла и т. д.

Часто куликовъ качаютъ по «падорнямъ[1]», подкидываютъ на одонья, сопровождая это пѣніемъ приведенной пѣсни, а шесты съ куликами иногда держатъ въ рукахъ, или же, отвязавъ куликовъ, берутъ послѣднихъ руками за крылушки, то опуская ихъ внизъ, то подымая вверхъ и такимъ образомъ они представляются летящими.

Въ тотъ же день пекутъ сорбкъ (вѣроятно вслѣдствіе созвучія словъ сброки и сороки.)

Зап. дѣйств. студентомъ Моск. университета Е. И. Томилинымъ отъ крестьянки Пелагеи Колышовой.

1176.

Екатеринославской губ., Александровск. у.

«Охъ ты, матушка, весна!
Что намъ, радость, принесла?»
— Принесла я вамъ весну,
Краснымъ дѣвкамъ сухоту,
Добру молодцу печаль.
Почему садикъ завялъ?
— Добрый молодецъ гулялъ
На своемъ добромъ коню,
На черкасскому сѣдлу.
«Охъ, ты конь вороной,
Стрепенися подо мной!»
Марьянушка молода
Съ острога конь вела
За шелковы повода.

Зап. И. И. Манжура.

1177.

Смоленской губернии, Дорогобужск. у., с. Ерилово.

Не мой-то свекоръ
По гордду ходить
Розанъ, розанъ!

(Припѣвъ послѣ двухъ стиховъ).

По гордду ходить,
Конопельку сѣить.
А мнѣ, молоденькѣ,
Конопель не брать
И рукъ не марать.

Зап. студ. историко-филол. факульт. Моск. унив. А. Марковъ. Сообщ. Отдѣл. Этн. И. О. Л. Е. А. и Э.

1178.

Той-же губернии и у.

Благослови Боже,
Благослови Христосъ
Намъ весну зачати,
А зиму проклясти!
Ой весна красна,
Тёпло лѣтечко!
Что намъ вынесла?
— Коробъ житушка,
Два — пшеничушки,
Малымъ дѣтушкамъ—
По яичушку,
Краснымъ дѣвушкамъ—
По перстёночку
Молодымъ молодушкамъ—
По дѣтёнышку,
Старымъ старушкамъ—
По рублевику.

[1]) *Падорня.*—остожье, подстожье, стлань. Сл. Даля.

1179.

Охъ и дай Боже, добрые годы!
Годы добрые, хлѣбородные.
Зароди, Боже, жито гўстое,
Жито густое, колосистое,
Колосистое, ядренистое,
Что бы было съ чего пиво варити,
Пиво варити, робятъ женити, —
Робятъ женити, дѣвокъ отдавати!

1180.

Охъ весна краснȧ
Все повытрясла,
Изъ закромовъ
Все повыскребла;
Новымъ вѣничкомъ
Все повымела.

1181.

Ты пчёлынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золȯтые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни лѣтечко,
Лѣтечко теплое,
Лѣтечко теплое,
Лѣто хлѣбородное!

1182.

Летѣла ворона
Черезъ мохъ-болото,
Ой сѣла ворона
На калиновомъ кустѣ.
«Ой горько мнѣ, горько
Калиницу клевати.»
— «Ой куда мнѣ худо
У свекорки жити, —
Поздненько поляжуть,
Раненько возбудять:
«Ўставай, невѣстка,
ўставай, негожа!
У тебя дѣлъ много:
Бѣлъ кужелъ не прядենъ,
Умычки не мыканы.»

Летѣла сорока
Черезъ мохъ болото.
Ой сѣла сорока
На малиновомъ кўстѣ.
«Ой, сладко мнѣ, сладко
Малинницу клевати.
Ой сладко мнѣ, сладко,
У батюшки жити:
Раненько поляжутъ,
Позднепько возбудятъ:
Ўставай, дочушка,
Уставай, кукушка!
Дѣвки, молодухи,
На улицу вышли.
Дѣвки гуляютъ
И тебя гукаютъ.[1])

1183.

А ў лузи соловейко
Да калинку клюетъ, —
Да не самъ взростёмши,
Да не самъ поливамши.
Возростилъ ее Господь Богъ,
Поливалъ ее дробенъ дождь.
А ў лузи соловейко
Да калинку клюетъ,
А лютой свекорко
Да невѣстку журитъ:
Да не самъ породёмши,
Да не самъ вскормёмши.
Породила ее родна матушка,
Возростилъ, вскормилъ
Родной батюшка.
Посылаетъ свекоръ молоду
Скрозь ночь темну пȯ воду.
А я, молода, горюша,
Одна — ночью боюся:
На мое, мое несчастье
И пѣтухъ не пѣётъ
И гусакъ не кричитъ.
Какъ зачулъ меня, почулъ
На ночлегѣ милый.
На ночлегѣ онъ лежалъ,
Онъ во скрипочку рѣзалъ:
«Ты небось, моя милая,
Я тебя не покину.
Я тогда тебя покину;
Когда самъ погину;
Я тогда тебя забуду,
Когда живъ не буду.»

---

[1]) гукать—звать, кликать.

1184.

«Орелъ Божья птица!
Гдѣ ты былъ, пробывалъ?
Надъ чіимъ ты полемъ,
Сизъ орелъ леталъ?»
— Надъ Лахтевскимъ полемъ
Я, орелъ, леталъ,
Крыломъ засѣвалъ.
Сѣялъ я пшеничку —
Зародилъ Богъ травичку.
— Орелъ, Божья птица!
Гды ты былъ, пробывалъ,
Надъ чіимъ ты полемъ
Сизъ орелъ леталъ?»
—Надъ Темеченскимъ полемъ
Я, орелъ, леталъ,
Крыломъ засѣвалъ.
Сѣялъ я травичку, —
Зародилъ Богъ пшеничку.

1185.

На дубу сидитъ орелъ,
А подъ дубомъ пава.
Вопрошаетъ орла
Пава красная:
«А чего ты, орелъ,
Высоко сидишь?
Высоко сидишь,
Далеко глядишь?»
— Я высоко сижу,
Я далеко гляжу.
Я далеко гляжу, 2
Да диво вижу:
Ужъ и что это въ лѣсу
Мнѣ повидѣлося?
Ужъ и что въ лѣсу
Зачернѣлося?
Ти не медвѣдица
Съ медвѣдятками?
— Нѣтъ, то свекрова моя
Со золовками.
На дубу сидитъ орелъ,
А подъ дубомъ пава.
Вопрошаетъ орла
Пава красная:
«А что ты, орелъ,
Высоко сидишь,
Далеко глядишь?»
— Я высоко сижу
Я далёко гляжу, 2
Да диво вижу.
Ужъ и что это въ лѣсу
Мнѣ повидѣлося?
Ужъ и что это въ лѣсу
Забѣлѣлося?
Ти не лебедушка
Съ лебедятками?
— Нѣтъ, то моя матушка
Со сестрицами.

1186.

На горѣ дубье
Стоитъ виловато,
А наша братьи
Во всемъ виноваты:
Отдали сестру
На чужу сторону́, 2
Чужедальную.
Ты, сестра, пріѣзжай,
Въ гости къ намъ побывай:
«Каково тебѣ, сестра,
На чужой сторонѣ?»
— Привези, братъ, возъ костра̀,
Да середъ двора свали.
Ту костру запали́,
На ней лягъ, полежи.
Каково будетъ тебѣ
Во поломѣ, во огнѣ, —
Таково живется мнѣ
На чужой сторонѣ.

1187.

Молодость моя, молодость!
На чёмъ мнѣ тебя вспоминать?
Когда ужъ я молодость мою
Вспомяну на меду?—
Вспомяну на меду, —
Сама пойду по воду,
Кину ведры подъ гору́,
А коромыселъ по двору.
Станьте вёдра каменемъ,
Коромыселъ горою.
А сама я, молода,
Скинуся вербою.
Скинуся вербою
Надъ быстрой рѣкою.
Плыли той рѣкой
Купцы торговцы,
Стали тую вербу
Они сѣчь, палить;
Стали сѣчь, пилить,
Звонки гусли мастерить.
«Вы играйте, гусли,

Гусли самогуды,
Вы играйте жалобно,
Какъ я дѣвица плакала,
За стараго идучи,
На молодого глядючи.
Старый мужъ—колода,
А молодой—ягода.
Старый мужъ—пень гнилой,
А молодой—день милой.

Всѣ 10 зап. А. Н. ф.-Галлеромъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.
(Ср. выше стр. 228, № 354).

1188.

Орловской губерніи, Трубчевск. у. [1])

Што въ городи на рыночку
Пьеть голота [2]) гари́лочку
Да за свою копѣечку.
На вулицы на широкэ́й,
На муравины зяленэ́й
Тамъ дѣвушки танки водють,
Тамъ танки водють-зъ выводами,
Пяю́ть пѣсни припивають,
Бьють въ ладони прибпвають.
Туды-бъ ѣхавъ Кіявскій князь,
Всимъ дзѣвушкамъ шапочку снявъ,
Шапочку снявъ, «Богъ въ помочь» давъ.
Вси дзѣвушки вкланилися,
Одна Алёна ни вкланилась.
Знать тебѣ, Алёнѣ, быць за мною,
Слышь, маёю княгиняю молодою,
Я табѣ, Алёна, все вспомяну.»
—Я таби, князю, все взнаравлю.

1189.

Што в'пасъ на вулицы,
Да в'пасъ па ши́рокэй?—
Охъ-и-ой, ляли!
Ой, рапымъ рано
(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія).

Да в'насъ на мурави,
Да в'насъ на зяленэ́й

—

Гуляли дзѣтушки,
Красныя дзѣвушки

—

Промежъ тыхъ дзѣвушакъ—
Красна Марьютушка.

—

Съоткуль ўзявся
Молойцъ Митюшка

—

Ёнъ ўзявъ Марьюшку
За праву за ручюшку.

—

Вси по ёй дзѣвушки,
Вси позаплакали,

—

Вси позаплакали,
Позажурылися.

—

Охъ, и хтожъ ти в'нась
Посярёдъ пайдзеть?

—

Посярёдъ пайдзеть,
Нась дзѣвакъ павядзеть?

—

Дзѣвакъ павядзеть,
Маленькихъ дзѣтушакъ?

—

Марьюшка кажить:
«Я папярёдъ пайду,

—

Я папяредъ пайду,
Васъ дзѣвакъ павяду.»

1190.

Ляцѣла стрѣлачка
Тирязъ вулицу.
(Припѣвъ тотъ же).

—

Да вбила стрѣлочка
Добраго молойца.

—

Некому по ёмъ
Потужить, поплакать.

—

Яго мать стара́,
Да сястра мала́,

—

Сястра мала,
Жапа молода.

—

Йдзѣ мать плачить —
Быстра рѣка бяжить;

—

[1]) Всѣ три веснянки означенной мѣстности поются въ хороводѣ.
[2]) *Голота*.—голыдьба, люди бѣднаго состоянія. Слов. Носовича.

Идзѣ сяcтра плачить —
Тамъ колодзизякъ

—

Айдзѣ жана плачить —
Тамъ росы нѣту.

Зап. сельскимъ учителемъ Д. П. Рождественскимъ.

г) **Пѣсни волочебниковъ.** [1])

1191.

Псковской губерніи, Торопецк. у.

Поздравленіе холостому.

Стояло древо тонко, высоко, —
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Тонко, высоко, листомъ широко.
На томъ древѣ сидѣлъ орелъ, —
Сизой орелъ, сизы перья.
А гдѣ же взялся препышный стрѣлецъ,
Препышный стрѣлецъ — Михалушка.
И хочетъ онъ да й лань убити.
«Не бей меня, Михалушка,
А я-жъ тебѣ понадоблюся,
Принадоблюся, пригожуся:
Поѣдешь, братъ, жениться —
Не будетъ тебѣ ни переѣзду, ни переходу.
А я-жъ тебя возьму подъ правое крыло,
Суженую я возьму подъ лѣвое,
Хортовъ [2]) товоихъ всѣхъ пересвищу.

1192.

Поздравленіе хозяину.

Стояла рыня тонка, высока
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!
Тонка, высока, шпромъ широка.
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые.
На тыхъ столикахъ все скатерти,
Все скатерти, все браныя,
Все браныя, нашиванныя.
На тыхъ столахъ все святки́,
Все святки, все праздничкн:
Первое свято — Великъ Христовъ день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ яичкомъ;
Другое свято — Юрій — Егорій:
Во чистомъ полѣ статокъ спасаетъ,
Статокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято — святый Микола,
Святый Микола около дво́ра,
Около двора, кануни варицъ,
Кануни варицъ, коники глядзицъ;
Четвертое свято, — свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ си́нимъ цвѣтомъ;
Пятое свято — святый Пя́церъ, [3])
Святый Пяцеръ съ бѣлымъ сыромъ;
Шестое свято — Илья пророкъ,
Илья пророкъ по межамъ ходзицъ,
По межамъ ходзицъ, рожь зажинаицъ,
Рожь зажинаицъ, ярь наливаицъ.
Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
Яснѣй, краснѣй, на полѣ снопы —
Все аржаные, все яровые.
Широкъ, высокъ на небѣ мѣсяцъ,
Шире и выше на полѣ копы, —
Все аржаные, все яровые.
Часты и густы на небѣ звѣзды,
Чащѣй, гущѣй на полѣ бабки, —
Все Иваны, все Михеичи.
За этимъ же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ Богъ сколько въ полѣ дубковъ,
Столько тебѣ сынковъ, —
Сколько въ полѣ ялу́шекъ,
Столько тебѣ дочу́шекъ.
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

1193.

Ему же

Не гуси летятъ, не лебеди, —
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!
Идутъ, бредутъ волочебнички,
Волочебнички, полуночнички, —
«Челомъ здоровъ, хозяинушка!
Чи спишь, ляжишь, аль спочиваешь?
Коли-жъ ты спишь, такъ Богъ съ тобой!
Коли-жъ не спишь, — говори ты съ намъ,
Не хошь говорить, — ходзи ты съ намъ,
Ходзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
По темной ночи грязи толочи,

[1]) Т. е. ходящихъ и по своей деревнѣ и по сосѣднимъ отъ двора до двора крестьянъ — пѣсенниковъ, поздравляющихъ домохозяевъ и ихъ домочадцевъ съ праздникомъ Святаго Христова Воскресенья.
[2]) Хортъ — собака.
[3]) Петръ.

Собакъ дразнить, людей смѣшить!
Не хошь ходзить,—дари-жъ ты насъ:
Наши подарки малы, велики,
Малы, велики—въ двери не лѣзуть,
Въ двери не лѣзуть, въ окны *какъ шіють*:
Почнпальничку сорокъ яичекъ,
Сорокъ яичекъ, золотой червонъ,
Золотой червонъ, кварту горѣлки,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки,—
Помощничкамъ хоть по десятку,
Хоть по десятку, хоть ползолотаго,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки,
Михоношу пирогъ съ ношу,
Дударини хоть солонины:
Дуду помазать, струны погладзить,
Чтобы играла, не залегала.
За этимъ же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ, Боже, пиво варить,
Пиво варить, сыновъ женить,
Горѣлку гнать—дочекъ отдавать!
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

1194.

Поздравленіе дѣвушекъ.

Ой рано, рано солнце играло,—
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!
Ой раньше того пава летала,
Пава летала, перья роняла.
Красная дѣвушка тамо гуляла,
Красная дѣвушка-Прасковьюшка
Тамо гуляла, перья сбирала,
Перья сбирала, въ рукавокъ брала,
Въ рукавокъ брала, вѣнокъ вила.
А и гдзѣ узялись буйны вѣтры,
Буйны вѣтры, добры дожди
Сохватили да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ,—золотыя перья,
Понесли на сине море—на лукоморье.
Пошла Прасковьюшка, заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши.
На сустрѣчу три рыболова,
Три рыболова, три холостые.
«Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдаешь?»
— Какъ же мнѣ не плакать, не рыдати?
— Ой рано, рано солнце играло,
— Ой раньше того пава летала и т. д.
Три рыболова, три молодые
Закинули сѣточку да й шелкóвую,
Они поймали да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ,—золотыя перья.
Пошла дѣвка домой, заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши.
«Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдáешь?
— Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
— Ой рано, рано солнце играло,
— Ой раньше того пава летала и т. д. [1])
— Идзи ты, батька, вѣнокъ принеси!
Пошелъ батька, коня повелъ.
«Подайте, дайте мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ—дочки моей.»
— Коня не беремъ, вѣнка не даемъ.
«Идзи матушка, вѣнокъ принеси!»
Матушка пошла, платокъ понесла.
«Подайте, дайте мой вѣнокъ,
— Не мой вѣнокъ, дочки моей!»
— Платка не беремъ, вѣнка не даемъ.
«Идзи, братецъ, вѣнокъ принеси.»
Братецъ пошелъ, корову повелъ.
«Подайте, дайте мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ, сестры моей.»
— Корову не беремъ, вѣнка не даемъ.
Пошла дѣвка, заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши:
«Три рыболова, три молодые,
Три молодые, три холостые,
Подайте, дайте мой вѣнокъ,
Золотъ вѣнокъ, золотые перья!
Одному дамъ перчаточки,
Другому дамъ шелковой платокъ,
Третьему дамъ золотое кольцо:
Что дамъ перчаточки,—
То братецъ мой,
Что дамъ шелковой платокъ,
То сосѣдъ мнѣ,
Что дамъ золото кольцо,
То миленькій мнѣ.»

Всѣ 4 зап. К. Ф. Тышецкимъ. Сообщ. М. И. Семевскимъ. Эти пѣсни поются преимущественно въ деревняхъ Торопецк. у., пограничныхъ съ Велижскимъ, Витебск. губ.

д) Вознесенскія. (Пѣсни и обрядъ крещенія кукушки).

а) Калужской губерніи, Мещовск. у.

Въ селеніяхъ пограничныхъ Козельскому уѣзду есть обыкновеніе избирать себѣ родственниковъ по духу. Это дѣлается въ день Вознесенія Господня. Крестьянки всего селенія собираются въ лѣсъ, какъ онѣ выражаются, крестить

[1]) Дѣвушка разсказываетъ родителямъ все, что съ ней случилось, какъ рыбаки молодцы закинули шелковую сѣточку и поймали ея вѣнокъ да не отдали ей, до стиха:
Да й златъ вѣнокъ,—золотыя перья. Сем.

кукушку. Избравъ изъ среды своей воспріемницами двухъ дѣвушекъ или двухъ молодыхъ женщинъ отыскиваютъ траву, называемую «кукуша», или «кукушка.» Трава эта растетъ, большею частью, по берегамъ рѣкъ, а иногда въ лѣсахъ. Она имѣетъ раздвоенный корень—одинъ бѣлый, а другой черный, листъ ея усѣянъ желтыми пятнышками. Бѣлый корень изображаетъ собою мужа, а черный—жену. Вырывши эту траву изъ земли съ корнемъ, на нее надѣваютъ заблаговременно приготовленную рубашку и, положивъ ее на землю, ставятъ на нее крестообразно двѣ дуги, и накрывъ ихъ платками, вѣшаютъ на нихъ съ двухъ сторонъ кресты, при чемъ поютъ:

1195.

Кумушки, голубушки!
Кумитеся, любитеся,
Любитеся, даритеся.

Въ другихъ же мѣстахъ поютъ:

Ты кукушка ряба!
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Чтобъ намъ небранится.

Поцѣловавшись изъ подъ дуги, крестившія мѣняются крестами и считаются между собою въ родственномъ отношеніи: онѣ величаютъ другъ друга кумами.

По окончаніи крестинъ поютъ *устяжныя* (протяжныя) пѣсни и веселятся, а отправляясь домой, берутъ съ собою корень и держатъ въ домѣ для счастія. Утверждаютъ, что въ случаѣ несогласія между супругами, эта трава оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе. Такъ, если мужъ не любитъ жены своей, то эту послѣднюю должно напоить настоемъ кукушки, отъ чего супруги по прежнему будутъ любить другъ друга.

Изъ ст. Этнограф. очеркъ Мещовск. у., Калужск. губ., вѣд. 1860 г., ч. неоф. къ № 28 (9-го іюля).

Курской губерніи.

Обрядъ крещенія кукушки въ 60-хъ годахъ существовалъ и въ с. Глодневѣ, Дмитровскаго уѣзда. Вотъ что объ этомъ мнѣ писала г-жа А.

Весною, когда въ первый разъ услышатъ кукушку, дѣвушки украшаютъ цвѣтами и лентами ивовую вѣтку и идутъ съ пѣснями въ лѣсъ, гдѣ онѣ водятъ хороводъ и крестятъ кукушку. Крестятъ онѣ ее и пѣснями и скаканіемъ или пляскою, и всѣ дѣвушки, которыя дружны между собою и хотятъ покумиться, цѣлуются во время хоровода. По выходѣ изъ деревни въ лѣсъ дѣвушки поютъ:

1196.

«Ты кукушка ряба»
«Кому ты кума?»
— Я, кумушки, голубушки,
Богородицѣ кричу.

Пришедши въ лѣсъ, пѣли слѣдующую пѣсню:

1197.

Кабы знала я, вѣдала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужества, —
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы:
Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цвѣтамъ лазаревымъ,
Отдала-бъ я черны брови
Ясному соколу:
Красуйся, красота,
По цвѣтамъ лазаревымъ,
Гуляй, гуляй, воля,
По чистому полю,
Бѣлѣйся, бѣлета,
По бѣлой березѣ!
Чернѣйтеся, очи,
У чернаго ворона.

Зап. Ю. Ѳ. Ауэрбахъ.

Тарусскаго уѣзда.

Въ Тарусскомъ уѣздѣ, Калужской губ. Вознесеніе называютъ Семикомъ. Въ этотъ день молодежь (преимущественно женскаго пола) гурьбой отправляется въ поле съ съѣстными припасами и тамъ во ржи изготовляютъ себѣ яичницу и когда ее ѣдятъ, бросаютъ вверхъ ложки, приговаривая: какъ высоко ложка летаетъ, такъ бы высоко рожь была.

Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э. изъ матеріал. доставл. туда студ. А. Марковымъ.

Семикъ и Троицынъ день.

Въ деревнѣ Корниловкѣ, Владимірской губерніи, Муромск. у.

Семикъ остался намъ, по всему вѣроятію, отъ язычества: завиваніе березки, киданіе вѣнковъ въ воду, различныя приговоры, гаданія и т. п. говорятъ намъ о давно прошедшихъ временахъ.

Семикъ бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи, въ четвергъ, передъ Троицынымъ днемъ. Утромъ въ этотъ день установленъ обычай поминать усопшихъ, а послѣобѣденное время вмѣстѣ съ вечеромъ окончательно отдается веселью и разгульнымъ пѣснямъ беззаботной молодости. Слѣдовательно въ семикѣ господствуютъ два элемента: печальный и веселый, а также смѣсь религіознаго съ язычествомъ.

Немногіе знаютъ, что такое семикъ и съ какихъ поръ началось его существованіе. Не беремся опредѣлить время его появленія, но только лишь можно сказать нѣсколько словъ о его названіи, сложившемся, вѣроятно, вслѣдствіе празднованія его на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, — его правильнѣе было бы назвать *седьмикъ*, праздникъ весны, исключительно посвященный молодымъ дѣвушкамъ. У крестьянъ деревни Корниловки нѣтъ обыкновенія поминать усопшихъ и весь этотъ день отдается молодежи на забавы и удовольствія разнаго рода, между которыми первое мѣсто безспорно занимаетъ: *завиваніе березки.*

Этотъ древній обычай совершается такъ: еще спозаранку изготовляется тѣми изъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя желаютъ участвовать въ завиваніе березки, различныя яства, какъ-то: яичница, драчена, сочни, прѣсенники, лапша и т. п. Вся эта стряпня дѣлается въ складчину (на общій счетъ) въ особой избѣ и продолжается до двухъ часовъ пополудни. Послѣ этого всѣ дѣвушки, нарядившись въ лучшія свои платья, украсившись лентами и цвѣтами, гурьбой идутъ въ лѣсъ и избравъ тамъ густую, развѣсистую березу, начинаютъ ее завивать. У кого-нибудь изъ дѣвушекъ находится шелковый поясокъ, которымъ перевязываютъ березку внизу у корня. Все это дѣлается ими втихомолку, безъ всякаго шуму и пѣсенъ, въ особенности же дѣвушки скрываютъ завитую березу отъ крестьянскихъ парней, которые зорко поглядываютъ за ними и стоитъ имъ только увидать завитую березку, какъ они ее срубаютъ и уносятъ къ себѣ.

Завивъ березку, дѣвушки отходятъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе и садятся на лужайку, гдѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

1198.

Какъ подъ бѣлою, подъ березою,
Бѣлъ горючъ камень разгорается,—
Мой-отъ миленькій разнемогается.
Разнемогся милъ, во постелю слегъ.
Запросилъ милой со леду воды,
Со леду воды, милъ, холодненькой.
Во первомъ часу воду черпала,
Во второмъ часу ведры ставила,
Ведры ставила, съ милымъ баяла.
Вотъ зажгла свѣчи воску яровы,
Понесли мила вонъ изъ горенки.

(Ср. выше, стр. 103, №№ 444 и 445).

Пришедши домой, дѣвушки начинаютъ обѣдать свою стряпню, потомъ угощаются разными сластями и расходятся по домамъ поздно вечеромъ.

Въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что завивать березку большой грѣхъ, оттого, что въ канунъ Троицына дня, передъ ней пляшутъ *шишиги* (нечистые), а потому завиваніе держится дѣвушками въ большой тайнѣ,—иначе бѣда, если провѣдаютъ старшіе.

Въ Троицынъ день всѣ обыватели ходятъ къ обѣднѣ въ сосѣднее село. Возвратясь оттуда, дѣвушки мѣняютъ свой нарядъ на лучшія платья, на голову надѣваютъ свѣжіе березовые вѣнки, переплетенные цвѣтами, и въ такомъ уборѣ идутъ въ лѣсъ развивать березку. Пришедши туда, онѣ становятся въ кружокъ около завитой березки и кто-нибудь изъ нихъ срубаетъ ее и устанавливаетъ посреди кружка. Тутъ всѣ дѣвушки подходятъ къ березкѣ и начинаютъ ее украшать лентами и цвѣтами. Далѣе открывается тріумфальное шествіе дѣвушекъ попарно, а впереди всѣхъ одна изъ нихъ несетъ березку и такимъ образомъ обносятъ ее кругомъ всей деревни. Пришедши въ которую нибудь изъ улицъ, онѣ втыкаютъ березку въ землю и начинаютъ водить вокругъ нея хороводы; тутъ присоединяются къ нимъ и парни, и всѣ хоромъ поютъ:

1199.

Какъ во полѣ, полѣ
  Стояла береза.
На этой березѣ
  Водилася пава.

Она брата знаетъ,
    Она брата *вѣдать*.
«Что братецъ ко мнѣ
    Скороль въ гости будетъ?»
— Конюшка сѣдлаетъ.
Осѣдлатши коня,
    Коня воронова,
Со двора его спускаетъ.
Пріѣзжалъ же братецъ
    Къ братцу своему,
Говорилъ онъ брату
    Таково ясно ему:
«Ужъ ты братецъ, мой братецъ,
    Пожалуй коня,
Пожалуй коня
    Съѣздить до села,
Съѣздить до села —
    Хозяюшка родила.
Братецъ, (мой) братецъ
    Я бы тебѣ пожаловалъ коня, —
Да межъ насъ двѣ лютыя змѣи, —
    То наши жены.

Ср. Могилевск. стр. 98 № 8

1200.

Ой ѣхалъ панъ, ѣхалъ панъ,
    Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ.
Уронилъ, уронилъ
    Съ кудеръ шляпу черную.
Увидалъ, усмотрѣлъ
    Въ саду красну дѣвицу:
«Ой, подико-сь, подыми,
    Красна дѣвица душа,
Съ земли шляпу черную,
    Черную, пуховую!»
— «Ой душенька, молодецъ,
    Не твоя служанушка
Я служанка вѣрная
    Родимаго батюшки,
Родимаго батюшки,
    Сударыни матушки.

(Ср. выше № 415).

Въ промежуткахъ пѣсенъ играютъ въ лапту и другія игры, потомъ, уставъ отъ нихъ, дѣвушки приглашаютъ парней къ себѣ ужинать. Тутъ ихъ угощаютъ виномъ и различными сластями, какъ-то: пряниками, орѣхами, подсолнухами и т. п. лакомствами. Поѣвши въ сласть, дѣвушки и парни выходятъ на улицу и дружнѣе поютъ пѣсни до поздней ночи.

Въ заключеніе всего удовольствія берутъ березку и бросаютъ въ *ключь* (истокъ рѣки), затѣмъ срываютъ вѣнки и ихъ также бросаютъ въ воду; на нихъ гадаютъ: если потонетъ вѣнокъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ *помереть*, а если нѣтъ, то выдти замужъ.

Ленты, которыми завиваютъ березку, сохраняются дѣвушками для перевязыванія вѣнчальныхъ свѣчей.

Вѣроятно съ годами значеніе семика и завиваніе березки совершенно утратится, такъ какъ и теперь уже не вездѣ соблюдается этотъ обычай, а гдѣ и существуетъ, то не каждый годъ удается дѣвушкамъ его праздновать, потому что въ это время года парни, большей частью, уходятъ на постороннія заработки, равно и дѣвушки нанимаются копать гряды, или на другія какія-нибудь работы. Заработанныя деньги сберегаются послѣдними къ *Муромскимъ* (на ярмарку 25-го іюня въ г. Муромѣ).

Изъ статьи г-жи Екатерины Добрынкиной: «Деревня Корниловка, Муромскаго уѣзда (Этнографическій очеркъ). Труды Владимірскаго Губернскаго Статистич. Комитета. вып. IX, 1872 г.

Въ селѣ Петровскомъ, той же губ., Переяславск. у.

Наканунѣ семика дѣвушки рубятъ березку, украшаютъ ее лентами, а въ самый семикъ онѣ вмѣстѣ съ парнями, которые несутъ березку, ходятъ съ нею по полю, распѣвая пѣсни, и потомъ бросаютъ ее въ рожь. Въ этотъ день дѣвушки завиваютъ березки. Утвердивши березку въ землю, ходятъ вокругъ нея и поютъ пѣсни, между коихъ выдѣляется своей оригинальностью слѣдующая:

1201.

Ужъ ты кумушка, кума,
    Покумимся со мной
Побранимся со мной,
    Помиримся со мной,
Поцѣлуемся со мной,
    Распростимся со мной! [1])

и цѣлуются. При этомъ каждая сплетаетъ изъ вѣтвей березы вѣнокъ и гадаетъ: если сплетенные вѣнки завянутъ, то дѣвушка умретъ или выйдетъ замужъ, — если же не завянутъ, то останется въ дѣвушкахъ. Гадаютъ о своей участи и кумятся также и парни, говоря!

Ужъ ты кумъ-куманекъ,
    Покумися со мной и пр.

[1]) Ср Терещенко VI, 163, 190, Римск.-Корс. 50, Пальч. 34.

Въ Волоколамскомъ уѣздѣ (Моск. губ.), въ семикъ завиваютъ вѣнки только дѣвочки лѣтъ 7—10, а взрослыя дѣвушки — въ Троицынъ или Духовъ день.

Сообщ. Этногр. От. И. О. Л. Е. А. и Э. изъ матеріаловъ доставлен. туда студ. историко-филолог. факультета Моск. унив. А. Марковымъ.

Въ с. Мстерѣ, Вязник. у. (Той же губ.).

Въ слободѣ Мстерѣ празднуется семикъ съ нѣкоторыми особенностями въ продолженіи цѣлой недѣли. Часа въ 2 пополудни собираются дѣвицы большими группами и отправляются въ лѣсъ, гдѣ выбираютъ красивенькую березку, срубаютъ её и цѣлою толпою съ пѣснями тащатъ домой и ставятъ въ саду на самомъ красивомъ мѣстѣ; навѣшиваютъ на неё ленты разныхъ цвѣтовъ и величины, потомъ становятся въ кружекъ, схватясь рука объ руку около березки и начинаютъ пѣть:

1202.

Гей ты березка, бѣлая, кудрявая,
Въ полѣ на долинѣ стояла;
Мы тебя срубили,
Мы тебя сгубили,
Сгуби и ты мужа, [1])
Сломи ему голову,
На правую сторону,
Съ правой да на лѣвую.
Семикъ честной,
Семикъ радостный!
Ужъ ты кумушка, кума,
Разхорошая моя,
Не сварись, [2]) не бранись,
Ко мнѣ въ гости ходи!
Мы поладимъ съ тобой, —
Поцѣлуйся со мной!

[1]) Это выраженіе не знаю какъ вошло въ составъ этой пѣсни, но всетаки его поютъ, а «изъ пѣсни слова невыкинешь.»

[2]) Не ругайся.

Всѣ останавливаются другъ противъ дружки и цѣлуются, потомъ снова начинаютъ пѣть туже пѣсню до тѣхъ поръ, пока не наскучитъ. Тогда уже начинаютъ какую нибудь другую и гуляютъ до самаго вечера. Подумаютъ что семикъ только этимъ и кончается. Нѣтъ! онъ только начался: каждый день собираются дѣвицы вечеромъ около *бѣленькой* и смотрятъ на нее какъ на какую то загадку, поютъ и рѣзвятся до ночи и такъ продолжается до Троицына дня. Послѣ обѣда, въ день Троицы онѣ собираются къ березкѣ и поютъ туже самую пѣсню, которую пѣли въ семикъ, только три раза, снимаютъ съ березки ленты и отламываютъ по прутику, что называется обдерутъ какъ бѣлочку, вырываютъ изъ земли и тащатъ уже къ рѣчкѣ, какъ преступника, топить, несутъ по улицѣ цѣлой толпой, кто за какой сучекъ ухватится и, пришедши на берегъ, бросаютъ ее въ воду, съ крикомъ: «топи семикъ, топи сердитыхъ мужей» и несчастная березка, прежде бывшая игрушкой, теперь уже брошенная въ воду съ презрѣніемъ, плыветъ туда, куда понесетъ её теченіе воды. Возвратившись домой, садятся всѣ за чай, въ особой комнаткѣ. Послѣ чаю играютъ, поютъ пѣсни и въ концѣ концовъ обѣдаютъ; обѣдъ состоитъ изъ разныхъ блюдъ, приготовленныхъ ими, кто что вздумаетъ и это дѣлаетъ каждая дома, секретно отъ подругъ и приноситъ въ ту самую комнату, гдѣ пируютъ побѣдители березки до самаго вечера. Эта невинная шутка доставляетъ дѣвическому полу удовольствіе: семикъ даритъ имъ березку и она въ ихъ волѣ, напротивъ мужескому полу таже березка бываетъ противна: если кто нибудь немного наскандальничалъ въ семикѣ, то семикъ предастъ несчастнаго уже въ руки березкѣ. А чаще всего попадается ей въ руки женскій полъ въ замужествѣ.

Зап. крестьяниномъ В. Тюлинымъ. Владим. губ., вѣдомости 1871 г., № 27.

г) Въ г. Шуѣ той же губ., въ семикъ дѣвушки, убирая березку, поютъ слѣдующую пѣсеньку:

1203.

Іо, іо, березынка!
Іо, іо, кудрявая!
Семикъ честной
Да Троица —
Только, только
У насъ у дѣвушекъ
И праздничекъ

1204.

Вар. Іе, іе, березынка
Іе, іе, кудрявая.
Семикъ, семикъ!
У насъ, у насъ
Два праздничка,
Два гуляньика.
Завьемъ кольцы
На яблонцы.

Обѣ зап. мною въ 1874 г.

Завиваніе вѣнковъ и снаряженіе березки на Троицкой недѣлѣ въ с. Богородскѣ, Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи.

Завиваніе вѣнковъ.

Во вторникъ на Троицкой недѣлѣ дѣвушки собираются на лугъ и всѣ вмѣстѣ идутъ за село, въ березовую рощу, «вѣнки завивать». Дорогою поютъ пѣсню:

Я за то-то дружечика любила,
Сколь онъ миленькій дружечикъ ласковъ,
Какъ соколичекъ ясный.

(Далѣе пѣсня не записана).

Поются и другія пѣсни на ту же тему (любовь дѣвушки).

По приходѣ въ рощу дѣвушки устраиваютъ игры: «круго́мъ» и «проулочкомъ».

Для игры «кругомъ» онѣ становятся въ кругъ и двигаются одна за другой, распѣвая слѣдующую пѣсню:

1205.

Во лузяхъ было, во зеленыхъ лузяхъ —
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые,
Понесли духи анисовые.
Ужъ я той травой повыкормлю коня,
Ужъ я выкормлю, выглажу его,
Ужъ я выглажу, хвостъ подвежу.
Нарежу коня во золоту узду,
Поведу коня на ключь на рѣку,
Со ключа коня ко батюшку:
«Ой ты, батюшко родимый, сударь мой,
Не отдай меня за стараго замужъ!
Ишшо старъ, добро, [1]) не ровня мнѣ,
Мнѣ не ровня, не подручье.
Со старымъ мужемъ гулять не иду,
Про стара мужа постели не стелю,
Старова я цѣловать не хочу.»

Затѣмъ начинаютъ играть «проулочкомъ». Тутъ ужъ дѣвушки становятся въ два ряда, «лицомъ вмѣсто» [2]). Начиная съ одного края, отдѣляется по дѣвушкѣ со стороны и обходятъ кругомъ стоящихъ, становясь на свое мѣсто. Обошли первыя двѣ дѣвушки,—идутъ слѣдующія двѣ, рядомъ съ ними стоящія. Во время игры поютъ пѣсню:

1206.

Ты не стой, не стой, колодецъ, полонъ съ водою, —
Да калина, да малина, полонъ съ водою!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ словъ).

Полонъ съ водою, со ключевой свѣжею.
Посылалъ меня свекоръ во полночь по воду.
Ишшо я-то, молоденька, не пословная [3]) была,
Не послушала свекра—не пошла по воду,
Не пошла по воду, по ключеву свѣжую.
Меня свекоръ-отъ грозилъ, меня тѣмъ да инымъ—сыномъ своимъ,
Сыномъ своимъ—дворяниномъ моимъ.
Хочетъ сажу сбить, да потолокъ взворотить,
Потолокъ взворотить, да двери выставити,
Да двери выставить, да избу выстудити.
Ужъ я свекрову грозу да въ узелочикъ завежу,
Въ узелочикъ завежу, да въ уголочикъ положу.
Гдѣ-ка узолъ-отъ лежитъ, тутъ и уголъ-отъ дрожитъ.

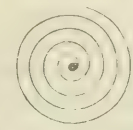
Поигравши, начинаютъ «завивать вѣнки». Каждая дѣвушка завязываетъ на намѣченной ею березкѣ узелокъ изъ вѣтви и «завѣчаетъ» [4]). Завѣчаетъ, напр., о томъ, выйдетъ ли въ этомъ году замужъ? какъ будетъ жить замужемъ? хорошо или худо? будетъ ли жива въ этомъ году? и т. п. Когда завязываютъ вѣнки, — пѣсенъ не поютъ.

---

[1]) добро—кажется, я полагаю, я думаю.
[2]) «лицомъ вмѣсто»—лицомъ другъ къ другу.
[3]) не пословная—непослушная.
[4]) завѣчать—загадывать

Затѣмъ опять начинаютъ играть: «Навивать», «сновать», «кишку снимать», «надѣвать» и «ткать», т. е. въ игры, изображающіе всѣ работы при тканьѣ холстовъ.

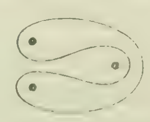
«*Навивать*». Сначала ходятъ кру́томъ, а затѣмъ кругъ разрывается въ одномъ мѣстѣ, и дѣвушка на одномъ концѣ останавливается, а другой конецъ продолжаетъ ходить, и такимъ образомъ обвиваются вокругъ неподвижно стоящей дѣвушки.



При этомъ поютъ пѣсню (не записана).

Когда допоютъ пѣсню и завьются, одна изъ дѣвушекъ, на краю стоящихъ, шутя сталкиваетъ кругъ и дѣвушки падаютъ. Не мало тутъ бываетъ суматохи и смѣха.

Послѣ игры «навивать» начинаютъ игру «сновать». Сажаютъ трехъ дѣвушекъ по угламъ треугольника, а остальныя, схватившись за руки, обходятъ ихъ такъ, что двѣ изъ сидящихъ дѣвушекъ остаются внутри круга, а одна внѣ, какъ изображено на чертежѣ.



При этомъ поютъ:

1207.

Я вечоръ, молоденька, позднешько шла, —
Той, той-ладо-ли моя.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Поздымъ-поздо̀, поздешенько.
Чудо видѣла, да диво слышала:
Ишшо что въ торгу да дешевле продаютъ?
По семи молодцевъ па овсяный снопъ даютъ,
По восьмому молодцу—на придачу даютъ,
По девяту молодцу въ кашевары даютъ,
По десяту молодцу да въ провожаты даютъ.

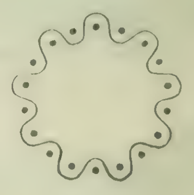
(Опять поютъ сначала до «Ишшо что въ торгу»).

«Ишшо што въ торгу да дорогое продаютъ?»
— Души красныхъ дѣвицъ.
Что за первую-то дѣвицу просятъ сто рублей,
За вторую-то дѣвицу просятъ двѣсти рублей,
А за третью-то дѣвицу просятъ—смѣты нѣтъ.
Сватались дѣвонюшку три жениха,
Три жениха, три сватовшика.
Первый-то женихъ—большая борода,
Второй-то женихъ—рѣдкіе зубы,
Третій-то женихъ—косые глаза.
Большой-то бородой да въ печи мести,
Въ печи мести, да калачи *пекчи*,
Калачи пекчи, да на базаръ везти.
Рѣдкими зубами—кисель цыдить,
Кисель чидить, да блины пекчи,
Блины пекчи, да зятевьевъ кормить.
Да косыми-то глазами овинъ сушить.
Овинъ-отъ загорѣлся, косой заглядѣлся.
Что и люди-то тушить,—косой онучи сушить.
Что и люди-то на пожаръ,—косой съ пожару побѣжалъ.
«Отпирай, жена, ворота, отворяй широки!
Косой съ пожару бѣжитъ.»

При послѣднихъ словахъ: «Косой съ пожару бѣжитъ» дѣвушки въ одномъ мѣстѣ порываютъ кругъ, и одна заходитъ въ середину.

За игрой «сновать» играютъ «кишку [1]) снимать» (не записано).

Затѣмъ начинаютъ «Надѣвать»: становятся всѣ кругомъ рѣдко, схватываются руками и поднимая ихъ кверху такъ, чтобъ подъ ними можно было подходить. Одна дѣвушка обѣгаетъ кругъ, проходя между стоящими такъ, какъ изображено на чертежѣ:



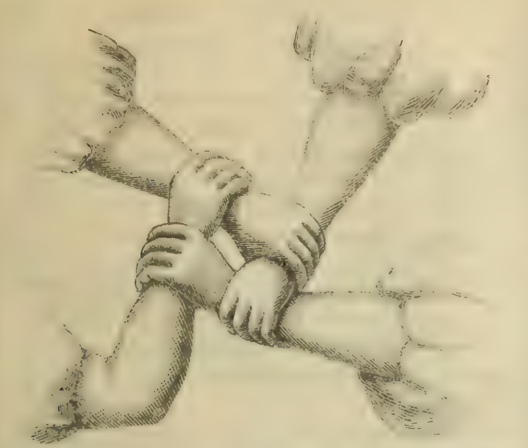
(Поющаяся при этомъ пѣсня не записана).

Игра «ткать». Дѣвушки становятся въ два ряда, лицомъ другъ къ другу, схватываются руками

---

1) Кишка—основа для холста, снятая со сновалокъ и сплетенная плетнемъ петля въ петлю, чтобы не могла перепутаться.

такъ, какъ это дѣлаютъ при гимнастикѣ для того, чтобы сдѣлать носилки:



Пары становятся плотно другъ къ другу. Съ краевъ проулочка стоитъ по дѣвушкѣ. Пары изображаютъ основу, а дѣвушки съ краевъ—ткачиху. Одна ткачиха возьметъ небольшого мальчика (или дѣвочку) и положитъ на руки первой отъ себя пары. Эта пара перебрасываетъ его сосѣдней парѣ, та—слѣдующей,—и такъ до другого конца. Дѣвушка на другомъ концѣ проулочка принимаетъ мальчика. Мальчикъ въ этой игрѣ изображаетъ поперечную нитку въ холстѣ, или, какъ зовутъ въ Богородскѣ, «утокъ».

Во время этой игры поютъ:

1208.

Сказали про Дуняшу, сказали про Авдотьюшку,—
Дуня ты, Дуня, милая Дуня.
(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
Будто Дуняша не ткетъ, не прядетъ.
Разоставила Дуняшенька красна,
Ишшо тѣмъ краснамъ девятая весна,
Что десятая масляная.
Подъ красными трава выросла,
По забердичку суметъ [1]) нанесло.
Выткала новинку—милому ширинку,
Выткала холстище съ коровій хвостище.
На Дунай носила.
Въ первый разъ бросила—Дунай сколебался,
Второй разъ бросила—Дунай помутила,
Въ третій разъ бросила—Дунай обсушила....

(Пѣсня не окончена, равно нѣтъ и начала. Пѣсня эта весьма длинная. Сначала въ ней поется о томъ, какъ Дуня «собирала» красна [2]): что да «семь селъ обрыскала—берда не сыскала»,—и въ такомъ родѣ о каждой части красенъ, а затѣмъ и о томъ, какъ ткала холсты [3]).

Послѣ игръ съ пѣснями начинаютъ играть въ игры безъ пѣсенъ. Играютъ «о долгіе лишны», «о лишны или разлуки», «о стоячіе колышки».

«О долгіе лишны». Всѣ дѣвушки становятся парами гусемъ. Одна лишняя. Задняя пара дѣвушекъ расхватывается и бѣжитъ въ стороны, желая сбѣжаться впереди играющихъ. Лишняя ладитъ поймать одну дѣвушку изъ разбѣжавшейся пары. Которую дѣвушку лишняя поймаетъ, съ тою и становится въ пару впереди всѣхъ паръ, а другая дѣвушка изъ пары остается и дѣлается лишнею. И такъ пары съ задняго краю одна послѣ другой разбѣгаются, а лишняя ловитъ. Пары, изъ которыхъ лишнею не поймана ни та, ни другая дѣвушка, становятся также впереди паръ, а лишняя продолжаетъ «шарйть».

«О разлуки» или «лишны». Всѣ дѣвушки дѣлятся по три человѣка. Каждые три человѣка играютъ отдѣльно отъ прочихъ. Двѣ дѣвушки стоятъ, схватившись руками, а третья «лишна», которая считается «шарельщикомъ», стоитъ предъ ними, къ нимъ спиной. Дѣвушки разбѣгаются въ разныя стороны и стараются сбѣжаться впереди «лишны». Лишна же ловитъ одну изъ нихъ. Если поймаетъ одну изъ дѣвушекъ, когда онѣ еще не поспѣли схватиться руками, то другая дѣвушка изъ пары, которую не поймали, становится лишней и «шаритъ».

«О стоячи колышки». Всѣ дѣвушки становятся въ кругъ, попарно. У одной пары стоитъ лишняя дѣвушка, а въ срединѣ круга дѣвушка—«шарельщикъ». Лишняя дѣвушка должна бѣжать къ слѣдующей парѣ, а то иначе ее можетъ поймать шарельщикъ. Когда лишняя пристаетъ къ слѣдующей парѣ, то съ другого боку этой пары дѣвушка, сдѣлавшись лишней, бѣжитъ къ слѣдующей парѣ. Чтобъ шарельщику *вышариться*, нужно изловить лишнюю дѣвушку у какой-нибудь пары, и пойманная лишняя становится шарельщикомъ, а шарельщикъ—лишнею.

Игры безъ пѣсенъ—очень веселыя игры. Въ нихъ бѣгаютъ очень много. Не мало тутъ смѣха и крика. Послѣ игръ поютъ пѣсни, ходя кругомъ:

1209.

Цвѣтики, цвѣтики алы, голубы!
По цвѣтамъ хожу, на нихъ не гляжу.

---

[1]) Суметъ: метель, вьюга, сугробъ, сувой, снѣжный заносъ и т. д. Слов. Даля.

[2]) собирать красна—разставить станъ, за которымъ ткутъ холсты и натянуть пряжу—«основу».

[3]) Ср. выше стр. 260—264.

Ково въ свѣтѣ люблю, тово ненавижу.
Ково ненавижу,—завсегда въ глазахъ,
Завсегда во глазонькахъ—при моихъ очахъ.
Седне [1]) я, мамонька, очень весела:
Видѣла, слышала милова дружка.
Ходитъ милъ гуляетъ въ зеленомъ саду,
Щиплетъ, ломаетъ зеленый виноградъ,
Кисточки бросаетъ ко мнѣ же на кровать:
«Кисточки, кисточки, кисти эти вамъ.»
— Миленькій, миленькій, дѣли пополамъ!

1210.

Круты горы, развеселы!
Растутъ садички зелены.
Подлѣ эти (?) подлѣ садички
Пролегала путь-дороженька.
Дороженька больно торная,
Что торная Петенбурская,
Петенбурска, Оленбурска.
Что никто съ-по-ней не хаживалъ,
Никто слѣдичку не кладывалъ.
Только шли прошли солдатики,
Солдатики люди бѣдные.
Они несутъ ружья мѣдные,
Замочики полуженые.
Они идутъ на стражданьице,
Они несутъ буйны головы,
Они несутъ, не жалѣютъ ихъ.
Пожалѣетъ родна мамонька,
Пожалѣетъ родной тятинька.

1211.

«Вѣтеръ дуетъ, солнце грѣетъ,
Ребина алѣетъ.
Не ребинушка алѣетъ —
Мой милой *далѣетъ*.
Онъ далѣетъ, отъѣзжаетъ,
Не со мной гуляетъ.
Не со мною, — со иною —
Съ Дунькой вдовиною.»
«Не забѣдуй, Дуня, нами,
Пойдемъ гулять съ нами.
Съ нами, съ нами молодцами,
На вороной парѣ;
На вороной на парочкѣ
Въ золотой каритѣ.
Пойду, брошусь, утоплюсь
Съ калинова мосту.»

[1]) сегодня.

— «Не кидайся, не бросайся,
Молодой молодчикъ!
Свою душечку спогубишь. —
Скажи, кого любишь?»
— «Люблю Сашу во Казанѣ,
Машу—въ Ярославлѣ,
Анюшечку—раздушечку —
Въ Нижнемъ городочкѣ.
Я куплю же тѣмъ дѣвонькамъ —
Всѣмъ я по подарку.
Первой Сашѣ—алу ленту,
Второй Машѣ—голубую,
Анюшечкѣ-раздушечкѣ —
Золото колечко.
Золото-вито колечко, —
То мое сердечко.

1212.

На горѣ было горѣ —
Только на превысокой,
Тутъ стояло ли село новое,
Село было веселое.
Что во томъ-то селѣ
Домы новые;
Дома новые
Верхи шатровые, [2])
Да крыши крашеные.
Крыши крашеные,
Да окна писаные,
Да ставни мазаные.
Подъ окошечкомъ сидятъ
Да дѣвки маленькіе,
Да курвы бассинькіе.
Подъ окошечкомъ сидятъ,
Да сквозь стекло глядятъ.
Сквозь стекло глядятъ
Да вдоль по улочкѣ,
Да въ ту сторонушку —
Въ зеленъ садъ-дубровушку.

1213.

Затѣмъ дѣвушки дѣлятся на двѣ части и, стоя на двухъ сторонахъ, поютъ:

1-я сторона идетъ ко 2-ой и поетъ:

Подойду, подойду подъ Царь-городъ каменный, подойду.

[2]) Шатровыми называются крыши въ четыре ската въ отличіе отъ русскихъ—«карабликомъ»—въ два ската.

2-я сторона, идя къ 1-ой, которая отступаетъ и поетъ:

Прошибу, прошибу, копьемъ стѣну, прошибу.

(Этотъ порядокъ—въ продолженіи всей пѣсни).

1-я стор. Выкачу, выкачу, съ виномъ бочку,— выкачу.
2-я стор. Упою, упою, лютова свекра батюшка, упою.
1-я стор. Чтобы да чтобы добры были ласковы— свекоръ со свекровушкой.

(Поютъ снова до «Прошибу, прошибу, копьемъ стѣну прошибу»).

1-я стор. Вынесу, вынесу, лисью шубу,—вынесу.
2-я стор. Подарю, подарю, лютую свекровушку, подарю.
1-я стор. Чтобы да чтобы добры были ласковы, свекоръ со свекровушкой.

(Опять поютъ до «Прошибу...»)

1-я стор. Выведу, выведу добра коня, подъ сѣдломъ, выведу.
2-я стор. Подарю, подарю, лютаго деверилушка, подарю.
1-я стор. Чтобы да чтобы добры были ласковы, свекоръ со свекровушкой.

(Опять поютъ до «Прошибу...»)

1-я стор. Вынесу, вынесу, шелкову фату, вынесу.
2-я стор. Подарю, подарю, лютую золовушку, подарю.
1-я стор. Чтобы да чтобы добры были ласковы, свекоръ со свекровушкой.

(Ср. выше №№ 1054 и 1055).

Ходятъ кругомъ и поютъ:

1214.

Теперь намъ воля, воля переволя,—
Бай говори, головка,—воля переволя!

Припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ словъ стиха).

Ходити, гуляти, скакати, плясати,
Скакати, плясати, въ долони шшолкати.
Мужа дома нѣту, гроза его дома.
Гроза его дома—шелковая плетка.
Шелковая плетка въ клитушкѣ на спичкѣ,
Въ клитушкѣ на спичкѣ, закрыто трепичкой,
Закрыто трепичкой, зашито иголкой.
Зашито иголкой—шелковою ниткой.
Во клитушку войду—сердечко обомретъ,
Изъ клитушки выйду—ретиво воздохнетъ.

1215.

Ходятъ кругомъ. Одна дѣвушка ходитъ съ кругомъ рядомъ. Кругъ поетъ:

Я поѣду, я поѣду въ Китай-городъ
Я закупочки да закупати,
Да я заимочки да занимати.
Я куплю же молодой женѣ подарокъ—
Самой, самой пріотличной подшалокъ.
Поглядите, добрые люди,
Какъ жена-то меня, молодца, не любитъ,
Душе-сердце мое да ненавидитъ!

(При словахъ: «Поглядите, добрые люди...» дѣвушка, которая ходитъ рядомъ съ кругомъ, кладетъ одной изъ дѣвушекъ на плечо платокъ, а та отворачивается, показывая этимъ, что недовольна). Поютъ снова до словъ: «Я куплю же молодой женѣ подарокъ».

Саму, саму пріотличную плетку.
Поглядите, добрые люди,
Какъ жена-то меня, молодца, любитъ,
Душе-сердце мое да приголубитъ,
Приголубитъ, приласкаетъ, поцѣлуетъ.

(При словахъ: «Какъ жена то меня, молодца, любитъ»—дѣвушка, которая ходитъ врядъ съ кругомъ, отдаетъ опять какой-нибудь дѣвушкѣ платокъ; та беретъ, показывая этимъ, что любитъ).

1216.

Наигравшись въ волю, дѣвушки идутъ домой. Дорогой къ дому поютъ:

Тутъ летѣла же пава
Черезъ три она поля,
На четвертое взлетѣла,
Перья ронила.
Мнѣ не жаль тово пера,—
Жаль молодца.
Записали молодца
Во солдатушки
Не на годикъ, не на два года,
А на двадцать пять годовъ.

(Окончаніе не записано).

Наряжание березки.

Въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, въ заговѣнье, часовъ около 12 дня, собираются на лугъ всѣ тѣ дѣвушки, которыя ходили завивать вѣнки и отправляются въ березовую рощу «вѣнки развивать». По приходѣ въ рощу, каждая дѣвушка осматриваетъ завязанные ею во вторникъ узелки изъ вѣтокъ. И если видитъ, что вѣтвь не завяла или не посохла, то это хорошо, и дѣло, о которомъ дѣвушка *завѣтила* на эту вѣтвь, исполнится въ хорошомъ для нея направленіи; если же посохла или завяла—худо. Такъ напр., если загадывала дѣвушка о томъ, выйдетъ ли та нынѣ замужъ, и вѣтвь не посохла,—значитъ выйдетъ; если загадывала: будетъ-ли жива нынѣшній годъ, вѣтвь не посохла—будетъ жива; если загадывала: будетъ ли богато жить замужемъ—вѣтвь посохла—будетъ жить бѣдно... Когда осмотрѣны «вѣнки», дѣвушки начинаютъ играть у рощи. Играютъ «кругомъ» и «проулочкомъ».

1217.

Ходятъ кругомъ и поютъ:

Подъ яблоней, подъ кудрявой, зеленой
Стоитъ дѣвка съ молодцами,
Рвала травку со цвѣтами,
Вила вѣнки съ городками. [1])
Сама къ винку говорила:
«Кому винъ достанется?»
Доставался мой винецъ старому мужу.
Мнѣ пора, младенькѣ, слать
Про стара постелюшку—
Въ три ряда каменьица,
Въ четвертый—кирпичу каленаго,
А во зголовья класть—колода дубовая.
Одежу я шубою ежовою,
Притреплю я дубиной вязовою.
Спи, мой старъ, спи отнынѣ до вѣку.

(Опять поютъ съ начала до «Мнѣ пора, младенькѣ, слать»,—только вмѣсто «Доставался мой винецъ старому мужу» поютъ:—«молодому мужу»).

Мнѣ пора, младенькѣ, слать,
Про млада постеля слать —
Въ три ряда, въ три войлочка,
Во четвертый рядъ—перина перовая,
А во зголовья класть—подушка пуховая,
Одежу я одѣялышкомъ бархатнымъ,
Притреплю я своей правой рученькой:
Спи, мой младъ, съ вечера да до утра.

—

Затѣмъ поютъ пѣсню:

Ты не стой, не стой, колодецъ, полонъ съ водою....

(Приведенную выше въ описаніи завиванія вѣнковъ).

Поигравши у березовой рощи, дѣвушки идутъ къ сосновой, которая ближе къ селу. По приходѣ на поляну около самой рощи начинаютъ опять играть и пѣть пѣсни.

Составляютъ кругъ и сначала поютъ пѣсню:

Во лузяхъ было во зеленыхъ лузяхъ....
(см. выше № 1205).

Послѣ этой пѣсни игры съ пѣснями продолжаются безъ опредѣленнаго порядка.

Продолжая ходить кру́гомъ, поютъ:

1218.

На лугу было лужочкѣ,
На прекрасномъ бережочкѣ
Молодцы въ гусли играли,
Красныхъ дѣвокъ забавляли.
Я доселева, младенька,
Я охоча была слушать
Молодецкія забавы.
Не за то ли послушаніе
Меня тятенька билъ, билъ!
Что не легкимъ, не тежелымъ —
Онъ изъ вѣничка лозою,
Онъ лозою зеленою
Я со этихъ со побоевъ
Три недѣлюшки лежала,
Не пила, млада, не ѣла,
На тятеньку не гледѣла:
На родимаго сердилась.

(Повторяютъ съ начала до: «Не за то ли послушаніе»).

Меня мамонька то била
Что не легкимъ, не тежелымъ—
Гранатуровымъ платочкомъ.
Я со этихъ со побоевъ
Три недѣлюшки лежала,

[1]) Въ вѣнкахъ съ городками цвѣты располагаются кучками, по три цвѣтка въ кучкѣ.

Не пила млада, не ѣла,
На мамоньку не гледѣла:
На родимую сердилась.

(Затѣмъ опять поютъ сначала до «Не за то-ли послушаніе»).

Меня миленькій то билъ, билъ
Что не легкимъ, не тежелымъ —
Онъ осиновымъ полѣномъ.
Я со этихъ со побоевъ
Я пила, млада, и ѣла,
На миленька все гледѣла,
Со милымъ гуляла.

Дѣвушки затѣмъ становятся въ два круга, — одинъ поменьше другого. Кругъ поменьше находится въ большемъ кругу. Круги вертятся. Средній кругъ вертится въ одну сторону, наружный—въ другую. Поютъ:

1219.

Кругъ *средній*: Вервею да вервею, вервеюшки-вьюшки-вью!

Кругъ *крайній* въ это же время поетъ:

Что по счастію молодцу скоро осень-то пришла.

Оба круга *вмѣстѣ*:

Припѣвъ: Хай калина моя, хай малина моя.
Крайній: Въ Рождество цвѣты цвѣли,
Дѣвки по игришшамъ пошли.

Средній (въ то же время):

Вервею да вервею, вервеюшки-вьюшки вью.

Оба круга *вмѣстѣ*:

Хай калина моя, хай малина моя.

(Такой порядокъ въ продолженіи всей пѣсни).

За ними парень молодой кричитъ: Дѣвица, постой!
Красавица обожди, ручки къ сердцу подожми.
Не пора вамъ играть—вамъ пора перестать,
Пора къ тятинькѣ бѣжать. Еще какъ будетъ сказать?
Скажемъ: за долгомъ пойдемъ. Во питейный домъ зайдемъ.
Во питейномъ во домочкѣ собиралися дѣвочки.
Приходила тутъ Танюша, дожидалася Ванюши.
Середь полу становилась, она Богу помолилась,
Подлѣ барина садилась — съ землемѣромъ разбранилась.
Всѣ бумаги со стола: «не годны ваши дѣла!
Не годны ваши дѣла, да намъ Анюшенька мила,
Намъ Анюшенька мила—да провожала до двора,
Провожала до двора, да до горенки до новой,
Да до горенки до новой, да до кровати тесовой».
На кровати тесовой, да на перинѣ пуховой
Лежитъ дѣвка тѣшится — сама себѣ нѣжится.
Приходила мамонька, да приходила родная,
Спрашивала мамонька, да спрашивала родная:
«Чево тебѣ хочется, чево тебѣ надобно?»
Мнѣ не чё не хочется, да мнѣ не чё не надобно.
Только ли мнѣ хочется, только ли мнѣ надобно
Какъ Илью со скрипкою, да Григорья съ гармошкою.
Какъ Илья-то заигралъ, дакъ Григорій заплясалъ. —

1220.

На плоту было плоту, на сосновомъ на плоту,
На сосновомъ на плоту мыла барыня фату.
Она мыла, колотила, фату въ воду обронила.
За фатой въ воду скочила, башмакъ софьянъ промочила.
Мнѣ не жалко башмачка, жаль билева [1]) чулка.
Башмакъ тятенька купилъ, чулки—милый подарилъ,
За то три года ходилъ, на четвертый годъ побилъ. —
Подлѣ рожъ я шла—денегъ грошъ нашла,
Ужъ я на мёжу ступила—всю полтину получила.
Я со этой со полтиной на базаръ гулять ходила,
Себѣ голубя купила, въ нову горенку вносила,
На право плечо садила, бѣлой пшеночкой кормила.
Онъ не ѣстъ бѣлу пшеницу—захотѣлъ красну дѣвицу.

* * *

Дѣвушки дѣлятся на двѣ равныя части и становятся въ два ряда, неподалеку другъ отъ друга, лицами другъ къ другу. И, стоя на одномъ мѣстѣ, поютъ:

1221.

1-я сторона: Ужъ мы поле палили, палили
Припѣвъ: Ой дидо ладо! палили, палили.
2-я сторона: Ужъ мы поле чистили, чистили
Припѣвъ: Ой дидо ладо чистили, чистили.
(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
1-я сторона: Ужъ мы просу сѣяли, сѣяли.

---

[1]) Бѣлевой—изъ льняной пряжи. Пряжа изготовляется изъ хорошаго льна и посредствомъ выщелачиванья, вывѣтриванья и мытья въ водѣ, дѣлается очень бѣлою—«билью». Б.

2-я сторона: Ужъ мы коней путали, путали.
1-я сторона: Ужъ мы коней отпустимъ, отпустимъ.
2-я сторона: Ужъ мы просу вытопчемъ, вытопчемъ.
1-я сторона: Ужъ мы коней на узды, на узды.
2-я сторона: Ужъ мы узды снимати, снимати.
1-я сторона: Ужъ мы коней призапремъ, призапремъ.
2-я сторона: (Куплетъ 2-ой стороны не записанъ).
1-я сторона: Намъ за выкупъ сто рублей, сто рублей.
2-я сторона: Намъ сто рублей слова нѣтъ, слова нѣтъ.
1-я сторона: Намъ не надо сто рублей, сто рублей,
А намъ надо дѣвицу, дѣвицу.

(Дѣвушки на 2-ой сторонѣ въ одномъ мѣстѣ разступаются, и 1-я сторона проходитъ въ этотъ промежутокъ. При этомъ первая сторона захватываетъ изъ второй стороны одну дѣвушку и уводятъ съ собою. Въ это время поютъ):

2-я сторона: У насъ въ полку убыль есть, убыль есть.
1-я сторона: У насъ въ полку прибыль есть, прибыль есть.

(Сравн. выше №№ 382—385).

Становятся снова также на двѣ стороны и, стоя на мѣстѣ, поютъ:

1222.

1-я сторона: Бояра, да вы зачѣмъ пришли,
Молодые, вы зачѣмъ пришли?
2-я сторона: Бояра, да мы невѣстъ смотрѣть,
Молодые, да мы невѣстъ смотрѣть,
1-я сторона: Бояра, у насъ невѣстъ-то нѣтъ,
Молоды, у насъ не выросли.
2-я сторона: Бояра, у васъ невѣсты есть,
Молодые, есть переросли.
1-я сторона: Бояра, у насъ даровъ-то нѣтъ,
Молоды, у насъ даровъ-то нѣтъ.
2-я сторона: Бояра, да дары въ торгу,
Молодые, дары въ торгу.
1-я сторона: Бояра, дары дороги въ торгу,
Молодые, дары дороги въ торгу.
2-я сторона: Бояра, да есть и дешевые,
Молодые, да есть и дешевые.
1-я сторона: Бояра, да покажите жениховъ,
Молодые, покажите жениховъ.
2-я сторона: Бояра, да вотъ я женишокъ,
Молодые, такой боссинькой [1]).

(Всѣ повертываются кругомъ себя),

1-я сторона: Бояра, да покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги!
2-я сторона: Бояра, да вотъ мой сапожекъ,
Молодые, такой боссинькой.

(Показываютъ обувь).

1-я сторона: Бояра, да покажите кафтаны,
Молодые, покажите кафтаны.
2-я сторона: Бояра, да вотъ и мой кафтанъ,
Молодые, такой боссинькой.

(Показываютъ одежду).

1-я сторона: Бояра, да покажите кушаки,
Молодые, покажите кушаки.
2-я сторона: Бояра, да вотъ мой кушачекъ,
Молодые, такой боссинькой.

(Показываютъ пояса).

1-я сторона: Бояра, да покажите колпаки,
Молодые, покажите колпаки.
2-я сторона: Бояра, да колпакъ дома позабылъ,
Молодые, на кроваточки лежитъ.
1-я сторона: Бояра, да вамъ которая мила,
Молодые, вамъ которая мила?
2-я сторона: Бояра, да намъ Устинья [2]) мила,
Молодые, да свѣтъ Ивановна мила.
1-я сторона: Бояра, мы ее не отдадимъ,
Молодые, мы ее не отдадимъ.
2-я сторона: Бояра, да мы и силою возьмемъ,
Молодые, мы и силою возьмемъ.

Берутъ одну дѣвушку изъ 1-ой стороны и уводятъ къ себѣ на сторону. Продолжая стоять на двухъ сторонахъ, поютъ:

(обѣ стороны вмѣстѣ):

Ишшо таки, сударь, да подалѣ, да подалѣ,
Да ишшо таки, сударь, подалѣ, да подалѣ.

(Пятятся).

Ишшо таки, сударь, поближе, поближе,
Да ишшо таки, сударь, поближе, поближе.

(Сходятся близко).

Поклонимся, сударь, пониже, пониже.
Да поклонимся, сударь, пониже, пониже.

(Кланяются другъ другу).

(Ср. выше [illegible] №№ 1058, 1063)

[1]) Красивенькій.

[2]) Или другое имя одной изъ дѣвушекъ 1-ой стороны.

После игръ съ пѣснями играютъ въ игры безъ пѣсенъ: «О разлуки», «О долгіе лишны», «О стоячіе колышки»... (описаніе см. выше). Какъ и во вторникъ, когда завивали вѣнки, «навиваютъ», «снуютъ», «кишку снимаютъ», «надѣваютъ» и «ткутъ».

Затѣмъ снаряжаютъ «березку». Берутъ для этого двѣ нетолстыя палки: одну аршина въ 2—1½, а другую около аршина, связываютъ ихъ крестообразно и дѣлаютъ куклу, которая и зовется «березкой». «Березку» снаряжаютъ дѣвушки изъ платковъ и запонокъ, которые снимаютъ съ себя. Украшаютъ еще «березку» лентами, бусами и цвѣтами.

Снарядивши «березку», дѣвушки начинаютъ играть съ нею. Беретъ «березку» пара дѣвушекъ и ходятъ кругомъ съ ней, а затѣмъ передаютъ ее другой парѣ дѣвушекъ, которыя также съ нею ходятъ кругомъ. И такимъ образомъ съ березкой переходятъ всѣ дѣвушки.

При этомъ поютъ:

1223.

Хмѣлько, вейся, перевейся на мою сторонку!
У насъ, у насъ на сторонкѣ удача большая.
Хороша наша удача—серебряны тычки.
Тычки, тычки серебряны, золотыя шишки.
Пойду, пойду я, младенька, въ зеленъ садъ гуляти,
Во зеленой са́дичекъ гуляти, хмѣлюшко шипати.
Нашшиплю я хмѣлю, хмѣлю, хмѣлю садовова,
Наварю я пива, пива, пива яровова.
Созову я гостя, гостя, гостя дорогова, —
Гостенечка дорогова—батюшку роднова.
Ой, батюшка въ гости будетъ,—горя не убудетъ,
Горя, горя не убудетъ, печали прибудетъ.

(Поютъ снова до «Созову я...»)

Созову я гостью, гостью, гостью дорогую,
Гостью дорогую—мамоньку родную.
Ой, мамонька въ гости будетъ,—горя не убудетъ,
Горя, горя не убудетъ, печали прибудетъ.

(Опять сначала до «Созову я...»)

Созову я гостя, гостя, гостя дорогова, милова своёва.
Ой, миленькій въ гости будетъ—горе то убудетъ,
Горе, горе-то убудетъ, радости прибудетъ.

Затѣмъ дѣвушки пляшутъ попарно съ березкой поочередно; пока не перепляшутъ съ нею всѣ пары. Пѣсенъ во время этой пляски не поютъ.

По окончаніи этой пляски дѣвушки идутъ съ березкой на лугъ, въ село. Дорогой поютъ пѣсни:

1224.

Во полѣ, во полпчкѣ
  Стояла березонька;
Стояла, шаталася,
  Къ землѣ приклонялася.
На этой березонькѣ
  Свито тепло гнѣздышко.
Въ этомъ тепломъ гнѣздышкѣ
  Сидѣла кукушечка.
Кокуетъ кокушечка,
  Тужитъ, плачетъ дѣвица.
Тужитъ, плачетъ дѣвица
  Объ своемъ объ горѣ,
Объ своемъ миломъ дружкѣ,
  Дружкѣ объ Иванушкѣ.
Будто Вани дома нѣтъ:
  Ванюшка гулять ушелъ, —
Ваня въ ту сторонушку, —
  Въ зеленъ садъ-дубровушку,
Ванюшка цвѣточки рвать,
  Да Ванюша виночки вить.
Да Ванюша виночки вить
  Себѣ на головушку.

1225.

Высоко то соко́личекъ летаетъ, меня оставляетъ.
Остаюся я, горькая сиротка, во тоскѣ, во горѣ,
Во слезахъ какъ въ синемъ морѣ.
Какъ съ по синему разъ по морю
Плыветъ уточка, да плыветъ сѣра.
За той уточкой, за той сѣрой
Плыветъ селезенько сизъ косатый,
Сизъ косатый, бѣлый, кудреватой.
Ты скажи-ка, мой селезенько, скажи сущу правду
Про матушку. про батюшку, про милаго дружка?
— Милый письмичко, дружекъ, не пишетъ,
Самъ въ гости не побываетъ.

1226.

Катенька, Катюшенка,
Печальное сердечушко!
Безпрестанно тужитъ,
Тужитъ и горюетъ
Все по прежней волѣ.
Кабы прежня волюшка,
Павинные крылышки,

Лебедины перышки, —
Знялся бы высоко,
Полетѣлъ бы далеко
Къ любушкѣ-сударушкѣ
Подъ кутно окошечко,
Сталъ бы я ворковати:
Ей назолушку давати.

1227.

Не листочки въ поле шумятъ —
Про милова говорятъ;
Про милова—любезнова:
Завтра праздничекъ у насъ,
Завтра праздникъ—воскресенье.
Намъ гуляшшей будетъ день,
Намъ гуляшшей, веселяшшей:
Въ лѣсъ за ягодой пойдемъ.
За калиной, за малиной,
За черной черемухой.
Набралася Саша ягодъ,
Изъ лѣсочку прочь пошла,
Изъ лѣсочку, изъ кусточку
На почтовой, новой дворъ.

По приходѣ на лугъ игры продолжаются. Ходятъ съ «березкой» кругомъ и поютъ пѣсню.

1228.

Вдоль по улочкѣ, вдоль по широкой, —
Ой люли-люли, вдоль по широкой!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Идутъ дѣвушки, ай молодушки.
Ой вы, кумушки, вы подруженьки!
Вы постойте-ка, подождите-ка,
Рѣзвы ноженьки становите-ка,
Бѣлы рученьки подожмите-ка!
Я схожу домой, я спрошаюся,
Я спрошаюся свекра-батюшка:
«Свекоръ-батюшка, отпусти гулять!

(При послѣднемъ стихѣ, одна дѣвушка подходитъ къ другой и кланяется, изображая этимъ, что просится погулять. Дѣвушка, которой кланяются, изображаетъ собою свекра и на поклонъ, какъ бы не обращаетъ вниманія, свекоръ не согласенъ отпустить).

«Отпусти гулять, ой на улочку, ой на широку!»
— Хоть отпущена—шкура спущена.
Шкура волочится, гулять хочется.

(Поютъ сначала до: «Я спрошаюся...)

Я спрошаюся свекровушки-матушки:
«Свекровушка-матушка, отпусти гулять.

(Опять дѣвушка ходитъ и кланяется другой—свекровкѣ,—та не согласна отпустить).

Отпусти гулять, ой на улочку, ой на широку.»
— Хоть отпущена—шкура спущена.
Шкура волочится,—гулять хочется.

(Поютъ снова до «Я спрошаюся...)

Я спрошаюся милаго ладушки: [1])
«Милый ладушка, отпусти гулять,
Отпусти гулять, ой на улочку, ой на широку!»
(Опять дѣвушка ходитъ кланяется другой: жена просится у мужа погулять,—мужъ не отпускаетъ).
— Хоть отпущена,—шкура спущена.
Шкура волочится, гулять хочется.»

—

Тоже ходятъ кругомъ и поютъ:

1229.

Посѣяли дѣвки ленъ, дѣвки ленъ.
Посѣяли во долу, во долу.
Подъ рушицу зелену, зелену.
Повадился во ленокъ, во ленокъ
Молоденькій паренекъ, паренекъ, —
Со льна цвѣты сорывалъ, сорывалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ, побросалъ.
Дунай-рѣчка не приматъ, не приматъ,
Ко бережку прибиватъ, прибиватъ.
Ко бережку ко яру, ко яру,
Ко желтому ко песку, ко песку.

Продолжая ходить кругомъ, поютъ:

1230.

Зайду, млада, на гору, на гору,
Ко Крапивину [2]) гумну, гумну.
Брошу ведра подъ гору, подъ гору.
Встаньте, ведра, купчикомъ, купчикомъ,
Коромысло—змѣйкою, змѣйкою,
Сама млада—яблоней, яблоней,
Яблонью кудрявой, зеленой, зеленой.

---

[1]) Милаго ладушки—мужа. Б.
[2]) Къ гумну мѣстнаго крестьянина богача, по фамиліи Крапивина. Б.

Наѣзжали бояра, бояра
Изо Нова-города, города.
Сѣкутъ яблонь подъ корень, подъ корень.
Рубятъ чурки ровные, ровные,
Да колютъ доски тонкія, тонкіе
На гусельцы звонкіе, звонкіе.
Кому въ гусли играти, играти?
Молоденькѣ плакати, плакати.

(Ср. выше № 354).

Продолжая ходятъ кругомъ, поютъ:

1231.

Соловей, мой соловей!
Не летай, мой соловей, на чистое поле!
Не вей, соловей, гнѣзда да при теремѣ.
Свей, соловей, гнѣздо да при долинѣ.
Что во теремѣ дѣвица коверъ шила,
Коверъ шила, вышивала разнымъ шелкомъ.
Выводила дѣвица, говорила:
«Что кому этотъ коверъ достанется?»
Доставался коверъ, доставался браной
Старому, старому мужу.
Старому мужу коверъ не изоспати,
Мнѣ, младой дѣвицѣ, не издержати.

Еще поютъ, тоже ходя кругомъ:

1232.

Выходили красны дѣвицы-души
Изъ воротъ гулять на улочку,
На зеленую поляночку.
Выносили красны дѣвицы-души
Соловейка на бѣлыхъ рукахъ.
Соловеюшко разсвищется,
Красны дѣвицы разыграются.
Поиграйте, красны дѣвицы-души,
Во своей волѣ у батюшка,
У родимыя матушки,
Пока васъ замужъ не отдали.
Неравно то вамъ замужъ попадетъ,
Неравенъ чертъ навернется,
Неравенъ натакается:
Либо воръ, либо не добрый человѣкъ,
Либо пьяница, кабацкой сынъ.
На кабакъ идетъ — шатается,
Изъ кабака идетъ—ломается, —
Надъ своей женой чуфарится:
Заставляетъ разувать, разболокать,
Часты пуговки разстегивати,
Золоты плетни раздергивати,
Зеленой кафтанъ скидывати:
«Я не буду разувать, разболокать,
Часты пуговки разстегивати,
Золоты плетни раздергивати,
Зеленой кафтанъ скидывати.» —
Пошелъ мужъ во нижнюю клить,
Да несетъ мужъ ременной гужъ,
Что ременной о семи хвостьевъ.
Какъ стегнетъ—дакъ и семъ рубцовъ,
Во вторые—дакъ четырнадцать,
Какъ и въ третьи—дакъ и двадцать одинъ.
Началъ жену охобачивати,
Съ боку на бокъ поворачивати. [1])
Жена мужу покорилася,
Въ рѣзвы ножки поклонилася:
«Буду, стану разувать, разболокать,
Часты пуговки разстегивати,
Золоты плетни раздергивати,
Зеленой кафтанъ скидывати.»

(Ср. выше №№ 401—403).

Поютъ еще ходя кругомъ и слѣдующія пѣсни:

1233.

Суботушка день ненастной, —
Нельзя въ полѣ работать—черну пашенку пахать.
Мы пойдемъ-ка, другъ любезный, во зеленый садъ гулять.
Во зеленомъ-то садочкѣ соловеюшко поетъ,
Онъ поетъ-то поетъ, намъ назолушку даетъ.
Ой ты назола ли, назола, назолинька моя!
Ты зазноба ли, зазноба, зазнобинька моя!
Я вечеръ дружка милова снаряжала хорошо:
Въ кашамирову рубашку, въ гарусной поясокъ,
Снаряжала да провожала далеко.
Провожала, и сказала: «Не забудь, милый, меня.
Если ты меня забудешь,—я северня же помру.
Я спомру, жива не буду, сердце во гробъ уложу.
Положу я сердце во гробъ, голубочку накажу:
Напиши-ка, милый, письмо на вербовомъ на листу.—
На вербовомъ, на рублевомъ, на прекрасныхъ уголкахъ.
Ты прибей-ка это письмо на гробницу на мою.
Что на ту злату гробницу, противъ сердца моево.

---

[1]) Есть выраженіе: «Я начну тебя воровиной (веревкой изъ конопли) охобачивать, дакъ ты только поспѣвай бока подставлять,—вотъ ты впередъ и не будешь супротивничать.» Б.

Кто вѣдь знаетъ, прочитаетъ, тотъ спотужитъ обо мнѣ.
Тотъ потужитъ, погорюетъ объ дѣвочкѣ-красотѣ:
—«Хороша у насъ дѣвочка отъ любови померла,
Отъ любови—все отъ крови, отъ дружка сердешнова.»

Стоятъ на мѣстѣ или ходятъ кругомъ и поютъ:

1234.

Сторона ты, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Жить—она тоскливая,
Больно прослезливая.
Съ тоски стосковалася,
Съ горя сгоревалася, —
Сама слезно сплакала.
Слезно не съ по матушкѣ,
Слезно не съ по батюшкѣ,
Слезно съ по миломъ дружкѣ,
Дружкѣ съ по Иванушкѣ.
Будто Вани дома нѣтъ,
Ванюшка гулять ушелъ,
Ваня въ ту сторонушку,
Въ зеленъ садъ—дубровушку.
Ванюшка цвѣточки рвать,
Да Ванюшка вѣночки вить —
Себѣ на головушку.

Поигравши еще «о разлуки», «о баишки», «о стоячіе колышки», дѣвушки разряжаютъ березку,—снимаютъ съ нея ленты, бусы, платки и запоны,—и расходятся по домамъ.

Нѣсколько лѣтъ (10—15) тому назадъ съ березкой, съ пѣснями, ходили по селу и разряжали березку на мосту черезъ рѣку. Палки изъ подъ березки бросали въ воду.

Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э. Зап. деревенск. парнемъ Яковомъ Безруковымъ, занимающимся переписываніемъ бумагъ въ Красноуфимской Земской управѣ. Рукопись эта доставлена въ Этногр. Отдѣлъ въ 1891 г. черезъ Александра Александровича Петрова.

Обычай праздновать Троицынъ день въ селѣ Шельбовѣ, Юрьевскаго уѣзда, Владимірск. губ.

Обычай, совершаемый въ селѣ Шельбовѣ въ Троицынъ день, носитъ на себѣ названія «колоска». Дѣйствующія лица въ немъ—дѣвицы и молодицы [1]); онѣ однѣ только наслаждаются удовольствіемъ водить колосокъ [2]), какъ говорится у нихъ. Эта церемонія сопровождается толпою любопытныхъ; въ числѣ ихъ и молодцы [3]), разумѣется, занимаютъ первое мѣсто; но старики и старухи также не отказываютъ себѣ въ удовольствіи—полюбоваться веселымъ гуляньемъ внучатъ. И ужъ конечно увидите здѣсь, что не одна старушка съ какимъ то сожалѣніемъ и завистію слѣдитъ за этой церемоніей, въ которой она, бывало, такъ часто участвовала, а теперь не можетъ; тутъ же услышите, какъ она, съ живымъ воспоминаніемъ о быломъ, обращается къ своей сосѣдкѣ: «Помнишь, Дементьевна, какъ мы бывало? и т. д.

Это обыкновеніе совершается въ слѣдующемъ порядкѣ.

Село Шельбово рѣкою Липнею раздѣляется на двѣ стороны: онѣ нѣкоторымъ образомъ служатъ опредѣленіемъ полевыхъ сѣвооборотовъ. Озиморожъ къ Троицыну дню начинаетъ колоситься; она то и служитъ цѣлію похода, который совершается въ «колоскѣ.» Походъ открывается со стороны, противоположной той, гдѣ растетъ озиморожъ. Дѣвицы и молодицы схватываются попарно руками: каждая изъ нихъ одною рукою беретъ другую свою же ниже кисти; а этой беретъ точно также руку той дѣвицы, которая составляетъ съ нею пару такъ, что всѣ четыре руки ихъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ собою плотный квадратъ. Потомъ всѣ пары становятся вплоть рядомъ, составляя такимъ образомъ двѣ стороны, обращенныя одна къ другой лицемъ и соединенныя руками. По этому крѣпкому оплоту изъ рукъ начинаетъ идти дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, опираясь на головы дѣвицъ; дѣвочка эта выбирается предварительно, красивѣе другихъ, одѣвается въ нарядный сарафанъ и убирается разноцвѣтными лентами. Послѣдняя пара, которую прошла дѣвочка, становится напередъ, какъ это бываетъ въ горѣлкахъ [4]). Такимъ образомъ эта процессія подвигается медленно къ мосту, за которымъ ожидаютъ дѣвицы другой стороны; сіи послѣднія послѣ обыкновенныхъ поклоновъ примыкаютъ къ этому походу и продолжаютъ его вмѣстѣ точно такимъ же образомъ. Въ про-

---

[1]) Молодицами называются молодыя замужнія женщины.

[2]) Слово—водить они вѣроятно употребляютъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и вездѣ говорятъ—водить хороводъ.

[3]) Холостые.

[4]) Извѣстная игра.

долженіе всего этого шествія, съ самаго его начала, неумолкаемо поется самымъ разстянутымъ голосомъ пѣсня:

1235.

Пошолъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу!
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ, со дикушей, [1])
Со пшеницею!

Эта пѣсня повторяется нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ концу порядка, за которымъ зеленѣется озимая рожь, — цѣль ихъ церемоніальнаго похода. Здѣсь процессія останавливается, отдѣляется одна пара, на которой остановилась дѣвочка—колосокъ, и подноситъ её на рукахъ же къ оржаному хлѣбу. Дѣвочка срываетъ горсть ржи, бѣжитъ къ церкви и бросаетъ близъ оной сорванные колосья. (Прежде клали подъ церковь, когда она была деревянная). Тѣмъ и кончается этотъ походъ.

Отсюда дѣвицы начинаютъ идти уже другимъ порядкомъ. Раздѣляются онѣ тоже на два ряда, но уже не схватываясь руками. Одинъ рядъ постоянно отступаетъ задомъ вдоль посада, другой наступаетъ на него, держась параллельно отъ перваго; и такимъ образомъ самымъ тихимъ церемоннымъ шагомъ подвигаются впередъ. При этомъ поется другая пѣсня, менѣе протяжнымъ голосомъ, нежели первая. Вотъ она:

1236.

Подойду, подойду,
Я подъ Царь-городъ подойду!
Прошибу, прошибу
Я копьемъ стѣну каменну!
То любо, то любо!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго четырехстишія).

Уведу, уведу
Я у батюшки добра коня,
Уведу, уведу
У родимаго стоялаго!

(Ср. выше № 1054).

[1]) Дикуша—гречиха.

По окончаніи этой пѣсни мѣняется наступательное шествіе. Дѣвицы берутся между собою руками въ своемъ ряду отдѣльно; только крайнія изъ нихъ соединяются поясами, концы которыхъ держатъ въ рукахъ своихъ. Первая изъ крайныхъ паръ возвышаетъ свой поясъ надъ головами и всѣ дѣвицы проходятъ подъ нимъ; послѣдняя пара, ставши такимъ образомъ на первомъ мѣстѣ, дѣлаетъ тоже и дѣвицы проходятъ подъ ея поясомъ точно также. Это повторяется опять и опять, доколѣ дѣвицы перевиваясь, какъ у нихъ говорится, не придутъ на всегдашнее извѣстное мѣсто ихъ гулянья. При этомъ поется слѣдующая пѣсня:

1237.

Перевейся яровъ хмѣль
На нашу сторонку;
На нашей, на сторонкѣ
Удача большая.
Удача-то большая —
Вѣнцы золотые, [2])
Вѣнцы, вѣнцы золотые,
Серебряно тычье. [3])
Нащиплю я, млада, хмѣлю,
Хмѣлю яроваго,
Наварю я млада пива,
Пива молодого;
Призову я млада гостя,
Гостя дорогаго;
Гостя, гостя дорогого,
Батюшку родного;
Не почасту въ гости ходитъ;
Не по долгу гоститъ;
Одну ноченьку ночуетъ,
И ту протоскуетъ.

Эта пѣсня повторяется, но уже въ ней мѣсто гостя—батюшка, занимаетъ гостья матушка.

На мѣстѣ всегдашняго обыкновеннаго гулянья поселянъ, куда они съ такой церемоніей направляютъ путь свой, уже заранѣе приготовлена въ чанѣ брага.

Она, еще задолго до Троицына дня, составляетъ предметъ дѣвичьихъ заботъ и совѣщаній; дня за четыре она *разваживается*. Ею угощаются не одни только участвующіе въ «колоскѣ», но и тѣ, которые сопровождали его и были любопытствующими

[2]) Хмѣлевые шишки.

[3]) Тычье—тычины, около которыхъ обвиваясь, растетъ хмѣль.

зрителями,—въ особенности батюшки и матушки, какъ упоминается въ пѣснѣ.

Отсюда, угостившись и отдохнувши послѣ такого тяжкаго труда въ церемоніи, молодцы и дѣвицы отправляются за село на колодецъ, находящійся между Шельбовымъ и сосѣднимъ близкимъ (въ полуверстѣ) селомъ Осановцемъ. Сюда же собирается и Осановская молодежь. Здѣсь въ общемъ хороводѣ вы увидите соперничество молодыхъ людей этихъ двухъ селъ, увидите какъ они другъ передъ другомъ стараются высказать искусство въ пѣніи, заливаясь многосложными варіаціями голоса; увидите, какъ они до пота лица, трудятся показать ловкость въ хожденіи по хороводу, перегибая свой молодецкій станъ въ разныя положенія и поводя платками въ рукахъ. Здѣсь Шельбовская молодость кончаетъ этотъ день.

Вотъ обыкновеніе у крестьянъ села Шельбова проводить Троицынъ день. Только въ этотъ именно день совершается подобная церемонія, и уже во весь годъ никогда не повторяется; означенныя пѣсни тоже никогда не поются, кромѣ Троицына дня. Происхожденіе этого обыкновенія теряется въ давности: старухи говорятъ, что онѣ приняли его отъ своихъ бабушекъ и передали внучкамъ.—Части этого обычая очевидно не имѣютъ между собой близкой связи, но въ нихъ кажется выражены характеръ и занятіе крестьянъ. Издавна главное занятіе крестьянъ Шельбовскихъ—хлѣбопашество; отличительныя черты характера,—трудолюбіе и единодушіе. Недовольствуясь достаточной пропорціей собственной земли и прекраснымъ ея плодородіемъ, они нанимаютъ земли подъ свои запашки въ окружныхъ селахъ. Въ лѣтнее время, особенно когда поспѣваютъ хлѣба,—они съ самой ранней зари до самой поздней ночи постоянно въ полѣ;—не даромъ они это тягостное время называютъ *страдою*. Зато всѣ крестьяне, можно сказать, очень зажиточные,—и нѣтъ ни одного нищаго: кто ослабѣваетъ и отстаетъ, къ тому всѣ идутъ на помощь, считая его ущербъ своимъ собственнымъ, какъ будто они всѣ одной семьи. Не толи высказывается у нихъ въ обыкновеніи—праздновать Троицынъ день, въ которомъ они отдаютъ честь озимому хлѣбу и дѣлаютъ брагу, дружелюбно угощая другъ друга.

Доримедонтъ Бережковъ. Владимірск. губерн. Вѣдомости 1853 года № 29.

Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Въ Троицынъ день, послѣ обѣда собираются дѣвки и бабы, забираютъ съ собою красныя яица (онѣ красятся наканунѣ) и идутъ въ лѣсъ съ пѣснями.

Идучи лѣсомъ, онѣ поютъ:

1238.

Дѣвушка лѣсомъ шла,
Красавица темнымъ шла.
Эхъ казалося дѣвушки —
На лѣсу листья шумять, 2
Всѣ деревья говорять:
Бѣлая березушка
Приклонилась къ землѣ.
На эту березушку
Слеталися пташечки, 2
Эхъ слеталися пташечки
Соловей съ кукушечкой.
Кукуеть кукушечкя
Объ своемъ тепломъ гнѣздѣ,
Тужить, плачеть дѣвушка
Объ своемъ миломъ дружкѣ:
Калинушка съ малиною
Ранешенько расцвѣла, —
На ту пору матушка
Меня замужъ отдала.
Гуляй, гуляй, дѣвушка,
Покуль волюшка дана.
Уймуть дѣвки волюшку, —
Наложать заботушку.
Первая заботушка
Свекоръ да свекровушка,
Другая заботушка, —
Деверь да золовушка,
Третья заботушка, —
Мужъ—плохая голова.

Всѣ разбредутся по лѣсу, наломаютъ березокъ, совьютъ вѣнки, надѣнутъ ихъ себѣ на голову и выходятъ на ближайшій лугъ или поляну, и идутъ домой. Дорогою поютъ:

1239.

«Полно, Ваня, тебѣ по лугу гулять, —
Ой, по лугу гулять!
При долинѣ соловьемъ тебѣ свистать, —
Ой, тебѣ свистать.

Моему сердцу назолушку давать, —
Охъ, давать.
Мое сердце надорвалось, плакучи,—
Охъ, плакучи!
На твои ли русы кудри глядючи, —
Охъ, глядючи.
Часто ходишь мимо моего двора, —
Охъ, моего двора,
Не провѣдаешь въ большомъ горѣ меня,
Охъ, меня!»
— «Сударыня, поры время не сберу, —
Охъ, не сберу.
Днемъ придти—безчестно молодцу,
Охъ, молодцу.
Со вечеру придтить—отецъ съ матерью не спить,
Охъ, не спить,
Въ полночь придтить — жаль мнѣ милку разбудить, —
Охъ, разбудить.

1240.

Вы комарики мои, мухи комари!
День летають,—ночь спать не дають
Чуть я съ вечера заснула—вижу милаго во снѣ:
Будто мой милой у кроватушки стоить,
Размахнулъ онъ тонкій бѣлый положекъ,
Началъ милу цѣловать и миловать,
Къ ретивому сердечушку прижимать.
Я проснулась—никого нѣтъ у меня.
Взволновалося ретиво сердце мое,
Взволновамши,—я на бѣлый свѣтъ гляжу,
Гляжу, гляжу—ровно съ миленькимъ ляжу.

Затѣмъ отправляются къ рѣчкѣ или пруду, останавливаются на берегу и поютъ: «Веселую бесѣдушку». Подъ пѣніемъ этой пѣсни медленно бросаютъ въ воду вѣнки. А тѣ, которыя дружатъ межъ собою, кумятся, т. е. черпаютъ воду изъ средины вѣнка и пьютъ ее поочередно. Затѣмъ обмѣниваются яйцами и цѣлуются.

Зап. мною въ 1875 г. отъ крестьянки Подгородной деревни.

1241.

а) Тверск. губерніи, Осташковск. у., Ѳедоровъ Дворъ.

1 Калинушка съ малинушкой, розолевый цвѣтъ
2 Смиренная бесѣдушка, гдѣ миленькій нѣтъ.
3 Веселая кампанія, гдѣ миленькій пьетъ.
4 Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой,
5 За мною молодою онъ шлетъ.
6 А я млада младешенька замѣшкалася,
7 За утками, за гусями, за лебедями,
8 За вольною за пташечкой, за журушкой.
9 Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ,
10 Шелковую во полѣ травушку пощипываетъ,
11 Холодною водицею прихлебываетъ,
12 За рѣченькой за быстрою посматриваетъ.
13 Какъ за рѣченькой за быстрою слободка стоитъ,
14 Не маленькая слободушка—четыре двора.
15 Во томъ ли во четвертомъ дворикѣ четыре кумы.
16 «Вы, кумушки, голубушки, подружки мои!
17 Кумитеся, любитеся,—любите и меня!
18 Вы пойдете въ зеленъ садъ гулять,—возьмите и меня!
19 Вы будете цвѣточки рвать—сорвите и мой!
20 Вы станете вѣнки вить,—сплетите и мнѣ!
21 Вы будете въ воду бросать,—бросьте вы и мой!»
22 Какъ и всѣ вѣнки по воды поплыли, а мой потонулъ.
23. Какъ и всѣ дружки домой пришли, а мово дружка нѣтъ.

Зап. учен. 7-го кл. Тверск. гимназіи Вл. Тюкинымъ. Ср. у Варанцова, стр. 60, у Якушкина 2 вар. Пѣсня эта весьма распространена.

1242.

б) Тульской губерніи, Епифанск. у.

1—3 Торна, бойка дороженька, гдѣ миленькій шелъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьеть.
Онъ пить не пьеть, за мной младой шлеть.
10 Ковыль,—травку шелковую защипываеть.
11 .... захлебываеть.
13—15 За рѣкою за быстрою четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы.
20 Вы станете вѣнки вить, свейте и мнѣ!
21 Вы пойдете на Дунай рѣку вѣнки бросать,—бросьте и мой!
22—23 Какъ всѣ вѣнки по сверхъ воды, а мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли, а мой небывалъ.

Зап. мною отъ подгородней крестьянки.

1243.

Тульской губерніи.

Стой, моя роща,
Стой, зеленая!
Стой, не расцвѣтай.
Стой милъ короводецъ,
Стой, развеселый,
Стой, не расходися!
Въ этомъ короводѣ
Въ этомъ развеселомъ
Скакала, плясала, 2
Скачучи, плясучи
Вѣнокъ сронила.
Сронивши вѣночекъ,
Во теремъ пошла, —
Къ батюшкѣ челомъ:
«Родимый мой батюшка,
Сходи въ короводъ, 2
Подыми мой вѣнокъ!»
— Батюшка идетъ,
Вѣнка не несетъ;
Родимый идетъ
Злата не несетъ.

Опять сначала до стиха: «Во теремъ пошла» и продолжается такъ:

Ко матушкѣ челомъ:
«Родимая моя мать!
Ты сходи-ка въ короводъ, 2
Подыми вѣнокъ!»
— Матушка идетъ,
Вѣнка не несетъ,
Родимая идетъ
Злата не несетъ.

Опять сначала до стиха: «Въ теремъ пошла» и затѣмъ:

Къ ладушкѣ челомъ:
«Родимый мой ладушка
Сходи въ короводъ, 2
Подыми вѣнокъ!»
— Ладушка идетъ,
Вѣночекъ несетъ,
Милый мой идетъ,
Золотой несетъ.

Зап. мною.

1244.

Тамъ-же.

Грушица, ты грушица моя!
Грушица, зеленый виноградъ:
Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Забавныя рѣчи говоритъ:
«Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья.
Пойду я въ зеленый садъ гулять,
Сорву я со травушки цвѣтокъ,
Совью я на головушку вѣнокъ.
Пойду я на Волгу на рѣку,
Стану я на мытномъ на плоту,
Брошу свой вѣночекъ на воду,
А сама подалѣ отойду,
На свой на вѣночекъ погляжу:
Тонетъ ли, не тонетъ ли вѣнокъ?
Тужитъ ли, не тужитъ ли дружокъ?—
Ахъ, мой вѣночекъ потанулъ,
Знать, меня мой милый обманулъ.»

Зап. Г. Ѳ. Соколовымъ.

1245.

Московск. губерніи, Серпух. у., с. Бѣгичево.

Во лѣсу ли, во лѣсочку,
На желтинкомъ песочку,
На мягкой травы, 2
Тамъ и дѣвушки гуляли
Съ лужки цвѣточки,
Цвѣточки собирали,
Вѣночки плели. 2
На вѣнкахъ онѣ гадали,
Вѣнки въ рѣку,
Въ рѣку побрасали,
Чей вѣнокъ всплыветъ
Про ту милый вспомянетъ.
Мой вѣнокъ въ волнахъ всплываетъ,
Знать мнѣ варваръ клятву измѣняетъ,
Знать онъ позабылъ,
Знать онъ разлюбилъ.
Одна дѣвушка вскричала,
Во слезахъ она сказала:
«А мой потанулъ!» 2
Къ ней подруженьки сбирались 2
Утѣшать ее старались: 2
«Полна, глупая, тужить,
Можно лучшаго нажить,
Можно разлюбить
Можно позабыть.»
— Я не слушаюся васъ;
Полюбила дружка разъ, —
Буду до смерти любить. 2

Зап. гр. А. А. Татищевой.

Троицынъ и Духовъ день въ селѣ Доброводьѣ Орловской губерніи, Сѣвскаго у.

Троицынъ и Духовъ день празднуются у насъ чуть ли не веселѣе всѣхъ праздниковъ, за исключеніемъ развѣ Петрова дня или вѣрнѣе сказать Петровыхъ ночей, такъ какъ Петровъ день и послѣдующіе за нимъ два дня происходятъ тихо, но чуть смеркается,—такъ во всю ночь заскрипятъ качели (по нашему—рели) и поднимается не умолчный шумъ, нескончаемые пѣсни, которыя можно наименовать: кто во что гораздъ; назойливо заиграетъ гармоника,—все на одинъ ладъ, присоединяется какой нибудь гудокъ или бубенъ, топотъ, мѣрное хлопанье въ ладоши. Словомъ поднимается шумъ такой, что навѣрное проснулся бы царь морской, если бы море было ближе. И такъ до рáзсвѣта Петровъ день или Петровы вечера чуть ли не единственные, когда къ женскому танцующему и поющему населенію присоединяются и мужеское. Тутъ же въ Петровъ день прекращаются пѣсни съ припѣвомъ: «Леле ми!» и поется уже «Леліо!»

На Троицынъ день дѣвушки идутъ въ лѣсъ посмотрѣть вѣнки, которые они завили на Вознесеніе: чей завялъ, та замужъ въ томъ году не выйдетъ; потомъ часовъ въ 12 дня идутъ на «Трояны» (т. е. ins Grünne) и въ селѣ остается только старый да малый. Что значитъ слово «Трояны» и отъ чего оно происходитъ? рѣшить не могу; отъ Троицы ли, или отъ того, что здѣсь на лугу (верстахъ въ 4-хъ отъ села) встрѣчаются и сходятся три сосѣднія села? или слово «Трояны» есть просто измѣненное «Травяны»? отъ слова трава?

Тамъ на лугу «жарятъ яичницу» пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ; возвращаются домой часовъ около 6-ти вечера; въ этотъ день всегда въ селѣ тишина, за то на другой день часовъ съ 2-хъ дня шумъ и пѣсни не умолкаемыя. Въ этотъ день «танки» собираются обыкновенно изъ сосѣднихъ хатъ и сколько улицъ или «старонъ» столько и танкóвъ: «ближайшая старона» (къ усадьбѣ) «большая сторона» «Будыкина» «Попова» (ближняя къ жилью церковнаго причта) «Кукуевка», «Заверняевка» и «Храбровка». Слѣдовательно 7-мь танковъ; каждый изъ этихъ танковъ, конечно, старается перещеголять другъ друга; каждый танокъ дѣлаетъ складчину изъ яицъ и денегъ. Для покупки творога и водки (послѣднее всегда въ мѣру, такъ какъ пьяныхъ женщинъ рѣдко видно). Пообѣдавши, идутъ кругомъ всего села, гуськомъ, взявшись за платки, т. е. одинъ и за другой концы его, при этомъ-то хожденіи и поются пѣсни съ припѣвками «Леле ми». Прошедши нѣсколько сажень «танокъ» останавливается и сейчасъ же пѣсня мѣняется, за платки не держатся, а становятся въ кругъ, и всѣ притопываютъ и прихлопываютъ въ ладоши подъ тактъ пѣсни, т. е. (въ концѣ такта усиленное топанье и хлопанье въ тактъ), а 4 дѣвушки или «молодицы» идутъ въ середину круга и тамъ прыгаютъ до упада; не могу назвать это танцами. Этихъ то четырехъ обыкновенно и величаютъ и ихъ мужей или нареченныхъ. Лишь только стоящій на мѣстѣ танóкъ увидитъ приближающійся другой танокъ съ пѣснями, такъ сейчасъ же уходитъ и затягиваетъ свое «Ой Леле ми», а тотъ становится на его мѣсто. Такое хожденіе продолжается до вечера. Часто нѣкоторые изъ танковъ идутъ въ другія ближнія села (не ближе впрочемъ 6-ти верстъ), а изъ тѣхъ селъ танки приходятъ въ Доброводье. На третій день повтореніе тоже, но съ большимъ увлеченіемъ. Вотъ и вся незатѣйливая обстановка нашихъ Троицыныхъ дней и ихъ пѣсенъ. Къ этому прибавлю, что «ребятъ» какъ у насъ называются молодыхъ парней никогда не бываетъ не только въ танкѣ но рѣдко и около него.

Припѣвъ «Ой, леле ми, ой, леле ми!» во всѣхъ пѣсняхъ повторяется послѣ каждаго стиха. Всѣ эти пѣсни поются на одинъ и тотъ же однообразный напѣвъ.

Пѣть Троицкія пѣсни съ припѣвомъ «Леле ми» послѣ Петрова дня считается грѣхомъ.

1246.

Ой лели ми, лели ми!
Сватался Ивашка за красную Рожу.
Рожушки не отдали, Ивашкѣ отказали.
Пошелъ Ивашка къ попамъ-духовничкамъ,
Попамъ-духовничкамъ, дьячкамъ-церковничкамъ:
«Дьячки-церковнички звоните къ обѣденкѣ!
Попы-духовнички служите обѣдню!»
Дьячки зазвонили, попы заслужили.
Всѣ люди сошлись,—одной Рожи нѣту,
Одной Рожи нѣту и Рожиной матери.
Пошелъ Ивашка къ скотничкамъ-волынщикамъ:
«И скотнички-волынщики, выходите на улицу,
На улицу играть на широкую.
Усѣ люди сошлись, одной Рожи нѣтъ,
Одной Рожи нѣтъ, ни Рожиной матушки.»
Нарядился Ивашка а въ дѣвичье платье,
Въ дѣвичье платье, молодичье обличье,
Пошелъ Ивашка къ самой къ Рожѣ:
«Сестрица Роженька, пойдемъ на улицу,
На улицу играть на широкую!»
Стала наша Роженька собираться, умываться,
Гладкую голову гладить, русую косу плесть.

Рожу мать учила, Рожу научала:
«Роженька, Рожушка, пойдешь на улицу,
На улицу играть на широкую, —
«Не ходи во танку близко,
Не кланяйся низко,
Не стой плечо во плечо,
Не берись рука съ рукой!»
— Рожа не чувала,
Чему мать научала,
Подошла къ танку близко,
Поклонилась низко
Стала плечо въ плечо,
Взялась рука съ рукой.
«Что это за подружка,
Что на ножку ступаеть
Сапожекъ мараеть?
Что это за подружка,
Что за руку хватаеть
Перстенечекъ снимаеть?
Что это за подружку,
Что за косу хватаеть
Ленту снимаеть?
Что это за подружка,
Что за голову хватаеть
Вѣночекъ снимаеть?»
Стала наша Роженька
Въ шитомъ повивалѣ,
Въ темномъ покрывалѣ.
Ой лели ми, лели ми.

Ср. въ моемъ сборн. Бѣлор. народн. пѣсни стр. 71, № 130.

1247.

Ой лели ми, лели ми.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Пошла наша дѣвушка въ логъ [1]) по калину,
Въ логъ по калину, на широку на долину
На ей чебату́шки Курской работу́шки,
Да дольнее [2]) платье весь лугъ устилаеть.
Да паѣхалъ на нее молодецъ на ворономъ конѣ,
На ворономъ конѣ, на кованномъ сѣдлѣ.
«Вылазь ка, ты, дѣвушка, изъ подъ тонкаго деревца,
Изъ подъ калинушки, изъ подъ малинушки!
Садись ка, ты, дѣвушка, конику на бедры,
Конику на бедры, мнѣ молодцу за плечи!»
Они поле ѣхали, другое ѣхали, —
На третьемъ полѣ, ихъ ночь обымала,
Темная осенняя, зорюшка вечерняя.
«Слазь ка, ты, дѣвушка, конику съ забедеръ
Конику съ забедеръ, мнѣ молодцу съ заплечь!
Рви-ка, ты дѣвушка, траву ковы́лушку,
Стели ка, ты, дѣвушка, мягкую постелюшку
Ложись ка, ты дѣвушка, отъ синяго моря!
А я, заудалый молодецъ, отъ чистаго поля.
Коника поставимъ, отъ темнаго лѣса,
Отъ темнаго лѣса, отъ лютаго звѣря.
Сказывай, дѣвушка, какого ты рода.»
— «Я рода небольшаго, рода неменьшаго,
Рода середняго, самаго послѣдняго;
Было у меня, дѣвушки, девять братовъ сроду,
Десятая я сестрица, горькая горетница.
Два у меня братца, съ батюшкой пашню пашуць,
Два у меня братца у барина въ холопахъ,
Два у меня братца, поѣхали въ охотушку,
Два у меня братца, въ службу отдали,
Одинъ у меня братецъ, безъ вѣстушки пропалъ.» —
«Дѣвица, дѣвица ты моя сестрица.
Ты моя сестрица, горькая горетница!»

[1]) Логъ—лощина, оврагъ.
[2]) Длинное.

1248.

Породила вдовушка сына Васильюшку, —
Ой леле ми, леле ми!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Сына Васильюшку, а дочерь, да Натальюшку.
Сына Васильюшку да на службу отдали,
А дочерь да Натальюшку за три вѣса золота.
Колыхался княжой сынъ 7-мь лѣтъ въ колыбели,
На восьмое лѣто грамотѣ взучился,
На девятое лѣто поѣхалъ жениться.
Туда онъ поѣхалъ, оттоль не пріѣхалъ:
Синь лёдъ обломился, сивъ конь провалился,
Сивъ конь провалился, молодой князь залился,
Молодой князь залился, молода княгиня завдовѣла,
На бережку стоя, *поджамъ* бѣлы руки
Поджамъ бѣлы руки, къ ретивому сердцу.

1249.

Сидѣла удовушка семь лѣтъ удовою.
Ой Леле ми, Леле ми!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Породила удовушка сына Васильюшку, а дочерю да Натальюшку.
Сына Васильюшку ну въ службу отдали,
А дочерю да Натальюшку па винѣ пропили,
На винѣ пропили, а на медѣ да проѣли.
Пріѣхали за Натальею пятдесятъ каретовъ
Пятьдесятъ каретовъ, шестьдесятъ верховыхъ.
Посадили Натальюшку въ золоту карету,
Повезли да Натальюшку къ синему морю,

Посадили Натальюшку въ легкую лодочку,
Дали да Натальюшкѣ весельцы у руки,
Приказали Натальюшкѣ ни съ кѣмъ не встрѣчатся,
Ни съ кѣмъ не встрѣчаться, назадъ не глядаться.
Плавала да Натальюшка два лѣта двѣ зимы,—
На третье лѣто встрѣялся съ Натальюшкой братицъ Васильюшка.
«Сястрица да Натальюшка! зачѣмъ ты гуляешь по синему морю?
По синему морю, да на легкой лодочкѣ?»
— «Братецъ Васильюшка! меня матушка óтдала,
А на винѣ прóпила, а на медѣ прóѣла.»
Пріѣхалъ Васильюшка кы своимъ вóротамъ;
А ударилъ Василій копьемъ въ ворота,
Копьемъ въ ворота, золотымъ да въ широки:
Широки вороти сами растворились,
Красныи окошечки сами расчинились,
Выйшла его матушка, выйшла осударыня.
«Сыночекъ Васильюшко! что ты грозенъ ѣдешь?
Грозенъ ѣдешь, грозно наступаешь?»
— Осударыня матушка! что ыдна встрѣваешь?
«Сыночикъ Васильюшко я ыдна зародилась.»
— Осударыня моя матушка! гдѣ сестра да Натальюшка?
«Сынокъ Васильюшко! Богу душу отдала.»
— Осударыня моя матушка! да были ли дьякú, попы́,
Дьяки, попы, да добрые люди?
«Поповъ не случилось, а людей не дозвалась.»
— Осударыня матушка поведи на могилушку!
«Да были грозныя тучи, да лили синіе дожди, 2
Синіе дожди да могилушку размыли.»

1250.

У воротъ, у воротъ верба кудрява,—
Ой Леле ми, Леле ми
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Подъ вербою камень, подъ вербою бѣлый,
На камушкѣ дѣвка, на бѣломъ красная,
Держитъ коня, въ рукахъ, держитъворóного,
Чешетъ братьины кудри, чешетъ кудрявыя, чешетъ кучерявыя.
Она чешетъ, плачетъ да на рѣчку мечетъ,
Да на Дунай рѣчку мечетъ:
«Плывите вы, кудри, вдоль по Дунаю,
Ростите вы, кудри, на три цвѣточка,
На три цвѣточка, на три да на зрѣлые:
Первый то цвѣточекъ—цвѣтъ Иванушка,
Другой то цвѣтокъ, цвѣтъ Петрéюшка
Третій то цвѣтокъ, цвѣтъ Андрéюшка,—
На три на ягоды, на три на зрѣлые:
Первая да ягода, то Катеринушка,
Другая да ягода, то Матренушка,
Третія да ягода, то Маланьюшка.

1251.

Ой леле ми, леле ми!
Дѣвушка съ молодцами играла:
Проиграла дѣвушка конью шубу съ плеча
Съ ножекъ сапожки, съ ушекъ серёжки,
Съ головушки вѣночекъ, съ правой руки перстень.
Молодецъ дѣвушкѣ въ глаза насмѣялся:
«Ой какъ тебѣ дѣвушкѣ двору [1]) показаться?
Какъ тебѣ, красная, матушкѣ сказаться?»
— «Взумѣла, молодецъ, хвалу потерять,
— Взумѣю, удалой, матушкѣ сказать.»
Ой леле ми, леле ми!

1252.

Ой леле ми, леле ми!
Супротивъ нашихъ воротъ,—ой ягода моя!
Взошло три мѣсяца,—ой ягода моя!
Взошло три ясные,—ой ягода моя!
Первый же мѣсяцъ,—ой ягода моя!
То свѣтъ Иванушка,
Другой же мѣсяцъ,—ой ягода моя!
То свѣтъ Андреюшка,
Третій же мѣсяцъ,—ой ягода моя!
То свѣтъ Сенюшка.
Супротивъ нашихъ воротъ,—ой ягода моя!
Взошло три солнышка,—ой ягода моя!
Взошло три ясные,—ой ягода моя!
Первое солнышко,—ой ягода моя!
То Аринушка зрѣлая,
Другое солнышко,—ой ягода моя!
То Аннушка зрѣлая,
Третье солнышко,—ой ягода моя!
То Марьюшка зрѣлая.
Ой лели ми, леле ми!

1253.

Ой леле ми, леле ми!
Хвалилася теща своимъ милымъ зятемъ:
«Ой мой-то зять хорошъ, ой мой-то зять нарядевъ.
У моего-то зятечка ни усовъ, ни сорочки,—
Ни усовъ, ни сорочки, ни сохи, ни боронки.»

---

[1]) т. е. домой. У насъ всегда вмѣсто: «домой», «идти домой», говорятъ: *двору*.

— «Постой, теща, молчи, постой, не говори
Твоя дочь хороша, твоя дочь пригожа!
Поставила холстъ красна — девята весна,
Девятая весна, десятое лѣто:
Набилка подъ тыномъ заросла полыномъ,
Пропожки подъ лавкою заросли муравкою,
Челнокъ съ цвками разбѣжалъ за дѣвками —
Утку̀ добывать, красна дотыкать.
Ой леле ми, леле ми!

Сообщ. мѣстной помѣщицей г-жей Постельниковой.

Въ Вяземскомъ уѣздѣ (Смоленской губерніи), въ Троицынъ день выкапываютъ молодую березку, заплетаютъ ея вѣтви и вѣшаютъ на нее кресты, потомъ дѣвушки кумятся другъ съ другомъ и съ парнями, мѣняются различными вещами, напримѣръ платками, серьгами, которыя тутъ же вѣшаютъ на березку, а затѣмъ цѣлуются черезъ шнурокъ креста и завиваютъ вѣнки. Въ Духовъ день онѣ идутъ съ пѣснями къ рѣкѣ, куда бросаютъ вѣнки также съ пѣснями. Въ этотъ же день пекутъ яичницу и водятъ хороводы. Вотъ пѣсни, которыя поютъ въ Троицынъ день (с. Выхлово):

1254.

Тамъ бѣгъ, пробѣгъ сѣрый зайка,—
Ой люли, люли, сѣрый зайка!

(Припѣвъ со второй половины стиха повторяется послѣ каждаго стиха).

А за зайкою горностайка,—
У̀ зубахъ несетъ небылицу
Про меня, красную дѣвицу,
Чтобы я, красная дѣвица,
Всеё ноченьку не спала.
Всеё ночку я не спала,
Въ зеленóмъ саду прогуляла,
Сладки яблочки я ирвала.
Свекоръ батюшка разсердилси,
Засадилъ мене въ темницу,
Во холодную холодницу:
Ни дверей нѣту, ни окошекъ,
Только есть труба дымовая.
«Свекоръ батюшка, проруби окно,—
Откуль солнышко рано всходитъ,
Откуль миленькій ко мнѣ ходитъ,
Сладкихъ прянечкоцъ онъ заноситъ, —
Сладки пряники медовы́е,
Сладки яблочки сахарны́е.

1255.

Калужской губерніи, Тарусск. у., с. Маковицы.

Вы лѣса-ль мои, лѣса темные, —
Ай люли, люли, о лиле, лиле!

(Припѣвъ послѣ каждаго стиха).

Перелѣсочки мои частаи!
Мнѣ по васъ, лѣса, — мнѣ пройтить нельзя.
Я селами, я веселами,
Я деревнями игрливами.
За селомъ, селомъ за Маковицами
Высходилъ-сходилъ свѣтёлъ мѣсяцъ, —
Свѣтёлъ мѣсяцъ — Алексѣй господинъ.
А за мѣсяцемъ тутъ часты звѣ̈зды,
А за звѣздами бѣлая зорюшка,
Бѣлая зорюшка — Авдотьюшка.
А за зорюшкой красное солнушко,
Красное солнушко — Полагеюшка.

Сообщ. Отдѣл. Этногр. И. О. Л. Е., А. И. Э. изъ матеріаловъ доставлен. туда студ. филолог. факультета Московск. унив. А. Марковымъ.

Зарайскаго уѣзда.

Въ Русальный вечеръ варятъ кулѣшъ. «Пойдемте сестры кулѣша варить!» говорятъ другъ другу бабы и дѣвки, выходя для сбора на улицу; выходитъ и русалка въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами, верхомъ на кочергѣ, держа въ рукахъ помело черезъ плечо. Она въ такомъ видѣ ѣдетъ впереди, а за ней толпой идутъ дѣвки и бабы, бьютъ въ заслонъ. Ребятишки бѣгаютъ впередъ и то и дѣло заигрываютъ съ русалкой, хватая ее кто за руку, кто за рубаху, кто и къ кочергѣ прицѣпится, приговаривая: «Русалка, русалка! пощекочи меня!» или «не щекочи меня!» Вся эта толпа, съ русалкой впереди, направляется ко ржамъ и дорогой поетъ:

1256.

Мы по лугу гуляли,
Съ комарикомъ плясали.
Мнѣ комаръ ножку отдавилъ,
Всѣ суставички переломилъ.
Кричитъ: Подай, мати, топора
Рубить казнить комара.
Скатилася голова
За заднія ворота.
На улицѣ ромада

Жена мужа продала, —
За дешево отдала:
Всего взяла три рубля,
По русскому шесть алтынъ.

(Ср. выше №№ 633—636).

Подошедши ко ржамъ, русалка бросается въ толпу, схватитъ кого-либо и пощекочетъ, другія защищаютъ преслѣдуемую, стараются отнимать ее, но русалка бросается на другую, третью и т. д. Тутъ пойдетъ свалка, пока ей не удастся вырваться и схорониться во ржахъ. «Теперь кричатъ всѣ: «мы русалку проводили, можно будетъ вездѣ смѣло ходить?» и разбредутся по домамъ. Русалка же, посидѣвъ немного, прокрадется задками домой. Народъ же всю ночь до самой зари гуляетъ на улицѣ.

Зап. мною отъ бывшей дворовой 16 марта 1876 г.

Въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, есть обычай «хоронить русалку». Въ заговѣнье передъ Петровками дѣлаютъ изъ тряпокъ куклу, величиною съ шестинедѣльнаго ребенка, намалевываютъ ей носъ, глаза, ротъ, наряжаютъ ее въ платье. Сдѣлавши изъ досокъ гробъ, кладутъ туда куклу, покрываютъ ее кисеею и убираютъ цвѣтами. Парни, дѣвушки и молодыя бабы несутъ гробъ на берегъ рѣки; дѣвушки наряжаются кто священникомъ, кто дьякономъ, кто дьячкомъ, дѣлаютъ кадило изъ яичной скорлупы и поютъ: «Господи, помилуй!» всѣ идутъ со свѣчами изъ стеблей конопли. У рѣки русалкѣ расчесываютъ волосы и прощаются съ нею, цѣлуя ее, при чемъ одни плачутъ, другіе смѣются. Заколотивши гробъ, привязываютъ къ нему камень или два и бросаютъ въ воду. Послѣ этого обряда поютъ пѣсни и водятъ хороводы.

Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э. Изъ матеріаловъ доставл. туда студ. филолог. факульт. Моск. унив. А. Марковымъ.

Въ Владимірской губерніи почти повсемѣстно ежегодно происходитъ въ честь ярилы празднество, сохранившееся отъ временъ язычества только по названію и ничего въ сущности общаго съ нимъ неимѣющее.

Близъ Шуи, въ 3-хъ верстахъ отъ города, прямо на югъ, въ послѣдній вторникъ передъ Петровымъ постомъ, т. е. въ заговѣнье, въ лѣсъ, называемый «Марьиной рощей» сходятся огромныя массы болѣе нежели изъ 20 деревень и преимущественно женскаго пола. Приходитъ туда и мужская крестьянская молодежь и фабричный, мастеровой и рабочій народъ изъ Шуи. Послѣ ранняго обѣда мущины и женщины поднимаются изъ города и гурьбой спѣшатъ въ «Марьину рощу», гдѣ Шуйскіе торговцы бакалеей устраиваютъ шатры и торгуютъ разными лакомствами. Посреди рощи, на обширной луговинѣ, гуляющіе сейчасъ по приходѣ начинаютъ водить хороводы. Сначала каждая деревня водитъ отдѣльно свой хороводъ, но мало-по-малу всѣ хороводы сходятся и сливаются въ одинъ обширнѣйшій кругъ— сажень въ 300 и болѣе. И тогда онъ получаетъ названіе *«основа»*. Въ этомъ громадномъ кругу не одна сотня крестьянскихъ дѣвицъ, молодицъ и парней, разряженныхъ въ праздничную, яркихъ цвѣтовъ, одежду, держа другъ друга за руки, поютъ разныя хороводныя пѣсни. Мастеровые же, собравшись въ отдѣльные кружки, и непремѣнно съ гармоніей, поютъ свои веселыя ухорскія пѣсни. Во многихъ мѣстахъ дѣвушки и молодицы играютъ въ горѣлки, коршуна и другія игры. Прочая же публика разсыпается по рощѣ, прогуливаясь, лакомясь подсолнечниками и разными сластями. Наконецъ, передъ захожденіемъ солнца, всѣ расходятся по домамъ.

Этимъ заканчивается все гулянье. О самомъ же виновникѣ торжества, Ярилѣ: его происхожденіи, о значеніи его божества и т. п., никто изъ гуляющихъ ничего не знаетъ. Одно только и знаютъ твердо всѣ, это то, что въ Петровское заговѣнье надо идти на гулянку: «Ярилову плѣшь погребать». Во всѣхъ окружающихъ Шую большихъ селахъ, какъ-то Дунилово, Горицахъ, Васильевскомъ, Камѣ, Ивановѣ, Тейковѣ и другихъ въ этотъ день заговѣнья бываетъ гдѣ нибудь близъ селенья, на лугу, полянѣ, или въ лѣсу такого же рода гулянья, куда сходятся тоже дѣвицы и молодыя женщины, въ лучшихъ своихъ нарядахъ и веселятся такимъ же образомъ. И вездѣ это гулянье называется «Яриловымъ гуляньемъ». Близъ Владиміра и Краснаго Села, въ Юрьевѣ, Судогдѣ и другихъ городахъ бываетъ тоже самое гулянье въ этотъ именно день.

Сообщ. И. М. Лядовымъ, извѣстнымъ любителемъ мѣстной археологіи (въ 1875 г.).

Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ.

Обычай хоронить Кострому слишкомъ разнообразенъ своими обрядовыми подробностями, но однако идея одна и та же: это проводы весны. Прослѣдимъ же, насколько разнообразенъ этотъ

обычай въ фантазіи своихъ исполнителей. Передъ нами картина вечера: жаръ началъ спадать, съ воды пахнулъ прохладный вѣтерокъ, солнце начало клониться къ западу, золотя послѣдними своими лучами всю окресность и всюду бросая длинныя и широкія тѣни; березы тихо лепечутъ, шелестя своими молодыми листьями, ласкаемыми легкимъ и игривымъ вѣтеркомъ, прилетѣвшимъ, Богъ вѣсть, откуда и сейчасъ же безвозвратно исчезнувшимъ; вотъ опять налетаетъ онъ и снова слышится ласкающій тихій шелестъ березъ, какъ бы склоняющихся другъ къ другу. Гдѣ то неподалеку послышалось блеяніе стада, а вотъ и оно весело бѣжитъ домой, сопровождаемое пастухомъ, которому также отрадно отдохнуть послѣ жаркаго лѣтняго дня: вся природа утомилась отъ дневнаго солнечнаго зноя и мирно засыпаетъ до новаго утра, до новой дѣятельности, до новаго пробужденія. Отрадно и легко дышится всѣмъ и каждому при лѣтней вечерней прохладѣ: весело выбѣгаютъ изъ душныхъ избъ молодые парни и дѣвки; чумазые босоногіе ребятишки съ неудержимымъ гамомъ и шумомъ *паляютъ* (бѣгаютъ) по улицѣ, пуская изъ-подъ своихъ ногъ неистовую пыль и подвергаясь энергическимъ окрикамъ взрослыхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «вишь, провалъ васъ возьми, какъ напылили проклятые». Домовитыя, заботливыя хозяйки стараются какъ можно скорѣе *убрать* коровъ, чтобъ на ряду со всѣми выдти на улицу и подышать чистымъ воздухомъ; тихо и задумчиво выплетаются на заваленку старики и старухи, завистливо глядя на молодежь, собирающуюся гульнуть на славу да затянуть веселую пѣсню позвончѣе, во все разудалое, молодецкое горло. «А ну ка, погодь, мы поглядимъ, что тутъ будутъ дѣлать», какъ будто говорятъ глаза стариковъ: «такъ чтоль будутъ какъ мы бывало, аль *йнакъ* (иначе) какъ, какую ни на есть новую моду затѣютъ». Нонѣ, мать моя, не то какъ *допрежь* (прежде) бывало, прошамкаетъ одна другой старуха, нонѣ, бать, *мальцы*-то (парни) все *повности* затѣваютъ; мы бывало все по просту, да по тиху, а нынѣ гордыни то—этой больно много стало». «Чего *баять* (говорить), матка, отвѣчаетъ старушка, и впрямь въ стары-те годы *лутше* было, нонѣ ишь дѣвки-то сами къ парнямъ лѣзутъ — *срамотища* да и только, видано-ль это было, баушенька болѣзная моя, въ наши-те годы?» — «Скоро свѣтопреставленіе будетъ, толкуютъ старики, больно народъ-то *мудеръ* сталъ; нѣтъ, мы были дураки, а нонѣ что? ишь вонъ парнишка малюсенькій и тотъ паровитъ тея кругомъ обвести; нѣтъ нонѣ и ребята-то всѣ какъ большіе, не то какъ *допрежь*». «Скоро *анцихристъ* (антихристъ) народится, говоритъ другой, и будетъ *явей* (своей) печатью всѣмъ лбы припечатывать».—«Наперсникъ-отъ *анцихристовъ* онамеднись здѣсь былъ», глубокомысленно произноситъ третій, да еще какую исторію подвелъ! младенцамъ на ручки хотѣлъ печать прикладывать, чтобы говоритъ *воспы* (оспы) не было; ну *рай* (развѣ) же можно ей не быть, на то она отъ Бога узаконена?—Въ Писаніи сказано: народъ на народъ, царство на царство, мнѣ *ономнясь* (намедни) дьячекъ Онисимычъ въ книжкѣ читалъ, перебиваетъ четвертый и прошамкавъ: «о Господи, Господи, грѣхи наши тяжкіе!...» задумчиво понуриваетъ голову. Прочіе же собесѣдники продолжаютъ разговоръ на ту же тему.

А молодежи, между тѣмъ, нѣтъ дѣла до этихъ разговоровъ; жизнь ея кипитъ быстрымъ и неудержимымъ ключемъ, черезъ край бьетъ она и выдумываетъ веселье за весельемъ, пѣсню за пѣснями, игру за игрою. «А что, дѣвки, вѣдь пора бы ужъ и Кострому хоронить?» вывернется какая нибудь бойкая бабенка изъ толпы.—«А ну-те къ жидамъ и съ Костромой-те! отзывается недовольнымъ тономъ другая, «мнѣ *намесь* (намедни) *хозяинъ* (мужъ) говорилъ: грѣхъ, потому тутъ въ пѣсняхъ-те гробъ поминаютъ, слышь, на томъ свѣтѣ за это языкъ вытянутъ, да сковороду раскаленную лизать заставятъ».—«Ну еще того свѣта долго ждать, пока еще вытянутъ, а теперь мы въ вольную голову погуляемъ, иди дѣвки, кто хочетъ Кострому *сряжать* (одѣвать), а кому грѣхъ тотъ на мѣстѣ сиди, всего не переслушаешь *тутотки* (тутъ)». И съ весельемъ, гиканьемъ, шумомъ и смѣхомъ бѣжитъ цѣлая ватага молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ и парней хоронить Кострому.

Изъ избы выносятъ деревянную скамью и ставятъ ее посреди улицы, на скамью ставятъ корыто и начинается дѣланіе Костромы. Притаскивается большой пукъ соломы и всѣ находящіеся тутъ парни и дѣвки дѣлаютъ куклу на подобіе женщины, при чемъ поютъ слѣдующее:

1257.

Кострома, моя Костромушка,
Моя бѣлая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много золота, казны.
У Костромскаго купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебеда.

У Костромы-то родства —
Кострома полна была;
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Какъ Костроминъ-то отецъ,
Сталъ гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пиръ затѣвать;
Кострома пошла плясать,
А чужіе то притаптывать:
Кострома, Кострома,
То Костромушка была.
Я къ теѣ, кума, незваная пришла;
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,
Виномъ съ макомъ напою,
Въ хороводъ тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться,
Съ вина-маку покачиваться;
Вдоль по улицѣ пошла,
На подворьице зашла,
На подворье Костромское,
На купецкое.
Кострома ли, Кострома,
То Костромушка была.
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина съ макомъ нализалась.
Вдругъ Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка, Кострома!
Къ Костромѣ стали сходиться,
Костромушку убирать
И во гробъ полагать.
Какъ родные-то стали тужить:
По Костромушкѣ выплакивати:
«Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!»
Костромушка, Кострома,
Наша бѣлая лебедушка!...

(Пѣсня эта принадлежитъ мѣстности села Климова).

Въ продолженіе этой-же пѣсни, женщины и дѣвушки одѣваютъ чучело въ сарафанъ и рубашку, голову повязываютъ косынкою и убираютъ цвѣтами, на ноги надѣваютъ башмаки и, убравъ такимъ образомъ Кострому, и дѣвушки и женщины кладутъ ее въ корыто. «А что, робя, вѣдь важнецъ Кострома вылита?» вылетаетъ вновь съ разговоромъ парень изъ толпы. Важно *скурали* (сдѣлали), ничего! — «А вотъ, я *тея*, пострѣлъ, какъ по спинѣ-то хвачу, такъ *ажъ искоры* у тея изъ глазъ-отъ посыпятся, вотъ и узнаешь тогда, каковъ важнецъ!» отвѣтствуетъ ему дѣвка!» — «Ну, а вы полно-ка ссориться-то», слышится изъ толпы, «*кочевряжутся* (ломаются) когда не надоть. Становись въ рядъ, парни, неча шалить, понесемъ Кострому!» раздается команда. Сейчасъ же всѣ тутъ стоящіе парни одѣваются въ рогожи и идутъ впередъ, одинъ изъ нихъ беретъ лапоть, изображающій собою какъ бы кадило и всѣ шествуютъ медленно, не спѣша. А женщины и дѣвушки, покрывъ головы бѣлыми платками, берутъ корыто съ куклою на руки и точно также медленно несутъ ее по направленію къ рѣкѣ; при чемъ одна группа дѣвушекъ, изображающая собою плакальщицъ, поетъ:

1258.

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гробъ легла!
И къ теѣ-ль, Костромѣ,
Сошлись незваныя сюда.
Стали Кострому собирать, одѣвать,
Собирать, одѣвать и оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тея-ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченыя,
Лошки крашеныя,
Чашки липовыя.»

(Пѣсня села Климова).

Пришедши къ рѣкѣ или озеру, Кострому разоблачаютъ, снимаютъ съ нея всѣ уборы и бросаютъ ее въ воду, при чемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

1259.

Во полѣ, было въ полѣ,
Стояла береза.
Она ростомъ высока,

Листомъ широка.
Какъ подъ этой подъ березой
Лежала Кострома;
Она убита, не убита,
Тафтою покрыта.
Дѣвица-красавица
Къ ней подходила,
Тафту открывала,
Въ лице признавала:
«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ.»
Дѣвица-красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Создай, Боже, дождя,
Дождичка части́ва,
Чтобы травыньку смочило,
Костромѣ косу остру притупило.»
Какъ за рѣчкой, за рѣкой,
Кострома сѣно коситъ;
Бросила ко́су,
Середи покосу.

(Пѣсня Акиманской слободы).

Этотъ обычай называется провожаніемъ весны, или хороненіемъ Костромы, и совершается онъ въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ постомъ въ пригородныхъ слободахъ Мурома и другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по сю сторону рѣки Оки, однако съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ напр.: въ сѣверо-западной и западной сторонѣ уѣзда, въ селѣ Климовѣ съ окружающими селеніями, Кострому хоронятъ такъ: обряжаютъ молодую женщину, или дѣвушку, *кладутъ ее въ ящикъ, или корыто и несутъ ее съ причетомъ и воемъ до лѣсу;* корыто ставятъ подъ березою и поютъ пѣсню, помѣщенную нами выше, и еще заимствованную ими у Акиманской слободы: «Во полѣ было во полѣ, стояла береза» и т. д. Подъ березу помѣщаютъ Кострому, вѣроятно по недостатку воды въ селеніи. Корыто съ женщиною, изображающей собою Кострому, оставляютъ въ лѣсу и уходятъ назадъ съ веселыми пѣснями, а женщина или дѣвушка, называемая Костромой, уже послѣ присоединяется къ своимъ товаркамъ. *Въ сельцѣ Зименкахъ,* западной сторонѣ того же уѣзда, Кострому хоронятъ такъ: дѣлаютъ изъ соломы *чучела,* точно такъ же какъ и въ слободѣ, съ тою только разницею, что тамъ Кострома изображаетъ собою женщину, а здѣсь мужчину. Его *сряжаютъ* (т. е. наряжаютъ) въ мужское платье и кладутъ въ корыто; одну изъ находящихся тутъ *молодыхъ женщинъ выбираютъ въ жены умершаго* Костромы и когда вся процессія двинется въ путь, то жена впереди всѣхъ идетъ за корытомъ и причитываетъ: «Батюшка Костромушка, на кого ты меня покинулъ, закрылись твои ясны оченки!» и т. п. Когда же чучело *кинутъ въ воду,* то изображавшая собою жену Костромы начинаетъ плясать, говоря: *Пойди душа прямо таки въ рай, таки въ рай, таки въ рай!»*

Въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ зарѣчной стороны (за р. Окой) дер. Ольховкѣ съ прочими обычай этотъ справляется такъ: берутъ снопъ соломы, одѣваютъ его въ новый сарафанъ и платокъ, увѣшиваютъ снопъ лентами, цвѣтами, потомъ несутъ до рѣчки или болота, тутъ снопъ кидаютъ въ воду, припѣвая:

1260.

«Костромушка, Кострома,
Куда твоя голова?
— Къ бѣсу, къ лѣсу,
Въ омутъ головой!...

Подвигаясь далѣе на остальное пространство той части Муромскаго уѣзда, этотъ обычай исчезъ совершенно между взрослыми, которые считаютъ его за грѣховную забаву и приписываютъ ему: голодъ, болѣзни и другія народныя бѣдствія. И такъ, обычая хороненія Костромы здѣсь между взрослыми не существуетъ; но между дѣтьми (дѣвочками) онъ составляетъ любимую игру въ весеннее и перволѣтнее время. Въ дер. Чулковѣ и другихъ береговыхъ селеніяхъ, дѣвочки играютъ Костромою такъ: одна изъ играющихъ садится на траву, другая ложится къ ней на колѣна, изображая собою Кострому; нѣсколько другихъ дѣвочекъ ходятъ вокругъ и поютъ:

1261.

Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебеда,
Бѣлая румяная!
У Костромушки, Костромы
Блины съ творогомъ,

Кисель съ молокомъ,
Каша масляная,
Теща ласковая.

Когда вся эта пѣсня пропоется ходящими вокругъ дѣвочками, то онѣ начинаютъ спрашивать у дѣвочки, сидящей на землѣ: «Жива-ль Кострома?» Дѣвочка отвѣчаетъ: «Жива». Такъ распросы продолжаются до трехъ разъ. Когда же послѣ послѣдняго вопроса, получатъ отвѣтъ, что Кострома *переставилась*, всѣ дѣвочки начинаютъ тащить Кострому за руки и за ноги, потомъ бросятъ и побѣгутъ отъ нея, крича: «Зелены глаза!» Умершая Кострома вскакиваетъ и ловитъ бѣгущихъ. Кого она поймаетъ, съ тѣмъ онѣ, уже вдвоемъ ловятъ остальныхъ, затѣмъ изловивъ третью, — втроемъ и т. д. до послѣдней, тѣмъ и оканчивается игра.

Въ дер. Ѳедурино съ окрестными селеніями, при той же игрѣ, дѣвочки поютъ такъ:

1262.

Кострома, Кострома,
Лебедушка, лебеда!
Скажи Кострома,
Что дѣлается дома?
У Костромушки пирогъ и блинокъ,
Каша масляная,
Теща ласковая.

Въ деревнѣ Сапунѣ, Клипу и др. селеніяхъ, Костромою играютъ такъ: дѣвочки берутъ подружку за руки и за ноги, и несутъ ее за деревню, гдѣ и кладутъ на лужокъ; причемъ поютъ: Кострома Костромушка; Кострома бѣлянушка и т. д.[1]).

У взрослыхъ же, въ этой части Муромскаго уѣзда, существуетъ обыкновеніе съ Пасхи до Петрова поста собираться молодымъ людямъ обоего пола изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень и селеній на сосѣднюю гору, гдѣ поютъ пѣсни, пляшутъ, водятъ хороводы. Это гулянье съ *заговѣнами* передъ Петровымъ постомъ прекращается вовсе. Эта невинная и простая игра, повела однако за собою громкій протестъ священнослужителей, считающихся законодателями въ селахъ, настращавшихъ крестьянъ бѣдствіями голода, неурожая, будущей кары на страшномъ судѣ и т. п.

Мужички невольно поддаются увѣреніямъ грамотниковъ, и въ простотѣ сердца думаютъ, что совершаютъ великій грѣхъ, а потому боятся думать даже о хороненіи Костромы. Вотъ одна изъ самыхъ главныхъ причинъ, почему этотъ обычай изсякъ совершенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и перешелъ въ руки дѣвочекъ, какъ игра; въ другихъ селеніяхъ его помнятъ многія пожилыя женщины, когда то сами, бывши дѣвушками, совершавшія этотъ обычай и частію помнятъ его старухи, въ памяти которыхъ перемѣшалось уже все прежде видѣнное и слышанное.

По такимъ-то неполнымъ и неяснымъ сказаніямъ, описали мы этотъ обрядъ; совершенно же точное понятіе о немъ мы оставляемъ для болѣе опытнаго изслѣдователя.

Зап. Екатериной Добрынкиной. Труды Этнограф. Отд. Об. Л. Е. А. и Э. Книга 3, вып. I. М. 1874 года, стр. 100.

[1]) Ср. выше (въ отд. дѣтскихъ игръ) № 280.

Когда водятъ танки. Танки же водить значитъ ходить всѣмъ рядомъ, рука съ рукой, пѣть пѣсни и величать рожь, также и въ Троицынъ день, когда вѣнки завиваютъ.

1263.

Калужской губерніи, Малояросл. у., с. Костино.

Ржица матушка колосилася,
Во ржи свинушка поросилася
Семьдесятъ поросятъ, да все свиночки,
Всѣ свиночки да все пестренькія,
Хвостики у нихъ востренькіе.

Зап. г-жею Е. Г. Дурново.

Толочныя или толочанскія.[1])

1264.

Псковской губерніи, Великолуцк. у., с. Ѳедорцово.

Дуброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая!

[1]) Пѣсни, которыя поются во время *толоки*. Толока или помочь, сборъ населенія къ одному хозяину для дружной работы на одинъ день, — за угощеніе. Толока бываетъ для разныхъ цѣлей: для рубки лѣса, для вывоза въ поле удобренія и т. п.

По тебѣ, моя дубровушка,
Добрыя пташки разлетались.
Одна пташка оставалася, —
Горемышная кукушечка.
Куковала кукушечка
День до вечера:
«Кабы знала я, млада, вѣдала
Про свое горе, про великое,
Про замужьице несчастливое,
Я бы сидѣла вѣкъ въ дѣвушкахъ
Я бъ чесала буйну голову,
Я бъ плела свою русу косу,
Я бъ, плетучи, приговаривала:
Не доставайся, моя руса коса
Что ни князю, ни боярину,
Ни мому мужу татарину!»

1265.

Черезъ Дона досочка лежала,
Досочка лежала гибка, тонка
Что нихто по ёй не ходить.
Только я, млада, съ горы шла,
Я съ миленькимъ дружечкомъ.
А я милому говорила:
«Ты, мой миленькій дружечекъ,
Ты не бей жану безъ вины!
Ты бей жану за вину,
За великую за бѣду.
Мой батюшка далече,
Моя матушка дальше того —
Голосочка маво не слышить,
Горючихъ слезъ моихъ не видить.»

1266.

Тамъ-же.

На той горы на крутой
Стоить церква безъ верха,
Что безъ золотова безъ креста,
Безъ священника, безъ попа.
Во той церкви соловей, —
Соловей поеть пѣсенки:
«Горбуновщины дѣвушки —
Девять дѣвокъ брюхатыхъ,
А десятая родила.
Во сыромъ бору хоронила,
Что подъ бѣлою березой,
Да подъ горькою осиной.
На той горы на крутой
Стоить церква съ верхомъ,
Со золотымъ со крестомъ
Со священникомъ, со попомъ.
Во той церкви соловей
Громко пѣсенки поеть.
А сходить было мнѣ къ соловью
Воспросить было мнѣ соловья.
У Семевскова дѣвушки —
Девять дѣвокъ шелкомъ шьють,
А десятая золотомъ.

1267.

На той горы на крутой
Молодець зелье копаить —
Ёнъ самъ его не знаить,
Ёнъ у батюшки пытаить:
«Государь, родной батюшка!
Вотъ и што это зелье?»
— Ето зелье—козелье,
Да й дѣвичья красота,
Молодецкая сухота.

Жнивныя.

1268.

Тамъ-же.

На ленъ роса пала, 2
На ленъ студеная
Ранымъ рано.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія).

—

Кому роса теплая,
А мнѣ холодненькая,

—

На чужой сторонкѣ
Во чужова батьки: 2

—

Поздно спать ложатся,
Рано побужають

—

Рано побужають,
Къ дѣлу принужають, 2

—

Ко тяжкой работѣ, 2
Ко бѣлому камню, 2

—

Ко сырой пшеницы,
Къ болотной водицы.

1269.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали:
Жнеи молодыя,
Серпы золотые,
Нива долговая,
По́стать широка́я.
По мѣсяцу жали,[1])
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, 2
Людей не видали.

1270.

По̀ зарѣ, матушка, 2
Сиза птица поетъ,
А меня, молодешеньку,
Да и мысли берутъ:
За старова, матушка
Да замужъ даютъ, —
Охъ замужъ даютъ!
А у меня, молодешеньки,
Да старый мужъ старешенекъ.
Со вечера, матушка,
Поздно спать ложится,
Ко бѣлу свѣту, матушка,
Ёнъ рано побужаитъ
И никогда мнѣ, молодешеньки,
Просвѣту нѣтути.

1271.

Я дорогою шла, я широкою,
Я пущу голосокъ черезъ темный лѣсъ:
Не заслышалъ бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы ёнъ мому мужу,
Мому мужу, своему сыну?
Какъ и мой-то мужъ горькій пьяница:
Енъ вина, пива не поетъ [2])
Всегда пьянъ живетъ,
Ёнъ и боетъ [3]) жену по напрасницу,
По чужимъ рѣчо́мъ, по моимъ плечо́мъ:
«Не ходи, жена, ты, на вулицу,
Не играй, жена, съ ребятами,
Съ ребятами неженатыми!»

1272.

Надъ рѣкою, надъ рѣкою
Груша зеленая стояла, 2
Буйная шумѣла, 2
Сучикомъ махала, 2
Листикомъ трепала. 2
Какъ подъ той ли подъ грушей
Да кровать тесовая.
На той на кровати
Да перина пуховая,
На той на перинѣ
Одѣяло теплое:
Лежитъ мой милый дружочикъ,
Ёнъ лежитъ со мною,
Съ красной дѣвушкою.

Всѣ 9 зап. мною отъ няни гг. Семевскихъ.

1273.

Смоленской губ. и у.

Яровая спорыня! [4])
Иди съ нивушки домой,
Со поставушки домой,
Къ намъ во Кощено село,
Во Петровково гумно.
А съ гумна спорыня
Во амбаръ перешла.

---

[1]) т. е. до восхода солнца.

[2]) т. е. не пьетъ.

[3]) бьетъ.

[4]) Во время жатвы, какъ жнецы такъ и жницы стараются найдти на одномъ стеблѣ самое большое число колосьевъ. Если таковыхъ найдется 12, то онъ называется *житной маткой* или *спорыньей*. Въ Могилевской и Витебской губерніи его называютъ *спорышемъ*. Нашедшіе эти колосья хранятъ ихъ какъ зеницу око въ продолженіе всего года, приберегая ихъ къ посѣву, во время котораго ихъ разсѣваютъ первыми, съ твердой надеждой на полученіе отъ нихъ обильнаго урожая. Г.

Она гнѣздушка свила,
Малыхъ дѣтокъ вывела, —
Пшеной выкормила,
Сытой выпоила.

1274.

Охъ, чіе то поле
Задремало стоя?
Яицовское то поле
Задремало, стоя.
Какъ ему не дремати,
Когда некому жати?
Ой, чіе-то поле
Задремало стоя?
Цызуревское-то поле
Задремало стоя.
Чего ему не дремати,
Коли есть кому жати?
Есть кому жати,
Во стога метати,
Въ закрома ссыпати,
Жней награждати.

1275.

Вы зазвóньте, звоны,
Во всемъ чистомъ полѣ,
Взвеселите господыню!
Мы обжали ей ниву.
Ужъ мы жали, жали
Ужъ мы ей радѣли.
А обжавши ниву,
Горѣлочки захотѣли.
Видитъ наше око,
Что край недалёко.
Какъ до краю дожнемся,
Такъ горѣлочки напьемся,
Пироговъ наѣдимся,
Пѣсенъ напоемся.

1276.

Петрочкова жёнка
На свою нивку
Раненько выходила;
Дочекъ-лебедокъ,
Невѣстокъ перепелокъ
Съ собой выводила.
«Пожинайте, невѣстки,
Пожинайте, дочки!
Дочки—лебёдки,
Невѣстки-перепёлки;
По утру раненько,
Вечеромъ поздненько,—
Чтобы было съ чего жити;
Добренько, ладненько.

1277.

Ой зелена, зелена
Въ полѣ трава.
Чего жъ она зелена?
— Что коса не была
А молода, молода
У Андрея жена.
Чего жъ она молода?
— Что во полѣ не была.
Что во полѣ не была,
Она жита не жала.
Сказываетъ молода,
Своему мужа жена:
«Запрягай, Андрюша,
Вороныхъ коней!
Поѣдемъ, Андрюша,
На нивку скорѣй,
Поѣдемъ съ тобою, —
Мы прогуляемся,
Съ молодыми жнеями
Мы повидаемся.
Ужъ вы жнеи, вы жнеи,
Мои молодыя!
Жнеи молодыя,
Серпы золотые!
Ужъ вы жните, жните,
Жните, не лѣнитесь,
А обжавши нивку,
Пейте, веселитесь!

1278.

Не пойдемъ мы домой, —
Въ полѣ поночуемъ.
Станемъ въ полѣ почевати,
Станемъ куковати.
Станемъ куковати,
Свекра проклинати,
Лютаго свекра,
Да люту свекрову:

«Ужъ ты дай, дай Боже,
Чтобъ ихъ громомъ убило,
Чтобъ моего мужа
Молоньей спалило!»
А я бъ, молоденька,
Вышла за иново,
За инова, за милова,
За дворянина молодова.
Ужъ какъ тотъ дворянинъ
Научёнъ читати,
Наученъ читати,
Читати и писати;
Читати и писати,
На гусляхъ играти,—
А я, молоденька,
Пѣти да плясати,
Скакати, плясати,
Руками плескати.
Проскакала, проплясала
Я бурую коровку.
Я пропѣла, проплескала
Себя, молоденьку.
А тотъ мой дворянинъ
Прочиталъ да проплясалъ
Воронóво коня.
Да пропилъ, проигралъ
Самово себя съ горя.

1279.

Нивку жита я дожала
Девять стоговъ наметала,
А десятый ячменю, —
На утѣху на мою.
Девять варей наварила
Изъ того изъ жита пива,
А изъ ячменю горѣлку,—
То десятую варейку.
Какъ пошлю я, молода,
Мово скораго посла, 2
Да по милова гостя́, —
По роднова батьку,
По родную матку.
Сама стану, молода,
У калинова моста,
Глядѣть стану за рѣку́,
На родиму сторону́.
Ноженьки я простояла,
Глазеньки я проглядѣла.
На дождалась я, млада,
Ни посла, ни позову, —
Только всего дождала́ся
Къ себѣ люта свекра, 2
Съ лютой свекровью, 2
Да съ ревнивымъ мужемъ.
«Ужъ ты, дай, дай Боже,
Чтобы люта свекра
Да громомъ убило,
Чтобы ревнивый мужъ
На войну поѣхалъ, —
На войну поѣхалъ,
Съ войны не пріѣхалъ.»

1280.

Запила моя головушка!
Мнѣ не пить, не ѣсть не хочется,
Мнѣ работушку на умъ нейдетъ.
Нащиплю я, молода, хмѣлю я́раго,
Наварю я, молода, пива пьянаго.
Напою я, молода, друга милаго,
Друга милаго, мной любимаго.
Ужъ какъ по лѣсу одна я шла,
Съ темнымъ лѣсомъ рѣчь вела:
«Ужъ ты лѣсъ ты мой, лѣсокъ,
Лѣсокъ частенькій, лѣсокъ темненькій!
Подымай-ко ты, лѣсокъ, свое вѣтвейко,
Пропусти меня́ въ гости къ батюшкѣ.
Сострѣваетъ средь двора родный батюшка меня:
«Ужъ чего ты дочь моя припоздниласся?
Ли въ травицѣ ты заплуталася?
Ли росицею ты примочилася?»
— «Охъ ты мой милый, родный батюшка!
Не въ травицѣ я заплуталася,
Не росицею я примочилася,—
Заплуталась я дробнымъ дѣтками,
Примочилась я слезьми горькими.»

1281.

Охъ, и слава Богу,
Что жито пожали!
Что жито пожали
И въ копы поклали:
На гумнѣ стогами,
Въ клѣти за кромами,
А съ печи пирогами.

1282.

«А кто жъ то у насъ
Кудреватъ, кудреватъ?»
—Степанушка Борисовичъ
Кудреватъ, кудреватъ.
Онъ кудрями, кудрями
Потрясетъ, потрясетъ,
Жницамъ горѣлочки
Поднесетъ, поднесетъ.

1283.

Петрушечка господырёкъ!
Отгреби-тко свой роёкъ.
Отсыпи ты намъ сыты,
Жней за столъ усади, 2
Пива, меду поднеси!
Ты напой меня, жнею,—
Я тѣ пѣсеньку спою.

—

Послѣднія двѣ пѣсни поются въ то время, когда жнеями приносится, по окончаніи жатвы, хозяину или хозяйкѣ пивы, сплетенный изъ колосьевъ вѣнокъ, который обыкновенно хранится ими въ переднемъ углу избы.

Всѣ 11 запис. А. Н. Галлеромъ. Сообщ. Отдѣл. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

I. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ побережья Бѣлаго моря отъ г. Онеги до Кемскаго уѣзда.

Свадьба начинается, какъ обыкновенно, сватовствомъ. Со стороны жениха отправляется сватомъ къ родителямъ невѣсты его крестный отецъ или кто либо изъ близкихъ родственниковъ. Придя въ домъ невѣсты, онъ вызываетъ ея отца въ сѣни и говоритъ ему о цѣли своего посѣщенія. Когда этотъ послѣдній сообщаетъ вѣсть о сватовствѣ своей семьѣ, то для совѣта приглашаются родственники. Если «находитъ на дѣло», то сговариваются о дарахъ, кому что нужно отъ молодой подарить. Напримѣръ свекру—ситцевая рубаха, холщевые порты, свекрови—дорогой штофина сороку[1]) и красной холстины на сорочку, золовкамъ — штофяное *очелье* къ повязкѣ, деверьямъ—ситцевую рубаху и платокъ и т. д. Смотря по достоинству этихъ даровъ, сватъ съ согласія женихова отца или самого жениха даетъ отцу невѣсты деньги «на подъемъ», т. е. на вино и т. п. Бываютъ нерѣдко случаи что свадьба «разсыхается[2])» изъ за того, что одна сторона запроситъ много денегъ, а другая пожалѣетъ; но чаще это бываетъ отъ вмѣшательства постороннихъ, которые «расхинятъ жениха или невѣсту», т. е. наговорятъ той или другой сторонѣ, напримѣръ, что женихъ бѣденъ, что самъ онъ пьяница, что свекровь будетъ бранливая, или же что невѣста больная, не умѣетъ ничего дѣлать, а главное «красёнъ разставить не толкуетъ»[3]). Но обратимся къ свадебному обряду. Условившись о дарахъ, зажигаютъ у иконъ свѣчу, даютъ другъ другу руки. Послѣ этого начинаютъ пить такъ называемое «малое рукобитье.» Условившись о днѣ заплачки и свадьбы, сватъ отправляется къ жениху съ извѣстіемъ, что дѣло кончено, «по рукамъ ударено и малое рукобитье выпито». Въ день, назначенный для заплачки, отецъ невѣсты сзываетъ родню на большое рукобитье слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Марковичъ, загости, пожалуй ко мнѣ хлѣба соли кушать, а къ Настасьѣ Ивановнѣ (невѣсткѣ) на винну чарку.» Невѣста же со своими подругами отправляется на вечеринку въ тотъ домъ, гдѣ прежде обыкновенно бывала. Сюда собираются дѣвушки съ другихъ вечеринокъ. Вслѣдъ за ними являются холостые парни, и начинаются игры, «ходятъ утушкой» и т. д. Невѣста между тѣмъ, окруженная подругами, лежитъ на лавкѣ въ «*песьнемъ* углу»[4]) и прощается по очереди съ каждою подругою, приглашая ее къ себѣ на свадьбу. Въ домѣ невѣсты въ это время идутъ приготовленія для пріема созванныхъ отцемъ невѣсты родственниковъ, накрываютъ столы, приходятъ отъ жениха два человѣка для угощенія гостей. Когда выпьютъ рюмки по три, или по четыре, крестная мать невѣсты отправляется на вечеринку съ «почолкомъ» (головнымъ уборомъ невѣсты, въ родѣ повязки съ двумя рогами, вышитой серебромъ и унизанной жемчугомъ и другими украшеніями). Придя туда, она надѣваетъ этотъ «почолокъ» на голову невѣсты, которая заплаканная, вся въ слезахъ, начинаетъ «стиховодничать».

[1]) Головной уборъ пожилыхъ женщинъ.
[2]) Разстроивается.
[3]) Т. е. не умѣетъ разставить кросна для тканья полотенъ или чего либо другого.

1284.

Не во саду ли я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ ли я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые?
Не вода ли подо мной разливается,
Не огонь ли подо мной разгорается? —
Сама то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что не въ саду то я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается,
Не огонь подо мной разгорается, —
Разгорается мое зябло сердце ретивое,

[4]) въ печномъ углу.

Размываются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу нерумяному.
Что за чудо за диво великое!
Прежде этыя поры, прежде времени,
Сидѣла я, глупа косата голубушка,
Во собраной своей тихія бесѣды смиренныя,
Не бывала крестовая ласкова матушка
Во собраной то моей тихой бесѣды смиренныя,
Со хорошей то моей дорогой воли вольнія.

Въ это время дѣвки наперерывъ стараются расплетать у невѣсты косу, потому что выплетенныя изъ косы ленты достаются той, которая прежде всѣхъ успѣетъ расплести косу. Невѣста между тѣмъ поетъ:

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Ужъ не расплетайте моей русыя косы красовитыя!
Два востраго ножа, два булатнаго,
Обрѣжете свои бѣлыя опальнія рученьки.

Затѣмъ она кланяется въ ноги крестной матери и обнимаетъ ее. Во время этого обряда, который носитъ названіе «давать добровъ», дѣвки помогаютъ невѣстѣ водить стихи, «подголосничаютъ», а она при каждомъ стихѣ ударяетъ кулакомъ правой руки въ лѣвую ладонь и кланяется въ поясъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ поклоновъ она падаетъ въ ноги тому, кому «даетъ добровъ» и затѣмъ обнимаетъ. Въ это время она поетъ:

1285.

Спасибо, крестовая ласкова матушка,
Творишь, дѣлаешь послушанье,
Надѣваешь-то хорошу дорогу́ волю вольную
На младую буйную голову.
Не въ достой-то наряжать мнѣ крестовую ласкову матушку,
Въ достой слушать крестовую ласкову матушку.
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что-то я спрошу, сиза косата голубушка,
У тебя же, крестовая ласкова матушка:
По чьему входишь повелѣнью да благословленью,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную?
Со слова ли съ докладу ли ласкотниковъ, желанныхъ родителей,
Не отъ своего-ль ума да отъ разума?
— Сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что придти отъ своего ума да отъ разума, —
Что пришла по повелѣнью да благословленью
Отъ моихъ-то ласкотниковъ, желанныхъ родителей.

Невѣсту покрываютъ платкомъ и уводятъ съ вечеринки въ ея домъ при пѣніи слѣдующихъ стиховъ:

1286.

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Пойдемъ-те вонъ со тихія бесѣды смиренныя,
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

Идя по улицѣ, поютъ:

1287.

Говорила то крестовая ласкова матушка,
Что сполна пекётъ красное солнце угрѣвное
Во родительскомъ домѣ, тепломъ витомъ гнѣздышкѣ,
Во купѣ да во собраньи сидятъ мои милые ласковы братьица,
Весь то родъ-племя приближенное.
Теперь слава Тебѣ, Боже Господи,
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое зяблое сердце ретивое —
Во купѣ да во собраньи сидитъ мое родъ-племя приближенное.

Если у невѣсты умеръ кто нибудь изъ братьевъ въ Петербургѣ или на морѣ, то прибавляются еще стихи:

1288.

Собрался да скопился
Изо славныхъ то Питембурскихъ городовъ,
Со печальнаго синя солона моря,

(или же, если братья умерли дома)

Со окатъ со горы со Микольскія [1]).

Приходятъ ко крыльцу и вызываютъ мать невѣсты для встрѣчи, — стихами:

1289.

Не несутъ то мои ножки рѣзвыя
Во часту во ступенчату лисвёнку,
Какъ сегодня да по сегодняшному,

[1]) На этой горѣ кладбище.

По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы желанной родители матушки.
Прежде этыя поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой *полуносьнёй* вечериночки —
Носили мои скорыя ножки рѣзовыя.

Когда мать выйдетъ:

1290.

Спасибо, желанная родимая матушка! —
Выходишь на торпу на широкую улицу,
Подъ часту подъ ступенчату лисвёнку,
Стрѣчаешь меня, глупую сизу косату голубушку,
Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ,
Со умильной-то со горазной со причетью.

Входя въ сѣни:

1291.

Становись, моя поневольная млада головушка,
Середь новыхъ-то сѣней перёныхъ.

(Снимаютъ съ головы невѣсты платъ).

Теперь вскину свои очи ясныя,
Обведу кругомъ новыя сѣни перёныя,
На которой стѣнѣ ограды бѣлокаменныя
Стоятъ чудные Спасы Многомилостивые.

Невѣста молится Богу.

1292.

Помолиться было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,
Придучись со пути со дорожки широкія.

Здоровается съ сѣнями:

1293.

Вы здорово, новы сѣни перепыя,
Кругомъ свѣтлыя окошка косещатыя,
Кругомъ бѣлыя брусовыя лавочки:
Не убойтесь-ко, новы сѣни перепыя,
Что пе тихая пришла, не смирёная,
Не по старому пришла не по прежнему,
Со тонкимъ со звучнымъ со голосомъ,
Со умильной со горазной со причетью
Со всема̀ милыма подружками любовными.

Зоветъ подругъ въ домъ:

1294.

Добро пожаловать, мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ,—тепло витое гнѣздышко,
Впереди меня сизу косату голубушку.

Садясь на лавку въ печномъ углу, приговариваетъ:

1295.

Не пужайся, домъ, — тепло витое гнѣздышко,
Не пужайся, да не полохайся, мое сердце ретивое!
Не подломитесь, мои скорыя рѣзвыя ноженьки!
Не блекни, мое блеклое лицо нерумяное!
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь, мои горькія слезы горючія
По блёклому лицу, нерумяному!
Не мѣшайся, рѣчистъ языкъ,
Во младой во буйной головушкѣ!

Проситъ у Бога, Пресвятой Богородицы и св. угодниковъ благословенія:

1296.

Теперь дай, Господи, тонкаго звучнаго голосу
Со умильной со горазной со причетью!
Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвята Богородица,
Свѣтъ сударь Микола Многомилосливой,
Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ!
Случилось слыхать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ-то ясныхъ соколовъ,—
Черезъ три губы синя солона моря
Есть мощи-ты среди синя солона моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ божья церковь пресвященная.
Бласловите же, Соловецкіе преподобны чудотворцы многомилосливые,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ
По родительскому теплому витому гнѣздышку!

Какъ бы вспомнивъ, что забыла спросить благословенія у родителей, поетъ:

1297.

Глупая, младая буйна головушка!
Не спрося попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ, того вольная воля довольная.
Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ родителей,
Ихъ-то многая вольняя воля довольная,
Добро со слова съ докладу у ласкотниковъ желанныхъ родителей.
Благослови-тко, ласкотникъ, желанный родитель батюшко,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ —
Какъ сегодни по сегодешному,
По тихому позднему вечеру,
По потухлыя зари поздно-вечернія!

Вставши съ лавки изъ печного угла, идетъ къ столамъ давать отцу добровъ:

1298.

Расшанитесь[1]) ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки,
Вси совѣтныя милыя подружки любовныя!
Дайте не со множечки пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти проплысть сизой косатой голубушкѣ
На родительское домъ-тепло витое гнѣздышко,
Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ, горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Некётъ креспое солнце угрѣвное,
Сидятъ мои желанные сердечны родители,
Думаютъ собча[2]) крѣпкую думу заединую?
Что за чудо за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими,
Выбираютъ, желанные сердечны родители,
Хорошее дорогое платье цвѣтное
По моему уму да по разуму.
Ужъ послушайте, желанны сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платье цвѣтное.
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не гости сидятъ, не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанные сердечны родители
Хорошаго дорогого платья цвѣтнаго, —
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога *природа* родительска,
Сидятъ думаютъ собча крѣпкую думу заединую,
Пьютъ горькое хмѣльно зелено вино,
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку,
Во злодѣйку неволю великую.
Послушай-ко, желанный родитель батюшко,
Ужъ попеняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное,
Ужъ ты думай, да не продумай,
Ты да не пропей мою младую буйну голову
Во злодѣйку неволю великую;
Сама то я знаю, сиза косата голубушка:
Видно думалъ, да продумалъ.

[1]) Вѣроятно стяженіе отъ: *расшатнитесь* или *расшатнитесь*. Ш.
[2]) сообща.

Обращается къ подругамъ:

1299.

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не держите крѣпкой *надеи*[3])
На ласкотниковъ желанныхъ родителей, —
Они до поры добры, да до времени,
Не сулятся, а опалятся желанны сердечны родители.

Опять къ отцу, который сидитъ задумчивый, а иногда и со слезами на глазахъ, такъ какъ стихи очень заунывны, и притомъ невѣста плачетъ, кланяется въ ноги и обнимаетъ его за шею:

1300.

Послушай-ко, желанный родитель батюшка,
За каку вину опалу великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю великую?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга—все измѣнная?
Измѣняла тебѣ, красное солнце угрѣвное,
У всякаго зелья—работы тяжелыя,
Не берея была краснымъ наливнымъ ягодкамъ,
Не ловея была свѣжія рыбы трепущія?
Развѣ укорять тебя стали, упрекать, красное солнце угрѣвное,

[3]) надежды.

При толпахъ тебя, при артеляхъ великіихъ,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
Ты послушай, мое красное солнце угрѣвное,
Что то я скажу, сиза косата голубушка:
Лучше найми меня, сизу косату голубушку,
Во рабы въ *казачихи* нахлѣбницы,
Возьми *собину* счетную золоту казну,
Заплати во чужимъ яснымъ то соколамъ,
За проторы, убытки великіе,
За довольное хмѣльно-зелено вино.

Благодаритъ отца:

1301.

Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На вольнія воли довольнія!
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой косатой голубушкѣ,
Многую вольную волю довольную—
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ *полуносьнымъ* вечериночкамъ.
Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На покруты, покрасы дѣвочія! —
Ужъ не жалѣлъ особенной счетной золотой казны,
Заводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше всѣхъ милыхъ подруженекъ:
Дивовалися мною народъ-люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

Подобные же стихи водитъ затѣмъ невѣста матери, братьямъ и всѣмъ членамъ семьи. Гости, сидѣвшіе за столомъ, выпивъ вино, начинаютъ расходиться. Между тѣмъ невѣста снаряжаетъ двухъ дѣвушекъ бариномъ и барынею: барина одѣваютъ въ синій кафтанъ и шапку, а барыню въ платокъ и хорошую шубейку. Прочія дѣвушки тоже рядятся, во что кому вздумается. Съ пѣснями, толпою идутъ онѣ къ жениху и, придя къ нему въ домъ, обращаются къ нему съ слѣдующими словами! «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Князь первобрачной (называютъ по имени)! Княгиня первобрачна (имя) добра здорова, низко кланяется!» Когда онѣ сдѣлаютъ подобное же привѣтствіе свекру и свекрови, ихъ сажаютъ за столъ и подчуютъ какой нибудь водкой или виномъ. Затѣмъ вся толпа, притворяясь пьяными, на обратномъ пути повѣсничаютъ: проходя мимо домовъ, гдѣ есть холостые парни, опрокидываютъ костры дровъ, вытаскиваютъ дровни, сани и ими загораживаютъ дорогу, иногда вытаскиваютъ дровни на рѣку и опускаютъ ихъ оглобли въ прорубь, гдѣ онѣ и вмерзаютъ. Вернувшись въ домъ невѣсты, онѣ, схватившись за руки, начинаютъ кружиться, притопывать, причемъ поютъ

1302.

Бражка, ты, бражка моя!
Да и и ихъ и!
(послѣ каждаго стиха).

Доро́га бражка посы́чена была,
На ручью-то бражка смоченая,
На полатяхъ разсоло́женая,
Да на эту бражку нѣту питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ у насъ!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была,
Со боярами я стольничала,
Супротиву холостого сидѣла,
Супротиву на скамеечкѣ.
Ужъ я пьяна, я непьяная была,
Да я не помню, какъ домой сошла,
Я кокошникъ во рукахъ несла,
Подзатыльничекъ подъ поясомъ.

Затѣмъ танцы продолжаются подъ другія плясовыя пѣсни, пока дѣвушки не устанутъ и не разойдутся по домамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ невѣста оставляетъ у себя ночевать.

На другой день утромъ, позванивая колокольчиками, приходятъ дружки будить невѣсту. До ихъ прибытія дѣвушки стараются спрятать невѣсту какъ можно дальше, и сами прячутся подъ одѣяла, шубы, солому, кафтаны и пр., для того, чтобы дружки дольше не могли найти невѣсты. Часто они разбудятъ съ молитвою нѣсколькихъ дѣвушекъ, пока имъ не откроютъ невѣсты. Кто имъ укажетъ невѣсту, того дружки дарятъ калачами. Невѣсту будятъ слѣдующими словами: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна (имя)! Встань, убудись, отъ крѣпкаго сна прохватись! Бѣлый свѣтъ *спорыдается*, заря размыкается, на улицѣ собаки лаютъ, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свищутъ, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся!»

Невѣста открываетъ одѣяло и стиховодничаетъ:

1303.

Полно спать, пора вставать!
Разомкнитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,

Воротись-ко, рѣчисть языкъ, во младой, во
буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой молодой незвученъ голосъ,
По родительскому дому, тепло витому гнѣздышку!
Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не спрося, попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добра со слова, съ докладу.
Бласловите ласкотники желанны родители,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ.
Что за чудо, за диво великое, —
Прежде этыя поры, прежде времени,
Убужала ласкотница, желанная матушка,
Какъ сегодни да по сегодешному по утру по
раннему,
Убужають чужи младые ясные соколы.
Вставайте, милыя подружки любовныя,
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужъ послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было взголовье косещатое?
Тепло ли было одѣяло соболиное?
У меня-то какъ, у сизой голубушки,
Не мягкая была перина пуховая,
Въ три ряда было сѣрыхъ валючихъ камешковъ,
Одѣяломъ-то была бѣлая льдина холодная;
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видѣлось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидѣлось,
На яву то мнѣ, бѣдной, показалося, —
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ
косящатымъ
Стоитъ тихое приглубое озеро.
Ужъ во этомъ, во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки.
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плаватъ сѣрая водоплавная утушка, —
У ней распущено легко крылье утиное.
Ужъ разсудите-тко, мои милыя подружки любов-
Мои крѣпкіе сны, забудущіе. [ныя,
Не разсудиницы, милыя подружки любовныя,
Не тихое стоитъ приглубое озеро, —
Стоитъ родительско домъ—тепло витое гнѣздышко,
Тутъ не сѣрыя плаваютъ утушки,—
Сидятъ милыя подружки любовныя
По бѣлымъ по брусовымъ по лавочкамъ.
Ужъ зачесаны у нихъ младыя буйныя головы,
Я одна то сижу, сиза косата голубушка,
Распущены мои тонкіе вольные волосы.

Зоветъ мать чесать голову:

1304.

Гдѣ то ходитъ моя ласкотница, желанная
матушка?
Ужъ послушай-ко, ласкотница желанная матушка,
Наложу-то я службу работу не тяжелую:
Найди-ко хорошій частозубчатый гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову.
Ужъ не въ достой-то наряжать мнѣ
Ласкотницу желанную матушку,
Въ достой слушать самой, сизой косатой
голубушкѣ.
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковыя ленточки.

Когда мать причешетъ голову:

1305.

Спасибо тѣ, ласкотница желанная матушка!
Творишь дѣлаешь послушанье, —
Зачесала мою буйную голову.
Ужъ на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплела мои русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ
ленточекъ.

Посылаетъ сестру на рѣку за водою:

Гдѣ то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужъ послушай-ко, милая сестрица родимая,
Сходи на крутой то на красной на бережокъ
По свѣжу водичу ключевую:
Мнѣ-ка есть вѣра, радѣнье великое,
Обмыть горьки слезы горячія,
Намыть радости веселья великаго.
Ужъ послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка,
Когда придешь на крутой на красной бережекъ,
Первую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Изъ третьей то почерпни, милая сестрица родимая:
Первой струей умывается разлучница злодѣйка
неволя великая,
Другой струей чужи дальни несердечны —
богоданные родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лисвѣнки,
Послесни же, моя милая сестрица родимая,
Пусть же выростетъ чаща роща непроходимая,
Чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхати
Разлучницѣ злодѣйкѣ великія.

Послѣ этого невѣста умывается, дѣвушки же между тѣмъ пекутъ блины, которыми кормятъ дружекъ. Иногда въ шутку онѣ стаскиваютъ у

дружки сапоги, пальютъ въ нихъ воды, или набьютъ снѣгу и спрячутъ, и дружкѣ приходится выкупать у нихъ калачами свои сапоги. Затѣмъ невѣста пришиваетъ дружкамъ на плеча по лентѣ, большому дружку—па правое, а малому—на лѣвое, даетъ имъ по бѣлой опояскѣ и начинаетъ причитать:

1306.

Послушайте, ласкотники желанные родители,
Что то я скажу, сиза косата голубушка: —
Не жалѣли поить кормить меня, сизу косату голубушку,
Крутить рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы сальнія свѣчи воску яраго.

Зажигаютъ свѣчу у иконъ.

Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,
За царя Восударя великаго,
За матушку царицу Восударыню:
Имъ дай, Господи, здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со маленькими сердечными дѣточками,
Со всей силой арміей.
Теперь помолиться кручинной касатой голубушкѣ
За ласкотника, желаннаго родителя батюшку:
Ему дай, Господи, здравья здоровья, долгаго вѣку протяжнаго.

Подобнымъ же образомъ молится за мать, братьевъ, сестеръ и проч. и, наконецъ, за себя:

1307.

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума,
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ?
За себя-то, за сизу косату голубушку.
Молить скорыя то грозныя смереточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ,
На родительской на бѣлой на брусовой лавочкѣ? —
Ужъ ты глупая моя младая буйпая голова,
Ужъ сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому,
Во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
Скорая то грозная смереточка.
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здравья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то неволи великія.

Даетъ отцу «добровъ».

1308.

Теперь отворотиться мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
На родительско домъ-тепло витое гнѣздышко,
Гдѣ то ходитъ мое красное солнце угрѣвное,
Мнѣ-ка есть-то вѣра радѣнье —
Побити целомъ да покланяться.

Здѣсь повторяются тѣ-же стихи, что на рукобитьѣ. Невѣста собирается затѣмъ въ баню, приготовленную подругами. При этомъ она прежде приглашаетъ въ баню отца:

1309.

Добро жаловать, ласкотникъ, желанный родитель батюшка,
Въ парную мыльную баенку,
Впереди то меня, сизой косатой голубушки.

Точно также обращается она къ матери, своимъ роднымъ и сосѣдямъ, затѣмъ отправляется въ баню. По выходѣ изъ бани, подруги покрываютъ невѣсту платкомъ и поютъ:

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи да на береженьи,
Что хранила меня, сизу косату голубушку!
Ужъ чего то мнѣ молить, сизой косатой голубушкѣ,
Что-ль тебѣ, моя парная мыльная баенка?
Ужъ раскатить тебя, парная мыльная баенка
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйна головушка, —
Раскатаю я парную мыльную баенку?
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,
Пусть моются ласкотники, желанны родители,
Послѣ меня-то, сизой косатой голубушки.

Затѣмъ проситъ у отца лошадей ѣхать гулять.

1310.

Послушай же, мое красное солнце угрѣвное,
Не жалѣй-ка хорошаго, рѣзваго, паступчиваго конечка,
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра радѣнье погулять, покрасоваться
По Дунай рѣчкѣ быстрыя,
Покрасоваться во честномъ, во похвальномъ дѣвочесьвѣ.

Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной, со гладкой со горочкой,
Со хорошей, новошатровой колоколенкой.

Запрягають пару коней въ сани, въ которые садится невѣста съ нѣкоторыми изъ подругъ, остальныя же садятся въ другіе сани, запряженные одной лошадью. Гуляютъ до половины дня, объѣзжая близкихъ родственниковъ, у которыхъ невѣста прежде гостила. Всѣмъ имъ она «даетъ добровъ» и стиховодничаетъ, причемъ выражаетъ благодарность тому, кто былъ до нее добръ, и пеняетъ при всѣхъ тому, кто былъ не добръ. Если не хватаетъ времени, чтобъ заѣзжать ко всѣмъ родственникамъ, то невѣста, проѣзжая мимо дома, останавливается и «даетъ добровъ» на улицѣ.

Когда она проѣзжаетъ мимо дома жениха, то дружки выносятъ водки и подчуютъ невѣсту и ея подругъ. По возвращеніи невѣсты домой, къ ней съѣзжаются отъ жениха гости «чёстные»: крестная мать жениха, его сестры и тетки. Встрѣтивъ ихъ на улицѣ, невѣста вводитъ ихъ въ домъ, садитъ за столъ и причитаетъ:

1311.

Сказали да доносили милыя подружки любовныя,
Что изнашли да изънаѣхали честны милыя гости небывалыя
Во родительско домъ-тепло витое гнѣздышко.
Гдѣ то ходитъ ласкотница, желанная матушка?
Ужъ послушай-ко моя ласкотница желанная родитель матушка,
Разставливай столы бѣлодубовые,
Развертывай скатерти бѣльчатыя,
Сади чествуй милыхъ-то гостьей небывалыхъ!

По отъѣздѣ «чёстныхъ» приносятъ невѣстѣ лучшее ея платье и повязки. Она одѣвается въ платье, беретъ въ руки повязки и ими хлопаетъ, что называется «невѣста красуется».

1312.

Расшанитесь-ко народъ люди добрые,
Дайте не со множечко пути дорожки широкія
Съ одну дубову мостовиночку.
Мнѣ-ка есть вѣра радѣнье
Покрасоваться во покрутѣ, покрасѣ великія.
Посмотрите-ко, ласкотники, желанны родители,
Ходитъ красуется ваша сиза косата голубушка
Во покрутѣ, покрасѣ великія!

Поблагодаривъ отца и братьевъ за то, что ее хорошо обряжали, невѣста подъ образомъ, украшеннымъ шитымъ по концамъ полотенцемъ, садится за «байникъ» т. е. за набраный столъ, накрытый скатертью и призываетъ родныхъ стихами:

1313.

Добро пожаловать, ласкотникъ, желанный мой батюшка (имя),
Ко бѣлу да ко пшеничному байничку.

Подходитъ отецъ и, помолившись Богу, даритъ невѣстѣ ситцу на сарафанъ или на рукава, затѣмъ мать и такъ далѣе, по очереди, всѣ тѣ, кто пилъ вино на рукобитьи. Получивъ подарокъ, невѣста обнимаетъ каждаго нѣсколько разъ и кланяется.

1314.

Спасибо, ласкотникъ, желанный родитель батюшка,
Что даришь меня, сизу косату голубушку,
Хорошимъ то бумажнымъ ситчикомъ.

Между тѣмъ какъ все это происходитъ въ домѣ невѣсты, женихъ, благословившись у родителей, ѣдетъ съ большимъ дружкой звать свою родню «въ поѣздъ», т. е. идти съ поѣзжанами за невѣстою. Войдя въ домъ, онъ къ каждому, отъ малаго до великаго, обращается со слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Васильевичъ, загости, пожалуй, къ батюшкѣ моему, Михайлу Θедоровичу и матушкѣ моей, Татьянѣ Егоровнѣ, хлѣба соли кушать ко мнѣ въ законный бракъ». Если женихъ, проѣзжая по улицѣ, кого нибудь встрѣчаетъ, то также приглашаетъ къ себѣ. Женихъ при этомъ ѣздитъ съ непокрытою головой.

Когда поѣзжане соберутся, женихъ вмѣстѣ съ ними отправляется къ невѣстѣ: впереди идутъ поѣзжане, затѣмъ «тысяцкій», который сваталъ невѣсту, съ иконою въ рукахъ, за нимъ женихъ и сватьи (крестная мать и тетки). Въ домѣ невѣсты, въ сѣняхъ, къ ихъ приходу зажигаютъ у иконъ свѣчи, такъ какъ поѣздъ останавливается въ сѣняхъ, и молится Богу. Въ это время стихи въ избѣ прекращаются, дѣвушки, схватившись за руки, окружаютъ невѣсту и уводятъ ее въ гор-

ницу или подполье, гдѣ и снаряжають ее къ вѣнцу. Когда женихъ въ это время съ поѣзжанами сидитъ за столомъ противъ невѣстина образа, въ избу собирается народъ смотрѣть на жениха, наполняетъ избу, взбирается на *воронцы*, полати, на печь. Эта часть свадебнаго обряда называется «смотрѣньемъ». Дѣвушки при этомъ поютъ свадебныя пѣсни.

Свату:

1315.

Да тебѣ, свату большому,
Да измѣнщику дѣвочьему,

(Каждый стихъ повторяется).

Да Акиму Степановичу,
На ступень ступить—нога сломить,
На другой ступить—друга сломить,
На третій—голова свернуть.
Того мало свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему.
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полушубками,
Подъ четырьмя тулупами,
Да трясло бы тя повытрясло,
Да сквозь печь провалитися,
Во мясныхъ щахъ обваритися.
Того мало свату большому,
Да измѣнщику дѣвочьему, —
Съ хоромъ бы тя о бо́рону,
Да съ горы бы тя о ка́менье,
Безъ попа безъ покаянья,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахваливалъ
Чужи дальнія стороны,
Да Подгорскія слободы. [1])
Она горемъ насѣяна,
Да слезами наполивана.

По окончаніи этой пѣсни съ двумя своими сватьями является передъ столы невѣста въ лучшемъ нарядѣ и покрытая платкомъ. Поклонившись три раза поѣзжанамъ, она подноситъ имъ по рюмкѣ вина. Поѣзжанинъ, выпивъ рюмку, кладетъ въ чарку какую-нибудь монету, когда же очередь дойдетъ до жениха, то онъ въ отвѣтъ подноситъ невѣстѣ красной водки, затѣмъ подаетъ ей на подносѣ покрывало, мыло, въ которое ребромъ вставлены гроши, гребень, зеркало и большой пряникъ. Пѣсни въ это время умолкаютъ, а большой дружка, вставъ съ мѣста, говоритъ, обращаясь къ невѣстѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна, Марья Михайловна! У столовъ была, молодого князя видѣла, подарочки приняла: мыльце, гребешекъ, зеркальце, пряничекъ. Мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись, въ зеркальце посмотрись, пряничкомъ закуси. У нашего князя, Семена Петровича, горка низенька, водка близенько, ходи хорошенько, сажу-грезь [2]) подъ матицу вѣсь, худые порядки оставляй дома у матки, а хорошіе съ собой забирай». Малый дружка даритъ дѣвушекъ за пѣсни калачами, а женихъ даетъ собравшимся въ избу мужикамъ денегъ на водку. Посторонній народъ уходитъ. Невѣсту, закрывъ платкомъ, садятъ за столъ къ жениху и отецъ ея благословляетъ ихъ обоихъ три раза иконою, которая была на стѣнѣ и передаетъ ее тысяцкому, послѣ чего, вставши съ лавокъ, всѣ молятся Богу и отправляются въ церковь къ вѣнцу. Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, «рожники» (братья) подъ руки, впереди идутъ дружки, звеня колокольчиками, поѣзжане поютъ пѣсни. Во время вѣнчанія на паперти раздаютъ народу свадебные пироги. Послѣ вѣнца молодую одѣваютъ въ повойникъ и она съ женихомъ, благословившись у священника, отправляются въ домъ жениха.

Здѣсь въ сѣняхъ они останавливаются, ихъ встрѣчаетъ свекоръ съ хлѣбомъ солью. Для этого въ рѣшето онъ насыпаетъ жита, на которое кладетъ хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ этимъ свекоръ три раза обводитъ около наклоненныхъ головъ молодыхъ, затѣмъ передаетъ его свекрови, которая, сдѣлавъ то же самое, отдаетъ рѣшето жениху, а этотъ послѣдній невѣстѣ, которая его вноситъ въ домъ и ставитъ на столъ. Въ избѣ, помолившись Богу, молодые съ тысяцкимъ садятся за столы, свекоръ снимаетъ съ молодой платокъ, и всѣ съ нею здороваются со словами: «Здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?» Дружки подносятъ поѣзжанамъ по рюмкѣ вина, послѣ чего они и расходятся по домамъ.

Послѣ ужина молодые идутъ въ клѣть спать. Невѣста должна разстегнуть у жениха кафтанъ и снять сапоги, въ которые положено нѣсколько серебряныхъ монетъ. Женихъ мѣшаетъ ей снимать сапоги, такъ какъ, всякій разъ какъ невѣста не можетъ ихъ снять, она должна цѣ-

[1]) Названіе деревни.

[2]) грязь.

ловать жениха. Затѣмъ женихъ ложится на кровать лицемъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока невѣста не поклонится и не скажетъ: «Господи Iисусе Христе, Сыне Божій! Яковъ Ивановичъ, пусти почевать!»

На другой день на обѣдъ жениховy роднiю сзываютъ дружки, а невѣстину *рожники* слѣдующими словами: «Господи Iисусе Христе, Сыне Божій! Осипъ Ивановичъ, загости, пожалуй, къ Василью Петровичу (отцу жениха) и Аннѣ Егоровнѣ (матери) хлѣба соли кушать, къ Степану Васильевичу молодой смотрѣть». Когда за обѣдомъ дружки обносятъ гостей водкой, всякій разъ какъ кто-нибудь пьетъ, молодая должна кланяться ему въ поясъ. Послѣ этого она раздаетъ дары, выговоренные при сватовствѣ и затѣмъ всѣмъ подноситъ по чаркѣ вина, причемъ каждый выпивъ рюмку, кладетъ въ нее деньги. Послѣ этой церемоніи подаютъ кушанья. При каждомъ изъ нихъ дружки и женихъ обращаются къ гостямъ по очереди со слѣдующими словами: «Господи Iисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Аѳанасьевичъ, поѣшь покушай, гостей почествуй!» Черезъ нѣсколько дней бываютъ у родителей невѣсты блины, на которые сзываетъ, свою роднiю самъ женихъ. Послѣ блиновъ подруги, бывшія у невѣсты на свадьбѣ, приносятъ ей приданое. Этимъ и заканчивается свадьба.

Зап. волостной писарь Вачевскаго Волостного Правленія Василій Басвъ. Сообщ. С. В. Максимовымъ въ 1868 г.

Свадебные обряды г. Пинеги.

О порѣ вступленія въ законный бракъ здѣшніе парни зауряд рѣшаютъ сами и только иногда этотъ вопросъ рѣшаютъ ихъ родители; не справляясь съ волей своихъ сыновъ. Это бываетъ большею частію тогда, когда для дому нужна бываетъ работница. Въ такомъ случаѣ родители предлагаютъ сыну выбирать невѣсту, нерѣдко однако-жъ и сами назначаютъ ее. Когда парень женится по своему произволу, тогда онъ падаетъ отцу и матери въ ноги и проситъ благословенія жениться. Нѣкоторые парни выборъ невѣсты сами отдаютъ на волю родителей, а другіе сами назначаютъ себѣ невѣсту. Случается и такъ, что родители перебирая дѣвицъ, дойдутъ до той именно, которую женихъ желалъ бы имѣть. Тогда онъ опять падаетъ въ ноги родителямъ, говоря: «Вотъ та, батюшка и матушка, моя невѣста». Если родители согласны имѣть ту дѣвицу женою сына, то говорятъ: «Богъ благословитъ, женись!» а если не согласны, то препятствуютъ, а иногда и вовсе не позволяютъ, что однако рѣдко случается.

Когда родители согласятся въ выборѣ невѣсты съ сыномъ, тогда посылаютъ свата, а большею частью сватью, которые выбираются непремѣнно изъ родственниковъ; а всего чаще ходитъ сама мать жениха. Избранная сватья идетъ въ домъ невѣсты въ простомъ нарядѣ. Прежде, нежели зайдетъ въ домъ, обходитъ его кругомъ, а зайдя въ избу или покой, становится подъ матицу. Это дѣлается для того, чтобы невѣсту непремѣнно отдали, замѣчая, будто бы отъ этихъ *запукъ*, не въ силахъ отказать и еще замѣчаютъ: если сватья увидитъ невѣсту босикомъ, то уже безъ сомнѣнія будетъ *ихна* какъ они выражаются. Выполнивъ эти глупости, сватья обращается къ отцу, говоря: (называетъ его по имени и отечеству) «выйдемъ-ко на пару словъ», и уходятъ, большею частью, въ сѣни, а у весьма рѣдкихъ, въ другой покой и тамъ сватья продолжаетъ: «у тебя есть невѣста, а у меня женихъ,—не согласенъ ли отдать? меня такой то послалъ», называя жениха по имени и отечеству. Если отецъ невѣсты совершенно не хочетъ отдать за того жениха, то прямо отказываетъ, не спрашивая и у невѣсты, и хотя бы она желала за него выйти. Если же намѣренъ отдать или самъ не знаетъ, на что рѣшиться,—въ такомъ случаѣ проситъ времени, опредѣляя срокъ, подумать и посовѣтоваться съ родственниками.

Въ назначенный срокъ сватья опять является въ домъ невѣсты и говоритъ, обращаясь къ родителямъ: «О чемъ было дѣло за тѣмъ и пришла, что скажете?» Если родители согласны отдать, то говорятъ: «согласны!» и только для обряду ходятъ спрашивать согласія невѣсты и хотя бы она вовсе не желала идти замужъ за названнаго сватьей жениха, но родители хотятъ, тогда ея несогласіе не имѣетъ никакого значенія; а родители со сватьею, засвѣтивъ передъ образомъ свѣчи, молятся Богу, и дарятъ сватью платкомъ и посылаютъ таковой же жениху, только въ лучшемъ качествѣ, а сватья, имѣя въ запасѣ отъ жениха кольцо для невѣсты, отдаетъ его отцу ея. До богомоленія родители и сватья условливаются о приданомъ и о всемъ ходѣ свадьбы; а послѣ взаимныхъ подарковъ угощаютъ сватью. Это извѣстно у крестьянъ подъ названіемъ *сговора*. У нѣкоторыхъ послѣ того, какъ помолятся Богу, приглашаютъ жениха и выводятъ невѣсту въ лучшемъ нарядѣ, тогда это уже называется *смотрѣньемъ*, которое состоитъ только въ томъ, что посидятъ нѣсколько времени и напившись чаю расходятся. Благословенія не бываетъ.

Съ этого времени невѣста не выходитъ изъ

дому до самого вѣнца и кромѣ рукобитья и *посѣдки* не показывается никому изъ постороннихъ. И если бы кто-нибудь въ это время зашелъ въ ея домъ и засталъ бы ее врасплохъ, то она непремѣнно убѣжитъ и спрячется за печку, если ей некуда болѣе укрыться. Это въ настоящее время уже выходитъ по немногу изъ употребленія.

День свадьбы бываетъ тогда, когда съ обѣихъ сторонъ успѣютъ къ нему приготовиться; а въ этотъ промежутокъ времени дѣвицы ходятъ къ невѣстѣ шить. Въ городѣ ходитъ и женихъ съ кѣмъ нибудь; а въ деревнѣ этого нѣтъ.

Посѣдка.

За два дня до совершенія брака бываетъ такъ называемая *посѣдка*, о которой заранѣе всѣмъ объявляютъ, дабы всѣмъ это было извѣстно, ибо у нѣкоторыхъ, хотя очень немногихъ, посѣдки не бываетъ. На эту посѣдку всѣ дѣвки и женщины приходятъ незваныя, ибо званыхъ очень мало: близкія сосѣдки и родственницы. Дѣвицы называются *подголашницами*, коихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы стоять вмѣстѣ съ невѣстой и припѣвать плачъ, которой поетъ невѣста. Для этого выбирается знающая всѣ роды плачей женщина, называемая *передовщицею*. Самая посѣдка состоитъ въ томъ, что невѣста въ средственномъ нарядѣ, плачетъ стоя середи полу, окруженная подголашницами, размахивая и схлапывая руками съ громкимъ крикомъ. Прежде начинаютъ заплакивать передъ образомъ и тогда невѣста подъ плачъ молится Богу клапяясь передъ образомъ въ землю:

1316.

Стану я дочь побѣдная
Передъ чудныхъ святыхъ образовъ,
Передъ Владыку, Царя Небеснаго:
Благослови меня Христосъ Истиный
И Пречистая Мать Божья, Богородица,
Всѣ угодники великіи!
Меня сохраните и помилуйте
На первой ступени!
Благослови меня, Христосъ Истиный,
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей восплакати.

Послѣ этого плача плачутъ отцу, матери и всѣмъ своимъ братьямъ и сестрицамъ такъ:

1317.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко,
Свѣтъ Григорій Семеновичъ!
Ты желанна моя бо́лѣзна,
Въ день денная моя плакальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
Вы о чемъ на меня воскручинились,
На меня, молодешеньку,
На мою буйну голову,
На мою дѣвью кра́соту?
Вы спросились ли да доложились ли
У крестнаго батюшка,
Да у крестовой матушки?
Да вы собща ли вмѣстѣ за едино ли
Всѣ вздумали просватать меня красну дѣвицу,
Запоручить мою буйну голову?

Братьямъ:

1318.

Млады ясные соколы,
Однокровны, единоутробны,
Вы родимы брателки!
Мы жили да красовались,
Вы добры да добродѣтельны.
Сряжали да снаряжали,
Цвѣтно платье заводили.
Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь-дорожечку?

Сестрамъ:

1319.

Сестрицы родимыя,
Единокровны, единоутробны!
Вы куда меня сряжаете,
Во котору во дорожечку?

По окончаніи плача съ родными всѣ обѣдаютъ (посторонніе въ это время не бываютъ). Хотя очень незадолго передъ тѣмъ ѣли, а послѣ

него и начинается собственно посѣдка. Невѣста переодѣвается въ хорошее, а не въ самое лучшее платье, и, зайдя въ горницу, начинаютъ плакать:

1320.

Я зайду ли, да заступлю ли
Во свѣтлу свою свѣтлицу,
Во столову нову горницу,
Къ схожему красному солнышку,
Ко родимому батюшку,
Ко желанной своей болѣзной родимой матушки,
Къ однокровнымъ единоутробнымъ своимъ братцамъ,
Къ единоутробнымъ своимъ сестрицамъ?
Не позазрите, мои бѣлы лебеди,
Что не стрѣтила я васъ, бѣлыхъ лебедей,
Середи пути дороженьки,
Не на крутомъ, красномъ крылечикѣ,
Не на сѣняхъ, сѣняхъ новыхъ.
Ужъ я встрѣчу васъ, лебеди бѣлыя,
Середи полу дубоваго,
Середь свѣтлой своей свѣтлицы.
И не осудите и не подивите:
Меня не спѣсь-гордость одóлила,
Не богатство великое,
И не дородность моя непомѣрная,
А изняла меня, да издолила
Подневольная тоска-кручина.
Пріотхлынь, тоска кручина
Отъ зазнобнаго да ретива сердца!
Пріотлейте, да горьки слезы,
Дайте тоски да воздохнути!

Потомъ плачетъ съ дѣвицами, начиная съ той, которая сидитъ въ большомъ углу:

1321.

Да ужъ ты здравствуешь, лебедь бѣлая
Люба мила подруженька,
Свѣтъ Анна Ивановна!
Мы ходили съ тобой, красовались,
Сообща вмѣстѣ за едино
О каткіхъ, гладкіхъ катищахъ
И о рождественскихъ игрищахъ,
И о звонкіихъ колокольняхъ. [1])
Теперь скажу тебѣ, лебедь бѣлая,
Все прошло мое и прокатилось,
Пора-времячко да миновалось,
За единый часъ показалось,
За единый часъ, за минуточку.

Сколько есть дѣвушекъ со всякой должно плакать это же самое.

Женщинамъ:

1322.

Ужъ ты здравствуй, государыня,
Многоумна, крѣпко разумна,
Много вѣжлива, крѣпко отчеслива!
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова.
Столько отъ тебя слыхала,
Что ты мной хвалишься, да похваляешься.
Челомъ бью, благодарствуй,
Что пришла ко мнѣ, не погордила,
Въ домъ къ роднымъ моимъ родителямъ.
И впередъ гости да жалуй
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье.

Сосѣдкамъ:

1323.

Сосѣдушка приближенная,
Приближенная да подлѣдворная,
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова

и пр. то же, что женщинамъ.

Мущинамъ:

1324.

Ужъ ты младой ясенъ соколъ,
Въ нашемъ домѣ не бывалъ,
Хлѣба-соли не ѣдалъ.
Ты впередъ гости да жалуй,
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье,
На хорошъ, красенъ
На дѣвичь вечеръ.

---

[1]) Ходили на Святой звонить на колокольни.

Во время плача невѣста должна обнимать ту, съ которою плачетъ, а старшимъ родственникамъ падаетъ сперва въ ноги, а потомъ, вставши, обнимаетъ. Такимъ образомъ она должна переплакать со всѣми, переходя отъ одной къ другой. Хотя плачи и не велики, но они поются очень протяжно, а потому и долго. Чѣмъ ближе къ невѣстѣ дѣвица или женщина по родству или дружбѣ, тѣмъ долѣе съ тою она плачетъ. Какъ бы ни нравился ей женихъ и какъ бы ни пріятно было по ея соображенію жить въ семействѣ будущаго мужа, она всетаки должна сильно плакать и съ великимъ крикомъ причитать, что весьма поразительно и непріятно для слуха. Идя замужъ по собственному желанію и съ большею охотою трудно имѣть такое множество слезъ, какое требуется; въ такомъ случаѣ стараются искуственно возбудить ихъ, чтобы не подвергнуть себя пересудамъ, оговорамъ и насмѣшкамъ, всегда свойственнымъ въ особенности старымъ бабамъ, кои для того собственно на посѣдки и ходятъ, чтобы было о чемъ послѣ поговорить или лучше сказать посплетничать. Во время плача на посѣдкѣ, женихъ посылаетъ невѣстѣ дары съ сестрою его, а если нѣтъ ея, то съ какою либо родственницею, которая подноситъ ихъ сама невѣстѣ, а эта послѣдняя кланяется и не беретъ ихъ, причитая:

1325.

Не подходите, не приносите и не дарите
Дорогими меня гостинцами!
Я не жадна и не ужадна.
У честныхъ своихъ родителей
Всячиной была довольна.
Вы, лебеди мои бѣлыя!
Я не знаю васъ назвать
Ни имени, ни вотчины.
Хоша знаю, да языкъ мой не воротится.
Дорогіе мои гости въ нашемъ домѣ не бывали,
Пива съ хмѣлемъ не пивали,
Хлѣба съ солью не ѣдали.
Вы скажите, лебеди бѣлыя,
Князю да первобрачному
Заочное да челобитье,
Чтобъ онъ жилъ да не надѣялся,
Искалъ бы новую да молодую,
Меня получше и покраше,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Между тѣмъ принявъ дары, передаетъ ихъ своей матери, которая къ тому времени приходитъ тутъ. По окончаніи плача посланную отъ жениха уводятъ въ другую комнату и тамъ угощаютъ, а невѣста продолжаетъ плакать съ остальными. Отплакавши со всѣми, одѣваютъ ее въ самое лучшее платье въ штофные полушубокъ и юбку, а если есть и въ парчевые, и повязку, а на шею жемчугъ у кого какой есть: дутой или настоящій, послѣдній очень у немногихъ, а если вовсе нѣтъ, то какія либо перла, и плачутъ такъ называемый плачъ «жемчугъ»:

1326.

Какъ заслышали уши чудную,
Умильную да складну пѣсню —
Поютъ подружечки задушевны,
И сосѣдушки приближенны.
И припѣваютъ ко мнѣ многокручинной
Чужого да чуженина,
Незнаемаго человѣка.
Стану я многокручинная
Середи полу дубоваго,
Во двери широкія,
Призову свою желанную.
Ты желанна, моя болѣзна,
Въ день денная печальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
Посмотри-ко ты, погляди
На меня многокручинную:
Меня краситъ ли, *хорошитъ* ли
Меня природная дѣвья крáсота
И дорого мое цвѣтно платьице?
Хоть не скажешь, моя желанная,
Сама знаю вѣдаю,
Не краситъ и не хóрошитъ
Дорога моя дѣвья крáсота,
Потемнѣла, да почернѣла
Чернѣ чернаго потолка, [1])
Чернѣ ворона да поднебеснаго.

На этихъ посѣдкахъ бываетъ очень много народу и все женскаго пола, чужіе мужчины изъ ихъ среды вовсе не бываютъ, а приходятъ нѣкоторые изъ родственниковъ невѣсты, весьма не многіе холостые парни изъ любопытства и то очень мало. Напротивъ того женщины, оставляя всѣ, даже нужныя работы и занятія, идутъ на посѣдку. Дѣвки также. По этому сколько бѣдной

---

[1]) Въ Архангельской губерніи въ деревняхъ еще много черныхъ избъ, въ которыхъ потолокъ закопченъ дымомъ.

невѣстѣ стоитъ труда переплакать съ каждою порознь, отъ чего и посѣдка продолжается болѣе полъ-дня. Мнѣ кажется надобно имѣть особенное здоровье, чтобы вынести весь этотъ тягчайшій церемоніалъ.

Нужно родиться для этого. Я былъ свидѣтелемъ этой мучительной сцены и, признаюсь, пробывъ не болѣе $1/_2$ часа, не могъ болѣе оставаться отъ спертаго воздуха, по причинѣ множества народа, крика невѣсты и я, пожалѣвъ несчастную страдалицу, ушелъ, пожелавъ ей отъ души силы и крѣпости перенести этотъ обременительнѣйшій обрядъ благополучно: на лицѣ ея видно было сильное изнуреніе; слезъ уже не доставало оплакивать еще многихъ зѣвакъ; голосу не было для припѣванія плача и онъ обращался въ какой то странный и даже страшный вой для непривычнаго его слушать. Она этимъ воемъ и всхлапываніемъ рукъ заглушала всѣхъ подголашницъ, жалобно и умильно поющихъ плачъ. Во время плача жемчугу она должна ходить по комнатѣ, «расшибаться»[1]) и кланяться во всѣ стороны; подголашницы же въ это время стоятъ на одномъ мѣстѣ и поютъ, а мать ея при этомъ плачѣ должна быть непремѣнно. Имъ и оканчивается посѣдка и всѣ расходятся по своимъ домамъ, а остаются однѣ подголашницы и родныя.

Съ этого дня и до самаго вѣнца невѣста уже не перейдетъ ни одного порога, не перекрестившись. Въ день посѣдка вечеромъ всѣ гости ѣздятъ по городу или по деревнѣ и поютъ пѣсни.

На другой день посѣдка невѣста ѣздитъ ко всѣмъ своимъ роднымъ плакать въ сопровожденіи подголашницъ на двухъ или на трехъ саняхъ зимою, а лѣтомъ ходятъ пѣшкомъ, особенно къ кому не такъ далеко, и обыкновенно, начинаютъ съ близкихъ родственниковъ; а если нѣтъ отца или матери, то прежде всѣ ѣздятъ на могилу, гдѣ и плачутъ:

1327.

Я зайду многокручинная
Въ божью церковь соборную[2]),
Помолюсь я угоднику,
Николы Святителю.
И пойду я на колоколенку,
И ударю трижды въ колоколъ,
И побужу своего родителя!
«Разступися, мать сыра земля,
Расколися, ты гробова доска,
Раздерися полотно бѣлое!
Вы растворитесь, очи ясныя!
Разомкнитесь уста сахарныя,
Раскатитесь вы, руки бѣлыя.
Меня нарядить, младу, есть кому,
А благословить меня некому,
Нонь при нынѣшнемъ времени.»
Благословляетъ молодешеньку,
Благословленой мой батюшко,
Родимой мой брателко (или кто другой)

Съ могилы—къ родственникамъ и въ каждомъ домѣ опять плачетъ со всѣми съ мала до велика, также какъ и на посѣдкѣ, не смотря на то, что уже плакала на ней со многими изъ нихъ.

Въ этотъ день всѣ родственники приготовляютъ угощеніе, зная, что невѣста пріѣдетъ плакать; а эта послѣдняя должна въ каждомъ домѣ обѣдать или по крайней мѣрѣ сидѣть за столомъ пока не переносятъ всѣхъ кушаній. По выходѣ изъ-за стола опять плачутъ, благодаря за хлѣбъ за соль:

1328.

Слава Господу Богу,
Пресвятой Богородицѣ!
Отпила млада, откушала
Послѣдошно, останёшно
У честныхъ своихъ родителей.
Вамъ челомъ бью, да благодарствуй
За хлѣбъ за соль великіи,
На частыхъ большихъ перемѣнахъ.
Вы гостите, мои родители,
На крѣпко мое зарученье,
На плотно мое рукобитье
Со всѣмъ домомъ да благодатнымъ.

У нѣкоторыхъ подаютъ и чай большею частію до обѣда, а прощаясь, невѣста кланяется во всѣ углы и стороны. Дорогою же отъ одного дома до другаго всѣ ея спутницы поютъ свадебныя пѣсни, а невѣста не поетъ и не плачетъ, а сидитъ покрыта большимъ платкомъ. А потому никто изъ ходящихъ па улицѣ не можетъ ее видѣть въ лицо. Всѣ взрослыя дарятъ невѣсту по своимъ средствамъ. Если же родственники живутъ далеко, напримѣръ, верстъ за пять, то къ нимъ не ѣздятъ.

[1]) Расшибаться значитъ всхлапывать руками и кланяться.

[2]) Нижняя церковь въ соборѣ во имя Николая Чудотворца.

Рукобитье[1]).

На другой день послѣ этой ѣзды или на третій день поѣдки бываетъ рукобитье. Въ этотъ день еще рано утромъ приготовляютъ баню. Отправляясь, въ нее, плачутъ:

1329.

Вы родны мои родители, благословите
Въ умыльную да парну баню —
Помыться и попариться
Въ послѣдошно, останошно
Дѣвицей-душой красной!

И возвратясь также плачутъ:

1330.

Челомъ бью, да благодарствуй,
Честны мои родители,
На умыльной да парной банѣ, —
Умылась и упарилась.

Баню приготовляютъ двѣ дѣвицы изъ числа подругъ невѣсты и ни на минуту не оставляютъ ее не замкнутою, тщательно сберегая у себя ключъ отъ нея. Это дѣлается въ предосторожность отъ злопамѣренныхъ людей, чтобы они не сдѣлали какого либо зла силою вѣдѣнія или колдовствомъ, за что невѣста по выходѣ изъ бани благодаритъ дѣвицъ приготовившихъ ее:

1331.

Ужъ вы, бѣлы мои лебеди,
Челомъ бью, да благодарствую, —
Вы истопили мнѣ
Умыльную да парну баню!

Въ баню ходитъ вмѣстѣ съ подголосницами. Передовщица замѣчаетъ вѣникъ невѣсты, кладя на него примѣтку, и та изъ дѣвицъ, которая возметъ его, будетъ первая выдана замужъ.

[1]) У насъ: большое смотрѣнье.

Отобѣдавши послѣ бани, невѣста плачетъ за убра́нымъ столомъ, если нѣтъ у ней отца или матери, а также и восприемниковъ:

1332.

Ужъ я стану среди полу дубоваго,
Среди стола убра́наго
Погляжу я кругомъ свѣтлу свою свѣтлицу,
Кругомъ нову свою горницу,
Не ходитъ ли, не подчуетъ ли,
Не собираетъ ли срядныхъ дубовыхъ столовъ.
Не могла я усмотрѣть,
Не могла я углядѣть
Схожа красна своего солнышка,
Родителя батюшка.
Онъ не ходитъ, не подчуетъ
Собраныхъ дорогихъ гостей
И не собираетъ у бранныхъ дубовыхъ столовъ.

Обращаясь къ брату:

1333.

Единокровный, единоутробный
Ты родимой мой брателко,
Младъ ясенъ соколъ!
Выйди-ко на улицу на широкую,
На дорожечку на проѣзжую,
Да послушай, младъ ясенъ соколъ,
Нѣтъ ли посвистовъ да молодецкихъ,
Нѣтъ ли пбтопу да лошадинаго,
Не идетъ ли ко мнѣ
Родимой мой батюшко
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое заручене.
Охъ-те-мнѣ-чинько, тошнехонько,
Мнѣ ждать да дожидатся
Родимаго моего батюшка
Со родительскимъ благословеніемъ.
Со того то свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни выходца, ни выѣзда,
Ни письма нѣту, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица.

Послѣ этого плача уходитъ въ другую компату, а если у кого нѣтъ ея, то въ *солныгиъ* или заборку, а у многихъ вмѣсто заборки запавѣсъ отдѣляетъ часть избы у печки, причитая: «понесите ноги рѣзвы изъ за срядныхъ да дубовыхъ

столовъ», а тамъ плачетъ съ тѣми родственниками, у которыхъ она не была по отдаленію. Случается такъ, что женихъ пріѣдетъ, а она еще плачетъ. Къ пріѣзду ихъ стараются, чтобы ворота были заперты.[1]) Пріѣхавши, сватъ стучится, хотя бы ворота и не были заперты. Тогда дѣвки запоютъ: «Колотится сватъ у воротъ и проч.», а отецъ невѣсты отворивъ ворота, приводитъ поѣзжанъ въ тотъ покой, гдѣ убраны столы и сидятъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ, дѣвки, которыя тотчасъ по приходѣ ихъ, уходятъ и составляютъ вечёреньку, а женщины съ ними и невѣста выходятъ на повѣть смотрѣть жениховъ, ибо не рѣдко невѣста въ первый разъ его тутъ видитъ. Отецъ невѣсты проситъ поѣзжанъ садиться, что они и исполняютъ, садясь, зная каждый свое мѣсто, не выше, не ниже въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ сидѣли у жениха, передъ выѣздомъ къ невѣстѣ. Въ первомъ мѣстѣ сидитъ священникъ, подлѣ котораго *вѣжливой*[2]), потомъ отецъ жениха, тысяцкой и женихъ, а далѣе сидятъ по степени близости родства. Надобно замѣтить, что въ этомъ поѣздѣ женщины почти не бываютъ, кромѣ самыхъ близкихъ родственницъ и то не болѣе двухъ или трехъ. Столы убираются такимъ образомъ: прикладывается столъ къ столу, какъ обыкновенно вездѣ дѣлаютъ, и покрываются скатертью. Число столовъ должно быть достаточно для помѣщенія всѣхъ поѣзжанъ, коихъ бываетъ до 40 и даже до 50 человѣкъ. Родители невѣсты знаютъ, хотя приблизительно, число поѣзжанъ своего жениха. Накрывши столы скатертью, кладутъ на нихъ въ трехъ мѣстахъ по два ржаныхъ хлѣба, одинъ на другомъ, изъ коихъ на верхнемъ кладется по солоницѣ соли, потомъ часто кладутъ ломти ржаного же хлѣба, прямо на салфетку безъ всякихъ тарелокъ, перпендикулярно къ линіямъ столовъ, а на нихъ изъ ячменной муки пироги, а наверхъ этихъ—пироги съ крупой; но какъ тѣ, такъ и другіе кладутся какъ бы параллельно линіямъ столовъ, значитъ крестообразно, съ ломтями хлѣба и такъ, чтобы концы одной пары пироговъ соединялись съ концами другихъ двухъ паръ на ту и другую сторону находящихся.

Когда всѣ, по окончаніи описанной церемоніи усядутся, то отецъ невѣсты подаетъ на подносѣ, а нерѣдко, за неимѣніемъ его, и на тарелкѣ, по стакану пива и рюмкѣ водки, начиная съ большаго угла, говоря «покорно просимъ» и кланяется въ поясъ. Послѣ отца подноситъ мать точно также, а за нею братья невѣсты, если есть. У нѣкоторыхъ, побогаче, бываетъ и чай, который подносятъ братья, какъ бы вмѣсто водки и пива. За этимъ угощеніемъ отецъ и мать благословивъ дочь и вмѣстѣ со сватьею выводятъ ее, какъ говорится, на ставку. Сватья и невѣста кланяются въ поясъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ у жениха: на той ли сватался? Онъ отвѣчаетъ утвердительно. Отецъ продолжаетъ: люба ли?—Люба. Потомъ невѣста, также какъ отецъ и мать подноситъ по стакану пива и рюмкѣ водки сперва родственникамъ жениха, кланяясь каждому въ поясъ вмѣстѣ со сватьею и взявши обратно рюмку и стаканъ, также обѣ кланяются въ поясъ, отошедши къ столу. Женихъ, выпивши рюмку кладетъ въ завернутые въ бумажку деньги по состоянію своему, самобѣднѣйшіе кладутъ не менѣе 20 коп. серебромъ, а богатые кладутъ даже и по червонцу. Который не пьетъ водки, а пиво, кладетъ въ стаканъ. Прочіе же не кладутъ. Лишь только женихъ поставитъ рюмку, невѣста тотъ часъ подноситъ ему платокъ на подносѣ или на тарелкѣ, кланяясь въ поясъ и также вмѣстѣ со сватьею. Онъ, взявши платокъ, опять даритъ деньги, кладя ихъ на подносъ, а обтерши губы платкомъ, кладетъ его въ карманъ; а она подноситъ остальнымъ поѣзжанамъ. Послѣ этого обноса отецъ спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» Они, вставъ съ своихъ мѣстъ отвѣчаютъ: «Всѣ довольны, всѣмъ было». Потомъ невѣста подноситъ своимъ родственникамъ не только тѣмъ, которые тутъ стоятъ, но даже приводятъ изъ другаго покоя или сѣней, которыя тамъ находятся по причинѣ невмѣстимости въ избѣ, или въ томъ покоѣ, гдѣ женихъ; а дѣвицъ даже и съ вечеринки, которыя по неимѣнію мѣста въ домѣ невѣсты, бываютъ и у сосѣдей.

По окончаніи описанной церемоніи подвѣнечная сватья уводитъ невѣсту въ сопровожденіи пѣнія:

1334.

Отворочю я лицо бѣлое
Отъ срядныхъ дубовыхъ столовъ
Отъ зимы то зимы холодныя,
Отъ тяжкихъ плящихъ морозовъ.

Въ ту же комнату, а за неимѣніемъ ея въ солнышъ, откуда приводили; а мать ея начинаетъ дарить всѣхъ поѣзжанъ платками, а у бѣдныхъ по недостатку ихъ дарятъ

[1]) Женихи пріѣзжаютъ очень поздно вечеромъ, обыкновенно—часовъ въ 11-ть пополудни, а иногда даже въ 3-мъ часу пополуночи.

[2]) колдунъ, оберегающій свадьбу отъ другихъ колдуновъ.

нѣкоторыхъ ситцомъ, разрѣзывая его на маленькіе кусочки. «Вѣжливой» всѣхъ болѣе выигрываетъ: Онъ получаетъ двойные дары, т. е. два платка, одинъ дарится какъ поѣзжанину, а другой какъ вѣжливому. Надобно замѣтить, что вѣжливому особенной платы не бываетъ а дѣйствуетъ онъ за великую честь, какую ему оказываетъ каждый, преимущественно предъ всѣми, за всевозможное угощеніе, а потому онъ пресыщается и упивается сколько его душѣ угодно и наконецъ—за двойные дары съ обѣихъ сторонъ. Вѣжливые бываютъ всегда со стороны жениха, для безопасности съ обѣихъ сторонъ. Въ то время когда мать невѣсты даритъ, получившіе дары ужинаютъ. Число перемѣнъ не велико и качество ихъ довольно простое: треска, палтусина и каша—одного или двухъ родовъ, а въ скоромной день сверхъ этого бываетъ иногда и птица, и у богатыхъ немного деликатнѣе, развѣ одной семгой. Перемѣны эти подаютъ на столъ на 3-хъ или на 5-ти большихъ блюдахъ, смотря по количеству поѣзжанъ, которые раздѣлясь произвольно на части по числу блюдъ и каждая изъ перемѣнъ больше достается тому изъ нихъ, которое ближе находится и всѣ вмѣстѣ, перекрестясь ѣдятъ съ него безъ церемоніи, просто безъ вилокъ, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ руки не совсѣмъ опрятны, а кашу разумѣется хлѣбаютъ деревянными ложками, также каждая часть изъ своей общей чаши.

Одаривъ всѣхъ и кланяясь, мать спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» при этомъ вопросѣ всѣ встаютъ и кланяясь отвѣчаютъ: «всѣмъ было, всѣ довольны.» Въ это же время отецъ невѣсты ведётъ жениха здороваться къ невѣстѣ, которая тогда опять плачетъ съ подголашницами пришедшими къ ней съ вечереньки. При входѣ жениха къ невѣстѣ, она стоитъ и плачетъ, склонившись. Женихъ беретъ ее за косу и приподнявъ голову, ее цѣлуетъ, между тѣмъ ногою наступаетъ ей на ногу, а затѣмъ даритъ деньги, какъ говорится у нихъ,—на бѣлила. Въ это время невѣста плачетъ:

1335.

Вы родны мои родители!
Не подходите, да не подводите
Вы чужого ко мнѣ чуженина
И незнаемаго человѣка.

Потомъ:

1336.

Охъ-те мнѣ-чинько!
Пристыдилъ мое лицо бѣлое,
Призазорилъ мои очи ясныя,
Присквернилъ мои уста сахарныя—
При родныхъ моихъ родителяхъ,
При любыхъ милыхъ подружечкахъ,
При сосѣдушкахъ приближенныхъ!
Не во пору, не во время,
При зарѣ да при вечернія.
Пріутихли вѣтры буйные,
Пріутихла заря вечерняя,
Пріумолкли да птицы райскія,
Пріуснули люди добрые,
Всѣ сосѣдушки да порядовыя,
Порядовыя да приближенныя.

Минутъ черезъ 10 женихъ опять приходитъ такимъ же образомъ прощаться и снова даритъ ее. Невѣсту выводятъ *на ставку*[1]) въ самомъ лучшемъ платьѣ, набѣленную и нарумяненную, что въ Пинегѣ еще въ большемъ употребленіи. Немедленно, по отъѣздѣ жениховъ домой, невѣста плачетъ отцу:

1337.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко!
Чего я у тебя поспрошаю,
Я не съ хитрости и не съ мудрости, —
Съ дѣвья глупаго ума-разума.
Да приходилъ ты, солнце красное,
Со грозой со великою,
Да приказалъ мнѣ, солнце красное,
Бѣлехонько да умываться,
Наряднехонько да наряжаться.
Это что же у васъ да, солнце красное,
Что за праздники за большіе,
Что за гости за частые?
Вы куда меня выводили,
Да передъ кого меня становили?
Хошъ не скажешь, солнце красное,
Я сама про то разумѣю:
Выводили да становили
Передъ чужого да чуженина,
Передъ незнаемаго человѣка.

Послѣ этого плача всѣ свадебники невѣсты кромѣ ея самой, отца и матери идутъ въ домъ жениха пѣть ему и невѣстѣ пѣсни. Пріѣхавши къ жениху, поютъ ему:

1338.

Княгиня первобрачная
Приказала кланяться,

[1]) *Выводить на ставку* значитъ: выводить нарядно одѣтую и, обыкновенно, заплаканную невѣсту изъ комнаты, называемой *дѣвичникъ*, къ жениху и гостямъ на осмотръ. Слов. Подвысоцкаго.

Не велѣла надѣяться,
Велѣла искать новую да молодую,
Получше и покраше,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Отецъ и мать и самъ женихъ обносятъ всѣхъ по рюмкѣ водки и стакану пива; а десертъ, состоящій изъ какихъ либо орѣховъ и пряничныхъ закусокъ, стоитъ на столѣ безъ употребленія. При походѣ домой женихъ высыпаетъ его въ платокъ одной дѣвицы, которая относитъ его невѣстѣ, а она уже даетъ своимъ подружкамъ. Пришедши домой, всѣ встаютъ передъ невѣстой и кланяются, поя:

1339.

Дѣвица красная, княгиня первобрачная,
Молодъ князь поклонъ послалъ,
Велѣлъ низко кланяться,
Велѣлъ готовиться идти и ѣхать
Ко соборной Божьей церкви.

Въ этотъ день всѣ свадебники, какъ жениха, такъ и невѣсты, пріѣзжая на свадьбу, привозятъ приносъ, называемый «хлѣбиной», который состоитъ изъ разнаго рода пироговъ изъ ячменной муки. Весьма немногіе приносятъ хлѣбъ изъ крупищатой муки, что чрезвычайно рѣдко случается. Кромѣ этой «хлѣбины» никакихъ подарокъ при ней не носятъ.

На другой день рукобитья, т. е. въ день свадьбы, невѣста и всѣ подголашницы встаютъ рано и только что умоются, начинаютъ плакать, такъ называемую у нихъ, «кра́соту». Заплакиваютъ также какъ и на посѣдкѣ, а потомъ плачутъ такъ:

1340.

Позовите мою сестрицу родимую!

(сестра подходитъ).

«Ты поди, моя лебедь бѣлая,
Ты, сестрица родимая,
Ко сряднымъ да дубовымъ столамъ,
Ты сдыми, моя однокровна, единоутробна,
Свои руки бѣлыя на мою буйну голову.
И ты сойми мою дѣвью кра́соту!
И ужъ ты спречь, моя лебедь бѣлая,
Во погребы во глубокіе.»
Я пойду, млада многокручинная,
Подойду, млада, послушаю:
Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья кра́сота
О моей буйной го́ловы?
Какъ услышали уши чудныя,—
Она расплакалась дѣвья кра́сота.
Я возьму, многокручинная,
Дорогу свою дѣвью кра́соту,
Я снесу, многокручинная,
Во лѣса во темные,
Во темные дремучіе,
За болота дыбучія.
Я повѣшу ей, многокручинная,
На березу на бѣлую
И отойду, млада, послушаю:
Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья красота
О моей да буйной головы?
Не услышали уши чудныя,
Не плачетъ и не кичетъ
Во дали отдаленныя.
И распростилась я, многокручинная,
Со своей дѣвьей кра́сотой.

Во время этого плача сестра невѣсты снимаетъ съ головы ея повязку. А снявши, плачетъ:

1341.

Сестрица моя родимая!
Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою-то на дѣвью кра́соту?
Не убоялась, да не устрашилась
Снеть съ моей да буной го́ловы
Дорогу́ мою дѣвью красоту?

Надобно замѣтить, что при этихъ двухъ плачахъ бываетъ много слезъ, рыданій и всхлапываній руками. Крѣпко прижимаютъ одна другую съ такою чувствительностію, что можно подумать, что они навѣчно разстаются, даже всѣ постороннія дѣвицы, собравшіяся провожать невѣсту, весьма слезно плачутъ.

За этимъ плачетъ одна изъ ближнихъ подружекъ:

1342.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)
Подойди-тко да подступи

Ко мнѣ, многокручинной!
Ты расплети мою трубчату косу —
Потихошеньку да помалехоньку.

Когда та расплететъ, то она ей причитаетъ:

1343.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою да трубчату косу? и т. д.

Затѣмъ:

1344.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)!
Подойди-ко да поступи
Ко мнѣ, многокручинныя!
Да расчеши мою буйну голову
По единому да русу волосу,
По моимъ да могучимъ плечамъ —
Послѣдошне, остатошне
Душой красной дѣвицей.

По расчесаніи головы причитаетъ:

1345.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою буйну голову,
На мои русы волосы?

По окончаніи этого начинаютъ зашивать банникъ[1]). Это есть обязанность матери крестной. Для зашиванія его берутъ одну большую нитку, такъ чтобы хватило зашить весь банникъ, а другой нитки никогда не вдергиваютъ. Если же не хватитъ одной, то остальное скалываютъ булавками. Когда его зашиваютъ невѣста плачетъ:

1346.

Родитель мой, батюшко!
Родимая матушка!
Въ день денная печальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
И крестова моя матушка,
Крестовая воспріемная,
Всѣ родны мои родители!

[1]) Банникъ значитъ хлѣбъ, зашитый въ скатерть, который возятъ въ церковь, когда вѣнчаютъ.

Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь дорожечку,
Съ хлѣбомъ-солью великіимъ,
Съ двумя ложками со красными[2])?
Али въ матушку во славну Москву,
Али въ батюшко Петербургъ-городъ;
Али во славной городъ Архангельской?
Хоша вы мнѣ не скажете,
Я сама да знаю вѣдаю,
Молода да догадаюся —
Ко чужимъ роднымъ родителямъ,
Ко чужимъ, дальнимъ, незнакомымъ.
Ты крестова моя, воспріемна!
Про тебя, моя крестова,
Лежитъ славушка хороша
Во всѣ стороны четыре, —
Внизъ до города до Архангельска,
Вверхъ до самой до Кевролы[3]).
Ты горазна, моя крестова, шить,
Брати краснымъ золотомъ,
Пошивать да чистымъ серебромъ.
Ужъ ты вышей, моя крестовая,
На всѣхъ углахъ четырехъ:
На первомъ углу вышей
Красно солнце съ *моревами*,
На второмъ углу вышей —
Свѣтлый мѣсяцъ со звѣздами,
А на третьемъ углу вышей —
Сине море со волнами,
На четвертомъ углу вышей —
Чисто поле со звѣрями,
А на середкѣ вышей Божью церковь
Со крестами, со чудными образами.
Охъ-те мнѣ-ченько, тошнехонько!
Дѣвья жира[4]) да коротается,
Бабья старость да приближается,
Тягота моей буйной головы,
Торна крѣпка русымъ волосамъ,
И передъ вами, мои бѣлы лебеди,
Всѣ гульбы мои проклады
Дѣвья жизнь да лебединая.

Во время этихъ церемоній пріѣзжаютъ дружки съ пряникомъ, который называется «утренной, бужальной *пѐредатью*»[5]) и спрашиваетъ невѣсту, къ

[2]) Ибо въ банникъ зашиваютъ хлѣбъ-соль и двѣ деревянныхъ ложки.

[3]) Кеврола—большая деревня вверхъ по рѣкѣ Пинегѣ, въ 140 верстахъ отъ города.

[4]) Жира—спокойное, привольное житьё. Слов. Подвысоцкаго.

[5]) *Пѐредать*—первый гласный подарокъ жениха невѣстѣ, наканунѣ свадьбы. *Будильную передать* (пряникъ, цвѣты) женихъ посылаетъ черезъ дружекъ, а *наряжальную* (остальное) привезетъ самъ. Слов Даля.

которой ихъ ведетъ ея мать. Они, отдавъ пряникъ невѣстѣ, говорятъ: «поспѣшайте, женихи ѣдутъ!». Принявши пряникъ, невѣста даритъ дружекъ платками; а дѣвушки прикалываютъ имъ на плечи по одинаковой лентѣ: старшему на правое, а младшему на лѣвое. Тогда дружки уѣзжаютъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ ихъ пріѣзжаетъ женихъ въ сопровожденіи этихъ же двухъ дружекъ, тысяцкаго и близкихъ родственниковъ, но не женщинъ. Они привозятъ съ собою пиво, водку, пряникъ, колачи, зеркало, чулки и башмаки. Это называется «наряжельною пѐредатью», всѣ ея принадлежности долженъ привозить каждый женихъ богатый и бѣдный, разность въ добротѣ вещей. Самые бѣдные берутъ нѣкоторыя изъ этихъ вещей у другихъ, возвращая ихъ послѣ свадьбы. Пріѣхавши къ невѣстѣ, дружки обращаются къ ея матери, которая ведетъ ихъ къ ней. Они отдаютъ пряникъ съ зеркаломъ и прочими вещами, ей слѣдующими, тогда плачутъ:

1347.

Не приходите, да не приносите
Отъ чужого да чуженина.
Я ничѣмъ была не жадна и не щадна,
Всячиной была довольна
У своихъ честныхъ родителей.

А потомъ и приметъ. А женихъ съ прочими идетъ въ другую комнату, гдѣ онъ подноситъ каждому изъ свадебниковъ и свадебницъ невѣсты по стакану пива и рюмкѣ водки, кладя на тотъ же подносъ по нѣскольку колачей и мелкихъ пряниковъ, послѣднее, т. е. колачи и пряники даются не каждому свадебнику, а по семействамъ, а потому и кладется ихъ не поровну, а соображаясь съ числомъ членовъ семейства и по степени родства, для чего приводятъ всѣхъ ихъ къ жениху [1]) и одинъ изъ нихъ беретъ пряники и колачи, выпивши пиво и водку, если пьетъ, а прочимъ только подносится пиво и водку безъ пряниковъ и колачей, которые дастъ имъ тотъ, который взялъ.

Когда раздадутъ всю, такъ называемую «наряжельную передать», сестра невѣсты даритъ жениха платкомъ, а онъ ее деньгами. Потомъ выходитъ подвѣнечная сватья и, кланяясь во всѣ стороны, говоритъ: «Примите въ товарищи!» а они отвѣчаютъ: «Милости просимъ!» Она уходитъ и тотчасъ съ отцомъ и матерью приводятъ невѣсту. Отецъ идетъ напередъ, неся образъ, передъ коимъ горитъ свѣча, потомъ мать, неся хлѣбъ, на коемъ солоница съ солью, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ бываетъ всегда завернуто въ салфетку или полотенцо, а невѣста идетъ со сватьею, прикрываясь платкомъ, пришедши въ комнату, открывается и кланяется вмѣстѣ со сватьею; выходитъ женихъ и становится по правую сторону [2]) невѣсты, подлѣ нея. Тогда ихъ благословляютъ: сперва отецъ образомъ жениха и дочь, а мать хлѣбомъ, не развертывая его изъ полотенца. При этомъ надобно замѣтить, что отецъ и мать даютъ жениху и дочери, благословивъ ихъ, по нѣскольку денегъ, кладя имъ тайно въ руки. Если у невѣсты есть воспріемники, то и они ихъ благословляютъ и также даютъ деньги, замѣчая, что отъ этого будутъ жить богаче. Послѣ благословенія женихъ, взявши невѣсту за руку, идетъ съ нею за столъ, гдѣ онъ становится на правую руку и тотчасъ бросаетъ невѣстѣ на голову платокъ, который называется *гумулькою* [3]), такъ чтобы онъ закрылъ и лицо ея. Тогда женщины поютъ:

1348.

Пала гумулька на буйную главу,
Ее дождичкомъ не смочитъ
И вѣтеркомъ не сдуетъ.

А женихъ, взявши невѣсту за руку, ведетъ ее въ сани или телѣгу, гдѣ она садится со сватьею, а онъ садится въ другіе сани вмѣстѣ съ тысяцкимъ и ѣдутъ въ церковь въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ съ тысяцкимъ, затѣмъ сватья съ невѣстой, закрытой гумулькою. Дѣвицы къ вѣнцу не ѣздятъ.

Вѣнчаются большею частію до полудни, а рѣдко послѣ полудни, а потому часто пріѣзжаютъ въ церковь, особенно въ праздничные дни, во время литургіи и даже еще до ея начала и до самаго таинства брака стоятъ въ трапезѣ и невѣсты не раскрываютъ. При началѣ обряда сватья снимаетъ гумульку.

Невѣста одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее платье, въ штофномъ полушубкѣ и юбкѣ, а у кого есть—и парчевыхъ. На головѣ *чебакъ* [4]) зимою и лѣтомъ, не смотря на то, что это зимняя одежда, но онъ снимается вмѣстѣ съ гумулькою и она стоитъ подъ вѣнцомъ съ распущенною косою.

Послѣ вѣнца женщины, родственницы жениха

---

[1]) Это называется: приводить къ стакану.

[2]) съ этого времени онъ во всѣхъ случаяхъ занимаетъ мѣсто по правую руку, а она по лѣвую.

[3]) По слов. обл. архангельск. нарѣчія Подвысоцкаго: *гомылька*—большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

[4]) *Чебакъ*—крытая парчою и опушенная мѣхомъ женская старушечья шапка съ наушниками. Слов. Подвысоцкаго.

крутятъ невѣсту въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ на голову повойникъ и косынку, при чемъ молодая плачетъ, а женщины шумятъ, говоря: «Христосъ на головку, не плачь». Тутъ мущины не бываютъ, кромѣ одного брата (шафера)—а стоятъ въ той же трапезѣ поодаль. Съ невѣстиной стороны бываетъ три брата (шафера) двое какъ обыкновенные шафера, а третій ѣздитъ къ вѣнцу, съ такъ называемою *коробьею*, въ которой находится подножникъ, повойникъ, косынька, платокъ къ замку [1]) и колачи, называемые «кручальными», которые бросаетъ молодой по дорогѣ, ѣдучи отъ вѣнца—для проходящихъ. Нѣкоторые бросаютъ закуски и даже деньги. Окрутивши, сватья, опять накрываетъ мологую гумулькой и вмѣстѣ съ третьимъ братомъ (шаферомъ) выводятъ къ новобрачному ея мужу, который, взявши жену свою за руку, ведетъ въ сани или телѣгу, куда и садится она со сватьею, а онъ уходитъ къ другому таковому же экипажу и садится вмѣстѣ съ тысяцкимъ и тогда ѣдутъ въ домъ жениха въ такомъ же порядкѣ, какъ ѣхали въ церковь и въ продолженіе всего пути молодая вмѣстѣ со сватьею ***откладываютъ*** низкіе поклоны [2]), хотя бы имъ никто и не встрѣчался. Это, я думаю, потому что молодая непремѣнно должна всякому кланяться, а какъ она подъ закрышкою ничего и никого не видитъ, то и кланяется безпрерывно [3]).

Когда дружки пріѣдутъ въ домъ молодаго, отецъ его съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ на улицѣ и заведши въ покой, гдѣ никого нѣтъ, ибо всѣ выходятъ встрѣчать молодыхъ,—тотчасъ запираютъ двери и благословляютъ, а всѣ свадебники стоятъ на повѣти или въ сѣняхъ. Послѣ благословенія отворяютъ двери и ведутъ молодыхъ за столъ, уже убранный. За ними идутъ всѣ свадебники и садятся по чиноположенію, молодой на правой рукѣ, а молодая на лѣвой. Съ невѣстою пріѣзжаютъ братья и сватья. Молодой, тысяцкой и братья сидятъ, а молодая и сватья стоятъ и кланяются. Между тѣмъ свекровь, взявши два пирога и приложивъ одинъ къ другому такъ, чтобы дно ихъ были порознь и завернувъ въ салфетку или полотенцо и согнувъ головы молодыхъ, обводитъ кругомъ ихъ трижды и отдавъ ихъ молодой, снимаетъ съ ней гумульку. Тогда приносятъ на столъ тетеру, а посторонія женщины, собравшіеся смотрятъ, въ это время поютъ:

[1]) такъ называется платокъ, который даютъ дьячку или пономарю, пріѣзжая къ вѣнцу.

[2]) и въ церковь ѣдутъ съ такими же поклонами.

[3]) Во время вѣнца привозятъ къ молодому приданое и постель.

1349.

Тетера на столъ прилетѣла —
Молода спать захотѣла.

Тетеры какъ и предъидущихъ перемѣнъ не разрѣзываютъ и не ѣдятъ. Потомъ приносятъ кашу, а тѣже зѣваки поютъ:

1350.

Каша пошла въ колупанье,
А молода пошла въ цѣлованье.

Молодой, почерпнувъ на ложку, сколь можно болѣе каши, кладетъ молодой на пироги. Молодая, перекрестившись, беретъ ложку съ кашей и ѣстъ, а сватья прикрываетъ ее платкомъ. Когда молодая съѣстъ почерпнутую ей кашу, тогда отецъ и мать молодаго, тысяцкой и сватья ведутъ молодыхъ на подклѣтъ въ сопровожденіи священника, если онъ есть на свадьбѣ. Съ ними идетъ и братъ, пріѣхавшій съ коробьею. Здѣсь молодая даритъ свекру рубашку и подштанники, свекрови рубашку и повойникъ, а родственницамъ чего либо также на повойникъ, что называется *скройкомъ* [4]) и по колачу, а родственникамъ по платку. Дарятъ только близкихъ родственниковъ, а дальнымъ молодые подносятъ только по рюмкѣ водки и стакану пива Когда подарятъ всѣхъ родственниковъ, которые и уходятъ опять за столъ, молодые остаются, тутъ приносятъ имъ ѣсть, ибо они до того времени ничего не ѣдятъ. Послѣ обѣда сватья укладываетъ ихъ спать; а свадебники закусываютъ. Это называется малый столъ. За нимъ цѣлаго кушанья не начинаютъ, а ѣдятъ уже початыя. Часа черезъ два и менѣе, смотря по времени, сватья съ родственницами молодаго ходятъ будить молодыхъ. Молодые выходятъ, а сватья выноситъ полотенца, зеркало, гребень и мыло. Молодые кланяются въ ноги отцу и матери и близкимъ родственникамъ, а прочимъ только кланяются просто. Молодая обнимаетъ всѣхъ и говорятъ имъ: «Начовали здорово». Это и называется «начовала давать». А сватья все принесенное отдаетъ матери молодаго, которая и развѣшиваетъ по лотенца на гвозди или спички, а зеркало и прочее кладетъ на столъ. Богатые выносятъ до 10-ти полотенцевъ, а бѣдные два или три. Одно полотенцо молодая держитъ въ рукахъ и со сватьею кланяются сперва свекру и свекрови,

[4]) *Скроекъ*—небольшой отрѣзокъ какой-нибудь ткаки. Слов. Подвысоцкаго.

говоря: «Покорно просимъ помыться», а потомъ просятъ и родственниковъ также кланяясь. Свекоръ, свекровь и родственники моются и вытираются полотенцомъ, а нѣкоторые чешутъ волосы и смотрятся въ зеркало, а иные избѣгаютъ этой церемоніи,—не моются, ибо при этомъ не мало бываетъ и шалостей—мараются сажей и т. п.

Послѣ этого молодыя уходятъ одѣваться, ибо черезъ недолгое время пріѣзжаютъ и родственники молодой *на госьбу* и сватья съ блинами. Они всѣ собираются для этого въ домъ родителей молодой, и оттуда всѣ вмѣстѣ ѣдутъ къ молодымъ на госьбу [1]). Пріѣхавши къ молодымъ, ихъ тотчасъ садятъ за столъ, тутъ сидятъ и молодые и всѣ родственники молодаго. Столы также убираются какъ и на рукобитье, только хлѣбовъ не бываетъ. Вмѣсто салфетокъ употребляютъ полотенца. Число перемѣнъ на этой госьбѣ больше нежели въ предъидущіе столы и они въ лучшемъ видѣ. Когда подаютъ на столъ сладкой пирогъ, то молодые выходятъ изъ за стола и подносятъ каждому по рюмкѣ водки и стакану пива. При этомъ прежде клали на подносъ или на тарелку деньги; а нынѣ это уже выходитъ изъ употребленія.

Послѣ этого стола свадебники уѣзжаютъ домой довольно веселы; а другіе даже и весьма. Нѣкоторые родственники молодаго остаются и ночевать.

На другой день свадьбы, утромъ молодая *пашетъ* [2]) полъ, а оставшіеся свадебники на выпаханное мѣсто сыплютъ перье. Тутъ молодой подноситъ имъ по рюмкѣ водки, а молодая приноситъ подносъ колачей и закусокъ и они болѣе уже не мѣшаютъ ей доканчивать своего дѣла. За этимъ свекровь выноситъ ковригу, т. е. *банникъ* и разшиваетъ его при родственникахъ, которые, отобѣдавши, уѣзжаютъ домой.

Въ этотъ день шафера шуточно приготовляютъ баню, истопивъ ее двумя или тремя вѣниками. Въ эту баню они возятъ на боронѣ свекра и свекровь, а младая имъ приготовляетъ по вѣнику, обвертывая комли ихъ платками, которые и идутъ имъ въ подарки, а бѣдные и холстомъ. Разумѣется они въ такой банѣ не моются.

Чрезъ нѣсколько дней у родителей молодой бываетъ подобная госьба. Нѣкоторые дѣлаютъ ее вскорѣ, какъ говорятъ на тѣхъ же *ошуркахъ* [3]), а побогаче черезъ недѣлю или около того, приготовляя все снова.

Зап. учитель Степанъ Пругавинъ въ 1850 г. Изъ архива И. Р. Геогр. Общ.

[1]) Это называется поѣздомъ.

[2]) мететь.

[3]) *Ошурки*—остатки кушаньевъ, лакомствъ и питей, послѣ званнаго пиршества. Слов. Подвысоцкаго.

1351.

Той же губ., Шенкурскаго у.

Когда расплетаютъ косу. [4])

Ты красное мое солнышко,
Ты, родная моя матушка!
Принеси мнѣ дорогую дѣвью красоту!
Мнѣ покрасоваться еще съ дѣвьей красотой,
При милыхъ своихъ подруженькахъ,
На золотомъ принеси на блюдецькѣ;
Я прижму ко серьцю своему ретивому,
Я вздыну выше своей буйной головы.
Моя дѣвья, дорогая красота!
Она роститъ крылья лебединыя,
Улетѣть хоцётъ съ моей буйной головы.
Мнѣ куда съ ей будетъ дѣватися?
Мнѣ какъ съ ей будетъ разстатися?
Она красила меня, дѣвья красота.
Я снесу свою дѣвью красоту,
Улецю я въ цисто поле,
Я на яблонь снесу на кудрявую,
И на бѣлую на березыньку;
Я отойду, млада, послушаю:
Не кукуётъ ли въ полѣ сѣра кукушица
О своемъ о тепломъ гнѣздушкѣ?
И не плацётъ ли моя дѣвья красота?
Плацётъ, плацётъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ.
Дай она въ угонь за мной все гонится.
Вороцюсь я, бѣдна дѣвица,
Я возьму на руцьки опять на бѣлыя,
Ко серьцу прижму да ко ретивому,
Я вздыну буйную голову:
Красота ты моя великая!
Мнѣ куда съ тобой дѣватися?
Мнѣ какъ же съ тобой разстатися?
Я снесу тебя на Вагу рѣку,
На тихія я снесу ны волны,
Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ,
Што еще пущай же дѣвья красота,
Пущай съ има красуется,
Съ бѣлыми съ лебедушками.
Отойду я, лягу, послушаю:
Не кицётъ ли лебедь бѣлая,
Не плацётъ ли дѣвья красота,
О моей буйной головѣ?
Кицётъ, кицётъ, лебедь бѣлая,
Плацётъ, плацётъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ;
Она въ угонь за мной гонится.
Вороцюсь я, бѣдна дѣвица,

[4]) Приводимъ здѣсь эту причеть какъ болѣе интересный и полнѣйшій варіантъ къ напечатанному выше № 1340. Ш.

Возьму я на руцьки свои на бѣлыя,
Прижму ко серьцу своему ретивому:
Охти мнѣ, младой, тошпехонько!
Призывать стану сестру свою родимую:
«Ты, сестрица моя одноутробпая!
Ты подойди ко мнѣ, голубушка!
Есть у меня дума съ тобой подумати,
У меня съ тобой тайное мое молвити:
Я тебѣ сдавать стану волю бо́льшину,
Дорогую дѣвью кра̀соту.
Ты красуйся, сестра родимая,
Въ дорогой спаряжайся кра̀сотѣ!
Тебя знать станутъ люди добрые,
Поцитать станутъ цестны родители,
Похвальба про тебя пойдетъ хорошая.
Ты береги своей дѣвьей красоты,
Отъ вѣтру береги, отъ буйнова,
Отъ цястыхъ мелкихъ дожжицьковъ!
Ты красуйся, сестрица моя родимая!
Есть у батюшки за пецьнымъ столбомъ,
Злодѣйка сидитъ, бабья красота.
Што житье бабье позорливое,
Оно позорливо житье бабье, попецальное,
Попецально житье бабье, вѣковѣцное,
Оно на вѣкъ на меня навяжется,
Все я буду подъ грозой жити, подъ великою,
Во пецяли житье пойдетъ, не въ радости.
Што злодѣйка, бабья кра̀сота,
Она сидитъ у матушки за пецьнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топорщится,
Ростітъ крылья ястребиныя,
Роститъ когти совиныя,
Налетѣть хоцётъ, напорхнути,
На мою на буйну голову:
Она вцѣпить хоцётъ когти вострые
Въ мои русы волосы.
Да и охъ! порудить хоцётъ дѣвью красоту.
Охти мнѣ, младой тошнехонько!
Она на вѣкъ на меня навяжется, —
Мнѣ куда теперь дѣватися?

Сообщ. А. А. Котляревскимъ.

II. Вологодской губерніи.

1352.

Свадебныя причитанія и пѣсни.

(На дѣвишникѣ, собравшимся съ жениховой стороны невѣста причитаетъ).

Дорогі̇̀ гости, гости милые,
Поѣзжана вы хорошіе!
Ужъ ты дружка съ полу̀дружьемъ,
Ты душа добрый молодецъ!
Погляжу я, молодешенька,
Во середнее окошечко.
Какъ у нашей свѣтлой свѣ̀тлицы,
Какъ у дому благодатнаго,
Не купцы-купцы наѣхали,
Не палатки поизставили, —
Поѣзжане наѣхали
Со добрымъ да добрымъ молодцемъ
Что ко мнѣ молодешенькѣ.
Благослови меня, Господи,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодешенькѣ,
Во мѣстечко во упальное
Со своимъ со подруженькамъ—
Причитать мнѣ, молодешенькѣ,
Что послѣднее то времечко,
Мнѣ послѣднюю-то ноченьку
Со своимъ со подруженькамъ.

1353.

(Невѣста къ подружкамъ).

Вы послушайте, подруженьки,
Я объ чемъ вамъ буду го̀ворить.
Какъ придетъ добрый молодецъ
Со своимъ цвѣтнымъ платьецомъ,
Какъ надѣнетъ добрый молодецъ
На меня, молодёшеньку,
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобитъ ретиво́ сердце
Своимъ цвѣтнымъ платьецомъ,
Со чужой дальней сто́роны
Со злодѣйки незнакомыя;
Что гораздо мои голубушки,
Ужъ вы милыя подруженьки,
Что у васъ сердца каменны:
Промѣняли, мои матушки,
На чужого на молодца
Вы меня, молодешеньку.
Какъ надѣлъ добрый молодецъ
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобило ретиво сердце
У меня молодешеньки.

1354.

(Невѣста къ жениху).

Благодарствуй, добрый молодецъ,
На твоемъ цвѣтномъ платьецѣ.

Ты прими, добрый молодецъ,
Мои дары непасёные.
Я жила, молодёшенька,
У кормильца-то у батюшка,
У родимой-то у матушки,
Я жила, не наслась въ люди,
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу-матери.
Благодарствуй, добрый молодецъ,
На яствахъ на сахарныхъ,
Одномёдныхъ-то на пряничкахъ,
Что на яблочкахъ садовыхъ,
На орѣхахъ на калёныхъ.
Что не честь, добрый молодецъ,
Что не честь честоватися,
Принародно цѣловатися.
Обезчестилъ, добрый молодецъ,
Ты мою дѣвью красоту,
Ты мою красовитую.
Не спасибо тебѣ, сватушка,
Не спасибо тебѣ, друженька,
Тебѣ сватъ перелестничекъ!
Ужъ какъ дай бы тебѣ, Господи,
Тебѣ щами подавитися
И лапшой захлебатися:
Ты просваталъ молодёшеньку
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу матери,
Что сдался кормилецъ батюшка
На твои да слова ласковы.
Поглядите, люди добрые!
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Ужъ вы милыя подруженьки!
Не ровня со мной ровняется,
Не верста со мной верстается.
Молодымъ я молодёшенька
И глупымъ-то я глупёшенька,
Зеленымъ я зеленёшенька.
Ужъ я какъ да ни подумаю,
Ужъ я какъ да ни погадаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ:
Какъ наѣхали чужи люди
Со чужой да дальней стороны,
Какъ у дружка да полу-дружья,
У нихъ возжи-то наёмныя
И дуги у нихъ еловыя,
А поддёвки-то рогозяны.
Какъ поѣхали чужи люди
На свою на дальню сторону,
Ужъ какъ дай бы вамъ-то, Господи,
Во степяхъ-то насидѣтися
И въ водѣ-то захлебатися.
Не доѣхать тебѣ, друженька,
До своей-то свѣтлой свѣтлицы,
До прекрасной новой горницы.

Ужъ какъ дай бы, дай бы Господи,
Что душѣ-то добру молодцу
Во степяхъ не насидѣтися,
Во рѣкахъ не захлебатися,
Что доѣхать бы до свѣтлицы,
Доѣхать съ благополучіемъ,
Какъ бы лечь со Божьей милостью
Ночевать послѣдню ноченьку.
Мнѣ теперь, да молодёшенькѣ,
Мнѣ вставать съ этого мѣстечка,
Мнѣ вставать со печальнова.
Ужъ мнѣ лечь, молодёшенькѣ,
На кроватушку тесовую,
На перинушку пуховую.
Мнѣ послѣднюю-то ноченьку
Ночевать во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ.

1355.

Ты садися, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Ты со Божьей со милостью.
Не засѣживай, добрый молодецъ,
Моего платья цвѣтнаго,
Моего подвѣнечнаго,
Моего вѣковѣчнаго.
Чтобы жить мнѣ, молодёшенькѣ,
На чужой на дальней сторонѣ,
Чтобы жить мнѣ, не каяться,
Въ чужихъ людяхъ не маяться, —
Безъ кормильца безъ батюшка,
Безъ родимой своей матушки.
Ты послушай, сударь батюшка,
И родная моя матушка,
Я объ чемъ буду вамъ говорить,
По-низку вамъ низко кланяться,
Отъ бѣлова лица до земли,
Ниже шелковаго поясу.
Ты на что-же распрогнѣвался
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку?
Не слуга-ли была вѣрная,
Не посылка тебѣ скорая?
Что пропилъ, кормилецъ батюшка,
Ты меня, молодёшеньку,
На чару зелена вина,
На стаканъ пива пьянаго.
Ты польстился, сударь батюшка,
На деньги, золоту казну!
Ты послушай-ко, голубушка,
Ты любезна мила сестрица,
Я объ чемъ те буду говорить,
По-низку тебѣ кланяться.

Не прогнѣвайся, голубушка,
Ты любезна мила сестрица,
Что ужъ я тебя не встрѣтила
Середи-то поля чистого,
Середь улицы проѣзжія,
Середь мостика калинова,
Середь лѣстницы брущатой,
На скобу руки не наложила,
На пяту дверь не отворила,
Въ честно мѣсто не посадила,
Въ честно мѣсто подъ окошечко,
Подъ окошко подъ косящатое,
Осередь да свѣтлы свѣтлицы.
Погляди-ка ты, голубушка,
Ты голубушка, мила сестра,
На меня, молодёшеньку:
У меня, молодёшеньки,
Топерь много больно горюшка,
Ровно три поля насѣяны
И кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Ужъ ты ѣхала, моя голубушка,
Ты голубушка, мила́ сестра,
Ужъ ты ѣхала полямъ чистымъ,
И лугамъ-то ты зеленымъ,
Не попала те (в)стрѣча первая,
Стрѣча первая, хорошая —
Что моя да дѣвья красота,
Что моя да красовитая?
Прививалась дѣвья красота
Ко сухому да ко дереву.
Какъ сухое-то дерево
Не бываетъ двою зелено,
Прививалась дѣвья красота
Ко зеленой ко травиночкѣ.

1356.

Не отъ свѣчки, не отъ ска́рпнки.
Широкъ дворъ-отъ загорается,
Не отъ Божьей-то милости,
Дѣвій вѣкъ коротается.
Божій судъ совѣтается,
Надо мной совершается.
И не гуси, не лебеди
Своимъ крыльемъ захлопали,
Не стѣна бѣлокаменна
По-за-мнѣ раскатилася.
Раскатилось горе-кручинушка
Въ мою свѣтлую свѣтлицу,
Во столову нову горницу.

1357.

Что не ключики брякнули,
Не замочики щелкнули, —
По рукамъ-то ударили.
Запоручилъ сударь-батюшка,
Да кормилица матушка
За поруки-то за крѣпкія,
За замки вѣковѣчные.
Посадилъ сударь батюшка
Меня въ куть подъ окошечко,
Во упальное мѣстечко,
Подъ тонкое полотенечко,
За убра́ну занавѣсочку.

1358.

Вы глядите ясны очи
По всей свѣтлой свѣтлицѣ
По столовой по горницѣ!
Во слезахъ да умытися.
Посмотрите ясны очи
На родимую матушку,
Ты послушай, кормилица,
Ты кормилица матушка,
Я о чемъ буду прошати,
Я о чемъ буду кланяться,
Не со спесью, не со гордостью
Не съ весельемъ, не со радостью.
Я прошу тебя, матушка,
Со своимъ горючимъ слезамъ.
Ты гостей-то пріѣзжіихъ
Ты поклономъ укланивай,
Ты словами уговаривай:
«Не прогнѣвайтесь, чужи люди
У насъ на честныхъ дарахъ.
У насъ невѣста-то не взрослая
И дары не пасёные.
Они не тонко напрядены,
Не бѣло они убѣлены.»

1359.

Я подумала, молода,
Я подумала, зелена,
Что къ моей свѣтлой свѣтлицѣ
Не было пути-дороженьки,
Ни лѣтнія тропиночки.
Не ходили, не ѣздили,
Ни конные, ни пѣшіе.
Что вокругъ свѣтлой свѣтлицы
Все лѣса были дремучіе
Да болота топучіе.
Что въ сегодняшній день
Отчего это случилось,
Что пролёгла дороженька
И пришли къ намъ, пріѣхали
Чужи люди незнамые
По меня молодёшеньку?

1360.

Не велѣлъ сударь батюшка
Далеко мнѣ расхаживать,
Широко мнѣ разглядывать.
Мнѣ отвелъ только батюшка
Онъ единую поло́вочку —
Отъ печи только до̀-кути.
Ужъ мнѣ не далъ сударь батюшка
Со годами посверстатися,
Мнѣ съ умомъ посверстатися,
Мнѣ съ умомъ пособратися,
До люби-то нагулятися
Во своей дѣвьей кра̀сотѣ.

1361.

Мнѣ почесь, молодёшенькѣ,
Мнѣ почесь мало спа̀лося,
Мнѣ во снѣ много видѣлось.
Мнѣ привидѣлось молоденькѣ,
Все горы-то кру̀тые,
Все рѣчки-то бы̀стрые,
Все лѣса-то тёмные,
Все звѣри-то лю́тые.
Что горы-то кру̀тые —
Мое горе-кручинушка,
Что рѣки-то быстрыя —
Мои горючй слёзы;
Что лѣса-то тёмные —
Чужа̀ дальня сто̀рона,
Что звѣри-то лютые —
Чужи люди незна̀мые.

1362.

Залетала же пташечка
Ко соловьюшку въ клѣточку,
За серебряну рѣшеточку.
Залетавши, стосковалася:
«Охъ, тошнёшенько, тошнёшенько
У соло̀вья сидѣть въ клѣточкѣ,
За серебряной рѣшеточкой,
Безъ травы да безъ шелковой,
Безъ воды безъ ключо̀вые,
Безъ шпона сорочинскаго!»
— Заходила-то дѣвушка
Ко молодчику въ горницу,
Заходивши, стосковалася,
Стосковавшися, заплакала:
«Охъ темнёшенько!
Жить тошнёшенько!
У молодчика жить во горницѣ,
Безъ родимаго батюшки,
Безъ родимыя матушки!

1363.

У моихъ то подруженекъ —
У нихъ буйныя головы,
У нихъ гладко причесаны,
Что у нихъ-то на русы̀хъ косахъ,
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисеринночкѣ.
Что на ихъ-то дѣвьи кра̀соты,
На нихъ крѣпко привязаны.
У меня-то, у мо̀лоды,
Что моя дѣвья кра̀сота
Не крѣпко привязана, —
Что по верхъ-то буйной головы.

1364.

Ты не дру̀жка привѣтливый,
Ты не дружка очесливый,
Ты не правь поклонъ
Со чужой дальней стороны,
Отъ чужаго отца-матери,
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ красы молодецкія.
Ужъ какъ этотъ то поклонъ
Познобилъ лицо бѣлое
Безъ морозу студенаго;
Подкосило ножки рѣзвыя,
Опустились бѣлы рученьки,
Покатилась буйна го̀лова.

1365.

Ужъ я что же засидѣлася,
На кого я заглядѣлася?
Чужихъ басень послушалась,
Во весельи во радости, —
Не въ горѣ, не въ кручинушкѣ,
Не въ тоскѣ непомѣрной.
У меня-то, у молоды,
Много горя кручинушки
Все тоски да великія.
Три поля горя насѣяно,
Три города накачено.
У меня-то на русо̀й косѣ
Что на всякой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1366.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ вставать приподнятися
На свои ноги рѣзвыя,
На чулочки бумажные,
На башмачки сафьянные,
Мнѣ итти, молодёшенькѣ,
Вдоль свѣтлыя свѣтлицы
Ко чужому чужѐвину,
Чужу сыну отцовскому
По его по гостинчики.
Не стоятъ ноги рѣзвыя,
Не глядятъ очи ясныя,
Не берутъ руки бѣлыя
Отъ чужо̀ва чужевина
Его сладкихъ гостинчиковъ.

(Всѣ 15 причетовъ Грязов. у.).

1367.

(Послѣ запорученія, невѣста причитаетъ):

Благослови, Христосъ истинный,
Душу красную дѣвицу
На сегодняшній бѣлый день!
Мнѣ-ка сѣсть, молодешенькѣ,
На печальное мѣстечко!
Не съ весельемъ, не съ радостью,
Со горемъ, со кручиною,
Со *печальемъ* великiимъ,
На сегодняшній бѣлый день
Нападала роса мѐдвяна;
Не роса въ лѣсы нападала,
Нападало горе кручинушка
На меня молодёшеньку.
Горе. мука ознобила,
Ознобила ретиво сердце
Безъ морозу студёнова.
Ознобилъ сударь батюшка
Мое сердце ретѝвое.
Далъ правую рученьку
Онъ чужимъ добрымъ людямъ,
Отнялъ волю великую
У души красной дѣвицы.
Мнѣ сказалъ сударь батюшка:
«Не ходи, дочи, на улицу,
На мосты на калиновы.»
Посадилъ сударь батюшка
Меня въ куть за занавѣсу.
Я взведу очи ясныя
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой по горницѣ.
Гдѣ стоитъ моя матушка?
У печки-ль у ясныя,
У шесточка кирпичнаго,
Поджавъ бѣлы рученьки,
Повѣся буйну голову,
Потупя очи ясныя?
Она стоитъ, убивается,
Слезами умывается.
«Отойди, моя матушка,
Отъ печки отъ ясныя,
Отъ шесточка кирпичнаго
Ко мнѣ въ куть да занавѣсу,
Сядь подъ правую рученьку,
Разложимъ горе-кручинушку!
Ты возьми, моя матушка,
На бѣлы свои рученьки,
Прижми къ сердцу ретивому,
Приложи ко бѣлу лицу.
Я пытала тебѣ кланяться:
«Продержи годокъ поры времечка,
Хоть одно лѣто теплое,
Хоть еще весну красную!
Я не хуже тебѣ, матушка,
Козачихи вселѣтницы,
Козака полулѣтника;
Скорая была посылочка,
Надѣюшка крѣпкая.
Было словушко тайное,
Тайное. безвыпо̀сное.
Да хошь на́йметъ сударь батюшка
Казака полулѣтника,
Козачиху вселѣтницу, —
Не скорая посылочка,
Не надѣюшка крѣпкая,
Пошлёте, не до̀ждетесь,
Хоть *отдаси*, моя матушка,
Во чужіе во добры люди
Отъ ся прочь да неподалеку.»
Прибрала ты мнѣ-ка, матушка,
Изъ мѣстъ мѣсто хорошее,
За дѣтину не одино̀кова,
Мѣстечко не окупленное,
Нонче годы потрусливые,
Люди все яросли̇вые;
Господа немило̀сливые.
Да мутятъ люди добрые
На чужова чуженина,
Ознобятъ ретиво сердце
У меня, красны дѣвицы
Безъ морозу студёнова,
Безъ вѣтру, безъ вихорю,
Безъ часто̀ва безъ дождичка.
Не осуди, моя матушка,
Что не жалко управи́тала,
Не слезно уплакала, —
Надо мнѣ пріуплакати,

Жалобно упричитати
Государя то батюшка:
«Подойди въ куть запавѣсу,
Утоли горе-кручинушку,
Уйми слёзы горючія.
Я спрошу тебя, батюшка:
Ты куды наряжаешься?
Не ко церкви ли божественной?
Не на торги ли на ярмонки?
Вы поймите меня съ собою,
Ты сряжайся-ко, батюшка,
Со всѣмъ родомъ и съ племенемъ
Пропивать да просватывать
Душу красную дѣвицу.
Не покинь, сударь батюшка,
На чужой-то на сторонѣ
Вѣковова укорища
Вѣковова упрекьица.

1368.

(Причетъ невѣсты передъ самымъ пріѣздомъ поѣзжанъ).

Что не гуси, не лебеди
Въ чистомъ полѣ укрываются,
Не вода-матка вешняя
Кругомъ двери облиліяла,
Что не вѣтромъ, не вихоремъ
Ворота растворилися,
Не льдомъ да не *шорохомъ*[1])
Подворотечку вышибло, —
То мои свѣтъ бѣлы лебеди,
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвицы.
Вы послушайте, голубушки,
Кто у окошка колотится?
Не торгованы ли наѣхали,
Не съ бѣлиламъ ли, со мазильчикамъ,
Не съ хрустальнымъ ли черпильницамъ?
Вы послушайте, голубушки,
Видно,—дружка княжая
У окошка колотится,
Со молитвамъ Іисусовымъ,
Со поклонами низкими.
Государь сударь батюшка,
Всхожай красное солнышко!
Ты приставь, сударь батюшка,
Къ воротамъ приворотничковъ,
Ко крыльцу-то крылешничковъ,
Ко дверямъ-то придверничковъ,
Чтобъ не пришелъ дружка княжая.
Что не плотны у батюшка
У воротъ приворотнички,
У крыльца все калымщички,
У дверей все табашнички.
Приведи, сударь батюшка,
Человѣка ученаго;
Отъ кого правитъ друженька
Челобитье великое?
Токо правитъ дружка княжая
Отъ родни отъ родимыя,
Отъ милеия жалостливаго.
Ты возьми правой рученькой
Просмотри челобитьецо.
Видно правитъ дружка княжая
Отъ чужого чуженина?
Ты возьми лѣвой рученькой
Зашиби челобитьецо
О кирпичную середу[2]).
Ты возьми дружка за̀ воротъ,
Поведи его за́ двери,
Укажи путь дороженьку.
Вы мои свѣтъ бѣлы лебеди,
Души красныя дѣвицы!
Не убойтесь, голубушки,
Этого дружки княжаго.
Какъ подойдетъ дружка княжая
Со всѣмъ княжимъ со поѣздомъ
Дорожите (?), голубушки
Свѣтлое подоконьецо,
У насъ столъ-отъ во сто рублей
Скатерки въ пятьдесятъ рублей,
Хлѣба-соли на тысячу,
Питья, яс(т)вы и счету нѣтъ.
Охти мнѣ да тошнёшенько,
Что пришла дружка княжая
Со княжимъ со всѣмъ поѣздомъ;
Привезла дружка княжая
Намъ ушатъ пива пьянаго,
Намъ ведро зелена̀ вина,
Намъ купатцо (?) меду сладкаго,
Коробокъ сладкихъ пряничковъ,
Сто рублей золоты́ казны.
Да умѣетъ ли чужой чуженинъ
Ко столу приступатися,
Да по-низку покланя̀тися?
Удалой добрый молодецъ
Не добро́ идётъ, не хоробро
За столы за дубовые.
Не побей дубова стола, —
У насъ столъ отъ во сто рублей
Скатерка въ пятьдесятъ рублей.
Ты, удалый добрый молодецъ,

[1]) Шорохъ—мелкій, осенній ледъ, идущій по рѣкѣ, сало. Слов. Даля.

[2]) Печь.

Правда-ль хвасталъ, нахвастывалъ:
Приберу я себѣ княжой поѣздъ, —
Ужъ я молодца къ молодцу,
Молодцы всѣ во единый ликъ.
Армяки одноцвѣтные,
Кушаки однотравчатые,
Шапочки все бобровые,
Рукавицы замшоныя,
Кони все одношерстные,
Сани-то сини-дубовыя,
На саняхъ почети (?) зеленыя,
Всѣ уздицы тасмяныя;
У нихъ возжи всѣ моржовыя,
Въ ручкахъ платки шелковые.
А какъ тысяцкой-отъ сидитъ
Ровно красное солнышко.
А какъ большой-отъ бояринъ —
Ровно свѣтелъ мѣсяцъ во́ небѣ,
А какъ меньшiе то бояра
Умные да разумные,
Конюха да повозники —
Будто частыя звѣзды во небѣ.
А какъ свахонька княжая
Будто гостинная гостейка
Изъ Сибири наѣхала.
Ужъ какъ чужой-отъ чуженинъ,
Удалой добрый молодецъ,
Будто темная ноченька,
Темна ночка, ночь осенняя,
Да повѣся буйну голову,
Да потупя очи ясныя.
Ты скажи, добрый молодецъ:
Развѣ я красна дѣвица
Не по уму не по разуму
Тебѣ не на вѣкъ досталася?

1369.

(Передъ поѣздомъ къ вѣнцу).

Какъ моя-то Богородица
Изъ кiоточки вынята.
Поставлена Богородица
На стѣну бѣлокаменну,
Что прилѣплена къ Богородицѣ
Свѣча бѣла воску ярова.
Я молитву ли со́творю
Съ поклоненiемъ Iисусову;
Перекрещу лицо бѣлое.
Я земной поклонъ положу
За гору за высокую,
За мать церкву божественну,
За Николу милостлива,
За поповъ да за дьяконовъ,
За миленькихъ по́дъечковъ,
Да еще поклонъ по́ложу
За царей милостивыхъ,
Да еще поклонъ по́ложу
За государя за батюшка,
За родимую матушку;
Да еще поклонъ по́ложу
За голубчиковъ милы̀хъ братцевъ,
За сестрицъ бѣлыхъ лѐбедей;
Да еще поклонъ по́ложу
За хрёстную матушку,
Да за всю родню родимую;
Да еще поклонъ по́ложу
За себя, молодёшеньку.
Во сегодняшнiй бѣлый день
Поѣду къ церкви божественной,
Ко Николу милостливу,
Подъ вѣнцы подъ злащёные.
Да отъ церкви божественной
На чужую на сторону.
Сохрани, Христосъ истинный,
Отъ врага супостателя,
Отъ злыхъ, отъ лихихъ людей,
Кто на меня лихо думаетъ,
Не попусти, Христосъ истинный.
Слава Христу, слава небесному!

1370.

(Иногда этотъ причетъ поютъ какъ семейную пѣсню женщины несчастныя въ замужествѣ).

Сватъ-отъ сватался, да порасхвастался:
Что изба-то у насъ пятистѣнная,
Что дворъ-то у насъ на семи верстахъ,
Что скотинушки у насъ полонъ дворъ,
Середи-то двора шатеръ стоитъ.
Три поля у насъ хлѣба насѣяно,
Частымъ дождичкомъ поливано,
Все весельемъ огорожено.
Обма̀нули меня бѣдную:
Что изба-то — безугольная,
Что дворь-отъ на семи шагахъ,
Что скотинушки—одна коза,
Середи двора пестерь [1]) стоитъ;
Три поля горя насѣяно,
Горючимъ слезамъ поливано,
Все кручиной огорожено.
Я пойду съ горя въ темны̀ лѣса, —
Я хожу въ лѣсахъ, аукаюсь.
Никто въ лѣсѣ не отъукнется,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни соколы братцы милые,

[1]) Пестерь—плетенный изъ береста коробъ для собиранiя ягодъ, грибовъ и т. п. Слов. Подвысоцкiя.

Ни голубушки бѣлы сестры.
Чуть надноситъ голосъ матушки:
«Ты родимое мое дитятко,
Не въ лѣсу ли заблудилося,
Не въ травѣ ли заплеталося,
Не въ росѣ ли замочилося?»
— «Ты родимая моя матушка!
Заблудилась я въ чужихъ людяхъ,
Заплелась я въ горѣ-кручинушкѣ,
Обмочилась въ горючи́хъ слезахъ.»
«Ты родимое мое дитятко!
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.»
— «Ты родимая моя матушка!
Понося-то платье, сложится,
Потерпя горе да скажется.»

1371.

Ужъ я шла чистымъ полемъ,
Шла широкимъ раздольемъ,
Шла улицей широкой.
Мнѣ почулось, послышалось,
Во лѣсу-то въ темномъ
Скоковала кокушечка.
Я сама догадалася,
Я, млада, домекнулася.
Сидитъ красная дѣвица
Во высокомъ во теремѣ
У родимаго батюшка,
У родимыя матушки,
У соколовъ милыхъ братьевъ,
У голубушекъ милыхъ сестеръ.
Не прогнѣвайся, голубушка,
Что тебя я не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
На ступча̀той на лѣсенкѣ,
На калиновомъ мостикѣ,
У дверей я не сто̀яла,
Я дверей-то не отво̀рила,
За бѣлы̀ руки не прѝняла,
Въ честно мѣсто не поса̀дила,
Дубовы̀мъ столомъ не задвинула,
Бранызъ скатертей не раскинула,
Яствы сахарны не наставила,
Я челомъ не ударила,
Ниже шолкова пояса,
Золотыя перевязочки.
На меня да не спесь взошла,
Да не гордость великая,
Не богатство меня и̂зняло, —
Меня и̂зняло, молоду,
Меня горюшко великое,
Подступить-ка мнѣ, молодѣ,
Въ куть подъ окошечко,
За браную занавѣсочку,
Подъ тонкое полотенечко,
Не велѣлъ-то мнѣ батюшка
Далеко ходить расхаживать,
Не велѣла мнѣ матушка
Широко глядѣть разглядывать.
Что мнѣ далъ родной батюшка?
Далъ единое мѣстечко —
Отъ кути да до̀ печи,
Что дала мнѣ родна матушка —
До воды до ключовыя,
До полотенечка бранаго.
Ужъ вы сядьте-ка, голубушки,
Подъ мою руку правую,
Поучите-ка, голубушки,
Ко уму меня къ разуму
И ко вѣдву [1]) хорошему.
Ужъ какъ я, молодёшенька,
Ужъ какъ я, зеленёшенька,
Несозрѣлая ягодка,
Не наливчатой яблочекъ,
Я въ чужихъ людяхъ не бы́вала,
Я чужихъ людей не ви́дала.
Какъ мнѣ будетъ, молодёшенькѣ,
На чужой дальней сто̀ронѣ,
Ужъ мнѣ какъ привыкать будетъ
У чужого отца-матери,
У чужого-то чуженина,
Чужа сына-то отецкаго,
Грозы-то молодецкія,
У чужого роду племени?

1372.

Ты сударь кормилецъ батюшка,
Ты родимая матушка!
Я о чемъ вамъ побью челомъ,
По-низку да буду кланяться:
«Не оставь, сударь батюшка
И родимая матушка
Моея просьбы великія,
Моего докучаньеца,
Слёзнаго причитаньеца.
Во первой-отъ разокъ и въ послѣдній
Ты свези, сударь батюшка,
Ко Николѣ-то святителю
Мою дѣвью-то кра̀соту,
Положи дѣвью кра̀соту
На престолъ Богоматери.
Какъ придутъ люди добрые,

[1]) наука, знаніе.

Опи станутъ дивоваться:
Это чья дѣвья краса?
Она честно-то ношена,
Она къ мѣсту положена,
За престолъ Богоматери.

1373.

(При отправленіи отца въ церковь для молебствія и по возвращеніи).

Спасибо тебѣ, батюшка
И родимая матушка,
Что послушалъ, сударь батюшка
Ты меня, молодёшеньку.
Ужъ я думала, мо̀лода,
Ужъ я думала, зѐлена,
Что помилуетъ Господи
Отъ чужія дальни стороны,
Отъ злодѣйки проклятыя,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ чужого чуженина
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ грозы-то молодецкія,
Отъ чужого рода-племени.

1374.

(Къ брату передъ поѣздомъ въ церковь).

Ты кормилецъ, со̀колъ, милый братъ!
Я объ чемъ да побью челомъ,
По-низку да буду кланяться
Ниже шолкова пояса,
Золотыя перевязочки.
Не оставь ты, соколъ, милый братъ,
Слезяно̀ва причитаньеца!
Не пускай ты, соколъ милый братъ,
Что чужого-то чуженина,
Чужа сына отецкаго,
Ты грозу-то молодецкую.
Не сдавайся, соколъ, милый братъ,
На пивные стаканчики,
На винныя рюмочки,
На слова то ласковыя,
На поклоны-то низкіе,
На злато, на сѐребро.

1375.

(Къ жениху, потомъ къ свахѣ и къ родителямъ).

Ты садись ка, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Со божьей-то милостью —
По мою-то руку правую,
Какъ зима со морозами;
По мою-то руку лѣвую
Морозы трескучіе.
Ужъ ты, сваха пріѣзжая,
Ты скоро опознаешься,
Зз русу косу хватаешься.
У меня-то во русой косѣ
Три ножа-то булатные,
Три сабельки вострыя.
Ты обрѣжешь, сваха пріѣзжая,
Свою руку-то бѣлую.
Ты попустишь кровь урѣзную
По моему платью цвѣтному,
Цвѣтному, подвѣнечному.
Супротивъ меня, мо̀лоды,
Стоятъ лѣса-то темные,
Лѣса-то дремучіе.
Не съ ума я слово молвила,
Не съ великаго разума,
У меня-то, у мо̀лоды,
Во устахъ рѣчь мѣшается,
Супротивъ меня, молоды,
Сидятъ гости пріѣзжіе.
Ужъ ты потчевай, батюшка,
Всѣхъ гостей-то пріѣзжіихъ,
Одного гостя всѣхъ больше.
Ты дари-ка, родна матушка,
Ты дари гостей, ударивай,
Одного гостя всѣхъ больше,
Чтобы не было мнѣ, молодѣ,
Укору-то великаго
Отъ чужого чуженина,
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ чужого роду-племени,
Отъ грозы то молодецкія
На чужой на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ проклятой.
Ты прости, сударь-батюшка,
Ты родимая матушка,
Соколы-то, вы милы̀ братья̀,
Голубушки, милы сестры,
И дядюшки и тетушки,
И подружки голубушки,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Вы сосѣдски малы дѣтушки,
Ты родимая сторонушка!
Подымись ты, туча грозная,
На своемъ-то широко̀мъ дворѣ

У родимого-то батюшки,
У родимой-то матушки;
Ты убей-ка, туча грозная,
Меня, молодёшеньку,
Меня, зеленёшеньку,
На родимой сторонушкѣ.

1376.

(Причетъ невѣсты-сироты передъ отъѣздомъ къ вѣнцу).

Благослови меня Господи!
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодешенькѣ,
Мнѣ садиться, зеленёшенькѣ,
Подъ середнее окошечко
Со своимъ со подруженькамъ,
Мнѣ съ нимъ думушку подумати,
Мнѣ съ нимъ думушку-то крѣпкую.
Я сижу, молодёшенька,
Я сижу, зеленёшенька,
Сирота горе-великая;
Я сижу да призадумалась,
Я чужихъ басенъ заслушалась.
Не со мной да люди го̀ворятъ,
Не моихъ басенъ слушаютъ.
Хорошо тому басни слушати,
У кого горя нѣтутка.
У меня, молодёшеньки,
У меня, зеленёшеньки
Много горя-кручинушки,
Что кручинушки тяжелыя.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы, подружки задушевныя,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Про меня, молодёшеньку,
Сироту горе-великую!
Ужъ какъ я ни подумаю,
Ужъ какъ я ни пога̀даю
Что своимъ глупымъ разумомъ,
Что своимъ неразсудливымъ, —
Не пора бы мнѣ, не времечко
Что сидѣть въ этомъ мѣ̀стечкѣ,
Не съ ума я слово молвила,
Не съ ума да не со разуму,—
Со великія со глупости.
Я польстилась, молодёшенька,
На слова-то на ласковы,
На слова до̀бра мо̀лодца,
На его золоту̀ казну,
Какъ польстилася кормилица,
Моя родная матушка,
На его золоту̀ казну,
Золоту казну до̀бра мо̀лодца.
Продала моя кормилица
Что меня, молодёшеньку,
Сироту-горе великую,
На чужу дальню сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду племени,
На чужой на дальней сто̀ронѣ —
Тамъ березы-то кужлявыя,
Тамъ и люди-то лукавые,
Тамъ луга-то кочковатые,
Тамъ и люди ломоватые.
Не привыкнуть мнѣ, мо̀лодѣ,
Не привыкнуть бѣдной-горькой
У чужого отца-матери
Со своей родимой сто̀роны,
Съ моего-то житья дѣвичья!
Я жила, молодёшенька,
Сирота горе-великая,
У своей то я у матушки,
Я ложилась, молодёшенька,
Что раны̀мъ-то ранёшенько,
Я вставала, молодёшенька,
Что поздны̀мъ-то позднёшенько,
Умывалась, молодёшенька,
Я мылами все янтарными,
Утиралась, молодешенька,
Полотенечкомъ митка̀левымъ,
Я садилась, молодёшенька
За столы-то за дубовые
И за скатерти за браныя
И за яства за саха̀рныя.
На чужой-то дальней сто̀ронѣ
Наглядѣться молодёшенькѣ
Напроситься бѣдной-горькой
Ужъ мнѣ куса-то пода̀нова,
Пода̀наго да ожурёнаго.
Вы послушайте, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Я объ чемъ вамъ буду го̀ворить:
Ужъ не годикъ мнѣ годо̀вати,
Не недѣлюшку недѣ̀левать
И не ночка почёвати,
Одинъ часикъ часо̀вати
Во своей-то свѣтлой свѣтлицѣ,
У родимой-то у матушки.
Я спала-то, молодёшенька,
Я послѣднюю-то ноченьку,
Я спала больно худёшенько.
Ужъ какъ мнѣ, да молодёшенькѣ,
Больно сонъ худой привидѣлся:
У родимой-то у матушки
Всѣ заборы раскатилися,
Переводы развалилися,

Ужъ какъ я да ни подумаю,
Ужъ какъ я да ни погàдаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ,
Погляжу я бѣдна-горькая
На сосѣдей, на сосѣдушекъ
И на милыхъ-то подруженекъ: —
Ужъ какъ всѣ люди собралися,
Всѣ сосѣди и сосѣдушки
И подруженьки голубушки,
Всѣ и дядюшки и тетушки,
Одного гостя, всѣхъ больше, нѣтъ —
Что родимова-то батюшка.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому.
Ты послушай, соколъ, милый братъ,
Я объ чемъ те буду гòворить,
По-низку-то низко кланяться:
Ужъ ты съѣзди, соколъ, милый братъ,
Ко Николѣ ко Святителю,
Ко Успенью Божьей матери;
Ты возьми-ка, соколъ милый братъ,
Отъ самой церкви золоты ключи,
Ты ударь-ка, соколъ милый братъ,
Что во самый большой колоколъ:
Не поднимутся-ль вѣтры буйные?
Не разступится-ль мать сыра-земля?
Не откроется-ль гробова доска?
Не развѐрнется-ль золота парча?
Не возстанетъ-ли кормилецъ батюшка
На свои-то рѣзвы ноженьки?
Не благословитъ-ли меня бѣдную,
Сироту горе-великую,
Изъ своихъ-то рукъ бѣлыихъ?
— Ужъ я какъ да ни подумаю,
Отъ сухова-то отъ дерева
Не бываетъ отростѐльца, —
Съ того-то свѣту бѣлаго
Не бываетъ сюда выходцевъ.
Ужъ мнѣ жить, молодёшенькѣ,
На чужой на дальней стòронѣ,
Ужъ мнѣ вѣки да и пò вѣки.

1377.

(Невѣста къ отцу, отданному въ солдаты).

Ты кормилица матушка,
Ты соколъ, мой милый братъ,
У васъ что это за праздничекъ?
Всѣ-то гости собираются,
Одного-то гостя нѣтутка, —
Родимòва мово батюшка.
Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
Приближенныя сосѣдушки,
Вы названыя тетушки!
Пособите-ка, голубушки,
Вы мнѣ горя-то поубавити,
Горючѝхъ слезъ порòнити
И голосу повынести
Изъ высокаго терему.
Подхватите вы, буйны̀ вѣтры̀,
И снесите вы, буйны̀ вѣтры̀,
Голоса́ то великіе
Далекò по святой Русѝ,
Высоко противъ нѐбесу,
За рѣки-то за быстрыя,
За моря-то за синія,
Въ города-то во дальніе,
Во службу-то царскую,
Во неволю государскую.
Ты пришелъ бы, сударь батюшка,
При послѣднемъ порѣ времечкѣ,
При послѣднемъ свиданьецѣ,
При послѣднемъ разставаньецѣ.
Да принесъ, сударь батюшка,
Мнѣ свое благословеньеце,
Мать Божью Богородицу.
Какъ твое благословеньеце
И спасетъ и помилуетъ
Изъ синя̀ моря вынесетъ.

1378.

(Невѣста къ теткѣ).

Ты голубушка тетушка!
Ты скажи-ка, голубушка,
Ужъ ты какъ разставалася;
Со родимымъ-то батюшкой,
Со кормилицей матушкой,
Съ соколомъ милымъ братомъ,
Со голубушкой милой сестрой,
Со тетушкамъ, со бабушкамъ,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со душамъ краснымъ дѣвушкамъ,
Со дѣвьей-то крàсотой,
Со дѣвичьимъ украшеньецомъ?

1379.

(Тетка къ невѣстѣ).

Я скажу тебѣ, голубушка:
Тяжело я разставалася,
Разставалась я, бѣдная,

Оставалась я, горькая!
Не помню я, молода,
На ногахъ-ли меня вывели,
На рукахъ-ли меня вынесли.
Тяжело да разставатися
Со родимымъ-то батюшкой,
Со родимой-то матушкой,
Со своимъ-то родомъ-племенемъ;
Какъ еще того тяжèлѣе,
Какъ со дѣвьей-то крàсотой,
Со дѣвичьимъ украшеньецомъ.
Какъ еще скажу голубушка
Про чужую дальню сторону,
Про злодѣйку проклятую:
Тяжело, моя голубушка,
Тяжело жить на чужой сторонѣ,
Тяжело жить въ чужихъ людяхъ.
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи.
Надо стараго звать дядюшкой,
А старую-то звать тетушкой,
Молодыхъ-то по имени,
Величать по отечеству.
Какъ родимая-то матушка
Во первой-отъ разъ пòбудитъ,
По головушкѣ пòгладитъ.
«Ужъ ты спи, мое дитятко,
Ужъ ты спи, мое милое!»
Какъ второй-отъ разъ пòбудитъ,
Куньей шубкой окутаетъ,
Какъ въ третѣй-то разъ пòбудитъ:
«Ты вставай, мое дитятко!
У меня все дѣло сдѣлано
И работа наработана!»
Ужъ я встану, молодёшенька,
Ключевой водой умоюся,
Полотенечкомъ у́труся.
Все дѣло-то сдѣлано,
Вся работа приработана.
У родимой-то матушки,
У родимаго-то батюшки
Я не знала, молодёшенька,
Гдѣ восходитъ-то солнышко,
Закатается красное.
На чужой-то на стòронѣ
Я спознала, молодёшенька,
Гдѣ восходитъ красно солнышко,
Гдѣ оно закатается.
На чужой-то на стòронѣ
На злодѣйкѣ-то прòклятой,
У чужого отца-матери—
Какъ ходитъ чужая мать
По повѣтямъ то скрипучимъ,
По переводамъ-то зыбучимъ:
«Ты вставай, сноха сонливая,
Ты вставай, снова дремливая!
Я все дѣло-то придѣлала,
Всю работу приработала.»
Ужъ я встану, молодешенька
Горючи́мъ слезамъ умоюся,
Я рукавчикомъ у́труся.

1380.

Что не ключики-ли брякнули?
Не замочки ли щелкнули?
Не меня-ли запору́чили
За поруки за крѣпкія,
За письма-то за мелкія?
Выручать меня—не выручить,
Выкупать-то—не выкупить
Ни златомъ, ни сѐребромъ
Ни своей золотой казной.

1381.

Наложитъ мнѣ руку правую
На кутнее окошечко,
Отворитъ бѣдной горькой
Мнѣ окошечко малёшенько,
Опуститъ бѣдной горькой
По локòть руку правую.
Упади, мое колячушко,
Покатись, мое колячушко,
По большой по дороженькѣ;
Не сворачивай, колячушко
Ни пѣшему, ни конному;
Прикатись, мое колячушко,
Ко Ивану-то Предтечѣ,
На честные монастыри.
Возвейся, колячушко,
Выше церкви божественной,
Выше крестнаго знаменья!
Да ударься, колячушко,
О могилушку высокую!
Расшибись, мое колячушко
О матушку сыру-землю:
Ты разсыпись, мать сыра земля
На всѣ четыре стороны,
«Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь тонки саваны,
Разожмитесь руки бѣлыя,
Отъ сердца-то отъ ретиваго;
Разожмитесь очи ясныя,

Распечатайтесь, уста сахáрныя!
Промолви, родимая матушка,
Ты единое словячушко!
И возстань, возстань, родимая
На свои-то рѣзвы ноженьки,
И зайдемъ, родимая матушка
Во церкву во божественну,
Да отпоемъ, родимая матушка,
Три молебна заздравны.»

1382.

Ужъ мнѣ нонѣшній годочекъ
Не пилось и не ѣлося,
Во гостяхъ не гостилося,
Въ посидѣнкахъ не сидѣлося,
Во гулянкахъ не гулялося:
Тосковалось молодёшенькѣ.
Я ложилась, молодёшенька,
Вечерòмъ позднымъ позднёшенько,
Я вставала, молодёшенька,
По утру ранымъ ранёшенько;
Умывалась, молодёшенька,
Я водицею ключòвою;
Утиралась, молодёшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ.
Я брала же, молодёшенька
Свои тòченыя пялечка,
Я садилась, молодёшенька,
Подъ переднее окошечко;
Отворяла, молодёшенька,
Я окошечко малёшенько;
Я глядѣла, молодешенька,
Я на улицу широкую,—
Что летитъ стадо гусиное,
И говòрятъ гуси сѣрые
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ какъ этому-то тѐрему
Ему быть растворенному,
Ужъ какъ здѣшнему хозяину—
Ему быть раззоренному;
Ужъ какъ этой красной дѣвицѣ—
Ей быть расквиленной.»

1383.

«Ужъ ты что же засидѣлася,
На кого же заглядѣлася?
Не въ саду ли загулялася?»
—«Не на садъ я заглядѣлася,
Не на яблонцы кужлявыя,
Засидѣлась молодешенька
Во высокомъ-то во теремѣ,
У родимаго у батюшка,
У родимыя у матушки,
Со подружкамъ голубушкамъ.
Что сидятъ мои подруженьки,
Души красныя дѣвицы,
Онѣ сидятъ-то по старому,
Говорятъ все по-прежнему,
Не повѣся буйну голову,
Не потупя очи ясныя.
У ихъ буйныя головы—
У ихъ гладко учёсаны,
У ихъ русыя косоньки —
Во узоръ косы заплётаны;
У ихъ дѣвья-то крàсота —
По корень косы заплётана,
Да на каждой волоси́ночкѣ
Посажено по бисери́ночкѣ.
Ужъ какъ я, молодёшенька,
Я сижу-то не по-старому,
Говорю не по-прежнему;
У меня буйна гóлова —
Не гладко учёсана,
У меня руса косонька, —
Не въ узоръ она заплётана,
У меня дѣвья-то крàсота —
По конецъ въ косы вплётена,
А на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1384.

Я ходила, молодёшенька,
На свой на широкой дворъ,
Я глядѣла, молодёшенька,
Я во заднее окошечко,
Тамо стоятъ три древушка:
Первое-то—береза бѣлая,
А второе—яблонца кужлявая.
Ужъ какъ третье-то древушко—
Осинушка горькая.
Ужъ бѣлая-то березонька —
Она съ яблонцой свивается,
Какъ осинушка-то горькая —
Она прочь удаляется.
Ужъ какъ бѣлая березонька—
Это мой родимый батюшка,
Ужъ какъ яблонца кужлявая—
Это родимая матушка;
Ужъ какъ осина-то горькая—
Это я бѣдна-горькая.

1385.

Призагуньте, призамолкните
На широкой-то улицѣ
Всѣ и гуси и лебеди!
Во высокомъ-то теремѣ —
Всѣ и гости и гостейки,
Всѣ сосѣдушки голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Что же мнѣ это почудилось:
На конѣ ровно подъѣхало,
У калиточки постукалось,
У колячушка побрякалось,
Что крылечко отворилося,
Верею̀шки поматилися,
Часта лѣсенка разсыпалась,
Двери на̀ пяту отворилися;
Что идетъ ко мнѣ и жалуетъ
Дорогая чѐстна гостейка.
Добро итти да жаловать,
Ты родимая матушка
На мою *сварбу* бѣдную,
На мою сварбу сиротскую!
Что несетъ родима матушка
Во правой-то во рученькѣ
Пресвятую Богородицу,
Благословеньеце великое;
Во другой несетъ во рученькѣ
Несетъ свѣтлое платьецо,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Несетъ шубу соболиную.
Я не знаю, бѣдна-горькая,
Мнѣ за что будетъ братися:
За цвѣтное ли платьецо,
За шубу ли соболиную,
За Пресвятую Богородицу?
Пресвятая-то Богородица —
Благословеньецо великое,
Меня спасетъ и помилуетъ,
Изъ синя̀ моря повынесетъ,
Изъ темна лѣса повыведетъ.

1386.

Какъ вчера объ эту пору,
Поранѣе малёшенько,
Пролеталъ младъ ясёнъ соколъ
Мимо батюшкова терема,
Мимо матушкиной горенки,
Мимо кутняго окошечка.
Говорилъ младъ ясёнъ соколъ:
«Не плачь, красная дѣвица!
Тебѣ плакать-то нѐ объ чемъ,
Причитать-то тебѣ нѐ по комъ.
На чужой-то дальней сторонѣ
У чужого-то чуженина
Три поля пшена насѣяны,
Частымъ дождичкомъ поливаны,
Радостью да обгорожены.»
Какъ вчера объ эту пору,
Поранѣе малёшенько,
Пролетала лебедь бѣлая
Мимо батюшкова терема
Мимо матушкиной горенки,
Мимо кутняго окошечка;
Надломила право крылышко,
Надвѣстила красной дѣвицѣ:
«Ты поплачь-ка, красна дѣвица,
Тебѣ плакать-то есть объ чемъ,
Причитать-то тебѣ есть по комъ:
На чужой-то дальней сторонѣ
Три поля горя насѣяны,
Горючимъ слезамъ поливаны,
Кручиной то обгорожены,
Печальёй-то исподпираны.»

1387.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Души красныя дѣвицы!
Я объ чемъ васъ буду просити,
Объ чемъ буду говорити.
Все пройдетъ и все минуется
Вся волна проволнуется,
Всѣ и гости разъѣдутся,
И пройдетъ это времечко,
И придетъ лѣто теплое
И святыя воскресеньеца,
Придутъ праздничкй веселые,
Вы пойдите, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
На гулянье веселое,
Ступите-ка, мои голубушки,
Во мою-то ступенечку [1]),
Вспомяните-ка, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, молодёшеньку,
На чужой дальней сторонѣ,
На злодѣюшкѣ незнамое,
Какъ у меня, молодёшеньки,
Пройдетъ первый день праздничка:
Онъ пройдетъ въ праздновáньецѣ.
Какъ другой-отъ день праздничка —
Онъ пройдетъ во чесаньецѣ,

[1]) слѣдъ.

А какъ третій день праздничка —
Онъ пройдетъ въ снаряжаньецѣ.
Снаряжусь я, молодёшенька,
На гуляньеце веселое.
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На широкую улочку,
Погляжу я, молодёшенька,
Я па всѣ четыре стѐроны:
На закатѣ красно солнышко,
На расходѣ люди добрые.
Ворочусь я, молодёшенька,
Въ нелюбимую горенку,
Я ударюсь, молодёшенька,
О свой ковáнъ сундукъ,
Я сниму свѣтло платьецо;
Я повѣшу свое платьецо
Выше буйныя гѐловы,
Наревлюсь я, молодёшенька,
Въ нелюбимой-то горенкѣ.
Я пойду, молодёшенька,
Къ богоданной-то матушкѣ,
Ужъ я сяду, молодёшенька,
Подъ кутне окошечко.
Станетъ спрашивать у молодёшеньки
Богоданная матушка:
«Нагулялась-ли, гулливая,
Наболталась-ли болтливая,
Наслонялась-ли, слонливая?»

1388.

Я жила, красовалася,
Я жила, наряжалася
У родимаго батюшки,
У родимыя матушки.
Я спала, высыпалася,
Я спала, прохлаждалася
На тесовой кроваточкѣ,
На мягкой постелюшкѣ,
На высокомъ зголовьецѣ,
Подъ теплымъ одъялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ рѐдна матушка,
Она ходитъ по малёшеньку,
Говоритъ потихошеньку,
Подойдетъ она, послушаетъ,
Отойдетъ она, окутаетъ:
Ужъ ты спи, моя работливая,
«Ужъ ты спи, моя заботливая!
Не взошло красно солнышко,
Въ поляхъ люди нѐ пашутъ,
Во лугахъ люди нѐ косятъ,
Во лѣсахъ роса не ѐпала.»
Ужъ я встала, молодёшенька,
Я умылась, молодёшенька,
Ключовою водицею,
Утпралась, молодёшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ,
Выходила, молодёшенька,
Я на свой на широкой дворъ,
Я смотрѣла, молодёшенька,
На широкую улицу:
Что взошло красно солнышко,
Во поляхъ-то люди пашутъ,
Во лугахъ-то люди косятъ,
Во лѣсахъ роса ѐпала.
На чужой на дальней сторонѣ
Я спала, не высыпалася
На мягкой перинушкѣ,
На высокомъ зголовьецѣ,
Подъ теплымъ одъялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ богоданная,—
Она ходитъ по гусиному,
Говоритъ по жаравлиному,
Подойдетъ она, постукаетъ,
Отойдетъ—меня раскутаетъ.

1389.

Я возьму свою крȁсоту
Во свои руки бѣлыя,
Я снесу свою крȁсоту
Во лѣса во дремучіе,
Повѣшу свою крȁсоту
Я на бѣлую березоньку.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко:
Какъ придетъ зима холодная,
Нападутъ снѣги бѣлые,
И придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Подсѣкутъ бѣлу березоньку,—
Упадетъ моя крȁсота
На снѣги-то на бѣлые.
Какъ придетъ весна красная,
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Потекутъ рѣки быстрыя,
Унесутъ мою крȁсоту
Во луга во зеленые,
На травы̀ на шелкѐвыя,
На цвѣты на лазоревы.
И придетъ лѣто теплое,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкося̀тъ люди добрые
Тѣ травы̀-то шелкóвыя,

Упадетъ моя крàсота
Что на щетку колючую, —
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко.
Я снесу свою крàсоту
Ко Ивану Предтечѣ,
Положу свою крàсоту
За престолъ Божьей матери.
И придутъ люди добрые
Во церкву божественну,
И увидятъ люди добрые
Мою дѣвью-то крàсоту:
«Ужо чья это крàсота?
Она красно красовалася,
Она баско наряжалася
У родимаго батюшки,
У родимой-то матушки.»

1390.

Мое сердце испугалося,
Рѣзвы поженьки подогнулися,
Бѣлы рученьки опустилися.
У меня ли, сизой пташечки,
Горе-горькой сиротинушки,
Голова съ плечъ покатилася,
Во устахъ рѣчь помѣшалася.
Запорýчилъ милый дядюшка
И кормилица тетушка
За поруки-то за крѣпкія,
За замки вѣковѣчные.
Отъ замковъ ключи потеряны,
Во синё-море опущены.
Ты взойди, красно солнышко,
Обсуши ты синё-море!
Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Вы сходите на синё море,
Поищите золотыхъ ключей.

1391.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Дорогая ты, Татьянушка,
Наша милая подруженька!
Что сухому ли то дереву
Не бывать два раза зèлену,
И тебѣ, наша подруженька,
Ужъ не быть во красныхъ дѣвушкахъ.

(Всѣ причеты начиная съ № 1367 записаны въ дер. Яковлевскомъ, Фетиньинской вол., Вологодскаго у.).

1392.

(Невѣста къ теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя милая тетушка!
Поднялись, моя голубушка,
На меня-ли то на бѣдную,
Сироту-то горе горькую —
Что твои-то руки бѣлыя!
Такъ не жаль тебѣ, кормилица,
Что мою-то буйну голову
И дѣвичью мою крàсоту!

1393.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя милая племянница!
Кабы былъ у тя, голубушка,
Твой родимый-то батюшка,
Да родимая матушка,
До люби бы насидѣлася,
До охоты нагулялася,
Со своими-то подружками,
Со товарками дѣвицами.

1394.

(Невѣста къ умершимъ родителямъ).
Я сидѣла ли бѣдная
За столами за дубовыми,
За скатертями за браными,
За яствами сахàрными!
Я смотрѣла по свѣтлицѣ
Своихъ милыхъ родителей,
Не стоятъ мои родимые
У стола у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1395.

(Невѣста къ теткѣ).

Богъ тебѣ судья, голубушка,
Дорогая моя тетушка!
Что прикрыла сиротинушкѣ
Половину свѣта бѣлаго.
Не велишь теперь мнѣ, тетушка,
Широко ходить-расхаживать,

Далеко глядѣть-разглядывать.
Только дали сиротинушкѣ
Половнички три единыя:
Отъ кути да до кадушечки,
Отъ кадушечки до полотенечка,
И отъ печи до голбчика.
Научи же меня, тетушка,
Уму-разуму степенному
И обычаю хорошему: —
Какъ мнѣ жить на дальней сторонѣ
У чужого-то чуженина,
У чужого отца-матери,
У чужого роду-племени.

1396.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ мое солнышко!
Ты дитя благословенное!
Ты живи, моя голубушка,
Моя милая племянница,
На чужой-то дальней сторонѣ,
Семьянинкой скромной горлицей;
Ужъ ты будь, моя голубушка,
Буйной головой поклончива,
Ретивымъ сердцемъ отходчива;
Рѣзвы ноженьки съ подходами,
Бѣлы рученьки съ подносами.
Ты здоровайся, голубушка,
Что со старымъ и со малыми,
Называй-ка ты, голубушка,
Что холостова по имени,
А старова по отечеству.

1397.

(Невѣста къ замужней подругѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя старая подруженька!
Ужъ я буду тебя спрашивать,
Ты начни-ка мнѣ разсказывать.
Ты скажи-ка мнѣ, голубушка,
Моя прежняя подруженька,
Какъ сама ты разставалася
Со своимъ милымъ родителямъ,
Со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ,
Со подружками голубками,
Со своей ли волей вольною,
Со своей дѣвичьей красотой?
Я еще спрошу, сиротинушка,
Я еще спрошу горе-горькая:
Ты повѣдай мнѣ, подруженька,
Хорошо ли во чужихъ людяхъ
У чужого отца-матери?

1398.

(Молодая баба къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя прежняя подруженька!
Тяжело да разставатися
Со своимъ-то отцомъ-матерью,
Съ дорогими-то сестрицами,
Со всѣмъ милымъ родомъ-племенемъ.
А еще того тяжелѣе
Разставаться съ вольной волею,
Со дѣвичьей своей красотой.
Не запомнила, младешенька,
Разставанья я тяжелаго, —
На рукахъ-то меня вынесли,
На коняхъ-то меня вывезли
Ко матушкѣ Божьей церкви,
Подъ вѣнцы подъ золоченые,
Отъ вѣнца отъ золоченаго
На чужую дальню сторону;
Увезли меня, подневольную,
Ко чужому-то чуженину.
Что хвалить-то чужу сторону, —
Мое сердце не воротится,
А что хаять чужу сторону —
Твое сердце испугается.
Ужъ ты свѣтъ, моя подруженька!
Тяжело жить во чужихъ людяхъ,
У чужого отца съ матерью,
У чужого сына отецкаго,
У грозы-то молодецкія.
Ты живи, моя голубушка,
На чужой дальней сторонушкѣ
Осторожненько, умѣючи,
Говори да разумѣючи.
Не держи на чужой сторонѣ
Ты подружки задушевныя;
Ты держись, моя голубушка,
Все подушечки пуховыя:
Что подруженька голубушка
На чужой на дальней сторонѣ
Тебя выдастъ да и высмѣетъ,
А подушечка пуховая
Твоихъ жалобъ не повѣдаетъ,

1399.

(Невѣста къ дѣвушкамъ на дѣвишникѣ).

Во шуму́ я не услышала,
Во слезахъ я не увидѣла,
Что идутъ ко мнѣ да жалуютъ
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвушки.
Не прогнѣвайтесь, пожалуйста,
Мои милыя голубушки,
На меня на сиротинушку,
Что не вышла, васъ не встрѣтила,
Широко дверей не раство́рила,
За бѣлы̀ руки не прѝняла,
Въ честно мѣсто не поса̀дила,
Въ честно мѣсто, подъ окошечко,
На тесовую на лавочку.
На меня, мои подруженьки,
Что не спесь нашла великая,
Не богачество одо̀лило,
Извело меня, младешеньку,
Горе лютое, неутѣшное:
Отдаютъ меня, бѣдную,
Что кормилецъ-то дядюшка
И голубушка тетушка
Противъ воли во замужество,
Молодымъ-то молодёшеньку,
Зелены̀мъ-то зеленешеньку.
Вы послушайте, голубушки,
Какъ у моего-то у дядюшки
Веселое-то пированьецо,
А у меня у сиротинушки
Что не радостная свадебка.
Что не свѣтелъ день безъ солнышка,
Не свѣтла ночка безъ мѣсяца,
Не славна свадьба сиротская
И судьба ея не радостна.

1400.

(Невѣста къ тѣмъ же подружкамъ).

Вамъ спасибо, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Что на вашихъ на подарочкахъ!
Кабы эти да гостинчики
Кабы въ пору были, во́-время,
Да по ранѣе малёшенько,
По своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей-то дѣвьей кра̀сотѣ,—
Я бы съѣздила съ подружками
Въ города̀ да и во ярмонки,
Я зашла-бы, молодешенька,
Къ молодому купцу въ лавочку,
Я купила-бъ алу ленточку,
Золотую перевязочку.
Лентой косу бы украсила,
Перевязочкой повязочку.
А теперь что мнѣ въ подарочкахъ?
Въ рукахъ держать—потерять могу,
Къ лицу поднесть—всѣ обмочатся,
Ко сердцу прижать—заржавѣютъ.
Положу ваши гостинчики
Я къ себѣ да въ окова̀нъ сундукъ,
Увезу ваши подарочки
На чужую дальну сто̀рону.
На постылой на сторонушкѣ
Растоскуется сердечушко,
Тутъ зайду я, молодѐшенька,
Въ нетопленую-то хатину;
Отопру тогда тихошенько
Свой дѣвичі̀й окова̀нъ сундукъ
И возьму ваши гостинчики
На свои-то руки бѣлыя;
Подыму ваши подарочки
Выше буйныя го̀ловы,
Выше бабьяго повойничка,
Ужъ я буду похвалятися:
У меня эти гостинчики
Со родимой со сторонушки,
Отъ голубушекъ подруженекъ,
Ужъ я буду ими хвастаться
Что и старому и малому,
Холостому и женатому.

1401.

(Тоже).

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки
И родная моя тетушка,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
У сосѣдей малы дѣтушки!
Призамолкните, пожалуйста,
На единую минуточку!
Ужъ и что-же мнѣ почудилось:
У окошечка постукалось,
У калитки кольцо брякнуло,
У дверей да возмолилося?
Двери на пяту растворилися:
Какъ идетъ ко мнѣ батюшка
И родимая матушка.
Что несетъ ко мнѣ батюшка
На своей на правой рученькѣ
Благословеньеце великое —

Пресвятую Богородицу,
А родимая-то матушка
Цвѣтно платье подвѣнечное.
Я взялась, молодёшенька,
Не за цвѣтное платьецо,
Я взялась горе-горькая
За святую Богородицу.
Ужъ какъ ихъ благословеньецо
Что спасетъ меня, помилуетъ
На чужой дальней стòронѣ.
Ужъ я глупая, неразумная,
Голова моя несмышлёная,
Развѣ могутъ съ того свѣта
Появляться сюда выходцы!
Ни письмà оттоль, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьеца!
Отъ сухого-то отъ дерева
Не бывать, видно, отросточкамъ,
Изъ подъ снѣгу изъ подъ бѣлаго
Не растетъ да шелковà трава,
Не цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Такъ съ того свѣта божьяго
Не придутъ мои родители
На мое на пированьецо,
На мою свадьбу сиротскую.

1402.

(Невѣста, когда пріѣхалъ женихъ).

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужъ вы станьте-ка, голубушки,
Что стѣною бѣлокаменной,
Не пускайте-ка, голубушки,
Вы чужого-то чуженина
Со чужой-то дальней стòроны.
Благослови, Боже Господи!
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ встать да подниматися
На свои ноги рѣзвыя,
Нà чулочки на бумажные.
На башмàчки сафьянные.
Что не гнитесь вы, полòвочки,
Не ломайтесь перевòдинки!
Что по вамъ-то не медвѣдь идетъ,
Не медвѣдица-то лютая,
Идетъ красная дѣвица.
Не тяжѐлѣ я прежняго,
Отчего-жъ это случилося:
Рѣзвы ноженьки подогнулися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Голова съ плечъ покатилася,
Во устахъ рѣчь помѣшалася?
Ужъ спрошу я, сиротинушка,
У всего-то роду племени,
У милыхъ своихъ подруженекъ,
Что позволятъ-ли голубушки
И прикажетъ-ли мнѣ дядюшка
И кормилица тетушка
Принимать мнѣ гостинчики
Отъ чужого-то чуженина
Отъ чужа сына отцовскаго?

1403.

(Невѣста къ свату).

Хочу встану, хочу—нѐ встану,
Хочу пòйду, хочу нѐ пойду
Передъ сватомъ подхалюзникомъ;
Передъ сватомъ переметникомъ
Не статья мнѣ слезно плакаться.
У меня у молодёшеньки
Не захвачена воля вольная.
Все ходилъ ко мнѣ сватъ сводничекъ,
Все ходилъ онъ, подхалюзничекъ,
И поздны̀мъ ко мнѣ позднёшенько,
И раны̀мъ ко мнѣ ранёшенько,
Все торилъ ко мнѣ дороженьку.

1404.

(Подружки къ свату).

Ужъ тому-ли свату-своднику
На печи бы заблудитися,
Сквозь напыльникъ провалитися,
Киселемъ бы подавитися,
Подъ шестокъ бы закатитися,
Чтобъ клюкой грести, не выгрести,
Помеломъ мести, не вымести!
А еще бы свату-своднику
Три бы чирья ему въ бороду,
А четвертый-то подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ ему ли свату своднику
Мы дадимъ-же провожатаго —
Таракана-то рогатаго,
Еще мышь полосатую.

1405.

(Невѣста, принявъ отъ жениха подарки).

Не коря, я покорилася,
Не склоня, я поклонилася
Передъ добрымъ-то молодцемъ.

1406.

(Подружки къ невѣстѣ).

Что не честь красной дѣвицѣ,
Не хвала раскрасавицѣ
Принимать эти гостинчики
Безъ своихъ-то ей родителей
Отъ чужого-то чуженина.

1407.

(Невѣста передъ уходомъ въ баню).

Попрошу я, сиротинушка,
Попрошу я, горе-горькая,
У кормильца свово дядюшки
И кормилицы тетушки
Благословенья великаго
Что во баню во па̀рушу,
Во теплу подвѣнешную.

1408.

(Невѣста, возвращаясь изъ бани).

Ужъ тебѣ бы, банѣ па̀рушѣ,
По бревну-бы раскатитися,
По кирпичику развалитися.
Ужъ какъ баня-то па̀руша
На лютыхъ-то звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто поставлена.
Ужъ ты свѣтъ, кормилецъ дядюшка
И кормилица тетушка,
Ужъ вы встрѣтьте меня, бѣдную!
Ужъ вы дайте мнѣ, родимые,
Ключевой воды напитися!
Подойди, кормилецъ дядюшка,
И кормилица тетушка,
Вы ко мнѣ къ сиротинушкѣ.
Посмотрите-ка, родимые,
На мое лицо бѣлое, —
Какъ берестечка блѐклое,
Зла тоска на немъ написана;
Какъ мои щечки алыя —
Что листочки лежалые.
Я немного попарилась,
А ужъ много съ себя спарила
Что своей-то дѣвьей кра̀соты.

1409.

(Невѣста раздаетъ подарки подружкамъ).

Подойди, моя голубушка,
Моя милая подруженька,
Ты Варвара свѣтъ, Ивановна!
Ты сними, моя голубушка,
Что мою-то дѣвью кра̀соту
Со моей-то буйной го̀ловы!
Ты носи ту дѣвью кра̀соту
Съ головы да не снимаючи,
И меня-то вспоминаючи.
Вспомяни меня ты, бѣдную
Хотя въ три денька одӣнова.
Если часто покажется —
Въ три недѣльки хоть одӣнова,
Можетъ часто покажется, —
Такъ въ три года одӣнова.
Что моя-то дѣвья кра̀сота
Никому она не надобна.
Я снесу да дѣвью кра̀соту
Во лѣса-то во темные,
Я повѣшу дѣвью кра̀соту
Что на бѣлу березоньку.
Что придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми
И подрубятъ березоньку,
Что березоньку кужлявую.
Упадетъ да дѣвья кра̀сота
Что на матушку сыру землю,
На траву да на шелко̀вую,
На цвѣты да на лазоревы.
Подкосятъ траву шелко̀вую
Что косами-то вострыми.
И осудятъ люди добрые,
Когда будутъ сходитися,
На мою красу дивитися:
Она честно изношена,
Да не къ мѣсту положена.
Тутъ моей дѣвьей кра̀сотѣ
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Понесу я дѣвью кра̀соту
Ко матушкѣ церкви божіей
За престолъ Богородицы.
Что придутъ люди добрые,

И восхвалятъ люди добрые:
«Это чья же дочка умная
Ужъ и чья она разумная?
Ужъ ея да дѣвья красота
Она съ честью изношена
И ко мѣсту положена.
Тутъ ей мѣстечко угожее
И житье ей вѣковѣчное.»

1410.

(Невѣста къ теткѣ въ день свадьбы).

Ужъ ты свѣтъ, моя голубушка,
Ты родная моя тетушка!
Ужъ ты дай, моя голубушка
Огонька одну мнѣ искорку!
Я скажу тебѣ, голубушка,
Что какой мнѣ сонъ привидѣлся:
Ко мнѣ, горькой сиротинушкѣ
Приходила дѣвья кра̀тота,
Буйну голову погладила,
Алу ленточку поправила.
А ужъ я-то ли, бѣдная,
Ничего ей не отвѣтила.
И пошла вонъ дѣвья кра̀сота,
На меня-то разсердилася.

1411.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ!
Я объ чемъ буду просить тебя,
Просить буду, низко кланяться:
Ты сходи-ка, соколъ, милый братъ,
На свой то на широкой дворъ;
Обуздай ты ворона̀ коня,
Запряги ты разудалова
Во дубовы новы саночки;
Съ сиротой со мной поѣдешь ты
Ко приходу-то господнему,
Къ отцу нашему духовному.
Мы попросимъ золотыхъ ключей
Отъ матушки церкви божіей
И взойдемъ съ тобою, милый братъ,
На высоку колоколенку,
И ударимъ, соколъ, милый братъ,
Въ заунывной большой колоколъ,—
Чтобы звонъ-то перекатами
Разбѣжался по святой Руси
И проникъ бы во сыру землю:
Не разступится-ль мать сыра земля,
Не раскроется-ль гробова доска,
Не распахнется-ль тонко полотно,
Не отведутся-ль руки бѣлыя,
Ко груди плотно прижатыя,
У моего отца съ матерью,
И не вымольятъ ли горькой мнѣ
Благословеньецо великое
На чужую дальну сторону.

1412.

(Невѣста по возвращеніи съ кладбища къ дядѣ или къ теткѣ).

Ужъ я ѣздила, сиротинушка,
Ко приходу ко господнему,
На могилушку къ родителямъ;
Не могла я ихъ дозватися,
Не могла добудитися
Своего кормильца батюшку
И родимую матушку
На мою свадьбу сиротскую!
Не отвѣтили они, бѣдной мнѣ,
Ни единова словечушка.
Будьте вы, мои родимые,
Мнѣ на мѣсто отца-матери
Что на томъ ли на вѣнчаньецѣ
Горемычной моей свадебкѣ.

1413.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ,
Ты мое да красно солнышко!
Я еще-ли, сиротинушка,
Объ одномъ буду просить тебя:
Осѣдлай ты коня во̀рона
Во черкасское сѣделечко;
Ужъ ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужую дальню сторону,
Ко чужому-то чуженину.
Ты повысмотри тамъ, милый братъ,
Что согласно-ли въ семьѣ живутъ,
Что одинъ ли хлѣбъ-соль кушаютъ,
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣться бы молодёшенькѣ
По конецъ стола дубоваго,
Не насмотрѣться бы зеленёшенькѣ
Что куска-то мнѣ пода̀наго.

1414.

(Невѣста передъ выѣздомъ въ церковь).

Попрошу у тебя, дядюшка,
И родимая тетушка
Благословенія великаго.
Подъ вѣнцы подъ злаченые,
На чужую дальну сторону.

1415.

(И когда подъѣзжаетъ поѣздъ).

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Шумъ по улицѣ разносится,—
То чужане появилися
Со чужой-то дальней стороны,
Со злодѣйки проклятыя.
«Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка,
Не пускай-ка ты чужихъ людей!
Ты приставь, кормилецъ дядюшка,
Ко калиткѣ-то придверничковъ,
А къ воротамъ приворотничковъ.»

1416.

(Тоже).

Богъ судья тебѣ, милый братъ!
Не послушался просьбы великія;
Ты прельстился золотой казной
И чужими рѣчьми сладкими.
Ужъ ты продалъ меня, милый братъ,
На чужую дальню сторону,
Ко чужому ко чуженину.
Какъ на васъ теперь, подруженьки,
Вся надежда моя крѣпкая:
Вы не выдайте, родимыя
Горе-горькую сиротинушку.

1417.

Мои милыя подруженьки;
Мои милыя, любимыя!
Допустили вы, подруженьки,
До меня до сиротинушки
Вы чужова-то чуженина.

1418.

(Къ жениху).

Такъ садись же, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
А со божіей милостью!
Ты бери-ка мою рученьку,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты не жми-ка праву рученьку
Ко перстнямъ своимъ злаченыимъ.

1419.

(Подружки къ свахѣ).

Ты садись, сваха пріѣзжая,
Не со спесью, не со гордостью,
А со божіей со милостью!
Ты снимай-ка потихохоньку
Съ головы ея платокъ цвѣтной,
Выплетай-ка полегохоньку
Изъ косы-то алу ленточку,
Ея честну дѣвью кра̀соту.
Какъ въ ея да во русой косѣ
Есть два ножичка булатные;
Не обрѣжь, сваха пріѣзжая,
Ты ножами своихъ бѣлыхъ рукъ.

1420.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Дорогая ты Варварушка!
Ты скажи-ка, не утай отъ насъ,
Что чужой-то добрый молодецъ
Не засѣлъ ли цвѣтно платьецо
И не жметъ ли руки правыя
Ко своимъ перстнямъ злаченыимъ?

1421.

(Невѣста къ подружкамъ).

Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Не могу теперь судачить я
Про чужого-то чуженина;
Не присѣлъ онъ цвѣтно платьецо
И не жметъ руки онъ правыя
Ко перстнямъ своимъ злаченыимъ.

1422.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька!
Ужъ ты скоро обнадѣялась
На чужого на чуженина,
На чужа сына отцовскаго.
Ужъ ты скоро расположилась
На его на рѣчи сладкія,
На его да на коварныя.

1423.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ты воскликни лебедь бѣлая,
Что весною на проталинкѣ!
Ты восплачь, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
За дубовымъ столомъ сидючи!
Али плакать тебѣ не объ чемъ,
Причитать ли тебѣ нечего?
У тебя ли горя нѣту-ти?
У тебя, наша голубушка,
Нѣтъ родимаго батюшки
И родимыя матушки;
На твоей на свадьбѣ горькой,
На твоей на сиротской
Не стоитъ родимый батюшка
Со твоей-то милой матушкой
У стола да у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1424.

(Невѣста къ дядѣ и теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И кормилица тетушка,
Я о чемъ буду просить тебя,
По низку да буду кланяться:
Ужъ ты потчуй дорогихъ гостей,
Не жалѣй имъ зеленà вина,
Чтобы пили да позàпили,
Меня бѣдную позàбыли
На своей-то на родной сторонѣ,
У своего-то роду-племени.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1392 записаны въ Янгосарѣ, Волог. у.).

1425.

Благослови Боже Господи,
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На брусчатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодёшенькѣ,
Непѣвалую пѣсенку,
Не съ веселья, со радости,
Съ горя, со кручинушки.

1426.

Сторона-ли наша сторонка,
Сторона-ли моя веселая!
Она всѣмъ-то изукрашена:
И церковью божественной,
И звонамъ колокольнымъ,
И большой-то дороженькой,
И озерами широкими
И рѣчкой то быстрою.

1427.

Ты красуйся, моя крàсота,
Веселись буйна гòлова,
Радуйся, сердце ретùвое!
Тебѣ не долго красоватися:
Не зиму зимовати,
Не вèсну красоватися,
Не лѣто наряжатися,
Не осень работàти, —
Одна ночка ночевати,
И та коротёшенька, —
Не знать—хòдя проходити,
Не знать—сùдя просидѣти,
Не знать—Богу помолитися.
Мнѣ ходить—не находится,
Мнѣ сидѣть—не насидѣтся.
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ,
Какъ не жалостливъ родимый,
Не жалостлива родимая,
Только жалуютъ родимые
Чужой дальней сторонушкой,
Да еще добрымъ мòлодцомъ.
Того пуще тяжелѣе —
Меня кùкой-то бѣлою:
Вложитъ кùка-то бѣлая
Сухоту въ ретиво сердце
Желтизну во бѣлò лицо.
Какъ по счастью достанется—

Веселитъ буйну голову,
Радуетъ ретиво сердце;
Она утѣха яснымъ очамъ
И веселье чернымъ бровямъ.
И несчастно достанется —
Щемитъ ретиво сердце,
И томитъ очи ясныя,
И навѣса чернымъ бровямъ,
И клонитъ буйну голову;
Мои рученьки не машутся,
Мои ноженьки не движутся.

1428.

Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Ужъ ты пой да упаивай
Ты своихъ дорогихъ гостей;
Одного не упаивай
Ужъ ты свата разлучника,
Живого перелестника:
Все ходилъ сватъ потихошеньку,
Колотился по малёшеньку.
Поднеси свату-ворогу,
Ты воды-то болотныя;
А какъ мало покажется,
Ты смолы-то кипучія.
Ты родимая матушка,
Ты дари-ка, ударивай
Твоихъ дорогихъ гостей;
Одного не ударивай
Ужъ ты свата-разлучника,
Живого перелестника.
Подари свату-ворогу
Ты онучу-то черную.
Токо мало покажется —
Судомойку рогòзяну.
Ужъ какъ свату-то ворогу —
Ему три чирья въ бороду,
А четвертый подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ какъ свату-то ворогу
На печи заблудитися,
Сквозь напыльникъ провалитися,
Столбу поклонитися,
Молокомъ захлебатися,
Киселемъ подавитися!
Мы возьмемъ свата подъ-руки,
Повалимъ свата нà-дровни,
Мы свеземъ свата нà гору,
Мы спехнемъ свата пòдъ-гору,
Принесемъ чàсту бòрону,
Мы расчешемъ свату бороду,
Сыновей-бы не жèнивать,
Дочерей не отдàвывать!

1429.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Воротèчка отворилися,
Верейшка пошатилася,
На дворъ гости пріѣхали.
Не видала красна дѣвица,
Какъ пришелъ добрый мòлодецъ,
Разудалый во горницу
Въ мою свѣтлую свѣтлицу, —
Тутъ дѣвица испугалася,
Изъ глазъ слёзы покатилися,
Во слезахъ она слово молвила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу!»
Добрый молодецъ отвѣтъ держалъ:
«Не я погубитель твой!
Погубитель твой — батюшка,
Раззорительница — матушка,
Расплетай-косу — свахонька,
Потеряй-косу — дѣвица.

1430.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ я что буду говòрити,
Объ чемъ вамъ стану наказывать:
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Вы пойдите, голубушки,
Во луга во зелёны,
Вы замѣтьте, голубушки,
Три цвѣтка, да три лазоревы.
Что первòй-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ вѣтра шатается,
Что другой-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ солнышка вянетъ,
Что третѐй-то цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ дождика вянетъ, —
Это я, молодёшенька,
На чужой дальней сторонушкѣ.
Какъ придетъ первый праздничекъ
Во моемъ-то прощаньецѣ,
Какъ придетъ другой праздничекъ
Во моемъ отпущаньецѣ,
Что придетъ третей праздничекъ
Во моемъ снаряжаньецѣ.
Снаряжусь я, молодешенька,
Не въ пору да не вò-время,
На закатѣ красна солнышка,
На расходѣ добрыхъ людей.
Ужъ я выйду, молодешенька,

На утйшинку тихую,
Погляжу, молодёшенька,
Я на всѣ четыре стороны:
Что пойдутъ люди добрые
Со гулянья веселаго.
Ворочусь я, молодёшенька,
Не въ любимую сторону;
Я приду, молодёшенька,
Не въ любимую горенку;
Я сниму платье цвѣтное,
Я возьму его въ руки бѣлыя,
Я прижму платье цвѣтное
Ко сердцу ретйвому,
Отъ сердца ретйвого
Ко лицу ко бумажному [1]).
Подниму я платье цвѣтное
Выше буйныя гòловы,
Заложу платье цвѣтное
Во свой окова́нъ ларецъ,
А сама стану говóрити:
«Ужъ ты свѣтъ, платье цвѣтное,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Не счастливое купилося,
Не таланливо сошйлося.
Какъ приду я, молодёшенька,
Во свою свѣтлу свѣтлицу,
Въ нелюбимую горницу,
Ужъ мнѣ скажутъ молодёшенькѣ:
«Нагулялась ли, гулливая,
Нашаталась ли, шатальная?»
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На утйшинку тихую,
Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
Добры люди не слышали
И наплачусь, молодёшенька.

1431.

Провожатые хорошіе,
Провожатые пригожіе,
Проводите меня, бѣдную,
Ко церкви ко божіей,
Ко честному ко Здвиженью,
Ко святой Богородицѣ,
Ко вѣнцу ко злачёному,
Ко перстню обручальному;
Отъ вѣнца отъ злачёнаго,
Отъ перстня обручальнаго
На чужу дальню сторону.

[1]) т. е. бѣлому, какъ бумага.

1432.

Не прогнѣвайся, сударь дядюшка,
На меня, молодёшеньку,
Что не вышла, не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
Я дверей не отвóрила
Широкò двери нà пяту,
За бѣлы руки не прйняла,
Я челомъ не ударила
Да шелкòваго поясу,
До башмачнаго чòботу;
Въ высокъ теремъ не ввòдила,
Что не спесь меня взя́ла
И не гордость великая, —
Обуяло меня, мòлоду,
Меня горе великое:
Не велѣлъ сударь батюшка
Подалёку расхаживать;
Не велѣла мнѣ матушка
На бѣлòй свѣтъ посматривать,
Призакрыла, да закутала
Половину свѣта бѣлаго.

1433.

(Невѣста, когда ей подаютъ подарки).

Те спасибо, сударь дядюшка.
На твоемъ на подарочкѣ,
Тебѣ на златѣ, на яхонтѣ
И на гривнѣ серебряной!
Мнѣ твои-то подарочки
Ужъ и мйлы и дòроги,
Однимъ они нè милы, —
Что сгонятъ меня, молоду,
На чужу̀ дальню стòрону.
Положу свои гостинчики
Въ сундукъ я окòванный.
На чужой, на дальней стòронѣ,
Когда скучно покажется, —
Я пойду, молодёшенька,
По сараю зыбучему,
По мосту по скрипучему
Я въ пустую хоромину,
Синикòмъ что называется, (?)
Я возьму твои гостинчики
На свои руки бѣлыя,
Я прижму твои гостинчики
Ко сердцу ретйвому,
Ужъ какъ эти-то гостинчики
Родимаго дядюшки!
Ужъ какъ ты-то, мой дядюшка,
Помяни меня мòлоду

На чужой дальней сторонѣ
Въ три денёчка одйнова.
Токо часто покажется,
Такъ въ недѣльку одйнова,
Токо часто покажется —
Такъ въ годочекъ одйнова.

1434.

Моя милая матушка!
Ты сади да усаживай
Моихъ милыхъ подруженекъ
За столы за дубовые,
Да за скатерти бран(н)ыя!
Ты давай-ка, моя матушка,
Братынъ пива пьянаго,
Да стаканъ зеленà вина.
Вы покушайте, подруженьки,
Вы братынъ пива пьянаго,
Вы стаканъ зеленà вина;
Вы покушайте, голубушки,
Моего-то хлѣба соли!
Не глядите, голубушки,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку, —
Ложка въ ложкахъ замѣшалася.
Посмотри, моя матушка,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку,
Каково я нарядилася,
Каково я набѣлилася:
Ко стану-ли цвѣтно платьецо?
Ко лицу-ли дѣвья красота?

1435.

Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На дубовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ хрустальное стоколышко.
Благослови, Боже-Господи,
Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На башмачки-то сафьянные,
На чулочки бумажные, —
Не грузнѣе я прежняго.
Вы не гнитесь, полòвочки,
Не ломитесь, переводинки:
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На переднюю лавочку.
Благослови Боже-Господи,
Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На свои рѣзвы ноженьки.
Разодвинтесь-ка, сосѣдушки,
Всѣ вы малыя крошечки,
Вы дайте ка, кормилицы,
Вы единую половочку,
Походить, покрасоватися
Что своей дѣвьей крàсотой,
Золотою перевязочкой,
По свѣтлйцѣ, новой горницѣ!
Вы ходйте, ноги рѣзвыя,
Вы машйтесь, руки бѣлыя,
Вы смотрите, очи ясныя
Что во всѣ четыре стороны.
Государь, кормилецъ-батюшка,
Государыня рòдна-матушка!
Отпустите-ка, младёшеньку,
Вы во поле-то чистое.
Далекò-то вамъ покажется,
Широкò-то вамъ поглянется—
Отпустите, молодёшеньку,
Меня съ миленькимъ подруженькамъ
На широкую улицу.
Далекò-то вамъ покажется,
Широкò-то вамъ поглянется,—
Отпустите молодёшеньку
Со милымъ-то подруженькамъ
На сараи-то тесовые.
Далекò-то вамъ покажется,
Широкò-то вамъ поглянется, —
Отпустите молодёшеньку
По своей свѣтлой свѣтлицѣ:
Не послетѣли-ли бѣлйлечки,
Не полиняли-ли мазйлочки?
Я не знаю, куда дѣвати
Свою крàсоту красную,
Золотую перевязочку.
Отдамъ крàсоту красную
Золотую перевязочку
Своей милой подруженькѣ
Свѣтъ Натальѣ Ивановнѣ.
«Ты носи, милà подруженька,
По господнимъ носи праздничкамъ,
По христовымъ воскресеньецамъ,
По веселымъ по гуляньецамъ.
Помяните-ка, голубушки,
На веселыхъ на гуляньецахъ!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Я положу дѣвью крàсоту
На престолъ Богородицы, —
Тутъ не мѣсто, тутъ не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Какъ увидятъ люди добрые,

Такъ сшибутъ люди добрые
Со престола со божія;
Я сниму дѣвью кра̀соту,
Золотую перевязочку
Со престола-то божія,
Я снесу дѣвью кра̀соту,
Золотую перевязочку
Во лѣса во дремучіе,
Во травы во шелко̀выя,
Я поло̀жу дѣвью красоту,
На березу кужлявую.
Какъ придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Срубятъ бѣлую березоньку, —
Повалится дѣвья кра̀сота,
Золотая перевязочка,
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосятъ дѣвью кра̀соту,
Золотую перевязочку.

1436.

Не морозы крещенскіе
За скобу принималися,
Двери на̀ пяту растворялися,
На пяту̀ на дубовую,
На брусьё положо́ную, —
Поглядѣть молодёшенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ.
«Подойди, мила подруженька,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ,
Ты скажи, мила подруженька:
На который теремъ хо̀дила?
Коему̀ Богу молилася?»
—«Я на тотъ бы теремъ схо̀дила
Тому Богу помолилася:
Не помилуетъ ли Господи
Отъ чужія дальни сто̀роны,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ уда̀ла добра мо̀лодца?»
—«Поскажи, мила подруженька,
Про чужую дальню сто̀рону:
На чужой-то да̀льней сто̀ронѣ
Каково те поглянулося
У чужого отца-матери,
У уда̀ла до̀бра молодца?

1437.

(Подружка отвѣчаетъ).

Не моги ты меня спрашивать, —
Не могу я тебѣ сказывать
Про чужую дальню сторону,
Про чужого отца съ матерью,
Про уда̀ла до̀бра мо̀лодца:
Намъ все да полюбилося,
Намъ все да поглянулося
На чужой дальней сто̀ронѣ.
Ты живи-ка, наша матушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
Почитай отца съ матерью,
Да уда̀ла до̀бра мо̀лодца.

1438.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю,
Не отъ краснаго солнышка,
Не отъ ча̀стаго дождичка
Пошатѝлася верѐюшка,
Воротѐчка отворялися, —
Вонъ идетъ-то моя тетушка.
«Подойди-ка, моя тетушка,
Ко мнѣ ко младёшенькѣ,
Да не забудь, мѝла тетушка,
Меня на чужой сторонушкѣ.
Какъ житье будетъ хорошее,
Я и встрѣчу тебя, тетушка,
Середи-то поля чистаго.
Какъ житье будетъ середнее,
Ужъ я встрѣчу тебя, тетушка,
Среди улицы широкія;
Какъ житье будетъ неражее,
На взъѣзду̀ у воро̀течекъ.

1439.

Призатихните, голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужо что-то мнѣ послышалось:
Подъ окошечкомъ постукалось,
За колечушко побрякалось.
Что ко мнѣ идетъ да жалуетъ
Дорогая чѐстна гостейка,
Моя сѐстрица родимая.
«Подойди, моя голубушка,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ,
Не убойся, родимая,
Моего горя лютаго.
Мое горе-то лютое
Отъ меня не отвяжется,
Къ тебѣ горе не привяжется.
Тѣ спасибо, голубушка,
На твоемъ на подарочкѣ,

Что на златѣ, на сѐребрѣ,
Да на гривнѣ серебряной.
Что твои-то подарочки
Мнѣ и любы и дѐроги.
Что однимъ они нѐ любы,
Однимъ тяжелёшеньки, —
Что прогонятъ меня, мѐлоду,
На чужую дальню сторону.
На чужой дальней стѐронѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи;
У чужого отца-матери
Безъ вины виноватая,
У чужого чуженина
Безъ причины буду битая.

1440.

(Гостья отвѣчаетъ).

Ты не бойся, голубушка,
Чуже-дальнія стѐроны;
На чужой дальней стѐронѣ
У чужого отца-матери
И гроза еся и милости.
Какъ ты будешь послушная,
Какъ ты будешь покорная,
Будутъ любить тѐбя, жаловать.

1441.

Благослови, сударь батюшка!
Ужъ мнѣ встать, молодешенькѣ,
Со брусчатыя лавочки,
Изъ за темнаго скутничка,
Изъ за браной занавѣсочки,
Да итти мнѣ, молодёшенькѣ,
Во теплую парушу,
Во теплую, подвѣнѐшную.
Благослови меня, матушка!
Что итти мнѣ, молодёшенькѣ,
Не ступить бы мнѣ, зѐленѣ,
Во коневье копытечко,
Не сронить бы мнѣ, зеленѣ,
Съ себя дѣвьей-то красоты.
Что пошла я, молодёшенька,
По свѣтлой-то свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ.
Отворила я, мѐлода,
Ужъ я дверь да дубовую, —
У пятѝ да *ободвѐрины*

Что сидитъ кѝка бѣлая!
Она въ лапти обувается,
Во оборы увивается,
Со мной въ баню сбирается.
Туто я испугалася,
Туто я перепалася:
Что итти ли мнѣ, мѐлодѣ,
Во теплую-то парушу?
Ужъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
Отгоните кѝку бѣлую
Со пути-то со дороженьки!
Что итти мнѣ въ теплу парушу.

1442.

(По возвращеніи изъ бани).

Я не долго попарилася,
Ужъ я много съ себя спарила:
Ужъ я смыла съ себя, молода,
Свою дѣвью-то красоту.
Вы садитесь, подруженьки,
Кругъ стола да на лавочки!
Ты стели-ка, родна матушка,
Скатерти-то браныя;
Станови-ка, родна матушка,
Пѝтья, ѣ́ства сахарныя,
Угощай, моя родимая,
Ты подружекъ голубушекъ,
Не въ первые, да въ послѣдніе.
«Вы покушайте, голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Когда Господи спѐдобитъ
Ужо жить мнѣ, молодёшенькѣ,
На чужой дальней стѐронѣ, —
Помяните меня, мѐлоду,
Въ три денёчка одиново.»
Тѣ спасибо, сударь батюшка,
Напилась я, наѣлася,
Въ чѐстномъ мѣстѣ насидѣлася,
Насидѣлася съ подружками
Со моимъ милы́мъ голубушкамъ.

1443.

Благослови Боже Господи!
Ужо встать мнѣ, молодёшенькѣ,
Со постелюшки мягкія,
Со подушки пуховыя, —
И итти мнѣ умыватися.
Я умыла лицо бѣлое
И утёрла полотенечкомъ.

Ужо встать мнѣ, молодешенькѣ,
Середь свѣтлыя свѣтлицы
И столовыя горницы,
Помолиться мнѣ, молодѣ,
Ко святымъ ко иконушкамъ:
Я первой поклонъ положу
За Царя благовѣрнаго,
Я другой поклонъ положу —
За царицу благовѣрную;
Я третей поклонъ положу
За царевыхъ малыхъ дѣтушекъ.
Я еще поклонъ положу
За родимаго батюшку,
За родимую матушку.
Я еще поклонъ положу
За своихъ родныхъ брателковъ,
За сестрицъ за голубушекъ.
Я еще поклонъ положу
За себя, молодёшеньку.
Я еще поклонъ положу
За чужу дальню сторону,
За чужого чуженина,
За его семью великую.
Ужо сѣсти молодёшенькѣ,
На брусчатую лавочку.
«Подойди-ка, родна матушка,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ!
Растолкуй, моя родимая,
Ужо что-то мнѣ приснилося,
Мнѣ во снѣ да показалося:
Ужъ я шла, молодёшенька,
Я по полюшку хлѣбному,
Да по лѣсу дремучему.
Тамъ по полюшку чистому
Я увидѣла, молода,
Непокрытую хатину,
Пустую хоромину.
Я зашла, молодёшенька,
Я въ пустую хоромину:
Что въ углу да на лавочкѣ
Тутъ сидитъ да сизой орелъ,
По полу ходитъ бѣла лебедь,
На окошкахъ сизы голуби,
А по лавочкамъ ласточки,
На печѣ у напыльника —
Тутъ сидитъ сова пестрая,
Да ворона крылатая,
А подаль на лавочкѣ —
Тутъ сидитъ младъ ясёнъ-соколъ.
Онъ глядитъ да въ окошечко,
Изъ окошка хочетъ вылетѣть,
Онъ меня да съ собой манитъ.
Туто я испугалася,
Ото сна пробужалася.»
—«Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко!
Этотъ сонъ тебѣ привидѣлся,
Скоро въ яво покажется:
Что пустая-то хоромина —
Чужедальная сторона,
Во углу сидитъ сизой орелъ —
Это твой свекоръ батюшка;
По полу ходитъ бѣла лебедь —
То свекровь твоя матушка.
По окошкамъ сизы голуби —
То деверья братцы милые.
А по лавочкамъ ласточки —
То золовки голубушки,
На печѣ сова пестрая —
Это ихняя баушка,
А ворона крылатая —
Это тетка богатая.
Что поодоль на лавочкѣ
Тутъ сидитъ младъ ясёнъ-соколъ —
Это твой лада милая.
Онъ тебя да съ собой манитъ,
Отъ семьи онъ отдѣлится.

1444.

Какъ вечоръ, моя матушка,
Прилетала кукушечка,
И садилась кукушечка
На кутнее окошечко.
Говорила кукушечка
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ ты плачь, красна дѣвица,
Уливайся, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонушкѣ
Три поля горя насѣяны,
Печальёй-то огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Течетъ рѣченька слезяная,
По ёй жилочка кровяная»,
А сегодня вотъ, матушка,
Прилеталъ младъ ясёнъ-соколъ, —
Что садился младъ ясёнъ-соколъ
На переднее окошечко;
Говорилъ младъ ясёнъ-соколъ
Человѣческимъ голосомъ:
«Ты не плачь, красна дѣвица,
Веселись, дочь отецкая!
На чужой дальней сторонѣ
Три поля пшена насѣяны,
Весельёмъ да обгорожены,
Радостью да исполиваны.
Течетъ рѣченька медовая,
По ёй жилочка золотая.»

1445.

«Тѣ добро да итти жаловать,
Наша милая подруженька,
Душа красная дѣвица!
Тѣ добро да итти жаловать
Что во теплую-то па̀рушу,
Во теплую-то подвѣнешную.
Какъ у насъ во теплой па̀рушѣ —
У насъ каменка жемчужная,
Полочки тамъ хрустальныя
И вѣничекъ-то шолковый.»
— «Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ вы дайте молодешенькѣ
Мнѣ поруку великую.»
«Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку дадимъ великую
Тебѣ крестную матушку.»
— «Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя подруженьки,
Ужъ вы дайте мнѣ поруку-то —
Мать божью Богородицу.»

1446.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ повыйти, повыступити
На широкую улочку.
Ты свѣти-ка, свѣтёлъ мѣсяцъ,
Освѣщай путь дороженьку.
Не ступить бы молодёшенькѣ
Мнѣ на конью ступенечку,
Не сронить бы, молодешенькѣ,
Дѣвьей-то кра̀соты.

1447.

На обманъ дѣло дѣлали,
Я недолго попарилась,
Съ себя много я спарила:
Я спарила, молодёшенька,
Съ себя дѣвью-то кра̀соту.
Вамъ покорно благодарствую,
Вамъ, родимый батюшка
И родимая матушка,
На теплой-то па̀рушѣ!
Дайте хлѣба мнѣ на ужину,
Не въ первые, въ послѣдніе,
Со подружкамъ голубушкамъ
Провести ужинъ въ послѣдніе.

1448.

Мнѣ не честь, красной дѣвицѣ,
Провожать добра мо̀лодца!
Да не коря̀, я покорилася,
Не кланяясь, поклонилася
Я чужому-то чужѐнину,
Удалу̀ добру мо̀лодцу.
Я сидѣла, молодёшенька,
За столами за дубовыми,
За скатертями за браными,
И за яствами саха̀рными
Со чужимъ людямъ до̀брымъ.
Того пуще, тяжѐлѣе —
Съ удалы̀мъ добрымъ мо̀лодцемъ,
И съ грозою молодецкою.
Я не смѣла молодешенька,
Ни съ кѣмъ слова-то вымолвить —
Не съ роднымъ, не съ двоюроднымъ;
Того пуще, тяжѐлѣе —
Со подружкамъ голубушкамъ.

1449.

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Я объ чемъ буду гово́рити,
Я объ чемъ буду наказывать:
Какъ придетъ лѣто теплое,
Придутъ лѣтніе праздники,
Лѣтніе да гулящіе,
Вы пойдяте, голубушки,
На гуляночку веселую;
Ужъ вы вспомните, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, молодёшеньку,
Хотя въ день вы одиножды.
Если часто покажется, —
Такъ въ недѣльку одиножды,
Если часто покажется, —
Такъ въ годочекъ одинож
ды.
По тяжелому вздо̀хнется
На чужой дальней сто̀ронѣ,
Какъ подумаю бѣдная:
Помянули меня молоду
На своей-то сторонушкѣ.

1450.

(Невѣста къ родителямъ, передъ отъѣздомъ ихъ на сватовство).

Ты не ѣзди, родимый батюшка,
На чужую дальню сто̀рону,

На злодѣюшку незна̀мую;
Не кидайся, родимый батюшка,
На хоромы-то высокія,
На запоры-то крѣпкіе,
На самовары-то чистые,
На скотинушку рогатую,
Того пуще, тяжелѣе —
На уда̀ла добра мо̀лодца.

1451.

Ты не послушался,
Родимый батюшка,
Ты не послушалась
Родимая матушка,
Моего наказаньеца,
Слезяно̀ва причитаньеца;
Вамъ-то тамъ полюбилося,
Вамъ-то тамъ поглянулося:
Тамъ хоромы высокіе,
Самовары-то свѣтлые,
И запоры-то крѣпкіе,
И скотинушка рогатая,
И уда̀лой доброй мо̀лодецъ.
Не пожалѣлъ, родимый батюшка,
Ты меня, молодёшеньку!
Промѣнялъ, родимый батюшка,
Ты на винную чарочку,
На пивную браты̀ночку.

1452.

Пріоткрыть молодёшенькѣ
Мнѣ платочка малёшенько,
Мнѣ повыше очей ясны̀хъ,
Да пониже бровей черны̀хъ,
Да поглядѣть молодёшенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ,
На родимую матушку,
«Подойди, моя голубушка,
Ты родимая матушка,
Ко ку̀тней-то ку̀тницѣ,
Къ забрано̀й запавѣсочкѣ,
Ты ко мѣсту упалому,
Къ человѣку печальному,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ!
Не убойся, голубушка,
Ты родимая матушка,
Моего горя кручинушки.
Что мое горе-кручинушка
Отъ меня не отвяжется
И къ тебѣ не привяжется.
Сядь, родимая матушка,
По мою руку правую;
Поучи меня, голубушка,
Ты родимая матушка,
Какъ мнѣ жить, молодешенькѣ
На чужой дальней сто̀ронѣ.—
На чужой дальней сто̀ронѣ —
Тамъ ужъ люди ученые,
Тамъ ужъ люди торёные.
Какъ сама про ся подумаю —
Я дитя-то неученое,
Я дитя неторёное.
На чужой дальней сто̀ронѣ
Надо голову покло̀нливу,
Рети̑во̀ сердце покорное.
Какъ придетъ пора-времечко,
Увезутъ молодешеньку
На чужу дальню сто̀рону,
На злодѣюшку незна̀мую. —
Ужъ ты сдѣлай, родна матушка,
Безъ дороженьки дороженьку,
Безъ пути перепутьецо.
Ты провѣдай, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка;
Какъ житье будетъ хорошее,
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго.
Какъ житье будетъ по-среднему, —
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
Середь улицы широкія.
Какъ житье будетъ послѣднее, —
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
У шесточка кирпичнаго.
Подожму, молодешенька,
Свои рученьки бѣлыя
Ко сердцу ко рети̑вому.
Не промолвлю я, мо̀лода,
Съ тобой, родимая матушка,
Ни единаго словечушка.

1453.

Ужъ ты свѣтъ родимый батюшка
И родимая матушка!
У васъ что же за праздничекъ?
У васъ что за весельецо?
У васъ всѣ гости съѣзжаются,

У васъ всѣ собираются
И родны и двоюродны;
Одного гостя пѣтутка —
Соколочка братца милого.
Ужъ мы съѣздимъ-ка, батюшка,
Во торги да во ярмонки,
Да купимъ, родимый батюшка,
Мы тамъ гѐрбовой грамотки,
Напишу я, молодешенька,
Не перомъ, не чернилами,
А своимъ горючи́мъ слеза̀мъ;
Отошлемъ письмо-грамотку
Мы во дальніе гѐроды,
Во полки-то военные,
Во казармы казенныя,
Къ соколочку братцу милому.
Какъ получитъ братецъ миленькой
На свои руки бѣлыя,
Распечатаетъ миленькой
Онъ руками-то бѣлыми,
Прочитаетъ-то миленькой
Онъ устами сахарными,
Что зовутъ-то на свадебку, —
И пойдетъ братецъ миленькой
Во казармы казенныя,
Ухвати́тъ братецъ миленькой
Ружьецо-то булатное,
Растоскуется сердечушко
У соколочка, братца милаго.
Ужъ какъ строгіе начальнички
Ужъ какіе немилосливы(е)
И сердца̀мъ-то не жалосливы!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1425 записаны въ разныхъ селеніяхъ Вологод. у.).

1454.

Что не свѣтъ свѣтается,
Не заря занимается, —
Тутъ идетъ, подымается
Родимой-оть батюшка,
Кирило Ивановичъ.
Ты дойди, дойди, дѐступи
До кути́, до зана̀вѣсы,
До тѐнкой до полѐтняной,
До ши́той перѐбраной.
Есть въ кути́ за зана̀вѣсой
Кручи́нная дѣвица,
Со печали надсѣлася,
Хлѣба-соли лишилася.
Я прошу тебя, батюшка,
Не ради-то да̀рьеца [1]),
Только ради свиданьеца,
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться проститися
На вѣку-то не впѐрвые,
Въ дѣвьей кра̀сотѣ впослѣдніе.

[1]) подарка.

1455.

Вы помойте, подруженьки,
Вы помойте, голубушки,
Мою-то дѣвью кра̀соту
Мою-то ли красовитую
Во чистой-то па̀рушѣ,
Въ достальны̀я послѣдніе.
Какъ во чистой-то па̀рушѣ
Три окошка кося̀щатыхъ:
На первóмъ-то окошечкѣ —
Все мазила румяныя,
На второмъ-то окошечкѣ —
Все бѣлилечка бѣлыя,
А на третьемъ окошечкѣ —
Моя дѣвья кра̀сота.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣ̀стечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Возьму-ка я кра̀соту
Со окошка косящата,
Положу-ка я кра̀соту
На березу кужлявую,
Что приду̀тъ люди добрые
Со топорами со вострыми,
Что сорвутъ они кра̀соту
Со березки кужлявыя.
Положу-ка я кра̀соту
На травку шелкѐвую,
На цвѣточки лазоревы,
На кусточки ракитовы.
Что приду̀тъ люди добрые
Со косами со вострыми
И скосятъ дѣвью кра̀соту,
Мою красовитую, —
Тутъ не мѣсто ей, не мѣ̀стечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Положу-ка я кра̀соту
На сестрицу голубушку, —
Тутъ и мѣсто ей и мѣ̀стечко,
И мѣсто вѣковѣчное.
Ты возьми, мила сѐстрица,
Мою дѣвью-то кра̀соту,
Мою красовитую,
Со окошка косящата!
Береги же ты, сѐстрица,

Мою дѣвью-то кра̀соту,
Береги же, не снашивай
И, носивъ, не изнашивай!
Береги же ты, сѐстрица,
Мою дѣвью-то кра̀соту
Отъ дождика ча̀стова,
Отъ солнышка я̀снова.

1456.

(При выходѣ изъ бани всѣ дѣвицы хоромъ поютъ).

Раскатись-ка ты, каменка,
До еди́нова камушка,
Развались-ка ты, ба́ненка
До еди́нова брёвнышка!

1457.

Сяду-ка я, мо̀лода,
Въ куть подъ окошечко,
На кручинное мѣ̀стечко,
На дубовую лавочку.
Ничего мнѣ тутъ не высидѣть,
Ни въ кути́ подъ окошечкомъ,
Ни въ почетномъ (углу) на лавочкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки.
Лучше встану я, мо̀лода,
Лучше встану я, зѐлена,
На свои рѣзвы ноженьки,
Во обновкѣ пригоженькой,
Вы идите, рѣзвы ноженьки,
Ко родимымъ отцу-матери.
Живучи̇̀ вы не подгибывались,
Живучи̇̀ вы не подламывались.
Протянитесь рѣзвы рученьки,
Обнимите отца-матушку!
Живучи̇̀ вы не согибывались,
Живучи̇̀ вы не ломалися.
Вы глядите, очи ясныя, —
Во слезахъ вы не мутитеся!
Не клонись-ка ты, головонька,
Не ломись, переводинка!
Не тяжѐлѣ я прежняго,
Не дурнѣе я стараго.
Развѣ тѣмъ я тяжѐлѣе —
Своимъ горемъ-кручиною.
Ужъ мнѣ дайте увидѣти,
Ужъ мнѣ дайте усмо̀трѣти
Моего батюшку родимаго,
Мою матушку сердечную.
Ну, спасибо тебѣ, батюшка,
И спасибо великое
На хлѣбѣ и на̀ соли,
На твоей добродѣтели!
Что твоя хлѣбъ-соль сладкая,
Слаще меду медвя̀наго;
Добродѣтель—сердечная
Доброхота великаго.
Не жалѣлъ же ты, батюшка,
Для меня, молодешеньки,
Ни платья-то цвѣтнаго,
Ни башма̀чковъ сафьянныихъ,
Ни чулочковъ бумажныихъ,
Ни поя̀сья-то тка̀наго,
Что ни колѐцъ-то, ни сѐрегъ,
Ни мѣховъ-то собольихъ.
Не спрошу теперь у батюшки
Ни платья-то цвѣтнаго,
Только спрошу у батюшки
Благословенья родительска
Отъ сердца рети́ваго
Ко вѣнцу ко злаченому.

1458.

Поищу-ка я, горькая,
Поищу я, злосчастная,
Доброхота великаго
Во своей тѐмной те́мницѣ,
Во столовой во горницѣ.
Не могу я увидѣти,
Не могу я усмо̀трѣти
Доброхота великаго.
Какъ почулось-послышалось —
У окошка постукалось.
Ужъ какъ мнѣ показалося
Что роди́мова батюшки
Голосочекъ послышался.
Ужъ пойду же я, горькая,
Ужъ пойду я, злосчастная,
Ужъ я встрѣчу же, горькая,
Родимо̀ва-то батюшку
Со широкой со улочки.
Нѣтъ и нѣтъ, не случается —
Отъ сухо̀ва-то дерева
Не живетъ[1]) отростѐльеца,
Что отъ тѣла-то мертваго

[1]) т. е. не бываетъ.

Не живетъ благословеньеца.
Что оставилъ мнѣ батюшка
Одно примѣтное мѣстечко,
Да дубовую лавочку.

1459.

Проводите-ка, подруженьки,
Проводите, голубушки,
Вы меня молодешеньку,
Вы меня зеленешеньку, —
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальные послѣдніе.
Со подружкамъ голубушкамъ
Не бывать молодешенькѣ,
Не бывать зеленешенькѣ
Ни въ бесѣдѣ смиренной,
Ни въ гуляньяхъ веселыхъ,
Не водить на нихъ крàсоты.

1460.

Ты свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю ночьку темную,
Во всю ночь осённую
Надъ моей свѣтлой свѣтлицей,
Надъ столовою горницей,
Надъ моей дѣвьей крàсотой,
Надъ моей красовитою,
Надъ моей любовитою!
Ужъ ты встрѣть меня, батюшка,
Ужъ ты встрѣть меня, матушка,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со послѣдней бесѣдушки,
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальные послѣдніе.
Не бывать ужъ мнѣ, мòлодѣ,
Не бывать ужъ мнѣ, зѐленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
Во своей дѣвьей крàсотѣ,
Во своей красовитой,
Во своей любовитой
Во бесѣдѣ смиренной.
Отказали мнѣ батюшка
И родимая матушка
И подружки голубушки
Отъ бесѣды смиренной.

1461.

Ты красуйся краса
У родимого батюшки
У родимыя матушки
Въ достальные послѣдніе,
У соколиковъ, родныхъ братцевъ,
У сестричекъ голубушекъ
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой во горницѣ.
Запримѣть же ты, батюшка,
Запримѣть же ты, матушка,
Мою дѣвью-то крàсоту
Въ достальные послѣдніе.
Погляди-ка ты, батюшка,
На подружекъ голубушекъ:
У подружекъ голубушекъ
Русы косы заплетены,
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ.
У меня то молодешеньки,
У меня то зеленешеньки —
Плотно кóсонька не плѐтется.
У меня-то, молодешеньки,
У меня-то, зеленешеньки,
На каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1462.

Расплетите, подруженьки,
Вы мою дѣвью крàсоту,
Вы мою красовитую
Въ достальные послѣдніе.
Не бывать-то мнѣ, молодѣ,
Не бывать-то мнѣ, зѐленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
На веселыхъ гуляньецахъ.
Какъ о лѣтнихъ о праздничкахъ
Гуляли мы, мòлоды,
По травкѣ по шòлковой,
По цвѣточкамъ лазоревымъ.
Подъ намъ травка не мялася,
Цвѣточки не ломалися,
Надъ намъ люди дивовалися:
«Это чьи идутъ дѣвицы?
Это чьи раскрасавицы?
Не родимыя ли сѐстрицы,
Не одной ли мàти дочери?

1463.

Что на стулѣ на рѣшѐщатомъ,
Противъ зеркала нѣмецкаго,
Тутъ сидѣла красна дѣвица
И чесала ру̀сы ко̀соньки.
Что чесала, приговаривала:
«Завивайтесь, русы ку̀дерки,
Къ моему-то лицу бѣлому,
Ко моимъ щекамъ румянымъ!»

1464.

(На это подружки поютъ):

Ты послушай, подруженька,
Ты послушай, голубушка!
Привыкать теперь подруженькѣ
Къ молодецкому-то разуму.

1465.

(Невѣста падаетъ передъ хозяйкой).

Спасибо же, хозяюшка,
Тебѣ на тихой бесѣдѣ,
Что закладывалась, хозяюшка,
За меня молодешеньку.,

(Всѣ 12, начиная съ № 1454 зап. въ Тотем. у.).

1466.

Что не свѣтъ свѣтается,
Не зоря занимается,
Что не ласточка касаточка
Съ тепла гнѣздышка снимается, —
Душа красная дѣвица
Ото сна пробужается.
«Мнѣ итти, молодешенькѣ,
Во свѣтлую свѣтлицу;
Умываться, молодешенькѣ,
Свѣжой ключевой водой,
Утираться молодешенькѣ
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ,
Помолиться, молодешенькѣ,
Мнѣ Спасу Пречистому,
Пресвятой Богородицѣ.
Я первой поклонъ по̀ложу
За царя благовѣрнаго,
Я второй поклонъ по̀ложу
За царицу благовѣрную,
Я третей поклонъ по̀ложу
За царевыхъ за дѣточекъ,
Четвертый поклонъ по̀ложу
За родимаго батюшку;
Я пятый поклонъ по̀ложу
За родимую матушку,
Я шестой поклонъ по̀ложу
За свою буйну го̀лову,
Чтобы далъ-то мнѣ, Господи,
Великое повѣтріе
Ко церкви божественной,
Ко вѣнцу ко злащеному,
Ко перстню обручальному,—
Отъ вѣнца отъ злащенаго
На чу̀жу дальню сто̀рону,
Во часы-то во добрые,
Да въ минуты веселыя.

1467.

Благослови, Боже Господи,
Мать божья, Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодешенькѣ,
На брущатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодешенькѣ,
Невеселую пѣсенку.
Не съ веселья со радости —
Съ горя со кручинушки,
Со печали великія,
Со причетамъ со жалостнымъ
Со слезами горючими.

1468.

Ужъ когда та пора прошла,
Когда время миновалося,
Когда я красовалася!
Ровно не жи́вано-бы́вано,
Ровно не хо̀жено-гу̀ляно,
Ровно во снѣ младѣ привидѣлось,
Въ сновидѣньецѣ показалося
Мнѣ свое житье дѣвичье,
Своя воля великая.
Мнѣ изъ воль-то воля̀ была,
Мнѣ изъ нѣгъ-то нѣга̀ была,
Изъ прохладъ была прохладушка.
Пожила, покрасовалася,
Погуляла, понаряжалася
У родимаго батюшка

У родимыя матушки:
Я сама въ гости гостила,
Я къ себѣ гостей водила,
Своихъ милыхъ подруженекъ.

1469.

Красота-ли моя красота,
Красота моя хорошая,
Красота моя пригожая!
Такъ роститъ моя красота
Золотое себѣ крылышко,
Такъ и хочетъ улѣтѣти
Со моей буйной головы
На иные на городы,
На сибирскія украины,
За моря за глубокія,
За озера широкія,
За рѣченьки быстрыя,
За грязи за чѐрныя,
За лѣса за дремучіе.
Сядетъ моя красота
На березоньку бѣлую,
Придетъ весна красная,
Придутъ люди добрые,
Мужики деревенскіе,
Ссѣкутъ бѣлую березоньку.
Такъ упадетъ моя красота
На травы шелковыя,
На цвѣты на лазоревы.
Придетъ лѣто жаркое,
Придутъ люди добрые
Съ косами со вострыми —
Подкосятъ мою красоту:
Упадетъ моя красота
На щетку колючую.
Я пойду, молодешенька,
Во луга во зеленые,
Я возьму, молодешенька,
Свою дѣвью-то красоту
На свои руки бѣлыя,
Да сама стану говорити:
«Тутъ моей красотѣ
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.»
Я снесу свою красоту
За престолъ Богородицы,
Сама стану говорити:
«Тутъ моей красотѣ
И мѣсто и мѣстечко
И мѣсто вѣковѣчное!»

1470.

(Подружки поютъ за дверью).

Мы возьмемъ двери за скобу,
Мы отворимъ двери на-пяту:
Ты не гнись-ка половочка,
Не ломись, переводинка,
Не убойся, красна дѣвица.
Не звѣрье къ тебѣ идетъ,
Къ тебѣ йдутъ да жалуютъ
Твои милыя подруженьки —
Звать во теплую парушу,
Во теплую подвѣнешную,
Не въ первые, въ послѣдные.
Ужъ что теплая паруша
Очень ясно топилася,
Что во теплой-то парушѣ
Стоитъ каменка жемчужная;
Середи-то теплой паруши
Стоятъ три чары золоченны,
Что во первой-то чарочкѣ
Твои бѣлыя бѣлилица,
Во второй-то во чарочкѣ
Румяныя мазилица
Что во третьей-то чарочкѣ —
Твоя дѣвичья красота.
Что во теплой-то парушѣ
Стоятъ двери стеклянныя,
Подворотечки хрустальныя.

1471.

(Невѣста отвѣчаетъ).

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Не на обманъ ли дѣло сдѣлали?
Не на проводку-ли проводите?
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1472.

(Подружки).

Мы даемъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
За поруку-то крѣпкую
Твоего родима батюшку
И родимую матушку.

1473.

(Невѣста).

Не теперь же изувѣрилась,
Я въ родимомъ сударь батюшкѣ
И родимой-то матушкѣ.
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1474.

(Подружки).

Мы дадимъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку-то крѣпкую —
Ужъ мы Спаса Пречистаго
Пресвятую Богородицу.

1475.

Невѣста встаетъ передъ иконами и причитаетъ:

Благослови, Боже Господи,
Мать Божья, Богородица!
Мнѣ итти молодёшенькѣ
Во теплую пàрушу,
Во теплую подвѣнешную,
Не въ первые, въ послѣдніе,
Во дѣвичьей-то во крàсотѣ.

1476.

Тутъ двѣ подружки берутъ невѣсту подъ руки, а третья мететъ вѣникомъ дорогу и ведутъ ее въ баню. Невѣста въ это время причитаетъ.

Ты свѣти-ка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Освѣти-ка путь дороженьку;
Не ступить бы молодёшенькѣ
Во коневье копытечко,
Не сронить-бы, молодёшенькѣ
Своей дѣвьей-то красоты!

1477.

Послѣ бани невѣста продолжаетъ.

Мои милыя подруженьки
На обманъ дѣло сдѣлали,
На провòдку провòдили.
Я не долго попарилась,
А я много съ себя спарила,—
Ужъ я спарила, молодёшенька,
Свою дѣвью-то красоту.

Когда невѣста входитъ въ домъ, мать встрѣчаетъ ее съ пряженикомъ и съ пивомъ. Невѣста закусываетъ, пьетъ пиво и идетъ отдыхать. При наступленіи вечера ее зовутъ на смотрины.

1478.

(На смотринахъ невѣста кидается нà грудь отцу и причитаетъ).

Не выходи, сударь батюшка,
Ты на свой на широкой дворъ,
Не встрѣчай, сударь батюшка,
Ты своихъ дорогихъ гостей!
Не води дорогихъ гостей
Во свой во высокъ терѐмъ!
Не коли ретивà сердца,
Не клони буйны гòловы,
Не запоручивай, родимый,
Ты меня, молодёшеньку,
На чужу дальню стòрону!

1479.

Подружки берутъ невѣсту подъ руки, ведутъ умываться и причитаютъ:

Красна дѣ̀вица снаряжается,
Бѣлымъ мыломъ умывается,
Въ чисто зеркало смотрится,
Красотѣ своей дивуется:
«Красота ли моя, крàсота,
Красотà моя хорошая,
Красотà моя пригожая!»

1480.

Когда подружки убираютъ голову невѣсты, она причитаетъ.

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Расплетите русу косоньку,
Вы вплетите алу ленточку,

Не въ первые, въ послѣдніе,
Въ мою дѣвичью красоту.
Ты катайся, руса косонька,
По моимъ могучимъ плечикамъ
Со правова да па лѣвое,
Со лѣвова да на правое.
Закатись, моя руса коса,
Мнѣ всочь [1]), во ясны очи;
Мнѣ въ запасъ бы наглядѣтися,
Мнѣ въ запасъ насмотрѣтися
На свою русу косоньку.

1481.

Нарядившись, невѣста проситъ благословенія у отца и матери.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка
И родимая матушка!
Ужъ вы дайте, родимые,
Благословеньеце великое,
Ужъ вы Спасомъ пречистымъ,
Пресвятой Богородицей.

1482.

Когда невѣста получитъ благословеніе, подружки причитаютъ.

Ты красуйся, голубушка,
Наша милая подруженька,
Во дѣвичьей во красотѣ!
Тебѣ не годъ годовати,
Не зима зимовати,
Одна ноченька почевати
Во дѣвичьей во красотѣ,
Да и та коротёшенька;
Не знать, хóдя проходити,
Не знать, сидя просидѣти,
Не знать, Богу молитися,—
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ.

1483.

Невѣста отвѣчаетъ:

Меня батюшка жалуетъ
Не великою радостью —
Удалымъ добрымъ молодцемъ.
Меня матушка жалуетъ
Невеликою радостью —
Меня кикой-то бѣлою.
Ужъ какъ кика-то бѣлая
Влагаетъ желтизну въ лицо,
Сухоту въ ретиво сердце.
Ужъ какъ дѣвичья красота
За сто верстъ она слышна,
Ужъ какъ кика-то бѣлая
Со печи не видна
И за порогъ не слышна.

[1]) въ лицо.

1484.

Невѣста садится за столъ съ подружками и причитаетъ.

Благослови, Боже Господи,
Мать Божья Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На брущатую лавочку,
За столы за дубовые,
И за скатерти браныя,
И за яства сахарныя,
И за питья медовыя.
Подойдите, родимыя,
Ко столу ко дубовому
И ко мнѣ, молодёшенькѣ.
Вы откройте, родимыя,
Вы платочка малёшенько,
Посмотрите, родимыя,
Мнѣ всочь во ясны очи:
Я бѣло ли пабѣлилася,
Румяно ли нарумянилась,
Не въ первые, — въ послѣдніе
Во дѣвичьей-то во красотѣ?

1485.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка!
Ужъ какъ я тебѣ говóрила,
Ужъ какъ я тебѣ наказывала!
Не послушалъ, сударь батюшка,
Моего наказаньеца,
Запоручилъ, сударь батюшка,
Ты меня, молодёшеньку,
За поруки за крѣпкія,
За письма вѣковѣчныя.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить,

Съ чуже-дальнія стòроны.
Не коня вѣдь ты зàпродалъ,
Не пшеницу бѣлоярую.
Я гораздо, сударь батюшка,
Я много надосадила,
Живучй напрокỳчила.
Ужъ я, кажется, батюшка,
Слуга была вѣрная
И посылочка скорая,
Я дѣло-то дѣлала,
И работу работала.
Я гораздо, сударь батюшка,
Не сусѣкъ хлѣба выѣла,
Не колодезь воды выпила;
Ужъ я, кажется, батюшка,
Я жила, молодёшенька,
Потише воды великія,
Пониже травы шолковыя.

1486.

(Причетъ по умершемъ мужѣ).

Ты оставилъ меня бѣдную,
Ты оставилъ меня горькую,
Сироту горемычную
Со маленькимъ крошечкамъ!
Какъ мы жить-то будемъ, бѣдные,
Безъ тебя, красно солнышко,
Моя милая ладушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣто-то красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Не будетъ у насъ бѣдныхъ
Ни деннòва работничка,
Ни ночнова попечѐльщичка.
Ты куда же снарядился,
Ты куда-же сподобился,
Мое красное солнышко,
Моя милая ладушка?
Не въ торги, не во ярмонки,
Не на гуляночки веселыя,
Снарядился, моя ладушка,
Ко церкви божественной,
На житье вѣковѣчное,
Ужъ намъ ждать—не дождатися,
Глядѣть—не наглядѣтися
Ни съ которой сторонушки
На тебя, милу ладушку!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1466 зап. въ Волог. у.).

1487.

Тысяцкой неумоя,
Сватушка кукомоя,
Сунься въ лохань, умойся,
Нá тебѣ рогозку, утрися,
Нà тебѣ лопату, помолися.

Или.

1488.

Сваха неряха,
Немытая рубаха,
Не колоченая,
Не молоченая.
Свахоньку
Надо выколотить,
Свахоньку
Надо вымолотить.
Надо рощи наростѝть,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.
Выпустимъ кота
Изъ за задняго хлѣвá,
Обдеретъ онъ тебя,
Ровно сковороду.

1489.

Къ жениху.

Князь молодой, развернися,
Съ нами гостями обойдися.

1490.

Вы подруженьки голубушки,
Сидите призадумались,
Чужихъ басень заслушались.
Будто пѣть у насъ нечего,
Припѣвать будто некого?
Припоемъ мы подруженьку,
Анну Степановну.
Я прошу тебя, подруженька,
Не ради дàрьеца,
А ради свиданьеца:
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться, проститися
На вѣку-то не въ пѐрвые,
Въ дѣвьей красотѣ въ послѣдніе.

1491.

Когда гости жениха соберутся, тогда, помолившись Богу, они отправляются къ невѣстѣ, что бываетъ всегда вечеромъ. Отъѣхавъ немного, весь поѣздъ останавливается, а дружка три раза дѣлаетъ оклнкъ: «всѣ-ли бояре въ скопѣ?» и каждый разъ получаетъ утвердительный отвѣтъ, послѣ чего поѣздъ отправляется далѣе. Пріѣхавъ къ дому невѣсты, послѣ того какъ гости выйдутъ изъ саней или телѣгъ, дружка говоритъ:

«Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ!
Ѣхали мы бояре
Чистыми полями,
Зелеными лугами,
Дремучими волокàми.
Подлѣ стогъ на угорѣ
Стоитъ большой огромный дубъ,
Изъ подъ того дуба выпалъ куній слѣдъ.
Мы ударились по куньему слѣду:
Куна шла темными лѣсами,
Зелеными лугами,
Дремучими волоками.
Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ-лихачахъ
По пенькамъ, по колодинкамъ, —
Все пенье приломали,
Колодникъ припинали,
За намъ сдѣлался какъ московской трактъ.
Попали намъ два старика усаты,
Два бѣло-бородаты;
Мы спрошали ихъ:
Та-ли дорога, та-ли широ̀ка
Къ нашей княгинѣ молодой?

(Пріѣхавшіе гости отвѣчаютъ «Та»).

Мы доѣхали,
Стоитъ деревня, какъ городъ,
Домъ какъ теремъ.
Мы не сами узнали,
Намъ люди сказали.
Говорятъ: есть у насъ хорошій товаръ,
А есть при васъ первой гильдіи купецъ?
Есть у насъ куницы, лисицы,
Заморскія соболицы,
Красныя дѣвицы.
— Отдайте намъ куницу!
Не отдадите куницы,
Отдайте лисицу,
Отдайте заморскую соболицу,
Не отдадите заморской соболицы,
Отдайте красную дѣвицу.
Не отдадите красной дѣвицы —
Отдайте сто рублей штрафу,
Не отдадите сто рублей штрафу,
Отдайте красную рубаху,
Я и съ той домой уѣду.

1492.

(Послѣ этого женихъ и всѣ его гости идутъ къ крыльцу дома, а дружка говоритъ):

Господи Іисусе и проч.
Къ этому дому,
Къ высокому терèму
Лѣсенки точёны,
Ступеньки золочёны.
На перву ступеньку ступлю,
Свято проговорю:
Господи Іисусе и проч.
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мати—родители?
Кто поилъ, кормилъ,
Обувалъ, одѣвалъ,
На ноги подымалъ,
Также бы теперь мнѣ и ворота отпиралъ,
Встрѣчалъ бы меня дружку передоѣзжаго,
Со своимъ молодымъ по̀дружьемъ,
Со всѣмъ честнымъ по̀ѣздомъ.

1493.

(Случается, что когда поѣзжане подойдутъ къ дверямъ, то онѣ оказываются запертыми. Дѣвушки въ сѣняхъ поютъ пѣсни и кто нибудь изъ сѣней задаетъ вопросы):

— У насъ на запорѣ медвѣдь сидитъ.

(Дружка возражаетъ):

У нашего князя молодого
Есть ружья турецки,
Замки нѣмецки,
Стрѣлки молодецки;
Будутъ стрѣлять и палить,
Медвѣдю на запорѣ не улежать.
— Къ невѣстѣ-то рѣка широкà.
— У нашего князя молодого
Есть лодочки самоходочки,
Гребцы молодцы, —
Не удержать рѣкѣ широкѣ.
— Кто тамъ пищитъ?
Не комаръ-ли, не муха?
Аминь Святого Духа.

1494.

(Двери отворяются и всѣ поѣзжане входятъ въ особую избу. Дружка беретъ приготовленные на подносѣ для невѣсты подарки: чулки, башмаки, платокъ, зеркало, бѣлила, румяна и положенный поверхъ всего этого пряникъ и отправляется съ ними въ избу невѣсты. Какъ только переступитъ порогъ, начинаетъ говорить):

Господи Іисусе и проч.
Сватъ да сватья!
Выпрягайте нашихъ лошадей-лихачей!
Дугъ не ломайте,
Оглобли подымайте,
Давайте сѣна до колѣна,
Овса до щетки.
Если нѣтъ сѣна,
Нѣтъ-ли трясѝнки;
Нѣтъ трясѝнки —
Нѣтъ-ли овсянки;
Нѣтъ овсянки —
Нѣтъ-ли ржанки.
Нѣту ржанки —
Нѣтъ ли осиновыхъ дровъ:
Наши кони погложутъ, попинаютъ,
И то по сорокъ верстъ убѣгаютъ.
Господи Іисусе и проч.
Сватъ да сватья!
Есть-ли я̀ры собаки?
Ярыхъ собакъ садите на̀ цѣпь,
Стариковъ-колдуновъ,
Пѣтуховъ-клевуновъ,
Бабъ бранливыхъ
Пихайте на̀ печь.
Есть ли маленьки ребята —
Пихайте ихъ на полати.
Вы ребятка, полати не трясите,
Соломенки не уроните,
Мнѣ, дружкѣ, головы не проломите,
Подарочки не осрамите!
Господи Іисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли полати
Скласти халаты?
Есть-ли полѝцы
Складть рукавицы?
Есть ли гря̀дки
Скласти шапки?
Есть-ли спички точёны
Свѣсить плётки строчёны?
Господи Іисусе и проч.
Иду я, дружка молодой передоѣзжій,
Съ ноги на ногу поступываю,
Сапогъ о сапогъ поколачиваю,
Къ молодой княгинѣ наворачиваю.
Каково у васъ молодая княгиня,
Живетъ-здравствуетъ?
— У насъ князь молодой
Хорошо живетъ-здравствуетъ,
Въ чистомъ полѣ гуляетъ,
Какъ со̀колъ летаетъ,
Шелковой плетью пощёлкиваетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Къ молодой княгинѣ наворачиваетъ.
Господи Іисусе и проч.
Вы тетки-молодки,
Разступитесь на четыре сторонки;
У васъ платьеца кра̀сны,
Сапожки мои гря̀зны.
Надо вамъ на ногу не наступить,
Платьеца не замарать,
Васъ не посрамить,
Самому себя не пристыдить.
Господи Іисусе и проч.
Иду я дружка молодой,
Передоѣзжій
Къ молодой княгинѣ съ дорогимъ подаркомъ:
Съ бѣлиламъ, съ румянамъ,
Зеркало нѣмецко,
Чулочки бѣлѐньки,
Башмачки чернѐньки.
На этихъ подаркахъ лежитъ пряникъ.
Онъ широкъ и долгъ,
По серёдкѣ жолобъ,
Какъ Архангельска поско̀тина [1]),
Есипленскій лугъ [2]),
Не съѣсть его вдругъ.
Господи Іисусе и проч.
Ты, молодая княгиня,
Встань на куньи,
Подростутъ собольи,
Прошу подарки принять,
Подносъ голый не отпускать:
Рюмку водки подать,
Поздороваться.

1495.

Женихъ съ родней и гостями пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Когда всѣ гости заняли мѣста, но еще не сѣли, дружка говоритъ:

Господи Іисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,

---

[1]) Скотный выгонъ; городьба вкругъ выгона.
[2]) Лугъ близъ Устюга.

Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли попы-дьяки?
— Нѣтъ поповъ-дьяковъ.
Нѣтъ-ли людей грамотныхъ?
— Нѣтъ людей грамотныхъ.
Нѣтъ ли людей старыхъ-памятныхъ,
Кто-бы за хлѣбомъ-солью
Свято проговорилъ?

1496.

(Когда гостямъ разносятъ дары, дружка говоритъ):

Господи Іисусе и проч.
Наша-то невѣста
Въ теремѣ сидѣла,
Въ кутѣ за занавѣсой,
Подъ кутнымъ окошечкомъ;
Тонко пря̀ла,
Звонко тка̀ла,
Бѣло̀ бѣлила,
На быстрой рѣчкѣ мыла,
На сѣромъ камешкѣ колотила,
На красномъ солнышкѣ сушила,
По зеленому лужку волочила,
На дубовомъ столикѣ катала,
Въ коробеечку клала,
Коробеечку запирала,
Ключи въ карманъ убирала,
По зеленому лужку гуляла,
Ключики потеряла.
Ключики нашла,
Сама замужъ пошла.
А у меня, подносчика,
Ножки съ подходомъ,
Ручки съ подносомъ,
Голова съ поклономъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Ретиво сердце съ радостью.
Прошу покорно,
Князь молодой,
За подарочки приматься,
Надо мной не ломаться;
Не я прялъ, не я ткалъ,
Не я мочилъ, не я волочилъ,
Только въ томъ согрѣшилъ,
Что я подносилъ.

1497.

(Передъ отправленіемъ къ вѣнцу, дружка говоритъ):

Господи Іисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мать—родители?
Благословили бы свое дитя
Ко злату вѣнцу ѣхать.

1498.

(Затѣмъ дружка зоветъ гостей на свадебный пиръ).

Господи Іисусе и проч.
У нашего князя молодого
Есть яства медо̀выя,
Пи́тья саха́рныя,
Просимъ покорно
Къ намъ на свадьбу,
Попить, покушать.

1499.

(Послѣ вѣнца передъ дверьми):

Господи Іисусе и проч.
Скидайте запоры дубовы,
Отворяйте ворота тесовы,
Выставляйте подворотенки кленовы,
Встрѣчайте свое дитя
Съ хлѣбомъ да съ солью,
Съ таланомъ да учасью
Съ божьей милостью.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1487 зап. въ Устюг. у.).

1500. [1])

Кунья шуба, не попы́хивай,
Иванъ господинъ, не повзды́хивай:
Наша-то Наташа не хуже тебя:
Она ростомъ поменьше,
Умомъ подороже;
Она костью поскладнѣе тебя,
Бѣлымъ лицомъ побѣлѣе тебя,

[1]) Съ этого № идутъ собственно свадебныя пѣсни, въ перемежку съ причетами.

Ягодницы [1]) ровно маковъ цвѣтъ.
Наша-то Наташа не пара тебѣ,
Тебѣ-то пара—во дворѣ свинья,
Полосатая, съ поросятами.

1501.

По лугамъ, лугамъ зеленымъ,
По цвѣточкамъ лазоревымъ
Разливалась вода вешняя,
Вода вешняя, холодная.
Посылали Дуняшеньку
На Дунай рѣку по̀ воду,
Босу, не обутую,
Нагу, не одѣтую.
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Какъ вода-то устоялася,
А я, млада, надрожалася.
Какъ случилося Дуняшенькѣ
Мимо батюшкина дома итти,
Мимо матушки высока терема̀,—
Тутъ стоитъ родной батюшка
На красномъ на крылечекѣ.
«Ты куда, мое дитятко?
Ты пошто воротилося?»
—«Позабыла я, батюшка,
Три ключика мѣдные:
Первый ключъ отъ ящика,
Другой ключъ отъ короба,
Третій ключъ отъ терема.»
«Позабыла ты, дитятко,
Волю-то батюшкину
Да нѣгу-то матушкину,
Третью дѣвью кра̀соту.
Какъ дѣвья-то кра̀сота
На блюдечкѣ поло̀скана,
На тарелочкѣ коло̀чена,
На солнышкѣ су̀шена.
А какъ бабья-то кра̀сота
На болотѣ поло̀скана,
На кочкѣ коло̀чена,
Черезъ дымникъ су̀шена.»

1502.

У родимой-то матушки
Я жила, красовалася,
Не слыхала, когда пѣтухи поютъ,
Не слыхала, когда матушка встаетъ.
Встаетъ она, не стукаетъ,
Говоритъ она, не гаркаетъ;
Она семь разъ по̀дойдетъ,
Да одинъ разъ сгаркаетъ:
«Ты вставай, мое дитятко!
Умывайся бѣлёшенько,
Принимайся за работушку,
За работушку тяжелую:
За шитье да за бра̀ньеце.»
У богоданной-то матушки
Услыхала, когда пѣтухи поютъ,
Услыхала, когда матушка встаетъ.
Встаетъ она, стукаетъ,
Говоритъ она, гаркаетъ,
Она семь разъ сгаркаетъ,
Да одинъ разъ по̀дойдетъ.
«Ты вставай, моя сно̀шенька,
Принимайся за работушку,
За работушку легкую:
За толчѐнье, моло̀ченье.»

1503.

Во Китаѣ было городѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ на раменцѣ,
Противъ зеркала нѣмецкаго.
Тутъ сидитъ-то добрый молодецъ;
Чешетъ русые кудеречка.
Онъ-то чешетъ, приговариваетъ:
«*Привосватайтесь*, русы кудерки,
Ко моёму лицу бѣлому,
Ко моёму лицу румяному.
Привыкай-ка ты, Дунюшка,
Къ моему-то уму разуму,
Ко посту̀пу молодецкому!»
Привыкать-то не хотѣлося,
За досаду показалося,
За досаду за великую.

(Коренево, подъ Тотьмой. Поется на дѣвишникѣ.).

1504.

Не вьюнъ надъ водой извивается,—
То Иванъ у воротъ убивается.
Онъ у чьихъ у воротъ?
У Викторовыхъ.
Проситъ онъ свою суженую,
Проситъ онъ свою ряженую
Запору̀ченную,

[1]) Щеки.

Запросватанную.
Ему вывели коня въ сѣдлѣ,
Во сѣдлѣ, въ золотой уздѣ.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запору̀ченная,
Не запросватанная.»
Вынесли ему коробку съ бѣльемъ,
А другую съ дара̀мъ.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запору̀ченная,
Не запросватанная.
Выносили ему птицу на бѣлы̀хъ рукахъ.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запорученная,
Не запросватанная.»
Вывели ему Поликсенушку,
Поликсенушку, свѣтъ Викторовну.
«Это моя суженая: —
Это моя ряженая, —
Запорученная,
Запросватанная.»

(Волог. у.).

1505.

«Ужъ вы гуси да лебеди,
Вы далёко ли лѐтали?»
— Ужъ мы лѐтали, лѐтали
Съ моря на мо̀ре.
«Ужъ вы что тамъ видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Бѣлу лебедь на за̀водѣ.
«Для чего вы ее
Съ собой нѐ взяли?»
—Хотя мы ее нѐ взяли,
Мы ее запримѣтили,
Право крылышко зало̀мили.
«Вы бояра, бояра,
Вы далёко ли ѣздили?»
— Ужъ мы ѣздили, ѣздили
Съ городу на̀ городъ.
«Ужъ вы что же тамъ видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ теремѣ.
«Для чего вы ее
Съ собой нѐ взяли?»
— Хотя мы ее нѐ взяли,
Мы ее запору̀чили,
За поруки за крѣпкіе
За замки да за вѣрные.

1506.

Не шолкова ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ,
Иванъ-то Поликсену
Къ сердцу жметъ.
Жметъ, прижимаетъ,
Спрашиваетъ:
«Скажи, Поликсена,
Кто тебѣ милъ?
— Милъ-то мнѣ милъ
Батюшка родной.
«Это, Поликсена,
Неправда твоя
И не истинная.
— Мила-то мнѣ, мила,—
Матушка родная.
«Это, Поликсена,
Неправда твоя
И не истинная.
— Милъ то мнѣ милъ
Ты, господинъ!
«Это, Поликсена,
Правда твоя,
Правда истинная.»

1507.

Ты соколъ, ты соколъ,
Перелетной соколъ!
Не летай высоко̀,
Не садись близко̀,
На мое платьё!
Не ступай ногой,
Не ломай башмака. —
Мнѣ не ты платье купилъ,
Не ты заводилъ.
Родной батюшка купилъ,
Я сама завела.

1508.

Ваня ходитъ по двору,
На немъ кунья шубонька,
Люди-то спросятъ:
«Чей ходитъ такой?»
Батюшка-то скажетъ:
«Мой сынъ родной.»
Матушка-то скажетъ:
«Я родила̀,»
Бра̀телко-то скажетъ:

«Я коня сѣдлалъ,»
Се́стрица-то скажетъ:
«Я кудри завила;»
Поликсена скажетъ:
«Мой господинъ!»

1509.

Ты послушай, Поликсенушка,
Дѣвичій-то наказъ:
Что тебѣ дѣвушки говаривали?
Что тебѣ красавицы наказывали?
«Не ходи-ка, Поликсенушка,
Въ зеленъ садъ гулять!
Ты не слушай, Поликсенушка,
Ивановыхъ гуслей!
У Ивана гусли переманчивые,
Переманятъ тебя гусли
На чужую сторону!»

1510.

Не трубонька трубитъ
Рано по утру:
Поликсена плачетъ
Рано по косѣ:
«Свѣтъ ты моя косонька,
Русая коса̀!
Вечо̀ръ тебя, косонька
Дѣвушки плели,
Завтра тебя, косонька,
Сваха расплетётъ.
Сваха расплетётъ,
На двѣ заплетётъ.»

1511.

У Виктора на дворѣ,
На широкомъ на дворѣ,
Тутъ стояло деревцо.
Сверху плисовое,
Снизу вызлащено.
Что на это деревцо
Все слетались соколы;
Что подъ это деревцо
Становились бояра,
Соколы-то щекотя̀тъ,
А бояра говорятъ:
«Ужо кто къ намъ ѣдетъ
Къ Виктору на дворъ?
Ужо кто же войдетъ
Къ Поликсенѣ во терѐмъ?»
Что Иванъ господинъ
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужъ какъ самъ-то я въѣду
Къ Виктору на дворъ,
Ужъ самъ-отъ я войду
Къ Поликсенѣ во терѐмъ.
Ужъ я самъ уведу
У Виктора дочь,
У Марьи дитя.
Я не честью возьму,
Не хвалой уведу!»

1512.

Ты не стой древо надъ рѣкой,
Не рони-ка листье на̀ воду,
Ты не плачь, не плачь, Поликсенушка,
О родимой о сторонушкѣ,
О родимомъ о батюшкѣ,
О кормилицѣ матушкѣ.
Ты стой древо надъ рѣкой,
Ты рони листье на̀ воду.
Ты расплачься, Поликсенушка,
На чужой на дальней сторонѣ,
У чужо̀ва отца-матери,
У чужа сына отецкаго.

1513.

Благослови, Господи,
Свадьбу играть!
Благослови, Боже, насъ
Свѣчи засвѣчать,
Намъ Ивана-то женить,
Свѣтъ Ильича.
Благослови, Господи,
Поликсену выдавать,
Свѣтъ Викторовну!

1514.

Вы цвѣты-ли мои цвѣтики,
Вы цвѣты мои лазоревы!
Много васъ было посѣяно,
Васъ немного уродилося, —
Много насъ было подруженекъ,

Насъ немного оставалося.
Изъ насъ не было измѣнницы,
Что одна-то проявилася,
Что душа-то красна дѣвица.
Что сказала: «я замужъ не иду,
Замужъ не иду, въ монастырь пойду,
Въ монастырь я во игуменьи.»
Наконецъ-то она замужъ пошла.
На кого душа польстилася?
Молодца она добилася,
Молодца она хорошаго,
Что и роду благороднаго,
Отца-матери почетнаго.
Ты польстилась, красна дѣвица
Что на сладкіе прянички
На сахарныя конфетики!

1515.

Ужъ вы бояра, бояра,
Вы Ивановы бояра!
Вы долго собираетесь,
Вы долго наряжаетесь,
Поглядимъ мы, какъ поѣдете:
Вы дворомъ-то ступицею,
Чистымъ полемъ вереницею.
Ужъ вы встаньте, бояра,
Во чистомъ полѣ подъ вербою.
Ужъ вы вербу-то заломите,
Красну дѣвицу посмотрите.

1516.

Князь молодой хорошохонекъ,
Князь молодой пригожохонекъ!
Не бѣлилечкомъ набѣлился,
Не румянчикомъ румянился,—
Таковова мать спородила,
На бѣлой-отъ свѣтъ опустила
И на свадебку снарядила.

1517.

Въ лѣсѣ калина
Красна хороша.
Краше того
Иванъ молодецъ!
Онъ завилъ кудри,
Расчесалъ волоса.
Мать его уговаривала:
«Ты поѣдешь, дитя,
На чужу сторону,
Поднесутъ тебѣ, дитя,
Чару полную вина, —
Ужъ вылей, дитя,
Коню-то въ гриву.
Эта бы грива
Колесомъ завилась.
Ты другую-то вылей
Во право копыто,
Чтобы твой-отъ конь
Поступистей былъ.»

Всѣ 13 Грязовецк. у.

1518.

Какъ во теремѣ, теремѣ
Сидятъ красныя дѣвушки
Веселымъ веселёшеньки.
У ихъ буйныя головы
Очень гладко причёсаны,
У ихъ русыя косоньки
Алымъ лентамъ заплётаны.
Что одна сидитъ не весела,
Буйну голову повѣсила:
Голова не причёсана
И коса не заплётена.
Подходила къ ёй матушка,
Подходила государыня:
«Ужъ ты свѣтъ мое дитятко!
Что сидишь ты не весело,
Буйну голову повѣсила?»
—«Государыня матушка!
Мнѣ къ чему веселитися
Да къ чему же смѣятися?
Надо мной туча грозная,
Подо мной вся земля дрожитъ:
Отдаютъ меня, молоду,
На чужу дальню сторону.
На чужой дальней сторонѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Голова держать поклонная,
Ретиво сердце покорное,
Назвать всякого по имени,
Звеличать по отечеству.»

1519.

Не злачёнъ перстень по горницѣ катался,—
Нашъ Иванъ-то жениться сбирался.
Ему матушка голову чесала,

По три волоса въ кудринку завивала.
Ему, Иванушку, да наказала:
«Тебѣ станутъ красны дѣвушки пѣсни пѣти,
Свѣтъ Поликсенушку припѣвати,
Свѣтъ Викторовной величати, —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по рублинкѣ,
Токо много показалось по рублинкѣ —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по полтинкѣ,
Токо много показалось по полтинкѣ —
Ты дари же красныхъ дѣвокъ по поклону,
Еще пряничковъ дари ты по подолу.

1520.

Иванъ входилъ къ Поликсенѣ
За занавѣску за тонкую;
Онъ бралъ ее за правую руку.
Я не смѣю сказать тятенькѣ,
Доложиться родной маменькѣ.
Я брала, брала золотые ключи,
Отпирала свой окова́нъ сундукъ,
Вынимала сукно бархатное,
Я кроила да выкраивала
Свѣтъ Иванушку зеленъ кафтанъ,
Во подолѣ-то раструбистой,
Во срединѣ перехватистой.
Что бы льзя-то добру мо̀лодцу
На добра коня садитися,
Къ божьей церкви отправлятися,
Съ Поликсеною вѣнчатися
Съ Викторовною обручатися,
Да красотой своей мѣнятися.

1521.

Вдоль по улицѣ сивонько бѣжитъ,
Сивой гривою потряхиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.
Что Иванушко молодку ведетъ,
Что молодку-то молоденькую,
Поликсену чернобровенькую.
Его матушка выскакивала,
Что Иванъ ты свѣтъ Ильичъ,
Подними-ка ты златъ вѣнецъ,
Покажи ка Поликсенино лицо:
Безъ бѣлилъ она бѣлешенька,
Безъ мазилъ румянешенька.

1522.

Что не пава по сѣнечкамъ ходила,
Не павлиное перье роняла, —
Поликсена по сѣнямъ ходила,
Викторовна по сѣнямъ гуляла.
Она тихую рѣчь говорила:
«Отоприся замокъ, отоприся,
Кипарисная дверь, отворися!
Отворись, тепла спальня, отворися!
Размахнись, шитъ-бранъ положокъ, размахнися!
Пробудися, родной батюшка, пробудися,
Ты проснися, родна матушка, проснися!
Мнѣ не годы у васъ годовати,
Одна ночка у васъ ночевати,
Да и та на молитвѣ простояти.»

1523.

Ужъ какъ по мосту-мосту̀
Карета стучала,
Золотая бренчала.
Что во той во каретѣ,
Во той золочёной
Ѣхала Поликсена,
Ѣхала Викторовна, —
Въ рукахъ держитъ ларчикъ
Златой окова́нный,
Къ ларцу припадаетъ,
Къ дарамъ причитаетъ:
«Ужъ ты ларчикъ мой, ларчикъ,
Златой окованный!
Я не годъ тебя копила,
Не два собирала.
Какъ пришла воля Божья
Иванова женитьба,
Да Ильича свѣта, —
Въ одинъ часъ раздарила:
Ужъ я батюшку свекру —
Соболей на шубу,
Матушкѣ свекрови —
Сантетю̀ру на платье,
Братцамъ деве́рьямъ —
Сукна на сюртуки,
Сестрицѣ золовкѣ —
Изъ русой косы ленту.
«Ты красуйся, сестрица,
Красуйся, голубушка,
Какъ я красовалась.
А какъ я красовалась,
Все село любовалось.

1524.

Какъ изъ терема, терема
Золотые были выходы.
Что по тѣмъ ли по выходамъ
Шла душа красна дѣвица —
Поликсена свѣтъ Викторовна.
Ей на встрѣчу добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ Ильичъ.
«Ты душа красна дѣвица,
Намъ куда-же съ тобой итти?»
— «Ты удалъ добрый молодецъ,
Ты ума у меня выспрашиваешь,
Или свой въ безумьи отдаешь?
Всѣ пути—по чистымъ полямъ,
А броды—по быстрымъ рѣкамъ,
Во высокъ теремъ—лѣстница,
Такъ туда намъ съ тобой итти.»
Отъ сахарнаго дерева
Такъ сахарныя отрасли.
Что отца-то она умнаго
И матери-то разумныя,
Такъ умѣла отвѣтъ держать
Удалому добру молодцу.
Онъ возьметъ за бѣлы руки
И введетъ къ себѣ во теремъ.
«Вотъ изволь, сударь-батюшка,
Государыня матушка,
Вѣковѣчная вамъ ключница.»

1525.

Ужъ какъ съ воды на воду
Тутъ летали гуси сѣрые.
Приставала лебедушка
Ко стадику сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати.
«Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла, —
Занесло меня погодою.»
Какъ изъ улицы въ улицу
Ходятъ красныя дѣвицы.
Отставала Поликсенушка
Отъ подружекъ-голубушекъ,
Приставала Викторовна
Къ удалому добру-молодцу,
Ко Ивану свѣтъ Ильичу.
Не умѣла Поликсенушка
На головушкѣ оправити,
Ее стали бабы бранити.
«Не браните меня, молоду,
Не сама я къ вамъ заѣхала—
Завезли кони добрые
Ивана свѣтъ Ильича.»

1526.

По полю полю гулялъ молодецъ,
Нашъ Иванушка свѣтъ Ильичъ.
На встрѣчу ему олень золотые-рога:
«Я тебя, оленюшка, подстрѣлю,
Золотые рога отрублю.»
— «Не стрѣляй меня, молодецъ
Не въ кое время тебѣ пригожусь:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотымъ рогамъ весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ я гостей твоихъ развеселю,
Больше всѣхъ я невѣсту твою,
Поликсену душу Викторовну.»
Пріѣхали гости съ чужой стороны,
Подломили сѣни новыя,
Разступили чашу золоту,
Выпустили соловья изъ садку,
Расклевили красну дѣвицу-душу.
Негдѣ взялся Иванъ свѣтъ Ильичъ.
Унималъ да разговаривалъ:
«Поликсена, не плачь, Викторовна!
Новыя сѣни я самъ срублю,
Золоту чашу перелить отдамъ,
Мѣсто соловья я самъ побужу.»

1527.

Расшаталася грушица,
Передъ яблонцой стоючи, —
Расплакалась дѣвица
Передъ батюшкой стоючи:
«Ужъ ты свѣтъ, сударь-батюшка!
Ты на что же пиво варишь,
На что глядя, гостей зовешь?»
— Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко,
Моя дочка родимая,
Я хочу тебя замужъ отдать.
«Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Не можно-ли того сдѣлать —
Моя свадьба отложить?»
— Ужъ ты свѣтъ мое дитятко,
Моя дочка ты милая!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
По рукамъ сватамъ ударено
И дарамъ-то задарено.
Попы письма написали,

Дьяки руки приложили.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить.

Всѣ 10 Вологодск. у.

1528.

Накануиѣ свадьбы для невѣсты топятъ баню избранныя ея подруги и ходятъ съ ней мыться; передъ выходомъ въ баню онѣ причитаютъ родителямъ невѣсты:

Благослови, Боже Господи!
Во дворѣ вечеряется,
Божій судъ совершается;
Не палата бѣлокаменна
Надъ дѣвицей разсыпается.
Насидѣлась у матушки
Въ новой рубленой клѣточкѣ,
Находилась у батюшки
По калиновымъ мостикомъ.
Нагулялась красна дѣвица
Во зеленыхъ лугахъ.
Я пошла красна дѣвица
Во высокой новой теремъ,
Я ступила красна дѣвица
Правой ногой.—
Поперекъ меня подхвàтили
Красны дѣвицы полюбовные,
Повели во высокъ теремъ;
Посадили красну дѣвицу
На брусовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ стекло подъ нѣмецкое.
Отмахну, я красна дѣвица,
Тонко бѣло полотенышко
Отъ своего лица бѣлаго,
Подыну брови черныя,
Обведу очи ясныя:
Есть ли въ высокомъ теремѣ
Мой кормилецъ-то батюшка?
Откажи, родной батюшка,
Чужому человѣку.
Увезутъ красну дѣвицу
За лѣса-то за темные,
За грязи за черныя,
За болота за зыбучія,
Не въ большую деревеньку.
Зашумятъ шишки еловыя,—
То звоны колокольные.

Послѣ этого невѣста такимъ же причитаніемъ спрашиваетъ: есть ли въ теремѣ родимая матушка? Причитальщицы дѣлаютъ небольшой интервалъ, а затѣмъ причитаютъ брату. Начало этого причитанія одинаково съ предъидущимъ:

1529.

«Отмахну-ли я» и проч.
Еще есть ли во теремѣ
Родной братецъ? (имя?)
Наряжу я тебя, родной братецъ
На дѣла и на работушку,
На работушку тяжелую —
Топить банюшку парную.

Опять небольшая пауза; затѣмъ причитаніе сестрѣ невѣсты; начало его тоже.

1530.

Наряжу я родна сѐстрица
На дѣла и на работушку —
Затопи-ка парну банюшку,
Нацѣди-ка щелоку
Изъ *семера* пепелу
Изъ ивова, *коньковова* (?)
Коньковова, березовова,
Изъ баталожнова, изъ осиновова,
Изъ ольхова изъ пихтовова.
И пошли мы, красны дѣвицы,
Къ первой бѣлой березонькѣ
Ко березонькѣ по вѣничекъ.
Перва бѣла березонька
Со корня посыхала,
Со вершины позябала.
Пошли мы, красны дѣвицы
Ко другой бѣлой березонькѣ,—
Сидитъ горька кукушечка
Что по утру ранёшенько
Горюетъ-кукушечка
Вечеромъ-то позднёшенько.
Ронитъ горючи слезы
На мелкія вѣточки.
Мы отъ той бѣлой березоньки
Прочь назадъ пошли.
Пришли красныя дѣвицы
Ко третей бѣлой березонькѣ:
Прутья вйтые шелковые.
Наломали, полòжили,
Благословясь, красны дѣвушки,
Мы на правыя рученьки.
Понесли красны дѣвушки

Во парную банюшку,
Пошли красныя дѣвушки
По святу воду ключо́вую.
Пришли красныя дѣвушки
Ко перво́й быстрой рѣченькѣ, —
Стоятъ матери солдатскія,
Пошли красныя дѣвицы
Ко другой быстрой рѣченькѣ —
У другой быстрой рѣченьки
Сидятъ вдовы солдатскія.
Отъ той быстрой рѣченьки
Назадъ заворотилися.
Пришли красныя дѣвушки
Ко третей быстрой рѣченькѣ.
У ней донышко серебряное,
Берега̀ позолочены.
Благословясь почерпали
Во ветляной ушатечекъ;
Понесли красны дѣвушки
Во парную банюшку.

Тѣ дѣвушки, которыя понесли воду въ баню, подходятъ къ невѣстѣ, берутъ ее подъ руки, ведутъ въ баню, а сами причитаютъ:

1531.

Повели красну дѣвушку
Во парную банюшку,
Умылася красна дѣвица,
Умыла я буйну голову
Не подъ бѣлый почелочекъ
Подъ *шамшуру*[1]) великую.
Умыла могучи плечи
Не подъ наряды шелковые,
Подъ работы тяжелыя,
Умыла грудь бѣлую
Не подъ поцѣпки злаченые.
Умыла груди бѣлыя
Не подъ хрёсты животворящіе,
. . . . [2])
Умыла руки бѣлыя
Не подъ перстни злаченые —
Подъ работу тяжелую
Ко корыту ко бушному [3]).

При возвращеніи невѣсты изъ бани, дверь сѣней запирается; невѣста обращается съ просьбой, чтобы ее пропустили въ избу; дѣвицы въ это время причитаютъ:

1532.

Сохрани, родитель батюшка,
Отъ темныя ночи,
Отъ лютаго звѣря,
Отъ тучи, отъ грому.

Послѣ этого отворяются двери и отецъ невѣсты выходитъ встрѣчать ихъ съ яндовой пива, которую и подаетъ дочери; послѣдняя надкушиваетъ пиво, передаетъ своимъ подругамъ и въ сопровожденіи ихъ идетъ въ избу.

(Всѣ 5 Сольвыч. у., Гавриловской вол.).

При выходѣ замужъ невѣсты сироты, обязанности причитальщицъ принимаютъ на себя старухи. Наканунѣ свадьбы для невѣсты топятъ баню и ближайшія подруги невѣсты водятъ ее мыться въ сопровожденіи причитальщицъ. Передъ тѣмъ, какъ итти въ баню, послѣднія причитаютъ.

1533.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Ты поруби дровецъ березовыхъ
Для банюшки парушки,
Для тепла подвѣнечнаго.
Ужъ ты свѣтъ родимая тетушка!
Ужъ сходи-ка истопи-ка
Сиротинушкѣ банюшку
Горегорькой подвѣнечную.

Баню для невѣсты топятъ ближайшіе родные. Когда она готова, невѣста обращается черезъ причитальщицъ къ подругамъ съ просьбой проводить ее:

1534.

Вы сводите-ка, подруженьки,
Вы меня, сиротинушку,
Во теплую банюшку!
Вы сводите, голубушки,

---

[1]) *Шамшаръ, шамшура* — особый головной уборъ замужнихъ женщинъ.
[2]) Тутъ не достаетъ стиха.
[3]) Въ которомъ *бучатъ* бѣлье.

Меня горегорькую
Во теплую подвѣнечную.

При послѣднемъ словѣ къ невѣстѣ подходятъ двѣ близкія ея подруги, берутъ ее подъ руки и ведутъ въ баню. Остальныя подруги идутъ сзади. Голова невѣсты покрыта фатой и она плачетъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Въ баню невѣста входитъ съ тѣми подругами, которыя вели ее, а прочія остаются и играютъ до выхода невѣсты изъ бани. Тогда всѣ идутъ въ избу въ томъ же порядкѣ, причемъ причитанія:

1535.

Ужъ тебѣ бы, банѣ парушѣ,
По бревну бы раскатитися,
По кирпичику развалитися!
Ужъ ты, банюшка паруша, —
На лютыхъ звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто ставлена.

Невѣста, дошедши до дома, поднимается вмѣстѣ съ провожавшими ее подругами на помостъ крыльца и останавливается, а старухи причитаютъ:

1536.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И родимая моя тетушка!
Ужъ вы встрѣтьте сиротинушку,
Ужъ вы встрѣтьте горегорькую
Со пивной-то чашечкой,
Со винною со чарочкой.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Ключевой воды напитися.
Я не долго въ банѣ парилася,
А много съ себя спарила.
Ужъ я стала, сиротинушка,
Хуже листика лежалова,
Хуже innerhalb берес точка бѣлова.

Навстрѣчу имъ выходитъ дядя невѣсты съ яндовою пива, а тетка въ рукахъ съ подносомъ, на которомъ стоятъ два стакана, наполненные водкой. Дядя племянницу, а тетка ея подругъ, потчуютъ, а потомъ всѣ входятъ въ избу. Дѣвушекъ кормятъ ужиномъ, причемъ всѣ близкія подруги невѣсты сидятъ за столомъ «во святомъ углѣ».

(Всѣ 4 Сольвыч. у., Верхотоемской вол.).

Во время пріѣзда жениха, невѣста сидитъ разряженная въ «кутномъ углѣ» за занавѣсой, причитальщицы причитаютъ:

1537.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Вереюшки пошатилися,
Воротечка растворилися,
Кони-те на дворъ заѣхали,
Удалые на широкой дворъ,
Тутъ гость ступилъ въ горенку,
Да княземъ во свѣтлицу.
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна свѣтлица гостей сидитъ.
Тутъ Марьюшка испугалася
Со бѣла лица перемѣнилася,
Бѣлы рученьки попустилися,
Рѣзвы ноженьки подкосилися,
Изъ глазъ слезы покатилися,
Въ устахъ рѣчь помѣшалася;
Во слезахъ я слово молвила,
Во слезахъ рѣчь говрила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ раззоритель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу,
Вонъ идетъ потеряй красу!»
Тогда Павлушко слово молвилъ,
Свѣтъ Ивановичъ рѣчь говорилъ:
«Не я погубитель твой,
Не я раззоритель твой.
Твой раззоритель родной брателко,
Раззорительница сношенька,
Расплетай-косу—свашенька,
Потеряй красу—подруженька.

(Сольвыч. у., Верхотоемской вол.).

Женихъ сидитъ за столомъ въ ожиданіи невѣсты, а причитальщицы причитаютъ:

1538.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Какъ придетъ лѣто красное,

Лѣто красное, лѣто теплое,
Ты пойдешь, родимый дядюшка,
На работушку тяжелую,
Ты на жатье, на сѣнокосъ,
Ты на тканье, на пряденье
Ты помянешь сиротинушку,
Помянешь-горе-горькую.

Затѣмъ къ подругамъ:

1539.

Ужъ ты милая подруженька,
Ты (имя) свѣтъ (отчество)!
Подойди ко сиротинушкѣ,
Подойди-ка къ горегорькой.
Я желаю тебя видѣти,
Съ тобой рѣчи говóрити.

При послѣднемъ словѣ подруга подходитъ къ невѣстѣ; невѣста встаетъ, обнимаетъ ее за шею руками, цѣлуетъ и кланяется ей въ ноги; это повторяется три раза съ каждой. Послѣ этого молодые ребята бросаютъ въ дѣвокъ калачами домашняго печенія, причемъ соблюдается строгій порядокъ, чтобы дѣвушка не получила двухъ калачей. Онѣ всѣ встаютъ и кланяются находящейся въ избѣ молодежи. Причитальщицы продолжаютъ:

1540.

Ужъ ты свѣтъ соколъ милый братъ
Ты двоюродный братанушко,
Ты осѣдлай-ка коня
Во черкасское сѣделышко,
Во шелковую уздочку,
Запряги новы саночки.
Мы съѣздимъ ко святой церквѣ;
Мы попросимъ, соколъ, милый братъ,
У отца нашего духовнаго —
Мы попросимъ золотыхъ ключей;
Отопремъ-ка, соколъ, милый братъ,
Высокую колоколенку;
Мы ударимъ въ большой колоколъ,
Чтобы звонъ былъ съ перекрёстами,
Прошелъ бы во сырý землю,
Къ моему отцу съ матерью.
Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка
И родимая матушка!
Ужъ вы встаньте, родимые,
На свои рѣзвы ноженьки.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Благословеніе великое,—
Ко злату вѣнцу ѣхати,
Златъ вѣнецъ приняти.

1541.

Далѣе причитаютъ братану.

Ужъ ты свѣтъ соколъ, милый братъ,
Осѣдлай коня вóрона
Во черкасское сѣделышко,
Во шелковую уздочку!
Ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину;
Ты повысмотри, соколъ, милый братъ
У чужого чуженина:
Каково во семьѣ живутъ,
Одинъ хлѣбъ-ли-соль кушаютъ?
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣться бы молодешенькѣ
По концу стола дубоваго,
Не наглядѣться бы зеленешенькѣ
Куска поданнаго, ожурённаго.

1542.

Ты рѣка, рѣка Сухона!
Ты течешь, течешь рѣчка,
Назадъ не воротишься,
Ты течешь, не колеблешься.
Ужъ ты свѣтъ, Александрушка,
Ты стоишь не трепещешься,
Говоришь рѣчи—не усмѣхаешься.
—Что надъ чѣмъ было смѣяться мнѣ?
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Я пойду по всѣмъ горницамъ,
Посмотрю по всѣмъ свѣтлицамъ
За столами дубовыми
За тонкими скатертями.
Осмотрю я всѣхъ милыхъ гостей.
Что всѣ милые гости есть какъ есть,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ.
Что нѣтъ гостя милаго,
Нѣтъ батюшки рóдного.
Я пойду въ нову горницу,
Я возьму золоты ключи,
Отопру я сундукъ новóй,

Новый серебромъ окованный,
Я возьму золоту трубу,
Я пойду на круту гору,
Стану въ трубоньку трубити:
«Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родна матушка,
Ты возстань, возстань родимая,
На свои рѣзвы ноженьки,
На злаченые гвоздички.
Ты дай, родимая матушка,
Мнѣ-ка, сиротинушкѣ
Благословеньецо великое,—
По златъ вѣнецъ ѣхати,
Съ нареченнымъ обвѣнчатися,
Златымъ кольцомъ обручатися.

Невѣста раздаетъ «дивью» или дѣвичью кра̀соту своимъ подругамъ на память. Раздача красоты состоитъ изъ различныхъ вещей, какъ-то: ленточекъ, перлицевъ и другихъ недорогихъ вещей. Невѣста беретъ одну изъ вещей, кладетъ себѣ на голову, сама плачетъ, а старухи причитаютъ:

1543.

Подойди ко мнѣ, подруженька,
Александра свѣтъ Степановна!
Ты сними съ меня дѣвью красоту!
Помяни меня, сиротинушку,
Хоть въ три денька одинъ разокъ,
Если часто покажется, —
Такъ хоть разъ въ три недѣлюшки.
Часто можетъ покажется,
Такъ хоть въ три годка *одиножды*.
Тутъ моей дѣвьей красотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я пойду ли, сиротинушка,
Я пойду-ли, горе-горькая,
Я снесу дѣвью красоту
Во лѣса во дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березоньку бѣлую.
Какъ придутъ люди добрые
Подрубятъ бѣлу березоньку
Топорами они вострыми, —
Упадетъ бѣла березонька
Что на сыру землю.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью красоту,
Я снесу во зеленъ лугъ,
Положу я дѣвью красоту
На цвѣты на лазоревы.
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Покосятъ травку шелковую,
Упадутъ цвѣты лазоревы.
Ужъ какъ станутъ люди добрые
. . . . сходитися,
На мою красу дивитися:
«Это чья-же дѣвья кра̀сота?
Съ честью она изношена,
Да не къ мѣстечку положена.
Ужъ тутъ дѣвьей кра̀сотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью кра̀соту,
Я снесу ее ко матушкѣ,
Ко святой божьей церкви.
Я положу дѣвью красоту
На престолъ Богородицы,—
Ужъ тутъ-то моей кра̀сотѣ
Мѣсто ей мѣстечко
Тутъ житье ей вѣковѣчное.

Подружки, получивши отъ невѣсты на память «дѣвью красоту», отправляются играть на улицу, а невѣсту уводятъ за столъ къ жениху, гдѣ ужинаютъ. По окончаніи стола, но не выходя изъ за него, начинаютъ «перепиваться». Невѣста беретъ подносъ со стаканами, а женихъ бутылку съ водкой и начинаютъ угощать подходящихъ къ столу родныхъ обѣихъ сторонъ, причемъ молодая чета каждому подходящему кланяется. Послѣ этого дѣвушки снова собираются въ избу и садятся по лавкамъ. Невѣста встаетъ изъ за стола и уходитъ въ куть за занавѣсу, а ей причитаютъ:

1544.

Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка!
Подойди ко мнѣ, сиротинушкѣ,
Горе-горькой за занавѣсу, —
Мы съ тобою попрощаемся.
Я поѣду ко святой церкви,
Ко златому вѣнцу,
Отъ златого вѣнца
На чужу дальню сторону,
Ко чужому чуженину.

Дядя идетъ въ куть. При его появленіи невѣста встаетъ, обнимаетъ дядю за шею, затѣмъ кланяется ему въ ноги три раза, причемъ каждый

разъ обнимаетъ его за шею, потомъ прощается съ теткой и другими родными такимъ же образомъ. Невѣсту опять уводятъ за столъ и сажаютъ подлѣ жениха. Ей подаютъ подносъ съ рюмками; она встаетъ; тетка наполняетъ рюмки какимъ либо слабымъ напиткомъ и невѣста угощаетъ имъ своихъ подружекъ, а сама плачетъ. Въ это время причитальщицы причитаютъ:

1545.

Ужъ вы милыя подруженьки!
Ужъ вы пейте-ка зелено вино,
Вы пропейте меня, сиротинушку,
На винной-то на чарочкѣ,
На пивной то братыночкѣ.
Вы возьмите во послѣднiй разъ
Изъ моихъ-то бѣлыхъ рукъ.
Вѣдь намъ больше не сиживати,
На гуляньецѣ не игрывати,
Разбѣгунечкой не бѣгивати.

Послѣ этого дѣвушки уходятъ домой, а невѣста проситъ благословенiя у дяди. Старухи причитаютъ:

1546.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка,
Подойди-ка къ дубовымъ столамъ,
Ко тонкимъ бранымъ скатертямъ.
Ужъ ты дай мнѣ, сиротинушкѣ,
Благословеньеце великое.
Дай мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати,
Мнѣ златъ вѣнецъ приняти,
На чужу дальню стȏрону
Ко чужому чуженину.

Дядя, а потомъ тетка, берутъ икону и благословляютъ племянницу. Послѣ благословенiя женихъ беретъ невѣсту за руку и уводитъ одѣваться. По прiѣздѣ отъ вѣнца пируютъ, а на другой день молодая раздаетъ дары мужниной роднѣ. Дня черезъ два молодые ѣдутъ къ дядѣ на «хлибины», гдѣ и пируютъ два дня.

(Всѣ 10 Сольвычегодск. у., Верхотоемской волости).

Во время прiѣзда жениха съ родными къ невѣстѣ на «сватанье», дѣвицы, подруги невѣсты, сидятъ въ кутномъ углу и поютъ пѣсни.

1547.

Ахъ ты дружина
Ты храбрая дружина,
Ты Василiй свѣтъ
Сударь Васильевичъ!
Не ступай, хоробра дружина,
За дружиной тысяцкой,
Большой человѣкъ,
За тысяцкимъ князева свашенька,
За князевой сватьюшкой
Большiе бояра;
За большими боярами
Князевы поѣзжана.

(Сольвыч. у., Березониволоцкой вол.).

Женихъ угощаетъ своей водкой, которую онъ привезъ съ собой, невѣстину родню, а дѣвицы поютъ:

1548.

Ты родимый мой батюшка
Свѣтъ Гаврило Ивановичъ,
И родимая матушка,
Свѣтъ Марья Григорьевна!
Ужъ вы пропили свою доченьку
На винѣ да на стаканчикѣ,
Не за рȏвню не за ровнюшку,
Не за цвѣтное платьецо.
Во послѣднiе отужинала
У родимаго батюшки,
У родимой у матушки.

Невѣста обращается къ отцу съ просьбой, чтобы онъ пришелъ въ куть. Дѣвицы поютъ:

1549.

Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка,
Гаврило сударь Ивановичъ!
Ты удалый добрый молодецъ,
Да удалье молодецкое!
У тебя поступка бурлацкая.
Ты дашь свою любиму доченьку,

Свѣтъ Анну Гавриловну,
На чужую дальню сторону,
На чужую, незнакомую,
Не за разумъ, не за ровнюшку.
Не пора бы, не времечко!
Молода еще молодёшенька,
Не находилась, не нагулялася,
Ума мало покопила.
И вотъ родимый батюшка
Выходи изъ за берчатыхъ *грядочекъ*, (?)
Ты дойди да доступи
До родимой своей доченьки,
До Анны свѣтъ Гавриловны.
Распростись со своей доченькой.

Отецъ подходитъ къ невѣстѣ; она обхватываетъ его руками за шею и плачетъ, а дѣвицы поютъ:

1550.

Не прошу у тя, кормилецъ мой,
Я ни злата, ни сéребра,
Я прошу у тя, родной батюшка,
Благословеньеца великаго.
Ужъ я первую ступень ступила —
Волю свекрову заступила.
Ужъ другую ступень ступила —
Волю суженаго заступила.
Не куница тутъ катается,
Красна дѣвица надрывается.

(По выходѣ отца изъ кути, дѣвицы опѣваютъ жениховыхъ родственниковъ и его самого):

1551.

а) Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ,
Да удалье молодецкое,
Головушка у тебя учесана.
Учесала твою головушку
Свѣтъ родимая матушка,
Парасковья Ивановна,
Своей правою рученькой,
Завивала русы кудри,
Понизёшенько кланялась.
У тебя поступка бурлацкая,
Да посвистка богатырская.
Ты хорошій и пригоженькой,
Да удалье молодецкое.
Ты берешь свою сужену
Свою сужену, красну дѣвицу,
Анну свѣтъ Гавриловну;
Она хороша и разумная.
Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ!
Ты примай дары, не *крятайся*, [1])
Бери зà разъ, не *котдсайся*, [2])
Во городъ не ворочайся;
Не дивуй на мои хитры̀ дары.
Не вамъ дары были лажены,
Да до васъ долежалися,
До удалаго добра молодца,
До Ивана свѣтъ Ивановича.
А слушалъ ли Иванъ,
Слушалъ ли свѣтъ Ивановичъ,
Что про тебя, что про тебя,
Въ кутѣ за занавѣсью,
Пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Будешь дарить, будешь дарить, —
Мы тебя будемъ хвалить,
А не будешь дарить,
Мы тебя будемъ бранить,
Не-добро говорить.

1552.

б) Что сидятъ, сидятъ бояра,
Да все князевы,
А лучше всѣхъ, а лучше всѣхъ,
Да и вѣжливѣе,
Богатѣе, тороватѣе....
Назовемъ-ка его по имени,
Извеличаемъ его по извотчинѣ:
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ,
Да удалье молодецкое,
Насвистка богатырская,
Да поступка бурлацкая,
Наливная ты ягодка!
Учесала у тя головушку
Свѣтъ родимая матушка
Своей правою рученькой,
Завивала русы кудри,
По головушкѣ гладила.
А слышалъ ли, слышалъ ли,
Иванъ свѣтъ Ивановичъ
Что про тебя говорятъ?
Мы пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
А честь добра,
До тебя, свѣтъ, дошла,
Свѣтъ Ивана Ивановича.

---

[1]) Капризничать.
[2]) Ломаться, упрямиться.

Какъ не будешь дарить,
Тебя будемъ корить,
Не-добро говорить.

Опѣвши жениха и прочихъ, дѣвушки получаютъ отъ жениха въ подарокъ 3, 5 или 10 к. деньгами, которые опускаются въ пиво. Выпивши пиво, онѣ поютъ:

1553.

Ужъ мы пиво-то выпили,
Ужъ мы мѣдну гривну выняли.
Спасибо тебѣ да спасибо
На златѣ на серебрѣ,
На честнóмъ приношеньецѣ!
Не велико твое золото,
Да велико имя царское
Велико имя государское.
На могилѣ ты ихъ выплакалъ.
Не людьми засылаешься,
А ты самъ подымаешься.
Спасибо тебѣ, спасибо,
Свѣтъ Иванъ да Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ!

Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ отца за невѣстой къ вѣнцу, дѣвицы поютъ:

1554.

Затоплялася банюшка
Разгоралася каменка
До единаго камешка.
Расплакалася Марьюшка
Передъ своимъ роднымъ батюшкомъ:
«Ты родимый батюшка,
Не ходи къ дубову столу,
Не примай золотой чары,
Ты не пей зеленá вина,
Не пропей меня молоду
Мою русую косоньку,
Мою дѣвью-то крáсоту
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину!
Какъ чужой онъ чуженинъ
Безъ плеточки выучитъ,
Безъ морозу сердце вызнобитъ.
У родимаго батюшка
У его сердце каменно,
Въ *золѣзо* сковано,
Въ булатѣ сварено.
Онъ сходилъ къ дубову столу,
Онъ принялъ золоту чару,
Онъ выпилъ зелено вино,
Онъ пропилъ меня молоду
На чужу дальню сторону.

(Всѣ 7 Сольвычег. у., Ильинскоподомск. вол.).

Невѣста, сидя въ кутномъ углу, поетъ:

1555.

Похожу я по терему,
Поищу роду-племени.
Неужели я безродная?
Неужели безплеменная?
Еще есть роду-племени,
Еще есть родимый батюшка,—
Подойди въ куть за занавѣсу!
Не прошу у тя, родимый батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни села, ни вотчинки,
Ни великаго приданаго,—
Прошу у тебя, батюшка,
Благословеньеца великаго
Ко злату вѣнцу ѣхати
Со своимъ мнѣ суженымъ.

Невѣста садится за столъ съ женихомъ.

1556.

Мы тебѣ, Марьюшка, наказывали,
Мы тебѣ, Васильевна наговаривали:
Не выходи изъ за занавѣсочки,
Не выступай изъ за берчатой,
Не садися въ *сутки* [1]) въ уголъ,
Подъ образа подъ святые,
Подъ воску ярова свѣчи,
Подлѣ дюжа мужика.
Онъ тебѣ не братъ, не сватъ,
Не свой человѣкъ.

1557.

Какъ со вечера родна матушка
Новъ корабль она строила,

[1]) *Сýтки* — красный уголъ, передъ.

Какъ со полуночи матушка,
Новъ корабль она гру̀зила,
На восхожемъ красномъ солнышкѣ
Новъ корабликъ спускала.
Оставалася родна матушка
На крутомъ берегу;
Говорила родна матушка:
«Ты постой-ка, постой
Родное дитятко!»
— «Мы простилися съ тобой,
Родимая матушка.
Ужъ я рада бы постоять,
Да корабликъ-то не стоитъ,
Ужъ я рада бы слово вымолвить,
Да суженый не велитъ.»
«Ты постой, постой, дитятко,
Я забыла слово выговорить.»
— «Ужъ я рада-бы постоять,
Карабельщики не стоятъ,
Уключинки прирасходилися,
Веселышки приразмахалися.»
— Оставалась родна маменька
На крутенькомъ берегу.

1558.

Ужъ мы что чуяли, видѣли?
Ужъ чуяли мы видѣли
Бѣла рыбонька
Къ каменю припадаючи,
Да батюшку напеняючи:
«Тебѣ Богъ судья, батюшка,
Отдаешь молодёшеньку.
Ужъ вы бояра,
Вы куда, бояра, ѣздили?»
— Ѣздили мы у̀жъ ѣздили
На высокія на̀ горы,
Привезли красну дѣвушку.
«Ты родимый батюшка,
Люба ли тебѣ красна дѣвица?»
— «Ты родимое дитятко,
Тебѣ люба,
А намъ давнымъ давно хороша.

1559.

Изъ кути по лавочкѣ
Гости сидятъ все хорошіе,
Но лучше всѣхъ сидитъ, (имя рекъ) —
Шапка на немъ обломи-голова,
Крестъ на груди въ пятьдесятъ рублей,
На рукахъ рукавки барановые,
На ножкахъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Ты возстань-ка возстань,
Да поклонъ воздай.
Насъ-то чѣмъ будешь дарить?
Мы будемъ хвалить.
Не будешь дарить, —
Мы будемъ бранить.

1560.

Я пойду вдоль по рыночку,
Я зайду на колоколенку,
Созвоню въ большой колоколъ,
Подамъ вѣсть родну-батюшку.
Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова̀ доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отойдите, бѣлы рученьки
Отъ ретиваго сердечюшка!
Вы взгляните, очи ясныя,
Сговорите, уста саха̀рныя.
Ты взвернись легкой пташечкой,
Прилети на окошечко,
Посмотри свое чадушко,
Каково оно снаряжено,
Каково за столъ поставлено
Со своимъ-то суженымъ
Удалымъ добрымъ молодцемъ.

1561.

Во́ полѣ во по̀лѣ,
Во чистомъ во полѣ,
На крутой на горѣ,
На зеленомъ на лужку̀,
Возлѣ рѣчушку,
На желтомъ на песку̀,
Чей-то дворъ стоитъ,
Чей высокъ терѐмъ?
Дворъ-отъ стоитъ
Спиридона молодца̀,
А высокъ теремъ
Палагеюшки,
Со крытымъ краснымъ крыльцомъ,
Со косящатымъ окномъ,
Со хрустальнымъ со стекломъ.
А во томъ терему̀
Есть кровать тесова̀,
Перипушка пухова́,
Изголовье парчево́,
Одѣялышко тепло̀,
Оно бобромъ пушено́,

Шелкомъ выстрочено,
Билью выожено.
А на той па кровати
Что не кумъ съ кумой, —
Господинъ съ госпожей,
Спиридонъ съ Палагеей.
Промежду ими катался
Золочёнъ перстень.
Не злаченъ перстень катался. —
Дума крѣпкая, дума крѣпкая,
Да слово вѣрное.
Они думали, гадали,
Черна соболя сряжали,
По поднебесью пущали.
Черный соболь-отъ идетъ,
Соболятъ стадо ведетъ.
Спиридону молодцу
Онъ на шапочку
На бухарочку, —
Палагеюшкѣ душѣ
Онъ на шубочку
На кошулочку.
Они думали, гадали
Да бѣлу лебедь сряжали,
По поднебесью пущали.
Что бѣла лебедь летитъ,
Лебедей стадо ведетъ
Спиридону молодцу
Да на кушанье,
Палагеюшкѣ душѣ
Да на рушенье.
Они думали, гадали,
Да червлёнъ кораб(л)ь снащали,
На сине море спущали.
Что червленъ корабь идётъ
Живота много несетъ
Спиридону молодцу
На житьё да на бытьё,
Спиридоновой женѣ —
На богачество.

(Тотемск. у.).

Приговоры дружки.

1562.

— Миръ вамъ, мы пріѣхали къ вамъ!
Здравствуйте, господа!
Мы пріѣхали сюда
Погулять, повеселиться,
Съ вами познакомиться.
Княгиней передображной разжиться,
Послѣ того будемъ молитву читать.
А вы можете-ли «аминь» отдать?

Отв. Можемъ.
— Господи Іисусе Христе
Сыне Божій, помилуй насъ!
Есть-ли супротивъ нашего князя
Молитву сотворить, «аминь» отдать?

Отв. Аминь вашей молитвѣ!
Что вы люди за люди,
Зачѣмъ къ нашему дому пріѣхали?

Дружка. — Мы люди божіе, государевы,
Два посла-посланника
Отъ князя передображенаго,
Двѣ дружки передоѣзжіе.
Ѣхали мы къ вашему дому,
Пріѣхали не сильно, не нахально,
Не остохвально, по первому зву,
По сватовству;
По другому—дань рукодань,
По третьему зву—рукобитье.
Еще же вы господа
Мы ѣхали сюда
Не путемъ, не дорогой,
Лѣсами дремучими,
Болотами зыбучими,
Водами вязучими,
Горами высокими,
Полями широкими.
Горы высоки, поля чисты,
Рѣки быстры.
Еще же вы, господа,
Мы ѣхали сюда
На добрыхъ коняхъ,
На красныхъ саняхъ,
Подъ синими полстями.
Ѣхали, скакали,
Къ вашему дому прискакали.
Нашъ князь передображный
Такъ говоритъ, что у нашей
Княгини передображной надо быть
Ворота и двери полы,
Столы готовы.
А сверхъ того увидали
Ворота заперты, двери затворены,
Столы неприготовлены.
Съ какого вы позволенія
Ворота запираете,
И двери затворяете,
Столовъ не приготовляете?

Отв. Потому мы ворота запраемъ
И двери затворяемъ,
Столовъ не приготовляемъ,
Что думаемъ у васъ сей день
Бракъ не сочинился,

То вы должны заплатить
За всѣ трезвости и волокиты,
Что нашъ хозяинъ потребуетъ.

Вопр. Послушай, господинъ хозяинъ!
Мы ѣхали сюда горами высокими,
Ручьями глубокими,
Моста рябиновы, калиновы,
И съ тѣхъ мостовъ ѣхали улками,
Улками, переулками.
Искали куницы, лисицы.
Не нашли ни куницы, ни лисицы,
Только нашли одинъ куній слѣдъ.
Тѣмъ кунинымъ слѣдомъ ѣхали,
Гонили изъ Москвы до Сибири,
Своихъ коней пригонили,
Молодцовъ притомили.
Доѣхали до вашего
До высокаго шатра,
До господскаго двора,
Есть ли въ вашемъ домѣ господинъ-хозяинъ?

Отв. Есть.

Вопр. Какъ же ты, господинъ-хозяинъ,
На сегодняшній день не хотѣлъ
Воротъ отпирать,
Дверей отворять,
А нынѣ же ты ворота заперъ,
Двери затворилъ,
Столовъ не приготовилъ.
Съ какого позволенія?
Кто тебѣ приказалъ?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Столовъ не приготовляю,
Что вашъ княжескій молодецкій поѣздъ
Въ одномъ мѣстѣ ожидаютъ.

Вопр. Все это ваши недоговорки!
А нашъ княжескій
Молодецкій поѣздъ
Не въ разсорки,
Для чего вы ворота запираете?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Что свою передображную княгиню
Отъ лихихъ людей оберегаю.

Вопр. Послушайте, господа
Нашъ князь передображный
Далеко остановился
Въ чистомъ полѣ,
Въ зеленыхъ лузяхъ,
По край пути и дорожки,
Подъ краснымъ солнцемъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ частыма мелкима звѣздыма,
Со всѣмъ княжескимъ
Молодецкимъ поѣздомъ,
Со сторожемъ, со тысяцкимъ
Со сватовьемъ, съ нами,
Людьми передоѣзжими.
Послалъ насъ, пословъ,
Ясныхъ соколовъ,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ.
Послушай господинъ хозяинъ:
Мы ѣхали, скакали,
Издалека увидали,
Что стоятъ домы широки,
Ворота рѣдки, запоры крѣпки.
Тепере давай отвѣтъ: —
Обыскался у васъ куниной слѣдъ?

Отв. Былъ тотъ куній слѣдъ
Переднима воротыма зашелъ,
Заднима вышелъ!

Вопр. Хорошо господинъ хозяинъ,
Мы со своихъ коней слѣзали,
Вторично вашъ домъ объѣзжали,
Нигдѣ куньяго слѣда не взыскали
Опять же къ тѣмъ воротамъ прискакали.
Послушай господинъ хозяинъ!
Мы пріѣхали къ вамъ
Не по рожь, не по пшеницу,
Не по куницу, не по лисицу,
А по красную дѣвицу.
Куній слѣдъ отводи,
Либо красную дѣвицу выводи.
Какія на вашей красной дѣвицѣ примѣты?

Отв. Она сидитъ въ высокомъ терему,
Въ бабьей бесѣдѣ,
Въ дѣвьемъ порядкѣ,
Во брусовой лавкѣ,
Подъ бѣлымъ полотномъ,
Подъ колоднымъ окномъ,
Подъ бѣлобисернымъ почелкомъ,
Подъ шитымъ бранымъ платьемъ,
Подъ черной фатой;
Ручками помахиваетъ,
Головкой покачиваетъ,
Своихъ родителей почитаетъ,
Насъ молодцевъ
Съ пути и дорожки ожидаетъ.
Есть ли у васъ такія?

Отв. Есть.

Вопр. Есть ли у васъ у воротъ придворники,
У дверей придверники,
У стола пристольники,
У пива наживники,
У печки стряпки,
Люди также и коней караульщики?

Отв. Избери, изладь, изъ своихъ приставь.

Вопр. Также бы коней караульщики
Ворота отпирали
Подворотницы вымали,
Чтобы наши кони шли щелкали,
Копытъ не заломали,
Подъ колѣнъ ногъ не переломали,
Завертокъ не оборвали,
Сватьей не потеряли;
Честь, красота, отпирай ворота!

1563.

Къ хозяину.

Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Ладьте же теперь нашимъ конямъ
Сѣна зеленаго, овса ядренаго, —
Сѣна до колѣна, овса до глазъ.

Отв. Есть про вашихъ коней
Солома ржаная,
И та гнилая.
— Ну хорошо, мягче стоять.
За скобу руками,
За молитву зубами,
За высокій порогъ
Едва свои ноги переволокъ.
Здравствуй, господинъ хозяинъ,
Съ хозяйкой, съ приходящими гостями
Своихъ гостей пой, корми,
Насъ молодцовъ не забывай!
Здравствуй, стряпка ты стряпка!
Отъ печки бросилась,
На куричьемъ говнѣ раскатилась.
Ты насъ не ругайся,
Сама себя остерегайся!
Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить про вашу
Княгиню передображную:
Здорова ли, можетъ ли съѣздить
Къ Божьей церкви, къ отцу духовному,
Принять законный бракъ?

Отв. Можетъ.

Вопр. Еще нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить:
Желаете ли насъ въ гости къ себѣ въ домъ?

Отв. Милости просимъ.

Вопр. Если желаете къ себѣ въ домъ,
Постановите столы дубовые,
На столы растилайте
Скатерти шелковыя,
Наносите на столы
Хлѣба ситняго, перемѣны часты,
Осетра рыбу свѣжую,
Гуся да лебедя жаренаго,
Чашки, блюда, ножики, вилки,
Тарелки фарфоровыя,
Рюмки хрустальныя,
Вина цѣльный штофъ,
Да сладкой водки полштофъ,
Молосной каши горшокъ,
Сметаны три пасма,
Пудъ толокна, бочку кислаго молока;
Мы цѣлыя сутки не ѣдали,
Вашего обѣда дожидали.

Къ дѣвицамъ.

1564.

Здравствуйте, красныя дѣвицы!
Краснымъ дѣвицамъ
Всѣмъ по низкому поклону,
Молодымъ молодцамъ
Всѣмъ по жидкой вещѣ.

Къ свахамъ.

1565.

Здравствуй, сватья!
Наша сватья вашей сватьѣ
Велѣла встрѣтить
На чистомъ полѣ.

Всѣ причитанія, пѣсни и приговоры изъ разныхъ мѣстъ Вологодской губерніи сообщ. Н. А. Иваницкимъ.

III. Вятской губерніи.

Крестьянскія свадьбы въ Елабужскомъ уѣздѣ.

Бракъ для крестьянской молодежи Елабужскаго уѣзда есть рѣшительно неволя, вызываемая со стороны родителей жениха необходимостію заставить молодца жить такъ, «какъ живутъ добрые люди», т. е. завестись хозяйкой, скотинкой и принадлежностями необходимыми въ крестьянскомъ быту, ради того въ особенности, «кабы парень-отъ совсѣмъ не избаловался.» Отецъ и мать тамъ считаютъ еще для себя грѣхомъ дать своему сыну волю выбрать для себя невѣсту по нраву, на томъ основаніи, что сынъ еще не жилъ столько лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, сколько прожили они и потому онъ-де и не разумѣетъ, какая невѣста лучше, какая хуже. Иногда женихъ и незнаетъ, что за невѣсту выбрали ему его родители и безпечно гуляетъ себѣ со своей братьей—молодежью, пока не объявятъ ему въ какое нибудь воскресенье, что сегодня-де будутъ смотры и чтобы онъ заранѣе нарядился и сходилъ къ невѣстѣ съ гостинцами, т. е. съ длинными четвертными пряниками, называемыми въ простонародьи *«сосульками»*, кедровыми и грецкими орѣшками. Тогда только онъ спохватится, что дѣло-то не совсѣмъ ладно, что его хотятъ связать по рукамъ и ногамъ. Но дѣлать нечего, парень, почесавши затылокъ, скажетъ матери «а яй, мамка,—не охота мнѣ жениться-та» и потомъ съ благоговѣніемъ покоряется волѣ родительской. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ-же не пригорюниться молодому дѣтинѣ, считавшему себя дотолѣ вольнымъ казакомъ, привыкшему кутить беззапретно иногда цѣлыя ночи па пролетъ и дѣлать всё, что ни вздумается его молодецкой волѣ, лишь бы только не прогнѣвить Бога да родителей. До того времени онъ часто гулялъ по улицамъ съ гармоникой и, ни о чемъ не думая, распѣвалъ свои молодецкія пѣсни, въ родѣ:

Мнѣ буйну голову на плечахъ не сдержать.
Да отъ дѣвушекъ нехочется отстать.

А тутъ вдругъ скажутъ ему, что пора-де ему перестать шалить. И вотъ надѣваютъ на него праздничный кафтанъ, велятъ ему казаться «человѣкомъ» и сидѣть дома до тѣхъ поръ, покуда не споютъ ему съ невѣстой «Исаіе ликуй». Съ тѣмъ вмѣстѣ, впрочемъ онъ, какъ будто выходитъ изъ-подъ опеки родителей, пріобрѣтаетъ право и не слушаться ихъ, такъ какъ обзаведясь хозяйкой и хозяйствомъ, получаетъ полное право жить особнякомъ, какъ лицо совершенно постороннее въ отношеніи къ родителямъ и уже самъ приглашаетъ ихъ къ себѣ въ гости «пить пива и вина». Такого рода понятія глубоко вкоренились почти между всѣми старожилами Елабужскаго уѣзда, исключенія остаются только за тѣми изъ крестьянъ, которые переселились сюда изъ-подъ города Вятки и изъ другихъ губерній и у которыхъ по этому есть свои особенныя перенесённыя изъ прежняго мѣста жительства привычки, понятія, нравы и обычаи.

Говоря вообще о здѣшней зависимости женитьбы парней отъ воли родителей, должно замѣтить, что она ещё болѣе зависитъ отъ воли священника, такъ что несогласіе или отсовѣтованія послѣдняго считается для родителей жениха закономъ, нарушить который они не считаютъ себя въ правѣ, хотя бы предполагаемая женитьба совершенно согласовалась и съ ихъ собственными выгодами и съ видами ихъ сына. Женитьба здѣсь составляется очень просто и заурядъ по почину родителей. Отецъ и мать родили, выкормили, одѣли и обули сына, поэтому они же обязаны и женить его, безъ всякаго согласія съ его стороны, лишь бы ему выбрать въ жены работницу да здоровую дѣвку. Красота въ здѣшнемъ уѣздѣ играетъ второстепенную роль, а ужъ онъ въ свою очередь обязанъ научить её уму разому», т. е. говоря правильнѣе, колотить ее чуть не каждый Божій день, заставлять раздѣвать и разувать иногда пьянаго мужа и не прекословить ему ни въ чемъ, хоть бы онъ былъ совершенно не правъ. Методъ такого наученія основывается на томъ нелѣпомъ и почти общепринятомъ здѣсь мнѣніи, что женщина вмѣсто души имѣетъ голи́къ, что жена создана не разсуждать, а во всемъ повиноваться своему мужу, а потому-де и нельзя ее не колотить, коли хочешь сдѣлать изъ неё порядочную хозяйку.

За недѣлю или за двѣ до свадьбы, родители позволяютъ своему сыну покутить ещё разокъ и угостить своихъ товарищей «порядкомъ», а сами между тѣмъ призываютъ къ себѣ сваху, какую нибудь причетницу, Ѳеклу Александрову, (въ здѣшнемъ уѣздѣ свахами большею частію бываютъ причетницы), угощаютъ ее иногда въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней чаемъ, раза по четыре въ день, пивомъ и виномъ и всякими сластями, съ условіемъ: сыскать ихъ сыну подходящую дѣвку, въ случаѣ-же не удачнаго въ какомъ нибудь отношеніи выбора сваха впослѣдствіи

лучше и не попадайся на глаза. Тотчасъ послѣ того какъ сваха, обнадеживъ родителей, отправляется на поиски, отецъ жениха идетъ къ мѣстному священнику, объясняетъ ему свое предположеніе и проситъ на это его согласія, за что впослѣдствіи, если Богъ дастъ здоровья его скотинкѣ, онъ не преминетъ прислать ему жирную ножку баранинки. Сваха между тѣмъ въ какой нибудь день по утру приходитъ разъ къ родителямъ жениха, напивается здѣсь ещё разъ до-пьяна, беретъ у нихъ и у самаго жениха руки, говоря «съ доброй руки выбрать мнѣ невѣсту хорошую» и прямо оттуда спѣшитъ, не оглядываясь, къ извѣстной ей невѣстѣ. Вообще нужно замѣтить, что свахи въ Елабужскомъ уѣздѣ не пользуются почетомъ и уваженіемъ, какъ въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи. Ее обыкновенно называютъ здѣсь свахой обманщицей, потому самая должность налагаетъ на неё обязанность обманывать сватываемую ею невѣсту, чтобы уговорить ее выдти замужъ за рекомендуемаго ею парня. Въ случаѣ, если сосватанная ею чета будетъ жить между собою не согласно, то вся вина падаетъ на сваху, какъ на единственную виновницу ихъ недружелюбной жизни, чѣмъ и колютъ ей глаза при всякомъ удобномъ случаѣ.

Пришедши въ избу будушей невѣсты, сваха становится сначала у порога и кланяясь и приговаривая: «здорово живёте, можете» садится на лавку противъ матицы, а (если) матицы нѣтъ — къ столу. Родители невѣсты, разумѣя уже, что за птица сидитъ подъ матицей, молча здороваются со свахой и садятся рядомъ съ ней на лавку.

«У насъ купецъ — у васъ товаръ — давайте родниться, свататься, говоритъ сваха подпершись рукою въ подбородокъ и глядя на матицу.

— «Благодаримъ, свахонька, на добромъ словечкѣ съ поклономъ отвѣчаетъ ей отецъ и мать. Нѣтъ, ужъ какъ ни дорогонекъ твой женихъ, а мы немножко подумаемъ: вдругъ-отъ намъ неподручно».

«Это напасть какая! Долго-ли мнѣ ходить къ вамъ? Я и безъ того ужъ пороги всѣ отбила, ходила, да ходила.»

— «Ну, свахонька, что дѣлать-то: походи маленько; за то вѣдь ты получишь понѣ коты, а не то и ситцу на рукава.»

Наконецъ, когда уже отецъ и мать обдумаютъ и взвѣсятъ въ своемъ умѣ всѣ выгоды отдачи своей дочери за какого-нибудь «Микитку Байгулова» они тотчасъ-же призываютъ къ себѣ сваху и начинаютъ ее расправшивать о будущемъ женихѣ и его состояніи; чей онъ такой, много ли у его отца душъ, много ли коровушекъ, овечушокъ, лошадокъ и каковъ домъ, да ещё пригожъ ли самъ женихъ? Сваха, конечно, не ударитъ себя лицомъ въ грязь: расхваливаетъ жениха на чемъ свѣтъ стоитъ (на то она и сваха, чтобы всѣхъ обманывать) вычисляетъ по пальцамъ всѣ бывалыя и небывалыя его добродѣтели,—однимъ словомъ она такъ краснорѣчиво рисуетъ родителямъ невѣсты жениха, что они сами и ихъ дочь, нисколько не сомнѣваясь въ справедливости похвалъ жениху, сказавъ свахѣ «дакъ што, коли инъ ладно», какъ бы невольно изъявляютъ согласіе на ея предложеніе. Иногда, впрочемъ, видя, что сваха больно ужъ завралась въ расхваливаніи достоинствъ жениха, родители сомнѣваются въ ея словахъ; но сваха и тутъ умѣетъ найтись: она съ азартомъ скажетъ имъ, что ей, поди-ко больно нужно, коли не вѣрятъ, что она, слава Тебѣ Господи, живетъ шестой десятокъ на бѣломъ-то свѣтѣ и вотъ просватала ужъ восемъ невѣстъ, да што никого не обманывала, никто охулки на ея голову не положитъ, у ней, пожалуй, есть на примѣтѣ, много невѣстъ до десятка и они-де не вашей чета; и она вамъ не поклонится». По неволѣ соглашаются при подобномъ краснобайствѣ свахи. Отказы бываютъ только въ томъ случаѣ, когда съ какой либо стороны мало предлагается приданаго, преимущественое же вниманіе обращается на то, хороша ли невѣста? умѣетъ ли работать? не лѣнива ли она въ работѣ? и проч. Если всѣ эти качества у невѣсты есть, свадьба непремѣнно состоится.

Невѣста со времени своего просватанья становится въ домѣ своемъ совершенной гостьей, ничего недѣлающей, обязанной казаться грустною и шить только для своего жениха полотенцы съ красными каймами. Во всё это время женихъ ходитъ къ ней съ толпою молодёжи съ гостинцами. Пѣсенъ въ это время никакихъ не поется, а молодежь, поплясавши и поигравши на гармоникѣ, скоро уходитъ вмѣстѣ съ женихомъ домой. Вскорѣ послѣ третьяго прихода жениха съ гостинцами бываютъ «смотры», или что тоже «сговоръ». На него собирается вся родня жениха и невѣсты и всѣ званые и незваные гости. Дѣвушки собираются первыя, наряжаютъ невѣсту въ подвѣнечный сарафанъ, который ей шьютъ по два: одинъ до «смотровъ», а другой послѣ. Затѣмъ ее садятъ въ чуланѣ, гдѣ по обычаю, заводится оффиціальное вытьё. Этому вытью дѣвки учатся ещё въ дѣтствѣ, и весьма плохой и безпутной считается та дѣвка, которая, выходя замужъ, не умѣетъ выть на разные лады. По понятіямъ бабъ и дѣвокъ та и дѣльна и хороша невѣста, которая при изученіи искусства выть отличается бойкостію, со всѣми старается быть

запанибрата и, въ случаѣ какой нибудь ссоры съ подружками или съ кѣмъ бы то ни было, умѣетъ всячески разругать своего противника. Такая «дѣвка—молодецъ» получаетъ, такъ сказать, дипломъ умной и дѣльной. Отличающіяся же скромностію и степенностію характера дѣвки, напротивъ слывутъ «безпутными» невѣстами, негодными ни для какой работы, хоть бы они въ дѣйствительности совсѣмъ и не заслуживали такой репутаціи.

Родственники жениха и невѣсты идутъ къ невѣстѣ на смотры въ слѣдующемъ, по старшинству, порядкѣ: напередъ всѣхъ сваха, за нею слѣдомъ тысяцкій (крестный отецъ жениха) съ женихомъ; потомъ дружка, полудружье, большой и малый бояринъ, кумовья и кумушки и наконецъ шествіе это заключаетъ шумная толпа мальчишекъ, которая всегда помѣщается по казенкамъ, по грядкамъ и палицамъ. Этотъ походъ даетъ ихъ пирующимъ матерямъ случай покричать, боясь, чтобы ихъ «угляненки» не полетѣли кубаремъ къ низу.

«Мишка! упадешь ле ты оттолева!» кричитъ чья нибудь мать на сидящаго гдѣ либо на грядкахъ сына.

— «Да тебѣ баютъ, што нѣтъ! такъ чаго она раздѣвалась: ужъ замаялась»,—отвѣчаетъ чумазый Мишка своей матери.

Подходя къ избнымъ дверямъ, тысяцкій, крестясь трижды и вслухъ произноситъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже, помилуй насъ!» За дверями сватъ отвѣчаетъ: «аминь», и тотчасъже отворяетъ дверь, встрѣчая прихожихъ съ ведромъ вина. Вино ставятъ подъ столъ, а женихъ и прочіе поѣзжане становятся вокругъ стола, не садясь до самаго появленія невѣсты.

— «Ну-ко, сватушко, свахонька, пожалуйста, не томите-ко насъ долго-то! наше глядите, а своето кажите», говоритъ сватъ отцу и матери невѣсты. Сваха невѣсту выводитъ подъ руки, становитъ её по срединѣ избы и приказываетъ ей напередъ отмѣрить «всей честной компаніи» по три поясныхъ поклона, а потомъ поцѣловаться трижды съ женихомъ и сватомъ. Послѣ этого невѣста опять уходитъ въ чуланъ къ дѣвкамъ, а отецъ ея подходитъ къ свату и даетъ ему свою руку, завернувъ ее въ полы своихъ азямовъ, означая этимъ, что у будущей молодой четы также будетъ толсто въ рукахъ всякаго богатства, какъ велики и толсты азямы ихъ отцовъ. Въ это время тысяцкій, сидѣвшій до сихъ поръ въ молчаніи, громко возглашаетъ всей честной компаніи: «Нуте-ко, сватушка, свахонька, не пора ли намъ приниматься, благословясь, (при этихъ словахъ всѣ присутствующіе крестится) за пированье, за веселье?» и тотчасъ же, посадивъ своихъ гостей «рядъ по ряды», беретъ изъ передняго угла большую каменную миску и начинаетъ наливать въ неё ковшомъ водку, ежеминутно дополняя её снова, по мѣрѣ того, какъ она мало по малу будетъ убывать въ крѣпкія желудки мужиковъ и—во всё вмѣщающія утробы бабъ. Первый стаканъ вина подносится отцу невѣсты. При этомъ сидящія въ чуланѣ дѣвки воютъ:

1566.

Забренчали винны чарочки,
Зашумѣло зелено вино:
Подносятъ родимому батюшку.
«Не примай-ко, родимый батюшка,
Хмѣльнаго зелена вина!
Гораздо тебѣ, батюшка, зелено-то вино
Кажется слаще меду, слаще сахару!

Эту же пѣсню воютъ и тогда, когда подносятъ вино матери невѣсты. Далѣе вино подается, смотря по степенямъ родства, родственникамъ жениха и невѣсты. Между тѣмъ какъ мужики и бабы пьютъ пиво и вино, дѣвки поютъ пѣсни, сначала грустныя и печальныя:

1567.

Сборы, вы сборы Аннушкины!
Сбирала Аннушка всѣхъ подругъ,
Садила подруженекъ рядъ по ряды,
Сама то садилась повыше всѣхъ,
Задумала думушку покрѣпче всѣхъ:
«Какъ то мнѣ назвать свекра батюшку?
Свекромъ те назвать—такъ осердится.
Батюшкомъ назвать—такъ не хочется.
Убавлю я себѣ спеси, гордости,
Прибавлю себѣ ума разума:
Назову свекра батюшкомъ.

или:

1568.

При вечерѣ, вечерѣ,
При Аннушкинымъ дѣвишникѣ —
Не веселъ соколъ летѣлъ высоко,

Высадился на окошечко,
На серединное косящетое.
Увидала его матушка,
Говорила своей дочери,
Аннѣ Михайловнѣ:
«Ты родимое дитятко,
Ты дитя мое милое!
Приголубь себѣ голубчика,
Яснаго сокола залетнаго!
Добраго молодца заѣзжаго!»
—«Я бы рада приголубить его,
Да бѣлы ручки опустилися,
Рѣзвы ножки подогнулися,
Очи ясны помрачилися,
Голова съ плечь покатилася.»

Тотчасъ-же по окончаніи печальной пѣсни, мать невѣсты подходитъ къ ней и начинаетъ утѣшать и уговаривать, чтобы она не выла, а лучше бы «приголубила яснаго сокола залетнаго». На эти утѣшенія матери невѣста ничего не отвѣчаетъ и снова обнявшись съ четырмя своими подружками, начинаетъ выть:

1569.

Соловей ты мой соловеюшко!
Не взвивайся ты высохохонько,
Выше садика зелёнаго.
Ты взовьешься—опустишься,
Отшибешь ты право крылышко,
Правое крылышко, павинное!
— Ужъ родимый батюшка!
Не примай-ка зелена вина,
Не пропей-ка свою милую дочь!
Ужъ ты дочь пропьешь—не выкупишь.
Ты пропей лучше широкій дворъ:
Ты дворъ пропьешь—выкупишь,
Дочь пропьешь—не выкупишь!

Невѣста въ это время какъ бы въ послѣдній разъ еще пытается освободиться отъ своего горя—замужества, для чего она становится посреди избы противъ матери и начинаетъ ее умолять пѣніемъ, въ которомъ ей помогаютъ и подружки:

1570.

Перекатная чесна звѣзда
Перекотила зорю утреннюю,
Что другую зорю вечернюю,
Оставалась *супротъ* мѣсяца,
Супротъ мѣсяца, красна солнышка.
Дорогая наша гостейка,
Аннушка Михайловна!
Перешла она сѣни новыя,
Перекладечки дубовыя,
Становилась супротивъ батюшки,
Супротивъ батюшки родимаго,
Супротивъ матушки родимыя,
Говорила своему батюшку родимому,
Своей матушкѣ родимыя:
«Ужъ ты батюшка родимый!
Ужъ ты, матушка родимая!
Что нельзя ли этому горю пособить,
Что меня замужъ не выдати,
За удалаго добра молодца?»
— «Ужъ ты дитятко родимое,
Моя дочь милая
Что нельзя этому горю пособить,
Чтобы тебя замужъ не выдати:
Зелено вино распито,
Что тонки дары раздарены,
По бѣлымъ рукамъ ударено,
Мое дитятко запоручено,
За удалого добра молодца,
За Егора-то свѣтъ Иваныча.

Мать невѣсты, уже порядкомъ въ это время подгулявшая, обнимаетъ дочь и начинаетъ надъ ней голосить. Сватъ, тоже пьяный, принимается въ свою очередь утѣшать сваху:

—«Ну штой-то, свахонька, Господи Іисусе! ни мы первы, ни мы послѣдни.... Въ Польшѣ, кто насъ больше? Вѣстимо никто. Такъ чего *горюнить*-то. Все единственно—уладимъ»....

—Нѣтъ, ужъ нѣтъ, сватушко! свое дѣтушко не выдамъ, вотъ-те Христосъ! не выдамъ...» голоситъ ему сваха.

Въ это время, глядя на плачущую, мать невѣсты, и прочіе, сидящія по лавкамъ бабы начинаютъ всхлипывать, а молодежъ обыкновенно при этомъ смѣется, и чтобы какъ нибудь утѣшать свахоньку, одинъ какой нибудь дѣтина, тоже подъ хмѣлькомъ, вдругъ браво выбѣгаетъ на средину избы и начинаетъ отхватывать трепака, припѣвая:

1571.

Какъ на горкѣ, на горѣ,
На высокой на крутой,
Кабачекъ стоитъ новой,

Какъ во эвтомъ кабачкѣ,
Что Исковскіе[1]) пируютъ.

При этой пѣснѣ всѣ хохочутъ. Плачъ свахи также переходитъ въ смѣхъ, причемъ она не преминетъ сказать, хлопая по своимъ бокамъ: «ахъ вы озорники, озорники эдакіе, дуй васъ горой-то! Ну ужъ исполать, нечего сказать, умѣютъ развеселять».

Послѣ печальныхъ пѣсенъ дѣвки поютъ веселыя. Сначала поются величанья, а потомъ плясовыя:

1572.

Величанье жениху.

Какъ во нынѣшнемъ во славномъ во году
Уродилось много розановъ въ саду.
Тутъ ходилъ, гулялъ прекрасный кавалеръ,
Подходилъ онъ къ розѣ, къ розову кусту,
Онъ садился подъ розовый кустокъ,
Сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ.
Онъ цвѣтку, цвѣтку дивуется,
Красотѣ своей любуется:
Сколько ты, цвѣточекъ, нѣженъ и хорошъ,
А я, молодецъ, холостъ не женатъ.
А ещё я былъ во Питерѣ, Москвѣ, —
Не нашелъ таки невѣсты по себѣ.
Во соборъ я взойду, Богу помолюсь,
На всѣ стороны четыре Богу поклонюсь:
«Мнѣ создай, Боже, Господи!
Мнѣ невѣсту хорошенькую,
Со большимъ со приданымъ,
Со златомъ со серебромъ,
Съ молодой вдовой со ключницей,
Со молодчичкомъ со сговорщичкомъ.

Во время величанья женихъ долженъ взадъ и впередъ ходить по избѣ, и въ то время, какъ дѣвки поютъ: «сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ» женихъ срываетъ съ плечь своей невѣсты платокъ и начинаетъ ею и собою любоваться.

[1]) Село Исское—Устье на правомъ берегу Камы, въ 40 в. отъ Елабужск. уѣзда. Читателямъ Вятскихъ Губ. Вѣд. уже извѣстны, общія черты изъ быта и характера этого селенія по статьѣ въ 38 №—1860 г.

Величаніе дружкѣ.

1573.

Долина, долинушка,
Раздолье широкое!
Ай люли, ай люли! раздолье широкое.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Приволье хорошее.
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Андреюшка Яковлевичь,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Изъ высока терема
Изъ косящаго окна.
«Дитя мое дитятко
Дитя, чадо милое!
Что ходишь не весело!
Гуляешь не радошно?»
— «Мати моя, матушка
Мати, государыня!
Какъ мнѣ ходить весело,
Гуляти мнѣ радошно?
Всѣ люди женятся,
А я холостъ не женатъ.»
— «Женю, женю, дитятко,
Возьму, возьму дитятко
У богатаго купца дочь, —
Умную разумную,
Да тиху рѣчь политичную,
Отъ людей отличную.»

Величаніе каждому гостю по одиночкѣ.

1574.

Какъ во садѣ, какъ во садѣ,
Виноградныимъ саду,
Летѣлъ голубь, летѣлъ сизой —
Со голубушкою.
У голубя у сизаго
Золотая голова,
У голубушки у сизой
Да позолоченная.
Ему братья, ему братья
Позавидовали:
«Исполать братъ, исполать братъ,
Хороша у тѣ жена!
Кабы-жа, кабы-жа
У меня была жена —

Умѣлъ бы я, умѣлъ бы я
Надъ ней честь вести:
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкѣ каталъ,
А зимою холодною
На очаковскихъ саняхъ,
На своихъ-же лошадяхъ:
На извощикѣ кафтанъ
Васильковаго сукна.
Да Питербургскаго шитья.

Когда всѣхъ присутствующихъ гостей переличаютъ, то снова начинаютъ величать жениха съ невѣстой вмѣстѣ.

Величаніе жениху и невѣстѣ.

1575.

Какъ во садѣ было во садичкѣ
Во зеленомъ во вишневомъ, —
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Егоръ-отъ, свѣтъ Ивановичь,
Онъ чесалъ буйну головушку.
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
— «Разсыпайтесь мои волосы 2
По моимъ плечамъ могучіимъ! 2
Прилегайте, мои волосы, 2
Къ моему лицу бѣлому, 2
Ко моимъ щекамъ румянымъ,— 2
Привыкай, красна дѣвица, 2
Свѣтъ Анна Михайловна,
Къ моему уму разуму,
Да ты ко праву молодецкому. 2
— Мнѣ-ка умъ-отъ не глянется 2
Мнѣ-ка нравъ-отъ вашъ не нравится. 2
Раскаталося вишенье,
Передъ яблоною садовою, 2
Передъ грушею зелёною. 2
Вотъ расплакалась дѣвица
Предъ батюшкомъ родимымъ, 2
Предъ матушкой родимой. 2
«Ты, родимый мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Что нельзя ли этому горю пособить?
Эту думу передумати,
Меня замужъ не выдати,
За удалъ-добра молодца?»

Если у жениха или невѣсты нѣтъ отца или матери—дѣвки поютъ:

1576.

Много, много во винной рѣкѣ
Много злата, много серебра, 2
Много скатнаго жемчугу. 2
Только во винной рѣкѣ 2
Нѣту самоцвѣтнаго камушку, 2
Самоцвѣтнаго лазореваго. 2
Много, много, у Енюшки, 2
Много роду, много племени, 2
Много ближнихъ и пріятелей 2
Только у нашей Енюшки,
У молоденькой свѣтъ Ивановны,
Нѣту родимаго свѣту батюшки: 2
Снарядить-то её есть кому, 2
Благословить-то ее некому. 2
Осударь родимый братенько! 2
Егорушко, свѣтъ Ивановичь!
Ты поди-ка на конюшенъ дворъ, 2
Выбирай-ка коня лучшаго! 2
Мы поѣдемъ ко Божьей церкви, 2
Привяжи коня къ колоколенкѣ, 2
Ты ударь въ большой колоколъ, 2
Заунывнымъ голосомъ: 2
Не разступится ли мать земля сырая? 2
Не раскроется ли гробова доска? 2
Не развернется ли дорогà парча? 2
Не возстанетъ-ли родной батюшко? 2
Не благословитъ-ли меня горькую, 2
Мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати! 2

Въ то время, какъ дѣвки поютъ эту пѣсню, сидящая въ избѣ съ прочими гостями молодежъ и бабы, вѣроятно для подавленія въ себѣ грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго этою пѣснею, начинаютъ пѣть между собою другую пѣсню, веселаго содержанія, какъ напримѣръ:

1577.

Сидитъ Ваня на диванѣ,
Чай остатки допиваетъ,
Не допивши Ваня по стакану,
Самъ за дѣвицей пошелъ.
«Ты дѣвица-красавица,
Объясни свою судьбу!
Я любилъ тебя три года,
Всё за умъ, за красоту,

Я любить тебя не буду,
Всё за грубость за твою.......
На Кавказъ пѣшкомъ пойду.
Во Кавказѣ, во трактирѣ,
Много денегъ, тысячь девять, —
Остается рублей сто.
На остаточны деньжонки
Найму тройку лошадей —
Разночальскихъ, разскудерскихъ,
Вороныхъ пару себѣ.
—Понесли его лихіе
Вдоль дорожки столбовой,
Мимо матушки родной....
Какъ у Ицкаго селенья
Деревенька небольша.
Какъ во этой деревенькѣ
Стоитъ кучеръ молодой.

Молодецкая пѣсня, которою парни разгоняютъ грустныя впечатлѣнія заунывнаго пѣнія, до того развеселяетъ и разшевеливаетъ дѣвокъ и бабъ, что которая нибудь изъ послѣднихъ, будучи не въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, какъ бы невольно, соскакиваетъ съ своего мѣста и пускается плясать. За нею поднимаются и прочія бабы, при чемъ одинъ изъ парней мигомъ откуда-то достаетъ двухструнную балалайку или гармонику и, притопывая ногою въ тактъ съ бабьей пляской, ухарски на ней подыгрываетъ, а другой, сказавши игроку: «ну-ко, Мамушко, тряхни комаринскую» выступаетъ на средину избы съ какой нибудь пойманной имъ дѣвкой, начинаетъ плясать въ присядку. Въ избѣ въ это время нельзя бываетъ различить ни одного-слова: все сливается въ несвязный, противный для слуха шумъ и гулъ, прерываемый изрѣдка тяжелыми вздохами старухъ и словами: «Матушка! Царица Небесная, согрѣшили мы грѣшные». Дѣвки въ припадкѣ общей веселости, поютъ въ это время веселыя пѣсни, которыя продолжаются уже до самаго окончанія смотровъ.

1578.

Всѣ угары зашумѣли въ головѣ,
Самовары закипѣли на столахъ,
Чайны чашки забренчали во шкафахъ.
Чайны чашки наливалися,
Тутъ дѣвицы забавлялися.
Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удала голова,
Онъ ударился махать алымъ платкомъ.
«Не угодно ли со мной погулять,
Во единый рядъ товаровъ закупать?
Изъ цвѣтовъ, цвѣтовъ лазоревыхъ цвѣтовъ,
Выбирай, милая, на платьице себѣ,
Голубой-отъ цвѣтъ не нравится,
Алой-розовой-отъ—солнышко горитъ,
А малиновый совсѣмъ полинялъ.
Ужъ и всѣ ситцы не нравятся,
Што всѣ скоро мараются.
Купи, миленькій, черной парчи.»
—«Мнѣ монашенькой покажешься,—
Я монашеньку на смерть не люблю.
Куплю лапушкѣ бѣлой кисеи,
Въ бѣло платьице нарядишься,
Мнѣ-ка барышней покажешься.
Ужъ я барышню люблю, 2
Я со барышней гулять пойду,»
Добрый молодецъ младъ да удалъ,
Чрезъ высокіе заплотики скакалъ,
У тулупу праву полу оборвалъ.
Праву полу починю я, починю,
На дѣвицу шаль терновый наложу,
Я дѣвицу по горницѣ провожу,
Поздороваюсь—назадъ отойду.

— «Ну-ка, дѣвоньки, бабоньки, не пора ли ужъ, приниматься за свое дѣло!» громко возвышаетъ свой голосъ среди гула пѣсенъ чуть живой сватъ, сидящій за столомъ. Пляшущая и поющая толпа умолкаетъ и садится по своимъ мѣстамъ.

— «Ай да молодцы, молодцы, умѣли насъ стариковъ утѣшить», восклицаетъ также, чуть живой, отецъ жениха, и въ доказательство того, что молодцы его весьма утѣшили, начинаетъ мурлыкать про себя какую нибудь пѣсню собственной фантазіи:

Какъ за эвто утѣшенье
Куплю сахару, меду
Всё дѣвицамъ подарю,
А молодчикамъ янтарю и пр. ч.

Подъ конецъ смотровъ все почти бываетъ перебито и валяется гдѣ-нибудь въ углу, то бутылка съ остаткомъ вина, то конецъ рыбнаго пирога, на который, ходя по избѣ, какая нибудь пьяная баба, наступитъ ногой и со злостью проговоритъ: «да какая тутъ комуха, прости меня грѣшную валяется!» причемъ какой-нибудь мальчишка скажетъ ей съ палатей: «Это, бабушка, безпримѣнно сусѣдка», а баба ему въ отвѣтъ погрозитъ и прибавитъ: «я ти дамъ, сусѣдка!». А тѣ изъ бабъ, которыя еще немного могутъ говорить, сплетничаютъ о своихъ сосѣдяхъ, если-же, сами они не въ состояніи ужё продолжать какого ни-

будь разговора, ничего не говорятъ, а только изрѣдка крестятся и охаютъ, приправляя свои охи и кресты словами: «не бай, дѣвка, мать пьяна!», и маленькіе мальчики, сидѣвшіе до сихъ поръ на палатяхъ и на грядкахъ, видя уже, что любопытнаго для ихъ наблюденія остается мало, безпрестанно начинаютъ торопить своихъ отцовъ и матерей домой: «мамка-ли, молъ, айда, домой—спать хочу!»

—«Иду, иду, батюшко... сейчасъ иду!», отвѣчаетъ обыкновенно мать своему сыну, нисколько не думая ещё подниматься съ мѣста. На прощаньи дѣвки и бабы поютъ еще:

1579.

На морѣ лебедь воду пила,
Напившись воды, на берегъ взошла,
На берегъ взошла—сама сплакала:
«Какъ то я съ морюшкомъ разстануся?
Придетъ зима да студеная,
Выпадутъ снѣга глубокіе,
Западутъ слѣды да лебедушкины, —
Тутъ то я съ морюшкомъ разстануся.
—Въ теремѣ высокомъ красна дѣвица дары шила,
Шила дары, слезно всплакала:
«Какъ-то съ матушкой растануся?
Первые рáстани—середь горницы,
Другіе растани — на новомъ крыльцѣ,
Третьи растани — за воротами,
Тутъ-то я съ матушкой разстануся!»

По мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ упоминаются «растани» мужики, бабы и дѣвки постепенно прощаются съ матерью жениха и невѣсты (если только они не лежатъ уже гдѣ-нибудь на казенкѣ пьяные) сначала у избныхъ дверей, а потомъ за воротами, взявъ впрочемъ другъ съ друга слово—непремѣнно придти попировать и на свадьбу. Нѣкоторые изъ гостей, уже черезчуръ отуманенные винными парами, домой не уходятъ, а гдѣ сидятъ, тутъ и спятъ до утренняго похмѣлья, которое мало по малу доводитъ ихъ до того же состоянія. Это «опохмѣливанье» продолжается иногда цѣлую недѣлю. Послѣ смотровъ до свадьбы время обыкновенно проводится въ шитьѣ невѣстѣ подвѣнечнаго сарафана и въ приготовленіи даровъ поѣзжанамъ. Свадьба же откладывается, смотря по обстоятельствамъ родителей жениха, до болѣе удобнаго времени. Время отъ смотровъ до свадьбы иногда проходитъ болѣе мѣсяца, и въ продолженіе его женихъ съ невѣстой не должны видѣться между собой, за исключеніемъ, конечно, нечаянной встрѣчи въ церкви. Невѣста, какъ водится, отъ самыхъ смотровъ до свадьбы кажется печальною, давая тѣмъ знать, что ее выдаютъ за немилаго и что ей теперь не мѣсто веселиться, когда родители рѣшаютъ ея судьбу. Родители жениха и невѣсты проводятъ это время большею частію въ пированьи, разсказывая всѣмъ и каждому, что вотъ-де и мы сына женимъ или дочь выдаемъ. Не мѣшаетъ здѣсь, между прочимъ, замѣтить, что если послѣ смотровъ въ домѣ жениха или невѣсты, кто-нибудь умретъ или просто случится какое нибудь несчастіе, то свахи обыкновенно толкуютъ, что молодые будутъ жить несчастливо, потому что, по ихъ понятію, это безпремѣнно что-нибудь да не ладно». Въ день, назначенный для свадьбы, дѣвки ранымъ-рано собираются еще въ послѣдній разъ къ невѣстѣ и до самаго прихода жениха кажутся печальными, натирая иногда, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ слезъ, глаза лукомъ, въ ознаменованіе ихъ глубокой дружбы и жалости къ невѣстѣ. При входѣ жениха въ избу, дѣвки начинаютъ выть:

1580.

Почила я, да высыпалася,
Ждала я, да дожидалася,
Я отъ батюшки — слова ласкова,
Я отъ матушки — пробужденьица,
Я отъ братыньки — мыла бѣлова,
Я отъ сестрицы — ключевой воды,
Отъ невѣстушки — полотеньица.
Не могла то я дождатися
Я отъ батюшки слова ласкова,
Я отъ матушки пробужденьица.

«Ну, ужь дѣвки-голубушки! проститесь-ко со своей-то подруженькой, пора ѣхать въ Божью церьковь къ вѣнцу»,—говоритъ обыкновенно мать невѣсты къ воющимъ дѣвкамъ». Услышавъ эти слова, дѣвки начинаютъ голосить еще пуще прежняго, давая тѣмъ знать, что вотъ какъ намъ дорога наша старая подруженька. Между тѣмъ женихъ съ невѣстой, отецъ жениха и съ дружкой садятся за столъ, на который тотчасъ же кладутъ *разгонный* пирогъ съ воткнутыми въ его верхнюю корку елочками и разными фигурками. Этотъ пирогъ долженъ весь съѣсть дружка, послѣ чего молодые должны непремѣнно отправиться къ вѣнцу. На порогѣ у избныхъ дверей отецъ и мать невѣсты благословляютъ ихъ—первый иконой, и мать короваемъ хлѣба и накры-

ваютъ невѣсту красной шелковой фатой, подъ которой она должна ѣхать до самой церкви, наклонивъ голову впередъ. Всѣ поѣзжане и *погонюхи* ѣдутъ на пиръ съ колокольчиками и непремѣнно свѣсивъ съ экипажа одну ногу. Дружка на всякій случай беретъ съ собою косушку вина, затыкаетъ ее въ голенище своего сапога и въ случаѣ, какъ говорятъ дружки, попадется недобрый человѣкъ, онъ отдаетъ ему тотчасъ эту косушку. Тотчасъ послѣ обвѣнчанья свахи уводятъ молодую въ церковную сторожку и тамъ заплетаютъ ей двѣ косы, которыя она и должна носить до самой смерти. Оттуда поѣздъ ѣдетъ къ жениху, гдѣ молодая, при входѣ въ избу, должна положить по поклону отцу и матери мужа въ знакъ ея покорности волѣ родителей. Отецъ благословляетъ молодыхъ иконою, а мать, взявши большой бѣлый хлѣбъ, сначала надламываетъ его надъ головой сына, а потомъ уже и вовсе переламываютъ его надъ головою невѣсты и раздѣляютъ эти половинки имъ обоимъ, а они должны свято хранить ихъ до самой смерти. Дѣвушки на послѣ-свадебномъ пиру уже не бываютъ, пируютъ здѣсь бабы, мужики и молодежь. До пріѣзда отца, матери, братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ невѣсты, молодая чета должна сидѣть въ особомъ чуланѣ, куда приглашаются къ нимъ священникъ и только самыя главныя лица села или деревни. Здѣсь молодая сидитъ въ безмолвіи, а женихъ и дружко готовятъ ужинъ, за которымъ впрочемъ молодые ѣсть не должны. Для родни со стороны молодой накрывается столъ въ избѣ и до самаго ихъ пріѣзда ни игоръ, ни пѣсней не бываетъ. За ними обыкновенно посылаютъ раза два и три. По пріѣздѣ ихъ женихъ и невѣста встрѣчаютъ ихъ виномъ еще во дворѣ и не ранѣе впускаютъ ихъ въ избу, какъ подавши имъ напередъ по стакану вина. Потчиванье невѣстиныхъ родственниковъ во дворѣ означаетъ то, что они какъ будто пріѣхали съ намѣреніемъ отнять у молодаго его жену; потому-то молодой и обязанъ въ предупрежденіе отбоя жены, задобрить ихъ виномъ. Родня молодой примиряется, уступаетъ жену молодому и хлопнувши по рукамъ, входятъ въ избу. Въ это время обыкновенно сватъ долженъ дарить всѣхъ родственниковъ, причтъ и нѣкоторыхъ изъ поѣзжанъ и погонихъ, и потому, когда всѣ присутствующіе размѣстятся по своимъ мѣстамъ, дружка, какъ бы желая намекнуть объ этомъ свату, говоритъ, какъ будто шутя:

— «А яй, сватушко, надо бы полотенышко: не чѣмъ утереться». Сватъ на шутку дружки обыкновенно отвѣчаетъ такою-же шуткою.

— А вотъ на крюкѣ, што два висятъ......

— Да на крюкѣ то черно; а мнѣ бы надо бѣлинько....

Перекрестившись трижды и ничего не говоря, сватъ (отецъ молодаго) вынимаетъ изъ лубяной коробки дары: сапоги, коты, десяти-копѣечныя платки и полотенцы, кладетъ ихъ на подносъ, на которомъ еще стоятъ стаканъ пива и рюмка водки и все это подноситъ сначала священнику, а потомъ и прочимъ поѣзжанамъ и погонихамъ. Въ это время бабы поютъ священнику величанье:

Величанье священнику:

1581.

У батюшки бородка,
У батюшки русая!
Вотъ эту бородушку царь любитъ,
По бородушкѣ царь гладитъ,
Приближенною называетъ:
Приближенный царю—воевода!
  Слышишь ли, батюшка,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Какъ бы ты слышалъ,
Такъ насъ, пѣвицъ подарилъ, —
Не рублемъ, не полтиною,
А золотой казной!
Намъ, молодушкамъ, много надо:
На пряники, на орѣшки,
Не черные чернилы,
На бѣлые на бѣлилы,
На твою матушку,
Съ городами вѣнокъ,
Съ пригородками;
На твоего сына милаго, —
Добра коня.
Конь подъ нимъ —
Ровно лютый звѣрь.
Самъ на конѣ —
Какъ соколъ на лету.
На твою, батюшка, дочерь милую,
Полоянской платъ,
Позолоченной!

Если священникъ и вообще тотъ, кого величаютъ подаритъ этихъ «пѣвицъ», — они поютъ:

1582.

Исполать тебѣ, батюшко!
Исполать тебѣ, отецъ Николай!

Исполать со матушкой Сидоровной,
Исполать со дѣтушками со маленькими!

Величаніе свату:

1583.

Ты, сватушко, молодой,
Наливай корецъ медовой!
Чтобы весела наша бесѣда
Радошна была.
Не пчелыньки летѣли,
Къ шатру прививалися.
Шатеръ ты мой, шатричокъ!
Во этомъ во шатрикѣ Иванушко лежитъ.
Онъ лежитъ, ухмыляется,
Своей женой похваляется:
«У меня жена умная,
Свѣтъ Анна-та Марковна!
Своему дому хозяюшка,
Своимъ дѣтушкамъ матушка!...

Величаніе свахѣ:

1584.

На твою, Ѳеклуша, шубу;
Поволока гремитъ,
Пуговки бречатъ.
Слышишь ли Ѳеклуша,
Слышишь ли Александровна,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Кабы ты слышала,
Такъ насъ, пѣвицъ, подарила
Не рублемъ, не полтиною,
А серебряной гривной!

Во время даренья прочихъ погонихъ, бабы поютъ разныя пѣсни, въ которыхъ вообще восхваляются добродѣтели и внѣшнія отличія того, кого величаютъ. Большею же частію поютъ слѣдующую пѣсню:

1585.

Во горенькѣ во новой,—2
Что за нужда во новой

(Эти слова прибавляются къ каждому послѣднему слову новой строки).

Стоитъ столикъ кедровый. 2
На столикѣ набрано,
Графинъ водки ставлено.
Свѣтъ-Андрей-отъ господинъ. 2
По горенькѣ проходилъ,
Рюмку водки наливалъ, 2
Свѣтъ Михайловнѣ подносилъ:
«Александра, жизнь моя!
Выпей рюмку отъ меня,
Отъ Андрея сокола!
Я за эту тебѣ услугу
Нитку жемчугу подарю.
Носи жемчугъ, не жалѣй, 2
Корми сына, нѣжъ, лелѣй!».....

Пѣнье величальныхъ пѣсенъ прекращается голосомъ свата: «Нуте-ко, молодцы, не пора ли ужъ вамъ покончить дѣла-то? дѣло-то мы начали, такъ надо покончить, а то (обращаясь съ усмѣшкой къ молодымъ) и у васъ не будутъ покончены.»

— «Ну-ко, батюшко, благослови-ко, наши-тѣ яства и научи-ко насъ, какъ добры-то люди пиръ ведутъ»—говоритъ въ свою очередь сваха, подходя къ столу со стаканомъ вина и подавая его священнику. Священникъ читаетъ молитву: «Отче нашъ», садитъ всѣхъ гостей «рядъ по рядъ» и принимаетъ стаканъ вина, въ который онъ обязанъ по крайней мѣрѣ хоть обмакнуть свои губы. Нужно впрочемъ замѣтить, что крестьяне сочли бы гордецомъ того священника, который бы не отвѣдалъ на свадьбѣ, хотя немного простой сивухи; они бы всегда о такомъ священникѣ говорили бы такъ: «что у насъ батько-то, хоть и уменъ, да не изволитъ съ нами грѣшными и винца то испить...... али мы не люди? Богъ съ нимъ!» Этотъ свадебный пиръ, какъ водится, продолжается до самаго утра. Женихъ, по обыкновенію, во все продолженіе пира ничего не говоритъ и ограничивается одними только цѣлованьями съ невѣстой, поощряемыми криками поѣзжанъ и погонихъ: «горько, горько!» Какой нибудь сидящій на полатяхъ мальчишка, грызя орѣхи, тоже кричитъ: «горько!» Женихъ каждаго крикуна непремѣнно долженъ удовлетворить, а то бы сейчасъ отнесли это неудовлетвореніе къ нелюбви его къ своей суженой. Вино въ это время покупается ведрами, особенно, если родня молодой люди богатые. Иногда дѣло доходитъ и до того, что сватовья въ случаѣ недостатка въ деньгахъ закладываютъ свои азямы или что нибудь изъ своихъ домашнихъ вещей, увѣряя всѣхъ и каждаго (вѣроятно, изъ боязни унизить свое достоинство) что, «право, оно деньги то и есть, достало бы и дворецъ откупить, да деньги-то лежатъ далеко» или, «что цѣловальникъ не дастъ на 50 рублевую.» На эти увѣренія сватовей, присутствующіе махнутъ рукой и прибавятъ: «все едино: была честь прило-

жена». Не описываемъ здѣсь подробностей шумной свадебной оргіи, потому что эти оргіи имѣютъ характеръ общій со всѣми другими крестьянскими пирами, и болѣе или менѣе извѣстны читателю сколько нибудь знакомому съ крестьянскимъ бытомъ. Скажемъ только, что этотъ свадебный «пиръ-горой» кончается ни чѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ, вслѣдствіе большого пріема горячительной влаги, почти всякой дѣятельности всѣхъ человѣческихъ членовъ: на ногахъ остаются только нѣкоторыя молодушки, да часть молодыхъ ребятъ. Дружка, впрочемъ до такого положенія не напивается, потому что ему непремѣнно нужно по окончаніи пира увести молодую чету на подклеть и дать жениху нѣсколько наставленій. Когда иные гости уже захрапятъ и сидящіе впереди женихъ съ невѣстой начнутъ также дремать, дружка и сваха выводятъ ихъ изъ-за стола, благословясь и провожаютъ до *подклета*[1]), кладя имъ подъ кровать, неизвѣстно для какой цѣли *бастрыгъ*, хомутъ и возжи и совѣтуя имъ спать крѣпко. Предъ отправленіемъ на ложе гименея, женихъ и невѣста должны сами потчивать провожавшихъ ихъ священника, дружку и сваху, рюмкой водки, при чемъ послѣдніе должны пожелать имъ «всякаго счастія и всѣхъ земныхъ благъ». Наконецъ и женихъ обязанъ поднести своей женѣ тоже рюмку водки, приговаривая: «кушай-ко, Анна Михайловна, коли меня любишь.» Невѣста, поднося жениху, также говоритъ: «кушай-ко Егоръ Иванычъ, коли меня любишь.»

На другой день, ранымъ-рано, сваха и дружка топятъ баню, въ которую прямо съ постели отправляютъ молодыхъ при громѣ разныхъ побрякушекъ. Въ ихъ отсутствіе пирующіе поѣзжане считаютъ своею обязанностію перебить всю домашнюю посуду и *перелукать* съ полатей всѣ корчаги, если только хозяева не позаботились заранѣе кое-что поцѣннѣе припрятать. Въ этотъ же день вечеромъ молодые ѣздятъ въ гости ко всѣмъ родственникамъ, гдѣ ихъ подчуютъ чаемъ или пивомъ, блинами и рыбнымъ пирогомъ, предлагая при этомъ «подымающимъ поѣздъ» дары, состоящіе изъ плохонькаго платка и полотенца, за что погонихи должны въ свою очередь отдарить молодыхъ «серебрянной гривной».

На третій день молодая принимается за исполненіе всѣхъ обязанностей хозяйки, памятуя однако, долгъ — быть во всю свою жизнь послушною свекрови и покорною своему мужу.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

---

[1]) Подклетъ, пóдклетъ и подклетье — исподній ярусъ двужилой избы. Смотри словарь Даля.

Тойже губ., Слободск. у.

Свадьба составляетъ важную эпоху въ жизни нашего крестьянина. Ничто такъ не сокрушаетъ его, ничто столько не приноситъ ему хлопотъ, какъ свадьба его сына. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта-же самая свадьба есть для него и величайшій праздникъ. Иной крестьянинъ еще года за два—за три готовитъ для свадьбы своего сына нѣсколько десятковъ рублей денегъ; и хотя бы у этого крестьянина дома нечего было и ѣсть, хотя бы у него изба совсѣмъ валилась,—онъ ни за что не рѣшится поправить свое состояніе, покуда не сыграетъ свадьбы. Спросите его, хоть изъ любопытства, отчего у него изба плоха, и отчего онъ ее не поправитъ, между тѣмъ какъ онъ могъ бы имѣть хорошую избу? Крестьянинъ вамъ всегда отвѣтитъ такъ, особенно если есть у него въ семьѣ сынъ или два: «Э, да вѣдь у меня есть сынъ; а я его ошто не женилъ, а вотъ женю, такъ тошно избу поставлю». Это кажется намъ очень понятнымъ, если мы припомнимъ, какое понятіе соединяютъ наши крестьяне со словомъ свадьба. Обыкновенно, свадьба для нихъ есть почти ничто иное, какъ большая пирушка, или какъ говорятъ сами крестьяне: «пропивки», на которыхъ пропиваютъ невѣсту. И если мужикъ сыгралъ свадьбу на славу, то о немъ всегда отзываются съ похвалой, ему во всю жизнь бываетъ большой почетъ, говоря, что «это добрая душа, какой и на свѣтѣ не отыщешь». И горе напротивъ тому мужику, который сыгралъ свадьбу своего сына не на славу, т. е. если у кого на свадьбѣ вина и пива было мало. Подобную свадьбу всегда станутъ звать похоронами, и отецъ жениха надолго будетъ пользоваться репутаціей скупца. Конечно въ такомъ случаѣ всякій старается устроить свадьбу порядкомъ, потому что, какъ говорятъ наши мужики, это дѣло взаимное. Нечего говорить, что эта попойка продолжается иногда болѣе недѣли, на томъ основаніи, что если какой нибудь напр. Семенъ Ахтямовъ женилъ сына,—слѣдовательно и всякій крестьянинъ того села или деревни въ правѣ пировать, хотя бы и больше недѣли, сколько его душенькѣ угодно [2]). Такъ разсуждаютъ и такъ дѣлаютъ почти всѣ наши крестьяне.

Мы должны были предпослать эти строки нашему очерку для того, чтобы показать, какъ понимаютъ крестьяне Слободскаго уѣзда свадьбу и какое значеніе она имѣетъ въ ихъ жизни. Теперь приступимъ къ дѣлу.

Крестьянинъ задумалъ женить своего сына и онъ самъ не въ правѣ объявить свою волю сыну, потому что ему было бы неприлично вмѣши-

---

[2]) Тутъ какая-то недомолвка.

ваться не въ свое дѣло. И вотъ отецъ гдѣ-нибудь на работѣ мелькомъ намекаетъ своему сыну объ этомъ полушутя: «Эхъ Митька, Митька! Ишъ жениться сбирается, а не умѣетъ и стога хорошенько сметать......». При чемъ сынъ на шутку отца улыбнется и тотчасъ же въ оправданіе свое прибавитъ: «со всѣмъ нѣтъ.... я рази тибѣ баялъ?...» или что нибудь въ этомъ родѣ. Долго продолжается это отцовское искушеніе сына. И наконецъ, когда сынъ окончательно сообщитъ о своемъ намѣреніи матери, то мать уже говоритъ объ этомъ его отцу, и опять таки какъ-нибудь сбоку (отецъ жениха не долженъ знать, что сынъ его хочетъ жениться, пока послѣдній самъ не скажетъ объ этомъ матери). Тогда мать при случаѣ скажетъ: «вотъ-де мнѣ куда какъ тяжело стало работать и править одной домомъ, помощницы никакой нѣтъ.» Потомъ начинаетъ какъ-нибудь хвалить своего сына: а яй, сынъ-отъ у насъ больно работящъ, ужъ не порали намъ его женить?» и т. п. Въ домѣ послѣ подобныхъ объясненій со стороны и матери и отца жениха, въ какой-нибудь праздникъ или воскресенье отецъ и мать садятся со всей семьей за столъ обѣдать, жениха садятъ впередъ и здѣсь-то мать объявляетъ во всеуслышаніе о своемъ намѣреніи женить своего сына. Дѣло мало по малу слаживается, конечно, не обходится и безъ того, чтобы не поспорить отцу и матери въ выборѣ невѣсты сыну. Тотчасъ же посылаютъ за какой-нибудь свахой, Вахрамѣевной, съ приходомъ которой начинается въ честь будущаго муженька порядочная пирушка. На просьбы матери и отца и на просьбы самаго жениха о пріисканіи ему хорошей невѣсты сваха обѣщается высватать пригожую да черноглазую дѣвку, при чемъ женихъ, въ случаѣ успѣха въ этомъ дѣлѣ, обѣщается купить ей ситцу на рукава или на сарафанъ. Сваха въ свою очередь проситъ жениха не позабывать ея и послѣ: «помянуть добрымъ словомъ». Порѣшивши со свахой, отецъ приказываетъ сыну-жениху запречь пару лошадей, на которыхъ сваха и отправляется, обыкновенно съ мѣстечка къ извѣстному ей крестьянину сватать невѣсту, надѣвши предварительно на руки *шубенцы*[1]) а на ноги лопотки.

Во время дороги сваха ни съ кѣмъ не должна говорить ни слова, хотя бы кто ее и спрашивалъ о важномъ дѣлѣ: она или махнетъ на вопросы рукой или просто смолчитъ, потому что по понятіямъ свахъ, въ противномъ случаѣ свадьба бы не сыгралась, а молодые не были бы умны: «стали бы говорить тамъ, гдѣ не спрашиваютъ». Подъѣхавши къ дому будущей невѣсты, сваха еще на бѣгу лошади соскакиваетъ съ телѣги и бѣгомъ отправляется въ избу невѣсты, означая этимъ, что и родители невѣсты также скоро склоняются на ея сватовство. По понятіямъ свахъ, когда она ѣдетъ къ дому невѣсты, то деготь въ колесахъ непремѣнно горячій, а у саней—полозья; слѣдовательно и лошади также бываютъ горячи и легки. Потому-то сваха и должна соскакивать съ телѣги на бѣгу, чтобы и ей скорѣе и горячѣе покончить это дѣло. При входѣ въ избу невѣсты сваха въ шубенцахъ становится не на долго на порогѣ и въ это время, по словамъ свахъ, никакой еретикъ не въ состояніи придти въ избу и испортить невѣсту. Потомъ сваха становится на средину избы, противъ матицы, чѣмъ представляетъ себя покупателя, а отца и мать представляетъ купцами, подобно тому, какъ въ лавкѣ покупщикъ не въ правѣ зайти далѣе прилавка.

«Сватъ со сватьей сядемъ на брукъ да положимъ ноги на очопъ,—говоритъ сваха, обращаясь съ поклонами къ отцу и къ матери невѣсты: отдайте свою дочь.... У васъ товаръ, у насъ купецъ,—не убудется, дѣло сбудется.»

— «Ладно, ладно свахонька», отвѣчаютъ ей въ свою очередь родители невѣсты, «благодаримъ на добромъ словцѣ; удостоили чести, такъ приводи купца и посмотрите товарецъ.»

Если же родители невѣсты почему-нибудь не соглашаются отдать свою дочь за рекомендуемаго свахой жениха, то сваха начинаетъ ихъ уговаривать, говоря: что дѣвкѣ-то и не увидишь какъ годы то минутъ, что коли дѣло сподручно, такъ завсегда можно отдать». При этомъ сваха, конечно, коснется и жениха, что «этакаго красавча работящаго и по всему свѣту искать такъ не найдешь». Послѣ разныхъ споровъ и похвалъ съ той и другой стороны и послѣ согласія невѣсты, сваха, сказавъ еще на дорогу: «не убудется, дѣло-сбудется,» тотчасъ удаляется. По уходѣ свахи въ дому невѣсты тотчасъ же поднимается вой. Мать уводитъ невѣсту куда-нибудь въ чуланъ и, если пріучилась съ дѣтства выть, тутъ то начинается вытье: «родимое ты, наше дитетко! покидаешь ты насъ отъ дому родительскаго, оставляешь ты насъ однѣхъ горе мыкать! Не увидимъ мы твои очи ясныя, не обмолвишь ты насъ болѣ словомъ ласковымъ» и проч., и проч.

На другой день женихъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью и со всѣми своими родственниками отправляются къ невѣстѣ на *смотры*. Пришедши въ избу невѣсты, женихъ и сопутствующая ему толпа родни не садятся на лавки до тѣхъ поръ,

[1]) Въ Оп. обл. великор. слов.—«шубёнки»: рукавицы изъ овчиннаго мѣха. У Даля этого слова нѣтъ.

пока не увидятъ невѣсты, послѣ чего всѣ уже садятся по степенямъ родства. Между тѣмъ какъ гости сидятъ за столомъ и поглядываютъ на рыбный пирогъ, приготовленный на этотъ разъ самой невѣстой, невѣста уходитъ съ своими подружками въ чуланъ, одѣвается тамъ въ новый сарафанъ, въ которомъ и выходитъ къ гостямъ вмѣстѣ съ матерью, держащею въ рукѣ подносъ, съ наполненными пивомъ стаканами. Мать обноситъ пивомъ гостей, а невѣста, раскланявшись съ гостями на всѣ четыре стороны, опять уходитъ въ чуланъ. По вторичномъ уходѣ невѣсты, гости начинаютъ толковать о красотѣ и достоинствахъ невѣсты, спрашиваютъ для шутки жениха, согласенъ ли онъ взять эту невѣсту, при чемъ женихъ отвѣчаетъ имъ, что «эта невѣста лучше сладкаго меда для него».

Долго не выходитъ невѣста къ гостямъ въ третій разъ, и это долгое отсутствіе позволяетъ отцу жениха три раза сдѣлать невѣстѣ приглашеніе, приговаривая при этомъ, что «въ давни поры и мы жили и у насъ были дочери, да ужъ экъ долго не выли; а ужъ ныньче видно времена такія, что невѣста долго воетъ». При этомъ выходитъ изъ чулана мальчикъ, братъ или какой нибудь родственникъ невѣсты и садится на лавку къ столу, прося у жениха выкупъ за невѣсту; «а то», говоритъ онъ, «ни за что не выйдетъ и она не будетъ ваша». Отецъ жениха начинаетъ сначала мальчика стращать, грозится обрѣзать ему уши, если онъ не приведетъ невѣсты и наконецъ, послѣ долгихъ угрозъ и отказовъ онъ даетъ мальчику мѣдный пятакъ, — мальчикъ убѣгаетъ. Выходитъ невѣста и даритъ жениха платкомъ, цѣлуя его при этомъ трижды; а женихъ, въ свою очередь, даритъ ей разныхъ пряниковъ и башмаки, а матери невѣсты платокъ, за что она его благодаритъ слѣдующими словами: «дай Богъ вамъ жить, да быть, добра наживать на вѣки вѣчные». Послѣ этого всѣ гости встаютъ, молятся Богу и начинаютъ ѣсть; состряпанный невѣстою огромный рыбный пирогъ. Сватья обыкновенно при этомъ замѣчаетъ, что чѣмъ пирогъ состряпанъ лучше, акуратнѣе и чѣмъ онъ вкуснѣе, тѣмъ невѣста должна быть трудолюбивѣе и тѣмъ согласнѣе будетъ жизнь молодыхъ.

Эти смотры обыкновенно называются еще *пропивками*.

Послѣ пропивокъ къ невѣстѣ, въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, ходятъ подружки и шьютъ ей вѣнчальный сарафанъ или приготовляютъ приданое. Въ продолженіе этого шитья дѣвки поютъ пѣсни, а невѣста потчуетъ ихъ пряниками, которые всегда покупаются женихомъ. Пѣсни въ это время поются слѣдующія:

1586.

Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ,
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки, на ней сафьянны:
  Козлё, да козлё покатиться хотятъ 2
Подвели ей коня батюшкова;
Батюшковъ конь не ступилъ, не пошелъ, —
Въ чисто поле ушелъ.
  Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки на ней сафьянны:
  Козлё, да козлё покатиться хотятъ. 2
Подвели ей коня Иванушкова,
Иванушковъ конь онъ ступилъ и пошелъ,
Къ Божьей церкви ушелъ,
Ихъ вѣнчаться увелъ

или:

1587.

Шла наша Аннушка темнымъ лѣсомъ,
Крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Путь катила золотымъ кольцомъ,—
Прикатила ко синю морю,
Воскричала бѣлой лебедью:
«Кто бы меня перевезъ на ту сторону?»
Воскричалъ ей да Иванъ господинъ:
«Не кричи, Аннушка, не кричи Марковна!
Я за тобой корабль пошлю боярина.»
— «Не посылай, не посылай ты за мной корабля боярина:
Ваши бояра насмѣшливые,
А я дитя у батюшки стыдливая.»

или:

1588.

Вью, вью, вью и лелю!
Перехожая звѣздонька и свѣтлое солнышко,
  Вью, вью, вью и лелю!

(Повторяется послѣ каждаго стиха).

Переходила Аннушка изъ терема въ горницу,
Изъ высокаго во новую,
Приходила ко матушкѣ:
«Охъ ты родимая матушка!
На что рано пиво варишь?
Ты на что рано бѣлье мнѣ кроишь?»
— «Я тебя въ замужъ выдаю».
Испугалася Аннушка,
Воротилась назадъ, пошла,
Закрылась шелковымъ платкомъ,
Пришла домой повалилась на дубовый столъ,
Сама слезно сплакала,
Во слезахъ слово сказала:
«Отошли мои красны дни,
Отошли мои радостные!
Пришла мнѣ разлука теперь
Съ родной матушкою,
Съ братцомъ и сестрицей,
Съ дѣвоньками, съ подруженьками,
А пристала я къ свекру, къ свекровкѣ,
Къ молодымъ молодушечкамъ.

или:

1589.

Динь, динь перепёлка!
Какъ вечо́ръ перепёлка
Долго вечо́ру щектала,
Какъ вечо́ръ къ перепелкѣ
Соколы прилетали,
Перепелку поймали,
Соколу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты, соколъ, соколичекъ!
Не давай ее въ обиду
Никакимъ большимъ птицамъ,
Ни орламъ, ни орлицамъ.»
Какъ вечо́ръ у насъ Анна
Долго вечеромъ сидѣла,
Какъ вечоръ у насъ къ Аннѣ
Молодцы наѣзжали,
Они Анну въ руки брали,
Молодцу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты молодецъ, молодчикъ!
Не давай её въ обиду
Никакимъ большимъ людямъ,
Ни свёкру, ни свекроу́кѣ,
Ни деверю, ни золовкѣ,
Ни снохамъ колотовкамъ.»

Во время пѣнья этихъ пѣсенъ невѣста должна сидѣть пригорюнившись. Иногда въ это предсвадебное время приходятъ къ невѣстѣ старухи—молодость помянуть и на дѣвушекъ полюбоваться. Невѣста должна угощать ихъ пивомъ и виномъ, но не пряниками, «потому что имъ, какъ говорятъ сами старухи, не чета ѣсти то, что любитъ молодось».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ смотровъ или пропивокъ бываетъ «сговоръ», на который собираются одни только сватовья, свахи, ближайшіе сосѣди, родственники жениха и невѣсты, преимущественно бабы и старики. Свахи въ это время толкуютъ о томъ, сколько тесть возьметъ съ зятя подмоги, чей долженъ быть *моршокъ* для невѣсты, чьи должны быть дары, состоящіе большею частію изъ бѣлаго холста, аршинъ 6 и дешевенькихъ платковъ. Обязанность же бабъ состоитъ въ приготовленіи стряпни (въ сговоръ всегда стряпаютъ бабы, а въ дѣвичникъ дѣвки) и въ мытьѣ посуды; а остальная часть до вечера проводится, такъ сказать, въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее. Къ вечеру всѣ бабы расходятся по домамъ, а, перерядившись въ чистые сарафаны, опять являются въ домъ невѣсты, гдѣ они уже сидятъ весь вечеръ гостями. Женихъ между тѣмъ въ это время до вечера ѣздитъ въ село или городъ, закупаетъ тамъ пряниковъ и орѣховъ и все это уноситъ на вечеринку къ невѣстѣ, приказавъ предварительно дружкѣ сходить къ священнику, съ тѣмъ, чтобы пригласить его «посѣтить и благословить вечеринку». Когда всѣ гости соберутся женихъ выходитъ вмѣстѣ съ невѣстой съ нагруженными подносами пряниковъ и орѣховъ и подносятъ все это подъ благословеніе священника, послѣ чего опять начинается потчиванье и ужинъ съ невѣстинымъ пирогомъ. Послѣ ужина священникъ читаетъ молодымъ обручную молитву и гости разъѣзжаются по домамъ.

Но вотъ приходитъ и дѣвичникъ. Съ самаго утра подружки невѣсты начинаютъ перебирать изъ ея сундука все ея имущество и перекладываютъ его въ другой сундукъ, толкуютъ о томъ, какъ лучше принарядиться невѣстѣ подъ вѣнецъ и что ей въ этомъ случаѣ дѣлать иногда отъ нечего дѣлать и новоютъ, если есть еще время до прихода гостей. Къ вечеру собираются гости. Дѣвки завязываютъ свои головы бѣлыми платками по наколку, наряжаютъ невѣсту и начинаютъ офиціальное вытье:

1590.

Какъ во чорномъ во морюшкѣ
Сѣра утица купалася;

Какъ во высокомъ во теремѣ
Красна дѣвка наряжалася,
Красна дѣвка, Аннушка,
Надъ нею дѣвушки дивуются.
«Не дивуйтесь-ко, дѣвушки,
Не дивуйтесь, подруженьки,
Не сама я собой наряжаюся, —
Заставляетъ батюшка,
Да родимая матушка.
Самой мнѣ не весело;
Мнѣ отъ батюшки и отъ матушки
Отдати не хочется,
А отъ васъ, отъ подруженекъ—не подумается.
Отдаютъ меня силою,
Отдаютъ не за молодца, —
Отдаютъ за Иванушку.

По окончаніи этой пѣсни мать невѣсты ставитъ на средину стола коровай хлѣба, съ поставленною на верхъ его солоницею съ солью. Дѣвки опять поютъ.

Если жениха еще нѣтъ, то уже не поется ни одной пѣсни до его прихода и лишь только увидятъ, что онъ въѣзжаетъ въ невѣстинъ дворъ, дѣвки начинаютъ пѣть:

1591.

Вьюнъ на рѣкѣ извивается,
Петръ у воротъ убивается,
Проситъ свое суженое ряженое:
«Дайте мое, дайте мое суженое,
Дайте, дайте, мое ряженое!»
Вынесли ему сундукъ окованъ.
«Это не мое, это не мое,—это приданое».
Вьюнъ на рѣкѣ извивается,
Петръ у воротъ убивается
Проситъ свое суженое, ряжоное:
«Дайте мое, дайте мое сужоное, мое ряжóное!»
Выводили ему Анну душу, свѣтъ Марковну.
«Это мое, это суженое, мое ряженое!»

1592.

Ой горе да ладу мою!
Изъ за облакъ мѣсяцъ, —
Ой горе да ладу мою!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Изъ за свѣтлаго ѣдетъ,—
Зять къ тещѣ ѣдетъ:
Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадкѣ
Въ коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головкѣ картузикъ.
Теща испугалась:
«Мнѣ некуды зятя садити!
Посажу я во горницу,
Подарю я новинами.»
Зять дары не приметъ,
За дары не похвалитъ.
«Эти дары приданы».
Изъ за облака мѣсяцъ,
Изъ за темнаго свѣтитъ,
Зять къ тещѣ ѣдетъ.
Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадкѣ,
Во коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головѣ вѣночикъ.
Теща испугалась:
«Некуда зятя посадити!
Посажу я во свѣтлицу.»
Зять дары примаетъ,
За дары величаетъ.
Ой горе да ладу мою!

Во время пѣнья этой пѣсни будущій зять стоитъ по срединѣ избы; къ нему подходитъ теща и начинаетъ водить его по избѣ, какъ бы отыскивая ему мѣсто, гдѣ бы его посадить. Въ тоже время подходитъ къ нему сваха съ дарами, которыя она приказываетъ ему взять и раздарить ихъ кому слѣдуетъ. Будущій зять сначала не беретъ, отказывается, говоря, что ему не дѣло этимъ заниматься, а что онъ пришелъ къ своей суженой, съ ней посидѣть въ честной компаніи, но потомъ при концѣ пѣсни беретъ ихъ отъ свахи и одариваетъ ими тестя, тысяцкаго, дружку и проч. А когда молодые, сидя въ переднемъ углу, мѣняются между собою кольцами, въ знакъ того, что ихъ души взаимно между собою соединились, дѣвки поютъ:

1593.

Не долго вѣночку на столикѣ лежать,
Не долго Аннушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Марковнѣ въ красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли.
Русую косу за собой повели,
Съ правой руки кольчико спадываетъ,
А Иванъ у Анны выпрашиваетъ:

Скажи-ко мнѣ Аннушка, скажи-ко Марковна:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ—батюшко родной.»
Ахъ ты Анна душа, свѣтъ Марковна!
Это ужъ Аннушка, это ужъ Марковна,
Не правда твоя, што не правда твоя!
Свое сердце, Аннушка, тѣшишь ты,
А мое гнѣвишь, што мое-то гнѣвишь!
— Недолго вѣночку на столикѣ лежать,
Недолго Аннушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Недолго Марковнѣ во красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Съ правой руки кольчико спадываетъ,
Иванъ Анну, Гаврилычъ Марковну выпрашиваетъ:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ — Иванъ господинъ,
Иванъ господинъ, да Иванъ господинъ.»
«Это ужъ, Аннушка, правда твоя истинная!
Свое сердце тѣшишь ты, а мое веселишь.
А мое веселишь, да веселишь!»

Дѣвки начинаютъ упрекать невѣсту, зачѣмъ она разлучилась со своими подружками и во время ихъ игоръ, они просятъ ее испросить позволеніе у отца и ея жениха поиграть и поплясать вмѣстѣ съ ними. Невѣста на ихъ упреки отвѣчаетъ, что она вѣдь не знала, чтобы выдти ей замужъ и отказаться отъ ихъ сообщества:

1594.

Я не знала, не вѣдала, —
Ко мнѣ сватья пріѣхала:
Молодая, хвастливая
Она хвастала, хвастала.

(Сваха прерываетъ ихъ пѣнье словами:—«не правда, не правда, дѣвоньки! Я не хвастывала и не говорила».) Дѣвки продолжаютъ пѣть:

Чужу сторону похваливала:
Наша сторонушка, —
Весела путь дороженька,
Какъ наша сторонушка
Виноградомъ посаженая,
Черносливомъ утыканая,
Она сахаромъ посыпаная,
Сытою поливаная.
— Какъ у нашего Иванушки —
У него домъ и широкій дворъ
На семи верстахъ выстроенъ.....

Сваха опять возвышаетъ свой голосъ: «Стыдно вамъ, дѣвки, врать. Я никогда не говаривала, что у Ивана Гаврильича на семи верстахъ домъ, а я толички говорила: «У Ивана домъ басокъ [1]) и великъ.» Дѣвки продолжаютъ:

На семи съ половиною,
Крыша желѣзная,
Шоколья-то мѣдныя,
У воротъ столбы каменные,
Воротечки рѣшетчатые,
Подворотенка стекольчатая,
У воротъ кольцо серебряное,
Извитое золоченое.

Тотчасъ же по окончаніи этой пѣсни невѣста выходитъ изъ за стола и начинаетъ играть и плясать вмѣстѣ съ своими подружками. Дѣвки опять поютъ:

1595.

Какъ не пава, какъ не пава,
Не пава по сѣнямъ ходила,
Не павина шестала, —
Тутъ ходила, тутъ ходила,
Тутъ ходила, гуляла Анна, —
Да Анна по сѣнямъ ходила,
Какъ Марковна по новымъ ходила.
Приходила, приходила,
Приходила она къ чулану,
Ко дверямъ она припадала,
Ко дубовымъ она прилегала:
«Отворитесь, вы двери дубовы!
Отопрись, ты нѣмецкій замочикъ!
Распахнися, шитой-браной положечикъ!
Пробудися, родной батюшко,
Встань-ко ты, батюшка родной!
Ужъ ты встань-ко да посиди-ко!
Мнѣ не годъ ужъ у тебя годовати,
Не недѣльку у тѣ мнѣ жити, —
Мнѣ едва ночепьку ночевати,
И ту ночку не сыпати,
Съ подруженьками горевати

1596.

На синемъ морюшкѣ
Плыветъ лебедь бѣлая
Со своими дѣтками-лебедками.
Негдѣ взялся добрый молодецъ,
Петрушенька Кировичъ,—

[1]) Красивъ.

Убилъ убилъ лебедь бѣлую, —
Разбрызналъ кровь по синю морю,
Развѣялъ пухъ по чистымъ полямъ.
Негдѣ взялась красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна:
Беретъ перье. беретъ перье,
Беретъ перье лебединое,
Кладетъ въ шапку соболиную.
Негдѣ взялся доброй молодецъ,—
Все Иванушко, все Иванушко,
Все Иванъ-отъ Гавриловичъ.
«Тебѣ Богъ помочь, красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна,
Тебѣ брать перье лебединое,
Тебѣ класть въ шапку соболиную!»
Она ему ни словечка не сказала.
«Ужъ ты дѣвица, красавица,
Теперь ты со мной ломаешься,
Ошто будетъ-то за мной пойдешь,
Ошто будетъ-то будетъ у кроватушки стоять,
Ошто будетъ-то станешь разувать меня.»
Отвѣчала ему красна дѣвица:
«Ошто этого не будетъ никогда,
Чтобы стала разувать я тебя.
У тебя, у гада,—ноги грязныя,
У меня—у млады, руки бѣлыя,
У меня—у млады на рукахъ перстни златыя.
Кто то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ родной батюшко.
Его утѣшеньице не вѣчное,
Не вѣкъ съ нимъ жить.
Кто меня утѣшитъ, бѣдную?
—Утѣшитъ, не утѣшитъ родна матушка?
Ея утѣшеньицо не вѣчное
Не вѣчное, полувѣчное —
Полвѣка съ ней жить.
Кто-то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ Иванъ господинъ:
Его утѣшеньице вѣчное
Вѣчное, на вѣки вѣчное
Вѣкъ съ нимъ жить.

1597.

Не началъ-то батюшка во вѣкъ любить,
Избылъ 2 батюшка минутой часомъ.
Пропилъ 2 меня батюшко па горькомъ на винѣ,
Пропила-то меня матушка на сладкой водочкѣ—винцѣ;
Проѣли меня братъ съ сестрой
На сладкихъ пряничкахъ-жомкахъ.
Отдалъ, отдалъ тебя Аннушка.
«Когда ты, Аннушка будешь въ гости къ намъ?»
—Охъ ты, батюшко, отецъ родной!
Я буду, я буду въ гости къ вамъ —
Не лѣтомъ, не зимой
Не осевью, не весной;
Прилечу я къ тебѣ, батюшко,
Черезъ двадцать пять лѣтъ.
Сяду я, сяду я на зеленъ твой садокъ,
Оболью я у тебя, батюшко,
Зеленой твой садъ горючими слезами,
Обсушу у тебя, батюшко, твои яблонцы въ саду,
Не скажу я тебѣ, батюшко, про свое житье молодушечье.

Эту пѣсню поетъ невѣста вмѣстѣ съ прочими дѣвками, жалуясь на свое горькое и безутѣшное житье, которое она должна испытать въ замужествѣ.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери,—дѣвки поютъ:

1598.

Какъ на рѣчушкѣ на быстрый
Много *дрязгу* и *дудору*[1]), —
Какъ у насъ во высокомъ теремѣ
Много гостей и дѣвушекъ.
Сидѣла тутъ Евленьюшка,
Сидѣла тутъ Ивановна.
Тутъ всѣ сидятъ весело,
Всѣ говорятъ радостно;
У насъ Евленьюшка сидитъ невесело,
Говоритъ она не радостно.
Подходили къ ней дѣвушки,
Милыя подруженьки:
«Катерина Григорьевна,
Анна Семеновна,
Марья Михайловна.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Отстаю я отъ батюшки,
Отстаю я отъ двухъ братьевъ,
Да отъ васъ—отъ подруженекъ.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Всѣ гости здѣсь съ нами,
Одной гости нѣту здѣсь,
Одной гости малыя —
Моей матушки родимыя.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки!
Пойдемъ-те-ко, войдемъ-те-ко
На красно крыльцо батюшково,
Поглядимъ-те на кладьбище

---

1) Въ слов Даля: *дудора* ж. собир. — хламъ, шарабара, дрянные пожитки.

На ея на могилушку,
На ея высокъ памятникъ.
На что стоитъ памятникъ?
Для насъ—дѣтей, для родныхъ ея.

или:

1599.

У скрипучаго деревца, золотыя вершинушки,
Много на немъ листу и пблисту,
И много листу зеленаго.
Какъ у нашей у Аннушки
Много роду и племени, —
Нѣту роднаго батюшки.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки,
Собирайтесъ въ одну горницу,
Пойдемъ-те-ко ко Божьей церквѣ.
Мы сойдемъ-те-ко на колокольню,
Ударимъ во больши колокола:
Не подымется ли сильная погодушка?
Не раздуетъ ли листики?
Не разступится ли сырая земля
Во всѣ четыре сторонушки?
Не откроется ли гробова доска?
Не состонетъ ли родной батюшка?
«Охъ ты, батюшко, благослови меня!»
— Охъ ты, Аннушка, мое дитятко!
Мои бѣлы руки не сдымаются,
Очи ясны не вскрываются.
Охъ ты, Аннушка, мое дитятко!
Благословятъ тебя чужи люди:
Опросинья Ивановна съ Иваномъ Иванычемъ,
Съ добрымъ молодцомъ Иванушкомъ.

1600.

На горѣ то стоитъ ѐлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтёлочка,
Во свѣтелочкѣ стоитъ столичекъ,
За столичкомъ сидитъ Аннушка.
Приходитъ къ ней батюшко;
Зvалъ, звалъ Аннушку съ собой:
«Ты пойдешь, Аннушка, со мной?»
— «Я нейду, нейду, батюшко, съ тобой:
Ночи темны, не мѣсячны;
Лѣса густы, караульщиковъ нѣтъ;
Рѣчки быстры, перевозщиковъ нѣтъ, —
Насъ съ тобой не переведутъ.»
На горѣ стоитъ ѐлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдушкѣ Аннушка.
Приходитъ къ ней Егорушко, —
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
«Ты пойдешь, ты пойдешь, Аннушка, со мной?»
«Пойду, пойду Егорушка съ тобой
Ночи свѣтлы мѣсячны,
Лѣса рѣдки—караульщики есть,
Рѣки тише перевощики есть, —
Насъ съ тобой перевезутъ,
На бѣлыхъ рукахъ перенесутъ.»

Во время пѣнья этой пѣсни всѣ гости дѣлятся на двѣ партіи; въ первой изъ нихъ стоятъ отецъ и родственники невѣсты, а во второй женихъ и прочіе гости. Невѣста въ это время стоитъ въ сторонѣ съ нѣсколькими своими подружками, и когда отецъ вмѣстѣ съ ея родственниками зоветъ ее идти съ собой, невѣста отговаривается отъ ихъ приглашенія, говоря, что ночи темны, лѣса густы и проч., но лишь только начинаетъ звать ее съ собой женихъ, невѣста охотно съ своими подружками присоединяется къ жениховой партіи и тотчасъ же цѣлуется съ женихомъ трижды. Потомъ женихъ садитъ невѣсту къ себѣ на колѣни; къ нимъ подходитъ теща, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежитъ шаль, съ тою цѣлію, чтобы женихъ передалъ ее своей суженой. Женихъ беретъ эту шаль правой рукой и даритъ ее своей суженой, которая тутъ же надѣваетъ ее на свою голову. Между тѣмъ дѣвки поютъ:

1601.

Какъ березникъ не великъ круглелистъ,
Какъ Иванъ-отъ грубепистъ;
Онъ и Анну полюбилъ,
На колѣни посадилъ,
Шаль нѣмецку подарилъ,
Шаль нѣмецкая алая,
У насъ Анна бравая.

Долго гости пируютъ на вечеринкѣ невѣсты и наконецъ, наэлектризированные винными парами и утомленные продолжительною пляскою и пѣньемъ пѣсенъ, они съ пѣснями отправляются по домамъ, обѣщаясь на другой день непремѣнно побывать и на свадьбѣ. Женихъ на прощаньи съ невѣстой считаетъ своимъ долгомъ пригласить ее на слѣдующій день къ себѣ; при чемъ невѣста отказывается, говоря, что она все еще «подначальная».

На пропошпахъ.

1602.

Зеленешенька смородина
На дорожкѣ ли стояла,
Молодешенька заломана,
По пруточку разщипана,
По листочку разстилана.
Какъ по этой дороженькѣ
Ѣхали, проѣхали молоды сваты,
Они Марьюшку сватали
За Андрея, свѣтъ, Яковлича;
Марьюшку сватали,
Андреюшку выхваливали:
«Какъ не отдать за него?
Онъ не ходитъ въ царевъ кабакъ,
Онъ не пьетъ зелена вина,
Не куритъ дымовой табакъ;
Онъ не пьетъ меды сладкіе,
Не играетъ семи картами.
Еще кто проигрался у насъ?
Проигралася Марьюшка,
Проигралася Степановна,
Проиграла русу косыньку,
Проиграла Андреюшку.
Марья поплакиваетъ,
Андрей потравливаетъ.

1603.

Родимый мой брателко!
Пой-ка бояръ дó пьяна,
Корми коней дó сыта!
Чтобъ добры кони бояръ разбили,
А меня бы горькую оставили,
Оставили въ родномъ гнѣздышкѣ,
Подъ крылышкомъ у матушки.
Хотѣлъ ты меня, брателко,
Посадить во зеленый садъ;
Посадилъ ты меня, брателко,
Къ чужему чуженину.

1604.

Не пей-ка мой, родимькій батюшко!
Не примай-ка золоту чару,
Не пей-ка зелено вино!
Зелено вино обманчиво,
Что обманчиво, что *припойчиво*!
Родимый мой батюшко!
Не пускалъ ты меня во пиры,
Не пускалъ во бесѣдушки,
А теперь меня, батюшко,
Посадилъ за столы дубовы,
За скатерти браныя,
За питья хмѣльны-пьяныя,
Со чужимъ чужениномъ.

1605.

Родимый мой батюшко!
Что у тебя за пиры были,
Что за бесѣдушки?
Что за купцы были,
Что за торговые?
— Ужъ сама я знаю, вѣдаю,
Ужь сама-то я догадалася:
Торговали, закупали
Буйную мою головушку.
Освѣтилъ ты меня, свѣтелъ мѣсяцъ,
Отогрѣлъ, красно солнышко,
Отпоилъ, откормилъ родной батюшка,
Отлелѣялъ родимый мой.
А теперь, что вздумалъ, что вытѣялъ?
Отдать меня въ дальню сторонушку.

Передъ вѣнцомъ.

1606.

Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки черкасское сѣдло?»
Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки черкасское сѣдло.
Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ.
«Есть ли у друженьки чесменская узда?»
— Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки чесменская узда.
Скрипъ воротечки, морозъ на дворѣ.
«Есть ли у друженьки шелковая плеть?»
— Былъ бы здоровъ князь молодой,
Будетъ у друженьки шелковая плеть.
Скрипъ воротечки морозъ на дворѣ,
«Есть ли у друженьки выкупъ денежной?»
— «За эфтимъ, дѣвки, дѣло не стоитъ.»
«Отворяйте-ка ворота широки,
Отворяйте полотенца дубовы,
Дубовыя кленовыя, скрипучи!
Разбудите-ка подруженьку свою,
Выдайте намъ ее буйну голову.»

1607.

Родимая моя матушка!
Пройдетъ зима студёная,
Настанетъ лѣто тёплое,
Поростетъ въ лугахъ зелена трава,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы, —
Пойдутъ мои подруженьки,
Пойдутъ мои задушевныя,
Задушевныя, полюбовныя,
Во зеленые луга гулять,
Сорвутъ онѣ по цвѣточку,
Совьютъ онѣ по вѣночку.
Мой цвѣточекъ при путѣ стоитъ,
При путѣ стоитъ, при дороженькѣ:
Никто его не сорветъ,
Никто вѣнка не совьетъ,
Онъ и сохнетъ, посыхаетъ, —
Мое сердце заныаетъ
На чужой дальней сторонушкѣ,
У чужаго отца-матери:
Чужой-отъ отецъ-мати
Чомливы, спѣсивы и горливы
Они любятъ *чомы* и *ломы*,
Да пренизки поклоны.
А я-то горе-горькая,
А я-то горемычная,
Не умѣю имъ поклониться,
Не умѣю имъ покориться.
А я то у тебя, родима матушка,
Была дитя нѣжное.
Не знаю-то я ни чомовъ, ни ломовъ
Не знаю я низкихъ поклоновъ.

1608.

Не вылетай, утица, изъ за острова,
Не вылетай, сѣра, изъ за чистова!
Увидитъ утицу младъ ясенъ соколъ,
Побьетъ утицу середь поля середь чистова,
Кровь прольетъ во сыру землю,
Пухъ пуститъ по чисту полю.
Не выходи, Парасковья изъ за занавѣски,
Не выходи, Михайловна, изъ за браныя!
Увидитъ Парасковьюшку лютой свекоръ,
Запроситъ дары великіе,
Дары великіе, дары тонкіе.
«Я дары шлю, сама пейду;
Хоть пойду я, не поклонюся,
Хоть поклонюся, да не до низка,
Хоть и до низка, да не отъ радъ-сердца.»

1609.

Родимый мой брателко!
Выйди-ка во чистое поле,
Въ широко раздольице,
На большую дороженьку!
Посмотри-ка, брателко,
На всѣ четыре сторонушки!
Не летитъ ли гдѣ ясенъ соколъ?
Попроси-ка, брателко,
У сокола крылышки
У сизаго правилышки!
Прилети-ка, брателко,
На часъ на минуточку,
На свою родиму сторонушку,
Ко батюшкѣ на широкій дворъ,
Ко матушкѣ въ нову горенку.
Ужь я бы вышла на красно крыльцо,
Вышла, его встрѣтила,
Взяла бы за бѣлы рученьки,
Увела бы въ нову горенку,
Посадила бы на бѣлу лавочку.
Гораздо у тебя, брателко,
Ретиво сердце каменно,
Горючи слезы жемчужныя,
Въ булатѣ сердце заковано,
Тремя замками золотыми,—
Что ты моего голоса заунывнаго
Не чуешь, не слушаешь.

1610.

Ахъ, вы гуси ли, гуси сѣрые!
Воспойте, пѣтухи ранніе!
Разбудите-ка моего батюшка!
Спала-то я горе-горькая,
Спала-то я горемычная,
Спала-то я просыпалася,
Дожидалася отъ батюшки пробужденьица:
Не пробудитъ ли меня батюшко?
Не пошлетъ ли меня на работушку?
А родимый сказалъ: «мило дитятко,
Работушка у тя съ сего дня,
Съ сего дня на чужомъ дворѣ,
На чужомъ дворѣ, во чужихъ людяхъ.

1611.

Середи было царства, середъ Полянъ [1])
Середи Полянъ стояла палатушка.
Во каменной во той, во палатушкѣ

---

[1]) Названіе села.

Все столы стоятъ, все дубовые.
На столахъ то яства сахарныя,
Яства сахарныя, питья медвяныя,
За столами-то сидятъ бояра-князья,
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
Промежу собой похваляются.
Одинъ князь, онъ не пьетъ, онъ не ѣстъ,
Онъ не пьетъ, онъ не кушаетъ,
Онъ головушку держитъ пониже всѣхъ,
Держитъ въ правой рукѣ гусли звончаты,
Играетъ пѣсеньку заунывную.
На ту пору Пашенька сѣни мела,
Стала послушала, сѣла, подумала:
«Охъ ты воля, воля ли батюшкина!
Охъ ты нѣга, нѣга ли матушкина!»
Подумавши да заплакала;
Ахъ не будетъ мнѣ тоя волюшки,
Тоя волюшки во чужихъ людяхъ.
Хоть куда поди-спросися,
Хоть откуда приди-скажися.

1612.

Затыню ли я, затыню ли я,
Затыню ли я рѣчку быструю тыномъ, 2
Заманю ли я, заманю ли я,
Заманю ли я голубя со голубушкою. 2
Голубъ-ётъ у насъ, голубъ-ётъ у насъ,
Голубъ-ётъ у насъ—Александрушка, 2
Сизой-ётъ у насъ, сизой-ётъ у насъ
Сизой-ётъ у насъ—Михайловичъ, 2
Голубушка при немъ, голубушка при немъ,
Голубушка при немъ—Парасковьюшка, 2
Сизая при немъ, сизая при немъ,
Сизая при немъ Ивановна. 2
Свидятся они, свидятся они,
Свидятся они, поклонятся,
Сойдутся они, сойдутся они,
Сойдутся они, поцѣлуются. 2
Разойдутся они, разойдутся они,
Разойдутся они, низко поклонятся. 2
Имъ ровня, имъ ровня,
Имъ ровня сравнялася;
Имъ люди, имъ люди,
Имъ люди дивовалися, 2
Три раза, три раза,
Три раза цѣловалися.

1613.

Родимая моя сестрица
Покрасуйся-ка у родимаго батюшки,
Полюбуйся-ко у родимой матушки
Вставай-ка ранёшенька,
Чеши буйну головушку
Частымъ гребнемъ костянымъ!
Заплетай русу косу,
Вплетай алу ленточку,
Кисточку златую шелковую.

1614.

Какъ по полю, полю,
Широкому раздолью,
Летѣли двѣ птички,
Собой невелички.
Гдѣ оне летѣли,
Тутъ люди глядѣли,
Гдѣ они садились,
Всѣ люди дивились.
Какъ по саду, саду,
Саду зеленому,
Парасковьюшка гуляла,
А Павлушка ходитъ
Свѣтъ Ивановичъ ходитъ,
Да Михайловну водитъ,
Ей и рѣчь говоритъ:
«Роди-ка ты сына,
Какъ бѣлаго сыра,
Роди-ка мнѣ дочку,
Бѣлаго снѣжочку.
За перву услугу
Куплю кунью шубу,
За другу услугу
Куплю лисью шубу.

1615.

И то не пава по сѣнямъ ходила,
Не павины перушки ронила:
По горенкѣ гуляла ходила
Свѣтъ душа, Парасковьюшка;
Ко кроватушкѣ подходила,
Родного батюшку будила:
«Ахъ ты, батюшка, пробудися!
Не годъ мнѣ у тя годовати,
Не недѣлюшку гостити;
Одну ноченьку ночевати;
И та пройдетъ во тоскѣ во кручинѣ.

1616.

Подымайтеся, вѣтры буйные,
Со всѣхъ четырехъ сторонъ!

Разнесите желты пески!
Подымися, громъ да молнія!
Пустись, калена стрѣла,
Разбей гробову доску,
Гдѣ лежитъ родной батюшко!
Раскройся черна парча,
Откройтесь, очи ясныя,
Распечатайтесь уста сахарны,
Отойдите отъ ретива сердца,
Отъ ретива сердца бѣлы рученьки,
Встань, пробудись, родной батюшко!
Подъ златъ вѣнецъ меня благослови вести.
— Нарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.

1617.

Бьются у Михайловыхъ воротъ,
Бьются женихи у воротъ;
Просятъ свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
Вынесли жениху сундукъ съ бѣльемъ.
«Это не мое,—что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Просятъ свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
«Выведите мнѣ мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Вынесли ему сундукъ съ платьемъ,
Сундукъ съ платьемъ, со всѣмъ животомъ.
«Это не мое—что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Выведите мнѣ Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
Вывели ему Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
«Это мое—мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Взялъ онъ ее за бѣлы ручки,
За златые перстни
Повелъ онъ ее
Что подъ златъ, подъ вѣнецъ.

(Ср. выше № 1591.)

ВЕЛИЧАЛЬНЫЯ.

Женатому.

1618.

Какъ по меду, по меду по сыченому,
По сыченому подмоложеному,
Плавала чарка серебряная, —
Что серебряная, позолоченая.
Кто эту чарку перейметъ?
Переиметъ-то нашъ Селифонъ господинъ,
Селифонъ господинъ, свѣтъ Яковлевичъ,
Самъ изопьетъ и женѣ поднесетъ:
«Пей-ка, жена молодая моя!»
— «Прочь, не хочу! прочь не хочется!
Ужъ мнѣ же, младенькѣ, немножко спалось,
Немножко спалось, много видѣлось:
Быдто у насъ на широкомъ дворѣ
Выростала шелкова трава, —
Шелкова трава, полушелковая.
Разцвѣли же цвѣточки лазоревы,
Ходитъ сизый павлинъ да и съ павушкою.
— А я тебѣ, милая, сонъ разсужу:
Сонъ разсужу, по словамъ разскажу:
Этотъ сизый павлинъ,—то и я господинъ,
Сизая павушка—ты у меня,
Голубые цвѣточки—то наши сыночки,
Розовые цвѣточки—тѣ наши-те дочки.
Слышишь ли Селифонъ и проч.

1619.

Леталъ голубь, ворковалъ,
Ко терему припадалъ.
Кто во теремѣ сидитъ
Очень громко говоритъ?
Вотъ Семенъ-отъ со женой,
Феклистовичъ со душой
Маша скажетъ: мой соколъ,
    Слышишь ли Василій сударь?
    Величаемъ тебя,
    Слышишь ли Ивановичъ сударь?
    Тебѣ пѣсни поемъ и проч.

Отцу и матери жениха.

1620.

Стой мой теремъ златоверховатъ!
Во томъ теремѣ тесовая кровать;
На той на кроватѣ перина лежитъ,
На той на перинѣ зголовье стоитъ,
На томъ на зголовьѣ подушка лежитъ,
На той на подушкѣ, подъ одѣяломъ,—
Подъ одѣяломъ Иванъ свѣтъ лежитъ,
Иванъ душа лежитъ, свѣтъ Ивановичъ,
Бѣлая лебедка Степахонька,
Бѣлая лебедка Игнатьевна.
Межъ ними-то вьется не златъ перстень,—

Златъ Павелушко перстень,
Златъ перстень да Ивановичъ.
— Слышишь ли Иванъ-сударь?
Величаемъ тебя,—
Слышишь ли Ивановичъ
Тебѣ пѣсни поемъ?
Слышишь ли Степафонька (х)
Величаемъ тебя?
Слышишь ли Игнатьевна
Тебѣ пѣсни поемъ
Вамъ честь воздаемъ? и проч.

Жениху.

1621.

Какъ у свѣтлаго мѣсяца
Часты были звѣздочки,
Какъ у краснаго солнышка
Золоты были лучицы,
Золоты, позолочены. —
Какъ у добраго молодца,
У Павла у Иваныча
Въ три ряда кудри завивалися,
Всѣ бояра дивовалися.
«Не дивуйтеся, бояра,
Не дивуйтеся, большія!
Я не самъ голову чесалъ,
Я не самъ кудри завивалъ, —
Чесала голову матушка,
Завивала кудри сестрица,
Завивала, приговаривала:
Служить бы тебѣ, брателко,
При полку да полковничкомъ,
При сенатѣ сенаторщикомъ,
При губернѣ губернаторомъ.
Ты поѣдешь, мой брателко,
По сужена свое ряжено,
Не оставляй коня середи пути,
Середи пути, середь дороженьки.
Взъѣдешь, брателко, къ тестю на дворъ,
Къ тестю ко боярину,
Ко боярину, къ большому барину, —
Ты отдай коня конюхамъ,
Накормили бы пшеницею,
Напоили бы сытицею.
Ты взойдешь на красенъ крылецъ
Ты взойдешь во новы сѣнички, —
Обтирай рѣзвы ноженьки,
Объ ковры-то шелковые.
Ты взойдешь во нову горенку,
Ты ли низко Богу молишся?
Ты ли низко тестю кланяешься,
Да не ниже того тещенькѣ?
Ты взойдешь за занавѣсочку, —
Ты узнай сужено ряжено.
Твое сужено ряжено
Во цвѣтномъ платкѣ шелковомъ,
Во шелковомъ подвѣнечнымъ.
Слышишь ли, женишекъ
Величаемъ тебя?
Слышишь ли, хорошенькій,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Во всю бесѣдушку смиренную
Всѣ гости званные, небывалые.
Во платкѣ гривна шевелится,
На ребрышкѣ становится,
Къ намъ, дѣвкамъ, *нарохтится* [1]).
Еще намъ деньги надобны,
Намъ на бѣлыя на бѣлилы,
Намъ на алыя на румяны,
Намъ на черныя на сурмины.

Тысяцкому.

1622.

Тысецкой, тысецкой,
Ты чесной человѣкъ!
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Васильюшкомъ называемъ,
Иванычемъ величаемъ.
У тебя жена умная, —
Умная Авдотьюшка, разумная,
Она тебѣ сына породила, —
Сына, какъ ясна сокола,
Свѣтъ Петрушеньку.
И еще дочерь породила, —
Дочерь, какъ бѣлу лебедь.
Что ты, тысяцкой,
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Ты Васильюшко здогадайся,
На рѣзвы́ ножки становися!
У тебя гривна шевелится,
На ребрушка становится,
Къ намъ, ко пѣвицамъ, катится.
Насъ-то пѣвицъ немножко —
Сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,

---

[1]) Въ слов. Даля: *нарохтиться*—порываться, храбриться, собираться на какое дѣло.

Пятьдесятъ молодицъ съ молодицей,
У насъ горлы пересохли.
Пойдемте пѣвицы на рѣчку,
Изопьемте пѣвицы водицы,
Студеныя воды ключевыя!

(Тысецкой идетъ поитъ ихъ пивомъ.)

Какъ у тысацкаго бородка!
Какъ у тысацкаго головка!
Какъ за эту за головку царь любитъ,
По этой головкѣ царь гладитъ,
Приближоннымъ называетъ:
Приближенный воевода
Охочь воевать на добромъ конѣ,
Аль инда рѣчь замолвить путемъ,
Путемъ—разумомъ подъ ладъ и подъ стать.
Слышишь ли Тысецкой
Тебѣ пѣсню поемъ?
и т. д. (какъ въ предыдущей).

Большому боярину.

1623.

У нашего крестьянина;
У большаго боярина
Сыновья его хорошіе,
Дочери его пригожіе.
Дай ему, Господи,
Большаго сына женити,
Большую дочь замужъ отдати.
У князя молодаго, у княгини молодыя
Что большой бояринъ:
Слышишь ли и разумѣешь ли
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала,
Право, лучше всего и т. д.

Большой бояринъ идетъ и поитъ ихъ пивомъ.

Свахѣ.

1624.

Не взбушуй, холоденъ вѣтерокъ!
Не раскачай звонкій колоколъ!
Не разбуди у Ивана жену,
Не разбуди у Панфилыча жену!
Вечоръ она во пиру была,
Съ пиру то пришла, сына родила.
Бабушка была съ повивальнаго двора,
Кумъ то былъ — офицерскій сынъ,
Кумушка была — офицерская жена,
Свахонька пригоженька!
Столь хорошо не пріѣзживала.
У свахоньки личико — снѣгу бѣлаго,
У свахоньки щеки — маку краснаго,
Маку краснаго, огороднаго.
Слышишь ли, свахонька?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и слава — право лучше всего
и проч.

Это же величаніе припѣваютъ и всѣмъ замужнимъ женщинамъ,—гостямъ на большихъ смотрахъ.

Дружкѣ.

1625.

Не ходи ка ты, друженька,
Не ходи дружка хорошенькій,
По новымъ сѣнямъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ!
Не бери-ка, друженька,
Свою огневицу серебряну!
Не подпаливай, друженька,
Не подпаливай русу косу,
Русу косу Агафьину!
Ты былъ, дружка, на ножку легокъ,
На ножку легокъ, на посылочку:
Куда дружка повернется —
Все тутъ медъ и патока.

Холостому.

1626.

Кто изъ насъ лучше,
Кто красовитѣй?
— Николай изъ насъ лучше,
Лукичъ красовитѣй:
Личико бѣлаго снѣгу
Щечки-то алыя,
Алѣй маку алаго,
Алѣй огороднаго;
Походка павлиная,
Рѣчь лебединая.

Свѣтъ ты Николенька,
Лукичъ свѣтъ хорошенькій!
Взять бы тебѣ женушку
Изъ Москвы бѣлокаменной,
А съ ней теремы серебра
Да бугры живота:
Слышишь ли, Николай сударь?
Слышишь ли, разумѣешь ли?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала — право лучше всего.

1627.

Во теремѣ дѣвки сидѣли,
Дѣвки орѣшки щелкали,
За окошко скорлупки бросали,
Молодымъ парнямъ назолу давали.
Да и Григорій сударь хорошенекъ,
Да и свѣтъ Ивановичъ пригоженекъ;
Его матушка породила,
Его сестрица хорошила,
По пуховой перинѣ катала,
Гребешкомъ кудри чесала.
За то его дѣвки любили,
Во теремъ его уводили,
Калачемъ его накормили,
Да сытой его напоили.
Изъ терема его проводили,
На добра коня посадили,
Шелковую плеть въ руки дали,
Со двора его проводили,
Да во слѣдъ ему поклонились.
Слышишь ли, Григорій сударь,
Слышишь ли, разумѣешь ли?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала,
Право, лучше всего, и проч.

Если кто нибудь не дастъ денегъ за величанье, — пѣвицы продолжаютъ:

Мы не хаемъ тебя, величаемъ,
По имени называемъ,
По отечеству величаемъ.
Вотъ поѣхалъ Григорій воевати
По чисту полю, по подполью,
Разбилъ горшки да корчаги,
Иступилъ онъ булатный мечъ,
Булатный мечъ о черенья,
Натянулъ онъ тугой лукъ,
Пустилъ калену стрѣлу,
Калену стрѣлу въ кучу *назьму* [1]).

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

[1]) Навóзу.

Той же губ. Глазовскаго уѣзда, село Ухтымское.

Свадебный обрядъ.

Въ назначенный день брака поѣзжане собираются въ домъ жениха. Женихъ съ родными и поѣзжанами, помолились Богу, падаетъ въ ноги отцу, матери и всѣмъ лицамъ участвующимъ въ свадьбѣ. Родители благословляютъ сына своего иконою, изображая оною надъ головою его крестное знаменіе, и черезъ голову передаютъ икону дружкѣ. Дружка получа икону, кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ. Отецъ Богомъ данный, мать богоданная! умѣли свое дитя вспоить, вскормить, умѣйте благословить, подъ златы вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите? Хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, златомъ, сребромъ, али св. иконой?» Отецъ отвѣчаетъ: всѣмъ благословляю: «хлѣбомъ и солью и добрымъ зловомъ, златомъ, сребромъ и святой иконой.» При выходѣ поѣзжанъ изъ дому дружка обращается къ неодушевленнымъ вещамъ и маленькимъ дѣтямъ, прося у нихъ благословленія:

Благословляйте: Кутяна, полотяна, середяна, маленькіе робенки, синіе пупки, свиные желудки!

Дружка отправившись съ поѣздомъ за ворота дома, встаетъ на ноги (въ телѣгѣ или на саняхъ) скидаетъ шапку или шляпу (шапки должны скидывать всѣ поѣзжане) и кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ! Князь молодой, тысяцкой, поневѣсенка, большіе бояре, малые бояре, дружье, подружье, запятницки, всѣ ли въ скопу, всѣ ли въ сборѣ? все ли взяли, чего не забыли ли? Думайте. Благословите меня, дружку, впередъ ѣхать, путь-дорожку править!» — «Богъ благословитъ!» отвѣчаютъ». — Дружко всегда ѣдетъ впереди поѣзда, держа икону въ рукахъ, и бываетъ постоянно изъ числа кондуновъ (пухтаревъ) и заговаривается при всякой встрѣчѣ: «отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки пустоволоски, отъ двоежена простека, отъ краснаго и рыжаго, отъ еретика, клеветника и русова попа, отъ прычищъ, озѣвищъ, уроковъ» и проч.

По пріѣздѣ къ невѣстѣ, въ сѣняхъ, стоя у запертыхъ дверей избы, дружко кричитъ: «Сватъ да сватья! ждете ли свадьбу? — Ѣдемъ на вашемъ полѣ, на нашихъ коняхъ, подъ коврами, подъ черными соболями. Кони вороные, сани дубовые, запетницки молодые—ѣдутъ къ свату въ ограду, вяжутъ коней къ дубову столбу, къ золоту кольцу. Сватъ да сватья! на нашихъ коняхъ сѣна по копнѣ, овса по *зобнѣ* [2]). Этимъ же конямъ сѣна зелёнова, овса толчёнова, хлѣба печенова;

[2]) Плетенка, кошель, кузовокъ, лукошко. Слов. Даля.

конямъ — конюха, къ дверямъ — придверника, къ заслону — запечнова, къ столу — стольника, на столъ скатерочки переборчатыя, ставчики рѣшатчаты, ложечки кленóвыя, полотенца шелкóвыя.»

Послѣ такого воззванія отпирается дверь съ радушнымъ привѣтомъ: «Милости просимъ, заходите въ избу.»

Если дружко по какому-либо случаю, забудетъ прочесть означенное *присловіе*, то сватъ не позволяетъ давать лошадямъ поѣзжанъ ни овса, ни сѣна, хотя бы лошади полдни и больше не принимали пищи, и воспрещаетъ домашнимъ имѣть присмотръ за ними, хотя бы кто изъ недоброжелателей укралъ даже лошадь со двора, — хозяинъ не подлежитъ отвѣтственности.

Невѣста въ сопровожденіи поневѣстницы выходитъ съ *середы* (мѣсто въ избѣ противъ печки), униженно кланяясь поѣзжанамъ. Безъ церемоній, безъ приговорокъ, женихъ, невѣста и поѣзжане несадятся за покрытый столъ. Зажегши свѣчу передъ иконой, встаютъ всѣ и молятся Богу при чтеніи дружкою молитвы: Отче нашъ... потомъ снова садятся на мѣста. Отецъ и мать невѣсты, стоя на ногахъ, позади поѣзжанъ, непремѣнно обязаны первые вкусить, въ постный день, по три куска рыбы, а въ скоромный — студень съ квасомъ. Сватъ да сватья, исполнивъ необходимую обязанность, кланяются гостямъ и просятъ ихъ обѣдать: обѣдайте гости. Женихъ и невѣста до совершенія брака не вкушаютъ пищи.

Послѣ обѣда дружко съ жениховымъ пивомъ, а отъ невѣсты избранный родственникъ съ дарами, подходятъ къ жениху, подносятъ стаканъ пива и дарятъ его невѣстинымъ платкомъ, приговаривая: «Нашъ князь новобрачный бьется хлѣбомъ солью и добрымъ словомъ: испей пивца, не истомя, излюбя, отъ нашего князя новобрачнаго и подарки прими!» Поѣзжанъ дарятъ лоскуткомъ холста. — Дружка, предъ каждымъ изъ нихъ во время принятія подарковъ, читаетъ молитву: Господи, Іисусе помилуй... и слѣдующее присловіе: Наша княгиня не по лѣсу ходила, не лыка драла, не лапти плела, — пряла да ткала, дары смышляла: тонко пряла, звонко ткала, бѣло бѣлила, за конецъ волочила, поѣзжанъ снарядила.»

Получа подарки, всѣ садятся на лавки, потомъ встаютъ и тихо молятся Богу. Помолившись родители благословляютъ невѣсту иконою. Дружко, принявъ икону черезъ голову невѣсты изъ рукъ отца ея и матери, читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ! Отецъ Богомъ данный, мать богоданная, умѣли свое чадо вспоить, вскормить, умѣйте благословить, подъ златы вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите свое чадо, хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, али св. иконой, али златомъ и серебромъ?» — Отецъ и мать отвѣчаютъ: «всѣмъ благословляемъ: хлѣбомъ и солью и добрымъ словомъ и св. иконой и златомъ и серебромъ». — Послѣ сего поѣздъ отправляется. Отъѣхавъ немного отъ дома, дружка встаетъ на ноги, снимаетъ шапку и читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ!» Всѣ ли въ скопу; всѣ ли въ сборѣ? по што пріѣзжали, то не забыли ли? Тысяцкой, поневѣсенка, большіе бояра, малые бояра, дружье подружье запятницки! зачѣмъ пріѣзжали, то не забыли ли? Благословите меня, дружко, напередъ ѣхать, путь дорожку править!» Дружка снова возвращается въ домъ свата съ приглашеніями: «Сватъ, да сватья! пожалуйте къ намъ на свадьбу, на нашего князя посмотрѣть и молодую княгиню!» За приглашеніе сватъ подаетъ дружкѣ рюмку вина и стаканъ пива.

Послѣ брака отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ у крыльца съ рыбнымъ пирогомъ и пивомъ. Новобрачные по три раза откусываютъ пирога и запиваютъ пивомъ. При входѣ въ избу, при горящей свѣчѣ предъ иконой молятся Богу и садятся за покрытый столъ. Отецъ и мать жениха снимаютъ со головы молодой ширинку (большой платъ), покрываютъ и обвертываютъ ею головы новобрачныхъ и ударяютъ голову молодого объ голову молодой. Послѣ такого обряда начинается обѣдъ. — Послѣ обѣда, помолившись Богу, дружка читаетъ молитву: «Господи Іисусе, помилуй насъ! и затѣмъ говоритъ Отецъ Богомъ данный, мать богоданная, благослови свои чада на подклѣть свести и опочenуться. Передяна, середяна, кутяна, полотяна, мнѣ приказано каждова звать, а и кому надо стыдъ знать.» На подклѣтѣ пируютъ. При окончаніи пира новобрачные подносятъ отцу, матери и поѣзжанамъ стаканъ пива и рюмку вина, и кланяются въ ноги. — Каждый обязанъ дать имъ на подносъ по грошу и по два въ подарокъ. — Поѣзжане возвращаются въ избу. — Снова начинается пиръ. Дружка открываетъ его, поднося каждому изъ поѣзжанъ стаканъ пива и предъ каждымъ изъ нихъ долженъ приговаривать: «Ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ: испить пивца яснаго молодца прекраснаго, города Ростова, барина Толстого. Поѣхалъ за море торги торговать — по атласъ, по бархатъ и на немъ шубка соболья, сапожки козловы, рукавички рогозьи; ходитъ — ножками потопываетъ, рукавкомъ похлопываетъ, глазкомъ помигиваетъ. Дай тебѣ, Господи, дваста бы конь, полтораста-бы мериновъ семьдесятъ барашковъ все скакуновъ, на полѣ приростъ, на гумнѣ — примолотъ, на мельницѣ примолъ, въ квашнѣ — спорынья: садила бы *петь*, вынила бы шесть.»

Невѣста въ день брака надѣваетъ на себя двѣ сорочки (рубахи), на верхнюю накладываетъ скатерть и подвязываетъ шерстянымъ поясомъ, одну изъ нихъ должна готовить на смерть; поясомъ опоясываютъ перваго новорожденнаго младенца, въ надеждѣ на долгую его жизнь; скатерть кладутъ подъ голову болящему младенцу отъ *уроковъ*, За пазуху невѣсты полагаютъ: мыло отъ болѣзни глазъ, шерсть, чтобъ множились овцы, — ленъ, чтобъ родился долгой, деньги жить богато, — калачъ и гребень, — гребнемъ молодая расчесываетъ голову послѣ брака, а калачъ съѣдаютъ новобрачные.

Этотъ свадебный обрядъ вполнѣ исполнялся прихожанами села Ухтымскаго, при каждой свадьбѣ, — безъ этого была свадьба не въ свадьбу; но нынѣ по настоянію священниковъ, совершенно оный прекращается, такъ что чрезъ нѣсколько времени забудется самими тѣми лицами, которыя мнѣ передали въ томъ видѣ, въ какомъ мною описанъ.

Зап. свящ. А. П. — Изъ матеріаловъ архива И. Р. Геогр. Общества. Списано мною въ 1868 г.

IV. Олонецкой губерніи.

Пудожскаго уѣзда.

После просватанія невѣсты:

1628.

Мнѣ сидѣть мнѣ-ка не высидѣть,
Одной думишки не выдумать,
Скрось потай мнѣ словъ не высказать,
Сквозь рукавъ да слезъ не выронить.
Какъ повыстать красной дѣвушки
Мнѣ на рѣзвые на ноженьки,
На софьяные башмачечки,
На бумажные чулочечки, —
Какъ пойти мнѣ красной дѣвушки
По полаты грановитой,
По усадьбы красовитой, —
Ошибилася, проступилася,
На словѣ проговорилася.
Какъ усадьба красовитая, —
У царицы въ зеленомъ саду,
Какъ полата грановитая, —
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ.
Какъ пойти мнѣ, подневольницы,
По высокой новой горницы:—
«Отодвинтесь, люди добрые,
Отшатнитесь православные,
Дайте мѣстечка немножечко,
Мнѣ пройти до красной дѣвушки
Со бажоной [1]) дорогой волей!»
— Плясуны да на новы сѣни:
Кто играть да костью, картами, —
Тотъ къ сусѣдушку въ бесѣдушку:
Кто пьетъ да зелено вино, —
Тотъ къ братцу на кольчужной дворъ.
Красны дѣвушки по лавочкамъ,
А молодцы по скамеечкамъ.
Какъ сказали красной дѣвушкѣ, —
Какъ въ почотномъ большомъ углу
Сидятъ гости незнакомые,
Всѣ гости, купцы торговые,
Какъ торгуютъ дорогу волю
У кормильца, свѣта батюшка,
У добро́тушки у матушки.
Какъ свѣтло-ли свѣчи топилися?
Какъ слезно-ль Богу молилися?
На пробитье дорогой воли?
Ужъ какъ всѣ-ль были святители?
Во дому-ль были родители?
Пробивать да дорогой воли
Какъ за этого чужанина,
За млада сына отецкаго?—
Отвернуться красной дѣвушки
Ко кирпичной бѣлой печенкѣ,
Ко муравленому жарничку, [2])
Какъ спросить да красной дѣвушкѣ
У муравленаго жарничка:
Кто огнью былъ выдувальщикомъ?
Кто свѣчи былъ зажигальщикомъ?
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Выдувала огонь матушка,
Зажигалъ да свѣчку батюшка.
Еще какъ ручки здымалися,
Въ ручкахъ пальчики сгибалися,
Зажигать да восковой свѣчи
Пробивать да дорогой воли».

---

[1]) Божаный—желанный, милый. Слов. Даля.

[2]) Въ слов. Даля: жарникъ — большой огонь въ полѣ, особенно по ночамъ, при осенней молотьбѣ.

Во свѣчу-ль огни задуваны?
Аль въ лучинучку зажигаты?
Ужъ какъ этая лучиночка
По три года была вожжена,
По три года она щипана,
Къ той поры она бережена,
Выдувать да огни плящія [1]),
Зажигать свѣчу восковую,
Пробивать да дорогу волю.—
Отвернуться красной дѣвушки
Во почотной во большой уголъ,
Помолиться, поклониться
Пресвятой да Богородицы
За кормильца, свѣта батюшки,
За добротушку за матушку.
Самому да свату большому
Во кисель да задавится,
Въ молоко да захлибнутся!
Какъ ступень ступитъ— нога сломитъ,
Какъ другой ступитъ—друга сломитъ!
Оттяните стола за̀ стѣну,
Какъ возьмите гостя за̀ руки,
Отведите гостя за̀ двери.—
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
И сердечные родители?
Вы что ходите, скрываетесь,
На глаза мнѣ не являетесь?
Ужъ какъ увидѣла обо́зрѣла
Сквозь туманъ да горючи слёзы,
Скрось великую обидушку
Своего кормильца батюшку,—
Какъ спрошу, бѣдна горюшница,
У кормильца, свѣта батюшка,
У добрушки у матушки:
Какъ зачимъ волю неволили,
И головушку заботили,
Какъ за этого чужанина
За млада сына отецкаго?
Какъ у этаго чужанина
Нѣтъ не стоговъ перегодныихъ,
И засѣковъ безызводныихъ.
Ужъ какъ этотъ чужъ отецкой сынъ,—
Онъ игратъ да костью, картами,
Онъ ужъ пьетъ да зелено вино,
Онъ бутылкамъ Богу молится,
Полуштофамъ поклоняется,
Да со рюмкой забавляется.
Ужъ какъ повыбрали родители,
Какъ не франта Петербургскаго,
Да не щеголя Московскаго,—
Ужъ какъ кабацкую потпорыну,
Подорожную калужину.

[1]) пылающіе.

Ужъ мнѣ надо, красной дѣвушкѣ,
Держать очи во чистомъ полѣ,
Бѣлы руки на заложечки.—
Надоѣла напрокучила
Какъ сердечнымъ родителямъ,
Вѣрно поючись да кормючись,
Бѣлы плечка одѣваючись,
Рѣзвы ножки обуваючись,
На вечерочку спускаючи,
Мнѣ ворота отложаючи
Со весёлой со бесѣдушки.
Еще гдѣ есть у бѣднушки,
Мои сродцы, мои сродники:
Братецъ, красно мое солнушко,
Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
Братецъ, яблонька кудрявая,
Братецъ, грушица зеленая!
Ужъ вы что за мной прослышали:
Аль худу славушку завѣдали?
Аль пусто-славица заслышали?
Жопаты-ль мною похвастали?
Аль холостые насмѣялися?
Какъ неволитъ дорогу́ волю,?
Какъ за этого чужого,
За млада сына отецкаго,
Не пойду да не подумаю
За млада сына отецкаго,
И никого я не послушаю.

Утромъ передъ дѣвичникомъ собираются родственники и подруги невѣсты.—Мужчины послѣ завтрака—(или угощенія). Они должны ѣхать зазывать гостей на свадьбу, потому они называются зазывателями,—а дѣвушки съ невѣстой ѣдутъ съ добровтоля, т. е. собирать дары у родни.

Отпускъ зазывателей. Невѣста садитъ ихъ за столъ и причитаетъ:

1629.

Вы поѣшьте да покушайте,
Вы любезны милы дядевья,
Какъ безъ гуся да безъ лебедя,
Безъ сѣрой да малой утушки,
Безъ трепущей свѣжей рыбушки.
Какъ по моему счастьицу,
Не словилъ кормилецъ батюшко:
Какъ вода съ пескомъ смутилася,
Рыба въ глубь да обрядилася,
Оружье не разрядилося,
Пороха́ не загорѣлися,
Не стрѣлилъ до сѣрой утушки.
Ужъ вы съѣздите, пожалуста,

Ко всимъ сродцамъ, ко всимъ сродникамъ;
Ко сердечнымъ родителямъ
На Михайловскую буевку [1]).
Не поспѣли ко плотному рукобитью,
Такъ поспѣй ты красна матушка [2]).
Ко косному разплетаньицу.
Поспѣвала красна матушка
Ко купели ко святой воды,
Такъ поспѣй-же ты божатушка [3]),
Ко разлуки дорогой воли,
Ко теплой да парной баенки.

Обращаясь къ родителямъ причитаетъ:

1630.

Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
Да добрушка матушка.
Еще дайте, пожалуста,
Мнѣ лошадушекъ устáиныхъ,
Во первыхъ да во послѣднихъ, —
Сходить, съѣздить прокатится
Со бажоной дорогой волей.
По всему да роду племени.

Послѣ этого всѣ выходятъ; мужчины садятся на однихъ лошадей,—а невѣста съ подругами особенно—и отправляются всѣ на кладбище,— гдѣ невѣста приглашаетъ усопшую родню на слезливую свою свадьбу, причитая очень мало.

Оттуда мужчины уѣзжаютъ приглашать на свадьбу и встрѣчая по дорогѣ кого нибудь, кланяются, приговаривая: «Къ князю молодому хлѣба соли кушать».—А невѣста отправляется съ подругами, которые поютъ различные пѣсни, въ другую сторону за сборомъ даровъ и прiѣзжая подъ крыльцо, причитаетъ:

1631.

Вы устойтесь, добры кони,
Удержите-ко, извощики.
Вѣрно рады меня бѣднушку.
И бажону дорогу волю.
Какъ стрѣчай, сестрица милая,
Не впервыхъ да не впослѣднихъ
Помолиться, да поклониться
Пресвятой да Богородицы.
Сбереги, сестрица милая,
Какъ отъ этого чужанина,
Отъ млада сына отецкаго.
Ты во домъ возьми работницей,
А во хлѣвъ возьми коровницей,
На гумно да замолотчицей:
Пора времячко оттянется,
Я во дѣвушкахъ останусь.
Отрѣжь косу по пастушьему,
Ходить буду по старушьему.
Ужъ ты приди, сестра милая,
На веселу мою свадебку,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному расплетаньицу,
Какъ по вечеру по позднему.

Отвѣтъ сестры невѣсты.

1632.

«Ты поди, моя голубушка,
Во почотной во большой уголъ,
Со подружками драгими!
Стану ставить столы дубовые,
Стлать скатерти камчатные,
Носить ѣствица сахарнiя,
Ставить питьица медовые
Кунью шубу соболиную
Снесу въ клѣть да въ коробеечку.
Дамъ работу не тяжёлую,
Дамъ-те пялушка точоные,
Шить узоры немудренные.
Пора времечко оттянется,
Ты во дѣвушкахъ останешься.
Ты скажи, моя голубушка,
Ты, сестрица моя милая!
Кто неволилъ дорогу волю?
Ты-ль сама волю неволила,
И головушку заботила,
Какъ за этого чужанина,
За млада сына отецкаго?
Онъ игратъ да костью, картами,
Онъ ужъ пьетъ да зелено вино.
Какъ сама волю неволила,
Буди проклятъ, красна дѣвушка—
Воля лѣтнее гуляницё,
Воля зимнее катаницё,—
На головушкѣ легошенько,
На сердцѣ да веселешенько.

---

[1]) Кладбище.

[2]) Здѣсь у невѣсты не было крестной матери,— а если изъ родственниковъ кто —нибудь умеръ—то ихъ вспоминаетъ невѣста: непоспѣли къ рукобитью такъ поспѣй ты, милый дядюшка,—дорога—тетушка и т. д.

[3]) Крестная мать.

(Подаетъ подарки).

Ты прійми, моя голубушка,
Небольши мои подарочки!

Невѣста беретъ подарки и причитаетъ:

1633.

Какъ покорно благодарствую,
Ты сестрица моя милая!
Какъ чесно даришь, жалуешь,
Всѣмъ подруженкамъ позавидаешь,
Добрымъ людямъ на дивованье.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Братецъ, красно мое солнушко,
Красно бѣло мое свѣтушко—
На слезную мою свадебку,
Какъ по позднему по вечеру,
За мной слѣдъ да провожатымъ,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньицу, —
Приходи ты красно солнушко.

Послѣ этого невѣста, садясь за столъ, причитаетъ:

1634.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушкѣ,
На брусову бѣлу лавочку,
Не впервыхъ да не впослѣдпихъ,
Подъ косящето окошечко?
Какъ которое окошечко
Сберегало меня дѣвушку
Въ лѣтню пору отъ прохожаго,
Въ зимню пору отъ проѣзжаго.
Не сберегетъ-ли меня, дѣвушку,
Какъ отъ этого чужанина,
Отъ млада сына отецкаго?

Закусивъ, невѣста встаетъ со стола и причитаетъ:

1635.

Какъ покорно благодарствую,
Какъ на кушаньяхъ сахарніихъ,
Да на питьицахъ мёдвяныихъ!
Какъ гостите-ко, пожалуста,
За мной слѣдъ да проводницей,
На веселу мою свадебку,
Помолиться да поклониться
Пресвятой да Богородицы.

Послѣ этого уходятъ. Тоже самое причитается и у другихъ родственниковъ, только вмѣсто сестры—тетка—сватья и т. д.

Возвращаяся съ *добровта* невѣста причитаетъ у родителей:

1636.

Вы устойтесь, добры кони,
Удержите-ко, извощики,
У перёнаго крылечушка!
Ты встрѣчай, родитель батюшко,
Ты встрѣчай, родима матушка!
Ужъ я ѣздила каталася
По всему да роду племени
Со бажоной дорогой волей;
Нигдѣ гостя не унимано,
Кунья шуба не скидывана,
Во тёмну клѣть не снесено,
Въ коробеечку не замнута.
Прошла йскопыть коннная,
Прошлась сбѣгъ да лошадиная
Проѣзжалъ да чужъ — отецкой сынъ,
Я отъ страха ужаснулася,—
Мною дѣвушкой похвастывалъ.
Ужъ я ѣздила, каталася,
На Михайловску на уличку,
На Михайловску на *буевку*,
Какъ ко кресной своей матушкѣ,
Какъ просила прощеньица,
И большаго благословенница.
Ужъ какъ ихнее прощеньице —
Есть большо благословеньице.
Изъ подъ камешка повыздынетъ,
Изъ синя моря повыкинетъ,
Во Литвы жить за бояриномъ
Во Сибири за татариномъ.
Приходи ты, красна матушка,
По вечеру по позднему,
На слезливу мою свадебку,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньицу.

Во время вечеринки, т. е. дѣвичника, дѣвушки поютъ различные плясовые пѣсни. Когда дѣвичникъ кончается, тогда невѣста причитаетъ:

1637.

Ужъ вы послушайте, пожалусто,
Вы подружки мои любушки,

Ужъ вы ключницы ларечницы,
Дорогой воли наслѣдницы!
Отыщите-ко, пожалуста,
Какъ сердечныхъ родителей,
Моего кормильца батюшку
И добро́тушку матушку.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко;
Какъ на такомъ страху не бы́вано,
Такова страха не видано,
Какъ севодняшняго денечка:
Какъ по позднему по вечеру,
Пристыдилъ да чужъ отецкой сынъ,
При всёмъ родѣ, при всемъ племени,
При сердечныихъ родителяхъ,
Цѣловалъ да во бѣлу щеку,
Прижималъ да за бѣлу руку,
Много грозъ онъ мнѣ угражпвалъ,
Да страстей онъ *задаввалъ*:
«Какъ возьму я молоду жену —
Ужъ я ее да повыучу,
Я ее да повышколю.»
Отъ того страху великаго
Тонка бѣлинка рубашечка
По уточкамъ разтыкалася.
Какъ цвѣтные мои платьица,—
Всѣ по швамъ да росшивалися,
Крупны скачны мои жемчуги—
По поламъ да розсыпалися.
Послѣ этакой обидушки
Мнѣ-ка много людей надобно:
Ужъ какъ первы люди надобны—
Соткать тоненьку рубашечку,
Ужъ какъ други люди надобны, —
Сошить цвѣтны мои платьица.
Ужъ какъ третьи люди надобны—
Собрать крупны скачны жемчуга.

На этомъ кончается дѣвичникъ.

На другой день невѣста, вставъ со сна, причитаетъ:

1638.

Еще гдѣ есть у бѣднушки —
Какъ кормилецъ, свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка
И подружки мои любушки.
Ужъ ты подай, кормилецъ батюшко,
Мѣдной тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями, —
Мнѣ повымыть, красной дѣвушки,
Мнѣ ужъ грязь да со бѣла́ лица,
Мнѣ ужъ синь да со ясныхъ очей.
Какъ ночеся мнѣ мало спалося,
Мнѣ во сняхъ много казалося:
Какъ въ крутомъ моемъ зголовьицѣ,
Какъ стоитъ гора великая,
Какъ во рѣзвыхъ во поженькахъ
Проросла трава шелковая,
Какъ по правую сторонушку
Наставала туча тёмная.
Ты скажи, кормилецъ батюшко,
Ужъ мнѣ кто сонъ поро̀зсудитъ,
Вси причины поро́скажетъ?
Вси причины есть великіе.
Ужъ ты съѣзди, пожалуста,
За три поля, за три чистыхъ,
За три морюшка глубокихъ,
Какъ за Іосифомъ Прекраснымъ
За деннымъ разсудителемъ,
За ночнымъ предводителемъ.
Ужъ онъ сонъ мнѣ поразсудитъ,
Всѣ причины повыскажетъ.
— Ужъ не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала,
Какъ лошадушки усталые,
Стали братьица упрямые, —
Не поѣдутъ, не послушаютъ
Какъ за Іосифомъ прекраснымъ.
Я сама да сонъ поразсужу,
Вси причины повыскажу:
Надъ крутымъ моимъ сголовьицемъ
Какъ стоитъ гора высокая, —
То судимая сторонушка,
Какъ у моихъ ногъ у рѣзвыихъ
Проростала трава шелкова, —
То мужъ удала головушка;
Какъ со правой со сторонушки,
Наставала туча тёмная, —
То свекровь, змѣя лютая.
Помолиться да покланяться
Пресвятой да Богородицы.
Ужъ я первый поклонъ по̀ложу—
За кормильца, свѣта батюшки,
Ужъ я другой поклонъ по̀ложу—
За родимую свою матушку,
Я еще да поклонъ по̀ложу—
За царя за благовѣрнаго;
Я еще да поклонъ по̀ложу—
За царицу милосердную,
Я еще да поклонъ по̀ложу —
За братцевъ ясныхъ соколовъ,
Я еще да поклонъ по̀ложу —
За сестрицъ своихъ голубушекъ;
Я еще да поклонъ по̀ложу —
За подружекъ своихъ любушекъ;
Я еще да поклонъ по̀ложу —

За солдатушекъ военныхъ:
Можетъ будутъ всѣ защитники,
За мою волю заступники.

Послѣ этого входятъ дѣвушки и зовутъ невѣсту въ баню и причитаютъ:

1639.

Ты пойди, наша голубушка,
Во теплую па́рну ба́еньку,
Во бѣлую умываленьку!
Изъ лучины баня топлена
Со колодцевъ вода ношена,
Со двѣнадцати колодцевъ:
Какъ со перваго колодца —
Со дому подугольнаго,
Какъ со другого колодца —
Отъ Ивана Волосатаго,
Какъ со третяго колодца —
Со рѣки Твери свирѣпыя,
Какъ со четвертаго колодца —
Отъ Іоны Преподобнаго,
Какъ со пятаго колодца —
Отъ Макарья Многомилостиваго,
Какъ съ шестаго колодца —
Со шумячего Онегушка,
Какъ съ седьмаго колодца —
Со Иматрушки гремущей
Какъ съ осмаго колодца —
Что отъ Іосифа Прекраснаго,
Какъ съ девятаго колодца —
Отъ Корнелья Полеостровскаго,
Какъ съ десятаго колодца —
Со бѣла моря глубокаго,
Какъ двѣнадцатаго колодца —
Съ океанъ моря широкаго.

Затѣмъ невѣста причитаетъ такъ:

1640.

Еще гдѣ есть у бѣдпушки
Какъ кормилецъ свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка.
Ужъ подай, родитель матушка,
Мѣдный тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями.
Еще дай, родитель матушка,
Тонку бѣлую рубашку,
Какъ которая рубашечка
По три ночи была сшжена,
По три строчки была строчена:
Перва ноченька—Христовская,
Друга ноченька—Иванская,
Третья ноченька—Петровская.
Еще родитель матушка
За мной слѣдъ да провожатыихъ
До теплой до парной баенки,
До бѣлой до умываленьки. —
Перву ротушку—солдатушекъ,
Другу ротушку—матросушекъ,
По бокамъ да вороныхъ коней,
По заду да добрыхъ молодцевъ,
Во передъ да красныхъ дѣвушекъ.

Въ бани невѣстѣ расплетаютъ косу и обдаютъ ее водою (наколдованой отъ призору). — Выйдя изъ бани, невѣста причитаетъ:

1641.

Послѣ моего быванъица,
Послѣ моего хоженьица, —
Раскатись-ка, парна баенька,
Какъ по едной мостови́ченькѣ,
По единой полови́ченькѣ.
До бѣла я не намылася,
Только съ волей разлучилася.
Какъ на полокъ воля бросалася, —
Бѣлой лебедью казалася;
Какъ на каменку бросалася, —
Бѣлымъ паромъ оказалася,
Во корытушко бросалася, —
Сѣрой утушкой казалася
На окно воля бросалася, —
*Усн*ы*мъ* (?) соколомъ казалася;
По окну воля щелнула, —
Стала волюшка свиватися,
Меня, дѣвку, приклинатися:
«Какъ умѣла красоватися,
А не умѣла разставатися;
Какъ съумѣла волю выростить,
А не не съумѣла воли выпустить.
Буди проклята красна дѣвушка!»

Послѣ этого невѣста возвращается домой и причитаетъ у родителей:

1642.

Погляди, кормилецъ батюшко,
Да родитель, моя матушка,

На меня, красну дѣвушку,
На бажону дорогу волю:
Такова-ль была снаряжена,
Во теплу баню отпущена?
Я до-бѣла не намылася,
Только съ волей разлучилася,
Худы даны провожатыи
Ко теплой да парной баеньки,
Ко бѣлой да умываленьки. —
Мимо теплу да парну баенку
Проѣзжалъ да чужъ отецкой сынъ,
Прошла ископыть конинная,
Прошли сбѣги лошадиные, —
Торговалъ да дорогу́ волю
Какъ у вашихъ провожатыихъ.
Много давалъ злата серебра,
Много крупныхъ скачныхъ жемчуговъ,
Тридцать ведръ за зелена вина,
Сорокъ ведръ да пива пьянаго.
Я стояла, не стыдилася,
Въ тонкой бѣленькой рубашечкѣ,
Говорила, не боялася:
«Отъѣзжай да чужъ отецкой сынъ,
Отъ теплой да парной баеньки,
Отъ бѣлой да умываленьки!
Мои дядевья не пьяницы,
Мои братьица не бражники,
Красны дѣвки не распутницы;
Намъ не надо зелена вина,
Намъ не нужно пива пьянаго,
Крупныхъ скачныхъ твоихъ жемчуговъ.»
Какъ послѣ этой поры времени
Стали дѣвушки разбойницы,
Молодцы да подорожники,
Мои дядевьица пьяницы,
Милы братья стали бражники,
Какъ силомъ волю обсилили,
Грабежомъ волю ограбили
У теплой да парной баеньки.

Послѣдняя причта передъ вѣнцомъ, когда невѣста отдаетъ свою волю: т. е. ленту съ головы.

1643.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушки,
По высокой новой горницы,
Во почотной во большой уголъ?
Какъ положить да дорогу волю
Пресвятой да Богородицы?
Дорога моя басуется [1]).
Полетай, бажена волюшка,

[1]) Отъ слова баско—красиво, басуется красуется.

Какъ ко солнушку въ бесѣдушку,
Ко луны на утѣшеньице.
Ужъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Образа съ волей не водятся.—
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку, —
Пусть-ка волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ родитель, моя матушка,
Красно тепло мое солнышко?
Ты возьми-тко дорогу волю,
Носи по годовымъ праздничкамъ,
Въ воскресенье ко обѣденки,—
Еще вѣкъ того не водится.
Отдана бабы дорога воля. —
Ужъ я кладу да дорогу волю
На свою буйну головушку, —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ сестрица моя милая,
Ужъ какъ ключница ларечница,
Дорогой воли наслѣдница: —
«Ты возьми-тко дорогу волю
На свою буйну головушку!»
— Ужъ я неладно пріуладила,
И не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки.
Я кладу да дорогу волюшку, —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ подружки мои любушки.
Какъ отдамъ дорогу волю
Я подружкамъ потаенныимъ.
—Уже я не ладно приуладила,
Да не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки. —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Братецъ, красно мое солнушко.
«Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
Братецъ, грушица зеленая!
Ты возьми дорогу волю
На буйну свою головушку.»
—Ужъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Молодцамъ воля не надобна,
По прошпектамъ будутъ ходить,
Дорогой волей потряхивать,
Мною дѣвушкой похвастать.
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку: —
Пусть-ко волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему. —
Положу я дорогу волю
Какъ на стѣнушку лицевую,
Да на стопочку точеную.

Какъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Какъ поѣдетъ чужъ отецкой сынъ, —
Ужъ онъ схватитъ дорогу волю,
Будетъ волей потряхивать,
Мною, дѣвкой, похвастовать.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ мой-то батюшко,
Красно тепло мое солнушко:
«Ужъ ты пріими дорогу волю
Выше плечь да на головушку!
Ужъ какъ съумѣлъ волю выростить,
Ну съумѣй-же въ люди выпустить.
Еще дай-ко мнѣ прощеньице,
Да большо благословеньице
На судимую сторонушку,
Какъ съ богоданнымъ родителямъ.
На судимой на сторонушки
Веселой быть не смѣятися,
Набъ скоро ходить не бѣгати,
Кручиной быть не заплакати.
Ужъ какъ часъ къ часу минуется,
Скоро време коротается,
Я со волюшкой разстануся,
Съ подъ неволюшкой спознаюся. —
Какъ бажена дорога воля
На головушки легешенько,
На сердцѣ да веселѣшенько: —
Ужъ какъ проклята подневолица
На головушки тяжелешенько
На умѣ не веселешенько. —
Какъ во почетномъ во большомъ углу
Сидитъ гостья незнакомая.
Отодвиньтесь, люди добрые,
Разшенитесь, православные,
Не въ первыхъ да не впослѣднихъ!
Какъ пройти да красной дѣвушки
Со баженой дорогой волей:
«Ты вставай *брюдга* [1]) на ноги!
Еще когда меня повыучишь, —
Я напередъ тебя повышколю.

(Брюдга встаетъ и кланяется невѣстѣ).

Брюдга на честь накупалася,
Брюдга Богомъ заклиналася,
Брюдга братомъ похвалялася:
Что не пьетъ да зелена вина,
Не игратъ да костью, картами,
Не ходитъ къ сусѣдушки въ бесѣдушку,
Не сидитъ да до полуночи.
Отодвинь стола дубоваго
Откинь скатерть новобранную, —
Принимай да дорогу волю,
Предъ иконой предъ священной.
Отвори, брюдга, окошечко.
Пусть летитъ да дорога воля
Какъ ко солнушку въ бесѣдушку,
Ко луны во утѣшеньица.
Какъ возьмешь, брюдга, повыучишь,
Молоду жену повышколишь.

Кладетъ ленту, т. е. *свою волю*, на столъ и три раза кланяется брюдгѣ. — Послѣ этого невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, — затѣмъ всѣ садятся за столъ, въ ожиданіи поѣзда жениха, — и когда увидятъ, что ѣдутъ за невѣстой, тогда дѣвушки поютъ:

1644.

Изъ за лѣсу лѣсу темнаго
Наставала туча грозная,
Со дождемъ туча, со молніей
Съ великой Божіей милостью.
Воно ѣдетъ погубитель нашъ,
Воно ѣдетъ разоритель нашъ!

(Жениховы дружки входятъ и отвѣчаютъ за жениха).

Какъ не я ли погубитель вашъ,
Какъ не я ли разоритель вашъ, —
Разоритель вашъ, — батюшко,
Погубительница — матушка,
Расплетай косу — свашенька,
Увози съ двора — друженька.

Послѣ этого выкупаютъ невѣсту—даютъ матери *качальную* полтину, — а дѣвушкамъ бросаютъ, торгуясь, деньги, на пряники. — Тутъ невѣста кланяется всѣмъ въ ноги и испросивъ у родителей благословенія, уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Запис. бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета дворяниномъ Витебской губерніи Феликсомъ Осиповымъ Слезіеръ.

[1]) Брюдга — женихова сестра.

V. Новгородской губерніи.

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Крестецкомъ уѣздѣ въ с. Ватагинѣ.

Послѣдовательность эпизодовъ изъ свадебной процедуры записана со словъ *Аграфены Петровой Сонатихи.* Ею же диктованы всѣ слова за исключеніемъ приговоровъ дружка, которые сообщены *Павломъ Галистовымъ*, свадебныя же пѣсни записаны со словъ *Петра Алексѣева* и дѣвушекъ на пàсѣдкѣ. Въ прозѣ трудно было удержать языкъ и слогъ передававшей, приходилось переспрашивать и наводить, при объясненіяхъ. На нѣкоторые вопросы я не могъ добиться объясненія, поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны пропуски. Разсказывавшимъ казалось, что я долженъ самъ знать всѣ мелочи и чтò послѣ чего слѣдуетъ. Останавливать же на долгіе промежутки времени было неудобно, такъ какъ замѣчалось, что передававшіе отъ этого путались. Въ причитаніяхъ невѣсты, напр. можно смѣло сказать, что многія мѣста были тутъ же сочинены самой Аграфеной Петровой. Это видно во 1-хъ изъ того, что нѣкоторыя мѣста растянуты и повторяются, а во 2-хъ изъ словъ другихъ крестьянъ села Ватагина, знавшихъ, что Аграфена Петрова диктуетъ мнѣ и сказавшихъ: «Она тебѣ насочинитъ: первая мастерица у насъ. Что позабудетъ, сама навретъ. Чудашная!» Это явленіе обыкновенное. Кому часто приходится причитывать надъ покойниками и въ др. подобныхъ случаяхъ, тѣ уже наловчаются (какъ выражаются крестьяне) въ этомъ, и въ случаяхъ забвенія старыхъ, заученныхъ словъ, вставляютъ свои. Такъ Галистовъ, исправляющій на селѣ всегда роль дружки, при диктованіи часто вставлялъ фразу: «скажемъ такъ напримѣръ». Диктовать вообще трудно. Они забываютъ слова, которыя при дѣйствительной надобности сами рождаются у нихъ. Севершенно вѣрны слова П. В. Шейна: «Онъ (т. е. народный пѣвецъ) обыкновенно поетъ ее (т. е. пѣснь) полу-безсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Пѣсня живетъ и держится въ его памяти, преимущественно силою однообразнаго мотива.» Тоже самое, сказанное о народной пѣснѣ, можно примѣнить къ причитыванію, выкрикиванью. Когда причитающій говоритъ, рѣчь льется у него плавно, въ ней слышна даже гармонія звуковъ. Онъ забывается, закрываетъ глаза, подпираетъ рукою щеку или разчесываетъ бороду (если то субъектъ мужскаго пола), какъ бы самъ упивается, вдохновляется своею рѣчью. Произнося же медленно, онъ какъ бы конфузится, старается придать этому родъ шутки, не стоющей вниманія. Эта глубокая, психологическая черта въ народныхъ отношеніяхъ къ намъ, интилегентнымъ лицамъ. Я позволю себѣ высказать свое объясненіе этому. Мнѣ кажется, что придавая шутливый характеръ своей пѣснѣ, причиту при диктованіи или пересказѣ лицу другого класса общества, народный пѣвецъ какъ бы инстинктивно старается огородить свое дѣтище отъ насмѣшекъ, отъ обиды. Зная, что для насъ его размѣренная рѣчь нѣчто чуждое, незнакомое, онъ боится насмѣшки надъ собой и вотъ онъ самъ придаетъ, навязываетъ вамъ шутливый взглядъ. Онъ какъ бы даетъ формальную санкцію на иронію. Пожалуй тутъ играетъ нѣкоторую роль самолюбіе — съ одной стороны, съ другой — желаніе въ формальныхъ отношеніяхъ подладиться подъ васъ. Это своего рода замаскировыванье, довольно тонкая игра. Фактъ почти признанный, что народъ относится къ намъ недовѣрчиво. Къ чему же и тутъ раскрывать свою душу? Вѣдь странно, да и непонятно для него, что мы только за послѣднее время послѣ столь долгой отчужденности начали вдругъ изучать, отыскивать свой народъ. Будто открываемъ Америку! Народъ знаетъ, что мы его не знаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно знаетъ, что онъ знаетъ и понимаетъ. Ему пока только не понятно, почему это мы вдругъ вспомнили объ немъ, объ его бытѣ, его пѣсняхъ. Въ сущности онъ нѣсколько косится на это записыванье его пѣсенъ, онъ недовѣряетъ этому (см. Некрасова «Пьяная ночь») и вотъ онъ пробуетъ насъ, зондируетъ почву. «Нѣтъ ли тутъ посягательства? Не надругаются ли?» И вотъ онъ самъ надъ своею же пѣсенью смѣется, разсуждая, «если вы надсмѣетесь, то повѣдайте другимъ, вашимъ, что мы тоже смѣемся». А это въ переводѣ будетъ значить — «не забирайтесь въ нашу душу, не пытайтесь понять, какъ дорого намъ то, надъ чѣмъ вы смѣетесь. Знайте насъ съ ложной, казовой стороны, какова бы она ни была, и довольно съ васъ».

Вмѣстѣ съ этимъ конечно ему и смѣшно, съ чего это вдругъ вздумали записывать. «Дурачатся баре отъ ничего недѣланья. Времени, видно, много свободнаго!»

Что касается до меня лично въ данномъ слу-

чаѣ, то я пользовался и находился въ исключительномъ положеніи. Семья, въ которой я жилъ зимою, когда я записывалъ пѣсни очень близко стоитъ къ народной жизни. Нѣтъ рѣзкой грани между усадьбою и селомъ. Молодые люди, господа, въ очень хорошихъ простыхъ сношеніяхъ къ деревенскимъ парнямъ, изъ которыхъ нѣкоторые, благодаря близости къ барскому дому, получили возможность обстоятельнаго разъясненія, для чего я записываю, съ какою цѣлью и были очень польщены даже, когда я сказалъ, что можетъ быть, нѣкоторыя пѣсни будутъ напечатаны. Оттого такъ охотно мнѣ и диктовали на посѣдкахъ всѣ гурьбою. Я съ своей стороны сообщалъ имъ знакомыя мнѣ пѣсни, училъ нѣкоторыхъ пѣть. Грустное впечатлѣніе производило то обстоятельство, что они особенно падки на скабрезныя (пахабныя) пѣсни. Чуть начнешь записывать, сейчасъ предлагаютъ грязь. Конечно, это особенно замѣтно среди молодежи, которая приставала и ко мнѣ, чтобы я съ своей стороны сообщалъ имъ мнѣ знакомыя нецензурныя слова. Долгъ платежомъ красенъ! Для сохраненія вполнѣ равныхъ отношеній я говорилъ имъ ихъ, но избѣгалъ случая записывать такія пѣсни для нихъ. Этого сорта пѣсни много записаны и приложены въ концѣ моего сборника. Пріятно было только видѣть, что они дорожатъ въ особенности въ серьезномъ разговорѣ, при оцѣнкѣ старыми пѣснями, хотя «по слабости» (какъ они говорили) падки на новѣйшія фабричныя, солдатскія съ пустымъ содержаніемъ, вычурными словами и звонкой рифмой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поспѣшилъ выслать Василію Иванову, мужику грамотному и великому любителю пѣсенъ христоматію...... ......, что было мною сдѣлано по его убѣдительной просьбѣ подарить хорошихъ стишковъ, чтобы и самому научиться и сынишку научить. Былины ему очень понравились. Онъ собирался ихъ заучивать. Не знаю только, исполнилъ-ли свое благое желаніе.

Сватанье[1]).

Парень приходитъ къ отцу и говоритъ ему: «Батюшка, я жениться хочу». — «Женись, съ Богомъ, сынокъ, коли желанье есть; но откуда же ты, сынокъ, хочешь невѣсту брать?»—«Да у меня уже невѣста выбрана, уже три года, какъ я съ нею знакомъ.» — «Да люба ли она тебѣ, понравилась?» — «Да лучше ее въ свѣтѣ нѣтъ. «Такъ ступай же, батюшка, сватайся.»

Отецъ пошелъ ее вечорошній день сватать. Пришелъ онъ къ невѣстину отцу и стоитъ у порога, Богу помолившись. — Здравствуйте». А невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: — «Здравствуйте». Объ чемъ вы такъ ходите, садитесь на лавку. — «Я пришелъ не кумиться, не брататься, а пришелъ я къ вамъ вашу дочь посватать. У меня есть сынъ Иванъ, у васъ есть дочь Марья, у моего сына есть крючекъ, у вашей дочки петелька, такъ нельзя ли ихъ въ кучу свесть».— Можно, мы очень рады, что вы пришли нашу дочь сватать. Посовѣтуемся, какъ намъ свадьбу дѣлать. Черезъ шесть денъ къ пребудущему воскресенью готовьтесь, а черезъ три дня, поперэжь воскресенья, въ четвергъ будемъ мы нашу дочку поручать. Пріѣзжайте съ женихомъ, мы хотимъ жениха посмотрѣть. Пусть самъ ся покажетъ и невѣсту посмотритъ. Привезетъ онъ пусть невѣстѣ что обуть—башмаки и чулки. Мы бо́су ее не отпустимъ, фунтъ конфетовъ, пряничковъ, мыла фунтъ. А ежели не привезете что обуть, то она уйдетъ въ этотъ день за грибами. Пущай отецъ жениха везетъ мнѣ на угощеніе полштофа водки.

Проходитъ три дня, ѣдутъ они (сваты, женихъ и родня) поручать съ колокольчиками. Услыхали невѣстины родные и бѣгутъ къ ей, говорятъ ей: «Ѣдетъ женихъ поручать тебя». Это невѣста спужалася, упала на полъ и начинаетъ плакать»[2]).

1645.

Не хватайся, кормилецъ батюшка,
И родная матушка
Выдавать меня во чужіе люди,
Во великую горюшку,
За чужого-то за чужанина,
За чужого-то за супостателя!
Побоялся ты, кормилецъ батюшка,
Да и родима матушка,
Что просижу я у васъ дубо́вы лавочки,
Что протопчу я кирпичный полъ,
Позавѣшу вамъ очи ясныя.
Я не думала, молодешенька,
Ты кормилецъ, желанный батюшка,
Ты родима матушка,
Не начитала я, молодешенька,

---

[1]) Текстъ записанъ со словъ Аграфены Петровой. Г.

[2]) Этотъ плачъ иная произноситъ, когда ей объявляютъ только о сватовствѣ. Дѣло вкуса. Г.

Что вы ра́чите меня, молодехоньку.
Отдавать во чужи́ люди,
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужому-то ко чужанину.
Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Что я молодистая—молодехонька,
Что я не исполнивши ростамъ полная,
Какъ травинушка я недорослая,
Не скопившая смогутной силы,
Какъ ягоди́ночка недозрѣлая,
Молодая я молодехонька,
Не накоплено могутной силы!
Вѣдь ты знаешь, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Что не пожалѣютъ меня, молодехоньку,
Во чужихъ людяхъ, во чужой-то во работушкѣ:
По утру будятъ ранымъ ранехонько,
Ввечёру' позднымъ позднехонько;
Не понаровятъ меня, молодехоньку,
Кусочкомъ-то сахарнымъ;
А понаровятъ меня, молодехоньку,
Тяжелый работушкой.
Вѣдь ты знаешь, родимый батюшка,
Что у меня, во горюшицѣ
Поясница худехонька,
Бѣлы ручки тонехоньки,
Могутной силы у меня малехонько.
Я не думала, горюшица,
Что вы рачите отдать меня, молодехоньку,
Отдать во чужіе люди,
Что на горюшко на великое.
Не пожалѣютъ меня во чужихъ людяхъ!
А ты знаешь, родима матушка,
Како́ жить во чужихъ людяхъ.
Во чужихъ людяхъ много горюшка!
Какъ чужая дальняя сторонушка,
Она горюшкомъ засѣяна,
Горячимъ слезамъ поли́вана,
Горячимъ слезамъ сиротскіимъ.
Не начитала я, горюша бѣдня,
Что вы рачите меня отдать во чужи люди,
На чужую-то на сторонушку!
Я, вѣдь, думала, молодехонька,
Что ты, кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка
Продержите меня подъ правымъ крылышкомъ.
Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка
И родима матушка,
Что не полюшко дѣтей у васъ посѣяно,
Не сады у васъ понасажены.
Я, вѣдь, думала, молодехонька,
Что я у васъ однимъ то одинехонька,
Что вы не рачите меня отдать во чужи́ люди,
На великую во горесть, на великую заботушку,
Не къ родному отцу, къ матери
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому супостателю.
Покуль я жила у васъ, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
И была я умная, разумная,
И была работлива,
И была почетлива.
А, вѣдь, ты знаешь, родима матушка
Каково жить во чужихъ людяхъ
За чужимъ-то за чуженином!
Какъ я жила-то у тебя, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Я не слышала худаго словечка грубаго.
Вы ласкали меня, молодехоньку,
Что своимъ то ласковымъ словомъ,
Вы держали меня, горюшу бѣдную,
У своёй у бѣлоей груди,
У своего у ретива сердца,
Вы ласкали меня, горюшу бѣдную,
Угощали меня, горюшу бѣдную, чаемъ, кофеемъ,
И кусочкамъ сахарнымъ,
Я была бѣдна молодехонька,
Завсегда сытымъ сытехонька,
Дово́льнымъ довольнехонька;
Вы родители мои родимые,
Одѣвали вы меня во свѣтло платьеце,
Хорошили меня хорошехонько.
Я ходила, горюша бѣдная,
Что настоящая барыня,
Окрученая, снаряженная
Въ свѣтломъ платьецѣ,
Я ходила, горюша бѣдная,
Въ башмачкахъ завсегда козловыхъ,
Въ чулочкахъ то *костровыихъ* (?)
На мнѣ, горюшицѣ, цвѣтно платье
Что жаръ горитъ,
На головушки у меня земчуги,
Ретиво сердце у меня завсегда веселехонько,
Въ бѣломъ личикѣ у меня румянчики,
Въ буйной головушкѣ было у меня завсегда веселеце,
На ретивомъ сердце хорошо *умѣньице* (?)
А какъ выдадите меня во чужи люди,—
Все минуется, все потеряется:
Съ буйной головушки весельице,
Съ бѣла лица потеряются румянчики,
Съ бѣлой груди хорошо́ умѣньице,
Нападетъ на меня на горюшицу,
Что́ заботушка великая,
Пообможутъ меня милы дѣтушки,
Мнѣ-ко некогда будетъ, горюшицѣ,
Что проспать темну ноченку;
Нападетъ-то на молодехоньку,
Нападетъ-то зима холодная

На мое-то на ретиво сердце.
Да, вѣдь, ты знаешь, родима матушка,
Какъ жить-то за чужимъ, за чужаниномъ?
Не пожалѣетъ меня, горюшицу,
Что чужой то чужанинъ,
Не приласкаетъ меня словомъ ласковымъ.
У чужого-то у чужанина
Слово ласково все матернымъ,
Приголубитъ-то плеть шелковая;
Ужъ онъ возглянетъ на меня по звѣриному,
Ужъ онъ выкрикнетъ по *порозиному* (?),
Я спугаюсь, горюша бѣдная:
Какъ сподломятся скоры ноженки,
Поупустятся бѣлы рученки,
Ужахнется мое ретиво сердце!
Я и скажу, бѣдная горюшица,
Что, охъ! родимая моя матушка,
На что́ на́ горе ты меня заро́дила
На злодѣй на горюшко великое?
Не могла ты меня, родима матушка,
Со малымъ-то со малехонько
Въ своей утробушкѣ позадушити:
У бѣлоей груди бы позасосила,
Во парной баинькѣ позапарилабъ,
Позамыла бъ меня студеной водой:
Мнѣ ко легче было бъ, горюшѣ бѣдной!
Хоть вы выдали, кормилецъ батюшка
И родима матушка
За чужого за чужанина,
За чужого то супостателя,
Не пришло мнѣ, горюшѣ бѣдной,
Что великаго-то счастьеца!
Что моя судьба самая несчастная,
Не такая, какъ добрыи́мъ людя́мъ.
Видно я, горюша бѣдная,
Не тому я Богу молилася,
Что которому люди добрые;
Видно я молилася, горюша бѣдная,
Что я лѣсамъ-то темнымъ
Да тому-то Богу, кой не милуетъ,
Въ своей судьбѣ несчастной.
Ты подумай, родна матушка,
Кормилецъ батюшка,
Я не сплю, бѣдная горюшица,
Я не сплю-то всѣ темны ночицы,
Какъ чужой-то да чужанинъ
Надругается надъ горюшицей,
Надъ моимъ то тѣломъ бѣлымъ:
Я стою, бѣдная молодешенька,
У его у кровати у тесовой,
На своихъ-то на колешенькахъ[1]),
Я на мелкихъ на камышкахъ.
Ужъ какъ ввезилъ онъ свои рученки
Ужъ мнѣ вытаскалъ всѣ желтые кудри,
Какъ избилъ онъ мое тѣло бѣлое,
Не бѣлѣе черна чернаго.
Ну, я, вѣдь, думаю, горюша бѣдная,
Что ты, родимая моя матушка,
Ты кормилецъ мой, желанный батюшка,
Прилятите ко мнѣ, ко горюшицѣ,
На чужую то на сторонушку,
Вы возьмите, мой кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Навяжите на меня, на горюшицу,
Что на буйную головушку,
Навяжите камень бѣленькій
И поищите, мои родители,
Поищите глыбокой рѣченьки
Вы по чистоемъ по полюшкѣ,
Гдѣ горы есть высокія,
Гдѣ рѣки есть глыбокія,
И что которая есть всѣхъ поглы́бжѣе,
Со глыбокимъ-то со омутомъ.
Что со этимъ бѣлымъ камышкомъ
Опустите меня въ быстру́ рѣку,
Въ омута-то во глубокіе:
Мнѣ-ко легче будетъ, горюшицѣ,
Со своей судьбой несчастноей!
Видно, я молилась, горюша бѣдная,
Лѣсамъ-то темнымъ,
Ужъ я темнымъ огромнымъ,
Что моя судьба несчастная
Не такая, какъ добрымъ людямъ.
Ужъ ты послухай, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ настанетъ весна красная,
Зацвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Какъ прилятятъ всѣ птички-ласточки,
Какъ разогрѣетъ лѣто теплое,
Какъ прилятятъ сѣры кукушечки,
Полячу я, горюша бѣдная,
Со чужой-то я со сторонушки,
На зоренькѣ я на утренней,
Къ тебѣ, кормилецъ батюшка,
Къ тебѣ, родима матушка,
Что во вашъ-то я во зеленый садъ.
Вы послушайте, мои родители,
Закукую я, горюша бѣдная,
Закукую я кукушкой сѣроей
Обливаяся[1]), горюша бѣдная,
Обливаяся я горячимъ слезамъ.
Ужъ какъ вышла родима матушка
Въ новыя-то во сѣнушки,
Ужъ какъ свой-то во зеленый садъ;

[1]) колѣняхъ.

[1]) Это слово произносилось неясно, нельзя было разобрать, говоритъ ли она обливаяся или обливаюся. Г.

Она признала мой звонкой голосъ,
Облилася она горячимъ слезамъ,
Она промолвила слово ласково.
Закипѣло у ней ретиво сердце
Она промолвила, сиротинушка:
«Охъ! ты сѣрая кукушечка,
Ты залетная мала пташенька,
Я послушаю, сиротинушка,
Ты кукуешь, ты ласковешенько,
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что ни мое ли прилятѣвши мило дитятко
Со чужой-то со сторонушки?»
Она пришла-то въ нову горенку:
«Ужъ ты, мужъ, ты мой любименькій!
Ты ходи въ новы сѣнечки,
Ты взойди-ка во зеленый садъ,
Ты послушай, мой любимый мужъ,
Какъ поетъ тамъ птичка-ласточка
И кукуетъ сѣра кукушечка!»
Я послухала, сиротинушка, —
Закипѣла моя кровь горячая,
Заболѣло мое ретиво сердце,
Облилася я горячимъ слезамъ:
Причитаетъ она ласковешенько,
Обливается она горячимъ слезамъ.
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что не наше ли мило дитятко?
Прилятѣла она, горюшица,
Со чужой-то со сторонушки,
Отъ чужаго-то отъ чужанина,
Попросила она, поклонялася,
Покорилась она ласковымъ словамъ:
— Ужъ ты, мужъ ты мой любименькій,
Ты пусти меня, горюшу бѣдную,
Къ своему кормильцу батюшкѣ
И ко моей родимой матушкѣ.
Что-то у меня, у бѣдной горюшицы,
Заболѣло мое рѣтиво сердце.
Не посплю-то я, горюша бѣдная,
Темной-то ноченьки!
Не пожалѣю я своихъ скорыхъ ноженекъ.
Ты пусти-ка, мой любимый мужъ,
Опровѣдать кормильца батюшку
И родиму мою матушку:
Они старымъ-то старешеньки!»
Ты послухай, мой кормилецъ батюшка.
Какъ расцвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Зазеленятъ лужки зеленые,
Прилячу я, горюша бѣдная,
На кудрявую я на яблоньку,
Солячу я, горюша бѣдная,
Я на травушку на шелковую,
Ужъ я сяду, горюша бѣдная,
Подъ листочекъ по-подъ шелковинькій.
Ты придешь, кормилецъ батюшка,
Косить траву шелковую,
Не сподрѣжь меня, бѣдной молодехоньки,
Мои скорыя то ноженьки,
Ужъ ты срѣжь, кормилецъ батюшка,
Мою буйную головушку.
Я прилетѣла, горюша бѣдная,
Со великимъ-то горюшкомъ:
Позабылъ ты кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Меня, бѣдную несчастную,
На чужой-то на сторонушкѣ.
Заклевали меня воробушки!
Вѣдь, вы знаете, мои родители,
Что залятавши я, горюша бѣдная,
Я дальнымъ то далекохонько —
За озера-то я за синія,
За Невомъ-то за глубокіимъ
Я по край-то свѣту бѣлаго,
По конецъ-то моря синяго.
— «Охъ! ты милое наше дитятко!
Мы не думали, несчастные,
Что твоя будя судьба горя горькая!
Кабы мы знали да мы вѣдали,
Мы-бъ не отдали тебя, мило дитятко,
Что на горюшко-то на великое.
Вѣдь мы думали, побѣдные,
Что чужая-то сторонушка,—
Что садамъ-то она понасажена,
Что медамъ-то она поливана.
Она чужая-то сторонушка,—
Она горюшкомъ понасажена,
Горячимъ слезамъ поливана!
Охъ! ты милое наше дитятко,
Ты несчастная у насъ зарожена.
Видно, зародили тебя, наше дитятко,
Въ несчастный-то день, во пятницу,
Въ пятницу, въ темну ноченку.
Видно, надѣлили мы тя, наше дитятко,
Несчастьецемъ-то великіимъ,
Что твоя то судьба несчастная,
Она несчастная, горя горькая!
Изсушила ты, наше дитятко,
За кажину-то пору—времячко.
Мы не спимъ-то темну ноченку
Все мы думаемъ по бѣдноей,
Объ тебѣ, наше дитятко,
Объ твоей судьбѣ несчастноей.
Ты подумай, наше дитятко,
Что объ насъ-то ты бѣдныхъ,
Что мы старымъ-то старешеньки —
Кормилецъ твой батюшка,
Родная твоя матушка.
Мы надѣялись на тя, наша дочечка,
Что ты не бросишь насъ, несчастныхъ,
При великой-то при старости.

Мы не дюжи-то теперь, побѣдные,
Что работать-то тяжелую работушку.
Ина ктоже теперь будя несчастныихъ,
Ина будетъ теперь поить-кормить?
Мы не спимъ-то да темну ноченьку,
Мы не спимъ, да все думаемъ,
Ина какъ будя намъ несчастнымъ?
Мы старые теперь и дряблые!
Намъ кормиться будя побѣднымъ
По чужимъ-то людямъ добрымъ
Христовымъ-то имячкомъ.
Пожалѣй ты, насъ, мило дитятко,
Ты не брось насъ несчастныихъ!
Ты подумай, наша сердечная,
Объ насъ бѣдныихъ, несчастныихъ,
Что мы старые-то, дряблые!
Уговори ты своего мужа любимаго,
Не сожалѣетъ ли твой мужъ любимый
Насъ, бѣдныихъ, старыихъ,
Не дастъ ли намъ кусочка сахарнаго?
Вы подумайте, наше дитятко,
Какъ мы сохли по вамъ, по несчастнымъ,
Теперь мы просимъ васъ, наше дитятко,
Не бросьте насъ подъ старости,
Что намъ не на что таперь надѣяться,
Что ты одно у насъ, мало дитятко,
Одно у насъ сердечное.
Вѣдь, ты знаешь, мила доченка,
Что мы живемъ теперь не богатые,
Мы не имѣемъ-то золотой казны,
Ни мѣдныхъ, ни серебряныхъ.
Кабы мы были люди богатые,
Намъ бы не было горя великаго!
Поистеряли мы свою силу великую —
Таперь не можемъ во тяжелой во работушкѣ
Скоротать денечка краснаго:
Намъ работушка теперь не подъ силушку!»

Вотъ она плакала и омертвѣла, и ее подруги холодной водой оттирали, уговаривая. «Что же ты такъ спужалася своего суженаго?» Вотъ ю оттерли холодной водой. «Отчего же ты, паша подруга, не могла скрѣпить себя?» Она отвѣчаетъ: — «Милыя подруги, видно судьба моя несчастнаи, что сердце мое замерло, не могла сама себя скрѣпить. Вѣрно, мой пареченный либо пьяница будетъ, либо блядунъ, съ чужими женами будетъ заниматься, а меня бить и не будетъ любить». Ейна мать замѣтила, что она мертвая лежитъ и мать ейная на нее глядя тоже упала, омертвѣла. Отецъ ейшій надъ ними стоитъ, уговариваетъ. «Что же вы такъ слабо себя спустили, что омертвѣли, не могли сами себя содержать? Вѣдь, я тебя не поневолѣ отдаю, сходились вы съ согласія съ своимъ женихомъ, а теперь ты этакъ плачешь. Когда этакъ плачешь, то я могу отказать». — «Какъ же, тятенька, это можно отказать—дорого намъ это стоитъ. Они столько урону сдѣлали, изъянились, женихъ-то мой. Также и мы изъяпились—дары покупали. Подвѣнечное онъ мнѣ платье купилъ, шелковое, подвѣнечное въ 70 руб. (?) женихъ мнѣ далъ 50 руб. на свадьбу, на дары, а также мы, тятенька, сколько своихъ стратили! Это намъ не честь!» «Изъянъ изъяномъ, уронъ—урономъ! Это мы сами себя очень конфузимъ, если свадьбу разорить.» Такъ, тятенька, что я у васъ дочь Марья славушная и одежа на мнѣ хорошо сдѣлана и хорошій мнѣ женихъ у васъ нашелся, такъ я-то полагаю, батюшка, что мы цѣны хорошей стали, а женихъ еще болѣе насъ стоитъ и богатнѣе, такъ нельзя этакъ сдѣлать, что свадьбу разорить. А какъ завели мы тятенька кашу, такъ не жалѣй масла. И кончайте на томъ, что непремѣнно въ воскресенье свадьба, и мы приготовимся, и пусть они готовятся свадьбу хорошо править. Я желаю, чтобы онъ ко мнѣ на вечеринку пріѣхалъ, вечеринку сидѣть.»

Невѣста жениха стрѣтила, благородно приняла, сидѣли, танцовали съ прочими дѣвушками. — «Я жениха для того пригласила, что желательно для себя, а что гостинцевъ привезъ и подарковъ, я и подругъ угостила этимъ гостинцамъ». Она его проводила и она тутъ цѣловала его при всѣхъ и сказала, чтобы пріѣзжалъ поутру, что она приготовится къ свадьбѣ. Наканунѣ свадьбы невѣста идетъ въ баню париться. Ея подруги готовятъ баню и поютъ при этомъ:

1646.

Топись, топись банenька,
Кались, кались каменка!
Распарись Марья душа,
Умойся Алексѣевна
Что во этой парной баненки,
Не сумосте чернóй грязи,
А смосте красу́ красоту
И всю дѣвишну вольну волюшку.
Со бѣла лица смосте всѣ румяпчики,
Со ретива сердца все весельюшка....
(далѣе словъ диктовавшая не знала [1]).

---

[1]) Дѣвушка тоже отговорилась незнаніемъ.

Стопивши баню, они идутъ за невѣстою и въ сѣняхъ поютъ:

1647.

Мы идемъ, бѣдны молодехоньки,
По новымъ по сѣничкамъ;
Не скрипите, новы половни́ченки,
Не спугайте вы нашей подруженки,
Мы наложимъ руку́ на́ скобу,
Распахнемъ мы двери на́ пяту.
Не скрипи-ка, дверь дубовая,
Не спугайся, наша подруженька:
Мы не воры идемъ, не разбойники,
Твои труднечки идемъ, не разбойнички;
Мы стопили тебѣ парну баенку,
Мы безъ чаду безъ земнаго,
Мы нагрѣли воду теплую —
Безъ каменья безъ каленаго [1]).

А невѣста-выходитъ и поетъ: [2])

1648.

Вамъ спасибо, мои подруженьки,
Что стопили парну баенку!
И не спасибо, мои подруженки,
Что, вѣдь, эта парна баенка
И угарна и обманчива:
Она не вымоетъ черной грязи
А только вымоетъ дѣвичью кра́соту
Всю дѣвичью вольну волюшку:

Послѣ бани она приходитъ къ отцу и плачетъ:

1649.

Обманули меня подруженки;
Не обмыли черной грязи,
А обмыли красну кра́соту,
Да дѣвичью вольну волюшку,
Зазнобили ретиво́ сердце.

Все время до обвѣнчанія, когда подруги собираются у невѣсты, онѣ поютъ разныя свадебныя пѣсни. Привожу здѣсь тѣ, которыя удалось записать, но это далеко не весь обширный репертуаръ. Я не могъ записать больше, потому что дѣвушки отговаривались незнаніемъ и запамятываніемъ.

1650.

Что при вечерѣ вечеръ вечеритъ
У Марьи на вечорочкѣ,
У Алексѣевны на веселой.
Приляталъ тутъ молодой
Ясенъ соколъ золотой,
Добрый молодецъ заѣзжій,
Николай Ивановичъ.
Онъ садился на окошечко,
На точеную на рамочку,
На точену золотую,
Что никто-то не видитъ сокола.
Увидала Марьина матушка:
«Ужъ мое дитя, дитятко,
Приласкай ты ясна, сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
— «Ужъ ты, родима моя матушка!
Рада-бъ рада приласкать его, —
Упустились бѣлы рученьки,
Сподломились скоры ноженки,
Ужаснулось ретиво сердце.

1651.

Изъ-за горъ-то, горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсу лѣсу темнова,
Изъ-за садика зеленаго
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричать,
Стали ю щипать и рвать.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Залетѣла я неволею,
Занесло меня погодою,
Что погодою, буйнымъ вѣтромъ,
Буйнымъ вѣтромъ,
Частымъ дождемъ.
Отставала Марья

---

[1]) Поется ли это когда невѣста уже выпарилась или до этого? не знаю. Г.
[2]) Когда—тоже не знаю. Г.

Отъ стада дѣвичьяго,
Приставала Марья
Ко стаду молодочьему.
Не умѣла по горенкѣ ходить,
Со семеюшкой говорить,
Начали́ ее журить, бранить.
«Не брани-ка, свекоръ батюшка,
Не жури, свекровь матушка:
Не сама себя заѣхала,
Не своей я волюшкой,
А завезли меня добры̀ кони,
Что добры кони Николаева,
Николая-то Иваныча.

Сердечно наше дитятко!
Было-бъ тебѣ любо,
А намъ любо любошенька,
Какъ снѣжокъ бѣлешенька.»
«Кормилецъ мой батюшка,
Родимая моя матушка!
Берегите, жалуйте
Этото-то чужо́ дитя
Со чужой сторонушки,
Отъ чужаго отца, маверн.»

1652.

На горѣ на глинчастой
Стояла часовенка.
Во этой часовенькѣ
Ясно свѣчи топятся,
Ясно разгораются.
Жалобнешенько попы поютъ,
Иванъ Богу молится,
Низко Христу кланится,
Пришла къ нему матушка:
— «Сердечно мое дитятко,
О чемъ Богу молишься?
Объ чемъ низко кланяешься?»
— «Ты, родима моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Низко Христу не кланяться?
Ѣхать за суженой,
Что за суженой, снаряженой,
За Марьей Алексѣевной.
Дороженька дальняя,
Дальная раскатиста,
Глыбока, ухабиста.
Раскаты широкіе,
Ухабы глубокіе.
Мнѣ ѣхать за суженой,
Мнѣ ѣхать за ряженой,
За Марьей Алексѣевной, —
Пушкамъ камены стѣны пробивать
И свою сужену добывать,
Брать ею за праву руку,
Весть ее въ Божью церковь,
Въ Божью церковь въ матушку,
Златымъ перстнемъ обручатися,
За золоты вѣнцы принниматися.
Привелъ я ко батюшкѣ,
Привелъ я ко матушкѣ:
«Любо-ль вамъ голубушка?»
— «Голубушка Аннушка,

1653.

Дѣвицы, вы дѣвицы! 2
Ви́ны великія — 2
Сергѣя молодца!
Виномъ напо́или,
На коня посади́ли,
Шелковую плеть подали.
Завезъ яго добрый конь,
Конь къ тестину двору,
Ко тещину крыльцу,
Къ Марьѣ въ теремецъ,
Къ Алексѣевнѣ въ высокой.
Марья спужалася,
Въ круги свилася;
Свивши полятѣла.
Конею (?) —звѣздою
Ко свѣтлому ко мѣсяцу.
«Разсвѣтись, свѣтелъ мѣсецъ,
У свекра на дворѣ,
У свекровки въ теремѣ,
У Сергѣя въ пологѣ
И Димитрича въ браноемъ—
На рукѣ на правоей
У сердца ретиваго.

День вѣнчанія.

Женихъ готовится тѣмъ временемъ, приглашаетъ 1) дружку, 2) подружья, 3) шапошника (нашъ шаферъ) 4) *кузебурака* — промежъ погъ бурча вина (?), 5) одного со обощами [1]) (кто несетъ гостинцы) и водкой. Послѣдніе двое должны угощать задерживающихъ ихъ во время поѣзда.

Собрали свадьбу, нужно отправляться. Нашего князя (женихъ) поставили за столъ и дружка выкликаетъ родныхъ благословить жениха ѣхать за невѣстой.

---

[1]) *Обощи*—деревенскіе свадебные крендели.

«Господь Іисусъ Христосъ, сынъ Божій нашъ, насъ помилуй! Зачадилъ Господь Богъ *Саволофъ* нёбу, землю, часты звѣзды, сини ходячи облака, ключи кипучіе, рѣки тякучія, ручьи поточники, больша озерка, маленьки пригорки. Пріосновалъ Господь Богъ Савалофъ на трехъ китахъ рыбьихъ, на трехъ рыбинахъ, на трехъ китенышахъ землю. На трехъ китенышахъ вся земля при основаніи стоитъ, и прикрасилъ Господь Богъ Савалофъ мать сыру землю краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ, горамъ сорочинскимъ, древамъ кипаринскимъ, темнымъ лѣсамъ, зеленымъ лугамъ, шелковымъ травамъ, буйнымъ вѣтрамъ, вольнымъ воздухомъ, святымъ духомъ. Зародилъ Господь Богъ Савалофъ двухъ *шлефъ* (?) человѣческихъ — Адамъ и Еву. Пошла отъ нихъ крестьянска плоть, отъ черной грязи—тѣло, отъ камня — кость, отъ бѣла *чачана* (?)—буйна голова, отъ капустнаго листа-уши, отъ чиста пеньки—суставы—кость, отъ текучей воды—горяча кровь, отъ яснаго мѣсяца—очи во лбу, отъ св. Духа — душа, отъ вѣтра — умъ! Есть ли во этой свѣтлой свѣтлицѣ нашего князя молодаго (имя рекъ) крестный батюшка, крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка? Какъ же вы имѣли зачадить, спородить и 40 недѣлей во утробѣ носили, потомъ спородили, въ парной баенкѣ топили, бабушекъ призывали, шелковымъ вѣничкомъ потирали, бѣлымъ вытирали, отца духовнаго призывали, въ купеляхъ купали, именемъ нарекали, потомъ въ колыбеляхъ качали, бѣлой грудью воспитали. Могли вспоить, вскормить, великимъ выростить. Стоитъ нашъ князь молодой, вамъ сынъ родной, на кирпичномъ полу, передъ великимъ образомъ, евангеліемъ, припячалившись, пріунывши, слезно плачетъ; не проситъ отъ васъ, кормилецъ батюшка и родима матушка, крестный батюшка и крестна матушка, ни серебра, ни скатнаго жемчуга, а проситъ онъ отъ васъ благословеньица, которо на вѣки ненарушимо. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, родный батюшка и родима матушка, званы гости и не званы гости — не всѣхъ поимянно, а всѣхъ поголовно! благословляйте нашего князя молодаго ѣхать во путь во дорожку, въ дальнюю, не ближнюю, выйти изъ двора во дворъ, изъ воротъ въ ворота и по частымъ ступéнечкамъ выйтить на широкую улочку, брать своихъ добрыхъ коней за шелковы поводы, садится въ сани раскатныя, брать во правую руку шелковую плеть, во лѣвую руку возжи шелковыя, ѣхать, махать, ископытьемъ [1]) озера, рѣки зарывать, подъ часты звѣзды подъѣзжать, подъ сини-ходячи облака, подъ красное солнце, пушки ядромъ свинцовымъ заряжать, стѣну каменну пробивать, за столы дубовые, за скатерти за бранные, за питія медвяныя, за ѣствы за сахарныя ставать, золотой казной выкупать, затѣмъ ѣхать къ звону церковному, ко отцу ко духовному, ко церкви ко Божіей мати, златъ вѣнецъ принимать, чуденъ крестъ цѣловать, свою сужену обручать и потомъ свою сужены принимать. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка! Благословляйте всѣ добры молодцы, удалы головушки, званы гости, незваны гости! благословляйте нашего князя молодого! Кто нашего князя молодого не благословитъ, тому сыновей не женить и дочерей замужъ не отдать: надуетъ горой, поставитъ кверху дырой!

Живучи старушка не благословила, полъ и ..... ослизло, на печку пошла — у ней вся ушла. Она схватилась да поздно! [2])

Родители отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» Тогда дружка выкликаетъ сусѣдей и сусѣдокъ: «Сусѣдки и сусѣди, сусѣдки малы дѣтки, молоды молодухи, старыя [3]) станухи! благословляйте нашего князя!

Старыя старухи, сеяныя станухи, благословляйте нашего князя!

Малые ребятки, голопупнички! Зеленые возри! [4]). Всѣ крикнули въ одинъ голосъ! «Богъ благословляетъ во путь наставляетъ и мы тоже»!

Вотъ они поѣхали. Въ кажиной деревнѣ ихъ останавливаютъ и просятъ обощей. Завѣдующій обощами надѣляетъ всѣхъ. Ѣдетъ свадьба, деревня услышала стонъ, звонъ, дѣвушки встрѣчаютъ и поютъ:

1654.

Соколъ Соколовичъ,
Романъ Григорьевичъ

---

[1]) копытами или землею, пылью, которая поднимается отъ ударовъ копытъ.

[2]) Послѣднія слова говорятся для потѣхи публики, чтобы разспотѣшить пригорюнившихся родныхъ и жениха. Весь монологъ говорится очень скоро съ особенными удареніями на рифмованныхъ послѣднихъ словахъ. Диктовалъ Павелъ Ивановъ Галистовъ. Г.

[3]) Диктовано Аграфеной Петровой. Г.

[4]) *Возри*—въ Арханг. губ. — сопли.

Ляталъ по вишенью,
Прiѣзжалъ къ Марьѣ душѣ,
Прiѣзжалъ къ Алексѣевнѣ.
Изымалъ Марью,
Марью Алексѣевну,
Привелъ ко батюшкѣ,
Ко Григорью Микитину:
«Кормилецъ батюшка,
Родная матушка!
Люба-ль вамъ голубушка.
Марья Алексѣевна?»
«Сердечно наше дитятко, —
Романъ Григорьевичъ!
Была бъ тебѣ любо,
А намъ любимъ любешенько.»

«Прiѣхали и пристали у знакомыхъ сосѣдей. Женихъ сидитъ здѣсь, а дружка, поддружье и шапошникъ идутъ къ невѣстѣ узнать, готова ли она? Имъ отвѣчаетъ невѣстинъ отецъ: «Наша невѣста еще не готова: ушедши въ лѣсъ за ягодамъ». Дружка даетъ роднымъ по поясу, а тѣ говорятъ: «можете черезъ часъ приходить». Они возвратились къ сусѣду, тамъ посидѣли и снова идутъ: «Что наша невѣста готова»?—«Наша невѣста еще не готова: пойдетъ въ лѣсъ оборы рикиты [1]) драть, потому что женихъ обуви не принесъ, а потомъ пойдетъ *на суки* (т. е. обдирать и собирать сучья). Пускай женихъ принесетъ ей мыла вымыться.» Ихъ снова одарили дружки по платку. Въ третiй разъ прiѣзжаютъ и приносятъ обувь и мыло. Въ тую же минуту невѣсту сготовили, выкрутили.

Дружки водятъ невѣсту по горницѣ, и она приговариваетъ:

1655.

Покрасуюсь, я молодешенька,
У своего кормильца батюшки,
И у своей родимой матушки,
Я во батюшкиномъ во старанiцѣ,
Я во матушкиномъ благословеньецѣ.
Гляди-ка, кормилецъ батюшка,
Погляди, родима матушка,
На меня-то на молодехоньку,
На меня, на горюшу бѣдную.
Какъ травинушка я недорослая,
Какъ ягодиночка я недозрѣлая.
Не сгибайтесь вы, перекладинички,
Не пертитесь вы половиченки!
Не *князиня* [2]) ходитъ, не боярыня, —
Ходитъ бѣдная споручена
Споручена, сговорена.
Погляди, кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
На меня-то на горюшицу!
Что мнѣ не долго-то, бѣдной молодехонькѣ,
Что во вашемъ теплымъ гнѣздышкѣ,
Не годочекъ мнѣ годовати,
Не недѣлюшку недѣлевати,
Только красоваться мнѣ, молодехонькѣ
Что одинъ-то часокъ минутенькiй.
Все минуется, все потеряется!
Погляди, кормилецъ батюшка,
Какъ поблекло свѣтло платьеце,
Послиняли алы ленточки
Во моей-то во русой косѣ.
Все миновалося, потерялося:
И въ бѣломъ личикѣ потерялись румянчики.
На ретивомъ сердечкѣ потерялось все весельеце,
И хорошо умѣньеце,
Погляди, кормилецъ батюшка,
И родимая матушка,
Какъ на моихъ-то на подруженькахъ,
Цвѣтно платьеце цвѣтнѣется,
На головушкѣ у нихъ лучи горятъ,
Въ бѣломъ личикѣ у нихъ играютъ румянчики,
На ретивомъ сердцѣ у нихъ весельеце.
Ты кормилецъ, желанный батюшка,
Ты родимая моя матушка!
Не съ умомъ вы думу сдумали,
Не съ разумомъ вы дѣло сдѣлали:
Отдаете меня, молодешеньку,
Я не сполнивши ростомъ полнымъ,
Не накоплено смогутной силы.

И подвели ее къ отцу и матери. Она благодаритъ ихъ, въ ноги кланяется со словами:

1656.

Ты спасибо, кормилецъ батюшка
И родима матушка,
Что снарядили меня, молодешеньку,
Окрутили во цвѣтное платьеце,
И не пожалѣли вы золотой казны.
Не спасибо тебѣ, кормилецъ батюшка,
Что не далъ доносить мнѣ
Свѣтлаго платьица,

[1]) кору.

[2]) княгиня.

Поневолилъ ты меня, горюшечку,
Что великою-то неволею,
Что отдаешь меня, молодешеньку.[1])

«Дружка ставитъ подругъ и родныхъ кругъ невѣсты плетнемъ и одариваетъ ихъ деньгами, а женихъ стоитъ и смотритъ. Послѣ того, какъ одаренныя дѣвушки уходятъ и около невѣсты остается только одна родня женскаго пола, начинается выкупъ невѣсты. Невѣста приглашиваетъ:

1657.

Ужъ ты, крестная моя матушка!
Не мѣняй меня, молодешеньку,
На чужую-то золотую казну,
И сестрицы мои родныя!
Не бросайте меня, молодешеньку,
Не мѣняйте-то на чужую золотую казну
У чужого-то у чужанина
Со всего міру казна собирана —
По грошу, по копѣечкѣ.

«Однако тѣ промѣниваютъ и она остается одна у стола. Она плачетъ:

1658.

Промѣняли-то меня, молодехоньку —
Сестрицы мои ласточки
И хрестная моя матушка
И мои милыя подруженьки!
Я осталася, горюша бѣдная,
Что однимъ-то одинехонька,
Что сѣрая кукушечка.

Затѣмъ дружка разсыпаетъ деньги на 3 кучки. «Братья невѣстины! берите сколько хотите, уступите мѣсто жениху.

А сестра—невѣста плачетъ:

1659.

Братья вы мои дорогіе!
Не мѣняйте вы меня
На чужую на золотую казну.
У нихъ казна со всего міру собирана—
По грошу, по копѣечки.

«Братья промѣняли ее на деньги. Дружко стоитъ возлѣ ей и выкликаетъ крестныхъ и родныхъ отцовъ и матерей: «А есть ли во этой свѣтлой горенки крестный батюшка и крестная матушка, родимый батюшка и родима матушка? Сами ли станете руку вручать невѣстину или намъ прикажете?» И они отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословляетъ руку вручать».

Дружко сажаетъ на подушку жениха и невѣсту и вручаетъ невѣстину руку жениху. Женихъ принимаетъ руку, жметъ ее и наступаетъ на ногу[2]). Невѣста отъ боли плачетъ:

1660.

Отступитесь люди добрые,
Пропустите кормильца батюшку
И родиму матушку!
Какъ чужой-то да чужанинъ,
Что во вашемъ тепломъ гнѣздышкѣ
Надругается надъ молодехонькой:
Какъ *сжанулъ* онъ бѣлу рученку,
Наступилъ на́ скору ноженку,
Ужъ пролилъ кровь горячую!

«Дружко услышалъ, что она это приглашиваетъ, пошепталъ жениху и онъ послабже сжалъ руку и ногу. Своихъ родныхъ и свадебныхъ женихъ вокругъ стола посадилъ, а дружко выкликаетъ невѣстиныхъ родныхъ:

«А есть ли во этой и т. д.

«Нашъ женихъ и невѣста слезно плачутъ и просятъ васъ всѣхъ ко обощамъ.»

Всѣхъ родныхъ вызываетъ. Они подходятъ, поздравляютъ молодыхъ, пьютъ водку, берутъ закуски. За ними слѣдуютъ сосѣди.

Подносятъ угощеніе (щей) свадебникамъ, они не кушаютъ, говоря: «Руки горятъ—даровъ хо-

[1]) Повидимому эта сцена происходитъ въ присутствіи жениха, собравшихся гостей, что видно изъ дальнѣйшаго. Г.

[2]) Къ чему послѣднее?—я не могъ получить объясненія. По замѣчанію разсказщицы другой та́къ наступаетъ на ногу, что кровь идетъ. Это озарничество,

тятъ». Тогда сваха [1]) одариваетъ всѣхъ отъ лица невѣсты платками, а жениху подноситъ самый лучшій. Затѣмъ невѣстинъ отецъ, подноситъ жениху водки, но онъ отказывается, не пьетъ, такъ какъ передъ вѣнцомъ не полагается ничего ни ѣсть, ни пить. Остальные всѣ пьютъ. Потомъ подаютъ щи и разныя перемѣны кушаньевъ (яичницу, бѣлую рыбу, пироги, мясо, пиво и др.). Женихъ угощаетъ невѣстину родню, а дружко женихову. Дѣвушки, что баню топили, подносятъ жениху молоко; онъ не пьетъ, а пьютъ замѣсто его свадебники. Пустой чашки дѣвушки не берутъ, тогда всѣ кладутъ туда деньги, а женихъ больше всѣхъ. Послѣ обѣда начинаютъ собираться. Дружко ставитъ молодыхъ рядомъ, передъ ними кладетъ подушку, а подъ нею шубу и выкликаетъ родныхъ:

1661.

Отцы крестные и матери крестныя,
Отцы родные и матери родныя!
Проходите за столы за дубовые;
За скатерти за браныя,
За *иста* (яства) за сахарныя,
Нашего князя благословить
И съ *князиной* своею дорогой
Во путь дороженку.

Отцы и матери выходятъ въ шубахъ, вывороченныхъ шерстью вверхъ, берутъ скатерть, на которой хлѣбъ и невѣсты и жениха, два образа, одна солонка, двѣ ложки, два пирожка и троекратно касаются колѣнопреклоненныхъ, плачущихъ молодыхъ. Затѣмъ молодые уѣзжаютъ. Родные схватываютъ въ охапку молодую и спѣшатъ ее первою посадить въ сани. А женихъ смѣется, зная, чтобы тамъ не дѣлали, а все же верхъ его будетъ. Дружко съ скатертью въ охапку окрещиваетъ плеткой дорогу, тоже дѣлаетъ вслѣдъ за нимъ топоромъ поддружка. Затѣмъ дружко даетъ поцѣловать всѣмъ свадебникамъ Боженьку. Родители въ вывороченныхъ шубахъ остаются дома. Дружко по дорогѣ, не далеко отъ дома *выроняется*, возвращается въ избу, получаетъ отъ родныхъ по поясу и догоняетъ поѣздъ. Послѣ обряда вѣнчанія новобрачные заѣзжаютъ къ попу въ гости. Тамъ молодую причесываютъ побабьи и надѣваютъ повойникъ. Иногда для потѣхи свадебныя дѣвушки накрутятъ узлами волосы невѣсты такъ, что она не можетъ ихъ распутать и только, давъ за это свахѣ денегъ, съ ея помощью распутываютъ узлы.

По пріѣздѣ домой молодую ставятъ за столъ съ закрытымъ платкомъ на головѣ. Дружко завертываетъ въ опустившійся конецъ платка пирожокъ, открываетъ платокъ и кричитъ: «Хороша молодая?» Затѣмъ снова окручиваетъ головы и жениха и невѣсты, а присутствующіе кричатъ:

«Хороша молодая!»

Потомъ дружко ведетъ молодыхъ въ клѣть; тамъ ихъ кормитъ, при чемъ онъ плетью все бьетъ по полу.

Возвратившись послѣ кушанья, новобрачные кланяются въ поясъ жениховой матери и просятъ ее помочь раздать жениховой роднѣ дары. Сваха приноситъ эти дары въ рѣшетѣ, а дружко привязываетъ каждый подарокъ къ кнутовищу и выкликаетъ:

1662.

Есть ли во этой и т. д.
Становись на лыжи,
Двигайся поближе,
Къ нашему князю молодому.
У насъ стоитъ князь и княгиня молода,
И сватушка дорога,
И просятъ васъ къ дарамъ.

Всѣ поочереди подходятъ, снимаютъ подарокъ съ кнутовища и цѣлуютъ молодыхъ.

Начинается пирушка. Дружко и сваха уводятъ молодыхъ спать. Первую ночь молодая сохраняетъ свою невинность, такъ какъ на слѣдующій день ей и ея молодому мужу придется сидѣть подъ образами, а потому нельзя оскверняться. Въ противномъ случаѣ, пришедшая поздравить ихъ утромъ сваха и узнавши о несоблюденіи обычая, разглашаетъ это и молодые подвергаются насмѣшкамъ. [2])

Зап. Б. Б. Глинскимъ.

---

[1]) Эта личность здѣсь въ первый разъ появляется. Разсказчица ее совершенно опустила въ предъидущихъ дѣйствіяхъ. Г.

[2]) Почти все со словъ Аграфены Петровой. При скоромъ записываньѣ нельзя было въ подлинности удержать ея рѣчи. Г.

Той же губерніи, Бѣлозерск. у., с. Антушево.

На рукобитьѣ.

1663.

Чего вѣкъ-то я не думала,
Отъ родесь[1]) своихъ не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадетъ невзгодушка . . .
Не изъ тучи громы грянули,
Не съ небесъ снѣга повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну кра́соту.[2])
Я не знаю да не вѣдаю,
Вы на что, мои родители,
Разсерди́лись да разгнѣвались.
Кажется, я, красна дѣвица,
Не жалѣла могуты-силы
Я не въ лѣтней-то работушкѣ,
Я не въ зимнемъ обряжаньицѣ,[3])
Я слуга была всѣмъ вѣрная,
Была вѣрная я ключница.
Вотъ уже мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь.
Пора время пріобойдется,
Народъ, люди всѣ разойдутся,
Со двора гости разъѣдутся,
Съ терема гости разойдутся.
Какъ пройдетъ зима студеная,
Какъ настанетъ весна красная,
Какъ поспѣютъ всѣ работушки.
Всѣ отхожія тяжелыя,
Какъ пойдутъ да люди добрые
На отхожую работушку,
Со семьями, со артелями,
Съ коза́ками, съ козачихами,[4])
Съ дочерями, бѣлыми лебедями.
Ужъ какъ мой кормилецъ батюшко
И кручинная моя матушка
Пойдутъ одни-то одинешеньки
На отхожую работушку.
Государыня, моя матушка,
Ты повыйди па крылечушко,
Какъ пойдутъ милы подруженьки,
Запоютъ-то звонки пѣсенки, —
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего то зычна голоса,
Какъ по старому, по прежнему.
Ты вспомни, да повспомяни

[1]) Отъ роду.
[2]) Головной уборъ, въ видѣ коронки.
[3]) Уходъ за скотомъ.
[4]) Съ работниками, работницами.

На чужой меня сторонушкѣ,—
Мнѣ йкнется[5]) легошенько,
Мнѣ вздо̀хнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мнѣ будетъ некогда,
Такъ сама себѣ подумаю,
Что вспоминаетъ кручинна матушка
На родимой на сторонушкѣ,
Тамъ запѣли милы подруженьки
Заунывныя-то пѣсенки.
По зарѣ-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего то зычна голоса.
Какъ кручинная-то матушка
Обольется горючимъ слезамъ,
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушкѣ.
Ты подумай, тепла пазушка,
А въ чужихъ людяхъ не бываючи,
Чужихъ людей не видаючи.
Я жила-то, красна дѣвица,
У васъ, мои родители,
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалося,
Какъ пчела въ меду купалася.
Я не знала, красна дѣвица,
Какъ ни ранняго вставаньица,
Какъ ни позняго лежа́ньица,
Ни грубова побужденьица;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, по легошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Всѣ дѣла у насъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.»
— Ужъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокова сголовьица,
Погляжу я, красна дѣвица, —
Всѣ дѣла у ней придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Какъ подумаю, красна дѣвица,
Про чужую-то про сторонушку —
Сердце кровью пріобо̀льется,
Животъ камнемъ переве́рнется.
А просплю-то, красна дѣвица,
Со дѣвичьей воли вольныя
До зари-то до бѣло́ва дня,
До восхода красна солнышка.
Какъ заходятъ злы чужи люди,
Закричатъ-то по звѣриному,
Зашипятъ-то по змѣиному:

[5]) По повѣрью кого вспоминаютъ, тотъ икаетъ.

«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробужайся-тко, дремливая,
Всѣ дѣла у насъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны!»
— Какъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокова сголовьица,
Пріумою лице бѣлое
Не водой да не ключёвою,
А своими-то да горючимъ слезамъ.
Я утру̀-то лице бѣлое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то въ честномъ дому,
У кормильца-то, у батюшки,
У родители, у матушки:
Не волна-ли то взволновалася?
Чужи люди взбунтовалися . . . .
Какой шумитъ сватъ, злодѣй большой,
Со кормильцемъ-то, со батюшкой,
Со кручинною, со матушкою;
У нихъ сватовство заводилося,
Рукобитьице сучинилося.
Не спѣши, кормилецъ, батюшко,
Засвѣчать-то воскову свѣчу,
Подавать-то руку правую
За столы да за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарныя,
За питья-то медвяныя . . .
Погляжу-я, молодешенька,
За столы да за дубовые
Во батюшкову сторонушку:
Всіе [1]) то да родни нѣтути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать кра́сну-кра́соту;
Мнѣ [2]) дай да красной дѣвицѣ
Да повыдти, да повыступить
На широкую, на улицу,
Опустить да свой зыченъ голосъ
Что на всѣ четыре сто́роны.
Надо мнѣ собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьице.
Богъ судья вамъ, столы дубовые,
Да и вамъ, скатерти браныя,
Не могли столы отодвинуться,
Браны скатерти заве́рнутися
Богъ судья вамъ, хлѣбы ситніе,
Не могли вы откатитися.
Богъ судья свѣча восковая,
Не могла ты закратитися.

[1]) Всей.
[2]) Мнѣ.

Накапунѣ свадьбы.

1664.

Благослови-ка, Боже Господи,
Душечку да красну дѣвицу,
Почи спать мнѣ, красной дѣвицѣ,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусничочки кленовыя!
Я пойду да молодешенька,
Что по свѣтлой по свѣтлицѣ,
По высокой новой горницѣ,
По батюшкову по строеньицу
По одной да половичинкѣ,
Не впервые, во послѣдніе
Душечкой да красной дѣвицей
Во своей волѣ вольнею,
Въ дѣвичей-то красотѣ своей.
Погляжу я, красна дѣвица,
Во косящатое окошечко, —
Волюшка-то разсердилася,
Что со мною-то не простилася,
Посередь поля становилася,
Во всѣ стороны поклонилася:
«Прощай, веселое весельице,
Прощай, лѣтнее гуляньице!»
Какъ повышла воля вольная
За славное чисто́ поле, —
Ей попали три дороженьки,
Везутъ неволюшку великую.
Какъ спросила воля вольная
У великой-то неволюшки:
«Ты куда ѣдешь неволюшка?»
Отвѣчала ей неволюшка:
«Ѣду къ душечкѣ, красной дѣвицѣ.»
Тутъ-то волюшка призадумалася:
«Я напрасно разсердилася
На душечку, красну дѣвицу.
И пошла — съ ней не простилася,
Я, волюшка, отъ ней пѣшкомъ ушла,
А неволюшку на конѣ везутъ.
Охъ-ти мнѣ-то, мнѣ, тошнехонько!
Погляди, кормилецъ батюшко,
И кручинная моя матушка:
«Я во эти двѣ недѣлюшки [1])
Въ могучихъ плечахъ узешенька,
Въ животѣ стала тонешенька,
Со бѣла лица бѣлешенька!
Богъ судья, мои родители,
Вы на что да разсердилися,
Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Со годами соверстатися,
Со могутою сокопитися,
Да со разумомъ собратися;

[1]) Со дня сватовства.

Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Бѣлаво лица дополнити,
Русы косы доро̀стити
До шелкова до пояса.
Не тонкимъ бѣлымъ плотенцемъ
Рукавомъ своей рубашечки.
Погляжу я, молодешенька,
У злодѣевъ-то чужихъ людей, —
Всѣ дѣла у нихъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.
Тутъ повспомню да повспомяну
Батюшкину волю вольную,
Матушкину дроку [1]) дрочную.

Утромъ въ день свадьбы.

1665.

Наша миленькая подруженька,
Долго спишь да засыпаешься,
Въ крѣпкой сонъ-то задаваешься.
Пора встать да пробудитися,
По дворамъ-то *пѣуны* поютъ,
По садамъ то соловьи свищутъ,
По избамъ-то печи топятся,
По чуланамъ дѣвки моются,
По клѣтямъ ужъ наряжаются,
Въ избахъ печи истопилися,
Всѣ большухи обрядилися,
Всѣ подружки сокопилися.
Ты вставай, мила подруженька,
Во сегоднешный, во бѣлый день.
Тебя не будитъ кормилецъ батюшка
И кручинная твоя матушка,
У нихъ дѣла не случилося,
Всѣ дѣла у нихъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Отказали тебѣ родители
И отъ хлѣба, и отъ соли,
И отъ дѣла, отъ работушки.
Ныньче встану молодешенька
Я со мягкой со постелюшки
Со высокаго столо̀вьица.
— «Ты, кручинная моя матушка,
Ты сходи-жъ въ три поля,
На три ро̀днички.
Принеси, кручинна матушка,
Ключевой воды студенныя
Мнѣ-то посмыть со бѣла лица,
Мнѣ горючую слези̇ночку,
Съ ретива сердца кручинушку.

[1]) Холя.

Нынче, слава тебѣ Господи,
Я умыла лице бѣлое.
Стану̀ Господу молитися,
Чтобы Господи помиловалъ,
О злодѣяхъ о чужихъ людяхъ,
О злодѣйнѣ чужой сторонѣ.
Какъ пойду я, молодешенька,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ.
Я ударю челомъ по̀ низку
Своему кормильцу батюшкѣ:
«Мой кормилецъ, сударь батюшко!
Я учула да услышала,
Говорятъ милы подруженьки,
Что со лѣтнюю сторонушку
Не погода подымается,
Бѣлы снѣги завиваются.»
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Не погода подымается,
Не бѣлы снѣги извиваются, —
Чужи люди подвигаются.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты запри-ко сѣни новые
Да воротечка тесовые
На запоры-то на крѣпкія,
На замки-то на нѣмецкія!
Не пускай ты чужихъ людей.
Охти мнѣ-то, мнѣ тошнешенько!
Видно обошлися [2]) чужи люди
Со кормильцемъ-то, со батюшкой.
Онъ впустилъ зиму студеную,
Ознобилъ онъ красну дѣвицу
Безъ зимы-то безъ студеныя,
Безъ морозу безъ трескучаго.

Послѣ призыва въ баню.

1666.

Ты, кручинная моя матушка,
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
Можно чуть да можно слышать:
Приходили мои подруженьки,
Меня звали, дозывалися,
Идти въ баню, идти въ па̀руну,
Во честную не угарную.
Совсѣмъ баенка истоплена,
Какъ совсѣмъ поизготовлена,
Посогрѣта ключева вода,
Сварены да слизки щёлоки.
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
И кручинная моя матушка!

[2]) Поладили.

Мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Тонку бѣлую рубашечку,
Сарафанецъ семишо́лковый.
Какъ еще кормилецъ батюшка,
Собери-ко красной дѣвицѣ
Проводничковъ низкопоклонничковъ.
Ты кручинная моя матушка,
Мнѣ ты дай-ко, молодешенькѣ,
Посажоную-то свахоньку!
Какъ еще, кормилецъ батюшко,
Дай-ко мнѣ благословеньице
Идти въ баню, идти въ па́рушу!
Вы пойдемте, мои подруженьки,
На широкую на улицу:
Становитесь, милы подруженьки,
Кругомъ бани, кругомъ паруши,
Вы стѣной да бѣлокаменной,
Караульте красну кра́соту!
Какъ пойдетъ-то красна кра́сота
Во трубу то бѣлымъ дымикомъ,
Во двери то пойдетъ парикомъ,
Во оконце пойдетъ жарикомъ, —
Посхватайте, милы подруженьки,
Мою красную-то кра́соту,
На послѣдню вечериночку.

По возвращении изъ подвѣнечной бани.

1667.

Вамъ я много благодарствую
На банѣ-то на парушѣ!
Богъ судья, милы подруженьки!
На обманъ-то дѣло сдѣлали:
Насказали да нахвастали
Не беретъ-то баня паруша,
Какъ не дани, да не пошлины,
Ни оброку, ни подушнины, —
А взяла-то баня паруша
Больши дани, больши пошлины,
Взяла кра́соту-то красную,
Всю дѣвичью волю вольную.
Какъ пошла-то красна красота,
Я просила васъ, подруженьки:
«Задержите красну красоту!»
Какъ ушла-то красна красота
Чистымъ полемъ, бѣлымъ заюшкомъ,
По залѣсью горностаюшкомъ:
Ушла красная-то красота
На рѣку-то да на быструю,
На воду да на чистую;
Поплыла-то красна красота
Со гусямъ она со лебедямъ,
Да со сѣрымъ-то со утицамъ;
Такъ я только, молодешенька,
Посхватила красну красоту
На послѣдней вечеринушкѣ.
Охти-мнѣ-то тошнешенько!
Говорятъ мои родители
Вся родня-то *притуманная*:
Надо снять то красну красоту
Со моей-то буйной головы.
Я не знаю, молодешенька,
Какъ мнѣ съ нею раставатися:
Какъ водой ли разливатися?
Ли травою растилатися?
Ли конемъ то разъѣзжатися?
Камешкомъ ли разсыпатися
Со своей-то красной красотой?
— Охти мнѣ тошнешенько!
Не спѣшите, мои родители,
Разлучать-то съ красной красотой!
Какъ ушла-то красна красота
Къ красну солнцу на гуляньице,
Къ свѣтлу мѣсяцу на бесѣдушку,
Ко частымъ звѣздамъ на думушку.
Стану ждать да дожидатися
Я свою-то красну красоту:
Отъ краснаго солнышка съ гуляньица,
Отъ свѣтла мѣсяца съ бесѣдушки,
Отъ частыхъ-то звѣздъ со думушки.
Я не чула да не слышала:
Не ногамъ пришла красна красота,
Не рукамъ она положена
На мою-то буйну голову,
На мои-то русы волосы, —
Прилетѣла птичкой птачечкой.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Хоть не долго красоватися,
Со красотою разставатися.
Прибери, кормилецъ батюшко,
Человѣка мнѣ надежнаго,
Мнѣ оставить красну красоту.
Государоня, моя матушка!
Буде подымутся бѣлы руки,
Посогнутся тонки пальчики
На мою-то буйну голову,
На мою-то красну красоту
Посними ты красну красоту.
Сама знаю, сама вѣдаю:
У тебя, кручинна матушка,
Не подымутся бѣлы рученьки
У меня снять красну красоту.
Ты, кручинная моя матушка,
Прибери, моя родимая,
Человѣка-то надежнаго
Мнѣ оставить красну красоту.
Поручу я волю вольную
Своей крестной-то я матушкѣ.

«Моя крестная ты матушка!
Подыми свои руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Богъ судья-те, кресна матушка,
Остыдила, обезчестила
При народѣ, при добрыхъ людяхъ.
Посняла ты красну красоту.
Погляжу я, молодешенька,
На столы-то на дубовые, —
Тамъ сидитъ-то красна красота
Покраснѣе красна солнышка,
Посвѣтлѣе свѣтла мѣсяца,
Въ *полуносъ*-то не изношена,
Въ *полудержъ* то не издержена,
Что новымъ-то она новешенька.
Я носила красну красоту
По гуляньямъ да по праздничкамъ,
Берегла я красну красоту,
Запирала во коробочку.
Государонь, моя матушка,
Мнѣ тоской-то встосковалося
О своей то красной красотѣ!
Подойду я, красна дѣвица,
Ко столу да ко дубовому
Ко своей-то красной красотѣ,
Стану звать да дозыватися:
«Ты иди-ко, воля вольная,
На мою-то буйну голову:
Мнѣ тоской-то встосковалося
Безъ тебя-то, красна красота!»
— «Отойди прочь, красна дѣвица!
Голова твоя неучесана,
Волоса твои неуглажены»
Обращусь я, красна дѣвица,
Ко кручинной ко матушкѣ:
«Ты, кручинная моя матушка!
Учеши-ко буйну голову,
Пріуглади русы волосы.»
Нынь пойду я, красна дѣвица,
Ко своей-то красной красотѣ.
Стану звать да дозыватися:
— «Ты иди ко мнѣ, красна красота,
На мою-то буйну голову,
На мои-то русы волосы!»
Отвѣчаетъ красна красота:
«Отойди прочь, красна дѣвица,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— «Охти мнѣ-то, мнѣ тошнехонько!
Не сердися ты, не гнѣвайся,
Что голова-то запросватана,
Руса коса запоручена.
Ты иди ко мнѣ, красна красота,
Не надолго поры времячка!»
Говоритъ-то красна красота:
— «У тебя и руки-то не вымыты.»
—«Моя крестная ты матушка.
Мнѣ подай-ко ключевой воды
Мнѣ повымыть руки бѣлыя.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты подай мнѣ, красной дѣвицѣ,
Подай чашу пива пьянова
И скляницу зелена вина.
Мнѣ повыкупить красну красоту.»
Подойду я красна дѣвица
Къ соколо́чку, братцу милому:
«Соколо́чекъ, братецъ миленькой,
Тебѣ чаша пива пьянова
И скляница зелена вина. —
Ты отдай мнѣ красну красоту
На мою на буйну голову.»
—Нынь пойду я, красна дѣвица,
По своей по свѣтлой свѣтлицѣ,
Во своей-то красной красотѣ.
Не сидитъ-то красна красота
На моей на буйной головѣ.
На головѣ то извивается,
На бѣлы руки бросается.
Говоритъ-то красна красота:
«Мнѣ тутъ не мѣсто да не мѣстечко,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— Я не знаю да не вѣдаю,
Какъ сдержать мнѣ красну красоту?
Отнесу я красну красоту
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Какъ во травоньки шелковыя.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Тутъ пойдетъ-то чужой чуженинъ
Со косой-то траву косити,
Подсѣчетъ онъ красну красоту, —
Мнѣ-то жаль будетъ тошнешенько.
Я снесу же красну красоту
На рѣку снесу на быструю,
Какъ на воду-то на чистую,
Опущу я красну красоту,
Со гусями ее со лебедямъ,
Со сѣрымъ ее со утицамъ.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что не мѣсто тамъ ей, не мѣстечко.
Какъ охочь ходить чужой чуженинъ
Со ружьемъ ходить за охотою, —
Онъ подстрѣлитъ красну красоту.
Мнѣ-то жаль ее тошнешенько.
Нынь снесу я красну красоту,
Во Божію церковь соборную,
Положу я красну красоту
За престоломъ Богородицы.

Сама знаю, сама вѣдаю,
Что ей не мѣсто тутъ, не мѣстечко:
Тутъ охочь да чужой чуженинъ
Ходить во церковь-то молитися, —
Тамъ увидитъ красну красоту,
За престоломъ Богородицы, —
Онъ повыкупитъ красну красоту
На свою-то золоту казну.
Мнѣ-то жаль будетъ, тошнешенько.
Такъ оставлю я красну красоту,
Я кручинной моей матушкѣ:
«Положи, кручинна матушка,
Мою красную-то красоту
Во свою то теплу пазушку.»
— «Государонь моя матушка
Сама стала старешенька,
Поясокъ носитъ слабешенько,
Потеряетъ красну красоту.
Такъ оставлю волю вольную,
Я сестрѣ-то голубушкѣ:
«Ты носи, сестрица милая,
Черезъ-будни да по праздничкамъ
По частымъ по воскресеньицамъ,
Съ головы-то не снимаючи,
Съ бѣлыхъ ручекъ не спускаючи,
Все меня-то вспоминаючи
На чужой то на сторонушкѣ.
Нынь сестрица моя милая,
Учеши-ко буйну голову,
Пріуглади русы волосы,
Наложи ты красну красоту.
Мнѣ не долго красоватися,
Хоть сидитъ моя красна красота
Не по старому, не по прежнему,
По конецъ буйной головы.»

Зап. П. Г. Вересовымъ.

Бѣлозерск. у., д. Бубриво.

1668.

Первый причетъ въ руковитье или въ первый день за причетки.

Господи Боже, благослави меня
На день, да на севоднешней,
Въ добрый часъ да во топерешной
Бѣлой лебедѣ возгѣрчати,
Что на славномъ да на синемъ морѣ,
На горючемъ синемъ камешкѣ
Минѣ красной дѣвицѣ заплакати
Во высокомъ новомъ теремѣ,
На дубовой сидить лавочкѣ.
Опустите мнѣ звонки голоса
По батюшкову широку двору,
По матушкиной новой горницѣ
Объявить мнѣ горе на люди,
Обронить да слезы на землю.
Доходите звонки голоса
До моивъ роднывъ родителей,
До моево корминца батюшки
И до родители-то матушки.
«Мои родные вы родители:
Ужь ты мой, корминецъ батюшка,
И кручинная моя матушка!
Вы минѣ дайте благословленьицо
Съ чиста серца и со радости
Опустить да звонки голоса.
Я не смію млада осмилиться
Безъ вашево благословленьица —
Объявить да горе на люди
И обронить да слезы на землю.
Нонеча, слава тебѣ Господи,
Я учула и услышала
Отъ своивъ роднывъ родителей
Я отъ ивъ благословленьицо
Съ чиста серца и со радости.
Доходите, звонки голоса,
До моивъ до милывъ братьицей
И сестрицъ моивъ голубушекъ
И до всево до роду племени.
— Мои родные вы родители!
Вы минѣ дайте благословненьицо
Съ чиста серца и со радости.
Нонь сидить мнѣ не отсидитися,
Сидя думы не придумати,
Моево серца неутѣшивати,
Свое родни мати не разслезивати.
У мня родня стала неслезливая,
До миня не жалосливая
Минѣ отшатить свои могучія плечи
Отъ стѣны да тесу бѣлова,
Стать со лавочка дубовыя,
Со брусаночки кленовыя,
Стать на ноженьки томленные,
На чулочки на гумажныя,
На башмачки стать сафьяныя,
На гвозьё на полужённые
Походить покрасоватися
Пока до злодія свата большово —,
До чеснохвальные коровойницы.
Мои родные вы родители,
Ижь ты мой корминецъ батюшка
И родитель моя матушка!
Вы послушайте родители
Въ чемъ я попрошу васъ, красна дѣвчя,
До поры да и до времечки
Пока до злодія свата большова,

Вы нарядите слугу вѣрнова
Своева да сына милова,
Моева братца любимова,
Ево пошлите во темны лѣса —
Пущай засичеть да въ лисѣ засѣку,
Чтобы нельзя (было), да некакъ не можно
Ни пройти да ни проѣхати,
Чтобы злодію да свату большому.
Да еще мои родители вы накажите сыну милому,
Чтобы поперекъ пути дороженьки
Прорылъ конавы-тѣ глубокія,
Чтобы нильзя, да некакъ не можно
Ни пройти, ни проѣхати было
Злодію, свату большому,
Чтобы со дороги воротилися,
Отъ миня прочь отступилися.
Я тебя, родитель-матушка,
Я попрошу да молодешенька,
Чтобы нарядила слугу вѣрную,
Свою дочерь-то любимую,
Мою сестрицу-то любимую,
Чтобы заперли да вси воротички,
Золотыя подвороточки.
Не допущайте злывъ чужывъ людей
До двора да до Маркова
До терема да до высокова
И до миня до красной дѣвицы.
Какъ ужъ вы, мои родители,
Откажите да злывъ чужывъ людей
Отъ миня да молодешеньки
Послѣ тые до поры времечки.
Я у васъ, мои родители,
Буду жить да лучше старова,
Работать да лучше прежнева.

1669.

Сыдеть домой да злодій большой сватъ
Противъ семьи разспохваляется,
На меня да роспеняется:
Коль хитра да мудра дѣвица,
Коль проворны милы братьица.
Въ лѣсахъ засики засѝчены,
Во поляхъ рвы глубокія прокопаны,
Ворота да крѣпко заперты,
Подвороточки заложены
И приворотнички поставлены.
Вокругъ сё да красной дѣвицы
Стоятъ любимыя подруженьки —
Миня не допустили добра молодца
До души да красной дѣвицы.
Топерь пойду я, красна дѣвица,
Я по свѣтлой-то по свѣтлицѣ
И по высокой новой горницѣ
На весельѣ и на радостявъ
Я нарядила слугу вѣрнова
И послала посла скорова,
Соколка да мила братечко,
Мою просьбу-то исполнити.
Я буду ходить до ни боючи,
И говорить ни опасаючи.
Охъ-ти минѣ, минѣ тошнёшенько!
У миня да красной дѣвицы
Растосковалося сердечушко,
Разгоревалося ретивое,
Разболѣлась буйна голова
И заплакали очи ясны
Потекли да горючи слезы.
Я не знаю да ни вѣдаю
Надо мной што случается:
Видно слышитъ ретиво серце
Эту нивзгоду-то великую.
Я сама да знаю вѣдаю,
Что злые люди коль наѐнливы,
Коль наенливы, нахратливы,
Они нахратливы, напрасливы:
Отъ миня да не отступятся,
Назадъ домой не воротятся,
Разсѣкутъ да въ лисѣ засѣку,
Завалятъ да рвы глубокія,
Замостятъ да мостъ калиновой,
Да створятъ всѣ воротечка,
Выставятъ да подвороточку,
Оттолкаютъ приворотничковъ
Отъ дверей да всѣ въ придверничковъ,
Отъ миня милывъ подруженекъ.
Я сама да знаю, вѣдаю
Что минѣ невношко [1]) поры времечка
До злодія, свата большова,
Походить, покрасоватися,
Съ волюшкой порадоватися,
Пока во своей да волѣ вольнею,
Пока со миленькимъ подруженькамъ.
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Я на своивъ милывъ подруженекъ:
«Вы мои миленькія подруженьки,
Вы коль счасливы и talaпливы!
Отъ васъ женихи да воротилися,
И сваты да въ Весь [2]) уѣхали
На славутную на ярмонку.
Какъ моему да свату большому
Ему ни открыло свѣту бѣлову,
Нигдѣ славутные тѣ ярмонки,
Только открылось свѣту бѣлово
Ко минѣ да красной дѣвицѣ.

---

[1]) Немножко.

[2]) т. е. въ Весьгонскѣ уѣздный городъ Тверской губерніи. Ш.

Миня разлучили красну дѣвицу
Со своей-то волюшкой-то вольнею
И со вамъ, милые подруженки.
Какъ я погляжу, да красна дѣвица,
Я на васъ, милыя подруженки:
Вы идете — буди трава растетъ,
Вы сидите — буди цвѣты цвѣтутъ,
Вы говорите — буди рублемъ дарите,
Буйны головы учесаны,
Русы косы заплетены,
Въ косу кустышки привязаны
И красны красоты наложены.
Какъ у миня, у красной дѣвицы,
Хоть буйна голова чесана
И русая коса заплетена
И въ косу кустышки привязаны,
И красная красота наложена,
Только не по старому, не по прежному,
Моя красная ты красота,
Моя прикраса лицу бѣлому!
Чесь хвала да роду племени!
У миня да красна красота,
Она въ дешовыя годы куплена,
А въ дорогу цѣну поставлена.
Какъ моя да красна красота
Девять сотъ да рублей стоила.
Какъ на первую на сотенку—
Брала кумачу да Ярославскова,
На вторую-то на сотенку—
Брала бархату Ростовскова,
Какъ на третью на сотенку—
Брала шолку нелинючева,
Какъ на четвертую на сотенку—
Брала мелкивъ частывъ блездочекъ,
Какъ на пятую на сотенку—
Брала насыпнывъ жемчужнывъ запанковъ,
На шестую-то на сотенку—
Брала зергальнывъ свѣтлывъ ставочекъ,
На семую-то на сотенку—
Брала жемчугу для поднизи,
На восьмую-то на сотенку—
Брала драгоцѣннова-то каменья,
А девятую-то сотенку—
Оддала швеѣ да самоглавною:
Мою шили красну красоту,
Суряжали волю вольную
Во Москвѣ да двѣ бояропи,
Двѣ купеческія дочери
По тую раннія заутрепьи,
По тую позныя обѝденки.

1670.

Вы, (в)ставайте-тко сонливыя,
И пробужайтеся дремливыя
По дворамъ да пѣуны поютъ,
По избамъ да печки топятъ,
По горницамъ дѣвки моются.
Вы, мои миленькія подруженки,
Минѣ скажите, бѣлы лебеди,
Какъ почесь да въ темну ноченку
Вамъ спалося ли, дремалося
И во сняхъ ли что приснилося?
Какъ минѣ да красной дѣвицы,
Минѣ почесь да въ темну поченьку
Мало спалося и дремалося,
А во сняхъ много приснилося.
Минѣ, приснилося, молодешенькѣ:
Будто у окна поколотилося,
У воротъ да въ кольцо брякнуло,
У дверей да попросилося.
Я (в)ставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовыя,
Со перинушки пуховыя
И со кручинново изголовьица,
Я отворяла двери на пяту,
И дубовую доску на стѣну,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилася,
Господу Богу помолилася,
Пóниску минѣ поклонилася:
«Здраствуй, милая подруженка,
Моя сестрица, ты голубушка!
Минѣ попеняли да посудачили.
Тибѣ Богъ судья, мила подруженка,
Ты какъ поспѣшила, поторопилася,
Миня отказала волю вольную
Отъ сибя дя молодешенки.
Моя пошла да воля вольная
Отъ миня да молодешенки,—
Она со мной да ни простилася
И назадъ ни воротилася.
Ужь я вышла, красна дѣвица,
На широкую-то улицу,
Я погледѣла, красна дѣвица,
Вслѣдъ за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя дѣвичья дрока дрочная
Во далечи во темны лѣса.
Моя сѣла воля вольная
Она на елку на кужлявую.
Я подходила, молодешенька,
Къ своей волюшкѣ-то вольною,
Хотѣла взять ее волю вольную, —
Какъ нильзя, никакъ не можно:
Вѣдь зелена елка *подкарзяна*.
Я пошла прочь, слезно заплакала.
Какъ и еще да сонъ привидѣла:
Я выходила, красна дѣвица,
На круто красно крылечушко,

Изъ подъ высока нова терема,
Изъ подъ крута красна крылечушка,
Изъ подъ кроваточки тесовыя,
Изъ подъ перинушка пуховыя,
Изъ подъ кручинново изголовьица
Протекала ричка быстрая.
Что по этой быстрой ри́ченькѣ
По ней плыветъ да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочкѣ
Есть сидитъ да красна дѣвица,
Въ рукахъ держитъ красну красоту.
«Вы, народъ да люди добрые,
Все сусиди порядовные.
И мои любимые подруженки,
Вы разгадайте да раздумайте
Этотъ сонъ къ чему да сонъ привидялся.»
Хоть вы молчите, минѣ не скажете,
А я сама да знаю-вѣдаю,
Что къ чему да сонъ привидялся:
Изъ подъ кутя красна крылечушка,
Изъ подъ кроватушки тисовыя,
Изъ подъ перинушки пуховыя
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячія.
А какъ плыветъ да легко лодочка, —
Это гульба-игра веселая,
А какъ сидитъ да красна дѣвица, —
Это воля моя вольная,
Въ рукахъ держытъ красну красоту, —
Мою просѣкную ленту шытую
Со жемчужной-то со поднизью.
Минѣ еще во снявъ приснилося,
Какъ ровно вьа́во показалося
Я выходила красна дѣвица
На шырокую на улицу —
Будто у насъ да во чистомъ полѣ
Есть крутая гора высокая,
Какъ на этой на крутой горѣ
Лежытъ звирь да со звириною,
А подъ крутой горой высокою
Лежатъ змѣи со змiятами.
И по среди да поля чистова
Стоитъ столбъ да новоточеной —
Колется да расколяется,
Онъ горитъ да разгоряется.
«Мои любимыя подруженьки,
Минѣ скажыте, бѣлы лебеди,
Этотъ къ чему да сонъ привидялся?»
— Я сама да догадалася,
Дѣвушка я доменкнулася,
Что къ чему мнѣ сонъ привидялся:
На крутой горѣ высоко лежытъ
Не звирь да со звириною,
А лихой свекорь со свекровкою;
Подъ крутой горой высокою
Лежатъ не змѣи со змѣятами, —
То деверья со золовками,
Во шырокомъ во чистомъ полѣ
Стоитъ не столбъ да новоточеной—
Не колется ни расколяется
Не стогня да разжыгается, —
Это чужой да доброй молодецъ,
До поры онъ да до времечки
Мной дѣвицей похваляется.
Во севоднишной во бѣлой день
У моево корминца батюшка—
Быть двору да раствореному,
И тыну да розкаченому,
Минѣ дѣвицѣ да увезеною.

По умершихъ родителяхъ.

1671.

Во севоднешной во бѣлой день
Я (в)ставала, сиротиночка,
Утромъ рано поранешеньку,
Выходила, горе-бѣдная,
Я на шырокую на улицу,
Брала росы съ травы зеленые,
Обмывала лицо бѣлое;
Миня обдули вѣтры буйные
И обсушыло красно солнышко,
Я наряжалась, сиротиночка,
Во нарядъ-платье кручинное,
Пошла ко церквѣ ко соборною,
Ко молебну-то заздравному.
Я (в)ставала, сиротиночка
Въ рядъ со миленькимъ подруженькамъ,
Я глядѣла да смотрила
По народу, по добрымъ людямъ,
Я своивъ роднывъ родителей,
Своево корминца батюшка,
По наряду платью цвѣтному,
По ево да по русымъ кудрямъ.
Я ни могла ево увидѣти
Во Божьей церквѣ соборною.
Какъ пошли народъ, — добры люди,
Домой изъ церквы-то соборные, —
Я (в)ставала, сыротиночка,
Ко дубовымъ шырокимъ дверямъ,
Все глядѣла да смотрила
Во народѣ во добрывъ людявъ
Своево корминца батюшка. —
Я не могла ево увидѣти
И во слѣдъ да по походочкѣ.
Я пойду нонь, сыротиночка,
На круту гору высокую
И на площадь на шырокую,
На могилоньку глубокую.

Я припадала, сыротиночка,
Я ко матушкѣ сырой землѣ,
Я опускала звонки голоса
Высоко да по поднебесью,
Шыроко да по бѣлу свѣту,
И глубоко во мать сыру землю,
Къ своему корминцу батюшку:
«Ужь ты, мой корминецъ батюшка,
Мое красное ты солнышко!
Ты послушай, красно солнышко,
Чево я спрошу да сиротиночка:
Ты придешь ли, родитель батюшко,
Ко мнѣ, да сыротиночкѣ,
Хоть не надолго поры времечка,
На одинъ маленькой минутой часъ —
Съ нами думушки подумати,
Тоски серцу прiубавити?
Кабы ты, мой кормилецъ батюшко,
Посулился красно солнышко
Ко намъ да сыротиночкамъ,
Я бы горькая несчасная,
Бѣдная да сыротиночка
Тибя середи бы поля стритила,
Черезъ рѝченьку увидѣла,
Черезъ темный лѣсъ поголчила;
Я бы розказала, сыротиночка,
Про свое горе великое
Какъ живемъ мы горьки-бѣдныя
Безъ тибя, корминецъ батюшко,
Мы нажылися, сыротиночко
По *привногимъ* по чужымъ людямъ.
Какъ у насъ, корминецъ батюшко,
Безъ тибя, да красно солнышко,
Пролитóе не жыветъ полно,
Отданное не воротится,
Назадъ слово не размолвится.
Мы безъ тибя, корминецъ батюшко,
Какъ подемъ мы, сиротиночки,
Во привногiе чужiе люди,
Малые и недорослые,
Глупые и неразумные.
Нашъ корминецъ, родитель батюшко,
Ты послушай красно солнышко!
Я розскажу да сыротиночки
Какъ во привногивъ во чужывъ людявъ,
Надо жыть въ людявъ умѣючи,
И говорить да разумѣючи:
По утру (в)ставать ранешенько,
Вечеркомъ легчи поздешенько.
Какъ во привногивъ во чужывъ людявъ
Слатко кормятъ, — горько чуется,
Глатко баютъ, — грубо кажется,
Мягко стелютъ — спать коль жóстоко.

Зап. крестьянской дѣвушкой Гликерьей Тмаковой, научившейся грамотѣ въ Антушевской народной школѣ. Дост. учит. нар. уч. Н. Г. Вересовымъ.

Той же губ. и уѣзда, другой волости.

Въ тотъ день, когда просватаютъ дѣвушку, на бесѣдѣ ей пропоютъ пѣсню «отставала лебедушка», а потомъ причитаютъ «зореньку»:

1672.

Ты заря ли моя зоренька,
Ты заря моя вечерняя,
Скоро рано да потухать стало,
Прежде закату да красна солнышка,
Прежде всхода да свѣтла мѣсяца.
Наша, миленькая подруженька (имя и отчество),
Коль ты скоро рано открасовалася,
Прежде сестрицъ ты своихъ голубушекъ,
Прежде миленькихъ подруженекъ:
Развѣ въ дѣвушкахъ тебѣ присидѣлося?
Развѣ волюшка тебѣ напрокучила?
Развѣ дрокушка да надосадило?
Голова тебѣ причесалася?
Руса косынька призаплеталася?
Въ косу кустышки да привязалися?
Развѣ во бесѣдѣ съ нами да присидѣлося?
Бесѣдныя пѣсни припѣлися?
Шутки, дворки [1]) пришутилися?
Цвѣтно платье да приносилося?
Красна красота да напрокучила,
Просѣкная да лента шитая,
Со жемчужной-то со подничью?
Развѣ въ кароводахъ тебѣ пригулялося,
Тебѣ со миленькими подруженькамъ?

Въ отвѣтъ на это невѣста причитаетъ:

1673.

Мои, миленькiя подруженьки,
Можно знать вамъ да можно вѣдати,
По себѣ вамъ можно повѣрити:
Что въ дѣвушкахъ-то мнѣ не присидѣлося,
Волюшка не напрокучила,
Дрокушка не надосадила,
Голова не причесалася,
Руса косынька не призаплеталася,
Въ косу ленточки не привязалися,
Во бесѣдѣ съ вами не присидѣлося,
Бесѣдныя пѣсни не припѣлися,
Шутки дворки съ вами не пришутилися,
Цвѣтно платье не приносилося,
Красна красота не напрокучила,

[1]) Двóрка—балагурство, острота. Дополн. къ Оп. обл. великор. слов. У Даля этого слова нѣтъ.

Просѣкная-то лента шитая,
Со жемчужной-то со поднизью,
Въ короводахъ не пригулялася,
Короводны пѣсни не припѣлися,
По гостямъ не приходилося,
Гостейкой не присидѣлося,
У своихъ родныхъ родителей.

Приходитъ на бесѣду за невѣстой сестра и причитаетъ, обращаясь къ подружкамъ:

1674.

Вы, мои миленькіе подруженьки,
Вы не бойтесь, да бѣлы лебеди,
Вы меня-то да молодешеньку
Я не сидѣть иду да не бисѣдовать,
Иду за сестрицей своей голубушкой.

Потомъ она подходитъ къ сестрѣ и причитаетъ:

1675.

Ты, сестрица моя голубушка,
Я скажу тебѣ, молодешенька,
Скажу вѣсточку тебѣ не радостную,
Что приказали тебѣ родны родители,
Что тебѣ распрощаться, красной дѣвицѣ,
Со бесѣдушкой смиренoю,
Со гульбой-игрой веселою,
Что тебѣ со миленькими подруженьками,
Съ удалоемъ да добрымъ молодцамъ,
Тошнѣе того да и обиднѣе—
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гульливою.

Невѣста спрашиваетъ у сестры:

1676.

Ты скажи, сестра голубушка,
По чьему пришла позволеньицу,
По чьему да приказаньицу.
Разлучаешь меня, красну дѣвицу,
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гульливою?
Богъ судья-то вамъ, мои родители,
На чего вы разсердилися,
На меня-то на красну дѣвицу?
Что мнѣ какъ бы не хотѣлося
Разлучаться съ волей дѣвичьей
И съ бесѣдушкой смиренною.
Прости, бесѣдушка смиренная,
Прости, гульба игра веселая,
Простите, миленькія подруженьки,
Удалые да добры молодцы,
Прости, бесѣдная хозяюшка!
Меня извините, красну дѣвицу,
Что я суровая была несмирная,
Почасту я, съ вами бранилася,
Не по-долгу только сердилася.
Моя любая у васъ была бесѣдушка,
Почасту къ вамъ сидѣть ходила,
По-долгу у васъ сидѣла,
Въ лавкѣ мѣстечко просидѣла,
Всѣ окошечка проглядѣла,
У воротъ-то пяты вытерла,
У дверей-то скобы вырвала,
Прости, бесѣдушка смиреная!
Мнѣ не бывать больше, не сиживать
Душечкой да красной дѣвицей.
Прости, желанная хозяюшка!
Дай Богъ счастливо оставатися,
Да богато разживатися!

Вслѣдъ за этимъ причетомъ невѣста выходитъ съ бесѣды съ подружками на улицу и идетъ къ дому; въ это время она съ подружками причитаетъ:

1677.

Улица моя улица,
Улица ты моя широкая,
Протянися ты, моя улица,
На сто верстъ да и на тысячу;
Я иду-то, да красна дѣвица,
Не по старому-то, да не по прежнему,
Иду со миленькими подруженьками.
Мои рѣзвы ноженьки подрѣзало,
Бѣлы ручки опустилися.
Подхожу я, красна дѣвица,
Къ батюшкову широку двору,
Къ матушкину да нову терему,
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Какъ у насъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Какъ зима то у насъ студеная,
Да отзимье да студеной зимы,
Какъ примногіе злы чужи люди.

Невѣста заходитъ въ это время въ домъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1678.

Богъ судья тебѣ, кормилецъ батюшка,
И кручинной моей матушкѣ,

Что вы пригадали, что придумали,
Меня отдавать то да запросватывать,
Меня въ эту зимоньку-то студеную;
Видно, не любая была я работница,
Не бѣла была платомойница,
Не вѣрна, видно, слуга вѣрная,
Менѣ какъ-то ужъ не хотѣлося
Въ эту-то вечериночку
Разлучаться-то красной дѣвицѣ
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвичьей волей гульливою,
Со бесѣдушкой смиренною,
Со гульбой-игрой веселою,
И со миленькимъ подруженькамъ.

Накапунѣ дѣвичника бываетъ рукобитье. Отъ жениха привозятъ «каравой», т. е. бѣлый хлѣбъ, украшенный конфектами и ленточками. До пріѣзда родныхъ жениха съ кароваемъ ей причитаютъ:

1679.

Ахъ-ти мнѣ, минѣ тошнехонько!
Я не знаю, красна дѣвица,
Передъ чѣмъ да взвеселилася,
Я чему обрадовалася,
Коль я баско набасилася,
Хорошо да нарядилася,
Во уборъ да платье цвѣтное,
Во нарядьице хорошее,
Что зачула я, заслышала,
Я ко Господнему ко праздничку,
Ли къ обиднѣ пресвященной,
Ко молебну я заздравному,
Ли на бесѣдушку смиреную,
Я со миленькими подружками?
Я сама знаю, сама вѣдаю,
Въ эту пору, въ это времячко,
На слуху да нѣту праздничка,
Во торгахъ да нѣту ярмарки,
По церквамъ нѣту обѣденки,
Въ деревняхъ нѣту бесѣдушки.
Я погляжу да, красна дѣвица:
У меня сидятъ милы подруженьки
На дубовой то на лавочкѣ.
Во сегодняшній во бѣлый день,
Я наряжалась въ платьѣ цвѣтное,
И надѣвала красну красоту. [1])
Не по старому, не по прежнему,
Не на веселье, не на радости,
Меня принуждали, приневолили,
Всѣ мои родны родители,
Меня обманули, красну дѣвицу:
«Наряжайся, красна дѣвица,
Во нарядъ во платье цвѣтное
И надѣвай да красну красоту:
Пойдешь на гулянбице веселое.»
Приказали мнѣ родители,
Не далеко ходить разхаживать,
Не широко глядѣть, разсматривать.
Приказали мнѣ родители
Сѣсть на мѣсто-то на кручинное,
Повѣсить-то буйну голову,
Мнѣ потупить да очи ясные.
Тужить да велять плакати
Объ дѣвочьей-то волѣ вольной,
Опустить мнѣ свой зыченъ голосъ
Мнѣ по свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
По высокой-то новой горницѣ,
По народу да по добрымъ людямъ.
Доходите вы звонки голосы
До моихъ-то родныхъ родителей,
До кормильца до батюшки,
До кручинной до матушки.
«Вы, родные мои родители,
Вы мнѣ дайте благословеньце,
Я не смѣю, да красна дѣвица,
Безъ вашего благословеньца
Объявить свой голосъ нá люди,
Обронить свои слезы на землю.»

Если невѣста сирота еще прибавляется:

Ахъ мнѣ, минѣ тошнехонько,
Коль гораздо минѣ обиднехонько,
Моему-то да ретиву сердцу:
Ужъ я просила благословленьица,
У своихъ я родныхъ родителей,—
Я не слышу, красна дѣвица,
Ихного благословленьица:
Видно во дому ихъ да не случилося,
Въ терему моемъ не сгодилося.
Видно моихъ-то родныхъ родителей
Нѣтъ во живной-то живности
Какъ во добромъ-то во здоровьицѣ:
Только имячко ихъ да называется,
Очество только величается.
Мнѣ не даютъ они благословенія,
Будто я безродная родилася,
Безплемянная крестилася;
Видно отъ камешка родилася,
Отъ крутой горы откатилася.
Какъ разгадаю сама, раздумаю:
Есть у крутой горы пригорочекъ,
Есть у камешка то дресвиночку.
Тутъ-то я, видно, сиротиночка.
Какъ у меня-то, у сиротиночки,

[1]) Коронку.

Нѣтъ родныхъ-то моихъ родителей.
Деннаго-то нѣту заступпшка,
Нѣтъ кормильца то батюшка,
Ночныя то нѣтъ богомольицу,
Нѣтъ кручиныя-то матушки,
Нѣту слезки то горячія;
Хоть есть у сиротинушки
Соколочки милы братьица,
Есть сестрицы мои голубушки,
Хоть имъ и жаль меня, младешеньку,
Да не противъ моихъ родителей.

Потомъ невѣста начинаетъ ходить по полу; въ это время причетчица причитаетъ:

1680.

Мнѣ сидѣть да не отсидѣтися,
Сидя сердце не утѣшити,
Своей родни не прослезити:
У меня родня-то не слезливая,
До меня-то не жалостливая,
Отшатить мнѣ могучи плечи
Отъ стѣны да тесу бѣлаго,
Отъ косерчатаго окошечка,
Отъ стекольчатыя околенки.
Благослови-ко меня, Господи,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусиночки кленовыя,
Встать на ноженьки на рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьянные,
На гвоздьё на полуженое,
Мнѣ походить-то покрасоватися,
Съ волюшкой-то порадоватися,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
По высокой новой горницѣ,
По одной менѣ половочкѣ.
Ты не гнись, не гнись, половочка,
Не ломися, переводочка.
Отчего половкѣ гнутися,
Переводочкѣ ломитися?
Что не звирь да по тебѣ идетъ,
Не змѣя да извивается, —
Идетъ душечка да красна дѣвица,
Будто ниточка тонешенька,
Будто линочка легошенька,
Какъ травинка подкошеная,
Какъ сѣнинка подсушеная.
Меня подкосилъ кормилецъ батюшка,
Соколочки милы братьица,
Меня подсушила кручинна матушка,
Сестрицы мои голубушки,
Въ эту зимоньку студеную,
Посковали мои рѣзвы ноженьки,
Завязали буйну голову,
Мои призакрыли очи ясные,
Мое подсушили ретиво сердце.
Обратиться мнѣ, красной дѣвицѣ
Ко своимъ роднымъ родителямъ:
Буду убиваться, красна дѣвица,
Какъ ластушка вкругъ гнѣздушка,
Какъ касатушка вкругъ теплаго,
Вкругъ родныхъ своихъ родителей.
«Вы, родные мои родители!
Вы пожалѣйте красну дѣвицу,
Вы не разлучайте красну дѣвицу
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвичьей волей гульливою.
Вы не допускайте свата большаго
До двора-то да до широкаго,
До терема-то до высокаго,
До меня-то, до красной дѣвицы.
Вы откажите свата большаго,
Чесну хвальную коровайницу,
Буду жить у васъ лучше прежняго,
Работать буду лучше стараго,
Буду слуга то я вамъ вѣрная,
Я на васъ буду надѣяться,
Держать надеженьку великую.»

Тутъ пріѣзжаютъ съ короваемъ и причетница причитаетъ:

1681.

Ахъ-ти мнѣ, минѣ тошнехенько,
Меня испугали, красну дѣвицу.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, послышалося,
Иль мнѣ въ-яво показалося,
Какъ дубовые сани скрипнули,
Шелковая плетка свиснула,
Прозвонило колокольчико,
Пробѣжала лошадь добрая?
Какъ пріѣхалъ злодѣй большой сватъ,
Честно-хвальная корованьица.
«Мои миленькіе подруженьки!
Встань-те стѣной да бѣлокаменной
Вкругъ меня да красной дѣвицы!
Не допускайте свата большаго,
Честно-хвальную корованьицу.
Охъ-ти мнѣ, минѣ тошнехонько,
Какъ во мою то свѣтлу свѣтлицо,
Какъ нанесло да снѣгу бѣлаго,
Какъ зашелъ да злодѣй большій сватъ.

Въ это время коровайница подходитъ къ невѣстѣ, причитаютъ:

1682.

Ужъ вы, глупые придверничкп,
Ужъ вы неразумные приворотнички!
Что вы сами гостей не встрѣтили,
И мнѣ, дѣвушкѣ, не сказали?
Хоть бы я вышла да красная дѣвица,
На широкую на улицу.
Меня извините, гости, пожалуста,
Что я васъ не знала да и не вѣдала,
Я не вышла да васъ не встрѣтила.
Чесно-хвальная коровайница:
Ты подошла ко мнѣ, красной дѣвицѣ,
Со словами да со лестливыми,
Со поклонами да со низкими,
Вы со привозными подарочкамъ;
Ужъ вамъ можно знать, да можно вѣдати,
Что я дѣвица-то да не безродная,
Красная, не безплемянная:
У мня есть родные-то мои родители.
Быде прикажутъ мнѣ, красной дѣвицѣ,
Принимать ваши подарочки.
Благослови да Боже Господи,
Мнѣ поднять да руки бѣлыя
На привозные подарочки.
Когда принуждали меня родители,
Мнѣ какъ да не хотѣлося,
За ракитовъ кустъ хвататися.
Мнѣ со вамъ, да родня, знатися.

Принявши коровай, она обращается къ свахѣ.

1683.

Ты прiѣзжiй да большiй сватъ,
Чеснохвальная коровайница,
Вы извольте-ко извѣщатися:
Перво мѣстечко возлѣ меня,
Друго мѣсто супротивъ меня,
Третье мѣсто гдѣ полюбится.
Прiѣзжiй, да злодѣй большiй сватъ!
Чеснохвальная коровайница!
Чего я у васъ буду спрашивать?
Вы извольте-ко мнѣ сказывать
Про вашу чужую дальну сторону,
Какъ про вашу семью большую:
У васъ здорово ли во дому живутъ
Богоданной мой батюшка,
Богоданная-то матушка?
Здоровъ-то ли чужой чужанъ?
Съ весела ли-то пиръ заводится?
Съ весела ли у васъ пиво варятъ?
Съ весела ли у васъ вино курятъ?
Съ весела ли меня въ гости ждутъ?
Я сама знаю, сама вѣдаю,
Ждутъ не въ гости меня и не въ гостейки,
Во рабы меня, во работницы,
Во бѣлое платомойщицы.
Ты прiѣзжiй, да большой сватъ!
Чеснохвальная коровайница!
Что стороной-то я чула, слышала,
Про вашу чужую дальну сторону,
Про злодѣйку-то незнакомую:
Что сторона у васъ невеселая,
И угода у васъ нехорошая,
И семья-то у васъ несогласная.
Лѣсъ съ лѣсомъ-то не склонится, —
Люди съ людями не сходятся,
И сойдутся, не поклонятся.

Въ это время бьютъ по рукамъ и родители невѣсты съ сватомъ молятся Богу; а невѣстѣ причитаютъ:

1684.

Не спѣшите, мои родители,
Не зажигайте восковой свѣчи,
Не молитесь Богу Господу,
Не ударайте да по бѣлымъ рукамъ,
Не запросватайте буйну голову,
Не запоручьте да русу косыньку,
За поруки-то за крѣпкiя,
Что злодѣю свату большему:
Вы мнѣ дайте находитися,
Пока во своей-то я волѣ вольной,
Во дѣвичьей волѣ гульливой.

Рукобитье кончается и свату даютъ полотенце. Онъ уѣзжаетъ домой, а невѣста послѣ него причитаетъ:

1685.

Соколочикъ мой, братецъ миленькiй!
Запряги-тко доброво коня
Во саночки самокаточки;
Нагони-тко свата большаго,
Отними да рукобитной платъ, (т. е. полотенце)
Вороти-тко мою волюшку.

На другой день послѣ рукобитья бываетъ дѣвичникъ, при этомъ причитаютъ.

1686.

Благослови-тко, Боже Господи!
Меня на день да на сегодняшній,
Меня во часъ да во теперешній,
Бѣлой лебеди возгыргати,
Что на славномъ на синемъ морѣ,
На горючемъ синемъ калишкѣ,
Мнѣ красной дѣвицѣ заплакати,
Во высокомъ новомъ теремѣ,
На дубовой-то на лавочкѣ.....

Въ дѣвичникъ невѣсту подруги и родные дарятъ деньгами, за это имъ причитаютъ:

1687.

Вы, милые подруженьки,
Дарите казной несчетною!
Вамъ можно знать, да можно вѣдать;
Мнѣ не нужна золота казна,
Ни на платьице-то цвѣтное,
Ни на красную-то красоту,
И неволю выкупать буду,
Не отъ неволюшки откупатися.
Вы скажите мнѣ, милы подруженьки,
Куда издержать да золоту казну?
— Я сама, дѣвушка, догадлива;
Я пригадала да придумала,
Куда издержать да золота казна;
Мы сей ночи да въ темну ноченьку,
Мы не поспимъ да ночки темные,
Запряжемъ да доброго коня,
Ужъ мы съѣздимъ въ городъ Вологду,
Мы розыщемъ фотографію,
Снимемъ патретъ да съ себя карточку
Съ моего да лица бѣлаго,
Пока душечкой я красной дѣвицей,
Пока съ вами я подруженьки;
Обойдется пора времячко,
И я буду подъ неволюшкой,
Какъ тоской-то мнѣ стоскуется,
Объ дѣвочьей волѣ дѣвичьей,
Погляжу я, красна дѣвица,
На свой патретъ да карточку;
Какъ припомню, и припамячу,
Когда была душей дѣвицей.

Передъ вѣнчаньемъ невѣста ходитъ въ баню. Впереди идетъ ея братъ съ иконой, за нимъ ея мать крестная разметаетъ вѣничкомъ дорогу до бани.[1]) На водѣ, которою въ банѣ окачиваютъ невѣсту, творятъ пироги. Утирается невѣста бѣльемъ, которое предназначено жениху. Потомъ воду протираютъ солью и рыбой, которая и входитъ въ составъ пироговъ. Пироги эти отсылаются къ родителямъ жениха для того, чтобы ее, невѣсту, любили въ новой семьѣ.

Невѣста приходитъ изъ бани, одѣвается въ праздничное платье и начинаетъ ходить по полу, подружки въ это время причитаютъ:

1688.

Пораздвиньтесь-ко, добры люди,
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Хоть единую половочку.
Походить, покрасоватися,
Послѣ бани, послѣ пáруши
Будто ласточкѣ пролетати,
Какъ касатушкѣ пропорхнути.
Вы, родны мои родители,
Поглядите, мои родители,
Какъ у васъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Что тамъ ходитъ за дѣвица,
Что ходитъ за красная?
Ходитъ дочерь-то поповская,
Ходитъ дочерь-то купецкая?
— Вы, родные мои родители,
Ходитъ ваша это родная дочь,
Послѣ бани, послѣ паруши,
Во нарядѣ, въ цвѣтномъ платьицѣ,
И во красной-то во красотѣ,
Только не во своей-то волѣ вольной,
Не въ дѣвочьей волѣ гульливой,
Обрала да баня паруша
Волюшку вольную.
Богъ судья вамъ, подруженьки,
Вы на обманъ-то дѣло сдѣлали,
На проводъ дѣло проводили,
Меня обманули, красну дѣвицу,
Меня звали вы во парушу,
Во честную подвѣнечную,
Насказали да нахвастали:
«Не беретъ да баня паруша
Она не дани да не пошлины,
Не сниметъ да баня-паруша
Съ тебя волюшки-то вольныя,
Дѣвочьей воли гульливой,
Съ головы да красной красоты.»
— Обрала да баня паруша
Мою волюшку то вольную.
Только упросила я красну красоту,

[1]) Въ это время дѣвушки поютъ № 1666 см. выше стр. 507.

Просѣкную то волю [1]) шитую
Не на долго пору-времячко,
На одну только вечериночку.
Я просила у бани паруши,
Чтобы отпустила она волюшку
Ко мнѣ-то, ко красной дѣвицѣ,
На одну только вечериночку,
На слезяной горькой дѣвичничекъ,
Слезяныхъ моихъ пѣсенъ слушати.
Мои, миленькіе подруженьки,
Вы послушайте, бѣлы лебеди,
Объ чемъ я-то вамъ побью челомъ,
Красна дѣвица, я покучуся:
Вы подите, да бѣлы лебеди,
На широкую на улочку,
Стерегите, милы подруженьки,
Мою волюшку-то вольную:
Какъ пойдетъ моя воля вольная-
Она изъ бани-то изъ паруши,
Вы не отпустите ее на бесѣдушку;
Какъ пойдетъ моя воля вольная,
Душечкой пойдетъ красной дѣвицей,
Остановите ее, подруженьки,
Приведите-ко волю вольную,
Приведите-ко мнѣ въ теремъ.
Я хожу-то да и красуюся,
Я сама-то да радуюся,
Что я жду да дожидаюся
Свою волюшку я вольную,
Свою дѣвочью волю гульливую.

Въ это время двѣ дѣвушки приносятъ разукрашенную елку и останавливаются среди избы; невѣста кланяется елкѣ [2]), а въ это время причетницы причитаютъ:

1689.

Здравствуй, милая подруженька,
Моя волюшка ты вольная,
Дѣвочья воля гульливая!
Измѣщайсь, моя воля вольная,
Въ большомъ мѣстѣ въ переднемъ углу.
Я пойду, да красна дѣвица,
По свѣтлой-то по свитлицѣ,
На весельѣ и на радостяхъ.
Я дождалася, красна дѣвица,
Свою милую подруженьку,
Волюшку вольную.
Находитесь, мои рѣзвы ноженьки,
Намашитесь, бѣлы рученьки,
Нашатайся, буйна голова,
Накрасуйся красна красота,
На моей да буйной головѣ!
Нарадуйся, ретиво сердце,
При своей да волѣ вольной!

Въ это время братъ невѣсты снимаетъ съ головы ея коронку.

1690.

Я не долго нагулялася,
Немного накрасовалася,
При своей да волѣ вольной,
Не глава да изшаталася,
Не кресты да повалилися,
Изшаталась красна дѣвица,
Повалилась красна красота,
Съ моея да буйной головы.
Я не видала, красна дѣвица,
Какъ подлитѣлъ да младъ ясенъ соколъ,
Подходилъ да братецъ миленькій,
У меня снялъ да красну красоту
Съ моей да буйной головы;
Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу
Принародно при добрыхъ людяхъ,
И при миленькихъ подруженькахъ,
Пуще при вольной-то волюшкѣ

(Воля—т. е. елка ставится на столъ).

Соколочекъ, братецъ миленькій,
Ты скажи мнѣ, красной дѣвицѣ,
По чьему да позволеньицу,
По чьему да приказаньицу,
Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу,
Принародно, при добрыхъ людяхъ,
При волюшкѣ-то вольной.
Развѣ позволялъ кормилецъ батюшко,
Приказала кручинна матушка,
Пристыдить меня, красну дѣвицу?
Ты скажи мнѣ, милый брателко,
Куда снесешь ты мою красоту:
Али во торги ее снесешь, во ярмарки,
Продавать будешь ее, красоту?
Не продавай мою красну красоту
И не дорого и не дешево.
Какъ моя-то красна красота
Въ дешевые годы куплена,
Въ дорогу цѣну поставлена,
Девять сотъ да она стоила.
Ты отдай-ко лучше, братецъ миленькій,
Какъ обратно мнѣ, красной дѣвицѣ.

---

[1]) Воля — коронка, она же красота.
[2]) Олицетвореніе воли въ коронкѣ, а за послѣднее время также и въ елкѣ. В.

Полно стыдить меня, безчестити,
Принародно да при добрыхъ людяхъ,
При волюшкѣ-то вольной.
Вы, родные мои родители,
Варено ли у васъ пиво пьяное?
Курено ли зелено вино?
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Скляницу дайте зелена вина.
Напоимъ-ко мы, брата, допьяна, —
У пьяного-то можетъ выпросимъ.
Мою красну то красоту.

Подходитъ съ виномъ къ брату:

1691.

Соколо́чекъ ты, братъ миленькій,
Тебѣ рюмочка зелена вина;
Ты выпей-ко на здоровьице,
Въ буйну голову весельице.
Ты отдай мнѣ мою красоту!
Безъ нее-то мнѣ стосковалося,
Много времячка показалося,
Безъ своей мнѣ красной красоты.

Въ это время братъ возвращаетъ ей коронку, а за безчестье кладетъ въ ленту деньги.

1692.

А теперь-слава тебѣ, Господи,
Я получила красну красоту
На свои то на бѣлы руки.
Я не знаю-то, красная дѣвица,
Куда положить свою красну красоту,
Дайте въ очи видѣти кручинную матушку.

Мать невѣсты подходитъ къ ней.

1693.

Ты, кручинная моя матушка,
Ты возьми мою красну красоту!
Ты снеси мою красну красоту,
Во отхожую хороминку,
Положи мою красну красоту
Въ окованъ-то ларецъ, коробочку,
Почасту-то ходи, провѣдывай
Послѣ меня-то, красной дѣвицы!
Какъ потемнѣетъ красна красота,
Потемнѣе будетъ ночки темныя,
Почернѣе грязи черныя, —
Такъ мнѣ во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Будетъ житье-то нехорошее.
Если посвѣтлѣетъ красна красота,
Посвѣтлѣе свѣтла мѣсяца,
Покраснѣе красна солнышка, —
Мнѣ-во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Житье то будетъ хорошее.
Ты, кручинная моя матушка!
Тутъ не мѣсто моей красотѣ,
Тутъ не продуютъ вѣтры буйные,
Не печетъ да красно солнышко, —
Залежится моя красота.
Ты положи да красну красоту
Ты во теплую-то пазушку,
За тонку бѣлу рубашечку,
Ко сердечку ко ретивому,
Ко жалинью ко великому.
Тутъ и мѣсто моей красотѣ,
Будетъ печи да краснымъ солнышкомъ,
Будетъ свѣтить да свѣтлымъ мѣсяцемъ,
У меня матушка старешенька,
Поясокъ носитъ слабешенько,
Потеряетъ красну красоту,
А найдетъ ее тутъ чужой чужанинъ —
Ее снесетъ да во царевъ кабакъ
И пропьетъ ее, мою красоту.
Тутъ не мѣсто красной красотѣ.
Кручинная моя матушка!
Ты отдай мнѣ назадъ красоту.
Я сама, да красна дѣвица,
Приберу ей сама мѣстечко,
Гдѣ не найдетъ и чужой чужанинъ
Я снесу да мою красоту
Да во теплыя-то стороны,
Положу ее на яблоньку садовую
И на грушицу зеленую.

Съ этими словами невѣста кладетъ коронку на столъ, на коровай хлѣба, противъ елки, а по сторонамъ ставятъ свѣчи.

1694.

Посторонь да красной красоты
Я посажу да лебедь бѣлую,
Да по другую гуся сѣраго,
Напротиво волю вольную.
Какъ я, дѣвица, обрадовалась,
Что прибрала я волѣ мѣстечко
И своей я красной красотѣ —
Мѣстечко да и красивое:

Не найдетъ да чужой чужанинъ.
Я отойду да сама посмотрю:
Не проложила ли я прослѣдьица,
Не проторила ли я тропинушки? —
Не дошелъ бы чужой чужанинъ
По моей пути тропинушкѣ.
Вслѣдъ за мной да красной дѣвицей
Вся трава да поднимается,
Всѣ цвѣты да разцвѣтаютъ,—
Тутъ воля красота осталася.
Охъ-ти мнѣ, минѣ тошнехонько!
Отъ людей я чула слышала,
Что ушелъ да чужой чужанинъ
Онъ съ ружьемъ да за охотою,
Онъ во теплые-то стороны,
Подстрѣлилъ да мою красоту
На мѣсто гуся, на мѣсто лебедя,
Повалилась моя красота
Со яблони то кужлявыя
На траву да на шелковую,
На цвѣты да на лазоревы,
Подхватила ее воля вольная,
Принесла ее ко мнѣ, дѣвицѣ,
Попенязла, посудачила:
«Богъ судья, да красна дѣвица,
Что ты смѣхомъ насмѣялася,
Надъ своей да волей красотой.»
Я не знаю теперь, дѣвица,
Куда снести мнѣ мою красоту,
Гдѣ прибрать ей будетъ мѣстечко,
Чтобы не нашелъ да чужой чужанинъ?
Какъ пригадала. да придумала,
Гдѣ прибрать да волѣ красотѣ
Мѣстечко да понадежнѣе:
Ты поди, да воля красота,
Выше лѣсу по поднебесью,
Къ частымъ звѣздамъ на бесѣдушку,
Свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Красну солнцу на подмогушку [1])
Тутъ и мѣсто да и мѣстечко:
Тутъ не найдетъ да чужой чужанинъ.
Ты иди да красна красота
Ко минѣ, ко красной дѣвицѣ,
На мои да на бѣлы руки,
На мою на буйну голову,
Хоть на одну на вечериночку,
И на раннюю утриночку!
Охъ ти мнѣ, минѣ тошнехонько!
Отказала мнѣ красна красота:
«Поди прочь ты, красна дѣвица,
У тя бѣлы руки не мытыя,
Голова да не учесана,
Руса коса не заплетена.»

[1]) на помощь посвѣтить; она такъ блестяща. В.

— «Вы, мои милы подруженьки,
Принесите ключевой воды
Да и мыло бѣло-пѣнисто,
Тонкое да полотеничко.
Вы помойте бѣлы рученки,
Учешите буйну голову,
Заплетите русу косыньку,
Я созову тогда красоту:
«Ты погляди теперь, красота,
На меня, на красну дѣвицу,
У меня рученьки повымыты,
Буйна голова учесана,
Руса косынька заплетена,
Ты иди, да красна красота
На мою-то буйну голову
Хоть на одну вечериночку
Да на раннею на утринку!
Ты не бойся, красна красота,
Не задержу тебя, красоту.»

Беретъ коронку въ руки.

1695.

Теперь слава тебѣ, Господи,
Я созвала да красну красоту
Ко себѣ, да красной дѣвицѣ.
«Мои милые подруженьки,
Наложите красну красоту
На мою да буйну голову!»

Надѣваютъ ей коронку на голову, а елку уносятъ изъ избы, невѣста ей кланяется и причитаютъ:

1696.

«Посиди, да воля вольная,
У меня, у красной дѣвицы,
До зари да ранней утренней,
До приметныхъ злыхъ чужихъ людей:
Мы съ тобой вмѣстѣ подумаемъ.»
—Нѣтъ, пошла да моя волюшка
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.
«Ты прости да. моя волюшка,
Ты приходи, да воля вольная,
Съ утра рано по ранешеньку!»
Охъ, да мнѣ, младой, тошнехонько!
Я совсѣмъ да обтерялася
Я безъ волюшки гульливыя.
«Мои миленьки подруженьки,

Вся лучинка изсвитилася,
Всѣ подружки притомилися,
И мнѣ спать захотѣлося.»

Этимъ дѣвичникъ кончается. На другой день послѣ дѣвичника, въ день свадьбы, утромъ невѣста разсказываетъ сны:

1697.

Вы, родные родители,
Мои милые подруженьки,
Вамъ ночесь-то въ темну ноченьку,
Вамъ спалось ли да дремалося?
Что во снахъ-то вамъ привидѣлось
Вы скажите мнѣ, красны дѣвицы.
Какъ минѣ-то да красной дѣвицы
Не спалася ночка темная,
Я заснула на минуточку, —
Мнѣ во снѣ много привидѣлось:
Мнѣ привидѣлось, что у окна поколотилося,
У воротъ да кольцо брякнуло,
У дверей да попросилося.
Я вставала, красна дѣвица,
Отворяла двери на пяту,
Запущала красну дѣвицу,
Заходила красна дѣвица —
Моя волюшка-то вольная;
Середь полу становилася,
Богу Господу помолилася,
По низку мнѣ поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька!»
Подходила воля волюшка
Ко кроваточкѣ тесовой,
Ко перинушкѣ пуховой,
Ко кручинному сголовьицу,
Мою голову погладила,
Русу косыньку поправила,
Алы ленточки расправила,
Попеняла мнѣ, посудачила:
«Богъ судья тѣ, красна дѣвица!
Ты поспѣшила да поторопилася,
Отказала да волю вольную
Отъ себя то, отъ красной дѣвицы:
Видно надоѣло жить при волюшкѣ.
Погоди-тко, красна дѣвица,
Послѣ схватишься, наплачешься
О своей-то волѣ дѣвичьей.»
—Какъ пошла моя воля вольная,
На меня она разсердилася,
Со мной пошла не простилася,
И назадъ-то не воротилася.
Я выходила-то, красна дѣвица,
Вслѣдъ за вольной-то волюшкой
Поглядѣла я, красна дѣвица,
Куда пошла да моя волюшка.
Пошла далеко-то, во темны лѣса,
Она сѣла-то на елочку,
И на елочку на зеленую.
Подходила-то красна дѣвица
Къ этой елочкѣ зеленой.
Какъ подняла да свои бѣлы руки,
Хотѣла снять свою волю вольною.
Тутъ зелена елка *окарзана* [1])
Тутъ моя волюшка осталася.
Какъ другой-то сонъ привидѣлся:
Выходила я, красна дѣвица,
На широкую-то на улочку,
На круто красно крылечушко.
Изъ подъ нашего нова терема
Течетъ да рѣчка быстрая,
Что плыветъ да легко лодочка,
Тутъ сидитъ да красна дѣвица,
Во рукахъ держитъ красну красоту,
Просѣкную да ленту шитую.
Вы скажите, мои родители:
Мнѣ къ чему да сонъ привидѣлся?
Вы молчите да и не скажите,
Я сама знаю, вѣдаю:
Мнѣ къ тому да сонъ привидѣлся,—
Тутъ не рѣчка течетъ быстрая,
А мои да горючи слезы.
Тутъ не лодка плыветъ легкая, —
Все тоска моя кручинушка.
Сидитъ не душа да красна дѣвица —
Моя волюшка гульливая,
Во рукахъ держитъ красоту
Просѣкну-то ленту шитую.
Во третьихъ-то видѣлось:
Выходила красна дѣвица
Во широко во чисто́ поле.
Середи да поля чистаго
Стоитъ гору́шенька высокая,
На горѣ лежитъ звѣрь со звѣри́ною,
Змѣя лежитъ да со змѣятами.
Середи горы высокіе стоитъ столбъ
Да повоточеный;
Онъ горитъ да разгорается,
Кругомъ искрами обсыпается.
Вы скажите вы, подруженьки,
Ужъ къ чему да сонъ привидѣлся?
Да и сама знаю, сама я вѣдаю,
Что не гора стоитъ высокая,—
Тутъ чужая дальна сторона,
Злодѣйка незнакомая.
Лежитъ не звѣрь да со звѣриною, —

[1]) вѣтви *обру́блены* снизу, не могла достать. В.

Лихой свекоръ со свекровкою;
Лежатъ не змѣи со змѣятами, —
Тутъ деверья со золовками;
Стоитъ не столбъ да новоточеный, —
Тутъ гроза стоитъ молодецкая,
Не горитъ, не разгорается,
До поры да похваляется.

Послѣ сновъ ей причитаютъ:

1698.

Ужъ вы дайте въ очи видѣти
Мнѣ кручинную-то матушку!
Подойди, кручинна матушка,
Ко минѣ, ко красной дѣвицѣ,
Да при многихъ-то чужихъ людей;
Ты возьми да руки бѣлыя,
Положи да въ теплу парушку,
Посогрѣй да руки бѣлыя
Ты мнѣ на путь да на дороженьку,
Да при многихъ-то чужихъ людей,
Чтобы мои-то руки бѣлыя
На чужой па дальной сторонѣ
Да морозу не боялися.
— Благодарю да низко кланяюсь
Что согрѣла руки бѣлыя.

Наканунѣ вѣнчанья, за торжественнымъ ужиномъ, поютъ жениху,—если онъ сирота:

1699.

Ты рѣка моя рѣченька,
Ты рѣка моя быстрая, —
Быстрая, бережистая!
Во тебѣ, моя рѣченька
Много цвѣтнаго каменья
И съ *обрунцемъ* (?) и со яхонтомъ,
Одного камня нѣтъ, какъ нѣтъ.
У Василья гостей много,
У Григорьевича ихъ примножилося, —
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Нѣтъ кормильца-то батюшки.
Сподоблять свадьбу некому,
Снаряжать—неподумати.

Если матери нѣтъ, то поется:

1700.

Нѣтъ родимой да матушки и т. д.
Нѣтъ соколочка мила брателка,
Осѣдлать коня некому,
А запречь — и не подумати.

Невѣста сидитъ въ это время на главной лавкѣ, окруженная подружками и плачетъ:

1701.

«Свѣтъ мои сестрицы,
Вы сестрицы, голубушки,
Схороните меня за себя!
Вонъ идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплети-косу,
Вонъ идетъ потеряй-красу.»
Василій возговорилъ,
Григорьевичъ промолвилъ:
«Не я разоритель твой,
Не я погубитель твой.
Разоритель твой — сватъ большой,
Погубитель твой—тысяцкій,
Расплети-косу—свахонька,
Потеряй-красу—дружденька.»

Тутъ слѣдуетъ такъ называемая «продажа невѣсты». Братъ ея садится съ ней за столъ: онъ въ шапкѣ, она въ коронкѣ. Кромѣ ея за столомъ никого нѣтъ, хотя онъ и накрытъ для гостей. Дружка жениха насыпаетъ на подносъ серебряныя и мѣдныя монеты, кладетъ, если богатый— кредитки, даже золото и трясетъ ихъ на подносѣ, приговаривая: «Бьетъ челомъ нашъ князь молодой златомъ, серебромъ, драгоцѣннымъ каменьемъ.»

Передъ вѣнчаньемъ женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой. При его входѣ въ избу ему поютъ. Здѣсь дружка невѣсты загадываетъ загадки дружкѣ жениха, прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ вѣнцу. Это называется «продать невѣсту».

Дружка жениха, обращаясь къ дружкѣ невѣсты, спрашиваетъ:

«Чѣмъ торгуете? куницами, али лисицами, али красными дѣвицами?»

Дружка невѣсты:

— «Мы торгуемъ не куницами, не лисицами, а красными дѣвицами. Есть у нашей княгини молодой на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ двѣнадцать дѣвицъ, родныхъ сестрицъ: всѣ онѣ набѣлены, намазаны и къ дубу привязаны, подите и выбирайте изъ нихъ.»

Дружка ж.: «Мы ѣдемъ не по море-окіянъ, не на островъ буянъ, а мы ѣхали за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка н.: —«Ѣхали вы путемъ-дорогой, какъ проѣхали вы мои три заставы:? 1) Гора съ горой столкаючи, 2) огненная рѣка протекаючи, 3) на сорокъ верстъ войска разставлены.»

Дружка ж.: «Первую заставу конями топтали, другую заставу бичемъ расхлестали, а отъ третьей заставы — хлѣбомъ солью боронились.»

Дружка н: —«Гляжу на васъ и удивляюся, что вы за люди сюда наѣхали: съ моря ли ловцы, съ лѣсу ли вы стрѣльцы, или съ канавы лопатники?»

Дружка ж.: «Нѣтъ, мы не съ моря ловцы и не съ лѣсу стрѣльцы и не съ канавы лопатники, а мы иноземные купцы и пріѣхали сюда за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка н.: —«Сталъ я слѣпъ, подайте мнѣ свѣтъ!» (Подаютъ свѣчу). «Дайте мнѣ краше краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца!» (Подаютъ икону). «Дайте мнѣ посошокъ я и пойду подъ соштокъ». Ему подаютъ рюмку водки.»

Онъ уходитъ. На его мѣсто садится женихъ со свадебными чинами: тысяцкимъ, дружкой, свахой и другими.

Женихъ садится съ невѣстой за столъ, имъ поютъ:

1702.

Какъ сказали, что Василій не гулялъ,—
Въ эту зиму заходилъ онъ, гулялъ,
Заѣзжалъ онъ во высокій во теремъ,
Ай къ Авдотьѣ-то за занавѣсъ,
Ай къ Ивановнѣ за браный;
Онъ садился бочекъ о бочекъ,
Ужъ онъ бралъ да ручку объ ручку,
Прижималъ онъ да руку до больна,
Приломалъ онъ всѣ злачены перстни.
Какъ Авдотья-то расплакалася,
Ивановна разсудачилася:
Какъ да сказать батюшкѣ,
Доложить да родной матушкѣ?
Она брала три золоты ключи,
Отпирала она кованы ларцы,
Вынимала гармазинное сукно.
Василью то кафтанъ кроила,
Григорьевичу примѣривала,
Чтобы не долгъ, не коротокъ былъ,
Въ подолѣ былъ раструбистый,
Въ животѣ да былъ подхватистый,
Рукава съ накулашниками,
Чтобы не стыдно добру молодцу
На добра коня садитися
Во Божью да церковь ѣхати,
Златъ вѣнецъ да принимаючи
Чуденъ крестъ да цѣловаючи.

Жениху.

1703.

Не тéсанъ теремъ да не тесанъ.—
Сказывали Василій не ученъ.
Онъ выученъ, онъ выученъ
Ко тещѣ въ гости ходючи,
Къ Авдотьѣ гостинцы ношучи.
Гостинечки, сладки прянички,
Изюмъ ягодки да во бумагѣ,
Сладки прянички да во карманѣ.
Ай, сборы, сборы Авдотьины,
Соберала подружекъ ко себѣ,
Садила подружекъ за столы
Сама она садилась выше всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ.
Ай ну-те, подружки, горевати,
Какъ лихого свекра называти?
Звать, аль нѣтъ мнѣ свекра батюшкой.
Свекровушку звать ли матушкой,
Деверьицей звати братцами,
А золовушекъ звать сестрицами,
А милую ладу, ладушкой,
По имени звать Василіемъ,
По отчеству величать Григорьевичемъ.

Невѣстѣ.

1704.

Не тошно ли тебѣ да, Александра,
Не обидно ли тебѣ, да свѣтъ Ивановна,
Какъ чужая то родня да кругомъ сѣла:
Ужъ какъ дружка со подружкой съ чужой свахой,
Ужъ какъ тысяцкій да со боярами,
А сватъ большой да съ поѣзлянами,
Ужъ какъ князь молодой да со всѣмъ поѣздомъ?
Александра брату говорила,

Ивановна родному наказала:
«Поѣзжай ты, братецъ во торжочекъ,
Купи ты, братецъ соловейко,
Посадимъ мы соловья за рѣшетку,
Прикуемъ мы рѣшетку ко кроваткѣ,
Пусть поетъ соловей распѣваетъ,
Меня, молоду, утѣшаетъ
На дальной чужой сторонкѣ,
У чужого отца и у матери,
У чужого-то сына у отецкаго,
У Василья-то свѣта у Ивановича.

Покончивъ завтракъ, ѣдутъ къ вѣнцу. Женихъ и невѣста въ телѣгахъ, запряженныхъ парами лошадей, Къ дугамъ этихъ экипажей привязываютъ по два колокольчика къ каждой; въ гривы лошадей вплетаютъ разноцвѣтные ленточки.

Выходя изъ-за стола, чтобы ѣхать къ вѣнцу, невѣста тащитъ за собою со стола за уголъ скатерть, для того, чтобы всѣ подруги вышли замужъ вслѣдъ за ней. Послѣ благословенія женихъ быстро старается вывести невѣсту изъ дому, чтобы она по домѣ не скучала, а подруги въ свою очередь стараются удержать ее. Къ вѣнцу невѣсту ведутъ закрытою, а женихъ, напротивъ, долженъ ѣхать всю дорогу безъ шапки. Передъ выѣздомъ свадьбы изъ воротъ дружка очерчиваетъ по землѣ или по снѣгу (если зимою) крестъ.

Если невѣста или женихъ были больны чѣмъ нибудь, то родные, во время вѣнчанья ударяютъ три раза въ колоколъ, языкъ котораго обертываютъ полотенцемъ, чтобы хворость завѣнчалась. Если же брачующіеся были подвержены до брака припадкамъ, то тотчасъ же послѣ вѣнчанья они проводятся священникомъ черезъ трое дверей храма, хотя бы двери были и не на пути. Тогда, полагаютъ, припадки не повторятся.

Когда молодыхъ поведутъ кругомъ налоя, невѣста должна посмотрѣть на царскія врата, потомъ на жениха, чтобы дѣти были здоровы.

Послѣ вѣнчанья молодые ѣдутъ въ домъ молодаго. Какъ только ихъ поѣздъ остановится у подъѣзда, дѣвушки поютъ.

Въ дверяхъ дома ихъ встрѣчаетъ свекоръ съ пивомъ, а свекровь съ вѣкомъ, т. е. съ рѣшетомъ, въ которомъ лежитъ хлѣбъ и соль и подаетъ молодой, а та старается какъ можно смѣлѣе положить вѣко на столъ и осматриваетъ домъ смѣло и весело. Потомъ она съ мужемъ кланяются въ ноги родителямъ, а тѣ поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Затѣмъ она умывается, ее наряжаютъ въ кокошникъ, «окручиваютъ». Начинается торжественный пиръ, во время котораго поются пѣсни.

Молодые стоя, въ рукахъ съ подносомъ, на которомъ находится рюмка съ водкой и стаканъ съ пивомъ, чередуясь другъ съ другомъ, подносятъ, кланяясь низко, сначала гостямъ, а затѣмъ всѣмъ находящимся въ избѣ. Отпивъ немного изъ рюмки, гости говорятъ: «горько!» Молодые цѣлуются, *подслощаютъ.* Затѣмъ гость допиваетъ рюмку и кладетъ на подносъ монету. Надаренныя гостьми деньги поступаютъ въ личное распоряженіе невѣсты. По окончаніи пира невѣста даритъ жениха и его родственниковъ рубашками, полотенцами, платками, кланяясь каждому въ ноги и подноси на подносѣ вмѣстѣ съ подаркомъ рюмку водки. Принявшіе подарки въ свою очередь дарятъ невѣсту деньгами. Эта церемонія называется *«даровицею».* По окончаніи «даровицы» дружка жениха подымаетъ съ полу то одѣяло, на которомъ стояла невѣста во время церемоніи, трясетъ его и говоритъ въ слухъ: «всѣмъ ѣзда, одному . . .да».

Потомъ отводятъ молодыхъ *«на подклѣть»*— обыкновенно—въ клѣть или другую избу. Когда ихъ уложатъ спать на одну постель, дружка жениха ударяетъ кнутомъ молодую спрашивая: «съ кѣмъ спишь?» Она отвѣчаетъ имя и отчество жениха. Тоже онъ продѣлываетъ и съ молодымъ. Наконецъ молодыхъ оставляютъ однихъ.

Состоятельный женихъ устраиваетъ на другой день утромъ «княжескій столъ». На этотъ пиръ приглашаются родители невѣсты особымъ церемоніаломъ. Женихъ въ сопровожденіи своихъ дружекъ лично ѣдетъ ихъ звать. Теща устраиваетъ ему завтракъ: подаетъ яичницу и замѣчаетъ, какъ зять будетъ ее разрѣзывать. Если молодая была дѣвственница, то онъ рѣжетъ яичницу крестообразно, если же нѣтъ, то вырѣжетъ кругъ на срединѣ.

Еще нѣкоторые суевѣрные обряды и примѣты, относящіеся къ описанію свадьбы той же мѣстности.

Когда отправляются сватать, то вся семья въ домѣ жениха садится на дальную скамью на нѣсколько минутъ, потомъ встаетъ и молится Богу, послѣ чего сваты выходятъ изъ избы и хозяинъ на проводы ударяетъ ихъ шапкой по спинѣ, чтобы сватовство было удачно. Выходя изъ избы послѣ неудачнаго сватовства, главный сватъ ударяетъ каблукомъ въ порогъ, чтобы никто въ этомъ году сватать не пріѣзжалъ.

Во время свадьбы ничего никому взаймы не дается. Въ дни свадьбы жениху и невѣстѣ, а иногда и всѣмъ участвующимъ на пиру кладутъ въ сапоги льняное сѣмя, монеты и пр., чтобы колдуны не испортили здоровья вѣнчающихся и присутствующихъ.

Съ этой же цѣлью опоясывають молодыхъ мережкою, состоящею изъ девяти ячей, или нитью съ девятью узлами.

Особенно распространено привязываніе къ шейному кресту лоскутка бумажки, на которомъ написанъ псаломъ «Да воскреснетъ Богъ». Въ узелокъ вмѣстѣ съ молитвой кладутъ разныя травы—и все это противъ козней дьявола. Такіе узелки носятъ всѣ члены семьи какъ жениха, такъ и невѣсты. Какое значеніе придаетъ всему этому народъ видно изъ слѣдующаго случая: Женился сынъ церковнаго старосты (Антушевской церкви). Онъ грамотей; члены семьи предложили ему написать для каждаго изъ нихъ молитву «да воскреснетъ». Женихъ былъ въ ссорѣ съ женой брата. Онъ роздалъ по клочку написанной бумаги всѣмъ членамъ семьи, въ томъ числѣ и нелюбимой невѣсткѣ. Прошло много времени, случилась свадьба у сосѣда, который обратился къ вышеозначенной женщинѣ съ просьбой уступить ему молитву. Она сняла мѣшочекъ, который носила со дня свадьбы на шеѣ, какъ святыню, вынула бумажку и подала деверю. Каково же было ея изумленіе, когда ей прочли на бумажкѣ вмѣсто: «да воскреснетъ Богъ,» въ родѣ слѣдующаго: «чтобы околѣть коломъ, чтобы *огнёва* (горячка) забрала, чтобы змѣя груди насосала, чтобы высохла въ тонкую соломинку и т. п. проклятія.

Противъ порчи колдуновъ практикуютъ еще слѣдующее: берутъ, отъ колдуна же *«огородъ»* (мнимую защиту отъ злыхъ духовъ), который онъ нашептываетъ, большей частью, на соль, завязанную въ тряпку.

Невѣста не перемѣняетъ бѣлья съ самого дня просватанія вплоть до вѣнчанія, хотя бы этотъ промежутокъ продолжался цѣлые мѣсяцы.

Зап. П. Г. Вересовымъ и М. П. Вересовой.

Той же губерніи, Валдайскаго уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невѣсты; при входѣ въ избу крестится и кланяется на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невѣсты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, а онъ отвѣчаетъ: «Садиться не годится, и стоять не хорошо. Пришелъ я не кумиться, пришелъ я не свататься, а пришелъ побрататься: у тебя есть невѣста, а у меня женихъ. Нельзя ли свесть ихъ въ одно мѣсто?» Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ: «Невѣста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются *«смотрины.»* Женихъ къ этому времени приготовляетъ невѣстѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невѣста: онъ отдаетъ ей названные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчасъ же уходитъ за занавѣсъ. Женихъ и сватъ входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и крендели; потомъ сватъ, стоя за столомъ, начинаетъ выкликать къ водкѣ и закускѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невѣсты, словами:

«По новой по горенкѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ,—къ винной чаркѣ (имя рекъ).»

А послѣ призыва родственниковъ женихъ самъ начинаетъ выкликать невѣсту:

«По новой по горенкѣ, изъ-за задняго угла, изъ-за занавѣси круглой, изъ-за молодыхъ молодицъ, изъ-за красныхъ дѣвицъ, — ко винной чарѣ, къ золотой казны! Сама себя покажи, и насъ посмотри!»

Невѣста молча выходитъ изъ за занавѣса, поклонится жениху, поцалуетъ образа и уходитъ опять за занавѣсъ. Женихъ и сватъ уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ избу. Ихъ встрѣчаетъ невѣста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Затѣмъ женихъ, сватъ и другіе гости садятся за столъ и начинается ужинъ, а невѣста въ это время опять уходитъ за занавѣсъ. Послѣ ужина сватъ и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невѣстѣ за занавѣсъ и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ онъ беретъ невѣсту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По его уходѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

1705.

Ужъ какъ Маѳушка измѣнщица:
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,

Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

1706.

Сестрицы, голубушки!
Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
Снарядиться мнѣ есть во что,
Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, она начинаетъ плакать въ голосъ:

1707.

Пропила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку! и т. д.

Съ этими же словами она по очереди обращается къ каждому изъ членовъ своего семейства и затѣмъ садится на лавку и причитаетъ:

1708.

Ужь я сяду, молодешенька,
На свою тесову лавочку,
Подъ круглое окошечко;
Я пущу-то гулы звонкіе,
Недалеко, по поднебесью:
«Вы слетите, гулы звонкіе,
Вы слетите въ чужу сторону,
Ко моимъ-то ко милымъ сестрамъ!
Пусть постоскнутся, посгрустнутся,
Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,
Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
Со чужой-то со сторонушки
Поразмыкати кручинушку!»
— Я спрошу у милыхъ сестеръ:
Какъ мнѣ жить будетъ, молодешеньки,
Во чужой во сторонушкѣ,
Со чужимъ со чужанииомъ,
У чужаго отца съ матерью?
Какъ *упаковать*, [1]) улаживать на ихъ,
На своего-то супостателя?

[1]) Угодить, принаровиться, примѣниться. Слов. Даля.

Замужнія сестры невѣсты, если находятся тутъ, то поютъ:

1709.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать, улаживать
На чужаго отца съ матерью:
Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужъ ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый.

Этимъ кончаются смотрины. Дѣвушки прощаются съ невѣстой и расходятся по домамъ. Во время смотринъ, съ общаго согласія, назначается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе этого времени навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣвушки помогаютъ ей шить приданое, утѣшаютъ ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя, напримѣръ, слѣдующія:

1710.

Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Съ соловьями думу думала:
Соловьи ли вы, соловьюшки!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы снесите моей матушкѣ,
Моей матушкѣ низкой поклонъ,
Моему батюшкѣ челобитьице:
Не ждала бы меня родна матушка,
Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
Ни къ поздому меня завтраку,
Ни къ честному меня празднику.

1711.

Много, много, у сыраго у дуба,
Много листьевъ, много подлистьевъ,
Только нѣту у сыраго у дуба,
Золотой его вершиночки.

Много, много, у Анны души,
Много сродства и пріятелей,
Только нѣтъ у Анны души,
Что кормилица, родна батюшки:
Благословить-то ее некому
На чужую на сторонушку,
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому отцу, матери,
А проводить-то ее есть кому,
Есть и братья, и милы сестры,
Есть и милыя подруженьки.

1712.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало стадо лебединое,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка,
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щиплите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею.
Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
А другая шла молодушекъ;
Отставала Марья душа
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья душа
Ко толпы ли да молодушекъ,
Не умѣла Марья душа
На головушкѣ оправити, —
Ее стали люди хаити,
Ужъ какъ Марья стала плакати:
«Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня кони добрые, 2
Что Василья Аѳанасьевича.»

1713.

Охъ ты волюшка вольная,
Воля вольная, незаемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася.
Доставалась волюшка, доставалась вольная,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества:
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатествѣ,
Только есть она во тяжелой работушкѣ;
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

1714.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
Убита дорожка ковричкомъ:
Кто-жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
— Убивалъ эту дорожку Арсеній князь,
Ходючи и смотрючи Аграфену душу.
На бору, на бору, на клену,
Виситъ колыбелька на шелку,
Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
Приходилъ къ ей Арсеній князь,
Возговорилъ ей Михайловичъ:
«Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
Мои вѣрныя служаночки!
Качайте колыбель позыбчѣй,
Чтобъ увидѣть ей свекровъ дворъ
И свекровушкинъ теремъ!»
Какъ увидѣла Аграфена душа,
Очень она возрадовалась,
Увидавши свекровъ дворъ;
А еще она возрадовалась,
Что увидѣла она князя Арсенія,
Арсенія свѣтъ Михайловича.

Накануне свадьбы назначаются вечерины. Передъ вечеринами ведутъ невѣсту въ баню; за невѣстой приходятъ дѣвушки и начинаютъ звать ее въ баню:

«Просимъ милости пожаловать, во парну во баенку, подъ шелковый вѣночекъ, подъ бумажный листочекъ!

Невѣста обращаясь къ отцу причитаетъ:

1715.

«Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластошку, милу сестру,
Порасплесть мою русу косу,
По единому по волосу,
По могучимъ моимъ плечикамъ!»

Сестра начинаетъ расплетать, а невѣста не даетъ ей и говоритъ:

1716.

«Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкѣ!»

Послѣ этого невѣста сама же начинаетъ просить, чтобы ей расплели косу, причитая въ голосъ:

1717.

«Попрошу я, вамъ покланяюсь:
Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что мою ли косу дѣвичью,
И все красное дѣвичество!»

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

1718.

«Мнѣ не надоть, моя подруженька,
Мнѣ не надоть твоя руса коса:
Я возьму, снесу, русу косу,
Что во полюшко во чистое,
Во лужки-то во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣты-то во лазоревы:
Всѣ алы цвѣтики алѣются,
А моя коса увивается,
Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается.
Какъ пойдетъ твоя родима матушка!
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Да увидитъ твою русу косу,
Позавéрнется ейно ретиво сердце,
Позавéрнется крѣпче камушка.»

Невѣста остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Только что расплетутъ косу, къ невѣстѣ пойдетъ или сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаетъ:

1719.

Подымись, моя родна сестра,
Что идти-то въ парну баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1720.

Благослови, кормилецъ батюшка,
Что идти-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этими же словами она обращается и къ матери. Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

1721.

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразсыпься крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ!
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой!
«Ты кормилецъ, родной батюшка,
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?»
— «Для того я по утру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго».

Невѣста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

1722.

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ,

Ужъ по новымъ-то по сѣнечкамъ;
Я вхожу, кормилецъ батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да по чистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

1723.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку!
Лишь попеняю тебѣ, батюшка:
Какъ здынулись твои рученьки,
Благословить меня, молодешиньку?
Теперь благослови меня, родный батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

1724.

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за бариныя!

Отецъ благословляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдъ невѣста говоритъ:

1725.

Вы покушайте, мои подруженьки,
Что со мной-то, молодешинькой,
Мои послѣднія послѣдушки,
Мои остатніе остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

1726.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,
Что накормили меня сытешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подружинькамъ!

Затѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ образа, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

1727.

Не печалься, Мароа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужи люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свашеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

1728.

Всѣ кучера поразъѣдутся,
Всѣ свашеньки поразбйдутся,
Одна я, млада, остануся,
У чужого у чужанина,
У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ: «Теща про зятя пирогъ пекла», и пр. См. выше стр. 251—252.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

1729.

Похожу я, молодешинька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Поищу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешинька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У ихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ пріувязаны,
Золотымъ булавкамъ пріуколоты,
А у меня, у молодешиньки,
Алы ленточки растеряны,
Булавочки пораскидапы,
Буйна головушка растрепана,

Краса дѣвичья порастеряна.
Какъ поищу я своей красы дѣвичьей,
Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
Да во новой нашей горенкѣ:
Не нашла я красы дѣвичьей,
Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невѣста. Они садятся рядомъ въ передній уголъ, а дѣвушки имъ запоютъ:

1730.

Кто же у насъ умный,
Кто-жь у насъ разумный?
Арсеній у насъ умный,
Михайловичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ разцвѣтаетъ.
«Аграфена, выходи,
Свѣтъ Максимовна, выходи!»
— Аграфена выходила,
За бѣлы руки Арсенія брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару водки наливала,
Арсенію подавала,
Усердно просила:
«Выкушай, Арсеній князь!»
— «Я не пью вина хмѣльнаго,
Я не пью вина зеленаго;
Я дарую, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невѣста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невѣсту съ женихомъ, а жениха съ невѣстой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невѣста имъ причитаетъ:

1731.

Погодите, мои подруженьки,
Погодите, мои голубушки!
Мнѣ не долго, молодешинькѣ,
Провести часы, минуточки,
Что со вамъ, милы подруженьки,
Что со вамъ, мои голубушки;
Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
Одну ночку темну ночевати,
У своего кормильца, батюшки,
У своей ли родимой матушки.

Этимъ кончаются вечерины. Дѣвушки расходятся по домамъ, а невѣста плачетъ въ голосъ:

1732.

Охъ, рожденна моя матушка!
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки некладеные,
По утру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько.
Я не знаю, молодешинька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума.
Я о чемъ, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да вамъ покланяюсь:
Какъ пойдете вы, подруженьки,
На веселое гуляньице,
А моя ли то краса дѣвичья,
За вами погонится,
За тонкой рукавъ ухватится,—
А возьмите, да мои подруженьки,
Да мою-то красу дѣвичью,
И ввяжите въ алы ленточки,
Пускай съ вами покрасуется!
А еще, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да покланяюсь:
Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихну золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешиньку!

На другой день назначается свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, приготовляется къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

1733.

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранымъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣлешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горючимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспалось ли родной матушки,
Проспала-ль она эту ноченьку?
А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,

Не спалась мнѣ темна ночинька,
Не спала я, думу думала:
Подошли-то морозы лютые,
Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготовляетъ столъ, такъ называемый «Княжій». Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

1734.

Вереюшки пошатнулися,
Вороточки распахнулися,
Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
А ужъ Аграфенушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ нову горенку вошелъ,
Ужъ какъ Аграфенушку за рученьку беретъ,
Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней ножки подкосилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужъ какъ Аграфена ужахнулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время пріѣзжаютъ дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

1735.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
Ты возми-сь-ко-ся саблю вострую,
Засѣки пути, дороженьки,
Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Да еще горькимъ осинничкомъ,
Чтобы не напали мои недруги:
Разлучатъ они меня, молодешиньку,
Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
Да и съ милымъ подруженькамъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ дружки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Дружки. — Мы дружки, вѣрные служки, отъ князя молодаго, отъ Арсенія Михайловича.

Братъ. «Просимъ милости войти!

Дружки. —Намъ нѣкогда: мы пріѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ. «Готова.»

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени опять пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки. «Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ»?

Дѣвушки. — Есть.

Дружки. «Дайте намъ дубоваго стола, поставить нашего князя подъ святые образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ: «Что вы за люди»?

Дѣвушки. —Молодой княгиньи вѣрныя служаночки.

Дружки. «Гдѣ же княгинья? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена»?

Дѣвушки. —Наша княгинья въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ.

Дружки. «Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ».

Дѣвушки. —Дайте намъ золотой казны!

(Дружки кидаютъ мѣдныя деньги.)

Дѣвушки. —«Наша княгинья больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть мéленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ износили, косу княгиньи расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти».

Дружки высыпаютъ на столъ серебро.

Дѣвушки. —«Нашей княгиньи руса коса стоитъ больше этихъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей княгини вотъ какія деньги есть, а за эти ваши стеклы не отдадутъ невѣсты».

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: «покажите намъ кто краснѣя красна солнышка, кто свѣтлѣе свѣтла мѣсяца».

Дружки выводятъ жениха на середину избы.

Дѣвушки. — «Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать со двора!

Дружки даютъ имъ пирогъ, чашку пива и мѣдную деньгу и говорятъ: «Дайте намъ стола, у насъ хлѣбъ-соль своя». Съ этими словами они сажаютъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невѣстой, ставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку и угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ и невѣстиныхъ родныхъ. Когда они кончаютъ, то невѣста говоритъ:

«Невѣстина хлѣбъ-соль тоже не поганая!» И подаетъ три какія-нибудь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ передъ каждымъ, и всякій, кто ихъ ѣстъ, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ-за стола, поютъ величальныя пѣсни жениху, невѣстѣ и поѣзжанамъ, сидящимъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ничего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать. Въ это время дѣвушки поютъ:

1736.

Да ужь кто-жь тебѣ, Арсеній князь,
Чесалъ буйну голову,
Завивалъ тебѣ русы кудри?
— Чесала родная матушка,
Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряжену,
По Аграфену-то Максимовну. —
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запоютъ:

1737.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій.
Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
Да за занавѣсь заглядывалъ,
Все за шитую, за браную,
Онъ высматривалъ, выглядывалъ,
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;
Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать.
Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
«Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ,
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ снова запоютъ:

1738.

Тебѣ спасибо, князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть —
Отъ тебя дары пошли,
Оть тебя великіе,
Съ поклономъ съ низкіимъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни сваха вкладываетъ руку невѣсты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невѣстѣ. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдаютъ, дружки говорятъ отцу и матери невѣсты:

«Умѣли дитя воскормити, умѣйте и благословити!» и обращаясь ко всѣмъ, онъ продолжаетъ:

«Званные, избранные, благословите!

Невѣста при этихъ словахъ заплачетъ въ голосъ:

1739.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатества;
Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословѐньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невѣста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ ихъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ уводитъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

1740.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Ударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
«Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.
Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Пріударь во колоколъ,
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Арсеньева матушка,
Услыхавши, возрадовалась:
«Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Со крупнымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ дружки, за ними женихъ съ посаженымъ отцомъ, который называется тысяцкимъ, въ третьихъ саняхъ ѣдутъ бояре, а сзади всѣхъ невѣста со свахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется «возилой». Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невѣста даетъ ему полотенце. Это повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже взрослые мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ имъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ закрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше, женихъ, или невѣста, запоютъ извѣстную уже пѣсню:

1741.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало стадо лебединное и т. д.

А за ней поютъ слѣдующую:

1742.

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
«Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто-жь тебѣ отъ роду милъ?»
— «А милъ мнѣ, миленекъ, родный батюшка,
Помилѣе того родна матушка.»
— «А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная.
Скажи, скажи, Аграфенушка, правду всю,
Скажи, скажи, Максимовна, истинную!»
«Я скажу, младешинька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенекъ, Михайловичъ!»
— Вотъ это Аграфенушка, правда твоя!
Вотъ это, Максимовна, все истинная.

Затѣмъ молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать въ клѣть, а сваха и свекровь начинаетъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые вернутся изъ клѣти, то свекровь начинаетъ раздаривать изъ сундука дары роднымъ, а невѣста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины, а молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ месть избу, и въ это время бросаютъ ей деньги.

Этимъ кончается свадьба..... Всѣ разъѣзжаются.

Сообщ. мѣстн. помѣщикомъ К. М. Шашкинымъ.

VI. Псковской губерніи.

а) Свадебный обрядъ въ городѣ Псковѣ.

Лѣтъ 30 назадъ [1]) купцы и мѣщане во Псковѣ справляли свадьбы по старинѣ: съ хоромъ дѣвицъ, пѣснями, плясками, праздновали на распашку, нѣсколько дней сряду, и угощали званыхъ и незваныхъ «сахарными» яствами. Бѣднякъ не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ богача: онъ такъ же шибко могъ попраздновать на своей свадьбѣ на счетъ своихъ же гостей, потому что каждый гость присылалъ бѣдняку, по возможности, съѣстные припасы и другія угощенія.

Когда добрый молодецъ задумывалъ, бывало, жениться, онъ долженъ былъ прійти къ отцу, къ матери, поклониться имъ въ ноги и объявить, «что, молъ, батюшка и матушка, вотъ такъ и такъ, хочу я жениться, на такой-то дѣвицѣ». А иногда случалось, что отецъ съ матерью сами предлагали сыну жениться. Какъ бы тамъ ни было, только, со стороны родителей, посылалась ближняя ихъ родственница, а иногда и сама мать ходила къ родителямъ невѣсты. Сватья обыкновенно рѣчь заводила издали: спрашивала о здоровьѣ дочери-лебедушки; говорила, что дѣвки — вороги, а времена-то, вишь, какія: того и смотри, какъ нибудь проступится, отцу съ матерью глаза занавѣситъ. А отецъ съ матерью уже съ первыхъ ея словъ смекали, на что бьетъ сватьюшка, потчивали ее кофеемъ да сладкой водочкой. Потолковавши такимъ образомъ и отвѣдавши кофейку и сладкой водочки, сватья приступала къ дѣлу: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ, добрый молодецъ, Иванъ Ивановичъ, съ краснаго ряду, сынокъ-соколокъ Ивана Карпыча, дѣтина — кровь съ молокомъ, смирный, послушмяный и достатку имѣетъ.» И пойдетъ размасливать, только слушай. «Коли есть ваше согласіе, такъ позвольте намъ посмотрѣться!» Отецъ и мать невѣсты благодарили обыкновенно сватью за честь, и просили дать время подумать, хотя бы и рады-радешеньки были отдать дочку за такого жениха, но приличіе требовало не сейчасъ соглашаться на предложеніе. «Вѣдь она намъ не чужая (говорятъ отецъ и мать), а своя родная, поена и воскормлена, не наскучила она намъ: пусть живетъ себѣ съ Богомъ! да и сродственники есть у насъ! нужно посовѣтоваться, да и у добрыхъ людей поразспросить... а мы пришлемъ тебѣ вѣсточку.» И отправляется сватья къ жениху, и считаютъ дѣло уже конченнымъ. Если же случалось, что родители невѣсты не думаютъ отдавать дочери за предлагаемаго жениха, то вотъ какъ они отдѣлываютъ сватью: «Да ты, матушка, туда ли зашла? Не заблудилась-ли?» — «Я то, батюшка, слава Тебѣ Господи, не рехнулась еще ума-разума», отвѣчаетъ сватья. — «То-то, голубушка: сдается, что не туда попала». — «Власть ваша, а честь не безчестье вашей дочушки... затѣмъ и прощенія просимъ!» И идетъ сконфуженная сватья, и на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ гордеца щелкопера.

Родители невѣсты, получивъ предложеніе отъ сватьи, созывали своихъ родственниковъ и разсуждали съ ними: стоющій ли человѣкъ женихъ, или нѣтъ. Если рѣшеніе было въ пользу жениха, то вскорѣ же ему давалось знать, что онъ можетъ прійти на «сглядины», т. е., посмотрѣть невѣсту. Женихъ отправлялся къ невѣстѣ со сватьей, родителями и старшими родственниками, обыкновенно, — вечеромъ. Невѣста выходила къ гостямъ вскорѣ послѣ прихода ихъ, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ была поставлена водка, потчивала прежде жениха, и при этомъ-то женихъ долженъ былъ хорошенько разсматривать будущую свою сожительницу и вывѣдывать ея умъ-разумъ. Онъ отказывался отъ водки, говорилъ, что не пьетъ, а если пьетъ, то самую малость, да и то теперь не хочетъ, потому что пилъ недавно; невѣста, бывало, его упрашиваетъ и не отойдетъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не приметъ рюмку. Потомъ невѣста обносила всѣхъ прочихъ гостей. и затѣмъ потчивала кофеемъ, чаемъ, вареньемъ, или плодами, и при этомъ повторялась та же исторія, какъ и съ водкою: женихъ и гости отказывались, а невѣста упрашивала. Попотчивавши гостей, она ни минуты не оставалась съ ними, такъ что женихъ видѣлъ ее только съ подносомъ въ рукахъ. Занимать гостей должны были родители невѣсты. Посидѣвши нѣсколько времени, женихъ, не попрощавшись съ хозяевами, выходилъ со всѣми родственниками въ сѣни передать свое мнѣніе о невѣстѣ; если она понравилась, то вся компанія возвращалась въ горницу, и сватья, выступивши впередъ, говорила невѣстинымъ «родителямъ:» «Ну, съ нашей стороны все, слава Богу! какъ съ вашей?» Если и со стороны невѣсты также — слава Богу, тогда начинались «смолвины» и назначался день для «положенія» или рукобитія. Но когда невѣста не понравится жениху, онъ, потолковавши въ сѣняхъ со своими родственниками, прямо отпра-

[1]) Эта статья написана въ концѣ 50-хъ годовъ. Ш.

вялся домой; а если женихъ не понравился невѣстѣ, то родители объявляли, что нынѣшній годъ, они раздумали отдавать замужъ свою дочку; или: что они еще не справились и т. п. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы свадьба разстроивалась послѣ «сглядинъ».

Въ промежутокъ времени отъ помолвки до вечеринокъ, невѣста отъ скуки, сядетъ, бывало, на лавкѣ въ переднемъ углу съ подружками, и поютъ:

1743.

Свѣтъ мой, родной батюшка!
Государыня, родная матушка!
Благословите мнѣ зазвать дорогихъ гостей:
Своего крестнаго батюшку,
Свою крестную матушку,
И своихъ всѣхъ сродцевъ пріятелей!
Сударь мой, родной батюшка,
Пожалѣй меня, молодешеньку!
Не пожалѣй своихъ добрыхъ коней,
Дай погулять мнѣ красной дѣвушкѣ,
Александрѣ Ивановнѣ!

Отецъ не отказывалъ, давалъ лошадей. Невѣста съ подружками выѣзжали за околицу; дорогой онѣ пѣли:

1744.

Поля ли мои, поля чистыя,
Лужки мои зеленые,
Травушки шелковые,
Цвѣтки мои лазоревые!
Любила я по вамъ гулять,
Я по вамъ гулять, красоватися,
Своей путевой косой выхвалятися;
Ужъ одна была у меня коса,
Да двѣ волюшки,
Двѣ волюшки, и обѣ вольныя;
Хоть двѣ у меня будетъ косы,
Да одна волюшка,
Одна волюшка, и та невольная.

Заѣдутъ звать гостей. Когда впустятъ ихъ въ сѣни, онѣ кланялись за порогомъ и пѣли:

1745.

Покорно благодаримъ Т. Осиповна,
Что отперла скоро намъ новую горенку,
Не познобила меня съ милымъ подружкамъ,
Съ милымъ подружкамъ во новыхъ саняхъ!
Назябнусь я, молодешенька, у чужово батюшки,
У чужова батюшки, у чужой матушки.

Войдя въ избу онѣ пѣли хозяйкѣ:

1746.

Позволь, свѣтъ Т. Осиповна,
Къ мому батюшкѣ на бесѣдушку,
Ко мнѣ, къ дѣвушкѣ, къ дубову столу.

Хозяйка надѣляла невѣсту повоемъ. Тоже пѣли вездѣ, куда заѣзжали. Сирота ѣздила *по матку* и *по батьку* на погостъ. Пойдутъ въ церковь, помолятся, а потомъ идутъ на могилку: невѣста плачетъ голосно, что придетъ на умъ, а подружки поютъ:

1747.

Вы завѣйте, вѣтры буйные,
Вы развѣйте всѣ желты пески!
Ты раскройся, мать, сыра земля,
Оттворися гробова доска!
Ты возстань, мой родный батюшка,
На свои на скоры ноженьки!
Ты раскрой свои очи ясныя,
Погляди ты на меня, сиротинушку,
Своимъ очамъ яснымъ!

На вечеринкѣ, какъ только, бывало, дружка посадитъ жениха за столъ, дѣвушки запоютъ:

1748.

Боже, благослови, Христосъ,
Игру заигрывати,
Игру свадебную!
Боже, благослови, Христосъ,
Столы разставливати!
Боже, благослови, Христосъ,
Скатерти разстилывати!
Боже, благослови, Христосъ,
Хлѣбъ-соль на столы нести,
Ѣства сахарныя, меды обарные!

Затѣмъ садилась за столъ невѣста съ подружками, крестной матерью и гостями и пѣвицы начинали пѣть по порядку величальныя пѣсни:

Жениху.

1749.

«Дородный молодецъ, Михаилъ Андреевичъ!
Скажи, пожалуй, намъ про свою про матушку.
Про свою про матушку, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ ее по имени да Александрою,
Величаютъ по отчинѣ да свѣтъ Яковлевной:
У ней тѣло бумажное, кость лебединая,
Жемчуги скатные голову обломили,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Самоцвѣтны каменья—весь теремъ освѣтили,
Монисты золоты—бѣлу шею ломили,
Башмачки парчевы, скобки золочены;
Ковали скобушки въ Ярославлѣ городѣ,
Золотили скобушки посередъ красной Москвы,
Во Псковъ привозили, въ ряды выносили,
Въ ряды выносили, цѣну накладали;
Никто на скобушки цѣны не наложилъ,
Только цѣну наложилъ мое милое дитятко:
Даетъ за скобушки и сто, и тысячу,
И сто и тысячу, и стольные городы,
И это тыи скобушки моей родной матушки,
Моей родной матушки, Александры Яковлевны:
Пусть, пусть, красуется моя родна матушка
По пирамъ, по бесѣдамъ, по дѣвичьимъ вечерамъ,
Пусть, пусть, дивуются всѣ князи и бояре,
Всѣ князи, бояре, всякіе люди розные!

Родной сестрѣ.

1750.

«Скажи мнѣ, пожалуй-ста, наша мила подружка,
Наша мила подружка, наша лебедь бѣлая,
Про свою сестрицу, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ ее по имени Авдотьюшкой,
Величаютъ по отчинѣ Ивановной:
У ней тѣло бумажное, кости лебединыя,
Походка куничка, поговорка бѣлкина,
У ней слово сто рублей, а другое тысячу,
Жемчуги скатные голову обломили,
Сережки яхонтовы — лицо разгорѣлося».

(Продолженіе какъ въ предыдущей).

Невѣстѣ.

1751.

Наша княгиня душа, Агафья Ивановна!
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Монисты золоты—шею обломили;
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Тѣло бумажное, кости лебединыя,
Со бровей соболь бѣжитъ, со очей соколъ летитъ,
Повздыханье бѣлкино,—поговорка куничка,
Повздохнетъ—въ сто рублевъ,
Проговоритъ—въ тысячу.

Батькѣ крестному.

1752.

Наша княгиня душа,
Агафья Ивановна!
Скажи намъ про батюшку,
Про свово про крестнова».
— «У меня свѣтъ батюшка,
Петръ Семеновичъ,
По любови позванъ,
Во чести посаженъ
За дубовы столики,
За скатерти бранныя,
За питье медовое,
За ѣства сахарныя».

Передъ входомъ дружки и жениха.

1753.

Не буйны вѣтры понавѣяли, —
Незнакомые гости понаѣхали,
Новыя сѣни пообломили.
Чѣмъ-то мнѣ, молодешенькѣ,
Гостей потчивати?
Нѣтъ у меня пива, вина,
Меду ставленова.

Когда невѣста дарить гостей.

1754.

Пахала [1]) Александра душа да трои сѣни:
«Не боюся я гостей изъ Новагорода,

[1]) Мела.

Не боюся я гостей изъ красной Москвы,—
Только я боюсь гостей изъ славнаго Опскова:
Тыи меня гости полономъ полонятъ,
Полономъ полонятъ, во полонъ берутъ.

1755.

На дворѣ, матушки, что ни дождь, ни роса,
Въ теремѣ мила теща бояръ дарила:
Камкой, тафтой, золотой парчой,
Милова зятя вѣковѣчнымъ даромъ,
Вѣковѣчнымъ даромъ, своей дочерью.

Когда невѣста даритъ жениха.

1756.

Па́вою по морю плыла,
Бѣлою лебедушкою да воскрикнула:
«Есть ли у Великой—рѣки перевощички?
Перевезли-бъ меня, молодешеньку, на ту сторону?»
Никто на тотъ голосокъ отвѣту не далъ,
Только отвѣтъ держитъ Михайло князь:
«Я по тебя соколомъ прилечу,
Соколомъ прилечу, подъ крыломъ унесу».
—«Я съ соколомъ и сама полечу».

Еще поютъ на вечеринкахъ.

1757.

Милые наши вы колодизи!
Дѣвки съ васъ, молодицы съ васъ,
Воду черпали, крутую гору поли́вали.
На той горѣ высокъ теремъ стоитъ,
А во томъ теремѣ Александра сидитъ,
Шьетъ она шитьицо все бумажное;
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, самый большій братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Сего дня твой подвѣнечный день!»
—«Большему брату я вѣры не понела.»
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, средній братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Ужъ твой богосуженый середи двора!»
— Середнему брату я вѣры не понела.»
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, самый малый братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Ужъ твой богосуженый среди терема!»
Бросила она шитьицо за дубовый столъ:
«Я тебѣ, матушка, не ключница,
Я тебѣ, родимая, не ларечница,
А я ключница, я ларечница,
Чужому батюшкѣ, чужой матушкѣ.»

1758.

«Не выплывай, сѣра утушка, съ зеленой тросты!»
— Выплыла сѣра утушка съ зеленой тросты [1]),
Стала Александра душа среди терема,
Среди терема, середь матушкина.
Матушка къ Александры души да припадываетъ,
Матушка в' Александры души да выспрашиваетъ:
«Будешь ли ты, Александра душа, да ко мнѣ ночевать?»
—«Не буду я, матушка, и часу часовать:
Я тебѣ, матушка, не ключница,
Я тебѣ не ключница, не ларечница,
А я ключница, я ларечница, чужому батюшки,
Чужому батюшки, чужой матушки.»

1759.

Не пей ты, милая подружка, княжескова меду:
Княжовъ медъ обманчивъ живетъ;
Лучше пропей свой золотъ вѣнокъ:
Золотъ вѣнокъ мы опять наживемъ,
А тебя, милой подружки, намъ и въ вѣкъ не нажить.

1760.

Мы тебѣ, сестрица душа, безъ людей говоримъ,
А при людяхъ мы тебя на умъ поучимъ:
Пойдешь ты, сестрица душа, во чужи люди,
Держи ты головушку да поклонливую,
Гетивое сердечушко да покорливое
Не тебя кликнутъ—ты откликнися!
Не тебя пошлютъ—ты сама пойди!

1761.

Злодѣй измѣнщица, наша мила подружка!
Вчера съ намъ, сестрица, сидѣла во темномъ куту,
Во темномъ куту, за бѣльчастой завѣсой,
Одну думу думала, одну рѣчь говорила:
«Не пойду я, сестрица, изъ за темнаго кута,
Изъ за темнаго кута, изъ за бѣльчастой завѣсы.»
А сего дня, сестрица, сидишь въ большомъ углу,

---

[1]) Въ сл. Даля: *троста́* — болотное, колѣнчатое растеніе, arundo diographis, phalaris, камышъ и т. д.

Сидишь во большомъ углу, съ дороднымъ молодцомъ;
Надъ вамъ Божія милость, подъ вамъ шитой коверъ;
Шила, вышивала, душа красна дѣвица. —
Кабы знала да вѣдала, что дородну молодцу,
Я-бъ шелковъ убавила, золотца прибавила.

1762.

Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Проси за сестрицу и сто, и тысячу,
И сто, и тысячу, и стольные городы!
Здравствуй, братецъ свѣтъ, да продавши сестру,
Съ главнымъ городомъ, да съ шелашкою,
Съ добрымъ домикомъ, да съ дубиною!

1763.

По сѣнямъ было, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Да тутъ ходила, гуляла,
Тутъ гуляла красна дѣвица
Она ходючи, погуливала,
Своего дружка побуживала:
«Ахъ ты встань-ко, проснись, молодецъ,
Пробудись душа, отецкій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ тово столба точенова,
Отъ колечка серебренова,
Отъ витова, позолоченова;
Онъ ворвался въ зеленой садъ,
Притопталъ онъ въ саду травушку,
Все зеленую муравушку,
И калину со малиною,
Черну ягоду смородину.» —
— «Ты не плачь, моя душенька:
Если Богъ насъ помилуетъ,
Государь насъ пожалуетъ,
Наживемъ сады зеленые,
И калину со малиною,
Черну ягоду смородину.»

1764.

Въ Окіянѣ-городѣ трое новые вороты,
Къ тѣмъ ко воротичкамъ приходила дѣвица,
Приходила дѣвица, Авдотья Ивановна:
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Пропустите меня, дѣвицу, къ Окіяну-городу,
Къ Окіяну-городу, за лѣса дремучіе,
За лѣса дремучіе, да къ *Акаю*-мѣсяцу,
Къ Акаю-мѣсяцу, да къ орлу подъ крылышко!»
У орла подъ крылышкомъ душа красна дѣвица.
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Закладайте повозки, догоняйте корабли!
Вотъ вамъ по колечку, вотъ вамъ по доброму:
Первый корабличекъ со скатнымъ жемчугомъ,
А другой кораблпчекъ со златомъ, серебромъ,
А третій кораблпчекъ съ душой красной дѣвицей;
Вы злато, серебро, по себѣ раздѣлите,
Вы скатны жемчуги по женамъ развѣсите,
А душу красну дѣвицу вы мнѣ пожалуйте!»

1765.

Мила теща мила зятя у себя ночевать унимаетъ:
«Есть у меня кроваточка тесовая,
Кроватка тесовая и перинка пуховая,
Перинка пуховая, одѣяло соболиное.»
— «Не ночую, не ночую: меня матушка ожидаетъ,
Меня матушка ожидаетъ, широки ворота отворяетъ,
Широки ворота отворяетъ, пухову перину растилаетъ.»

1766.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про свово про братца, про свово вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ его Михайломъ, величаютъ Алексѣевичемъ.
Зашла туча да сахарная,
Выпала роса среди терема,
Среди терема свѣтъ Александрина,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«О чемъ ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Или твоя богосужная да не выросла?
Или у тебя бѣлоярый хмель да повывелся?
Или у тебя солоды да не выросли?
Или росли, росли, да переросли?»
— «Росла богосуженая, да и замужъ пошла. —
Осталися у насъ дѣвушки что ни лучшія.
Зайди ты къ намъ, братецъ свѣтъ, за завѣсу,
Выбери изъ сорока что ни лучшую,
Кая тонка, высока, кая бѣла, румяна,
Кая очамъ быстра, кая бровямъ черна,
А обычая, разума, мы не вѣдаемъ.
Охвочь ты, братецъ, да во рынкѣ гулять,
Зайди ты, братецъ свѣтъ, во шелковый рядъ,
Купи ты, братецъ свѣтъ, шелковую плеть,

Устегни ты богосуженую по бѣлу тѣлу,
Обычья, разума, ты ея увѣдаешь.
Благодарствуй, братецъ свѣтъ, на твоихъ подарочкахъ,
Намъ не дороги дары, намъ дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливы.
В' умнаго батюшки и дитя умно:
Научивши дитя и въ пиръ пустилъ.»
— Не успѣли пѣсни спѣть, намъ дары несутъ,
Намъ дары несутъ, намъ великіе.

Опѣваютъ холостаго.

1767.

«Молодая барыня, Александра Яковлевна!
Скажи мнѣ, пожалуй-ста, про свово про братчика,
Про свово про братчика, про свово вѣнчальнаго:
Ево какъ по имени величать, по отчинѣ,
Величать по отчинѣ, по великому чину.»
— «Зовутъ его по имени Иванъ Васильевичъ.
Взошла туча да сахарная,
Выпала роса середи терема,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«Отъ чего ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Жаль намъ тебя—изгуляешься:
Сыръ молодой да по блюдечкамъ,
Сладкій медъ да по бутылочкамъ,
Зелено вино да по шкляночкамъ,
Винны ягоды по тарелочкамъ.
Или твоя богосужная да не выросла,
Иль росла, росла, да переросла?»

(Окончаніе какъ въ предыдущемъ №).

Въ концѣ обѣда жениха, когда подадутъ гуся и обносятъ виномъ гостей.

1768.

Ягода со ягодой сокатилася.
. . . . [1])
Александра душа, да гдѣ-жь ты была? —
Яхонтикъ, Василій князь, во твоемъ саду,
Виноградъ щипала въ твою шапочку.
Дѣвицы-игрицы, души красны дѣвицы!
Или вы не знаете, кто возлѣ меня,
Кто стоитъ возлѣ меня да по правую сторону?
Стоитъ возлѣ меня дородный молодецъ,
— Дородный молодецъ, Иванъ Васильевичъ,
Онъ по улушкѣ идетъ, что буенъ вѣтеръ вѣетъ.

[1]) Записавшій, видно, пропустилъ здѣсь цѣлый стихъ.

1769.

Катился виноградъ да по загородью,
Дружка ведетъ молодово князя да по застолью,
Ведши его, да на мѣсто сажалъ,
На мѣсто сажалъ, серебромъ надѣлялъ,
Серебромъ надѣлялъ, Божьей милостью.

1770.

Сиди ты, мила подружка, остерегивайся!
Возлѣ тебя сидитъ сорви-вѣнокъ,
Сорви-вѣнокъ и згай-голова
Згай-голова и разсыпь-коса.
Не держи, князь молодой, снѣгу за рукавами,
Не осыпай головушки Агаѳьиной:
Была головушка, какъ макъ черна,
Стала головушка, какъ снѣгъ бѣла.

1771.

Тихо вы, бояре, снаряжаетесь,
Позднято вечера дожидаетесь,
Ночь темна, да не мѣсячна;
Не портьте, бояре, типариса дерева,
Типарису дереву три угодья надобны.

1772.

Выйду-ль я, сирота, на крутой крылецъ,
Обопрусь я, сирота, объ перилочки,
Я крикну, сирота, громкимъ голосомъ,
Отголоски я пущу въ темны лѣса,
Изъ темныхъ лѣсовъ пущу ко Божьей церкви,
Что къ родимому, родному батюшкѣ,
Чтобъ спѣшили ко мнѣ на сиротину свадебку.

1773.

«Не сиди, матушка, у долгова пира!
Снаряжай свадебку Михайлову!»
— «У меня свадебка сонаряжена:
Сорокъ варей пива сварено,
Сорокъ курей вина скурено,
Сорокъ печей пироговъ спечено,
А что больше того, мелкихъ пряженцевъ.»

На могилкѣ.

1774.

Вы развейте, вѣтры буйные,
Разнесите вы, пески желтые,
Ты раздуйся, мать, сыра земля,
Разшепися, гробова доска,
Размахнитесь, ручки бѣлыя,
Проглянште, очи ясныя!
Я пришла къ тебѣ просить не имѣньица,
Не имѣньица, не богатества, —
Я пришла къ тебѣ просить благословенія:
Благослови меня, батюшка, ко суду Божію пойти:
У суда Божья мнѣ стоять страшнешенько,
У золота вѣнка скоры ножки ломятся,
Ретиво сердце ужахается.

1775.

Вдова молодая, жена богомольная,
Охвоча вдовушка къ заутренѣ ходить,
Ко заутрени ходить и Богу молиться:
Первый разъ я молилась о своемъ здоровьѣ,
А второй разъ молилась о любимыхъ дѣтушкахъ:
Создай, Господи, много Божьей милости,
Много Божьей милости супротиву добраго!
Не крапь, не крапь, дождецъ маленькой!
Не обмочи шубы соболиныя на вдовѣ молодой!
Благодарствуй, матушка, на твоихъ подарочкахъ!

Вѣнчальнымъ отцу и матери.

1776.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про свово батюшку, про свово вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
—«Зовутъ Дмитріемъ, величаютъ Семенычемъ:
Онъ по улушкѣ идетъ, какъ буенъ вѣтеръ вѣетъ,
У воротъ колотится, будто туча грозная,
По круту крыльцу идетъ бѣлымъ горностаюшкомъ,
Въ новы сѣни идетъ дорожнымъ молодцомъ;
Противъ раю раменье, растворилась горница,
Растворилась горница—дубовая столовая.
Выходила изъ горницы его молода жена,
Молода боярыня, Марья Семеновна,
За ручку принимала, въ уста цѣловала,
Въ уста цѣловала, душой называла,
Душой называла, сама слово молвила:
«Поди, мой душенька, дородный молодецъ,
Дородный молодецъ, Дмитрій Семеновичъ!
Куда же ты ѣздилъ, куда Богъ носилъ?»
—«Ѣздилъ я, душенька, съ города да по городу,
Закупалъ я, душенька, куницы да соболи,
Куницы да соболи и бобры осистые,
И бобры осистые, кораблями по морю.
Я за стрѣчу добрую сошью тебѣ кунью шубу,
Я за слово ласково солью тебѣ златъ перстень.»
—«Я за тотъ золотъ перстень рожу сына съ дочерью;
Надо сыну съ дочерью колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую, на цѣпяхъ брекучую.»
—Благодарствуй батюшка на твоихъ подарочкахъ:
Намъ не дороги дары, дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливы.

Сиротѣ.

1777.

Рѣчки-ль мои, рѣчушки!
Вы течете, не сколыхнетесь,
По бережку не разбльетесь.
Съ желтымъ пескомъ не размутитесь.
Наша мила подружка сидитъ не улыбнется.—
Глядитъ—не усмѣхнется.
Отъ чего мнѣ смѣятися?
У меня полонъ дворъ да каретъ стоитъ,
Полна горница да гостей сидитъ,
А всѣ у меня гости званые,
Родимые, любимые,
И всѣ званые, родимые,
Одного лишь гостя нѣтъ, какъ нѣтъ,
Одного гостя любимова,
Мово батюшки родимова.
Вы, сестрицы мои, ластушки!
Вы пойдете-ко Божьей церкви,
Вы ударьте трижды въ колоколъ
Побудите мово батюшку,
Вы скажите мому батюшкѣ,
Что не красна моя свадебка:
Отпустить-то меня есть кому,
Надѣлить-то меня не кому.

Когда поѣзжане пріѣзжаютъ къ невѣстѣ.

1778.

«На чемъ ты, друженька, поле ѣзжалъ?»
—«Изъѣзжалъ я, красны дѣвушки, на добромъ конѣ.
Конь подо мною да въ сто рублей,
Плеть да узда—что въ тысячу,
А самому друженькѣ цѣны нѣтути.

Если хорошо даритъ за величанье.

1779.

Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
На сладкихъ пряничкахъ, на сахарныхъ яблочкахъ,
На сахарныхъ яблочкахъ, на орѣшкахъ щелканцахъ;
Намъ не дороги дары, дорога намъ честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливыя:
Сулишь алтынами, даришь полтинами,
А намъ гривна золота дѣвкамъ на бѣлилички,
А другая серебра дѣвкамъ на румянички.

Если худо даритъ за величанье.

1780.

Вечеръ ты, друженька, у насъ ночевалъ,
У насъ ночевалъ, да блинъ укралъ.
Ты блинъ укралъ, да жены сослалъ.
Не подымай, друженька, высоко головы,
Не считай ты, друженька, на печи пироги!
У насъ пироги не про васъ печены,
Печены пироги да про своихъ гостей!
Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
Сулилъ полтиной, дарилъ алтыномъ;
Ужъ тебѣ тыи деньги да не скопите,
И женѣ ферезей да не купите,
И женѣ ферезей да не носите.

Когда невѣста сидитъ за столомъ до вѣнца.

1781.

Расшаталась въ саду грушенька,
Какъ расплакалась Авдотья душа,
Передъ матушкой стоючи:
«Ты, родимая матушка!
Что нельзя-ль думу отдумати?
Что меня замужъ не выдати!»
—«Мнѣ нельзя думу отдумати:
По рукамъ у насъ ударено,
Въ росписяхъ у насъ написано.

Когда отецъ и мать крестные невѣсты чешутъ ей голову.

1782.

На синемъ на морѣ двѣ утки плавали, —
Въ высокомъ теремѣ двѣ сестрицы плакали,
Александра плакала, а Марьюшка тѣшила:
«Не плачь, сестрица душа, не плачь, родимая!
Ты снеси свою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево!»

Когда мать чешетъ голову невѣстѣ.

1783.

Государыня ты, родимая матушка!
Учеши мою буйную головушку! —
Учесала-бъ я сама буйную головушку,
Я-бъ сама заплела русу косу:
Мои бѣлыя ручки не здымаются,
Ретивое сердечушко ужахнулося,
Слышучи невзгоду великую.

1784.

Жемчужное челушко [1]) за шею гоняется,
За шею гоняется, за косу хватается,
Кругъ частая коса: ужо-ль ты моя? —
—«И то я не твоя, а Божья да матушкина.»

1785.

Спасибо тебѣ, сестрица лебедушка,
Что учесала ты мнѣ буйну головушку,
И заплела ты мнѣ русу косу,
И заплевши, мнѣ насмѣялася,
Будто я не умѣю головы чесать!

За столомъ, когда распустятъ косу невѣстѣ.

1786.

Вы раздайтесь, расшенитесь, люди добрые,
Что на всѣ ли, на четыре, на сторонушки!
Вы снесите мою красу да въ чисто поле,
Вы повѣсьте мою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево:
Пускай-пусть, красуется береза бѣлая,
Береза бѣлая, кудряво дерево,
Пускай дивуются всѣ князи, бояре,
Князи, бояре, господа посадскіе,
Господа посадскіе, господа купечество,
Господа купечество, господа приказные,
Господа приказные, и вси люди разные!

---

[1]) Лента.

Женихъ ведетъ невѣсту къ вѣнцу.

1787.

Увели, увели, нашу милу подружку,
Нашу милу подружку, нашу лебедь бѣлую,
Нашу лебедь бѣлую, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ воскормлену,
Калачомъ воскормлену, и сытой выпоену.
Береги ты, князь молодой, нашу подружку,
Нашу милу подружку, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ воскормлену,
Калачомъ воскормлену, и сытой выпоену:
Не давай печалиться, не давай кручиниться!

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

б) Деревенская свадьба Псковскаго уѣзда.

Рукобитье тоже, что и въ городѣ: также становятъ на вывороченную шубу въ большомъ углу, благословляютъ и дарятъ. Во время сватовства отецъ невѣсты выговариваетъ у родственниковъ, или отца жениха, на покруту, т. е., на одежду невѣсты, рублей десять ассигнаціями; деньги эти привозитъ женихъ на рукобитье и отдаетъ отцу невѣсты. До рукобитья бываютъ «сглядины». Прежде отъ рукобитья до свадьбы не было вечеринокъ, а нынѣ заводятся. На рукобитье женихъ привозитъ гостинцы: водку, пироги и проч.

Чины свадебные.

Дружка, со стороны жениха, всегда съ плетью подъ кушакомъ на правой сторонѣ, черезъ плечо утиральникъ. Это лицо завѣдываетъ свадебнымъ обрядомъ.

Тысяцкій — почетное лицо, вся обязанность его состоитъ въ томъ, что онъ ѣздитъ съ дружкою.

Вѣнчальный батька, вѣнчальная матка, сестры женихова и невѣстины. Батька съ маткою держатъ вѣнцы. Батька жениховъ долженъ заплатить за свѣчи, — невѣстинъ за вѣнчаніе. Матка вѣнчальная кладетъ въ церкви подъ ноги молодыхъ, если богата, платокъ, а не то—поясъ, или кусокъ холстины. Послѣ вѣнчанья все поступаетъ въ пользу дьячковъ.

Братья жениха и невѣсты. Обязанность ихъ подымать молодыхъ, когда они кланяются въ ноги, а сестры сидятъ около молодой, или молодаго, и поютъ.

Со стороны невѣсты также бываетъ дружка, который только отпуститъ невѣсту, а самъ остается дома.

Въ день свадьбы женихъ, имѣя на лѣвой рукѣ платокъ, подарокъ невѣсты, пріѣзжаетъ со всѣми гостями къ невѣстѣ; дружка впереди. Дружка жениховъ со всѣми поѣзжанами входитъ на крыльцо, а дружка невѣстинъ запираетъ дверь сѣней изнутри.

Дружка жениха стучится въ дверь и спрашиваетъ:

«Есть ли въ домѣ хозяинъ?»

Дружка невѣстинъ:

— На что тебѣ хозяинъ? Что вы есть за люди?

Др. ж.: «Мы люди пріѣзжіе, хотѣли здѣсь въ хозяина лошадей покормить.»

Др. н.: — У насъ лошадей кормить негдѣ, а вотъ на краю деревни есть мужикъ богатый, Степанъ Кривой, у него дворъ большой, тамъ есть гдѣ покормить, а у насъ есть княгиня молодая: мы ждемъ князя молодого.

Др. ж.: «А мы тыи самые люди и есть: у насъ князь молодой, пріѣхалъ съ княгиней молодой повидаться».

Др. н.: — А наша княгиня молодая по синю морю гуляла и въ море золотые ключи опустила, отпереть-то двери нечѣмъ.

Др. ж.: «А нашъ князь молодой рыбку ловилъ и золотые ключи въ тенета поймалъ и къ невѣстѣ привезъ. Посмотрите-ко не ваши ли?»

Дружка невѣсты отпираетъ дверь и говоритъ: «Ну, показывайте-тка ключи!» Дружка жениха показываетъ бутылку съ водкой. Тутъ дружки цѣлуются, всѣ здороваются и на порогѣ пьютъ; дружка невѣсты также почтуетъ поѣзжанъ водкой. (При поѣздѣ лошадей покрываютъ простынями, привязываютъ къ дугамъ колокольчикъ, а также убираютъ лошадей платками).

Входятъ въ избу. Въ избѣ столъ стоитъ поперекъ, т. е., противъ дверей, подъ краснымъ окномъ, за столомъ сидитъ на лавкѣ, на подушкѣ, невѣста, по бокамъ ея двѣ подружки. Надъ невѣстою, на стѣнѣ виситъ образъ надѣльный, передъ нимъ свѣчка, вокругъ образа повѣшено полотенце на гвоздикахъ.

Подружки невѣсты поютъ свадебныя пѣсни.

Въ день вѣнчанья.

Дружка, обращаясь къ подругамъ невѣсты, говоритъ: «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!»—«У насъ молодая дорога, стоитъ сто тысяца».—«У насъ не за деньгами дѣло»; вынимаетъ деньги и кладетъ на блюдо, или на столъ». — «Нѣтъ, этого мало!» Дружка прибавляетъ денегъ. Когда торгъ конченъ, дружка подноситъ дѣвушкамъ водки и даетъ на закуску пряниковъ. Дѣвки возьмутъ деньги, потомъ охватятъ молодую, поютъ и плачутъ, цѣлуются и прощаются. Послѣ этого дѣвки отходятъ въ сторону. Дружка впереди ведетъ жениха по лавкѣ за руку, а братъ его несетъ, также по лавкѣ, подушку, а сзади ихъ по лавкѣ скачутъ. Невѣста встаетъ и стоитъ за столомъ, а отецъ ставитъ жениховъ образъ къ невѣстиному и зажигаетъ свѣчи. Дружка беретъ отъ брата невѣсты подушку, кладетъ ее на невѣстину, и садится на эти подушки. Тутъ отецъ невѣсты долженъ попотчивать его водкой, при чемъ онъ встаетъ, бьетъ плетью крестообразно подушки три раза и сажаетъ на нихъ жениха и невѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ гости садятся за столъ, предварительно подымаясь и опускаясь три раза. Тутъ ихъ потчуютъ водкою, пирогами, пивомъ и чѣмъ Богъ послалъ; дѣвки поютъ и опѣваютъ, сперва жениховыхъ поѣзжанъ, а потомъ и прочихъ гостей.

Женихъ расплетаетъ косу (узлы), снимаетъ ленту-косоплетку, кладетъ ее на блюдо. Старшая подружка носитъ красу три раза взадъ и впередъ къ двери и потомъ отдаетъ ее родной матери. Кто нибудь изъ родственницъ подноситъ дары невѣстины жениху и всѣмъ его поѣзжанамъ по очереди, говоря: Вамъ верешокъ, а намъ корешокъ!», забираетъ всѣ блюда, каждый кто беретъ назначенный подарокъ, кладетъ деньги.

По окончаніи этой обрядности дружка выводитъ жениха, а женихъ невѣсту къ образамъ, молятся Богу, благодарятъ хозяина за хлѣбъ-соль. Дружка ведетъ жениха и невѣсту подъ полку, ставитъ ихъ лицомъ къ двери, самъ становится противъ нихъ и бьетъ въ полку плетью и говоритъ: «Во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницы, за дубовыми столами, за бранными скатертями, за ѣствами сахарными, за медами обарными, есть ли у нашей княгини молодой батюшка родной (имя)»? Отецъ откликается: «Есть»!— Дружка: «Батюшка (имя) родной! Могъ ты своего милаго дитя воспоить и воскормить и уму-разуму научить, то моги теперича простить и благословить и золотой казной надѣлить, и въ дальну путь-дороженьку отпустить, со своимъ богосуженымъ къ золоту вѣнцу!» Отецъ выходитъ, беретъ хлѣбъ съ солью, а также образъ невѣстинъ, и благословляетъ жениха и невѣсту. Они перекрестившись, цѣлуютъ образъ, кланяются отцу и матери въ ноги и цѣлуются. Мать беретъ хлѣбъ-соль и кладетъ въ сундукъ съ приданымъ. (Приданое везетъ братъ, или кто нибудь изъ родственниковъ невѣсты, когда невѣста съ женихомъ поѣдутъ къ вѣнцу). Они садятся на сундукъ, пріѣзжаютъ къ дому жениха и не отдаютъ приданаго, пока ихъ не попотчуютъ. Дѣвки опѣваютъ ихъ.

Женихъ и невѣста выходятъ, дружка сажаетъ ихъ на сани и они выѣзжаютъ за околицу. Дружка оставляетъ ихъ и всѣхъ поѣзжанъ въ полѣ съ батькой, или тысяцкимъ, а самъ поворачиваетъ свою лошадь назадъ, пріѣзжаетъ къ свату (отцу невѣсты) и проситъ его и *кошниковъ* (слѣпыхъ) въ гости къ жениху: «Просимъ покорно къ нашему князю молодому хлѣба-соли покушать, бѣлаго лебедя порушать». Дружку и батьку потчуютъ водкою. Тогда дружка возвращается къ поѣзду, обходитъ три раза вокругъ своего поѣзда и, подойдя къ своей лошади, вырываетъ изъ гривы клочекъ волосъ, плетью креститъ три раза дорогу и кладетъ клочекъ волосъ подъ жениха. Во время ѣзды бабы поютъ. Въ деревняхъ, гдѣ поѣздъ проѣзжаетъ запираютъ ворота, дѣвки деревенскія опѣваютъ жениха, имъ даютъ деньги, а мужикамъ водку, чтобы отворили ворота (на дорогѣ вѣники, солома, огонь). Дружка вводитъ въ церковь жениха, а женихъ невѣсту. Послѣ вѣнчанья матка родная повязываетъ невѣсту повойникомъ въ церкви, или въ хатѣ за занавѣсомъ, а женихъ въ это время сидитъ на лавкѣ. Затѣмъ ѣдутъ домой.

Жениха и невѣсту дѣвки встрѣчаютъ съ пѣснями, отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ, въ вывороченныхъ шубахъ, оттворяютъ ворота, впускаютъ во дворъ, осыпаютъ жениха, невѣсту и поѣзжанъ хмелемъ и житомъ. Молодыхъ ведутъ въ подъизбицу, или во хлѣвъ, гдѣ приготовлена постель: тамъ ихъ кормятъ. Гости же садятся за столъ, и въ половинѣ стола дружка приводитъ жениха и сажаетъ его за столъ на мѣстѣ, надъ которымъ висятъ надѣльные образа и горятъ свѣчи, и говоритъ: «Батюшка и матушка! Любо ли вамъ приведеніе мое»? Отецъ жениха говоритъ: «Мнѣ любо, но нужно посмотрѣть». Дружка: «Право имѣешь посмотрѣть». Отецъ беретъ кнутъ, снимаетъ кнутомъ покрывало, обводитъ его три раза вокругъ головъ молодыхъ и бѣжитъ съ платкомъ за двери. Гости стараются отнять платокъ. Если это имъ удастся, то отецъ долженъ ихъ попотчивать, и тогда ему отдаютъ платокъ. Дѣвки начинаютъ опѣвать молодыхъ и по-

ѣзжанъ невѣстиныхъ. Одна дѣвка подходитъ къ опѣтому съ блюдомъ. Тотъ говоритъ: «Надо поровнять полъ!» Дѣвка одна, или съ кѣмъ либо изъ гостей, пляшетъ; потомъ опѣтый даетъ деньги; его снова опѣваютъ съ благодарностью, или бранью, смотря по количеству денегъ. По окончаніи стола дружка ведетъ молодыхъ въ опочивальню. Баба, которая стлала постель, ложится туда сама и не пускаетъ молодыхъ, пока молодая не подаритъ ее чѣмъ либо. Молодая разуваетъ мужа, тотъ не даетъ снимать сапоговъ (загнетъ пальцы вверхъ); она кланяется ему въ ноги.

Утромъ молодыхъ будятъ, къ перехваткѣ, потчуютъ всѣхъ блинами, печь которые заставляютъ молодую. Она кланяется свекрови, или невѣсткѣ, въ ноги, чтобы та спекла, и даритъ ей за это повойникъ. Затѣмъ молодая ходитъ за водой. Ей проливаютъ воду,—она отдаривается. Поѣвши блиновъ, дружка поставитъ молодыхъ подъ полку на солому, лицомъ къ столу, беретъ плеть, а братъ жениха становится съ тарелкой, а кто либо изъ родственниковъ съ пивомъ, или съ водкой. Дружка колотитъ плетью объ полку и призываетъ отца женихова. Отецъ входитъ. Дружка: «Батюшка родной (имя)! У нашего князя новобрачнаго и княгини новобрачной головка съ низкимъ поклономъ, ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ (кто держитъ, наливаетъ водку, или пива): просимъ покорно рюмочку принять и выкушать и донушко позолотить». Отецъ беретъ рюмку, прикушаетъ и говоритъ: «Ребяты, горько!» Молодые цѣлуются: «Дай-ко и мнѣ помолодѣть!» Молодые цѣлуютъ и его, кланяются въ ноги и лежатъ. Дружка спрашиваетъ у отца: «Не было-ль у тебя какого горя?» Отецъ разсказываетъ, какъ ѣздилъ къ отцу невѣсты сватать, какъ доставалъ деньги у С....., какъ упрашивалъ попа, потомъ, въ заключеніе, говоритъ: «Больше не было горя: вставайте, молодые!» Они встаютъ. Онъ кладетъ деньги въ рюмку; братъ вытряхиваетъ деньги на блюдо. Потомъ дружка призываетъ такимъ же образомъ и мать, и гостей, изъ коихъ каждый поступаетъ такимъ же образомъ. Когда всѣхъ выкликнутъ, братъ отдаетъ всѣ собранныя деньги жениху, или невѣстѣ. Потомъ слѣдуетъ обѣдъ (поклонный столъ), по окончаніи котораго всѣ разъѣзжаются по своимъ домамъ. За поклоннымъ столомъ, на отца или мать, крестныхъ надѣваютъ хомутъ; родные отецъ и мать здѣсь не бываютъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы молодые съ родными своими ѣдутъ къ отцу молодой. За обѣдомъ послѣднее кушанье, яичница, ставится передъ молодымъ, и если молодая оказалась нечестною, то онъ вырѣзаетъ посрединѣ этой яичницы дырку, въ которую и плюнетъ. На другой день молодые возвращаются съ родными невѣсты къ молодому на «переводины», гдѣ и пируютъ весь день, иногда и ночуютъ.

Свадебныя пѣсни той же губ., разныхъ уѣздовъ.

1788.

Боже благослови, Христосъ,
Игру заигрывать,
Игру свадебную,
И хлѣбъ-соль на столъ нести,
И князя за столъ вести!

За столомъ, на сговорѣ.

1789.

Не ель въ бору зашаталася, —
Дочка къ матери спаряжалася,
Она тремъ мыламъ вымывалася,
Первымъ мыличкомъ
Со бѣлиличкомъ,
Вторымъ мыличкомъ
Со румяничкомъ
Третьимъ мыличкомъ
Со горячимъ слезамъ.

Въ домѣ жениха.

1790.

Родимый батюшка!
Приманись къ сыну своему родному,
И учеши его гладкую головушку!
У меня ли, у молодца,
Руки не здымаются,
Сердце ужахается.

Всѣ 3 деревни Остенко, Пск. у.

1791.

«Дороденъ молодецъ,
Нашъ князь молоденькій!
Смѣть ли у тебя спросить,
Изволишь ли говорить,
Про свово братца вѣнчальнаго?
Какъ звать по имени,
Взвеличать по отчинѣ?»
— «Его зовутъ Петръ Ивановичъ.»

Когда жениха благословляютъ его родители.

1792.

Благословлялось солнышко
У свѣтла мѣсяца, —
Благословлялся князь молодой
У родного батюшки.

Обѣ прихода Кривичи (Псковск. у.).

Въ домѣ жениха, передъ тѣмъ, когда ѣхать за невѣстой въ церковь, дружка говоритъ тѣмъ дѣвицамъ, которыя собрались опѣвать:

1793.

Въ чесномъ дому,
Въ чесномъ пиру,
Въ чесномъ пированьи,
Во свѣтлой свѣтлицѣ
И во свѣтлой горницѣ,
Вы, красныя дѣвицы,
Хорошія пѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Не шумите,
Не гамоните,
Потихоньку говорите!
Дай мнѣ, дружкѣ,
Вѣрному служкѣ,
Слово вымолвить.

(Тамъ же).

Когда женихъ уже на дворѣ невѣсты.

1794.

Выскочила и выбѣгла
Теща ласковая,
Вынесла братыню [1])
Пива пьянаго:
Вылей пиво,
Коню на гриву!

Когда женихъ входитъ въ избу.

1795.

Почернѣлъ на головушкѣ,
Золотой вѣнокъ [2])
Алы ленточки.
Они слышучи непогодочку:
Что быть моей головушкѣ
Расчесанной,
А русой косѣ
Поразсыпанной.

[1]) Чару, большую кружку.
[2]) Лента съ газомъ: ее носитъ въ Псковскомъ уѣздѣ всякая дѣвица крестьянка.

Когда женихъ идетъ въ сѣни дома невѣсты.

1796.

Матушка! Бьется соколъ,
Въ избу летучи,
Съ горенки до горенки,
Переходы лежатъ,
По этѣмъ переходичкамъ
Бояре ишли, все бояре,
Все бояре молодые,
И молодежь все хорошая:
Бояре въ бархатѣ,
Самъ князь въ золотѣ.

Когда женихъ входитъ въ избу, невѣста съ подружками плачетъ слѣдующими словами:

1797.

Не гости къ намъ идутъ и не пріятели,
Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцомъ съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ племенемъ,
И увозятъ меня невѣдомо куда.

Въ домѣ невѣсты.

1798.

Не стой, друженька, долго въ терему!
Не зноби друженька, бояръ во полѣ!
Намъ не жаль бояръ во полѣ,
Только жаль молодаго князя:
Нашъ князь перезябъ, передрогъ,
А княгиня наша переплакалась.

1799.

Не видали-ль дѣвушки,
Какъ соколъ тучей влетѣлъ,
Соболемъ по лавкѣ ишелъ,
Молодцомъ на мѣсто сѣлъ?

Всѣ 6 Псковскаго уѣзда, прихода Кривичи.

1800.

На горѣ лужокъ зеленешенекъ,
У меня дружокъ молодешенекъ;
Пойдемъ, дружокъ, веселимъ дружокъ:
Ты со гуслями, а я съ ладушками:
Не быть гуслямъ противъ ладушки,
Не быть свекру противъ батюшки.

Деревня Остенко.

1801.

Былъ бы за завѣсой,
Цѣловалъ боярыню,
Цѣловалъ боярыню
Въ лѣву сторону:
Воротися, князь молодой,
Поцѣлуй во правую!

Талабской островъ.

1802.

Дородный добрый молодецъ!
Не дари меня, молодешеньку, дорогимъ даромъ.
Боюся принимать роднаго батюшки,
Опасаюся родной матушки.

Тамъ же.

1803.

Не пей, ты милая подружка, княжова меду!
Княжовъ медъ обманчивъ живетъ;
Лучше пропей свой золотъ вѣнокъ:
Золотъ вѣнокъ мы опять наживемъ,
А тебя, милой подружки, намъ и вѣкъ не нажить.

Псковскаго уѣзда.

1804.

Не въ золоту ли трубочку я трубила?
Свекоръ батюшка по сѣнёчкамъ гуляетъ,
Любиму невѣстушку свою пробужаетъ:
«Пора тебѣ, невѣстушка, вставати,
Пора, время, бѣлый ленъ полоти!»
— «Полоть мнѣ, батюшка, не съ кѣмъ:
Тебя ли позвать, ты не пойдешь,
Хоть и пойдешь, ничего не наработаешь
На межушкѣ больше ты пролежишь.

Тамъ же.

1805.

Не стой, друженька, долго въ терему,
Не здымай, друженька, высоко головы,
Не мечай, друженька, пироговъ на печи:
У насъ пироги не про васъ печены,
Не про васъ печены, а про своихъ гостей.

Когда молодые ѣдутъ съ погоста.

1806.

Потихоньку, бояры,
Съ горы спускайтеся:
Не споткнулся бы конь вороной,
Не свалился бы князь молодой,
Не свалилъ бы шапочки
Съ буйной головушки,
Не уронилъ бы плетушки
Съ правой руки.
Мой братецъ миленькій,
Голубчикъ бѣленькій!
Возьми правую возжу,
Возьми въ лѣвую руку,
Пріударь добраго коня,
При пути-дороженьки,
При широкой улицы,
Чтобы добрые кони разбѣжалися,
А люди бы сдивовалися!

Когда молодые пріѣдутъ ко двору.

1807.

У нашего князя
Дворы широкіе,
Терема высокіе;
У нашего князя
Много пива варено,
И вина накурено.
«Любо-ль тебѣ, матушка,
Приведенье мое?
Любо, такъ на дворъ пусти,
А не любо, назадъ отошли!»
—На жениховомъ дворѣ
И черна смородушка:
Налетятъ лебедушки,
И клюютъ смородушку;
Одна лебедушка
Не клюетъ смородушки;
Пала лебедушка
Въ тоску, кручинушку,
По своей по волюшкѣ,
По родимой сторонушкѣ.

Когда молодые входятъ на крыльцо и ихъ осыпаютъ житомъ.

1808.

Дружка идетъ,
И князя ведетъ;
Князь идетъ,
И княгиню ведетъ;
Позади княгини
Посыпальня сестра,
Сыплетъ она,
Посыпаетъ она,
И житомъ, и хмелемъ:
Пусть отъ жита—
Житье доброе,
А отъ хмеля—
Весела голова!

Когда молодыхъ вводятъ въ избу, дѣвицы поютъ молодой:

1809.

Поди-тка нѣженка,
Поди-тка дроченка, [1])
Нѣжёха батюшкина,
Дрочёха матушкина!
Ужо-ль ты вынѣжелась?
Ужо-ль ты выдрочелась?
Про тебя, про нѣженку,
Трои жерны новые,
Про тебя, про дроченку,
Ведры дубовыя.

Вѣнчальному брату, если онъ не женатый.

1810.

Зашла туча сахарная,
Пала роса среди терема,
Слышати братца не женатаго:
«Что ты братецъ долго не женишься?
Ты даромъ сгуляешься;
Или у тебя богосуженой нѣтъ?
Росла твоя богосуженая,
Росла и переросла,
И замужъ пошла.
Зайди, завернись, къ намъ,
Во дѣвичій рядъ,
И выбирай изъ насъ,
Изъ сорока, самолучшую!»

[1]) Глаженая, ласковая.

1811.

На дворѣ матушки что ни дождь, ни роса,
Въ теремѣ мила теща бояръ дарила,
Камкой, тафтой, золотой парчой,
Милаго зятя вѣковѣчнымъ даромъ,
Вѣковѣчнымъ даромъ своей дочерью!

Тамъ же.

1812.

Нашъ князь молоденькой!
Скажи намъ про своего братца,
Про братца, про гостиньку,
Что-жь холостъ и долго не женишься?
Али тебѣ, молодцу, жена не выросла?
Приходи къ намъ за завѣсы,
Мы дадимъ тѣ красавицу;
А какъ въ твово братцика
Голова кудрявая,
Вилися кудерцы
Черезъ право плецико.

Тамъ же.

Когда просватанная дѣвушка идетъ на могилу родительскую со своими подружечками.

1813.

Ахъ, вы свѣтъ, мои сестрицы,
Милы подружки!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Да на улушку!
Вы идете-ка, сестрицы,
Не спѣшитеся,
Вы слѣдочки-то кладите
По частешеньку,
Засыпайте вы слѣдочки
Злой кручинушкой,
Заливайте вы слѣдочки
Горючимъ слезамъ!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Ко Божьей церкви,
Мы помолимъ-те-сь, сестрицы,
Всѣмъ святителямъ,
Мы поклонимъ-те-сь, сестрицы,
Всѣмъ родителямъ,
И государю моему,
Родному батюшкѣ.

Когда дружка покупаетъ невѣсту у ея брата.

1814.

Ты не плачь, не тужи, мила подружка,
Не плачь, не тужи, наша лебедь бѣлая!
Въ тѣ поры наплачешься,
Когда будетъ братъ коня сѣдлать,—
Тогда плачь, приплакивай,
Ко стременамъ припадывай:
Ты, мой братецъ миленькій,
Сизъ голубчикъ бѣленькій!
Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Проси за сестрицу и сто и тысячу,
И сто, и тысячу: и столичны городы!
Не мечись, братецъ, на орѣшки щелканцы,
На орѣшки щелканцы, на червивыя яблочки.

Когда братъ продаетъ сестру дружкѣ, послѣдній сажаетъ ее съ женихомъ, а дѣвушки поютъ:

1815.

Здравствуй, братъ дорогой,
Продавши сестру,
За орѣшки щолканцы,
За червивыя яблочки,
Со кривымъ конемъ,
Со дубиною!

1816.

Вейся, капуста,
Завивайся бѣла, зелена!
Вечеркомъ на капусту,
Съ утра рано на бѣлую, на мою
Частый дождикъ нападаетъ,
Бѣлую, зеленую, ломаетъ.
Молодецъ дѣвицу выбираетъ,
Выбираетъ, вызываетъ.
У нашей Дуни много думы,
У красавицы заботы,
Гдѣ-бъ съ милымъ повидаться,
Чтобъ на вѣкъ съ нимъ не разстаться.

1817.

Стояли кóмони,[1]) понибши головы,
Не ѣли комони сѣна зеленаго, овса ядренаго,
Не пили комони воды студеной:
Слышали комони дальнюю дорожку,
Повозку тяжелую съ душой красной дѣвушкой,
Потихоньку, бояры, съ горы спускайтеся,
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева!
Въ кипарисномъ деревцѣ было три угодійца:
Первое угодье—трое пчелы ярыя,
Другое угодійце—звончатые гусельцы,
Третіе угодійце—душа красна дѣвица.
Съ душой красной дѣвицой мнѣ вѣкъ вѣковати,
Съ душой красной дѣвицей темну ночь коротати.

[1]) Лошади.

1818.

По лугу, лужочку, по крутому бережочку,
Ходила, гуляла, тамъ вдовушка молодая,
Она плакала, рыдала, сама слезно причитала,
Глядѣла, смотрѣла, на свои высокія хоромы:
«Хороши хоромушки, развысокіе теремушки!
Что-жь все хоромушки, непокрытыя стоите?
Аль вамъ, хоромушки, хозяина нѣтъ?
А мнѣ молодой вдовы нѣту милаго дружка!
Росла въ саду ягода, все калина со малиной:
Не быть той калинушки сопроти ягоды малины,
Не быть чужому батюшкѣ сопроти своего родимова.

1819.

Ясный соколъ,
Не летай высоко!
Не бери рука въ руку,
Не сжимай перстовъ,
Не ломай перстневъ!
Не ты мнѣ купилъ,
Не ты золотилъ,
А мнѣ батюшка купилъ,
Мнѣ родимый золотилъ.

Всѣ 8 Островскаго уѣзда.

1820.

Гдѣ ты, хмелекъ, зимовалъ,
Что не развивался?
Гдѣ ты, парень, почевалъ,
Что не разувался? —
Почевалъ я, моя мать,
Въ зеленой лѣсинѣ,
Загадывалъ разувать
Молодой дѣвчинѣ;
Зеленая лѣсинушка
Всею ночь прошумѣла,
Молода дѣвчинушка
Разуть не хотѣла.

Опочковск. у. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

в) Свадебныя пѣсни той-же губ., Великолуцк. у., въ с. Ѳедорцовѣ.

На дѣвичникѣ, во ожиданіи жениха, поютъ:

1821.

У воротъ береза стояла,
По двору княгиня гуляла,
Верхи съ березы ломала:
Ты постой, береза, безъ верха,
Поживи, матушка, безъ меня,
Когда я тебѣ *напрокутила* [1])
Своимъ подружкамъ дѣвушкамъ,
Своимъ умомъ, разумомъ,
Своей красотой дѣвичьей,
Своей косой русою.

1822.

Помнишь ли ты, Дарьюшка,
Помнишь ли ты, Антоновна,
Какъ тебѣ казывали?
Не ўставай, Дарьюшка,
Не ўставай по утру рано,
Не чеши буйну голову,
Не плети 2 да русой косы,
Не выходи на крутой крылецъ,
Не слушай 2 звончастыхъ гуслей:
Эти гусли 2 переманчиваты,
Переманютъ 2 на чужу сторону,
Къ чужому батюшку, къ чужой матушкѣ.

1823.

Ай военъ, военъ Иванъ же князь! 2
Ёнъ одинъ на войну не ѣзживалъ, 2
Ёнъ ўсё со дружьямъ со боярами,
Ёнъ ўсе со князьямъ со товарищамъ 2
Ёнъ посѣкъ березу при пути,
Проколилъ медыню при лузи,
Побралъ ягоду въ сыромъ бору,
Ёнъ не далъ березы раскинуться,
Ёнъ не далъ медыни разцвѣсти,
Ёнъ не далъ ягоды дозрѣть,
Ёнъ не далъ княгини дорости,
Дорости княгинѣ за мной молодцомъ,
За мной молодцомъ, за моей красотой.

[1]) Напроказила, наскучила.

1824.

Какъ во сыромъ бору пролегала дороженька,
Дороженька широкая, раскатистая,
По той по дорожинькѣ сивогривый конь бѣжитъ,
Ву́здушку срываючи, сѣдельце сбиваючи,
Впереди коня идетъ молодая княгинюшка,
Во сугонь гонится да Иванъ Васильевичъ,
Ёнъ кричалъ, воскрикивалъ, своимъ громкимъ голосомъ,
Своимъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:
«Дарья Антоновна, перейми доброва коня!
Не давай узды снимать, не давай сѣдла сбивать,
Вуздушка тесмянная, да сидельце черкаское!» 2—
— «Иванъ Васильевичъ, я бы рада перенять, —
Я боюсь роднова батюшки, тулюсь родной матушки.»
— «Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся свово батюшки,
Ты не бойся батюшки, не тулися родной матушки,
Ты побойся молодца, Ивана Васильевича.
Какъ и есть у меня, молодца, шелковая плеточка,
Шелковая плеточка погрознѣй твово батюшки,
Погрознѣй твово батюшки, потульнѣй твоей матушки.

Въ самый день свадьбы въ домѣ жениха всѣ гости съ утра усаживаются за столъ, дружка беретъ два ржаные пирожка въ обѣ руки и, прихлопывая одинъ о другой, поетъ слѣдующую пѣсню:

1825.

а) Благослови меня, Боженька, [1])
Свадебку начать!
Благослови меня
На весело утро,
Подь на помочь
Свадьбу играть-починать!
Скуй 3 намъ,
Крѣпако на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
Люди судютъ,
Не разсудютъ;
Вѣтромъ вѣетъ,
Не развѣетъ;
Дожжичкомъ мочитъ,
Не размочитъ.
Ай далеко, въ чистомъ полѣ,
Протекала рѣка,

[1]) «Боженька» повторяется послѣ каждаго стиха.

Какъ за той быстрой рѣки
Три Апостола:
Первый Апостолъ —
Сама Мать Богородица,
Другой Апостолъ —
Воскресенье Свѣтлое,
Третій Апостолъ —
Кузьма и Демьянъ.
Яры свѣчи топятся.
Люди Богу молятся.

1826.

б) Далеко, во чистомъ полѣ,
Протекла быстра рѣка,
За той за быстрой рѣкой,
Крутая гора,
На той на крутой горѣ,
Божья церковь,
Во той во Божьей церкви,
Три Апостола:
Первый Апостолъ, Боженька,[1])
Воскресеніе Свѣтлое
Второй Апостолъ —
Кузьма Демьянъ,
Третій Апостолъ —
Лука Святой.
Воскресенье Свѣтлое —
Быть на свадьбы,
Кузьма, Демьянъ —
Быть на свадьбы;
Скуй намъ свадьба,
Крѣпко, твердо,
Вѣковѣчно,
Долговѣчно:
Люди судютъ,
Не засудютъ;
Вѣтромъ вѣять,
Не развѣять;
Солнцемъ сушить,
Не разсушить;
Дождемъ мочить,
Не размочить.

1827.

в) Благослови, Боженька, [1])
Свадьбу играти!
Воскресенье Свѣтлое,
Будь на свадьбу къ намъ!

[1]) Слово «Боженька» и тутъ повторяется послѣ каждаго стиха.

И сама Мать Богородица,
Будь на свадьбу къ намъ!
И Лука Святой,
Будь на свадьбу къ намъ.
Солучи два младеныша:
Перваго нарожденнаго,
А другого сужденнаго!
И Кузьма Святой,
И скуй намъ свадьбу,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
И люди судютъ,
И не разсудютъ;
И солнце сушитъ,
И не разсушитъ,
И дождемъ мочитъ,
И не размочить.

Затѣмъ онъ одинъ пирогъ отдаетъ пѣвицамъ-игрицамъ, а другой оставляетъ себѣ, причемъ онъ говоритъ: «игрицы-перицы, красныя дѣвицы, изъ двухъ пироговъ выбирайте любой! У меня семейство большое, дорога худая, мосты плохіе,— надо мосты мостить, работниковъ нанимать, мнѣ больше надобно, а вы-то дома останетесь». Пироги тутъ же съѣдаются. Когда молодой совсѣмъ готовъ, чтобы ѣхать къ невѣстѣ, дружко, обращаясь ко всѣмъ собравшимся, говоритъ:«Есть ли въ этомъ дому, въ этомъ терему, въ бѣлыхъ каменныхъ палатахъ, батюшка зачудённый, матушка порожденная, батюшка крестный, матушка крестная, и родъ и племя, и его поколѣнія, и сестры и братья, и гости званые и незваные, отъ Господа Бога созданные, и кого Господь залучилъ? Благословите младого князя за столы дубовые, за скатерти браныя, за напитки пьяные, за ѣства сахарныя! Благословите, честная кумпанія, подъ Спаса Бога, подъ чудны образа, подъ яры свѣчи, и суженую свою за руку взять»! Тогда садятся за столъ, и пойдетъ надѣлъ, т. е., угощеніе брагой и виномъ. Каждый изъ гостей кладетъ на тарелку (а на тарелкѣ закуска) въ даръ по нѣсколько копеекъ, приговаривая: «Вотъ надѣлю васъ златомъ, серебромъ! Моя копейка съ копьемъ, а вамъ жить съ добромъ!» Послѣ этого всѣмъ поѣздомъ отправляются за невѣстой. Пріѣхавши туда, поѣздъ останавливается передъ воротами, въ сѣняхъ запирается дверь. Дружко стукнетъ въ дверь и спрашиваетъ: «Кто этому дому хозяинъ»? — Хозяинъ отворяетъ дверь и выходитъ на улицу къ поѣзжанамъ: «Кабы нашимъ комонямъ стежокъ сѣнца, да засѣкъ овсеца!» Хозяинъ отворяетъ дверь въ сѣни. Тутъ дружко жениха подходитъ къ дружку невѣсты и между ними завязывается слѣдующій разговоръ:

Др. ж. «Здравствуй, друженько, отецкій сынъ! Не можете ли себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Др. н. — «Я давно васъ дожидалъ: у меня есть гордыя барыньки — какъ они васъ пустять»?

Др. ж. «Здравствуйте, гордыя барыньки! Не можете ли вы себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Боярки. «Мы давно дожидали васъ; только у нашей невѣсты одна бровь сто рублёвъ, а самой — смѣты нѣтъ».»

Др. ж. «Что же вы отъ насъ желаете: денежной платы, али хлѣбнымъ даромъ?»

Боярки. — «А мы, дѣвки погостки, а дочки поповски, хочемъ хорошо ходить, золото носить». Тутъ дружко подноситъ имъ деньги и говоритъ: «Вотъ шапочка наша на шапочки ваши!» Боярки (т. е. дѣвицы-пѣвицы) берутъ щепочку и покопаютъ, говоря: «Намъ хоть маленькихъ, да только бѣленькихъ.»

Др. ж. — «Гордыя барыньки! Сколько моихъ средствъ есть и подношу.» — Когда онѣ деньги возьмуть и поклонятся, то дружко черезъ нихъ закинетъ перчаткой и скажетъ: «Ну, гордыя барыньки, теперь я купилъ невѣсту и все, что есть подъ невѣстой.»

Боярки. — «Ну, дружинька, гдѣ будемъ молодыхъ сводить: подъ краснымъ солнцемъ, ай подъ яснымъ мѣсяцемъ, ай подъ закрытіемъ?»

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу.

1828.

«Бѣленькой, хорошенькой, Василь Ивановичъ!
Хто тебе во пиръ справлялъ, хто тебе во бесѣдушку»? —
— «Я скажу вамъ, жонушки, молодыя молодушки:
А справлялъ во пиръ меня родный батюшка,
Во эту во бесѣдушку родная матушка.»
«Ты скажи, Иванушка, ты скажи, Васильевичъ!
Хто тебѣ голову чесалъ, черны кудри завивалъ?»
— «Я скажу вамъ, жонушки, молодыя молодушки:
Мнѣ чесала головушку государыня матушка,
Завивала кудеришки черезъ правое плечо,
Черезъ правое плечо, на мой зеленъ кафтанъ,
На мой зеленъ кафтанъ, да на мой сырцовъ кушакъ,
На мой сырцовъ кушакъ, на мой сафьянъ сапогъ:
Шиты, шиты, сапоженьки въ Ярославлѣ городѣ,
Подбиваны да сапоженьки середъ красной Москвы,
Надѣваны сапоженьки на Ивановы поженьки.»

1829.

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночи не спалось
Темной ночки не спалось, много во снѣ видѣлось:
Кабы въ избищѣ старые углы прочь отбивалися,
По той по избушкѣ шла гусыня сыпучая,
На столбѣ сидѣлъ котище усатоя,
Въ переду на лавицѣ два ясныхъ сокола,
Ў судахъ на окошечкѣ двѣ косатки косатыя,
На кроваткѣ во уго́лушкѣ двѣ лебедки бѣлыя.
Будила, побуживала родная матушка:
«Вставай, мое дитятко, встань ранешенько!
Встань ранешенько, умойся бѣлешенько!
Я твой сонъ весь разсужу, пословесно разскажу.
Избища старая — то чужая сторонушка;
Углы прочь отвалилися, — незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая, — то свекровь лихучая;
Котище усатый, — то свекрище старый,
Ясные соколы, — деверьс пресмѣшливые,
Косатки косатыя, — то золовки щекатые,
Лебедушки бѣлыя, — то невѣстки бѣдные!

1830.

Ходилъ Иванушка, расхаживалъ,
По своимъ новымъ сѣнямъ;
Ёнъ кричалъ, воскрикивалъ,
На своихъ на слугъ вѣрныихъ:
«Охъ вы, слуги вѣрные,
Холопья новоборные,
Подведите да подъ молодца
Сиза ворона коня,
Подъ жену мою боярыню
Карету кованную,
Подъ нянюшекъ-лялюшекъ
Трое саней новыя,
Подъ малешенькихъ дѣтушекъ
Колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую,
На ремняхъ скрыпучую!»

1831.

Да чьи-жь это ко́мони 2
Рано въ путь попущены? 2
Тремъ шелкамъ попутаны, 2

Серебромъ занузданы? 2
Стоятъ эти комони,
Пошибши головы, —
Шелковой травы не ѣдять,
Ключевой воды не пьють, 2
Вотъ и слышатъ комони,
Путь дорожку дальнюю,
Да путя неближняя:
Во Рязань—по золоту,
Въ Казань—по серебру,
Въ Великіе Луки—по красну дѣвушку,
По Дарью по Антоновну.

Ажно тамъ Дарьюшка дары мыла,
Ажно тамъ Дарьюшка Антоновна.
Мывши дары, слезно плакала:
«Вохъ-ти мнѣ тяжелешенько
На чужой ли дальней на сторонушкѣ,
Во чужова батюшки и у чужой матушки.»

1832.

На морѣ вуточка купалася,
На морѣ сизая купалася;
Скупавши, вуточка встрепенулася,
Слышавши погоду да ненастную. 2
Ты раскинься, береза сѣченна,
Ты разцвѣти, медыня кошенна,
Вотъ созрѣй, ягода бранная,
Слышавши морозы да Крещенскіе!

Когда молодыхъ кладутъ спать.

1833.

У насъ на свадьбѣ хмель да дуда, 2
Хмель говоритъ: «Гуцъ, гуцъ, гуцъ!»
Дуда говоритъ: «Ду, ду, ду!»
Дубовая бочечка, бочечка,
Не верченная дырочка, дырочка!
Кто вертѣлъ,—тотъ потѣлъ, тотъ потѣлъ,
А кто глядѣлъ,—тотъ хотѣлъ, тотъ хотѣлъ.
Женихъ вертѣлъ, ёнъ потѣлъ, ёнъ потѣлъ,
Дружко глядѣлъ, ёнъ хотѣлъ, ёнъ хотѣлъ.

Зап. мною отъ старой кормилицы Г-дъ Семевскихъ.

VII. Рязанской губерніи.

Зарайскаго уѣзда.

Запой.

Пріѣзжаетъ женихъ съ отцемъ и сватомъ къ невѣстѣ и привозитъ боченокъ браги, ведро вина, говядины, пшенички, творожники, пироговъ десятокъ, уложенныхъ въ судницѣ. У воротъ сватъ невѣстинъ ихъ встрѣчаетъ. Жениховъ отецъ идетъ впередъ, за нимъ женихъ, за женихомъ всѣ гости. «Здравствуй, сватъ! радъ ли гостямъ?» говоритъ онъ идущему ему на встрѣчу свату.—«Очень радъ, любезный сватушка, добро жаловать!» Всѣ входятъ въ избу, помолятся Богу и становятся у порога. Жениховъ отецъ: «Ну любезный сватушка! Сажай своихъ любезныхъ гостей, кого знаешь, за нашу хлѣбъ-соль.» Невѣстинъ отецъ тотчасъ сажаетъ своихъ гостей въ передній уголъ. Пріѣзжій сватъ кладетъ все привезенное на столъ, подчуетъ всѣхъ виномъ, брагой. Когда невѣстинъ отецъ доволенъ, то вылѣзетъ изъ-за стола, а за нимъ всѣ гости, а если недоволенъ, то говоритъ: «сватушка! подчуй еще виномъ.» Тутъ женихъ пойдетъ къ невѣстѣ, а за столъ садится жениховъ отецъ съ своими гостями. Повторяется таже исторія. Во время столовъ игрицы-пѣвицы стоятъ у порога и *обыгрываютъ* [1]) гостей.

Женихову отцу.

1834.

Звонкое деревцо кунарисовое!
Звончѣй его въ бору нѣту.
Умная головушка Иванъ сударь Ѳедоровичъ!
Умнѣй его въ роду нѣту:
Бражки не пьетъ, винца въ ротъ не беретъ;
Рѣчь у него соколиная,

---

[1]) Величаютъ. Глаголъ *обыгривать*, *обыграть* въ данномъ значеніи сроденъ глаг. *опивать*.

Слѣды его лебединные:
Тихо пришелъ, хорошо посидѣлъ.
Вотъ Ивану пѣсенька,
Вотъ Ѳедоровичу свѣту!
Бѣлому лебедю, со бѣлою лебедушкой,
Съ Марьею Микитишной!
Подари миленькій, подари хорошенькій:
Не рублемъ—полтиною,
Золотою гривною.

Жениховой матери:

1835.

Пріѣзжая сватенька, —
Марья Микитишна,
Черезъ три поля ѣхала
На черныхъ соболяхъ.
На ей шуба новая,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая.
Вотъ и Марьѣ пѣсенька
Вотъ Микитишнѣ свѣту,
Бѣлой лебедушкой,
Со бѣлымъ, со лебедимъ,
Съ Иваномъ Петровичемъ.

(припѣвъ тотъ же).

Брату женатому.

1836.

Какъ пойду я, молоденька.
Въ зеленую рощу,
Сломлю-ка, молоденька,
Тоненьку гладеньку,
И сдѣлаю, молоденька,
Звончатыя гусли.
Кому въ гусли играти?
Кому поплясати?
— Василью играти,
Аннѣ плясати.
Какъ сказали, перказали:
Василій изъ Москвы ѣдетъ, —
Не успѣла свѣтъ Анна
Кунью шубу взяти, —
За рукавъ шубу схватила,
Середь двора вздѣла, 2
Василья она встрѣла.
«Поди, поди, мой хорошій,
Поди, поди, мой пригожій!
А вотъ твому коню сѣна,
А тебѣ постеля,» —
Постелюшка пуховая,
Взголовье высокое.

(припѣвъ тотъ же).

Снохѣ.

1837.

По сѣнямъ ли сѣнямъ новымъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,—
Тутъ ходила, выгуливала,
Молодая жена, душа добрая,
Что и Анна Николаевна.
Она будила и пробуживала
Своего-ли друга милова,
Что Василья Андреевича:
«Ты возстань, возстань,
Мой милый другъ!
Оторвался твой вороній конь
Отъ того столба дубовова,
Отъ колечка позла́ченнаго,
Онъ ворвался во зеленый садъ,
Поломалъ *свѣты* лазоревыя,
И калину со малиною, —
Черну ягоду смородину.»

Брату неженатому:

1838.

На комъ, на комъ кудри русы?
Ай на комъ, на комъ по плячамъ висять?
По плечамъ висять, словно жаръ горять?
Словно жаръ горять, разгораються,
И нихто къ кудрямъ не приступится.
Приступилася родна матушка:
Начала кудри *часать гладити*,
Часать гладити, масломъ мазати.

Разъѣзжаются по домамъ. Невѣста прощается съ женихомъ и цѣлуются. Женихъ даетъ ей 20, 25 копѣекъ и болѣе.

На другой день у жениха начинается *брага*. Игрицы ходятъ подъ окна изъ дома въ домъ и скликаютъ: «идите затирать брагу къ жениху!» Всѣ сбираются, вынимаютъ изъ печи чугунъ съ водой, вносятъ кадушку. Женихова мать беретъ весло или веселку, сыпитъ муку, льетъ воду и, сказавши: «Господи благослови! Кузьма Демьянъ!

скуй намъ свадьбу!» «Какая брага сладкая, такіе молодые,» начинаютъ затирать и заигрывать пѣсню:

1839.

Рай мой, рай!
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).
У Ивана на дворѣ,
У Ѳедоровича.
Выростало деревцо
И тонко и высоко
А листомъ широко.
Ужъ какъ къ тому деревцу
Соѣзжалися *господины* 2
Соѣзжалися большіе.
Они думали думу:
«Ужъ и какъ же намъ быть?
Ужь и какъ намъ подступить.
Ко Степанову [1]) двору
Ко Марьиному терему?»
Выбрался такой—
Что смѣлой человѣкъ,
Что Иванъ [2]) господинъ.
Ужь дайте я пойду,
Ужъ дайте подступлю,
Ко Степанову двору
Ко Марьиному терему.

(Эту пѣсню поютъ во все продолженіе времени пока мать у кадки затираетъ брагу).

Пѣвицы, получившія въ награду отъ родителей жениха нѣсколько денегъ, расходятся по домамъ.

Накануне свадьбы, утромъ кто-нибудь изъ родни жениха обойдетъ своихъ знакомыхъ, приглашая ихъ на свадьбу слѣдующими словами: «Милости просимъ каравай сажать!» Приходятъ посаженные отецъ съ матерью—мужъ съ женою, живущіе въ совѣтѣ и согласіи, съ хлѣбомъ-солью. По ихъ приходѣ имъ подаютъ лотокъ, а на лоткѣ тѣсто для коровая и чашка; въ чашкѣ крестъ. Посаженная мать начинаетъ переваливать тѣсто и *заиграетъ* пѣсню, другія подхватываютъ:

1840.

Валю, валю сыръ каравай
Съ правой руки на лѣву,
Съ лѣвой руки на праву,—
По золоту лоточку 2
По серебряному блюдечку.

[1]) Отецъ невѣстинъ.
[2]) Имя жениха

Тутъ она кладетъ сваленное тѣсто въ чашку и идетъ къ дверямъ, взлѣзаетъ съ чашкой на лавку, обходитъ ее кругомъ, перепрыгивая съ ножки на ножку и продолжая пѣть:

1841.

Каравай на лавку взлѣзъ,
Каравай по лавкѣ пошелъ,
Каравай на полку сѣлъ,
Каравай на печку взлѣзъ, 2
Каравай съ печки слѣзъ.

Во время пѣнья она ставитъ чашку съ караваемъ на полку, а сама сядетъ на печку, а мужъ беретъ чашку съ караваемъ и подаетъ ей на печку, откуда она ее опять передаетъ ему, кругомъ печнаго столба, что повторяется до трехъ разъ. Затѣмъ посаженный отецъ съ матерью становятся къ лопатѣ, лежащей на загнеткѣ и кладутъ каравай на лопату, продолжая пѣсню слѣдующими словами:

Каравай на лопату сѣлъ,
Каравай въ печку глядить.

Потомъ оба берутся за лопату съ короваемъ и до трехъ разъ дѣлаютъ движеніе въ печь и изъ печи, въ третій разъ оставляютъ тамъ коровай, а лапату кладутъ опять на загнетку. Тутъ имъ подаютъ по стакапу вина, которыми они обмѣниваются до трехъ разъ черезъ лежащую лапату и затѣмъ только всякъ выпиваетъ свой стаканъ и цѣлуются подпрыгивая до трехъ разъ, причемъ замѣчаютъ: кто выше прыгнетъ; тотъ *большинство* возьметъ. Затѣмъ посаженная мать запоетъ:

1842.

Пекись, пекись сыръ каравай,
Дерись, дерись сыръ каравай,
Выше дуба дубова́,
Выше матицы яловой,
Шире печи кирпичной!

Когда каравай спечется совсѣмъ, то посаженная мать его вынетъ, обернетъ холстиной и обвяжетъ суконной ниточкой и выносятъ его въ горницу до вѣнца. Садятся обѣдать. Послѣ обѣда

женихъ идетъ собирать родныхъ, дружку, сваху, и всѣ, за исключеніемъ матери жениха отправляются къ невѣстѣ. Тамъ ихъ встрѣчаетъ у воротъ невѣстинъ отецъ. Сама же невѣста въ это время сидитъ за столомъ, кругомъ ея дѣвки. На столѣ стоитъ елка, убранная лентами и поставлена въ бутылкѣ. Гости входятъ,—въ это время дѣвки бьютъ бутылкой объ столъ, *играютъ* пѣсню:

1843.

а) Ой, яблонь моя, кудрявая,
Скора[1]) золотая!
А Иванъ сударь съ Марьюшкой
Скору сбирала.
Андреевна съ Иванычомъ
Золоту сымала.
Она тѣмъ золотомъ 2
Коверъ вышивала, 2
Она тѣмъ ковромъ 2
Свекра дарила, 2
Подаримши ему, 2
Рѣчи говорила.

Свекрови:

1844.

б) Яблонь моя кедровая и т. д.

(повторяется перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Чепецъ вышивала, 2
Она тѣмъ чепцомъ 2
Свекровь дарила.

Жениху:

1845.

в) Яблонь кудрявая и т. д.

(тоже повтореніе перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Кисетъ вышивала,
Она тѣмъ кисетомъ
Ивана дарила. 2

[1]) Скора—шкура, скорлупа.

Вышедшіе гости во все время стоятъ у стола, по окончаніи же пѣсни дружко говоритъ: «Мы народъ заѣзжій, долго ѣхали. Дѣвушки: «Зачѣмъ бы вамъ нужно ѣхать сюда!» — «Мы наслышаны: тутъ продается куница, красная дѣвица, а намъ она надобна.» Дѣвушки: «Какую?»—Марья Ивановна.—Дѣвушки: «она тутъ съ нами.»—Дружко: «Вотъ это слава Богу, намъ этого нужно. Вамъ продать, намъ купить. Давайте сторгуемся. — «Что вы хотите за нее взять?»—Дѣвушки: «Четыре угла, четыре рубля, на середку золотой, полштофа вина, часть говядины (ф. 3) да пирогъ».—Дружко отдаетъ требуемое. Дѣвушки берутъ елку съ бутылкой и выходятъ изъ-за стола, оставляя невѣсту одну. Женихъ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, здоровкается съ нею. Подаютъ гостинцы: пряники, орѣхи. Невѣста ведетъ жениха въ особую горницу, а дѣвушки уходятъ за ними. Дружко проситъ: «Сватушко! сажайте своихъ гостей за жениховъ хлѣбъ-соль.»— Сватъ садится за столъ, въ передній уголъ, съ своими гостями. Дружко начинаетъ подчивать: кладетъ пирогъ на столъ, говядину, пшеника, четвертную, начинаетъ ихъ обносить квасным стаканомъ и всѣ пьютъ до тѣхъ поръ, пока не напьются пьяными—и тогда только сватъ вылѣзаетъ изъ-за стола съ своими гостями и проситъ за столъ жениховыхъ гостей и тѣмъ же порядкомъ напоитъ ихъ до пьяна. Дѣвушки въ горницѣ въ это время поютъ:

1846.

Во сыромъ бору на клену́
Висить колыбель на шелку,
На шелковомъ поясу́.
Во колыбелюшки дѣвушка,
Кругомъ ея подружки,
Любимыя сеструшки:
«Размахните меня высоко,
Чтобы видно было далеко,
Увидать бы мнѣ Ивана;
Что онъ тамъ дѣлаетъ?—
На добру коню ѣздитъ.

1847.

По лугу трава 2
    Растилается, 2
По морю вода 2
    Разливается. 2

А вьюнъ надъ водой 2
Возвивается, 2
А конь на горѣ 2
Спотыкается. 2
Иванъ у воротъ, 2
Ѳедоровичъ у новыхъ,
Ѳедоровичъ у новыхъ
Убивается.
Избилъ ворота,
Изщиплялъ верею,
Онъ проситъ свою,
Свою суженную,
Свою суженную,
Свою ряженную:
«Вьдайте мою,
Мою суженную,
Мою суженную,
Мою ряженную!»
Какъ тесть идетъ,
Ворона коня ведетъ,
А теща идетъ,
Душу Марьюшку ведетъ.
Вотъ это мое,
Мое суженное,
Вотъ это мое,
Мое ряженное.

1848.

Летѣли тутъ голуби черезъ дворъ,
Ударили тутъ крыльями объ терёмъ,
Спросили про Марьюшку: дома-ли, нѣтъ?
Мы сказали ба ей вѣсточку,
Да что у Ивана-то на умѣ?
Онъ сидитъ на ворономъ конѣ.
У него ли матушка спрашивала:
«Куды мое дитятко собрался?»
— «Собрался я, матушка, въ дорогу,
Пожалуй мнѣ, матушка, подмогу:
Сорокъ, сорокъ лошадей вороныхъ,
Пятьдесятъ человѣкъ верховыхъ,
Четыре каретушки золотыхъ.
Поѣду я, матушка, жениться,
Заѣду я, матушка, къ тестю на дворъ,
Зайду, зайду я, матушка, къ тещѣ въ терёмъ,
Спрошу, спрошу я, матушка, про Марьюшку.

1849.

Ой долы, долы долами, —
Устлана дорожка коврами.
Кто эту дороженьку устилалъ?
— Устилалъ дороженьку Иванъ государь,
Онъ все ходилъ къ Марьюшкѣ,
Дорогихъ гостиночекъ носючи:
Первый гостинецъ—изюмецъ,
Другой гостинецъ—виноградецъ,
Третій гостинецъ—самъ Иванъ на дворъ,
Самъ Иванъ на дворъ, сударь Ѳедоровичъ.

1850.

Ой сборы, сборы, сборы Марьины!
Собирала дѣвушекъ къ себѣ въ домъ,
Сажала она дѣвушекъ всѣхъ за столъ,
А сама садилася выше всѣхъ,
Клоняла головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
«Ужъ вы, дѣвушки, подружки мои!
Вы придумайте, пригодайте мнѣ:
Ужъ какъ мнѣ быть въ чужіе люди идтить?
Ужъ какъ же мнѣ будетъ привыкать?
Чужого отца мать да какъ мнѣ называть?
Батюшкой мнѣ называть—мнѣ не хочется.
А по имени называть—онъ осердится.
Спеси гордости убавлю, ума разума прибавлю:
Назову свекра—батюшкою,
А свекровушку—матушкою,
Ужъ я деверя—по отчеству,
А золовушку я по имени.»

1851.

Ты звѣзда ли моя звѣздушка, 2
Высоко звѣзда восхóдила, 2
Выше лѣса, выше темнова, 2
Выше садика зеленова, 2
Выше терема высокова.
Какъ во этомъ ли во теремѣ
Тамъ сидѣла красна дѣвушка,
А не то ли, что свѣтъ Марьюшка.
Она шила коверъ золота,
Не дошимша, коверъ бросила,
А сама слезно заплакала.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ какъ волна бьется,
Проклинаетъ чужу сторону:
«Раззлодѣй, злодѣй чужая сторона! 2
Какъ чужой-то отецъ съ матерью 2
Нежеланны уродилися, 2
Посылаютъ меня молоду
На Дунай рѣку съ ведромъ по воду.
Налетѣли гуси лебеди, 2
Возмутили воду свѣжую.

Ужъ и я ли, млада, безъ воды пришла.
Свекоръ батюшко журить меня бранить,
Свекры матушка побить велить.
Одна милая золовушка
За меня слово молвила:
«Ужъ ты глупая невѣстушка
Какова вода не смучена была,
Ты тая-бъ вода домой несла,
Она бъ въ ведрахъ устоялася,
Свекрови сердце утолплось бы,
Свекры матушка умилилась бы.»

Гости вылѣзаютъ изъ-за стола, благодарятъ и отправляются домой.

На другой день рано утромъ женихъ ходитъ по деревнѣ, собираетъ поѣздъ изъ родныхъ и знакомыхъ. Каждый изъ приглашенныхъ приходитъ съ приносомъ, съ хлѣбомъ-солью и еще чѣмъ нибудь (съ курицей, десяткомъ яицъ и т. п.). Когда всѣ соберутся, поѣзжане садятся за столъ и обѣдаютъ. Берутъ каравай, кладутъ его на столъ и ставятъ два штофа вина. Послѣ обѣда дружко съ гостями выходитъ на дворъ, гдѣ лошади запряженныя стоятъ кру́гомъ, посреди котораго онъ разстанавливаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дружко беретъ образъ, а за нимъ полудружье обходитъ весь кругъ снаружи, а затѣмъ внутри, вокругъ гостей и говорятъ: «Благословите православные!» Тѣ отвѣчаютъ: «Богъ васъ благослови!» Затѣмъ садятся въ повозки въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ съ отцомъ крестнымъ (тысяцкимъ), дружко съ подружьемъ, а остальные кто съ кѣмъ, только одна сваха ѣдетъ позади всѣхъ въ повозкѣ, запряженной тройкой, назначенной для невѣсты. Въ концѣ деревни собравшіеся мужики бросаютъ поперегъ дороги колъ, палку и т. п. Дружко останавливается, даетъ имъ вина, пирогъ, говядину. Пріѣхавши къ невѣстѣ, поѣздъ останавливается у воротъ. Въ это время родители благословляютъ невѣсту и она кричитъ:

1852.

Кормилецъ мой батюшка!
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра, —
Прошу одного—Божьяго благословенья!
Благослови ты меня горькую, въ чужіе люди!
Кормилецъ мой батюшка,
Не покинь ты меня горькую!

Наконецъ поѣзжане входятъ. Помолившись Богу, начинается выкупъ невѣсты, которая сидитъ рядомъ съ плаксой (подъ образами) и подъ ними вмѣсто подушки—шуба вверхъ шерстью; подъ конецъ стола сидитъ братъ со скалкой. Дружко при входѣ ударяетъ объ столъ плетью, говоря: «Что за человѣкъ не въ свое мѣсто сѣлъ?» А братъ ударяетъ скалкой и говоритъ: «Я приставленъ къ доброму товарищу.» Дружко: «намъ это и нужно, мы за этимъ товаромъ и пріѣхали, намъ цѣну объяви, мы ничего не пожалѣемъ.»—Братъ: «Четыре угла, четыре рубля, а по середкѣ золотой.» Дружко, обращаясь къ своимъ: «Ну, слава Богу, это сходный человѣкъ.» Вынимаетъ и кладетъ, что можетъ: по семиткѣ, или по гривенику, смотря по состоянію. Потомъ говоритъ: «Ну, сваха, ступай въ добрый часъ!» Сваха взлѣзаетъ на лавку, беретъ жениха за руку и ведетъ за собою къ невѣстѣ, подходитъ къ плаксѣ, сидящей рядомъ съ невѣстой и говоритъ: «Ну, сватенька, подвинься немножко, я тутъ сяду, ты здѣсь не на своемъ мѣстѣ сидишь.»—«Нѣтъ, я давно тутъ сижу, вы хотите меня согнать отсюда, я не пущу.»—«Давай мы съ тобою выпьемъ и закусимъ, авось согласимся.»—«А вотъ это хорошо.» Сваха при этомъ вынимаетъ косушку вина и калачъ, отдаетъ плаксѣ и цѣлуются. Плакса-то и отодвинется. Тутъ сваха сядетъ на ея мѣсто, а женихъ возлѣ невѣсты. Затѣмъ садится весь поѣздъ. Обѣдъ начинается. По окончаніи его отправляются къ вѣнцу. По возвращеніи оттуда молодыхъ сажаютъ обѣдать отдѣльно въ клѣть, съ ними садятся дружко, сваха и плакса. Въ это время крестный отецъ съ матерью ложатся *грѣть* постель молодыхъ и притворяются спящими. Дружко со свахою и молодыми подходятъ и будятъ ихъ съ разными прибаутками. А крестные между тѣмъ *играютъ* пѣсню:

1853.

Коровать, короватушка,
Коровать моя тесовая!
Ой люли, ой лешеньки!
Коровать моя тесовая, 2
Перинушка ты пуховая.
Какъ на той на перинушки
Лежалъ добрый молодецъ,
Иванъ, сударь, Ѳедоровичъ,
Онъ всѣхъ бабъ корить.
Одноё бабу хвалить:
«Какъ моя-то Марьюшка —
Она полу́чшея всѣхъ 2
Она при(я)деть тонешенькё,

Натачеть гладешенькё,
Какъ сошьеть рубашечкю
Со косымъ вороточкомъ,
Со витымъ со шнурочкомъ.

Дружко: «Опорожните» мѣсто молодому князю со княгинею!» Тѣ всѣ молчатъ. «Постойте! я скорѣе съ нимъ слажу, дайте мнѣ вина.» Онъ наливаетъ имъ стаканъ браги. Крестные выпьютъ и слѣзаютъ съ кровати, приговаривая: «Дай Богъ лечь вамъ двоимъ, встать троимъ, на первую ночку сына да дочку!» и т. д. Молодой садится на кровать, а молодая его разуваетъ. Въ сапогѣ непремѣнно положена какая нибудь монетка. Дружко и сваха, уложивши молодыхъ спать, уходятъ. Пріѣзжаютъ *вечеровые* (родные невѣсты), привозятъ ея постель, сундукъ и курицу (послѣдняя сидитъ на сундукѣ). Выходитъ дружко и поѣзжане, просятъ у нихъ сундукъ и курицу.— «Мы не отдадимъ никому, окромѣ молодому князю со княгинею.» Тѣ просятъ: «отдайте, мы вамъ винца поднесемъ, мы его подданные. Мы затѣмъ приставлены, чтобы все у васъ взять, отдайте намъ курицу,—курица дороже всего.»—«Стало, съ вами нечего дѣлать, надо идти за княземъ.» Уходятъ, подымаютъ молодыхъ и выводятъ на дворъ. Тутъ вечеровые шумятъ: «Вотъ нашъ хозяинъ, вотъ кому велѣно отдать курицу. «Хотѣли ее у насъ отнять, мы въ обманъ не давались.» Тутъ отдаютъ курицу молодому въ руки и поздравляютъ «съ законнымъ бракомъ и жить, богатить, а тебѣ, княгинюшка, спереди *горбатить*!» Поѣзжане (жениховы), берутъ сундукъ, постелю, дружко благодаритъ за привозъ приданнаго, а больше, за курицу. Подносятъ вина и тутъ ихъ просятъ въ избу къ молодому князю брагу пить. Садятся за столъ, на которомъ коровай лежитъ. Сестра невѣсты или другая близкая родня покрываетъ коровай платкомъ. Дружко крестится, беретъ коровай, а платокъ кладетъ себѣ въ карманъ, коровай разрѣзаетъ на мелкіе кусочки. Подаютъ чашку, куда всыпаютъ всѣ нарѣзанные куски и становятъ ее середъ стола. Молодому подаютъ штофъ съ виномъ, а молодой стаканъ. Всѣ гости сидятъ за столомъ, а молодые стоятъ. Дружки подкликаютъ отца жениха къ коровамо: «Родимый батюшко! подойди къ намъ, погляди на насъ, а мы на васъ. Просятъ васъ дѣти съ сыръ-караваемъ. Сыръ-каравай прими, золотую гривну положи. Наше дѣло на новѣ, всего много надобно: на тенцы веретенцы, на тонкіе полотенцы,—надоть козла купить, воду возить, старика нанять, дрова колоть, старуху нанять—баню топить—молодому князю съ княгинею париться ходить,—помощь по силѣ, положьте рублика четыре, а будетъ ваше честь—положьте рубликовъ шесть.» Отецъ беретъ кусокъ коровая, а молодые ему подносятъ стаканъ вина и говорятъ: «родимый батюшко, изволь выкушать!» Онъ беретъ стаканъ, отопьетъ немного и скажетъ: «горько!» Молодые цѣлуются. Тутъ онъ поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и даетъ наставленіе, чтобы другъ-друга любить. «А ты, сынокъ, люби жену, какъ душу, тряси ее какъ грушу. Сѣй ленъ конопей, спрашивай рубашку и портки.» Съ этими словами онъ выпиваетъ вино и кладетъ овцу: «Вотъ тебѣ, невѣстка, на каравай. Овечка твоя, ягнятки мои, шерстка твоя.» Она благодаритъ. Затѣмъ дружко подзываетъ съ тѣми же приговорками женихову мать: «Родимая матушка подойди къ намъ!» Та подходитъ, кладетъ сарафанъ, совсѣмъ сшитый. За ней подходятъ по очередно вся родня, сперва женихова, потомъ невѣстины и всякій даритъ что нибудь на коровай, а дружко при этомъ отпускаетъ разныя шутки. Во все это время вечеровые сидятъ за столомъ, кушая только то вино, которое при короваѣ. По окончаніи церемоніи они вылѣзаютъ изъ-за стола. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать. Нѣсколько время спустя садятся ужинать. Послѣ стола въ скоромъ времени опять садятся за столъ, ѣдятъ, что послаже: курицу, ветчину, яблоки, пряники. Затѣмъ вечеровые уѣзжаютъ домой. Когда наступитъ ночь молодыхъ положатъ спать и расходятся по домамъ.

На другой день дружко со свахой приходятъ раньше всѣхъ подымать молодыхъ. Дружокъ вводитъ ихъ въ избу, бьетъ горшокъ, а сваха пляшетъ по черепкамъ. Всѣ родные бросаютъ деньги. Свекровь отправляетъ молодую съ молодымъ съ ушатомъ за водою. Дружко идетъ возлѣ съ виномъ, сваха съ закуской, поѣзжане окружаютъ ихъ, кто пляшетъ, кто поетъ. Воду наливаетъ сваха. Когда нальетъ полный ушатъ, дружко подноситъ брагу, кому угодно. Какъ подымутъ ушатъ и понесутъ, тутъ многіе стараются его вылить, поѣзжане стараются не допускать этого, но все-таки находятся смѣльчаки, которымъ это удается, даромъ что поѣзжане будто изо всѣхъ силъ бьются защищать молодыхъ. Тутъ обыкновенно произойдетъ порядочная суматоха. Дружки обливаютъ сваху и другихъ и толкаютъ ихъ въ воду, гдѣ они волей-неволей, выкупаются. Бабы обыкновенно ужъ заранѣе одѣваются въ платье похуже (ношеное). Наливаютъ снова ушатъ и покрываютъ его новымъ платкомъ, (который послѣ отдается дружку) и понесутъ въ домъ молодаго. Свекровь встрѣчаетъ молодую такъ: «Вотъ, слава Богу, дождалась перемѣны.» Тутъ молодые пойдутъ въ клѣть. Затѣмъ пріѣзжаютъ родные не-

вѣсты къ обѣду, послѣ чего ближніе родные и молодые уѣзжаютъ къ тещѣ.

Зап. мною на 3 недѣлѣ великаго поста 1876 г. отъ бывшей дворовой Ѳеклы, женщина лѣтъ подъ сорокъ восемъ, не глупая, умѣетъ немного читать и была, какъ видно, большая мастерица въ заправленіи свадебнаго обряда.

Той же губ., Данковск. у., въ деревняхъ Красной слободкѣ и Урусовѣ.

1854.

Не было вѣтру, вдругъ навѣнуло,
Не было гостей, вдругъ наѣхало,—
Полонъ дворъ, полна горница:
Наступили на новы сѣни, —
Обломили сѣни новыя,
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
«Свѣтъ-то мои, сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя, чара золота!
Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
Кто жь меня рано будить буде?
— «Рано будить, поздно утѣшать,
Да я у тебя, соловей, на рукѣ,
Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я тебя буду поздно утѣшать!»

1855.

Подплывали гуси, лебеди,
Подъ крутые береги:
Мы думали, гуси, лебеди,—
Иванъ сы боярами,
Авдотьюшка со свахами;
Иванъ сталъ на бережки,
На бѣломъ на камушки,
Онъ пишетъ письмо-грамоту,
Ни перомъ и не чернилою,
Своей горючей слезой;
Онъ и шлетъ къ своему батюшки,
Къ родной матушки:
«Государь ты батюшка!
Государыня ты матушка!
Люба ль вамъ невѣстушка?»
— «Дитё ли, мое дитятко, —
Дитё ли мое милое!
Намъ давно полюбилася,
За тебя взять хотѣлося,
За такого за барина,
За Ивана Павловича.»

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

1856.

Растопись, баинька,
Разгорись, каменка,
Разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряномъ блюдечку!
«Ты расплачься, Марьюшка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
Передъ своей родной матушкой:
Ты, родимый мой батюшка,
На что ты пиво варишь? 2
На что зелено вино куришь?
Али хочешь себѣ сына женить? —
— «Ты, дитё ли, мое дитятко!
Я хочу тебя замужъ отдать,
Ни за князя, ни за барина,
За такова же крестьянина,
За Василья Васильевича.

1857.

Какъ Марья у матушки
Дорогая гостила,
Золотой метелочкою
Мела, повымела,
Мела, повымела,
Трое сѣни новыя,
Только одной не вымела,
Гдѣ сидитъ лютá свекровь, 2
Съ тремя своимъ дочеремъ:
Ёны судили, баили,
Про чужую дитятку, 2
Про свою невѣстушку:
«А не толь ёна сонливая,
А не толь ёна дремливая:
Солнышко еще за лѣсомъ,
А невѣста спать идеть;
Солнышко на ўсходѣ,
А невѣстка со спальни идеть.»

1858.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому *лису*:
«Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку съ батюшкой»
— Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
Тѣ ли мнѣ словеса не *побычились*.

Вѣпули вѣтры по чисту полю;
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
«Съ кѣмъ мнѣ будеть думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку со милымъ дружкомъ —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.»

1859.

Не бушуй, холоденъ вѣтеръ!
Не расшатай во бору сосну,
Не разбуди у Ивана жену!
Какъ вечоръ во пиру была,
Съ полуночи сына родила:
Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кума была Шереметьева двора.

1860.

Ужь вы сборы, мои сборы!
Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
Сажала дѣвушка за свой столъ,
Сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпше всѣхъ:
«Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
Какъ къ свекору, въ чужой домъ, притить?
Какъ мнѣ будетъ свекра назвать?
Назову я свекра батюшкой;
Назову я молодова: милый другъ!
Спеси, сгордости, убавлю,
А ума-то, разума прибавлю.»

1861.

Ай, рано, рано, по зарѣ,
Поймалъ соловей кукушечку.
По ей дѣтушки плакали;
Не сизу кукушечку, красну дѣвицу,
По ей дѣвушки плакали,
По ей красныя плакали:
«Вы не плачьте, красны дѣвушки!
Мы давно соловья знаемъ:
Ёнъ не сизой соловей, —
Ёнъ удалый молодецъ;
Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
Мы въ одномъ теремѣ сиживали, 2
Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
Мы съ одной рюмочки водку пили.

На дѣвичникѣ дѣвушки поютъ невѣстѣ:

1862.

Куковала кукушечка,
Во сыръ боръ летаючи:
Плакала Марьюшка,
Къ столику припадаючи,
Батюшку величаючи:
Матушки причитаючи:
«Государь мой батюшко!
Напиши мое личико
На дубовомъ столикѣ!
Государыня матушка!
Набери мою крáсоту,
На бранной скатерти,
Когда столикъ подвините,
Про меня вспомяните,
А скатерть ўскроете,
Три раза восплакнете:
«Какъ-то наше дитятко
На чужой сторонушкѣ 2
У чужова батюшки!»

1863.

Въ отхожей новой горенкѣ
Восковая свѣча *топится*,
А Константинъ свѣтъ Богу молится,
Самому Христу печалится.
Приходила къ ему матушка:
«Сердечное ты мое дитятко!
Ты о чемъ Богу молишься,
Самому Христу печалишься?»
— «Родимая моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Самому Христу не печалиться?
Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
Свою головушку чесать гладешенько,
За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
За своей за снаряженой.
Растеряютъ мою молодость
По ухабамъ и раскатамъ,
У насъ кони будутъ ревскіе, [1])
А поѣзжане будутъ пьяные.

1864.

Много, много, у сыраго дуба,
Много листья и палистья,
Только нѣтъ у сыраго дуба

---

[1]) Очень бойкіе.

Золотой его вершиночки.
Много, много, у Пелагеи души,
Много сродцевъ и пріятелевъ,
Только нѣтъ у Пелагеи у души,
Что кормилица, свово батюшки,
И роднмой своей матушки.

1865.

Какъ Марьюшка голубушка,
Въ добрый часъ породилась,
Межъ обѣдней и заутреней,
Вы саду подъ яблонькой,
Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
Малиной банила, калиной парила,
Рѣчью приговаривала:
«Будь ты, мое дитятко,
Безъ учбы будь умнешенько,
Безъ бѣлилъ будь бѣлешенько,
Безъ сурмянъ брови черныя,
Безъ румянъ румянешенька!»

1866.

Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звоны свѣтъ Марья душа,
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
Звону ея онъ заслушался,
Красоту ея онъ засмотрѣлся,
Пріѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
«Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
Свою суженную, свою ряженную:
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она бѣла и румяна,
Бровью она и черна и сурмяна.»

1867.

Я не знала млада, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, спесивая,
Гордая, ломливая:
На сѣнюшки ступила,
Ничего не молвила,
Подумамши, молвила:
«Собирайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница,
Ко суду Божію ѣхати,
Ко суду Божію, ко златому вѣнцу!»
— «Поди прочь, свашенька,
Отступись, подговорщица:
Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!»

1868.

Кого это величаемъ?
По отечеству называемъ?
Дари игрецъ, не скупися,
Золотой гривной разступися!
Намъ игрицамъ много надо,
На бѣлые на бѣлилы,
На черные на сурмилы.

(Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку).

Спасибо, дружья братья,
Мы пиво твое выпили,
Золотую гривну вынули.

1869.

Иванъ ходя по двору,
Кóнья [1]) на немъ шуба до земи,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Какъ люди скажуть: «Чей это такой?»
Дарьюшка скажеть: «мой господинъ!
Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
Да мнѣ съ господиномъ дѣтей воспитать.»

Женихову отцу съ матерью.

1870.

Угрюмъ, угрюмъ, ходить
Марьинъ батюшка:
Угрюма, угрюма, ходить
Марьина матушка:
Мела свой высокъ теремъ,
Потеряла свой золотъ перстень,
Не золотъ перстень потеряла.
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марью Андреевну.
— Веселъ, веселъ, ходить
Васильевъ батюшка;

---

[1]) т. е. кунья.

Весела, весела, ходить
Васильева матушка:
Мела свой широкій дворъ
И свою новую горницу,
Нашла золотъ перстень
Съ дорогимъ съ камешкомъ.
Не золотъ перстень нашла, —
Нашла себѣ дитятко,
Нашла себѣ милую,
Марью Андреевну.

1871.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Вдарили крылами объ теремъ,
Думали думушку: «Дома ли Марьюшка?» —
Мы бъ ей сказали добрую вѣсть,
Что у Ивана въ домѣ есть:
У него въ домѣ кони вороные,
Онъ самъ собрался на коню,
Собрался на коню, какъ соколъ;
Его батюшка спрашиваеть:
«Ты куда, дитё, собрался?»
— Въ дорогу, батюшка, въ дорогу;
Ты пожалуй-ко, батюшка, подмогу:
Тридцать человѣкъ пѣшковыхъ,
Пятьдесять коней верховыхъ,
Двѣ каретушки золотыя,
Двѣ свашеньки молодыя.

1872.

Вечоръ сы вечеру,
Да трое куръ пѣли,
Четвертая вскрикнула:
Иванъ сударь въ теремѣ,
Русы кудри чеше!
Про свою Авдотьюшку
Онъ и трехъ пословъ послалъ,
Четвертый самъ пошелъ:
Я не йду и не слушаюсь,
Я теперича не твоя:
Судьба Божья—батюшкина
Порожденьице—матушкина.

1873.

Марьи пѣсенку небезчестно слышати,
На дѣвичьемъ вечерѣ съ князьями, со боярами,
Со любовными свашеньками.

1874.

Какъ сказали:
«Иванъ изъ Москвы ѣдеть!»
Не успѣла свѣть Марьюшка
Кунью шубу вздѣть—
За рукавъ шубы схватила,
Середи двора вздѣла,
За воротами ўстрѣла,
И цалуеть, и милуеть,
А правды не скажетъ.
— «Скажу тебѣ правду:
Рожу тебѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Рожу тебѣ дочку,
Какъ бѣлаго груздочка.
Какь сына-то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Какъ дочерю качаю,
Перепутье себѣ чаю.

1875.

Соколъ соколовичъ,
Иванъ Андреевичъ,
Онъ гулялъ по садику,
Гулялъ по зеленому,
Искалъ себѣ соколушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью Андреевну;
Взялъ ее за рученьку,
Взялъ ее за правую,
Повелъ ее по садику,
Повелъ ее по зеленому,
Сталъ ее выспрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
«Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
Гдѣ же ты, Андреевна, росла?»
— «Росла-то я, росла, у батюшки,
Лелѣялася у матушки.»
«Да что жь ты пила, ѣла?»
«Я медъ, вино пила,
Сахаръ, изюмъ ѣла.»

1876.

«Соколы, соколы, куды жь лётали?»
— «Мы лётали съ моря на море.»
«Да что жь вы видѣли?»
— «Мы видѣли утену на морѣ.»
«Да что жь вы ее не взяли?»
— «Хотя мы ее не взяли
А крылушки ощипали,
Горячу кровь пролили.»

1877.

Какъ за нашими широкими воротами
Синее море разливалось,
Бѣлорыбица встрепехталась.
Рыболовцы по бережку ходили,
Бѣлой рыбицѣ говорили:
«Бѣлорыбица, берегись!
Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбица, уловить,
Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
На серебряной тарелкѣ раскладать,
Во высокъ теремъ носить,
На дубовой столъ становить,
Свѣтъ Марьюшку кормить.»
Какъ за нашими широкими воротами
Разыгралися ребята молодые,
Расшутились купцы холостые,
А свѣтъ Марьюшки подружки говорили:
«Берегись, свѣтъ Марьюшка!
Ужь и хочеть тебя Иванъ сударь поцѣловать.»
«Догадалась, подруженьки, догадалась.»

1878.

Надъ рѣкою сосенька зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося[1]) шелъ, вымося шелъ, родной батюшка:
«Дитятко Марьюшко, пойдемъ домой!
Дитятко Ивановна, пойдемъ домой!»
Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
— Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
Нотъ темная, да не мѣсячна,
Рѣки глыбоки — переходу нѣтъ,
Горы высоки, да юсхода нѣтъ.»
Надъ рѣкой сосенка зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится,—русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, милый другъ:
«Душечка Марьюшка, пойдемъ домой!»
—«Охти мнѣ, готовешенька:
Нотъ видна и мѣсячна,
Рѣки мелки и переходъ есть,
Горы высоки и юсходъ есть.»

[1]) т. е. много.

1879.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
«Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй!»
—«Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
Я и ноженьку разула, я Иваномъ назвала, 2
Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

Всѣ 26 зап. мною.

VIII. Тульской губерніи.

Новосильскаго у., въ селѣ Верхней Залегощи.

Отдѣлавшись отъ работъ, убравши свой хлѣбушко, крестьянинъ, если есть у него сынъ взрослый, смышляется женить его (по большей части въ деревняхъ свадьбы бываютъ осенью). Начинается выборъ невѣсты, лучшія качества которой состоятъ въ томъ, чтобы она была рабочая, сильная и дородна собой. Кромѣ того ищутъ, чтобы отецъ невѣсты былъ побогаче, чтобы было гдѣ попить, да погулять. Тутъ уже большею частью дѣло обходится помимо жениха и невѣсты, а родители, замѣтивъ дѣвушку, которая пришлась имъ по праву, или даже только прослышавъ о такой дѣвушкѣ, засылаютъ къ отцу ея сходатаго свата или сваху. Сваха, съ длинной палкой въ рукахъ, приходитъ въ домъ невѣсты, молится Богу и говоритъ: «Здорово живется!»—«Здорова, здорова, Микитишна,» привѣтствуетъ хозяйка, сядь, садь, Микитишна, ты уморилась!»—«И то уморилась, жалкая моя», и сваха садится на полу (возвышенное мѣсто, въ избѣ, подлѣ печки). «Штой-то ты къ намъ пришла, Микитишна?» Спрашиваетъ хозяйка.—«Да што, сударики жалкаи, ўсѣ вы тутъ ўмѣстя. Прослышали мы, што у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ».—«Чей жа это у васъ купецъ-то Микитишна?» спрашиваетъ хозяинъ.—«Да вонъ, сударикъ мой, Зосимушка Радюнинъ хоча сына жанить.»—«О, о, да милости просимъ! Сватъ ни сватъ,—добрый чиловѣкъ»,—

говоритъ хозяинъ. Сваха продолжаетъ: «Да туды ежели не отдавать, сударикъ мой, кудыжь и отдавать-то? Самъ ёнъ мужикъ хорошый, вина почитай ни пьетъ и буянства отъ ниго никода ни бувая ў міру».

— «Да право! Асимья-то ихъ», продолжаетъ сваха, *сунетная*, (?) да сукромная и у пяти селъ такой не найдишь, опять свикровья смѣре́ная, да она, будя продумши мѣстичко сажать свою нявѣску-то. И съ мѣста ни сойтить!» божится она.—«Да это хошь правда, Микитишна,» говоритъ хозяинъ, люди хорошіе, покорить не чѣмъ.»

— «Ну, а какъ чаишь, Микитишна, ў солдаты-то ни пойдеть, малый-то?» спрашиваетъ мать невѣсты. — «И-и, любазная моя! да вишь ёнъ у нихъ самай бо́льшинькяй. Ну идѣшь видано да слыхано, штобы бо́льшого сына брали ў солдаты? Другой можетъ и пойдеть, а этотъ нѣтъ, этотъ останитца.»—«А малый-то, продолжаетъ сваха, такъ, любочка моя, настояштай барянъ! А умница одна ў міря! Да, тамъ дитё, тамъ дитё и говорить нечего! и земля мало родить такихъ».

— «Да про малаго мы́ знаемъ, тутъ ню чужомъ сялѣ,—говоритъ отецъ невѣсты, и то сказать ў кого жъ яму и плохому то быть? Вѣдь што отецъ, што мать, хорошіе люди, а вѣдь яблочко отъ своей яблонки не далеко падая, такъ и дитё.»

— «Правда твоя, сударикъ, правда, замѣчаетъ сваха. А ў дому-то у нихъ чиго тольkя нѣту!» продолжаетъ она, «хлѣбушка ишшо стараго два скирда стоятъ, своя маслинца, скотины тожь много: двѣ коровы съ молокомъ, ў чичвяромъ лошадей ѣзжалыхъ, жеребенокъ, овецъ боля 20-ти, а овцы то настояшшія копны! свиней однихъ што! ветчины-то у анбаря машты гнутца, трихолѣтишная чуть есть ишшо. Да тамъ ўсячины и докону нѣтъ, и докону нѣту»!

— Знамо дѣло, Микитишна, мы знаемъ, што ёнъ хорошо живетъ, ў люди ни зачѣмъ ня ходя, говоритъ хозяинъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, сударикъ! Ну штожь вы мнѣ скажитя-то?» Да вотъ што, Микитишна, до вечера подумаемъ мы со старухою, да съ роднею побалакаемъ, а у вечиря опять къ намъ милости просимъ, приходитя.»—«Ну штожь, родимый подумайтя, сае, хошь у добрыхъ людей успроситя, ни хто худа ни скажа, разя тольkя по ненависти. Да то-то они пристали ко мнѣ: сходи, да сходи! ишь дюжа полюбилась имъ дѣвочка-то ваша, да люди-то вы ни таковскаи, а ўсе у васъ по божьему. Я молъ, отчего-жь не сходить, я схожу, побалакаю,» говоритъ сваха, вставая съ полу. «Ну прошшайтя-жь, жалкаи, такъ до вечира?» спрашиваетъ она уже, выходя. «До вечира, Микитишна, до вечира!» «Ну прошшайтя!»—«Поди сае съ Богомъ!» И сваха уходитъ.

Вечеромъ приходитъ сваха съ сходатымъ сватомъ, Аксенычемъ, хотя этого Аксеныча и зовутъ обыкновенно Мистеркой, на этотъ разъ его величаютъ по батюшкѣ. Аксенычъ войдя въ избу, молится Богу и говоритъ: Здорово были!»—«Здорово, здорово родимый!» Никитишна садится на полу, а Аксенычъ на коникѣ. Аксенычъ, обращаясь къ отцу невѣсты, спрашиваетъ: «Ну Гурьяновичъ, сдумали, штой, вы отдавать-то?»—«Да хто ее зная, старуха ўсе какъ то жалѣя.»—«Штожъ жалѣть? жалѣть нечего, вѣдь это товаръ не береженый, надо-жь отдавать коли-нибудь дѣвку, а мѣсто хорошее.»—«Знамо дѣло, Аксенычъ, объ мѣсту мы не толкуемъ,»—говоритъ хозяйка,—да жаль-то, дюжа, ужь у миня и разумъ разступился, и не придумаю я што и дѣлать! Дѣвочка то молода ишшо.»—«Да што вы толкуйтя? вить это товаръ не береженый, а мѣсто хорошее и малый ужь одно слово хоть куды! Ну штожь тутъ разгадывать?» А невѣста въ это время сидитъ за кожухомъ на печкѣ. Да про малаго мы знаемъ: тутъ ню чужомъ сялѣ, ўсягды на глазахъ,»—говоритъ отецъ невѣсты. «Ну штожь, старуха, какъ ты думаешь»? спрашиваетъ онъ жену свою?» А я и сама не знаю, и разумъ у меня разступился.»—«А я вотъ што скажу табѣ»—продолжаетъ отецъ невѣсты, вить ужъ кода-нибудь надо отдавать дѣвку, безъ этаго нельзя.» Мать молчитъ. «Вястимо, при сае ни продержишь,» замѣчаетъ Никитишна». «Нечего долго толковать,»—говоритъ сходатый,—скажитя: «дай Богъ часъ, да и за виномъ прямо пойдемъ!»—«Ну, а уговоренаго-то штожь вы дадитя нашей нявѣстѣ?» спрашиваетъ хозяйка.—«Да это мы не постоимъ, вотъ питярикъ ей прямо хошь ў руки.» «И-и, штожь это вы гу́торитя! Ну штожь тутъ питярикъ? а вотъ дисятку ежели дадитя, тогда дай Богъ часъ и за виномъ»,—говоритъ мать невѣсты.—«Штожь ты сае, Яхимовна, сдумала это? вить это для насъ дюжа обидно, право, дюжа чижало будя! Ну што ты гонисса за уговорнымъ нишь у тіе *холечовъ* (?) мало? Ни нарядить штой боисса?»—«Да этаго то родимый, слава тіе Господи, хватя усячины. Вить ты думаешь мнѣ твои деньги дороги? мнѣ честь дорога своему дитишту, а то люди скажутъ: «вотъ, молъ, не чаяла съ рукъ спихнуть и уговорнаго мало ўзила.. Ну вотъ ишшо цалковый! Ну по рукамъ штой?»—«Ну ужъ сватъ, ни сватъ, добрый чиласкъ, прибавь видно што одинъ, да и дай Богъ часъ, я ужь ня буду торговатца долго-го: это вить ня лошадь».—«Да ну на, дяржи, ужъ Богъ съ тобою! мы тожь не таковскіе, долго калякать ня будимъ. Ну за виномъ, штой? Ну, видно, дай Богъ часъ,» говоритъ отецъ невѣсты.

Черезъ полъчаса сходатые уже приходятъ съ отцомъ жениха, ставятъ на столъ четверть водки. «Ну, теперь помолимся Богу! Дай Господи, што задумали, загадали совяршить ў добромъ здоровьѣ!» Тутъ всѣ молятся Богу, потомъ садятся за столъ. Сходатый наливаетъ стаканъ вина и, поднося отцу невѣсты, говоритъ: «Ну-ка сваточикъ!» тотъ говоритъ: «Твояму здоровьицу!» Сходатый поднося стаканъ ко рту и кланяясь всѣмъ, говоритъ: «Ну будьтя ўсѣ здоровы! Ты сваточикъ, сватунька, ты Зосимъ Мистёрычъ, и ты Микитишна! Пошли Господи намъ, што задумали, загадали, совяршить ў добромъ здоровьицу»! Всѣ кланяются и повторяютъ: «Пошли Господи, пошли Господи!» Потомъ по очереди пьютъ всѣ, послѣ чего сходатый зоветъ невѣсту: «Ну-ка, Акулина Яхимовна, выдь суды, насъ погляди, а сіе окажи!» Невѣста сходитъ съ полу и кланяется всѣмъ. Сходатый подноситъ ей вина; она взявъ въ руки стаканъ, опять кланяется: прежде своему будущему свекру, потомъ сходатымъ и своимъ роднымъ и почти шепотомъ говоритъ: «будьтя здоровы», прикоснется губами къ стакану, поклонится и опять уходитъ на полъ; къ ней подходитъ мать и начинаетъ голосить:

1880.

Милая-жь моя дѣточка,
Любязная-жь моя дочичка,
Дочичка Акўлюшка!
Да какже такъ, дочичка,
Ў чужіе люди пойтить будя?
Да какже таѐ, любочка,
Чужимъ людямъ угодить будя?
Какъ чужому батюшкѣ съ матушкою,
Какъ дочичка удобривать будя?

Тутъ сватъ и сходатые уходятъ, а отецъ невѣсты посылаетъ собирать сосѣдей и родственниковъ, и затѣмъ они отправляются къ жениху «колушки глядѣть». Мать невѣсты со своими родственницами продолжаетъ голосить:

1881.

Да какъ же мнѣ, горькяй,
Какъ же мнѣ горямыкой,
Какъ же свою дочичку,
Дочичку Акулюшку,
Охъ да съ свойго подворьица,
Какъ мнѣ проводить будя?
Да какъ же мнѣ спустить будя,
Какъ же тая дочичка
Охъ да дѣвичью волюшку
Охъ-да позабыть будя?
Ты вить, моя дочичка,
Ишшо молодехунькя,
Охъ-да зиленёхунькя.
Была-жь моя дочичка,
Была-жь ты у меня проворна,
Была-жь угодлива.
Какъ я, дочичка,
Охъ-да твои слядочки
Какъ буду ухаживать?
Какъ жа теперь я горькія
Охъ да твою работку
Какъ буду уработывать?

У жениха же въ это время сидятъ за столомъ цѣлая толпа уже пьяныхъ мужиковъ, но хозяинъ еще подноситъ имъ водки. Сюда же собрались дѣвушки и молодайки—«игрицы», онѣ обыгрываютъ пришедшихъ сватовъ и пляшутъ подъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ запѣваетъ:

1882.

Во горенкѣ, во новинькяй ходя голубь сы голубушкою,
Во голубя во сизаго золотая голова.
У кого-жь у насъ братцы молодая жена?
У Яхима, у Яхима, молодая жена,
У Мистеровича её молодинькая,
Яму друзья, братья, товаришши позавидовали:
«Кабы эта, кабы эта да моя шельма жена,
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ вы колясочкахъ возилъ
А зимою, а зимою да во новыхъ козыряхъ [1]).»

По окончаніи пѣсенъ одна изъ молодаекъ подходитъ къ величаемому гостю и подставляя горсть, проситъ за обыгрыванье денегъ. Тотъ кладетъ ей копѣйку или двѣ, а остальныя игрицы начали уже обыгрывать другого.

1883.

Вы городя лобода, 2
    Ой лобода, лобода! 2
Ну що-жь эта привада, 2
    Ой привада, привада! 2
Аляксѣй жану привадилъ, 2
    Ой привадилъ, привадилъ! 2

---

[1]) «Козырь»—головки саней, загнутая къ верху часть. Слов. Даля.

Ёнъ ня пивомъ, ни виномъ. 2
Ой ни виномъ, ни виномъ! 2
Своимъ бѣлымъ животомъ, 2
Ой животомъ, животомъ! 2

Опять отправляется сборщица за деньгами и получаетъ опять копѣйку. И такимъ образомъ перевеличаютъ онѣ всѣхъ, а мужики-сваты, по выходѣ изъ за стола, въ свою очередь затягиваютъ пѣсни: «На горѣ былка стояла,» «Ягоравы копечки,» или «Скуковалая молъ кукушечка». И такъ они кричатъ во всю дорогу до самаго дома невѣсты.

Затѣмъ отецъ жениха идетъ къ попу сказывать, что онъ сосватался. «У кого-жь ты сосватался, Зосимъ?» спрашиваетъ священникъ. «Да вонъ, батюшка у Яхима Васютиноча.»—«Что же родства нѣтъ между вами?» «Кажись нѣту, батюшка, какое-жь сроство? А тамъ хто зная? вамъ виднѣя.»—«Ну хорошо, пріѣзжай завтра съ хлѣбомъ-солью, а въ воскресенье я повѣнчаю свадьбу.»—«Батюшка, явитя божескую милость! перевѣнчайтя ў пятницу, потому ежели долго откладывать, такъ черезъ это будутъ лишнія траты, чижало дюжа будя.»—«Нельзя! понимаешь ты: въ воскресенье нужно будетъ сдѣлать оглашеніе въ церкви. Вѣдь вотъ ты не знаешь навѣрно, есть ли родство между вами или нѣтъ?»—«Да нѣтъ, батюшка, нѣту, я доподлинно знаю, потому ни я у него ни хрястилъ, ни ёнъ у меня, вотъ кумовства и нѣту и сватовства тожь-жа!» «Да я хотя и знаю это, да форма того требуетъ,»—прибавитъ священникъ, какъ бы про себя. Крестьянинъ стоитъ, почесывая затылокъ. «А то нильзя-ли какъ, батюшка, ў пятницу-то? Я бы табѣ таво, поросеночка бы принесъ отдѣльно и нихтобъ ня свѣдалъ про то.»—«Иди! говорятъ тебѣ, что нельзя никакъ безъ оглашенія! Да чѣмъ же для тебя будетъ тяжело, если въ воскресенье играть свадьбу?» —«Да какъ же, батюшка, ўсе лишнія траты, то-бы я вотъ ниня собрался къ завтрому къ образованью, да и будя, а то вить до воскресенья-то чуть ни кажны день будутъ ходить-то охмѣляться, то нявѣсту кормить, анъ и чижало!»—«Ишь вѣдь какой ты скупой, Зосимъ, не хватитъ чтоль у тебя для этаго?»—«Да оно ничаго; ну видно, такъ тому дѣлу и быть!» И онъ почесывая затылокъ, уходитъ. На другой день бабы, четыре или пять, ѣдутъ отъ невѣсты рубаху мѣрить жениху; везутъ онѣ съ собой холста три льняныхъ для рубашекъ жениху. По пріѣздѣ въ домъ жениха этихъ бабъ, опять собираются игрицы. Бабы садятся за столъ и, попросивъ у хозяйки рубашку жениха, мѣряютъ по ней холстъ, скроятъ рубашки двѣ-три и опять завертываютъ холстину въ свои платки; хозяйка начинаетъ ихъ подчивать харчью, хозяинъ водкой, а игрицы обыгрываютъ ихъ пѣснями. Вотъ онѣ поютъ и пляшутъ:

1884.

По рѣчушкѣ утёнушка плавала, плавала,
Плавала, плавала!
По сѣничкамъ Хавроньюшка хо́дила, хо́дила!
Ходила, ходила!
По новенькимъ Мистёровна гу́ляла, гуляла!
Гуляла, гуляла! и т. д.

Потомъ отпочеванныя бабы выходятъ изъ за стола и тутъ начинается пляска подъ пѣсни, которыми величаютъ жениха съ невѣстой. Сначала запѣваетъ одна; потомъ подхватываютъ всѣ:

1885.

Да ну чей такой по улицѣ конь игралъ,
Ну чей такой по широкой шурмувалъ?
Ой, лей ляли, али лей ляли шурмувалъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова 2-го стиха).

—Усё это Ягоровъ конь играя,
Усе это Зосимовича шурмуя,
Ёнъ выскочилъ во зилепай садъ погулять,
Ёнъ пристопталъ зиляну мяту илюмжу:
Увидѣла Акулинушка, смолчала,
Увидѣла Яхимовна—ничаго,
Увидѣла Акулинина матушка,
Ни сломила съ калина куста вѣточку,—
Ударила ворона коня по бедру,
Захватила Ягорушку по лицу—
Захватила Зосимовича по бяломъ.
Ну будь же ты Ягорушка бѣлъ-румёнъ—
Ну будь же ты, Зосимовичъ, чернобровъ,
Чаши́ кудри, чаши́ русы ниже бровъ
Ой лей ляли, али лей ляли! ниже бровъ.

Потомъ онѣ поютъ еще нѣсколько пѣсенъ: изъ числа которыхъ приводимъ слѣдующія:

1886.

«Перепелка, перепелка,
Перепелушка молодая!

Я кудажъ ты, я кудажъ ты,
    Я куда летала?»
—«А лятала, а лятала
    Ва зиленый садъ виноградья,
Обивала, обивала золотыя крыльцы
    На пяриицы.
А ни ласка, а ни ласка,
    А ни ластушка прилетала,
Она вѣску, она вѣску
    Она вѣстушку приносила,
Она вѣску, она вѣстушку,
    Она вѣстушку слизявую.
То Марья, то Марья
    По сѣнюшкамъ ходила;
Дочь Филипьевна
    По новенькимъ гуляла.
'На гуляла, 'на гуляла,
    Свово батюшку пробужала,
    Свово роднова пробужала:
Што ни батькя, што ни батькя:
    Што ни батькя пробудися,
    Што ня роднинькяй ошнися:
А ни годъ мнѣ, а ни годъ
    Ва тіе годовати,
Ни нядѣлькю, ни нядѣлюшку
    Ва тіе гостовати.
Одну ночку, одну ночушку
    Ва тіе ночевати,
    Одну темную коротати.
Ни тае мнѣ, ни тае мнѣ
    Съ тоски во слезахъ невидати.

1887.

Ужъ ты голъ ли, мой голъ, голъ голочикъ
    Ой ляли, а лиля, голъ голочикъ!
Ужъ ты ясный мой соколочикъ, —
    Ой ляли, а лиля соколочикъ!

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, т. е. съ повтореніемъ послѣдняго слова).

Ой, бувалъ ли ты, голъ, 2, на Волгѣ?
Ой, видалъ ли ты, голъ, голъ гомолку?
—«И ну какъ мнѣ на Волгѣ не бувати?
И какъ мнѣ гомолку не видати?
Она изъ луга въ лугъ перелетала,—
Шелковая травушка зашумѣла,
Съ колокольчикомъ крылья зашумѣли.

«И ну хтожъ у насъ бѣлый кудреватый?»
— У насъ бѣлый кудреватый—нашъ Андрея.
Сколь далеко Андреюшка заѣхалъ, —
На чужую на дальнюю сторонку,
За Пягоштинскую на слободку.
«Ой бувалъ ли, Андреюшка ва тестя?
Да ва ласковой привѣтливой ва тешши?
Ой видалъ ли, Андреюшка, Ахимью?»
—«И ну какъ мнѣ ва тестя ни бувати!
И ну какъ мнѣ Ахимью не видати!
Она изъ терема ва теремъ пирходила,
Пуховыя пирины пирносила,
На ней твѣтная платья зашумѣла,
Въ косѣ алая ленда заалѣла, —
    Ой ляли, а лиля, заалѣла.

Ѣдутъ и во всю дорогу кричатъ пѣсни; махаютъ платками и подплясываютъ, стоя на телѣгѣ. Послѣ этого отъ жениха столько же бабъ ѣдутъ кормить невѣсту; онѣ везутъ ей блюдо наполненное лепешками, курицей и еще какимъ либо мясомъ, горшочекъ каши отъ жениха отдѣльно, баранокъ около фунта, груздиковъ или пряниковъ намочныхъ и яблокъ. У невѣсты, эти бабы напившись до пьяна, ѣдутъ обратно съ пѣснями; и стоя на телѣгѣ, машутъ платками и подплясываютъ. Вотъ одна, точно какъ въ изступленьи, бьетъ въ ладоши и кричитъ пискливымъ голосомъ:

И!-и!-и! Гоцъ ну! гоцъ ну!
А ну-нуть!—туть! туть!
Другая кричитъ:
Ай ишшо! ай ишшо! ишшо! ишшо!

Наканунѣ свадьбы какъ у жениха такъ и у невѣсты собираются всѣ родственники и сосѣди. Въ домѣ жениха дружка становитъ послѣдняго посреди избы на постланную къ верху шерстью баранью шубу; отецъ съ матерью берутъ съ божницы икону и благословляютъ сына. Потомъ ставятъ на телѣгу сундукъ, наполненный харчью и коровайцами и длинный обозъ съ народомъ съѣзжаетъ со двора; они ѣдутъ на *образованье* къ невѣстѣ.

Въ домѣ невѣсты въ это время толпится народъ въ хатѣ, въ сѣняхъ и на дворѣ сюда прибываетъ еще человѣкъ 50 съ сватовой стороны. Дружко вводитъ жениха, ставитъ его подлѣ порога и говоритъ: «Здраствуйтя, сваточки, сватуньки!»—«Здорово, здорово, сваточикъ!» отвѣчаютъ тѣ. Потомъ входятъ въ избу всѣ гости и здороваются.

Около невѣсты, на полу, биткомъ набито дѣвушекъ—«дѣвишницъ», разряженныхъ конечно, какъ макъ цвѣтущихъ. Невѣста тоже наряжена, въ аломъ съ золотомъ платкѣ, на косѣ и на пле-

чахъ лентъ навѣшено аршинъ десять, юбка и рукава рубашки тоже красные, только и бѣлѣется станъ рубашки.

Вотъ подлѣ пола стелятъ къ верху шерстью баранью шубу; дружко ставитъ на нее жениха рядомъ съ собою, противъ пола и вызываетъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна! Извольтя на винную чару сойтить!»

Дѣвушки съ полу отвѣчаютъ:

«Извольтя нашу Акулину Яхимовну окупить,— не рублемъ,—полтиною, золотою гривною, и скляницей вина!»

Дружка подаетъ имъ бутылку вина, накрытую мѣдной гривной или пятикопѣечной монетой. Дѣвушки, замѣтивъ, что бутылка не полна, говорятъ:

«Э, дядюшка, штожь это ты ня полну намъ даваишь? Это у нашай Акулины Яхимовны глаза такъ-то уволютца!»

— «Нябось, у насъ ни уволютца!»—говоритъ дружко.

«Нѣтъ, нѣтъ, дядичка, долéй, а то мы нявѣсту ня спустимъ съ полу!»

Дружко доливаетъ бутылку и отдаетъ дѣвишницамъ. Дѣвишницы уходятъ распивать бутылку или въ горницу, или къ сосѣду, а съ невѣстой остаются только двѣ дѣвушки, которыя будутъ сводить ее съ полу. Теперь дружко научаетъ жениха звать невѣсту, такъ же какъ онъ звалъ. Женихъ, потупя голову, тихо говоритъ:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

Съ полу сходятъ: впереди двѣ дѣвушки, а сзади невѣста, онѣ становятся на шубу, кланяются прямо, потомъ направо и налѣво и уходятъ опять на полъ. Женихъ, принуждаемый дружкой, опять зоветъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

И на этотъ разъ дѣвушки сходятъ съ невѣстой, кланяются въ три стороны и опять уходятъ на полъ. Въ третій разъ женихъ зоветъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

Опять дѣвушки сходятъ съ невѣстой, кланяются и на этотъ разъ ужъ не уходятъ на полъ, а становятся въ рядъ подлѣ пола. Дружко ставитъ жениха съ правой стороны подлѣ невѣсты и дѣвушки, которыя сводили съ полу невѣсту становятся: одна подлѣ жениха, а другая подлѣ невѣсты. Тутъ отецъ и мать жениха берутъ икону и благословляютъ жениха съ невѣстой, потомъ передаютъ икону отцу и матери невѣсты, тѣ тоже благословляютъ ихъ.

Потомъ дружко даетъ жениху стаканъ съ виномъ и велитъ передать его невѣстѣ, причемъ спрашиваетъ: «Кому даешь?» Женихъ отвѣчаетъ: «Акулинѣ Яхимовной.» Дружко спрашиваетъ невѣсту: «Отъ кого берешь?» Невѣста отвѣчаетъ. «отъ Ягора Зосимовича.» Потомъ дружко передаетъ жениху бутылку съ водкой. Послѣ этаго начинаютъ подходить подъ «поцаловки». Подходятъ по двое: мужчина съ женщиной, т. е. мужъ съ женой или съ родственницей. Подошедшіе, указывая на бутылку въ рукахъ жениха и на рюмку въ рукахъ невѣсты, говорятъ: «За которую-жь намъ браться?» Дружко отвѣчаетъ: «за которую вамъ будетъ угодно! вотъ эта стоитъ тысячу рублевъ», указываетъ на бутылку, «а вотъ эта полтысячи!» указываетъ на рюмку. «Видно надо браться за ту, которая подешевле,» и каждый беретъ рюмку изъ рукъ невѣсты и говоритъ:

«Ну, будьтя здоровы, молодой князь со княгинею!»

Женихъ съ невѣстою кланяются въ поясъ и такъ остаются нагнувшись, пока привѣтствовавшій прикушавъ вина не скажетъ: «горько!» Тутъ они поднимаются и три раза цѣлуются. Цѣлуется и подошедшая пара. Потомъ мужикъ, прикушавъ вина опять говоритъ: «Ишшо погорчѣло!» Опять обѣ пары цѣлуются по три раза, послѣ чего женихъ съ невѣстой еще наклоняются, а мужикъ въ третій разъ прикушиваетъ вина и восклицаетъ: «Штожь, сватъ, такого вина горькаго купилъ? Ай ужь насорилось што у стаканъ съ потолка?» и глядитъ на потолокъ.

«Нѣтъ, сваточикъ, я чисто обметала,» говоритъ приспѣшница (стряпуха). Снова обѣ пары цѣлуются и женихъ съ невѣстой опять нагибаются; тутъ онъ выпиваетъ всю рюмку и говоритъ: «сладко!» Молодые выпрямляются. Мужикъ цѣлуетъ жениха три раза и говоритъ: «укажи дорожку!» Женихъ цѣлуетъ одинъ разъ невѣсту, потомъ три раза цѣлуетъ ее и этотъ мужикъ, дальше онъ цѣлуетъ двухъ дѣвушекъ, которыя стоятъ по сторонамъ жениха и невѣсты, причемъ одна дѣвушка, что стоитъ съ правой стороны жениха, держитъ блюдо съ ширинками (съ холщевыми продолговатыми платками), поцаловщикъ беретъ одну ширинку, утираетъ губы и доставъ изъ кармана мѣдную монету, кладетъ ее на блюдо. Теперь начинаетъ повторять вышеописанную

глупую, пустую формальность, женщина, которая до того стояла только и цѣловалась, затѣмъ ея роль принимаетъ на себя ея супругъ, или родственникъ, или знакомый. И такимъ образомъ, пока всѣ жениховы родственники и знакомые подойдутъ парами подъ *поцаловки*, женихъ съ невѣстой во все время наклоняются и цѣлуются. По окончаніи этой церемоніи жениха съ невѣстой сажаютъ на полу, гдѣ поставленъ для нихъ столъ, на которомъ угощаютъ ихъ ужиномъ, Жениховыхъ родныхъ и знакомыхъ тоже сажаютъ за столъ и тутъ начинается ужинъ. Дѣвушки въ это время въ сѣняхъ величаютъ жениха съ невѣстой или, выпросивъ лошадь съ телѣгой, ѣдутъ кататься по селу. Насажавшись на телѣгѣ или на двухъ, онѣ ѣдутъ и кричатъ пѣсни.

Въ избѣ же за столами тоже слышится крикъ нѣсколькихъ голосовъ, такъ что за однимъ дотягиваютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ. Тутъ сливаются въ одинъ гулъ и пѣсни и говоръ: вотъ одинъ кричитъ: «Сваточикъ! сваточикъ! да ну! выпяй ты отъ мине! да ну, сватокъ! Исдѣлай такую милость!» А вотъ слышится женскій протяжный голосъ: «кушайтя, сваточки любезнан, съ сахаромъ ў душку!»—«Спасибо, спасибо, сватунькя! Много довольны!» Когда кончается этотъ ужинъ, то жениховы родные сажаютъ за столы невѣстиныхъ родныхъ и знакомыхъ, вынимаютъ изъ сундука свою харчь, коровайцы, хлѣбъ и водку и угощаютъ ихъ. Послѣ этаго ужина сваты съ женихомъ уѣзжаютъ съ крикомъ пѣсенъ.

За столъ сажаютъ теперь уже дѣвишницъ, съ ними садится и невѣста; ихъ угощаютъ также виномъ и ужиномъ. Послѣ каши, онѣ сидя за столомъ «кажутъ» спасибо всему семейству. Одна изъ нихъ запѣваетъ:

1888.

«И спасибо Яхимумушкѣ»

Всѣ подхватываютъ:

«И спасибо Мистеровичу!
За любовь, за соль, за хлѣбъ за вино!»

Потомъ всѣ вмѣстѣ, сидя за столомъ наклонятся до самаго стола, хозяйка также стоитъ у конца стола и послѣ каждаго «спасибо» кланяется имъ, причемъ опять поютъ:

«И спасибо Хавроньюшкѣ,
(матери невѣстиной).
И спасибо Пятреевной!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

Затѣмъ поютъ: «спасибо» невѣстѣ.

«И спасибо Акулинушкѣ!
И спасибо Яхимовной!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

И такимъ образомъ поютъ они «спасибо» всему семейству», даже до маленькаго ребенка, а послѣ всѣхъ поютъ:

1889.

«И спасибо столу и скамѣечкѣ,
И спасибо ўсей да семеечкѣ!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

По выходѣ изъ за стола невѣста становится на средину избы и тоже на распѣвъ «кажетъ спасибо» всему семейству, причемъ сама плачетъ. Начинаетъ она со старшихъ, напр. съ дѣда.

1890.

«И спасибо сирдоболю дѣдушкѣ—
Мистеру Ивановичу
За хлѣбъ за соль,
Што мою бясѣдушку
Хорошо сукрасялъ,
Ничѣмъ ни обяздолялъ!»

Тутъ она послѣ каждаго возгласа кланяется Потомъ поетъ она «спасибо» бабкѣ, если она жива, а если умерла, то поетъ:

«И спасибо бабушкѣ!
У праведныхъ родителяхъ!
За хлѣбъ, за соль,
Што мою бясѣдку
Хорошо сукрасила
Ничѣмъ ни обяздолила!»

Потомъ отцу:

«И спасибо сирдоболю батюшкѣ!
За хлѣбъ, за соль,

Што мою бясѣдушку
Хорошо сукраслялъ!
Ничѣмъ ни обяздолялъ!»

Затѣмъ кажетъ она спасибо матери, братьямъ, если есть дядямъ и всѣмъ, всѣмъ. Родные и подруги плачутъ, слушая ее, потому «дюжа ужь жалобно кажа.»

На другой день къ жениху ѣдутъ охмѣляться одни мужчины; ихъ какъ и прежде обыгрываютъ игрицы. Оттуда они возвращаются пьяные и кричатъ во все горло пѣсни величальныя, тягольныя, напр. «На горѣ былка стояла,» «Ягоровы конечки» и «Скуковалася молъ кукушечка.»

У невѣсты за столомъ сидятъ дѣвишницы, спѣшатъ дошивать приданое и величаютъ невѣсту. Въ половинѣ дня дядьки, (братъ невѣсты и еще парня четыре) собираются ѣхать къ жениху; невѣста ихъ провожаетъ, кланяясь каждому въ ноги и цѣлуетъ по три раза, послѣ чего дядьки уѣзжаютъ.

По пріѣздѣ къ жениху ихъ тамъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ поѣзжаньемъ, которое состоитъ человѣкъ изъ 20-ти; съ ними садится и женихъ. Тутъ подаютъ обѣдъ, на этотъ разъ постный, это было и въ воскресенье. Подается капуста съ квасомъ, картофель съ масломъ, похлебка со пшеномъ и каша съ постнымъ масломъ. По окончаніи обѣда подлѣ пола разстилаютъ шубу кверху шерстью, на нее становится женихъ и предъ иконой, которую держатъ отецъ съ матерью, кладетъ три земныхъ поклона и потомъ, по наущенію дружки, цѣлуетъ у батюшки руку и самого батюшку»; потомъ икону беретъ мать и также благословляетъ сына. Послѣ этого поѣздъ длиннымъ обозомъ съ колокольцами и бубенчиками, съ крикомъ свадебныхъ пѣсенъ отправляется за невѣстой. У воротъ двора невѣсты ихъ встрѣчаютъ посторонніе мужики съ кольями, дубинами и т. п. орудіями и не пускаютъ въѣхать на дворъ, а требуютъ полштофа водки; тѣ, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ отдаютъ требуемое и въѣзжаютъ на дворъ. Дружки и подружки оставляютъ жениха на дворѣ, а сами идутъ въ избу, молятся тамъ Богу и говорятъ: «здраствуйтя сваточки, сватуньки!»

— «Здорово, здорово, сваточки!» отвѣчаютъ тѣ.

— «Ну, штожь, готовы ль вы, сватуньки?» — спрашиваетъ дружко.

— «Сейчасъ, сваточикъ! вотъ нявѣсту нарядимъ!»

— «Поскорѣе, пожалуйстка!»

Тутъ дружко, взглянувъ за столъ и увидѣлъ что по лавкамъ на подушкахъ сидятъ небольшіе рebятишки вооруженные, — кто полоникомъ (разливальная ложка), кто весломъ, кто дубинкой, держа оружія свои кверху концами, достающими почти до потолка, — закричалъ на нихъ строго:

«Откуда вы поналѣзли суды! Вонъ пошли!»

Но ребятишки не струсили, а наученные старшими, они только сказали:

— «Нѣтъ мы ни падёмъ! а давай намъ по трынкѣ (по копѣйкѣ), да по стакану вина, тады мы и пустимъ васъ!»

Дружко еще долго стращалъ ихъ. Ребятишки начинали уже терять храбрость; но тутъ имъ на помощь стали являться ихъ сердобольныя «бабушки» и матушки.

— «Што ты, што ты, сваточикъ! Нишь тахто можно? Да таки, какъ добрые люди, одялй ихъ по трыночкѣ, да поднаси винца по стаканчику, они и пойдутъ сае!» «Ты погляньκя» продолжаютъ бабы, «на какихъ они падушкахъ-то сидятъ, ня грѣхъ и по симеркѣ одялить!»

Дружко сдается, подноситъ ребятишкамъ вина и даетъ пятачекъ на всю братію.

Ребятишки сначала напуганные строгостью дружки, а потомъ обрадованные наградой, высыпаютъ градомъ изъ за стола. А на полу свахи и дѣвичницы одѣваютъ невѣсту: сначала онѣ ее обуваютъ, причемъ кладутъ ей въ сапогъ серебрянный гривенникъ для того, чтобы богато жила, потомъ надѣваютъ на нее все, причемъ ея мать всходитъ и креститъ каждую принадлежность костюма; голову вмѣстѣ съ лицемъ накрываютъ кисейнымъ полотенцемъ; въ пазуху кладутъ ей кусочекъ мыльца, рябиновыхъ и яблоновыхъ листиковъ для того, чтобы не испортили злые люди. Потомъ всходитъ братъ невѣсты, садится и расплетаетъ ей косу, а она нагнувшись и прижавъ платокъ къ глазамъ, плачетъ и голоситъ:

1891.

Рясплятп, братяцъ!
Косу росу! (русу)
Ужой моя косочка
Открасовалася!
Ўдоль по синушкѣ
Отлежалася!
Какъ же мнѣ, горькяй,
Ў чужіе люди пойтить!
Какъ же мнѣ, горямыкай,
Чужимъ людямъ угодить?

Тутъ братъ невѣсты уходитъ, а мать, обнявъ свою дочь, голоситъ вмѣстѣ съ нею. Къ нимъ

пристаютъ еще разныя тетки и сестры и всѣ оглашаютъ избу заунывной голосьбой. Но вдругъ раздается голосъ дружки: «Ну, ну, сватуньки! будя вамъ! сходитя-ка суды! пора!»

Невѣсту сводятъ съ полу, сажаютъ на лавку у конца стола, на которомъ лежитъ *корвега*, обшитая холстиной. Тутъ дружко подходитъ и наклоняетъ голову невѣсты на эту корвегу; потомъ подводитъ къ ней жениха и говоритъ: «Ну-ка, погляди-ка! твоя ли это?» Женихъ поднимаетъ голову невѣсты, цѣлуетъ ее и садится на правую сторону. Дружко замѣчаетъ:

«Ишь ты, свою-то узналъ, не ошибся!»

Затѣмъ подходитъ мать невѣсты, беретъ за головы жениха и невѣсту, прислоняетъ ихъ другъ къ другу, обводя ихъ три раза вокругъ ширинкой, послѣ чего эту ширинку засовываетъ за пазуху жениху и уходитъ. Все поѣзжанье садятся за столъ; имъ подаютъ обѣдъ, опять постный. Женихъ съ невѣстой не ѣдятъ, а только цѣлуются, когда кто говоритъ: «горько». Въ это время посреди избы *дѣвичницы* обыгрываютъ сначала жениха съ невѣстой, а потомъ и всѣхъ поѣзжанъ Послѣ обѣда все поѣзжанье выходитъ на дворъ, а дружко ставитъ жениха съ невѣстой опять на шубу, постланную кверху шерстью, отецъ и мать «баславляютъ» ихъ иконой, при чемъ всѣ, не исключая и невѣсты, опять оглашаютъ избу жалобной голосьбой. Дружко силою отрываетъ рыдающу невѣсту отъ матери и ведетъ ее на дворъ вмѣстѣ съ женихомъ. Подводятъ ее къ будкѣ (бричкѣ), она взлѣзаетъ на телѣгу и стоя кланяется на всѣ четыре стороны и садится въ будку. Поѣздъ съ пѣснями съѣзжаетъ со двора и направляется къ церкви.

Послѣ вѣнца молодую чету везутъ въ домъ свекра. Тутъ на дворѣ толпится народъ, изъ среды котораго выдѣляется одна баба, одѣтая въ вывернутую баранью шубу, съ громадной мохнатой шапкой на головѣ, держа въ рукахъ блюдо съ овсомъ; только что молодые покажутся въ воротахъ, она беретъ горсть овса и бросаетъ молодымъ прямо въ глаза, что она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока они не подойдутъ къ отцу съ матерью, которые у дверей встрѣчаютъ ихъ съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Тутъ эта баба въ шапкѣ и посторонніе молодайки и дѣвушки поютъ встрѣчную пѣсню:

1892.

Стривай, мати, сына! 2
Твой сынъ-соколъ ѣдя! 2
Пирамѣнушку везетъ, 2
Пирамѣннаи ручки! 2

Вошедши въ избу, молодые и все поѣзжанье садятся за столъ и ужинаютъ, но молодые не ѣдятъ. Тутъ каждый, кто только возьметъ въ руки стаканъ съ виномъ, прикушавъ, говоритъ: «горько!»

Молодые теперь уже считаютъ себя обязанными цѣловаться и цѣлуются обыкновенно по три раза. И рѣдко кто скажетъ горько одинъ только разъ, а то все по два, да по три раза и все съ разными шуточками: то скажетъ, что вино насорено сажей съ потолка, то, обращаясь къ молодой, говорятъ: «ну-ка, Акулюшка, подсласти ты пшшо!» и молодая первая подставляетъ свои губы для поцѣлуя своему мужу. Или вдругъ одинъ мужикъ, не допивъ полрюмки вина, выплескивая его подъ потолокъ, говоритъ: «молодымъ на кудярцы!» Другой точно также выплескивая вино, восклицаетъ: «штобы наши молодые тахта побрыкивали!»

Послѣ этого ужина молодыхъ сажаютъ за столъ, на полу и «кормятъ» послѣ чего дружко съ поддружкомъ ведутъ молодыхъ въ *хизокъ* [1]) на дворъ, хотя бы то было среди зимы и въ лютый морозъ. Въ хизкѣ молодые остаются до утра.

На другой день отецъ молодого посылаетъ поддружка позывать сватовъ на каравай. Поддружко, войдя въ избу свата, здоровается съ ними и говоритъ: «Милости просимъ, сваточки, сватуньки, къ намъ ў гости, провѣдать молодого князя сы княгинею!

Приглашенныя, собравшись всѣ (человѣкъ 50), ѣдутъ длиннымъ поѣздомъ «каравай кроить.» На одной телѣгѣ везутъ сундукъ съ приданымъ молодой.

Весь этотъ длинный поѣздъ съ народомъ въѣжаетъ на дворъ къ свату, всѣ сходятъ съ телѣгъ, входятъ въ избу. Тутъ вокругъ стола сидятъ бабы, старики и каждый не безъ дѣла: одинъ старикъ длинной палкой третъ табакъ въ горшкѣ, другой со свалкой въ рукѣ починиваетъ старый лапоть; одна баба прядетъ веретеномъ хлопья, другая шьетъ и т. д. Вошедшіе, помолясь Богу, говорятъ:

«Здраствуйтя добраи люди! Помогай Богъ работкѣ вашей!»

— «Спасибо, спасибо!» отвѣчаютъ тѣ, стараясь быть серьезными.

«Што это вы къ намъ пришли?»

— Да ишь што пришли, ярочка у насъ пропала, такъ не болтается ли у васъ какая чужая?

«Нѣтъ, жалкаи! у насъ нѣту! Какая жь ваша ярочка-то?» спрашиваетъ старуха.

— Да бѣленькая съ хвостикомъ (съ косой бывшая невѣста, а теперь она въ кичкѣ).

«Нѣтъ жалкаи, такой мы не видали и нѣту у насъ,» отвѣчаетъ старуха.

---

[1]) Этого слова у Даля нѣтъ, а есть: «*хиза*,—старин. и *хизина*, црк. хижа, хижина.» Съ Оп. обл. великор. слов. значится: *хижа*—шалашъ въ лѣсу.

— Да, можетъ, вы и не разглядѣли, какъ она учира́ ўвечюря, ўскочила къ вамъ и заночевала. Семъ-ка мы, полядимъ по двору-то.

«Што глядѣть?!» кричитъ старикъ сердито и выходитъ изъ за стола. Сказано нѣту, да и шабашь! Ишь вѣдь тутъ болтаются!» продолжаетъ онъ, горячась, работали-бы вы лучше дома и добрымъ людямъ не мѣшали бы!»

— «Ну, ну, старичокъ, ни сирчай! Чаго жь ты сирчаешь? Ну и полядѣли-бъ мы, твоихъ вѣдь не поведемъ! А нѣту и нѣту, ну и ня нужно!»

«То-то! Вѣдь я вамъ толкомъ говорю, што нѣту,» говоритъ старикъ смягчаясь.

Въ концѣ концовъ они мирятся. Дружко вводитъ молодыхъ, становитъ подлѣ пола; сваха стоитъ рядомъ съ молодыми и держитъ въ рукахъ блюдо съ дарами. Начинаютъ подходить подъ *поцаловки*: прежде подходятъ вмѣстѣ отецъ съ матерью молодого, или, если есть дѣдъ съ баб-кою. Тутъ продолжается часа три та же церемонія, что была и на образованьѣ.

Послѣ *поцаловокъ* молодыхъ и гостей посадили за столъ. Дружко взялъ корвегу хлѣба, наклонилъ головы молодыхъ, держа корвегу на головахъ, а поддружко разрѣзалъ ее пополамъ; въ этомъ именно и состоитъ *кроеніе каравая.* Потомъ начинался обѣдъ, но молодые и тутъ не ѣли, а только какъ кто выпьетъ вина, да скажетъ «горько», они опять вынуждены были цѣловатся и все по три раза.

За столами происходилъ говоръ или послѣ какоголибо кушанья затягивали пѣсню: за однимъ кончаютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ, а потомъ этотъ гулъ сливается вмѣстѣ. Приспѣшницы подаютъ на столы: одна въ смѣшномъ колпакѣ, а другая въ тряпкахъ, до безобразія увернутыхъ вокругъ головы. По окончаніи обѣда шумъ, говоръ и пѣсни еще усилились и тутъ, какъ говорится, дымъ поднялся коромысломъ: всѣ и молодые и старые закричали пѣсни и заплясали. Вотъ бабы пошли плясать по лавкѣ конику, приспѣшница въ колпакѣ вскочила на скамейку, и заголосила:

1893.

Хата моя, хата моя,
Хата моя выновая,
Хата моя выновая!
Ва тый хатя, ва тый хатя
Ва тый хатя доска ляжала 2
Ляжить доска, ляжить доска,
Ляжить доска, тонка, хлеска, 2
По тый доскѣ, по тый доскѣ,
По тый доскѣ свекоръ ходя, 2
Свекоръ ходя, свекоръ ходя,
Свекоръ ходя, журя броня; 2
Журя броня, журя броня,
Журя, броня ни за дѣло,
Ни за дѣло, ни за дѣло,
Ни за дѣло, за бяздѣлья: 2
Гулять пошла, гулять пошла,
Гулять пошла, ню спросилась 2
Съ гульбы пришла, съ гульбы пришла
Съ гульбы пришла ня 'бьявила. 2

Затѣмъ стали пѣть величальныя пѣсни.

Въ хизкѣ въ это время переодѣвали молодую: сняли съ нее дѣвичью юбку, полотенце съ головы, а надѣвали паневу, голову убирали въ кичку, подзатылень и сороку съ опушинами.

Сваты между тѣмъ уѣзжаютъ къ себѣ и опять во всю дорогу кричатъ пѣсни и пляшутъ на телѣгахъ. По пріѣздѣ они сейчасъ набрали столы, какъ тамъ было, поставили на нихъ изъ тѣста ржаные прѣсные пироги и штофа по три на каждый столъ водки, и все это сверху закрыли скатертями. Хозяинъ посылаетъ приглашать въ *отводы* сватовъ. Собравшись человѣкъ 50, они всѣ, вмѣстѣ съ молодыми, уѣзжаютъ туда. А тутъ за столъ, какъ и у свата, было усѣлись старики и старушки съ домашней работой. И также какъ на короваѣ послѣ шуточныхъ переговоровъ и ссоръ мирятся. Молодыхъ и всѣхъ гостей сажаютъ за столъ и также шутовски наряженныя приспѣшницы подаютъ обѣдъ. Подается, какъ у тѣхъ сватовъ свиная голова съ квасомъ; затѣмъ подаютъ на каждый столъ по курицѣ, — тоже съ квасомъ, потомъ окорокъ вареной ветчины или свѣжины со щами, далѣе говядину или баранину обжаренную, потомъ по гусю или по индѣйкѣ, тоже обжаренные, а тамъ жаренаго поросенка, жареную ржаную лапшу и наконецъ кашу съ саломъ. Передъ каждымъ кушаньемъ подносятъ каждому по два стакана вина и каждый, какъ только пьетъ говоритъ: «горько» и молодые цѣлуются. На этотъ разъ за столомъ молодые уже и ѣдятъ и имъ, какъ и другимъ подносятъ водки. Молодая въ домѣ отца дѣлается смѣлѣе и потчуетъ своего свекра, свекровь и другихъ родныхъ: такъ, напримѣръ, поднося стаканъ водки свекру она говоритъ: «На, батьшкъ, выпяй!» — «Да ну, Акулюшка, выпяй сабѣ сама-то!» — Нѣтъ, нѣтъ, батьшкъ, выпяй ты, да ну, пожалуста, пожалуста, выпяй!» Свекоръ беретъ стаканъ и пьетъ, а молодая встанетъ и руками взявшись за дно стакана

опрокидываетъ его насильно въ ротъ своему батькѣ. Или начнетъ подкладывать кушанья своимъ близкимъ новымъ родственникамъ, а то встанетъ, поклонится всѣмъ гостямъ и говоритъ: «кушайтя, кушайтя, мои дорогіе гостечки любимшаи!» А тамъ свахи, да приспѣшницы кричатъ попеременно: «кушайтя сваточки, сватуньки! Съ сахаромъ ў душку!» Въ половинѣ обѣда гости, насытившись и подъ вліяніемъ выпитой водки, опять начинають за столомъ кричать или лучше сказать ревѣть пѣсни, особенно если пѣсни тягольныя, то это пѣніе очень похоже на ревъ звѣрей. Залилякаютъ, бьютъ въ ладоши подплясывая, а послѣ обѣда — все закружилось, заплясало: крикъ, топотъ, хлопанье ладошъ все заглушило. Тутъ и старушки, что говѣютъ каждый постъ и исповѣдаются и которыя за тысячу рублей не дадутъ оскоромиться въ среду или пятницу даже трехлѣтнему своему внуку, а сами «лучше дадутъ свою голову на отсѣченье, нежели дадутъ себя оскоромить», какъ говорятъ они сами,— эти набожливыя старушки за столомъ въ ладоши бьютъ и пѣсни кричатъ своимъ старческимъ дребежжащимъ голосомъ.

Долго, до глубокой полночи кричитъ, кружится эта толпа пьянаго православнаго люда, потрясая крикомъ и шумомъ это бѣдное закоптѣлое зданіе деревенской хаты.

Наконецъ все нѣсколько угомонилось и длинный обозъ потянулся со двора, поѣхалъ и скрылся изъ вида, но крикъ пѣсенъ все еще доносился до слуха.

Молодые здѣсь остаются ночевать. Подъ утро все утихаетъ и засыпаетъ крѣпкимъ пьянымъ сномъ подъ покровомъ темной осенней ночи.

На другой день эти два свата съ гостями, по заведенному, позовутъ другъ друга на разгулки, попируютъ какъ и вчера. Затѣмъ опять потечетъ будничная жизнь ихъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. учительн. народн. училища г-жей М. Кириловой.

Того же уѣзда, деревня Подъяковлева.

(Разсказъ очевидца).

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій парень на крестьянской же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наканунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ «дѣвичникъ». Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, нарядившись еще въ сумеркахъ, въ ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Нарядъ ея состоялъ: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся была открыта. Изъ подъ платка виднѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, оканчивающаяся вплетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одѣта была невѣста въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, па ватѣ, нанковая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, со сборками назади и отъ лифа и, сверхъ сего, покрыта бѣлымъ полотномъ. Подлѣ невѣсты усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери-невѣсты. Между тѣмъ подруги невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли:

1984.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
Туманъ, туманъ по дубравкѣ.
Да по этой-то дорожкѣ, 3
Да по этой-то широкой, 3
Андреянъ сударь ѣдетъ; 3
Онъ плеткою машетъ: 3
«Догадайся, Авдотья! 3
Промети дороженьку, 3
Выстели полотнами, 3
Шитыми ручниками! 3
Заглянь во чисто поле, — 3
Андреянъ сударь ѣдетъ: 3
Подъ нимъ конь играетъ, 3
Что соколъ летаетъ; 2
На ёмъ кунья шуба 2
Слѣды заметаетъ, 3
На ёмъ сафьянъ сапогъ, 2
Что травушка вянетъ, 2
На рукѣ золотъ перстень. 3

1895.

Не во трубушку трубитъ,
Рано по зари, 2
Авдотьюшка плачетъ
По русой по косѣ: 2
«Ой свѣтъ, моя косушка,
Коса русая! 2
Да вечеръ мою косушку

Дѣвушки плели, 2
Золотомъ, серебромъ,
Косу обвили, 2
Алую ленточку
Въ косу уплели. 2
Богъ судья Андреянъ Васильичу,
Васильевичу, Васильичу:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
Не милосливу, не жалосливу:
Стала мою косушку
Чесать и трепать, 2
Золото, серебро,
Рвать и бросать, 2
Алую ленточку
Ў ногахъ топтать.» 2

1896.

Тихая Волга на Дунай течеть,
Смирная Авдотья на думахъ сидить,
Думаетъ Авдотья думу крѣпкую,
Думаетъ Никитична думу крѣпкую:
Какъ-то мнѣ быть, 2
Во чужи люди итить! 2
Какъ привыкать 2
Ко чужой семьѣ! 2
Какъ назвать 2
Свекра батюшкой! 2
Какъ назвать 2
Свекры матушкой! 2
Свекоромъ назвать, — 2
Будетъ гнѣвъ дуржать, 2
Батюшкой звать, — 2,
Мнѣ не хочется;
Быть склонить 2
Сердце дѣвичье: 2
Быть назвать 2
Свекры матушкой. 2

1897.

Соловьюшка, соловей,
Отлетная пташечка!
И ой яли, али ляй,
Али, али, али ляй!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Куда леталъ, отлеталъ? —
Я изъ саду да ў садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жь у насъ не женатъ?
Да кто жь у насъ холостой?
—Андреянъ сударь не женатъ,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тестина до двора,
До тестина терема,
До дѣвичьей комнатки,
До Авдотьиной кроватки:
«Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи!»
— «Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ, 2
А матушка во пиру, 2
А братъ съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не найду.»
Андреянъ сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
«Андреянъ, сударь, воротись!
Васильевичъ, оглянись!» —
— «Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжеть, 2
Дробенъ дожжикъ въ лицо бьеть.»

1898.

Рано въ воскресенье 3
Синее море играло, 3
Авдотья потопала, 3
Ручки подавала: 3
«Да кто жь меня вынеть, 3
Изъ синяго моря,
Изъ великаго горя?» 3
Кидался, бросался 3
Старый старичища, 3
Сѣдая бородища. 3
«На дно моря тону, 3
За тебя замужъ не йду.
Рано въ воскресенье и т. д.
Кидался, бросался, 3
Андреянъ съ поѣздомъ, 3
Васильевичъ со большимъ, и т. д. 3
«Съ дна моря выду, 3
За тебя замужъ пойду.» 3

1899.

Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?

Если спить — не будите вы ее!
А не спить — высылайте ко мнѣ!»
Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
Вышла, выходила, Никитична душа,
Становилась на новое на крыльцо,
Простудила свое бѣлое лицо,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Вы сестрицы, подруженьки,
Ужь вы бѣлыя голубушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отпирайте кованные сундуки,
Вынимайте разноцвѣтное сукно,
Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
Чтобъ не долгъ, не коротокъ былъ,
Во подолѣ по разширистѣй,
Ретиву сердцу прижимистѣй!»

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкомъ. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать гостей виномъ.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невѣсту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь. Отецъ невѣсты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подруги, по прежнему, пѣли пѣсни. Три только человѣка изъ числа родственниковъ невѣсты вышли на дворъ.

Наконецъ подъѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невѣсты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнутомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти ночевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?»—«Мы (отвѣчаетъ сватъ)—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перпелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будто бы шарнула лисичка, вотъ подъ эти ворота, въ этотъ дворъ!» — «Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но никакой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!» — «Нѣтъ (говоритъ сватъ), зачѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда моргнула.» — «Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что нибудь за это?»—«Я (говоритъ сватъ) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.» При этихъ словахъ ворота немного отворились, и стоявшіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Сватъ вынулъ изъ одного кармана своего дубленнаго полушубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана. Ворота отворились настежь, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Сватъ отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Сватъ, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнутовищемъ и загорланилъ: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ-за стола! Да гдѣ же хозяинъ?» Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ?»— «Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустилъ насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ народу?»—«Кто (отвѣчаетъ хозяинъ) обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взыскивай, а я тебѣ о томъ ничего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже народъ заѣзжій, можетъ быть и уступятъ вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.»—«А что (говоритъ сватъ): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтися поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ничего не возьмешь.» Вслѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онъ сказалъ: «Красны дѣвицы, перпелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.»—«Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?»—«За цѣною (говоритъ сватъ) не постою и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.»—«Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Сватъ, вышедши къ поѣзжанамъ, взялъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убоины, крупяной коровай на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино. (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человѣкъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убоину, коровай и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Сватъ же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, поклонились присутствующимъ и прошли въ кутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать

жениха и прочіе родственники принесли въ коробкахъ съѣстные припасы, которые поставили на лавку, гдѣ сидѣлъ женихъ. Потомъ мать поставила на столы два крупичатыхъ круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ символомъ соединенія жениха и невѣсты. Эти пироги всегда должны стоять для украшенія, а съѣдаются только на 2-й день брака, на *княжомъ* обѣдѣ. Когда пироги были поставлены, сватъ выдвинулъ жениха впередъ и усадилъ его на скамью, задомъ къ 1-му столу, а невѣсту свела съ верхняго пола замужняя сестра и поставила ее противъ жениха. Отецъ невѣсты заговорилъ: «Ну дѣти! васъ слѣдовало бы свести чрезъ благословеніе отца духовнаго, но какъ его здѣсь нѣтъ, а образомъ вы уже благословлены, то повѣдайтесь вы между собою, и Богъ васъ тѣмъ благословитъ!» Послѣ этого они поклонились другъ другу въ поясъ, поцѣловались и опять поклонились. Потомъ женихъ, взявши за руку невѣсту свою, отправился на другую половину дома, такъ называемую холодную, гдѣ они и усѣлись на весь вечеръ, до самаго разъѣзда гостей. Затѣмъ начались обѣды, которыхъ бываетъ обыкновенно на *дѣвичникѣ* три: 1-й столъ отъ жениха, для угощенія родственниковъ и гостей невѣстиныхъ; 2-й столъ отъ невѣсты, для угощенія родственниковъ и гостей жениха, и 3-й общій, для угощенія общихъ родственниковъ и почетныхъ лицъ. Столъ у нихъ состоялъ большею частью изъ навареннаго разныхъ сортовъ мяса: начинался стюднемъ и оканчивался крупянымъ короваемъ. За столомъ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины, а въ вышкахъ, подъ божницею, крестные отецъ и мать невѣсты. Когда всѣ усѣлись, зажгли передъ образами 2 восковыхъ свѣчи, и затѣмъ всѣ встали, помолились и опять сѣли. Между тѣмъ сватъ началъ подносить гостямъ вино, поочередно, начиная съ крестовыхъ отца и матери. Дѣвицы, стоя посередь избы, величали, сначала сидящихъ за столомъ, а потомъ находящихся въ избѣ. При каждой перемѣнѣ блюда сватъ обязанъ былъ подносить вино всѣмъ, сидящимъ за столомъ, а иначе они и не приступили бы къ ѣдѣ поданнаго блюда; на коровайцы же, которыми оканчивается столъ, ставятъ стаканы съ виномъ, каковое непремѣнно, не въ очередь, долженъ выпить рѣзака, безъ чего онъ и не смѣетъ приступить къ *расчествованію*.

За столомъ поются слѣдующія величальныя пѣсни:

Женатому величаніе.[1])

1900.

А кто жь у насъ большой, на́большой,
И кто жь у насъ воеводою?
Лёхъ, яли, али лёй
Али, али, али, лёй:

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Вадимъ сударь большой, набольшой,
Васильевичъ воеводою,
Собирается въ свою вотчину,
Въ свою вотчину, во приданую:
«Ой, Авдотьюшка, убирай меня!
Дочь Григорьевна, снаряжай меня!»
— Ой Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
«Ты напой коня изъ ведёрочки,
Накорми коня изъ кошолочки!»
— Ой, Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Повели коня на сине море:
Синее море сколыхалося,
Бѣлая рыбица встрепенулася,
Вороны кони испужалися,
Во чисто поле разбѣжалися.

1901.

Ой во садику, садику,
Во зеленомъ виноградьнику,
Ой ля, ой ля, ой ля,
Али ля, али ля, али ля!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Тутъ ходила, погуливала,
Молодая боярыня, 2
Авдотья Григорьевна,
Сорывала два яблочка,
Два яблочка садовыхъ, медовыхъ;
Она клала на блюдечко,
Возносила на высокій на теремъ,
Становила на дубовый столъ;
Дубовый столъ раскачается,
Два яблочка разшатаются.
Вадимъ сударь величается
Надъ своею молодой женой,
Надъ своею боярыней,
Надъ Авдотьею Григорьевной:

[1]) Поющія «Величальныя пѣсни» во время столовъ на дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты, называются: «дѣвицами пѣвицами», и на княжемъ обѣдѣ въ домѣ жениха: «женщинами игрицами».

«Авдотьюшка, разобуй, разодѣнь,
Григорьевна, распояшь ты меня!»
— Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валять,
Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать. —
Ужъ я роду купеческаго,
Я люблю сына отеческаго, 2
Вадима Васильевича!

1902.

Ой на горкѣ, на горочкѣ,
На правой на сторонушкѣ,
Ой ля! (3)
Али ля! (3)

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Тутъ сидѣли два голубя,
Два голубя, да всѣ сизые,
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Про такого удалого молодца, 2
Михайла Ѳедотовича:
«Онъ богатъ, онъ богатый человѣкъ,
Да богатѣй его нѣтути.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтинами по городу шибалъ, 2
Рублемъ ворота запиралъ, 2
Изъ неволи сиротъ выпускалъ:
«Вы сироты, сироты мои,
Помолите Христа Бога обо мнѣ,
Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
Объ Михайлѣ Ѳедотовичѣ!»

1903.

У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,
Ля али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Конопелюшка — красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Гарафенушка,
Гарафенушка, дочь Васильевна.
Она звала братца играть на улицу:
«Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
Вы съ гуслями, а я съ ладонями.
Да не быть гуслямъ звончѣй ладоней,
Не быть свекру милѣй батюшки,
Не быть свекры милѣй матушки.

1904.

Стелется, вьется,
По лугамъ травка зеленая:
Андрей жену цѣлуетъ,
Васильевичъ милуетъ:
«Душа моя, Авдотьюшка,
Сердце мое, Никитична!
Роди жь ты мнѣ сыночка,
Роди сына ў меня,
А дочерю ў себя!
Учи сына грамотѣ,
А дочерю шелкомъ шить!»

1905.

А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ?
А и кто жь у насъ на ворономъ коню? —
Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
Пантелѣевичъ на ворономъ коню.
Авдотьюшка у вереюшки стоитъ,
Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
«Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
Ивановна, коня воронова!» —
— «Не примаю, не примаю, другъ, коня,
За великую за грубость за твою:
Часто ѣздишь ты ў гости безъ меня,
А постелюшка простыла безъ тебя,
Возголовьице заиндивѣло,
Подушечки потонули ў слезахъ!

1906.

«Александръ Петровичъ, свѣтъ,
Не ходи кругъ бережку!
Ли, али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Не ходи кругъ бережку,
Не срони съ себя шапочку!
Во твоей во шапочкѣ
Да семьсотъ золотничковъ, 2
Во четыре ягодки, 2
Дорогія каменья!
Александръ Петровичъ, свѣтъ!
Кто тебя шапкой дарилъ? 2
Кто тебя пожаловалъ?»
—«Ужъ я самъ въ войну ходилъ,
Ужъ я самъ царю служилъ,
Царскаго дитя качалъ
Въ золотой у люлечкѣ, 2
Въ шелковой пеленочкѣ.

1907.

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
Ля, али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена;
Во той колыбели
Качался боярскій сынъ, 2
Михаилъ Өедоровичъ.
«Вы, братцы родные,
Ступите поближе, 2
Смахните повыше, 2
Чтобъ видно было далече!»
Въ зеленомъ садочку 2
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночекъ свивала,
На головку вздѣвала,
Себя украшала.

1908.

Подъ калинкою,
Подъ малинкою,
Ай, али, али, али
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Спить, покоится
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ.
У ногахъ стоять
Слуги вѣрные, 2
Дѣвки сѣнныя.
Будють, побужають,
Добраго молодца, 2
Александра Петровича:
«Ты ўстань, ўстань,
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ!
Ты охочъ ходить
Во чисто поле, 2
На синее море,
За куницами,
За лисицами,
Все за красными
За дѣвицами.

1909.

Спасибо, Александру Петровичу,
На твоемъ большомъ дару, [1])
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ на жалованьи!
Ой да спасибо тому,
Кто хозяинъ въ дому.
Спасибо Михайлу Өедоровичу,
За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
То-то пили, то-то ѣли,
Душа сахарилась;
А закусочки у него
Да все сахарныя!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ-за стола родственниковъ невѣстиныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невѣсты.

Обстановка стола одна и таже. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невѣсты вызвалъ ее съ женихомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочь! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невѣстѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканъ, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невѣстина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невѣсты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки эти состояли въ полотенцахъ и бумажныхъ носовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разъѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

1910.

Ой пбецъ, пропоецъ, 2
Авдотьинъ батюшка!
Пропилъ свою дочку 2
За винную бочку;
Пропилъ свою чаду 2
За винную чару;
Проѣлъ свою дочку 2
На сладкомъ кусочку.

---

[1]) Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣснѣ.

На другой день по дѣвичникѣ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстиныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣнчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и затѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

Затѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпускной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайномъ блюдечкѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ онъ поетъ:

1911.

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое!

(«Ладо мое» повторяется послѣ каждаго стиха).

По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала,
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ —
Андреянъ молодецъ,
Другой молодецъ —
Авдотьюшка.
У нашего Андреяна
Да три сестры:
Первая сестра —
Голову маслить,
Вторая сестра —
Голову чешетъ,
А третья сестра —
Хмелемъ осѣваетъ.

Затѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ поѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а потомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а женихъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей кушать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, кому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди сватъ съ образомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поѣзжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, держа въ рукахъ шапки. Сватъ, съ образомъ въ одной и съ кнутомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лошадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжанамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. Потомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже приготовленная къ отъѣзду, сидѣла на перинкѣ; съ нею рядомъ сѣлъ и женихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы сѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвицы схватили перинку и унесли ее на верхній полъ, гдѣ и запѣли:

1912.

Дружки, подружки,
Забыли подушки.
Дружокъ безтолковый,
Подай намъ цѣлковый!
Дружокъ дубинникъ,
Подай намъ полтинникъ!
Постой-ка кобыла,
Постой голубая;
На грядкѣ другая;
Постой ты третья,
На грядкѣ веретья.

Услыхавъ это, сватъ вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онѣ сперва требовали рубль, потомъ полтинникъ и сошлись наконецъ на двугривенномъ и штофѣ вина. Получивши перину, сватъ положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія жениха съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплела ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По пріѣздѣ домой жениха съ невѣстою, слѣдовалъ обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значитъ, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ клѣть. При чемъ игрицы поютъ:

1913.

Меня младу ў клѣтку ведуть,
Меня младу отъ стѣнки кладуть;
Не шолкова нитка къ стѣнкѣ льнеть
Андреянъ Авдотьюшку къ сердцу жметь,
Андреянъ Авдотьюшку успрашиваеть:
Кто тебѣ Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ, милешенекъ, батюшка,
Мила мнѣ, милешенька, матушка.
(не конченная).

Въ клѣти устроена для молодыхъ постель, передъ постелью столикъ. Туда имъ подаютъ разныя яства и питья, но предварительно подается зажаренная курица, у которой одно крылышко надрѣзано. Эта курица назначена «къ разорву». Молодые берутся руками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой остается только одно крылышко, а у молодаго остальная часть курицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія блюда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣти, а дружка остается, чтобы уклæсть молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнкѣ, а молодаго рядомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодаго, и на оборотъ, переплетаетъ имъ ноги и выходитъ изъ клѣти. При этомъ дѣвицы, стоящія у входа въ клѣть, поютъ:

1914.

Куры на насѣсточку хочуть
Пѣтушокъ распѣваеть,
Туда жъ поспѣваеть.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ клѣти. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молодыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ поздравляютъ съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даритъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ», послѣ котораго всѣ гости разъѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететъ избу. Мать молодого при этомъ говоритъ:

«Избу мети, мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!»

И потомъ ей объясняетъ, чтобы она не выносила на улицу (не разсказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявитъ ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, потому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоитъ въ метеніи пола и принесеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій въ 1862 г.

Той же губерніи, Епифанскаго уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки).

На пропоѣ и на дѣвичникѣ невѣсту посадятъ отдѣльно одну куда нибудь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Жениховые родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира, а потомъ занятая?» Сваха, или сватъ, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно съ нимъ садиться: онѣ пустятъ!» Тутъ гости скажутъ дѣвушкамъ: «Пустите насъ! Вы ужь согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззябли.» Тѣ говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ кнутомъ!» Тутъ запоютъ:

1915.

Ты дуракъ, дружко,
Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
Голова гладка
Какъ у выблядка,
А зубы рѣдки
Какъ у чорта дѣтки!
Дѣвки дружка били,
Подъ печкой забили, 2
Ступой завалили, 2
Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивая ею). «Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтиться?» и съ этими словами ставятъ имъ на столъ водку, пирогъ и говядину. Дѣвушки тотчасъ оттокнутъ полштофъ и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четыре угла стола и посередъ стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря, въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ принесенное гостями. Сваты между тѣмъ садятся за столъ, сажаютъ родныхъ невѣсты.

Тутъ они подносятъ вино хозяевамъ и роднымъ невѣсты. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ невѣсту. Она здоровается съ женихомъ и со всѣми его родными. Немного посидѣвъ, женихъ съ невѣстой выходятъ изъ-за стола. Жениху даютъ штофъ вина въ руки, невѣстѣ поднось и рюмку. Женихъ наливаетъ въ рюмку вина, а невѣста обноситъ такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ на поднось деньги, а родные невѣсты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками, полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами. Женихъ съ невѣстой выходятъ въ другую горницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ закуску. Посидѣвъ немного, гости разъѣзжаются по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и цалуясь съ невѣстою и со всѣми родными, и уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у невѣсты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На сговорѣ, когда прiѣдетъ женихъ, дѣвушки поютъ:

1916.

Какъ у насъ по саду рѣка текла,
По изюму разливалася,
Берега были хрустальные,
Желты пески виноградные.
Какъ у насъ въ городѣ Епифани,
Въ каменныхъ было палатахъ,
Противъ столика убраннаго,
Противъ дерева краснаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Здѣсь чесалъ молодецъ русые кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
«Прилегайте, мои кудри,
Къ моему лицу къ бѣлому!
Привыкай, Авдотья Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Ко нраву молодецкому!»

1917.

На маковкѣ соловей,
Онъ весь макъ притолокъ;
Миколай Александровичъ
Онъ по за рѣку гулялъ, 2
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Волоса свои чесалъ.
Расчесамши свои волоса,
Заставлялъ ихъ цѣловать:
«Палагея Ивановна, поцѣлуй,
Радость моя, поцѣлуй!»
Миколай Александровичъ!
—«Когда жь тебя цѣловать?
Меня милыя подружки
Въ садъ гулять меня зовутъ,
Подъ грушицей зеленой
Оставляютъ меня одное.
Не шуми ты, груша зеленая,
Не шуми ты надо мной!
Ежели будешь ты шумѣть,
Засушу, груша, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
А по лентончкамъ жемчугу.»

1918.

Кустикъ, кустикъ, кустовой,
Ракитовой, листовой!
А кто у насъ холостой,
Да кто жь у насъ не женатъ?
—Андрей сударь холостой,
Ивановичъ не женатъ,
На ёмъ кафтанъ голубой,
Шапочка плисова,
Въ шапочки три узла:
Первый узелъ—гардамонъ,
Другой узелъ—любъ цвѣтокъ,

Третій узелъ,—василекъ.
«На что жь тебѣ гардамонъ?»
—«Чтобы мальчикъ горденъ былъ.
«На что жь тебѣ василекъ?»
—«Чтобы мальчикъ веселъ былъ;»
«На что жь тебѣ любъ цвѣтокъ!»
—«Чтобы дѣвки любили,
Молодушки хвалили.»

1919.

Подари, Алексѣй сударь, подари!
Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
Займи у товарища, друга милова,
Займи у свѣтъ Марьюшки!
Аль тебя деньга родила?
Аль тебя подушка вскормила?
Подари, сударь Алексѣй, подари,
Не рублемъ, полтиною,
Полтиною, золотою гривною,
Отъ гривны, что пожалуешь!

1920.

У насъ на горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюшка сидить,
Приходить къ ней батюшка,
Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
—«Я не йду, не слушаю тебя:
Ночи темныя, не мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.»

У насъ и т. д.
Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
—«Я не йду, не слушаю тебя,» и пр.

У насъ и т. д.
Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной!»
—«Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.»

Когда пріѣдетъ женихъ, онъ закупаетъ у дѣвушекъ мѣсто, за которое кладетъ на столъ отъ двухъ до трехъ рублей. Всѣ разсядутся вокругъ стола: женихъ съ невѣстой сядутъ рядомъ и начинается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

1921.

Какъ во горенкѣ пластовой
Сидятъ дѣвушки съ покоемъ;
Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтинка,
Точно ягодка малинка:
По гореньвѣ пройдеть,
Точно пава проплыветь,
Станеть рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричить:
Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,
Семь подарочковъ принесъ:
Я принесъ тебѣ подарокъ,
Штучно платье со каймой,
Съ золотою бахромой,
Какъ во ушки сережки жемчужные,
А на шею-то платокъ,
Точно аленькій цвѣтокъ.

1922.

Стелется, вьется,
По лугамъ трава шелковая,
Цѣлуеть, милуеть,
Иванъ душку женушку,
Семеновичъ подушку:
«Душка моя, женушка!
У насъ съ тобой животы
Съ тоски не дѣлены.
Какъ пойдемъ мы съ тобой,
Во зеленъ садъ гулять,
Сорвемъ мы съ тобою
Два аленькихъ цвѣточка,
Пошлемъ мы съ тобою
Ко батюшкѣ гостинцы:
Ужь эти ли наши гостинцы
Въ честь пошли и въ славу!

1923.

Какъ у рюмочки у серебряной,
Золотой у нея вѣнчикъ,—

Какъ у Михайла у Ивановича,
Дорогой у него разумъ:
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни кушаетъ,
Ночевать домой ѣдетъ.
Какъ сказали Авдотьѣ,
Какъ сказали Михайловнѣ:
«Сердечный другъ ѣдетъ.
Авдотья, встрѣнь!
Михайловна, встрѣнь!»
—«Мнѣ некогда встрѣтить:
Я сына качаю, 2
Дорогова качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю;
Я дочерю качаю,
Дорогую качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю:
Куда я ни поѣду,
Все къ дочери заѣду,
Ужь откеда ни поѣду,
Невѣстка встрѣчаетъ.»

1924.

Какъ у Авдотьи во горенкѣ,
У Михайловны во спаленкѣ, —
Розанъ, розанъ, во горенкѣ,
Очень рано на зарѣ.
Здѣсь игралъ, гулялъ,
Молодецъ въ гусли,
А дѣвушки подпѣвали,
Розанъ, розанъ, подпѣвали —
Очень рано на зарѣ.
Авдотья танцовала,
Михайловна танцовала,
Танцовала, пріустала,
Розанъ, розанъ, пріустала, —
Очень рано на зарѣ.
Пріустала, пріустала,
У Ивана на колѣна,
У Семеновича на колѣна, —
Розанъ, розанъ, на колѣна.
Очень рано на зарѣ.
Иванъ Авдотью пробуждалъ,
Михайловичъ пробуждалъ:
«Встань, Авдотья, проснись!
Розанъ, розанъ, проснись,
Очень рано на зарѣ!
Встань, Михайловна, проснись!
Отецъ и мать не чужіе,
А все-таки же родные,—
Розанъ, розанъ, родные,
Очень рано на зарѣ!
Они хотя увидятъ,
Никому не скажутъ,
Они хоть побранятъ,
Да опять примолвятъ,—
Розанъ, розанъ, примолвятъ,
Очень рано на зарѣ!»

1925.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Межъ собою разговариваютъ:
«Кто жь у насъ молодчикъ молодой?
Кто жь у насъ удалая голова?»
—«Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
Петровичъ у насъ удалая голова:
Онъ съ гривны на гривну переступаетъ,
Онъ рублемъ ворота запираетъ,
Онъ полтинникомъ отпираетъ,
Сотнями по городу швыряетъ,
Изъ неволи сиротъ выпущаетъ:
«Вы сироты, вы мои сироты!
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ моей объ удалой головѣ!»

1926.

«Кто жь у насъ лебединъ?
Кто жь у насъ соколинъ?»
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣлая. —

(Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ черезъ 3 стиха).

—«Иванъ у насъ лебединъ,
Семеновичъ соколинъ:
Онъ по садику гулялъ,
Сапожкомъ травку топталъ, 2
Путь дорожку искалъ,
Путь дорожки не нашелъ, 2
Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
Къ Авдотьѣ зашелъ,
Къ Михайловнѣ зашелъ:
«Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ:
Не поспѣлъ ли виноградъ,
Не пора ли его брать,
На серебряный подносъ класть?»
— Какъ Иванъ Михайловичъ,
Да Авдотьѣ Семеновнѣ,
На серебряномъ подносѣ, 2
Виноградъ ей поднесъ.

1927.

Соловейка моя молодая
Весь макъ притоптала.
Какъ Иванъ Васильевичъ
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Русы кудри чесалъ.
Онъ, расчешамши русы кудри,
Просилъ Авдотью цѣловать,
Михайловну миловать.
— «Иванъ Васильевичъ,
Мнѣ не время цѣловать:
Мои милыя подружки
Отпросили меня въ садъ гулять.
Во зеленомъ во саду,
Оставляли меня одною
Подъ грушей зеленой.
«Ахъ ты груша зеленая!
Не шуми ты надо мною:
Если будешь ты шумѣть,
Засушу, грушу, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Три аршина лентовъ алыхъ,
По вѣточкамъ жемчугомъ.

1928.

«Сударыня моя, маменька!
Ты построй мнѣ новъ высокъ теремъ
Съ тремя окошками,
Съ окошками прекрасными:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть,
А третье окошечко
На синее море смотрѣть.
Какъ на синемъ морѣ,
Три корабли плыли:
Какъ первый корабь—
Съ дорогими съ товарами,
А второй корабь—
Съ брульянтами, конями,
А какъ третій корабь—
Съ удалымъ молодцомъ, 2
Съ Иваномъ Семеновичемъ.
Сударыня маменька,
Поймай ты мнѣ тотъ корабь
Со удалымъ молодцомъ,
Съ Иваномъ Семеновичемъ!»
—«Дитё ль мое, дитятко,
Дитё мое милое!
Когда пора, время, придеть,
Самъ корабь къ берегу приплыветь,
Иванъ сударь Семеновичъ
Съ корабля долой сойдетъ, 2
Во-высокъ теремъ зайдетъ,
И тебя за ручку возьметъ.»

1929.

На комъ, на комъ, кудри русы,
На комъ, на комъ, по плечамъ лежатъ,
По плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ,
Словно жаръ горятъ, словно полымя?
Со Москвы купцы съѣзжалися,
Они тѣмъ кудрямъ дивовалися:
Ужь чье это дитя, чье порожено, [1])
Въ чистотѣ дите все положено? —
На Алексѣ кудри русые,
На Михайловичѣ по плечамъ лежатъ,
По плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ,
Словно жаръ горятъ, словно полымя.

1930.

Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Ходилъ голубь, ходилъ сизый, со голубушкой:
Какъ у голубя сизова золотая голова,
У голубушки головушка серебрянная; [2])
У Алексѣя молодая жена,
Молодая жена, что честная госпожа.
Всѣ товарищи его позавидовали:
Кабы это да моя, братцы, жена [3])
Я не билъ бы, не журилъ,
Я бѣлилъ, румянъ, купилъ, 2
Набѣлиться бъ ей велѣлъ:
«Набѣлись, моя милая,
Нарумянься, душа! 2 [4])
Тогда будешь хороша.
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкахъ возилъ,
А зимою на расписанныхъ саняхъ,

Вар.

[1]) Ужь и гдѣ эти кудри уродилися?
Ужь кому эти кудри чесать, гладить будеть?—
Что свѣтъ Агаоьѣ Оаддѣевнѣ.
Ужь брала кудри на бѣлыя руки,
На бѣлыя руки, на златыя перстни.

[2]) У голубушки золотая голова,
У голубушки позолоченная,

[3]) Какъ пришелъ къ нему товарищъ,
Позавидовалъ ему.

[4]) Нарумянься, Василиса,
Набѣлися, Ивановна!

На расписанныхъ саняхъ,
На ямскихъ лошадяхъ»
Кони, кони, вороные,
Извощички молодые, 2
Въ рукахъ плети шелковые:
Они ѣдуть, погоняють,
Сами пѣсеники поють, 2
Молоду жену везуть.

1931.

Не красенъ день безъ краснаго солнышка,
Не красна свадьба безъ родимой маменьки,
Родимый ты мой батенька!
Выйди на широкую улицу,
Посмотри на всѣ четыре стороны:
Не идеть ли, не летить ли,
Моя родимая маменька?
Родимый мой батенька!
Родимая моя маменька!
На великое вы меня горе зарóдили,
Худою долей меня надѣлили,
Худымъ счастьемъ наградили:
Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
Что жь я такая за горькая,
Что жь я такая за несчастная зародилася?
Ужь куда я ни повернуся,
Ужь куда я ни оглянуся,
Все вокругъ меня никого нѣту,
Никто около меня не увивается,
Никто около меня не убивается.
Кабы ты была, моя родимая маменька,
Ты бы вокругъ меня увивалася,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
А то—безъ тебя мнѣ плохо,
А то—безъ тебя мнѣ худо!
Разступися, мать, сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Ужь вы раскройтесь, бѣлыя полотна
Возстань-ка, моя родимая маменька,
Ты возстань, пробудись,
Приди, приди, провѣдай
Меня горькую, несчастную!
Ужь какъ я здѣсь горе терплю,
И больше перетерплю.

Когда начнуть убирать невѣсту къ вѣнцу, отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, молится Богу и голоситъ:

1932.

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньица.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному; потомъ сажаютъ ее за столъ съ дѣвушками, которыя запоютъ:

1933.

Во полѣ лебедушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокіимъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
«Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня, молоду, въ чужія руки отдаете,
Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнеть, заблекнеть, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточка.
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаще:
Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батинька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.»

1934.

Не тесанъ ли теремъ, не тесанъ,
Только хорошо теремъ сокрашенъ,
Разными красками расписанъ.
Не ученъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, не ученъ,
Только хорошо снаряженъ.
Снарядила его матушка,
Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его теща приняла,
Большимъ подаркомъ подарила.
Я тотъ подарокъ принимала,
Низкой я поклонъ отдавала.

1935.

Заря ли моя, зорюшка,
Ой ляли, ой ляли!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море. 2
Черезъ быструю рѣчку, 2
Положи, милый, дощечку,
Чтобъ по той дощечкѣ

Никто не хаживалъ, 2
Никого не важивалъ.
Перешелъ Θедоръ-сударь,
Перешелъ Алексѣевичъ,
Перевелъ невѣсту, свѣтъ Марьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Переведемши, онъ
Ее цѣловалъ, миловалъ.
Цѣловамши, миловамши,
Крѣпко къ серецу прижималъ:
«Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,
Меня молодца полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ, поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечкой подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая.»

1936.

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Θедора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
Ждала я другой—не бывалъ.
Писала бъ я письма—не умѣю,
Писарей просить—не смѣю,
Сама бъ я пошла—боюся,
Роднаго батюшки стыжуся,
Родной матушки боюся.

1937.

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Θедоровичъ,
Стегнулъ оленюшку плеточкою.
Что ему возговорить бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
«Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
Какъ большую гостью,—Марью твою:
Чтобъ Марья не плакала,
Чтобъ не слезила бѣлаго лица.»

1938.

На морѣ утушка купалася, полоскалася,
Всполоскнувши, сѣрая утка вскрикнула:
«Придутъ морозы крѣпкіе, снѣга глубокіе,
Выгонять утушку изъ синя моря,
Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
Съ крутыхъ бережковъ подыматься?»
—Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
Снаряжалась Марьюшка, восплакнула:
«Какъ мнѣ съ дѣвушками разстатися,
Разстатися, распроститися?
Пріѣдеть Алексѣй сударь съ большимъ поѣздомъ.»

1939.

Катилися игрушки съ верхушки,
Покинули подружки Марьюшку:
«Ворочусь я, игрушки подберу,
За подружками побѣгу.»
—«Некогда игрушекъ подбирать,
Некогда подружекъ догонять.»

1940.

Какъ у насъ въ бору на клену
Висить колыбель на шелку,
На золоченомъ на крюку,
На серебрянномъ на кольцу.
Въ той колыбели Алексѣй спить,
Спать не спить, только такъ лежить:
«Размахните меня, братцы,
Во Лотовинскую улицу,
Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
— Подъ окномъ сидить, чванится,
Мною молодцомъ хвалится!»

1941.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,

Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Съ молодцомъ, со дружникомъ,
Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ,
Махнула платкомъ черезъ столъ:
«Встаньте, бояре, къ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я стану говорить:
Сулилъ-то мнѣ, батюшка, семь городовъ,
Потомъ, родимый, не далъ ни одного.
Сулила мнѣ матушка семь сундуковъ,
Потомъ родимая—нѣтъ ни одново.

1942.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ тросточки? —
Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки,
Только нѣтъ одной макушечки.
Всѣ ли у Марьи Васильевны,
Всѣ ли у тебя гости созваны?
За столомъ посажены. —

(Если нѣтъ отца):

Нѣтъ у меня батюшки,
Благословить меня некому,
А снарядить меня есть кому.
Вы дружки, полудружки,
Запрягайте своихъ вороныхъ коней!
Вы ступайте ко Божьей церкви:
Вы взойдите на высокую паперть,
Ударьте въ большой колоколъ,
Пробудите моего батюшку:
Разступись, мать, сыра земля!
Расколися, дубовая доска,
Ты встань, проснись, мой батюшка!
Или сударыня, моя матушка!
Благословите меня горькую,
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

1943.

Во горенкѣ во новой
Стоитъ столикъ дубовой,
На столикѣ, на столѣ,
Стоить чара золота,
Полна меда налита:
Кому жь эту чару пить?
Кому ее подносить? —
Тимоѳѣю чару пить,
Егоровичу подносить. —
«Роди сына, что въ меня,
А дочерю во себя!
Учи сына лапти плесть,
А дочерю шелкомъ шить;
Она у насъ золото.

Плачь невѣсты.

1944.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
Родимый мой батюшка, родимая моя маменька?
Заключили вы мою головушку во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые,
Къ чужому отцу и къ чужой матери:
Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
Какъ чужая мать—не родимая матушка.

Когда расплетаютъ косу.

1945.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачеть Михайловна по русой по косѣ:
«Коса ли моя, косынька, русая коса!
Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
Пріѣхала сваха немилосливая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

1946.

Расплеталась руса коса,
Руса коса Софьина,
Выпадала лента алая. 2
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Подымали эту ленту алую,
Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
«Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
Не твоя ли лента алая?»

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

Дорогой онѣ поютъ:

1947.

У воротъ банюшка стояла,
Жарко каменка горѣла,
Ай люли, люли, горѣла!

(Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждаго двустишія).

Тутъ расплакалась Марьюшка,
Передъ батюшкой стоючи:
«Государь ты, мой батюшка!
Подержи меня хоть годокъ,
Подержи меня хоть другой:
Я по улицѣ похожу,
Травку муравку потопчу,
И золотъ перстень поношу,
Ненавистниковъ подражню,
Ненавистниковъ молодыхъ,
Все ребятушекъ холостыхъ.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подъѣдетъ ко двору, дѣвушки поютъ:

1948.

Долго, долго, соколъ не летитъ,
Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе.
Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подъѣхалъ.

(Входитъ въ горницу):

Не сбуп (?) вѣтры понавѣяли,
Не званые гости на дворъ взъѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Раздавили чару золоту,
Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

Когда повезутъ невѣсту къ вѣнцу, дѣвушки поютъ:

1949.

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлилося, разлелѣялось, синее море,
Унесло, улелѣяло, со двора три корабля:
Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей душой,
А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
А третій-то корабль съ кованными сундуками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Позабыла ты у меня, дитятко,
Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,
Позабыла ты у меня три волюшки:
Какъ первая-то воля—дѣвичья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.

Когда привезутъ отъ вѣнца:

1950.

Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнетъ,
Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметъ:
«Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ, Михайловна!
Кто жь тебѣ, мой свѣтъ, изъ роду милъ?»
— «Мнѣ милъ-милехонекъ, родимой батенька,
Родимый мой батенька и родная маменька. —
— «Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.
«Какъ шелковая ниточка и пр.
Ужь мнѣ милъ-милехонекъ — мой милый другъ
Ужъ мнѣ милъ мой милый другъ.»
— «Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты сказываешь.»

1951.

Дунули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролилися слезы по бѣлому лицу,
Что по бѣлому по Прасковьину.
Взговорила Прасковья душа:
«Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою.—
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю думушку съ родимой матушкою, —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайловичемъ —
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

Когда подруги будятъ молодыхъ:

1952.

Дѣвушки, подружки мои!
Вы вставайте ранехонько,

Умывайтесь вы бѣлехонько,
Вы чешите голову гладехонько,
Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
Вы берите ведра новыя, дубовыя,
Вы ступайте на Дунай рѣку,
Вы поливайте крутыя горы,
Чтобъ Ивану не пройти,
Семеновичу не проѣхати!

Зап. мною отъ мѣстной крестьянки въ 1862 г.

IX. Калужской губерніи.

Малоярославскаго у., с. Костино.

Наканунѣ свадьбы, на дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты ставятъ на столъ, елку обвѣшанную лентами, шелкомъ и свѣчками, и поютъ:

(Если невѣста сирота).

1953.

«Ужъ ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка!
Всѣ ли на тебѣ сучки вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
Золотыя макушечки?»
— «Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
Одного сучка только нѣтути, —
Самой верхушечки,
Золотой макушечки.»
«Ты Өедосья Никифоровна!
Всѣ ли у тебя гости собраны?
Всѣ ли они у тебя посажены?»
— «Всѣ у меня гости собраны,
Всѣ у меня они посажены.
Одного гостя нѣтути,
Что родимой матушки.»

1954.

Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода,
А другой летѣлъ изъ Кіева,
А третій летѣлъ изъ каменной Москвы.
Они крылушками машутъ: «отворяй ворота!»
Өедосья по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
«Бояре, вы бояре, вы Өедотовны!
Станьте, бояре, вы къ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я буду говорить:
Сулилъ мнѣ батюшка семь городовъ,
Повыдавши, батюшка,—нѣтъ ничего.

1955.

Ай на морѣ утушка умывалася,
Свѣтъ сѣрая полоскалася,
Что чернилами начернилася,
Что смуглилами насмуглилася.
Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
Свѣтъ красная полоскалася,
Что бѣлилами набѣлилася,
Что румянами нарумянилась,
Нарумянившись, слезно плакала,
По новымъ сѣнямъ похаживала:
А и свѣтъ-то мои, сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами!
А и свѣтъ-то моя, воля вольная,
Воля вольная, нѣга матушкина!
А и свѣтъ-то мой, соловей въ саду,
Соловей въ саду,—онъ рано вставалъ,
Онъ рано вставалъ, голосисто пѣвалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

Зап. Е. Г. Дурново.

Той же г., Калужск. у., с. Ахлебино.

1956.

Я въ высокомъ теремѣ сижу,
Я далече по зарѣ слышу, 2
Какъ соколъ лебедушку кличетъ, 2
Ты, лебедушка луговая, 2
Полети ко мнѣ поскорѣй, 2
У меня приволье, доволье: 2
У меня луга зеленые, 2
На лугахъ трава шелковая, 2
На травѣ цвѣты голубые, 2
На цвѣтахъ пташки садовыя, 2
Онѣ поютъ, поютъ, распѣваютъ 2
Свѣтъ Катеринушку взвеселяютъ, 2
Чтобъ Катеринушка не тужила, 2

Григорьевна не горевала, 2
Изъ лица красы не теряла, 2
Она изъ глазъ слезы не роняла.

1957.

Во теремѣ свѣтушко не жарко горитъ,
Ни жарко, ни ярко, ни вспыхиваетъ,
Высоко, печально свѣтъ Анна сидитъ,
Высоко, печально Никифоровна сидитъ.
Свое тѣло бѣлое уронивала,
Всѣхъ матушекъ, нянюшекъ укладывала:
Вы нянюшки мамушки ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, коверъ вышивать,
Коверъ вышивать, мила друга ждать,
Мила дружка ждать, авось подъѣдетъ, подойдетъ.
По улицѣ ѣдетъ, шумно вѣтеръ шумитъ,
Къ крылечку подходитъ, сапожки скрипятъ,
На крылечко всходитъ, колечко стучитъ.
Стукнулъ я колечкомъ, грякнулъ серебренымъ,
Екнуло сердечушко да у Катеринушки,
Ў пзбу ўсходетъ, Богу молится,
Богу молится со всѣми здоровится:
«Здравствуй, здорово и тесть, и теща,
А еще здорова, свояченица!»

1958.

Била, била на Волгѣ вода,
Била, била ключевая, 2
Шила, шила свѣтъ Анна коверъ, 2
Вышила на коня хвору.
Разсерчалъ Тихонъ сударь,
Разсерчалъ свѣтъ Васильевичъ,
Перескочилъ черезъ тынъ на огородъ, 2
Разломалъ весь желѣзный тынъ, 2
Поломалъ калину съ малиной,
Черную ягоду самородину, 2
Выпужнулъ изъ саду соловья. 2
Да восплакнула свѣтъ Анна душа: 2
«Да и кто-же будетъ рано мене будить?
Да и кто по зорямъ веселить?»

1959.

«Давно-жъ тебѣ, Катеринушка,
Давно говорили,
Ой ляли, ай ляли, ляли!
Давно говорили.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ прибавленіемъ послѣдняго стиха).

Давно-жъ тебѣ, Григорьевна,
Давно голосили.
Пойди, выйди Катеринушка,
За новы ворота.
Глянь-ка, глянь-ка, Григорьевна,
Во чистое поле.
Въ чистомъ полѣ, въ синемъ морѣ
Дѣвки воду носятъ.
Онѣ носятъ, онѣ носятъ
Коромысло гнется.
«Что-жь ты, коромысленько,
Долго не ломилось?»
— «Спроси, спроси Катеринушка.
У сково Николая.
«Что-жь ты, что-жъ ты
Николай, сударь
Долго не женился?
Кого-жъ, кого-жъ
Никитовичъ,
Кого дожидался?»
— «Тебя мой другъ, Катеринушка,
Тебя дожидался:
Пущай, моя Катеринушка,
Пущай возростаетъ,
Пущай, моя Григорьевна,
Дары вышиваетъ.»
— «Не гнѣвайся, Николаи сударь!
Куды дары шила.
Куды дары шила,
Скоро поспѣшила,
Скоро поспѣшила
Даровъ не нашила.

1960.

Не долго вѣночку на ступкѣ висѣть,
Не долго Авдотьюшкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Васильевнѣ русу косу плесть.
Вечёръ мою косушку дѣвушки плели,
Плели, плели косушку, золотомъ вили,
Вили, вили золотцемъ, жемчугъ низали.
Плакала Авдотьюшка по русой по косѣ:
«Коса-ль, моя косушка, русая коса!
Бывало, я тебя, косушка, часто гладила,
Бывало, я тебя, русая, мелко плетала,
А теперь, косушка, ў годъ однова.

—

Во трубушку трубили рано на зарѣ,
Рано-то, ранешенька, свашенька пришла,
Пришла, пришла свашенька не милостлива,
Начала мою косушку и рвать, и метать,
Начала мою русую на двѣ заплетать,

Плесть, не плесть мою косушку—все па двѣ косы,
Вить, не вить мою русую, кругомъ—головы,
Быть, не быть Авдотьшкѣ,—Павловой женой.

1961.

Вился, вился коченочекъ,
Миленькій дружечекъ.
Милъ по улицѣ гуляетъ
Ину излюбляетъ.
Онъ иную излюбляетъ,
Меня спокидаетъ.
Я во горенкѣ сидѣла,
Въ окошечко глядѣла.
Я въ окошечко глядѣла,
Мнѣ зазорно стало.
Мнѣ зазорно, перезорно,
Очень не пріятно.
Какъ сказали: въ Петербургѣ
Дорогъ, дорогъ перевозъ.
Какъ Николай свѣтъ Катеринушку
На рученькахъ перенесъ.
Перенесъ, перескочилъ,—
Ничего не намочилъ.
Ничего не намочилъ,—
Башмачекъ съ ножки скочилъ.
Какъ Катеринушка на бережку
Расплакалася.
Свѣтъ Григорьевна на крутенькомъ
Раскуражилася.
Какъ и Николай сударь
Ее уговаривалъ:
«Ты не плачь, свѣтъ Катя,
Не плачь, душечка моя:
Я во славушку пойду,
Башмачки тебѣ куплю,
Башмаки ли́тые,
Пятки зашитые.

Невѣстѣ.

1962.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,

(Каждый стихъ поется два раза).

При послѣднемъ часу вечера,
При свѣтъ—Катерининомъ дѣвичникѣ
Прилетали ясны соколы,
Ясны соколы залетные.
Одинъ садился подъ окошечко,
На серебряну рѣшеточку,
На золочену причаленку,
Причалинка сколыхнулась,
Ясенъ соколъ встрепенулся,
Встрепенулся, полетѣлъ.
Мимо садика зеленаго,
Мимо терема высокаго.
Что узрѣла, что увидѣла
Ее родная матушка,
Говорила своей дочери:
«Ты дитя-ль мое дитятко,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты *пріяй*-ко ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
Ты, родимая матушка,
Я бы рада его пріяла,—
Мое сердце не оборотится,
Животъ кровью обливается,
Рѣзвы ножки спотыкаются,
Бѣлы ручки опущаются,
Съ плечь головушка скатилась.
Ты, родимая матушка!
Разсуди ты мой дивный сонъ,
Что я нонче во снѣ видѣла:
Будто у нашихъ у широкихъ у воротъ
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сѣра утка окунается.»
«Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты Катерина Григорьевна;
Сине море—подворьице твое,
Сѣрая утица—свашенька
Сизой селезень—суженый твой.»

Величальная до свадьбы [1]).

1963.

Какъ сказали: Павелъ грозенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, не милостивъ:
Онъ садился на ворона коня,
Онъ поѣхалъ мимо тестева двора,
Становился противъ краснаго окна,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота.
«Дома-ль тесть? дома-ль теща моя?»
Дома-ль грозная своякеница?
Дома-ль жизнь, радость Авдотьюшка душа?
Если дома, — её вышлите ко мнѣ,
Если въ людяхъ, — сходите за ней,
Если спитъ, не будите её.
Я и самъ до Авдотьюшки дойду,
Про себя, Васильевну, разбужу.»
Услыхала Авдотьюшка душа,

[1]) Т. е. до вѣнчанья.

Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы няньки, вы мамки мои,
Вы сестрицы-подруженьки!
Вы сходите къ моей матушкѣ,
Вы возмите золотые ключи,
Отоприте дубовые сундуки.
Вынимайте, что нѣтъ лучшаго сукна,
Шейте, кройте Павлу кафтанъ,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ по самыя пяточки.»

1964.

Ужъ вы дѣвки, вы дѣвушки,
Ваши горкія сѣмена,
Васъ немножко посѣяно,
Отъ Москвы да до Кіева, 2
Да до Тульскаго города.
— Разлилась, разлелѣялась,
По лугамъ вода вольная,
По кустамъ по ракитовымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ,
Унесло, улелѣяно со двора,
Со двора три кораблика:
Какъ первый-то корабль поплылъ,
Съ сундуками съ дубовыми,
А другой корабль поплылъ —
Со перинами со пуховыми,
Какъ и третій корабль поплылъ —
Со душой красной дѣвушкой,
Со Наталіей Павловной.
Ворочалъ её батюшка,
Середи двора стоючи:
«Воротись, мое дитятко!
Позабыло ты дитятко,
Свои золоты ключи,
На шелковомъ поясѣ,
На дубовомъ на столикѣ.»
— «Я не ключики забыла,
Позабыла волю батюшкину,
Позабыла нѣгу матушкину.»

Свахѣ.

1965.

Я не знала, не видала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала, 2
Молодая спесивая, 2
Потому все журливая,
Подъ святые сѣла на лавочку.
Она не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,
Только рѣчи выговариваетъ,
Чужу сторону выхваливаетъ:
Какъ чужая сторонушка —
Она сахаромъ усѣяна, 2
Она сытою улитая.
— «Не разсказывай, свашенька!
Я сама знаю и вѣдаю:
Какъ чужая сторонушка —
Полыномъ поле усѣяно, 2
Горячьми слезьми улитая.

Если сваха не щедро даритъ пѣвицъ, то онѣ поютъ ей слѣдующее.

1966.

Околѣть тебѣ, свашенькѣ,
Подъ угломъ, подъ банею
Безъ свѣчей, безъ ладона, 2
Безъ попа, безъ дьякона,
Поминать тебя, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

1967.

«Соколы мои соколы,
Соколы мои ясные, 2
Вы куда соколы летали?» 2
— «А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.»
«А вы чтожъ, соколы, видали?»
— «А мы видѣли, видѣли,
Сѣрую утицу на морѣ, 2
Сизокрылую на синемъ.
«Да и что-же вы ее не поймали?»
— «Мы хотя её поймали,
Крылья, перья повыщипали,
На синё море бросили:
Поплыви-ко-ся, утица,
Вдоль по морю по синему. 2
Къ селезенюшкѣ сѣрому, 2
Къ хозяину прежнему. 2
— «Вы купцы, добрые молодцы,
Вы, калужскіе щегольцы, 2
Вы куды, куды купцы ѣздили? 2
— «А мы ѣздили, ѣздили.
Съ городъ на городъ ѣздили.»
«Да и что-же вы, купцы, видѣли?»
— А мы видѣли, видѣли
Красну дѣвушку во теремѣ, 2
Раскрасавицу во новенькомъ.»
— «Да и что-же вы ее не возьмили?» 2
Мы хотя ее и возмили,

По рукамъ насъ ударили, 2
Караулъ приставили. 2
Караулы-то крѣпкіе,
Перемѣны рѣдкія.

1968.

Ой, отъ горницы до горницы,
Да до горницы.
Ой, лежатъ ковры, лежатъ ковры
Да все шелковые.
Ой, по тѣмъ коврамъ, по тѣмъ коврамъ
Шла свѣтъ Аннушка душа.
Ой, въ рукѣ несетъ, въ рукѣ несетъ
Зеленое вино,
Ой, въ другой рукѣ, въ другой рукѣ
Меда стойные,
Ой, подъ *тасикой* (?), ой подъ тасикой
Бѣлъ крупичатый пирогъ.
Ужъ ты—стой постой, ты—стой постой,
Свѣтъ Аннушка душа!
Ой, дай испить, ой дай испить
Зеленое вино!
Ой, дай скушать, дай скушать
Меда стойные!
Ой, дай скусить, дай скусить
Бѣлъ крупичатый пирогъ!»
— «Я не для тебя, не для тебя —
Я пирогъ пекла,
Я не для тебя, не для тебя —
Становила меды,
Я не для тебя, не для тебя —
Пирогъ пекла.
Я пекла пирогъ, пекла пирогъ —
Ради матушки своей,
Становила меды, становила меды—
Ради батюшки своего,
Я курила вино, курила вино—
Ради братца своего.

1969.

Ой на морѣ—тамъ досточка лежала,
Ой ляли, ой ляли, ляли!—лежала.

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, съ прибавленіемъ къ нимъ послѣдняго слова).

На досточкѣ Катеринушка стояла,
Бѣлешенька рубашеньки мывала,
По бережку Николай сударь гуляетъ,
За утками, за лебедками стрѣляетъ;
Что не разъ стрѣльнетъ,—лебедушку ушибетъ,
На бѣлую Катеринушку взираетъ.
«Куда-жъ, моя Катеринушка хороша!
Куда-жъ, моя Григорьевна пригожа!»
— «Николай сударь! мой батюшка былъ хорошъ,
И въ матушку хорошая родилась,
Тебѣ, мой другъ, Николай сударь, годилась—
У лебедя лебедушка подъ крыломъ.

Зап. М. А. Баскаковой.

X. Смоленской губерніи.

Юхновскаго уѣзда, на границѣ Дорогобужскаго, при рѣкахъ Уфѣ и Гордотѣ, д. Сорокино.

Задумалъ крестьянинъ Василій женить своего сына и выбралъ для него невѣсту въ Никитиномъ дворѣ; дали знать въ тотъ дворъ, что въ такой-то день придутъ сваты. Вотъ въ назначенный день является Василій въ Никитинъ дворъ, входитъ въ избу, молится образамъ, потомъ садится на корточки посреди избы, а въ углу подъ образами сидятъ отецъ и мать. Столъ накрытъ бѣлой скатертью, на немъ положена коврига хлѣба, стоитъ солонка и полштофъ водки. Сидя на корточкахъ Василій обводитъ вокругъ глазами и говоритъ: «Хочу я жанить сваво Иванушку, пришелъ вашу дѣвку смотрѣть, говорятъ, что она, и коса, и хрома, и собой невзрачна да и дѣлать ничего не умѣетъ; не годится она мому ясному соколу Иванушкѣ.» На это мать съ отцомъ отвѣчаютъ: «Что-жъ ты дѣвку нашу коришь, аль никогды ее не видалъ? Выдь-ка, Прасковьюшка, покажи свои ясные очинька.» Невѣста выходитъ изъ-за перегородки, беретъ со стола водку и подноситъ Василью. Отецъ и мать приговариваютъ: «Встань-ка Васильюшка, посмотри на дѣвку нашу, какова она.» Василій встаетъ, выпиваетъ стаканъ водки

и говоритъ: «Нѣтъ, не хороша ваша дѣвка, не годна она мому молодцу, да и водка дурная.» Съ этими словами онъ направляется къ двери, надѣваетъ шапку и не поклонившись никому, уходитъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ въ избу жена Василья со свахою и сзади—самъ Василій, который останавливается у порога, а жена молится Богу, кланяется всѣмъ, и приговариваетъ: «Не слушайте его, добрые люди, что коритъ онъ вашу дочь, онъ у меня слѣпъ, не видалъ ясныхъ очей Прасковьюшкиныхъ; онъ у меня глухъ, не слыхалъ медовыхъ ея рѣчей, я пришла къ вамъ поклониться: отдайте вашу дочку за мово сыночка, у мово-ли у Иванушки русы кудри вьются, по плечамъ розсыпаются, очи ясные, какъ у сокола, уста сладкіе, сахáрные, люба ему ваша Прасковьюшка, будетъ любить ее, миловать, а васъ чевствовать.» Отецъ съ матерью встаютъ со стола, кланяются, цѣлуются, подводятъ невѣсту, которая низко кланяется и подноситъ водку; всѣ садятся за столъ—это называется *«лады.»* Родные съ обѣихъ сторонъ собираются, пируютъ и говорятъ, что уже *«дѣвку пропили.»* Назначаютъ день свадьбы, а до того времени каждый день къ невѣстѣ по вечерамъ собираются дѣвки-подружки, помогаютъ ей шить приданое, готовить *«дары,»* поютъ пѣсни, а женихъ пріѣзжаетъ навѣщать невѣсту и привозитъ гостинцевъ.

Накануне свадьбы идетъ пиръ въ обоихъ дворахъ. Къ жениху собирается вся его родня; онъ сидитъ подъ образами, рядомъ съ нимъ его *«дружко»*; на столѣ угощеніе—водка; въ другомъ противуположномъ углѣ сидятъ бабы «игрицы» и поютъ:

1970.

А у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные;
У Иванушки кудри русые
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ
Чьи-жъ ефто были вымыслы,
Чтобы Ванюшку женить?
— Ефто были вымыслы
Родной матушки
Сидя въ горенкѣ,
Подъ вакошечкомъ 2
Подъ хрустальненькимъ
И подъ стёклышкомъ.

Затѣмъ онѣ обращаются къ жениху и произносятъ слѣдующій приговоръ: «Иванъ Васильевичъ! пѣсенку вамъ спѣли, словно яснаго сокола, свеличали, любо—примите, не любо—назадъ отошлите» и подаютъ ему стаканъ (пустой). Женихъ говоритъ: «Нѣтъ, ничего не слышу, мои *вуши* [1]) мятелью замело; еще пѣсенку сыграйте, тады, можетъ и послышу.» Игрицы опять поютъ:

1971.

«Мы пройдемъ по горенкѣ,
Мы пройдемъ по новенькой;
Мы найдемъ хорошаго,
Мы найдемъ Иванушку.
Хорошъ Иванушка,
Хорошъ Васильевичъ;
Хороша бесѣдушка,
Хороша веселая,
Хорошо въ бесѣдѣ сидитъ,
Хорошо игрицъ дари́тъ,
Не рублемъ, полтиною
Золотою гривною.»

Подходитъ опять игрица, подноситъ стаканъ и говоритъ: «Слышишь Иванушка, тебѣ пѣсенку сыграли, словно ясна сокола свеличали, любо—прими, а нéлюбо—назадъ отошли.» Женихъ кладетъ нѣсколько денегъ въ стаканъ, наливаетъ въ него водки, подаетъ игрицамъ и приговариваетъ: «Игрицы—поигрицы, пирожныя мастерицы, долгіе ваши питки, голые ваши лытки, малый даръ примите, а на большой не взыщите, а посудинку назадъ отошлите.» Игрицы теперь поютъ дружкѣ:

У голубя, у голубя золотая голова
Вой люли, вой люли золотая голова.
Приходилъ къ нему товарищъ—позавидовалъ ему,
и т. д.

Еще жениху.

1972.

Изъ подъ града, изъ подъ Нова
Сынъ на матушкѣ пахать выѣзжалъ
Вой люли! пахать выѣзжалъ

(Такимъ образомъ этотъ припѣвъ повторяется и далѣе послѣ каждаго стиха).

Родну матушку въ корéнь запрягалъ,
Рóдну матушку въ корень запрягалъ,

---

[1]) Наши крестьяне утверждаютъ, что людей вуши, а у животныхъ вухи.

Молоду жану въ пристяжечку,
Молоду жану въ пристяжку гонялъ,
Родну матушку плетью стебалъ,
Молоду жану возжей тряхнулъ.
«Молода жана, ты не рви живота!
Я казалъ батькѣ: продай матку!
Человѣкъ старый пропадетъ даромъ.
Мы за денежки купимъ дѣвушку,
За полушечку купимъ душечку!
За полушечку купимъ душечку
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитушку
Вой люли, вой люли! свѣтъ Никитушку.

Послѣ этого опять подносятъ стаканъ водки жениху и онъ приговариваетъ 1-й причетъ и отсылаетъ стаканъ; игрицы величаютъ его опять и опять подносятъ стаканъ, онъ вливаетъ водки, кладетъ деньги и произноситъ 2 приговоръ.

Такимъ порядкомъ долго *играютъ* пѣсни и угощаютъ другъ друга. Наконецъ дружко встаетъ и говоритъ: «Чтожъ мы засидѣлись, да заговорились, чай Прасковьюшка ждетъ, что Иванушка не ѣдетъ и даровъ не несётъ, пора въ путь дороженьку. Собирай-ка, матушка, своего сынка! благословляй его къ невѣстушкѣ!»

Всѣ встаютъ; мать съ отцемъ берутъ ковригу хлѣба съ вырѣзаннымъ въ ней четвероугольной ямочкой для соли, на ковригу насыпаютъ соль и ставятъ образъ. Сынъ кланяется въ ноги родителямъ и потомъ становится передъ нимъ на колѣни; отецъ съ матерью держатъ надъ нимъ ковригу и благословляютъ; мать приговариваетъ: «Поди-жъ, мое дитятко, поди-жъ, мое милое, ў Божій храмъ; проси-жъ, мое дитятко, проси-жъ мое милое и долю и счастье у Господа Бога.»

Послѣ благословенія воютъ и провожаютъ его къ невѣстѣ. Между тѣмъ у невѣсты идетъ своя пирушка. Подъ образами накрытъ столъ бѣлой скатертью, на столѣ стоитъ *курникъ* (курица запеченая въ тѣстѣ, въ который воткнутъ сукъ яблони, обернутый въ разноцвѣтныя бумажки и обвѣшенный золотыми листиками и лентами).

Невѣста сидитъ па первомъ мѣстѣ, вокругъ нея подневѣстница и подруги. Подруги поютъ:

1973.

«Не поле, поле запылилося,
Не туманъ съ моря подымается,
Со синя морюшка, па озерѣ, —
Подымалися гуси сѣрые.
«Чавожъ вы ихъ ня поймали?»
— Мы всѣхъ ня поймали, мы одному налѣпили,
Быстры крылушки поотрѣзали,
На синё море пораспу́стили.
Вы, боярушки наши, уборные!
Вы съ *ваткель*, далечаль ѣхали?»
— «А мы ѣхали съ Новагорода на вотчину.
«Кабы штожъ вы тамъ чу́ли-видѣли?»
— А мы видѣли красну дѣвушку во теремѣ.
Чтожъ вы ее тамъ не *возмели*?
— «Мы ее не во́змели, такъ намѣтили,
Русу косыньку ро́сплели,
По бѣлымъ плечамъ роспустили.»

1974.

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая.
Ой-ли, ой-ли, ой люленьки люли!

(Послѣ каждаго одного стиха повторяется этотъ припѣвъ; «ой-ли, ой-ли» и т. д. съ повтореніемъ втораго стиха).

Кабы кто траву потопталъ,
Кабы кто притаптывалъ.
Потоптали, притоптали богатые сватовье.
Яны травушку топтали,
Яны дѣвушку пымали.
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитишну.
«Ты не плачь, Прасковьюшка,
Ты не плачь, Мякитишна.
Мы дадимъ приданаго—гусака чубарова,
Гусака чубарова и гусыню сѣрую,
И гусыню сѣрую, и село съ деревнею,
И село съ деревнею и кабакъ съ харчевнею.

Понаѣхали бояры
Все на во́роныхъ конёхъ.
Яны въ бѣлыхъ балахонахъ,
Черны шапочки съ вуглами.
И головушка съ кудрями,
И бородушки съ вусами.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, ему загораживаютъ вороты, пьютъ водку; въ это время дѣвки слышатъ шумъ и поютъ:

1975.

«Во теремѣ свѣчка не ярко горитъ,
Не ярко, не жарко, не вспыхиваетъ,
Яраго воска вытаеваетъ.
Въ теремѣ Прасковья печально сидитъ,

Горючія слезы выранивает,
Часто у вакошко посматривает.
Чтожъ долго, чтожъ поздно соколъ не летишъ?
Погоди немножко соколъ съ крутогоръ,
Погоди маленько — Иванъ къ намъ во дворъ.
На дворъ взъѣзжаетъ, весь дворъ освѣтилъ.
На крыльце ступаетъ, крыльце зыбится,
У сѣни всходитъ, сѣни ломлются,
Въ и́збу входитъ, Богу молится.
«Здравствуйте, здоровенькиль скрасны дѣвушки.
Жива-ли, здороваль княжна моя?»
— «Ўси живы здоровы, красны дѣвицы
Одна нездорова Прасковья твоя.»

Входитъ женихъ и дѣвки поютъ:

1976.

«Поглядите-ка подружки
Ти ня свѣтъ-ли?
Ой, люли, палюли! 2
Поглядите ў вакошко:
Ти ня дождь ли?
Ой люли, палюли!
Поглядите-жъ на Ивана:
Ти ня слѣпъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите-ка на Ивана,
Ти ня хромъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите на Ивана:
Не горбатъ-ли?
Ой люли, полюли!
Не горбатъ-ли?

Начинается обрядъ выкупа невѣсты; ее загораживаютъ подружки и не даютъ жениху къ ней подойти; онѣ просятъ денегъ. Женихъ кладетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ; подружки приговариваютъ:

1977.

«Эту-то мѣдь
Кошка на печи гнѣть [1])
Что черепковъ накидали?
Изъ подъ печи посбросали.
Дайте хоть маленькихъ
Да бѣлинькихъ.»

[1]) Не надо выговаривать какъ букву «ё».

Еще поютъ:

1978.

На горѣ дубочикъ пошумливаетъ,
Бѣлую березу поколыхиваетъ:
«Бѣлая береза наклонись ко мнѣ!»
— «Рада-бъ я, дубочикъ, наклонулася,
Сѣрые коренья въ землю вросли.»
По двору Иванушка да поѣзживаетъ,
Красную Прасковью да покликиваетъ:
«Красная Прасковья, ты поди ко мнѣ?»
— «Рада бы я, Иванушка, пошла къ табѣ,
Я боюсь, страшусь рȯдна батюшки,
Опасаюся рȯдной матушки.»
— «Ты не бойся, не бойся, Прасковьюшка,
Родна батюшки, не пасайся ты,
Бойся ты только одного Иванушку.»

Опять женихъ требуетъ невѣсту; дѣвки отвѣчаютъ: «Чтожъ ты, Иванушка, своей невѣстѣ привезъ? Какими дарами ты будешь ее дарить? Какую цѣну за нее давать?»

Женихъ подаетъ невѣстѣ гостинцы: зеркальце, мыло, конфеты, а дѣвкамъ кладетъ опять мѣдь.

Дѣвки опять загораживаютъ невѣсту и поютъ:

1979.

«При долинѣ, при широкой
Дѣвки ячмень жали;
Яны жали, выжинали
По дномъ косочку.
У эфту пору, у эфто время
Иванушка ѣхалъ.
«Можноль, дѣвицы, Ванюшкѣ
До пору доѣхать?
Можноль, можноль Васильичу
Пряничковь купить?
Прасковьяль твоя, Микитишка,
Она воду носитъ,
На плечушкѣ, на плечушкѣ
Коромыселъ гнется.
Прасковьюшка слезами
Сердечная льется.
«Чаво-же ты, коромыселъ,
Долго не сломился?
Чаво-же ты, Иванушка,
Давнѣй не жанился?»
— «Отъ тоголь я не жанился
Что тебя Прасковьюшка
Долго дожидался.»

Наконецъ женихъ кладетъ серебро и дѣвки отдаютъ ему невѣсту, а онъ угощаетъ ихъ водкой! Присутствующіе кричатъ: «Наши дѣвки татарки, пропили Прасковью за чарки!»

Потомъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ на первое мѣсто, прочіе же гости разсаживаются по чинамъ, а дѣвки уходятъ въ противуположный уголъ и поютъ:

1980.

«Ктожъ у насъ холостъ, холостъ?
Ой-ли, люли, холостъ, холостъ!
Ктожъ у насъ не женатъ, не женатъ?
Ой-ли, люли, не женатъ, не женатъ.

(Такимъ образомъ повторяется припѣвъ послѣ каждаго стиха).

Иванушка холостъ, холостъ.
Васильевичъ не женатъ, не женатъ,
Въ его рукахъ бѣлъ платокъ,
А въ томъ платкѣ три вузла, три вузла:
Въ первомъ вузлѣ висилекъ, висилекъ,
Въ другомъ вузлѣ маковъ твѣтъ,
Въ третьемъ вузлѣ любостарь, любостарь,
«На чтожъ табѣ василекъ, василекъ?»
— «Чтобъ я веселъ былъ, веселъ былъ.»
«На чтожъ табѣ маковъ твѣтъ?»
— «Чтобъ твѣтенъ былъ, твѣтенъ былъ.»
«На чтожъ табѣ любостарь, любостарь?»
— «Чтобы дѣвушки любили, любили
Въ высокъ теремъ водили, водили,
Медомъ-пивомъ поилй, поилй.»

Въ продолженіе того, какъ поютъ, невѣста обдариваетъ всю родню. Дары состоятъ изъ полотенцевъ, разукрашенныхъ вышивками ея работы. Полотенцы несетъ сваха, а невѣста беретъ по одному, кладетъ на деревянную чашку и съ поклономъ подноситъ роднѣ, а они опускаютъ въ чашку деньги. Обдаривъ всѣхъ, невѣста опять садится къ жениху.

Дѣвки продолжаютъ пѣть:

1981.

«Ельничекъ частоватый,
Иванушка не женатый.
Ой-ли, ой люли!
Иванушка не женатый.
Ему мати говорила:
«Чаво, дитѐ, не женился?»
— На что мати мнѣ жаниться?
Меня и такъ дѣвки любятъ,
На высокъ теремъ водятъ,
Полотенцами дарятъ.

1982.

Леталъ соколъ по крутымъ по горамъ,
Искалъ соколъ лебединыя стада.
Какъ нашелъ-же соколъ, лебединыя стада,
Всѣхъ лебедокъ розогналъ,
Одноё только поймалъ,
За правое крыло, за павлиное перо.
Просилася лебедушка у сбкола полетать:
«Пусти, пусти, сбколикъ,
Меня къ лебедкамъ полетать!»
— «Тогда, лебедушка, я табѣ пущу,
Когда всѣ перушки общиплю.»
Ѣздилъ Иванъ по чужой сторонѣ,
По Сорокинской слободѣ.
Искалъ Иванъ дѣвокъ короводъ.
И нашёлъ Иванъ короводъ:
Колъ Микитиныхъ воротъ
Стоитъ дѣвокъ короводъ.
Всѣхъ дѣвушекъ розогналъ,
И всѣхъ красныхъ роспужалъ,
Одноё только поймалъ
Ёнъ за правую руку,
За золотый перстенекъ.
Просилася Прасковьюшка
У Ивана погулять:
«Ты пусти меня, Иванъ,
Къ краснымъ дѣвкамъ погулять!»
— «Я тогда табе пущу,
Когда косу росу расплету
По плечушкамъ распущу.»

Гуляютъ до утра и разъѣзжаются, а дѣвки остаются у невѣсты ночевать.

Утромъ жениха благословляютъ, съ причитаньемъ, снаряжаютъ и отправляютъ за невѣстой, чтобы вести ее въ церковь. А въ это же время дѣвицы въ домѣ невѣсты встаютъ, убираютъ ее, росплетаютъ ей косы и поютъ:

1983.

«Не въ трубушку трубили рано по зарѣ,
Росплакалась Прасковья по русой по косѣ:
Коса-ль, моя косынька, коса-ль моя русая!
Вечеръ мою косыньку дѣвушки плели,

Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плётушками уплётывали.
Прислалъ Иванъ ко мнѣ сватушку
Немилостивую, нежалостливую:
Начала она косыньку рвати, метати,
Шелковые плётушки выплётывати,
Жемчужные камушки вынизывати,
Роспустила мою косыньку по бѣлымъ плечамъ,
Розлила мои слезыньки по румянамъ щекамъ.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, дружко потчуетъ всѣхъ водкой, очищая дорогу къ избѣ, такъ какъ ее загораживаютъ мужики—родня, а пѣвицы, увидавъ жениха во дворѣ, поютъ такія же пѣсни, какъ и на дѣвишникѣ, при встрѣчѣ жениха. Невѣста воетъ, подружки ее унимаютъ, уговариваютъ. Отворяется дверь, входятъ отецъ невѣсты и отецъ жениха, въ рукахъ у нихъ по хлѣбу и они начинаютъ мѣрить чей хлѣбъ выше и наконецъ отецъ жениха беретъ верхъ. Дружко подводитъ жениха къ невѣстѣ, а другіе взлѣзаютъ на печь. Жениха ставятъ на одной половницѣ съ невѣстой, лицомъ къ лицу, чтобы они поглядѣли другъ на друга, потомъ соединяютъ ихъ руки, заставляютъ жениха обнять невѣсту, поцѣловать и, связавъ ихъ полотенцемъ, перекручиваютъ три раза. Въ это время съ печи кричатъ:

1984.

«Ты кузьма Демьянъ
Скуй свадебку
Крѣпко на́ крѣпко,
Долго на́ долго!»

Крики продолжаются до тѣхъ поръ пока отецъ невѣсты не прикажетъ: «Подайте пирогъ, чтобъ Иванъ Прасковью берёгъ» и тогда пирогъ, пиво, вино и деньги подаютъ черезъ брусъ на печку.

Когда всѣ успокоются, то ростилаютъ на полу шубу мѣхомъ вверхъ, ставятъ на нее невѣсту съ женихомъ и начинается благословеніе, сначала со стороны невѣсты, а потомъ со стороны жениха, затѣмъ усаживаютъ невѣсту съ женихомъ въ сани. Въ это время жениху поютъ:

1985.

«В' насъ на горочкѣ на пригорочкѣ,
Тамъ стояло два зелененькихъ дубца.
На дубочкахъ два голубчика сидятъ,
Промежъ собой яны рѣчи говорятъ,
Добра молодца не журятъ, не бранятъ.
«Добрый молодецъ Иванушка,
Добрый молодецъ Васильевичъ!
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Бумажками дворъ застилалъ,
Полтинами ворота запиралъ,
По пяти рублей Шашурочкамъ давалъ,
Изъ неволюшки сиротъ вынималъ:
«Вы сиро́ты, вы сироты мои!
Помолитеся вы Богу за меня,
За меня-ли за вдалова молодца,
За Ивана за Васильевича.»

Невѣстѣ:

1986.

«Заходила туча грозная,
Выпадали снѣги бѣлые
На мою ли русу косыньку.»

(продолженія недостаетъ).

1987.

«Прасковьюшка со двора съѣзжала,
Верхъ съ березы сорвала.
«Стой, моя береза безъ верха!
Живи моя матушка безъ меня,
Безъ моей безъ русой косы!
Выплету я уплетъ съ русыхъ косъ,
Повѣшу уплетъ я на приклѣть,
Куда моя матушка въ клѣть ходитъ:
Яна въ клѣть идетъ, заглянетъ,
Изъ клѣти пойдетъ, заплачетъ,
Взглянетъ да и скажетъ:
«Ефто моей дочушки,
Моей милой уплетушки.»

Жениху.

1988.

«У насъ въ огородѣ
Ни хмель, ни росада,—
Пахучая мята
Вся переломата,
Въ пуки повязата,
За тымъ поросата.»

Ему-же:

1989.

«А кто-жъ у насъ холостъ?
А кто-жъ у насъ не жанатъ?»
— Иванушка холостъ,
Васильевичъ не жанатъ.
Онъ хброшо ходитъ,
Матéро ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ.
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Онъ плёточкой машетъ,
Подъ нимъ кони пляшутъ,
Со двора съѣзжаетъ,
Мати провожаетъ:
«Поди, мой хорошій,
Поди, мой пригожій,
Холостъ не жанатый,
Бѣлый, кудреватый.
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,—
Луги зеленѣютъ,
Къ рѣкамъ подъѣзжаютъ,—
Рѣки разливаются;
По улицѣ ѣдетъ,—
Вся улица стóгнетъ,
Къ дворамъ подъѣзжаетъ,—
Народъ весь встрѣчаетъ.»

Жениху и невѣстѣ:

1990.

«Иванушка грозенъ, Васильевичъ грозенъ!
Онъ грозенъ, грозенъ не милостивъ.
Онъ въ конюшенку пошелъ,
Ворона коня браталъ, [1])
Ворона коня браталъ,
Онъ засѣдловалъ.
Онъ вдаритъ, не вдаритъ —
Ко тестевому двору.
Онъ грянетъ, не грянетъ,
Въ тестевы ворота,
«Когда спитъ моя Прасковья, —
Не будите её,
А не спитъ моя Прасковья,—
Не пужайте её.
А моя-ли то Прасковья—
Яна вумна, хороша,
По новымъ сѣнямъ прошла,
Золотыми каблучками
Дубову доску ломила,
Яна подружекъ всѣхъ будила:
«Вставайте-ка, сестрички,
Берите-ка ключи,
Отпирайте-ка, подружки,
Дубовые сундуки,
Вынимайте-ка, сестрички,
Вы нѣмецкое сукно,
Вы сошейте-ка, сестрицы,
Мому Ванюшкѣ кофтанъ,
Толькобъ въ пору яму сталъ.»

[1]) вм.: оброталъ.

При выѣздѣ изъ воротъ поютъ:

1991.

«У Мякитѣ во дворѣ
Подымалася война,
У Василья на дворѣ,
Опущалася война.
У Мякитѣ во дворѣ
Стоятъ кони во сѣдлахъ,
Во наборныхъ, во шлеяхъ,
И въ серебряныхъ вуздахъ,
И въ урѣзаныхъ санёхъ.
«А подкуйте-ка, вы слуги,
Воронаго вы коня.
Столяному ножу —
Здѣсь на столикѣ лежать,
Вороному коню —
По дороженькѣ бѣжать,
По дороженькѣ бѣжать,
Къ свѣтъ-Прасковьюшкѣ душѣ.»

Цѣлымъ поѣздомъ ѣдутъ въ церковь; на пути въ каждой деревнѣ имъ загораживаютъ дорогу и они должны поить виномъ каждаго встрѣчнаго.

По окончаніи вѣнца изъ церкви заходятъ или къ дьячку, или въ сторожку, гдѣ причесываютъ волосы молодой: съ одной стороны плететъ косу сваха, съ другой женихъ. Потомъ косы эти обматываютъ вокругъ головы и повязываютъ молодую платкомъ, какъ носятъ женщины. Затѣмъ ѣдутъ во дворъ жениха, гдѣ свекровь встрѣчаетъ ихъ одѣтая въ шубѣ, вывороченной вверхъ шерстью и ей бабы поютъ:

1992.

«Выйди-ка, свекровья горбатая,
Стрѣнь-ка невѣстку богатую!
Выдь-ка, свекровь сопливая,
Стрѣнь-ка невѣстку щастливую!»

Свекровь встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляетъ ихъ на порогѣ на вывернутой шерстью вверхъ шубѣ, осыпаетъ хмѣлемъ и сажаетъ подъ образа; около нихъ садятся дружко, сваха и вся родня; начинаютъ пить и поздравлять молодыхъ, а бабы поютъ слѣдующія пѣсни:

1993.

Кто-жъ у насъ лебединъ?
Гдѣ-жъ у нась лебединъ?
Лебединъ мой лебединъ,
Лебедушка бѣлая!
По новымъ сѣнёмъ прошелъ,
Чеботомъ доску пробилъ,
Соловьюшкомъ просвисталъ,
Красныхъ дѣвушекъ искалъ.
Красныхъ дѣвокъ не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ.
«Прасковьюшка душечка,
На личушкѣ мушечка!
Сыми мушку съ себе,
Посадь мушку на мене,
Чтобъ я лучше былъ табѣ.»

1994.

Коло тыну хожу,
Рамонъ сажу;
Рамонъ сажу,
Приговариваю:
«Рости рамонъ
Съ тыномъ равёнъ!»
— Не быть рамону
Со тыномъ равну, —
Не быть свекру
Что родному батюшкѣ.
Родной батюшка
Рано спать кладетъ;
Рано спать кладетъ,
Поздно возбуживаетъ:
«Вставай, дитятко,
Вставай, милое!
Хата вытоплена,
Сѣни выметены.
Голову чеши буйную,
Плети косыньку,
Плети русую.

1995.

Закачалася завалялася
Иванова голова
Подъ Прасковьинымъ вокошкомъ.
«Ты, Прасковьюшка дружечикъ,
Твой малиновый душечикъ,
Ты открой-ка мнѣ вакошко,
Покажи лице немножко.»
— «Я жъ бы рада показала,
Въ меня мачиха лихая,
По три прутика вязала,
За калитку не пущала.»
— «Прасковьюшка, отопрись,
Желанная, покажись!
Я пришелъ къ табѣ не рано,
Я принесъ табѣ не мало:
Съ молодыхъ ярокъ-поярокъ,
Еще гривенный же пряникъ
На три денежки баранокъ, —
Вотъ табѣ и весь подарокъ.»

1996.

По лугамъ, лугамъ по зеленымъ лугамъ —
Тамъ ходитъ гуляетъ сизоглинистый голубокъ
Ёнъ кличитъ выкликаетъ сизоглинистую галубку:
«Подь-поди сюда, сизоглиниста голубка!
Яжъ табе люблю за полеточку твою.»
— По двору, двору, по широкому двору —
Тамъ ходитъ гуляетъ свѣтъ Иванушка душа,
Кличетъ выкликаетъ свѣтъ Прасковьюшку душу:
«Яжъ табе люблю за походочку твою:
По двору идешь, словно павушка плывешь,
По сѣнямъ идешь, словно маковъ твѣтъ твѣтешъ.»

1997.

Конопелька добрая,
　　Былинка зеленая, —
　　　　Ой-ли лели, лели
　　Былинка зеленая,
Коровать тесовая
　　Перина пуховая,
Подушка шелковая,
　　Одѣянье было теплое,
Ониманье [1]) было крѣпкое
Цѣлованье было сладкое.

1998.

Виноградъ разтвѣтаетъ,
А ягоды поспѣваютъ:
Виноградъ — Иванъ
Виноградъ — Васильевичъ,
А ягода — Прасковьюшка,

---

[1]) Т. е. обниманье.

Спѣлая—Микитична.
Всѣ люди дивуются,
Что пригоже цѣлуются.
«Не дивитеся люди, не дивитеся,
Вы сами такіе уродитеся.»

Свахѣ.

1999.

Какъ на нашей-то сватьѣ
Да новая шуба,
У правой пóлѣ шубы
Заморскія пташки,
А въ лѣвой полѣ шубы—
Ясный мѣсяцъ свѣтитъ,
Воспойте, воспойте,
Заморскіе пташки,
Завеселите, завеселите
Сватью во бесѣдѣ.

2000.

Иванъ чванится, своей жёнкой хвалится:
«Моя же-то женочка, моя же боярыня
Ничего не пьетъ, не ѣстъ, ничего не кушаетъ:
Ни вина зеленаго, ни яства сахáрнаго.
Только яна взлюбила у Ивана на ручкѣ спать;
На ручкѣ на правенькой, на сердцѣ на здравенькомъ.
Другъ, моя Прасковьюшка, другъ, моя Микитишна!
Когда спишь, Богъ съ тобой, а не спишь говори со мной:
Про свое житье бытье, про свое богачество.»

2001.

Рюмочка ты серебряная,
Ты Иванушка, свѣтъ Васильевичъ!
Дорогой-ли твой обычай:
Гдѣ ни пьешь ни гуляешь, —
А домой ночевать
На тесову кровать,
На перину пуховую,
На подушку шелковую
Всегда возвращаешься.
— Какъ сказали свѣтъ-Прасковьѣ,
Что Иванъ съ Москвы ѣдетъ, —
За рукавъ шубу схватила,
На порогѣ вздѣла.
На порогѣ шубу вздѣла,
Середь двора стрѣла.
«Ты чаво, Прасковьюшка,
Меня не встрѣчала?»
— «Отъ того не встрѣчала,
Дитю колыхала,
Я дитю-ли колыхала,
Перемѣны ждала.

2002.

Во саду подъ грушею,
Припаду послушаю,
Какъ Иванъ жену училъ:
«Моя-то боярыня,
Прасковья Микитишна,
Ўстаетъ ранешенько,
Мы́ется бѣлешенько,
Прядетъ тонешенько,
Выткетъ частешенько,
Выбѣлитъ бѣлешенько.
Яна сошьетъ рубашечку
Во четыре полотнища.»
— «Рубашка бѣлѣется,
Мой милый милѣется.»

2003.

«Ты поѣдешь, мой милый
На чужу сторону,—
На чужой сторонѣ
Не застáивайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.»
Хороша пригожа —
Свѣтъ-Прасковья душа,
За ворота выходила,
Путь указывала,
Черну шляпу выносила,
Пухъ ўстряхивала.

2004.

Черемуха густенькій кустокъ!
На черемухѣ яленькій твѣтокъ,
Далеко твѣтокъ ялѣется,
Ялѣется голубѣется.
Кабы хто-жъ у насъ
На ворóномъ коню,
Хто-жъ у насъ на осёдланоомъ?
— Иванушка на вóрономъ коню,

Иванушка на восёдланномъ,
Подъѣзжаетъ ко широкому двору,
Уронилъ онъ черну шляпу съ головы.
«Подыми шляпу, немилая жена!»
— «Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться не желается,—
За вчерашнюю за грубость за твою:
Что не ходишъ на постелю ты мою.
Безъ тебя мой другъ, постеля холодна,
Одѣялице заиндѣвѣло,
И подушечки потонули въ слезахъ,
Табе, дружочикъ мой, дожидаючись,
Свою долю проклинаючи:
«Доля моя, долюшка!
Несчастлива я на свѣтъ рождена!»

2005.

Соловьюшка перелеталъ,
Молоденькій перелеталъ
Изъ садика-то садочка
Съ зеленаго вишенья.
Иванушка пріѣзжалъ,
Васильевичъ пріѣзжалъ
Изъ Питера да въ Москву,
Къ высокому терему.
Стуки, грюки во ворота
Серебренымъ кольчикомъ:
«Прасковьюшка отопрись,
Микитишна не сердись!»
— «Я бы рада отворила,
Буенъ вѣтеръ ленты рветъ,
Краснымъ солнцемъ лицо жжетъ.»
Иванушка розсердился,
На добра коня садился
На добра коня садился
Отъ воротъ прочь отъѣзжалъ.
Прасковьюшка услыхала,
Ко новымъ сѣнямъ бѣжала, 2
Новы сѣни растворяла, 2
Громко молодцу кричала,
Громкимъ голосомъ кричала,
Ивану ворочала:
«Иванушка воротись!
Васильевичъ не сердись!»
— «Я бы радъ былъ воротиться,
Добрый конь мой не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Краснымъ солнцемъ лице жжетъ.»

Во время пира, каждый изъ присутствующихъ, когда подносятъ ему вино, прежде чѣмъ пить, оглядываетъ его и говоритъ: «Что-жъ это у васъ вино такъ сорно, мутно» (молодые въ это время, взявъ за уши другъ друга, цѣлуются) «не крѣпко, горько», (молодые цѣлуются три раза) «ну теперь хорошо.» Каждый это говоритъ и молодые должны поминутно цѣловаться.

Въ избѣ столько народу, что не только сидѣть, но и стоять тѣсно; не смотря на это весельчаки все таки находитъ довольно мѣста, чтобы поплясать подъ звуки скрипки и гармоніи.

Къ ужину пиръ во всемъ разгарѣ: пѣсни, пляска, музыка, говоръ, хохотъ сливаются въ одно; духота страшная, почти всѣ пьяны; за ужиномъ величаютъ каждаго и всѣ кладутъ деньги пѣвицамъ. Только передъ свѣтомъ гости разъѣзжаются и наконецъ даютъ молодымъ отдыхъ, а въ другой избѣ ужинаютъ «пѣсельницы»— молодыя бабы. Этимъ и кончается свадьба.

Зап. учен. IV-го класса Калужск реальн. училища Ив. Лутонинъ.

XI. Орловской губерніи.

Малоархангельскаго уѣзда, село Каменки.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ начинается утромъ. Невѣста уже заранѣе выбираетъ изъ своихъ близкихъ родныхъ или любимыхъ подругъ *4 звальщицъ*. Въ утро дѣвишника звальщицы приходятъ къ невѣстѣ и она передаетъ имъ рубаху, которую она сшила для своего жениха. Звальщицы ходятъ по всей деревнѣ и созываютъ всѣхъ подругъ невѣсты. Сами онѣ ѣдутъ къ жениху съ рубашкой, а дѣвушки идутъ къ невѣстѣ. При входѣ ихъ невѣста поетъ (плачетъ):

2006.

«Лебедушки подруженьки,
Подите покрасоватися ко мнѣ!»

Затѣмъ обращаясь къ косѣ, она продолжаетъ:

«Покрасуйся, моя руса коса,
У свово-то кормильца батюшки.
Красовалась-то я, горькая, отгулялася,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Плела-то я свою мелку косу,
Относила въ косѣ ленту алую.»

Ей начинаютъ расплетать косу; она поетъ:

2007.

«Лебедушка моя подруженька!
Какъ-то твои рѣзвы ноженьки
Ко мнѣ, горькія, подступалися?
Какъ-то твои бѣлы рученки
На мою буйную головушку,
Какъ приподнялися,
За мою-то русу косу взялися?
Откpасовалася моя руса коса, отгулялася
По улицѣ по широкой
Со лебедушки-подруженькой.» [1])

Затѣмъ она обращается къ отцу:

2008.

«Кормилецъ мой, желанный батюшка!
Знать я вамъ, горькая, надоѣла, надоскучила?
Знать-то я вамъ не слуга была?
Знать-то я вамъ не посолъ была?
Вдругъ-то я вамъ теплымъ гнѣздомъ оттѣснила,
Хлѣбомъ-то я солью васъ обездолила,
Цвѣтнымъ-то платьемъ я васъ обносила.
Знать-то я вамъ была во чистомъ полѣ не работница,
Въ теплымъ-то гнѣздѣ не куковница?»

Обращаясь къ отцу и къ матери, она поетъ:

2009.

«Желанные мои, батюшка и матушка,
Вдругъ-то вы на меня распрогнѣвались:
Заключили-то вы мою буйную головушку,
Запоручили-то вы мою русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣшныя,
Не дали-то вы мнѣ на рѣзвы ноги поднятися,
Со лебедушки-подружки соровнятися,
Съ умомъ-то съ разумомъ собратися.
Заключили меня, молодехоньку, зеленехоньку.»

Отецъ беретъ образъ и благословляетъ невѣсту; она продолжаетъ:

«Не прошу-то я у тебя ни злата, ни серебра,
Прошу-то я у тебя благословеньица.»

Дѣвки садятся за столъ; невѣста поетъ матери:

2010.

«Желанная моя матушка!
Лебедушекъ-подруженекъ сажай-ка,
Сажай-ка ты ихъ не по выбору,
Не по выбору, не по выгляду,
Чтобы онѣ на меня, на горькую,
Не прогнѣвались.»

Сидя за столомъ, невѣста ничего не ѣстъ. Она поетъ:

2011.

«Родимая моя матушка!
Поди-ка ты ко столу своему дубовому,
Взглянь-ка ты за свой за дубовый столъ,
На мои лебедушки-подруженьки!
Мои-то лебедушки подруженьки
Собраны, соряжены,
Буйныя-то головушки причесаны,
Русы-то косы заплетаны,
Въ косѣ-то у нихъ ленты ввязаны.
Я сижу, горькая, не собрана, не соряжена,
Буйная-то головушка у меня не причесана,
Руса коса растрепана, ленты не ввязаны.»

По окончаніи обѣда она продолжаетъ:

2012.

«Желанный мой батюшка,
Родимая ты матушка!
Спасибо-то вамъ на хлѣбъ, на соли,
Напоили-то вы меня, накормили,
Со лебедушки-подруженьки.
Лебедушки вы мои подруженьки!
Не прогнѣвайтесь на меня, на горькую,
Какова-то хлѣбъ-соль случилася
У мово-то кормильца-батюшки,
Къ этому часу, ко времячку.»

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косу расплетаютъ въ день свадьбы.

Дѣвушки послѣ обѣда идутъ гулять по деревнѣ, а невѣста со своею семьею садится за столъ и ѣстъ вмѣстѣ съ ними. Приходятъ сродники. Каждый изъ нихъ приноситъ «ковригу» (круглый черный хлѣбъ); на ковригу обыкновенно кладутъ деньги, либо 3 копѣйки, либо пятачекъ, и т. д. Если родня женщина, то вмѣсто денегъ она часто приноситъ невѣстѣ вмѣстѣ съ ковригой «рукава».

Невѣста имъ поетъ:

2013.

«Поди-ка ты ко мнѣ, дорога гостя,
Спасибо тебѣ, моя лебедушка, мила сестра,

или:

Спасибо тебѣ тетушка, (или крестовая матушка)
На хлѣбѣ, на соли
А на томъ тебѣ нѣтъ спасиба:
Не пришла ты къ намъ спозараньица,
Спозараньица въ дороги гости;
Мого батюшку не уговаривала,
Родимую-то матушку не разговаривала:
Заключили-то мою головушку,
Запоручили-то русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣшныя.
Покрасуйся, русá коса!»

Въ такихъ словахъ она благодаритъ всѣхъ сродниковъ. Потомъ они передъ божницей зажигаютъ свѣчу и говоритъ на распѣвъ:

«Желанный ты мой батюшка,
Засвѣчай-ка ты свѣчу воску яраго»!

Сродниковъ сажаютъ за столъ, а дѣвки, возвратившись съ гулянья, берутъ невѣсту и ведутъ ее въ баню, къ сосѣду.

По дорогѣ туда она поетъ:

2014.

«Покрасуйся, моя руса кóса,
По улицѣ по широкой,
По мураву по зеленому,
Со лебедушки подруженьки.»

Подходя къ дому сосѣда, хотя бы онъ былъ ей и совсѣмъ чужой, она поетъ:

2015.

«Желанный ты мой дядюшка!
Встрѣчай-ка ты меня, горькую,
Къ себѣ въ дороги гости
Со лебедушки со подруженьки.»

Покуда она въ банѣ, сродники отобѣдаютъ. Уже настáетъ вечеръ. Сродники расходятся по домамъ; невѣсту ведутъ домой. Она, прощаясь съ сосѣдомъ, поетъ:

2016.

«Прощай-ка ты, мой желанный дядюшка,
Не погнѣвайся ты на меня, на горькую,
Что я васъ въ теплымъ-то гнѣздѣ оттѣснила
Со лебедушки-то со подруженьки.»

Въ избѣ невѣсту раскрываютъ (въ прочее время она сидитъ закрытая). Дѣвушки поютъ пѣсни, между прочимъ слѣдующую:

2017.

«Рѣка-ли моя рѣченька!
Не тошно-ли тебѣ, рѣченькѣ,
Не тошно-ли тебѣ по лужкамъ текучи,
По кустамъ разливаючи,
Съ бережками разставаючи
Съ синимъ льдомъ разрушаючи?»
«Не тошно-ль тебѣ, Пелагеюшка,
Не тошно ли, за столомъ сидючи,
За столомъ за дубовымъ,
За скатертью за бранною
За явствомъ, за сахарнымъ,
За виномъ, за зеленымъ?»

Вечеромъ, послѣ захода солнца, невѣста поетъ:

2018.

«Сижу-то я день до вечера,
На роботушку-то вы меня не посылаете,
Не посылаете-то вы, не паряжаете,
Безъ меня-то у васъ роботушка приробoтана.»

Дѣвушки садятся ужинать; невѣста сидитъ одна, поодаль. Послѣ ужина дѣвки ложатся

спать, и невѣста, поужинавъ съ семьей, идетъ также ложиться.

Свадьба.

Утромъ, въ день свадьбы, невѣста должна встать раньше всѣхъ и перебудить спящихъ. Прежде всѣхъ она будитъ отца, плача!

2019.

Желанный мой, кормилецъ батюшка!
Вставай-ка ты по утру, по ранехоньку,
Обувайся-ка ты гладехонько,
Умывайся-ка ты бѣлехонько,
Утирайся-ка ты тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Молись-ка Богу плавнехонько,
Клади-ка ты поклоны низехоньки,
Жди-ка ты къ себѣ дорогихъ гостей,
Моихъ-то разлучниковъ:
Разлучатъ-то они меня, горькую,
Со всѣмъ-то родомъ племенемъ,
Со отцомъ и съ матерью.»

Съ тѣми же словами она обращается сначала къ матери, потомъ къ сестрамъ и подругамъ. Потомъ плачетъ къ себѣ:

2020.

«Я-то, горькая, встала-то я ранехоньки,
Умывалася горючьми слезьми
Утиралася своей русой косой.»

Послѣ этого она начинаетъ снаряжаться къ вѣнцу. Надѣваетъ самый лучшій сарафанъ и бѣлую сорочку (въ случаѣ-же, если рубашка цвѣтная, то рукава всетаки должны быть бѣлыми). На шею ей не надѣваютъ ни бусъ, ни лентъ, потому что говорятъ: «къ вѣнцу, словно на смерть собираешься.» Когда невѣста «соберется», дѣвокъ сажаютъ за столъ и всѣ ждутъ жениха.

Наконецъ пріѣзжаетъ женихъ. Самъ онъ остается на улицѣ, а дружка входитъ въ избу и велитъ дѣвкамъ вылѣзать изъ за стола. Дѣвки требуютъ отъ него мыла. Онъ подаетъ имъ $^1/_2$ фунта мыла и бутылку водки. Тогда онѣ просятъ его показать имъ жениха. Дружка вводитъ жениха. Отецъ невѣсты беретъ его за правую руку и соединяетъ съ правой рукой дочери. Невѣста же плачетъ:

2021.

«Желанный ты, кормилецъ батюшка!
Не сажай-ка ты подлѣ меня добра молодца,
Не давай-ка ты ему мою праву руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней
Не пугай-ка ты мого ретива сердца;
Такъ-то оно у меня испугалося,
Безъ огня-то оно загорѣлося,
Безъ полымя-то у меня сотлѣло.»

Потомъ она обращается къ жениху.

2022.

«Ты-то ли, добрый молодецъ!
Не бери-ка ты мою праву руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней,
Не пугай-ка ты мого ретива сердца;
Не твой-то отецъ меня воспоилъ, воскормилъ,
Не твоя-то мать меня возлелѣяла;
Воспоилъ-то, вскормилъ меня кормилецъ батюшка,
Возлелѣяла-то меня родимая матушка.»

Отецъ крестный невѣсты отводитъ дружко въ сторону «продавать косу». Ему даютъ большую кружку съ виномъ, Онъ ее покрываетъ рукой, при чемъ они торгуются. Дружко опускаетъ въ кружку либо 20, либо 30 копѣекъ, смотря по состоянію (эти деньги предназначаются невѣстѣ). Невѣста-же плачетъ, обращаясь къ своему крестному отцу:

2023.

«Желанный ты мой, крестный батюшка!
Не пей-ка ты зелена вина,
Не бери-ка ты золотой казны,
Не пропивай-ка ты мою русу́ косу.»

Обращаясь къ дружкѣ:

Желанный ты мой дядюшка!
Не бери-ка ты золоту ча́ру,
Не пущай-ка ты злата серебра.
Не дорога-то мнѣ ваше злато-серебро,
Не дорога-то мнѣ ваша золота гора,
Дорога-то мнѣ своя руса́ коса́.»

После продажи косы «поѣзжане», т. е. состоящіе при поѣздѣ жениха, садятся за столъ. Невѣста поетъ:

2024.

«Не снѣги-то меня обсѣяли,
Не вѣтры-то меня обвѣяли,
Не морозы-то меня заморозили,—
Обсѣяли-то меня добры́ люди,
Добры-то люди, незнамые.
Покрасуйся, моя руса коса,
Во дѣвичьей, во кра́сотѣ,
Въ первые и во послѣдніе!»

Обращаясь къ дружкѣ, предлагающій ей въ подарокъ мыло, она продолжаетъ:

«Не дари-ка ты меня, молода дружка со подружкою,
Безъ мыла-то я бѣленехонька,
Безъ румянъ-то я руменехонька.»

Теперь отецъ невѣсты начнетъ всѣхъ поѣзжанъ обнашивать виномъ. Невѣста плачетъ («къ дарамъ»):

2025.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Носи-ка ты зеленымъ виномъ, не обнашивай,
Меня-то, горькую, не обрашивай (кидай).»

Сноха ея или сестра даритъ всѣхъ поѣзжанъ по платку, а свахамъ (свахъ же бываетъ двѣ: одна жениха, другая невѣстина) даритъ «рукава». Невѣста продолжаетъ свой плачъ къ дарамъ:

2026.

«Лебедушка, моя мила сестра!
Дари-ка ты, не обдаривай,
Большаго-то барина съ меньшимъ,
Дружку-то со подружьеми,
Молоду-то сваху со повозникомъ.» [1])

Послѣ краткаго отдыха невѣсты, приносятъ «сальникъ», (т. е. крупяную кашу). Она плачетъ, обращаясь къ сальнику:

[1]) Повозникъ — это тотъ, который везетъ свахъ.

2027.

«Желанный ты, мой батюшка!
Ходи-ка ты потихохоньку,
Неси-ка ты зеленымъ виномъ рѣдехоньки,
Тяни-ка ты день, до вечера.»

Къ матери:

2028.

«Желанная ты моя, родимая матушка!
Ходи-ка ты потихоньку,
Станови-ка ты яства рѣдехоньки,
Тяни-ка ты день до вечера.
А мнѣ-то, горькія, у васъ покравоватися,
Не годъ-то мнѣ у васъ годовати,
Не недѣлю-то мнѣ у васъ гостявати,
Одинъ-то мнѣ часъ часовати,
За столомъ-то за дубовымъ
Во первые-то, во послѣдніе.»

Когда поѣзжане отобѣдаютъ, невѣсту начнутъ благословлять. Благословляютъ обыкновенно отецъ и мать, родные и крестные. Она плачетъ:

2029.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Не прошу-то я у тебя ни злата, ни серебра, —
Прошу-то я у тебя благословеньица,
Къ Божьей церкви ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
Законъ-то Божій приняти.»

Съ такими же словами она обращается къ матери, къ отцу крестному и крестной матери. Потомъ обращаясь къ себѣ:

«Отъ золота-то вѣнка голова болитъ,
Отъ перстня-то рука горитъ,
Отъ подножья [1]) ноги ломитъ.»

Къ косѣ:

«Покрасуйся моя руса́ коса́,
У свово-то кормильца батюшки,
У родимой-то матушки,

[1]) Холстины кусокъ въ 2 аршина, на которомъ женихъ и невѣста стоятъ въ церкви.

(когда есть братья)

У милыхъ то братцевъ, ясныхъ соколиковъ!
Открасовалась я, отгулялася,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила-то въ косѣ ленту алую.»

Приготовляются ѣхать въ церковь. Братъ родной надѣваетъ на нее новый дубленый полушубокъ (даже лѣтомъ); ей повязываютъ платокъ назадъ и надѣваютъ «покрывъ», т. е. кусокъ кисеи въ 3 аршина длиною. Его спускаютъ на лицо, а концы сзади скрещиваютъ и оставляютъ распущенными. Она плачетъ къ брату:

2030.

«Голубчикъ ты мой, милый братъ!
Не одѣвай-ка ты меня во цвѣтно платье,
Во цвѣтно платье, во печальное.
Во печальное, во вѣнчальное.»

Ее выводятъ на улицу; а отецъ и мать остаются въ избѣ,—садятся за столъ и имъ подаютъ водку. Выходя на улицу, невѣста поетъ:

2031.

«Первую то ступень ступила,
Изъ батюшкиной-то воли выступила;
Другую-то ступень ступила,
Изъ матушкиной-то нѣги выступила;
Третью-то ступень ступила,
Изъ дѣвичьей-то красоты выступила.»

На улицѣ:

2032.

«Желанная ты моя матушка!
Поглядись-ка ты въ окошечко:
Не яблоня-то стоитъ кудрявая,
Не яблочки-то съ нея катятся,—
А стоитъ-то ваше дитя милое
Горючи-то слезы у ней катятся.»

Ее сажаютъ на повозку съ обѣими свахами. Повозка обыкновенно не убирается цвѣтами и лентами. Просто ставятъ въ нее «будку», куда кладутъ подушку, на которую и сажаютъ невѣсту. Правитъ «повозникъ». Женихъ ѣдетъ отдѣльно, посреди двухъ дружекъ. Лошадью правитъ дружка. Въ это время сродники невѣсты «подымаютъ добро» ея и везутъ его въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ родители жениха и угощаютъ. Когда невѣсту сажаютъ на повозку (а на повозку ее сажаетъ обыкновенно или зять или братъ), она голоситъ:

2033.

«Желанный ты мой дядюшка!
Не сажай-ка ты меня на вороныхъ коней:
Чужи-то кони быстрые—
Увезутъ-то они меня далекохонько,
На чужую-то на сторонушку,
Ко чужому-то отцу съ матерью,
Ко чужому-то роду племени.»

Къ косѣ:

2034.

«Покрасуйся, моя руса коса,
По улицѣ-то по широкой,
Во первые-то во послѣдніе!
Открасовалась-то я, отгулялася,
Отчесала-то свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила въ косѣ ленту алую.»

Пріѣзжаютъ въ церковь. Женихъ слѣзаетъ первый, ссаживаетъ невѣсту и ведетъ ее въ церковь. Совершается обрядъ вѣнчанія. Есть примѣта, что если во время вѣнца невѣста станетъ первая на «подножье», то она будетъ старшая надъ мужемъ; и наоборотъ. По окончаніи обряда ее «оправляютъ въ кокошникъ». Ее повязываютъ платкомъ, надѣваютъ «подзатыльникъ» (нѣчто въ родѣ золотаго платка, который надѣвается на затылокъ, чтобы прикрыть волоса молодой), надѣваютъ на лобъ «поднизокъ» изъ бисера и кокошникъ золотой съ рогами (волосъ совершенно не видно).

Оправляютъ молодую свахи. Затѣмъ везутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха встрѣчаютъ молодую съ хлѣбомъ-солью, ее сажаютъ за столъ и раскрываютъ.

Отецъ жениха обноситъ всѣхъ виномъ. При этомъ каждый говоритъ, что вино горько и проситъ его «подсластить». Молодая цѣлуетъ мужа въ глаза, въ уши, въ макушку, и въ душку. Онъ же долженъ цѣловать ее три раза въ уста.

Послѣ обѣда, который длится очень долго и за

которымъ поютъ, свищутъ и пляшутъ, молодыхъ укладываютъ спать.

Записано В. Н. Харузиной въ 1893 г.
Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Л. Е. А. и Э.

Той же губ., Елецкаго уѣзда.

2035.

Какъ за рѣчушкой свободушка стоитъ,
На свободушкѣ молода вдова живетъ.
У вдовиньки дочь хорошая растеть,
Про нее слава, рѣчь порядочно идеть,
У нее личико точно бѣленькій снѣжокъ,
Щечки алы—въ саду розовый твѣтокъ,
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь хороша, разумильны словеса:
«Ужь, ты миленькій, возлюбленный дружокъ!
Ты спиши со личушки потретъ
Намъ не долго жить, бесѣдовать съ тобой.
Пойду, выйду на парадный, на крылецъ,
Погляжу я въ подзорную трубу:
Въ чистомъ полѣ два шатрика стоять,
Въ шатрикѣ два разбойничка сидять,
Про Дуняшу рѣчь хорошу говорятъ,—
Не велять, мнѣ на улицу ходить,
Не приказываютъ мнѣ молодчиковъ любить.
«Ужъ вы, братцы, товарищи мои,
Вы не скоро-ли поѣдете домой?
Вы скажите моей мамыньки поклонъ,
Особенно Сашурынькѣ милой,
Чтобъ не ждали бъ по тепло лѣто домой,
Чтобы ждали по холодную зиму,
Когда рѣчушки закроются ледкомъ.» [1])

2036.

Маленька птичка, маленька,
Садилась на ракиту, садилась,
Хотѣла она, хотѣла она
Ракиту подломати, ракиту подломати.
Не подломила, не подломила,
Къ землѣ приклонила, приклонила.
Умная наша Авдотьюшка,
Разумная Ивановна,—
Хотѣла она, хотѣла она
Батюшку развеселити,—
Не развеселила она,
Лишь больше огорчила.
Дѣвочки идуть, вѣночки вьють,
Тебя поджидають.
—«Хуть жди, не жди.
Я къ вамъ вѣкъ не буду.
Буду-ль я, не буду—къ милому другу,
Къ Ивану Петровичю.»

2037.

Вы саду было, вы садику,
Вы зеленомъ виноградику,
Здѣсь катались два яблочка,
Два яблочка, два садовыя,
Садовыя, медовыя.
Врозь по берегу каталися,
Словно сахаръ разсыпалися:
Что и первое яблочко —
Иванъ Петровичъ,
А второе что и яблочко —
Авдотья Ивановна.

2038.

Какъ изъ улицы метелица мететь,
Изъ широкой перепархиваеть.
За метелицей Иванъ сударь идеть,
За собою ворона коня ведеть,
За тѣ поводы, за шелковые,
За тѣ удила серебренные.
Оборвались шелковые повода,
Распаялись серебрены удила,
Иванъ-сударь упущалъ сково коня,
Петровичъ свово воронова.
Авдотьюшка у верeюшки стоить,
Ивановна у тесовыхъ, у воротъ.
«Авдотьюшка, перейми мово коня,
Ивановна, перейми воронова!»
—«Похочю я, Иванъ сударь, перейму,
Не похочю—прочь пойду,
За твои-ль, другъ противныя слова,
Часто ходишь мимо мово двора,
Ты не зайдешь, не провѣдаешь меня.
Ты ходи, другъ, почаще,
Носи прянички послаще,
Носи прянички жамочки,
Носи орѣшки каленные!»

2039.

Передъ нашими широками воротами,
Разливалось синее море,
Люли, люли, разливалось,

(Припѣвъ: «люли, люли» поется послѣ каждой строчки съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха).

[1]) Эта пѣсня собственно изъ разряда любовныхъ, но вездѣ на свадьбахъ, въ промежуткахъ времени, свободныхъ отъ обрядностей, дѣвки поютъ и такія и другія подобныя. III.

Рыбица бѣла разыгралась.
Какъ по бережку охотнички ходили,
Охотнички бѣлый рыбицы говорили:
«Берегись, бѣлая рыбица, берегися,
Хотять тебя, бѣлу рыбицу, поймати,
Въ шелковые невода посадити,
На двѣнадцать частей разрубити,
На двѣнадцать столовъ становити,
И двѣнадцать молодцовъ будуть кушать.
Промежъ себя рѣчь говорили:
Къ Авдотьюшки подруженьки приходили,
Авдотьюшкѣ подруженьки говорили:
«А хотятъ тебя, Авдотьюшку сговорити,
Хотятъ тебя, Ивановна, замужъ отдати,
За такова-ль, за дѣтину, за Ивана,
За его-ль честь фамилію Петровича.»
— «Я сама-ль, подруженька, догадалась,
Я изъ горницы въ горницу металась,
Я холодной водой умывалась,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утиралась.

2040.

При дѣвичью было вечеру,
При Авдотьюшкиномъ дѣвичнику,
При Ивановнѣ печальюшкѣ,
Пролеталъ младъ ясменъ соколъ,
Онъ садился на высокъ теремъ
И спущалъ ножку на подножку,
На золотую причалиньку.
Причалинька обломилася,
Ясменъ соколъ встрепенулся,
Онъ же правымъ крылушкомъ, перушкомъ,
Правымъ крылушкомъ рябымъ
Ни по атласу, ни бархату,—
По Авдотьину лицу бѣлому,
По Ивановному румяному.
Никто этого не увидѣлъ, не усмотрѣлъ,
Усмотрѣли родной батюшка, родна матушка.
«Ты, дитё-ль мое милое,
Приголубь яснаго сокола къ себѣ!
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
— «Государь, ты, мой родной батюшка,
Государыня, ты, моя родная матушка,
Мое сердце не воротится къ нему,
Мои очи и смотрѣть не хотятъ.
Ужъ и есть не ясменъ соколъ,
Ужъ и есть мой разлучничекъ, —
Разлучить меня съ отцомъ, съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ-племенемъ
И съ любезными подружками.

2041.

Въ темныхъ лѣсахъ кукушечка куковала,
Въ теремѣ Авдотьюшка плакала,
Въ высокомъ Ивановна рыдала,
Слезно свово батюшку просила:
«Ни отдавай, мой батюшка, отъ себя,
Остается зеленой садъ у тебя,
Въ томъ саду три цвѣтика разцвѣли:
Алый цвѣтъ и лазоревый, голубой.
А станешь-ли, мой батюшка, цвѣтики поливать?
Цвѣтики поливать утренней, вечернею порою? 2
Свѣжею ключевою водою?»
—«Стану я, мое дитятко, твои цвѣтики поливать,
Утренней, вечерней зарею —
Своею горючею слезою.

2042.

А у терема, терема,
У высокова нова
Золотые были выходы,
А ступенцы серебрены.
Какъ по этимъ ступенцамъ,
Здѣсь ходила, вызгуливала,
Молодая здѣсь барыня.
Она будила, пробуживала
Свою дитятку милую,
Свою дочку любезную:
«Ужь ты встань, проснись, дитятко!
Пробудись, мое милое!
Отдаю тебя, дитятко,
Отдаю тебя, милое,
Ужъ я съ рукъ тебя на руки, —
Ко Ивану-то на вѣки,
Отдаю и приказываю:
«Ужь, зять, ты, мой зятюшка,
Ты, родимой мой батюшка,
Ужь ты нѣжь мою дитятко,
Ты лелѣй мою милую,
Какъ и я ее нѣжила,
Какъ и я ее лелѣяла,
Я отъ вѣтру вы горницу,
А отъ дождю во свѣтлицу,
А отъ солнца во зеленый садъ.»
Изъ зеленаго садика,
Здѣсь лежала дороженька,
Далекимъ далекошенько.
Какъ по этой по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Дочь по матери плакала,
Съ соловьемъ думу думала:
«Соловей мой, соловьюшекъ,

Соловей вольна пташечка!
Полети-же ты къ матушкѣ,
Утѣшай-же ты матушку.
Чтобъ она по мнѣ не плакала.

Сообщ. г-жею Великолѣповой, мѣстною уроженкой.

Той же губерніи, Орловскаго уѣзда.

Когда женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ на *лады*. Лады состоятъ въ томъ, что женихъ пріѣзжаетъ со свахами для рѣшенія своего сватовства.

Подъѣзжая къ воротамъ, свахи жениха поютъ:

2043.

У тестевыхъ воротъ
Все горы крутые,
Морозы лютые.
Хоть дорого взять,
Казаковъ нанять,
Горы ўскопать —
У тестя побывать,
Апросинью увидать.
У тестя по двору
Дѣвки танки водять,—
Ў кругу Апросиньюшка
Ў рукахъ шерстиночка,
А на щекѣ слезиночка.
«Не плачь, Апросиньюшка,
Не плачь, Антоновна!
У насъ на дворѣ колодецъ,
На волахъ воду возятъ.»
— «Не обманывай, Иванушка,
Не обманывай, Егоровичъ!
У васъ на дворѣ скотинушка,
У васъ подъ горой колодецъ,
На плечахъ воду носять.»

2044.

Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой тесть
Тесть ты мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть коня въ сѣдлѣ.
«Это не мой даръ, это не мой суженый,
Не мой ряженный.»
— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Теща моя теща ласковая;
Теща привѣтливая!
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вынесла теща сундукъ съ добромъ.
«Это не мой даръ, не мой суженый,
Не мой ряженный.»
— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой, тесть,
Тесть мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть Аксинью.
«Вотъ мой даръ, вотъ мой суженый,
Вотъ мой ряженный.»

Подружки невѣсты поютъ за воротами на дворѣ.

2045.

Не было вѣтру понавѣяло,
Не было гостей понаѣхало,
Все нежданные, незнакомые,
Поломали сѣни новые, съ переборами,
Выпужнали, выпужнали соловья изъ саду.
Тутъ Аксиньюшка встужилася:
«Кто же у меня теперь соловей ў саду?
Кто жъ меня теперь будить будетъ?»
Отвѣчаетъ ей Иванушка:
«Я теперь соловей ў саду
Я тебя рано ўзбужу.

Ворота отворяются и подружки невѣсты поютъ

2046.

«Не уздальца колечушки звякнули,
Все жъ-таки Апрасиньюшка за тобой,
Все жъ-таки, Антоновна, для тебя.»
«Постойте, князья, бояре, на дворѣ!
А я пойду, своему батюшкѣ доложу,
Кунью шубу доношу.»

Свахи жениховы продолжаютъ:

Апросинья Антоновна
У тебя есть меньшая сестрица,
Она пойдетъ—батюшкѣ доложитъ,
Кунью шубу доноситъ.
— «Не уздальца колечушки звякнули,

Все жъ-таки, Апрасиньюшка, за тобой,
Все жъ-таки, Антоновна, для тебя.»
—«Постойте же, князья, бояре на дворѣ,
Я пойду своей матушкѣ доложу,
Цвѣтныя платья доношу!»
— «Апросинья Антоновна,
У тебя есть твоя меньшая сестрица,
Она твоей матушкѣ доложить,
Цвѣтныя платья доносить.»

Вводятъ въ домъ жениха, садятся рядомъ съ невѣстой и всѣ вмѣстѣ поютъ.

2047.

У голубя голубушка подъ крыломъ,
У сизаго, косатушка подъ правомъ,
У Иванушки Апросиньюшка подъ бочкомъ,
У Егоровича Апросиньюшка подъ правомъ.

Дѣвушки величаютъ невѣсту.

2048.

Какъ на морѣ, тонка жердочка лежала,
На жердочкѣ, Апросиньюшка стояла,
Бѣлешеньки рубашечки мывала.
По бережку Иванушка гуляетъ,
За утками, лебедками стрѣляетъ.
Что не разъ стрѣльнетъ,
Лебедушку ушибетъ.
Все жъ таки на Апрасиньюшку взглянетъ:
«Я мѣтилъ, что лебедушка бѣлая,—
Ажноль, Апросиньюшка честная.
Она тѣмъ честна, она тѣмъ хвальна,—косою.
А ў косушки ў русенькой косничекъ,—
Подвернулся Иванушка подъ бочекъ,
Вывязывалъ шелковый коснячекъ,
Уплетывалъ шелковую плеточку,
Что бъ было чѣмъ коня подогнать,
Что бъ было чѣмъ Апросиньюшку ўзбудить.
«Вставай, Апросиньюшка раненько,
Чеши, чеши, головушку гладенькó!
Ўвоскресный день Апросиньюшка родилась,
Ў золото, ў серебрó увилась,
А мнѣ, молодцу Иванушкѣ, досталась.»

Всю ночь они поютъ; утромъ когда дѣвушки чешутъ невѣсту къ вѣнцу, то поютъ.

2049.

Зимой, лѣтомъ сосенушка зелена,
Зеленешенька ў сыру бору стояла.
Ў пятницу Апросиньюшка весела,
Ў суботу русу косушку чесала,
Въ воскресный день къ вѣнцу шла,—плакала:
«Не жалостливъ, не милостивъ сударь батюшка до меня,
Отдаетъ молодешеньку отъ себя,
Остается мой зеленый садъ увесь тебѣ.
Ў садику три цвѣтика разцвѣли,
Мой аленькій, мой бѣленькій,
Лазоревый василекъ.
«Вставай, вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай, поливай мои цвѣтики частенько,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»
—«Буду, буду мое дидятко вставать,
Твои цвѣтики поливать,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»

Затѣмъ братъ невѣсты продаетъ ея косу дружку жениха.

Дружекъ: «Ты что, молодецъ, сидишь?»
Братъ ея: —«Я купецъ, русой косы продавецъ.»
Дружекъ: «Сколько-же тѣбѣ за косу?»
Братъ: —«Ступу денегъ, рѣшето вина.»

Дружекъ наливаетъ стаканъ вина и кладетъ туда деньги. Братъ выпиваетъ, беретъ деньги и уступаетъ мѣсто жениху.

На ладахъ и на вечеринкѣ дѣвушки еще поютъ слѣдующія пѣсни:

2050.

Съ горъ, горы мятелица заметаетъ,
Съ другой горы дружинушка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушалъ,
Онъ мѣтилъ, что Апросиньюшка играетъ,—
Ажно это ранняя-ль сваха голоситъ.
«Голоси, голоси ранняя сваха,
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»
Съ горъ, горы мятелица заметаетъ
Съ другой горы дружинушка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушаетъ
Онъ мѣтилъ, что ранняя сваха играетъ;—
Ажно-ль Апросиньюшка голоситъ.
«Голоси, голоси Апросиньюшка
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»

2051.

На долинушкѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,—
Что-жъ наша Афросиньюшка унываетъ?»
Или наша Апросиньюшка свекру не по обычаю?
—«Дѣвушки, голубушки! аль вы не угадали,
Неправду вы сказали, менѣ [1]) свекръ,
Менѣ свекръ, что родимый батюшка.»
— На долинѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,
Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
Или наша Апросиньюшка свекрови не по обычаю?»
— «Дѣвушки, голубушки, аль вы не угадали?
Неправду вы сказали, менѣ свекровь
Менѣ свекровь, что родимая матушка.»
— На долинушкѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,
Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
Или нашей Апросиньюшки Иванъ не по обычаю?»
— «Дѣвушки, вы голубушки, аль вы не угадали?
Неправду вы, неправду вы сказали:
МенѣИванъ,менеАнтоновичь,чтородной братецъ.»

2052.

«Что гоголь мой, гоголечекъ?
Былъ ли, ты гоголь мой, на морѣ?
Видѣлъ-ли ты, гоголь, гоѓолку?»
—«Былъ я на морѣ, видѣлъ гоголку,
Видѣлъ гоголку, золотую головку.
Только на море взлетаю,
А она съ току на токъ перелетала;
За ней четки въ три ряда,
Галки въ четыре ряда.»
— «Былъ-ли ты, Иванъ, у тестя?
Видѣлъ-ли ты Апросинью?»
— «Только я на дворъ взъѣзжаю,
А она съ терема ў теремъ переходила;
За ней дѣвушки, въ три ряда,
А молодушки ў четыре ряда.»

2053.

Свѣтелъ мѣсяцъ дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка Антоновна, милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
— «Мила-то мнѣ милешенька матушка,»
«Неправду ты, Апросиньюшка, говоришь,
Неправду ты, Антоновна, сказываешь.»
— Свѣтелъ мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ,
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка, Антоновна милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
— «Милъ-то мнѣ милешенекъ батюшка.»
«Неправду ты, Апросиньюшка, молвишь,
Неправду ты, Антоновна, говоришь.»
—Свѣтелъ мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка, Антоновна милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
— «Милъ ты мнѣ милешенекъ, Иванушка.»
«Правду ты, Апросиньюшка, молвишь,
Правду ты, Антоновна, говоришь.»

Когда женихъ уѣзжаетъ съ вечеринки, то его свахи поютъ:

2054.

«Бѣлыя лебедки! гдѣ-жъ вы бывали?
Что-жъ вы видали?»
— «Мы были, побывали
На синемъ на морѣ.»
«Что-жъ вы увидали?»
— «Мы видѣли, увидали
Бѣлую лебедку.»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Сытой, водой ключевой напоили.»
— «Молодые вы свахи
Гдѣ-жъ вы бывали?
Что-жъ вы видали?»
«Мы видѣли, видали
Умную Апросинью»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Виномъ напоили.»

2055.

Пойду я вдоль по улицѣ,
Черезъ три двора минуючи,
Третій послушаю,
Что люди говорятъ:
Они судятъ-то, рядятъ,
Про Апросиньинаго батюшку:
«Онъ пойца, пропойца,
Пропилъ свою дочку
На сладкомъ медо́чку;
Пропилъ свою ча́ду
За винную ча́ру.
Винная чара
Весь міръ припоила

[1]) Т. е. мнѣ.

А умная Апрасинья
Весь поѣздъ придарила.

На вечеринкѣ продаютъ косу невѣстину дружку жениха, который торгуетъ ее у брата невѣсты.

Въ день свадьбы, когда женихъ ѣдетъ за невѣстой, у нея дѣвушки поютъ.

2056.

Долга темна осенняя ночушка —
Прождалась соловьина матушка:
«Что-жъ такогожъ соловьюшки долго нѣтъ!
Или ему случилось мимо сада летѣть,
И его черныя галки сманули,
У зеленый садъ водили?
Иль они его пшеницой кормили?
Иль они ключевой, святой водицей поили?
Иль они его черной галкой дарили?»
— Долга темна осенняя ночушка, —
Прождалась Иванина матушка:
«Что-жъ такого-жъ Иванушки долго нѣтъ!
Иль случилось ему мимо терема ѣхать,
Иль его красны дѣвушки сманули?
Иль они его у высокъ теремъ водили?
Иль они его виномъ, чаемъ поили?
Иль они его бѣлымъ хлѣбомъ кормили?
Иль они его Апросиньешкой дарили?»

2057.

«Милый другъ мой, Иванъ,
Моя надежа, пробудись!»
— «Я скажу-ль тебѣ, дѣвица,
Диво дивно дивованье:
Оторвался конь вороный
Отъ мого столба точенаго,
Отъ серебряна колечка,
Отъ золочена другаго.
Не тужи, моя умница,
Дорогая ты разумница!
Поживемъ мы годокъ,
Поживемъ мы другой
Наживемъ мы садокъ,
Наживемъ мы зеленый
Со калиной, со малиной,
— Черну ягоду смородину.»
Она рано поломана.
Во пучечки связана,
При дорожкѣ положена.

2058.

Ты заря-ль моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнышко ўсхожее!
Высоко усходило,
Далеко освѣтило —
Черезъ лѣсъ, черезъ море,
Черезъ синее поле.
На томъ синемъ морѣ,
Лежала дóсточка.
Какъ по той по досточкѣ,
Никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Перешелъ переѣхалъ
Валерьянъ молодой,
Красавецъ удалой,
Съ собою перевелъ,
Боярыню молодую
Дарью Ивановну.
Онъ взялъ ее за ручку,
Перевелъ на свою сторону,
На свою сторонушку, —
Цѣлуетъ и милуетъ,
Милымъ другомъ называетъ:
«Милый другъ ты мой, Дарьюшка!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила
Тихими походами,
Низкими поклонами.
На улицу не ходи,
Худой славы не клади;
У меня молодца,
Подворье широкое,
Горница тесовая,
Коровать еловая,
Перина пуховая,
Изголовье высокое,
Одѣяло шитое,
Башмачки сбитые.»

2059.

Заря, моя зорюшка,
Заря моя бѣлая,
Солнце ясное, —
Дѣвица красная!
Дарья слезно плакала.
Слезы катятся.
Играть не велятъ,
Играть хочется,
Все мнѣ претятъ;
Все заказываютъ,

Все заговариваютъ.
Заказываетъ сударь батюшка,
Заговариваетъ сударыня матушка.
Я украдуся, наиграюся,
Увернуся, нацѣлуюся,
Тишкомъ, лужкомъ,
Со милымъ дружкомъ,—
Со Ванюшей, подъ грушей,
Я подъ грушей подъ кудрявой.
По мосту, мосту по калиновому,
По другому мосту по малиновому,
А по третьемъ мосту,
Купцы ѣхали, ѣхали,
Иванушку встрѣтили:
«Продай кудри черные!»
— «Мои кудри не продажны,
Моимъ кудрямъ есть участница, —
Дарьюшка половинница.»

На вечеринкѣ когда жениха ждутъ.

2060.

Не разливайся мой тихій Донъ,
Не заливай зеленые луга!
На тѣхъ лугахъ лежитъ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо проходилъ Иванушка,
Взялъ плетку, стебнулъ оленя.
«Не стибай меня, добрый молодецъ!
Я тебѣ впередъ гожусь:
Будешь жениться, на свадьбу приду,
На дворъ взойду, весь дворъ освѣщу,
Въ горницу взойду, гостей развеселю,
Больше всѣхъ Авдотьюшку.»

2061.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Ульяниномъ дѣвишникѣ,
Ульянушка спать легла,
Нехорошій сонъ увидѣла:
Со крутой горы ручей течетъ
Съ тепла гнѣзда соколъ летитъ,
Онъ садился на окошко,
На серебряну причаленку.
А причаленка отломилась,
Младъ соколъ встрепещался.
Какъ увидѣла, усмотрѣла,
Ульянушкина матушка:
«Ты дитё-ль мое, дидятко,
Приголубь ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго
Добра молодца заѣзжаго!»
— «Государыня матушка,
Я бы рада приголубила, —
Рѣзвы ножки подломились,
Бѣлы руки опустились,
Златы перстни посвалились,
Ясны очи заслезились,
Съ плечь головушка скатилась.»

По пріѣздѣ жениха дѣвушки сажаютъ невѣсту за столъ, рядомъ съ женихомъ и поютъ:

2062.

Авдотьины сборы, сборы!
Собирала дѣвокъ на сговоры,
Сажала красныхъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Голову клонила ниже всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ:
«Сестрицы мои, подруженки!
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Ужъ какъ-то мнѣ быть,
Въ чужихъ людяхъ мнѣ жить?
Какъ мнѣ люта свёкра назвать?»
— «Сестрица наша, Авдотья,
Убавь ты спеси, гордости,
Прибавь ты ума-разума!
Назови ты свекра батюшкой,
Свекровь люту матушкой,
Иванушку назови Михайловичемъ.

2063.

На улицѣ крикунъ кричитъ,
Крикунъ кричитъ,—боярскій сынъ,
Всѣ дѣвушки на улицѣ,
Одной нѣту, Александрушки,
Сидитъ она во теремѣ,
Работаетъ работушку,
Платочекъ шьетъ—весь золотомъ,
Плеть плететъ шелковую,
Узду вяжетъ жемчужную.
Мимо шелъ Иванушка:
«Богъ помочь тебѣ, Александрушка,
Платочекъ шьешь мнѣ въ карманъ,
Плеть плетешь мнѣ въ руки,
Узду плетешь моему коню.»

2064.

Яблоня моя садовая, кора золотая,
Мимо шла Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ коверъ вышивала,
Тѣмъ ковромъ коня одѣвала,
Тѣмъ конемъ свекра дарила:
«Прими, батюшка, не гребуй[1]) мною,
А я тобой, твоей буйной головою.
— Яблоня моя яблоня садовая, кора золотая,
Шла Варварушка мимо, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала,
Тѣмъ золотомъ чупичникъ вышивала,
Тѣмъ чупичникомъ свекровь дарила:
Прими матушка, не гребуй мною,
А я тобой, твоей буйной головою.»
— Яблоня моя садовая, кора золотая,
Шла мимо Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ жилетъ вышивала,
Тѣмъ жилетомъ жениха дарила.

2065.

Воскукнула кукушка въ лѣсу,
Всплакнула Александра за столомъ:
«Не жалостливъ сударь батюшка до меня,
Отдаетъ меня замужъ далеко,
Остается мой зеленый садъ тебѣ.
Вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай мои цвѣтики частенько,
Утреннею, вечернею зарею.»
— «Буду буду, мое дитятко, вставать,
Рано цвѣтики поливать,
Утренними, вечерними зарями,
Послѣ того горючими слезами.

2066.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Ударили крыльями о теремъ,
Сказали Аннушкѣ добру вѣсть,
Что у Степанушки въ домѣ есть:
Есть у Степанушки воронъ конь.
Собрался Степанушка въ дорогу:
«Пожалуй, батюшка, подмогу,—
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре каретушки золотыхъ.
Въ первую карету самъ сяду,
Въ другую Анну посажу,
Въ третью карету свашеньку
Въ четвертую карету матушку.
— «Вотъ тебѣ, дитятко, подмога,
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре кареты золотыхъ,
Двѣ свахи молодыхъ.»

2067.

Хожу, гуляю,
Купину копаю,
Набѣлимся, нарумянимся,
Сядемъ подъ окошко;
Люди скажутъ:
«Хорошъ дружко,
А сваха лучше,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»
Хожу я гуляю,
Купину копаю,
Набѣлимся, нарумянимся,
Сядемъ подъ окошко,
Люди скажутъ:
«Хорошъ Стефанушка,
Лучше же Аннушка,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»

2068.

Летитъ, летитъ,
Черная галка низенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Ясный соколъ близенько:
«Отвернись, отвернись,
Ясный соколъ отъ меня!
Ищи, ищи ты,
Такой галки, что меня, —
Галушку черную, одноперую.»
Бѣжитъ, бѣжитъ,
Александрушка рѣзвенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Иванушка близенько.
«Отвернись, отвернись,
Иванушка, отъ меня!
Ищи, ищи ты
Такову дѣвку, что меня,—
Бѣлую, румяную,
Александру Семеновну.»
— «Ужъ я сколько-сколько,
Сёлъ, городовъ проѣзжалъ,
Такой дѣвки не встрѣчалъ.»

[1]) Не гнушайся, не брезгай.

2069.

Журилась га̀лушка въ саду:
«Кто у меня въ саду побывалъ?
Кто мои вишни поклевалъ?
Кто мою галку ощипалъ?»
Пролеталъ ясный соколъ:
«Не журись, га̀лушка!
Я у тебя въ саду бывалъ,
Твои вишни поклевалъ,
Твою га̀лушку ощипалъ.»
—Журилась, Аннина матушка, въ теремѣ,
«Кто у меня въ теремѣ бывалъ?
Кто мои столики поломалъ?
Кто мою Аннушку цѣловалъ?»
Приходилъ Иванушка:
«Не журись, Аннина матушка!
Я у тебя въ теремѣ бывалъ,
Я твои столики поломалъ,
Я твою Аннушку цѣловалъ.»

2070.

Просилась га̀лушка у ясна сокола,
На волю полетать,
Въ галочьемъ стадѣ побывать.
— «Пустить тебя галушка, —
Ты не будешь,
Меня, ясна сокола, забудешь.»
— «Не буду, соколушка, не буду!
Тебя, ясный соколъ, не забуду?
Отошедши галушка смѣялась:
«Не соколья у тебя ухватушка,
Не соколья, а воронья,
Не съумѣлъ ты черну галку удержать,
Крылья, перья ощипать.»

Попросилась Аннушка у Степанушки,
На улицѣ погулять,
Въ дѣвичьемъ хороводѣ побывать:
«Тебя, Аннушка, пустить,
Ты не будешь, ты не будешь,
Про меня, добра молодца, забудешь.»
— «Стефанушка! не буду, не буду,
Тебя, добра молодца, не забуду.»
Отошедши, Анна насмѣялась:
— «Не молодецка у Степанушки ухватка,
Не молодецка, а ребячья.
Не съумѣлъ красной дѣвки удержать,
Кольца серьги посымать.»

2071.

Хвалилась калина,
За рѣчкою стоя:
«Никто меня не срубитъ,
Безъ стуку, безъ грюку,
Булатнаго ножа.»
Хвалился поручикъ,
Молодой дружинушка:
«Ужъ я те срублю,
Безъ стуку безъ грюку,
Булатнаго ножу.»
Хвалилась Александра,
У батюшки сидя:
«Никто меня не возьмѐтъ.
Безъ пива, безъ меда,
Безъ зелена̀ вина.»
Хвалился Иванушка:
«Ужъ я тебя во̀зьму,
Безъ пива, безъ меду
Безъ зелена вина.»

Зап. Е. А. Цуриковой.

XII. Курской губерніи.

Тимскаго уѣзда.

Поютъ на сговорѣ.

2072.

Я не думала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала.
Она не нашего города,
Не по нашаму убрана.
Она ходя тихохонькя,
Кланяется низехонькя.
Она хваля свою сторону:
«Какъ наша сторонушка
Она 'зюмомъ усажена,
Виноградомъ обгорожена,
Сытою поливана,

А тавтою покрывана».
— «Отойди прочь, обманщница,
Отойди прочь, подговоришница!
Ужъ я знаю чужу сторону!
Ужъ ваша сторонушка,
Она горямъ усажена,
Печалью обгорожена,
Тоскою покрывана,
А слезами поливана.»

Величають женатыхъ во время шитья приданаго.

2073.

Да по рѣчушки селезенюшка
Заплывалъ, 3
У глазушки утенушки
Заглядалъ: 3
«Да что моя утенушка
Хороша 3
Да чиго моя, ой, сѣрая
Пригожа!» 3
— «Ой дли тебе, селизенюшка,
Хороша, 3
Ой, дли тебе, касатенькей,
Пригожа.» 3
Да по сѣнюшкамъ Иванушка
Заходилъ, 3
У глазушки, ой Аннушкя,
Заглядалъ: 3
Да съ чиво моя, ой Аннушкя,
Хороша? 3
Да съ чиво моя Ивановна
Пригожа?» 3
— «Да дли тебе, ой, Иванушка
Хороша 3
Ой, съ дли тебе, Васильевичъ
Пригожа. 3

Дер. Борзенково, отъ Натальи Бѣлкиной.

Поютъ въ дѣвишникѣ.

2074.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
Охъ, при Марьиномъ дѣвичничкѣ,
Прилеталъ тамъ ясменъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На позлайшенную причалинку.
Рѣшеточка сподломилася
Ясменъ соколъ стрепенулся, полетѣлъ.
Охъ какъ и Марьина матушка
По новымъ сѣнямъ похаживала,
Яснаго сокола прибаивала:
«Охъ, ты, дитя, мое дитятко,
Ты, дитя мое милое!
Ты сойди съ высокаго терема,
Ты прими яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго,
Ивана свѣтъ Ивановича.»
— «Охъ, родимая матушка,
Рада бы сошла съ терема, —
Рѣзвая ножки сподломилися,
Бѣлая ручки спустилися.
Буйная головка съ плечъ свалилася,
Яснаи очушки совсѣмъ не глядять.

Дер. Борзенково, отъ Марьи Валадовой.

На дѣвичникѣ, когда дѣлають каравай.

2075.

Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ӯ недѣлю годинкя,
Собиралася Авдотьина родинкя,
Привозила три пуда пшеницы на каравай, —
Хвалю Бога! пошеничный мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ӯ недѣлю годинка,
Собиралася Авдотьина родинькя,
Привозила три пуда соли на каравай, —
Хвалю Бога! соленай мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ӯ недѣлю годинка
Собиралася Авдотьина родинкя
Привозила три пуда яицъ на каравай.
Хвалю Бога! яичный мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли у недѣлю годинка,
Собиралася Авдотьина родинкя,
Привозила три пуда масла на каравай, —
Хвалю Бога! масляной мой каравай.

Когда сажають каравай въ печь.

2076.

Нашъ каравай ӯ печку пошелъ, 2
Нашъ каравай было ножки пожегъ, 2

Заюшка по загнеткѣ ходя,
Сѣренькяй у печь заглядая
Нашъ каравай и т. д.

Во время пѣнія мужъ и жена непремѣнно перебѣгаютъ чрезъ печку и каждый спѣшитъ захватить первый стоящую на каменкѣ рюмку съ водкою; кто успѣетъ первый захватить, тотъ и выпиваетъ. Остальные мѣшаютъ огонь на загнеткѣ, который приготовляется изъ соломы, называемой *засвѣтка*.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

2077.

Прилетѣла пава,
Середь двора пала.
Середь двора пала,
Косу потеряла.
Дѣвка ваша, —
Коса наша.
Дай полтину,
Я косу покину.
Дружка богатины!
Не умѣя дружка
Свататься
Краснымъ дѣвкамъ
Кланяться.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

Величаютъ холостаго во время шитья приданнаго.

2078.

Вихторъ Миколаевичъ!
Не ходи кругъ бережку, 2
Не клони ты головушку, 2
Не срони съ сибе шапочки.
Твоя шапка дорога:
На пятьсотъ рублей дана, 2
Восемьсотъ да золотничковъ.
Ой, Вихторъ Миколаевичъ!
Хто тебе шапкой дарилъ,
Ой, и хто шапкой дарилъ, 2
— «Братцы, мои товарищши,
Я и самъ во царя былъ, 2
Самому царю служилъ, 2
Во царя дѣтей качалъ, 2
Во серебряной люлечкѣ.»

Тамъ же, отъ Натальи Бѣлкиной.

Величаютъ сваху.

2079.

Сватьюшка молодая да купину копала,
Купину копала, зорюшку ломала,
Откуль не взялся да сходатай сватъ,
Онъ шапку снялъ, да коня унялъ
Низко поклонился: «Богъ на помочь,
Моя сватьюшка, да купину [1]) копати,
Да купину копати, зорюшку [2]) ломати!
Да поѣдимъ жа, моя сватьюшка да кы торгу, базару!
Да купимъ жа, моя сватьюшка, мыло, бѣло умываться.
А намъ будуть, намъ будуть люди диноваться:
«Што хорошъ, пригожъ сходатай сватъ,
А сватьюшка лучше, а сватьюшка лучше.»
— «А чѣмъ она лучше, а чѣмъ пригожѣе?»
«Она личикомъ побялѣе, бровью почернѣе.»

Поютъ у жениха, когда собираются ѣхать къ невѣстѣ.

2080.

А летѣли голуби черезъ дворъ,
Ой, ле-ли, ле-ли, черезъ дворъ [3])
Ударили крыльями объ теремъ,
Прилетѣли, сказали добрую вѣсть,
Што в' Алексѣюшки въ домѣ есть:
Тамъ есть в' Алексѣя воронъ конь,
Да на ворономъ кони што соколъ.
Да не соколъ летая,—младъ Алексѣй.
Алексѣй по двору да гуляеть,
Ворана коня сѣдлаеть,
Его матушка вспрашиваеть:
«Куда, мое дитятко, собрался?»
— «Матушка моя, въ дорогу,
Дай мнѣ, матушка, подмогу:
Семеро коней вороныхъ,
Двѣ каретушки золотыхъ,
Да двѣ сватьюшки молодыхъ,
Приведу, матушка, сужанаю,
Ой, Евгеньюшку молодую.

Дер. Верхополье, отъ Анисьи Михотиной.

---

[1]) Ландышъ. Сл. Даля.

[2]) Въ сл. Даля: Заря, заря—растеніе Ligusticum leristicum offic. — «любиста, любистокъ, любимъ» и т. д.

[3]) Припѣвъ: «ой, ле-ли» съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ словъ стиха повторяется до 8 стиха; а съ 8-го стиха къ припѣву прибавляется одно слово.

Собираясь ѣхать за невѣстою, что-бы съ нею отправиться въ церковь, поютъ:

2081.

За церкваю.
Ладо, ладо!

(Припѣвъ: «ладо, ладо» послѣ каждаго стиха).

За вѣнешною
Слеталися
Семьсотъ голубей.
Всѣ голуби, всѣ сизаи,
Всѣ сизаи.
Они пьють и клюють,
Веселаи сидять.
Какъ одинъ голубь,
Какъ одинъ сизай,—
Онъ не пьеть, ни клюеть,
Ни веселай сидить,—
Пригорюнивши, 2
Призадумавши, 2
Увъ отлетъ летѣть, 2
По голубушку. 2
— У Ивана на дворѣ
Съѣзжалися
Семьсотъ бояръ. 2
Всѣ бояря, всѣ бояря,—
Всѣ чеснаи, всѣ чеснаи.
Они пьють и ѣдять, 2
Веселыя сидять. 2
Какъ одинъ Василій,—
Онъ ни пьеть, ни ѣсть,
Не веселой сидить, 2
Призадумавши — 2
Увъ отъѣздъ ѣхать
По бѣлаю, по бѣлаю, —
Все по Дарьюшку.

Поютъ (если невѣста сирота) когда ее одѣваютъ къ вѣнцу.

2082.

Много, много во сыромъ дубу
Много вѣтьявъ, павѣтвявъ,
Толькя нѣту во сыромъ дубу
Золотой вярхушачки.
Много у Аннушки,
Много роду-племени;
Толькя нѣту у Аннушки
Родимаго батюшки.
Снарядить йё есть кому,
Благословить йё некому.
У ей батюшки нѣту-ти
Кы суду кы божьему,
Кы храму, кы господняму,
Кы вянцу позлашшенному.
— «Сестрицы подружаньки,
Мы ўстанемъ ранешунькя,
Мы умыемся бѣлешунькя,
Мы пойдемъ рано къ утрени,
Мы ударимъ вы большой колколъ:
«Разступися, мать сыра земля,
Расколися гробова доска,
Подымися, родной батюшка,
Бласлави меня, дѣвушку,
Кы суду, кы Божьему,
Кы храму, кы Господнему,
Кы вянцу позлашенному!»

Поютъ, когда ведутъ къ вѣнцу.

2083.

Тамъ, тамъ за рѣкою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ старъ старый ходя,
Ў рукахъ коня водя,
Онъ свйшша, гуляя.
Никто не послыша,
Толькя послыша
Дуброва зеленая,
Да яблонь садовая.
Идѣ она стояла,
Вѣтвя опустила,
Листочки сронила.
— Тамъ, тамъ за рякою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ младъ Игнатъ ходя,
Ў рукахъ коня водя.
За шелковай поводъ.
Онъ свишша, гаркая,
Нихто не послыша. —
Толькя послыша
Авдотья молодая.
Идѣ она стояла,
Руки опустила,
Перснечки сронила.

После вѣнца.

2084.

Охъ и што-жъ у насъ во садику летая?
Ле ли а ле лели! летая. [1])

[1]) За каждой строчкой слѣдуетъ припѣвъ «ле ли а ле лели» съ повтореніемъ послѣдняго слова стиха.

Охъ, и што-жъ у насъ во зеленомъ порхая?
Соловей за кукушкою летая,
Молодой за рябою порхая,
А кукушка отъ соловья отлетая.
«Хоть ты порхай, не порхай—быть за мною,
А што слыть тебѣ, рябая, мною,
Мною, мною соловьиною женою.»
— Охъ и што-жъ у насъ во теремѣ шумѣла,
Охъ и што-жъ у насъ ў высокомъ гремѣла?
Тамъ Иванъ да за Марьею гуляя,
Онъ изъ ступочки во ступочку ступая,
Охъ и Марья отъ Ивана отбѣгая.
«Ой, ты бѣгай, не бѣгай,—быть за мною,
А што слыть тебѣ, Марьюшка, мною,
Мною, мною, охъ Ивановой женою,
Охъ, женою, женою молодою.

После вѣнца величаніе женатому.

2085.

Какъ ўсходя святелъ мѣсяцъ
Передъ зорюшкою,
Величается Василій
Передъ женушкою,
Передъ Марьюшкою,
«Марьюшка, разодѣнь,
Петровна свѣтъ, разобуй!»
— «Ужъ я бы рада разобула,
Чимо витъ [1]) добре обутъ,
Я не знаю, какъ зовутъ.
Подить было къ сосѣду,
Успросить, какъ зовуть.
Сосѣдя сказали:
Васильюшкою зовуть,
Другіе сказали:
Петровичемъ.
А мнѣ стать разувать, —
Бѣлаи ручки помарать,
Золотыи кольцы поломать.
— «Марьюшка дружокъ!
У насъ свои кузняцы,
У насъ свои златари,
Сами скують,
Сами сольють,
Сами вызолотють.
Пойдемъ рядомъ 2
По боярамъ,
Найдемъ гостя дорогова,
Степанушку молодаго.
То-то, гостикъ Степанушка!
То-то, гостикъ, Васильевичъ,
У вышечкахъ сидить.
Ославился Степанушка
Подъ Москвою —
Хлѣбомъ-солью.

Всѣ 4 зап. тамъ же, отъ Анисьи Лупѣхиной.

1) Дюже гордъ.

Послѣ вѣнца.

2086.

Охъ вы озёры, озёры глубокія
Ой, ляли алеляй! глубокія.

(Припѣвъ «ой ляли алеляй» послѣ каждаго стиха).

Подъѣзжали кы озёрамъ рыболовы,
Да рыболовы,—охотнички молодые,
Запускали невода шалковыя,
Они рыбушку ловили все бялугу,
На двѣнадцать частей разрубали,
На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
На двѣнадцать столовъ дубовыя:
«Да вы кушайтя, бояре, поскорѣя,
Выводитя да Марьюшку съ подъ навѣсу!
Съ подъ навѣсу золотыя персни порвалися,
Марьюшку подружаньки прождалися.
Догадайся, Марьюшка, догадайся:
Хоча тебе Иванушка спадмапути,
Хоча тебе Трохвимовичъ цѣловати,
Черезъ твѣтная платья парчевая,
Черезъ бѣлая земчужно-й-ожерелья.»
«Я давно ли подружанька догадалась,
А я твѣтная платья поскидала,
Я земчужно-й ожерелье оборвала.»
—Не по сѣнюшкамъ вотъ Марьюшка гуляла,
Она каленаи орѣшки щелкала,
У воконушко шалушицы бросала,
Ў Ивановы кудерки попала,
А Иванушка оглянулся, усмѣхнулся:
«Отсмяю табѣ, Марьюшка, осмѣшки,
За тваи ли за каленаи орѣшки.»
— «Позабудешь, Иванушка, позабудешь,
За своею за большою суятою,
За своею молодецкою красотою.

с. Мандрова, отъ Пелагеи Калышевой.

2087.

Какъ подъ небесью ясменъ соколъ летая,
Сы полету черныхъ галокъ выбирая,
Ле-ли а ле-ле! выбирая.

(Послѣ двухъ строкъ припѣвъ «ле-ли, а ле-ле» повторяется съ послѣднимъ словомъ стиха).

Онъ и выбралъ себѣ галушку любуя,
Онъ любуя, любуя, молодуя.
Какъ просилася галушка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У родимаго стадика побывати,
«Отпустить тебе галушка,—не будешь,
Про мене, яснаго сокола, забудешь,»
— «Право буду, ясменъ соколъ, не забуду!»
Какъ по улицѣ Иванушка гуляя.
Съ корогоду красныхъ дѣвокъ выбирая,
Онъ и выбралъ себѣ дѣвушку любуя,
Онъ любуя, онъ Марьюшку молодуя,
Посадилъ онъ Марьюшку подъ неволю.
Какъ просилася Марьюшка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У родимаго батюшки побывати,
«Отпустить тебе, Марьюшка,—не будешь,
Про мене, добраго молодца, забудешь,»
— «Право, буду, Иванушка, не забуду, 2
Право буду, Иванушка, я ўспомню.

2088.

Охъ у нашихъ 2 у воротъ,
А-ля а ле-ля-ли! у воротъ,

(Припѣвъ: «А-ля а ле-ля-ли» поется послѣ каждаго стиха, при чемъ присоединяется конечная часть стиха отъ 3 до 5 слоговъ включительно).

Охъ, у нашихъ 2 у широкихъ
Разливалися разливы широкія,
Широкія разливушки, глубокія.
А по тѣмъ по разливамъ а бѣлая рыба.
Пріѣзжали по рыбушку рыболовы,
Рыболовы охотнички молодые,
Привозили они невода шелковые,
Они глубокаи сутробы прогребали,
Они шелковы неводья запушшали,
Они бѣлаю рыбицу ловили,
Они рыбицу платьвицу:
На двѣнадцать частей разрубали,
На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
На высокаи хоромы ўзносили,
На твѣченаи столы становили,
Они нашихъ бояръ потшивали:
«Ужъ вы кушайтя, баяря, поскорѣя,
Поскорѣя, да боярушки, посмѣлѣя.
Выпушшайтя вы Дарьюшку съ подъ навѣса,
Выпушшайтя Стефанову съ парчеваго,
Съ занавѣсы алаи ленды порвалися.»
Вотъ Дарьюшку подружаньки прождалися.
«Догадайся вотъ, Дарьюшка, догадайся!
Изумись, Стефановна, изумися!»
«Догадалась, сестрица моя, догадалась,
Изумилась, подруженьки, изумилась,
Ў ватхожаю горенку сходила,
Твѣтнаи платья посметала,»
Она зямчужнаи жарелья поборвала,
Ўсiю ночушку Дарьюшка не спала,
Сваи рѣзваи ножки пристояла,
Сваи черная брови приморгала,
Сы поклоновъ головушка заболѣла,
Сы поцалововъ Васильюшки помилѣла,
Помилѣла Ивановичу, пожалчѣла.

с. Княжая, отъ Дарьи и Натальи Шепелевыхъ.
Всѣ пѣсни записаны дѣйствительн. студент.
Моск. университет. Е. И. Томилинымъ.

Той же губ., Рыльскаго у.,

Когда учиняютъ коровай.

2089.

Пшеничная опара
На припечкѣ стояла,
Шептала, говорила,
Што быть караваю,—
А ў квѣточки съ барвеночки.

Когда мѣсятъ коровай.

2090.

Карвайницы воры
Все тѣсто покрали, 2
Въ карманы поклали,
Имъ на бѣду пошло:
Все тѣсто зъ кармана ушло.

Когда лѣпятъ коровай, то дѣлаютъ три ковриги, одна другой меньше и украшаютъ ихъ сверху полосками тѣста, вырѣзанными, нарочно сдѣланнымъ для этихъ случаевъ рѣзцомъ и квѣткой, которая состоитъ изъ вѣтки съ тремя отростками и обвитыми полосками изъ тѣста. Сверхъ того коровай украшаютъ еще боченочками и голубками, сдѣланными также изъ тѣста; и при этомъ поютъ:

2091.

Што это во полѣ загорѣлося,
Во теремѣ засвѣтилося?
Тамъ свашенька карвай лѣпитъ.

Приходитъ къ ней дружинушка:
«Покинь, сваха, карвай лѣпить!
Пойдемъ съ тобой во зеленый садъ.»
— Сваха дружины не послушала,
Карвай лѣпить не покинула,
Соловьевъ во садъ не пошла слушать.

2092.

Цвѣли, цвѣли цвѣти́ки
Алыми цвѣтами.
Опадали цвѣтики
Тихими зарями,—
Али! Али! Лешенька!
Тихими зарями.
На твою Ганульку
На русую ко́су,
На твою Ивановну.
Али! Али! Лешеньки!
Жить было у батюшки,
Да тихо ходити,
Носить было ключики,
Ими не звонити,—
Али! Али! Лешеньки!
Ими не звонити,
Молодого Петруню
Не прiучати,
Али! Али! лешеньки,
Не прiучати.
— «Сестрицы подруженьки,
Все ваше неправда.
Али! Али! лешеньки!
Все ваша неправда.
Жила я у батюшки,
Тихо ходила,
Носила я ключики,
Ими не звонила,
Молодого Петруню
Не прiучала.
Али! Али! лешеньки!
Да не прiучала.

2093.

Яблонь моя садовая
Кора золотая!
Красная Ганула
По саду гуляла,
По саду гуляла,
Яблонь подсѣкала,
Яблонь подсѣкала,
Кору колупала, 2
Злата выбирала,
Ляли, ляли, лешеньки!
Злато выбирала,

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повторенiемъ втораго).

Ковры вышивала,
Свекру отсылала:
«Свекоръ 2 мой, батюшка,
Принимай мои дары!
Принимай мои дары,
Дары мои небольшiе,
Дары мои небольшiе,
Ковры золотые!
Я за тѣми за коврами
Сама скоро буду,
Ляли, ляли, лешеньки!
Сама скоро буду.
Сама скоро буду
Скоро скорешенько,
Скоро скорошенько:
По первомъ путечку,
По первомъ путёчку.
По бѣломъ снѣжочку.
Какова хлѣбъ-соль покажется,—
Я ночь заночую
Какъ свёкоръ покажется
Я годъ загодую.
Я годъ загодую,—
Каковъ женихъ приглянется,
Я вѣкъ завѣкую.
Ляли! Ляли! Лялешеньки!
Я вѣкъ завѣкую.

2094.

На взлѣску на перелѣску
Тамъ свашенька, тамъ ранняя
Купену копала,
Ляли! Ляли! Ляшеньки!
Купену копала 2
Гори-цвѣтъ ломала.
Приходитъ къ ней 2
Хоробрый дружина:
«Покинь, свашенька,
Покинь ранняя,
Купе́ну копати, 2
Гори-цвѣтъ ломати!
Пойдемъ мы, 2
Ко новому торгу,
Купимъ мы, 2
Мыла-бѣлила.
Ой, будемъ мы, 2
Бѣло умываться,

Ой, будутъ намъ, 2
Люди дивоваться:
«Дружко хорошъ! 2
А свашенька лучше!»
— «Чѣмъ же она лучше?» 2
Лицемъ побѣлѣе,
Брови почернѣе.
— Выѣздилъ дружинушка,
Все поле чисто.
А все поле, поле чистое,—
Не нашелъ дружинушка,
Не нашелъ хоробренькій,
Гдѣ коня накóрмити,
Воронаго напóити.
Завидѣла, заслышала
Ранняя свашенька:
«Сюда, сюда, да дружинушка,
Сюда, сюда да хароброенькій!
Здѣсь коня накормишь,
Воронаго напоишь,
Здѣсь вода ключевáя,
Здѣсь трава шелковая.»

2095.

У насъ за горою, да за вишневымъ садомъ
Тамъ куковала рябая кукушка,
Къ ней выходила ранняя свашенька.
«Скажи, скажи, рябая кукушечка,
Когда ко мнѣ дружинушка хоробрый пріѣдетъ?»
— «Ой жди-пожди, ранняя свашенька,
Ой жди-пожди сей день до вечера,
Тогда къ тебѣ дружинушка будетъ,
Тогда къ тебѣ хоробрый пріѣдетъ.

Тоже повторяется и къ невѣстѣ, съ обозначеніемъ имя невѣсты.

2096.

Въ пятницу невѣстушка весела была,
Въ субботу невѣстушка русу косу чесала,
Въ воскресенье невѣстушка къ обѣдни шла,
Плакала невѣстушка:
Ой жа, кобы мой батюшка у тебя!
Отдаетъ меня, молодешеньку, отъ себя
Остаются мои всѣ цвѣтики у тебя:
Рутва мята, пахучіе васильки.
Вставай жа ты, мой батюшко, раненько,
Поливай жа ты мои цвѣтики частенько.
— «Буду я, буду я, мое дитятко, вставати,
Буду я, буду я, твои цвѣтики поливати
И утреннею и вечернею росою,
А росы не станетъ—горячею слезою.»

2097.

Вечоръ ко мнѣ, Гапуля,
Незваный гость приходилъ,
Онъ подарокъ приносилъ,—
Подарокъ не большой,
Съ руки перстень дорогой.
Не знала я, молодешенька,
На какой рукѣ носить:
На правой рукѣ носить—
Роднаго батюшку гнѣвить.
На лѣвой рукѣ носить,—
Самой молодой сухота,
Подруженьки подарить,—
Петруня свѣтъ не велитъ.
Пойду, молода, по воду,
Брошу перстень на воду:
«Золотой мой перстенекъ
Что не тонешь, не плывешь,
Прочь отъ бережку нейдешь?»
Петруня траву косить
Гапуля воду носить.
Косилъ, косилъ,—запотѣлъ,
Испить воды захотѣлъ.
Гапуля не смѣла,
Испить воды не дала.
Осмѣлилась своротила,
Петруню напоила.
«Петруня свѣтъ, лебедь бѣлый,
Что ты холостъ, не женатъ?»
— «Гапуля душенька!
Сама жь мнѣ не велѣла,
За меня замужъ хотѣла,
За вдалого молодца
За Петруню купца.»

По окончаніи мѣшенія коровая, ставятъ дежку, въ которой его мѣсили, посреди хаты, обкладываютъ ее соломой и зажигаютъ. А дружка съ кнутомъ въ рукахъ гоняетъ сваху вокругъ горящей соломы. Въ это же время выметаютъ печь для коровая, при чемъ поютъ:

2098.

Шелковое помело
Печь мело,
Желѣзная кочерга
Жаръ гребла,
Дубовая лапата
Каравай сажала.

Во время этой пѣсни дружко говоритъ: «Отецъ посаженый, мать посаженая и отецъ нароженый, мать нарожоная, благословите *сырчастный* ка-

равай въ печь посадить!» первый и второй разъ отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» въ третій разъ отвѣчаютъ: «Божье благослови, все Божіе творить.»

Затѣмъ кладутъ дружку на голову *вѣко* и на него ковригу коровая, который онъ долженъ нести въ припляску отъ стола къ печи. При этомъ поютъ:

2099.

Дружко карвай несетъ,
Кудерцами тресетъ.
Хоть треси, не треси
Каравай въ печь неси.
Онъ еще понесется,
Еще потресется.

Когда коровай положатъ на лопату, поютъ:

2100.

Печь-мать гогочетъ,
Карваю хочетъ;
Припечки смѣются.
Шишечки пекутся.

Посадивши коровай въ печь, приглашаютъ гостей садиться за столъ и подаютъ ужинъ. При этомъ поютъ:

2101.

Вздрогонулись сѣни,
Какъ бояре сѣли.
Не такъ вздрогонутся,
Какъ меду напьются,
Вина наберутся:
Меду солодкаго,
Вина зеленаго.
А у квѣточки съ баравеночки:
Первая квѣточка Гапуля,
Вторая квѣточка Петруня.

2102.

«Бояре! бояре!
А гдѣ вы бывали?
Что вы видали?»
— «Были мы, были мы
На рыночку
Пили мы, пили мы
Горѣлочку;
Ладо! Ладо!
Горѣлочку.
Сколько мы пили, —
Не платили.
Шинкарочку сподманули,
Ладо! Ладо!
Сподманули.
Шинкарочка-ранняя сваха,
Виномъ-медомъ
Торговала,
Виномъ-медомъ,
Сладкимъ пивомъ,
Ладо! Ладо!
Сладкимъ пивомъ.

Тѣже слова повторяются и невѣсты, называя ее по имени.

2103.

«Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
«Видѣли, да повидѣли
Сѣрую утку на озерѣ.»
«Чего жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Перья ощипали:
Перьица на подушечки,
Сѣру утушку на юшечку.»
— «Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
— «Видѣли повидѣли
Красну дѣвушку во теремѣ.»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли
Мы знакъ положили, —
Мы знакъ положили, —
Косу растрепали, 2
По плечамъ расклали.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ, передъ отправленіемъ поѣзда къ выѣзду.

2104.

Долго, долго соколъ не летитъ,
Долго, долго ясмёнъ не летитъ.
Галочка вдоль (вдоволь) продождалася,

Черная вдоль опечалилась:
«Или соколъ во лѣса полетѣлъ,
Или ясмёнъ во лѣса темные?»
— Долго, долго Петруни нѣтъ
Гапуля продождалася,
Ивановна опечалилась.
Или Петруня во грады дальнія,
Во грады дальніе, отъѣзжіе.
Погодя маленько, Петруня ѣдетъ;
Вдарилъ копьемъ въ тесовы ворота:
«Дома ли, нѣтъ, Гапулечка свѣтъ?—
Когда дома—не пугайте ея,
Когда спитъ—не будите ея,
Когда въ гостяхъ—не ходите за ней,
Я самъ пойду, да я самъ разбужу:
«Изволь встать, Гапулечка свѣтъ,
Изволь встать, Ивановна!»
— «Отойди прочь, Петруня,
Отойди прочь, Степановичъ.
«Право же я ўсю ночь не спала,
Шила коверъ твоему коню,
Твоему коню да на честь на хвалу.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ въ то время, когда пріѣзжаетъ туда женихъ съ своими пріятелями по окончаніи коровая у жениха, гдѣ лѣпятъ такой же коровай и съ тѣми же самыми обрядами и пѣснями, какъ и въ домѣ невѣсты и въ тоже время оставшіеся у него гости поютъ:

2105.

Темная невидная почюшка!
Прождалася Палагея матушка.
«Ой что-жь моего Петруни долго нѣту.
Или Петруня въ дальніе города поѣхалъ?
Ой тамъ же его красныя дѣвки погубили,
Онѣ жь его на высокъ теремъ водили,
Онѣ же его за тесовый столъ садили,
Онѣ же его зеленымъ виномъ поили.
Онѣ же его калачами кормили.
У Петруни золотой перстень на рукѣ,
Торговали красныя дѣвки:—«Не продамъ,
Я своей Гапулечки даромъ-дамъ,
Ой, даромъ дамъ, ой, даромъ дамъ,
Ой, даромъ, безденежно подарю.»

На другой день являются опять подруги и начинаютъ убирать коровай, а по окончаніи уборки поютъ:

2106.

Рутва, рутва! желтый цвѣтъ!
Что тебя Петруня долго нѣтъ?
А ужо тебя, Гапуля, прождалась.
Написала бъ письмо—не умѣю,
Послала бъ посла—не смѣю:
Я своего батюшки боюся,
Да я добрыхъ людей стыжуся.
А у квѣточки съ борвеночки:
Первая квѣтка Гапуля,
Вторая квѣтка Петруня.

2107.

Летѣли пчелы,
Ой ладо!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Пчелы яровыя,
Крылья золотыя.
Сѣли пали пчелы
У батюшки на дворѣ,
У матушки на кутѣ,
У Гапулѣ на косѣ.
Стали косы трепать
Косу русую, косу русую,
Красу дѣвичью.
«Ой, торгуйся, братецъ,
Торгуйся!
Да проси за меня
Сто рублей,
За косу мою
Тысячу рублей,
За красу мою—
Смѣты нѣтъ.

Въ это же время ѣдетъ по улицѣ поѣздъ, направляясь къ дому невѣсты и поѣзжане поютъ:

2108.

Чей это поѣздъ по улицѣ проѣзжаетъ,
Никто его на дворъ не впущаетъ?
Гапуля въ окно поглядаетъ.
«Мой батюшко, впущай моихъ гостей!
Мои гости не навѣкъ достались:
На одинъ денекъ, на одинъ часокъ,
На одну минуточку.

Эта пѣсня поется раньше предъидущей: именно когда поѣзжане сядутъ за столъ и откупаютъ невѣсту, въ отвѣтъ на (эту) первую пѣсню, при торгѣ за косу, поютъ:

2109.

Не гнися дружко, не гнися
Вотъ тебѣ лавочка садися,
Вотъ тебѣ помои-умойся,
Вотъ тебѣ помело-утрися,
Вотъ тебѣ заслонка-молися?

Тутъ дружко кладетъ какую нибудь небольшую монету за невѣсту, и подруги послѣдней поютъ:

2110.

Сказали: дружко старъ, старъ, —
А онъ молоденекъ,
Кофтанъ зелененекъ,
Лычкомъ подпоясанъ,
Соломою борода сшита,
Обручемъ голова сбита.
Дѣвки дружко били,
Подъ печь подсадили,
Ступой завалили,
Блохами стравили.

Затѣмъ онъ кладетъ другую (серебряную) монету, тогда поютъ:

2111.

Спасибо дружинушко,
Спасибо хоробренькій,
Что хорошо игрицъ даришъ!
Дружинушко хорошенькій,
Дружинушко пригоженькій!
Гдѣ-то ты хорошился:
Чи въ меду, чи въ патокѣ,
Чи въ наливномъ яблокѣ?
Подари, дружинушка,
Подари, хоробренькій,
Не рублемъ, полтиною,
Золотою гривною.

Этимъ и кончается обрядъ выкупа невѣсты. Затѣмъ дружко беретъ кнутъ и выгоняетъ изъ-за стола подругъ невѣсты, которыя въ это время спѣшатъ проститься съ ней и, выходя изъ избы, поютъ:

2112.

Катилися грушки съ верхушки,
Покинули Гапулю подружки,
Обсѣла тебя чужбина,
Вся Петрунина родѝна.

2113.

Ой мгла и мгла
По полю легла,
Красная Гапуля
Къ столу прилегла,
Къ столу прилегла,
Къ бѣлой скатерти.

При этой пѣснѣ невѣста садится за столъ, кладетъ голову на сложенныя руки и плачетъ, не глядя ни на кого.

2114.

«Воробчикъ, воробчикъ!
Зачѣмъ это ты прилетѣлъ
Да на наше чистое поле,
Да на овесъ на гречиху,
На яру пшеницу?»
«Колибъ моя не воробушка,
Колибъ моя да не сизая,
Я сюда бы не прилетѣлъ.»
«Молоденькій Петруня!
Зачѣмъ ты пріѣхалъ
На нашъ широкій дворъ, 2
Да на высокъ теремъ?»
«Колибъ моя не Гапуля,
Колибъ моя не Ивановна.
Никогда бъ сюда я не заѣхалъ.»

Этимъ временемъ отецъ и мать невѣсты берутъ икону и благословляютъ ею новобрачныхъ. Затѣмъ эта икона передается въ руки невѣстѣ, и остается съ нею во все время до вѣнчанія.

2115.

«Медовая моя рѣчушка!
Какъ тебѣ не тяжко 2
Промежъ бережочковъ?»
— «Красная Гапуля!
Какъ тебѣ не тяжко 2
Съ батюшкой ростаться?»
— «Столикомъ заставлюся,
Ковромъ застелюся, 2
Съ батюшкой прощуся.»

2116.

Поѣхала Гапуля со двора,
Сломила березеньку съ верха́.

«Стой, моя береза, безъ верха,
Живи, мой батюшка, безъ меня,
Безъ красной дѣвушки, безъ Гапулечки!

2117.

По сѣнюшкамъ голубецъ ходитъ,
По свѣтлицѣ голосокъ водитъ.
Петруня съ тестемъ говоритъ:
«Ты тестюшко, ты мой батюшко!
Пущай-же насъ, не задерживай:
Дороженьки наши дальнія,
А коники пріутомлены,
Повознички перепоены,
А свашенька перепелушка,—
Она пѣсенъ перепѣлася.
Свѣтилочка перезяблая
А невѣста переплакалась,
Ивановна перенѣжилась,
Предъ отцемъ, предъ матерью,
Передъ родомъ, передъ племенемъ.»

Затѣмъ сваха накладываетъ въ узелъ хмелю *сѣмя* и орѣховъ, дружко беретъ въ руки кнутъ и три раза гоняетъ вокругъ повозокъ сваху, которая въ это время обсыпаетъ и дружко и всѣхъ поѣзжанъ хмелемъ, сѣменами и орѣхами, послѣ чего всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ въ церковь. При этомъ поютъ:

2118.

Ой попе, попе,
Батька нашъ!
Отвори ты церкву
Противъ насъ,
Совѣнчай ты свадебку
Въ Божій часъ.

Когда ѣдутъ изъ церкви поютъ:

2119.

Мы у Бога были,—
Мы Богу молились,
Кресту поклонились:
«Ой дай же намъ, Боже
Съ тѣста паленицу,
Съ дѣвки молодицу.

Когда подъѣзжаютъ къ дому отца жениха, мать послѣдняго надѣваетъ шубу и шапку на выворотъ, беретъ въ руки ковригу хлѣба и солонку соли, а отецъ икону и становятся на порогѣ. Предъ ними ставятъ на землю хлѣбную дежку *на положенную кирпичами* рюмку и бутылку. Въ воротахъ кладутъ кучу соломы и зажигаютъ ее. Черезъ этотъ горящій костеръ долженъ непремѣнно переѣзжать весь поѣздъ. Когда поѣздъ подъѣдетъ къ крыльцу, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ повозокъ и три раза поднимаютъ вмѣстѣ поставленную около крыльца дежку. Затѣмъ дружко подноситъ жениху стаканъ водки, а женихъ, прикушавши немного, бросаетъ эту рюмку черезъ плечо назадъ, и кто ее поймаетъ, тому подносятъ также стаканъ водки. Послѣ этого женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ икону, принимаютъ хлѣбъ-соль и идутъ въ горницу. Это дѣлается такъ: дружко беретъ новобрачныхъ за руку, останавливаетъ ихъ въ сѣняхъ передъ растворенными дверями и громогласно говоритъ: «Отецъ посаженый и мать посаженая, отецъ *нарожоный* и мать *нарожоная!* благословите, сестрицы-игрицы, красныя дѣвицы, коровайныя мастерицы, князя со княгинею въ отеческій домъ ввести, благословите за столъ завести!» Это приглашеніе повторяется всѣми три раза. На первые два спроса отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» а на третій: «Богъ благословитъ, все Божіе творить». Послѣ этого дружко обводитъ новобрачныхъ три раза вокругъ стола, убраннаго короваемъ (поднимаясь даже на лавки), сажаютъ ихъ на кутъ, подостлавши подъ нихъ шубу шерстью къ верху и накрываютъ голову невѣсты платкомъ, подходитъ свекоръ, беретъ качалку и говоритъ: «Дайте посмотрѣть, что это привезено: ни хрома-ли? ни слѣпа-ли?» Затѣмъ поднимаетъ платокъ (покрывало) и перекрестившись, говоритъ: «Слава тебѣ, Господи! все хорошое и все доброе». Затѣмъ объявляетъ новобрачнымъ, что слѣдуетъ получить жениху отъ отца въ наслѣдство. Послѣ этого начинается ужинъ и *вечерія*, т. е. (постельницы) не принадлежащія къ поѣзжанамъ, готовитъ постели.

2120.

Догадайся, Петруня, догадайся!
Завей чеботокъ за ножку,
Возьми Гапулю за ручку.
Желтая пташечка коростель,
Пора тебѣ, Петруня, на постель.

2121.

Повели дѣвку въ клѣтку
Повѣсили плетку.
Скажи, скажи, дѣвка,
Съ кѣмъ ягодки рвала, 2
Калину ломала?

2122.

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то домъ свекровъ,
А другой-то домъ батюшкинъ.

Когда новобрачныхъ поднимутъ съ брачнаго ложа, ихъ ведутъ къ колодцу и тамъ обливаютъ водою не только невѣсту, но и всѣхъ приходящихъ, затѣмъ наберутъ пару ведеръ воды, дадутъ молодой коромысло и заставляютъ ее нести воду въ домъ свекра. При этомъ поютъ:

2123.

Бѣлъ, бѣлъ камень,
Въ студеномъ колодцѣ.
Гапуля воду брала,
Въ свой край поглядала:
«Сизы мои два голубочка!
Полетите въ мою сторону,
Накажите моему батюшкѣ,
Сударынѣ, родной матушкѣ,
Что я, молода, завоевана!
Ни съ кѣмъ не знаюся,
Всякому кланяюся, —
Старому и малому,
Молодцу Петрунѣ.

Пришедши въ домъ, раскладываютъ *калину* [1]), начинаютъ бить горшки, плясать и пѣть различныя пѣсни, до тѣхъ поръ пока свекоръ и свекровь не поставятъ на столъ ведро вина. Послѣ этого молодая перевязываетъ дружка и подружье полотенцомъ. Затѣмъ дружко садитъ всѣхъ гостей за столъ, а невѣстину мать на кутъ съ подругами. Коровай и ножикъ обертываютъ платками и дружко, испросивъ у посаженыхъ родителей благословенія, разрѣзываетъ коровай и даетъ молодой тарелку, на которую ставятъ рюмку съ водкою, кладутъ кусокъ коровая, да свернутую въ трубку свитку съ рубахой и шелковымъ поясомъ и все это она подноситъ свекру съ свекровью, отвѣсивъ имъ предварительно по поклону. Тѣ поздравляютъ ихъ, надѣваютъ рубахи и подпоясываются поясами. При этомъ поютъ:

2124.

Сказали у Гапули
И льны не вродились,—
Она даритъ подарочки:
Первая квѣтка Петрунѣ,
Вторая квѣтка Гапули.

Послѣ этого сваха поетъ:

2125.

Погуляйте сваты, погуляйте,
Да бѣлыя лавочки помарайте!
Наша Гапуля умненька:
Встанетъ она раненько
Помоетъ лавки бѣленько.
Ў квѣтки съ барвеночки:
Первая квѣтка Петруня,
Вторая квѣтка Гапуля.

Во время этой пѣсни свекоръ и свекровь и всѣ поѣзжане пляшутъ на лавкахъ:

2126.

Ой, на хатѣ зелье,
А въ хатѣ веселье,
И пьютъ и льютъ,
И въ бубны бьютъ.
А малыя жалобаечки:
Ти-ли-ли, ти-ли-ли,
Ти-ли-ли лешеньки.

Сообщ. мѣстнымъ помѣщикомъ Ив. Д. Саларевымъ.

[1]) т. е. брачную рубашку со слѣдами невинности молодой. Ш.

XIII. Тверской губерніи.

Калязинскаго уѣзда.

Въ настоящей статьѣ я хочу разсмотрѣть народную свадьбу въ Калязинскомъ уѣздѣ. Какъ ни узка рамка нашего очерка, но всетаки и тутъ, быть можетъ, намъ удасться найти нѣчто оригинальное.

Вслѣдствіе историческихъ причинъ все населеніе Калязинскаго уѣзда разбивается на двѣ части, существенно отличающіяся одна отъ другой: съ одной стороны существуютъ крестьяне казенные, нѣкогда бывшіе монастырскими (принадлежавшіе Калязину—монастырю и Троицко-Сергіевской Лаврѣ), а съ другой стороны — временно-обязанные, бывшіе крѣпостными у помѣщиковъ. Жизнь и обычаи тѣхъ и другихъ во многомъ рознятся между собой.

Приступая къ описанію народной свадьбы, мы имѣемъ въ виду это различіе, а потому сначала разсмотримъ народную свадьбу у казенныхъ крестьянъ, а потомъ дополнимъ ее нѣкоторыми чертами, взятыми изъ свадебныхъ обычаевъ у бывшаго крѣпостнаго населенія.

У казенныхъ крестьянъ не сохранилось праздниковъ древнѣйшаго происхожденія, какъ-то: «Семика», «Красной горки» и т. п. Что же касается барскихъ крестьянъ, то мы здѣсь еще встрѣчаемъ довольно интересное явленіе. Такъ, въ семиковый четвергъ, дѣвушки и молодцы отправляются въ рощу, гдѣ украшаютъ лентами и цвѣтами березку, завитую еще въ Вознесеньевъ день, а потомъ срубаютъ ее; самый лучшій парень беретъ эту березку въ руки и становится съ нею впереди хоровода. Затѣмъ запѣвается пѣсня, парень пляшетъ съ березкой въ рукахъ, и въ такомъ видѣ хороводъ направляется въ деревню. Нельзя не усмотрѣть въ этомъ торжествѣ историческаго элемента. Очевидно, это праздникъ въ честь весны, и березка изображаетъ собой, какъ самую весну, такъ дѣвичью красоту, которою съ расцвѣтеніемъ весны, завладѣваетъ добрый молодецъ. Пѣсенъ, свидѣтельствующихъ объ «умыканіи» невѣстъ, въ нашихъ памятникахъ не сохранилось. Правда, есть косвенные намеки на то, что когда-то и въ нашей мѣстности существовали умыканія. На эту мысль наводятъ народныя гулянья, устраиваемыя въ рощахъ, близъ рѣкъ. Мы знаемъ нѣсколько такихъ гуляній въ Калязинскомъ уѣздѣ, напримѣръ,—гулянье близъ деревни Юркина, въ 10 верстахъ отъ Калязина, близъ деревни Подоли, въ 46 верстахъ отъ Калязина и др. Какъ извѣстно умыканія невѣстъ происходили въ лѣсахъ, и вообще въ мѣстахъ уединенныхъ, а потому и празднества, свидѣтельствующія объ этихъ умыканіяхъ, совершаются также въ лѣсахъ, близъ рѣкъ. Красная горка, гдѣ она сохранилась, всегда празднуется въ лѣсу.

Въ Калязинскомъ уѣздѣ, хотя и не существуетъ народныхъ празднествъ, прямо свидѣтельствующихъ объ умыканіяхъ, тѣмъ не менѣе самыя гулянья въ лѣсу можно понимать какъ отдаленнѣйшее послѣдствіе тѣхъ же умыканій. Съ другой стороны подобныя гулянья наводятъ еще на нѣкоторыя другія соображенія. Для примѣра мы разсмотримъ Бердовскія гулянья (близъ села Крутца, въ 17 верстахъ отъ Калязина), лѣтъ 17 тому назадъ переведенныя въ эту деревню съ луговой поляны, гдѣ они доселѣ происходили. Эти гулянья начинаются послѣ Пасхи и происходятъ каждое воскресенье, оканчиваясь крапивнымъ воскресеньемъ передъ Покровками (въ заговѣнье). Еще на нашей памяти гулянья эти носили характеръ единственно смотра невѣстъ. Родители жениховъ расхаживали около стоявшихъ совершенно неподвижно, подобно статуямъ, дѣвушекъ, внимательно разсматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, даже повертывали ихъ головы, удостовѣряясь не кривошея-ли такая-то дѣвка, не кривая-ли, не косая-ли? Иногда они отходили немного поодаль, смотрѣли, прищуриваясь, шептались, какъ бы оцѣнивая товаръ; все это говоритъ о существовавшей нѣкогда куплѣ невѣстъ.

Съ недавняго времени характеръ Бердовскихъ гуляній измѣнился совершенно: дѣвицы начали прохаживаться, къ нимъ пристаютъ кавалеры — и, такимъ образомъ, поговаривая и посмѣиваясь, въ настоящую пору движется эта масса разряженнаго люда. Отцы съ матерями теперь являются на гулянья, единственно какъ праздные зрители. Въ самые послѣдніе годы появились хорошенькіе тарантасики съ запряженными въ нихъ конями, на этихъ тарантасикахъ начали кататься тутъ же, на гуляньѣ, мѣстные аристократы, щеголяя качествомъ своихъ коней. Съ каждымъ годомъ гулянья разростаются и, быть можетъ, со временемъ примутъ характеръ шумныхъ увеселеній съ пѣснями и музыкой. Увеселяютъ же себя тѣже парни и дѣвушки въ зимнее время «кадрилями» подъ звуки гармоники.

Народныя свадьбы въ описываемой нами мѣстности происходятъ почти исключительно весной и совпадаютъ со временемъ гуляній: очевидно, что прежде и то и другое имѣло самую тѣсную связь. Во время гулянья высматривалась и облю-

бовывалась невѣста, къ которой потомъ сватались, а въ болѣе отдаленное время — которую покупали.

Свадебную церемонію у казенныхъ, бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, можно раздѣлить на три отдѣльныя части: 1) дѣвичникъ, 2) передачь и 3) свадебный поѣздъ.

Дѣвичникъ устраивается за нѣсколько дней до свадьбы. Въ домъ невѣсты къ вечеру созываются ея подруги, угощаются виномъ, при чемъ предлагается и закуска. Послѣ закуски невѣста, или, какъ ее здѣсь называютъ, *сговоренка*, садится на лавкѣ, среди подругъ, и затягиваетъ причитанія:

2127.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ заводите-ка пѣсню горемычную
Разгрустите-ка вы родимаго батюшку
Со радѣльницей то-ли съ родимой матушкой.

Дѣвки начинаютъ заплетать сговоренкѣ косу и при этомъ поютъ:

2128.

Не въ трубоньку ли трубили рано, по росѣ,
Ужъ и плакать ли Катеринушки (имя невѣсты) по своей косѣ:
Съ измладочка ль эту косыньку матушка плела,
А на возрастѣ косыньку она сама плела.
Какъ теперича косыньку подруженьки плетутъ,
А на утро косыньку свахи разобьютъ,
Раздѣлютъ ее, косыньку, на шесть долей,
Заплетутъ ее, косыньку, на двѣ косы,
Обовьютъ ее, русую, вокругъ головы,
Надѣнутъ Катеринушкѣ бабій сборничекъ:
«Красуйся, Катеринушка, въ бабьемъ сборничкѣ!
Ужъ и бабья краса—ее за стѣной не чуть,
А дѣвичья краса—ее за сто верстъ слыхать.»

Въ это время, когда подруги невѣсты, заплетаютъ косу, поютъ эту пѣсню, сговоренка между тѣмъ причитаетъ:

2129.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Ужъ погляди-тко ты на мою веселую бесѣдушку,
Погляди-тка ты въ остаточки на моихъ подруженекъ:
Ужъ какъ сидятъ-то онѣ изуряжены,
Алыми лентами изукрашены.
Ужъ погляди-тко ты на меня горькую,
Сижу то-ли не уряжена, не украшена;
Изуряжена я пустыми рѣчами,
Изукрашена я горючими слезами.

Здѣсь кончается первая серія причитаній. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что слѣдуетъ строго отличать причитанія отъ пѣсни. Послѣднюю поютъ подруги, первую же *вываливаетъ* невѣста. О невѣстѣ обыкновенно говорятъ въ народѣ: она *кричала* всѣхъ родныхъ, ревѣла съ *причетомъ*. *Причетъ* и *причетныя*—одно и тоже и употребляются безразлично.

Вышеприведенный причетъ и пѣсня поются печальнымъ длинноголосымъ напѣвомъ. Ниже приводится короткоголосая, веселая.

Невѣста снова начинаетъ причетъ:

2130.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ запойте-ка вы пѣсеньку веселую,
Взвеселите-ка-те радѣльника, родимаго батюшку
Со радѣльницей-то со родной матушкой.

Подруги поютъ:

2131.

Вотъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Катерининомъ дѣвишникѣ,
Собирались красны дѣвушки.
Возвивался-ль младъ ясенъ соколъ
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
Выше терема высокаго,
Ужъ садился-ль на окошечко,
На серебряной пробоинкѣ,
На спозолоченной причелинкѣ.
Какъ никто не вздогадается.
Вздогадалась ея матушка,
Авдотья Михайловна,
Говорила своему дитятку:
«Ты, родимо мое дитятко!
Приголубь яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
— Ужъ радѣльница, родима матушка!
Ужъ рада бы приголубила, —
Скоры ноженьки подогнулися,

Бѣлы рученьки опустилися,
Очи ясныя прослезилися,
Голова съ плечь покатилася.

Невѣста кончила свои причеты и въ это время сидитъ среди подругъ, молчаливая и грустная, одѣтая въ темное и прикрытая шалью.

Подруги запѣваютъ новую пѣсню:

2132.

На улицѣ дождичекъ накрапываетъ,
Катерина Васильевна въ окошечко поглядываетъ,
Михайло Васильевичъ по улицѣ похаживаетъ,
Къ ея окошечку подхаживаетъ,
Катерину Васильевну выспрашиваетъ:
«Ужъ и скажи-ка ты мнѣ, Катеринушка,
Кто тебѣ изъ роду милъ?» и т. д.

Этими пѣснями и причетами кончается дѣвишникъ и подруги вскорѣ расходятся.

На слѣдующій день устраивается *передать*, черезъ день или черезъ два пріѣзжаетъ и свадебный поѣздъ за невѣстой. Мы для краткости и ясности соединимъ вмѣстѣ обѣ эти отдѣльныя части свадебной церемоніи, тѣмъ болѣе, что иногда, при скорости свадьбы, онѣ соединяются и на практикѣ.

Невѣста *заваливаетъ* причетъ:

2133.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Погляди-тка ты въ красное окошечко,
Погляди-тко ты во чисто поле:
Ужъ и что это за пыль пылитъ?
Ужъ и что это за колясочка катитъ?
Во колясочкѣ-то что за князь сидитъ?
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Отыщи-тка ты свово слугу вѣрнаго,
Моего брата любезнаго,
Что и Степана-то Васильевича (имя брата).
Вы сходите-тко на широкій дворъ
И возьмите тамъ золоту узду,
Сбротайте-ка ворона коня,
Заложите его въ колясочку,
Ужъ и съѣздите въ темный лѣсъ,
Нарубите тамъ ельничку-березничку,
Завалите всѣ пути-дороженьки:
Никому бы ни пройти, ни проѣхати,
Къ моему широкому двору подъѣхати.
Ужъ радѣльникъ ты, родной батюшка!
Запри-тка ты свой широкій дворъ,
Не пущай-ка-те вы чужихъ людей.

Въ это время въ избѣ раздаются крики: «Ѣдутъ, ѣдутъ . . . . подъѣхали!» Отецъ и другіе невѣстины родственники идутъ на дворъ встрѣчать сватовъ и гостей съ «*передатью*»[1]). Но прежде всего запираются ворота. Невѣстины сваты со двора спрашиваютъ:

«Съ чѣмъ вы, сватушки, пріѣхали?»

Жениховы сваты отвѣчаютъ:

«Съ лисьей шубой. . . лиса бѣжала, намъ слѣдъ показала, у воротъ вашихъ стала. Либо слѣдъ отведите, а не то ворота отоприте!»

Ворота отпираются и входятъ въ избу сваты съ женихомъ. Женихъ здѣсь является въ первый разъ среди свадебной церемоніи и является онъ, какъ и слѣдовало, съ подарками. Впередъ идетъ сватъ съ сундукомъ и узломъ, за нимъ *гвоздарь* [2]) съ кувшиномъ пива, затѣмъ женихъ и другіе гости. Ставъ посрединѣ избы, гости прежде всего молятся иконамъ и почтительно кланяются хозяевамъ и всѣмъ присутствующимъ въ избѣ. Потомъ начинается выкупъ невѣсты. Сватъ беретъ стаканъ, въ него гвоздарь вливаетъ пива—и это пиво подносится прежде всего невѣстинымъ отцу съ матерью со словами: «Пивца стаканчикъ выкушайте, а намъ распорядиться прикажите!» Затѣмъ подходятъ къ невѣстиной свахѣ:

«Свахонька любезная!» говоритъ жениховъ сватъ, подавая стаканъ пива, «стаканчикъ-то выкушайте, а что привезли съ рукъ нашихъ снимите, а Катерину-то Васильевну намъ ослободите. Въ зеркало-то бы вы поглядѣлись, бѣлильцемъ-то побѣлились, румянцемъ-то порумянились, мыльцемъ-то помылись, утиральникомъ-то утерлись, а невѣсту-то нашу въ башмачки обуйте!» При этихъ словахъ сватъ подаетъ узелъ съ поименованными подарками и отдаетъ свахѣ. Сваха начинаетъ развязывать, вдвое или втрое закрученный узелъ и говоритъ: «Ну, сватушка, руки-то не развязываютъ!» Сватъ опускаетъ въ стаканъ мѣдную монету. Сватья беретъ деньги и опять говоритъ:

«Сватушка! первый-то узелъ развязала, а другой-то опять не могу». Сватъ опять кладетъ серебряную монету. Сватья беретъ деньги, развязываетъ узелъ и выпиваетъ пиво.

[1]) По словарю Даля: *пѐредать* им. сущ. первый гласный подарокъ жениха невѣстѣ на канунѣ свадьбы, и т. д.

[2]) «*Гвоздарь*, гвоздочникъ, отъ гвоздя въ бочкѣ, назывался завѣдывающій напитками во дворцѣ или въ барскомъ домѣ». Слов. Даля.

Между тѣмъ, пока идетъ такая торговля, невѣста причитаетъ:

2134.

Ужъ и голубушка моя, сватьюшка, (невѣстушка чаще)
Не принимай-ка ты свѣтлое зеркальцо,
Ужъ не развязывай-ка ты два узла нѣмецкіе,
Не принимай-ка ты подарочки,
Не обувайте-ка вы меня въ башмачики...

Затѣмъ сватъ обращается къ невѣстинымъ подругамъ и говоритъ, поднося пиво:

«Голубушки, подруженьки! стаканъ-то выкушайте, а мѣстечко намъ ослободите, а Катерину-то Васильевну отыщите.»

Подруги заслоняютъ собою невѣсту и, обращаясь къ свату, говорятъ:

«Сватушка любезный! мы за это (за такую плату) не согласны; теперича лѣто, не зима, теперича работницы дороги. Ушла въ лѣсъ невѣста за малиной,—у нея и слѣдъ завалило. Мы за это искать несогласны.» Сватъ кладетъ въ стаканъ полушку. Подруги, увидя это, говорятъ: «Сватушка любезный. Михайло ты Васильевичъ! не по міру ли ходилъ, да не слѣпыхъ ли водилъ, такихъ денегъ посбиралъ? Эту казну свою взадъ возьмите, а намъ Катерину Васильевну оставьте: на этомъ мы будемъ согласны».

Сватъ прибавляетъ въ стаканъ денегъ. Подруги опять говорятъ:

«Намъ, сватушка, изъ мѣди-то не сошни ковать, да не землю орать; мы люди-то не бѣдные, намъ не нужны деньги мѣдныя. Намъ, сватушка, хоть маленькихъ, да бѣленькихъ.»

Сватъ прибавляетъ еще серебряную монету. Подруги при этомъ говорятъ:

«Вы пиво-то не наливайте, а намъ казны-то прибавляйте!»

Наконецъ накладено денегъ чуть не цѣлый стаканъ, дѣвки выпиваютъ пиво и цѣлуютъ свата.

Послѣ покупки невѣсты у подругъ, нужно откупить ее и у родного брата. Вотъ къ нему-то теперь подходитъ сватъ и начинаетъ прежнюю процедуру со стаканомъ пива. Невѣста хватаетъ брата за карманъ, сжимаетъ послѣдній руками и причитаетъ:

2135.

Ужъ голубчикъ ты мой, любезный братъ!
Не сдавай-ка-сь ты на золотую казну:
Золотая казна—обманчива,
Для тебя, голубчика, прелестлива.
Голубчикъ ты мой, любезный братъ!
И я ли у васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ прощай-ка ты, мой любезный братъ!
Не помни ты моей грубости.
Прощай-ка ты въ первые—въ остаточки,
Ужъ прощай-ка ты въ моей дѣвичьей красотѣ.

Братъ продаетъ сестру. Онъ вылѣзаетъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ и на свое мѣсто пускаетъ заѣзжаго добраго молодца. Къ этому-то послѣднему теперь обращается причетъ невѣсты:

2136.

Ужъ заѣзжій ты, добрый молодецъ!
Ходилъ ты, гулялъ по запольщу,
А теперь тебя ведутъ по застольницу.
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Погляди-тко-те на меня на младую:
Ужъ у меня ли у младой
По правую сторонушку
Стоптъ зима холодная.
Подвалился ли ко мнѣ бѣлъ горючь камень?
Холоднымъ-то онъ холоднехонекъ,
Зазнобитъ онъ мое ретиво сердце
Съ молодыхъ годовъ до старыхъ,
А по лѣвую сторонушку—лѣто теплое,
То стоятъ голубушки-подруженьки.

Въ это время отецъ беретъ невѣсту за руку и хочетъ обручить кольцами сговоренныхъ. Невѣста не даетъ своей руки и продолжаетъ причетъ:

2137.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Не обручай-ка ты мою правую рученьку
Съ заѣзжимъ добрымъ молодцемъ.
Моя рука не нѣжная,
Моя рука рабочая.
Ужъ и я ли для васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!

Не покидай ты меня въ чужой сторонѣ
Со съзаѣзжимъ добрымъ молодцомъ.

Въ концѣ концовъ, какъ видно изъ причета, отцу удалось обручить свою дочь съ заѣзжимъ добрымъ молодцемъ. Невѣста теперь обращается въ сторону жениховыхъ гостей и причитаетъ:

2138.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка
Съ радѣльницей родимой матушкой!
Ужъ сажайте-ка вы гостей пріѣзжихъ,
Напойте-ка вы ихъ пивомъ пьянымъ,
Пивомъ пьянымъ, виномъ зеленымъ!
Они бы у васъ позáпили,
Меня младую позáбыли.
Ужъ сажайте-ка вы свата ходатаго
Положите вы ему въ чашку бездонную,
Дайте ему ложку безчерепную, —
Ходилъ бы онъ, не прихвастывалъ,
Не хвалилъ бы чужую сторону,
Чужаго отца съ матерью,
Заѣзжаго ли добраго молодца.
Ужъ чужая сторонушка
Облита слезами горючими.

Затѣмъ невѣста становится лицомъ къ отцу съ матерью, которые, въ свою очередь, стоятъ передъ ней съ образами.

Ужъ радѣльникъ ты родимый батюшка
Со радѣльницей родимой матушкой!
Не прошу я у васъ злата-серебра, —
Прошу чистаго благословенія.

Отецъ съ матерью благословляютъ свою дочь, обливающуюся горькими слезами, ѣхать подъ вѣнецъ. Послѣ благословенія, выходя изъ подъ отцовскаго крова, невѣста прощается со всѣмъ окружающимъ и причитаетъ:

2139.

Прощай, ты нашъ высокъ теремъ
Съ широкіимъ подворьицемъ!
Прощайте, сосѣдъ-сосѣдушка,
Прощай, широкая улица!
Прощайте, голубушки подруженьки!

При этихъ словахъ невѣста садится въ повозку свадебнаго поѣзда. При этомъ окружаютъ ее подруги, обращаясь съ своей послѣдней пѣсней къ доброму молодцу:

2140.

Ужъ поѣзжай ты, добрый молодецъ!
Сбереги ты намъ голубушку подруженьку,
Сбереги ее отъ чужихъ людей,
Отъ чужаго отца съ матерью!
Не давай на нее вѣтру дунути,
Чужимъ людямъ зынути!

Невѣста между тѣмъ уже сѣла въ свою повозку рядомъ съ женихомъ, лошади дернули, помчались, колокольчики-бубенчики зазвенѣли, и свадебный поѣздъ скрылся изъ глазъ провожавшихъ гостей и подругъ. Онъ мчится теперь къ церкви, гдѣ жениха и невѣсту ждетъ священникъ съ крестомъ.

Такова предсвадебная церемонія у казенныхъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда. Пѣсни и обычаи, приведенные нами выше, записаны мною въ такъ называемой Кутетчинѣ, мѣстности лежащей отъ Калязина верстахъ въ 15—18. Теперь перешагнемъ, за 25 верстъ отъ описываемой нами мѣстности, по большой Московской дорогѣ, къ селу Яренскому (отстоящему отъ г. Калязина около 40 верстъ) и прилежащимъ къ нему деревнямъ. Эта мѣстность барская, принадлежащая роду Ртищевыхъ и др. Повидимому, какъ незначительно разстояніе Яренщины отъ Крутетчины, тѣмъ не менѣе и здѣсь и тамъ много своихъ особенностей, хотя въ основѣ содержаніе церемоній одно и тоже. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, а въ особенности многіе изъ причетовъ, доселѣ поющихся въ Кругетчинѣ, въ Яренщинѣ не слышны. За то здѣсь есть пѣсни и причеты свои, неизвѣстные Крутетчинѣ. Свадьбу барскихъ крестьянъ мы не будемъ описывать въ подробности, а укажемъ только на нѣкоторыя особенности и сдѣлаемъ нѣкоторыя дополненія.

Предбрачныя церемоніи раздѣляются также на три части: 1) Дѣвишникъ, 2) заплетаніе косы и пирогъ; 3) свадебный поѣздъ.

Барскій дѣвишникъ тѣмъ отличается отъ предыдущаго, что на немъ, кромѣ подругъ невѣсты, присутствуетъ и женихъ, который все время сидитъ рядомъ съ невѣстой. Кромѣ этого, здѣсь невѣста не причитаетъ, а поютъ пѣсни подруги. Первая пѣсня, которую онѣ запѣваютъ, это приведенная выше: «При вечерѣ, вечерѣ». Затѣмъ поются еще слѣдующія пѣсни:

2141.

Разсыпался крупной жемчугъ,
Не по плису, не по бархату,
По серебряному блюдечку, —
То Катеринушка расплакалась:
Ты радѣльникъ мой, родимый батюшка!
«Ты почто, къ чему пиво варишь?
Ты почто, къ чему гостей зовешь?»
— Ты, родимо мое дитятко!
Ты не знаешь, не вѣдаешь, —
Мы вечоръ тебя сговорили [1])
Рука объ руку ударили,
За такого за хорошаго,
За такого за пригожаго,
Что и за Михайла-то ли Васильича.

2142.

Не послѣдній ли годикъ мнѣ въ дѣвушкахъ сидѣть?
Не послѣднее ли лѣтечко мнѣ у батюшки работать?
Не остатнюю ли весну мнѣ у матушки погулять?
Какъ у батюшки работаньице очень легко?
А у матушки вешнее гуляньице вольно.
Задумали меня родители замужъ отдать,
Съ веселой кампаньей меня разлучать.
Если разлучать, я не чаюсь живою быть.
Жива буду, не забуду во вѣкъ дѣвичье житье.

2143.

Кто у насъ холостъ, не женатъ?
— Михайло-то холостъ,
Васильевичъ не женатъ.
Время ему жениться
На добраго коня садиться,
Къ тестю въ гости ѣхать,
Ко тестеву ко двору,
Ко тещину терему.
Онъ къ воротечкамъ подъѣзжаетъ,
Съ добра коня слѣзаетъ,
Въ крылечко стучитъ,
Онъ Катеринушку вызываетъ:
«Катеринушка, выходи,
Воротечка отопри!»
— «Я бы рада отперла, —
Буйный вѣтеръ очень вьетъ,
Съ головушки жемчугъ рветъ,
Меня грусть-тоска беретъ:
Меня батюшка бранитъ,
Идти замужъ не велитъ.

[1]) Вар. Мы тебя просватали
Не за князя, не за барина, —
За Яренскаго крестьянина,
Что и за Михайла-то ли Васильевича.

2144.

«Не тошно ли тебѣ, Нева рѣка
Съ вешнимъ ледкомъ разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Я бы шла, рѣка, не шумѣла бы,
Крутые берега не портила.»
«Не тошно-ль тебѣ, Катеринушка,
Съ отцемъ съ матерью разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Шла бы я, не плакала,
Горючи слезы не роняла.»

Остальныя пѣсни, поющіяся на дѣвишникѣ, принадлежатъ къ циклу обычныхъ.

Накануне вѣнца устраивается торжественное заплетеніе подругами невѣстиной косы. Встрѣчая ихъ у крыльца, невѣста причитаетъ:

2145.

Ужъ вы голубушки — подруженьки!
Вы простите меня, что васъ не встрѣтила
Середи пути—дороженьки,
Середи моста калиноваго:
Скоры ноженьки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися.

(Обращаясь къ любимой подругѣ):

2146.

Ты голубушка-подруженька!
Потрудись-ка ты, пожалуйста,
Причеши ты мнѣ буйную головушку,
Разбери-ка ты мнѣ русу косу,
Разбери мелко на мелко,
Заплети-ко ты мнѣ часто на часто.
Посреди моей русой косы
Вплети мнѣ два ножечка булатные,
Два замочка полужонные.
Во конецъ моей русой косы
Вплети ленту алую.
Завяжи ее въ три узла,
Въ три узла нѣмецкіе:
Не распалась бы моя руса коса,
Не потеряла бы красу дѣвичью.

(Провожая обратно подругъ).

2147.

Вы голубушки, мои подруженьки!
Ужъ придетъ ли къ вамъ весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Ужъ пойдете вы, голубушки,
На гуляньице веселое,
Пойдете во чисто поле,
Во чисто поле, во зелены луга,
Станете вы рвать цвѣтки,—
Вы сорвите и мнѣ цвѣтокъ,
Ужъ и станете вить вѣнки —
Свейте и мнѣ вѣнокъ,
Ужъ несит-ко-те его впередъ себя
Не давайте-ко вы ему отъ вѣтра вянути,
Отъ краснаго солнышка сохнути [1]).

2148.

— Ужъ раздѣльникъ ты, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Ужъ и что это въ нашемъ подворьицѣ,
Что за садъ стоитъ, что за вишенье?
Въ саду-то ли во вишеньѣ
Не бѣлая-то ли лебедь возгаркнула,
Не я-то ли, горюша горькая,
Передъ подружками восплакнула?
— Вы голубушки подруженьки,
Прощайте-ка впервые—въ остаточки,
Не попомните моей гордости,
Моей досады великоей!

(Простясь съ подругами и возвращаясь въ избу):

Отставала лебедь бѣлая
Отъ стада лебединаго,
А дѣвица красная
Отъ своихъ подруженекъ.
Ты радѣльникъ, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Не помысли-ль, не подумали-ль,
Что нейду-ли со гуляньица,
Съ работы тяжелоей?
А я, горюша горькая,
Попрощалася съ подружками.
Ужъ и что вы на меня прогнѣвались?
Ужъ и не дали вы цвѣтку выцвѣсти,
Не дали яблочку повызрѣти?
Сгубили буйную головушку,
Молодехоньку, зеленехоньку.

Вечеромъ въ тотъ же день въ невѣстинъ домъ пріѣзжаетъ сватъ отъ жениха съ пирогомъ. Отецъ невѣсты съ своими домочадцами садится за столъ, напротивъ него садится жениховъ сватъ и кладетъ на столъ пирогъ. Отецъ невѣсты въ свою очередь кладетъ свой пирогъ и такимъ образомъ происходитъ бесѣда. Въ знакъ единенія нѣсколько разъ касаются они однимъ пирогомъ о другой и бьютъ рука объ руку. Невѣста въ это время сидитъ въ сторонѣ и причитаетъ:

2149.

Ужъ радѣльникъ ты, родной батюшка!
Ты не бей-ка пирогъ объ пирогъ,
Не ударяй-ка рука объ руку!
Ты бей-ка, да воздерживай,
Говори рѣчь, да посмалчивай,
Добрыихъ людей повыспрашивай,
Чтобы тебѣ бить—не каяться,
А мнѣ жить—не маиться.
Запоручили мою буйную головушку
  За поруки крѣпкія,
  За замочки за нѣмецкіе.

Дальнѣйшій причетъ зависитъ отъ способности импровизаціи каждой невѣсты и не представляетъ особаго интереса.

Свадебный поѣздъ у барскихъ крестьянъ начинается нѣсколько иначе, чѣмъ у казенныхъ. Первоначально къ невѣстиной избѣ подъѣзжаютъ только два жениховыхъ дружка, здороваются со всѣми въ избѣ, и говорятъ:

«Сватушка и свахонька и всѣ гости пріятели, смотрѣльники, глядѣльники, благословите за княземъ ѣхать! Нашъ князь во чистомъ полѣ, во зеленой дубровушкѣ, подъ чистымъ небомъ, подъ темными облаками, подъ яркими звѣздами.»

Дѣйствительно свадебный поѣздъ стоитъ въ это время за деревней, и только, спустя нѣсколько времени, подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому. Въ то время, когда женихъ подъѣзжаетъ и входитъ въ избу, невѣста причитаетъ:

2150.

Не па́вынька по заполью летала,
Павлинья перья роняла, —

---

[1]) Очевидно, здѣсь говорится о *«семикѣ»*, когда каждая дѣвушка завиваетъ для себя вѣнокъ и примѣчаетъ, что если онъ скоро вянетъ, то и ея дѣвичья жизнь скоро завянетъ. Поэтому-то невѣста проситъ хранить ея вѣнокъ, чтобы ея дѣвичья жизнь не завяла. Н.

Не я ли, горюша горькая,
По застольницу ходила
Горючія слезы ронила.
Не во саду-то меня посадили,
Не во садъ, не во вишенье,—
Посадили меня, горюшу горькую,
За столы за дубовые,
За скатерти самобраныя.

Потомъ, обращаясь къ отцу, матери и ко всѣмъ близкимъ, она опять причитаетъ.

2151.

Закатите-ко катомъ улицу,
Защитите-ко щитомъ вороты!
Вы поставьте у воротъ привратничковъ,
У дверей придверничковъ,
Не пущайте-ко вы чужихъ людей.

(Когда женихъ входитъ):

Всѣ каты откатилися,
Всѣ щиты отщитилися,
Придвернички отшатнулися,
Чужи люди въ дворъ въѣхали.

А между тѣмъ входящаго жениха встрѣчаютъ подруги невѣстины своей пѣсней:

2152.

«Во полѣ бояре стояли,
Не свѣдали, не провѣдали, —
На дворъ бояре въѣхали.
Полонъ дворъ гостей наставили,
Поломили сѣни новыя.
Князь въ теремъ всходитъ,
Богу молится.
Катеринушка сторонится,
За подруженекъ хоронится.
«Вы голубушки подруженьки,
Схороните вы меня за себя!
Онъ идетъ—погубитель мой,
Онъ идетъ—разоритель мой,
Онъ идетъ—расплети-косу,
Онъ идетъ—потеряй-красоту.

2153.

Какъ не пава по двору ходитъ,
Не павлиныя перья ронитъ, —
Какъ ходила, какъ ронила
Катеринушка горючи слезы,
Припадала къ нутряному замочку:
«Отопрись, отложись, нутряной замочекъ!
Пробудись, мой батюшка родимый!» [1])

Послѣ этихъ пѣсенъ происходитъ, описанный выше, выкупъ невѣсты у подругъ, у брата и т. д.; между прочимъ здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторую особенность, именно *невѣстиной красоты*. Поэтому случаю еще заранѣе приготовляется кедровая вѣтвь (изъ барскаго сада), утверждается на какой-нибудь подставкѣ и становится на столѣ, затѣмъ украшается дѣвичьями лентами и цвѣтами. Это-то изукрашенная вѣтвь и служитъ эмблемой дѣвичьей красоты, которую выкупаютъ сваты у подругъ.

У барскихъ крестьянъ, кромѣ выкупа, женихъ даритъ еще невѣстиныхъ подругъ деньгами, за это онѣ поютъ ему пѣсни:

2154.

Ужъ ты, князюшка хорошенькій,
Ужъ ты, князюшка, пригоженькій!
Ужъ ты умная головушка,
Пресмиренная бесѣдушка!
Ужъ сидишь ты статнехонько.
Ужъ и слышишь ли: тебѣ мы пѣсню поемъ,
Пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ.
Пора тебѣ дѣвицъ подарить,
Пора тебѣ пожаловать.

(Въ это время женихъ даритъ).

Благодарствуй тебѣ, князюшка,
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ-то сладкомъ меду!
Ужъ медъ-отъ мы исповыпили
Золоту казну исповыбрали, —
Тебѣ поклонъ воздаемъ.

---

[1]) Въ связи съ предыдущей эта пѣсня наводитъ на мысль о похищеніи невѣсты: отецъ ея спитъ, въ это время неожиданно входитъ *князь*, котораго дѣвушка называетъ погубителемъ дѣвичьей красоты, прихода котораго страшно испугалась. Она хватается за послѣднее средство—припадаетъ къ нутряному (потаенному) замочку, за которымъ спитъ ея батюшка и старается разбудить послѣдняго, чтобы онъ спасъ ее. И.

Затѣмъ мать невѣсты даритъ жениха полотенцемъ, при этомъ невѣста причитаетъ:

2155.

Родная, родимая матушка!
Не даромъ ты подарила, —
Подарила своимъ чадомъ милымъ.

Далѣе одною изъ подругъ расплетается невѣстина коса, накапунѣ заплетенная. Невѣста причитаетъ:

2156.

Ужъ ты, голубушка бѣлая!
Потрудись-ка, пожалуста,
Расплети-ка мнѣ русу косу,
Расплетай-ка, да поберегись.
Въ моей-то въ русой косѣ
Вплетены два ножечка булатные,
Два замочка полуженые.
Не обрѣжь-ка свои руки бѣлыя,
Не закровяни-тко мои плечи могучія.

Здѣсь мы закончимъ изложеніе предсвадебной церемоніи у барскихъ крестьянъ. Считаемъ при этомъ не лишнимъ упомянуть, что здѣсь фигурируютъ слѣдующія должностныя лица: *тысяцкій*,—самое близкое и важное лицо при женихѣ: онъ выводитъ его съ невѣстой изъ избы и сажаетъ на коней: *гвоздарь*, какъ мы говорили выше, завѣдующій пивомъ и виномъ, *сваты*, *сватьи*, *дружки*, *подружья*, *бояре-гости*.

Когда поѣздъ пріѣзжаетъ послѣ вѣнца изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ на порогѣ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью отецъ съ матерью, какъ жениха, такъ и невѣсты и ведутъ по подостланной подъ ноги новинѣ. Затѣмъ молодыхъ уводятъ въ особое помѣщеніе позади сѣней—*горенку*, гдѣ предлагаютъ имъ обѣдъ. На этотъ обѣдъ допускаются только самые близкіе къ молодымъ лица.

Когда молодые окончатъ свой обѣдъ, ихъ вводятъ въ избу, гдѣ всѣ гости уже усѣлись за большой *княжій* обѣдъ. Молодыхъ сажаютъ за столъ среди гостей, но они здѣсь уже не ѣдятъ, а только потчуютъ другихъ, кланяются и цѣлуются подъ крики: «горько, горько!»

Пиръ въ домѣ жениха продолжается до полуночи. Молодыхъ укладываютъ спать ранѣе гостей, для чего уводятъ ихъ въ ту же горенку, гдѣ приготовлена имъ бываетъ постель. Первымъ раздѣвается и ложится подъ одѣяло молодой мужъ, а молодуха все это время стоитъ у постельнаго изголовья. Когда мужъ ляжетъ, жена подходитъ ближе къ нему и спрашиваетъ: «Михаилъ Васильевичъ! прикажете мнѣ раздѣваться и ложиться съ вами, или же стоять у вашего изголовьица?» И только тогда молодуха ложится, когда мужъ пригласитъ ее на постель.

Утромъ на другой день молодыхъ поднимаютъ съ брачнаго ложа, когда уже всѣ встали.

Часовъ съ 10-ти утра происходятъ въ домѣ жениха свадебныя игры и шутки.

Вотъ въ короткѣ ихъ содержаніе.

Тысяцкій обращается къ жениховой матери со словами: Не все тебѣ, Пелагея Степановна, самой печку-то топить, и кушанья варить, теперь и молодая истопитъ». Другіе гости, въ отвѣтъ на это, кричатъ: «Надо испробовать, умѣетъ ли молодуха-то печку топить. Пущай-ка за дровами сходитъ!» Невѣста выходитъ изъ избы за дровами, при чемъ сватья съ ея стороны указываютъ ей хозяйскую полѣнницу, а женихова сватья сбиваетъ ее и ведетъ къ чужой дальней полѣнницѣ. Здѣсь молодуха набираетъ охапку дровъ и несетъ ихъ въ избу. Гости увидѣвши, что молодуха набрала чужихъ дровъ, кричатъ: «Дура, дура, молодуха-то, дура!»

Внесши дрова въ избу, молодуха обращается лицомъ къ порогу и молится на него. Гости изумляются и кричатъ по прежнему, а молодуха между тѣмъ два полѣна кладетъ по краямъ божницы, даетъ по полѣну свекру со свекровью и другимъ гостямъ. Раздаются оглушительные крики: «Дура, дура, совсѣмъ дура!»

— Умѣетъ ли она прясть-то?» Подаютъ молодухѣ гребень. Она взлѣзаетъ на столъ, становитъ на немъ гребень шиворотъ на выворотъ, и садится па гребенку, а вмѣсто льну навертываетъ соломы и разбрасываетъ ее по избѣ. «Дура, дура!» раздаются крики.

Одинъ изъ дружекъ наряжается теленкомъ, котораго молодуха должна поить молокомъ. Вмѣсто молока подается шайка воды; молодуха начинаетъ поить теленка,—послѣдній брыкается, выкидываетъ разныя штуки. Гости хохочутъ, а молоко разливается по полу и выливается на теленка.

«Дура, дура, молодуха-то! Гдѣ сватъ? Онъ сосваталъ, онъ и въ отвѣтѣ. Его надо наказывать; надо его пороть!»

Одинъ изъ дружекъ наряжается палачемъ, обвиваетъ вокругъ своего туловища кнутъ, свитый изъ соломы. Всѣ гости идутъ на улицу, куда съ барабаннымъ боемъ въ заслонъ выводится сватъ для наказанія кнутомъ. Впереди его несутъ ска-

мейку, на которую онъ долженъ быть разложенъ. Скамейка становится посреди улицы, а между тѣмъ сватъ вырывается и бѣжитъ; его ловятъ. Сватъ забирается на крышу, но его оттуда волокутъ къ мѣсту наказанія. . . . . Отовсюду сбѣгаются смотрѣльники-глядѣльники. Это своего рода для нихъ театральное представленіе. Свата наказываютъ удары: разъ. . два. . . три. Сватъ въ изнеможеніи, безъ чувствъ валится со скамейки, но въ это время на улицу выходятъ молодые. Мужъ несетъ вино, а жена закуску, сзади отецъ—ковшъ вина. Изнемогшему свату молодой вливаетъ въ ротъ стаканъ вина; сватъ открываетъ глаза и начинаетъ шевелится.

«Хорошъ молодой дохтуръ!» кричатъ гости. «Свату полегчалося. Ну-ка, дохтуръ, еще!»

Свату подносится еще стакана два, и онъ совершенно оживаетъ.

Затѣмъ тутъ же, среди улицы, угощаются виномъ и пивомъ всѣ гости, всѣ смотрѣльники-глядѣльники, рѣшительно всѣ находящіеся на улицѣ, кончая послѣднимъ нищимъ. Это одна изъ торжественныхъ минутъ деревенской свадьбы. Женихъ съ невѣстой, разодѣтые, выклаииваются предъ всѣми съ доброй привѣтливой улыбкой и потчуютъ.

Гости устраиваютъ на улицѣ хороводы, впрочемъ совершенно новѣйшаго характера. Нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ располагаются на травѣ и затягиваютъ свои *старинныя*. И все это происходитъ подъ открытымъ небомъ, подъ лучами весенняго солнышка, которые играютъ на непокрытыхъ, лоснящихся головахъ мужчинъ.

Въ этотъ день пьетъ и гуляетъ на свадьбѣ не только вся деревня, но даже нерѣдко вся округа. Веселье продолжается за полночь. Когда послѣдняя покроетъ землю, гости утихаютъ и располагаются спать, гдѣ кому Богъ приведетъ: кто въ сараѣ, кто въ овинѣ, а кто просто чуть не среди дороги. Много въ этотъ день бываетъ вина и пива повыпито.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы устраивается *спознать*, т. е. новая родня перегащивается между собой: тутъ бываютъ только самые близкіе родные. Для *спознати* стряпаютъ лучше, чѣмъ для самой свадьбы.

Такимъ образомъ кончается деревенская свадьба, послѣ чего начинается обыкновенная будничная жизнь. Описанныя нами выше свадебныя церемоніи во всей полнотѣ, конечно, выполняются только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Что же касается причетовъ и пѣсенъ, то очень часто они также не исполняются вполнѣ: это зависитъ отъ характера невѣсты и подругъ.

П. Новоселовъ. Тверской Вѣстникъ 1880 г. № 15, 16, 17 и 19.

Той же губерніи, Новоторжскаго уѣзда.

Канунъ и день брака.

Накапунѣ брака, когда съѣдутся всѣ гости, бываетъ выборъ поѣзжанъ, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: Женихъ (князь) съ подъкнязьемъ, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ, а отецъ поднося гостямъ вино и пиво, выбираетъ въ тысяцкіе, потомъ *сватью* (мать крестную), *большого барина*, меньшаго барина и двухъ дружковъ.

Должность *тысяцкаго* или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкупаетъ невѣсту и раздаетъ за нее дѣвушкамъ-подружкамъ ея—орѣхи. *Бояре*—только занимаютъ одно почетное званіе, дружки же обязаны раздавать орѣхи, мыло и проч., принимать молодыхъ, ухаживать за ними и класть въ постель.

Послѣ выбора свадебныхъ чиновъ готовятся къ поѣзду; садятся за столъ, молятся Богу. Въ это время отецъ жениха стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью. Женихъ, помолившись Богу, кланяется отцу въ ноги, а дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ ему кланяться до земли. Отецъ благословляетъ его и затѣмъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей и всѣ поѣзжане выѣзжаютъ съ двора въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣдутъ дружки, за ними—тысяцкій съ женихомъ, далѣе—бояре. Отъѣхавши нѣсколько сажень, дружки возвращаются назадъ, благодарятъ отца и мать жениха за угощеніе и доносятъ имъ, что князь выѣхалъ со двора благополучно. Послѣ отправленія поѣзда въ домѣ жениха *трутень* или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ, гдѣ и готовитъ постель для молодыхъ.

Подъѣзжая къ дому невѣсты, дружки останавливаются передъ воротами и спрашиваетъ ея отца: «готова-ли княгиня?» Если готова, то ихъ принимаютъ въ домъ, если же нѣтъ, то ворота не отпираются и имъ отвѣчаютъ: «княгини дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы!» Весь же поѣздъ между тѣмъ стоитъ на дорогѣ въ ожиданіи отвѣта дружекъ и когда они, объявляютъ, что все готово, то весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невѣстинаго дома и прямо на дворъ, гдѣ сватья невѣсты потчуетъ пивомъ сватью жениха. Вошедши въ избу, всѣ здороваются со сватомъ и со всѣми родными, невѣста же въ это время сидитъ въ заднемъ углу, окруженная дѣвушками-подружками. Тысяцкій подходитъ къ нимъ и проситъ отпустить невѣсту. Дѣвушки просятъ выкупа. Тысяцкій предлагаетъ имъ деньги и если мало, то дѣвушки ихъ бросаютъ ему назадъ. Тысяцкій понемногу все прибавляетъ до тѣхъ поръ пока

сторгуются. Тогда дружки передаютъ невѣсту жениху. Женихъ же, взявъ ее за руку наступаетъ ей три раза на ногу (чтобы не была сердита). Затѣмъ тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его на нарочно приготовленномъ для него мѣстѣ, т. е. на подушку, рядомъ съ невѣстой. Но прежде, чѣмъ молодымъ сѣсть совсѣмъ дружко ихъ три раза поднимаетъ съ подушекъ и опять сажаетъ на нихъ. Послѣ этой церемоніи начинается угощеніе и дары со стороны жениха. Угостившись вдоволь, всѣ выходятъ изъ-за стола и ѣдутъ въ церковь. Дружки и на этотъ разъ, отъѣхавши немного, возвращаются назадъ въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е. отецъ невѣсты, предлагаетъ имъ садиться, но они не садятся. Сватъ угощаетъ дружекъ пивомъ и даетъ имъ пирогъ. Они же, взявъ пирогъ, отламываютъ отъ него только краешекъ, но не ѣдятъ. А между тѣмъ во время этого угощенія запираются ворота. Дружки выходятъ изъ избы, глядятъ—ворота заперты. Они опять входятъ въ избу и просятъ у свата пива. Тогда всѣхъ, кто только стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. И только послѣ всей этой церемоніи имъ отпираютъ ворота и они выѣзжаютъ со двора, догоняютъ поѣздъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣдутъ въ церковь.

Сообщ. въ 1853 году свящ. Рожкинскаго погоста, отцемъ Георгіемъ.

2157.

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родной батюшка
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго.
Продумалъ ты меня, родной батюшка,
Продалъ ты меня во чужіе люди,
Во чужіе люди незнакомые.
Ужъ какъ-то мнѣ жить будетъ?
Ужъ какъ-то мнѣ упаковать [1]) будетъ?
На чужаго отца съ матерью?
Что чужой отецъ съ матерью
Безъ желанныца уродилися:
Въ вечеру кладутъ спать поздпехонько,
По утру будютъ вставать ранехонько:
«Вставай-ко, дитя немилое,
Немилое, неродное,
Нероженное, нехоженное!
Ступай-ко на работушку!»
— А работушка мнѣ не подъ силушку.
Обольюсь я, младешенька,
Своимъ горючимъ слезамъ.

2158.

Расшаталась грушица,
Расшаталась зеленая
Передъ яблонькой стоючи.
Расплакалась Лизавета душа,
Расплакалась Тимоѳѣевна
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой возрыдаючи:
«Государь, родимый батюшка,
Государыня, родимая матушка!
Нельзя ли думу отдумати,
Чтобъ меня замужъ невыдати?»
— «Ты, дитя ли мое дитятко,
Ты, дитя ли мое милое!
И нельзя думу отдумати,
Чтобъ тебя замужъ не выдати:
По рукамъ у насъ ударено,
На словахъ у насъ положено.»

2159.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ за садика зеленаго
Вылетало стадо лебедевъ,
Позади летитъ гусиное.
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду къ сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати,
И ее стали гуси щипати.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,—
Занесло меня погодою,
Что погодою, невзгодою.»
— Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго
Изъ за садика зеленаго
Выходила толпа дѣвушекъ,
Позади идутъ молодушки.
Отставала Лизаветушка,
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Лизаветушка
Ко толпы ко молодушкамъ.
Не умѣла Лизаветушка
На головушку управиться,—
Ипостали люди журити.
Не журите, люди добрые!

[1]) По слов Даля: упакать — угодить, приноровиться, примѣниться, уноровить.

Не сама я къ вамъ заѣхала,—
Завезли меня кони добрые,
Что добры кони Захарова.

2160.

Какъ чесалъ Андрей кудри
Костяной новой гребеночкой,
Онъ чесалъ приговаривалъ:
«Прилегайте, кудри русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему-то лицу бѣлому!
Привыкай-ка, любовь душа,
Къ моему-то уму-разуму,
Къ мому-то роду, племени!»
— «Тяжело мнѣ привыкать будетъ
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду-племени.»

2161.

Ну, погоди-ко, мой свѣтелъ мѣсяцъ!
Затепляй свѣщу воску бѣлова,
Подвигайте столы дубовые,
Разстилайте-ко скатерти браныя,
Становите ѣства сахарныя,
Нацѣдите пива пьянаго,
Наносите вина зеленаго!

2162.

Не всѣ-то у насъ гости въ собраньицѣ,
Не всѣ они въ съѣзжаньицѣ.
Не тамъ-ли родной батюшка?
Авось ли онъ не подойдетъ ли?
Не подойдетъ ли, не подъѣдетъ ли
На мою-то свадьбу на младую,
На младую, на сиротскую?
Благослови ты меня, сиротинушку,
Ко суду-то Божьему ѣхати!
У суда-то Божья тяжело стоять:
Подломятся мои скоры ноги
Опустятся мои бѣлы руки,
Ужахнется мое сердце,
Ужахнется, испужается.

2163.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты стоишь, не колыхнешься?
Съ берегомъ ты не сравняешься?
Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
Что ты, Лизушка, сидишь, не усмѣхнешься?
Говоришь ты, не промолвишься?»
— «На что глядя, мнѣ смѣятися?
Полонъ дворъ каретъ наѣхавши,
Полна горница гостей сидя(тъ).
Нарядиться мнѣ кое есть во что,
Отпустить-то мнѣ есть кому,
Благословить-то мнѣ некому.
Ты желанный братецъ, батюшка!
Ты выйди на широкій дворъ,
Ты возьми узду тесменную,
Что тесменную, ременную,
Обротай коня что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, хорошаго:
Ты съѣзди къ Божьей церкви,
Ты ударь трожды во колоколъ,
Ты пусти гулъ по всѣмъ церквамъ,
Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ,
Разбуди кормильца батюшку,
Екима-то Софроновица:
Благослови ты меня, сиротинушку,
Къ суду-то мнѣ Божьему ѣхати,
У суда мнѣ Божьяго стояти!
У суда мнѣ тяжело стоять:
Какъ подломятся у меня скоры ноги,
Опустятся у меня бѣлы руки,
Ужахнется мое ретиво сердце,
Ужахнется, испугается,
У суда Божьяго стоюци.

2164.

Какъ леталъ-то, леталъ соколъ,
Съ горы на гору леталъ,
Какъ искалъ-то, искалъ соколъ
Стадо лебединое,
Какъ нашелъ-то, нашелъ соколъ
Стадо лебединое.
Ёнъ все стадо разогналъ,
Одноё лебедушку ухватилъ,
Ахъ что лебедушку душу,
Златокрыльцату свою.
Возмолилася лебедка
Своему ясну соколу:
«Ты пусти, пусти, соколъ,
Въ стадо лебединое!»
Я тогда тебя пущу,—
Сизы перышки ощиплю,
Златы крылушки обобью,
Горяцую кровь пролью.

— Какъ и ѣздилъ-то Захарь-князь
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то, искалъ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу.
Ёнъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
Только ее одну ухватилъ
Свѣтъ Лизаветушку свою,
Тимофѣевну свою.
Возмолилася Лизаветушка,
Возмолилася Тимофѣевна
Свому милому-то дружку,
Захару Ѳедоровицу:
Ты пусти, пусти Захаръ-князь,
Ты пусти, пусти Ѳедоровицъ,
Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу!»
— «Я тогда тебя пущу, —
Ко вѣнчальнцу свезу,
Ко вѣнчальнцу свезу,
У вѣнчальнца постоимъ,
Косу русу расплету,
Ее на двое заплету.

2165.

Свѣтъ ты, коса дѣвичья 2, коса русая!
Расплелась моя коса, коса русая
Развился мой шелковый гонтай [1]),
Шелковый гонтай съ алой ленточкой!
Свалилась ты съ меня, съ младешеньки,
Вся цесть-хвала, воля батюшкина,
Воля батюшкина, нѣга матушкина.
Бывало я, младешенька,—на гулянье пойду,
На гулянье пойду,—не спрашиваюсь,
Съ гулянья приду,—не сказываюсь.
А теперь-то мнѣ, младешенькѣ,
На гулянье-то итить—спрашиваться,
Съ гулянья-то итить,—все сказываться,
У новыхъ-то воротъ понастоишься,
У дубовыхъ дверей понаслухаешься,
И на степеньку-то ступнешь,—оступнешься,
Слово-то молвишь,—обмолвишься.

2166.

Подите вы, подружки-ластушки
Провѣдайте про мое горе,
Про мое горе про великое!
Какъ-то будетъ мнѣ, младешенькой,
Итить будетъ во чужи люди.
Во чужихъ во людишкахъ
Надо жить умѣючи,
Умѣючи, разумѣючи.
У сѣней-то настоишься,
У дверей-то наслушаешься
За скобу возьмешься—попятишься:
Не про меня ли, молодешеньку,
Чужой отецъ съ матерью говорить?
Не про меня ли говорятъ,
Не меня ли бранятъ?

[1]) *Гонтай, гонтань* — снурокъ, мутовязокъ, особенно, для тѣльнаго креста. Слов. Даля.

2167.

Не долго вѣночку на столбикѣ висѣть,
Не долго Лизаветушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть.
Не трубушка трубила рано по зари, —
Плакала Лизаветушка по русой по косѣ:
«Ты свѣтъ моя косынька, русая коса!
Сегодня тебя, косынька, дѣвки плетутъ,
На завтра, моя косынька, сватья станетъ плесть.
Не та ли сватьюшка прiѣзжая,
Прiѣзжая сватьюшка, не милосливая.
Станутъ мою косыньку рвать-порывать,
Станутъ мою русую на двѣ заплетать,
Заплетутъ мою косыньку на двѣ косы, —
И весь крупенъ жемчугъ поразсыплется.

2168.

Соколъ, соколенка
Залетная пташецка,
Леталъ по вишенью,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ батюшку:
«Люба-ль тѣ невѣстушка?»
— «Родимо мое дитятко!
Люба-бъ тебѣ было,
А мнѣ—послѣ тебя.

(Повторяется все сначала съ обращенiемъ къ матери, которая отвѣчаетъ тоже самое).

2169.

Ѣхалъ зять мимо тестева двора, —
Онъ стучиться у новыхъ у воротъ:
«Дома-ль тесть, дома-ль теща моя?
Дома-ль душенька, невѣста моя?»
Услыхала Анисья душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы, матушки, нянюшки мои!

Вы берите золоты ключи мои,
Отпирайте кленовые сундуки,
Вынимайте подгребцовое сукно,
Ужъ вы кройте Степану на армякъ
Чтобъ не долгъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
Чтобъ было ему можно на ворона коня вскочить,
Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
Поскорѣй душу невѣсту увидать,
Да Лизавету да милую свою.

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

2170.

Растопися, баенька,
Разгорися, каменька!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Что по атласу, да по бархату!
Ты расплачься, невѣстушка,
Лизавета душа Тимоѳѣевна,
Передъ батюшкой стоюци,
Передъ матушкой плакуци,
Благословенья просюци:
Благослови, родимый батюшка,
Еще родима матушка!
«Благослови меня во цужи люди,
Ко цужому роду племени,
Ко цужому отцу съ матерью:
Безъ жалости уродилися,
Что безъ жалости, безъ милости:
Въ вецеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будятъ ранехонько:
«Ты вставай-ко, дитя немилое,
Ты вставай-кось, нероженное!
Ты вставай, сноха приведенная!
Кидай, кидай волю батюшкину,
Бросай, бросай нѣгу матушкину,
Привыкай ко работушкѣ,
Ко великой ко заботушкѣ.»

Всѣ зап. мною въ дер. Карцовѣ.

XIV. Ярославской губерніи.

Пошехонск. у., село Козьмодемьянское, на Шекснѣ.

Дѣловая часть брачныхъ обрядовъ, не разъ было мною описано, какъ-то: въ «крестьянской свадьбѣ», напечатанной въ «Трудахъ стат. ком.» такъ и въ статьѣ «село Козьмодемьянское», «въ Ярос. Губер. Вѣд.»; но остается еще многое дополнить новыхъ обрядностей, а также и позаимствовать изъ прежнихъ моихъ писаній. Изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ старинныхъ обрядностей при бракахъ, сохранилось и до сихъ поръ не мало такихъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, которые указываютъ на давнопрошедшее время, какъ-то: похищеніе невѣстъ, которыя и называются: «самоходками», отдавать невѣстой жениху свои наряды— «залогъ», что дѣвушка шла замужъ, если родители его не будутъ согласны на бракъ. «Завалъ дороги», когда поѣздъ ѣдетъ за невѣстой, чтобы везти къ вѣнцу. «Выкупъ», которымъ дружка выкупаетъ невѣсту у подругъ и родни. «Выставка», вина, пива и закуски сосѣдямъ за невѣсту. «Приданое» и «выводъ», приданое выговаривается съ невѣсты, а «выводъ» дается родителямъ невѣсты—отъ жениха 15—30 р., но «выводы», въ послѣднее время стали рѣдкимъ явленіямъ. Битье посуды, горшковъ и проч. когда невѣсту поведутъ на брачное ложе изъ-за стола, а потомъ утромъ — послѣ первой ночи. Свадебныя причитанья, поговорки, загадки, обрядности, суевѣрія свадебныя, — все это опишется по возможности ниже. Все это указываетъ на обломки свадьбы и обычаевъ древнихъ, въ которыхъ много сохранилось достойнаго подражанія; но къ сожалѣнію, годъ отъ года уничтожается, замѣняется болѣе новымъ, иногда пошлымъ и безъ выразительности того типичнаго идеала народа, въ которомъ выражались духовныя его черты.

Свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ бываютъ по большой части въ осеннее и зимнее время. Крестьяне не любятъ отдавать дочерей замужъ весной— лишаться работницы для лѣтнихъ работъ. Каждому началу свадьбы, предшествуетъ «сватанье» невѣсты, къ которой посылается сватъ или сватья, для переговоровъ: отдаютъ-ли невѣсту, а затѣмъ и излагаются условія. Сваха или сватъ, пришедшій сватать невѣсту, не долженъ садиться во время переговора о согласіи, даже и тогда, когда ноги устаютъ стоять, то шутливыя свахи становятся

на колѣни и говорятъ о дѣлѣ. Въ сельской жизни народа, рѣдко случаются браки, такихъ молодыхъ людей, которые бы были незнакомы другъ съ другомъ. Прежде чѣмъ начинаютъ сватать дѣвушку за парня, которые уже знакомы между собой, переговорили не разъ о женитьбѣ, а нѣкоторые знаютъ другъ друга съ дѣтства, нѣкоторые познакомились на гуляньяхъ, въ хороводахъ и въ праздники. Придерживаясь описаніи нашей «крестьянской свадьбы», мы будемъ описывать свадьбу того типа, который по нашему мнѣнію разнообразнѣй предъ другими. Намъ приходилось видать и бывать на свадьбахъ въ разныхъ мѣстахъ нашего уѣзда; но характеръ почти вездѣ одинъ и тотъ же съ разнообразными измѣненіями, которыя въ послѣдніе 20—30 лѣтъ значительно уничтожили тѣ старинныя обрядности, которыя указывали на давно прошедшія времена. Описаніе наше свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, относится ко времени 40—50 лѣтъ назадъ,—въ то время, нашего дѣтства и юности, намъ приходилось бывать, видать и наблюдать свадьбы, въ волостяхъ: Ериловской, Займищевской, Капуненской, Мусорской, Щетинской и проч. Въ разныхъ мѣстахъ уѣзда называется начало свадьбы очень разнообразно, какъ-то: «Слово дали», «сговорки», «просватанье», «пропиванье» и проч. При «сговоркахъ» бываютъ кромѣ свата и сватьи, отецъ жениха и мать, даже иногда и самъ женихъ. Начнемъ же съ описанія «сговорокъ». Сговоркамъ предшествують «смотрины»; но это только у лицъ мало знакомыхъ другъ съ другомъ.

I.

Сговорки.

Когда сваха порѣшитъ дѣло, т. е. уговорится съ родными невѣсты, на какихъ условіяхъ отдаютъ невѣсту, съ какимъ приданымъ, и выводомъ, а также въ какое время приходить въ домъ невѣсты для «сговорокъ». Надо замѣтить, что сговорки или пропиванье или слово даютъ всегда въ домѣ невѣсты. Когда придутъ сватающіеся въ домъ невѣсты, то въ это время народу—сосѣдей приходитъ очень много. Когда будутъ молится Богу, то дверь запираютъ, а всѣ предстоящія садятся, а потомъ отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчу предъ иконой и молятся. Договорившіяся сватовья садятся за столъ, распивать чай и вино, съ закусками. Невѣста въ это время сидитъ гдѣ нибудь у печки или въ «кутѣ», подъ полатями. Когда собираются молиться, то она стонетъ, плачетъ или причитаетъ, если умѣетъ, причитаетъ сама, а если же нѣтъ, то приглашается къ ней женщина—«выльница», умѣющая выть—причитать, которая и садится съ невѣстой рядомъ. Вотъ нѣкоторыя причитанья «въ сговорки».

2171.

Не давай, кормилецъ батюшка,
Ты своей-то руки правыя,
Моему-то злому ворогу,—
Свату, къ тебѣ заманному.
Не зажигай-ка, родимая матушка,
Свѣчи воска ярова,
Не молитеся вы Богу-Господу,
Не сгубляйте красу дѣвичью.
Мало я-то у васъ, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Со подружкамъ поводилася,
Мало я у васъ нагулялася:,
По темнымъ лѣсамъ дремучімъ,
По полямъ, лугамъ зеленыёмъ;
Мало я то у васъ порядилася
Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья и сватьи усядутся за столъ, начинаютъ говорить и пропивать. Разговоръ ведется приблизительно такъ:

«Ты, сватьюшка, къ намъ приходила?»

— Приходила.

«Рѣчи наши переводила?»

— Переводила:

«Приходится намъ: ударить по рукамъ, выпить винцо, да и слово дать крѣпкое, вѣрное». При этомъ всѣ цѣлуются и поздравляютъ другъ друга, а невѣста причитаетъ:

2172.

Не давай, кормилецъ батюшко,
Ты сврво-то слова вѣрнаго,
Не крѣпи-ко меня дѣвицу,
Крѣпко накрѣпко и на вѣки.
Ты не бей-ко рука объ руку,
Не мирися ты съ разлучникомъ.
Не пропивай, кормилецъ батюшко,
За стаканомъ зелена вина,
Ты мою-то красу дѣвичью:
То вино-то изъ слезъ сдѣлано,
Да на слезы сватомъ куплено.
Ужъ какъ мнѣ-то красной дѣвицѣ,
Знать, до сыта будетъ плакаться,
А слезами умыватися.

Сговорки или пропиванье бываетъ очень недолго: разопьютъ чай и вино, закусятъ, возьмутъ у невѣсты платокъ и кольцо, а затѣмъ сватовья и уходятъ. Народъ же и подруги дѣвушки остаются. Невѣсту приводятъ и сажаютъ въ передній уголъ, за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать или вмѣсто ея «выльница», причемъ невѣсту одну или съ выльницей сидящей рядомъ съ нею прикрываютъ большимъ платкомъ, чтобы не видно было лица. За столомъ невѣста причитаетъ:

2173.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица!
Благослови, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка
Мнѣ садится-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ во мѣсто-то во печальное,
Во печальное, да горе-горькое!
Вы, соколики, братцы милые,
И голубушки невѣстушки,
Осердилися, да распрогнѣвались
На меня, па красну дѣвицу;
Вы пропили меня, желанные,
За стакапъ за зелепа випа!
Знать, пе слуга я была, не работница,
Не посылочка была для васъ скорая,
Обносила васъ, желанные,
Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
Васъ объѣла кускомъ сахарнымъ.

Всѣ предстоящіе и родные плачутъ или говорятъ тихо о доблестяхъ невѣсты, называя ее: смиренницей и рукодѣльницей. Невѣста, свои причитанья обращаетъ къ стоящимъ и сидящимъ около ея подругамъ дѣвицамъ, одинъ изъ слѣдующихъ причетовъ:

2174.

Вы, голубушки подруженьки.
Вы лебедушки да бѣлыя,
Вы сосѣдушки болѣзныя,
Что вы долго снаряжалися,
Иль посылу дожидалися?
Мнѣ послать-то было некого,
Мнѣ самой-то идти не время:
Мнѣ подрѣзали скоры ноженьки.
Не пришли, знать, вы за спесію,
Да за гордостью великою!
Не за спесью, не за гордостью,
А за дѣломъ за домовыемъ.
Не прогнѣвайтесь, подруженьки
И сосѣдушки болѣзныя,
Что не вышла, васъ не встрѣтила
Среди улицы широкія,
Среди мостику калинова,
Середь лѣсинки брусовыя,
Не становилась я, красна дѣвица,
Супротивъ креста поклонпова,
Что поклоннаго, да богомольнаго,
Середи креста дороженьки,
Среди польныя проѣзжія.
Не смогу встать—приподнятися
Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
Отъ опушечки-то отъ кленовыя,—
Скоры ноженьки-то подогнулися,
Бѣлы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалося,—
Испугалъ кормилецъ батюшко
И родимая-то моя матушка,—
Испугали меня дѣвицу,
Что чужой злодѣйкой стȯроной,
И злодѣемъ злымъ чужимъ людямъ,
И дороднымъ добрымъ молодцемъ.

Послѣ причитанія, подруги и сосѣдки начинаютъ уговаривать, чтобы сберегла себя пенадрывалася, а затѣмъ прощаются и расходятся. Невѣста оставшись одна или съ задушевной подругой, уходитъ на постель, полати или печь,— предается тамъ думамъ, отъ которыхъ у нея текутъ горючія слезы. Во все время, когда «сговоренка», просватана до вѣнца, родные ее не заставляютъ дѣлать никакого дѣла. Послѣ сговорокъ каждый день навѣста садится за столъ и плачетъ, причитая разные причеты, которые очень разнообразны. Если входитъ кто нибудь изъ подругъ или сосѣдей, родныхъ, то невѣста и причитаетъ, начиная: «Что вы долго такъ замѣшкались мои, подруженьки задушевныя». или: «Ты болѣзная моя тетушка, не придешь ты, не провѣдаешь, меня-то-ли, горюшу горе-горькую». Подруги, почти во все время у «сговоренки» шьютъ приданое, какъ-то: бѣлье и платья.

II.

Рукобитье.

Въ назначенное время, за недѣлю, или дня за три—четыре до брака, бываетъ рукобитье. Это первое весеіе—пированіе у невѣсты. Сватъ или сватья съ отцомъ и матерью жениха, въ со-

провожденіи родственниковъ, ѣдутъ или идутъ къ отцу и матери невѣсты въ домъ, для пированья на рукобитьѣ. Входятъ въ домъ, молятся Богу, здороваются съ хозяевами, иногда говорятъ: «пришли мы гости, хоша и виданые, да незваные, а обычныя дѣла совершати, просимъ насъ припимати—не брезговати». Пришедшіе по приглашенію хозяина садятся за столъ, покрытый скатертью. На немъ стоятъ па тарелкѣ пирогъ—сгибень[1]) и соль. Отецъ невѣсты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ въ избѣ встаютъ, а двери запираютъ на крючекъ: крѣпко соблюдается примѣта: чтобы посторонній не пришелъ и не сглазилъ—худымъ глазомъ, дѣла важнаго. Молятся. Потомъ сватъ или сватья черезъ столъ, а иногда и у стоящихъ одинъ противъ другого сватовъ, беретъ правыя руки—рука въ руку и, взявъ съ стола пирогъ, которымъ обводитъ вокругъ рукъ сватовей три раза говоритъ: «Дѣло-то сдѣлано, хлѣбомъ-солью укрѣплено, на вѣки и на вѣки-аминь. Надъ руками пирогъ разламываетъ, а потомъ одну половину отдаетъ отцу жениха, а другую отцу невѣсты. Послѣ излома пирога, сватовья иногда мѣряютъ, чья половина болѣе правая или лѣвая, правая жениха, а лѣвая невѣсты. Есть примѣта: если которая половина больше, то у того больше силы, счастья, здоровья, долголѣтія и богатства. Переломленный пирогъ долженъ храниться у жениха и невѣсты до дня брака, а послѣ вѣнчанія, новобрачные должны съѣсть его прежде всего; но ѣсть пирогъ надо жениху невѣстину половину, а невѣстѣ женихову. Сватья при этомъ находится и говоритъ: «ѣшьте милые, во славу Божію, во любовь вѣчную, безконечную, яко же едино тѣсто въ пирогѣ, такожде и ваша плоть во единѣ до скончанія вѣка, неба и земли—аминь». Послѣ переломленія пирога сватовья садятся за столъ, начинается угощеніе. Во время переломленія пирога невѣсту проводятъ подъ платкомъ, садятъ у печки или у перегородки на лавку, а подруги около ее стоятъ или сидятъ. Если невѣста сама не очень гораздо причитать, въ такомъ случаѣ зовутъ «выльницу», которыя и распѣваетъ причеты, а невѣста только рыдаетъ или охаетъ. Причеты во время рукобитья бываютъ нижеслѣдующія:

2175.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица,
Повыть-то мнѣ, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слезъ горючіехъ повыронить,
Лицо бѣлое повымочить,
Ретиво сердце повытерзать,
Платье цвѣтное повырудать![2])
Голоса-то у меня младой-младехоньки—
Голоса-то заунывные,
Ретиву сердцу докучные,
А причеты все нескладные.

Невѣста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невѣсткамъ, пирующимъ за столомъ.

2176.

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки невѣстушки.
Я о чемъ буду разсказывать,
Честью, лестью наказывать,
Понизехонько вамъ буду кланяться,
Горючимъ слезамъ заливатися.

Невѣсту, подруги подводятъ къ отцу, матери и роднымъ, она имъ кланяется въ ноги рыдаетъ. Всѣ подпимая ее плачутъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ на прежнее мѣсто, а она начинаетъ причитать:

2177.

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невѣстушки!
Не послушались наказу крѣпкаго:
Запоручили вы красну дѣвицу,
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы почто такъ разсердилися,
Разсердились, распрогнѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя родимый батюшко,—
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми,
Всѣ ключи съ водами чистыми,
Да и рѣченьки-то быстрыя.
Ты подумалъ-бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга-то была тебѣ и работница,
Я въ семьѣ была покорная,

[1]) «*Сгйбень* и *сгибе́нь* — пирогъ, обычно согнутый, сложенный вдвое, съ кашей, либо съ ягодами». Сл. Д.

[2]) Порудать—затаскать, обносить. Авт.

На работушки дотошная.
Имя честно не безславила,
Красу дѣвичью не кинула.
А ты ждалъ мнѣ, кормилецъ батюшко,
Съ умомъ-разумомъ собратися,
Со подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младёхонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихохоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ,
Мои слезы сладкимъ кажутся,
Мое горе—имъ весельецо,
Мнѣ кручинушка—имъ радости.

Послѣ этого причитанья, невѣста съ причетами обращается къ подругамъ:

2178.

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевныя-то вы сударушки,
Что я, вамъ буду наказывать:
Вы пойдете на гуляньецо,
На гулянье на веселое,—
Меня вспомните, голубушки!
Вы пойдете въ лѣса темные,
Во болотечка во мховыя,
Собирать грибки и ягодки,—
Меня вспомните сердечныя!
Вы пойдете въ пору праздную,
Выводить хороводы веселые,
И игры играть затѣйныя,—
Меня вспомните, болѣзныя!
Вы пойдете во чисты поля,
Въ зелены луга весенніе,
Работать работы страдныя, —
Вспомяните меня, милыя!
На чужой я на сторонушкѣ,
Какъ живу я у чужихъ людей.
Вспомяните отъ радѣньеца.
Когда я-то растоскуюся,
Я приду къ вамъ, васъ провѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго края, рукобитье бываетъ у жениха; но такія обычаи встрѣчаются рѣже. Въ такомъ случаѣ порядокъ обряда идетъ такъ же, но отецъ жениха, угощаетъ на рукобитьѣ—отца, мать и родныхъ невѣсты. Женихъ находится при рукобитьѣ и угощаетъ гостей. Когда отецъ, мать и родные невѣсты сбираются на рукобитье, то невѣста провожаетъ ихъ съ слѣдующими причетами:

2179.

Вы пойдете мои родимые,
На злодѣйку чужу сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтеся на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе,—
Ихъ поклоны-то покуплёные,
А слова-то всё заучёныя.
Питья, яства въ долгъ понабраны,
Платья цвѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Чрезъ столы-то, чрезъ дубовые,
Черезъ скатерти самобраныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія-то вѣковѣчныя;
Чтобы мнѣ, младой, не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разстатися.

Потомъ невѣста обращается съ причетами къ невѣсткѣ:

2180.

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
Я о чемъ тебя просить буду:
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону,
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей,
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ-ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Всѣ родные прощаются съ невѣстой—сговоренной, и уѣзжаютъ на рукобитье. Когда же возвращаются съ рукобитья, то невѣста встрѣчаетъ ихъ нижеслѣдующими причетами:

2181.

Не послушались, мои желанные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалилися на мои слезы,
Вы на слезы-то горючія,
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія,

И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Послѣ этого, общаго причитанія, невѣста обращается съ слѣдующимъ причитаніемъ къ невѣсткѣ:

2182.

Ты голубушка, невѣстушка,
Ты сударушка моя, бо́лѣзная,
Что заприметила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ?
Что по этой-то незнакомой мнѣ,
Каковы тамъ чужи люди,
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ-ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?
Ты скажи моя бо́лѣзная,
Ничево не опасаючи,
Всеё прады неутаючи?

Послѣ этого причитанія, невѣстка садится рядомъ съ невѣстой, и въ свою очередь начинаетъ отвѣчать невѣстѣ слѣдующимъ причитаніемъ:

2183.

Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничево-то не утаючи,
Никово не опасаючи:
Я примѣтила чужихъ людей,
И дородна добра молодца.
Что они-то всѣ чужи-люди:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнова, богатова,
А дородный добрый молодецъ,
Будто яхонтецъ катается,
Ходитъ поломъ—улыбается,
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны, какъ у сокола;
Шлетъ тебѣ свои подарочки:
Перстенекъ съ руки золоченый,
Шелковой платокъ со цвѣтикамъ.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Послѣ причитаній, родные много говорятъ и утѣшаютъ невѣсту, предсказывая хорошое житье. Послѣ рукобитья, время проходитъ до дѣвишника, въ разныхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда, очень разнообразно: въ одномъ мѣстѣ женихъ посѣщаетъ невѣсту каждодневно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣдко, въ однѣхъ мѣстахъ невѣста при встрѣчѣ жениха, а также и во все время его пребыванія не показываетъ лица, сидитъ подъ платкомъ и причитаетъ, но ее окружаютъ подруги-дѣвицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста встрѣчаетъ жениха, угощаетъ чаемъ, сидитъ за столомъ, а женихъ приноситъ подарки и закуски, гостинцы: орѣхи, пряники и конфекты. Дѣвушки послѣ чая поютъ пѣсни бесѣдныя, которыя помѣстятся въ другомъ отдѣлѣ нашего сборника. Всѣ такія посѣщенія женихомъ невѣсты называются: «побывашки», «поцѣлуи» и «провѣдки». Такъ продолжаются посѣщенія жениха до дѣвишника, въ которомъ торжество превосходитъ всѣ посѣщенія, потому что это послѣдній день дѣвичья житья-бытья.

III.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ бываетъ въ нашихъ краяхъ въ послѣдній день или вечеръ предъ свадьбою. Къ невѣстѣ, на дѣвичникъ сходятся подруги, даже пріѣзжаютъ родныя и знакомыя изъ другихъ селеній. Ранѣе жениха и прочихъ гостей пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ сундукомъ или коробомъ, въ которомъ находятся разныя подарки невѣстѣ, а также гостинцы, для невѣсты и подругъ, послѣдними она одѣляетъ дѣвушекъ, дѣтей и прочихъ зрителей, которыя пришли посмотрѣть па дѣвишникъ. Невѣста во все время своихъ причитаній должна сидѣть за столомъ подъ платкомъ, съ закрытымъ лицомъ; когда же она незакрытая и не причитаетъ, то она встрѣчаетъ жениха, одѣтая въ лучшее платье. Какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣвушки поютъ пѣсни. Веселіе бываетъ и во время причитанія невѣсты. Въ послѣднее время въ рѣдкихъ случаяхъ и мѣстахъ можно увидать старые обряды и обычаи свадебные, а потому мы и придерживаемся обычаевъ свадебныхъ прошедшаго времени. Прежде всего невѣста обращается съ причетами къ подругамъ:

2184.

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я, дѣвица,

Заглядѣлася я, красная,
Что на васъ, мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.
Вы сидите всѣ веселыя,
На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
Вы срядилися сряднёхонько,
Платье цвѣтно на васъ новое,
И головушки причесаны,
Въ косахъ ленточки вплетеныя.
А вотъ я-то, красна дѣвица,
Сижу въ мѣстѣ во печальноемъ;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка,
Порастрепана, нечесана,
Въ косу лента не вплетеная,
Съ красотой на столъ положена;
Вы сидите распѣваете,
А я плачу горе-горькая!

Потомъ плачущая невѣста обращается «къ красотѣ», которая положена предъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи, съ позументами и лентами; эту повязку носятъ (носили прежде) дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ. Прощаніе съ красотой въ дѣвичникъ, «спусканіе красоты» предъ вѣнцомъ,—одна изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ свадьбѣ, да и причитанія съ ихъ грустнымъ и поэтически-художественнымъ мотивомъ вызываетъ невольную грусть и слезы. Мы вписываемъ только тѣ причитанія, которыя намъ показались болѣе совершенными. Причитаній свадебныхъ много и разнообразны въ варіантахъ. Вотъ одно изъ причитаній невѣсты, обращенное къ красотѣ:

2185.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
Я на вѣкъ съ тобой разстануся,
Молодехонька наплачуся.
Опущу я тебя, кра́сота,
Опущу тебя со ленточкамъ,
Во поля, въ луга широкіе,
Во лѣса, въ боры дремучіе,
На быстрые рѣки текучія.
Погляжу я, красна дѣвица,
Погляжу на свою красоту,
Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,
Вкругъ березоньки-ли бѣлыя,
Аль вкругъ яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ осинушки-то горькія, —
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье, красной дѣвицѣ,
Не хорошое, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки-то бѣлыя, —
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошое,
Развеселое, богатое (счастливое).
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои на руки бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Какъ придутъ-то люди добрые,
Въ лѣто тёплое и красное,
Во луга съ косами вострыми,
Что найдутъ-то тебя, красота,
И возмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота,
Не на мѣстечкѣ положена,
Хоть и бережно поношена,
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися!
Я отдамъ же тебя, красота,
Что голубушкѣ, милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
«Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вихря—вѣтру буйнаго,
И отъ дождичка, отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола «красоту» и уноситъ. Дѣвушки послѣ причитанія поютъ слѣдующія пѣсни:

2186.

При вечерѣ, было вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ.

(Каждый стихъ повторяется).

У Авдотьѣ па дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъсоколъ, —
То Иванъ-то свѣтъ Ивановичъ!
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола,
Авдотьина матушка:
«Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна!
Приласкай-ка ясна сокола.»
— «Ты, родимая моя матушка!
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой матушка,
Разлучаетъ съ родомъ-племенемъ
И съ голубками подружками.»

2187.

Цвѣты мои цвѣтики,
Голубые васильковые!
Я немного васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду:
«Не иду, не иду, не подумаю!
Въ манастырь пойду, въ манашенки,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.»
А теперя-то замужъ идешь, —
Не сдержала слово крѣпкое.

2188.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку кланялась
Своему-то брату милому,
Ивану Васильичу:
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
«Ты запри крѣпко воротечки
Тремя замками нѣмецкими,
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Иванычу,
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ па батюшкинъ.»
Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.»
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку клапялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
«Ты голубушка, мила сестра,
Заплети, мнѣ русу косыньку,
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.»
— «Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой свахоньку,
Расплетать твою русу косу,
Разовьетъ всё съ косы золото.»
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ:
«Вы, голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.»
— «Ты не плачь, не плачь Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.»

2189.

Возлѣ рѣченьки па бережкѣ,
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица покрытая,
Печальная, да сговорёная.
Собирались къ ней подруженьки,
На дѣвичникъ па дѣвическій.
«Ты подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка!
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не вываживать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.

Во лѣса пойдемъ во темные
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.»

Когда сваха отдаетъ подарки и гостинцы невѣстѣ и подругамъ, а также одѣляетъ и предстоящихъ сосѣдокъ и дѣтей, дѣвушки поютъ слѣдующую пѣсню:

2190.

Вечеромъ позднымъ-позднёхонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери,
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:
«На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахаромъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Мёдомъ-сытою поливаны,
Середь поля стоитъ горница,
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косясчаты
И карнизики узорчаты.»
— «Соврала ты сваха—сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ всё извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны,—
Середь поля стоитъ килейка,
Какъ конурка—развалилася;
Въ ней одно окно разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана,
И безъ гроба бы валятися!
Повезли бы сваху-сводницу,
Во лѣса-то во дремучіе,
Да во грязи во топучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу,
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися!»

Сваха раздѣливши гостинцы, размахивая руками и качая головой, говоритъ: «Ну-у, дѣвоньки! за такую пѣсенку, не стоило-бы вамъ и гостинцовъ давать».

По окончаніи дѣвишника, женихъ уѣзжаетъ со своими гостями, а народъ расходится. Невѣста окруженная подругами, выходитъ изъ избы, идетъ по селенію, реветъ «толстымъ голосомъ», и, остановясь подъ окнами, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

2191.

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Въ нихъ живетъ-то
Родной дядюшка
Со болѣзною со тетушкой. —
Вы простите молодёхоньку,
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дому выходятъ дядя и тетка съ плачемъ на взрыдъ, и, обхвативъ невѣсту, даютъ ей денегъ, кто сколько при себѣ имѣетъ: гривенникъ, пяточекъ,—даже семитку и копѣйку. И такимъ образомъ невѣста обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причетъ, затѣмъ возвращается домой, но если невѣста изъ села, то она отправляется на кладбище прощаться съ умершими родными и тамъ припадая къ могилѣ, причитаетъ [1]).

IV.

День брака.

Утромъ рано, къ невѣстѣ приходятъ дѣвицы-подруги, чтобы собрать ее къ вѣнцу. Въ домѣ приготовляются къ пированью брачному, потому, что отъ вѣнца всѣ поѣзжане съ новобрачными пріѣзжаютъ для пированія въ домъ невѣсты, а отпировавъ, уѣзжаютъ ночевать первую ночь къ жениху, на другой же день у жениха бываетъ *княжій* столъ. Если же отъ вѣнца привозятъ новобрачныхъ въ домъ жениха, то у невѣсты стола не бываетъ и свадьба ограничивается однимъ княжимъ столомъ. Какъ о первомъ, такъ и о второмъ обычаѣ свадебномъ скажемъ далѣе. Подруги невѣсты, собравши невѣсту къ вѣнцу, усаживаютъ ее на лавку, на которой постилается шуба къ верху волосомъ,—примѣта сидѣть на волосѣ шубы—жить богато, а также, чтобы не могли злые люди испортить молодыхъ. Невѣста сидитъ за столомъ, покрытая платкомъ, а столы покрыты скатертью бѣлой съ поставленными на нихъ пирогами. Невѣста, дѣвушки и родные, сидя за столомъ, ожидаютъ пріѣзда дружки, жениха и прочихъ поѣзжанъ—«новой родни», которые должны пріѣхать взять невѣсту и увести къ вѣнцу. Въ избѣ

[1]) Этого рода причитаній невѣсты нашъ авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ, хотя въ текстѣ онъ о нихъ упоминаетъ. Ш.

въ это время бываетъ очень много народа, который желаетъ видѣть: какъ пріѣдутъ за невѣстой, какъ ее будутъ выкупать, благословлять и провожать къ вѣнцу. Причитанья невѣсты бываютъ разнообразны и многочислены во время *сряжанія* къ вѣнцу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сбирая къ вѣнцу невѣсту, предохраняютъ ее: отъ лихихъ людей, отъ «порчи», болѣзни и проч. слѣдующими способами, какъ-то: «ноги натираютъ, или всыпаютъ въ чулки *колотина*», въ платье втыкаютъ безголовыя булавки, безухія иглы, осыпаютъ хмѣлемъ, обвертываютъ тѣло мережками. Жениха, ѣдущаго къ вѣнцу, также охраняютъ,—даже кладутъ ему въ карманъ ножикъ, а невѣстѣ ножницы. Платье какъ у жениха, такъ и у невѣсты, должно быть новое и лучшее. Вотъ нѣкоторыя причитанья невѣсты въ день брака, до вѣнчанія:

2192.

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти-бы, не проѣхати,
Что за мной младой, чужимъ людямъ!
Затворитеся, воротечка,
Вы широки, крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся туча грозная,
Туча грозная да громовитая,—
Напустися ночью темною,
Разсыпайся, крупный дождичёкъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ!

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся.
Ты поймай-ка звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго,
Изо рта его—огонь пламенемъ,
Изъ ушей его дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его искры сыплются.
Привези ты мнѣ звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди
Къ широку двору ко красному,—
Они звѣря-то испугаются,
Отъ меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиковъ братцевъ милыихъ,
У голубушекъ новѣстушекъ.

2193.

Мнѣ прошедшу тёмпу ноченьку
Не спалося красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то, красна дѣвица,
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется.
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ навстрѣчу—злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Полономъ-то заполонили,
Увезли въ лѣса во темные,
Тамъ мнѣ страшно показалося,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшка
Развалилася хоромина,
Середь улицы разсыпалась,
Брёвна врозь всѣ раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Чорный воронъ громкимъ голосомъ;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянулъ громъ, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалася. [1])

Во время причитанія невѣсты изба бываетъ переполнена народомъ, который слушаетъ причитанія невѣсты и поджидаютъ пріѣзда «новой родни—сватовъ» за невѣстой. Вотъ и слышится говоръ въ народѣ: «Дружка подъѣхалъ ко двору».— Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку «съ поѣздомъ», пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ, при этомъ бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ, вина, пива и закуски: пироговъ и пряженцовъ. У дому ворота или калитку также затворяютъ: и дружка стучитъ, говоря:

---

[1]) Причитаній невѣсты много разныхъ по мысли и варіантамъ, а потому и впишутся въ особой статьѣ. С. Дер.

— Господи, Iисусе Христе! (трижды). Есть-ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ (отецъ невѣсты) выходитъ растворяя двери, кланяется и пропускаетъ гостей въ избу. Дѣвицы и предстоящіе въ избѣ поютъ пѣсню встрѣчая ей дружку:

2194.

Идетъ дружка нашъ хорошъ,
На лиху болѣсть похожъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Ну-ка, дружка, поскачи,
Вытряхай-ка калачи!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, кафтанъ,
Весь по ниточкѣ собранъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, камзолъ,
Съ позолотою узоръ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, штаны,
Черны бархатны!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ-то чулки,
Бѣлы шелковы!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ сапоги, —
Пряжки свѣтленькія!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Дружки шляпа со перомъ,
Позументы серебромъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Коли дружка хочетъ въ рай,
То съ намъ вмѣстѣ полезай!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ у насъ дружкѣ въ раю,
Вино съ кляницею!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
У насъ пиво на столѣ,
И пирогъ на столѣ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!

Дружка низко кланяется и говоритъ: за такую пѣсенку надо и благодарность воздать. Подаетъ вина и пива съ закускою, а потомъ топаетъ ногой и говоритъ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ никому не приказывалъ, привязывать я ихъ—не привязывалъ. Нельзя-ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны! останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка начинаетъ говорить разныя приговоры, вотъ нѣкоторые:

Пришелъ я, дружка легкая ножка, удалая головка, въ теплую хату къ любезному брату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ,—ножкой топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ я, дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушка и сватьюшка, всѣ-ли вы здоровы?—Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь!

Отправивши поклонъ, т. е. челобитье свату съ сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ, и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны очень изорваны, четыре полы, а бока голы.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, нерожныя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши дѣвицы, всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня паговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разсказу ваши пороки: полно вамъ по крипечкамъ ходить, сметанку сникать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня на-

говорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, малыя ребята, голыя пузята! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ-то лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ гостямъ морготно покажется!

Въ толпѣ слышится говоръ: «За такія шутки друженьки надо спѣть!» и ему пѣсенку запѣваютъ:

2195.

Ой, ты друженька—
Рожа пряшицею!
Ой, ты друженька—
Зенка [1]) склянпцею!
Ой, у друженьки—
Носъ-то крючкомъ!
Ой, у друженьки—
Голова пестомъ!.... и проч. [2])

Дружка топаетъ ногой и говоритъ повелительно: «Но-о! за пѣсню откупъ—уймитесь!» подаетъ денегъ. Обращаясь къ свату или къ народу онъ говоритъ:

«Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нареченнымъ зятемъ усадить за столы за дубовые?»

— Мѣста всѣ заняты, попотчуй насъ, друженька услѣдимъ мѣста.

«Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно,—говорите, что надобно—просите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ по пусту не томите. Я, дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.»

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

«Извольте, добрые люди, что дано ѣсть-пить, кушать, да насъ, добрыхъ молодцовъ, послушать.»

Дружка спрашиваетъ у хозяина, а иногда у свахи: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говорятъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой «продавца мѣстъ» (брата ея), что онъ мѣста продаетъ и распоряжается этими дѣлами. Дружка обращается къ продавцу и говоритъ:

«Нельзя-ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить для жениха, а насъ добрыхъ молодчиковъ на мѣста, за столы дубовые посадить?»

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, а продать—продаю.

«Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь: лисицами или куницами? или мѣсто княженецкое продаешь?»

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княженецкимъ.

«Сколько же тебѣ надобно, и чѣмъ берешь: золотой казной или чѣмъ инымъ?—У нашего князя нареченнаго всего достаточно.»

— Когда такъ, что я буду спрашивать, то и подавай, да мнѣ отвѣчай.

«Изволь, молодецъ!»

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо поставленное на столѣ, на которое и долженъ выкладываться «выкупъ» за мѣста.

«Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?»

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ-икону и подаетъ. Продавецъ принимая икону, крестится и ставитъ икону на полку въ «божницу» въ углу. Надо замѣтить, что дружка ѣдетъ впереди поѣзда, а потому у него и образъ.

«Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ запазухѣ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

«Дай мнѣ, друженька: поле яровое, другое ржаное, а третье пареницу.»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ: хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

«Дай мнѣ, друженька: море на пяти столбахъ, въ дремучихъ краяхъ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или ендовѣ. Послѣ этого, когда все спрошенное дружкой подано,— начинаются между продавцемъ и дружкой загадки, которыя очень разнообразны по мѣстнымъ знаніямъ, складамъ и обычаямъ, зависящимъ отъ знанія продавца и дружки. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

«Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?»

— Мыслями съ молитвой.

---

[1]) Въ слов. Даля: «зенко, ср. *зеница* или *зенокъ* — «зорочекъ, зрачекъ» и т. д.

[2]) Припѣвы дружкѣ разнообразны и многочисленны, а потому ихъ и впишемъ особо. С. Дер.

«Что такое, друженька: великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?»

— Поле великое — небо ясное; скотъ астраханскій—звѣзды; пастырь—мѣсяцъ; двѣ агницы—утренняя и вечернія зори.

«Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху лёнъ?»

— Дубъ—квашня; тина—тѣсто; сосна—мутовка; лёнъ—покрывало—«встошка».

«Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, яко Кирикъ: вышелъ изъ ямы, какъ Іосифъ; кто увидитъ всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?»

— Горшокъ.

«Дòма-то тяпъ-тяпъ, въ лѣсу-то ляпъ-ляпъ, около тироуценки, а въ срединѣ—тирру!..»

— Сито.

«Летитъ птица орелъ, несетъ во рту огонь, а на концѣ хвоста смерть?»

— Ружье.

«Два кума Абакума, двѣ кумы Авдотьи, пять Фалелеевъ, десять Андреевъ?»

— Дровни.

«Раскину я шашни, взалю толстяка?»

— Лошадь въ оглобли вводится.

«Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я?»

— Собственное имя.

«На плѣшъ кàнулъ, о плѣшъ хлопнулъ, съ плѣши долой?»

— Блинъ.

«Ползунчики ползутъ, бѣгунчики бѣгутъ, рогульчики везутъ, толстяка колоть хотятъ.»

— Ползунчики—два полоза у дровней; бѣгунчики—лошади; рогульчики—вилы: толстякъ стогъ сѣна.

«Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ?»

— Дверь.

«Поймаю гуся, пущу его въ воду, буду имъ водить, онъ будетъ говорить?»

— Гусь—перо; вода—чернила; водить—писать; говорить—читать.

«Шелъ я, мимо Поповскаго, видѣлъ диво таковское: брюхо-то рѣжутъ, тѣло въ адъ валятъ, душу-то въ рай тащатъ.»

— Молотьба хлѣба.

Въ народѣ начинается говоръ: «Дока на доку нашелъ. Ну, полно вамъ торговаться, да перекоряться,—уморите стоючи новую-то, нареченную родню. Всѣ-ли у тебя друженька «заговоры», «приговорены»?- «У меня, сударики, мои есть ихъ цѣлое лукошко бездонное, давича нарочно съ собой захватилъ угостить дорогихъ гостей. Коли хозяинъ позволитъ, могу вступить съ продавцомъ въ торги: загадка за загадку, кто не отгаетъ, съ того по рублю на столъ для новобрачныхъ князя и княгини,—не пожелаешь-ли, молодецъ?»

— «Ну, инъ спрошу, друженьку, въ послѣдній разъ: дай мнѣ, друженька, чего у нашего хозяина въ домѣ нѣтъ?»

Дружка беретъ за руку жениха, подводитъ къ продавцу мѣста; продавецъ беретъ за руку жениха и сажаетъ рядомъ съ невѣстой. Прочіе поѣзжане-гости выкупаютъ себѣ мѣста за столъ у сидящихъ дѣвушекъ и садятся.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нашего края, столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанія, что и называется: «Дѣвкой столуютъ», а въ другихъ селеніяхъ, поѣзжане пріѣзжаютъ и увозятъ невѣсту, безъ столованья, къ вѣнцу. Если до вѣнчанія столуютъ, тогда невѣста въ продолженія стола-пированья, сидитъ рядомъ съ женихомъ, покрытая платкомъ и продолжаетъ причитать.

За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству и первенству занимаютъ мѣста за столомъ. «Тысяцкій» садится въ самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ: крестный отецъ (божатко) или родной дядя жениха, или старшій его братъ. «Большой баринъ» садится рядомъ съ тысяцкимъ, это дядя жениха или второй братъ; отъ тысяцкаго садится по другую руку второй баринъ—братъ жениха или второй дядя. Рядомъ съ женихомъ садятся родные его,—братъ или двоюродный, именуется: «Братнее мѣсто». Противъ жениха и невѣсты садится дружка съ «полудружьемъ», а затѣмъ за столъ садятся прочіе поѣзжане-гости, по родству и старшинству въ родѣ. Когда дружка ведетъ разговоръ съ продавцомъ мѣста, невѣста причитаетъ:

2196.

Что это родимый батюшко,
Что у тя за пиръ собирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются?
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужи люди, —
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ-просила, плакала:
«Не пускай къ себѣ разлучниковъ!»
Не послушался, не сжалился,
На меня младу прогнѣвался.
Знать не долго мнѣ осталося
Посидѣть-то здѣсь, поплакати

У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ-то братцовъ милыёхъ!

Когда женихъ садится къ невѣстѣ, то она причитаетъ къ нему слѣдующій причетъ:

2197.

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣе со мной рядышкомъ,
Чтобы вѣкъ-то намъ неразлучатися,
Другъ на друга не пенятися.
Ты садись не съ спесью-гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья къ жениху, невѣста причитаетъ къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво. Это и называется причитаньями къ «стакану вина». За эти причитанья каждый долженъ положить невѣстѣ нѣсколько мѣдныхъ или серебряныхъ денегъ на блюдо. Причитанье это слѣдующее:

2198.

Ты изволь-ко, сударь тысяцкій,
Изволь выкушать зелена вина,
Зелена вина разымчива.
Зелено вино у батюшка
У кормильца для васъ куплено,
А моимъ слезамъ разбавлено.

Этимъ причетомъ причитаетъ невѣста къ каждому поѣзжанину, только измѣняя названія. Послѣдніе причитаніе къ «стакану вина», невѣста причитаетъ къ жениху слѣдующими словами:

2199.

Ты изволь-ко, добрый молодецъ,
Ты прими-ко, да и выкушай
Стаканъ пива пьянова,
Пиво пьяное разымчивое,
Вѣдь оно тебѣ, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
Къ твоему-ли ретиву сердцу.

Женихъ не встаетъ и не беретъ въ руки стаканъ пива, а невѣста начинаетъ опять причитать:

2200.

Ужъ сударь-ли родной батюшко!
Ты приди-ка къ чужу-чуженину,
Поклонись ему, надеженькѣ,
Чтобы выпилъ пива пьянова,
Отъ меня горюши-дѣвицы.

Отецъ невѣсты подходитъ къ столу, кланяется жениху и проситъ выпить стаканъ пива, но женихъ не встаетъ и не беретъ пива. Невѣста опять начинаетъ причитать слѣдующій причетъ:

2201.

Ты пріятной, желанной батюшко!
Ты какоже выбралъ мнѣ чуже-чуженина?
Онъ ломливый-то, да и чемливый-то,
Не беретъ-то онъ пива пьянова,
Отъ меня-то, души дѣвицы!
До поры-то онъ до времени
Надо мной-то накуражится.
Видно мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Приподняться на рѣзвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

Невѣста встаетъ на ноги, кланяется, подноситъ жениху стаканъ пива, который онъ и беретъ изъ ея рукъ, а она причитаетъ:

2202.

Ты позволь-ко узнать, добрый молодецъ,
Какъ назвать-то тебя по имени-изочеству?
Чтобы знать съ кѣмъ стояти во Божьей церкви,
Съ кѣмъ я стану подъ златой вѣнецъ.

Женихъ называетъ свое имя и отчество, и оба, поклонившись другъ-другу, садятся. По окончаніи стола, дружка встаетъ первымъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

2203.

Встану, я добрый молодецъ,
Со лавочки со дубовыя,

От прибоинки отъ кленовыя,
Изъ-за столика крашенаго,
Изъ-за скатерки самобраныя,
Изъ-за яства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,
Изъ-за снибня сдоблёнаго.
Будемъ хозяина благодарить,
Да новореченнаго князя,
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватьюшка,
Подъ златъ вѣнецъ благословить —
Свое чадо милыё.

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ за хлѣбъ за соль и угощеніе. Дружка, выводя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть-ли у нашихъ новонареченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка, божатушко (крестный и божатенька? (крестная)— извольте выходить и свое чадо милоё благословить подъ златъ вѣнецъ.

Отецъ и мать, крестный отецъ и крестная мать подходятъ и благословляютъ жениха и невѣсту, которые цѣлуютъ иконы родителей и кланяются въ ноги. Выходя изъ-за стола невѣста причитаетъ и проливаетъ слезы... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народъ разстается съ милыми и дорогими сердцу. Вотъ одинъ изъ причетовъ невѣсты:

2204.

Ужъ какъ знать-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ сидѣть не отсидѣтися,
Горючимъ-то слезамъ не отплакаться.
Мнѣ вставать-то на рѣзвы ноженьки,
Выходить-то изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за питья яства сахарнаго,
Изъ-за снадобья-то матушки....
Раздвигайтеся, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерки самобраныя!
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца̀,
Чтобы жить-то мнѣ не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-то благословеньецо
Мнѣ дороже злата сѐребра,
Кромѣ солнышка мнѣ краснаго:
Я, вѣдь, съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,
На чужой дальней сторонушкѣ.—
Въ чемъ сгрубила—не прогнѣвайтесь!
Я была глупа, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстатися.

Послѣ благословенія родителей, крестнаго и крестной, начинается прощаніе сосѣдей и сосѣдокъ съ невѣстой. При прощаніи невѣста не причитаетъ, а что называется «реветъ толстымъ голосомъ и *ойкаетъ*». Дружка идетъ и приговариваетъ, потопывая ногой:

2205.

Пошелъ дружка—
Веселая ножка
Изъ дому угощенъ
И хозяиномъ улещенъ.
Накупилъ дружка
И куницъ, и лисицъ,
И красныхъ дѣвицъ.
Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
Къ церкви катйтъ.
Земля дрожитъ...
Шапки долой!
Ѣдетъ князь молодой
Со княжюшкой.

Дружка первый садится въ сани, и впереди всѣхъ ѣдетъ къ церкви; съ нимъ садится рядомъ и полудружье, за дружкой ѣдетъ женихъ съ «братнимъ мѣстомъ»—братомъ, потомъ невѣста съ свахой, а за ними ѣдутъ родные поѣзжане по старшинству и родству. Невѣсту везутъ на парѣ и тройкѣ,—провожаютъ ее дѣвицы отъ дому за овины родной деревни. Невѣста причитаетъ. [1])

2206.

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Въ чемъ сгрубила—не прогнѣвайтесь!
Вы пойдете, мои милыя,
На работушку на лѣтнюю,
На гулянья на веселыя,

[1]) Причитаній въ свадьбѣ у невѣсть очень много, почти въ каждой мѣстности свои причитанья, или новые варіанты. Здѣсь же написаны только тѣ, которыя были мной напечатаны въ 1868 г. въ статьѣ «Крестьянская свадьба». С. Д.

На бесѣдушку на зимнюю,—
Вспомяните меня, милыя,
Вы, весной, въ лугахъ зеленыхъ,
Когда будете плести вѣнки
Для меня, для красной дѣвицы.
Голубой вѣнокъ не надобенъ:
Я плела его въ послѣдній разъ
И бросила въ рѣчку быструю, —
Унесло вѣнокъ въ чужу сторону,
Ко синю морю Хвалынскому.

Дѣвушки сидятъ у невѣсты на саняхъ или тарантасѣ и поютъ слѣдующую пѣсню.

2207.

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыихъ.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь нáчала кричати имъ:
«Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ, лебедушка,
Залетѣла—не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною,
Съ люта сѣвера снѣжистаго.
Отъѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подругъ, Авдотьюшка,
Въ чужу-дальную сторонушку,
Въ чужу-дальню незнакомую,
Ко чужему чуже-чужанину, —
Не своей она охотою:
Поневолилъ ее батюшко,
Повезли её добры кони,
Что добры кони стоялые
Удалова добра молодца,
Нашей Дунюшки разлучника.

Кончивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ невѣстой-подругой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за отъѣзжающимъ поѣздомъ къ церкви, а если въ селѣ, то идутъ въ церковь, въ которой смотрятъ на вѣнчаніе подруги.

Въ продолженіе всего просватанья, невѣста сидитъ за столомъ, покрытая платкомъ, и лица постороннимъ людямъ не показываетъ, на работы домашнія не ходитъ. Въ церковь она ѣдетъ также закрытая платкомъ, и только тогда ей открываютъ лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налоя. Послѣ вѣнчанія, всѣ слезы и причитанья кончаются [1]). Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха, отецъ и мать котораго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя: отецъ иконою, а мать хлѣбомъ-солью и иконою, а затѣмъ новобрачныхъ благословляютъ крестный и крестная жениха, а потомъ ихъ вводятъ въ особую избу или горницу, гдѣ ихъ наскоро кормятъ, а поѣзжанъ—родныхъ усаживаютъ за столы. Новобрачныхъ усаживаютъ на шубу — шерстью къ верху, среди стола, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется до увалу; одни новобрачные недолжны ни пить и ни ѣсть, а сидятъ за столомъ плотно, рука съ рукой, нога съ ногой, чтобы кошка не пробѣжала. По окончаніи стола, гости бьютъ тарелки и рюмки, а затѣмъ молодыхъ отводятъ спать въ особую горницу или холодную избу, у порога которой бьютъ горшки и прочія. Новобрачныхъ въ спальню провожаетъ сваха, дѣлая разныя наставленія и приговорки непечатныя въ родѣ: «на первую ночку, парнека и дѣвóчку». Когда новобрачные остаются одни,—молодая должна разуть мужа, у котораго въ сапогѣ положены деньги. Эти деньги новобрачная, беретъ себѣ, благодаритъ мужа, а затѣмъ онъ укладывается на постель, а молодая, раздѣвшись, вскакиваетъ чрезъ мужа къ стѣнѣ на постелю и ложится. Новобрачныхъ укладываютъ въ холодную спальню для того, чтобы дѣти у нихъ были здоровыми и небоялись холода, а молодая скачетъ чрезъ мужа на брачную постель для того, чтобы дѣтей родить легко и благополучно. Деньги мужъ кладетъ въ сапогъ, чтобы они водились у жены во всю жизнь.

V.

Княжій столъ.

Княжій столъ приготовляется у новобрачнаго на второй день послѣ свадьбы. Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера родные—поѣзжане идутъ, «поднимать молодыхъ»; но въ спальню, будитъ молодыхъ, входитъ одна только сваха. Прочіе же родные стоятъ на повѣти или у дверей горницы, бьютъ горшки, крынки, тарелки и проч., и, при выходѣ новобрачныхъ ихъ поздравляютъ и стучатъ, разбивая посуду. Новобрачные входятъ, послѣ умыванія и наряженія въ избу и ихъ садятъ за столъ «княжій», а за новобрачными усаживаются и прочіе родные, а затѣмъ начи-

[1]) Народъ вѣритъ, что надо поплакать невѣстѣ за столомъ. «Не поплачешь за столомъ,—наплачешься за столбомъ». С. Д.

нается угощеніе—завтракъ. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ снаряжаютъ въ путь къ тестю и тещѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ. Новобрачные уѣзжаютъ одни. У тестя ихъ угощаютъ чаемъ и закусками, приглашая вмѣстѣ съ ними и всю родню на княжій столъ. Новобрачные, пригласивъ тестя и тещу съ новой родней на княжій столъ, возвращаются домой, а за нимъ тотчасъ же пріѣзжаютъ и званые гости. Всѣ, какъ пріѣхавшіе, такъ и ночевавшіе тутъ гости усаживаются за столы и начинается княжій столъ. Новобрачные усаживаются по срединѣ стола, а новая родня садятся около новобрачныхъ, занимая первое мѣсто къ переднему углу. Отецъ и мать новобрачной должны сидѣть въ переднемъ углу, если нѣтъ на свадьбѣ священника съ матушкой, но когда они тутъ присутствуютъ, то они и занимаютъ первое мѣсто, которое и называется: «попово мѣсто», или «для поповъ и дураковъ». Отецъ и мать новобрачнаго не сидятъ за столомъ, а ходятъ у столовъ и кланяются, угощая гостей, а прочія родныя новобрачнаго подаютъ на столы кушанья и напитки. При каждомъ кушаньѣ поданномъ на столъ, отецъ и мать новобрачныхъ, а также и подающіе говорятъ: «покушайте, гости хорошіе, дорогіе!» За княжимъ столомъ новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ, а только, если имъ подносятъ вино и пиво, то «пригубливаютъ», т. е. обмачиваютъ только губы. Новобрачныхъ, какъ предъ первымъ столомъ послѣ брака, такъ и передъ княжимъ, чтобы не возбудить у нихъ аппетита, кормятъ отдѣльно въ другой избѣ, что и называется «покормить молодыхъ на особинку». Подгулявшіе поѣзжане, за княжимъ столомъ, очень часто обращаются къ новобрачнымъ и говорятъ: «Горько, очень горько!» называя новобрачныхъ по имени и отчеству, проситъ: «Нельзя-ли подсластить?» Новобрачные должны встать, поклониться, поцѣловаться «крестъ—на крестъ», сказать: «покушайте, теперь сладко!» Гость допиваетъ изъ стакана или рюмки и говоритъ: «Вотъ теперь очення сладко», а потомъ подходитъ къ новобрачнымъ и цѣлуетъ ихъ. Такимъ образомъ за княжимъ столомъ, только и слышится «горько!» а потому поцѣлуямъ и нѣтъ конца. Гости-супруги недовольствуясь «подслащиваньемъ» новобрачныхъ, обращаются съ словомъ «горько», мужъ къ женѣ, а жена къ мужу и тоже «подслащиваютъ»—цѣлуются. Затѣмъ при окончаніи стола, когда подадутъ жаркое, то каждый изъ гостей, встаетъ изъ за стола и съ кусочкомъ почки на вилкѣ, идетъ къ новобрачнымъ, цѣлуется, а затѣмъ подходитъ къ своей женѣ или сватьѣ, съ которыми тоже цѣлуется. Этотъ, довольно продолжительный процессъ цѣлованія приходится весьма по сердцу подгулявшимъ гостямъ. На обязанности дружки лежитъ: солить, рѣзать кушанье и разрѣзать помелче почку и начинать церемонію съ «почкой» и «горько». На княжій столъ посмотрѣть приходитъ очень много посторонняго народа. Въ иныхъ мѣстностяхъ и у небогатыхъ домохозяевъ, когда бываетъ одинъ столъ послѣ брака, то княжева стола не бываетъ, но всѣ церемоніи и обычаи происходятъ за первымъ столомъ послѣ брака, какъ и за княжимъ. По окончаніи столованія, подгулявшіе гости поютъ и пляшутъ до полуночи. Нѣкоторые изъ гостей ночью уѣзжаютъ по домамъ, а нѣкоторые остаются и ночуютъ у новобрачныхъ.

VI.

Третій день.

Изъ поѣзжанъ и новой родни на третій день остаются очень немногіе. Третій день имѣетъ видъ праздника семейнаго. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки, и смотрятъ: умѣетъ-ли она приниматься за стряпню; но преимущественно ее заставляютъ стряпать и выпекать блины, которые она и подаетъ отъ печки на столъ, кланяясь, и проситъ покушать ея печенія. Послѣ обѣда, къ вечеру, къ новобрачнымъ собираются посидѣть дѣвицы, молодыя женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни, заводятъ разныя игры и пляшутъ. При этомъ собраніи—вечерѣ новобрачная знакомится съ сосѣдями и потчуетъ ихъ: блинами, пирогами, пряниками и орѣхами.

VII.

Отводины.

Такъ называемыя «отводины», бываютъ чрезъ недѣлю или болѣе, а иногда и менѣе послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодухи и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Въ назначенный день для отводинъ, тесть ѣдетъ звать къ себѣ зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя,—тогда приглашаютъ къ себѣ по старшинству и прочіе родные—новобрачной. На отводинахъ, такимъ образомъ молодые ходятъ изъ дома въ домъ родныхъ, у каждаго угощаются: закусками, чаемъ и водкой.

Съ окончаніемъ отводинъ, свадьбу считаютъ оконченой.

Что за названіе: «отводины», почему такое названіе и установился обычай?—не извѣстно; но онъ широко распространенъ въ нашемъ краю.

Такъ была обычная свадьба крестьянская въ нашемъ краю 40—50 лѣтъ назадъ; но въ послѣднее время, вся типичность крестьянской свадьбы измѣнилась. Рѣдко увидѣть можно тѣ обрядности, которыя существовали въ былое время. Мы, современники,—свидѣтели и дѣйствующія лица описанной свадьбы, и теперь при вечерѣ жизни, съ восторгомъ вспоминаемъ то прошлое, въ которомъ было столько радости и задушевности. Не даромъ народъ говоритъ: «бракъ великое дѣло». «Жениться, перемѣниться».

VIII.

Свадебныя суевѣрія.

Когда сватья (сватунья) придетъ сватать невѣсту, въ ея домъ, то во время разговора не должна садится. Она будетъ говорить много и долго, хвалить жениха и договариваться обо всемъ; но все стоя на ногахъ. Даже и тогда, когда устанутъ ноги, то должна не садится, а стоять па колѣнкахъ. Если же сватья сядетъ, не будетъ пути! Опытная сватья такое правило очень помнитъ, сколько ее не уговариваютъ, чтобы садилась—не сядетъ, даже предлагаютъ чай пить или поѣсть — не будетъ. Садится не должно потому: что или дѣло не сладится, или если и сладится, то у новобрачныхъ дѣти будутъ «сѣдуны», т. е. не будутъ долго ходить, а если будетъ пить, то дѣти будутъ охотники до питья»; а если будетъ ѣсть, то дѣти будутъ много ѣсть (многоѣшки).

Сговоренку—невѣсту закрываютъ платкомъ для того, чтобы не сглазили, а потому она до вѣнца и не должна показывать лица. Тѣмъ болѣе, должна она скрывать свой «обликъ»—лицо, во время свадьбы бываетъ много народу, какъ изъ своего селенія, такъ и изъ другихъ, а извѣстно, что у иныхъ людей бываетъ дурной глазъ — сглазятъ, а тѣмъ болѣе, что народъ вѣритъ въ знахарей, которые только однимъ взглядомъ въ лицо и могутъ напустить на человѣка разныя болѣзни, какъ-то: сухотку, чахотку, нытье сердца, порчу, плаксивость и проч.

Когда невѣсту и жениха собираютъ—снаряжаютъ къ вѣнцу—вѣнчаться въ церьковь, насыпаютъ имъ въ обувь: хлѣбныхъ зеренъ и денегъ: первые для того, чтобы не нуждались въ хлѣбѣ, а вторыя, чтобы онѣ водились,—первые имѣли хорошій урожай на поляхъ, а вторыя легко добывались.

Невѣстѣ и жениху, ѣдущимъ въ церковь вѣнчаться, втыкаютъ въ платье, въ рубашку, въ воротъ и подолъ, безухія иглы, безголовыя булавки; на тѣло навертываютъ обрывки мережокъ. Все это дѣлается для того, чтобы новобрачныхъ во время свадьбы не испортили. Никакому знахарю невозможно испортить человѣка у котораго есть безухія и безголовыя иглы и булавки, а тѣмъ болѣе, если у него на тѣлѣ находится перелина, на которой безчисленное множество узелковъ.

Новобрачныхъ, за столомъ передъ вѣнцомъ и до вѣнца садятъ на шубу, вывороченную вверхъ шерстью, чтобы ихъ не испортили, да жили богато и водился у нихъ въ изобиліи скотъ.

Во время столованья, какъ за первымъ столомъ, такъ и за княжимъ, новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога-на ногу— для того чтобы между ними не пробѣжала черная кошка. Для этой же цѣли они должны сидѣть поплотнѣе между собой. Если же пробѣжитъ между ними кошка, то молодые будутъ жить не согласно, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, то они должны взяться за скобу и сказать: «Пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а останутся на тебѣ, желѣзной скобѣ». Народъ вѣритъ, что желѣзо принимаетъ—притягиваетъ къ себѣ всякую болѣзнь, какъ отъ человѣка, такъ и съ «вѣтра», а въ особенности ржавое желѣзо, которое многіе носятъ на крестѣ—особливо, во время повальныхъ болѣзней. У дверей многихъ домовъ, у пороговъ вбиваются въ половницы скобы и подковы, для того, чтобы болѣзни повальныя невходили въ домъ, а оставались на скобѣ или подковѣ у дверей порога.

Когда на брачущихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: «вѣнчается рабъ Божій такой-то», то послѣдній долженъ креститься и говорить тихонько:—«Я, рабъ Божій (имя рекъ), вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются.» Народъ вѣритъ, если у брачущихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣнчаютъ, тогда ихъ никогда не вылѣчить.

Во время вѣнчанія, когда подъ ноги подстилается ширинка—полотно или платокъ, то, который на нее впередъ ступитъ ногой, тотъ изъ новобрачныхъ и будетъ большимъ—большакомъ въ жизни.

Во время вѣнчанія замѣчаютъ, что, у котораго изъ брачущихся, вѣнчальная свѣча скорѣе сгоритъ, тому прежде и умереть.

Во время вѣнчанія, ни жениху, ни невѣстѣ не слѣдуетъ смотрѣть другъ на друга, а если же будутъ, а въ особенности посмотрятъ въ глаза, то не возлюбятъ другъ-друга, или который нибудь измѣнитъ въ супружеской жизни.

Если брачущіеся оба или одинъ изъ нихъ невинными вѣнчаются (не познали блуда), тогда (говорятъ) вѣнцы у обоихъ или у одного изъ нихъ сіяютъ отъ свѣта-огня.

Когда отъ вѣнца молодую вводятъ въ домъ къ свекру, то онъ и свекровь встрѣчаютъ новобрачныхъ у калитки, первый изъ нихъ суетъ молодой въ руку скляницу съ виномъ или съ пивомъ, а послѣдняя кладетъ потихоньку въ пазуху новобрачной пирогъ и подъ ноги кидаетъ хмѣлю. Пирогъ новобрачные должны съѣсть пополамъ предъ свадебнымъ столомъ, на «особинкѣ», вино или пиво тоже выпить пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили всю жизнь сыто, въ любви и согласіи, а хмѣль разсыпается подъ ноги, чтобы жили вѣкъ весело и въ согласіи.

Когда молодая входитъ въ избу, то ступая ногой за порогъ должна сказать: «я, изъ меньшихъ—большуха,—буду мама, стряпуха».

Когда пріѣхавшихъ отъ вѣнца новобрачныхъ будутъ благословлять, тогда новобрачная послѣ благословленія, кланяясь отцу съ матерью въ ноги, говоритъ потихоньку: «Я-то пришла, меня-то привели не овечку, а волчиху».

Когда новобрачная начинаетъ на «особинкѣ» пить и ѣсть съ новобрачнымъ, то говоритъ тихонько: «пить-бы, да ѣсть до сыта, а дѣтей рожать до любви—легко».

Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, оставляется навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ въ приданое въ новый домъ, потому, чтобы жить замужемъ не плакаться. [1])

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

---

[1]) Какъ причитанія, такъ общія положенія и обычаи свадебныя взяты мной изъ «крестьянской свадьбы», напечатанной въ 1868 г. въ V вып. «Тр. Яр. Ст. Ком.»; но съ нѣкоторыми дополненіями и выпусками. С. Д.

XV. Владимірской губерніи.

Юрьевскаго у., с. Шельбово.

О времени свадебъ надобно замѣтить, что онѣ бываютъ большею частію въ мясоѣдъ отъ святокъ до масляницы, также около Ѳоминой недѣли—пока еще нѣтъ полевыхъ работъ, и осенью—послѣ работъ.

Въ первый разъ, разумѣется, отъ жениха засылается къ отцу невѣсты сваха; недостатка въ этихъ особахъ нигдѣ нѣтъ. Она опоясывается веревкой въ ту силу, что этой веревкой она должна опутать дѣло и связать свата. Сладивши дѣло, сваха сводитъ обоихъ сватовъ: они тутъ же молятся Богу и ударяютъ по рукамъ. Послѣ этого бываетъ у жениха два «пропоя»—малый и большой: на маломъ пропоѣ бываютъ одни родственники невѣсты, а на большомъ родные и невѣсты и жениха. На пропояхъ бываютъ обѣды или ужины, гдѣ вино подносится стаканами предъ каждымъ блюдомъ; особенно же усерденъ хозяинъ бываетъ къ тѣмъ, которые тутъ пропиваютъ невѣсту.

На канунѣ свадьбы, по обыкновенію у невѣсты бываетъ *дѣвишникъ*, на который сходятся ея подруги; отсюда начинаются вопли и причитанья. Невѣста къ каждой входящей дѣвицѣ причитаетъ:

2208.

Подруженька моя, голубушка!
Поди-тко, моя родимая,
Не во гнѣвъ ли тебя покажется,
Что я, горькая, тебя не встрѣтила
Среди-то двора широкаго,
Супротивъ-то мосту мощенаго, —
У избы двери не отворила?
Ужь и рада бы тебя встрѣтила;
Нейдутъ мои ноги рѣзвыя;
Нейдутъ онѣ, подгибаются;
Бѣлы рученьки опускаются;
Буйна головушка съ плечъ скатилася

По самыя могучи плеча.
Встрѣчаю я тебя, горькая,
Супротивъ полу широкаго.

Во время дѣвишника невѣста сидитъ съ дѣвицами за занавѣсомъ. Женихъ пріѣзжаетъ съ сватомъ и привозитъ огромную «куличку» съ гривенникомъ на ней, валенки и чулки. Вошедши въ избу, онъ такъ выкликаетъ невѣсту: «Марья Петровна! повыдь сюда, повыступи; мало-то прими, большаго-то подожди». Невѣста выходитъ и беретъ гостинцы. Женихъ садится впереди: тутъ его угощаютъ и дарятъ; также и свата съ нимъ. Даритъ мать невѣсты и, надобно замѣтить, съ особенной церемоніей: подарокъ кладется на блюдо, на подарокъ пшеничная горбушка; тотъ, кого дарятъ, обязанъ перекреститься, и взявъ горбушку, поцѣловать её, потомъ принять подарокъ, утереться имъ и поцѣловать сваху, которая даритъ. Когда женихъ выходитъ изъ избы, сватъ говоритъ невѣстѣ: «Марья Петровна, проводи насъ». Она провожаетъ ихъ на дворъ, прощается и цѣлуется съ женихомъ. Потомъ, войдя въ избу, начинаетъ вопить:

2209.

Невѣстки мои голубушки!

(или родимыя тетушки, кто есть въ семьѣ)

Подымайте столы дубовые,
Стелите скатерти браныя!
Сажайте вы моихъ-то подружичекъ
У родимаго-то у батюшки,
У радельницы у матушки,
У родимыхъ-то у дядюшекъ,
У радельницъ-то у тетушекъ,
У родимыхъ-то у брателковъ,
И невѣстокъ моихъ голубушекъ
Въ останешны и во первые.

(къ подругамъ):

Подружки мои голубушки!
Вы поѣште-ко, покушайте,
Моего горя не слушайте,
У родимаго-то у батюшки
У радельницы-то у матушки....

(и такъ далѣе).

Послѣ обѣда, когда подруги пойдутъ вонъ, невѣста завопитъ къ нимъ:

2210.

Вы подруженьки мои, голубушки,
Вы послушайте, что я вамъ стану говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ вы пойдете во луга гулять,
Ужь вы станете твѣтки срывать,—
Сорвите-ко вы и мой твѣтокъ,
Совейте-ко вы и мнѣ вѣнокъ;
Передайте вы родимой матушкѣ,
Положите на косящето окошечко.

Проводивъ подругъ, она начинаетъ вопить къ родителямъ:

2211.

Ты, родимый мой батюшко,
Ты, радельница матушка!
Не по вашему ли повелѣньицу
Приходилъ ко мнѣ чужой чуженецъ,
Чужой чуженецъ — добрый молодецъ?
Подкосилъ онъ меня подъ рѣзвы ноги,
Ужь онъ снялъ съ меня буйну голову
Какъ по самыя могучіе плеча.

Послѣ дѣвишника бываетъ ужинъ, на который сходятся всѣ родные невѣсты. И она къ каждому гостю причитаетъ тоже самое, что причитала къ входящимъ подругамъ, т. е. проситъ у нихъ извиненія, что она ихъ «не встрѣтила среди двора широкаго». Потомъ точно также проситъ ихъ «поѣсть да покушать», какъ просила и подругъ своихъ.

Если нѣтъ отца и матери, то она, во время ужина, такъ обращается къ брату:

2212.

Родимый мой брателко,
Александрушка Петровичъ!
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить и приказывать:
Ужъ ты выдь-ко на широкую на улицу,
Ужъ и стань-ко у притворной у вереюшки,
Погляди-тко на всѣ четыре сторонушки,
Ужъ какъ больше всего на восходъ солнца. [1])
Нейдетъ-ли родимый мой батюшко,
Не несетъ-ли онъ во бѣлыхъ рукахъ,
Не несетъ-ли чуда-образа,

---

[1]) На востокъ отъ села отведено кладбище.

Благословеньица великаго?
Благословилъ бы онъ меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужёму роду-племени,
Ко чужёму отцу-матери.

Если у невѣсты братъ въ солдатахъ, то она тогда воинтъ:

2213.

Поглядите, мои родимые
По всей избѣ, по всей горницѣ!
Ужъ какъ всѣ гости сошлись, съѣхались;
Ужъ какъ нѣтъ у насъ у горькихъ,
Ужъ какъ нѣту-ка дорога гостя,
Родимаго-то брателка!
Ивана-то Петровича.
Родимый мой брателко,
Отставь-ко ты ружье свѣтлое,
Покинь-ко ты службу царскую;
Прилети-ко ты, братецъ-батюшко,
Хоть и яснымъ соколомъ,
Хоть и бѣлинькимъ голубчикомъ.

Если братъ въ солдатахъ, и вмѣстѣ она сирота, то она прибавляетъ:

На мою то свадьбу горькую,
На горькую на горемышную,
Безъ родимаго-то безъ батюшки,
Безъ радельницы-то безъ матушки.

На другой день — день свадьбы, невѣста вставъ съ постели, завопитъ:

2214.

Родимый мой батюшко,
Родимая моя матушка,
Спалась-ли вамъ темная ночь?
Ужъ какъ мнѣ горькой не спалося,
Не спалося, много видѣлось,
Будто я хожу по крутымъ горамъ,
Будто я беру черны ягоды.

Мать отвѣчаетъ ей:

2215.

Мило мое дитятко!
Круты горы—твое горе,
Черны ягоды—горючи слезы.

Потомъ невѣста, когда уже начнетъ ей расплетать косу сестра или другая въ домѣ дѣвочка, завопитъ къ матери:

2216.

Родимая моя матушка!
Куда то мнѣ свою красоту дѣвать?
Во луга пустить,—загуляется,
Во лѣса пустить—заплутается.
Пущу-то я свою красоту
По всей избѣ, по всей горницѣ:
«Ужъ дойди-ка ты, моя красота,
До родимыя-то до сестрицы,
До Ѳедосьи-то до Петровны.
Носи-тко ты мою красоту,
Носи-тко ты, не жалѣючи,
Съ буйной головушки не спускаючи,
Изъ русы косы не вывязываючи.

Каждая невѣста передъ вѣнцомъ отпѣваетъ молебенъ; въ церковь отправляется на лошади, а уже никакъ не пѣшкомъ; передъ отъѣздомъ проситъ у родителей благословенія:

2217.

Родимый мой батюшко,
Радельница моя матушка!
Не прошу-то я у васъ горькая
Ни злата я у васъ, ни серебра:
Прошу-то я у васъ, горькая,
Благословеньица великаго:
Благословите вы меня, горькую,
Во матушку во Божью церкву.

Если невѣста не имѣетъ родителей, то она послѣ молебна, прямо изъ церкви уѣзжаетъ съ *большимъ* въ домѣ на могилу отца и матери. Какъ скоро выйдетъ изъ церкви,—начинаетъ вопить, пока ѣдетъ на кладбище:

2218.

Не пчела летитъ, не въ устахъ несетъ,
Не въ устахъ несетъ меду сладкаго....

Пріѣхавъ же на кладбище:

Вы востаньте, вѣтры буйные,
Разбушуйте вы мать сыру землю,

Расколите вы гробову доску,
Распахните вы тонки саваны,
Разложите вы руки бѣлыя!
Ты встань, мой родимый батюшко!
Ты встань, радельница матушка!
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому роду племени,
Къ чужому отцу матери.

Возвращаясь съ могилы, она проситъ своего отца крестнаго, (съ которымъ большею частію ѣздитъ невѣста), ѣхать тише, а сама продолжаетъ:

2219.

Ужъ ты родимый мой дядюшко,
По крещеной вѣрѣ — крестный батюшко!
Ты послушай, что я тебѣ буду говорить,
И говорить и приказывать:
Поди-тко ты потихохоньку,
Ступай-ко ты полегохоньку;
Ступни-тко ты во мою ступень,
Дохни-тко ты моимъ сердцемъ.

Подъѣзжая ко двору, она завопитъ встрѣчающему ее брату:

2220.

Ты родимый мой, брателко!
Не мети-тко ты широкій дворъ;
Не разбирай-ко ты свѣтлой горницы.
Не явилися къ намъ дороги гости,
Ни родимый нашъ батюшка,
Ни радельница наша матушка.

Вошедши въ избу, она, обращаясь къ старшимъ въ домѣ,—къ дядѣ и теткѣ, вопитъ:

2221.

Ты, родимый мой дядюшка,
И радельница моя тетушка!
Ужъ какъ ходила-то я, горькая,
Въ церкву Богу помолитися,—
Поглядѣла-то я, горькая,
На своихъ-то на подружинекъ:
Ужъ какъ стоятъ они изряжены,
Изряжены онѣ, изукрашены,
Буйны головушки ихъ причесаны,
Русы косы приплетены,
Алыми лентами изувязаны.
А я-то стою, горькая,
Словно травынька подкошеная,
Черна земля подореная.

Тоже самое припѣваетъ и отцу съ матерью (если они есть) по пріѣздѣ отъ молебна.

Передъ вѣнцомъ съѣзжаются гости, и невѣста причитаетъ имъ тоже самое, что она причитала, когда они сходились на дѣвишникѣ.

Передъ одѣваньемъ къ вѣнцу она спрашиваетъ свою невѣстку:

2222.

Невѣстка моя голубушка!
Скажи-тко, моя родимая:
Каково житье во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ, во незнамыихъ?

Невѣстка отвѣчаетъ ей:

2223.

Ужъ ты, милое наше дитятко,
Милое наше родимое!
Послушай ты, мое родимое,
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ какъ надо жить во чужихъ людяхъ
И умѣючи и разумѣючи, —
Буйной головушкой будь поклончива,
Ретивымъ сердцемъ будь покорчива.

Во время одѣванія невѣсты дружка, подпоясанный полотенцемъ [1]) привозитъ ей отъ жениха шубу и такъ выкликаетъ сваху — невѣстину крёстну: «Свахынька молодая, глубынька голубая, изволь-ка ты твѣтно платье примать, часты пуговки считать». Сваха возражаетъ дружкѣ: «Есть ли пуговицы-та? Есть ли чѣмъ застегнуться-то?» Дружка отвѣчаетъ: «У нашего свата пуговицъ было сорокъ. И то надо сказатъ: дорога-та дальна, она же шибальна; ѣхали мы валялись, всѣ пуговки посломались. Ужь на себѣ сдóбри!»

Отпустивъ дружку, крестна снаряжаетъ невѣсту въ шубу, имъ привезенную; накрываетъ

[1]) Въ продолженіе всей свадьбы дружки опоясываются полотенцами съ красными концами; это главное отличіе ихъ чина и званія.

ее красною шалью, чтобъ не видно было и лица. (Такъ накрытою она бываетъ до вѣнчанья, и послѣ вѣнчанья до того самаго времени, когда начнутъ крутить ее, т. е. убирать ей голову женскимъ уборомъ). Во время снаряжанья къ вѣнцу она причитаетъ къ крестнѣ:

2224.

Ужъ ты по роду мнѣ тетушка,
По крещеной вѣрѣ крестна матушка,
Надѣвай-ка ты на меня твѣтно платье!
Твѣтнымъ оно твѣтнехонько,
Къ ретиву сердцу холоднехонько.

Послѣ одѣванья начнутъ Богу молиться и благословлять невѣсту. Потомъ крестна поведетъ ее за столъ. Тутъ она завопитъ:

2225.

Коли-то я такова была,
По застольщу я ходила,
За столами я сидѣла
За столами за дубовыми,
За скатертями за бранными
За яствами за сахарными?

По правую сторону невѣстѣ на мѣстѣ жениха садится мальчикъ — братъ, или племянникъ, или кто другой. Онъ назначается для продажи невѣсты. Она обоймеѣтъ его и поетъ:

2226.

Милое ты мое дитятко!
Послушай, мое родимое,
Что я буду тебѣ говорить
И говорить и приказывать:
Ужъ какъ пріѣдетъ грозный дружка,
Ударитъ по столу по дубовому,
По дубовому плетью шелковою:
Сиди-тко ты, не убоючись,
Говори рѣчи, не утаючи;
Не проси-тко ты золотой гривны;
А проси-тко ты коня въ сѣдлѣ
Коня въ сѣдлѣ, въ золотой уздѣ,
Было бы на чемъ мнѣ доѣхати
До матушки до Божьей церкви.

Тутъ пріѣзжаетъ поѣздъ, состоящій изъ нѣскольких паръ лучшихъ лошадей, убранныхъ лентами и увѣнчанныхъ бубнами и въѣзжаютъ прямо на дворъ: на первой парѣ дружки, на второй священникъ съ женихомъ, потомъ сваха женихова, за нею тысяцкіе и т. д. Всѣ пріѣзжіе медлятъ входить въ избу, а отправляется напередъ дружка выкупать мѣсто для жениха. Входитъ онъ съ грознымъ челомъ, ударяетъ *ременницей* по столу и кричитъ мальчику: «Ступай вонъ!—не твое тутъ мѣсто; это мѣсто Ивана Петровича».—«Нейду вонъ», отвѣчаетъ мальчикъ, дай мнѣ за сестру золоту гривну, коня въ сѣдлѣ, въ золотой уѣздѣ»!

Дружка молча кинетъ ему грошъ или копѣйку; мальчикъ отталкиваетъ, приговаривая: «У насъ невѣста не черна, а бѣла.»

Послѣ этого дружка вынимаетъ пятакъ серебра и отдаетъ мальчику. Мальчикъ, поцѣловавъ сестру, уходитъ. Дружка отправляется на дворъ; за нимъ выходятъ и невѣстины дружки встрѣчать пріѣзжихъ, — а потомъ сваха. На дворѣ начинаютъ разносить гостямъ пиво или квасъ: дружка—дружкѣ, тысяцкій—тысяцкому, сваха—свахѣ. Послѣ входятъ въ избу: напередъ дружка съ образами, за нимъ священникъ съ женихомъ, далѣе свахи. Тогда невѣста встаетъ и вопитъ:

2227.

Не встала бы я, горькая,
Не встала бы я, горемычиная,
Супротивъ гостей пріѣзжиихъ.
Встаю-то я, горькая,
Супротивъ креста животворящаго
Супротивъ батюшки Духовнаго.

Женихъ садится по правую сторону невѣсты, а по лѣвую сваха женихова. Потомъ начнутъ дарить священника, жениха и другихъ пріѣзжихъ. Пока дарятъ, невѣста вопитъ:

2228.

Обсѣли меня, горькую,
Обсѣли меня, горемычную,
Не родимые-то братенки,
Не радѣльницы сестрицы,
По правую по сторонушку
Сидитъ не родимый брателко,
Сидитъ чужой чуженецъ
Чужой чуженецъ—добрый молодецъ.

Зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ,
Почему ты меня свѣдалъ?
Не въ лугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали,
Не вѣнки-то мы съ тобой свивали.
А по лѣвую-то сторонушку
Сидитъ не невѣстка голубушка,
Сидитъ тутъ сваха пріѣзжая.
Зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхала,
Почему ты меня свѣдала?
Не въ лугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали
Не вѣнки то мы съ тобой свивали.

Наконецъ подымаются изъ-за стола. Невѣста причитываетъ:

Не сине море всколыхалося,
Не бѣла лебедь подымалася.... и т. д.

Засвѣчается свѣча, поется «достойно есть», и дѣлается священникомъ отпускъ. Потомъ начнутъ благословлять невѣсту отецъ и мать, крестный и крестная. Разстилаютъ на полу кафтанъ, на который становятся и женихъ и невѣста; предъ ними становится благословляющій съ образомъ; они даютъ три земныхъ поклона образу, цѣлуютъ его; потомъ кланяются благословляющему въ ноги и поочередно обнимаютъ его и цѣлуютъ. Тутъ-то льются искреннія слезы и вырываются задушевныя рыданія какъ у благословляющихъ, такъ у благословляемыхъ! Невѣста оставляетъ домъ, въ которомъ она росла съ колыбели, къ которому она такъ привыкла; дочь оставляетъ родителей, которыхъ она такъ любила.

Во время благословенія она вопитъ:

2229.

Ужъ родимый ты мой батюшка,
Ты радельница матушка,
Не прошу-то я у васъ, горькая,
Ни злата я у васъ, ни серебра.
А прошу-то я у васъ, горькая,
Благословеньица великаго:
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу-матери.

Надобно замѣтить, что въ этотъ день съ самого утра въ домѣ невѣсты почти полна изба и дворъ зрителей: на полу, на лавкахъ, на печи и на полатяхъ другъ друга давятъ: бабы молодыя, дѣвицы и маленькія ребятишки.

Когда выводятъ невѣсту изъ избы, она причитаетъ зрителямъ:

2230.

Вы раздайтесь, разступитеся,
Пропустите вы меня, горькую,
Не помарайте вы на мнѣ твѣтно-платье.
Твѣтнымъ оно гвѣтнехонько,
Къ ретиву сердцу холоднехонько.

Поѣздъ отправляется къ вѣнцу точно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ пріѣзжалъ къ невѣстѣ: на первой парѣ дружка, на второй священникъ съ женихомъ, на третьей невѣста со свахами, за нею тысяцкіе; наконецъ въ заключеніе выѣзжаетъ лошадь съ коробьемъ,—съ приданымъ невѣсты и отправляется прямо въ домъ жениха.

Отецъ и мать невѣсты остаются дома.

Отправляя жениха и невѣсту подъ вѣнецъ, матушки и болѣзныя сватьюшки кладутъ имъ за пазухи пучечки рябины, «богородицынъ сонъ» (о немъ послѣ) и втыкаютъ имъ крестъ на крестъ иголки. Это будтобы предохраняетъ отъ колдовства и порчи.

Послѣ вѣнца отправляются въ домъ жениха уже пѣшкомъ: на переди священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ, за нимъ молодые въ вѣнцахъ. Въ продолженіе всего путешествія поются церковныя пѣсни.

Когда приведутъ новобрачныхъ въ домъ, отецъ и мать молодого, крестный и крестная, ихъ благословлять и сажаютъ за столъ. Зрителей полна изба и всѣ ждутъ пока имъ покажутъ молодую въ женскомъ головномъ уборѣ; до тѣхъ поръ она закрыта шалью.

За столомъ свахи должны окрутить ее, т. е. надѣть на голову женскій уборъ. На столѣ на блюдѣ лежитъ или *соро́ка* или повойникъ, покрытый платкомъ. Священникъ снимаетъ платокъ и благословляетъ уборъ. Свахи послѣ этого берутъ его, — снимаютъ съ невѣсты шаль, наперёдъ такъ, чтобъ никто не могъ видѣть молодой; за углы шали даютъ держать двумъ дѣвочкамъ, нарочно для этого поставленнымъ по сторонамъ невѣсты, и за этой шалью убираютъ ее. Затѣмъ ее опять накрываютъ шалью. Это производитъ ропотъ, между зрителями и они начинаютъ просить, чтобы имъ показали молодую. Тутъ отецъ молодого обязанъ передать сыну своему просьбу отъ лица всѣхъ: «Ну-ка, Иванъ

Петровичъ, заголи молодую-то!» и молодой поднимаетъ шаль, цалуетъ молодую; она кланяется на всѣ стороны, опять цѣлуются. И зрители, вполнѣ удовлетворенные, хлынутъ вонъ, давя другъ друга.

Послѣ этого выводятъ молодыхъ на́ середу (на средину)—кормить: за столъ съ ними садятся и всѣ тѣ, которые говѣли. Это бываетъ всегда почти уже къ вечеру; а потому, послѣ ихъ закуски, отправляютъ молодыхъ въ клѣть для отдыха. Туда ихъ сопровождаетъ священникъ со крестомъ. Между тѣмъ на брачную постель давно уже залегли дружки, у которыхъ молодые обязаны выкупать ее. Это сопровождается разными прибаутками и остротами; дружекъ дарятъ, пóютъ водкою, и даютъ закусывать имъ кулички, принесенной невѣстѣ женихомъ. Надобно замѣтить, что этой закуской чрезвычайно всѣ дорожатъ; ее одѣляютъ не всѣмъ и то по маленькому кусочку.

Наконецъ дружки, довольно поломавшись, оставляютъ постель. Молодая обязана раздѣвать молодого. Когда она скидаетъ съ него сапоги, то находитъ въ нихъ деньги—копѣекъ двадцать или пятнадцать. Эти деньги она оставляетъ у себя, такъ какъ молодой нарочно ихъ приготовилъ для своей подруги.

Между тѣмъ въ избѣ продолжается пиръ горой; гости ждутъ еще ужина. Уже за полночь, а ужина нѣтъ: еще не встали новобрачные. Наконецъ послѣ небольшого отдыха молодыхъ, ихъ подымаютъ съ постели, приводятъ въ избу и сажаютъ за столъ.

Передъ ужиномъ невѣстина сваха дарить всѣхъ жениховыхъ гостей; подарки опять накрываются горбушкой и сопровождаются тѣми же церемоніями, о которыхъ сказано выше. Послѣ подарковъ начнется *здравствованье*; оно заключается въ слѣдующемъ:

Передъ молодой четой ставится ведро пива; молодой наливаетъ его въ стаканы, а молодая подноситъ гостямъ, которые получили подарки. Принимающій стаканъ обязанъ поздравить ихъ съ честнымъ и законнымъ бракомъ, обязанъ заставить молодыхъ полдюжины или болѣе разъ поцѣловаться; потомъ выпивъ, положить въ стаканъ денегъ по усердію; наконецъ обязанъ поцѣловать молодого и молодую. При этомъ бываютъ довольно смѣшныя сцены, особенно если стаканъ пива достается шутливому, подвеселенному водкой, гостю. Принимая стаканъ онъ начинаетъ цѣлый монологъ съ жестами и прибаутками:

— «Хозяинъ, что у те пиво-то не молодитъ? и хохолка то нѣтъ?»

Тогда молодые обязаны его сдѣлать молодистымъ и цѣлуются. Пьющій прихлебываетъ.

Стаканы для питья пива рѣдко употребляются стеклянные, а почти вездѣ деревянные, называемые *ставцами*; и морщится, давая знать, что оно невкусно. Молодые цѣлуются; онъ опять его хлебаетъ.

— «Эхъ, робя, какъ горько! инда въ лобъ ударила». Молодые подслащиваютъ—цѣлуются. Онъ опять попьетъ, посмотритъ въ стаканъ къ свѣту.

— «Э, э, на вотъ! что это? гущи-то, гущи-то... Мать моя! да это въ горло пройдетъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, это не дѣло: ты лихо мыслишь. Пить не хочу».

Молодые опять цѣлуются. Наконецъ пьющій увидѣвъ дно, говоритъ:

«Эхъ, кормилицы, вы мои! Взглянь-ка-те, что на днѣ-то. Поглянь-ка-те, тараканища-то какой,—съ вершокъ, мужика сшибетъ! Знать съ потолка, што-ли ботнулся» и т. д.

Молодые опять цѣлуются; и рады радехоньки, что наконецъ отдѣлались отъ такого гостя. Но не тутъ-то было: еще онъ ихъ начнетъ перецѣловывать разъ по двадцати и все съ ужимками да прибаутками.

Вотъ вамъ и здраствованье.—Послѣ него начинается ужинъ. На этотъ ужинъ разноситъ кушанья дружка; и онъ, подавая блюда, обязанъ говорить: «Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, сердце съ покоромъ; гости дорогіе, извольте порушить, да покушать!»

На этомъ ужинѣ въ иномъ домѣ послѣднимъ кушаньемъ подаютъ *сальникъ*, называемый *разгоннымъ*. Дружка невѣстинъ отъ досады, что кончается пиръ, послѣ котораго должны всѣ разойтись по домамъ, засучивъ рукавъ, ударяетъ по сальнику; брызги отъ него летятъ въ разныя стороны,—онъ *разгоняетъ* гостей. Послѣ ужина невѣстины родные начинаютъ прощаться и расходиться. Отца и матери невѣсты тутъ не бываетъ: они въ продолженіе всей свадьбы остаются дома. Молодая завопитъ къ братьямъ:

2231.

Родимые вы мои, брателки!
Скажите вы родному моему батюшку
И радельницѣ моей матушкѣ:
Не ждали бы они меня, горькую,
Со гульбы-то со веселья,
Ждали бы они меня, горькую,
Дорогой гостьей съ дорогимъ гостемъ.

На другой день дружка отправляется звать родственниковъ молодой: а сама она съ бабами пойдетъ въ домъ къ отцу за гостьями. Отца и

матери опять не приглашают. Опохмѣлившись какъ слѣдуетъ, гости другъ друга мараютъ сажей; новобрачная носитъ воду для умыванья. Нѣкоторые изъ гостей затѣваютъ ряженье.

Когда гости и въ этотъ день разойдутся, отецъ новобрачной зоветъ уже къ себѣ *на ручки* своего молодого зятя и дочь и родныхъ жениховыхъ; здѣсь родители въ первый разъ видятъ свою дочь уже не дѣвицу. Это послѣднее угощеніе.

Изъ архива И. Р. Географ. Общества.

Свадебные причеты дружки.

Той же губ. и уѣзда, дер. Снегириха.

У жениха.

2232.

«Здра́вствуйте господа́!
Я пришэлъ къ вамъ сюда́, —
Я буду дружеть
А вы будете слу́шеть.»

Они и пододвинутся.

«Шабры́ и шабрёнушкиэ,
Приближэнные сосѣдушки,
Благословляйте нашего новобрашнова князя
Къ злату́ вѣнцу ѣхать,
Подъ златы́мъ вѣнцо́мъ стоять,
Богу помоли́тца,
У Звиженья милости попросить!»
«Вы старые старики!
Долблёны ваши кадыки́,
Ви́нные гло́ты,
Мірскіе моты,
Долгіе усы́,
Табашные носы́!
Зачѣмъ вы сюды пришли?
Чего вы здѣсь не видали?
Не ваше дѣло по свадьбамъ ходить,
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А ва́ше дѣло лыки муочить,
Рогатины точи́ть,
К'шели́ плести́,
Въ миеръ брести,
Мякинки просить,
Какъ бы лéхче было носить.»
«А вы старые старухи,
Толсты́е пя́ты,
Косые заплаты,
Шелабо́нницы,
Киселъные разбойницы!
(Вы) зачѣмъ (сюды) пришли?
Чего вы не здѣсь видали?
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А ваше дѣло—съ снохой разбраниtца,
И на робёнка сердитца!»

(Эти два стиха, равно и многіе ниже разсказчикъ передѣлалъ, чтобы сказать «почестнѣе».

На мужиковъ:

«Вы усачи́, до́брои молодцы́,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
Чего вы здѣсь не видали и т. д.
. . . .
А ваше дѣло въ Москву ходить,
Московскихъ бабъ любить,
Въ полпивно́й посидѣть,
Пѣсенокъ попѣть,
А какія пѣсенки? —
— «Не бѣлы снѣжки́....» —
А какъ домой итти,
По́лку загнулъ:
«Подайте батюшки!»

Къ бабамъ:

«Вы тётушки-моло́душки,
Высо́ки ваши голо́вушки,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
А ваше дѣло съ свекровью разбраниtца,
Да на робёнка сердитца.

Вы ма́лые ребя́та,
Вши́вые пуза́тые!
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
А ваше дѣло на лыжи покататца,
Да на кула́чки подратца!

Вы маненькіе дѣвчёнки,
Подилетены ваши жэпёнки!
Не ваше дѣло и т. д.
(Это я скажу почестнѣе).
. . . .
А ваше дѣло на лодкѣ покататца,
Да въ снѣгу повалятца.

Пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты.

«Здравствуйте господа́!»

Они будутъ отвѣтъ имѣть.

— «Здра́вствуй господи́нъ!» —

Я пріѣхалъ къ вамъ сюда,
Какъ живёте?»

Они отвѣчаютъ:

«Слава Богу! Сватушка.»
Какъ вы живёте? —
— А мы живёмъ, славу Богу!
У насъ живы быки и коро́вы,
Лежатъ на соломкѣ,
Хвуосты́ на сторонкѣ,
Хвуостами вертятъ,
А намъ дру́жкамъ говорить велятъ.
Ну давай выпьемъ!

Они скажутъ:

Сватушка, просимъ покорно въ гости!
Вотъ идетъ дру́жка
Хлопоту́шка
На коротенькихъ ножкахъ,
Въ сафьянныхъ сапуошкахъ,
По новы́мъ сѣ́пичкамъ,
По частымъ ступеничкамъ.

Входитъ въ избу.

«Посторони́тесь народъ! 2
Вамъ мо́лоды моло́душки,
Не ухватить бы за жубпку?—
А вамъ красныя дѣвушки,
Не сказать бы словечка.
Ша́гъ дру́жка черезъ порогъ!
Съ потолка всю сажу сволокъ.

Взошёлъ въ домъ.

Идётъ дружка по сосновымъ доскамъ
Ко святымъ образамъ

Богу мо́литца, свату кланяетца:

«Здраствуй сватушка!
Вотъ нашъ сватъ и сваха—
Приказали вамъ кланятца,
Не велѣли надъ вами чванятца.

Садятся за столъ.

Далѣе не записано. Записалъ П. К. Симони, въ августѣ 1886 г.

Той же губерніи, Судогодскаго уѣзда. [1])

Случай далъ намъ возможность изучить бытъ крестьянина въ Судоготскомъ уѣздѣ и на первый разъ предложить одно изъ нашихъ наблюденій, именно описаніе тамошней свадьбы-событія наиболѣе выдающагося въ жизни крестьянина и стоящаго, по своему значенію, какъ бы особнякомъ отъ прочей вседневной его жизни. Здѣсь крестьянинъ, отстраняя всѣ другія обстоятельства, съигрываетъ свадьбу по мѣрѣ силъ и возможности, забываетъ постороннюю робость и горесть и старается какъ можно вѣрнѣе соблюсти искони заведенный обрядъ. Можно смѣло сказать, что нигдѣ такъ строго, какъ въ свадьбѣ, не соблюдается обрядовая часть. Это-же самое заставляетъ и насъ отнести ее къ тѣмъ явленіямъ, которыя должны передаваться во всей ихъ чистотѣ, безъ малѣйшаго нарушенія или искаженія ихъ вида чрезъ произвольное толкованіе и измѣненіе. Пусть каждый самъ угадываетъ по немъ духъ и свойства народныя. Замѣтимъ только, что жители Судоготскаго уѣзда, какъ нѣкоторыя смежныхъ съ нимъ рѣзко отличаются отъ жителей другихъ уѣздовъ той-же губерніи: это сторона глухая мало населенная, лишенная большого движенія и большихъ сообщеній, а слѣдовательно и посторонняго прилива; крестьяне твердо держатся старины, усидчивы, занимаются или земледѣліемъ или самыми грубыми промыслами, какъ напримѣръ, пилкою дровъ, сидѣніемъ смолы и т. п., и замѣчательны по своей первобытной простотѣ. Это такъ называемая лѣсная сторона, въ сравненіе съ которою никакъ нельзя ставить другую сторону — полевую или просто называемую полями, гдѣ совершилось много историческихъ событій древней Руси и гдѣ замѣтно гораздо болѣе жизни, движенія и развитія. Но какъ эта послѣдняя ни превосходитъ первую, однако и первая намъ кажется любопытною и достойною вниманія потому самому, что она глуха, что въ ней сохранилось болѣе старинной народной простоты открывающей болѣе доступа къ изученію первоначальныхъ свойствъ нашего народа.

Современемъ надѣемся представить и другія наши наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ упомянутаго уѣзда, какъ напримѣръ, отложеніе семейныхъ отношеній и права владѣнія земельною собственностію, понятіе крестьянъ о домашней собственности, о заработкахъ, о старшинствѣ; деревенское устройство и взаимныя отношенія односельныхъ крестьянъ и т. п. также

[1]) Эта статья написана почтеннымъ ученымъ авторомъ въ началѣ 50 годовъ. Ш.

туземные обряды, обычаи, преданія, повѣрья, пѣсни и т. д., слѣды историческихъ воспоминаній, сохранившіеся не только въ памяти народной, но и связанные съ извѣстною мѣстностью.

Нарѣчіе, которымъ говорятъ Субогодцы, какъ и вся Владимірская губернія есть вообще Новгородское, но и оно имѣетъ здѣсь нѣкоторыя особенности и оттѣнки звуковые. Но приступаемъ къ нашему описанію.

Сватовство.

Обыкновенно или большею частію крестьянинъ съ восемнадцати лѣтъ начинаетъ тянуть полъ тягла и тянетъ до двадцати одного года; тутъ накидываютъ на него полное тягло, не смотря на то женатъ ли онъ или нѣтъ. Но такъ какъ тянуть полное тягло не женатому чрезвычайно трудно, то парни и спѣшатъ жениться, пока еще сидятъ на полтяглѣ. Исключенія бываютъ иногда для очередныхъ, которыхъ помѣщики не женятъ, чтобы съ ними не потерять крестьянки, дѣлающейся по мужу солдаткою. Получивъ дозволеніе отъ помѣщика, или волостного управленія, отецъ жениха совѣтуется съ женою, сыномъ и шабрами, т. е. ближайшими сосѣдями о выборѣ невѣсты. Когда невѣста найдена по мысли, тогда родители начинаютъ сватовство.

Въ большихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ на столько большихъ, чтобы крестьяне не всѣ были переплетены между собою родственными связями, при которыхъ дальнѣйшіе браки не позволительны, сватовство идетъ прежде всего у своихъ, а потомъ, когда невѣсты нѣтъ — на сторонѣ. Но такъ какъ за невѣсту, взятую со стороны, обыкновенно даютъ выкупъ, иногда довольно значительный, то и цѣль помѣщика, чтобы крестьянскій домъ не ослабилъ себя переводомъ въ чужое имѣніе и выгоды самаго крестьянина не вносить выкупа за одновотчинную невѣсту, заставляютъ усиливать сватовство у себя дома, въ вотчинѣ. Дѣло обыкновенно улаживается, когда отецъ жениха положитъ больше денегъ на столъ. Что это означаетъ — увидимъ ниже. Разумѣется у государственныхъ крестьянъ подобныхъ препятствій не встрѣчается, по ихъ многочисленности. Иногда случается, что дѣвка, любимая черезъ-чуръ родителями и избалованная ими, предпочитая дѣвичью нѣгу работѣ, прикидывается больною недугомъ и, поблажаемая отцомъ съ матерью, отказывается отъ замужества, и потому парень на полномъ тяглѣ принужденъ оставаться не женатымъ. Тогда принимаются сильнѣйшія мѣры къ успѣшному сватовству. Вѣроятно гуманисты ухватятся за эти слова и возопіютъ противъ насильственныхъ браковъ. Но мы отвѣчаемъ имъ: гуманисты не живали по деревнямъ, которыхъ у нихъ большею частію и нѣтъ, а если и живали, въ лѣтнее время для разсѣянія столичнаго сплина, то какъ джентельмены не погружались въ самую среду крестьянскаго быта, не приглядывались съ любовью, безъ предубѣжденія, ко всѣмъ его особенностямъ, условливаемымъ какъ народнымъ характеромъ, такъ и степенью народнаго образованія, не удостоивали его вниманія, какъ истинные Русскіе, либо смотрѣли на него съ теоретическимъ или идеальнымъ взглядомъ заимствованнымъ у чужихъ! Это выродки столичной жизни, безъ практическаго взгляда на сельскій бытъ, съ тѣснымъ, какъ столичный валъ круговоротъ, напитанные при отсутствіи положительности, разными идеями запада, или вовсе не сбыточными утопіями, не допускающіе постепеннаго самобытнаго развитія и требующіе вдругъ различныхъ непримѣнимыхъ и не современныхъ мѣръ, которыя должны привести не къ устройству, а разстройству. Вотъ кого разумѣемъ мы подъ гуманистами, которые, къ несчастію и къ бѣдѣ, расплодились не мало въ столицахъ Россіи, и голосъ которыхъ уже довольно громко начинаетъ раздаваться съ наглою самоувѣренностію. Истинно русскій человѣкъ сближается съ своимъ народомъ и лучше основательнѣе понимаетъ его настоящій бытъ, какъ и существенныя выгоды. Мы не говоримъ о будущемъ, отъ котораго съ пламеннымъ желаніемъ ждемъ успѣховъ при постоянномъ и правильномъ развитіи крестьянскаго быта, какъ съ нравственной, такъ и вещественной стороны съ помощію тѣхъ своевременныхъ мѣръ, которыя истекаютъ непосредственно изъ потребностей народной жизни. Мы говоримъ о настоящемъ и по поводу настоящаго утверждаемъ, что въ крестьянскихъ бракахъ совершавшихся принужденій уже нѣтъ, а если иногда и поручается родственникамъ или старостѣ уладить дѣло, то гдѣ же, въ какихъ сословіяхъ не существуетъ браковъ по разсчету? Понужденіе еще не есть принужденіе. Но и смыслъ понужденія ослабѣваетъ при слѣдующихъ соображеніяхъ. Препятствіе почти всегда встрѣчается со стороны невѣсты, но дѣйствительно больную никто и не станетъ понуждать къ замужеству по тому одному, чтобы не навязать лишняго бремени на мужа, которому въ его быту нужна здоровая работница. Во вторыхъ засидѣвшіяся дѣвки не всегда бываютъ безукоризненнаго поведенія, да при томъ еще русскій крестьянинъ смотритъ на любовь иначе, чѣмъ другія сословія: въ немъ,

судя по большинству, еще мало развито чувство чистой идеальной любви. Потому и самыя отношенія его къ женѣ не таковы, какъ въ образованныхъ сословіяхъ. Въ крестьянствѣ мало встрѣчается влюбленныхъ. Тамъ даже не существуетъ этого слова, но есть выраженія: полюбиться или понравиться и если какая нибудь дѣвка полюбилась парню и лицомъ и силою и здоровьемъ и смышленностью, то онъ на ней и женится. Жена становится домашнею работницею, повинуется мужу, любитъ его почти безмолвно и чувство въ мужѣ и женѣ не доходитъ до такихъ глубокихъ, страстныхъ ощущеній, которыя въ образованномъ обществѣ или составляютъ высочайшее семейное благо, или производятъ ужасныя катострофы. Въ крестьянскомъ быту не столько любовь, сколько кротость, покорность и усердная работа жены составляютъ семейное счастье. Впрочемъ мы объясняемъ это явленіе не отсутствіемъ способности къ развитію душевныхъ силъ, ибо видали примѣры и такой любви и высокаго христіанскаго самоотверженія, но историческою судьбою женщины, ибо то положеніе, въ которомъ находится русская крестьянка, ведется изстари и есть древнее, потому то и сохранилось еще въ простонародіи, между тѣмъ какъ въ обралованныхъ сословіяхъ развитіе женщины сдѣлало уже нѣсколько шаговъ впередъ и стремится стать въ уровень съ развитіемъ мущины. Въ русскомъ народѣ есть много покорности и эта покорность наиболѣе живетъ въ женщинѣ, сдерживая въ ней чувство и не давая ему переходить въ страсть, отъ которой не далеко и до необузданности. Сюда присоединяется и древнѣйшій взглядъ на права женщины, перешедшій въ народное преданіе, народный обычай и доселѣ сохранившійся въ русскомъ народномъ быту (очень легко можетъ быть, что чувство любви гибнетъ въ душѣ, дѣлаясь безплоднымъ и бездѣйственнымъ среди другихъ отношеній мужа и жены или по крайней мѣрѣ въ большей части народа оно не высказывается такъ сильно, чтобы всѣ другія обстоятельства могли подчиниться ему, а слѣдовательно и подчиненіе къ браку) не можетъ имѣть въ немъ такого значенія и такой силы, которыя ему стали придавать, не зная основательно русскаго крестьянина. Если строго употреблять крестьянскія выраженія, то мы скажемъ, что крестьянинъ выбираетъ себѣ невѣсту не по «сердцу», а по «мысли», это самое выраженіе измѣняетъ нѣсколько смыслъ понужденія, когда онъ является необходимымъ и полезнымъ. Сживется-слюбится, говоритъ пословица и крестьяне никогда не ссорятся между собою и не попрекаютъ другъ друга изъ за того, что женились не по любви. Иногда бываетъ и такая уловка — невѣста отказывается только потому, что ждетъ понужденія или приказанія, тогда какъ внутренно она согласна выдти за сватающагося парня. Это дѣлается про всякій случай, чтобы обезпечить за собою большую свободу, потомъ и свалить всю вину на родственниковъ или начальство, хотя въ нестоящее время она и не имѣетъ никакого дурнаго намѣренія. Наконецъ въ третьихъ если согласиться, что въ крестьянстѣ чувство стоитъ ниже расчета, какъ это обыкновенно бываетъ, то при равенствѣ состоянія понужденіе или принужденіе можетъ случиться весьма рѣдко и притомъ оно не такъ чувствительно, если состояніе сватаемыхъ болѣе или менѣе равно. А извѣстно, что въ вотчинѣ или волости самое значительное число крестьянъ имѣетъ почти равное состояніе, въ сравненіи съ коими богачи и бѣдняки составляютъ лишь малую долю. Вотъ съ этой стороны свобода брака почти всегда что женихъ и невѣста находятъ себѣ ровню и не находятъ причины отказываться отъ брака. Вообще, повторяемъ, гуманисты, схватясь за слово принужденіе или понужденіе и начавъ кричать противъ угнетенія личной свободы, весьма много если только не вовсе ризочаруются, когда пристальнѣе и глубже вглядятся въ крестьянскій бытъ и постараются понять его особенности, которыя дѣйствительно кажутся непонятными, или вовсе неизвѣстны имъ, потому что для точнаго и вѣрнаго узнанія ихъ требуются совершенно иныя отношенія къ своему народу, чѣмъ въ какихъ стоятъ наши доморощенные гуманисты. Все происходитъ отъ того, что мы еще плохо знаемъ свой народъ, чуть ли не плоше, чѣмъ чужіе народы. Уважая въ другихъ народность, мы, не зная своей, не признаемъ ея и требуемъ лишь подражанія чужимъ, забывая что много нашъ народъ, всегда отличавшійся самостоятельною жизнью, сильный своими собственными силами и твердо держащій свою народность, долженъ и развиваться самобытно, постепенно, по началамъ, истекающимъ изъ его собственной природы и всей его минувшей жизни, туземныя мѣры должны быть только поощрительныя, способствующія, проводящія, своевременныя, но не насильственныя, незаимствованныя, не разрушающія и не ранния. Самостоятельно развивающійся народъ всегда съумѣетъ своимъ путемъ дойти до человѣческаго и помиритъ народное начало со всечеловѣческимъ. Тутъ только даютъ ему свободный ходъ, но не торопятъ его въ шествіи. За то надобно помнить, что каждый шагъ народа впередъ несетъ за собою забвеніе чего нибудь су-

щественнаго въ народѣ и потому во всякую пору своего развитія народъ достоинъ изученія. Итакъ въ настоящее время въ упомянутомъ уѣздѣ сватовство идетъ слѣдующимъ порядкомъ. Замѣтимъ, что при этомъ какъ въ дѣйствіяхъ такъ и словахъ простой народъ любитъ соблюдать строжайшую формальность, выражая чрезъ то взаимное уваженіе. Когда невѣста найдена, тогда отецъ жениха засылаетъ сватовъ. Онъ идетъ къ ближайшему родственнику невѣсты и говоритъ, что родственницу его такую-то желалъ бы взять за своего сына, прося уладить сватовство: сходитъ къ отцу невѣсты и объяснитъ ему, что такой-то хотѣлъ бы женить своего сына на его дочери. Съ этого времени родственникъ невѣсты, согласившійся начать сватовство, получаетъ названіе свата. Онъ приходитъ къ невѣстину отцу и объясняетъ въ чемъ дѣло, говоря:

«Любезный братецъ (или сватъ, или кумъ, или какъ иначе) такой-то! Слышно есть у васъ товаръ, чтобы не залежаться ему, нашелся купецъ, человѣкъ Божій и такъ подумайте со своею сожительницею, чтобы не упустить его».

Отецъ, какъ бы не понимая рѣчей свата, спрашиваетъ: что же у насъ за товаръ такой и что за купецъ?

На это сватъ отвѣчаетъ:

«Далеко молодцу за звѣремъ гоняться, далёко дѣвицѣ по грибы ходить. Намъ съ тобой не пристойно околёсницу нести. У тебя есть невѣста, у меня женихъ».

— Такъ-то, такъ, да дочка наша еще молодёшенька: не постыло ей еще житье дѣвичье, съ отцомъ матерью. Жалко намъ растаться съ нею. Пусть еще дома поживетъ да понѣжится: бабій вѣкъ дологъ—помается.

«Ну какъ знаете. Я пришелъ къ вамъ не силкомъ отнять вашу дочь, а по чести, да по родству. Только вы знаете, что въ дѣвкахъ не вѣкъ же вѣковать. Она у васъ дѣвка пригожая, разумная: пристроилъ, такъ и дѣло въ шапкѣ.

Узнавши кто такой женихъ, отецъ невѣсты проситъ сроку, чтобы подумать и посовѣтоваться съ женою и дочерью. По истеченіи срока сватъ приходитъ вторично, и узнавъ, что родители согласны выдать свою дочь за его жениха, идетъ въ домъ къ послѣднему и объявляетъ о согласіи со стороны невѣсты.

Столъ.

Получивъ черезъ свата согласіе изъ дому невѣсты, отецъ жениховъ беретъ свата и идетъ съ нимъ къ невѣстину отцу дѣлать условіе о *столѣ*. Дать на столъ «значитъ положить на столъ во время пропоя извѣстное количество денегъ за выкупъ или выходъ невѣсты и за ея приданое. Дѣло происходитъ между одними отцами въ присутствіи свата. Отецъ невѣсты выражаетъ свое согласіе уступить дочь и спрашиваетъ сколько дадутъ *на столъ*. Отецъ жениха назначаетъ сумму отъ 25 до 50 руб. с. При этомъ большею частію отцы торгуются и наконецъ сладивъ, условливается о днѣ, въ который долженъ быть *запой* или *пропой*.

Пропой.

Родители и сватъ жениха приходятъ въ домъ къ невѣстѣ, здороваются и садятся за столъ. Къ пропою приглашаются родственники невѣсты, живущіе въ одной съ нею деревнѣ. Женихъ не ходитъ на пропой.

— «Любезный сватъ, что нами по милости Божьей вздумано, загадано—давайте начинать! говоритъ отецъ жениховъ. А невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ:

— «Богу помоляся, начинайте!»

Тутъ всѣ, находящіеся въ избѣ молятся Богу, и крестясь садятся по мѣстамъ: отцы впереди въ большомъ углу, а прочіе далѣе по лавкѣ. Отецъ жениховъ вынимаетъ выкупныя или столовыя деньги и кладетъ на столъ. Отецъ невѣстинъ беретъ ихъ, кладетъ на блюдо или въ чашу и ставитъ на полицу, гдѣ они и лежатъ до окончанія пропоя. Сосѣди, въ особенности дѣвки, званныя и незванныя, собираются въ избу смотрѣть пропой. Въ это время жениховъ отецъ развязываетъ кошель, который принесъ съ собою и вынувъ боченокъ или нѣсколько штофовъ съ виномъ, обращается къ невѣстину отцу:

— «Сватушка любезный, пожалуй-ка стаканчикъ!» Когда сватъ подалъ ему стаканъ, онъ наливаетъ вино и подноситъ свату, но этотъ отвѣчаетъ:

«Сватушка любезный! у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ».

Отецъ жениха начинаетъ пить, говоря:

Сватушка любезный, дай Богъ, чтобы начатое по милости Божіей, кончить благополучно въ честь и радость. Выпивъ, онъ наливаетъ снова вина и подноситъ невѣстину отцу, который принявъ стаканъ, выпиваетъ его съ тѣмъ же пожеланіемъ. Потомъ жениховъ отецъ посылаетъ вино всему семейству и, наконецъ, самой невѣстѣ, положивъ на этотъ разъ въ стаканъ нѣсколько серебряныхъ

монетъ. Невѣста, которая до тѣхъ поръ оставалась съ подружками въ заднемъ или въ темномъ углу, т. е. близъ печи, услыхавъ, что ее зовутъ по имени и по отчеству, подходитъ къ столу и беретъ стаканъ съ виномъ, потомъ снова уходитъ въ свой уголъ и, выливъ во что нибудь вино, оставляетъ деньги у себя, а стаканъ относитъ на столъ и, поклонившись, возвращается къ подружкамъ. Сватъ подчуетъ виномъ гостей, а невѣстинъ отецъ ставитъ на столъ закуски. Когда подносятся вино гостямъ, невѣста даритъ будущаго свекра, жениха и свата дарами или платками. Дары подаетъ не сама невѣста, но сваха, т. е. жена свата. Сперва подаетъ она отцу жениха, говоря:

— «Сватушка любезный, дары прими, на большомъ не взыщи, а блюдечко-то позолоти».

Отецъ принимаетъ даръ и отдариваетъ деньгами. Сваха во второй разъ подноситъ ему съ тѣми же словами, прося принять ихъ для жениха. Отецъ принимаетъ дары отъ имени сына и снова отдариваетъ. Потомъ сваха обращается къ мужу:

«Сватушка любезный дарики-то прими, на большомъ-то не взыщи, а блюдечко-то позолоти. Сватъ дѣлаетъ тоже, что отецъ жениха. Послѣ даровъ женихова мать выкладываетъ на блюдо *кокуры*, т. е. ржаныя лепешки, пряничные орѣхи, яблоки, яйца и т. п. и подзывая къ столу невѣсту, говоритъ ей:

«Сынокъ такой-то тебѣ кланяется; вотъ онъ прислалъ тебѣ хлѣбъ-соль и Божью милость, просилъ сказать тебѣ, чтобы ты не плакала, не тужила, а молилась бы Богу.»

Невѣста, взявши блюдо, уходитъ къ себѣ и, сложивши съ него кокуры и прочее, кладетъ на него дары и выноситъ къ будущей свекрови, прося передать отъ нея жениху. Вино все роспито, закуска съѣдена и пропой конченъ. Новые сваты въ веселомъ расположеніи духа обнимаются, цѣлуются и разсуждаютъ, когда играть свадьбу. Напослѣдокъ отецъ и мать жениха уходятъ домой, за ними гости и зрители. Въ избѣ остается невѣста съ своею семьею и подругами. Тогда она начинаетъ вопить надъ матерью:

2233.

«Родима-то моя матушка!
Что у васъ были за пиръ за бѣсѣдушка?
Что у васъ были за люди незнакомые,
Съ чужой дальней сторонушки?
Пропили вы мою буйную головушку —
Не за пивомъ, не за браженькой,
А за винною чарочкой.
Пили вы прохлаждалися,
Надъ моей горькой головушкой ломалися.
Я говорила вамъ матушка,
Я говорила вамъ приказывала:
«Не пейте вы зелена вина
Не берите вы золотой казны,—
Золотая казна обманчива,
Зелено вино пьянчиво.»

Точно также вопитъ она надъ отцомъ, братьями и сестрами. По окончаніи плача подружки выходятъ на улицу и поютъ:

2234.

«Дорогая ты наша гостинька,
Марья Ивановна! (имя невѣсты)
Гости ты въ гостяхъ у батюшки,
И у родимой-то своей матушки!»
— Я радешенько бы погостила;
Не моя-то стала волюшка,
Стала волюшка Иванова,
Что Ивана-то Михайлыча;
Что Иванъ-отъ думушку думаетъ,
Что Михайлычъ думушку крѣпкую:
Какъ на дворъ будетъ въѣхати,
Въѣхати со боярами, поѣзжанами.
Какъ въѣзжаетъ-же Иванушка
Что въѣзжаетъ къ Ивану Петровичу.
Услыхала-же Марьюшка,
Услыхала-же Ивановна,
Испугалась-же и заметалася,
Закричала-же она громкимъ голосомъ:
Что кормилецъ ты мой батюшка
И родимая моя матушка!
Не пущайте-ка вы разорителей,
Не пущайте вы погубителей,
Разорятъ-то мою головушку,
Погубятъ-то мою дѣвичью красотушку.»

Дѣвичникъ.

За день до свадьбы бываетъ дѣвичникъ. Передъ дѣвичникомъ невѣста ходитъ въ баню съ любимою подругою. Возвратясь домой, она ждетъ подружекъ и когда онѣ входятъ въ избу, она вопитъ:

2235.

Вы подите-ка, подруженьки,
Вы подите-ка, лебедушки!

Вы не гнѣвайтесь-ка, подруженьки,
Что я васъ-то не встрѣтила
Середи-то двора широкова,
Середи-то мосту калинова,
Тяжелыя двери то я не отворила,—
Не за лѣнью-то, не за гордостью
За своимъ-то горюшкомъ великiимъ;
Не взначай-то ко мнѣ горюшко прикатилося
Подкосило-то оно мнѣ рѣзвы ноженьки,
Опустило-то мнѣ бѣлы рученьки,
Головушка-то моя съ плечь свалилася
Со своего-то горюшка великаго.

2236.

Любезныя подруженьки,
Вы любезныя мои бѣлыя!
Что заранѣе въ гости не ходили,
Моего батюшку не журили,
Мою матушку не сговорили—
Какъ прогнѣвался на меня батюшка,
Что прогнѣвалась на меня матушка.
Ужъ я думушку думаю,
Всѣ-то думушки передумаю,
Какъ одна-то думушка съ ума нейдетъ,
Какъ съ ума-то нейдетъ, съ разума:
Что прогнѣвался на меня батюшка,
Что осердилась на меня матушка,
Отдаютъ-то меня, молодехоньку,
Молодёхоньку, зеленёхоньку.
Ужъ и не дали мнѣ на ноги поднятися,
Что съ умомъ съ разумомъ собратися,
Отдаютъ-то меня въ чужiе люди,
Въ чужiе-то люди и незнамые
Ко чужому-то отцу съ матерью.
Ужъ и надо-то жить во чужихъ людяхъ,
У чужова-то отца съ матерью.
Чужой-то отецъ—не батюшка,
Чужая-то мать—не матушка.

Потомъ невѣста проситъ любимую подружку заплести ей косу. Когда плетутъ, она плачетъ:

2237.

Родимый-то мой батюшка!
Родимая-то моя матушка!
Поглядите вы на дорогихъ гостей,
На лебёдушекъ подруженекъ:
Убраны онѣ всѣ уряжены,
Одна-то я горькая не убрана и не уряжена,
И моя-то головушка не причесана.
Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты чистый гребень,
Расчеши ты мою буйную головушку.
Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты шелковъ косникъ
Со лентами со алыми,
Заплети-тко ты русую косу,
Сплети-тко ты мелку на-мелку,
Завяжи-тко мнѣ крѣпкой узелъ,
Чтобъ коса во вѣкъ не разбилася.

2238.

Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Ужъ придетъ-то къ вамъ весна красная,
Расцвѣтутъ-то и всѣ цвѣтики,
Расцвѣтутъ и всѣ лазоревы,
Вы пойдёте во зелены луга.—
Вы сорвете-тко всѣ по цвѣтику,
Вы совьете-тко всѣ по вѣнчику,
Ужъ останется одинъ мой цвѣтикъ,
Ужъ не совьется-то одинъ мой вѣнчикъ.
Вы лебедушки мои подруженьки,
Вы лебёдушки мои бѣлыя!
Вы сорвите-тко и мой цвѣтокъ,
Вы совейте-тко и мой вѣнокъ.
Вы пойдете-тко по улицѣ,
Вы пойдете-тко по широкой,
Вы пойдете-тко мимо батюшки,
Мимо-то батюшки, мимо матушки,
Положите-тко вы мой вѣнокъ,
Положите-тко вы къ нимъ на окошечко:
Не ужаснется ли ихъ сердечушко,
Не ужаснется ли ихъ ретивое?....

По окончанiи плача невѣста даритъ подружекъ кокуркою и потомъ начинаетъ снова вопить:

2239.

«Красота-ль ты моя, красотушка,
Красота-ль ты моя дѣвичья!
Покрасуйся ты моя, красотушка,
Покрасуйся ты, моя дѣвичья,
У родимаго-то батюшки,
У родимой-то матушки!
Ужъ не долго-то мнѣ
Красоватися во дѣвичьей красотушкѣ,
Что не годъ то мнѣ, не недѣлюшку
Со своими-то пруженьками,
Со своими-то со лебёдушками.

Затѣмъ подружки идутъ домой, а невѣста ихъ провожаетъ плачемъ:

2240.

Побесѣдуйте-тко, вы подруженьки,
Побесѣдуйте-тко, вы лебедушки,
У мого-то родимаго батюшки,
У моей-то родимой матушки!
Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Не попомните-ко вы моей лихости,
Не попомните-ко вы моей грубости,
Не попомните-ко досадъ моихъ великихъ.

Простившись съ подружками, она возвращается въ избу, садится на лавку и продолжаетъ вопить:

2241.

Ужо родимый ты батюшка,
Ужо родима моя матушка!
Проводила-то я дорогихъ гостей,
Дорогихъ гостей-подруженекъ,
Проводила-то ихъ въ остаточки,
Ужъ во дѣвичьей красотушкѣ.
Ты родимый мой батюшка!
Не сидите-ко вы долго вечеромъ,
Не жгите-ко вы свѣчу воску ярова,
Не ждите-ко вы меня съ улицы,
Съ веселаго-то гуляньица,
Во дѣвичьей-то красотушкѣ,
Отъ лебедушекъ подруженекъ;
Ужъ и ждите вы меня
Изъ чужихъ людей незнамыихъ,
Ужъ меня со горюшкомъ со великіимъ.

Канунъ свадьбы.

Отецъ жениха обходитъ своихъ родныхъ и знакомыхъ съ приглашеніемъ на свадьбу.

«Прошу пожаловать къ новобрачному князю меду пить».

Вечеромъ наканунѣ свадьбы званные гости собираются къ жениху. Собравшись гости подносятъ жениху хлѣбъ-соль и деньги, говоря:

«Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль и Божья милость».

Садятся за столъ и хозяинъ каждому гостю подноситъ стаканъ браги, прося его быть какимъ-то поѣзжаномъ. Поѣзжане жениховы выбираются и распредѣляются такимъ образомъ: тысяцкій, которымъ выбирается крестный отецъ, или за отсутствіемъ его, ближайшій и почетнѣйшей родичь; дружки: первый дружка, второй дружка, третій дружка; бары: первый баринъ, которымъ выбирается сватъ, усватавшій невѣсту, т. е. родственникъ невѣсты; второй баринъ, третій баринъ. Если родство большое и гостей наѣхало много, то дружекъ и баръ назначается болѣе; сваха—крестная мать жениха; повозникъ—кучеръ свахи. Всѣ эти лица вообще называются поѣздомъ. По окончаніи выборовъ отецъ, а потомъ мать благословляютъ сына-жениха. Послѣ сего тысяцкій или крестный отецъ беретъ жениха за правую руку и садится съ нимъ на лавку. За ними садятся всѣ прочіе. Когда всѣ посядутъ, тысяцкій говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди! благословите посадить новобрачнаго князя на мѣсто».

Всѣ опять встаютъ, молятся Богу, тысяцкій ведетъ жениха за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Начинаютъ ужинать, а послѣ ложаться спать.

Въ тотъ-же вечеръ точно такимъ-же образомъ съѣзжаются гости къ невѣстѣ.

Увидавъ родныхъ, входящихъ въ избу, невѣста вопитъ:

2242.

Вы подите дорогіе гости!
Что за ранье не ходили,
Моего-то батюшку не журили?
Мою-то матушку не сговаривали?
Ужъ прогнѣвался на меня батюшка,
Ужъ прогнѣвалась на меня матушка,
Отдаютъ-то меня, горькую,
Во чужіе люди незнамые,
Ко чужому отцу-матери.

Изъ гостей выбираются, посаженый сватъ—крестный отецъ невѣсты, дружки для угощенья женихова поѣзда; поваръ, который долженъ ставить кушанье для поѣзжанъ; встрѣчальная сваха, вмѣстѣ съ дружками встрѣчающая поѣзжанъ; *бражникъ* или мѣшатель браги; привратникъ—кто отворяетъ ворота поѣзжанамъ; продавецъ—мальчикъ, преимущественно братъ или родственникъ невѣсты, назначающійся для продажи невѣсты.

Послѣ этихъ разборовъ отецъ, мать, отецъ крестный и мать крестная благословляютъ порознь

невѣсту. Посаженый сватъ беретъ невѣсту за правую руку и садится съ нею на лавку; за ними садятся и всѣ прочіе. Когда всѣ сѣли, посаженый сватъ говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди благословите меня новобрачную княгиню на мѣсто посадить». При этихъ словахъ всѣ встаютъ и молятся Богу. Посаженый сватъ ведетъ невѣсту за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Вскорѣ за тѣмъ начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ расходятся по домамъ.

Утро свадьбы.

Хозяинъ и всѣ гости, вставши отъ сна, по обыкновенію, завтракаютъ, а тысяцкій съ княземъ ѣдутъ въ церковь служить молебенъ Спасителю и Божьей Матери. Для поѣзда обыкновенно готовятся самыя лучшія лошади и убираются въ лучшую сбрую, съ лентами и бубнами. Когда невѣста снаряжается, братъ обуваетъ ее, а она вопитъ:

2243.

Родной ты мой братецъ!
Почто ты меня обуваешь?
Почто ты меня снаряжаешь?
Обуваешь меня, снаряжаешь
Во чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу и матери.
«Родимый-то мой батюшка,
Родима-то моя матушка,
Ужъ и всѣ-то дорогіе гости!
Вамъ спалась ли ужъ и темная ночь?
Ужъ а мнѣ-то горькой
Не спалась-то мнѣ вся ночепька,
Что на зоренькѣ мнѣ-ка пріуснулось,
И не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Будто я гуляла во зеленыхъ лугахъ,
И расплелась-то моя руса коса,
Будто выплелся мой зеленъ косникъ,
Мой зеленъ косникъ ужъ со лентами
Потеряла то я свою дѣвичью крáсоту.

Потомъ посаженый сватъ ѣдетъ съ княгиней въ церковь служить обѣдню. По возвращеніи изъ церкви княгиня вопитъ на мосту:

2244.

Ужъ нахаживайтесь, мои ноженьки,
По подворьицу по широкому,
Ужъ по мосту по калинову.

А вошедши въ избу, она продолжаетъ:

Родимый мой батюшка,
Родима моя матушка!
И ѣхала я чистымъ полемъ,
Чистымъ-то полемъ и темнымъ лѣсомъ,
Не видала я свѣту Божьяго,
Во своихъ-то слезахъ во великіихъ.

Когда тысяцкій съ княземъ воротились домой изъ церкви, тогда всѣ поѣзжане собираются ѣхать по невѣсту: заложивъ лошадей и одѣвшись, они садятся предварительно за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди на первомъ мѣстѣ князь, по правую его руку тысяцкій, за нимъ—большой баринъ, потомъ второй баринъ, затѣмъ первый, второй и третій дружка и т. д. По лѣвую сторону князя садятся—сваха, а подлѣ свахи—повозникъ. Отецъ жениха подноситъ всѣмъ по стакану вина и ставитъ закуску. Какъ скоро вино поднесено всѣмъ, поѣзжане встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и выходятъ на дворъ. Здѣсь каждый становится у своей повозки. Первый дружка беретъ образъ, второй епанчу, и оба три раза обходятъ вокругъ поѣзжанъ и повозокъ, говоря: первый—«Христосъ воскресе», второй—«во истину воскресе!» Кончивъ троекратное обхожденіе, они вмѣстѣ со всѣми садятся въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ съ четверть версты до деревни, гдѣ живетъ невѣста, поѣздъ останавливается. Первые дружки въ одной повозкѣ ѣдутъ въ домъ невѣсты, тогда какъ всѣ прочіе остаются. Въѣхавъ на дворъ—дружки слѣзаютъ съ повозки, крестятся, кланяются съ сосѣдями, пришедшими изъ любопытства посмотрѣть свадьбу и ждутъ встрѣчныхъ. На встрѣчу имъ выходятъ изъ избы невѣстины дружки съ виномъ и брагою, здороваются, называя другъ друга сватами. Послѣ взаимныхъ привѣтствій они говорятъ первымъ:

«Сватушки любезные! зачѣмъ вы пріѣхали, просимъ покорно пожаловать къ намъ въ избу». Первый дружка одинъ входитъ въ избу, а прочіе остаются при возѣ. Идя по лѣстницѣ, онъ говоритъ:

2245.

По синимъ сѣничкамъ,
По частымъ ступенечкамъ
Идетъ дружка пожилой,
Самъ съ сѣдою бородой.

Какъ только переступитъ черезъ порогъ, онъ говоритъ:

Дружка переступилъ чрезъ порогъ,
Увидѣлъ черный потолокъ,—
На силу ноженьки переволокъ.

Продолжая идти отъ порога до переду, онъ говоритъ слѣдующее:

2246.

Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Блинныя пагубницы,
Сметанныя лакомицы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть,
Ваше дѣло въ клѣть залѣзть,
Сметану снимать, лепешки печи,
Подъ заборъ хоронить
Ребятъ кормить.
Молодыя молодицы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Веревочки вязать
Ко омету сходить,
Беремя соломы взять,
Постелю мягкую себѣ слать,
Съ хозяевыми крѣпко спать.
Старыя старухи!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Ребятъ кормить, снохъ смущать:
Чтобы онѣ чаще бранились.
Маленькія ребятки!
Вы съ полатей глядите,
Сопли не уроните,
Князю новобрачному
Головы не проломите!
Сопли подотрите,
По горохъ подите!

(Ср. выше стр. 669).

По окончаніи этихъ приговоровъ онъ входитъ въ избу. Войдя, онъ крестится и кланяется. Дружки невѣстины приносятъ ему скамейку. Но онъ ласково отговаривается и не садится, потому что это дѣлается смѣха ради. Если же дружка не зная или забывъ этотъ обычай, сядетъ, то на него всѣ со смѣхомъ кричатъ:

«Сажайте дружку на казенку», (т. е. полку придѣланную къ печкѣ). Первый дружка обращается къ невѣстину отцу:

«Сватушка любезный, пожалуйте мнѣ стаканчикъ!» Сватъ велитъ своимъ дружкамъ подать стаканъ браги. Получивъ его, первый жениховъ дружка подноситъ его первому невѣстину дружкѣ, приговаривая: «Друженька любезный! вашимъ-же добромъ и вамъ-же челомъ». Стаканчикъ прими да выкушай, а чему я не разумѣю, поучи меня.» Также и прочимъ дружкамъ обноситъ онъ по стакану браги, потомъ самому свату и отцу невѣсты, говоря:

«Сватушко любезный, пожалуйте сюда! Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стаканъ прими да выкушай». За симъ свахѣ или невѣстиной матери и наконецъ повару, котораго вызываетъ: «Любезный сватушка, поваръ, поварокъ, пожалуйте-ка сюда». Поваръ выходитъ впередъ, дружка подаетъ ему вино, приговаривая: «Вари кашу крутую, лапшу густую; отъ нашего свата насъ ѣдетъ 300 пѣшихъ, да 200 конныхъ, было бы что у тебя попить да поѣсть. Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стаканчикъ прими да выкушай». Поваръ, взявши стаканъ, отвѣчаетъ: «У нашего свата приготовлено всего много, сколько бы васъ не было всего не попьете и не поѣдите. Прошу покорно къ нашему свату». Напослѣдокъ дружка обращается и къ княгинѣ: «Княгиня новобрачная, пожалуйте сюды изъ-за добрыхъ людей, какъ солнышко, изъ-за темныхъ облаковъ». И самъ подходя къ княгинѣ продолжаетъ: «Нашъ князь стоитъ во чистомъ полѣ подъ бѣлымъ шатромъ, онъ не велитъ тебѣ ни тужить, ни плакать, велитъ Богу молиться. Вашимъ же добромъ и вамъ челомъ, стаканчикъ прими да выкушай»; княгиня, не принимая стакана, плачетъ передъ дружкой:

2247.

Ужъ ты друженька, большой баринъ!
Ужъ почемъ ты меня знаешь?
И по имени меня называешь,
По отчеству меня величаешь?
Въ зеленыхъ лугахъ я съ вами не гуливала,
Въ темныя-то лѣса съ вами не хаживала,
На работушкѣ съ вами не работывала,

Во бесѣдѣ съ вами не сиживала,
Хлѣба соли съ вами не кушивала,
На широкой-то улицѣ съ вами не гуливала.
Кормилецъ ты мой батюшка!
Кормилица ты моя матушка!
Вы велите ли мнѣ-ка съ мѣста встать?
И велите ли мнѣ-ка стаканъ принять?
Ужъ сердечушко мое не покорчиво,
Мои-то ноженки не подходчивы,
Ужъ головушка моя не поклончива,
Мои-то рученьки не пріимчивы.
Ужъ кормилецъ мой батюшка!
И кормилица моя матушка!
Ужъ сердечушко мое стало покорчиво,
Мои-то ноженьки стали подходчивы,
Моя головушка стала поклончива,
Мои-то рученьки стали пріимчивы.

Она беретъ стаканъ отъ дружки, но не коснувшись его, отдаетъ назадъ. Дружка самъ выпиваетъ его и садится на скамью, говоря: «Благословите меня сватъ, сваха и всѣ добрые люди за цвѣтнымъ платьемъ итти». И выходитъ изъ избы къ своей повозкѣ, изъ которой вынимаетъ шубу, сарафанъ, лапти, зеркало, мыло, бѣлилы и румяны. Остальные дружки берутъ съ собою уголья и показываютъ ихъ ради смѣха. Съ выше упомянутыми вещами, первый, второй и третій дружка идутъ въ избу, и раскладываютъ ихъ по лавкѣ говоря:

«Свахоньки любезныя! берите, что вамъ нужно». Свахи берутъ вещи, а дружки идутъ къ своимъ поѣзжанамъ, и соединившись съ ними, всѣмъ поѣздомъ отправляются къ невѣстѣ. Между тѣмъ невѣста плачетъ:

2248.

Родной ты мой братецъ!
Ты поди-тко на широкій дворъ,
Ты возьми-тко и востеръ топоръ,
И бѣги-тко ты во темны лѣса,
Ты сруби-тко бѣлую березыньку,
Завали-тко ты путь дороженьку,
Чтобъ нельзя-то было ни пройти, ни проѣхати
Моимъ-то разорителямъ, погубителямъ!
Разлучатъ-то меня, горькую,
Со батюшкой и со матушкой,
И со всѣмъ-то родомъ племенемъ.

Послѣ этаго отецъ и мать благословляютъ невѣсту, которая вопитъ:

2249.

Разшатнитесь вы добры люди,
Всѣ добрые-то люди и шабрёнушки,
На всѣ-то четыре сторонушки!
Ужъ дайте мнѣ путь дороженьку,
Какъ пройти-то мнѣ ко благословеньицу!

Послѣ благословенія она продолжаетъ вопить надъ отцомъ:

Ужъ кормилецъ ты мой батюшка!
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ ни злата-то ни серебра,
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ великаго благословеніица.

За отцомъ благословляетъ мать, надъ которою невѣста вопитъ:

Ужъ кормилица моя матушка......

(тоже что и прежде).

Отецъ крестный беретъ невѣсту за руку и подводитъ къ столу, на которомъ лежитъ хлѣбъ-соль, а невѣста, стоя плачетъ!

2250.

Ужъ кормилецъ-то крестный батюшка!
Ужъ берешь ты меня за рученьку,
Ужъ взялъ ты меня за правую,
Ужъ ужалъ ты ее крѣпко накрѣпко,
Ужъ повелъ ты меня по застолику,
По застолику по-за дубовому.
Ужъ по-за скатертямъ по за обранымъ,
По за хлѣбу, по за соли.
Ужъ родимый ты мой батюшка!
И родима ты моя матушка!
Ужъ шла то я по за столику,
Ужъ шла то я по за дубовому,
Потеряла я три ключика:
Ужъ первый-то ключикъ—воля батюшки,
А какъ другой-то ключикъ—нѣга матушки,
А третій-то ключикъ—дѣвичья красотушка.
Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не красуйся, моя буйна головушка,
Какъ во красныхъ во дѣвушкахъ.
Ужъ не долго-то тебѣ красоватися,
Ужъ не долго-то тебѣ радоватися,

У родимаго-то мойго батюшки,
У родимой-то моей матушки.
Ты родимая моя матушка!
Не во садъ ли вы меня сажаете,
Не во зелены то луга гулять пускаете?
Вы сажаете меня во неволюшку,
Вы сажаете во неволюшку во великую.

Невѣста садится на лавку и плачетъ:

2251.

Спасибо тебѣ-ко батюшка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
Что на крѣпкомъ-то подержаньицѣ.

За этими словами она встаетъ и кланяется надъ хлѣбомъ и солью:

Спасибо тебѣ-ко матушка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
И на крѣпкомъ на подержаньицѣ!

Опять кланяется и продолжаетъ такимъ же образомъ плакать надъ каждымъ членомъ семейства порознь. Подъ конецъ плачетъ надъ продавцомъ, который сидитъ подлѣ нея:

2252.

И родной ты мой братецъ,
Ужъ сидишь ты ни при городѣ, ни при лавочкѣ,
Не торгуешь ты ни шелкомъ, ни бумагой,
А торгуешь ты моей буйной головушкой,
Моей буйной головушкой, дѣвичьей красотушкой.

Отъ этаго плача она переходитъ къ другому:

2253.

Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не долго тебѣ красоватися
Во красныхъ-то во дѣвушкахъ
У родимаго моего батюшки,
У родимой-то моей матушки,
Ужъ не годъ-то тебѣ годоватися,
Ужъ не недѣлюшку-то тебѣ сидѣти,
Ужъ одинъ-то часикъ часовати.

Родимый батюшка, родимая матушка!
Куда-то мнѣ красоту пустить будетъ?
Во зеленые луга пустить—загуляется,
Во темные лѣса пустить—заплутается.
Поди-ка моя, красотушка, въ кутъ по лавочкѣ,
Въ кутъ по лавочкѣ, по алой ленточкѣ
По алой ленточкѣ, по красной по дѣвочкѣ.
Вы лебедушки мои подруженьки!
Возьмите вы мою дѣвичью красоту.
Любезныя мои подруженьки!
Не давайте вы моей красотушкѣ загулятися,
Загулятися, зашататися!....

При послѣднихъ словахъ она кланяется подружкамъ и весь жениховъ поѣздъ вдругъ въѣзжаетъ на дворъ. Невѣста перестаетъ плакать. Поѣзжане входятъ въ избу, крестятся и садятся за столъ. Подъ жениха и невѣсту, которые садятся рядомъ, подстилается на лавкѣ епанча. Прежде всего невѣсту покупаютъ. Старшій дружка, для примѣра, торгуется съ ея продавцомъ.

«Дай мнѣ рубль!» говоритъ продавецъ.

—«У меня нѣтъ рубля, возьми меньше», торгуется дружка.

— «Коли нѣтъ рубля, дай живаго воробья!»

За неимѣніемъ живаго воробья, дружка принужденъ дать денегъ продавцу и невѣста куплена. Начинается угощенье. Во время пира дѣвки и молодыя бабы поютъ пѣсни про поѣзжанъ. Сначала про князя:

2254.

Ходитъ-же Иванъ по двору, по двору,
У него лисья шубынька до̀ долу, до долу,
Лосиныя рукавицы до локтю, до локтю,
А писья шапка до верху, до верху,
А божья милость до вѣку, до вѣку,
А люди-то говорятъ: «Чей-то такой? чей-то такой?»
А Марьюшка говоритъ: «Мой господинъ, мой господинъ!
Нетроньте добры люди—нагуляется, нагуляется,
А онъ придетъ домой—не ломается, не ломается
Мягкой постели не спрашиваетъ, не спрашиваетъ,
Высоки зголовья не взыскиваетъ, не взыскиваетъ.»

Послѣ князя поютъ тысяцкому:

2255.

Тысячкій, тысячкій, большой человѣкъ, большой человѣкъ,
Любишь-ли ты, тысячкій, землю пахать, землю пахать?»

— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое.»
«Тысячскій, тысячскій, большой человѣкъ, большой человѣкъ!
Любишь-ли ты, тысячскій, сыновей женить, сыновей женить?»
— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое,
Сына-то я женю, сноху проведу, сноху проведу,
А дочь-то отдамъ изъ высокаго терема, изъ высокаго терема.»
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ;
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Тысяцкій даритъ деньгами пѣсельницъ, но если не доволенъ одною пѣснею, то отвѣчаетъ имъ:

«Спасибо на той, другую запой!»

Пѣсельницы поютъ:

2256.

Селезень по рѣченькѣ всплавываетъ, всплавываетъ
На спинушку крылушки вскладываетъ, вскладываетъ,
А Филиппъ-то Агафьюшку спрашиваетъ, спрашиваетъ:
«Скажи-ка Агафьюшка, кто въ роду милъ, кто въ роду милъ?»
А милъ, милешенекъ ты господинъ, ты господинъ.»
— «То-то-же, Агафьюшка, правда твоя, правда твоя,
То-то-же, Устиновна, истинная, истинная.
Слышишь-ли ты тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Если тысячскому мало и другой, то поютъ и третью:

2257.

Шелкова ниточка ко стѣнкѣ льнетъ, ко стѣнкѣ льнетъ,
А Филиппъ Агафьюшку ко сердцу жметъ, ко сердцу жметъ:
Душа моя, Агафьюшка Устиновна, Устиновна,
Родитъ мнѣ сына, что я у тебя, что я у тебя,
И ростомъ доростомъ, умомъ разумомъ, умомъ разумомъ.
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Если и по третьей пѣсни тысячскій не хочетъ отдарить пѣсельницъ, то онѣ поютъ иную пѣсню:

2258.

Ельникъ, березникъ, то мнѣ дрова, то мнѣ дрова,
У тебя, Филиппушка, то-ли не жена? то-ли не жена?
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Тѣже самыя пѣсни, только съ перемѣною именъ, поются каждому поѣзжанину и называются величаньемъ. Послѣ поѣзжанъ поютъ свахѣ:

2259.

Пріѣхала сваха дорогая, дорогая,
На ней шубонька голубая, голубая,
А фатынька шелковая, шелковая,
Сорочка золотая, золотая.
То-то сваханька убрана, убрана,
То-то сваханька снарядна, снарядна.
Слышишь-ли ты, сваханька пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, сваханька, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Когда сваха начинаетъ расплетать косу княгинѣ, тогда поютъ про княжну, слѣдующую пѣсню:

2260.

Вострубитъ-же трубонька по росѣ, по росѣ,
Восплачетъ Марьюшка по косѣ, по косѣ:
«Ахъ свѣтъ моя косынька, русая коса, русая коса!
Пріѣхала сваханька съ чужой стороны, съ чужой стороны,
Начала-же косыньку рвать порывать, рвать порывать;
Изъ косы-же жемчужный косникъ выплела, выплела.
Развила-же косыньку на двѣ косы, на двѣ косы,

Положила косыньки поверхъ головы, поверхъ головы,
Поверхъ головы, поверхъ маковки, поверхъ маковки:
А тебѣ, косынька, вѣкъ вѣковать, вѣкъ вѣковать,
А тебѣ, Марьюшка, въ дѣвкахъ не бывать, не бывать.

Когда кто изъ поѣзжанъ, или повозникъ холостъ, тогда ему поютъ:

2261.

Поетъ кочетъ въ предовиньѣ, въ предовиньѣ,
Подаетъ голосъ Иванушкѣ, Иванушкѣ:
«Иванушка не женись, не женись,
Платонычъ не женись, не женись,
Твоя-то невѣстушка спесивая, спесивая,
Пѣшечкомъ къ обѣднѣ не хаживала, не хаживала,
Все-бы она на лошадкѣ, на лошадкѣ,
Тройка лошадей сѣропѣги, сѣропѣги,
Извощички молоды, молоды.»
Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Когда величаемый не доволенъ одною пѣсней, тогда поютъ ему другую:

2262.

Иванушка въ поѣздъ убирался, убирался,
Платонычь снаряжался, снаряжался.
Его матушка собирала, собирала,
Сестрица соряжала, соряжала,
Гребешкомъ кудри чесала, чесала,
Жемчугомъ кудри увивала, увивала.
То-то-же Иванушка снаряденъ, снаряденъ,
То-то-же Платонычъ уборенъ, уборенъ.
Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

По окончаніи пированья, отецъ и мать невѣсты благословляютъ образомъ дочь и ея жениха, и когда всѣ поѣзжане выходятъ изъ избы, чтобы ѣхать въ церковь, тогда дѣвки поютъ про княгиню:

2263.

Раззлодѣй, злодѣй, ты Марьюшка,
Раззлодѣй, злодѣй, ты Ивановна!
Какъ ты клялася божилася;
«Право, дѣвушки, замужъ не пойду,
Право, красныя, не подумаю!
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купчика, ни за торговаго.»
Пошла-же ты, свѣтъ Марьюшка,
Пошла-же ты, свѣтъ Ивановна,
Пошла сама первая,
За простаго крестьянина.
А на что ты свѣтъ, понакинулась?
Али дому то богатаго?
Али свекора почетнаго?
Али свекровушки разрядливой?
Али молодца парня хорошаго?

Свадьба.

Пригласивъ невѣстиныхъ гостей къ жениху на пиръ, поѣзжане съ нареченными ѣдутъ въ церковь для вѣнчанія. Женихъ садится въ повозку вмѣстѣ съ тысяцкимъ, невѣста вмѣстѣ съ своею и жениховою свахами. Повѣнчавшись, ѣдутъ въ домъ къ молодому, куда собираются и всѣ гости съ той и другой стороны. Изъ церкви молодые уже ѣдутъ въ одной повозкѣ и съ ними садится женихова сваха; дружки дорогой поютъ разныя пѣсни. На встрѣчу молодымъ выходитъ на дворъ отецъ и мать молодой и нѣкоторые гости. Родители благословляютъ новобрачныхъ и когда послѣдніе падаютъ имъ въ ноги, тогда сваха обсыпаетъ голову молодыхъ хмѣлемъ. Какъ только молодые входятъ въ избу ихъ сажаютъ за столъ на первое мѣсто. Тутъ имъ и гостямъ подносятъ вино и предлагаютъ закуску. Немного погодя, съѣзжаются невѣстины гости. Молодые предъ тѣмъ уходятъ за перегородку или въ горницу и въ ожиданіи гостей переодѣваются въ присутствіи свахи. Когда всѣ гости съѣдутся, то начинаютъ просить отца съ матерью показать имъ молодыхъ. Тогда сваха приводитъ молодыхъ и начинается пированье до поздней ночи. Когда гостямъ подносятъ брагу, то каждый изъ нихъ заставляютъ молодыхъ по три разъ цѣловаться, приговаривая,—«горько». Брагу также подносятъ и молодымъ бабамъ. Взявъ стаканъ и передавъ его мужу, жена падаетъ въ ноги мужу и лежитъ до тѣхъ поръ, пока мужъ не выпьетъ. Впрочемъ это дѣлается единственно въ шутку. Во время пира дѣвки, молодыя бабы и парни поютъ пѣсни,

какія только умѣютъ. Пиръ обыкновенно бываетъ шуменъ и веселъ. Къ ночи тысяцкій и сваха отводятъ молодыхъ спать, а прочіе гости съ пѣснями разъѣзжаются по домамъ. Ближайшіе родственники остаются ночевать у жениха и на утро молодые дарятъ ихъ платками. Черезъ недѣлю у отца невѣстина бываетъ «отводный столъ», на который приглашаются и родители молодого. Здѣсь сваты встрѣчаются впервые послѣ того, какъ началось сватовство.

Сообщ. въ 1858 г. А. А. Майковымъ.

Той же губ., Покровскаго у.

На дѣвишникѣ.

2264.

Не въ золотѣ трубинька трубитъ по зарѣ,—
Милыя подруженьки тужатъ по косѣ:
Свѣтъ моя косынька, русая часта!
Вечоръ мою косыньку плели,
Алыя ленточки ввязывали.
Пріѣхала свахонька немилослива,
Разорвала косыньку на шесть прядей.

2265.

Мало цвѣтиковъ посѣяли,
Немножко уродилося,
Немного насъ, дѣвушекъ, водилося,
Немного насъ осталося.
Не было у насъ измѣньщицы,
А топеря проявилося,
А топеря проявилася,
Измѣньщица красна дѣвушка.
Что она клялась, божилася,—
Не хотѣла замужъ идти.
А теперь замужъ идетъ —
Не за князя, не за барина,—
За такого же крестьянина.

2266.

Не долго вѣночку на прутикѣ висѣть,
Не долго подруженьки въ дѣвкахъ сидѣть,
Не годъ, не недѣля,—послѣдній вечерокъ.
Бывало подруженька говаривала:
«Не ходи-ко, батюшко, по чеснымъ пирамъ,
Ты не пей, батюшко, зелено вино,
Не пропей ты, батюшко, молоду, меня!
Лучше пропей, батюшко, двадцать пять рублей.
Мы эти денежки годомъ наживемъ,
Тебѣ меня, батюшко,—по вѣкъ не нажить.
Пойду схожу съ горюшки въ зелень садъ гулять,
Сломлю, сломлю, дѣвушка, вербочки сучекъ,
Насажу я вербочку въ зеленомъ саду:
«Рости, рости, вербочка, аршинъ безъ вершка,
Живи, живи, батюшко, весь вѣкъ безъ меня.
Не шей, не шей, матушка, красный сарафанъ,
Не входи, родимая, попусту въ изъянъ.
Родимая матушка, некогда носить.

Когда поѣздъ собирается за невѣстой, дружельникъ говоритъ:

«Божій милостью, господа собралися мы сюда, не только пить да проклаждаться, а, съ Божьимъ благословеніемъ, время и за дѣло приниматься. Выбранъ дружка я, не самъ собой, а вашимъ общимъ мнѣніемъ, да хозяйскимъ распоряженіемъ. Выбранъ дружка я, покорнѣйшій вамъ слуга, покорнѣйшій служитель, по имени сочинитель. По имени я васъ назвать всѣхъ не знаю, а почтеніе вамъ всѣмъ дѣлать стану. Господа поѣзжане, одѣваться не ошибаться, большіе баре, меньшіе баре, полубаре, простые крестьяне наравнѣ съ мужиками! Хочу я вамъ, дружки, приказъ отдать—коней закладать, въ гривы да въ хвосты ленточки ввязать, въ санки ковры разослать, шеи платочками обязать и, какъ должно, нашего новобрачнаго князя благословлять. Мы всѣ званы и всѣ жданы и всѣ Богомъ собраны.

«Есть между нами дяди, тетки, дочери отецки, жены молодецки, не помяните нашего новобрачнаго князя лихости, но благословите его въ радости по свѣтлой горницѣ пройти, сѣни новы перейти, на широкій дворъ сойти, ко конюшнѣ подойти, двери отворить да молитву сотворить; своего добраго коня уздечкой обуздать, серебряной хомутикъ надѣвать, въ сани коверъ разослать, шею платочкомъ обязать, въ санки ступить, сердечко не отшибить, въ санки сѣсть, умомъ подумать. Взять въ правую руку тесмяныя вожжи, а въ лѣвую шелковую плеть и ударить своего ворона коня по его крутымъ ребрамъ по могучіимъ, чтобы его добрый конь не шатался, не мотался, не печалился, побольше бодрился и всѣмъ нравился и чтобы онъ не сшибъ нашего новобрачнаго князя, а нашъ новобрачный князь не помаралъ бы своего цвѣтного платья, чтобы было ему не безчестно пріѣхать къ своей нареченной.

«Нашъ новобрачный князь будетъ своего коня ударять, подъ нимъ будетъ конь сердиться, отъ земли отдѣляться—повыше лѣсу стоячаго, пониже

облака ходячаго; горы, долы, болота и озёры будетъ онъ хвостомъ застилать, а маленькія рѣчки промежду ногъ пускать; сухой лѣсъ отъ этого будетъ ломаться, а сырой къ землѣ приклоняться и, нашему новобрачному князю дорога будетъ вездѣ даваться, и онъ этому не будетъ много ужасаться, а будетъ со своимъ конемъ управляться, свой тугой лукъ натягать да калены стрѣлы пускать, на лету птичекъ, голубушекъ убивать.

«Намъ ихъ не хочется много до смерти убивать, а хоть одну да живеньку поймать. Намъ нужно не сизую голубицу, не бѣлую лебедицу, а намъ нужно красную дѣвицу (имя и отечество) за правую рученьку взять, въ саночки сажать, къ святому храму подъѣзжать; въ святой храмъ вводить, предъ налоемъ на подножье становить, воску ярова свѣчи затеплять, да позолочены вѣнцы надѣвать, перстнями помѣняться, въ уста поцѣловаться, совсѣмъ обвѣнчаться, да благополучно опять домой примчаться. Такъ господа, время и собраться да не торопясь съ Богомъ въ путь отправляться.»

Когда дружка пріѣдетъ къ невѣстѣ одинъ, онъ говоритъ:

«Здравствуйте, господа! хочу имѣть любовь я съ вами завсегда, а вы со мной никогда. Ѣхалъ я, дружка, по вашей широкой и прекрасной улицѣ и видѣлъ двѣ вещицы на улицѣ: пѣтухъ топчетъ молодку, а за овиномъ воробей—воробку. Что они разумѣютъ, да и то себѣ по парочкѣ имѣютъ, а нашимъ молодцамъ, неужели холостымъ ходить? пришло время, надо и ихъ женить.

«Пріѣхалъ мохнатый звѣрь къ богатому на дворъ, поставилъ своего ворона коня у его широкаго двора; ни къ чему коня не привязывалъ и никому за конемъ смотрѣть не приказывалъ. Стой, мой конь не шатайся, не мотайся, никому въ руки не давайся, но опять меня, дружка, дожидайся. Вотъ дружка къ воротамъ подходитъ, Исусову молитву творитъ. Господи Исусе, въ передъ меня дружки на дворъ никто не суйся, а кому угодно, прошу покорно.»

Войдя на дворъ, дружко дружитъ:

«Эй, сватушка молодой, выдь-ко сюда, повыступи, какъ красное солнышко повыступи, самъ ты покажись да и на насъ посмотри, каковы мы пріѣхали сюда. Вотъ и сватъ новый идетъ, словно уточка плыветъ. Добраго здоровія свату любезному! гдѣ ты тамъ зашатался, завалялся, едва я тебя здѣсь дождался. Почему долго ко мнѣ не являлся; мы люди посланные, пріѣхали изъ Москвы изъ Посада, изъ Гостинаго ряда. Пала намъ вѣсть, что у васъ дѣвушка есть, шолкомъ она шьетъ и золотомъ гнетъ, а намъ такихъ людей и нужно, наши купцы у васъ вчера были и этотъ товаръ купили, задатку дали, а меня, дружку, получить послали. И такъ, сватушко любезный! нашъ новобрачный князь, а вашъ названый зять, слава Богу, живъ и здоровъ, здраствуетъ благополучно. Онъ стоитъ со своимъ храбрымъ поѣздомъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, подъ темными облаками, подъ чистыми звѣздами, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, конь подъ нимъ и Богъ надъ нимъ; онъ насъ посылаетъ, онъ насъ наряжаетъ, онъ намъ велитъ чисто ходить да рѣчисто говорить. И такъ, сватушка любезный, были бы у тебя дворики постоялые, а горники похожалыя, были бы у тебя на дворѣ дворники бороды сѣдыя, а въ горницахъ дѣвушки молодыя. За услугу мы твоихъ дворниковъ будемъ награждать, а дѣвушекъ замужъ выбирать, и были бы у тебя столы новые, ясли точеныя, сѣно зеленое; было бы у тебя сѣно по колѣно, а овса-то по копыта, чтобы было, гдѣ нашему новобрачному князю со своимъ храбрымъ поѣздомъ подъѣхать, стать да своего ворона коня привязать, чтобы его добрый конь копытъ не поламалъ, а нашъ новобрачный князь своего цвѣтного платья не помаралъ. Онъ ѣдетъ на коврахъ, на бобрахъ, на черныхъ соболяхъ. Сватушка любезный, мы вашихъ дѣловъ не знаемъ, какъ вы кумились, какъ вы любились, въ пустую сходились, по рукамъ били, пиво да вино пили, при этомъ дѣлѣ Богъ да добрые люди были, а меня дружка при этомъ дѣлѣ не было. Какъ ты, сватушка, прикажешь, на саночки сѣсть да отъ двора отъѣхать или въ хату влѣзть?»

Сватъ приглашаетъ: прошу покорно!

Дружка продолжаетъ:

«Вотъ благодарю, сватушка любезный, за это слово обсыпалъ бы тебя золотой казной, да за малымъ дѣло стало—ее у насъ нѣтъ, въ плотникахъ я, сватушко, не живалъ, въ кровельщикахъ не бывалъ, грѣха стать случится въ твою хату заберешься, врось, пожалуй, разобьешься. Что у тебя, сватушко, за лѣсенки,—ручки ихъ дѣлали, а ножки по нимъ бѣгали.

«По мосту-мосту, по калинову, идетъ дружка опинается, а самъ къ порогу подвигается. Что у тебя, сватушко, за порогъ, на силу я ноги черезъ него переволокъ, а потолокъ въ избѣ ты вѣрно чернымъ соболемъ оболокъ.

«Идетъ дружка по дубовымъ доскамъ, подвигается ко святымъ образкамъ, дружка Богу помолится, со всѣми поклонится.

«Добраго здоровья, сватушко любезный! какъ вы живы и здоровы? У насъ всѣ живы и здоровы, быки и коровы, маленьки телята лежатъ на соломкѣ, хвостики на сторонкѣ, ажъ попярдываютъ.

Нашъ новобрачный князь меня прислалъ и строго мнѣ приказалъ объ *евомъ* здоровьѣ сказать, а объ вашемъ спросить. Какъ ваша новобрачная княгиня спала, почивала, утромъ весело вставала, водой ключевой умывалась, тонкимъ полотенцемъ утиралась, къ злату вѣнцу одѣвалась, бѣлилами бѣлилась, предъ святой иконой становилась, Богу молилась и сулила всѣмъ божкамъ по сапожкамъ, а мнѣ, дружки, хоть красную рубашку, я и тѣмъ бы доволенъ былъ.»

Когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, чтобы ѣхать къ вѣнцу, то подруги невѣсты, провожая ея, припѣваютъ дружку и свату, за что послѣдніе дарятъ имъ гостинцы или деньги.

2267.

Ты, послушай, сватушка названный,
Про тебя мы пѣсню поемъ,
Тебѣ честь отдаемъ!

Сватушка, сватушка, хорошенькій сватушка!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Какъ у сватушка головушка учёсанная,
Какъ у сватушки бородка ровно шелковая,
Какъ у сватушки рубашка нова ситцевая.
Намъ давно пала вѣсть, что у свата деньги есть,
Какъ у свата есть деньжоночки серебряныя.

2268.

По народу сватъ глядитъ,
Хочетъ дѣвокъ подарить.
Ты, сватушка, не скупись,
Пятерочкой разступись,
Если любишь ты, сватъ, честь,
Подай рубликовъ шесть,
Если по мочи, по силѣ —
Подай рублика четыре.
Ручки въ ручку пожимаетъ,
Дѣвкамъ деньги вынимаетъ.

Если же сватъ ничего не даетъ пѣвицамъ, то онѣ ему поютъ вотъ какую пѣсню:

2269.

По улицѣ, улицѣ
Ѣдетъ сватъ на курицѣ.
Какъ у свата на плѣши
Разыгрались бѣлы вши:
Кая скачетъ, кая пляшитъ,
Кая пѣсенки поетъ.
На полати сватъ взглянулъ, —
Шаль хорошу стянулъ,
А на полку сватъ взглянулъ, —
Часть говядины стянулъ,
А на печь сватъ взглянулъ, —
Рукавички стянулъ.
Какъ на сватушкѣ шапенька, —
Послѣ дѣдушки чертенка,
Какъ на сватушѣ кафтанъ —
Шутъ по мѣсяцамъ таскалъ,
Какъ на сватушкѣ штаны —
Послѣ дѣда сатаны.

Зап. студ. университета Мухановымъ, сообщ. А. А. Шахматовымъ.

XVI. Костромской губерніи.

Кинешемскаго уѣзда.

Описаніе свадебныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, живущихъ около города Кинешмы въ верхъ по теченію рѣки Волги верстъ на 25 и внизъ по теченію той же рѣки верстъ на 10.

Крестьянскія свадьбы въ указанномъ мною краѣ, начинаются, совершаются, покапчиваются почти всегда однимъ обыкновенно принятымъ порядкомъ.

Отецъ жениховъ въ торговый день на Кинешемскомъ рынкѣ, проситъ родственника или знакомаго родителей невѣсты посватать ихъ дочь за своего сына, или по выраженію крестьянъ, посмутничать, посводничать. Если родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предполагаемаго жениха, то, если мѣстожительство ихъ

далеко, приглашаютъ отца женихова и свата въ гостинницу, или въ питейный домъ, а если жительство ихъ близко, то въ свой домъ для условія, по выраженію крестьянъ: о *выводъ* за невѣсту. Выводъ состоитъ въ томъ, что отецъ жениха обязывается дать родителямъ невѣсты условленное количество денегъ на наряды своей дочкѣ Сдѣлавши условіе, родители невѣсты угощаютъ отца женихова и свата, если условіе было въ гостинницѣ—чаемъ и водкою, а если въ питейномъ домѣ, или въ своемъ,—виномъ. Если условіе бываетъ въ домѣ родителей невѣсты, то при семъ находятся ихъ родственники. Условіе это у крестьянъ называется *рукобитьемъ*. Тутъ родители невѣсты назначаютъ день, въ который отецъ жениховъ въ ихъ домѣ долженъ угостить ихъ родственниковъ. На этотъ день они обыкновенно приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые должны быть на предположенной свадьбѣ. На этой пирушкѣ отецъ жениховъ, угощаетъ родственниковъ невѣсты виномъ, пивомъ, калачами и медомъ; тутъ же онъ отдаетъ и *выводъ* за невѣсту.

Наканунѣ свадьбы бываетъ еще пирушка, называемая «дѣвишникомъ.» На эту пирушку приглашаютъ дѣвокъ; женихъ съ предназначеннымъ дружкою или съ своими братьями также уже пріѣзжаютъ и самъ лично даритъ сластями невѣсту, которую онъ въ первый еще разъ теперь видитъ. На этой пирушкѣ женихъ съ невѣстою сидятъ рядомъ; вмѣстѣ съ ними сидятъ дѣвки и дружка или братья жениховы; родители невѣсты всѣхъ угощаютъ; послѣ угощенія невѣста уходитъ за перегородку, или за занавѣсъ; женихъ, поблагодаривши родителей невѣсты за угощеніе, прощается за перегородкою съ невѣстой, при чемъ она даритъ его платкомъ.

На другой день послѣ дѣвишника бываетъ свадьба, на которую, по приглашенію женихова отца, съѣзжаются родственники или наканунѣ поздно вечеромъ, или въ самый день свадьбы рано утромъ. Когда всѣ окажутся въ сборѣ, дружка сажаетъ за столъ жениха, а родственниковъ сажаетъ за тотъ же столъ отецъ жениховъ. Когда всѣ усядутся, то дружка, обращаясь къ отцу жениха, говоритъ:

«Сватушка, пожалуйте тарелочки, а по руськи блюдечки!»

Ему даютъ и онъ продолжаетъ такъ:

«У васъ, сватушка въ широкомъ дворѣ, во высокомъ дому, во новомъ терему, во свѣтлой свѣтлицѣ, въ новой горницѣ поставлены столики, на столикахъ постланы скатерти браны, за столикомъ сидятъ гости званы, господа поѣзжана: въ началѣ тысяцкій, новобрачный князь, большой бояринъ, меньшой бояринъ, я—дружка съ полудружьемъ, и сватъ со свахой и весь нашъ храбрый поѣздъ. Князь на ноги встаётъ и васъ ко столу призываётъ и вамъ низко клаяётся: не будетъ ли, сватушко, у васъ усердіе новобрачнаго князя паградить,—золотомъ или серебромъ, или хлѣбомъ да солью, да сверхъ того въ полѣ полосою».

Въ это время по выраженію крестьянъ: «золотятъ мошну», т. е. дарятъ жениха деньгами, которыми онъ въ домѣ невѣсты долженъ дарить того, кто займетъ его мѣсто.

Послѣ сего обращаясь къ родителямъ жениха, дружко говоритъ:

«Сватушка любезный и свахонька любезна! Я на ногахъ стою прямёхонько, гляжу на васъ веселёхонько, говорю съ вами рѣзвёхонько. Хочу къ вамъ попахалится и понавялится: Куды своего чадо милова и новобрачнаго князя собираете? Собираете вы его и насъ въ путь дороженьку, на чужую дальну сторонушку? Не будетъ ли у васъ усердіе насъ напоить или покормить? Или вы согласны насъ такъ проводить?»

Въ это время собираютъ обѣдъ, на которомъ сначала подаютъ студень. Вынувши три куска студеня на край блюда, дружко говоритъ: «Поварушко любезный! доступи сюда, пожалуй, кушаньё покушай, началъ сотвори, насъ гостей попой да покорми, да попотчуй». Съѣвши три куска студени, стряпка и родители жениха говорятъ: полюбитё, покушайтё.»

За обѣдомъ предъ каждымъ кушаньемъ гостямъ подносятъ вина; послѣ вина на всѣхъ крестьянскихъ пирахъ подаютъ, въ видѣ закуски, стаканъ пива. Когда дружкѣ поднесутъ первый стаканъ вина, онъ обращаясь къ гостямъ, говоритъ:

«Здравствуйте *великадные* господа! Али вы не знаете меня? Русскимъ ли вы меня называете? Или нѣмецкимъ поздравляете? Взялъ было я заповѣдь отъ духовнаго отца: не пить винца! Увидѣлъ винцо — задрожалъ, заповѣди не сдержалъ,— съ постели вскочилъ... Ахти согрѣшилъ! Житье мое,—житье бѣдное: жилъ я вѣкъ, не какъ хорошій человѣкъ. Много напринималъ скуды и бѣды. Теперь не знаю куды отъ скуды бѣды себя дѣвать. Развѣ глаза завязать да въ лѣсъ убѣжать? И тутъ не мѣсто: охотники найдутъ, за мѣсто звѣря убьютъ, кожу мою сдерутъ, а кости на убогій домъ снесутъ. Богатые люди пиво да вино пьютъ, а меня, бѣднова, только по шеѣ бьютъ: полно тебѣ, полоротъ, стоять у чужихъ воротъ, раззиня ротъ!» А меня, доброва молодца горе беретъ. Оставляю я міръ, пойду въ монастырь. И тутъ не безъ труда. Поднять взоръ,—скажутъ «воръ!» Потупить очи,—стало быть: мытарь! На-

добно воздохнуть, да чарочку вина помянуть. Наливалася сія чара изъ моря Соловецкова, для здравія моего молодецкова, для пріятелей многихъ, которые съ нимъ за столомъ сидятъ, на меня весело глядятъ, усы расчищаютъ, бороды разглаживаютъ, а мнѣ пить-ѣсть приказываютъ, мнѣ эту чару пить, да пьяному не быть, добро дѣло получить: хозяина съ гостьми не разлучить. Сватушко полну чару наливаётъ, а дружко до дна выпиваётъ, вверхъ донышкомъ поворачиваётъ и по донышку поколачиваётъ. Здравствуйте господа сенатóры! Я самъ при томъ изъ конторы. Я не швецкій, не нѣмецкій,—человѣкъ россійскій, отдаю вамъ поклонъ низкій.»

При послѣднихъ словахъ дружка выпиваетъ стаканъ вина.

Послѣ студени подаютъ щи съ говядиною, послѣ щей лапшу со свининою, наконецъ круглой пирогъ, который не разрѣзываютъ и не ломаютъ, но берутъ въ гостинецъ къ невѣстѣ. По окончаніи стола дружко обращаясь къ родителямъ жениха, говоритъ: «Сватушко любезной и свахонька любезна! отъ хлѣба соли мы сыты, отъ перегару пьяны, отъ чести честны, отъ доброва слова хвальны. Величайте хлѣбъ соль!»

Гости встаютъ изъ-за стола. Дружка, обращаясь къ гостямъ говоритъ:

«Гости поѣзжана, сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ».

Обращаясь къ родителямъ жениха, къ отцу и матери крестнымъ, онъ говоритъ:

«По Божіёму велѣнію, по царскому уложенію, какъ Богъ повелѣлъ, царь уложилъ, новобрачному князю заповѣдь положилъ: по пóлику походить, по тесовому походить, отца и матери поискать,— у ногъ полежать, благословенія попрошать. Есть ли у новобрачнаго князя отецъ родной и мать родна? Есть ли отецъ крёсный и мать крёсна? Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать».

Обращаясь къ мущинамъ, которые смотрятъ на предбрачныя приготовленія, дружка говоритъ:

«По полу ходящіе, посреди стоящіе, добрые молодцы, удалые головы, широкія бороды! Кто старъ, кто сѣдъ,—тотъ дѣдушко, кто усатъ да бородатъ,—тотъ дядюшка, кто младъ, тотъ милый братъ. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ женщинамъ, дружка говоритъ:

«Молодые молодки, постатные походки, черные брови, пригожіе взгляды,—благословляйте новобрачнова въ путь ѣхать».

Къ дѣвкамъ дружка говоритъ:

«Красные дѣвицы, ему родныя сестрицы, узорчаты мастерицы! тонко пряли, звонко ткали, бёрда ломали, за окошко кидали. Ваше дѣло по крышкамъ блудить, сметанку снимать, колобки мѣсить, подъ застрѣхи хоронить, пастухамъ носить. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Къ старымъ женщинамъ дружка говоритъ:

«Старыя старухи, запешныя грызухи, кисельныя оса́дчицы, молодымъ людямъ досадчицы, косые заплетки, толстыя запятки! Ваше дѣло на улицу ходить, да про снохъ колотить: у меня снoха такова, сякова, а не подумаетъ старая, какая сама-то была. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ малолѣтнимъ, дружка говоритъ:

«Изъ кути по лавкѣ, вдоль по скамейкѣ, съ печи на полати, малые ребята, большіе брюха. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать.»

Послѣ сего благословляютъ жениха иконою. Отецъ его держитъ икону, а онъ два раза кланяется предъ нею въ поясъ, а въ третій разъ въ землю; вставши, онъ цѣлуетъ икону; затѣмъ онъ кланяется отцу въ землю и вставши, цѣлуетъ его. Точно также благословляютъ жениха мать, отецъ крестный и мать крестная.

По окончаніи обряда, благословенія, дружка обращаясь къ поѣзжанамъ, говоритъ:

«Гости поѣзжана! сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ!» Когда всѣ усядуться дружка опять говоритъ:

«Гости браны, гости званы, господа поѣзжана! Что вы сидите не веселы, буйны головы повѣсили? Отъ сватушка ли чести не было? Сидѣть намъ не просидѣть, стоять—не простоять. Благословляйте новобрачнова князя изъ своей новой горницы подняться, по полику идти, по тесовому идти, по мосту идти, по калинову идти, по лѣсенькѣ идти, по брусчатой идти, на широкой дворъ сойти, ко добру коню подойти, во новы Казански саночки сѣсть, во лѣву руку тесмяны вожицы взять, а во правую шелкову плеть, ударить коня по крутымъ бедрамъ. Мой добрый конь не стоитъ, разъяряётся, отъ земли отдѣляётся, отъ дубова столба отрываётся. Не ясенъ соколъ съ гнѣзда слётаетъ,—новобрачный князь со двора съѣзжаётъ. Съѣхать бы намъ съ широкова двора и выѣхать во чисто поле. Въ томъ чистомъ полѣ пріостановиться, на святую церковь Богу помолиться. Ѣхать бы намъ путемъ-дорогою, чистыми полями, бѣлыми снѣгами, крутыми горами, быстрыми рѣками, черными грязями, зелеными лугами, шелковыми травами—и выѣхать въ чистое поле. Въ этомъ чистомъ полѣ стоитъ новая горница, свѣтлая свѣтлица. Въ той новой горницѣ сидитъ красная дѣвица, новобрач-

ная княгиня. Намъ бы ее взять и обрядить и за дубовый столикъ посадить,—за столики дубовы, за скатерти браны, за кушанья сахарны, за питья медовяны. Посидѣвши за дубовыми столами,—сватушку и свахонькѣ за хлѣбъ и соль поблагодарить, а новобрачную княгиню во новы сапочки посадить,—ѣхать бы ко Божьей церкви Богу помолиться, слово Божіе послушать, святой законъ принять, подъ златымъ вѣнцомъ постоять, одинъ крестъ цѣловать.»

Женихъ и поѣзжане встаютъ съ мѣстъ и выходятъ на дворъ, гдѣ уже заранѣе заложены лошади; дружка три раза обходитъ поѣздъ съ иконою; икону эту берутъ съ собой и потомъ выѣзжаютъ со двора. Напередъ ѣдутъ дружка съ полудружьемъ на одной телѣгѣ, или саняхъ, потомъ тысяцкой съ женихомъ, за второй телѣгой или санями,—большой бояринъ съ меньшимъ, за ними сватъ, который засваталъ невѣсту, со свахою, близкою родственницею жениха; остальные родственники, которые вообще называются поѣзжанами, ѣдутъ позади. Выѣхавши въ поле, всѣ молятся Богу или на церковь, если она есть въ виду, или на востокъ, если церкви въ виду нѣтъ.

Не въѣзжая въ селеніе, гдѣ живетъ невѣста поѣздъ останавливается въ полѣ, а дружка съ полудружьемъ въѣзжаютъ на дворъ къ невѣстѣ. Въ это время посторонніе люди заслоняютъ дорогу или запираютъ ворота; для того, чтобы очистили дорогу или отперли ворота, дружка долженъ угостить стороннихъ людей виномъ. Въѣхавши на дворъ, полудружье поворачиваетъ свою лошадь къ тѣмъ же воротамъ, въ которые въѣхали и остается тамъ, а дружка входитъ въ избу и проситъ вывести невѣсту. Ее выводятъ и сажаютъ за столъ; отецъ невѣстинъ приглашаетъ дружку къ себѣ въ домъ со всѣми поѣзжанами; въ отвѣтъ на это дружка съ полудружьемъ съѣзжаютъ со двора отца невѣсты и уѣзжаютъ въ поле, гдѣ ихъ дожидается поѣздъ и тогда уже дружка со всѣми поѣзжанами въѣзжаетъ на дворъ къ отцу невѣсты. На этотъ разъ уже всѣ входятъ въ избу, гдѣ рядомъ съ невѣстою, покрытою платомъ, сидитъ меньшій братъ ея, или ближайшій родственникъ. Дружка, почерпнувши ковшъ пива, подаетъ жениху, а женихъ поднося брату невѣсты проситъ его выпить и уступить ему мѣсто.

«У нашей сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ. Пожалуйте не рубль, не полтину, а хоть четыре алтына».

Дружка кладетъ въ ковшъ деньги, братъ невѣсты выпиваетъ изъ ковша пиво, беретъ деньги и уступаетъ жениху мѣсто. Женихъ и поѣзжане садятся за столъ; дружка кладетъ на столъ хлѣбъ съ калачомъ и пирогъ, потомъ надѣляетъ всѣхъ родственниковъ невѣсты орѣхами; при надѣлѣ онъ каждому изъ нихъ говоритъ:

«Сватушко любезный, или свахонька любезна! по имени орѣшки—свахины потѣшки, спасово урожденье, Ильи Великова совершенье. Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, буйна голова съ поклономъ. Милости прошу вамъ подношу.»

Потомъ дружка надѣляетъ орѣхами мущинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ; при семъ говоритъ тоже, что говорилъ предъ благословеніемъ жениха, только съ тою разницею, что тамъ говорилъ: «благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать, а въ это время онъ говоритъ:

«По имени орѣшки, свахины потѣшки» и проч.

Послѣ сего бываетъ столъ точно такой же, какой былъ у отца женихова и съ такими же обрядами. Выходятъ изъ дому точно также, какъ изъ дому жениха. Предъ выѣздомъ со двора дружка и здѣсь также, какъ и тамъ, три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ, какъ жениховъ, такъ и невѣстинъ. Ѣдутъ къ церкви въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, когда женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ, съ тою только разницею, что за женихомъ ѣдетъ невѣста со свахою, и поѣзжане невѣсты ѣдутъ позади поѣзжанъ жениха.

Послѣ вѣнчанья, когда новобрачные и поѣзжане пріѣдутъ на дворъ, отецъ выходитъ встрѣчать ихъ съ иконою, а сваха съ хлѣбомъ съ солью; дружка, высадивши новобрачныхъ, приводитъ ихъ къ отцу. Новобрачные, сдѣлавши передъ иконою два поклона въ поясъ, и третій земной, цѣлують ее, потомъ кланяются до земли отцу и цѣлуются съ нимъ; потомъ кланяются до земли матери, берутъ у нее съ хлѣба соли, вкушаютъ ее и цѣлуются съ матерью, потомъ входятъ всѣ въ избу; молодыхъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Садятся за столъ и всѣ поѣзжане. Тогда дружка говоритъ: «Сватушка любезный. Ѣхали мы путемъ-дорогою, и попала намъ на дорогѣ бѣлая лебедушка, красная дѣвица, новобрачная княгиня; взявъ ее, мы привезли; но только мы въ дорогѣ перезябли, передрогли, переиндевѣли. Не будетъ ли у васъ милосердія обогрѣть насъ? Не варили ли кашки или не пекли ли пирожка?» Стряпка отвѣчаетъ: «Я кашу сварила, горшокъ руки жжётъ, полотенца ждетъ.» Дружка подноситъ ей въ подарокъ полотенца. Стряпка ставитъ на столъ горшокъ съ кашею, покрытый пирогомъ. Тогда дружко проситъ подать блюдо; призываетъ къ столу отца и мать новобрачныхъ и говоритъ: «Не будетъ ли у васъ усердіе новобрачнаго князя съ княгинею чѣмъ наградить, золотомъ или сéребромъ, или

хлѣбомъ да солью, да сверхъ того любовью?» При этомъ отецъ и мать новобрачнаго и всѣ ихъ родственники, по выраженію крестьянъ *скрываютъ*, т. е. дарятъ, кто чѣмъ разсудитъ. Потомъ дружка разрѣзываетъ пирогъ, кашу кладетъ въ блюдо и угощаетъ ею мущинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ, остальное выкладываетъ въ блюдо и это съѣдаютъ поѣзжане. При чемъ сватъ угощаетъ всѣхъ виномъ и пивомъ. Съѣвши кашу, поѣзжане благодарятъ за хлѣбъ за соль. Дружка съ иконою отводитъ новобрачныхъ въ особую комнату, гдѣ приготовлена для нихъ постель. Здѣсь свахѣ новобрачной и свату, которые называются посланами, бываетъ угощеніе, а новобрачнымъ обѣдъ; послѣ обѣда новобрачные ложатся въ постель. Въ это время пріѣзжаютъ отецъ и мать невѣсты и прочіе ея родственники и входятъ на дворъ. Сватъ выноситъ на дворъ столъ и ендову вина и угощаетъ ихъ; потомъ родственники новобрачной входятъ въ избу и садятся за столъ. Сватъ угощаетъ родственниковъ новобрачной. Послѣ угощенія гости требуютъ, чтобы дружка привелъ новобрачныхъ. Дружка исполняетъ ихъ требованіе и приводитъ ихъ и сажаетъ за столъ и тутъ-то начинается пиръ, называемый крестьянами *почёсный*. Изъ кушаньевъ на семъ столѣ бываютъ разные студени, щи, лапша, жаркое, сальные каши, свиная голова, ососки, круглый пирогъ. По окончаніи этого пира родственники новобрачныхъ, по выраженію крестьянъ, *кладутъ въ чарку*, т. е. дарятъ новобрачныхъ деньгами. Въ это время новобрачные угощаютъ родственниковъ виномъ; такимъ образомъ: она наливаетъ, а онъ подноситъ своимъ родственникамъ, затѣмъ онъ наливаетъ, а она подноситъ своимъ. Послѣ сего родственники расходятся по квартирамъ, или домой, если близко ихъ домы.

На другой день дружко съ женихомъ зовутъ тещу и всѣхъ родственниковъ къ себѣ на пиръ, такъ называемый *княжóй*. Въ это время теща угощаетъ зятя блинами и потомъ даритъ его платомъ; блиновъ теща привозитъ въ домъ зятя и для угощенія его родственниковъ. На *княжёмъ* пиру, блины подаются прежде всего; а потомъ слѣдуютъ тѣже кушанья что и на *почёсномъ*. Наконецъ новобрачная даритъ родственниковъ своего мужа, которые не были въ поѣзду. Послѣ сего всѣ родственники разъѣзжаются по домамъ.

Зап. священникомъ села Воздвижинскаго, Крестовоздвиженской церкви, Павломъ Вишневскимъ. Изъ матеріаловъ архива Импер. Р. Геогр. Общества № 84, 11 Янв. 1854 г.

XVII. Нижегородской губерніи.

Ветлужскаго края, Макарьевскаго уѣзда.

По долгу своего бывшаго пастырскаго служенія, мнѣ не рѣдко доводилось наблюдать за свадебными обычаями жителей Ветлужскаго края, Макарьевскаго у., и я рѣшился взять на себя скромную задачу описать эти обычаи.

Насколько я успѣлъ выполнить эту свою задачу, судить, конечно, не мнѣ. Но «не мудрствуя лукаво», скажу, что буду весьма доволенъ, если по сосѣдству со мной найдется другой наблюдатель народной жизни этаго края, который, задавшись тою-же цѣлью, т. е. цѣлью этнографическаго описанія этаго края, восполнитъ то, что мною было опущено изъ вида, и такимъ образомъ довершитъ начатую мною задачу.

Весна.... Красное солнышко начинаетъ сильно пригрѣвать; изъ земли выходитъ паръ; озими встрепенулись; въ селѣ виднѣются мѣстами зеленыя лужайки; зазеленѣлась и береза. Праздникъ.... Народъ, и старъ и младъ, повысыпалъ на улицу; старики усѣлись на заваленкахъ и бревнахъ; малыя ребята копошатся и тамъ и сямъ, а молодежь водитъ хороводы: красныя дѣвицы щеголяютъ въ московскихъ шерстяныхъ сарафаныхъ, бѣлыхъ коленкоровыхъ рукавахъ, плисовыхъ душегрѣйкахъ, изъ подъ которыхъ виднѣется конецъ алой или голубой ленты, заплетенной въ длинную косу, и въ щегольскихъ полусапожкахъ, надѣтыхъ на бѣлыя или росписныя чулки; молодые парни тоже, для праздника, принарядились въ шерстяныя и кумачныя рубашки, плисовые шаровары, суконные поддевки и черные съ высокими подборами и мѣдными подковами сапоги. Веселье принимаетъ болѣе и болѣе оживленный характеръ. Мѣстные остряки

не скупятся на каламбуры; дѣвицы то и дѣло хихикаютъ. Но вотъ, среди хоровода похаживаетъ статный дѣтина; одной рукой онъ уперся въ бокъ, другой покручиваетъ усики и съ самодовольнымъ видомъ оглядываетъ всѣхъ красныхъ дѣвушекъ. Это нашъ Чурила Пленковичъ, на котораго, по народной былинѣ:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ,
Все глядучи на молода Чурилушку.

Это нашъ деревенскій ловласъ, отъ котораго не одно дѣвичье сердце вдоволь настрадалось, не одни алыя уста горячо воспламенялись и не одни бѣлыя груди высоко воздымались. Но ни къ одной изъ нихъ на этотъ разъ не льнуло сердце нашего Чурилы. Лишь одна Таня Большакова надрывала ретивое у молодца Василья Оглоблина. Для нея-то онъ и усики покручивалъ, для нея одной и въ хороводъ пошелъ, на нее лишь одну онъ больше всѣхъ и поглядывалъ. Какъ поглядитъ на нее, та и зардѣетъ, словно маковъ цвѣтъ; какъ улыбнется ей, та и ногъ подъ собой не чуетъ. А больше всего она полюбилась ему за скромную рѣчь и за тихій нравъ. Всѣ дѣвки такъ и лѣзутъ на парней. Лишь одна Таня Большакова отстраняется отъ долгихъ рукъ парня-нахала.

Между тѣмъ какъ парни и дѣвки ведутъ хороводы, отецъ и мать Василья, сидя у косящатаго окошка, ведутъ такую промежъ себя бесѣду: «А пора-бы, мать, намъ Васютку и поженить; какъ-бы не избаловался; да и тебѣ тяжело управляться одной со всѣмъ хозяйствомъ». — «Какъ знаешь, отецъ, я не противъ этаго». — «А къ кому-бы эдакъ посвататься?» — «Надо сперва его спросить: нѣтъ-ли у него на примѣтѣ какой невѣсты; вѣдь, нынѣ не прежнія времена—парни и дѣвки сами себѣ выбираютъ суженыхъ».—«Да, теперь совсѣмъ ведется не по старому; а прежде на счетъ этаго круто было. Помнишь, какъ твоего-то отца бурмистръ высѣкъ за то, что онъ не хотѣлъ отдавать тебя за меня?... Да и тебѣ тогда не мало досталось за твое упрямство, однакожь прожили свой вѣкъ, не смѣша людей. А нынѣ все стали жениться по любови; да что-то эта любовь не очень прочна; полюбятся, потомъ глядишь, жена и шмыгнетъ отъ мужа, или въ свой домъ друга привѣтитъ; и мужъ, глядя на нее, тоже сударушекъ заведетъ, и пойдетъ все въ домѣ коромысломъ».—«Ну, ужъ ты начнешь причитать безъ пути, безъ дѣла; какъ будто при женитьбѣ безъ любови и не можетъ быть раздоръ между мужемъ и женой; еще скорѣе отъ нелюбого мужа или постылой жены все худое на разумъ пойдетъ.... А я вотъ что тебѣ скажу: давно я замѣчаю, что нашъ Вася сильно засматривается на Таню Большакову, и иногда думаю своимъ худымъ разумомъ, что эта пара была-бы хоть куда». — «Что-же? Я не противъ Татьяны: дѣвушка она смирная и работящая; одно немного не ладно, что одежонки мало, да и отецъ крутенекъ; ну, да одежа—дѣло нажитое, а отецъ будетъ въ сторонѣ. Надо ужо покалякать съ сыномъ, а потомъ и сваху пошлемъ къ дядѣ Вавилѣ; кстати теперь лишняя работница намъ очень нужна въ домѣ».... И на другой день въ домѣ Вавилы происходитъ рукобитье, на которомъ окончательно рѣшается участь влюбленныхъ.... Но при другихъ обстоятельствахъ дѣло не такъ скоро дѣлается. Большею частью препятствія бываютъ со стороны отца невѣсты и самой невѣсты: отецъ-крестьянинъ смотритъ на свою дочь, какъ на рабочую силу и всегда не охотно съ ней разстается, — развѣ ужъ черезъ чуръ она «баловаться» начнетъ или выгодный сватъ присватается. И сама невѣста не всегда охотно идетъ замужъ. У отца она живетъ на полной свободѣ; есть у нея и свой возлюбленный, за котораго она разсчитываетъ выйдти замужъ, хотя разсчеты ея большею частью и не оправдываются,—особенно если она по неосторожности родитъ. Въ такомъ случаѣ впрочемъ и вообще ей трудно выдти за-мужъ. Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь-бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ «баловствѣ» не родитъ, что впрочемъ почти постоянно и бываетъ—при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, спеціально занимающихся уничтоженіемъ плода—то можетъ всегда разсчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевскаго уѣзда вообще на это дѣло смотрятъ весьма снисходительно. «Гдѣ ужъ намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій парень, пожелавшій жениться на одной чуть-ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ-сотъ выберется одна не тронутая, да и то наврядъ; вѣдь они еще съ 13 или 14 лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если-бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по почамъ въ *бесѣдкахъ*, или когда моемся въ банѣ—не малому диву дался-бы» [1]). Самому понятію

[1]) *Бесѣдки* дѣйствительно слишкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ ка-

«дѣвство» здѣсь большею частью придаютъ одно обширное значеніе, т. е. пока дѣвица не за-мужемъ, она считается «дѣвственницею». Такое понятіе о дѣвствѣ мнѣ разъ довелось слышать въ домѣ одного священника при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Дѣвушка, дочь одного крестьянина, изъявила желаніе выйдти замужъ за одного крестьянскаго парня, съ которымъ она была въ связи и отъ котораго даже находилась въ интересномъ положеніи. Но отецъ той дѣвушки никакъ не соглашался выдать свою дочь за ея любовника. Тогда они попросили священника повѣнчать ихъ тайкомъ. Узнавъ подробно обстоятельства этаго дѣла и справившись, что невѣста достигла уже гражданскаго совершеннолѣтія, священникъ далъ имъ слово повѣнчать ихъ. Между тѣмъ отецъ узнаетъ объ этомъ, приходитъ къ нему просить не вѣнчать ихъ. Священникъ, съ своей стороны, началъ высказывать ему всю неразумность его упрямства и, между прочимъ, намекнулъ, что дочь его въ скоромъ времени будетъ матерью. Тогда, въ порывѣ своего неудовольствія на священника, за то, что онъ не соглашается на его просьбу, этотъ крестьянинъ сказалъ: «Наплевать мнѣ на то, что она беременна; для меня хоть пять ребятъ принеси, только дѣвство соблюди» [1]). Такимъ его аргументомъ священникъ все таки не удовлетворился, и на другой день влюбленная чета была повѣнчана. Но главнымъ образомъ свадьбы здѣсь часто разстраиваются изъ-за «выговора». Отецъ невѣсты очень много иногда запрашиваетъ съ женихова отца этаго «выговора» и дѣло разстраивается. Самое-же сватовство, обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ, приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго одподеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты (въ своей деревнѣ, по родственнымъ и другимъ причинамъ, рѣдко устраиваются свадьбы). Тамъ они останавливаются въ домѣ какого либо родственника со стороны отца невѣсты или вообще своего знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь за-мужъ. Отецъ невѣсты обыкновенно тотчасъ не отказываетъ отцу жениха, если иногда и не желаетъ выдавать свою дочь за-мужъ, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «сватъ не сватъ,—добрый человѣкъ». Иногда, впрочемъ, дѣло устраивается въ первую-же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшится на сватовство, причемъ обыкновенно отговаривается тѣмъ, что сначала надо посовѣтываться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда всѣ они насовѣтуютъ выдать невѣсту замужъ, объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно свататься и привозилъ вина. При этомъ, если невѣста потребуетъ жениха посмотрѣть, привезутъ и жениха. Онъ сходитъ въ «бесѣдку», посмотритъ на невѣсту и невѣста на него, спроситъ, согласна-ли она за него выйдти замужъ; та скажетъ: «Сватайся къ родителямъ, я противъ ихъ воли не пойду,»—и начинается формальное сватовство. Отецъ жениха съ своей женой и родственниками отправляется къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся передъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь обыкновенно ведется такъ: женихова родня говоритъ,

кой-либо бобылки — проводятъ почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы прясть, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ съ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, подпоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ разсчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти разсадники разврата и сифилиса сквозь пальцы. — Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Самыя бани обыкновенно устраиваются позади селенія съ маленькими окнами безъ стеколъ, а вмѣсто стеколъ, послѣ топки, окна затыкаютъ паклей или тряпками. Моются, при свѣтѣ лучины, безъ мыла и кое-какъ; главнымъ образомъ стараются хорошенько пропариться, чему подвергаютъ и маленькихъ дѣтей, даже новорожденныхъ младенцевъ. Въ натопленную баню идутъ вмѣстѣ, не только родные—мужчины и женщины изъ одного дома, но даже и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки совершенно чужіе между собою. И тутъ сальность и цинизмъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; развѣ только иногда какая нибудь дѣвушка ошпаритъ горячей водой или вѣникомъ ужъ черезъ-чуръ разшалившагося ловласа; но это тоже даромъ ей не можетъ пройдти: ловласъ задуетъ лучину, и въ темнотѣ произойдетъ тогда полная суматоха.

[1]) Если-бы эти неосторожныя слова отецъ невѣсты высказалъ передъ какимъ либо средневѣковымъ феодаломъ, то навѣрное, жестоко поплатился-бы за нихъ въ виду того права, которое представляло феодалу jus primae noctis.

что у нихъ есть покупатель, у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ, что товаръ ихъ молодъ, необходимъ въ хозяйствѣ, не запасся еще одеждой и т. п., и въ концѣ концовъ дѣло ладится. Порѣшивъ на счетъ товара, т. е. невѣсты, родители ея начинаютъ высказывать свои условія, на которыхъ они согласны выдать свою дочь за-мужъ. Условія эти заключаются въ «выговорѣ» столовыхъ денегъ, которые жениховъ отецъ долженъ выдать передъ свадьбой отцу невѣсты. Выговоръ этотъ простирается отъ 10 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ и другихъ родителей. Кромѣ денегъ выговаривается еще извѣстное количество пшеничной муки, говядины, солода для невѣстиной родни; если-же невѣста очень бѣдна и не имѣетъ задубленаго или суконнаго полушубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полушубокъ; равно рѣчь идетъ и о дарахъ, т. е., всякому-ли свою родню дарить, или жениху—и ту и другую. Покончивъ всѣ эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ передъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы родители подаютъ другъ другу руки («бьютъ по рукамъ»), посторонній человѣкъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. За виномъ назначаютъ и время свадьбы. Въ это-же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли вечеринка (наканунѣ свадьбы)? Тотъ соглашается. Рѣдкій изъ нихъ не соглашается, при чемъ обыкновенно говоритъ: «У меня дочь не кошка,—со стола не спехнемъ ее; тоже двадцать лѣтъ она работала у меня,—неужели и стола (вечеринки) не выработала.» Да и не удобно было-бы ему отказать въ вечеринкѣ; послѣ въ семействѣ мужа стали-бы корить его дочь: «Какой у тебя батька: и вечеринки не сдѣлалъ.» Между тѣмъ какъ совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за перегородку, тотчасъ-же начинаетъ причитать, или, по мѣстному выраженію «выть».

2270.

Исполать, мои пріятели,
Что заправдалися пріятели
Отдать меня, младехоньку,
Во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери.
Ужъ да въ васъ, мои пріятели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,
Не два солнышка свѣтить будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякія безъ ложности;
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этаго.
Все ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Во полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельщица.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута,
Что потомъ, моя родимая,
Во рукахъ меня не держала,
Въ колыбелюшкѣ не качала.
Ты послушай, моя родная,
О чемъ я стану кучиться,
О чемъ я низко кланяться,
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючимъ слезамъ [1]).
Ты сходи, моя родимая,
Во бесѣдушку веселую
Къ моимъ милымъ подруженькамъ;
Поклоникаси, родимая,
Поклоникаси низехонько;
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.

По окончаніи этаго причитанья [2]), мать невѣсты идетъ къ ея подругамъ и приглашаетъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ долго ждать себя не заставляютъ, и собравшись на-скоро, идутъ къ своей подругѣ-невѣстѣ. На пути они поютъ пѣсни. Опредѣленныхъ пѣсенъ на этотъ разъ нѣтъ; поютъ, какую вздумаютъ. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать слѣдующую пѣсню:

2271.

Миленькій по горенкѣ похаживаетъ,
Онъ тугой лучокъ натягиваетъ,

---

[1]) Въ Ветлужскомъ краѣ очень часто употребляется дательный падежъ вмѣсто творительнаго.

[2]) Всякое причитанье сопровождается слезами.

Кленову стрѣлу накладываетъ,
Кленовой стрѣлѣ наказываетъ:
Ты лети, кленовая стрѣла,
Выше лѣсу, выше темненькаго,
Выше садика зелененькаго,
Ты убей, убей, кленовая стрѣла,
Ты убей, убей орлика на лету,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Добра молодца на ворономъ конѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.

Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невѣста «воетъ»:

2272.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось;
Посередь зимы студеныя
Что летятъ да гуси-лебеди.
То идутъ мои подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка родимая,
Встрѣть ихъ, подруженекъ,
Середи двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пяту
Моимъ милыимъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки;
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы прочесали,
Рубчетны плетни заплетали [1]),
Какъ сбирались, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку [2]).
Поглядите-ка, пріятели,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки;
Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ,
Ее мочитъ сверху дождичекъ,
А по правую сторонушку
Запекло да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью кра́соту,
Золотую мою связочку
Ужъ какъ взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да во бѣлы руки;
Золотую мою связочку
Какъ прижать, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да къ ретиву сердцу.
Ужъ возьмите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесте-ка, родимыя,
Мою да дѣвью красоту
Во батюшко, во темный лѣсъ.
Вы положьте-ка, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли, сухо дерево,
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать да въ красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятели,
О чемъ я стану кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Моихъ милыихъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли, мои любезныя,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да зеленымъ виномъ;
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да пивомъ пьянымъ,
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужо ту да пѣсню жалобну,
Въ которой пѣснѣ свадебной
Пѣсню жалобну и свадебну,
Поминается отецъ и мать;
Зазнобили-бы у молодехоньки
Мое сердце ретивое
Отъ нынѣ и до вѣку,
До матушки до гробовой доски.

Дѣвушки поютъ:

2273.

Какъ задумали родители
Меня за-мужъ выдавать,

---

[1]) Особый видъ плетенія волосъ у дѣвицъ.

[2]) Въ прежнее время бесѣдки дѣйствительно были *смиренныя*, и дѣвушки, сбираясь для пряжи льна, только пѣли тамъ пѣсни и парней никогда къ себѣ не принимали; но теперь бесѣдки совершенно утратили свое первоначальное значеніе и сдѣлались притономъ разврата.

От бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ младу отлучать.
Какъ меня, младу, отлучатъ,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого горя
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косящата окна,
И тамъ буду слезы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Въ чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, злодѣй
Чужа-дальна сторона,
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкомъ.

Выслушавъ пѣсню своихъ подругъ, невѣста проситъ своего отца и братьевъ, если они есть, запрячь для нихъ «ворона коня» и прокатить ихъ «вдоль улицы широкія». Тѣ исполняютъ ея просьбу. Послѣ катанья дѣвушки снова поютъ пѣсни въ домѣ невѣсты; вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

2274.

Знала-бы, знала, дура, за-мужъ не пошла
Лучше-бы, я во дѣвушкахъ жила;
Глаже-бы, глаже я головку чесала,
Мельче-бы, мельче русу косу я плела,
Въ русу косу алу ленту вплетала,
Вплетучи, алой лентой увила.
Во бесѣду развеселу ходила,
Противъ милаго на стулѣ сидѣла.
Противъ милаго широкаго двора
Выростала часта роща зелена;
Въ этой рощѣ прелюбезны два древа,
Перво древо—садовая яблонка,
Друго древо—зеленая грушица.
Съ того древа два яблочка сорвала,
Съ того время любить дружка начала.

Дѣвушекъ угощаютъ пивомъ и виномъ. Затѣмъ они расходятся и въ другой разъ приходятъ къ своей подругѣ-невѣстѣ уже не званыя, а когда имъ вздумается. Уѣзжаетъ домой и отецъ жениха въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Невѣста остается одна среди своихъ близкихъ родныхъ, и снова «воетъ»:

2275.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормильцемъ-батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Въ утробѣ не пошеная,
У бѣлыхъ грудей не леженая?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то-ли я вѣрная,
Не посылка-то-ли скорая,
Въ полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Въ зеленыхъ лугахъ не кошельщица?
Не дали грушѣ вырости,
Не дали яблонкѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На ноги рѣзвы подниматися,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справиться.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Своимъ «вытьемъ» невѣста даже нарушаетъ ночной сонъ своихъ родителей, и утромъ, когда они еще спятъ, она будитъ ихъ такъ:

2276.

Ужъ какъ спится вамъ, пріятели.
Вся-то матушка темная ночь;
Ужъ какъ мнѣ, да молодехонькѣ,
Не спалось всю темну ночь.
Не спалось да много видѣлось:
Какъ ходила, молодехонька,
По краю-то рѣчки быстрыя,
Оборвалась, молодехонька,
Во ту-ли рѣчку быструю;
Какъ хваталась я, имался,
За кусты тѣ, за таловые,
За осоку я рѣзучую;
И обрѣзало у молодехоньки
Обѣ руки бѣлыя....
Не въ рѣкѣ я закупалася,
А купалась, молодехонька,
Въ своихъ лишь горючихъ слезахъ;
И хваталась я, имался
За свое-то горе горькое;

Не осокой мнѣ обрѣзало,
А обрѣзало у молодехоньки
Печалью лютою, великою.

Другой варіянтъ:

2277.

Ужо спятся вамъ, пріятели,
Вся-то матушка темная ночь;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Все не спятся ночи темныя
Со того, да со злодѣй-горя.
И вставала, молодехонька,
По утру-то я ранехонько,
Умывалась, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ
Утиралась, молодехонька,
Со правой руки рукавчикомъ.
Сидите, мои пріятели,
За столомъ, да за дубовымъ,
А мнѣ, молодехонькѣ,
За столомъ ужъ нѣтъ мѣстечка;
Какъ спасибо вамъ, пріятели,
За хлѣбъ, за соль, да за старую,
Не спасибо за теперешню.
Хлѣба стопка простояла,
Суха ложка пролежала,
Хлѣба-соли не отвѣдала.
Вы скажите-ка, пріятели.
Моему-то братцу-батюшкѣ,
Чтобъ запрягъ онъ коня добраго,
Посадилъ-бы молодехоньку
На того, да на добра коня.
«Увези-ка, братецъ-батюшка,
Ты меня во темный лѣсъ;
Тамъ я, молодехонька,
Найду себѣ горючь камень.
Я убьюсь, да молодехонька,
Объ тотъ, да объ горючь камень.
Какъ пройдетъ, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвушка,
Что о тотъ, да о горючь камень.»
Знать, сама я вѣдаю,
Что это все не сбудется;
Лишь сама себя потѣшила,
Лишь сама себя позравила.

Днемъ, при посѣщеніи родственниковъ или подругъ своихъ, невѣста тоже воетъ или причитаетъ. Если придетъ къ ней подруга, она такъ причитаетъ:

2278.

Поди-ка, милая подруженька,
Къ моему-то горю-кручину,
Къ печалюшкѣ великой.
Не чаешься ты, милая,
На себя-то горя-горькаго,
Не взначай горе подкатится....

Если придетъ къ ней крестная мать:

2279.

Поди-ка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалюшкѣ великой;
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистымъ благословеньицемъ,
Чистымъ, не рушимымъ,
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Если придетъ къ ней дядя, она и дядѣ причитаетъ:

2280.

Ты поди-ка, мой кормилецъ,
Мой кормилецъ, милый дядюшка,
Къ моему-то ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.
Ты спроси-ка, мой кормилецъ,
Ужо тѣхъ моихъ пріятелей:
Кого ждутъ мои пріятели
Къ себѣ, да во любы гости.
Ужъ не тѣхъ-ли милыхъ гостеекъ,
Гостеекъ, да незнакомыхъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ придетъ пора, да времячко,
Какъ придутъ, да къ молодехонькѣ
Эти гости незнакомые;
Помѣшается у молодехоньки
У меня, да умъ со разумомъ
И со крѣпкою со памятью;
Испугается, да сердце ретивое
При тѣхъ милыхъ при гостейкахъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ мнѣ ихъ назвать будетъ,
Какъ назвать и возвеличать.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ гостинцами и передаютъ эти гостинцы матери невѣсты. Гостинцы эти состоятъ изъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сладкихъ пироговъ съ черникой, малиной, изюмомъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать, или, по мѣстному выраженію, честить. Честятъ сильно, такъ что передъ своимъ отъѣздомъ всѣ гости, какъ говорится, лыка не вяжутъ. Во время пира они, между прочимъ, просятъ вывести къ нимъ невѣсту, которая обыкновенно сидитъ за перегородкой. Въ сопровожденіи своихъ подругъ нарядная невѣста выходитъ къ гостямъ, наливаетъ пива и вина и потчуетъ ихъ. Въ тоже время она цѣлуетъ всѣхъ гостей-женщинъ, а тѣ въ это время ее разсматриваютъ. Послѣ того она снова уходитъ за перегородку и начинаетъ выть:

2281.

Не спасибо вамъ, пріятели,
Что вывели младехоньку
На великій стыдъ, безчестьице,
Что по тѣмъ, да по чужимъ людямъ.
Обнесли вы, молодехоньку,
Обнесли и обезчестили,
При моихъ милыхъ подруженькахъ.
У меня, у молодехоньки,
Скатилась со плечъ головушка,
Я на силу вѣдь, пріятели,
Собралася съ умомъ-разумомъ,
Со своей я крѣпкой памятью.
Не погнѣвайтесь-же, милыя,
Милыя мои гостейки:
Надо-бы, мои гостейки,
Васъ честить пуще, потчивать
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ.
У меня, у молодехоньки,
Не стоятъ ноги рѣзвыя,
Не глядятъ очи ясныя,
Не дѣлаютъ руки бѣлыя
Съ того, да со злодѣй-горя.
Накажу-ка я пріятелямъ:
Вы честите-ка, пріятели,
По моей великой просьбѣ
Ужо тѣхъ, да милыхъ гостеекъ.
Кланяйтесь, мои пріятели,
Ужо имъ низехонько;
Говорите-ка, пріятели,
Съ ними по милехоньку.
Ужо знать, мои пріятели,
До поры вы дѣло сдѣлали,
Ужо сильно познакомились;
Знать меня, да молодехоньку,
Отдаете вы, пріятели,
Что во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери,
Какъ изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.
Ужъ вы знаете, пріятели,
Мудрено, да мудренехонько
Жить во чужихъ людяхъ
У чужова отца-матери.
Надо мнѣ, младехонькѣ,
Два ума, два и разума,
Два обычая обоиравые.
Какъ придетъ, да молодехонькѣ
Та пора, да времячко
Попроситься у пріятелей,
У чужова отца-матери.
Ужо къ вамъ, да во любы гости.
Отпустятъ, да молодехоньку
На закатъ да красна солнышка;
И пойду я, молодехонька,
За тѣмъ, за полемъ чистымъ,
За тѣмъ, за лѣсомъ темнымъ.
Я зальюсь, да молодехонька,
Ужо тѣмъ, да горючимъ слезамъ;
Приду я къ вамъ, пріятели,
Ужо въ гости, во любые,
Ничего-то вамъ, пріятели,
Ничего-то не повѣдаю:
Каково-то жить въ чужихъ людяхъ,
У чужова отца-матери.

Послѣ пирушки гости разъѣзжаются, и въ другой разъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ уже наканунѣ свадьбы. Въ тотъ день утромъ невѣста обыкновенно созываетъ своихъ подругъ и проситъ ихъ истопить для нее баню. Тѣ истопятъ и ведутъ ее въ баню съ пѣснями. Въ рукахъ въ это время они несутъ вѣникъ, увязанный бантиками. Баню обыкновенно выбираютъ гдѣ-нибудь подальше отъ села или деревни, чтобы большее пространство пройдти имъ съ пѣснями. Въ это время чаще другихъ слышится слѣд. пѣсня:

2282.

Туманъ, туманъ при долинѣ,
Листъ широкій на малинѣ;
Есть пошире на дубочкѣ;
Манилъ молодецъ дѣвочку.
Не свою манилъ, чужую,
Пойдетъ дѣвка, поцѣлую.
Зачѣмъ чужу цѣловати,
Тоску къ сердцу придавати;
Стала дѣвица рыдати,

Сталъ молодчикъ унимати,
Платкомъ слезы утирати:
«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Самъ я холостъ, не женатъ;
Если вздумаю жениться,
Просимъ милости на свадьбу.
У меня на свадьбѣ будетъ
Пива, водки очень много.»
«Мнѣ не диво твое пиво,
Милы твои рѣчи.
Твоя матушка-злодѣйка,
Твои сестры-лиходѣйки,
Разлучаютъ насъ съ тобою,
Точно рыбицу съ водою.
Щука рыба живетъ въ морѣ,
А я, дѣвица, на волѣ;
Щука рыба по Дунаю,
А я дѣвка погуляю;
Щука рыба съ карасями,
А я, дѣвка, съ молодцами,
Со такими удалыми,
Съ ребятами холостыми.»

Въ банѣ дѣвушки моютъ и парятъ свою подругу-невѣсту тѣмъ разукрашеннымъ вѣникомъ, и при этомъ не рѣдко щиплютъ, при чемъ спрашиваютъ: какъ жениха зовутъ. При одѣваньи невѣста воетъ:

2283.

Какъ оставьте-ка, сударыни,
Меня въ той банѣ жаркой,
Чтобъ прошла такая славушка,
Что умерла-де красна дѣвушка
Во той, во банѣ жаркой.

Придя въ домъ, она проситъ своихъ подругъ причесать ей голову:

2284.

Какъ заплетите-ка, сударыни,
Мою косу русую;
Какъ вплетите-ка, сударыни,
Разноцвѣтну алу ленточку.

Подруги исполняютъ ея просьбу. Она благодаритъ ихъ за баню жаркую и сажаетъ за столъ обѣдать. Сама-же сидитъ возлѣ стола и ничего не ѣстъ, только причитаетъ:

2285.

Кушайте, мои сударыни,
Не дожидайтесь, мои милыя,
Чтобъ честила я васъ, потчивала.
Надо-бъ мнѣ, мои сударыни,
Стоять, да на рѣзвыхъ ногахъ,
И честить васъ пуще, подчивать,
Чтобъ не сердились вы, не гнѣвались,
На меня, на молодехоньку,
На меня, на зеленехоньку.

По выходѣ изъ-за стола, она проситъ ихъ не оставить ее на «завтрашній Господень день» и кланяется имъ въ ноги. Подруги уходятъ. Въ тотъ-же день сестры, тетки и другія родственницы со стороны жениха приходятъ или пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ пирогами, и дожидаются тамъ пріѣзда жениха, который на вечеринку пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На вечеринку отецъ жениховъ обыкновенно привозитъ и условленный «выговоръ» за невѣсту, состоящій изъ денегъ, муки, шубы и проч., а женихъ привозитъ своей невѣстѣ платокъ, ситцу на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и невѣста его отдариваетъ—рубашкой, штанами и поясомъ. Иногда она даритъ его отца съ матерью: отцу даритъ утирку (полотенце), а матери—рукава. Отецъ за подарокъ невѣсты платитъ ей отъ 1 до 2 рублей. На вечеринку обыкновенно собираются и дѣвушки, которыя постоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко «срамятъ» жениха. Но если онъ при этомъ дастъ имъ денегъ (10—20 к.), то начнутъ хвалить [1]). На вечеринкѣ, между прочимъ, поются слѣд. пѣсни:

2286.

Грянули весельцы вдоль по морю,
Грянули, раскрашены, вдоль по синему;
Топнули кони во широки ворота,
Топнули кони во рѣшетчаты.
Дрогнуло сердце у Катюшеньки,
Дрогнуло ретивое у Васильевны.
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ,

[1]) На вечеринкѣ женихъ долженъ сидѣть, повѣся голову. Если-же онъ вздумаетъ глядѣть бойко и по сторонамъ, то это въ нѣкоторыхъ селахъ Ветлужскаго края считается неприличнымъ, при чемъ дѣвчонки съ печи или съ полатей иногда въ насмѣшку показываютъ ему кошку, оборотивъ ее къ нему задней стороной.

Какъ привыкать ко чужой семьѣ;
Какъ назвать свекра батюшкой,
Какъ назвать свекровь матушкой,
Какъ звеличать сково суженаго?
Отъ горя-горя свекоръ-батюшка,
Отъ горя-горя свекровь-матушка,
Отъ сердца-сердца Николай господинъ,
Сударь мой Михайловичъ.

Или:

2287.

Во горенкѣ во новой,
Во новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
Кедровой,
Обитъ парчей голубой,
Голубой,
Серебряной бахрамой,
Бахрамой,
На столикѣ убранымъ
Убрано,
Графинъ водки ставлено,
Ставлено.
Николай господинъ,
Дворянинъ,
По горницѣ проходилъ,
Проходилъ,
Къ столику подходилъ,
Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
Подносилъ,
Васильевну просилъ,
Онъ просилъ:
«Выпей рюмку отъ меня
Для меня,
Роди сына-сокола,
Сокола;
А тебѣ я подарю,
Подарю,
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй,
Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
Ты лелѣй.

Или:

2288.

При вечерней вечеринушкѣ,
У Катюши на дѣвишничкѣ,
Прилеталъ, да младъ ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На окошечко косящато,
На серебряную полочку,
На золочену прибоину.
Занавѣску онъ раздернулъ,
Красныхъ дѣвушекъ раздвинулъ
Онъ Катюшу взялъ за ручку,
Свѣтъ Васильевну за праву.

Или:

2289.

Ужъ ты сваха-шаболтошница [1])
Ужъ ты сватала, все хвастала:
«У насъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныихъ,
Осередь двора три горницы.»
Какъ пріѣхали, увидѣли:
У насъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на курочьихъ,
Осередь двора три банишки.

Или:

2290.

Не чаялась матушка
Молодехоньку избыть;
Избыла, родимая,
За единый за часокъ.
Отдала, родимая,
Во проклятый во домокъ,
За того дѣтинушку,
За невѣжу, балуна́.
Осержусь на батюшку,
Семь лѣтъ въ гости не приду.
На восьмомъ уже годочкѣ
Вольной пташкой прилечу.
Сяду я у батюшки
Во зеленымъ саду
Стану я во садикѣ
Какушкой каковать.
Большой братъ возговоритъ:

[1]) Шобонница, заплатница.

Что за пташка во саду?
Среднiй братъ возговоритъ:
Пойду пташку застрѣлю.
Меньшой братъ возговоритъ:
Пойду пташку осмотрю.

Или:

2291.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу роща выросла;
Въ этой рощицѣ грибы ростутъ,
Грибы ростутъ березовые;
Въ головѣ же мышь гнѣздо завила;
Въ бородѣ дѣтокъ вывела.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, продолжаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложеные;
Черные брови наведеныя,
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полночи всѣ гости разъѣзжаются и расходятся съ вечеринки. Уходятъ и дѣвушки. Снова опи приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ изъ прѣснаго тѣста опи дѣлаютъ пирогъ—короваецъ съ начинкой. Втыкаютъ въ этотъ пирогъ пять лучинокъ и лучинки эти тоже покрываютъ тѣстомъ, а на середнюю или верхнюю лучинку сажаютъ поросенка, сдѣланнаго тоже изъ тѣста; въ ротъ этого поросенка всовываютъ соломинку; на поросенка прилѣпляютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или нитку въ видѣ кнута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутики съ сучками, обвѣшиваютъ эти прутики разноцвѣтной бумагой и увѣшиваютъ лентами, такъ что изъ-за этихъ лентъ тѣста совершенно не видно, кромѣ поросенка и пастуха. Пирогъ этотъ подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣнчанія.

Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха приготовляются ѣхать за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ родственниковъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и большимъ—когда состоитъ изъ семи, десяти и болѣе паръ. Въ каждомъ поѣздѣ непремѣнно участвуетъ дружка. Дружка этотъ выбирается изъ родственниковъ и изъ постороннихъ лицъ. Большею частью впрочемъ приглашаютъ особаго специалиста по этой части. Специальность-же его состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда находился, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Это—древне-еврейскiй архитриклинъ, распорядитель пира, душа общества; онъ-же вѣдунъ или знахарь и въ то-же время противодѣйствующая сила противъ колдуновъ; а подъ часъ онъ разыгрываетъ и роль шута. Безъ этого лица не дѣлается ни одной свадьбы. Свои рѣчи и прибаутки онъ, какъ наслѣдство, передаетъ сыну или другому какому либо ближайшему родственнику, и всегда не охотно говоритъ объ этомъ ремеслѣ своемъ, доставляющемъ ему, кромѣ небольшого вознагражденiя, почетъ на свадебномъ пиру и полное раздолье въ пьянствѣ. Дружки на свою профессiю смотрятъ вообще какъ на какое-то священнодѣйствiе и всегда исполняютъ свое дѣло съ особенною важностью и серьезной физiономiей, кромѣ особыхъ случаевъ. Не прочь бываютъ они иногда, особенно подъ пьяную руку, и похвастаться своими чарами или заговорами. «Самъ я не умѣю заговаривать, говорилъ мнѣ одинъ изъ второстепенныхъ дружекъ,—а другiе заговариваютъ на свадьбахъ; меня-же разъ чуть самого не заговорили. Былъ я дружкой въ Усихѣ. Стою со стаканомъ въ рукѣ, а хвать у меня сапогъ и слѣзаетъ съ ноги; смотрю, испугался, и другой слѣзаетъ. Я такъ испугался, что инда задрожалъ; но все-таки совсѣмъ не потерялся, а сказалъ: не шути, а то я такъ сшучу, что и не выйдешь отсюда. Смотрю, сапоги опять надѣлись, какъ слѣдуетъ. А въ другой разъ ѣхалъ съ поѣздомъ въ Елкино. Подъѣзжаемъ къ елкинскимъ воротамъ, вдругъ лошади встали и шабашъ. Били, били ихъ, нейдутъ, да и только. Елкинскiй народъ стоитъ у воротъ да хохочетъ, а я хоть плачь. Бились, бились, на силу взъѣхали. Послѣ я узналъ, что нашъ поѣздъ заговорилъ на пустой орѣхъ Степка-хромой. А вотъ нашъ Ефимъ Крюковъ такъ мастеръ былъ на эти штуки. Разъ онъ былъ на свадьбѣ въ Копорулихѣ. Тамъ пьяные надъ нимъ и стали смѣяться. Онъ взялъ, да и ушелъ безъ шапки домой. А дѣло было зимой. Хорошо-же, говоритъ, не доѣдете до дому, коли вздумали надо мной смѣяться. Тѣ, отпировавши, поѣхали домой; доѣхали до богдановскаго поля и что-же? Бились, бились, такъ и воротились назадъ; цѣлый день тутъ кривуляли, а домой не попали. Послали за нимъ; на силу уломали (уговорили). Прiѣхалъ къ нимъ; они попросили у него прощенiя; онъ

простилъ ихъ, и послѣ доѣхали домой благополучно. Въ другой разъ онъ ѣхалъ съ дровами въ Гузнеевѣ. Въ это время ѣхалъ свадебный поѣздъ, да и вздумалъ уронить у него возъ. Хорошо-же, говоритъ, поднимите. Только поѣзжане выѣхали изъ деревни, какъ у нихъ у всѣхъ лошади сами распряглись изъ оглоблей и понеслись въ разныя стороны. Какъ ни бились ихъ догонять, такъ и не догнали. А женихъ съ невѣстой сидятъ въ полѣ, да зябнутъ. Тогда пошли къ Крюкову, поклонились ему въ ноги и подняли его возъ; выходятъ въ поле, смотрятъ—лошади всѣ стоятъ у оглоблей и ждутъ ихъ.» Подобные разсказы невольно и весьма сильно могутъ влiять на темную и невѣжественную массу народа, и потому, нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ темный народъ всегда старается приглашать на свои свадьбы разныхъ знахарей, въ родѣ дружекъ, оказывать имъ всевозможный почетъ и посильно вознаграждать ихъ, изъ опасенiя, чтобы что либо «не попритчилось» жениху и невѣстѣ.... Но я нѣсколько уклонился отъ главнаго предмета.

Когда всѣ поѣзжане, родственники женихова отца соберутся въ его домѣ для поѣзда за невѣстой, при чемъ каждый изъ нихъ привозитъ и передаетъ ему каравай хлѣба,—всѣ садятся за столъ. Имъ подаютъ «варево», и они начинаютъ ѣсть. За столомъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ ничего не ѣстъ, хотя передъ нимъ лежитъ и хлѣбъ, и ложки. За первымъ варевомъ слѣдуетъ второе варево. Потомъ подаютъ лапшу. Лишь только поѣзжане хлебнутъ лапши по три ложки, дружка кладетъ на блюдо съ лапшей каравай хлѣба, разрѣзываетъ его на четыре части и говоритъ: «Кститесь и вставайте». (Отсюда поговорка: «изъ-за лапши женятся»). Всѣ встаютъ. Дружка наливаетъ стаканъ пива и продолжаетъ: «Господи, Iисусе Христе, Сыне Божiй, помилуй насъ (крестится). Есть-ли здѣсь Иванъ Михайлычь и Феодосья Лазаревна (отецъ и мать жениха)? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны очи; въ очи я вижу, погибели не чаю, обоихъ величаю. У меня, у дружки, ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; примите чашу для любья, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши многолѣтны; у великаго Николы канунъ (медъ) пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспоить, вскормить, на рѣзвы ноги поставить; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чистое благословенье дать—ѣхать жениться. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полями, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, уѣздными городами. Прiѣдетъ вашъ сынъ къ Сiонскимъ горамъ; на этихъ Сонскихъ горахъ стоитъ высокъ новъ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красна дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, поджидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взъѣхать-бы намъ на Сiонскiя горы и подъѣхать ко широкому двору, попроситься у тѣхъ чужихъ людей на широкiй дворъ; взъѣхать-бы на добрыхъ коняхъ на широкiй дворъ; со широкова двора намъ взойдти-бы на рѣзвыхъ ногахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; ѣхать-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ господень. Придти-бы ему въ храмъ господень, Богу помолиться, къ евангелiю приложиться, на одно подножье встать, да златъ вѣнецъ принять». Послѣ этой рѣчи, обращенной къ родителямъ жениха, дружка передаетъ налитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка наливаетъ другой стаканъ пива и обращаетъ свою рѣчь уже ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ избѣ: «Господи Iисусе Христе, Сыне Божiй, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавкѣ, въ кутъ по скамейкѣ; есть-ли здѣсь маленьки ребятки—свиныя поросятки, зеленыя сопли, красны дѣвицы — криношны блудницы, стары старушонки—худыя рубашонки, молодыя молодицы—косыя кички, банны затычки, подъ брускомъ лежащихъ, около столбушекъ стоящихъ,—примите чашу для любья, кушайте для здравья; будьте послѣ чаши благолѣтны, у великаго Николы канунъ пейте, у матери пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Благословите всѣ добрые люди нашему князю новображному (новобрачному), чего онъ пожелаетъ, то-бы ему получить въ добромъ здоровьи». Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ налитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатями; тутъ-де обыкновенно стоитъ *портинникъ* или колдунъ, и потому надо его задобрить. Вслѣдъ за этими вступительными рѣчами дружки, отецъ и мать жениха становятся у *тябла* (кiота); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ, сынъ ихъ, прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благословенiя. Отецъ говоритъ: «Господь тебя благословитъ; будь на тебѣ мое благословенiе отъ нынѣ и до вѣка». Затѣмъ икону онъ передаетъ матери его, а хлѣбъ беретъ себѣ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поступаетъ также, какъ и при благословенiи его отцомъ. Во время этого благословенiя избную дверь держатъ, и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ избы,

опасаясь, съ одной стороны, колдуновъ, съ другой—скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ встаетъ у своей лошади, три раза крестится и надѣваетъ шапку. Садится. За нимъ садится и весь поѣздъ. Выѣзжаютъ со двора. Здѣсь дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, что онъ въ точности и исполняетъ. Всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю новображному поклоны воздавать [1]).

Между тѣмъ, въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и каждый изъ нихъ тоже приноситъ имъ въ подарокъ каравай хлѣба, а сама невѣста сидитъ съ своими подругами, и по обыкновенію причитаетъ:

2292.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую;
Погляди-ка вдоль улицы широкой,
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди.
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топорику,
Заваляй-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Напрасная просьба къ брату. Поѣздъ уже стоитъ за деревней, и по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Вотъ онъ уже входитъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ - подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяина и хозяйку поздравляетъ «съ гостенькомъ полюбовнымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Іисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто сему дому въ началѣ?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Господь».—«А кто здѣшнему дому хозяинъ?»—«Я». — «Какъ васъ по имени назвать, по отчеству возвеличать?» — «Сидоръ Карпычъ». — «Былъ-ли у васъ Иванъ Михайлычъ?» — «Былъ». — «Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбовныя, промежъ себя сватовство?» — «Было». — «Былъ-ли промежду васъ третій человѣкъ?» — «Былъ». — «Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли Богу?» — «Затопляли и молились». — «Бились-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столики дубовые, черезъ скатерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?» — «Бились». — «Разнимали-ли у васъ бѣлыя руки?» — «Разнимали».—«Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ быть сегодня свадьбѣ?» — «Было». — «Ждали-ли вы сегодня гостей?» — «Ждали». Послѣ этихъ допросовъ дружка продолжаетъ: «Ѣдетъ къ вамъ въ гости князь новображный на семидесяти парахъ; семьсотъ человѣкъ стоитъ съ нимъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, стоитъ и не унываетъ, отъ васъ вѣсточки выжидаетъ. Дайте ему отвѣтствіе: на вашъ-ли княженецкій дворъ взъѣхать или на взъѣзжую квартиру? Если на вашъ княженецкій дворъ, то просимъ покорно отворить ворота, въ избу дверь, въ избѣ дать мѣсто, чтобъ вашихъ гостей не потѣснить, а нашего князя подъ окошко посадить, и при этомъ просимъ покорно встрѣтить съ хлѣбомъ-солью, съ милостью божьею». Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ». Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и, не доѣзжая до поѣзда, снявъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей княгинѣ новображной». Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ въѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты съ иконою и съ хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войдти въ избу, при чемъ сами они идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. Между тѣмъ какъ происходитъ эта церемонія, невѣста, окруженная своими подругами, сидя въ кутникѣ, подъ полатями, или за перегородкой, причитаетъ:

2293.

Что у насъ, мои пріятели,
Вдругъ воротца растворились,
Подворотенка простукнула,
Золото кольцо пробрякнуло?
Выйди-ка, моя сударыня,
Сестрица—лебедь бѣлая,
На тотъ, да на широкій дворъ.
Не осенній-ли ледъ ломается,
Не вода-ль на дворъ вливается.
Ужо ѣдутъ, знать, чужи люди,
На дворъ ѣдутъ, усмѣхаются,
Въ избу идутъ, похваляются,
Похваляется, да чужой чуженецъ,
Похваляется, да доброй молодецъ,

[1]) Кромѣ того, опасаются порчи со стороны лихого человѣка, которую легко-де сдѣлать, если князь новображный скинетъ свою шапку.

Разлучу-де красну дѣвушку
Со отцемъ, да и съ матерью,
Да и съ милыми подружками.
Поглядите-ка, подруженьки,
Не верба-ли въ избу клонится,
Не береза-ли Богу молится?
Не бархатъ-ли по полу стелется,
Не за столъ-ли жемчугъ сыплется?
Молится, да покланяется
Ужо тотъ, да чужой чуженецъ,
Ужо тотъ, да доброй молодецъ.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Онъ годамъ меня постарѣе,
Умомъ-разумомъ исправнѣе.
Ты сходи-ка, братецъ-батюшка,
Къ тому, да чужу чуженцу;
Ты сажай-ка, братецъ-батюшка,
Ужо всѣхъ гостей названыхъ
Подъ окно, да подъ окошечко,
Во почетное во мѣстечко.
Ты поди-ка, братецъ-батюшка,
О чемъ я стану кучиться
Тебѣ я, разъясенъ соколъ:
Послѣди-ка, братецъ-батюшка,
Подъ окномъ, да подъ окошечкомъ:
Что стоитъ у насъ за темный лѣсъ,
И во томъ лѣсу во темнымъ
Что стоитъ за яблонка?
Или такъ мнѣ показалося?
То стоятъ, да люди добрые,
То стоитъ, да чужой чуженецъ,
То стоитъ, да добрый молодецъ,
Людскихъ басенъ призаслушался.

При входѣ въ избу гости не садятся, а сначала поддружка (помощникъ дружки) наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Взъѣхали мы на вашъ княженецкій дворъ по вашему приказанію,—благословите нашего князя новобрачнаго и на княженецкое мѣсто сѣсть». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Богъ благословитъ». Затѣмъ поддружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ іисусову молитву и продолжаетъ: «Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а нѣтъ хлѣба печенаго,—овса молоченаго; нѣтъ овса молоченаго,—сѣна кошенаго; нѣтъ сѣна кошенаго,—соломы яровой; нѣтъ соломы яровой,—ржаной; нѣтъ ржаной соломы, и такъ постоятъ, только просимъ приставить къ нимъ караульщика, чтобы все было сохранно въ вашемъ домѣ честномъ». Послѣ того дружка, у котораго всегда «ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ» и который всегда наливаетъ «въ чашу стеклянну питье медвяно», продолжаетъ такъ ораторствовать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ занавѣски, и за этими занавѣсками сидитъ невѣстка; какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотрѣть: обута-ли она, оболочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее везти,—да руки-ноги не обморозить, бѣло личико не попортить». Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ несетъ дѣвушкамъ стаканъ вина, при чемъ столпившейся въ избѣ публикѣ говоритъ: «Отшатнтеся (посторонитесь) желудки, пузырь ползетъ; какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не поронять, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать; послѣ станутъ дружку бранить-ругать: экой, скажутъ, дружка, экой песъ». Дѣвушки, при видѣ вина, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько». Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу женихову. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говорятъ дружкѣ: «У насъ невѣста бѣлая». Дружка снова идетъ къ крестному отцу, который на этотъ разъ кладетъ на тарелку серебряную монету. Между тѣмъ невѣста причитаетъ своимъ подругамъ:

2294.

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
Вы на пиво пьяное,
На матушку золоту казну.

Но дѣвушки на этотъ разъ измѣняютъ ей,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выпиваетъ стаканъ вина. Тогда невѣста надѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

2295.

Благослови меня, Господи,
Надѣть мнѣ шубу теплую.

Если-же она надѣваетъ шубу выговоренную, то замѣчаетъ:

Какъ тепла она и не угрѣвчева,
Какъ не грѣетъ у молодехоньки
Сердце ретивое.

Послѣ измѣны своихъ подругъ, невѣста всю надежду возлагаетъ на брата, который выводитъ ее изъ кута или изъ-за перегородки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста причитаетъ:

2296.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалехоньку.
У меня, у молодехоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыя,
Со того, да со злодѣй-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною молодехонькой,
На лавку бѣлолипову,
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его подчуютъ виномъ и пивомъ, осыпаютъ разными насмѣшками, надѣваютъ бабью кичку (родъ повойника), но онъ все это стоически переноситъ и сдается только тогда, когда крестный отецъ жениха дастъ ему выкупъ за невѣсту (не менѣе рубля). Между тѣмъ его сестра-невѣста продолжаетъ:

2297.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ да пива пьянаго,
За рюмочку да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что въ это время она его и укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ выть дружкѣ—другому виновнику того, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2298.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку [1])
Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой чуженецъ,
Не гроза, а доброй молодецъ,
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей, да волѣ-бóльшинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горницѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста поетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закидываетъ за ея ногу; въ это-же время онъ обыкновенно старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ:

2299.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлолипова,
Черезъ брусики лежачіе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыхъ людей,
Черезъ скатерти все браныя,
Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
Черезъ питья все медвяныя,
На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я наряжена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстанничекъ,
Хоть годами-то не старѣе —
Умомъ-разумомъ исправнѣе.

Послѣ этаго причитанья невѣсты, дружка произноситъ іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего

---

[1]) Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

князя новображнаго дарить; спасены-ли у васъ дары? Если не спасены (т. е. не припасены), своимъ будемъ дарить». Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ Iисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы ноги, очисти ясны очи: въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна, въ чашѣ прими для любья, выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чаши здравъ будь, государь мой; отъ великаго Николы канунъ пей, отъ пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новображной дары получай, и княгиню новображную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары не повѣщуй» (т. е. не взыщи). Послѣ жениха дарятъ и другихъ лицъ; смотря по условiю, или невѣста даритъ и ту и другую сторону, или-же каждая сторона даритъ своихъ родныхъ [1]). По окончанiи этой церемонiи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, по всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка; гвоздари, бочкари, малые ребята,—синiе пупки, кривые желудки, зелены сопли,—кто изъ васъ рѣзвый? Тотъ кушай стаканъ пива.» Рѣзвый выпиваетъ стаканъ пива. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу невѣсты, который, въ свою очередь, передаетъ его тысяцкому (крестному жениха), самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Iисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Батюшка княгини новображной! Встань, повыступи, прими чашу для любья» и проч.... «Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое сызнова перерождается, въ цвѣтное платьице наряжается, горючимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньица, пройдти по серединѣ пола, войдти въ новыя сѣни, сойдти на калиновъ мостъ, выйдти на широкiй дворъ, садиться на добрыхъ коней, брать въ лѣвыя руки тесмяныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подъѣхать намъ ко Божiей церкви, взойдти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вѣнецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать». Женихъ и невѣста молятся въ землю и получаютъ благословенiе отъ отца невѣсты. Затѣмъ дружка съ тою-же рѣчью обращается къ матери невѣсты, которая, въ свою очередь, также благословляетъ ихъ. Но передъ благословенiемъ родителей, невѣста не опускаетъ случая повыть:

2300.

Ужъ вы дайте-ка, прiятели,
Благословенье мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпаться,
Жемчугомъ да раскатитися.
Положите-ка, прiятели,
Что во тѣ да во рѣзвы ноги
Ужо тотъ да горючь камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по луковицѣ и втыкаютъ въ одежду иголки—для того, чтобы ихъ не испортили. Тѣ-же предосторожности принимаютъ и всѣ поѣзжане. Послѣ благословенiя жениха и невѣсты всѣ молятся и выходятъ изъ избы. Во время выхода изъ избы невѣста опять воетъ, и на этотъ разъ не совсѣмъ лестно для своихъ родителей.

2301.

Вы живите-ка, прiятели,
Безъ меня, да молодехоньки,
Вы живите, богатите,
Къ вамъ на дворъ вода вольетъ,
По водѣ суда пойдутъ,
Сундукъ казны откроется;
Два солнца обогрѣютъ васъ,
Два мѣсяца свѣтить будутъ,

[1]) Своихъ родныхъ женихова сторона даритъ обыкновенно не въ домѣ невѣсты, а въ домѣ жениха, когда послѣ пира прiѣдутъ отъ невѣсты и сядутъ ужинать или обѣдать.

Выживаете, пріятели,
Какъ звѣря стараго изъ лѣса
Меня, младу, вы изъ дома.

Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ. На дворѣ ее отнимаютъ отъ него подруги, будто-бы для перевязки. Дружка идетъ выручать невѣсту, но отходить отъ дѣвушекъ съ носомъ. Тогда онъ беретъ съ собой жениха. Женихъ даетъ имъ за нее деньги, и они выдаютъ ему невѣсту, заставивъ напередъ назвать ее по имени и отчеству. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Но и здѣсь дѣвушки не даютъ ему покоя. Они всячески стараются помѣшать ему усадить свою невѣсту и хватаютъ ее за одежду, за руки, за ноги и проч., и если женихъ оказывается при этомъ малосильнымъ, то смѣются надъ нимъ. Между тѣмъ дружка въ это время съ хлѣбомъ, съ солью и мѣднымъ распятіемъ три раза обходитъ вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ зрителей въ сторону. Затѣмъ поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отъѣхавъ небольшое пространство, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ къ невѣстину отцу. За нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ лица жениха приглашаетъ отца, мать и прочихъ родныхъ съ невѣстиной стороны въ гости къ жениху. Приглашеніе свое онъ выражаетъ такъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Батюшка княгини новображной! Встань на рѣзвы ноги, открой свои ясны очи и проч.... Проситъ нашъ князь новображный къ себѣ въ гости. И проситъ васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте». Послѣ этого приглашенія дружка проситъ позволенія взять чего нибудь на угощенье караульнаго или привратника. Ему даютъ стаканъ водки и на закуску кусокъ говядины, что онъ и передаетъ привратнику. Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и присоединяется къ поѣзду. Этого приглашенія впрочемъ не бываетъ, если поѣздъ изъ церкви опять пріѣдетъ въ домъ невѣсты. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ. Впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ невѣста со свахой и братомъ-ямщикомъ, а за невѣстою весь поѣздъ. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ весь поѣздъ только тогда, когда имъ дадутъ водки. Дорогою невѣстинъ братъ или въ сторону куда нибудь своротитъ или вывалитъ невѣсту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ обязанъ къ нему подъѣхать и угостить его виномъ, при чемъ весь поѣздъ останавливается. Дорогою невѣста воетъ:

2302.

Ты гори-ка, горько золото,
По моей да буйной головѣ,
Ты конецъ да русой косынки;
Ты вою-ка воля-большина
По конецъ моихъ бѣлыихъ рукъ.

Подъѣзжая къ церкви продолжаетъ:

Подъѣзжаю, молодехонька
Что ко той Божьей церкви,
Что во той, во Божьей церкви,
Знать принять мнѣ, молодехонькѣ,
Батюшку золотой вѣнецъ.
Ужо встать мнѣ, молодехонькѣ,
На одно-то на подножьице;
Ужо возьметъ чужой чуженецъ
Всю съ меня да волю-большину,
Что при тѣхъ да при добрыхъ людяхъ,
При попахъ да при священникахъ,
При дьякахъ да поученыихъ.
Знать, разстаться молодехонькѣ
Со матушкой, да волей-большиной,
Со матушкой, да дѣвьей красотой;
Поступить, да молодехонькѣ,
Ко чужому отцу-матери;
Нужно будетъ, молодехонькѣ,
Уважать мнѣ тамъ, да всякому,
Всякому—и старому, и малому.

Подъѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботится о томъ, чтобы первому встать на подножье—для того, чтобы «верхъ взять» и ихъ поспѣшность иногда бываетъ довольно курьезна. Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви или въ церковной караулкѣ. Окручиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она стала уже бабою. Затѣмъ женихъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою въ сани и поѣздъ ѣдетъ домой въ томъ-же порядкѣ [1]). Дорогою невѣста снова воетъ или причитаетъ:

---

[1]) При выходѣ изъ церкви жениха и невѣсты свахи особенно зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы между ними кто либо изъ постороннихъ лицъ не

2303.

Ужо та, да бабья красота
По подлавочью валялась,
И мнѣ, младой, доставалась.
Ужъ я ѣду, молодехонька,
Тѣмъ да полемъ чистымъ,
Что ко тѣмъ моимъ пріятелямъ,
Ко чужому отцу-матери,
Ужо къ ихъ, да къ широку двору.
Ты послушай, чужой чуженецъ,
Какъ сказалъ ты, добрый молодецъ,
Ваша та, да бѣла горница
Вся цвѣтами изукрашена.
Какъ подъѣхала младехонька,—
Ваша та, да бѣла горница
Злодѣй-горемъ изусыпана.
Вы встрѣчайте-ка, пріятели,
Того гостейка бывалаго,
Меня гостью не бывалую;
Не погнѣвайтесь, пріятели,
Что не ладно съ горя свылося,
Во печалюшкѣ сказалося.
Я сама, да знаю, вѣдаю,
Гладко баютъ,—лихо думаютъ,
Мягко стелятъ, жостко спать живетъ,
Гладокъ полъ,—да шиповатъ ходить.
Какъ встаю я, молодехонька,
По утру-то я ранехонько;
Умываюсь, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ.
И спрошу я васъ, пріятели,
На какую, молодехонькѣ,
Мнѣ идти да на работушку,
На работушку разовую?
Вы скажите-ка, пріятели,
Своему-то сыну милому,
Чтобы съѣздилъ, разнадеженька,
По моихъ-то онъ пріятелей.
Знать у васъ, мои пріятели,
Богоданный сударь-батюшка,
Богоданная моя матушка,
Приключилась, молодехонькѣ,
Мнѣ тоска, да несусвѣтная.
Ужъ я вышла, молодехонька,
На широкую, на улицу,
Все глядѣла, молодехонька,
Во то да во чисто поле,
На родимую сторонушку.
Ужо ѣдутъ, знать, пріятели,
Родной батюшка со матушкой.
Не могла я слова вымолвить,
Залилася горючимъ слезамъ.
На меня, на молодехоньку,
Что при встрѣчѣ съ роднымъ батюшкой
И при видѣ родной матушки
Залилася горючимъ слезамъ
И ни слова не промолвила.

Эту пѣсню молодая воетъ во всю дорогу, если домъ жениха недалеко отъ церкви, а если далеко, то проѣзжая только села и встрѣчающіяся на пути деревни. Впрочемъ она поетъ эту пѣсню только въ такомъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви прямо ѣдетъ въ домъ жениха. Но такіе случаи бываютъ весьма рѣдко, а изъ церкви весь поѣздъ обыкновенно ѣдетъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая воетъ:

2304.

Вы встрѣчайте-ка, пріятели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріятели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы мнѣ сваху ненадежну,
Устыдила, обезчестила
При попахъ, да при священникахъ,
При дьякахъ, да при ученыхъ,
Что сняла да дѣвью красоту
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, сватъ, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшой бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и свахинъ повозникъ и лагунникъ (ѣдущій позади всѣхъ за поѣздомъ), да и я, дружка, съ поддружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоньки-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то

прошелъ,—иначе-де новобрачные будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, тогда выстригаютъ на лбу у кошки и собаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ лепешки и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ того будутъ жить, какъ кошка съ собакой.

сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помеломъ заметайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте. (Обращаясь къ отцу невѣсты): у нашего Владимірушки нѣтъ солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепялилась капустинка, засѣла костычка». Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны». Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпку: «Стряпонька-поварихонька, сама-ли ты нарушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпка, «спросите о томъ дѣвокъ.» Дружка обращается къ дѣвушкамъ. Тѣ дозволяютъ свою ѣствицу нарушить, но просятъ «краешки озолотить, а середочку осеребрить.» Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ отъ 20 до 50 и болѣе копѣекъ. Затѣмъ дружка приступаетъ къ срѣзыванію верхней корки пирога, при чемъ онъ долженъ остерегаться не уронить на столъ ни одного бантика,—иначе за свою неловкость дѣвушки на него накинутся, надѣнутъ кичку и сильно сконфузятъ. Когда гости немного поѣдятъ начинки этого пирога, дружка опять накладываетъ на него верхнюю корку и передаетъ стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвушки, а лучинки съ бантиками уносятъ съ собой домой и хранятъ до чьей либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и ничѣмъ не начиненный. Подача его на столъ означаетъ окончаніе обѣда. Всѣ встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль въ «заѣзжеемъ дѣлѣ.» Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка (за обѣдомъ вина не пьютъ). Попойка продолжается до самой ночи, часовъ пять. Въ это-же время подруги невѣсты катаются по деревнѣ на тѣхъ разбанченныхъ лошадяхъ, на которыхъ женихъ и невѣста ѣздили въ церковь вѣнчаться. Напировавшись вдоволь, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина; (обращаясь къ отцу молодой): ну, сватушка, теперь время ночное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ.» Сватъ сбираетъ провожатыхъ, своихъ сродниковъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади сродниковъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконой. Всѣ входятъ въ избу. Дружка творитъ Іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: «О чемъ вы намъ кучились (просили), о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣлали; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣйше благодаримъ.» Затѣмъ, по приглашенію хозяевъ, всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ сундукъ съ дарами, дружка наливаетъ пива и вина, выкликаетъ кого сначала слѣдуетъ дарить и подходитъ къ свахѣ съ тарелкой. Та кладетъ ему на эту тарелку даръ указанному лицу, которому дружка и передаетъ этотъ даръ. Но прежде передачи даруемый выпиваетъ пива и вина и затѣмъ уже полученнымъ даромъ вытираетъ свои губы. Послѣ перваго лица дарятъ второе, третье и т. д. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за ужинъ, за которымъ пьютъ и водку. Послѣ ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать. Званые гости остаются ночевать въ домѣ молодого, причемъ ихъ шумный говоръ и веселыя пѣсни слышатся далеко за полночь. Утромъ снова начинается попойка, которая продолжается цѣлый день; а молодой въ это время ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ своей жены съ имуществомъ и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ тотъ день бываетъ такъ называемый красный столъ, за которымъ происходитъ «поцѣлуй». Столъ ставятъ середи избы. Впереди, возлѣ тябла, сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Возлѣ нихъ садятся по лавкамъ всѣ поѣзжане. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ,— причемъ иногда свекоръ говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и даетъ ей денегъ, которые кладетъ въ блюдо, находящееся на столѣ. Если свекоръ богатый, то даетъ 10—20 р., а если бѣдный, то 1—3 рубля. Послѣ свекра молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей это пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Затѣмъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который тоже даритъ ей денегъ, сколько доведется. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ. Всѣмъ она кланяется, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда эта процедура повто-

ряется до трехъ разъ, и молодая собираетъ денегъ отъ 30 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Деньги эти поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ всего этого начинается опять пировня, которая иногда продолжается дня два и болѣе. Наконецъ всѣ гости разъѣзжаются и крестьянская жизнь пойдетъ обыденнымъ порядкомъ.

Свадьбы здѣсь большею частью играютъ зимой предъ масляницей. Лѣтомъ не до свадьбъ, а осенью, когда всего лучше было-бы ихъ играть—по изобилію хлѣба и баранины, придерживаются того предразсудка, что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: «вы и женились въ *овечій мясоѣдъ*» [1]), говорятъ имъ,—отъ того здѣсь свадьбы осенью и весьма рѣдки. Послѣ свадьбы на масляницѣ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ явиться на базаръ въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія ковриги и прочія сладости, которыя и передаетъ имъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время прядетъ для себя ленъ. Собираясь въ гости къ своимъ роднымъ, она всегда приглашаетъ всѣхъ новыхъ сродницъ, и замужнихъ и дѣвицъ, къ своей матери, въ гости, въ сборное воскресенье, въ которое всѣ они и являются туда. А въ Ѳоминое воскресенье малые ребятишки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. обвѣнчавшіеся въ томъ году), и говорятъ:

2305.

Молодая молодица,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца, —
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздаетъ имъ всѣмъ пряники, чѣмъ они остаются очень довольны и затѣмъ уходятъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ деревняхъ даже мужики приходятъ къ молодой съ такою угрозою, и ихъ обыкновенно она угощаетъ водкой, чѣмъ тоже они остаются весьма довольны. Наконецъ въ Петровъ день (29 іюня), или наканунѣ его, зять отправляется съ своей женой къ ея родителямъ въ гости, и теща, или мать жены его, даритъ имъ въ это время деревянную чашку съ приготовленнымъ въ ней сыромъ, двѣ ложки, солоницу и иногда—молотило, грабли и косу. Этимъ дареніемъ и завершаются всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Но мой очеркъ далеко былъ-бы не полонъ, если-бы я не коснулся въ немъ еще такъ называемыхъ «воровскихъ свадьбъ» [1]).

Воровскія свадьбы преимущественно устраиваютъ бѣдные крестьяне. Бѣдному родителю жениха негдѣ взять денегъ за «выговоръ» невѣсты и на свадьбу, и вотъ онъ предлагаетъ своему сыну самому отыскать себѣ невѣсту. Сынъ начинаетъ рыскать по «бесѣдкамъ» и находитъ. Иногда находитъ скоро, а иногда очень долго странствуетъ изъ деревни въ деревню. Если онъ принадлежитъ къ порядочному дому и красивъ собою, то скорѣе находитъ себѣ невѣсту, а если черезъ чуръ бѣденъ и особенно не взраченъ на видъ, то не скоро поймаетъ ее. Изъ дѣвушекъ преимущественно тѣ соглашаются «по-воровски»

---

[1]) Лучшимъ временемъ для случки овецъ дѣйствительно считается октябрь и ноябрь мѣсяцы.

[1]) По-семеновски: свадьбы самокрутки, свадьбы уходомъ, уводомъ, убѣгомъ. Воровскія свадьбы макарьевскаго Ветлужья, описываемыя авторомъ, впрочемъ во многомъ разнятся отъ семеновскихъ самокрутокъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія его описанія съ статьей священника А. В. Кордатова «Самокрутка» (Ниж. Сборникъ», томъ III, стр. 139—149), — вотъ, между прочимъ, оправданіе нашего мнѣнія о необходимости такъ сказать примѣненія микроскопа къ этнографическимъ изслѣдованіямъ (стр. IX предисловія къ V тому «Ниж. Сборника») и высказываемыхъ и авторомъ настоящей статьи, въ началѣ ея, положеній, подтверждающихъ выбранный имъ эпиграфъ: «что ни городъ, то норовъ»... Кстати здѣсь замѣтить, что воровскія свадьбы также въ употребленіи и у азіятскихъ народовъ: у алтайскихъ племенъ—черневыхъ татаръ и телеутовъ (см. статью князя Н. А. Кострова. «Женщина у инородцевъ томской губерніи» въ «Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири», изд. Б. А. Милютинымъ), у кавказскихъ племенъ (см. «Обычное право», Е. И. Якушкина, №№ 1294, 1302, 1301 и 1340), въ олонецкой губерніи (см. «Олонецкій Сборникъ» изд. олон. стат. комитетомъ, подъ ред. А. И. Иванова, статья г. Соколова). Въ видѣ нѣкотораго подобія самокрутокъ начинаетъ входить въ обычай и у такъ называемыхъ высшихъ слоевъ нижегородскаго общества, стремленіе все чаще и чаще устраивать свадьбы по возможности въ тихомолку, безъ званыхъ гостей, для чего женихъ и невѣста вѣнчаются или безъ предварительнаго объявленія дня свадьбы, или даже уѣзжаютъ съ этой цѣлью изъ города, гдѣ живутъ, и гдѣ имѣютъ слѣдовательно много знакомыхъ, въ ближайшее село, или въ Москву.—*Ред.*

обвѣнчаться, которымъ хочется поскорѣе «прикрыть свою голову», и родители которыхъ изъ-за собственныхъ выгодъ удерживаютъ ихъ, какъ рабочую силу, у себя въ домѣ, хотя имъ уже иногда бываетъ далеко за двадцать. Взявъ съ своей невѣсты слово гдѣ-нибудь на базарѣ или въ «бесѣдкѣ» на дворѣ, — причемъ всегда въ залогъ любви и брачной жизни, кромѣ поцѣлуевъ, они еще обмѣниваются своими крестами, женихъ съ торжествующей физіономiей идетъ къ своему отцу и сообщаетъ ему радостную вѣсть, что онъ нашелъ невѣсту. Отецъ ѣдетъ къ попу спросить: можно-ли устроить такой бракъ. Попъ сначала «поломается», но въ концѣ концовъ всегда соглашается, когда крестьянинъ выложитъ ему на столъ «красненькую», и поставитъ штофъ водки. Назначается день свадьбы, о чемъ сообщается и невѣстѣ. Все это дѣлается секретно. Ночью, накапунѣ брака, дядя или старшій братъ жениха запрягаетъ пару лошадей и ѣдетъ съ женихомъ въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста. Дядя остается въ саняхъ возлѣ деревни, а женихъ идетъ къ невѣстѣ или къ ея теткѣ, при помощи которой дѣло устроилось. Тетка подходитъ къ окну той избушки, въ которой находится «бесѣдка» и зоветъ свою племянницу домой. Та тотчасъ собирается. Дѣвушки ничего не подозрѣваютъ и продолжаютъ веселиться и распѣвать свои пѣсни. Между тѣмъ въ это время позади дворовъ по сугробамъ быстро идутъ три тѣни, изъ которыхъ у одной въ рукахъ «куфтырь» или узелъ съ одеждой. Эти три тѣни достигаютъ саней и во весь опоръ мчатся въ село вѣнчаться. Въ большинствѣ случаевъ влюбленнымъ или, вѣрнѣе сказать, сговорившимся, удается повѣнчаться до погони, а иногда они не успѣваютъ, и тогда происходитъ не мало курьезовъ и скандаловъ. Первымъ долгомъ отецъ бѣглянки заявляется къ попу и требуетъ, чтобы онъ не вѣнчалъ его дочь, иначе онъ завтра-же поѣдетъ на него жаловаться «анхирею.» Попъ начинаетъ уговаривать его. Тотъ въ порывѣ гнѣва называетъ его «клокатымъ» (косматымъ) и идетъ по селу отыскивать свою дочь [1]). Иногда онъ ее находитъ, и въ такомъ случаѣ даетъ ей потасовку, если родные со стороны жениха не защитятъ ее; дочь его обыкновенно при этомъ говоритъ: «Хоть зарѣжь, батюшка, а не поѣду не обвѣнчанная домой; а если силой увезешь, то или утоплюсь или удавлюсь.» Отцу послѣ такого протеста остается только покориться и войти въ какую нибудь сдѣлку съ новымъ непрошеннымъ сватомъ, или плюнуть и уѣхать домой. Въ большинствѣ случаевъ онъ впрочемъ не находитъ своей бѣглянки, и тогда съ другими своими родственниками сидитъ, въ церковной караулкѣ, или возлѣ самыхъ церковныхъ дверей, и дожидается того времени, когда приведутъ ее въ церковь. Но вотъ тутъ-то «красненькая» и выручаетъ бѣглыхъ. Изобрѣтательные причетники всѣми силами стараются провести въ церковь невѣсту. А если имъ это никакъ не удается, то прибѣгаютъ къ хитрости: или проводятъ ее въ боковыя двери, которыя зимой ни для кого не отворяются, или одинъ изъ нихъ, въ глазахъ родителей невѣсты, беретъ ключи отъ напольной церкви—какъ будто для вѣнчанія—и, когда родители убѣгутъ къ напольной церкви, спѣшатъ обвѣнчать ихъ дочь въ главной церкви. А однажды, расказываютъ, былъ такой случай. Зорко слѣдили родители за невѣстой и не было никакой возможности провести ее въ церковь; между тѣмъ былъ послѣдній день мясоѣда, въ который можно было вѣнчать. Тогда одинъ изъ дьячковъ, одинаковаго роста съ невѣстой, нарядилъ ее въ свой тулупъ, надѣлъ свою шапку поповскую и отправилъ ее въ церковь, а самъ остался дома. Этотъ костюмированный дьячокъ бойко прошелъ въ глазахъ своихъ родителей въ церковь. гдѣ тотчасъ-же былъ снятъ тулупъ, и началось вѣнчаніе.... Послѣ вѣнчанія всѣ вышли изъ церкви и предложили родителямъ, подкарауливавшимъ свою дочь у церкви, поздравить своихъ дѣтей съ законнымъ бракомъ. Тѣ только руками развели, и хотя мать не удержалась, чтобы не потрепать «молодую за хохолъ», но въ тотъ-же вечеръ сватья помирились и не мало хохотали надъ находчивостью дьячка.

Всѣ эти воровскія свадьбы почти постоянно и

---

[1]) Надобно замѣтить, что духовенство Ветлужскаго края макарьевскаго уѣзда не пользуется въ средѣ своихъ прихожанъ должнымъ уваженіемъ. Причинъ этому много; главныя изъ нихъ: по наклонности къ расколу и приверженности къ старымъ обрядамъ замѣтная холодность къ православной вѣрѣ со стороны самихъ прихожанъ; часто бездушное и небрежное исполненіе священниками своихъ пастырскихъ обязанностей, какъ въ церкви, такъ и въ приходѣ; ихъ грубое обращеніе съ своими прихожанами; ихъ чрезмѣрная притязательность,—особенно при свадьбахъ и похоронахъ; ихъ кляузничество между собою и съ прихожанами; ихъ нетрезвость, — особенно при крестинахъ, молебствіяхъ и крестохожденіяхъ, ихъ скудное матеріяльное положеніе и зависимость отъ прихожанъ—отъ клока шерсти и до ложки сметаны или масла, и проч., и проч. Все это можетъ только унижать, а не возвышать духовенство, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже дѣти духовные иногда дозволяютъ себѣ ругать своего духовнаго отца не только за глаза, но и въ глаза.

оканчиваются мировой сдѣлкой. И я не зналъ ни одного случая, когда-бы родители невѣсты жаловались на священника, обвѣнчавшаго ихъ дочь безъ ихъ дозволенія. Въ этомъ случаѣ они руководствуются тѣмъ доводомъ, что «хоть жалуйся, не жалуйся, а ужъ теперь самъ царь не развѣнчаетъ; зачѣмъ-же и жаловаться». Послѣ вѣнчанія, на другой-же день, молодые обыкновенно ѣдутъ къ родителямъ невѣсты, валяются у нихъ въ ногахъ и почти всегда получаютъ прощеніе; рѣдкій отецъ не проститъ, особенно, когда молодой зять вытащитъ изъ саней полведерный боченокъ вина. Другой отецъ впрочемъ поупрямится, такъ что раза два и три придется къ нему съѣздить на поклонъ, и въ концѣ концовъ все таки проститъ и благословитъ своихъ дѣтей, при чемъ выдастъ дочери и все приданое, заключающееся въ разной одеждѣ.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаю нужнымъ сказать еще слова два о статистикѣ браковъ по Ветлужскому краю макарьевскаго уѣзда. Общее число браковъ въ этомъ краѣ каждогодно бываетъ отъ 350 до 400. По народонаселенію Ветлужскаго края (36.000 чел. обоего пола) процентъ этотъ далеко не значителенъ. Причина — бѣдность крестьянъ и дороговизна свадьбъ. Самая бѣдная свадьба обходится крестьянину не менѣе 50 рублей. Другой-бы отецъ и женилъ своего сына, да какъ вспомнитъ, во что обойдется ему свадьба, и зачешетъ затылокъ.... Большее число свадьбъ приходится на февраль, который ко всѣмъ остальнымъ мѣсяцамъ относится какъ 3 : 2. Самое меньшее число браковъ бываетъ въ августѣ: отъ 1 до 5 браковъ на весь край. Самое большее число браковъ въ послѣднее десятилѣтіе, сколько мнѣ помнится, было въ 1865 и 1871 годахъ. И это увеличеніе браковъ въ тотъ и другой разъ зависѣло не отъ естественныхъ, а отъ особенныхъ причинъ. Въ первомъ случаѣ какіе-то злоумышленники распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хочетъ отослать въ Польшу, къ полякамъ, во второмъ— едва-ли не пьяные волостные писаря, не понявшіе какого либо распоряженія правительства или какой либо газетной статьи, распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хочетъ собрать и отправить въ Москву, учиться акушерству. Въ этомъ году очень многіе родители обращались ко мнѣ за разрѣшеніемъ этаго недоразумѣнія, и мнѣ большого труда стоило разубѣдить ихъ, что этотъ слухъ ложенъ. Большее число браковъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, бываетъ между холостыми и дѣвицами. Къ общему числу всѣхъ браковъ, браки между холостыми и дѣвицами относятся какъ 4 : 1. Браковъ холостыхъ со вдовами, вдовыхъ съ дѣвицами и вдовыхъ со вдовами бываетъ самый незначительный процентъ. Большее число браковъ заключается моложе 20 лѣтъ, именно: эти лѣта относятся къ остальнымъ лѣтамъ почти какъ 1 : 1.—Съ наступленіемъ всеобщей воинской повинности число это, по всей вѣроятности, измѣнится и большее число браковъ будетъ заключаться между 21 — 25 годами. Старше 65 лѣтъ не женятся и не выходятъ замужъ. Въ эти годы старухи обыкновенно уже даютъ обѣтъ не ѣсть говядины и стараются уклоняться даже отъ своихъ законныхъ мужей-стариковъ; но старики все-таки продолжаютъ льнуть къ своимъ старухамъ. Природа беретъ свое и «живой о живомъ и думаетъ».

М. М. Поспѣловъ. Изъ Нижегородскаго Сборника А. С. Гацискаго, т. VI, (1877 г.), стр. 108—155.

Той же губ., Сергачскаго у., въ селѣ Пересѣкинѣ.

Половина сентября мѣсяца. Работы полевыя почти уже кончены. Недалеко и Покровъ—нашъ храмовой праздникъ. Приходитъ время старшимъ въ семьѣ озаботиться поженить молодыхъ людей своей семьи, давно достигшихъ совершеннолѣтія (нужно замѣтить, что народъ нашъ, по своей бѣдности, не женится ранѣе 20—25 лѣтъ). Пришла трудная забота сватать за холостого молодца невѣсту. Парень уже давно, въ осеннюю или весеннюю гулянку, облюбовалъ себѣ избранную, о чемъ и объявилъ, къ концу лѣта, своимъ родителямъ. Настало Вздвиженье (Воздвиженье,—14 сентября). И родители, помолившись Господу предъ иконою, избираютъ изъ среды себя, обыкновенно старшую сноху (если только есть въ семьѣ уже женатыя сыновья), а за неимѣніемъ ея,—выданную дочь, или еще кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ женскаго пола, и посылаютъ въ домъ невѣсты узнать: «будутъ-ли родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предложеннаго жениха?» Тутъ переговоры бываютъ очень коротки: если согласны, то скажутъ: «милости просимъ», а если нѣтъ, скажутъ: «благодаримъ за честь, но торопиться отдавать еще погодимъ: невѣстѣ еще не охота смѣнять свою свободу». Въ первомъ случаѣ, т. е. когда изъявляется согласіе, то по возвращеніи свахи, отецъ и мать жениха (а за неимѣніемъ ихъ — крестный или крестная) помолившись, немедленно отправляются въ домъ невѣсты. Вошедши туда и поздоровавшись съ хозяевами, садятся подъ матку [1]).

[1]) Матка,—это перекладина, на которой лежитъ потолокъ.

Поговоривъ немного о постороннихъ вещахъ, отецъ и мать приступаютъ къ дѣлу. «Вотъ у насъ есть женихъ, а у васъ невѣста: и намъ бы очень желательно было породниться съ вами.» — «Что-же?» отвѣчаютъ имъ: «мы тоже не прочь, только не знаемъ, какъ невѣста?» Невѣста не прекословитъ. Затѣмъ начинаются условія о *кладкѣ*, которая заключается въ томъ, что родители жениха обязуются уплатить невѣстѣ извѣстное количество денегъ и различную одежу, а если невѣста бѣдна, то выговаривается при этомъ и разная съѣстная провизія для свадьбы, какъ-то: мука, крупа, солодъ, солонина, вино.

Выговариваются всегда и разные подарки, которые невѣста должна подарить свекру, свекрови и всѣмъ ихъ семействамъ. Когда сватья во всѣхъ условіяхъ наконецъ сошлась, зажигается свѣча передъ иконами и всѣ молятся. Потомъ подаютъ другъ другу руки съ просьбой, чтобы все условленное было соблюдено свято и нерушимо, а главное, чтобы ни та, ни другая стороны не слушали никакихъ людскихъ сплетней относительно жениха, или невѣсты. Вскорѣ назначается и день сговора. На сговоръ въ домъ невѣсты идутъ отецъ жениха и ближайшіе родственники мужскаго пола, въ домѣ же невѣсты собираются тоже ближайшіе родственники, какъ мужчины, такъ и женщины. Начинается выпивка. Вино приносится отцемъ жениха, по окончаніи выпивки всѣ расходятся по домамъ и какъ только вышелъ за порогъ послѣдній гость, невѣста падаетъ въ ноги отцу, матери и со слезами причитаетъ:

2306.

«Что у тебя, батюшка, былъ за пиръ, за бесѣдушка?
За веселая у тебя компаньица?
Не мои-ли, батюшка, были у тебя разлучники?
Не пущалъ-бы ты ихъ на широкій дворъ;
Не встрѣчалъ-бы ты ихъ среди новой горницы;
Не сажалъ-бы, батюшка, за дубовый столъ;
Не бралъ-бы ты, батюшка, у нихъ изъ рукъ
золоту̀ чару̀;
Не пилъ-бы ты ихъ, батюшка, зелено вино!
Золота-то чара̀ обманчива;
Зелено-то вино пропойчиво.
Не пропивали-бы мою буйную головушку
Въ чужіе люди, въ незнамые.
Не придумаю я, горькая, не пригадаю,
Какъ мнѣ жить во чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ будетъ привыкать къ чужому дѣтищу?
Трудно угодить на чужого отца съ матерью.
Чужіе отецъ съ матерью безъ вины журятъ-
бранятъ,
Чужое-то дѣтище безъ вѣтру сушитъ-крушитъ;
Безъ краснаго солнышка глаза выпекутъ,
Безъ лютаго безъ морозу сердце вызнобнтъ.»

На утро изъ невѣстина дома двѣ-три бабы отправляются въ домъ жениха за рубашкой, по образцу которой невѣста будетъ шить жениху бѣльё. Тутъ этихъ бабъ обильно угощаютъ.

Въ ближайшій базарный день отецъ и мать, сама невѣста и ближайшіе родственники ѣдутъ въ базарное село, останавливаются въ трактирѣ или въ харчевнѣ, и здѣсь имъ бываетъ обильное угощеніе со стороны жениха. Послѣ сговора каждый вечеръ невѣсту навѣщаютъ подруги-дѣвицы. При встрѣчѣ ихъ невѣста плачетъ:

2307.

«А свѣтъ ты моя, буйная головушка,
И свѣтъ ты моя, краса дѣвичья!
Куда-то мнѣ свою кро́соту дѣвать будетъ?
Пущу свою кро́соту въ чисто поле, —
Въ чистомъ полѣ она зашатается.
Пущу свою кро́соту въ зелены луга:
Въ зеленыхъ лугахъ она загуляется.
Пущу её, разгорькую, во тёмный лѣсъ,—
Во темномъ-то лѣсу она заплутается.
Пущу её па бѣлую грудь:
На бѣлой груди она растоскуется.
Отдамъ я свою кро́соту милымъ подруженькамъ:
«Носите вы ее, подруженьки, не жалѣючи,
А меня, горькую, вспоминаючи.
Ужъ не будетъ мнѣ такой волюшки,
Что у кормилица батюшки, у сударыни матушки.
Подите-ка, подруженьки, къ моему горю, къ
великому.
Красуйтеся, подруженьки, у родимаго батюшки,
У сударыни красуйтесь у матушки.
А я, злыдарушка, открасовалася:
Отошли всѣ мои гульбы-прокладушки, —
Отошли дѣвичьи забавушки.»

На невѣстинъ плачъ, подруги, уходя отъ нея, поютъ:

2308.

«Не было витро̀въ, да повянули,
Не было гостей—понаѣхались:
Полонъ дворъ вороныхъ коней,

А кони-то всё подъ сѣдлами, подъ черкасскими.
Подломили кони сѣни новыя;
Да разстóпилась золота чарà,
Выпустили соловья и̂зъ саду.
И расплакалась Анна, душа Васильевна.
Утѣшалъ же её Иванъ-государь:
«Ты не плачь, не плачь, Анна, душа Васильевна!
Сѣни новыя я самъ срублю;
А золоту чару златари сольютъ;
А соловья въ садъ я опять залучу,
А по утру рано я самъ разбужу.»

За нѣсколько дней до брака бываетъ окончательный запой невѣсты. Въ домъ ея собираются опять отецъ и ближайшіе родственники жениха; приносятъ съ собой вино. Сюда сходятся и родственники невѣсты. Помолившись, всѣ садятся за столъ и, выпивши вино, узнаютъ окончательно отъ родителей невѣсты, что къ совершенію предположеннаго брака нѣтъ никакихъ препятствій: въ веселомъ настроеніи расходятся по домамъ.

Въ день дѣвичника (который всегда бываетъ накапунѣ бракосочетанія), всѣ подружки невѣсты и молодыя бабы изъ невѣстина дома приходятъ въ домъ жениха за мыломъ. Встрѣча имъ бываетъ самая радушная и угощеніе весьма обильное: пьющія—напиваются до пьяна, а непьющихъ обливаютъ виномъ съ головы до ногъ. Дѣвицы запѣваютъ жениху:

2309.

«Кто у насъ уменъ, кто у насъ разуменъ?
Иванъ-отъ уменъ, Петровичъ разуменъ;
По двору ходитъ, манерно ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мораетъ.
Сапогъ-отъ сафьянный, чулокъ-отъ бумажный.
По горницѣ ходитъ, головушку чешетъ;
Въ зеркало глядится, самъ себѣ дивится:
«Хорошъ уродился, пригожъ нарядился.
Создай Ты мнѣ, Боже, невѣсту хорошу,
Невѣсту хорошу, Васильеву дочку.
Васильева дочка на рынокъ ходила,
На рынокъ ходила, коня выводила;
Коня выводила, Ивана дарила.
Иванъ-отъ садился:
Подъ нимъ конь веселился.
Онъ плеточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-отъ пляшетъ.
Лугами онъ ѣдетъ:
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ, 2
Соловьи распѣваютъ.»

2310.

«На дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежъ собой рѣчи говорятъ,
Про добраго молодца, про Ивана Петровича:
«Какъ у насъ нѣтъ такого молодца,
Такого молодца какъ Ивана Петровича!
Онъ съ тысячи на тысячу ступалъ;
Сотней ворота запиралъ;
По пяти рублей красавицамъ дарилъ;
Изъ неволюшки сиротъ выкупалъ:
«Вы сирóты, вы сирóтушки мои!
Помолитесь Богу обо мнѣ,
Чтобы Богъ меня помиловалъ,
Государь меня пожаловалъ.»
— «Слышишь-ли ты, Иванъ-государь,
Тебѣ пѣсенку поемъ?!
Слышишь-ли, Петровичъ,
Тебѣ честь воздаемъ?»

Вечеромъ же этого дня, передъ закатомъ солнца, въ домъ невѣсты собираются всѣ ея родственники и всѣ подруги-дѣвицы. Во время пира невѣста сидитъ въ углу, противъ печки, а подруги, сидя за столомъ, поютъ:

Не былó витровъ, да повянули; и т. д.
Изъ-за горъ, горъ высокихъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Летитъ стая гусиная, и т. д.

Родственники, напившись и наѣвшись, не засиживаются, а дѣвицы-подружки веселятся почти всю ночь.

Въ то время, какъ въ домѣ невѣсты идетъ дѣвичникъ, въ домѣ жениха, въ его присутствіи, идетъ угощеніе родственниковъ.

Въ день бракосочетанія рано утромъ въ домѣ невѣсты, когда еще всѣ спятъ, она начинаетъ плакать, причитая:

2311.

«Вставайка, родимый мой батюшка,
Вставай, сударыня матушка.
Спалась-ли вамъ, батюшка, темная ноченька?
А мнѣ, злыдарушкѣ, не заснулося:

Всѣ-то я думушки передумала.
А заснула я на бѣлой зарѣ.
Привидился мнѣ, злыдарушкѣ,
Нехорошій сонъ:
Будто я, горькая, хожу по крутой горѣ,
По крутой горѣ, по желтымъ пескамъ,—
Желты пески осыпаются:
Мои ноженьки подсѣкаются.
Растеряла я, злыдарушка,
Изъ русой косы, алы ленточки.»

Только что ободняетъ, какъ въ домъ священника приходитъ дружка и полдружье, т. е. будущіе распорядители свадебнаго пира, и просятъ благословенія собирать свадебный поѣздъ. Получивъ это благословеніе, идутъ въ домъ невѣсты, неся съ собою для невѣсты сарафанъ, поддевку и башмаки съ чулками. А къ этому времени къ невѣстѣ,—которая въ ожиданіи сидитъ у печки,—соберутся уже подруги ея—дѣвицы. Подруги начинаютъ собирать ее къ вѣнцу, расплетять ей косу. Невѣста плачетъ:

2312.

«Любимыя мои, подруженьки!
Не расплетайте мою русу́ косу́;
Не розоряйте мою *кро́су* дѣвичью.»

Затѣмъ на нее надѣваютъ сарафанъ и другую одежду. Она между тѣмъ продолжаетъ свой плачъ такъ:

«Не шубой меня одѣваете,
А морозомъ осыпаете.»

Съ этими словами она идетъ къ столу и плачетъ:

«Пропустите меня, люди добрые,
Изъ кута́ до пе́реда,
Къ великому благословеньицу.»

У стола она садится къ брату и продолжаетъ плакать:

«Родимый мой, братецъ-батюшка,
Поѣзжай-ка, братецъ, во темны́ лѣса́,—
Сруби-ка, братецъ-батюшка, берёзоньку бѣлую;
Завали-ка, братецъ-батюшка, путь-дороженьку,
Широкую улицу, къ широкому подворьицу;
Чтобы моимъ-то разлучникамъ, не пройдти,
не проѣхати;
Не разлучали-бы меня съ отцомъ, съ матерью.»

Затѣмъ она обращается къ отцу съ матерью съ такимъ плачемъ:

«Кормилецъ мой, батюшка,
И сударыня матушка!
Подойдите къ дубову́ столу́,
Раскройте шелкову́ фату́,
Поглядите на мою кро́су дѣвичью—
Въ первой и въ остаточки!»

Когда невѣста совсѣмъ наряжена къ вѣнцу и поѣзжане готовы—привозятъ въ домъ жениха причтъ церковный. Послѣ угощенія пріѣзжихъ причтомъ служится молебенъ, въ концѣ котораго бываетъ благословеніе жениха. Отецъ и мать становятся въ переднемъ углу (задомъ къ образамъ), держа въ рукахъ икону. Передъ ними, на полу, разстилается зипунъ. Послѣ поясныхъ и земныхъ поклоновъ женихъ падаетъ на полъ ницъ, и родители благословляютъ упавшаго иконою, говоря: «Да будетъ наше родительское благословленье отнынѣ и до вѣка!» Благословленный встаетъ, цѣлуетъ икону, отца и мать. Потомъ такимъ же образомъ благословляютъ его крестный и крестная. Затѣмъ женихъ, выйдя изъ дому, вмѣстѣ со священникомъ и двумя свахами, садятся на телѣгу и ѣдутъ въ домъ невѣсты. Тамъ невѣста сидитъ впереди, за столомъ, въ полномъ свадебномъ, подвѣнечномъ нарядѣ, покрытая фатой. Съ лѣвой ея стороны сидитъ крестная, а съ правой родной братъ. Дружка жениховъ проситъ брата невѣсты, чтобы онъ уступилъ свое мѣсто (близъ невѣсты) жениху; но братъ требуетъ за невѣсту выкупа. Дружка наливаетъ ему въ стаканъ водки, или браги и подаетъ, но братъ не пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ стаканъ не будутъ положены деньги. По исполненіи его требованія, онъ выпиваетъ стаканъ, цѣлуетъ сестру-невѣсту и уходитъ изъ-за стола. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ, открываетъ фату и, увѣрившись, что это дѣйствительно его невѣста, садится съ ней рядомъ. Причту и поѣзжанамъ подается обѣдъ, послѣ котораго опять служится молебенъ, вслѣдъ за коимъ родители невѣсты, а также крёстный и крёстная, благословляютъ жениха и невѣсту. По окончаніи молебна всѣ выходятъ изъ дома (кромѣ родителей). Впереди идетъ священникъ съ крестомъ, за нимъ дружка съ иконами, далѣе женихъ ведетъ за руку невѣсту, а сзади идутъ остальные родственники. Женихъ, посадивъ невѣсту на телѣгу, самъ идетъ и садится на другую телѣгу вмѣстѣ съ священникомъ. Дружки въ это время обходятъ съ иконами вокругъ всего поѣзда, послѣ чего всѣ поѣзжане, перекрестившись, пус-

каются въ путь къ церкви. Въ церкви невѣста стоитъ вся украшенная лентами и цвѣтами.

По совершеніи бракосочетанія всѣ выходятъ изъ церкви, переполненной любопытствующимъ народомъ. Молодой, посадивши на телѣгу свою новобрачную, садится и самъ рядомъ съ нею, а кругомъ ихъ дружки и свахи. Какъ только подъѣдутъ къ дому молодого, отецъ и мать его выходятъ на встрѣчу новобрачнымъ: отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ-солью. Молодой прикладывается сначала къ образу, потомъ цѣлуетъ отца и мать, хлѣбъ-соль; тоже дѣлаетъ и молодая; но хлѣбъ, держимый матерью, она покрываетъ шалью, которая и поступаетъ, какъ подарокъ, отъ невѣстки своей свекрови. Войдя въ домъ и, помолившись на иконы, молодые садятся за столъ. Отецъ и мать поздравляютъ новобрачныхъ, при чемъ, приблизительно, держатъ такую рѣчь: «Дѣти милыя! Поздравляемъ васъ съ законнымъ бракомъ. Дай вамъ, Господи, всякого счастія! И будетъ вамъ счастіе, если станете слушаться и почитать насъ, помогать намъ въ нашихъ дѣлахъ, а—придется, успокоете и нашу старость; мы же будемъ любить васъ, и видя васъ счастливыми, станемъ радоваться.» При этомъ свекръ и свекровь, въ знакъ своего благоволенія, дарятъ молодой невѣсткѣ—или овцу, или теленка, а кто улей съ пчелами или деньги. Дарятъ молодую тѣмъ же и нѣкоторые родственники. Потомъ молодая отводится за занавѣсъ, къ печкѣ, гдѣ ее обряжаютъ въ повойникъ — обязательный, отличительный знакъ женщины. А молодой въ это время сидитъ за столомъ. Повязанная молодая опять садится за столъ. Имъ сейчасъ же подаютъ на руки младенца-ребенка одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Молодые, подержавъ его недолго, отдаютъ его обратно, при чемъ молодая кладетъ ему подарокъ—рубашку или поясъ. Послѣ этого молодые уходятъ за занавѣсъ, къ печкѣ, гдѣ имъ подается хорошее угощеніе, а среди комнаты идетъ между тѣмъ угощеніе ближайшихъ родственниковъ хозяина дома. Дружка первую чарку подноситъ новобрачнымъ, но они *отвертываютъ* (отклоняютъ, направляютъ) сначала къ отцу, потомъ къ матери, а затѣмъ уже и сами принимаютъ и отпиваютъ, сколько могутъ. Когда родственники разойдутся, молодые отводятся свахами въ отдѣльное холодное помѣщеніе (клѣть) отдыхать. Отдохнувши, молодые, совмѣстно съ дружкой и свахами, идутъ въ домъ родителей невѣсты, чтобы звать ихъ, вмѣстѣ съ родственниками, на вечерній пиръ— на «горные». Отецъ и мать радушно встрѣчаютъ ихъ и, послѣ небольшого угощенія, отпускаютъ обратно домой. По уходѣ ихъ, они отряжаютъ одного изъ членовъ своей семьи звать своихъ родныхъ на «горные». Родные очень скоро сбираются въ домъ ихъ и, немедля, всѣ отправляются на пиръ. Подошедши къ воротамъ, останавливаются. Немного погодя, выходятъ встрѣчать гостей молодые. Каждый изъ гостей ихъ поздравляетъ, цѣлуетъ и проходитъ въ домъ. Принявъ поздравленіе и поцѣлуи отъ перваго до послѣдняго, молодые входятъ въ домъ послѣдними. А въ домѣ между тѣмъ уже поставлены столы съ припасомъ всякаго угощенія. Всѣ усаживаются. Подходятъ новобрачные. Съ лѣвой стороны ихъ становятся свахи, держа въ рукахъ подарки для гостей, а съ правой стороны дружка съ бутылкой водки и стаканомъ. Дружка подноситъ наполненный стаканъ первому изъ ближайшихъ родственниковъ молодого, проситъ его выпить и принять предназначенный для него подарокъ. Но онъ (родственникъ) не дотрогивается до стакана, пока молодые не поклонятся ему въ ноги. Тогда только онъ поздравляетъ новобрачныхъ, выпиваетъ стаканъ и беретъ подарокъ, за который кладетъ *отдарокъ* деньгами.

Дружка наполняетъ другой стаканъ и подноситъ его съ такими же просьбами второму родственнику, который тоже выпиваетъ стаканъ только послѣ низкаго поклона со стороны молодыхъ. Всѣ поздравляютъ, выпиваютъ, берутъ подарокъ и отдариваютъ за него, а молодые кланяются въ ноги. Начинается пиръ. Молодые отводятся въ клѣть спать. Тутъ пиръ уже въ полномъ разгарѣ: почти всѣ пьяны. Хозяинъ и хозяйка дома (родители), обратившись къ гостямъ, весело говорятъ: «А что, гости дорогіе, не пора-ли ужъ намъ потребовать сюда и молодыхъ?» — «Пора, давно пора!!» — громко кричатъ гости. И немедленно къ клѣти отправляютъ свахъ и дружку. Вводятъ новобрачныхъ. На столѣ появляется курникъ (круглый пирогъ), украшенный цвѣткомъ. По рѣчи, которую будутъ держать свахи, всѣ выводятъ заключеніе—цѣломудренной-ли невѣста шла къ вѣнцу?. Всѣ обращаются въ слухъ, а глаза ихъ зорко устремляются на новобрачныхъ. Свахи, въ присутствіи всѣхъ, обращаются къ родителямъ новобрачной съ такой рѣчью: «Спасибо вамъ, дорогіе, за то, что вы свою дочку поили-кормили, уму-разуму учили и отъ бесчестья сберегли!......» Дружка въ этотъ моментъ съ силой бросаетъ на полъ какую-либо глиняную посудину, которая съ шумомъ разбивается въ дребезги. Цвѣтокъ съ курника ловко сшибаютъ ножомъ. А все собраніе гостей, съ дикими плясками (и по полу, и по лавкамъ) запѣваютъ слѣдующую пѣсню:

2313.

«Расцвѣли цвѣты лазоревы,
Понесли духи малиновы:
Ужъ я въ той травѣ повыкормлю коня,
Выкормлю и выпою его;
Поведу я коня къ батюшкѣ.
Ужъ ты, батюшка, ро́дный мой,
Восприми-ка слово ласковое,
Восприми слово привѣтливое:
Не отдай меня за стараго замужъ!
Старъ-добрѐ и неровня мнѣ;
Съ неравнюшкой я гулять не пойду,
И постели не стелю, и спать не хочу!...
А отдай меня за ровнюшку,
За веселую головушку:
Съ ровнюшкой я гулять пойду и т. д.

Пиръ продолжается всю ночь. На другой день, поздно утромъ, родители молодой посылаютъ кого-либо изъ своихъ звать новобрачныхъ къ себѣ въ домъ «на блины».

Вмѣстѣ съ молодыми идутъ и ближайшіе родственники молодого. Пируютъ недолго и уходятъ обратно домой. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, новые сватья, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками своими и шабрами (сосѣдями), пируютъ другъ у дружки. Молодые же, ихъ родители и семейные обязательно ходятъ въ гости ко всѣмъ тѣмъ родственникамъ, которые пировали у нихъ на свадьбѣ. Предпочтеніе передъ всѣми на пирахъ отдается крёстнымъ и крёстнамъ новобрачныхъ. Свадебныя гулянья продолжаются 3, 4 и даже до 8 дней.

Составилъ священникъ с. Пересѣкина Константинъ Васильевъ Салгинскій. Эта статья, какъ и послѣдующія изъ означенной губерніи сообщены секретаремъ Нижегородск. Духов. Консисторіи М. И. Макаревскимъ

Той же губ., Лукояновскаго у., с. Старорождественно (Староселье, Тагаево тожъ).

Свадьбы въ нашемъ селѣ бываютъ въ разное время года, но преимущественно въ октябрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Свадебное празднество продолжается отъ 3-хъ до 5-ти дней. Послѣ переговоровъ съ женихомъ и со своими семейными родители намѣчаютъ сыну невѣсту и приглашаютъ кого-нибудь изъ родственицъ въ свахи или изъ такихъ женщинъ, которыя занимаются сватовствомъ, какъ ремесломъ, а такихъ свахъ въ селѣ всегда найдется 2—3. Сваха приходитъ, ее угощаютъ водкой, обѣщаютъ подарки и посылаютъ въ домъ родителей намѣченной невѣсты. Отправляясь туда, сваха беретъ въ руки ухватъ. Изъ дома жениха вслѣдъ за ней кидаютъ лапти. Войдя въ домъ отца невѣсты, она молится (кладетъ три поясные поклона) и такъ привѣтствуетъ хозяевъ: «Здорово, сватъ, Иванъ Павлацъ? Какъ живешь можешь?»—«Ницаво, помаленьку.»—«А какъ супружница?» — «Да тожи ницаво!» — «А дѣтки, а Марья Ивановна (невѣста)?» Если отвѣтъ получается благопріятный, сваха садится подъ *матку* (матицу), держа въ рукахъ ухватъ, рогами вверхъ и начинаетъ разговоръ въ такомъ родѣ: «У насъ купецъ, удалой молодецъ», и при этомъ пересчитываетъ достоинства этого молодца: работящій, не пьяница, до *цужбинки не охотникъ* (т. е. цѣломудренный), затѣмъ высчитываетъ богатства жениха, конечно все въ преувеличенномъ видѣ: въ анбарѣ-де сусѣки полны, скотины—полонъ дворъ, земли засѣваютъ много, мясо ѣдятъ каждый праздникъ и пр. т. п. Если родители согласны, то отвѣчаютъ, что они-де не прочь породниться и тогда сваха переходитъ къ столу и начинается торгъ о *кладкѣ* за невѣстой. Если же несогласны, то покажутъ на образа и на дверь, говоря: «Вотъ Богъ, а вотъ дверь!» Иногда впрочемъ съ перваго раза скажутъ: «Подумаемъ! Приди въ другой разъ.» Бываетъ, что согласіе получается съ одного раза, иногда съ двухъ, а иногда только по третьему разу. Въ послѣднемъ случаѣ сваха приходитъ въ домъ невѣсты съ отцемъ и матерью жениха, всѣ они садятся по лавкамъ, подальше отъ передняго угла. Дѣйствующимъ лицомъ и на этотъ разъ является сваха. «Вотъ-де купецъ мой», говоритъ она, «вамъ по *ндраву*, а намъ вашъ товаръ по ндраву, а потому, сватушка и свахынька, за сколько продадите товаръ молодому купцу?» Начинается торгъ, какъ будто продаютъ корову. «*Кладку*» за невѣсту даютъ деньгами отъ 10—50 рублей, балахонъ легкій, одну или двѣ овчинныя шубы невѣсты, балахонъ легкій изъ нанки, казинету, или сукна, ватошникъ изъ тѣхъ же матерій, вина отъ 3-хъ до 5-ти ведеръ, говядины отъ 2—4 пудовъ, одну мѣру пшена, муки пшеничной, рыбы, валенки невѣстѣ, лапти, онучи, оборы. Вся свадьба обойдется жениху отъ 80—200 рублей.

Когда торгъ конченъ ударяютъ по рукамъ, берутъ одну четверть водки, позовутъ близкихъ самыхъ родныхъ и садятся за столъ. Отецъ жениха беретъ четверть, наливаетъ, пьетъ прежде самъ, потомъ предлагаетъ свату, свахѣ и пр., а что не допьютъ, плещутъ на потолокъ и говорятъ: «Совѣтъ намъ и любовь! Пусть наша молода прыгаетъ до потолка.» Послѣ этого сговора въ пер-

вый праздничный или воскресный день родные невѣсты идутъ въ домъ къ жениху—домъ глядѣть, но ничего не глядятъ, если только женихъ изъ своего села, а если изъ чужого, то обходятъ амбары, дворъ, сватъ показываетъ сколько у него денегъ. Бываетъ, что деньги сватъ беретъ на это время на прокатъ у богатаго сосѣда и лошадь лишнюю и коровку и пр. Обсмотрѣвши дворъ, амбары и пр., садятся за столъ и родныхъ невѣсты угощаютъ виномъ, брагой и ужиномъ или обѣдомъ. Послѣ обѣда (а если послѣ ужина, то на другой день) родные жениха вмѣстѣ съ женихомъ идутъ въ домъ невѣсты на такъ называемый *запой*. Сватъ (отецъ жениха) идетъ впередъ съ четвертью вина, а сваха съ короваемъ хлѣба. Входя въ домъ невѣсты, которая въ это время сидитъ въ куту, садятся за столъ: женихъ впереди у образовъ. Сватъ отдаетъ четверть вина кому-нибудь изъ близкихъ родныхъ и тотъ всю ее разноситъ по роднымъ невѣсты. Когда опорожнятъ всю четверть, изъ-за занавѣса выходитъ невѣста и кланяется жениху. Въ это время отецъ ея подноситъ послѣднему стаканъ вина. Женихъ поотвѣдавъ немного, передаетъ стаканъ невѣстѣ, что̀ онъ повторяетъ до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ невѣста допиваетъ стаканъ, цѣлуетъ жениха и садится рядомъ съ нимъ. Начинается гулянье. Въ концѣ ужина одна изъ родственницъ невѣсты подноситъ подарки роднымъ жениха, во время чего подруги невѣсты собравшись въ кружокъ, поютъ пѣсни. Подарокъ свекру обыкновенно—портки, а на нихъ платокъ. При этомъ дѣвушки поютъ:

2314.

Кто у насъ въ бесѣдушки сидитъ?
Сидитъ умная головушка,
Расширокая бородушка.
Ты не хочешь по пирамъ ходить,
Ты не хочешь дѣушекъ дарить,
Ты-ба, сватушка, по гу́мнашкамъ ходилъ,
Ты-ба, сватушка, по зернышкамъ сбиралъ,
Ты-ба, сватушка, пивишко сварилъ,
Ты-ба, сватушка, насъ дѣвицъ поноилъ,
Насъ дѣвицъ-пѣвицъ немножко сидитъ,
Всего сорокъ съ одной дѣвушкой.

Сватъ беретъ подарки и кладетъ отдарье на блюдо—отъ 10 к. до 1 рубля, а дѣвушкамъ отъ 2—10 коп. Подарокъ свахѣ—ширинка, *синявка* (головной платокъ), полотенце, или рукава.

Дѣвушки въ это время поютъ:

2315.

По сѣнямъ, сѣнямъ, сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ
Походила, похаживала молода, гарна боярыня.
«Ты встань, проснись, мой милый другъ!
Пробудись, душа, отецкій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колецка сиребринова.
Онъ ушелъ, ушелъ въ зеленъ садъ гулять.
Поломалъ онъ въ саду вишнья,
Въ саду вишнья, зеленой виноградъ.

При подарки брату жениху, поютъ:

«Какъ на дубчикѣ два голубчика
Обнималися, цѣловалися.» и т. д.

Женскому полу поется одна и таже пѣсня всѣмъ—и свахѣ-матери жениха. Свахѣ вожатой, которая сватала невѣсту, поютъ:

2316.

Какъ у свахѣ глаза масляные,
По палатямъ разбѣгаются
Церствой каши дожидаются,
Церственной каши не мазаной.

По окончаніи пѣсенъ роднымъ опять поютъ свату (отцу жениха):

2317.

У нашего свата
Голова космата:
Онъ головкой потрисетъ,
Стаканъ водки поднесетъ.

Послѣ пѣнья величальныхъ пѣсенъ разнымъ дарителямъ, дѣвушки берутъ невѣсту и уводятъ ее съ собою въ кутъ (за занавѣску). Сватъ идетъ къ нимъ съ водкой, угощаетъ ихъ и выкупаетъ невѣсту. Гулянья продолжается. Невѣста приглашаетъ жениха въ кутъ, гдѣ они ужинаютъ вдво-

смъ, при чемъ невѣста должна почаще потчивать жениха. Послѣ ужина женихъ прощается съ невѣстой и она провожаетъ его за ворота. Если женихъ живетъ близко, то она провожаетъ его до воротъ его дома, а онъ отсюда провожаетъ ее обратно до воротъ ея дома. Когда женихъ съ невѣстой ужинаютъ въ куту, то дѣвушки, стоя по эту сторону занавѣси, поютъ имъ обоимъ слѣдующую пѣсню:

2318.

А кто у насъ школенъ?
Ой люли, люли!

(Повторяется послѣ каждаго стиха).

Кто у насъ манеренъ?
По горенкѣ ходитъ,
Манерна выступаетъ, —
Манерно выступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ, 2
Цулокъ не мараетъ?
Сапогъ-то сафьяный,
Цулокъ-то бумажный.

Затѣмъ одной невѣстѣ:

2319.

Ужъ ты Дунюшка обманщица!
Ты обманщица, ты обманщица,
Не хотѣла ты замужъ идти,
А хотѣла въ монастырь идти,
Насъ подруженекъ за собой вести. и т. д.

Послѣ запоя, въ первое воскресенье, а иногда и чрезъ мѣсяцъ, дѣвушки идутъ въ домъ жениха за рубашкой, по образцу которой шьютъ ему новую—къ вѣнцу. Женихъ угощаетъ ихъ виномъ. Рубашку дѣвушки несутъ съ пѣснями и пляской.

Свадебный поѣздъ со стороны жениха состоитъ изъ трехъ дружекъ, крестнаго, 3—5 свахъ, поѣзжанъ, кучеровъ, снохъ, сестеръ жениха и др. родныхъ, со стороны невѣсты 4—8 свахъ—и только. Невѣсту съ головы до ногъ покрываютъ фатой (впрочемъ въ церкви лицо ей открываютъ). Передъ вѣнцомъ жениха благословляютъ отецъ, мать, крестный, крестная, дѣдушка, бабушка (если живы). Послѣ этого всѣ садятся. Одинъ дружка беретъ икону, другой—жбанъ съ брагой, третій—коровай хлѣба. По выходѣ изъ дома дружка съ иконой трижды обходитъ поѣздъ и затѣмъ всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ къ дому невѣсты. Только что туда подъѣдутъ, какъ тамъ поспѣшно отворяютъ ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Женихъ съ поѣзжанами входитъ въ домъ невѣсты, которая въ это время сидитъ на лавкѣ и впереди около нея съ правой стороны 4—8 свахъ, а съ лѣвой—мальчикъ (ея братъ или племянникъ). Второй дружка наливаетъ въ чашку брагу, а первый кладетъ въ нее 2—5 коп. и подноситъ мальчику. Мальчикъ выпиваетъ брагу (а иногда—воду), беретъ монету, цѣлуетъ невѣсту и уходитъ, а его мѣсто занимаетъ женихъ. Въ это время третій дружка отрѣзываетъ половинку отъ лежащаго на столѣ невѣстинаго коровая и половину изъ своего коровая и составляетъ изъ нихъ вновь цѣлыхъ два: одинъ изъ нихъ оставляется имъ у невѣсты, а другой увозитъ съ собой. По возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца родители встрѣчаютъ ихъ въ сѣняхъ,—отецъ съ иконой, а мать—съ хлѣбомъ-солью, сажаютъ ихъ впереди и подносятъ по рюмкѣ вина отцу съ матерью молодой, дружкѣ и свахѣ. Прежде, чѣмъ выпить они произносятъ обычное: «горько!» что̀ вызываетъ цѣлованіе жениха съ невѣстой, отца съ матерью, дружекъ со свахами и пр. Молодой тутъ же даютъ на руки мальчика,—чтобы она все мальчишекъ родила. Сваха со стороны невѣсты кладетъ предъ молодыми двѣ ложки.

Обязанность крестнаго состоитъ въ томъ, чтобы проводить молодыхъ въ церковь и изъ церкви, а послѣ вѣнца отводить въ отдѣльную клѣть. На обязанности свахи лежитъ между прочимъ—укладывать молодыхъ на брачную постель, дружки же должны слѣдить за актомъ соити, послѣ котораго молодая снимаетъ съ себя рубашку и отдаетъ свахамъ. Тѣ съ пѣснями и плясомъ проносятъ ее по двору. Если свадьба бываетъ зимой, то молодыхъ отводятъ въ баню. Если молодая оказалась нечестною, то рубашку у нея не берутъ и молодой въ ноги родителямъ не кланяется. Дружка же молодого въ такомъ случаѣ подноситъ водку родителямъ невѣсты въ стаканѣ съ просверлиной дырочкой. Также не бьютъ посуды.

На второй день послѣ свадьбы молодую заставляютъ мести полъ, а дружка въ это время подбрасываетъ ей сору. Но если молодая подаритъ ему платочекъ, или полотенца, то дружка самъ вымететъ полъ. Въ этотъ же день къ молодому приходятъ въ гости родные молодой—*горные* [1]). Звать горныхъ обыкновенно ходитъ

[1]) «Или отъ слова *га́рный*: дорогой, или *горнъ*, такъ какъ въ присутствіи ихъ бьютъ посуду». Св. Л. Даль же въ св. слов. толкуетъ то слово такъ: «*Горные госты*,—*га́рные*, гордные, гордые, поѣзжане на другой день свадьбы, за гордымъ столомъ». Ш.

дружка тотчасъ послѣ супружескаго акта молодыхъ въ клѣти. Если молодой самъ лишилъ невинности своей невѣсты еще до вѣнца, то онъ прибѣгаетъ къ такого роду хитрости; разрѣжетъ себѣ на ногѣ палецъ и кровью дѣлаетъ знакъ на сорочкѣ молодой, или даже совсѣмъ спрячетъ эту сорочку. Бываетъ, что и сама мать молодой, если она въ секретѣ, прибѣгаетъ къ другого рода хитрости для скрытія грѣхопаденія дочери.

Въ прежнее время на свадьбахъ играли большую роль колдуны, изъ которыхъ одинъ, 90 лѣтній старикъ, живъ и по сей часъ, но роли теперь уже никакой не играетъ. А прежде, лѣтъ 30, 40 тому назадъ, его приглашали на каждую свадьбу и дарили: богатые—золотымъ (въ 7 р. 50 коп.). Колдунъ обыкновенно, бывало, пройдетъ предварительно по той дорогѣ, по которой предстояло проѣхать свадебному поѣзду, также наговоритъ вино, которое подносятъ молодымъ, чтобы они дружно жили, нашепчетъ и брачную постель и пр.

Былъ въ прежнее время еще и слѣдующій обычай. Когда, бывало, сваха придетъ сватать невѣсту, то послѣдняя влѣзаетъ на лавку, и отецъ ея подходитъ къ ней съ вятелемъ и говоритъ: «Скокни, доченка!» На что она отвѣчаетъ: «Хóчу—скокну, хóчу—нѣтъ.» И если послѣ трехъ разъ невѣста прыгнетъ въ вятель, то это принимался за признакъ, что женихъ ей нравится и она за него пойдетъ.

Свадьба незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличается, а свадьба сиротъ отличается тѣмъ, что дѣвишника не бываетъ, равнымъ образомъ и трехдневнаго послѣ свадебнаго перегула.

Свадьба вдовцовъ отличается тѣмъ, что сватаютъ они сами, *кладки* за невѣсту не даютъ; не бываетъ также ни запоя, ни дѣвишника. Послѣ вѣнца въ клѣть не отводятъ.

Зап. свящ. Іоаннъ Лавровъ.

Той же губ., Макарьевскаго у., с. Богородское, на берегахъ рѣки Ветлуги. [2])

По берегамъ р. Ветлуги въ Макарьевск. уѣздѣ Ниж. губ. свадьбы бываютъ по большой части осенью—послѣ Казанской до Заговѣнья а зимой—предъ Масляной недѣлей. Если гдѣ, то здѣсь свадьбы имѣютъ очень много особенностей, и что особенно замѣчательно здѣсь свадебный ритуалъ полонъ народной поэзіи, сложенной кѣмъ-то, когда-то и въ силу традиціи сохраняющейся и до сего времени. Чтобы ближе познакомиться съ здѣшнимъ свадебнымъ обычаемъ необходимо прослѣдить весь ходъ свадьбы, начиная со сватанья и кончая свадебными пирушками.

Сватанье обыкновенно бываетъ ночью, въ такъ называемый легкій день недѣли т. е. не въ понедѣльникъ и не въ пятницу, которые, почему-то признаются днями тяжелыми для какихъ бы то ни было предпріятій. Въ назначенный вечеръ отецъ жениха съ какимъ нибудь своимъ родственникомъ отправляются въ домъ къ намѣченной невѣстѣ *на гости*. Послѣ недолгихъ обыкновенныхъ разговоровъ съ хозяиномъ дома, заводятъ сейчасъ-же рѣчь на нужную тему и начинаютъ разбирать роды—т. е. своихъ и невѣстиныхъ родственниковъ. Когда найдутъ, что *роды* соотвѣтствуютъ другъ другу т. е. что жизненная среда невѣсты такая-же почти, какъ и у жениха, тогда начинаютъ рѣшать дѣло и прежде всего родители невѣсты назначаютъ *запросъ*—т. е. требуютъ за невѣсту извѣстную, смотря по состоянію, сумму денегъ. За мало-мальски богатую невѣсту назначаютъ рублей 50—60, за среднюю 25—20, за бѣдную 15—10 р. Когда сойдутся въ запросѣ, хозяйка дома подаетъ на столъ хлѣбъ и соль и сама вмѣстѣ съ хозяиномъ садится у *тябла* (передній уголъ, гдѣ стоятъ иконы), а сваты чрезъ хлѣбъ и соль протягиваютъ имъ руки или, какъ говорится, бьютъ по рукамъ, потомъ вмѣстѣ встаютъ и молятся Богу. Послѣ этого выдаютъ на столъ *запросъ*, выговариваютъ поѣзжанамъ жениха какіе-нибудь подарки въ родѣ платка или полотенца, назначаютъ день свадьбы, число гостей и потомъ посылаютъ за угощеньемъ, (послѣднее полагается со стороны жениха), и всю почти ночь продолжается пирушка. Это значитъ невѣсту пропили, судьба ея рѣшена. Иногда пропивать невѣсту помогаютъ родственники послѣдней и даже сосѣди.

И такъ невѣста дѣлается сговоренной, которой суждено здѣсь вплоть до брака оплакивать въ слухъ свое дѣвство предъ подружками и родными, или какъ говорятъ здѣсь, *выть*, и выть такъ, чтобы было складно да по хорошему. Подружки сейчасъ-же узнаютъ о сговоренкѣ и сейчасъ-же съ пѣснями отправляются къ ней; сваты предлагаютъ имъ свою лошадь для катанье, послѣ чего дѣвушки расходятся по домамъ. Съ другого утра подруги опять собираются толпой и идутъ къ сговоренкѣ съ пѣснями такого содержанія:

---

[1]) «*Вятель*,—нестерь, кошель, сплетенный изъ веревокъ, изъ лычатъ для перебоя сноповъ.» Сл. Даля.

[2]) Нижеслѣдующія описанія свадебныхъ обрядовъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ были получены мною уже по сверсткѣ болѣе обширной статьи и о томъ же изъ того же уѣзда, написанный отцомъ Поспѣловымъ въ 1877 году, вслѣдствіе чего не могли быть помѣщены вслѣдъ за послѣдней. Помѣщая ихъ здѣсь, внѣ строгаго топографическаго порядка, я имѣлъ въ виду дать читателю-спеціалисту возможность сравнить насколько уцѣлѣла свадебная обрядность въ одномъ и томъ же районѣ въ теченіи 20-ти лѣтъ. III.

2320.

Гуси лебеди возвивалися, —
Ясна сокола испугалися.
Разъясенъ соколъ со гульбы летѣлъ,
Со гульбы, тульбы, со гуляньица,
Со веселаго пированьица.
На горѣ, горѣ, на всей кра́сотѣ,
Состоитъ дре́вецко тонко вы́соко,
Стоитъ сосенка подсоценая,
Сидитъ дѣвушка сговореная:
Сговорилъ её родной тятенька,
Запросватала родима мамынька,
Еще пропили братья ро́дные.

2321.

Ка́лина со ма́линой
Рано расцвѣла,
На ту пору времяцка
Мать дочь родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала,
За такова за дѣтинушку
— Сиротинушку.
Осержусь на мамыньку
На родимую,
Не приду я въ гости къ мамынькѣ
Ровно три года̀,
На цетвертомъ годикѣ
Мташкой прилецу,
Сяду я на яблонку
Въ зеленомъ саду,
Слезами я горюцими
Садикъ потоплю,
Своими прицетами
Зеленъ подсушу. и т. д.

Какъ только войдутъ дѣвушки въ избу, сговоренка садится на лавку и начинаетъ выть, какъ умѣетъ. Плохо той сговоренкѣ, которая не научилась вытью-причетамъ. Чтобы не сконфузить сговоренки, родные—мать или снохи, подсаживаются къ ней, подсказываютъ, а иногда— даже и сами невѣстинымъ голосомъ повоютъ за нее. Лишь только сговоренка увидитъ своихъ подругъ, завоетъ такимъ образомъ:

2322.

Подьте-тко ко мнѣ, милые,
Милые мои подруженьки,
Задушевные голубушки!
Что зацѣмъ вы долго не были,
За какими недосугами?
Развѣ мамыньки задержали,
Разѣ васъ батюшки да не отпускали?
Да я сама, вѣдь, знаю вѣдаю,
Да вы сами за собой не шли,
Да сходилися мои милые,
Во бѣседу посмиренную,
Во веселую кампаньицу,
Что чесали мои милые,
Вы свои да буйны головы,
Заплетала свои косыньки,
Да что вплетали алы лентоцки.

Потомъ сговоренка обращается къ матери и причитаетъ:

2323.

Погляди, моя родимая,
Что у насъ да здѣсь за садъ стоитъ,
Что за садъ стоитъ, за макъ цвѣтетъ?
А всѣ тѣ маковки алехоньки,
Одна маковка блѣднехонька[1]).

На это вытье дѣвушки отвѣчаютъ ей пѣсней:

2324.

Не подумвши, слово молвила:
Пожилъ, пожилъ-бы во чужихъ людяхъ,
Поробо́талъ-бы на свекора
Да на лилую свекровь матушку.
На то тятенька осе́рдился:
Взялъ онъ выдалъ во чужи люди.

(Пѣсню къ сожалѣнію до конца не пришлось узнать).

Если до брака невѣсты остается нѣсколько дней, то вытье предъ подругами, продолжается каждый день утромъ и вечеромъ. Въ подобномъ родѣ причетовъ бываетъ очень много. Наконецъ дѣвушки собираются въ послѣдній предъ бракомъ день, топятъ баню для невѣсты и когда истопятъ, приходятъ къ ней съ пѣснями, наряжаютъ вѣникъ въ подвѣнечный платокъ шелковый, убираютъ его лентами и ведутъ невѣсту, въ предпесеніи этого вѣника, въ баню парить — съ пѣснями. Парятъ ее здѣсь въ два вѣника и спраши-

[1]) Этимъ стихомъ она намекаетъ на себя.

вают какъ жениха зовутъ. Если сговоренка постѣснится назвать жениха по имени и отчеству, ей подбавляютъ пару-жару. Вечеромъ въ этотъ день въ послѣдній разъ подружки навѣщаютъ сговоренку. Послѣдняя въ это время проситъ своихъ родителей угостить своихъ милыхъ подруженекъ, — такими причетами:

2325.

Потрудись, сношка голубушка,
Посажай милыхъ подруженекъ
На скамейцку тесовую!
Ты скажи, моя родимая:
Наварила-ли пива пьянаго,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальныя да въ остатные?
Попрошу да я осмѣлюся
У родимаго у тятеньки
Не рѣцьми, а уговорами,
Я не низкими поклонами,
Еще тѣмъ да горюцимъ слезамъ:
«Ты купилъ-ли, родной тятенька,
Да что того-ли зелена вина,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальныя да въ остальныя?»

Въ то время, какъ невѣста воетъ, у жениха идутъ приготовленія къ свадьбѣ — варятъ пива, покупаютъ вина и т. д. Родители жениха подыскиваютъ прежде всего дружку (чаще изъ родственниковъ), потомъ зовутъ отца и мать—крестныхъ, просятъ и другихъ родственниковъ помочь сыграть свадьбу. Въ назначенный день свадьбы всѣ приглашенные родственники съѣзжаются къ жениху въ домъ. Здѣсь въ домѣ дружка прежде всего разсаживаетъ всѣхъ по чести, на приготовленный войлокъ, у *тябла* сажаетъ жениха, а рядомъ съ нимъ тысяцкаго. Обязанность тысяцкаго—давать, гдѣ потребуются деньги, оттуда и самое названіе «тысяцкій», (какъ будто у него тысяча денегъ). Рядомъ съ тысяцкимъ дружка сажаетъ большого боярина, потомъ малаго боярина, сваху съ повозникомъ. Когда усядутся, подаютъ на столъ лапшу и когда ее съѣдятъ, дружка проситъ перемѣнить блюда такими словами:

2326.

Поваръ-яворъ,
Перемѣняй-ко
Ѣства сахарныя!
Нашъ тысяцкій
Пить ѣсть хочетъ.
Большой бояринъ,
Малый бояринъ,
Я дружка съ подругами,
Сваха съ повозникомъ,
Весь нашъ храбрый поѣздъ
Пить ѣсть хочетъ.
Что есть въ печи
На столъ мечи!
Кочергой загребай,
Помеломъ заметай,
Все къ намъ
На столъ подавай.

Послѣ этого подаютъ кашу и простой пирогъ, не отвѣдавши котораго, всѣ вылѣзаютъ изъ-за стола и благодарятъ хозяина. Женихъ, по обыкновенію, въ день свадьбы говѣетъ. Потомъ дружка обращается къ родителямъ жениха и говоримъ имъ: «Умѣли вы своего чада милаго вскормить вспоить, умѣйте и благословенье дать.» Тогда начинаютъ обычнымъ порядкомъ благословлять жениха иконой, при чемъ мать держитъ хлѣбъ съ солью. Пока родители благословляютъ, дружка держитъ двери, а потомъ онъ проситъ благословить и весь поѣздъ:

2327.

Дайте намъ благословенье,
Ѣхать намъ жениться
Чистыми полями
Селами, городами,
Деревнями, слободами.
Взять намъ свое суженое,
Взять намъ свое ряженое
Привести бы её въ Божій храмъ,
Поставить бы её на одно подножіе
И принять законъ Христовъ.

Послѣ этого всѣ поднимаются, идутъ на дворъ всѣмъ поѣздомъ, предварительно застраховавъ жениха отъ всей силы вражіей и отъ худыхъ людей—*луковицей*, утыканной иголками. Эту луковицу женихъ хранитъ у себя въ карманѣ. Когда выйдутъ на дворъ, дружка обходитъ съ воскресной молитвой лошадей, и каждую щупаетъ за гриву. Выѣзжаетъ сначала дружка, за нимъ женихъ съ тысяцкимъ вмѣстѣ, потомъ бояре и т. д. Такимъ порядкомъ мчится княженецкій поѣздъ за своей

суженой. Когда ѣдутъ, нельзя — никому ни кланяться, ни сворачивать съ дороги.

За нѣсколько саженъ разстоянія до суженой, поѣздъ останавливается, ѣдетъ только одинъ дружка. Подъѣхавши, онъ входитъ въ домъ, по обыкновенію молится и спрашиваетъ имя и отчество хозяина. У радушнаго хозяина для дружки-болтушки приготовлено уже угощеніе. Дружка подходитъ къ столу, наливаетъ себѣ стаканъ водки и кричитъ: «Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ! Хочу я у тебя спросить, добрый хозяинъ: были-ли у тебя сговоры съ такимъ-то человѣкомъ? были-ли вы по рукамъ чрезъ хлѣбъ и соль, чрезъ дубовый столъ?» Отвѣчаютъ, что все это было. «Когда было такое дѣло», тараторитъ дружка:

2328.

Есть у насъ во чистыхъ поляхъ,
Во зеленыхъ лузыяхъ,
Въ бѣлобархатныхъ шатрахъ
Есть княженецкій поѣздъ.
Ихъ бѣлыми снѣгами задувало,
Желтыми песками заметало.

— Прикажи, милостивый государь, князю новобрачному съ его храбрымъ поѣздомъ въѣхать на твой широкій дворъ!» — «Богъ благословитъ», отвѣчаетъ хозяинъ, милости просимъ!» Тогда дружка отъ имени хозяина ѣдетъ къ поѣзду и проситъ ихъ въѣхать. Невѣстинъ отецъ выходитъ встрѣчать жениха съ иконой, а мать съ хлѣбомъ и солью. Дружка подводитъ жениха за руку, оба крестятся предъ иконой, а потомъ женихъ кланяется въ ноги и входитъ въ домъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Дружка впередъ забѣгаетъ съ войлокомъ, постилаетъ его въ переднемъ углу для жениха и тысяцкаго. Когда всѣ усядутся за столъ, дружка наливаетъ себѣ водки и кричитъ опять: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Милостивые государи! Княгини новображной, батюшка съ матушкой!

2329.

Доступите пожалуйте!
Очистите свой путь,
Окажите свои ясны очи!
Очи ваши увижу
И ц(ч)еломъ ударю
И по имени возвеличаю.
У меня у дружки
Ноги съ подходомъ,
Руки съ подносомъ,
Сердце съ покоромъ,
Голова съ низкимъ поклономъ.
Я, дружка, чашу наливаю,
Спаса призываю.
Чашу подношу
И лица своего не стыжу,
Чаша деревянна,
Въ чашѣ питье медвянно,
Сахаромъ съ виноградомъ уставлена.
Примите для любья,
И выкушайте для здравья.
Послѣ здравья будьте многолѣтны!
У великаго Николы
Канунъ пейте
У Пресвятой Богородицы
Хлѣба кушайте.
Прикажите, милостивый государь!
У вашей милости пообѣдать:
Чѣмъ богаты,
Тѣмъ будьте и рады!

На столѣ въ это время приготовлена уже капуста и лапша. Невѣста пока находится за перегородкой довываетъ свою дѣвичью волюшку такими словами:

2330.

Ты припасъ ли, родной тятенька,
Еще мнѣ да шубу новую,
Шубу новую да къ сердцу темную?

Батюшка приноситъ ей шубу, она кланяется въ ноги, а потомъ обращается къ матери:

Припасла-ли, ты родимая
Еще мнѣ да цвѣтно платьице,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Подвѣнешно, вѣковѣшное?

Мать приноситъ ей наряды; дѣвушки начинаютъ ее одѣвать. Кладутъ такъ же, какъ жениху, луковицу, натыкаютъ вездѣ, гдѣ можно, иголокъ. Дѣвушки не торопятся одѣвать свою подругу. А дружкѣ не терпится.—«Что княгиня

новобрачная, оболчена-ли? обута-ли?» кричитъ онъ, «если не одѣта, то мы привезли», и кажетъ *куфтыръ* (узелъ) съ одежей, которую привозятъ всегда на случай. Дѣвушки съ усмѣшкой отвѣчаютъ дружкѣ, что еще сарафанъ не лѣзетъ. Дружка какъ бы съ обидой на эту насмѣшку, говоритъ дѣвушкамъ:—«Чего вамъ, милые, еще не хватаетъ?» Дѣвушки требуютъ деньги, тысяцкій раскошеливается и уплачиваетъ рубль или два *за выкупъ* дѣвицамъ. Послѣднія, когда одѣнутъ невѣсту, отдаютъ ее въ руки брату или кому-либо изъ близкихъ родственниковъ. Братъ ведетъ къ жениху невѣсту съ такими причетами:

2331.

Отшатись-ко, князе бояре!
Еще дайте путь дороженьку
Изъ кути да въ подокошечко!
Не сказали молодехонькой,
Что сидитъ родима мамынька:
На лѣвой рукѣ цвѣтно платьице,
А во правой Спаса-образа.
Погляжу я, молодехонька,
По своей по бѣлой горьницѣ—
Тутъ сидятъ да все цужи люди,
Все цужіе, незнакомые.

Братъ не сразу отдаетъ невѣсту, и когда получитъ за нее должный откупъ. Тогда дружка сажаетъ невѣсту возлѣ жениха, переплетаетъ у нихъ руки и ноги и ударяетъ ихъ головой о голову три раза. А невѣста въ это время воетъ:

2332.

Не спасибо, дружка ласковый,
Что разшибъ мою головушку,
Изломалъ-ты мои рученьки,
Отнялъ мою волю-бо́льшину.

Потомъ обращается къ своей матери и говоритъ:

2333.

Погляди, моя родимая,
Ты отъ пецки отъ кирпишныя,
Отъ залавоцка порожнаго,
Изъ подъ брусика висяцова
На меня на молодехоньку:
Наряжана-ли я наряжена,
Да возлѣ ровни-ли посажена?

Послѣ этого обращается и къ своему суженому:

2334.

Что берешь, ты добрый молидецъ,
Что берешь да ты надѣешься?
Меня пошлешь на работушку—
Ничего-то я не сдѣлаю.
Ужъ я сдѣлаю да не по твоему,
Не по твоему, и по своему,
Я уйду да загулянья
Позабуду свое дѣлицко.

Тогда и женихъ, какъ будто въ отчаяніи, то же захнычетъ. Въ это самое время, поѣзжане закусываютъ предложенную капусту и лапшу. Послѣднюю ѣдятъ только по одной ложкѣ, а потомъ накрываютъ блюдо короваемъ и вылѣзаютъ изъ-за стола. А невѣста завоетъ:

2335.

Не спасибо, родной тятенька
За сегодняшній за хлѣбъ за соль.
Хлѣба стопушка просто́яла,
Сухая ложечка проле́жала.

Дружка начинаетъ ее уговаривать: «Ну полно, голубушка, полно!» Но находчивая невѣста и дружкѣ напоетъ:

2336.

Погоди-ка ты, дружка ласковый,
Ласковый да наговорцивый!
При твоихъ слезахъ,
Да не въ твоихъ рукахъ;
Не на твоей вѣдь я землѣ стою,
Да и не твой вѣдь я наземъ топцу.

Еще больше разстраиваютъ дѣвушку-невѣсту ея подружки измѣнницы: онѣ всячески начинаютъ просмѣивать ея суженаго и поютъ, что у жениха-то на горбу роща выросла, на губахъ-то хоть блины пеки, а на лбу-то хоть лапшу мѣси

и т. д. (Пѣсню эту дословно привести не могу). Только тысяцкій да дружка пряниками да орѣхами удерживаетъ отъ подобныхъ пѣсенъ насмѣшницъ.

Какъ бы то ни было, время идетъ, слѣдуетъ давать благословеніе на отъѣздъ къ вѣнцу. Къ концу подходитъ и вытье невѣсты. Какъ бы въ довершеніе своихъ причетовъ дѣвушка обращается къ брату съ такими словами:

2337.

Ты сходи-ка, братецъ батюшка,
Да еще въ то-ли во чистó поле,
Принеси-ка бѣлъ горюцъ камень,
Положи-ка въ ноги тятенькѣ.
Какъ стану́тъ давать благословеньице,
Да какъ стану въ ноги кланяться,
Расшибу свою головушку,
Чтобы прошла такая славушка,
Что убилась красна дѣвица,
У роднмаго у тятеньки
Да что въ тѣхъ-ли во рѣзвыхъ ногахъ.

Однако же и это не помогаетъ; дѣвушку обычнымъ порядкомъ благословляютъ и женихъ ведетъ ее усаживать въ повозку. Дѣвушка рвется и воетъ:

Выживаютъ звѣря изъ лѣсу,
Красну дѣвицу да изъ дому.

Подружки, должно быть, не наѣлись еще вдоволь пряниковъ да орѣховъ, они и здѣсь продѣлываютъ надъ женихомъ шутку и вырываютъ невѣсту изъ рукъ и требуютъ опять выкупъ. Тысяцкій не жалѣетъ денегъ, лишь бы скорѣе къ дѣлу. Не тутъ-то было—видно скоро хорошо недѣлается—невѣста еще не садится въ повозку, ломается, падаетъ, а женихъ какъ бы то ни было долженъ усадить ее одинъ безъ помощи другихъ. Нужно себѣ представить положеніе молоденькаго парня въ то время, особенно слабосильнаго, когда ему приходится возиться съ деревенской лепешкой—дѣвкой, чтобы усадить ее въ повозку. Не посадить ее значитъ показать свое полнѣйшее безсиліе предъ будущей женой своей. И вотъ онъ кряхтитъ, натужится до поту лица и усаживаетъ. Дѣвушки окончательно смиряется и больше не воетъ. Поѣздъ готовъ къ отъѣзду, слѣдуетъ лишь только уплатить молодымъ ребятамъ на водку за открываніе воротъ. Поѣздъ мчится, невѣсту везетъ обыкновенно братъ или заступающій его мѣсто родственникъ. Послѣдній, пока невѣста у него въ рукахъ, по дорогѣ къ церкви, не разъ останавливается—то у него сани приморозитъ, то лошадь раскуется и т. п., дружка знаетъ чѣмъ понукнуть лошадь невѣсты: подноситъ водки брату и поѣздъ опять мчится своимъ порядкомъ къ церкви. Здѣсь въ церкви вѣнчаніе идетъ обычнымъ ходомъ. Развѣ какъ на особенность можно указать только на то, что каждая невѣста и каждый женихъ удерживаютъ другъ друга, что первому или первой встать на подножье. отъ этого будто бы будетъ первенство того или другого въ супружеской жизни. Невѣста во время браковѣнчанія стоитъ съ распущенными волосами, а послѣ ее *крутятъ* т. е. заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ. Когда окрутятъ невѣсту, женихъ выводитъ ее за руки и сажаетъ съ собой рядомъ—обнимаетъ и прикрываетъ ее полой своего тулупа или халата.

Новобрачные ѣдутъ сначала къ невѣстиному отцу въ домъ. Здѣсь родители невѣсты встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и иконой. По входѣ ихъ въ избу начинается брачный столъ, какъ называютъ его здѣсь,—*красный* столъ; онъ состоитъ непремѣнно изъ 12 блюдъ; пива и водки также запасаютъ вдоволь. Пиръ открываетъ дружка со стаканомъ водки въ рукахъ, — такими словами:

2338.

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій,
Помилуй насъ!
Во всю свѣтлу свѣтлицу,
Во всю бѣлу горницу,
Изъ кути по лавкамъ,
Въ куть по скамейкамъ,
Малые ребята,
Сивы поросята,
Жималостны ноги,
Вострые сопли,
Красныя дѣвицы,
Кри́ношны блудницы,
Молодые молодицки,
Кривыя на васъ надѣты кицки,
Старые старики,
Почтенные мужики:
Просимъ милости,
Князю съ княгиней новображной
Хлѣба-соли кушать!
У кого волосы плотны,
Да зубы крѣпки,
Просимъ милости кушать!

Да еще прошу васъ, чѣмъ вы богаты, князя съ почетнымъ поѣздомъ подарите.

Хозяева тогда раздаютъ принесенныя подарки и просятъ гостей хлѣба-соли кушать. Угощеніе и обѣдъ идетъ своимъ чередомъ. Какъ па особенность брачнаго стола, нужно указать 10-е кушанье—это короваецъ, утыканный лучинками съ лентами и цвѣтами. Подавая его, стряпка говоритъ: «Корешокъ подрубите, а верхъ не сушите и ленточки позолотите!» Дружка отвѣчаетъ: «Покорно благодаримъ, мы такъ сдѣлать не съумѣемъ.» Тогда стряпка сама беретъ ножъ и срѣзываетъ верхнюю корку; внутри коровайца запечена говядина, которую и начинаютъ кушать; съѣвши говядину и, не трогая корокъ, дружка накрываетъ опять верхнюю корку и даетъ самъ деньги, тоже дѣлаютъ и гости. Это уже идетъ въ пользу стряпкѣ. 11-е кушанье—рыбный пирогъ. Передъ нимъ дружка кричитъ, что рыба по суху не ходитъ. «У Владимира Солнышка, продолжаетъ онъ, пересохло въ горлышкѣ!»

2339.

Есть-ли у васъ у боцекъ боцкари
У гвоздей гвоздыри,
А у ведеръ пивоносники,
А у зелена вина хозяева!

Тогда обносятъ послѣдній разъ гостей водкой и пивомъ. Потомъ подаютъ простой пирогъ безъ начинки, его не ѣдятъ уже и вылѣзаютъ изъ-за стола съ обычной благодарностью за хлѣбъ и соль. Всѣ поѣзжане собираются послѣ этого къ жениху въ домъ и просятъ къ себѣ отгащивать невѣстину родню. На поѣздъ отецъ съ матерью невѣсты опять благословляютъ молодыхъ и желаютъ имъ спокойной ночи.

При входѣ въ домъ жениха, родители послѣдняго встрѣчаютъ молодыхъ также съ хлѣбомъ-солью и иконой. Невѣста со слезами покорности обращается къ свекру и свекрови съ такими словами: «Богодатные мои, батюшка и матушка! Дайте мнѣ честное благословеніе пройти въ вашу свѣтлу горницу!» По входѣ открываютъ пиръ для родственниковъ невѣсты; молодые въ это время удаляются за перегородку для ужина, а потомъ дружка отводитъ ихъ на брачное ложе. Гости остаются до тѣхъ поръ, пока сонъ и хмѣль окончательно не осилитъ ихъ.

Утромъ сваха будитъ молодыхъ. Женихъ вставши, тотчасъ, собирается за тестемъ и тещей. Послѣдніе пріѣзжаютъ и привозятъ съ собой приданое невѣсты въ сундукѣ. Въ этотъ же день бываетъ баня для молодыхъ, послѣ коей сваха приноситъ почную рубаху невѣсты какъ вещественное доказательство цѣломудрія послѣдней. Если есть это доказательство, гости бьютъ посуду, пляшутъ скачутъ и пр., въ противномъ же случаѣ приносятъ *хомутъ* и надѣваютъ его на шею отцу невѣсты. Тѣмъ дѣло и кончается. — Въ послѣднее время здѣсь вовсе почти не обращаютъ вниманія на цѣломудріе невѣсты. Пиръ продолжается до вечера, гости посѣщаютъ родственниковъ жениха, кои участвовали въ поѣздѣ.

Вечеромъ въ 1-й день послѣ вѣнчанія бываютъ *поцѣлуи*. Молодая обноситъ гостей водкой и потомъ каждаго цѣлуетъ. За поцѣлуй ей кладутъ на блюдо деньги. Богатыя невѣсты надѣляютъ рублей 50 или 40, бѣдныя — 5—10 руб. Послѣ поцѣлуевъ брачный пиръ кончается, у рѣдкихъ только онъ продолжается и на слѣдующій день. Свадьбы, нужно сказать, здѣсь очень чувствительны для жениха. Родителямъ послѣдняго, при плохомъ состояніи, приходится издержать рублей 30—40, а богатые тратятъ рублей сто.

Села Богородскаго, священникъ Григорій Гагинскій.

Той же губ. и уѣзда, въ приходѣ с. Воскресенскаго.

Свадьбы бываютъ большею частію послѣ Крещенія Господня, (передъ масляницей), осенью же хотя и бываютъ, но въ маломъ количествѣ. Свадебный пиръ продолжается дня три-четыре: день у невѣсты, а остальные два-три дня у жениха. Днемъ для сватанья главнымъ образомъ выбирается день воскресный, но бываетъ сватанье и въ другіе дни. Самое сватанье обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ (женихомъ), приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго *суспда*-однодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты. Тамъ они останавливаются въ домѣ какого-либо родственника (если онъ есть) или знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь замужъ. Отецъ невѣсты въ большинствѣ случаевъ не отказываетъ отцу жениха, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «сватъ не сватъ, — добрый человѣкъ».

Сватанье устраивается иногда въ первую же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшиться на сватовство, отговариваясь въ данномъ случаѣ тѣмъ, что-де надо посовѣтоваться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда всѣ они посовѣтуютъ отдать замужъ невѣсту, тогда уже объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно сватать и привозилъ вина. Отецъ жениха со своей женой и родственниками отправляются къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся предъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ разныхъ разговоровъ, не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь ведется обыкновенно такъ: женихова родня говоритъ, что у нихъ есть покупатель, а у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ: что товаръ ихъ молодъ, да и имъ больно нуженъ въ хозяйствѣ, да и одежки-то еще мало понашиты и т. п., но въ концѣ концовъ дѣло ладится, но съ условіемъ, чтобы за невѣсту дали, такъ называемый «*выговоръ*», который простирается отъ 10 до 50 и иногда болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ или другихъ родителей. Если невѣста очень бѣдна и не имѣется *задубленаго* или суконнаго полушубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полушубокъ, затѣмъ поговорятъ о дарахъ, которые бываютъ большею частію со стороны невѣсты, заключающіеся въ томъ, чтобы отрѣзать кому слѣдуетъ и подарить то на фартукъ, то на рукава или же обдарить *утирками* (полотенцами), а жениха подарить—рубашкой и подштанниками. Покончивъ всѣ эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ предъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы бываетъ «*рукобитье*», т. е. родители подаютъ другъ другу руки, посторонній человѣкъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. Во время попойки назначаютъ и время свадьбы. Въ это же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли *вечерина* (накануне свадьбы). Тотъ большею частію соглашается, чтобы послѣ въ семействѣ ея мужа не стали корить его дочь: «какой у тебя батька и вечерины не сдѣлалъ». Какъ только совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за переборку (перегородку), тотчасъ начинаетъ причитать или, по мѣстному выраженію—«*выть*»:

2340.

Исполать, мои пріятели,
Что заправдалися мои пріятели,
Отдать меня, молодехоньку,
Во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери.
Ужъ да въ васъ, мои пріятели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,
Не два солнышка свѣтить будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякія безъ ложности,
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этого.
Всё ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Въ полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельщица.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута.
Что потомъ, мои родимая,
О чемъ я стану кучиться?
О чемъ я низко кланяться?
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючіимъ слезамъ, —
Ты сходи, моя родимая,
Къ моимъ милыимъ подруженькамъ;
Поклони-ка-си, родимая,
Поклони-ка-си низехонько,
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодёхонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодій-горю,
Ко злодій-горю великому.

Когда окончится это причитанье, мать невѣсты идетъ къ ея подругамъ и зоветъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ тотчасъ же отправляются къ своей подругѣ-невѣстѣ. Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невѣста «воетъ»:

2341.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось:
Посередь зимы студеныя,—
Что летятъ да гуси-лебеди, —
То идутъ мои подруженьки

Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка, родимая,
Срить-то (встрѣть) ихъ, подруженекъ,
Среди двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пяту
Моимъ милымъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

2342.

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки,
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы причесали,
Рубчетны плетни заплетали,
Какъ собирались, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку.
Поглядите-ка, пріятели,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки.
Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ,
Ее мочитъ сверху дождичекъ,
А по правую сторонушку
Запекло, да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыихъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку
Ужъ . . . взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ её да къ ретиву сердцу.
Ужъ возмите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесьте-тко, родимыя,
Мою да дѣвью красоту,
Во батюшко, во тёмный лѣсъ.
Вы положьте-тко, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли сухо дерево.
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать, да во красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятели,
О чемъ я стану кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Моихъ милыихъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли мои любезныя
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да зеленымъ виномъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да пивомъ пьянымъ.
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужо ту да пѣсню жалобну,
Пѣсню жалобну и свадебну.
Зазнобили-бы у молодёхоньки
Мое сердце ретивое
Отнынѣ и до вѣку,
До матушки гробовой доски.

Дѣвицы-подруги поютъ:

2343.

Какъ задумали родители
Меня замужъ выдавать,
Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ младу отлучать.
Какъ меня, младу, отлучатъ,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого горя
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косащата окна,
И тамъ буду слёзы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Во чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодій, злодій, злодій
Чужа дальна сторона!
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкомъ.»

Затѣмъ подруги расходятся по домамъ и послѣ приходятъ къ своей подругѣ-невѣстѣ уже какъ вздумается. Когда невѣста останется одна среди своихъ близкихъ родныхъ, то она снова воетъ:

2344.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормилицемъ, со батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Во утробѣ не ношеная,
У бѣлыхъ грудей не леженая?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то ли я вѣрная,
Не посылка-то ли скорая,
Во полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Во зеленыхъ лугахъ не кошелыцица?
Не дали грушѣ выростп,
Не дали яблонкѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На ноги рѣзвы поднятися,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справитися.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Если придетъ къ сговоренкѣ крестная мать, то она воетъ такъ:

2345.

Поди-тка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалушкѣ великой!
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистымъ благословеньицемъ,
Чистымъ, нерушимымъ
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ гостинцами и передаютъ эти гостинцы матери невѣстѣ. Гостинцы эти состоятъ изъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сладкихъ пироговъ съ малиной, черникой, изюмомъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ гостей сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать или по мѣстному выраженію, «честить». Честятъ настолько, что гости предъ отъѣздомъ домой, какъ говорится, лыка не вяжутъ. Во время пира невѣста изъ-за перегородки выходитъ къ гостямъ, подчуетъ ихъ пивомъ и виномъ. Въ то время она цѣлуетъ всѣхъ гостей-женщинъ, а тѣ на нее въ то время пристально глядятъ. Послѣ пирушки гости разъѣзжаются и въ другой разъ уже пріѣзжаютъ къ невѣстѣ наканунѣ свадьбы—на вечерину. Женихъ на вечерину пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На вечерину отецъ жениха обыкновенно привозитъ и условленный «выговоръ» за невѣсту, состоящій изъ денегъ, шубы и проч., а женихъ привозитъ своей невѣстѣ платокъ, ситцу на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и невѣста его отдариваетъ—рубашкой, штанами и поясомъ. На вечерину обыкновенно собираются дѣвушки-подруги невѣсты, которыя въ то время, когда идетъ вечерина, постоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко «срамятъ» жениха. Но если онъ при этомъ даетъ имъ денегъ, то начнутъ хвалить. На вечеринѣ, между прочимъ, поются слѣдующія пѣсни:

2346.

Во горенкѣ во новой,
　Въ новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
　Кедровой,
Обитъ парчей голубой,
　Голубой,
Серебряной бахрамой,
　Бахрамой.
На столикѣ убранымъ
　Убрано.
Графинъ водки ставлено,
　Ставлено.
Николай господинъ —
　Дворянинъ
По горницѣ проходилъ,
　Проходилъ,
Къ столику подходилъ,
　Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
　Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
　Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
　Подносилъ,
Васильевну просилъ,
　Онъ просилъ:
Выпей рюмку отъ меня,
　Для меня,
Ради сына-сокола,
　Сокола.

А тебѣ я подарю,
    Подарю,—
Куплю нитку жемчугу,
    Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй
    Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
    Ты лелѣй.

Или такого рода пѣсни:

2347.

Ужъ ты сваха *шаболтошница* [1])!
Ужъ ты сватала, все хвастала:
«У насъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныхъ
О середь двора три горницы.
Какъ пріѣхали, увидѣли:
У васъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на куричьихъ,
Осередь двора три банишки.

Или:

2348.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу-то роща выросла
Во этой-то во рощицѣ
Грибы растутъ;
Грибы растутъ березовые;
Въ головѣ-то мышь гнѣздо свила,
Въ бородѣ-то дѣтей вывела;
А на лбу-то хоть лапшу сучи,
На бровяхъ-то журавли клюютъ,
А у глазъ-то хоть спички сирь;
Въ носу-то хоть кисель твори,
А сквозь зубовъ хоть кисель цили,
На брилахъ-то хоть блины пеки.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, продолжаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложеные,
Черны брови наведеныя;
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полуночи всѣ гости разъѣзжаются и расходятся съ вечерины. Уходятъ и дѣвушки-подруги съ вечерины; но онѣ снова приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ онѣ изъ прѣснаго тѣста дѣлаютъ коровацъ (бѣлый хлѣбъ). Втыкаютъ въ этотъ короваецъ лучинки, которыя покрываютъ тѣстомъ, а на середнюю лучинку сажаютъ, сдѣланнаго изъ тѣста, поросенка; въ ротъ этого поросенка всовываютъ соломину; на поросенка приклеиваютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или же нитку въ родѣ кнута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутики, обвѣшиваютъ эти прутики разноцвѣтной бумагой и *убасятъ* т. е. украшаютъ лентами. Этотъ пирогъ (короваецъ) подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣнчанія. Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха приготовляются ѣхать за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ родственниковъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и большимъ—когда состоитъ изъ шести, семи и болѣе паръ лошадей; свадьба въ послѣднемъ случаѣ называется «*скрутной*». Въ каждомъ поѣздѣ непремѣнно участвуетъ дружка, который выбирается изъ родственниковъ и изъ постороннихъ лицъ—*сусѣдей*; онъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, т. е. чтобы онъ всегда нашелся, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Дружкѣ воздается на свадьбѣ особенный почетъ и дается полный просторъ *пировать* до сыта. Свадебный поѣздъ собирается такимъ образомъ. Поѣзжане родственники жениховы отца собираются въ его домѣ для поѣзда за невѣстой, причемъ иные изъ родственниковъ привозятъ караваецъ (бѣлый или черный), всѣ садятся за столъ. Имъ подаютъ «варево», и они ѣдятъ его. За столомъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ ничего не ѣстъ, хотя передъ нимъ лежитъ хлѣбъ и ложка. Послѣ перваго варева слѣдуетъ второе, а затѣмъ подается *лапша*. Лишь только поѣзжане хлебнутъ лапши по три ложки, дружка кладетъ на блюдо съ лапшей короваецъ (бѣлый или черный хлѣбъ), разрѣзываетъ его на четыре части и говоритъ: «Кстите́сь (креститесь) и вставайте». Всѣ встаютъ. Дружка наливаетъ стаканъ пива и говоритъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» (крестится). «Есть-ли здѣсь произноситъ имя и отчество отца жениха и матери его? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны очи; въ очи я вижу, погибели не чаю, обоихъ величаю. У меня, у дружки, ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; при-

[1]) Отъ слова: шаболдошникъ = баклушникъ; шабалда — безтолковый пустомеля, и т. д. Слов. Даля.

мите чашу для любья, кушайте для здоровья; будьте послѣ чаши многолѣтны; у великаго Николы канунъ (мёдъ) пейте, у Матери Пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспоить, вскормить, на рѣзвы ноги поставить; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чисто благословеньице дать—ѣхать жениться. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полями, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, уѣздными городами. Пріѣдетъ вашъ сынъ къ Сіонскимъ горамъ; на этихъ Сіонскихъ горахъ стоитъ высокъ новъ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красная дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, поджидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взъѣхать-бы намъ на Сіонскія горы и подъѣхать ко широкому двору, попроситься у тѣхъ чужихъ людей на широкій дворъ; со широкова двора намъ взойти-бы на рѣзвыхъ ногахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; ѣхать-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ Господень. Придти-бы ему въ храмъ Господень, Богу помолиться, ко Евангелію приложиться, на одно подножье встать, да златъ вѣнецъ принять.» Послѣ этого приговора, обращеннаго дружкой къ родителямъ жениха, онъ (дружка) передаетъ налитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому-либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка наливаетъ другой стаканъ пива и держитъ свою рѣчь (приговоръ) уже ко всѣмъ лицамъ, собравшимся въ избѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавкѣ, въ кутъ по скамейкѣ; есть-ли здѣсь маленки ребятки—свиныя поросятки, зеленыя сопли, красны дѣвицы—криношны блудницы,—старыя старушонки, худыя рубашонки, молодыя молодицы—косыя кички, банны затычки, подъ брускомъ лежащимъ, около столбушекъ стоящихъ,—примите чашу для любья, кушайте для здравья, будьте послѣ чаши благолѣпны, у великаго Николы канунъ пейте, у Матери Пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Благословите всѣ добрые люди нашему князю новобрашному (новобрачному), чего онъ пожелаетъ, то-бы ему получить въ добромъ здоровьи.» Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ налитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатями; тутъ-де обыкновенно стоитъ (по народному предразсудку) портинникъ или колдунъ, и потому стараются его угобзить, задобрить. Затѣмъ отецъ и мать жениха становятся у *тябла* (божница); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благословенія. Отецъ говоритъ: «Господь тебя благословитъ; будь на тебѣ мое благословенье отнынѣ и до вѣка». Потомъ икона передается матери, а хлѣбъ беретъ себѣ отецъ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поступаетъ также, какъ и при благословеніи его отцемъ. Во время этого благословенья избную дверь держатъ, и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ избы, боясь, прежде всего, колдуновъ или портинниковъ, а также скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ становится у своей лошади, три раза крестится, надѣваетъ шапку и садится. За нимъ садится и весь поѣздъ; выѣзжаютъ со двора. Дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, хотя бы ему всѣ кланялись, что̀ онъ исполняетъ въ точности: всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю новобрашному поклоны воздавать. Въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и многіе изъ нихъ приносятъ съ собой въ подарокъ коровай хлѣба, а невѣста, сидя съ своими подругами, въ это время воетъ:

2349.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую,
Погляди-тка вдоль улицы широкой:
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди?
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топорику,
Заваляй-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройдти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Поѣздъ съ женихомъ стоитъ при въѣздѣ въ деревню, а по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Входитъ онъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяина съ хозяйкой поздравляетъ «съ гостенькомъ полюбовнымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Іисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто здѣшнему дому хозяинъ?» «Я».—«Какъ васъ по имени назвать, по отечеству возвеличать?»—«Сидоръ Карпычъ.»—«Былъ-ли у васъ (имя и отечество отца жениха) такой-то?»—«Былъ.»—«Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбовныя, промежъ себя сватовство?»—«Было.»—«Былъ-ли промежъ васъ

третій человѣкъ?»—«Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли Богу?»—«Затопляли и молились.»—«Бились-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столики дубовые, черезъ скетерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?»—«Бились.»—«Разнимали-ли у васъ бѣлы руки?»—«Разнимали.»—«Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ сегодня быть свадьбѣ?»—«Было.»—«Ждали-ли вы сегодня гости?»—«Ждали.» Послѣ такихъ допросовъ дружка продолжаетъ: А нашъ князь новобрашный и весь храбрый поѣздъ Тысяцкій, бояринъ большой, бояринъ меньшой, сваха и свахинъ повозникъ и я дружка со своимъ поддружьемъ, стоятъ во чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, подъ бѣлымъ шатромъ, подъ краснымъ сукномъ, подъ зеленымъ садомъ, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ мелкимъ звѣздочкамъ, съ холоду позябаютъ, съ голоду умираютъ, буйнымъ вѣтромъ задуваетъ, краснымъ солнышкомъ запекаетъ. Благословите намъ въѣхать на широкій дворъ, съ широкого двора взойти на калиновъ мостъ, со калинова мосточку войти въ бѣлу горницу. Своихъ-то гостей не потѣсните, А моихъ-то помѣстите; намъ не много мѣста надо: Изъ кути, да подъ окошко и до красного окошка. А мнѣ, дружкѣ, нѣтъ-ли хоть стульчика разъёмнаго? нѣтъ стульчика разъёмнаго—скамеечку расписную, а не расписную,—такъ хоть и простую, а нѣтъ простыхъ, и на ногахъ постою. Люди-то мы не форменные, тулупы на насъ не суконные,—и на простой посидимъ.»

Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ.» Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и недоѣзжая до поѣзда, снявъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей княгинѣ новобрашной!» Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ въѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ и отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца родного и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войти въ избу, при этомъ они сами идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. При входѣ въ избу гости не садятся, а сначала поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ Іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Въѣхали мы на вашъ княжецкій дворъ по вашему приказанію,—благословите нашего князя новобрашнаго и на княженецкое мѣсто сѣсть.» Отецъ невѣсты говоритъ: «Богъ благословитъ.» Затѣмъ поддружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ Іисусову молитву и продолжаетъ: «Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а нѣтъ хлѣба печенаго,—овса молоченаго; нѣтъ овса молоченаго,—сѣна кошенаго; нѣтъ сѣна кошенаго,—соломы яровой; нѣтъ соломы яровой,—ржаной; нѣтъ ржаной, такъ и такъ постоятъ, только просимъ приставить къ нимъ караульщичка, чтобы все было сохранно въ вашемъ домѣ честномъ...» «Мы тоже пріѣхали, продолжаетъ дружка, не такъ какъ иные прочіе: саночки самокаточки, семь жеребцовъ, словно ясныхъ соколовъ; хомуты сафьяновы, уздечки тесмяныя, шлейка шелковая, возжи плетены, сѣделки точены, дуги позолочены. У нашего князя новобрашнаго: тулупы лисьи, воротники куничьи, шапки собольи, верха бархатны; чтобы нашему князю новобрашному было во что нарядиться, на самокаточкахъ прокатиться. Еще у насъ есть двѣ коробки: одна коробка—серебра, а другая—золота. Мы это золото и серебро не по рублику считаемъ, и не горсточкамъ перегребаемъ; а беремъ совочекъ, насыпаемъ мѣшочекъ, да и распоряжаемся.» Послѣ того дружка, у котораго всегда «ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ» и который всегда наливаетъ «въ чашу стеклянну питье медвяно», продолжаетъ такъ приговаривать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ занавѣски, а за этими занавѣсками сидитъ невѣстка, какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотрѣть: обута-ли она, оболочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее вести, да руки-ноги необморозить, бѣло личико не попортить.» Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ несетъ дѣвицамъ-подругамъ стаканъ вина, при чемъ столпившимся зрителямъ говоритъ: «Отшатнитеся (посторонитесь) желудки, пузырь ползетъ! какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не поронять, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать; послѣ станутъ дружку бранить-ругать: «экой, скажутъ, дружка, экой пёсъ.» Дѣвушки, видя вино, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько.» Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу женихову. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говорятъ дружкѣ: «У насъ невѣста бѣлая.» Дружка опять идетъ къ крестному отцу, который кладетъ на тарелку уже серебрушку. А невѣста въ это время причитаетъ:

2350.

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
Вы на пиво пьяное,
Ни на матушку золоту казну!

Но дѣвицы-подруги на этотъ разъ ея не слушаютъ,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выпиваетъ стаканъ вина. Тогда невѣста надѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

Благослови меня, Господи,
Надѣть мнѣ шубу теплую.

Если-же надѣваетъ шубу выговоренную, то говоритъ:

Какъ тепла она и не угрѣвчева,
Какъ не грѣетъ у молодёхоньки
Сердце ретивое.

Затѣмъ братъ невѣсты выводитъ ее изъ кута или изъ-за переборки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста «воетъ»:

2351.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалёхоньку.
У меня, у молодёхоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыя,
Съ того, да со злодій-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною, молодёхонькой,
На лавку бѣлолипову.
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыихъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его угощаютъ виномъ и пивомъ. Крестный отецъ жениха даетъ ему выкупъ за невѣсту (рубль и болѣе) а между тѣмъ сестра его—невѣста, причитаетъ:

2352.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ, да пива пьянаго,
За рюмочку, да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что она его укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ выть дружкѣ за то, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2353.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку [1]).
250 Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой-чуженецъ,
Не гроза, а добрый молодецъ;
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горницѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста причитаетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закидываетъ за ея ногу; въ это же время онъ старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ.

2354.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки, отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлолипова,
Черезъ брусики лежачіе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыихъ людей
Черезъ скатерти все браныя,
Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
Черезъ питья всё медвяныя,

[1]) Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я наряжена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстаничекъ,
Хоть годами-то не старѣе—
Умомъ-разумомъ исправнѣе.

Послѣ этого причитанья невѣсты, дружка произноситъ Іисусову молитву и, обратившись къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего князя новображнаго дарить, спасены-ли (т. е. припасены-ли) у васъ дары? Если не спасены, своимъ будемъ дарить.» Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ Іисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы ноги, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна; въ чашѣ прими «для любья», выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чаши здравъ будь; отъ великаго Николы канунъ пей, отъ Пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новобрашной дары получай, и княгину новобрашную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары «не повѣщуй» (т. е. не взыщи). Послѣ жениха дарятъ и другихъ родныхъ По окончаніи всей этой церемоніи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, о всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка. Гвоздари, бочкари, малые ребята,—синіе пупки, кривые желудки, зелены сопли,—кто изъ васъ рѣзвый,—тотъ кушай стаканъ вина.» Рѣзвый выпиваетъ. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу невѣсты, который этотъ стаканъ передаетъ тысяцкому (крестному жениха), а самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Іисусову молитву и начинаетъ ораторствовать такъ: «Батюшка княгини новображной! Встань, повыступи, прими чашу для любья и проч.... Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое сызнова перерождается, въ цвѣтное платьице наряжается, горючимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньица, пройдти по серединѣ пола, войдти въ новыя сѣни, сойти на калиновъ мостъ, выйдти на широкій дворъ, садиться на добрыхъ коней, брать въ лѣвыя руки тесмяныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подъѣхать намъ ко Божіей церкви, взойти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вѣнецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать.» Женихъ и невѣста молятся и кланяются въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца и матери невѣсты. Передъ благословеніемъ родителей, невѣста воетъ такъ:

2355.

Ужъ вы дайте-тка, пріятели,
Благословеньице мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпатися,
Жемчугомъ, да раскатитися.
Положите-тка, пріятели,
Что во тѣ, да во рѣзвы ноги,
Ужо тотъ, да горючь камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по луковицѣ и втыкаютъ въ одежду иголки,—для того, чтобы ихъ не испортили. Это же дѣлаютъ и поѣзжане. При благословеніи жениха и невѣсты всѣ родные молятся и выходятъ затѣмъ изъ избы. Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ; на дворѣ ее отнимаютъ подруги. Дружка идетъ выручать невѣсту, но дѣвицы его гонятъ отъ себя. Тогда онъ беретъ съ собой жениха, послѣдній даетъ дѣвицамъ за невѣсту денегъ, и тогда онѣ ему выдаютъ ее. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Дружка въ это время съ хлѣбомъ-солью и иконой три раза обходитъ вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ лицъ въ сторону, послѣ чего поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отъѣхавъ недалеко, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ въ домъ къ невѣстину отцу. Тамъ за нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ имени жениха приглашаетъ отца, мать и проч. родныхъ съ невѣстиной стороны въ гости къ жениху та-

кимъ образомъ: «Господи Іисусе Христе и проч. (крестится). Батюшка княгини вовобрашной! Встань па рѣзвы ноги, открой свои ясны очи и проч.... Проситъ нашъ князь новобрашный къ себѣ въ гости. И проситъ васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте.» Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и ѣдетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ. Этого приглашенія не бываетъ въ томъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви опять пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ поѣздъ только тогда, когда дадутъ имъ на водку или самой водки. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ: впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ—невѣста со свахой и братомъ—ямщикомъ, а за невѣстою—весь остальной поѣздъ. Дорогой невѣстинъ братъ или въ сторону куда нибудь своротитъ или вывалитъ невѣсту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ долженъ къ нему подъѣхать и угостить виномъ какъ его, такъ и другихъ поѣзжанъ. Подъѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботиться о томъ, чтобы первому встать на подножникъ—(платокъ, кусокъ холста) для того, чтобы въ жизни «верхъ взять». Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви, а по большей части въ церковной караулкѣ. Окручиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову, такъ называемую «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она уже стала бабою. Теперь женихъ ужъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собой въ сани (или телѣгу) и поѣздъ возвращается домой въ томъ же порядкѣ. При выходѣ жениха и невѣсты изъ церкви сваха беретъ за фалды шубы ее и его и соединяетъ ихъ вмѣстѣ; слѣдятъ зорко за тѣмъ, чтобы между ними кто-либо изъ постороннихъ лицъ не прошелъ, иначе-де новобрачные будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, то выстригаютъ на лбу у кошки и собаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ колобокъ (родъ лепешки) и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ этого будутъ жить, какъ кошка съ собакой. Изъ церкви весь поѣздъ ѣдетъ въ большинствѣ случаевъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая иногда воетъ такъ:

2356.

Вы встрѣчайте-тко, пріятели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріятели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы сваху ненадежну,
Устыдила, обезчестила
При попахъ, да при священничкахъ,
При дьякахъ, да при учепыхъ,
Что сняла да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, сватъ, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшой бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и (кто хинъ повозникъ и лагунникъ (кто ѣдетъ въ поѣздѣ позади всѣхъ), да и я, дружка, съ поддружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоньки-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помеломъ заметайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте.» Обращаясь къ отцу невѣсты: «У нашего Владимірушки нѣту солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепялилась капустинка, засѣла костычка.» Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны!» Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпку: «Стряпонька-поварихонька, сама-ли ты нарушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпонька, «спросите о томъ дѣвушекъ.» Дѣвушки дозволяютъ дружкѣ нарушить ѣствицу, но при этомъ говорятъ: «краешки озолоти, а середочку осеребри.» Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ копѣекъ 30—50 и болѣе. Затѣмъ дружка срѣзываетъ верхнюю корку пирога, при чемъ онъ долженъ стараться не уронить на столъ ни одного бантика, а иначе дѣвки его будутъ безчестить и надѣнутъ на него «кичку». Гости немного поѣвши начинки этого пирога,

передаютъ его дружкѣ, а дружка — стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвицы, а лучинки съ лентами и бантами уносятъ домой и хранятъ до чьей-либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и безъ начинки. Послѣ этого гости встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, да за соль въ «заѣзжеемъ дѣлѣ.» Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка. Напировавшись до сыта, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина!» Затѣмъ обращается къ отцу молодой и говорить: «ну, сватушка, теперь время ночное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ.» Сватъ собираетъ провожатыхъ, своихъ родныхъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади родныхъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконой. Всѣ входятъ въ избу. Дружка говоритъ, обращаясь къ отцу и матери молодого: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! и проч. О чемъ вы намъ кучились, о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣлали; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣйше благодаримъ.» Затѣмъ всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ дары, дружка наливаетъ вина и пива, выкликаетъ кого слѣдуетъ прежде всего дарить и подаетъ на тарелкѣ этотъ даръ, предварительно заставивъ выпить. Тотъ выпиваетъ, беретъ даръ и этимъ даромъ вытираетъ губы. Послѣ перваго лица дарятъ слѣдующихъ родныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за столъ, пьютъ водку, пиво и ужинаютъ. По окончаніи ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать; а остальные гости пьютъ и гуляютъ, поютъ веселыя пѣсни далеко за полночь.

Брачное ложе обыкновенно устраивается въ отдѣльной избѣ, а если нѣтъ отдѣльной избы, то въ холодномъ сѣнникѣ. Доказательствомъ цѣломудренности невѣсты служитъ то, что бьютъ глиняную посуду, а въ домахъ богатыхъ не щадятъ бить все, что попадетъ подъ руку, напр., рюмки, стаканы и проч.; въ случаѣ же нецѣломудренности молодой надѣваютъ иногда хомутъ на тестя и тещу, кромѣ того — прокусываютъ дыру на лепешкѣ и кладутъ ее на столъ, но за послѣднее время — это уже выводится. Утромъ снова начинается попойка, а молодой ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ съ имуществомъ своей жены и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ этотъ день бываютъ, такъ называемыя, «поцѣлуи». Они происходятъ такимъ образомъ: Столъ ставятъ середь избы. Впереди, возлѣ *тябла* (божница), сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ,— причемъ свекоръ большею частью говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и кладетъ ей на тарелку денегъ. Если свекоръ богатый, то онъ накладываетъ денегъ рублей до 10—15, а если бѣдный, то 1—2 рубля. Затѣмъ молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Потомъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который даритъ ей тоже денегъ. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ; всѣмъ она кланяется въ ноги, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда она обходитъ съ поклонами и поцѣлуями до трехъ разъ, за что собираетъ денегъ рублей 20—50 и болѣе, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Собранные на «поцѣлуяхъ» деньги поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ поцѣлуевъ начинается снова пировня, которая продолжается дня два, а иногда и болѣе.— Свадьбы большею частью играютъ зимой—предъ масляницей потому, что въ народѣ есть предразсудокъ что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: вы и женились-то въ *«овечій мясоѣдъ»*, говорятъ имъ,—вслѣдствіе этого здѣсь свадьбы осенью сравнительно мало и играютъ. На масляничный базаръ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ пріѣхать или придти въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія пряники и конфекты, которыми даритъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время прядетъ ленъ на рубашку и штаны молодому. Собираясь гостить къ своимъ родителямъ, молодая зоветъ золовокъ (если онѣ есть) и другихъ новыхъ сродницъ въ гости на «бесѣдки» въ сборное воскресенье, (первое воскресенье великаго поста), въ которое всѣ

онѣ и являются. А въ «радоницы» (Ѳомино воскресенье) малые ребятишки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. повѣнчанные въ томъ году), и говорятъ:

2357.

Молодая молодица,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца, —
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздаетъ имъ всѣмъ яйца, пряники и по куску кулича. Наконецъ въ Петровъ день (29 іюня) или наканунѣ, его зять отправляется со своей женой къ тестю и тещѣ въ гости, которые дарятъ имъ (молодымъ) въ это время «канфоровое» (мѣстное выраженіе—вмѣсто фарфоровое) блюдо съ приготовленнымъ въ немъ сыромъ, двѣ ложки[1]), солоницу, молотилы (цѣпы). грабли, вилы, вянки, серпъ и косу. Этими подарками и заканчивается всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Означенныя свѣдѣнія собраны мѣстнымъ священникомъ, Евгеніемъ Троицкимъ.

---

[1]) «Небольшія, двурогія, тупыя вилы, на току при молотьбѣ». Слов. Даля.

XVIII. Симбирской губерніи.

Старинныя свадебныя пѣсни изъ рукописнаго сборника 1795 года, найденнаго Г. В. Юрловымъ у одного старика Симбирскаго мѣщанина.

2358.

Какъ во теремѣ дѣвица дары шила,
Тутъ шелъ прошелъ сынъ дворянскій
Онъ и шедши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шити!
Не загодать ли тебѣ дѣвица, шесть загадокъ?»
—«Загадай, сынъ дворянскій, хоть десятокъ.
«А что у насъ, дѣвица, краше (солнца) свѣта?»
— Краше свѣта—красное солнце.
«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»
— Выше лѣсу—свѣтелъ мѣсяцъ.
«А что у насъ, дѣвица, чаще рощи?»
— Чаще рощи—часты звѣзды.
«А что у насъ безъ отвѣту?»
— Безъ отвѣту горючь камень.
«А что у насъ безъ умолку?»
— Безъ умолку, текутъ рѣки.
«А что у насъ, дѣвица, безъизвѣстно?»
— Безъизвѣстна судьба Божья.
«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ,
На мудрёныхъ,
А и быть, дѣвица, за мною
Да и жить со мною.»

2359.

По лугу лужечку
Ѣхала карета
Непростая, золотая.
Въ каретѣ то дѣвица,
Она плачетъ и рыдаетъ:
Ужь ты ларь ли мой ларчикъ?
Золотой окованъ.
Не годъ тебя копила,
Не недѣлю пила (?)
Еднымъ часомъ раздарила:
Свекрови рубашку
Свекору другую,
Деверьямъ-то по платочку,
А золовкамъ по вѣночку,
Доброму молодцу золотъ перстень,
Золотъ перстень обручальный!

2360.

Какъ при вечерѣ при дѣвичникѣ
Прилеталъ младъ ясенъ соколъ
Онъ садился на причелинку,

На серебряну пошесточку,
За шелкову запавѣсочку.
Увидала его матушка
Говорила своему дѣтищу!
Привѣчай ты ясна сокала,
Ясна сокала залетнаго,
Добра молодца прiѣзжаго.
Ужъ я рада бы привѣтить молодца
Уста кровью запекаются
Сердце кровью обливается.

2361.

Приставала лебедушка
Къ сѣрымъ гусямъ во стаюшку.
Гуси его стали щипати,
Лебедушка стала крикати:
«Не щипите вы гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла
Занесло меня погодою,
Погодой-невзгодой,
Полуденной, полуночной.
   Отставала красная дѣвица
Отъ свово ли рода племени,
Приставала красна дѣвица
Къ чужому роду племени
Къ удалому добру молодцу.
Ее люди стали журити.
«Не журите, люди добрые!
Не сама я къ вамъ прiѣхала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони удала молодца.

2362.

Не шелкова ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ
Удалъ добрый молодецъ
Жену къ себѣ жметъ.
Кто тебѣ милъ да хорошъ?
Мнѣ милъ то милехонекъ
Батюшка родной.
Не правда твоя не истинна
А милъ то миленекъ
Я господинъ.

Въ нѣкоторыхъ селенiяхъ Симбирской губернiи намъ нерѣдко удавалось слышать на свадьбахъ различныя рацеи и прибаутки дружекъ и различныхъ доморощенныхъ балагуровъ. Балагуры эти вообще отличаются способностью красно говорить и являются необходимыми гостями на крестьянскихъ свадьбахъ. Привожу здѣсь одну ихъ рацею, какъ образецъ народнаго творчества, сочиненный, Богъ знаетъ кѣмъ и когда.

2363.

«Слушай, Ванька, кулегина стать,
Съумѣешь ли на вопросъ отвѣчать?»
— «Эко-ста дѣло, чатъ, съумѣемъ!»
«Ну-ка отгадай,
Только промаху не дай.
— Ну бай,
— Да смотряй
— Не плошай!»
«Поѣхалъ я на базаръ купить мѣру гороху.»
— Ну, это хорошо.
«Хорошо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Поѣхалъ я горохъ сѣять, поднялся вѣтеръ
Онъ и уродился рѣдокъ.»
— Ну, это плохо!
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Рѣдокъ да стручистъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Повадились свиньки, да горохъ съѣли.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Свиней то перебилъ,
Да солонины насолилъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно».
— А что же?
«Да вотъ тоже.
Повадились сосѣдовы кошки,
Да съѣли все сало до крошки.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да тоже:
Я кошекъ-то перебилъ,

Да себѣ шубу сшилъ.»
— Ну, это хорошо.
«Хорошо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Сосѣдъ-то узналъ
Да съ меня шубу снялъ.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
А взялъ да у сосѣда дочку укралъ,
А попъ то насъ повѣнчалъ.»
— Что ты! Не ужь то сосѣдова дочь?

(Первый балагуръ указываетъ на невѣсту).

«Глянь-ко словно эвту точь въ точь!»

Пирующіе смѣются.

Является на сцену дружка, записной мастеръ говорить красно.

Дружка.

2364.

Спасибо вамъ, на словцѣ, господа
Съ самаго испода!
Гдѣ вамъ черезъ заборъ брагу пить
Да красно говорить!
А ты, дядюшка Тарасъ,
Послушай-ка лучше насъ!
А то, что, за балагуръ?
Нечего сказать—хорошъ:
Давалъ чортъ грошъ,
Да и тотъ спятился.
А мы не чета ему.
Разскажемъ,
Какъ въ высокіимъ терему
Сидитъ красная дѣвица,
Собой бѣлолица,
Полна, румяна,
Безъ всякаго изъяна:
Очи орлиныя,
Брови соболиныя,
Руки бѣлыя,
Рѣчи смѣлыя.
Ай ребята!
Кому то дѣвицу,
Лицомъ бѣлолицу,
Полну да румяну,
Безъ всякаго изъяну,
Взять да отвѣдать, —
Да вѣкъ бы не ужинаць
И не обѣдать.
Ну-ка кому?
Видно мнѣ одному.

(Обращается къ стряпкѣ старухѣ).

Ну-ка, стряпынька, лапынька,
Для добрыхъ гостей
Выпьемъ по всей!
Али у хозяина вина не стало,
Припасу недостало?
Ну не гляди совой,
Не мотай головой!
Али на тебѣ лѣшій ѣзжалъ,
Въ лѣсу родилась,
Пенькамъ Богу молилась? [1])

Изъ повременнаго изданія: Матеріалы для Исторіи и Статистики Симбирской губ. Выпускъ четвертый. Симбирскъ. 1867 г., стр. 98—101.

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что эти послѣднія причитанія принадлежатъ къ числу древнихъ произведеній народнаго творчества. «Пенькамъ Богу молилась» напоминаетъ вѣнчаніе вокругъ ракитова куста остатокъ язычества. В. Юрловъ.

XIX. Самарской губерніи.

Ставропольскаго у., въ дер. Новомъ Украйкинѣ.

(Со словъ дружки Агафона Дементьева).

Пріѣзжаютъ сваты сватать (отецъ, мать, либо сродники). Взойдетъ сродственница, садится подъ *матку*. «Вотъ я пришла: не будетъ ли любо, посватать дочь». Приглашаютъ отца съ матерью войти. Разговоръ: какъ жениха зовутъ, какъ невѣсту, много ли семьи. «Мы согласны, только жениха не видали». Приводятъ жениха; невѣсту обряжаютъ; она выходитъ, кланяется. Другъ на друга глядятъ; имъ свѣтятъ. Долго стоятъ они молча; потомъ невѣста—въ комнату, а женихъ—на дворъ. «Ну что, показалась невѣста?»—Показалась. Сходятся къ невѣстѣ братья, отецъ, спрашиваютъ: «Что показался?»—Показался. «Согласна итти?»—Согласна. Входитъ сватъ (жениховъ отецъ) и говоритъ съ невѣстинымъ отцомъ: «Ну что, показался ли женихъ нашъ? Намъ невѣста понравилась.»—«Да, наша согласна.» Рядиться начинаютъ.

Отецъ невѣсты говоритъ: «Клади за дочь 60 рублей, шубу, два ведра вина (на запой ведро, да пріѣдетъ когда, ведро)».

Сажаютъ жениха за столъ, посадятъ противъ него невѣсту: онъ на лавкѣ, она—на скамейкѣ. Малость погодя,—рядомъ сажаютъ, угощаютъ водкой. Невѣста и женихъ отказываются; по стакану для примѣра подадутъ. Сватъ (невѣстинъ отецъ) кладетъ руку на столъ, другой сватъ кладетъ сверхъ его руки и всѣ сродственники тоже. Посторонній разнимаетъ (это *договоръ*). Водку пьютъ. Договариваются въ ближнее воскресенье *запой* дѣлать; въ *то* воскресенье—свадьба. Послѣ этого у невѣсты дѣвишникъ (у жениха два товарища только). На запой къ невѣстѣ сродники пріѣзжаютъ по вечеру; сажаютъ ихъ за столъ. Невѣсту обрядятъ. Невѣста начинаетъ женихову родню дарить; платокъ жениху и стаканъ вина; жениховa отца съ матерью дарятъ тоже, потчуютъ. Женихъ съ невѣстой въ отдѣльной комнатѣ и угощаютъ ихъ. Жениха невѣста провожаетъ. Сватъ со сватомъ свадьбу назначаютъ. Жениховъ отецъ отыскиваетъ *дружку* (ловкаго, среднихъ лѣтъ). Дружка пойдетъ съ женихомъ созывать сродниковъ своихъ. Посажаютъ ихъ. Женихъ наливаетъ водки и подноситъ *подружкѣ*, женихъ кланяется ему въ ноги (каждому). *Дружка*. Кланяется тебѣ князь *новображный*: стопочку прими, пойлица выпей, а намъ поработай! (т. е. съѣзди въ подружки).

Всѣмъ это говорятъ (тысяцкому, крестному отцу, подсватью (невѣсту соблюдаетъ, постель стелетъ и пр.). Послѣ угощенья идетъ *обѣдъ*: холодное: рубленая говядина и квасъ со сметаной, яйца, хрѣнъ. Горячее: 1) щи, 2) похлебка, 3) лапша; каша съ масломъ; пшенники; жареная часть свѣжины (а то поросенокъ, либо гусь). Курникъ. Еще курникъ (его и не ломаютъ).

Послѣ обѣда поѣзжане впрягаютъ лошадей, съѣдутся къ жениху на дворъ (меньше трехъ паръ не бываетъ). Входятъ въ избу. Жениха впередъ сажаютъ на *войлокъ*. Всѣ присядутъ, какъ передъ отъѣздомъ. Дружка крестится и всѣ поднимаются.

Дружка.

2365.

Батюшка, что батюшка!
Благослови свово чада милаго:
Намъ ѣхать во путь, во дорогу
До добра коня дойти,
Взять шелковъ поводъ во лѣву руку,
А въ правую руку шелковую плеть
И бить коня по могучимъ плечамъ,
По крутымъ бедрамъ;
Ѣхать намъ черезъ зеленый лѣсъ,
Черезъ быстры рѣки, черезъ круты горы,
Черезъ чисто поле
Ко матушкѣ Божьей церквѣ
Чудёнъ крестъ цѣловать,
Законъ Божій принять.

Отецъ съ матерью благословляютъ жениха. Сажаютъ за столъ.

Дружка опять говоритъ:

2366.

Батюшка, что батюшка,
Посадили мы за столы за дубовые,
За скатерти бранныя,

За яства сахàрны
За блюдечко карѐльцо,
За ложечку весѐльцо,
За хлѣбъ, за соль,
За Божью милость.

Закусываютъ, пьютъ водку. Подъѣзжаютъ къ невѣстину двору. Невѣстины сродники не пускаютъ у воротъ. Просятъ четверть вина. Отворятъ ворота—ѣдутъ во дворъ. У воротъ водку пьютъ. Сойдутся къ сѣнямъ всѣ поѣзжане. Входитъ дружка со свахой въ избу. Дѣвки около невѣсты. Сидитъ возлѣ невѣсты мальчикъ и держитъ въ рукахъ палку. Дружка ему говоритъ: «Вонъ изъ стола.» Дружка плетью грозится, а мальчикъ палкой. Оба хлопаютъ по столу. «Зачѣмъ ты сюда пришелъ?» Дружка кладетъ ему коп. 20. Мальчикъ прощается съ невѣстой и вылазаетъ. Подходитъ сваха и подаетъ дѣвкамъ круглый пирогъ и гривенникъ денегъ. Потомъ дѣвки всѣ простятся и вылазаютъ. (Невѣста ужъ благословлена). Сажаютъ жениха съ невѣстой рядомъ. Онъ беретъ невѣсту за руку. Поѣзжане выпиваютъ по стакану водки. *Дружка*: «Батюшка, что батюшка» и т. д. Благословляютъ и выводятъ. Подведетъ невѣсту женихъ къ той телѣгѣ, гдѣ подсватья и беретъ ее руками сажаетъ (если тяжела то пособляетъ братъ). Дружка три раза съ образомъ поѣздъ обходитъ; за нимъ идетъ *поддружка*. Дружка обойдетъ, зайдетъ встрѣчь и заговоритъ: «Господа поѣзжане будьте всѣ по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ.» Садится на свою лошадь, ѣдутъ со двора. Дружка—передòмъ. Нѣсколько сажень отъѣдутъ—дружка назадъ ворочаетъ звать невѣстиныхъ родителей въ гости къ жениху на пиръ. Тутъ и постелю у дѣвушекъ выкупитъ. Вѣнчаютъ. Домой,—потомъ къ жениху. Тамъ ждетъ у крыльца жениховъ отецъ съ матерью;—благословляютъ; вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Потомъ уводятъ въ особую комнату. Съ дружкой подсватье (ихъ кормятъ) постелю стелютъ; со свахой вмѣстѣ молодыхъ кладутъ на нее. Полежатъ молодые въ клѣти, ихъ поднимаютъ Поднявши, дружка говоритъ: «Молодые наши всѣ въ добромъ здоровьи; что не свѣтло, не красно, или меня нѣтъ? Какъ я иду, добры вѣсти несу: окорокъ капусты, да вилокъ ветчины!..» Сваха припасаетъ другу одежу на молодого. Переодѣваютъ при всѣхъ; жениха водой обливаютъ. Молодого вовсе обрядятъ, а молодая въ одной рубашкѣ. Ей даютъ штофъ вина и стаканъ. Она обноситъ всѣхъ. Всѣ поздравляютъ. Одѣнутъ поведутъ въ избу. Посадятъ въ чуланъ. Невѣстинъ отецъ съ сродниками садится за столъ; на столѣ хлѣбъ нарѣзаютъ, да лукъ. Обнесутъ по стакану вина. Сватъ со свахой молодыхъ выводятъ и подводятъ къ невѣстину отцу съ матерью. Жениховъ отецъ и мать подаютъ имъ вина (отцу со свахой). Молодые кланяются ему въ ноги. Рубашкой, въ которой молодая спала ее и одѣваютъ. Если она *неблагополучна*, то свату и свахѣ даютъ худые стаканы: дружка пальцами снизу затѣмъ держитъ горный столъ. Сажаютъ за столъ съ молодыми и подаютъ обряженую свиньину голову (въ бумажныхъ цвѣтахъ). Разломятъ ее и снимутъ это все. Невѣстины сродники пòятъ пивомъ и виномъ. Молодые кланяются въ ноги оба. Пойдутъ гулять по сродникамъ. (Въ другихъ селахъ заставляютъ ведра съ водой носить и въ ведра кладутъ дрянь всякую и смѣются).

Когда молодыхъ выводятъ изъ подклѣти каждый поѣзжанинъ разбиваетъ горшковъ многое множество: у каждаго горшковъ по пяти.

Причеты дружки за горнымъ столомъ.

Приговоры къ пиву.

2367.

Бочкари-гвоздари,
Скорые послы подносчики,
Давайте пива!
Дружка пить хочетъ,
А говорить не можетъ.
У дружки брюхо велико,
Изъ семи телятъ шито,
Восьмымъ покрыто.
Давай двойнаго, либо тройнаго!
Дай ведро, дай другое,
Подерни ушатомъ.

2368.

Изъ кута по лавкѣ
Впередъ по скамейкѣ,
Малы робятки,
Синіе пупки,
Стары старухи,
Тащи лапоть,
Не потеряй онучу!

Повару и поварихѣ.

2369.

Поваръ лебедь бѣлый!
Поварушка матушка!

Шевелись, не лѣнись,
Поворачивайся!
Покажи-ка намъ очи ясныя.
Челомъ ударимъ,
Челобитье исправимъ.
Подавай намъ сахарны ѣства,
Встань на купьи лавки,
Достань до судной лавки,
Погляди-ка на чело:
Не забыла ли чего?
Что есть въ печи,
Все на столъ мечи,
Оставляй одни кирпичи,
Чтобы было намъ на чемъ
Пирожки печи.

(Кричитъ громко).

Тамъ-же.

(Съ голоса мѣстныхъ пѣвицъ).

2370.

Какъ по морю, морю
Плыветъ выплываетъ
Селезень сизъ-косистый.
За нимъ поспѣваетъ
Сѣрая утица.
«Ты постой-ка, подожди,
Селезенъ сизъ-косистый!
Ты возьми меня съ собой
На синё море водицы испити, —
Водицы испити, песку позобати.»
— По саду, саду тутъ ходитъ гуляетъ
Молодой князь бояринъ,
Андрей Ивановичъ.
За нимъ поспѣваетъ
Молода княгиня,
Марья Степановна.
«Ты постой-ко, пожалуй,
Молодой князь бояринъ,
Ты возьми меня съ собой
Во зеленый садъ гуляти,
Виноградъ посбирати,
Изюму пощипати.»

2371.

«Деревцо, деревцо кипарисно!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты буяло?»
— «Я росла на крутой на горѣ
Буяло противъ солнышка.»
— «Дѣвица красная, Марія!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты нѣжилася?»
— Я росла у батюшки,
Нѣжилася у матушки,
Шила дары въ высокомъ терему,
Сшивши дары, я заплакала:
«Этими дарами мнѣ не батюшку дарить,
Этими дарами и не матушку, —
Дарить дары свекру батюшкѣ,
Дарить дары свекрови матушкѣ,
Дарить дары добру молодцу.»
Свекоръ батюшка лисью шубу мнѣ шьетъ,
Свекровь матушка цвѣтно платье кроитъ,
Добрый молодецъ золотъ перстень мнѣ льетъ.
Лисья шуба—мнѣ удо́лена,
Цвѣтно платье—укорочено,
Золотъ перстень по рукѣ пришелъ,
Добрый молодецъ по душѣ мнѣ онъ.

2372.

Какъ по мосту мосту,
Раю, раю!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

По калинову мосту
Тутъ и ѣхала карета,
Что карета золотая.
Подъ ней кони вороные,
Кучера все молодые.
Во каретѣ Марія,
Во золоченой Ивановна.
Не соколъ облетаетъ,
Не крыломъ задѣваетъ, —
То Иванъ объѣзжаетъ,
Катерину утѣшаетъ:
«Ты не плачь, Марія,
Ты не плачь, свѣтъ Ивановна!
Ужъ и дамъ я тебѣ волю,
Ужъ и дамъ я тебѣ нѣгу:
Куда по́йдешь—спросися,
А при́дешь—мнѣ доложися.»
Какъ возговоритъ Марія,
Какъ возговоритъ Ивановна:
«Ужъ и что это за нѣга?
Ужъ и что это за воля?
Мнѣ у батюшки вольнѣе,
А у матушкѣ нѣжнѣе:
Я пойду тамъ—не спрошуся,
А приду—не доложуся.

Жепатому.

2373.

У пова города
Стоятъ три ворота:
Трои точеныя,
Позолоченыя.
Калина моя!
Малина моя!
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ четырехъ стиховъ).
Какъ во первы-то вороточки
Сокóлъ пролеталъ,
Какъ въ другú вороточки—
Андрей Иванычъ проскакалъ.
А въ третьи вороточки —
Скоры гонцы бѣгутъ,
Скоро посланные:
«Воротись, Андрей господинъ,
Воротись, Ивановичъ дворянинъ!
Что у твоей ли Марьи,
У твоей ли Степановны
«Нынѣ сынъ родился.
— «Ужъ для сына ворочусь.
Ужъ что сынъ у меня —
Самъ хозяинъ во дому
Со хозяюшкою,
Со невѣстушкою.

2374.

Какъ сказали про Андрея: «грозёнъ!»
Какъ сказали про Ивановича: «грозенъ!»
Онъ грозёнъ, грозенъ—не милостливъ,
Онъ для Маріи не жалостливъ,
Онъ садился на вóрона коня,
Проѣзжалъ онъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома-ль, дома-ль тесть и теща моя?
Дома-ль, дома-ль душа Марія моя?
Если спитъ—не будите вы ее,
Если-жъ нѣтъ—вышла выстрѣтила-бъ меня.
Пробѣжала она по новымъ сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы няньюшки, мамушки мои,
Ужъ вы сѣнныя дѣвушки!
Берите золотые ключи,
Отпирайте нѣмецки замки,
Отпирайте кипарисовы сундуки,
Вынимайте сукно англійское!
Ужъ вы шейте милому *сертукъ*,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ ему былъ,
Чтобы льзя было на кóня ему сѣсть,
На лету зайку залавливати.»
— Ужъ и эта ли заинька —
Свѣтъ все Марьюшка.

2375.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Ты рѣка-ль моя быстрая
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
Съ берегами не сравняешься,
Со желтымъ пескомъ не возмутишься.
— Ахъ вы, глупы круты бéрежки!
Къ чему мнѣ колыхатися?
Къ чему мнѣ волноватися?
Какъ на мнѣ ли на рѣченькѣ,
Какъ на мнѣ ли на быстрой,
Нѣтъ ни вѣтру, ни вихрю,
Ни порошу снѣгу бѣлаго.»
— Во высокомъ новомъ теремѣ
Во уборной было комнатѣ,
Что на стулѣ аломъ бархатномъ —
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
А вокругъ нея подруженьки.
Какъ возговорятъ подруженьки:
«Ты душа-ли, красна дѣвица!
Что сидишь ты, не улыбаешься?
Говоришь рѣчь, не усмѣхаешься?»
— Ахъ вы глупы, красны дѣвицы,
Неразумныя подруженьки!
Ужъ чему мнѣ улыбатися?
Чему больно радоватися?
У меня ли, у горькія,
Ни отца нѣтъ, ни матери.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому
Во Божью церковь выѣхати,
Со добрымъ, добрымъ молодцомъ.
«Разступись ты мать сыра земля!
Ты раскройся гробова доска!
Развернись золота парча,
Встань, проснись, моя матушка,
Благослови ты меня, горькую,
Въ чужу ѣхати сторонушку,
Ко чужому отцу-матери!

2376.

По Московской по улицѣ, —
Тутъ идетъ идетъ удалый молодецъ
Свѣтъ Андрей Ивановичъ,
За собой ведетъ онъ дѣвицу,
Ведетъ дѣвицу красавицу,
Свѣтъ Марью Степановну.
Часто къ дѣвицѣ припадываетъ,
Изъ ума вываживаетъ.
«Скажи, дѣвица, красавица моя:
Неужели ты теперича моя?»
— «Я теперича еще, свѣтъ, не твоя,
Я теперичи, сударь, батюшкина,
Я теперь, свѣтъ, матушки.»

Зап. Д. Н. Садовниковъ въ 1870-хъ годахъ.

XX. Саратовской губерніи.

Свадебные обряды Сердобскаго уѣзда.

Немедленно по достиженіи *парнемъ* лѣтъ, въ которыя дозволяется ему закономъ вступленіе въ бракъ, семействомъ его посылается въ тотъ домъ, гдѣ пріискана и облюбована *дѣвка*, одна изъ самыхъ бойкихъ и говорливыхъ бабъ для предложенія о выдачѣ ее въ замужество. Баба эта, называемая *свахою*, снарядясь, отправляется въ назначенный домъ всегда *ночкомъ*, т. е. въ самые поздніе сумерки, ибо въ такую пору никто не перейдетъ ей дорогу, а злой человѣкъ не замѣтитъ цѣли ея отправленія и, слѣдовательно, не помѣшаетъ ея замысламъ. Предложеніе дѣлается *свахою* отъ имени стариковъ, т. е. родителей или старшихъ членовъ семьи «парня», *старикамъ* «дѣвки». Въ случаѣ согласія сваха не засиживается, а спѣшитъ домой порадовать пріятною вѣстью семью *жениха*, между тѣмъ, какъ невѣста [1]) начинаетъ обычный *вопъ* или причитанія на разлуку съ родительскимъ домомъ:

Не касаточка, не ласточка,
Ко мнѣ горькой прилетала, и т. п.

Черезъ нѣсколько дней, обыкновенно черезъ недѣлю, послѣ предложенія, сдѣланнаго свахой, старики жениховой семьи идутъ для окончанія сватовства въ домъ стариковъ невѣсты. Войдя въ избу, помолясь и поздоровавшись, пришедшіе гости усаживаются хозяевами за столъ, на который ставятъ принесенные съ собою: штофъ съ виномъ, часть *свѣжины* и *курникъ* [2]). Затѣмъ, наливъ себѣ въ стаканъ принесеннаго вина и выпивъ его, отецъ жениха вновь наливаетъ въ стаканъ вина и поднося его отцу невѣсты, дѣлаетъ ему вторично предложеніе съ просьбою закончить затѣянное сватовство. Отецъ невѣсты, не принимая вино, спрашиваетъ совѣта у своихъ домочадцевъ: отдавать ли дѣвку или нѣтъ? Тутъ между членами семьи возникаютъ толки и переговоры, которые оканчиваются тѣмъ, что рѣшеніе отдается на волю отца и матери: «ваше дѣтище, ваша и воля», послѣ чего *старикъ* обращается къ своей старухѣ съ словами: «ну что *мать* [3]), али отдавать? — «*Воля твоя, отецъ*», отвѣчаетъ всегда покорно у простолюдиновъ жена. «Ну, сватъ, по рукамъ, знать такъ Богу угодно, берите нашу дѣвку»; заключаетъ отецъ невѣсты и ударомъ своей руки по рукѣ женихова отца изъявивъ наглядно свое согласіе, беретъ изъ рукъ его стаканъ вина и выпиваетъ. Обрадованный сватъ обноситъ и поитъ виномъ всѣхъ родныхъ невѣсты, изъ коихъ приглашаютъ на этотъ вечеръ только одни кровные да отецъ и мать крестные; сваха потчуетъ ихъ свѣжиною и курникомъ и заводитъ съ ними рѣчи о будущихъ любахъ и ладахъ, и этимъ заканчивается *рукобитье и запой невѣсты;* но въ вслѣдъ за этимъ начинается угощеніе отъ самихъ хозяевъ, которые накрываютъ столъ и ставятъ на него свое добро. По уходѣ гостей невѣста, сидѣвшая или лежавшая гдѣ-либо не шевелясь, обращается къ своему отцу съ вопомъ:

2377.

Пропилъ ты меня, батюшка,
За винную чарочку —
Молодехоньку, зеленехоньку!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноги подьнятися,
Съ умомъ разумомъ собратися.

И падая ему въ ноги, приговариваетъ: «Собери жь меня, горькую, во чужи люди»! Съ этою же просьбою обращается она къ матери и ко всѣмъ роднымъ:

[1]) *Парень* и *дѣвка; женихъ* и *невѣста* суть народныя названія холостыхъ, первыя до сватовства, а вторыя послѣ сватовства, на которое со стороны родителей дѣвицы изъявлено согласіе.

[2]) *Свѣжиною* называется у крестьянъ всякое мясо сырое и вареное, въ противоположность посоленому или *солонинѣ*. *Курникъ* есть круглый сдобный пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкою изъ курицы и рубленыхъ яицъ.

[3]) Вообще у нашего простонародія мужъ и жена называютъ другъ друга не по имени, а сначала *молодыми*, когда же обзаведутся дѣтьми мужъ зоветъ жену *мать*, а она мужа *отецъ*; когда наконецъ выдадутъ дочь замужъ или женятъ сына, то называютъ другъ друга *старикомъ* и *старухой*, и этимъ названіемъ величаетъ ихъ и вся семья.

2378.

Роднмые вы мои сроднички,
Не помяните моей досады-грубости,
Не я-то вамъ досаждала,
Досаждалъ мой глупый разумъ.

Послѣ запоя къ невѣстѣ собираются ея подруги-дѣвушки, которыхъ она встрѣчаетъ объятіями и воплемъ:

2379.

Подите-ко вы, мои подруженьки,
Къ моему горю великому,
Не погнѣвайтесь, мои подруженьки,
Что я васъ не встрѣтила и т. п.

Подружки садятся по обѣимъ сторонамъ невѣсты и запѣваютъ хоромъ:

2380.

Бѣжитъ рѣчка по песку,
Во матушку во Москву;
Бѣжитъ рѣчка не колыхнется,
Желтымъ пескомъ не возмутится:
Сидитъ Надежда не улыбнется,
Сидитъ Ивановна не разсмѣхнется.

Невѣста отвѣчаетъ имъ:

2381.

Охъ, вы дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, неглупыя —
Да къ чему мнѣ веселитися?
Много увижу людей добрыихъ,
Много встрѣчу гостей хорошіихъ,
За то лишуся моего гостя дорогаго,
Моего батюшки роднаго!
Много у сыра дуба вѣтвей-повѣтей,
Одной нѣтъ золотой макушки —
Какъ не будетъ у меня горькой
Сударыни-матушки.
Какъ кукушечка въ саду разкуковалася,
Такъ и бѣдная разгоревалася.

Если же невѣста сирота, не имѣющая ни отца, ни матери, она причитываетъ:

2382.

Охъ вы, дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, неглупыя,
Да къ чему мнѣ веселитися?
Много людей добрыихъ,
Собрать срядить есть кому,
Благословить то меня некому.
Прошу васъ, дѣвушки: не покипуть меня,
Вы сходите на кладбище къ моей матушкѣ,
Доложите кормильцу моему батюшкѣ,
Что меня горькую безъ нихъ собираютъ,
Во чужи люди, во незнамые!

Припоминая кого-нибудь изъ родныхъ, находящагося въ отлучкѣ, невѣста шлетъ и ему свой привѣтъ.

2383.

Взвѣйся ты мой дядюшка,
Со чужой дальной сторонушки
Яснымъ соколомъ
На свою милу родину!
Сядь-ка ты, мой дядюшка,
На носящато окошечко,
Послушай ты моихъ пѣсенъ горькіихъ,
Какъ я несчастная за кажду минуту
Своимъ горемъ убиваюся.

Родные унимаютъ и утѣшаютъ невѣсту, приговаривая:

Полно тебѣ, горькая кукушечка, куковати,
Пора и перестати.

Подружки, гостя у невѣсты до самой ея свадьбы, пособляютъ ей шить приданое. Между дѣлъ онѣ поютъ пѣсни, извѣстныя здѣсь, какъ и вездѣ, подъ названіемъ свадебныхъ, приноравливая смыслъ и складъ каждой пѣсни къ обстоятельствамъ и расположенію невѣсты:

2384.

Звонокъ колоколъ въ Новѣгородѣ,
А звончѣй въ Подъячевкѣ селѣ,
Звонитъ свѣтъ Надеждушка,
Звонитъ свѣтъ Ивановна и проч.

Наканунѣ дѣвичника поется:

2385.

При вечерѣ вечерѣ Надеждиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Ясенъ соколъ добрый молодецъ, и проч.

День, предшествующій свадьбѣ, начинается *дѣвичникомъ* и оканчивается *вечеринкой*. Дѣвичникъ заключается въ слѣдующемъ. Дѣвицы, подружки невѣсты, истопивъ для нея баню, идутъ къ жениху за мыломъ. Онѣ справляютъ ему поклоны отъ невѣсты, а сватьямъ отъ сватьевъ; ихъ усаживаютъ, угощаютъ виномъ, брагою, говядиною и курникомъ. Послѣ угощенія дѣвушки подносятъ жениху даръ невѣсты [1]), а онъ посылаетъ съ ними мясо, даритъ ихъ деньгами, и въ принесенное ими ведро наливаетъ браги, а въ блюдо кладетъ говядины. На прощаньѣ дѣвушки зовутъ жениха и всю его семью и родныхъ къ невѣстѣ на вечеринку, и отправясь домой, поютъ дорогою:

2386.

Наливная наша ягодка,
Дорогая наша гостьинька,
Погости у насъ малехонько,
На дворѣ у насъ тихохонько, и т. д.

Съ этимъ онѣ входятъ къ невѣстѣ, которая, встрѣчая ихъ, вопитъ:

2387.

Не пойте вы, мои подруженки,
Мнѣ безъ пѣсенъ тошнехонько;
Запойте вы, мои подруженьки,
Мою пѣсню горькую, и т. д.

Дѣвушки, отдавъ поклоны отъ жениха и сватьевъ, собираютъ и ведутъ невѣсту въ баню, припѣвая:

2388.

По двору похаживаю,
Щепочки посбирываю,
Баньку мыльную растапливаю,
Ростопись, моя банька мыльная,
Разгоритесь дубравы дровца;
Разсыпайся бѣлъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряному блюдечку.
Расплакалась свѣтъ Надеждушка,
Разгрустилась свѣтъ Ивановна
Предъ своимъ роднымъ батюшкою,
Предъ сударыней матушкою:
«Государь ты мой, батюшка,
Про что, почто пиво варишь,
Аль ты хочешь сына женить?
— Сударыня моя матушка,
Ты на что, про что ширинка [2]) кроишь,
Аль меня хочешь замужъ отдать?»

Выпаривъ, вымывъ и одѣвъ невѣсту, дѣвушки чешутъ ей голову и плетутъ косу, а она въ это время вопитъ:

2389.

Чешите мою головушку
Гладко на-гладко;
Плетите мою русу косу
Мелко на-мелко;
Вплетайте мнѣ шелковъ косникъ
Крѣпко на-крѣпко.

Заплетя косу, дѣвушки ведутъ невѣсту домой съ пѣснію:

2390.

Я вечóръ была на вéчерѣ,
У Надежды на дѣвичникѣ.
У Ивановны на дѣвичникѣ.
Какъ Надеждиной матери
Нехорошъ сонъ привидѣлся:
Прилетали сизы голуби —
Сизехоньки, милехоньки.
Одинъ голубь всѣхъ сизѣе
И милѣе всѣхъ.
Онъ садился на окошечко.
На болотную причелинку.
Онъ будилъ, будилъ Надеждушку,
Онъ будилъ, будилъ Ивановну:
«Вставай-ка Надеждушка —
Ужъ тебѣ и много надобно —
Ужъ и свекора дарить было бы чѣмъ».
«Ужъ я свекора порточками,
А свекровь рукавочками,
Деверьевъ-то по шириночкѣ,

---

[1]) Даръ состоитъ изъ рубахи, портковъ и платка, если женихъ сирота, если же отецъ и мать у него живы, то невѣста посылаетъ ему только перчатки и платокъ; но въ томъ и другомъ случаѣ къ подарку присоединяется суровая посконная нитка, о значеніи коей будетъ сказано ниже.

[2]) Ширинка — кусокъ узкаго льнянаго холста, длиною не болѣе аршина, окаймленный у краевъ затканною изъ красной бумаги полоскою.

А золовокъ по косыночкѣ.
А Александру я сама подарюсь,
А Петровичу я сама подарюсь.

Невѣста, подойдя къ воротамъ своего дома, вопитъ:

2391.

Подхожу я къ батюшкинымъ воротамъ,
Стоитъ тутъ озеро-болото,
Въ этомъ же во болотичкѣ
Плаваетъ утка съ утятами:
Не я ль, горькая, съ любезными подружками?

Войдя въ избу, падаетъ отцу въ ноги, вопя:

Спасибо тебѣ батюшка,
На пару, на банюшкѣ,
На дубовыхъ дровцахъ.

Затѣмъ кланяется въ ноги и матери, вопя:

Спасибо тебѣ, матушка,
На пару, па банюшкѣ,
На шелковомъ вѣночкѣ,
На цвѣтномъ платьицѣ.

Потомъ кланяется и всѣмъ своимъ домашнимъ, благодаря ихъ за заботы и попеченія объ ней. Всѣ стараются утѣшить ее и подъ конецъ усаживаютъ на кутникѣ, покрывъ ее *фатою* [1]), дѣвушки же помѣщаются около нея, за занавѣсью, которою онѣ отдѣляются отъ передней части избы; здѣсь остаются онѣ и на весь вечеръ.

Къ вечеру въ домъ жениха собираются его родные. Ихъ угощаетъ отецъ жениха и въ тоже время назначаетъ изъ нихъ *дружку*, *полдружіе*, *коровайника*, *подсвѣчника*, а также, если у жениха отецъ и мать крестные умерли, вмѣсто ихъ *отца* и *мать посаженыхъ*. Въ должность дружки, какъ и вездѣ, выбирается мужикъ разбитной, который, какъ говорится, за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ и у котораго всегда въ запасѣ на языкѣ красное словцо. Полдружіе — помощникъ дружки. Коровайникъ везетъ съ женихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви. Подсвѣчникъ принимаетъ свѣчи, употребляемые при вѣнчаньи. Окончивъ выборъ, отецъ и мать жениховы приглашаютъ всю свою родню въ невѣсте на вечеринку и всею толпою, съ женихомъ впереди, отправляются къ ней въ домъ. Заслышавъ приходъ гостей, дѣвушки запѣваютъ:

Не было вѣтру, не было буйнаго, и т. д.

Пришедшихъ на вечеринку жениха и его родныхъ хозяинъ (отецъ или родственникъ невѣсты, выдающій ее замужъ) встрѣчаетъ въ сѣнныхъ дверяхъ, держа въ рукѣ стаканъ, налитой до половины брагою; къ нему подходитъ отецъ жениха также со стаканомъ, наполненнымъ до половины брагою. На спросъ послѣдняго: «Ждалъ ли гостей? Радъ ли гостямъ»? хозяинъ отвѣчаетъ: «Милости просимъ». За тѣмъ оба старика переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ и, помѣнявшись ими, брагу выпиваютъ. Какъ скоро гости входятъ въ избу, дѣвицы затягиваютъ пѣсню:

Александръ идетъ со дарами,
Петровичъ идетъ со большими, и проч.

Въ избѣ невѣста сидитъ на кутникѣ подъ фатою посреди своихъ подружекъ. Изъ числа гостей къ ней подходитъ только сваха жениха, которая, поцѣловавшись съ нею и спросивъ ее о здоровьѣ, ставитъ ей на колѣни блюдо съ частью свѣжины и курникомъ. Прочіе же гости, увидѣвъ крестныхъ отца и мать невѣсты въ переднемъ углу за столомъ, окупаютъ у нихъ это мѣсто, отецъ жениха у крестнаго отца стаканомъ вина, а мать жениха у крестной матери *кокуркой* [2]). Окупивъ мѣсто, гости усаживаются за столомъ, оставляя почетныя мѣста въ переднемъ углу старшимъ. Тутъ свахою выводится изъ занавѣски покрытая фатою, невѣста, которая кланяется гостямъ на всѣ стороны. Къ ней подводится женихъ, и свахи, откинувъ съ лица невѣсты фату, подаютъ обоимъ по стакану, налитому до половины брагой. Эти стаканы женихъ и невѣста подносятъ другъ другу, между тѣмъ какъ сватья спрашиваетъ жениха: «Знаешь ли кого потчуешь»? а свахи тоже самое спрашиваютъ невѣсту. Женихъ отвѣчаетъ: «Знаю и потчую Надежду Ивановну», а невѣста: «Знаю и потчую Александра Петровича», послѣ чего они переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ, мѣняются ими, выпиваютъ брагу до дна и цѣлуются. При этомъ вниманіе присутствующихъ обращено на то, кто прежде выпьетъ:

[1]) *Фата* — большой шелковый или бумажный платокъ.

[2]) *Кокурка* — сдобная лепешка съ запеченнымъ въ ней яйцомъ въ скорлупѣ.

женихъ, или невѣста? Если невѣста выпьетъ прежде жениха, то со всѣхъ сторонъ сыплются шутки и остроты въ родѣ слѣдующей: «Ну, сватья, жениха то нашего знать волки съѣли»! Передъ уходомъ невѣсты къ подругамъ, дѣлаются обычные подносы даровъ. Даръ жениху сопровождается извѣстною пѣснью:

Князь молодой,
Ты даръ прими, и проч.

Какъ скоро невѣста возвратится опять за занавѣсь, на кутникъ, подруги ея затягиваютъ пѣсни въ честь жениха и его гостей. Каждому гостю, который величается пѣснью, подносится стаканъ браги, а онъ отдариваетъ дѣвушекъ монетою, бо́льшею частію мѣдною.

По окончаніи пѣсенъ накрывается столъ и подаются гостямъ всегда только три блюда: студень, щи съ говядиною и лапша со свининою. Послѣ ужина жениху предоставляется самая пріятная обязанность: идти за занавѣсь и въ кругу дѣвицъ, покрывшихся какъ и невѣста большими платками, отыскать свою суженую. Онъ схватываетъ на угадъ то ту, то другую, и все ошибается. За каждую ошибку онъ платитъ какую нибудь монету, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не попадется ему невѣста. Налюбовавшись ею и распростясь съ нею и хозяевами, женихъ уводитъ всѣхъ гостей къ себѣ на вечеринку. По уходѣ гостей невѣста вопитъ:

Провожай-ка ты, мой батюшка,
Гостей мнѣ нежеланныхъ,
Моихъ разлучниковъ, и проч.

Вечеринки въ домѣ родителей невѣсты заканчивается дарами всей ея роднѣ. Каждый изъ гостей, принимая даръ и выпивая подносимый стаканъ браги, одариваетъ невѣсту деньгами. У жениха же гости вновь ужинаютъ и уже въ позднюю ночь расходятся навеселѣ по домамъ.

На другой день всегда бываетъ свадьба. Утромъ этого дня въ домѣ невѣсты ничего не стряпается, и если свадьба играется лѣтомъ, то и изба не топится, а все вниманіе и хлопоты хозяевъ устремлены на то, чтобы успокоить невѣсту, которая, поднявшись отъ сна, начинаетъ тотчасъ вопить:

Вставай-ка ты, мой батюшка,
Вставай-ка ты, сударыня матушка
Спалось ли вамъ темна ноченька, и проч.

Вскорѣ являются дружка и подружье. Вручивъ невѣстѣ даръ жениха [1]) и попросивъ стариковъ поторопить сборами къ свадьбѣ, они уходятъ, и дѣвушки приступаютъ къ одѣванію невѣсты подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей голову и вмѣсто того, чтобы заплести косу, волосы на затылкѣ, у самаго корня, перевязываютъ снуркомъ. Затѣмъ братъ невѣсты, холостой и преимущественно младшій, а если нѣтъ братьевъ, то какой-нибудь мальчикъ изъ родныхъ обуваетъ ее въ чулки и башмаки, при чемъ въ правый башмакъ кладетъ деньги. Между тѣмъ мать невѣсты опоясываетъ ее по голому тѣлу суровою посконною ниткою, завязавъ концы нитки узломъ *на отмашъ* [2]). Окончательнымъ нарядомъ распоряжаются опять подруги невѣсты у кутника, если свадьба бываетъ зимою, и въ клѣти, если лѣтомъ. Онѣ надѣваютъ на нее льняную бѣлую съ долгими рукавами рубашку и простой крашенинный сарафанъ. На этотъ сарафанъ надѣвается опять бѣлая кисейная, а иногда цвѣтная ситцевая или красная александрійская рубашка и сверхъ ея французскій [3]) или кумачный сарафанъ, если рубашка бѣлая, и китайчатый, если она цвѣтная или красная, съ шелковымъ поясомъ. Покрывъ невѣсту фатою, дѣвушки передаютъ ее свахѣ, съ которою она выходитъ отъ кутника или изъ клѣтки на средину избы, во́пя:

2392.

Посторонитесь вы, люди добрыя,
На всѣ четыре сторонушки,

[1]) Даръ составляютъ: овчинная шуба, нагольная, а иногда крытая нанкою или китайкою, коты, какъ было прежде, а теперь болѣе башмаки и чулки.

[2]) Нитка эта прядется невѣстою *на отмашъ*, т. е. веретено съ ниткою вертится налѣво, притомъ тайкомъ ото всѣхъ и на печномъ столбѣ. Спрявши нитку, невѣста ссучиваетъ ее также на отмашъ и завязываетъ на ней шесть узловъ въ лѣвую же сторону. Первые узлы завязываются на порогѣ избы, вторые на порогѣ сѣней, третьи въ воротахъ. Затѣмъ нитка разрывается пополамъ; одну половину съ тремя узлами невѣста оставляетъ себѣ, а другую отсылаетъ жениху. Дѣлается это для того, чтобы отнять у колдуновъ силу ихъ наговоровъ и порчи, при чемъ простой народъ разсуждаетъ такъ: Хоть колдуны и знаютъ всю подноготную, но и имъ можетъ быть не въ домекъ то, что сдѣлано не по принятому порядку; но еслибъ знахарь и высмотрѣлъ нитку и даже сосчиталъ узлы, да не догадается, что она спрядена и завязана на отмашъ, а еслибъ наконецъ и это спровѣдалъ, то ему въ голову не придетъ, что нитка спрядена на печномъ столбѣ, безъ того же, хоть надорвись проклятый, — не испортить ему ни дѣвки, ни парня.

[3]) *Французскимъ* называется у крестьянъ всякій сарафанъ изъ краснаго ситца, съ *мушками* или пятушками и цвѣтами, хотя бы онъ былъ и русскаго издѣлія.

Пропустите меня къ батюшкѣ
Пропустите меня къ матушкѣ.

Подойдя къ отцу, она падаетъ ему въ ноги, воня:

Не бѣлая березынька
Ко сырой землѣ приклоняется, и проч.

Получивъ благословенія отца, невѣста обращается къ матери, падаетъ ей въ ноги и также проситъ у ней благословенія. Мать, взявъ у мужа икону, благословляетъ дочь, и обнимаетъ ее, кладетъ ей потихоньку за пазуху маковую головку или кусочекъ бредня [1]). За тѣмъ посаженная крестнымъ отцомъ въ передній уголъ за столъ, невѣста воитъ:

2393.

Не сажай-ка ты меня, батюшка,
За столо за дубовые,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя —
Не въ сады то меня сажаешь,
Сажаешь въ горе во великое!

Пока происходитъ это у невѣсты, къ жениху собираются его родственники, разряженые, на отборныхъ лошадяхъ, въ повозкахъ съ бубенчиками. Дружка составляетъ изъ нихъ поѣздъ. Выбранные имъ *поѣзжане* надѣваютъ крестъ-накрестъ черезъ плечо большіе платки, также привязываютъ къ дугамъ лошадей цвѣтные платки, которые развиваются какъ флаги. Послѣ благословенія жениха отцомъ и матерью родными и крестными, дружка надѣваетъ ему на плеча платокъ, складывая его косынкою, точно такъ какъ носятъ платки женщины. За тѣмъ всѣ поѣзжане, равно какъ и остающіеся въ избѣ, присѣвъ на минуту встаютъ, молятся и выходятъ на дворъ. Здѣсь, усѣвшись въ повозки, поѣзжане вновь крестятся, надѣваютъ шапки или шляпы [2]) и ѣдутъ за невѣстою. Подъѣхавъ къ воротамъ невѣстина дома и найдя ихъ, по обыкновенію, запертыми, они откупаютъ право въѣзда на дворъ стаканомъ вина. Подружки же невѣсты, заслышавъ поѣздъ, поютъ:

Погляди, дитя въ окошечко:
Чьи кони разыгралися?
Разыгралися кони Александровы,
Разыгралися добры Петровича и т. д.

Выкупъ невѣсты дружкою, угощеніе поѣзда и благословеніе невѣсты и жениха родителями первой и ея крестными отцемъ и матерью происходитъ обыкновеннымъ порядкомъ. При выходѣ поѣзда изъ избы особенная забота невѣсты и всѣхъ присутствующихъ заключается въ томъ, чтобы она переступила черезъ порогъ правою ногою [3]). Идя избою невѣста воитъ:

2394.

Первый-то ступень ступлю, —
Прощусь съ батюшкою.
Другой-то ступень ступлю, —
Прощусь съ матушкою.
Третій то ступлю, —
Прощусь съ родомъ-племенемъ!

Между тѣмъ дружка, выкупивъ у подружекъ невѣсты ея приданую постель, выноситъ ее изъ избы и укладываетъ въ повозку, на которой невѣста должна ѣхать въ церковь; а свахи, взявъ обѣ ложки, лежавшія передъ женихомъ и невѣстою на столѣ, увозятъ ихъ съ собою.

На дворѣ дядя или братъ усаживаютъ невѣсту въ сани или телѣгу (смотря по времени года), при чемъ невѣста воитъ:

2395.

Не сажай ты меня, мой дядюшка,
На вороныхъ коней поѣзжаныхъ.
Эти кони обманчивы,
Не въ саду привезутъ меня веселиться,
А въ горѣ привезутъ, горе великое!

[1]) И маковка и бредень составляютъ камень преткновенія для колдуновъ. Какъ ни хитеръ знахарь, но не скоро пересчитаетъ сколько въ положенной за пазуху маковкѣ зеренъ или сколько на отрывкѣ бредня узелковъ или петелокъ. Ошибись онъ хоть однимъ, и все колдовство пойдетъ не въ прокъ.

[2]) Но никогда, сколько мнѣ извѣстно, шапка не надѣвается на жениха въ избѣ, какъ описываетъ это г. Леопольдовъ (см. Статистич. описаніе Саратовск. губ., ч. I, стр. 96).

[3]) Такъ какъ заговоръ о порчѣ дѣлается большею частію на порогѣ, то переходъ черезъ порогъ правою ногою признается лучшимъ средствомъ уничтожить такое колдовство — по народному повѣрью, что правая сторона есть сторона благодати, ибо на правомъ плечѣ всегда сидитъ Ангелъ хранитель, а на лѣвомъ дьяволъ.

Закончивъ этимъ послѣднимъ причитаніемъ свой вопъ, невѣста, перекрестясь, покрывается фатою и усаживается въ повозкѣ. Рядомъ съ нею садятся: съ правой стороны сваха ея, представительница всей ея родни, остающейся дома, а съ лѣвой сваха жениха. Поѣзжане же усаживаютъ жениха, съ которымъ садится его крестный отецъ. Вообще поѣздъ устраивается дружкой въ общемъ порядкѣ: первую пару лошадей онъ оставляетъ для себя и подружья, вторую для невѣсты и двухъ свахъ, третью для коровайника и подсвѣчника, четвертую для жениха и его крестнаго, а остальныя пары для прочихъ родственниковъ-поѣзжанъ. Уладивъ поѣздъ, онъ обходитъ его съ благословенными иконами, творя (во избѣжаніе на дорогѣ порчи отъ колдуновъ и злыхъ бабъ) воскресную, а за неумѣніемъ ея, какую знаетъ молитву. Затѣмъ усаживается онъ съ подружьемъ на свою пару и крикнувъ: «съ Богомъ, поѣздъ честной!» трогаетъ лошадей, при чемъ весь поѣздъ снимаетъ шапки, крестится и выѣзжаетъ за дружкою въ назначенномъ порядкѣ, на улицу. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, дружка поворачиваетъ лошадей и скачетъ обратно въ домъ невѣсты. Перемѣня хлѣбъ жениха на хлѣбъ невѣсты, онъ догоняетъ поѣздъ и отдавъ хлѣбъ коровайнику, пускаетъ лошадей во всю рысь, чтобы первому подъѣхать къ церкви. Когда же всѣ остановятся у церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а дружка, отецъ крестный жениха и иные почетные изъ поѣзжанъ ѣдутъ за священникомъ, который ѣдетъ съ поѣзжанами, и вслѣдъ за нимъ женихъ и невѣста вводятся въ церковь. Во время вѣнчанія, при подстилкѣ подъ ноги вѣнчаемыхъ платка, извѣстнаго подъ названіемъ *подножья*, свахи нашептываютъ невѣстѣ, чтобы она встала на него прежде жениха, что сулитъ ей власть надъ мужемъ. По окончаніи церковнаго обряда новобрачная отводится свахами въ трапезу, гдѣ онѣ заплетаютъ ей косу на двѣ половины и укладываютъ ихъ вокругъ головы; на затылокъ подзатыльную *поднизь*, на голову надѣваютъ *наклонку* [1]), спереди подвязываютъ платокъ, шею и грудь украшаютъ борками и гранатками [2]), и закрывъ лице молодой фатою, выводятъ ее изъ церкви.

[1]) *Поднизь* — прямоугольникъ (четырехъ верниковъ въ ширину и двухъ въ вышину), низанный узорочьемъ изъ цвѣтного стекляруса. *Наклонка* тоже, что кокошникъ.

[2]) Борки составляются изъ *пронизокъ*, нанизанныхъ на толстую нитку; *пронизка же* есть цвѣтной стеклярусъ съ скважиною насквозь. *Гранатка* — стеклярусъ, подкрашенный подъ цвѣтъ гранаты.

По возвращеніи изъ церкви, когда новобрачные, встрѣченные, по обычаю, родителями молодаго съ иконою и хлѣбомъ, въ вывороченныхъ на изнанку тулупахъ, прикладываются къ иконѣ, старики осыпаютъ ихъ хмѣлемъ, приговаривая:

Какъ хмѣлъ легокъ и веселъ,
Такъ будьте и вы легки и веселы!

Затѣмъ, вводя новобрачныхъ за руки въ избу, отецъ говоритъ молодому:

2396.

Вотъ тебѣ жена
Богомъ создана.
Люби ее какъ душу,
Тряси какъ грушу.
Живите, богатьте,
Спереди горбатьте.

А мать договариваетъ:

2397.

Сколько въ лѣсу пеньковъ,
Столько вамъ сынковъ:
Сколько въ полѣ кочекъ,
Столько вамъ и дочекъ,

И усаживаютъ ихъ за столъ, при чемъ съ новобрачной снимается фата. Тутъ свекоръ, принявъ отъ свекрови коровай ржанаго хлѣба съ пшеничнымъ пирогомъ и солонкою съ солью и мѣдной монетой, подноситъ все это новобрачной невѣстѣ, приговаривая:

«Вотъ тебѣ, невѣстушка, одонье ржи, а другое сама нажни, и насъ при старости корми».

А свекровь вручаетъ молодымъ какого нибудь ребенка, приговаривая:

Вотъ вамъ ребенокъ готовенькой,
А о своемъ сами позаботьтесь.

Новобрачная, принявъ ребенка, даритъ ему, если это дѣвочка, серьги, а если мальчикъ — поясъ: дары эти у ней прицѣплены заранѣе на сарафанной проймѣ.

Между тѣмъ дружка со свахою готовятъ въ чуланѣ, если это время зимнее, и въ клѣти, если лѣто, постель новобрачнымъ, и войдя въ избу,

уводятъ ихъ съ собою. Въ чуланѣ сваха, накормивъ молодыхъ, снимаетъ съ новобрачной наклонку и нарядные сарафанъ и рубашку, послѣ чего, снабдивъ ее нужными совѣтами, укладываетъ спать, и уходитъ съ дружкою, заперши напередъ чуланъ. По возвращеніи въ избу они садятся со всѣми поѣзжанами обѣдать. Пообѣдавъ, дружка и сваха подходятъ къ дверямъ спальни, стучатъ и окликаютъ новобрачную чету: «Ель, аль сосна»? Если получатъ въ отвѣтъ: «Сосна», то отправляются обратно, но погодя немного опять подходятъ съ тѣмъ же, и если имъ отвѣтятъ: «Ель», то отпираютъ спальню. Здѣсь сваха снимаетъ съ молодой спальнее бѣлье и сарафанъ, надѣваетъ нарядные, и взявъ *молодыхъ* за руки, вводитъ въ избу, припѣвая, приплясывая и причитая всякій вздоръ, идущій къ дѣлу. Между прочимъ она поетъ, колотя горшки и другую посуду, какая попадется ей подъ руку:

2398.

Ай бѣда, бѣда моя немаленькая,
Что зовутъ меня не дѣвушкою! —
Вотъ не дѣвушкою, не молодушкою:
Я со вечера дѣвушка,
Ко полуночи молодушка,
Ко полуночи молодушка,
Черезъ сорокъ недѣль матушка!
Ой бѣда, бѣда моя не маленькая.

Не то бываетъ, когда обнаружится нецѣломудренность новобрачной. Тогда дружка вводитъ пристыженную чету безъ пѣсенъ и прибаутокъ; горшки не колотятся, а случается напротивъ, что опозоренный молодой, чтобъ выместить свою досаду, задаетъ новобрачной *катку* и *потасовку*. Да и отцу и матери ея почетъ бываетъ не равный. Въ первомъ случаѣ самъ молодой съ дружкою, подружьемъ и свахою новобрачной идетъ къ *своимъ тестю* и *тещѣ* на *яичницу*, и послѣ вина и яичницы приглашаетъ ихъ со всѣми родными къ *своимъ старикамъ*, а дружка и подружье зовутъ ихъ ни къ молодымъ *князю* и *княгинѣ* на *сыръ-коровай* [1]). Встрѣчая *сватьевъ* съ виномъ, отецъ молодого говоритъ имъ: «Умѣли, сватушки, дочку свою воспоить, воскормить, съумѣли и честь ее соблюстить — такъ просимъ пожаловать на всѣхъ радостяхъ.» Что касается до отца и матери провинившейся дочки, то ихъ при встрѣчѣ не благодарятъ, и подносятъ имъ не *винцо, а бражку, да и ту ивашку* [2]), притомъ въ продырявленномъ снизу стаканѣ. Поднося стаканъ, дырочку затыкаютъ пальцемъ, чтобы брага до поры не вылилась. Старикъ — гость волею-неволею долженъ принять этотъ позорный стаканъ; но онъ лишь возьметъ его, какъ брага со свистомъ выливается изъ дырочки и старику удается только пригубить стаканъ при злобномъ хохотѣ оскорбленной семьи. «Что, сватушка, говоритъ старикъ-хозяинъ, по усамъ текло да въ ротъ не попало; горько — а дѣлать нечего; ну, да судъ и рядъ не наши, а Божьи — такъ милости просимъ».

Между тѣмъ какъ гости, размѣстясь на скамьяхъ и лавкахъ по старшинству, угощаются брагою и виномъ, закусывая разставленною по столамъ говяжиною, бабы-хозяйки и приглашенные ими приспѣшницы страшно озабочены приготовленіями къ ужину. Ужинъ этотъ, называемый *горный столъ*, состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала покрываютъ столы скатертями, на нихъ кладутъ ложки, ломти ржанаго и пшеничнаго хлѣба, разставляютъ солонцы, ставятъ чаши съ брагою, съ опущеннымъ въ каждую ковшомъ. За тѣмъ гости усаживаются по старшинству. Изъ яствъ подаютъ: первое холодное: *студень* говяжья, разведенная квасомъ съ приправою тертаго хрѣна и сметаны; второе — *щи* съ накрошенною въ нихъ свѣжиною; третье — *похлебка* изъ легкаго, требушины, и проч., приправленная гречневою крупою и сметаной; четвертое — *лапша* молочная, а болѣе мясная изъ свинины; пятое — *пшенникъ* съ приправою коровьяго масла; шестое — *курникъ*. Всѣ эти яства подаются приспѣшницами на столѣ въ чашкахъ, прикрытыхъ сверху блюдами. Повершивъ горный столъ курникомъ, хозяева кланяются гостямъ, прося не осудить, что накормили и напоили не вдоволь, а по своей силѣ-мочи. Гости же, благодаря хозяевъ за хлѣбъ-соль, поднимаются, стряхнувъ передъ тѣмъ на столъ крошки, нападавшія имъ на колѣни [3]) и собираются ко дворамъ. Въ это время молодые подходятъ къ отцу и матери новобрачной и падаютъ имъ въ ноги, а дружка подаетъ старикамъ

[1]) Тоже, что *курникъ*. См. выше примѣч. 2.

[2]) Брага, сильно разбавленная водой.

[3]) Обычай стряхивать крошки на столъ повсемѣстенъ на Руси и соблюдается крестьянами послѣ каждаго обѣда, ужина и т. п. Основаніемъ этому служитъ, конечно, глубокое уваженіе простолюдина къ хлѣбу, какъ къ лучшему дару Божью, который не долженъ валяться на полу *зря*. Со стола крошки убираются въ какую нибудь посуду и даются скоту или птицѣ.

по стакану вина. Старики дѣлаютъ молодымъ наставленіе какъ имъ жить и любить другъ друга, и попробовавъ вино, словомъ: *«горько»* даютъ знать, чтобы они поцѣловавшись, подсластили его. Тутъ разгулявшіеся старики дарятъ новобрачнымъ *на разводъ* телку или что другое изъ домашняго скота и толику денегъ. Отблагодаривъ ихъ, молодые кланяются въ ноги отцу и матери крестнымъ, а за ними и прочимъ роднымъ новобрачной, получая отъ каждаго совѣтъ и подарокъ.

На другой день въ домѣ молодыхъ пекутся блины. Закусивъ ихъ, вся семья идетъ на *блинки* къ тестю и къ тещѣ молодаго. Отсюда новая родня опять отправляется на обѣдъ къ молодымъ. Такимъ образомъ обѣ семьи, съ ихъ родными, продолжаютъ *гулять*, т. е. переходить изъ дома въ домъ, въ теченіе двухъ или трехъ дней, а иногда и цѣлой недѣли, попивая и приговаривая: «То мы къ тебѣ; то ваша милость къ намъ».

Зап. А. Труворовъ. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи. Н. Калачева. Кн. III, отдѣл. шестое, стр. 27—42.

XXI. Оренбургской губерніи.

Оренбургскаго уѣзда.

I.

Свадьба.

Въ Оренбургскомъ уѣздѣ вступаютъ въ бракъ довольно рано: женятся 17—18, а выходятъ замужъ—16—17 лѣтъ. Если парень женится, беретъ, а дѣвица идетъ, выходитъ замужъ, то есть, если молодые люди вступаютъ въ бракъ,—въ такомъ случаѣ у насъ говорятъ, что они «справляютъ или играютъ свадьбу».

Большинство свадьбъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ совершается осенью, передъ Покровомъ, зимой—между Рождествомъ Христовымъ и сыропустной недѣлей и весной, вскорѣ послѣ Пасхи. Безъ вина здѣсь ни одна свадьба не обходится, а особенно во время осени и зимы, и, говорятъ, плоха та свадьба, на которой мало вина—3 или 4 ведра, и на которой не напьются до рвоты—блевоты и брани. Какъ ни одна свадьба не обходится безъ вина, такъ же она почему-то не можетъ обойтись и безъ пѣсенъ, даже безъ «похабныхъ», и безъ различныхъ безобразій. При этомъ нужно замѣтить, что весенція свадьбы гораздо скромнѣе осеннихъ и зимнихъ свадебъ. Осенняя и зимняя свадьбы продолжаются отъ двухъ до четырехъ недѣль, тогда какъ весенняя—всего одну или, много двѣ недѣли.

Свадьба въ здѣшнемъ крестьянствѣ состоитъ изъ цѣлаго ряда пирушекъ или, вѣрнѣе, попоекъ, общихъ, повальныхъ и частныхъ, односемейныхъ, сопровождающихся разнообразными обрядами, различными безобразіями и разнохарактерными, въ томъ числѣ и «похабными», пѣснями. Каждая *гулянка*, каждый моментъ и обрядъ свадьбы здѣсь носитъ свое отдѣльное названіе. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ, я скажу нѣсколько словъ о самомъ населеніи.

Говоря о населеніи Оренбургскаго уѣзда, или начиная говорить о немъ, прежде всего я долженъ сказать, что оно здѣсь настолько разнообразно, разнохарактерно, что, кажется, не нужно объѣзжать всей Руси, чтобы описать ее въ этнографическомъ и тому подобныхъ отношеніяхъ: для этого достаточно будетъ объѣхать только одинъ Оренбургскій уѣздъ, имѣющій въ себѣ не только воронежцевъ, куряковъ, орловцевъ, пензенцевъ, рязанцевъ, тамбовцевъ и туляковъ,—этихъ вездѣ сущихъ великороссовъ, но и всѣхъ другихъ представителей «Руси великой». Кромѣ того, здѣсь много татаръ, чувашъ, мордвы, башкиръ, сибиряковъ, есть даже вотяки и калмыки. Всѣ эти люди живутъ вмѣстѣ или рядомъ, бокъ о бокъ, имѣютъ частыя и даже постоянныя сношенія, дружатъ и, — словомъ, смѣшались, говорятъ больше однимъ языкомъ — великорусскимъ, на «московскомъ» нарѣчіи, но непремѣнно съ примѣсью всѣхъ остальныхъ нарѣчій, говоровъ и языковъ Россіи.

Въ здѣшнемъ уѣздѣ имѣются селенія, въ которыхъ не только поселяне и ихъ говоръ, но и постройки разнообразны, такъ что каждый домъ имѣетъ свою особенность. Въ Павловской волости, напримѣръ, есть деревня Холодный Ключъ. Деревня эта небольшая: въ ней всего-на-всего—только 43 дома. Изучая эту деревню въ истори-

ческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, я замѣтилъ, что деревня имѣетъ въ себѣ семь особенностей, семь отличительныхъ чертъ во всемъ, положительно во всемъ: и въ постройкахъ, и въ сбруѣ, и въ орудіяхъ, и въ утвари, и въ говорѣ, и въ одеждѣ, и въ обуви, и въ обычаяхъ, и въ суевѣріяхъ, и повѣріяхъ.

Спрашиваю объ этомъ ключевцевъ:

— «Почему это у васъ семь особицъ?»

— А потому,—отвѣчаютъ мнѣ,—что мы—народъ сбродъ: изъ семи губерeнъ сошлись....

Это еще не особенно разнохарактерная деревня: здѣсь мнѣ доводилось встрѣчать деревни съ двадцатью и тридцатью особенностями, занесенными изъ двадцати и тридцати губерній!

Однако, несмотря на это послѣднее, оренбургская свадьба имѣетъ въ себѣ и нѣчто общее, а именно: смотрины, сватовство, рукобитье, запой, сговоръ, гарной, калинку и подворню.

Смотрины, или *поглядышки*, — это обычай, привычка. Въ обычаѣ этомъ, на мой простой взглядъ, ничего нѣтъ особеннаго, замѣчательнаго, какъ только одна черта, рисующая, до нѣкоторой степени въ комической формѣ, нашего крестьянина. Крестьянинъ-отецъ, задумавшій женить своего сына и испросившій согласія на женитьбу и выборъ той или иной, понравившейся ему (сыну) невѣсты, — въ вечернюю пору, когда зажгутъ огни, отправляется смотрѣть «облюбованную» сыномъ дѣвицу: на сколько она дородна, красовита, умна, послушна. Смотрѣть облюбованную отецъ или другой членъ семьи идетъ тайно, чтобы никто не зналъ, и смотритъ тамъ, гдѣ удастся: подъ окномъ, въ избѣ, на улицѣ, на вечеркахъ, на посидѣлкахъ, на попрядушкахъ, на обшивалкахъ. Если «смотритель» заявится въ избу, то всегда подъ какимъ-либо инымъ предлогомъ. Обычай этотъ еще имѣетъ смыслъ, когда невѣста живетъ въ чужомъ селѣ; но когда облюбованная женихомъ особа находится въ своемъ селеніи и даже въ сосѣдствѣ съ женихомъ, мнѣ кажется, онъ никакого смысла не имѣетъ и держится, вѣроятно, въ силу наслѣдственной привычки, потому-что своя сельская знакома жениху и его семьѣ много лѣтъ, «съ пеленокъ», такъ сказать.

Когда невѣста «высмотрѣна», облюбована нетолько женихомъ, но и его родителями, послѣдніе идутъ въ домъ родителей невѣсты—уже «сватать», то есть просить согласія невѣсты на выходъ, а родителей ея на выдачу. Родители жениха,— «сходатые сваты»,—отправляются обыкновенно поздно вечеромъ, при огняхъ. Входя въ домъ родителей невѣсты, они со вниманіемъ смотрятъ, нѣтъ-ли въ домѣ постороннихъ лицъ, при которыхъ почему-то ни *сватовство*, ни рукобитье не начинаются. Взойдя же въ избу, а затѣмъ помолясь Богу и поздоровавшись съ хозяевами, они, если въ избѣ изъ постороннихъ лицъ никого нѣтъ, садятся подъ потолочную матицу [1]) и заводятъ рѣчь обиняком, преимущественно такъ:

— «Мы—люди заѣзжіе, захожіе, гости—покупатели: покупаемъ, скупаемъ птицу, больше голубицу, и слыхали, что въ вашемъ домѣ есть такая продажная птица».

Хозяева имъ отвѣчаютъ, говоря:

— Есть у насъ птица, только не голубица, а синица, и нужна-ли вамъ такая малая пичужка,— не знаемъ, да и не рѣшили, можно-ли нынѣ продать ее.

— «Ваша синица намъ знакома: мы долго ходили, смотрѣли, и узнали, что она лучше иной голубицы. Поэтому мы и зашли къ вамъ.»

— Ошиблись вы, добрые люди! Наша синица совсѣмъ не такова: она и летать-то, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ.

Такая, окольная рѣчь сватами ведется цѣлый вечеръ, но дѣло въ этотъ разъ между ними кончается ни тѣмъ, ни сѣмъ. Обыкновенно стороны рѣшаютъ дѣло во второй вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если они сойдутся, рѣшатъ взять и отдать, то между ними происходитъ «ряда» или говоръ о «кладкѣ».

Кладка, или *калымъ* (плата за невѣсту) въ Оренбургскомъ уѣздѣ иногда доходитъ до 100 р.; обыкновенный же размѣръ ея—25—30 руб. Въ кладку входятъ: деньги, шуба, валенки или ботинки, кошма, вино, мясо, хлѣбъ и прочее, смотря по тому, въ чемъ нуждаются выдающій и выходящая замужъ.

Послѣ ряды стороны совершаютъ *рукобитье*: ударяютъ рука объ руку, какъ на базарѣ при куплѣ-продажѣ, выпиваютъ немного вина и назначаютъ день «запоя».

Пока въ домѣ происходитъ рукобитье, невѣста созываетъ своихъ подругъ, объявляетъ имъ о случаѣ и приглашаетъ ихъ въ *«обшивалки»*, то есть проситъ ихъ помочь ей шить приданое. Конечно, подруги съ радостью соглашаются «обшивать» и тотчасъ же переселяются въ домъ просватанной своей подруги; но прежде, чѣмъ начать работу, онѣ берутъ косу и палку, отправляются на село и обходятъ его съ коснымъ звономъ и пѣснями.

Такія хожденія обшивалокъ повторяются въ продолженіе свадебнаго обряда до 5—6 разъ. «Обходныхъ» или «обшивалочныхъ» пѣсенъ поется много. Онѣ мало чѣмъ отличаются отъ прочихъ свадебныхъ.

[1]) Потолочная «матица» — обычное и излюбленное мѣсто сватовъ.

Пока продолжаются работы, обшивалки живутъ въ домѣ невѣсты; здѣсь же онѣ и столуются и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда невѣста очень бѣдна, ѣдятъ свое, ходятъ домой или же хлѣбъ и прочее приносятъ съ собой.

По окончаніи работъ, обшивалки совершаютъ хожденіе по селу уже «въ нарядахъ», то есть въ жениховыхъ рубашкахъ, которыя невѣста заготовила для своего суженаго.

Запой—это первая общая свадебная пирушка, справляется на счетъ стороны жениха, по почему-то всегда въ домѣ невѣсты, куда, по приглашенію, собираются родные и близкіе знакомые съ обоихъ сторонъ; въ другомъ смыслѣ это есть нѣчто, похожее на объявленіе о томъ, что такія-то лица вступаютъ въ бракъ.

Кромѣ родныхъ и знакомыхъ, на запоѣ бываютъ товарищи жениха и подруги невѣсты, впрочемъ, тѣ и другія бываютъ въ качествѣ зрителей, присутствуя здѣсь лишь до тѣхъ поръ, пока не совершится обрядъ «помолвки».

Помолвка совершается такъ. Родители выводятъ жениха и невѣсту на средину избы, «на публику», и вручаютъ имъ по рюмкѣ вина. Сначала даютъ рюмку жениху, потомъ — невѣстѣ. Врученными рюмками женихъ съ невѣстой должны помѣняться и, мѣняясь, «помолвиться», спросить другъ друга: «отъ кого берешь?» и отвѣтить, назвать: невѣста—жениха, а женихъ—невѣсту по имени и отчеству. Послѣ этого должны «чокнуться» рюмками, «выпить и закусить» — поцѣловаться, при чемъ, если кто-либо изъ гостей скажетъ: «горько» или «полыномъ запахло», то помолвленные обязаны повторить поцѣлуй. Затѣмъ, послѣ поцѣлуевъ, невѣста даетъ жениху свой головной платокъ—въ этомъ случаѣ знакъ окончательнаго согласія на выходъ замужъ. И послѣ этого только начинается самая пирушка — запой, называется также «платкомъ» и «сводами».

По первой рюмкѣ вина здѣсь обыкновенно подноситъ невѣста, конечно, при помощи жениха. Женихъ наливаетъ вино въ рюмки, невѣста подноситъ, при чемъ прежде она подаетъ родителямъ, сначала своимъ, потомъ жениховымъ, а затѣмъ уже остальнымъ, гостямъ.

Поднося отцу, невѣста кланяется ему въ ноги и причитаетъ:

2399.

«Ты, батюшка, [1]) пей —
Меня не пропей!
Только пропей,
Только пропей,
Лисью шубу:
Шубу пропьешь,
Шубу пропьешь —
Ее выкупишь;
Меня пропьешь,
Меня пропьешь —
Не выкупишь,
Не выручишь.»

[1]) Когда невѣста подноситъ рюмку вина матери, тогда она слово «батюшка» въ причетѣ замѣняетъ словомъ «матушка».

Въ этотъ моментъ гости и, вообще, всѣ присутствующіе на запоѣ сидятъ молча, въ глубокой задумчивости, и навѣрное всякій думаетъ о совершающемся, такъ какъ причеты свои невѣста произноситъ навзрыдъ со слезами и грустнымъ тихимъ воплемъ.

Кромѣ описаннаго и обыкновенной попойки, на запоѣ почти ничего не совершается. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ на этой пирушки дѣвушки поютъ пѣсни, воспѣвая въ нихъ жениха, невѣсту и гостей и получая за это съ воспѣтыхъ плату отъ трехъ до 20 коп., но это не общій, не повсемѣстный обычай.

Черезъ недѣлю или, смотря по тому, какъ управятся и условятся стороны, въ домѣ жениха устраивается *сговоръ* — вторая пирушка. На сговорѣ стороны назначаютъ день свадьбы и избираютъ «поѣзжанъ: 1) тысяцкаго, 2) дружку, 3) полдружку, 4) бояръ, 5) боярынь и 6) постельниковъ.

Тысяцкій — старшее почетное лицо въ поѣздѣ; онъ бываетъ избираемъ изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, потому что на него возлагается покупка вѣнчальныхъ свѣчъ и плата за вѣнчаніе священнику.

Дружка — второе лицо въ поѣздѣ, человѣкъ весьма важный и знающій всю оборотную сторону крестьянской свадьбы: онъ «можетъ» предупредить вліянія «лихости» и «порчи» злыхъ людей. Безъ дружки и свадьба — не свадьба.

Полдружка — помощникъ и вѣрный исполнитель порученій и приказаній дружки, человѣкъ въ жизни опытный. Безъ полдружки — дружка безъ правой руки.

Бояре, или шафера, — свидѣтели вѣнчанія, люди молодые, изъ холостыхъ.

Боярыни или «свахи» — свидѣтельницы вѣнчанія, молодыя особы, по одной съ каждой стороны; на ихъ обязанности лежитъ находиться подлѣ брачущихся.

Постельники — это мужчина и женщина; ихъ обязанность — доставка постели и приданаго отъ невѣсты до жениха.

Пока происходятъ «выборы» названныхъ лицъ, дѣвушки устраиваютъ «ловлю», угадываютъ судьбу будущихъ «молодыхъ».

Ловля устраивается такъ. Дѣвушки, взявъ невѣсту, на короткое время уходятъ въ отдѣльную избу или въ клѣть, чтобы «нарядиться», надѣть одинаковыя платья и однообразно покрыть головы одноцвѣтными платками. Побывъ здѣсь минутъ 10—15, нарядившись, онѣ составляютъ изъ себя и невѣсты «гусекъ» или «караванъ» и, затянутъ пѣсни:

2400.

«Не скачи, соболь, по горницѣ,
Не скачи, соболь, по широкой, —
Скачи, соболь, у порога:
Выбирай свою дружинику,
Выбирай свою молоденьку»....

Возвращаются въ избу, изъ которой недавно вышли, гдѣ женихъ стоитъ у порога, у входной двери, стоитъ съ завязанными или зажмуренными (послѣднее чаще) глазами и съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія гуська или каравана. И какъ только караванъ покажется на порогѣ, онъ начинаетъ ощупывать его, отыскивать или угадывать въ немъ свою суженую и, ухвативъ ее за руку, произноситъ речитативомъ:

«Вотъ она—моя дружинника,
Вотъ она—моя молоденька!...»

Затѣмъ это повторяется до трехъ разъ. Если во всѣ три раза жениху не удастся «поймать» свою невѣсту, то, значитъ, онъ беретъ не свою суженую и жизнь его въ супружествѣ будетъ не весела, а если удастся, то, въ такомъ случаѣ, «свою» и жить съ нею будетъ весело и счастливо.

Вслѣдъ за выборами и ловлей, невѣста съ «ручникомъ», съ полотенцемъ въ рукахъ, обходитъ гостей, «утирая» имъ губы. Подойдя къ гостю, она обращается къ нему, спрашиваетъ: «позвольте утереть ваши губки!» и, получивъ позволеніе, дѣлаетъ примѣръ, что утираетъ; а гость въ это время лѣзетъ въ карманъ, достаетъ изъ него нѣсколько монетъ и вручаетъ ихъ невѣстѣ за труды — за *утираніе*.

Но вотъ утираніе окончено: невѣста усѣлась въ переднемъ углу рядомъ со своимъ женихомъ; на столахъ появились «яства сахарныя, питья медовыя»,—и началась пирушка—«сговоръ».

«Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ».

А дѣвушки, подруги невѣсты, — въ сторонѣ, недалеко отъ пирующихъ образовали изъ себя кружокъ, и заливаются, поютъ «сговорныя» пѣсни, величая ими всю компанію, начиная съ жениха и невѣсты и кончая незамѣтною вдовой, и получая съ воспѣтыхъ «семишники», «пятаки» и «гривенники».

Сговорныхъ или величальныхъ пѣсенъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ очень много; образцы ихъ я привожу ниже.

Послѣ сговора, наканунѣ свадьбы, въ домѣ невѣсты справляется дѣвичья пирушка—*дѣвичникъ*. На этой пирушкѣ бываютъ только однѣ дѣвушки. Справляется она невѣстой. Предметы угощенія: хлѣбъ-соль, сласти и вино.

Угощаясь, дѣвушки поютъ пѣсню:

«Отжилася, отнѣжилась» и т. д. (см. выше № 2436)

А невѣста, слушая напѣвъ, причитаетъ:

Любезныя подруженьки!
Покрасуйтеся у батюшки,
У государыни матушки». (см. № 2437)

Затѣмъ, когда пирушка закончится, пѣвуньи, простившись съ невѣстой и поблагодаривъ ее «за хлѣбъ за соль», отправляются въ хожденіе по селу и въ это время поютъ пѣсню

«При долинушкѣ калинушка стоитъ.» (№ 2438)

Въ день свадьбы въ домахъ жениха и невѣсты происходятъ *«сборы»*, отличительная черта которыхъ заключается въ обрядахъ «расплетенія» и «продажѣ невѣстиной косы» и «родительскомъ благословеніи».

Сборы эти весьма подробно очерчены въ пѣсняхъ и причетахъ, такъ что описывать ихъ я считаю излишнимъ.

Какъ только сборы окончатся, тысяцкій или дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, выводитъ во дворъ и, указавъ имъ подводы,—«мѣста», произноситъ во все услышаніе: «Господа поѣз-

жане! садитесь по мѣстамъ, какъ ясные соколы по гнѣздамъ». Затѣмъ беретъ икону и обходитъ съ нею трижды вокругъ «поѣзда», читая молитвы; а за симъ садится на переднюю подводу и обращаясь къ возницѣ, говоритъ: «съ Богомъ, въ добрый путь!» И поѣздъ трогается, а какъ только начнется выѣздъ его изъ воротъ, — «раздаются ружейные выстрѣлы, и заслоночный и косной звонъ, «на разогнаніе вражьей тьмы», «нечистой силы». «Поѣздъ» ѣдетъ шибко. Поѣзжане все время сидятъ безъ шапокъ и надѣваютъ ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ: когда очень холодна или когда всѣ предварительно, до выѣзда въ церковь, напьются, но послѣднее бываетъ рѣдко.

Отъ «вѣнца», изъ церкви, поѣздъ съ «молодыми» (новобрачными) направляется въ домъ бывшей невѣсты—закусить, а отсюда—къ молодому на *гарной* (самая большая свадебная пирушка). Здѣсь молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ на вывороченную шубу—для плодовитости. Отсюда, «со полупира» ихъ отправляютъ «на покой».

Передъ отправленіемъ, дружка даетъ распоряженіе постельникамъ «уладить» въ надлежащемъ мѣстѣ постель, послѣ чего полдружка и сваха берутъ молодыхъ и уводятъ «на свыканіе», въ помѣщеніе, гдѣ улажена постель. Передъ укладываніемъ, дружка отдаетъ приказъ полдружкѣ и одной изъ свахъ «обогрѣть постель», то есть лечь на нее и показать молодымъ примѣръ, какъ имъ должно спать. Затѣмъ дружка заставляетъ молодыхъ другъ друга разуть, при чемъ въ сапоги молодого кладетъ нѣсколько копѣекъ денегъ—молодушкѣ за труды, за разуваніе молодого; а когда они разуются, онъ, при помощи полдружки и свахъ, кладетъ ихъ (молодыхъ) спать, предварительно давъ имъ «совѣтъ на весь мясоѣдъ», оставляетъ ихъ однихъ, и уходитъ съ полдружкой и свахами на пиръ.

На другой день послѣ вѣнца и гарного, гости опять собираются «въ родительскій домъ», къ «молодому», и распиваютъ «калинку».

Прежде всего гости стараются узнать, «какъ живы-здоровы молодые»—князь и княгиня»,—и требуютъ на *честный судъ* молодушкину рубашку. Если рубашка окажется «съ краской»,—родителямъ новобрачной воздается честь: ихъ поднимаютъ на ура и потчуютъ калиновою настойкой, а если же нѣтъ, то въ такомъ случаѣ на нихъ надѣваютъ хомуты и подносятъ уже простое вино въ худыхъ рюмкахъ. Вообще, *калинка*—такая пирушка, на которой творится рядъ безобразій или въ честь, или въ безчестье родителей новобрачной.

На данной пирушкѣ, молодая бываетъ уже въ бабьемъ нарядѣ, съ «кикоболкой», или «повойникомъ» на головѣ. Наряжаютъ ее еще въ клѣти, гдѣ она провела первую ночь. Наряжаніемъ завѣдуютъ свахи (онѣ же показываютъ и рубашку), при чемъ, надѣвая повойникъ, поютъ:

2401.

«Какъ доселево повойникъ
По подлавочью валялся,
Никому не пригожался:
Ни старухамъ, ни вдовухамъ...
Пригодился повойникъ,
Пригодился кумашный
Молодой нашей княгинѣ
(Имя и отчество новобрачной),
На буйну ея головку.»

Здѣсь, хотя въ концѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что послѣ наряжанія молодушку стараются напоить до полупьяна и когда она повеселѣетъ, ее выводятъ на честную публику. При этомъ, если она была «съ честью», — родители молодого ей кланяются въ ноги и благодарятъ за соблюденіе чести, и тогда уже начинается настоящій пиръ — «калинка».

Отпировавъ калинку, гости начинаютъ справлять «подворню».

Подворня — это подворныя гулянки: каждый гость приглашаетъ компанію въ свой родительскій домъ и задаетъ здѣсь пиръ. Гулянки эти есть не что иное, какъ повальное пьянство со всевозможными безобразіями. Подворня продолжается до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей, бывшихъ на предшествовавшихъ пирахъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, я нахожу нужнымъ сказать, что очеркъ этотъ не есть полное описаніе свадьбы крестьянъ Оренбургскаго у.: въ немъ мною описана только сотая часть всего, творящагося при вступленіи въ бракъ молодыхъ людей. Для того, чтобы описать всю оренбургскую свадьбу, нужно очень много времени и не достаточно однихъ моихъ силъ и способностей.

II.

2402.

Разливалось сине море—разливалось
Ой, люли, люли, люли, разливалось!

(Припѣвъ, повторяется послѣ каждаго стиха).

Разыгралось бѣлая рыба—разыгралось.
Рыболовы край бережку ходили;
Они этой бѣлой рыбѣ говорили:
«Берегися, бѣлая рыба,—берегися!
Хотятъ тебя, рыбица, поймати,
На двѣнадцать частей разрубити,
На двѣнадцать тарелокъ разложити,
На двѣнадцать столиковъ становити;
Какъ на тѣ на столики дубовые,
Какъ на тѣ на скатерти на браныя...»
Передъ нашими—да широкими воротами
Разыгралися дѣвицы молодыя,
Расшутилися ребяты холостые;
Они Аленушкѣ говорили:
«Берегися, Аленушка, берегися!
Хотятъ—хотятъ тебя, Аленушка, поймати
Хотятъ въ уста тебя цѣловати
Черезъ цвѣтное платьице парчевое,
Черезъ мелкіе жемчужные борóчки.»
—«Я сама, подружки догадалась:
Я цвѣтное платье поскидала,
Я жемчужные борочки посбросала.»

2403.

У воротъ трава ростетъ, —
У широкихъ шелковая.
«Кто, кто траву топталъ?»
—Протоптали травушку
Все сваты сходатые,
Мужики богатые:
Сватались за дѣвушку,
За нашу Аленушку [1]).

2404.

Шумитъ, шумитъ зеленая дубрава.
Ой!.. Некому дубраву сѣчь-рубить,
Ой!.. Некому зелену съ корня валить:
Ой!.. Нашего Иванушки дома нѣтъ,
Ой!.. Нашего Иваныча дома нѣтъ.
Поѣхалъ нашъ Иванушка во яльму [2])—
Округъ его яльмовочки яльмуютъ —
Дешевыя китаечки торгуютъ.
«Хошь яльмуйте—не яльмуйте, яльмовки,—
Дешевыя китаечки не продамъ, 2
Пріѣхамши, Аленушкѣ даромъ дамъ!»
Не честь была,—ой, Аленушка!—не хвала,
Куда наша Аленушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.
Хорошъ—хорошъ Иванушка снаряженъ!..
Зеленъ кафтанъ, да зеленъ кафтанъ не его,
А Курскаго губернатора самого.
А Курскій-то губернаторъ самъ Иванъ;
Онъ самъ кузнецъ, самъ швецъ, самъ чеботарь, [3])
Сошьетъ своей Аленушкѣ черевички
И красныя, и атласныя голубыя...
— Обувай—обувай, Аленушка, любыя!

2405.

Какъ по круту—круту бережку,
По желтымъ пескамъ сыпучіимъ
Разъѣзжаетъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ—сударь Ивановичъ.
На своемъ-ли на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ бухарскіимъ,
На сѣделицѣ черкасскіимъ,
Тесьменной уздой поправливаетъ,
Шелковой плетью помахиваетъ,
На высокъ теремъ посматриваетъ, —
На душу-ли милу дѣвицу,
На Алену-свѣтъ Ивановну:
—«Ты, душа-ли, мила дѣвица,
Свѣтъ Алена—свѣтъ Ивановна!
Либо выдь, либо выгляни,
Аль открой, душа, окошечко,
Покажи свое бѣлó лицо,
Бѣло личико румяное.
Если ты да мнѣ покажешься,—
Я тебя-ли за себя возьму,
Ели ты мнѣ не поправишься—
Восхвалю брату-товарищу,
Своему брату названому:
«Ужъ и что-то, братъ, за дѣвица,
Ужъ и что, братъ, за красавица!
Безъ бѣлила лицо бѣлое,
Безъ румяна щеки алыя,
Безъ сурмила брови черныя,
Брови черны—наведеныя!...

2406.

Какъ по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ,
За собою коня врона ведетъ,
За собою коня воронаго,
Сѣделице ново ковано,

[1]) Имена въ свадебныхъ пѣсняхъ, смотря по надобности, мѣняются.
[2]) Яльма, вѣроятно,—ярмарка, торгъ.
[3]) Чеботарь—сапожникъ.

Струмена-то позолочены.
— «Ты, дѣвица, перейми мово коня,
Красавица, коня воронаго!»
— «Ужъ я похочу—коня перейму,
А не похочу—съ дороги сворочу,
За велику за пагрубушку твою,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ.
Безъ тебя, милой, постеля холодна:
Подъ перинушку морозъ подполозъ,
Одѣялице заиндевѣло,
Подушечки потонули во слезахъ,
Тебя, милый, дожидаючи,
Свою участь проклинаючи.

2407.

По задворьемъ, по задворьемъ,
Водица бѣжала.
Ляли, ляли, ляleшеньки!..
Водица бѣжала.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повторенiемъ послѣдняго).

Аленушка воду носитъ —
Коромысли гнутся,
Калиновы гнутся, гнутся,
Да не изломятся;
Сосновыя ведерочки, —
Изъ нихъ вода льется.
Иванъ-сударь въ окно смотритъ,
Самъ слезою льется;
Онъ и льется-льется-льется,
Никакъ не уймется:
«Аленушка пойдетъ замужъ, —
Я буду жениться;
Ивановна посулится, —
Я буду сбираться..
Пойду, выйду за ворота;
Тамъ луга, болота:
Луга зеленые —
Покосы сѣнные...»
Ѣдетъ милъ на конѣ
Въ нѣмецкомъ уборѣ:
Въ плисовой жилеткѣ,
Въ розовой рубашкѣ,
Въ нанковомъ халатѣ...
Полѣзъ на полати 2
Къ Аленушкѣ спати,
Спати, посыпати, —
Поклонъ посылати.
Она поклонъ не примаетъ, —
Самого желаетъ.

2408.

Какъ на первомъ было вечерѣ,
У Аленушки на запоѣ,
У Ивановны на веселомъ:
Издалече соколикъ прилеталъ,
Изъ-за лѣсу-лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго;
Онъ садился на окошечко,
Что на то окно косящато,
На блюдечко на серебряно.
Никто сокола не увидѣлъ,
Увидала его родная сестрица,
Свѣтъ Аксинья Ивановна.
Она сестрицѣ говорила:
— «Приласкайся, родная сестрица,
Къ ясну соколу залетному,
Къ добру молодцу заѣзжему,
Къ свѣтъ Ивану Иванычу.»
Приласкаться-то ей не хочется:
Ей хочется жить у тятеньки,
Красоватися у маменьки
Во высокомъ новомъ теремѣ.

2409.

Прилеталъ сизой голубь со иной стороны,
Онъ съ иной стороны ко своей голубкѣ;
Передъ нимъ голубушка стояла, ворковала:
— «Ужъ и свѣтъ, сизой голубь, гдѣ тя посадити?
Ужъ и гдѣ тя посадити, чѣмъ и покормити?
Посажу я сиза голубя въ свою голубятню;
Накормлю я сиза голубя яровой пшеницей:
Напою я сиза голубя ключевой водицей.»
Заѣзжалъ Иванъ Иванычъ со иной сторонки,
Со иной-ли онъ сторонки ко своей Аленѣ;
Передъ нимъ-ли Аленушка стояла,
Таки рѣчи Аленушка говорила:
— «Ужъ и свѣтъ, Иванъ Иванычъ, гдѣ тя посадити?
Ужъ и гдѣ тя посадити? Чѣмъ тя накормити?
Посажу-ли я Ивана во свой теремъ,
Накормлю-ли Иваныча сладкимъ пирогомъ,
Напою-ли сударика медовой водой,
Медовой-ли водицею—сладкою сытой.

2410.

Кто у насъ хорошiй?
Кто у насъ пригожiй
Розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!

(Данные два стиха—припѣвъ пѣсни, употребляются послѣ каждаго двустишiя).

Хорошъ Иванушка (или Иванъ-сударь),
Пригожъ Ивановичъ.
На крыльцо выходитъ,
Къ нему конь подходитъ;
На коня садится,
Конь подъ нимъ бодрится.[1])
Плеточкою машетъ,
Конь-отъ подъ нимъ пляшетъ;
По улицѣ ѣдетъ,
Всѣ дѣвицы смотрятъ;
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ 2
Болота алѣютъ;
Къ морю подъѣзжаетъ,
Море всколыбалось 2
Рыба испугалась;
Къ дому подъѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ, 2
Въ горницу вводитъ;
Въ горницу вводила,
На диванъ садила, 2
Дѣвицей дарила,
Дѣвицей, дѣвицей
(Имя рекъ) мастерицей:
— «Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ хороша.»

Запойныхъ пѣсенъ, вкидѣ приведенныхъ, въ уѣздѣ очень много: ихъ только въ моемъ распоряженіи наберется до 45—50 номеровъ.

2411.

Хмѣль, моя хмѣлюшка,
Веселая головушка!
Передайся, моя хмѣлюшка,
На мою на сторонушку.
На моей-ли на сторонушкѣ
Раздолье широкое.
Какъ по этому-ли раздольицу
Гулялъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь Ивановичъ.
Какъ Иванъ-сударь Ивановичъ
Связалъ свою голову
Камкою широкою,
Лентою зеленою.
Увидала его матушка
Съ высокаго нова терема.
— «Что ты, мое дитятко,
Шибко припечалился?
Что ты, мое милое
Очень прикручинился?»
— Родимая матушка!
Какъ мнѣ не печалиться, 2
Какъ мнѣ не кручиниться:
Друзья-братья женятся,
А я не женатъ хожу, 2
А я холостымъ слыву?!
— «Женись-женись, дитятко,
Женись-женись, милое;
Возьми, мое дитятко,
Боярскую доченьку!

2412.

Вотъ сказали, что Иванушка сердитъ:
Онъ сердитъ-сердитъ и милосливъ, —
Часто ѣздитъ мимо тестева двора.
Онъ ударилъ вострымъ копьемъ въ ворота.
— «Если спитъ—не спитъ Аленушка душа, —
Возбудите, чтобъ по сѣничкамъ прошла,
Золоты ключи въ рукахъ принесла.»
Ужъ вы, дѣвушки, подруженьки мои!
Отпирайте дубовые сундуки,
Вынимайте вы резетова сукна;
Ужъ вы шейте-ка Иванушкѣ сюртукъ,
Вы не доловъ и не коротокъ ему:
Во плечахъ-то—поплечистѣе,
Во сборахъ-то—посбористѣе.

2413.

Какъ по садику, было садику,
По зеленому виноградику
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ-сударь Ивановичъ;
Онъ поймалъ себѣ лебедушку,
Что душу-ли милу дѣвицу,
Свѣтъ Алену Ивановну.
Ужъ онъ взялъ-ли за праву руку,
Что за тѣ-ли перстни золоты.
За колечушки серебряны,
За другія позолочены;
Онъ повелъ ее ко Божьей церкви,
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Отъ Божьей церкви—къ батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ.
«Государь мой, родный батюшка!
Государыня матушка!
Что: мила-ли вамъ Аленушка?»
— Ты, дитя-ли, наше дитятко,
Ты, дитя-ли, наше милое!
Была-бы она лишь тебѣ мила,
А намъ-то она милешенька,
Что весьма-ли хорошошенька.

[1]) Варіантъ: «Конь-отъ веселится».

2414.

Ты, Алена, обманьщица,
Ты, Ивановна, измѣньщица!
Обманула ты отца съ матерью,
Своихъ сестеръ и своихъ подругъ:
Ты сказала: «не пойду замужъ»,
Не пойду, и не подумаю итти,
Чужихъ людей не послушаю,
Я еще-ли годокъ посижу,
На улицу похожу,
Сафьянъ башмакъ изобью,
Бѣлый чулокъ изотру....»
А вчера ты пропилася,
Добру-молодцу отдалася,
Назвала его по имени,
Взвеличала по отчеству:
По имени—Иванъ-сударь,
По отчеству—Ивановичъ.

2415.

У насъ нынѣ Иванушка ночевалъ,
Всее ночку Аленушку цѣловалъ.
За правую за рученьку поведу
Ко лютому свекру—ко батюшкѣ приведу.
Лютой свекоръ да лютой свекоръ—чемавитъ,
Онъ чемавитъ, онъ чемавитъ да былъ спѣсивъ:
На пиру-ли, на бесѣдѣ напьется,
Съ пиру ѣдетъ, со бесѣдушки—убьется,
Велитъ-велитъ онъ Аленушкѣ совстрѣчать,
Велитъ-велитъ Ивановнѣ подымать!
Не честь была Аленушкѣ, не хвала,—
Куда наша Аленушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.

Пѣсни величальныя (на сговорѣ) и другія.

Жениху и невѣстѣ.

2416.

У насъ на дубочкѣ
Да два голубочка:
У насъ на сговорѣ,
У насъ на веселомъ,
Что и въ самыхъ вышкахъ
Иванъ да Алена.
Они цѣлуются,
Они милуются,
Они все другъ другу
Да такъ отзываются:
— «Ужъ ты, другъ, Алена,
Голубушка сиза!»
— Ужъ ты, другъ Ванюша,
Голубочекъ сизой!
Полетимъ мы въ поле
Пшеницу клевати,
Пшеницу клевати,
Куколь выбирати.»

Тысяцкому.

2417.

Тысяцкій, тысяцкій—воевода!
Ты поѣдешь въ орду воевати
На добромъ конѣ,—на лопатѣ,
Свое имя вездѣ прославляти
И богачество—добро собирати,
Не бери ты, сударь, бобрами,
А бери, сударь, головами,
Что душами красными дѣвицами.

Ему же.

2418.

Ой, ты, тысяцкій!
Догадайся:
За свою мошну
Принимайся.

Ему же.

2419.

Въ огородѣ-то у насъ не лукъ-ли:
У насъ тысяцкій да не глупъ-ли!
Въ огородѣ-то у насъ не макъ-ли:
У насъ тысяцкій не дуракъ-ли!..

Дружкѣ и подружкѣ.

2420.

У насъ друженька хорошій,
У насъ дружонька пригожій.
Прошу дружку на ручку —
Онъ гоголекъ,
Прошу дружку на грядку —

Онъ соболекъ,
Прижму дружку къ сердечку—
Онъ животокъ.

Имъ же.

2421.

Друженька хорошій,
Друженька пригожій;
Хорошо онъ ходитъ,
Манерно ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мораетъ.

Имъ же.

2422.

Какъ на дружкѣ кафтанъ
Чертъ по мѣсяцу таскалъ;
Какъ на дружкѣ сапоги,
Они съ вы́скорками, 2
Пальцы вы́скакали.

Варіантъ:

2423.

У нашего дружки
Чирій на макушкѣ
Друженька мой,
Хорошенькій мой!
Какъ на дружкѣ чепанъ
Чортъ по мѣсяцу таскалъ.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ сапоги,—
Они съ выскорками.
Друженька и т. д.
Они съ выскорками, —
Ноги выскакали.
Друженька мой,
Хорошенькій мой!

Свахѣ со стороны жениха.

2424.

Княжая-то сваха богата:
Она съ гривны на гривну вступала,
Полтиной ворота отворяла,
А рублемъ затворяла;
Она нищихъ, убогихъ надѣляла
И насъ (пѣвицъ) не забывала,
Насъ-то, пѣвицъ, не много:
Всего сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,
Всего сорокъ дѣвицъ со дѣвицей.

Свахѣ со стороны невѣсты.

2425.

Княгинина-то сваха богата,
Богата и торовата:
Она по улицамъ ходила,
Людей бѣдныхъ надѣляла
Златомъ, серебромъ,
Чистымъ жемчугомъ.

Боярамъ.

2426.

Ужъ какъ нашего боярина
Дѣвушки любили:
За бѣлы рученьки брали,
Въ нову горенку уводили,
За столы его садили,
Цѣловали его, миловали,
Ко сердечку прижимали,
Животочкомъ называли.

Холостому.

2427.

По мосту-мосту калиновому,
По другому по малиновому
Вьется хмѣль со хмѣлинкою,
Со хмѣлинкой на тычинку вверхъ,
На тычинку вверхъ, на боярскій дворъ,
На боярскій дворъ, ко Ивану въ домъ.
На комъ у насъ кудри русыя?
На комъ кудри порасчесаны?
По плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ,
Словно жаръ горятъ, жениться велятъ.
Никто къ кудрямъ не приступится;
Приступала бѣла ластушка,
Бѣла ластушка — родна матушка.
Приняла кудри на бѣлы руки,
На бѣлы руки, на златы кольцы,

Понесла кудри во высокъ теремъ,
Положила ихъ на дубовый столъ.
Со Москвы купцы съѣзжалися,
Этимъ кудрюшкамъ дивовалися:
«Ужъ и честь хвала отцу съ матерью,
Хорошо дитя что порожено:
Онъ и чистъ, и рѣчистъ, говоритъ гораздъ,
Говоритъ гораздъ со дѣвицами.

Женатому.

2428.

Какъ у (имя и отчество)
Дорогой обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ —
Все домой приходитъ.
Стучитъ, бренчитъ во колечко —
(Имя жены его) кличетъ:
«Поди, выдь, разлапушка
Поди, выдь и встрѣнь!»
— Нейду-нейду, не встрѣчаю,
Я сына качаю,
Ужъ я сына качаю —
Перемѣны чаю,
Перемѣны себѣ чаю
Споху молодую.

Замужней.

2429.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По чистымъ переходичкамъ,
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Дорога душа боярыня,
Свѣтъ (имя и отчество);
Она будила, побуживала
Своего друга милаго,
Свѣтъ (имя и отчество мужа):
— «Ужъ ты, встань, душа милый другъ!
Пробудися, сынъ отеческій!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба-столба дубовенькаго,
Отъ другого позолоченаго;
Убѣжалъ твой добрый конь
Ко сосѣдкѣ во зеленый садъ,
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Виноградичекъ сповыломалъ,
Со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиной!»
— «Не тужи-ка, моя умная,
Не тужи, моя разумная!
Мы заплатимъ за зеленый садъ
Не монетами — червонцами,
Золотой казной несмѣтною.

Мужу и женѣ вмѣстѣ.

2430.

Виноградъ разцвѣтаетъ, 2
А ягода, а ягода поспѣваетъ.
Виноградъ—(имя мужа) сударь,
Виноградъ—(отчество его);
А ягода (имя жены, въ ласкат. формѣ),
А ягода-свѣтъ (отчество ея) душа.
Имъ и люди, имъ и люди 2
Дивовалися,
Что хороши, что пригожи 2
Уродилися.
— Не дивуйтесь, люди добры! 2
Ужъ вы сами таковы.

Имъ же.

2431.

По сѣнюшкамъ свѣтъ Аннушка ходила,
По новымъ Андреевна гуляла,
Изъ кармашка орѣшки щелкала,
Въ оконышко шелушки бросала,
Въ Васильевы (примѣрно) кудри русы попала.
Васильюшка оглянулся,
Васильевичъ усмѣхнулся;
Онъ грозилъ грозу свѣтъ Аннѣ:
«Ой, добро-жъ ты, ой, добро-жъ ты, ой, Анна!
Отшучу-жь я тебѣ, Анна, сею шутку,
Отсмѣю-жь я тебѣ, Андреевна, насмѣшку:
Приготовлю я плеть, приготовлю шелковую,
О семи хвостовъ, о семи хвостовъ — лентовую;
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить жену молодую,
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить да не тепере.—
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить вечере,
Да на новой, на тесовой на кровати,
Да на мягкихъ на пуховыхъ на перинахъ;
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить на подушкѣ,
Отзовется-отзовется на женушкѣ.

Вдовцу.

2432.

«Что ты, гусакъ, одинъ на Дону?»
«Нѣтъ, зачѣмъ я одинъ?- со мной много,

Со мной много гусей, лебедей,
Только нѣтъ одной гусынюшки моей.
Гусыня моя въ тростникъ уплыла,
Въ тростникъ уплыла, гнѣздо свила;
Гнѣздо свила, яицъ нанесла,
Яицъ нанесла, дѣтей вывела,
Дѣтей вывела, съ дѣтьми выплыла.
— «Чтожъ ты (имя), одинъ въ пиру?»
«Ну и чтожъ я за одинъ?—со мной много,
Со мной много князей и бояръ,
Только нѣтъ одной хозяюшки моей.
Хозяюшка моя во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—въ домовинушкѣ.»

Вдовѣ.

2433.

Много, много у яблони,
Много вѣтей, много па́вѣтей;
Только нѣту у яблонки,
Нѣту самыя вершиночки,
Позолоченой маковочки.
Много-много у (имя),
Много-много у (отчество),
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у (имя),
Только нѣтъ у (отчество)
Друга милаго сердечнаго.
Ея милый другъ во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—гробовой доскѣ.

Ей же.

2434.

Не дотолева рыба,
Не дотолева (?) щука:
По озерамъ ходила, —
Всѣ озера мутила.
Какъ и нынѣ-то рыба,
Какъ и нынѣ-то щука
Впереди лежитъ на блюдѣ,
Подъ лукомъ, подъ перцемъ,
Подъ нѣмецкимъ шафраномъ.
— Какъ, бывало, свѣтъ Агафьюшка,
Какъ, бывало, свѣтъ Ѳедотьевна
При своемъ господинѣ,
При своемъ дворянинѣ, —
И люди-то ее знали,
Господа-то почитали,
Середи двора встрѣчали,
За бѣлы руки примали,
За дубовый столъ сажали.
А какъ нынѣ-то Агафьюшка,
Какъ и нынѣ-то Ѳедотьевна,
Безъ своего господина,
Безъ своего дворянина:
Ее люди-то не знаютъ,
Господа-то не почитаютъ,
Середи двора не встрѣчаютъ,
За бѣлы руки не примаютъ,
За дубовый столъ не сажаютъ.

2435.

Во лугахъ-лугахъ зеленыихъ.
Ужъ и чьи тамъ кони пущены,
Шелкомъ кони перепутаны,
Гривы жемчугомъ унизаны?
Путь-дороженьку заслышали:
Во Казань ѣхать за серебромъ,
Во Москву ѣхать за золотомъ,
Въ Петербургъ ѣхать за дѣвицей,
За дѣвицей, за красавицей,
За Аленой Ивановной.
«Ты, Алена, обманьшшица,
Ты, Ивановна, измѣньшшица!
Не хотѣла ты замужъ итти
За удала, добра молодца,
За Ивана Ивановича;
Ты хотѣла въ монастырь итти,
Насъ, подруженекъ, съ собой взяти.
Ты хотѣла быть игуменьшей,
Насъ хотѣла взять въ послушницы:
Анъ—сегодня ужъ дѣвишникъ твой,
А завтра-то быть золоту вѣнцу.
Твоему-ли обручаньицу.»

2436.

Отжилася, отнѣжилась
Свѣтъ Алена у батюшки,
Свѣтъ Ивановна у родимаго.
Какъ вышла она изъ терема,
Сошла съ крашенаго крылечушка,—
На встрѣчу ей—батюшка;
На пути останавливалъ,
Унималъ, уговаривалъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла ты ключи зо́лоты
Во столовой новой горемѣ,

На уборномъ на столикѣ,
На десертноей тарелочкѣ,
Что на розовой ленточкѣ.
Не одни ключи позабыла ты:
Позабыла ты волю батюшкину,
Развелику нѣгу матушкину.»

2437.

Любезныя мои подруженьки!
Покрасуйтеся у батюшки,
У государыни матушки;
А ужъ я-то, горькая, открасовалася:
Отходила я по улицѣ,
Отходила я по широкой,
Истоптала башмачки сафьяновы,
Истерла чулочки бумажные,
Отчесала свою буйну голову,
Потеряла красу дѣвичью,
Потеряла вольную волюшку.

2438.

При долинушкѣ калинушка стоитъ.
На калинѣ соловей-птица сидитъ,
Горьку ягоду-калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Мимо ѣхалъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь, свѣтъ Ивановичъ;
Онъ соловушка выспрашивалъ:
«Соловей-ли, ты, соловушекъ мой!
Не съ одной-ли ты сторонушки со мной.
Ты не знашь-ли, гдѣ Аленушка живетъ,
Ты не знашь-ли, гдѣ Ивановна?
Если знаешь,—залетай ты къ ней,
Ты скажи-ка ей низкой поклонъ,
Не тужила-бы, не плакала-бъ она:
Ужъ я самъ скоро за ней буду,
Не одинъ буду—со свахами,
Самъ другой буду—со дружкою,
Самъ третей буду—съ поѣздомъ;
Увезу я душу Аленушку,
Увезу свѣтъ Ивановну
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу съ матерью.»

Когда невѣстѣ расплетаютъ косу.

2439.

Ты позволь-ка наша, Аленушка,
Расплести твою косу русую,
Расчесати разбумажити!
Во высокомъ новомъ теремѣ —
Тутъ сидѣли красны дѣвушки
Всѣ и веселы, всѣ и радостны: [1])
Ихъ головушки причесаны,
Ихъ русы косы заплетены,
Въ косахъ ленточки ввязаны.
Какъ одна изъ нихъ,—душа дѣвица,
Свѣтъ Алена Ивановна
Не весела, не радостна:
Головушка у ней не причесана,
Руса коса не заплетена,
Въ косѣ ленточка не ввязана.
Знать, Аленушка просватана,
Красавица запоручена
За удала добра молодца,
За Ивана-свѣтъ Иваныча.

2440.

Вчера мою косыньку
Подружки плели
Золото и серебро
Въ ленты завили;
Нынѣ-жъ злая свахонька
Пріѣзжала,
Мою косу русую
Расплетала,
Золото и серебро
Побросала!...

2441.

Родимый мой братецъ!
Куда ты меня одѣваешь,
Куда снаряжаешь?
Во далеку-ли сторонушку?
Не въ далеку-ли дороженьку?
Не къ свекору-ли?
Не къ свекрови-ли?

2442.

«Часовая наша гостьюшка,
Наша милая Аленушка!
Ты войди-ка въ нову горенку,
Сядь-ка ты тамъ на лавочку,
Погляди-ка въ окошечко,
Сквозь хрустальное стеколышко,

[1]) Варіантъ: радошны.

Сколь великъ, сколь малъ ѣдетъ поѣздъ твой?
Сколь хорошъ, пригожъ твой женихъ сидитъ?»
—«Мой-то поѣздъ велики́мъ великъ,
А женихъ-то мой хороши́мъ хорошъ.
Ужъ на немъ-ли шуба—шуба новая,
Шуба новая, кушакъ шелковый,
На головкѣ шапка каракульчата,
А на ножкахъ сапожки сафьяненькіе.»

2443.

Родимый мой братецъ! (имя и отчество)
Не бери ты хрустальную рюмочку,
Ты не пей-ка—не пей зелена вина,
Не пропей ты за злату гривну меня,
Не продай мою косу русую:
Моя коса недорослая,
Косоплеточка недотрепаная.

2444.

На дворѣ снѣгъ попорашиваетъ,
А я собираюся, снаряжаюся
Во дороженьку—великій путь:
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу.
Батюшка! Что не унимаешь?
Матушка! Что не уговариваешь?
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ,
Мнѣ не годъ годовать у васъ,
Мнѣ не весну красну красоватися:
Мнѣ послѣдніе часы, минуточки
Быть осталося у васъ въ гостяхъ,
Во своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей—дѣвьей красотѣ.
Потеряла я свою волюшку,
Потеряла красу дѣвичью:
Отчесала буйную головушку,
Отплела косу русую,
Растеряла косоплеточки,
Что шелковыя ленточки!
Въ своемъ теремѣ меня не будетъ,
Во высокомъ—меня не станетъ;
Соскучится обо мнѣ батюшка,
Сгорюется обо мнѣ матушка.

2445.

Распространитесь, милыя сосѣдушки!
Вы дайте-ка мнѣ путь-дороженьку
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Ко великому благословеньицу.
—То не бѣлая береза къ земли клонится:
Я клонюсь-клонюсь ко батюшкѣ,
Къ государынѣ-матушкѣ
Во ихъ рѣзвыя ноженьки;
Я прошу-прошу благословеньица:
Благослови меня, кормилецъ батюшка!
Благослови меня, кормилица матушка!
Къ суду Божію, къ золоту вѣнцу.

Если невѣста сирота, то обрядъ благословенія надъ ней совершаютъ ея родственники, а за неимѣніемъ ихъ,—даже сосѣди. Передъ благословеніемъ невѣста-сирота только плачетъ—«вопитъ», а женскій полъ, присутствующій при совершеніи сего обряда, поетъ:

2446.

Много-много у грушицы,
Много вѣтвей, много навѣтей.
Только нѣтъ у грушицы,
Нѣтъ самыя вершиночки,
Позолоченой мако́вочки: —
Много-много у Аленушки,
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у Ивановны,
Нѣтъ родимаго батюшки,
Еще нѣтъ родимой матушки.
Снарядить-то ее некому,
Еще некому бла(го)словить ее.
Снарядятъ ее подруженьки,
Бла(го)словятъ ее чужи люди,
Чужи люди—люди добрые,
Приближенные сосѣдушки.

Въ моментъ же благословенія, сиротѣ-невѣстѣ «сосѣдушки» поютъ:

2447.

Ты рѣка-ли, мать рѣченька,
Ты рѣка-ли, Волга быстрая!
Ужъ какъ много въ тебѣ рѣченька
Много воды, много холоду,
Самоцвѣтныхъ мелкихъ камешковъ.
— Ужъ какъ много у Аленушки
На пиру да на бесѣдушкѣ
И князей, и бояръ,
Одного лишь гостя нѣтъ у ней,
Что родимаго батюшки.
Вы подуйте-ка, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,

Растворите-ка вы настежь
Всѣ двери, всѣ воротички!
Вдругъ воротички зашаталися,
Дверюшки отворилися:
И идетъ-то къ Аленѣ, жалуетъ
Дорогой гость, родной батюшка,
Во устахъ-то онъ несетъ благословеньице,
Благословеньице несетъ великое,
Во рукахъ-то—мать Божью,
Мать Божью—Богородицу!

2448.

Вкругъ широкаго Аленина двора
Разливалася мать винная рѣка.
Какъ по этой-то по винной по рѣкѣ
Разукрашено суденышко плыветъ,
На суденышкѣ удалый молодецъ
Приплываетъ ко широкому двору,
Становится противъ краснаго крыльца,
Выстилаетъ онъ шелковые ковры,
Вызываетъ милу дѣвицу-душу
Свѣтъ Алену Ивановну:
«Ты Алена свѣтъ Ивановна!
Выходи-ка ты на красное крыльцо,
Посмотри-ка ты на шелковы ковры.
Ужъ я звалъ тебя не коврики смотрѣть,
Ужъ я звалъ тебя въ шашки играть.»
Алена съ Иваномъ играла—
Отца съ матерью проиграла,
Еще-то она проиграла
Брата со сестрицей,
А еще-то проиграло—
Проиграла своихъ подругъ,
Своихъ кукушекъ, сосѣдушекъ,
Вольную волюшку и красу дѣвью.

2449.

Ты рѣка-ли, Уралъ-рѣка,
Почему ты, рѣка, протекала—
По меду-ли, аль по сахару,
Аль по бѣлому калачику?
Свѣтъ Алена по сѣнямъ шла,
Дочь Ивановна по новенькимъ;
Она будила, побуживала
Своего друга милаго:
«Ужъ ты встань, пробудись, мой другъ!
Я пришла къ тебѣ не столъ столовать,
Не бесѣду бесѣдовать:
Я пришла къ тебѣ въ шашки играть.»
Они бились о великъ закладъ —
О своихъ золотыхъ перстняхъ,
О буйныхъ своихъ головушкахъ.
Ужъ какъ Ванюшка выигралъ,
Свѣтъ Иванычъ выигралъ.

2450.

Не знала, не вѣдала,
На дворъ свашенька въѣхала.
На перву ступеньку ступила
По атласу, по бархату;
На другу ступень ступила —
По парчѣ узорчатой;
На третью ступень ступила—
Ни съ кѣмъ слова не молвила,
Только молвила свашенька
Съ душой милой дѣвицей,
Съ Аленой Ивановной:
«Собирайся-ка, умница,
На чужую сторонушку:
Какъ чужая сторонушка —
Она садомъ усажена,
Черносливомъ усыпана.»
— Ужъ ты, злая обманьшщица,
Ты, лихая измѣньшщица!
Какъ чужая-то сторонушка
Она горемъ усажена,
А слезами поливана.

Послѣ вѣнца во дворѣ молодого, когда происходитъ встрѣча и пріемъ новобрачныхъ.

2451.

«Соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летали?»
— «Мы летали, соколы,
Съ моря на море.»
«Вы кого, соколы, видѣли?
— «Ужъ мы, соколы, видѣли
Бѣлу лебедь на заводи.»
«Вы и чтожъ ее не поймали?»
—«Мы хотя ее не поймали,—
Право крылышко заломили
И соколика надѣлили.»
«Вы, бояре, бояре,
Вы куда, бояре, ѣздили?»
—«Ужъ мы ѣздили, бояре,
Съ горы на гору,
Изъ терема въ теремъ.»
«Вы кого, бояре, видѣли?»
—«Ужъ мы, бояре, видѣли

Милу дѣвицу въ теремѣ,
Свѣтъ Алену въ высокомъ.»
«Чтожъ вы, соколы, ее не привезли?»
—«Мы хотя ее не привезли,
Расплели косу русую,
Дали въ руки молодцу,
Свѣтъ Ивану Ивановичу.

2452.

Какъ вечёръ-то канареечка
Во саду поздно сидѣла
И звонкія пѣсенки пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Соколы прилетали
И канареечку нашу взяли,
Взяли-взяли, уносили
И сокола надѣлили...
«Ты владѣй-ка—владѣй,
Ясный соколъ,
Своей канареечкой,
Не давай ее въ обиду
Ни ласточкамъ касатымъ,
Ни яснымъ соколятамъ!»
—Какъ вечеръ-то наша подруженька
Ввечеру долго сидѣла
И громкую пѣсенку пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Бояры пріѣзжали
И подружку нашу взяли,
Взяли-взяли, увозили
И молодчику вручили...
Ты владѣй-ка—владѣй,
Милый сударь (имя-отчество)
Нашей подруженькой,
Не давай ее въ обиду
Ни свекору, ни свекрови,
Ни деверьямъ, ни золовкамъ!

Зап. А. П. Кузнецовъ.

XXII. Иркутской губерніи.

Станица Шерагольская.

Сватовства здѣсь не существуетъ, а молодой парень, сговорившись предварительно съ полюбившейся ему дѣвушкой и заручившись ея согласіемъ, воруетъ ее. Если женихъ изъ другой деревни, то онъ пріѣзжаетъ и увозитъ невѣсту на лихой тройкѣ. Отецъ жениха съ какимъ-нибудь старичкомъ-родственникомъ пріѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты съ виномъ и обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Сватушка, сватья, пожалуйста, не сердитесь, выкушайте!» И послѣ долгихъ упрашиваній и уговоровъ сватъ и сватья мирятся и начинаютъ пить вино, т. е. пропивать дочку.

Когда вино выпито, назначаютъ время свадьбы и даютъ свѣдѣнія священнику. А если женихъ изъ одной деревни съ невѣстой, то родители берутъ дѣвушку назадъ. Прійдя домой, она плачетъ, кланяется отцу и матери въ ноги.

Наканунѣ свадьбы, въ полдень у невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Сначала невѣсту и пять, или шесть подругъ везутъ кататься по улицамъ деревни, для чего запрягаютъ пару или тройку лошадей, которыхъ убираютъ лентами. Передъ катаньемъ невѣста молится Богу, кланяется въ ноги родителямъ, при чемъ она горько плачетъ. Родители благословляютъ дочь. Проѣзжая по улицамъ деревни, подружки и сама невѣста поютъ свои любимыя пѣсни—заунывно, протяжно. Пріѣхавши домой, невѣста и дѣвушки садятся за столъ и поютъ слѣдующія пѣсни:

Гуси летѣли, гоготали,
Въ теремѣ красна дѣвица слезно плачетъ;
Бѣлы лебеди летятъ и жалко кичутъ.

Или:

2453.

Пѣтухи вы ранни утренніе!
Вы не пойте по утру рано,
Не будите моего батюшку

И мою родиму матушку!
Какъ вчера мой-то батюшка
Веселымъ-то былъ веселешенекъ,
И моя родима матушка
Веселымъ-же была веселешенька.
Во печалюшкѣ она во кручинушкѣ,
Во кручинушкѣ частопереча.

Невѣста въ это время жалобно плачетъ и причитаетъ о своей дорогой дѣвичьей волѣ. Пропѣвъ эти пѣсни, дѣвушки выходятъ изъ-за стола и идутъ съ невѣстой въ баню. Дорогой онѣ поютъ:

2454.

Вы ступайте-ка, мои подруженьки,
Помаленечку да потихонечку.
Покатайся ты, руса коса
По моимъ могучимъ плечамъ!
Насмотрись, моя руса коса,
Что на горы, горы крутыя,
На лѣса, лѣса, ты темныя.

Подойдя къ банѣ, невѣста берется за скобку, чтобы отворить дверь, но, внутри бани сестра или сестреница[1]) держатъ дверь за скобу. Дѣвушки при этомъ поютъ:

2455.

Отворяй, ты сестра, дверь дубовую!
Мнѣ помыться, мнѣ попариться,
Побѣлиться, порумяниться,
Со подружками, со голубушками.

Тогда дверь отворяютъ и впускаютъ всѣхъ въ баню. Выходя оттуда поютъ туже пѣсню. Подходятъ къ дому и тутъ дверь держитъ братъ невѣсты. Дѣвушки опять поютъ:

2456.

Отворяй-ко дверь дубовую, братецъ миленькій!
Пристоялися мои бѣлы ноженьки,
Опустилися мои бѣлы рученьки.

Двери отворяются. Дѣвушки входятъ въ избу и садятся за столъ. Мать невѣсты начинаетъ чесать ей голову. Въ это время невѣста поетъ:

2457.

Учеши-ка ты мнѣ, родима матушка,
Учеши ты мнѣ буйну голову,
Уплети-ка ты мнѣ косу русую,
Что во пятеро, во шестеро,
Во пшенично мелко зернышко!
Заплети-ко во кóсыньку
Ленту алу гранитурову.

По заплетеніи косы дочь кланяется матери въ ноги и садится за столъ.

Начинается дѣвишникъ. Низко опустивъ голову съ печальнымъ грустнымъ видомъ, сидитъ невѣста за столомъ, а подружки поютъ про нее.

2458.

Посадила она всѣхъ подругъ за столъ,
Сама сѣла же да повыше всѣхъ, 2
Буйну головушку клонила да пониже всѣхъ, 2
Она думушку думала больше всѣхъ:
«Пособите мнѣ, подруженьки, думу сдумати, 2
Какъ я буду жить во чужихъ людяхъ?
Какъ я буду называть свекра батюшку, 2
Какъ я буду называть свекровь матушку?
Батюшкой назвать, такъ не водится,
Матушкой назвать—мнѣ не хочется,
Свекровкой назвать—такъ не водится.»

2459.

Ужъ вы батюшка и матушка родимые!
Дайте провожатаго мнѣ крѣпкаго
Своего сына любезнаго, моего брата родимаго,
Проводить мою дѣвью красоту
Во чужу страну во дальнію,
Во чисто поле, во раздольице.

Въ это время дѣвушки такъ горько, такъ жалобно рыдаютъ, что на глазахъ даже совсѣмъ постороннихъ людей показывается невольная слеза и сердцу становится тяжело и больно. Пропѣвши нѣсколько пѣсенъ, дѣвушки пьютъ чай, а послѣ чаю поютъ еще слѣдующую пѣсню:

---

[1]) Въ слов. Даля: *сестрéница* или *сестриница*—двуродная, здвуродная сестра. *Сестреница*, иногда сестричка—дочь сестры. Оп. обл. великор. словаря.

2460.

Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка,
Что на хлѣбѣ-то, на соли,
На премногихъ вашихъ милостяхъ!
Ты поилъ, кормилъ, родной батюшка,
Поилъ, кормилъ,—не отказывалъ.
Чтъ-жъ теперь ты мнѣ отказываешь?
Опила-ли я, объѣла я тя?
Износила-ли много лопоти, [1])
Платье свѣтлое, шаль атласную?

Всѣ выходятъ изъ-за стола и подруги уходятъ домой. Вечеромъ начинается *смотрѣнье*. Въ избѣ ставятъ въ рядъ четыре стола, покрываютъ ихъ чистыми скатертями, наставляютъ на нихъ тарелки съ орѣхами кедровыми и черемуховыми, конфетами. На смотрѣнье невѣста надѣваетъ платье (а въ обыкновенное время дѣвушки ходятъ въ сарафанахъ), голову убираютъ цвѣтами. Приходятъ подружки, садятся за столъ и начинаютъ пѣть:

2461.

Дымка, ты Дымка рѣка!
Что по той по Дымкѣ рѣкѣ—
Тутъ бѣгутъ три кораблочка.
Что во первомъ-то во кораблочкѣ
Большой тысяцкій съ боярами,
Что во второмъ во кораблочкѣ—
Тутъ душа красна дѣвица
Со своимъ крѣпкимъ провожатымъ-то,
Со роднымъ-то свѣтъ братцемъ своимъ.
«Братецъ, крѣпкій провожатый мой!
Проводи меня на дальню сторону,
Ко чужимъ людямъ, незнакомымъ все.

Черезъ нѣсколько времени отъ жениха пріѣзжаютъ два молодыхъ парня изъ поѣзжанъ и спрашиваютъ: «Готова-ли невѣста?» Отвѣчаютъ, что готова. Немного погодя пріѣзжаетъ со своимъ поѣздомъ и женихъ. Онъ и поѣзжане входятъ въ избу и, помолившись Богу, здороваются съ родителями невѣсты. За столомъ около невѣсты сидитъ его братъ или сестра. Тысяцкій подходитъ къ столу и спрашиваетъ у брата невѣсты: «Что стоитъ коса его сестры?» Братъ отвѣчаетъ, что очень дорого и проситъ за эту косу—коня съ сѣдломъ или коробку съ серебромъ. Тогда тысяцкій кладетъ на столъ рубль, или же 50 копѣекъ. Но косу братъ не уступаетъ дешево и говоритъ: «Невѣста молода, коса дорога.» Тысяцкій прибавляетъ еще нѣсколько денегъ и братъ уступаетъ косу. Тогда гости садятся за столъ, дѣвушки выходятъ изъ-за стола и уходятъ на вечерку. Гостей начинаютъ угощать, сначала водкой, а потомъ чаемъ. Женихъ съ невѣстой пьютъ чай изъ одной чашки и *сгоняютъ мухъ*, т. е. цѣлуются.

Посидѣвъ нѣсколько времени, гости расходятся, женихъ съ невѣстой уходятъ на вечерку. На вечерку танцуютъ подъ пѣсни и рѣдко-рѣдко случается, если гдѣ-нибудь раздобудутъ балалайку или бандурку.

На другой день рано утромъ приносятъ молодой отъ жениха коробку, въ которой заключается головной уборъ, косынка, зеркало, гребенка, нѣсколько другихъ мелкихъ вещичекъ, конечно не дорогихъ. Невѣста, совсѣмъ готовая къ вѣнцу, садится съ подругами за столъ и дѣвушки начинаютъ пѣть извѣстную свадебную пѣсню:

Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединнаго и т. д.

Пріѣзжаетъ женихъ, родители благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью и они уѣзжаютъ въ церковь. Дико, бѣшенно мчатся тройки къ погосту. И черезъ часъ все кончено и дѣвушка становится уже женщиной.

Изъ записи учительницы Шерагольскаго приходскаго училища, Лидіи Верещагиной. Сообщ. Главнымъ Инспекторомъ училищъ Восточной Сибири. И. П. Татлинымъ въ 1896 г.

Той же губ.

Свадебныя пѣсни.

Когда женихъ съ своей родней пріѣзжаетъ заручать невѣсту.

2462.

Я когда была малешенька,
Я когда была глупешенька,
Я ходила вокругъ стульчиковъ,
Бѣлодубовыехъ лавочекъ.
Приходилъ ты ко мнѣ, родной батюшка,
Свѣтъ (Никита-то Ивановичъ),
Бралъ меня ты, родной батюшка,

---

[1]) *Лопоть*=1) вообще одежда, 2)—верхняя платье, 3)—имущество.

На свои-то ручки бѣлыя,
На свои перс(т)ни злаченые,
Подымалъ ты меня, красну дѣвицу,
Выше буйныя своей головушки;
Говорилъ ты, родной батюшка:
«Не отдамъ тебя, родно дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя-купца торговова.»
А теперь, родной батюшка,
Ты про што на меня разгнѣвался:
Выдаешь меня, красну дѣвицу,
За удалова добра молодца,
За (Ивана-то Никитовича).

Когда нѣтъ въ живыхъ кого-либо изъ родителей.

2463.

Не ясенъ-то день безъ солнышка,
Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца;
Не весело-то мое свиданьице
Безъ батюшки родимова
(Безъ матушки родимыя).
Если-бы былъ мой батюшка,
(Если-бы была моя матушка),
Не тужила бы я, не плакала,
Не крушила бы ретиво сердце,
Не мочила бы очи ясныя,
Мнѣ теперича ихъ очей надобно:
Принять благословленьице
Ко суду Божью, ко злату вѣнцу.

Если кто-либо не присутствуетъ при сватаньи изъ родственниковъ невѣсты, то она плачетъ:

2464.

Погляжу я, посмотрю я
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ,—
Все то гости званые,
Все то гости почтенные,
Одново то гостя не звали,—
Братца родимова
(Имя).

На утро просватанья.

2465.

Пѣтухи мои, пѣтухи,
Пѣтухи рано-пѣвчіе,
Молодые нѣмецкіе!
Вы не пойте по утру
Рано на́-зарѣ,
На всходимомъ краснымъ солнышкѣ,
Не мѣшайте спать батюшку
Со родимой со матушкой.
Какъ вечо́ръ родной батюшка
Со родимой матушкой
Сидѣли долго вечеромъ —
До самой до полуночи,
Со полуночи до заутрени.
Пріѣзжали ко батюшкѣ,
Ко родимой ко матушкѣ
Все гости незнаемые, незваные,
Сватья все лес(т)ливые и хвас(т)ливые;
Вызывали родна батюшку
На ево сѣни новыя—
На частые переходички;
Они сватались у батюшки
И у родимой моей матушки
На любимой *ихой* дочери
На (имя невѣсты).
Они били руки объ руки
Поднимали чудны образы,
Заручали буйну голову
(Имя невѣсты):
Что ни выкупить, ни выручить
Ни златомъ, ни серебромъ,
Дорогимъ скатнымъ жемчугомъ;
Только выкупитъ, выручитъ
Удалой добрый молодецъ
(Иванъ-сударь Никитовичъ).
Онъ своей-ли буйной головой,
Молодецкой волюшкой,
Удалою свободушкой,
Какъ отъ свата лес(т)ливава,
Отъ злодѣя хвас(т)ливава-лукавава.
Сыры боры загоралися,
Всѣ огни разгаралися,
Быстры рѣки всколыбалися,
Всѣ умы помѣшалися —
Все отъ свата лес(т)ливова.

Послѣ просватанья подруги невѣсты собираются у послѣдней и помогаютъ ей шить приданое.

2466.

Ты, родимая матушка!
У тебя сердце каменно,
Во булатѣ сковано,
Во ларецъ положено,
За тремя замками замкнуто,
За тремя за нѣмецкими,

И ключи-то въ море спущены.
Не сплывать-то тѣмъ ключамъ
Со дна моря синева:
Не дождаться мнѣ-ка жалости
Отъ родимой матушки.
Еще будетъ жалость,
Да будетъ не во́время,
Когда буду жить въ чужихъ людяхъ.

2467.

Какъ у грушицы у зеленыя,
Какъ у яблони у кудрявоей
Много листу было, много вѣточекъ.
Потянули-то вѣтры буйные
Со восточныя сторонушки,
Обнесло листья кудрявые,
Обломило вѣтки зеленыя,
Приклонило-то грушу зеленую
Ко матушкѣ сырой землѣ.
У душй-то у красной дѣвицы
Много роду было, много племени:
Много братцевъ, много сестрицевъ,
Много дядюшекъ, много тетушекъ,
Только нѣту матушки родимыя.
Кабы здравствовала родимая матушка,
Я не такъ бы слезно плакала,
Не мочила бы лицо бѣлое,
Не ронила бы горючи слезы.

Когда дѣвушки-подруги вплетаютъ невѣстѣ въ косу кра́соту.

2468.

Зайди[1]), солнце красное,
Изъ-за горъ-то высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то темнова,
Изъ-за батюшка изъ-за синя моря,
Изъ-за матушки Москвы каменныя.
Ты дойди-ка, родима матушка,
До стола-то дубовова,
До скатерти шиты-браныя,
До меня красной дѣвицы.
Потрудись, родима матушка!
Донесу тебѣ докукушку
Я чижёлую работушку:
Заплети-ка мнѣ трубчату косу̀
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во мелко пшенично зернышко;

[1]) Вм. взойди.

По корѐнь моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка волю батюшкову,
Посерѐдь моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплети ленту шелковую.

2469.

Благодарствуй, родима матушка,
Заплела ты трубчату косу
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во пшенично мелко зернышко,
По корѐнь моей трубчатой косы
Заплела волю батюшкову,
Посерѐдь моей трубчатой косы
Вплела нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплела кисть шелковую.

Когда невѣсту ведутъ въ баню (передъ дѣвишникомъ, наканунѣ свадьбы).

2470.

По залѣсью-лѣсью конь бѣжитъ,
По залѣсью вороной летитъ,
Шелковъ поводъ по землѣ тащитъ,
Шелковъ поводъ разстилается,
Шелковъ поводъ развѣвается.
За конемъ-то добрый молодецъ спѣшитъ,
При пути-то красна дѣвица стоитъ;
Онъ кричитъ-то зычнымъ голосомъ,
Молодецкимъ звонкимъ посвистомъ:
«Перейми, красна дѣвица, коня,
Перейми коня, Н душа!»
— «Я еще, сударь, не твоя:
Богомъ тебѣ не данная,
Золотымъ кольцомъ не обрученная,
Золотымъ вѣнцомъ не вѣнчанная.
Я Божья-то свѣтъ батюшкова.»

2471.

По горамъ я хо́дила,
По крутымъ я гуляла,
Во́праманъ сѣяла
Васильчики са́дила
Наповадился въ во́праманъ гулять
Удалой добрый молодецъ,
Онъ вопраманъ вытопталъ,

Васильчики выщипалъ,
Красну дѣвицу высмотрѣлъ,
Отцу-матери высказалъ,
Роду племени выхвалилъ.

2472.

Вы метитеся, улицы,
Вы метитеся, широкія,
И становитесь, города,
Города и съ пригородочками,
Терема все съ притеремочками,
Хоробрò ѣздитъ, сударь-господинъ
Удалой Иванъ, свѣтъ Никитовичъ
На своемъ удаломъ конѣ,
На добромъ-то конѣ на бахмутцѣ;
Коня плеточкой постегиваетъ,
За шелковъ поводъ подергиваетъ;
Конь съ дороженьки сворачиваетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Ко двору ко тестиному,
Къ новой горницѣ ко тещиной,
Къ шитымъ бранымъ,
Ко невѣстинымъ пологамъ:
Къ пологамъ идетъ, спрашиваетъ:
«Дома-ли (имя и отечество невѣсты).

Когда невѣсту выводятъ изъ бани.

2473.

Насмотрися, коса,
На всѣ четыре стороны:
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкинъ широкій дворъ.

При входѣ въ домъ невѣста останавливается предъ входной дверью, стучится и поетъ:

2474.

Пусти, пусти, батюшка,
Пусти, пусти, матушка,
Въ нову горенку погрѣтися!
Ознобила я ножки рѣзвыя,
Ознобила я ручки бѣлыя.

Въ дѣвишникъ (вечеромъ наканунѣ свадьбы).

2475.

Свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,
Столовая новая горница!
Во сыромъ-то бору
Лѣсы рóнены,
На добрыхъ коняхъ
Лѣсы вожены,
На прекрасномъ-то мѣстѣ
Свѣтлица строена:
Прекрасными окошками
Во зеленый садъ,
Широкими воротами
Во чисто поле.
Ужъ чѣмъ ты, моя свѣтлица,
Моя свѣтлица,
Разукрашена?
Какъ во той-то свѣтлицѣ
Стоятъ гусли самогудыя,
За гуслями сидитъ
Добрый молодецъ,
Онъ играетъ въ гусли,
Выигрываетъ
Волю батюшкову,
Нѣгу матушкину.
Приходила гусли слушать
Красна дѣвица душа
(Имя и отечество);
Послушавъ гусли
Она прочь пошла, —
Она прочь пошла
Слезно всплакала:
Отставать-то будетъ
Отъ воли батюшковой,—
Отъ воли батюшкиной,
Отъ нѣги матушкиной,
Приставать-то будетъ
Ко нраву (имя жениха),
Приставать-то будетъ
Ко грозѣ, грозѣ-то,
Грозѣ свекровой
И ко свекровиной.

2476.

Какъ не ластка
Какъ не ластка
Не косатка,
Она вилася, увивалася
Кругъ сново теплà гнѣздышка —
Увивалася,
Увивалась (имя) душа
Кругъ высокова нова терема
Увивалася:
«Отомкнися, отомкнися,
Мой витой замочекъ,
Отомкнися!

Отоприся, отоприся,
Бѣла дубова дверь,
Отворися!
Распахнися, распахнися,
Шитый бранъ положекъ,
Распахнися!
Разбудися, разбудися,
Родной батюшка,
Разбудися!
Мнѣ не годъ у тебя,
Мнѣ не годъ у тебя
Годовати.
Не студену зиму,
Не студену зиму
Зимовати.
Одну ночку,
Одну темну
Ночевати.
Я не знаю,
Я не знаю,
Какъ ночь проводити:
Не знай ходя,
Не знай ходя
Проходити,
Не знай сидя,
Не знай сидя
Просидѣти;
Не знай съ батюшкой,
Не знай съ батюшкой
Рѣчь говорити,
Не знай съ матушкой,
Не знай съ матушкой
Мнѣ думу думати.

2477.

«Ахъ, ты, ласточка косатая,
Перелетная крылатая!
Ты зачѣмъ рано вылетывала
Изъ своево гнѣзда теплова?»
— Не сама собой вылетывала,
Выживаетъ соловей изъ гнѣзда,
Не даетъ онъ по чисту полю летать,
Не даетъ ключевой воды пить,
Заставляетъ на болотѣ воду пить,
На болотѣ со ржавчиною.

2478.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ
Плыветъ кораблнчекъ;
Какъ во этимъ кораблнкѣ
Красна дѣвица душа.
Какъ по бережку крутому
Шла матушка родная:
«Ты, дитя-ли, мое дитятко,
Ты забыла отъ шкатулки ключи.»
— Я забыть-то не забыла ключи,
Я забыла взять благословеньице.

2479.

Что у тебя, батюшка, за пиръ во дому?
Что у тея, свѣтъ-родной, за радости?
Широки воротечки растворены,
Изукрашенъ дворъ каретами,
Прекрасное крылечушко кавалерами,
Тепла спаленка сва́шеньками,
Горенка—подруженьками?
Сколь я ти, батюшка, говаривала,
Сколь я ти, свѣтъ, наказывала:
Не отдай, батюшка, въ ту сторону,
Та сторона съизмала немила:
Грязи топучія, рѣки быстрыя,
Лѣса темные, люди незнакомые, —
Правду-неправду—все быль говорятъ;
На жену мужу наговариваютъ:
«Бей мужъ жену, поучи молоду;
Молодая жена волю взяла,
Мужа подъ *голокъ* загнала,
Старая жена мужу покорна была.

2480.

Ужъ ты, свѣтъ наша подруженька!
Измѣнила ты слово вѣрное:
«Что замужъ не пойду я и не подумаю.»
— «Ужъ вы, свѣтъ мои подруженьки,
Не сама я замужъ иду, —
Отдаетъ меня батюшка
Со голубушкой матушкой.
Посовѣтовали люди добрые:
Меня замужъ отдать.

2481.

«Что-жъ ты, соколъ,
Ты одинъ за столомъ?»
— «Я не одинъ: я со батюшкой
Я со матушкой.»
«Что же ты, соколъ
Ты одинъ за столомъ?

Гдѣ же твоя суженая,
Гдѣ же твоя ряженая.»
— «Гдѣ бы ни была —
Она будетъ моя.»

Утромъ въ день свадьбы:

2482.

Вы вставайте, мои подруженьки,
Вы вставайте, мои голубушки,
Умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Одѣвайте меня въ цвѣтно платьице,
Въ цвѣтное платьице подвѣнечное!
Ужъ я спала, высыпалася,
Ждала-то дожидалася
Я отъ батюшки благословеньица,
Я отъ матушки спобужденьица,
Я отъ братцевъ-то слова ласкова,
Отъ сестрицъ-то, бѣлыхъ лебедушекъ,
Сло́ва-то привѣтливова. —
Не могла отъ нихъ дождатися
Спобужденьица, благословеньица,
Слова ласкова и привѣтливова.
Я вставала красна дѣвица
По утру рано на зарѣ, рано утренней,
На сходимымъ краснымъ солнышкѣ;
Умывалась я горючимъ слезамъ,
Утиралась тоской кручинушкой,
Молилась чудному образу,
Будила своихъ подруженекъ:
«Вы вставайте и умывайтесь
Ключевой водой студеною,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Молитесь чудному образу,
Чешите свои буйныя головы,
Плетите трубчаты косы,
Заплетайте алы ленточки!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
У своихъ родимыхъ матушекъ,
У ласковыхъ у батюшекъ
Отчесала свою буйную голову,
Отплела трубчату косу,
Открасовалась я въ дѣвьей кра̀сотѣ.»

Невѣста разстается съ своей кра̀сотой.

2483.

Красота моя, дѣвья красота!
Ужъ она краше-то солнышка,
Краше-то краснова высокова,
Чище-то она чиста серебра,
Разсыпнѣе скатна жемчуга.
Возлелѣю свою дѣвью кра̀соту,
Подниму ее выше буйныя головы,
Опущу я ниже пояса
И прижму ее ко сердечушку.
Возьму свою дѣвью красоту
На свои на руки бѣлыя,
На персни злаченые,
Положу я на блюдечко на серебреное,
На тарелочку на золоченую.
Понесу я свою дѣвью красоту
По свѣтлой свѣтлицѣ,
По новой горенкѣ,
По сѣнямъ-то по новенькимъ,
По крылечушку по красному,
Я по батюшкову широку двору,
За воротички за широкія,
За верешки за дубовыя,
Я во далече во чисто поле,
Во раздолье широкое,
Во луга зеленые
И на травы муравыя,
На цвѣты алы-лазоревые.
Поставлю свою дѣвью красоту
Подъ кусточекъ,
Подъ гнѣздышко соловьиное.
Отойду я отъ своей дѣвьей красоты, —
Ужъ мнѣ жаль-то будетъ
Своей дѣвьей красоты.
Оглянусь я на дѣвью красоту, —
Побѣгутъ-то мои горючи слезы.
По моему лицу бѣлому,
По платью цвѣтному.
Отойду я къ своей дѣвьей красотѣ,
Подойду я близешенько
Наклонюся низешенько,
Возьму я свою дѣвью красоту
Изъ подъ кустечка,
Изъ подъ гнѣздышка,
Понесу я свою дѣвью красоту
Изъ раздолья широкова,
Изъ луговъ зеленыхъ,
Со *травовъ* муравыхъ
Со цвѣтовъ алыхъ лазоревыхъ
Я ко батюшкѣ къ широку двору,
Ко матушкиной новой горницѣ,
Ко своей то свѣтлой свѣтлицѣ,
Я поставлю за дубовый столъ,
Подъ Мать Божью Богородицу
Подъ свѣчи восковыя.
Я не знаю, куда свою дѣвью красоту дѣвать?
Возьму свою дѣвью красоту
И роздамъ роднымъ се́стрицамъ,
И сполюбезнымъ своимъ сподруженькамъ:

«Вы красуйтесь въ моей-то дѣвьей красотѣ!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
Открасовалась въ своей дѣвьей красотѣ.»

2484.

Зайди [1]), зайди, солнце красное,
Надъ горой зайди надъ высокой.
Ты дойди, дойди, родимая матушка,
До стола бѣла дубовова,
До скатерти шиты браныя,
До меня, красной дѣвицы.
Расплети ты трубчату косу,
Разложи русу косу по могучимъ плечамъ.
Я отдамъ свою красоту
Своимъ милымъ сподруженькамъ,
Свѣтъ своимъ голубушкамъ:
«Вы красуйтесь, мои подруженьки,
Сколько я жила, красовалася
У родимова свово батюшки,—
Что сыръ въ маслѣ каталася.»
Какъ пойдетъ родной братецъ
Въ чисто поле, во раздолье широкое,
Какъ разсѣетъ мою красоту.
Придетъ-то лѣто красное,
Взойдетъ-то моя красота.
Какъ пойдутъ-то мои подруженьки,
Сорвутъ-то они по цвѣтику,
Совьютъ-то они по вѣнчику,
Какъ мой-то цвѣточекъ останется,
Онъ посохнетъ, онъ поблекнетъ.

2485.

Съ горы на́-гору вино́ течетъ,
Бочки съ медомъ катаются.
Мнѣ теперь не до зелена вина,
Мнѣ теперь не до сладкихъ медовъ;
Мой суженый у воротъ стоитъ,
Мой ряженый у воротъ стучитъ—
Со своимъ-то крупнымъ поѣздомъ
Со своимъ-то гордымъ сватенькой.

2486.

«Ужъ ты, матушка родимая
(Имя отечество)
Вышей мое лицо бѣлое
На скатерти браныя:
У тебя гости будутъ,
У тебя меня спросятъ,—
У тебя меня нѣту.
Ты на скатерть-то взглянешь,
Ты тогда меня спомянешь.»
«Ужъ ты, батюшка родимый,
Ты срисуй мое лицо бѣлое
На столѣ бѣло-дубовомъ и т. д.

Передъ благословеніемъ къ вѣнцу.

2487.

Что не стрѣлочко стрѣлила
Подъ ретиво сердечушко,—
Отказалъ родной батюшка
Со родимой матушкой
Что отъ хлѣба да отъ соли,
Отъ премногой большой милости,
Отъ цвѣтнова платьица,
Отъ цвѣтнова подвѣнечнова.
Ужъ я выйду, красна дѣвица,
На прекрасное крылечушко,
Облокочусь я, красная,
На перила дубовыя
И на балясы точеныя,
Что точеныя золоченыя;
Попрошу я, красна дѣвица,
У ласточки крылышекъ,
У косатой перышекъ,
У кукушки голосу,
У горюшечки и звончатова.
Полечу я красна дѣвица
Во далече во чисто поле
Во раздолье широкое.
Ужъ я выберу, выищу
Жировое деревцо,
Сяду, дѣвица, на деревцо,
На деревцо зыбучее,
На зыбучее, скрипучее:
Закокую кокушечкой,
Загорюю горюшечкой.
Пойдетъ мимо родной батюшка
Со родимой матушкой
Ко Вознесенской заутрени,
Пойдутъ и остановятся,—
Остановятся, послушаютъ:
«Ужъ какъ что же за кокушка во бору?
Ужъ какъ что же за горюшка во сыромъ?
Ужъ какъ не наше ли дитятко,
Ужъ не наше ли родимое
Тужитъ плачетъ во чужихъ людяхъ,
У чужова свекра батюшка,

[1]) Очевидно вм.: взойди.

У чужой свекровки матушки,
У чужихъ деверьевъ-братцевъ,
У чужихъ золовокъ сестрицевъ,
У чужова то чуженова
У свово-то ряженова?
(Имя отчество жениха).

Когда благословляютъ къ вѣнцу.

2488.

Не верба-то во полѣ качается,
Не зеленая къ землѣ склоняется, —
То красна дѣвица благословляется
Свѣтъ (имя отчество невѣсты)
У свово родна батюшка,
(Имя отечество)
У своей родимой матушки,
(Имя отечество).
«Ужъ вы простите, родимый батюшка,
И родимая матушка!
Простите, родимые братцы,
И любимыя сестрицы,
Дорогой крестнушко и крестнушка,
Родимыя дядюшки и тетушки,
Сродные братцы и сестрицы,
Подруженьки мои голубушки,
Приближенные сосѣдушки!
Отказалъ мнѣ сударь батюшко
Что отъ хлѣба да отъ-соли
Отъ премногой своей милости.
Не отказывай, родимый батюшка,
Отъ свово благословеньица!
Какъ твое то благословеньице
Изо дна моря вынесетъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ выведетъ,
Отъ злыхъ людей выручитъ.»

Когда одѣваютъ къ вѣнцу.

2489.

Кругъ города все новы ворота,
Кругъ терема крута лѣсенка,
У (имя) души новы башмачки,
Малы башмачки, круты коблучки, —
Не можетъ сойти съ крутой лѣстницы,
Проситъ коня, коня батюшкова, —
Батюшковъ конь не ступитъ, не рыситъ,
Съ мѣста нейдетъ и къ вѣнцу не везетъ.
Проситъ коня, коня суженова, —
Суженова конь и ступитъ и рыситъ,
Онъ рысью идетъ и къ вѣнцу онъ везетъ.

Когда женихъ въѣзжаетъ во дворъ за невѣстой къ вѣнцу.

2490.

Не соколъ залетаетъ,
Не крыломъ заметаетъ,
Свѣтъ (имя) заѣзжаетъ,
Свѣтъ (отечество) заѣзжаетъ,
(Имя невѣсты) забираетъ.
Она плачетъ, рыдаетъ,
Ко столу припадаетъ,
Ко столу бѣлодубову.
Что (имя) плачетъ?
Что (отечество) тужитъ?
Не въ полонъ тебя берутъ,
Не въ полонъ забираютъ;
Какъ отъ батюшки къ батюшкѣ,
Какъ отъ матушки къ матушкѣ,
Отъ братьевъ и т. д.
. . . .
— «Я сама про то знаю,
Я сама про то разумѣю:
Какъ отъ батюшки къ свекору,
Какъ отъ матушки къ свекровкѣ,
Какъ отъ братцевъ къ деверямъ,
Какъ отъ сестрицъ къ золовкамъ.
Мнѣ не та будетъ воля,
Мнѣ не та будетъ нѣга,
Что у матушки родимой.»

2491.

Вечоръ перепелочка
Во саду щекотала,
Къ утру бѣла свѣта
Ея въ теремѣ не стало.
Знать, къ нашей перепелочкѣ
Соколы прилетали,
Ее съ собой взяли,
Кречету отдавали.
Знать, вечоръ наша подруженька
Въ теремѣ сидѣла,
Да громко рѣчи говорила.
Къ утру до бѣла свѣта
Ея въ теремѣ нѣту.
Знать, къ нашей подруженькѣ
Бояра заѣзжали,
Бояра пріѣзжали,
Ее съ собой брали,
Молодую отдавали:
«Вотъ тебѣ, молодецъ,
Красная дѣвица
Съ русою косою,

Съ ясными очами,
Съ черными бровями.

Когда невѣста уѣзжаетъ къ вѣнцу.

2492.

Бросила ключи
На дубовые столы,
На скатерти браныя:
«Я тебѣ, батюшка, не клюшница,
Я тебѣ, матушка, не ларешница!
Клюшница я свекру-батюшку,
Ларешница я свекровь-матушкѣ.»

По пріѣздѣ отъ вѣнца.

2493.

Неужели вы, бояре,
Всѣ въ терему, всѣ по мѣстамъ?
Не ужели васъ, бояре,
Всѣхъ по имени звать-величать?

Тысяцкому.

2494.

У насъ тысяцкій воевода
Онъ ѣздилъ *вольгу* (?) воевать
И гусей-лебедей закупать,
Онъ и бралъ, сударь, не бобрами,—
Душамъ краснымъ дѣвицамъ.
И со дѣвьими красотами.

Боярамъ (холостому).

2495.

(Имя отечество)
У насъ нѣтъ такова молодца!
Онъ и тонокъ и высокъ молодецъ;
Онъ съ-бѣла кудреватъ удалой,
У нево на буйной головѣ
Въ три ряда кудри завиты.
Завивала родна матушка,
Завивала приговаривала:
«Ты рости, мое дитятко,
Умное разумное,
Счасливо таланливо,
Роду племени на честь, на хвалу
Добрымъ людямъ на зáвидость!

Свахамъ.

2496.

Дорогія наши гостейки!
Издалека-ли гости ѣхали?
И на добрыхъ-ли коняхъ пріѣхали?
Не въ атласѣ гости не въ бархатѣ,
Не въ камючкѣ мелкотравчатой.
Стрѣчайте добрыхъ гостей
Среди двора широкова,
Среди крыльца прекраснова!
Берите дорогихъ гостей
За ручки бѣлыя, за персни злаченые!
Ведите въ нову горницу
И садите за столы бѣлодубовые,
За скатерти шиты браныя,
За явства за сахарныя,
За питья медвяныя!
«Кушайте, гости дорогіе,
У любезныхъ свата и сватушки!»

Жениху.

2497.

Леталъ соколъ по вишенью,
Поймалъ себѣ бѣлую лебедушку,
Душу красную дѣвицу
(Имя отечество)
«Люба-ли тебѣ, батюшка, невѣстушка?»
— «Любымъ она любешенька
И хорошимъ хорошёхонька.»

Когда заплетаютъ невѣстѣ двѣ косы и окручаютъ ей голову платкомъ (кичкой).

2498.

Сѣмена-ли вы мои, сѣмены,
Сѣмена вы мои голубиныя!

Васъ немножко было сѣяно,
Только два поля чистыихъ,
Два раздольица широкія.
Зародилося немножко,
Только два сѣмечка:
Нынче они за одномъ столомъ сидятъ,
Одну рѣчь говорятъ,
Одну пищу ѣдятъ.
Какъ красна-то дѣвица
Расплакалась, растужилась,
По батюшкѣ, по матушкѣ.
Ей не жаль-то лебедя бѣлова,
Только жаль-то пуху лебяжьева.
Вдвое, втрое растужилась
По своей-то дѣвьей красотѣ:
Я доселѣ буйну голову
Частымъ гребешкомъ почесывала,
И трубчату мелку косу уплетывала
Во пшенично мелко зернышко;
А теперь раздвоили русу косу на двое,
И заплетали косу вó трое,
И кругъ головушки обвили,
Золотую кику навили
И молодой женою назвали,
Молодой женой хозяюшкой.
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Дѣвьей красоты:
Въ сахару-то она купалася,
Во меду-то она полоскалася,
Полотенчикомъ утиралася,
На востокъ Богу молилася,
Къ иконамъ приложилася.
Ужъ какъ бабья-то красота
Во дехтю она купалася;
Въ смолѣ полоскалася,
По подлавочью валялася,
Отымалочкой утиралася,
На заслонку Богу молилася,
Къ лопатѣ приложилася.
Ужъ мнѣ не такъ-то жаль
Дѣвьей красоты,
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Трубчатой косы.

Всѣ эти пѣсни зап. наставникомъ Иркутской учительской семинаріи А. А. Доброхотовымъ съ голоса двухъ старыхъ пѣвицъ: а) П. П. Савицкой урожденной въ с. Култукѣ, находящимся на берегу Байкала Иркутской губ. и б) Е. М. Казанцевой, урожденной въ селеніи Карлукскомъ, той же губ., Уриковскойволости. Сообщ. тѣмъ же.

Изъ той же губерніи [1]).

Величальныя:

Тысяцкому:

2499.

Тысяцкій воевода да воевода!
Ты поѣдешь въ орду воевати, —
Ты воюй въ ордѣ не недѣлю,
Ты воюй въ ордѣ да одну ночку;
Ты бери въ ордѣ не кунями,
Не кунями и не черными соболями, —
Ты бери въ ордѣ головами,
Со русыми, да сокосами!

Жениху.

2500.

«Травонька трава,
    Трава муравая!
Что ты травонька
    Пріумята лежишь?
Что ты травонька
    Сбита лежишь?»
— «Какъ мнѣ травѣ
    Да не умятой быть?
Какъ мнѣ травѣ
    Не сбитою быть?
Какъ ѣхалъ да поѣхалъ
    Изъ Москвы дворянинъ,
Изъ Москвы дворянинъ,
    Свѣтъ Иванъ господинъ, —
Конь-отъ подъ нимъ
    Какъ лютый звѣрь,
А самъ на конѣ,
    Какъ соколъ на рукѣ,
Онъ самъ на конѣ
    Потѣшается,
Молодой своей женой
    Да похваляется:
«Есть у меня
    Да жена молода, —
Она шила коверъ
    И вышивала коверъ
Доброму коню
    Да на всю красоту,
А мнѣ, молодцу,
    На честь и хвалу.»

---

[1]) Ни уѣзда, ни волости не указаны.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстой.

2501.

Соколы вы наши ясные,
  Да ясные,
Молодцы вы наши удалые,
  Да удалые!
Полетайте вы, наши соколы,
  Полетайте!
На чужую дальну сторонушку,
  Да сторонушку,
Выше лѣса темнаго,
  Да темнаго,
Ниже облака ходячаго,
  Да ходячаго,
Ко тестю на широкій дворъ,
  Да на широкій дворъ,
Ко тещѣ да на высокъ теремъ,
  Да на высокъ теремъ,
Ко братушкѣ во конюшенный дворъ,
  Да во конюшенный дворъ,
Ко сестрицамъ въ зеленый садъ,
  Да въ зеленый садъ:
Примѣчайте вы да свою суженую,
  Да суженную.

Всѣ 3 записаны ученикомъ сельской школы. Сообщ. тѣмъ же.

В. Обряды погребальные и поминальные.

Олонецкой губ.

Ежезерскій прих. (Вытегорскаго у., Коштугской в.).

С. Ежезеро — въ 50 вер. отъ г. Вытегры, — на Югъ, расположено въ дикой, глухой — лѣсистой мѣстности. Мѣстность гористая, рѣкъ нѣтъ, — все озера. Деревеньки 5—6 раскинулись другъ отъ друга на 2—10 верстахъ. Ближайшій почтовый трактъ въ 40 верстахъ (Архангельскій). Окружающіе приходы—Коштуги, Ундозеро и Тагажмозеро отъ 15—25 вер. въ разстояніи. Приходъ выдѣлился изъ указанныхъ, въ 60-хъ годахъ, въ видахъ обращенія въ православіе раскольниковъ, чрезъ единовѣріе. Прежніе жители, — аборигены, были въ большинствѣ разные бѣглые: раскольники, крестьяне помѣщичьи изъ Новгородской губ. (граница въ 20 вер. Бѣлозерскаго уѣзда) и солдаты. Не мало разсказовъ про нихъ сохранилось еще и у настоящаго поколѣнія. Занятія — хлѣбопашество, рыбныя ловли, лѣсные заработки—только на сторонѣ. Кабака нѣтъ, былъ въ видѣ опыта 2 года, но не привился. Школа существуетъ годовъ 10 — церковная. Въ приходѣ много еще раскольниковъ. Народъ великорусскій (О говорѣ см. «Коштугское нарѣчіе»).

Народъ смотритъ на смерть, какъ на *«волю Божію»*, или, какъ выражаются, — «видно ужъ сýжено Богомъ умереть» — будь эта смерть естественной или какой либо случайной, или даже насильственной, напр. утонулъ человѣкъ, убитъ въ дракѣ, задавленъ деревомъ. Горе по умершему выражается различно, т. е. сердечное или показное. Если умеръ мужъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми, жена горюетъ и плачетъ отъ души; умеръ въ семьѣ единственный сынъ кормилецъ, тоже горе у родителей сердечное; умерла мать, оставивъ дѣтей, хотя бы и взрослыхъ, безъ всякаго женскаго (бабки, тётки) присмотра — тоже у дѣтей горе не показное. Въ противоположность этому бываетъ, напримѣръ, что умираетъ старикъ или старуха въ семьѣ, уже не приносящіе никакой пользы въ хозяйствѣ, — это «лишніе рты», — горя сердечнаго уже не замѣтно; если и поплачетъ напр. невѣстка по свёкрѣ, то такъ, для людского глазу; умираетъ ребенокъ, другой (часто бываетъ при эпидеміяхъ) у бѣднаго крестьянина, родители еще и радуются, выражаясь: «слава Богу, прибралъ хоть Богъ лишнихъ!» Такому отцу сочувствуютъ и посторонніе, «счастливой» — говорятъ, и тутъ, понятно, никакихъ сердечныхъ плачей не бываетъ. Участіе постороннихъ сосѣдей къ больному вообще, и къ тяжко больному въ особенности, выражается въ частомъ его посѣщеніи, бесѣдахъ, при чемъ приносятъ больному кушанья разныя «не поѣстъ ли, молъ, больной этого!» У тяжко больного, почти умирающаго, взрослаго, обязательно бываетъ кто либо изъ постороннихъ, въ большинствѣ — старушки, въ качествѣ сидѣлокъ. Когда такой человѣкъ умираетъ, говорятъ: «Господь прибралъ».

Покойника обмываютъ обыкновенно старушки, въ большинствѣ случаевъ собираются онѣ всѣ изъ деревни; обмываютъ простой водой при чемъ приговариваютъ «Святый Боже». Постель (больного) умершаго выносится на улицу, вытряхивается солома и затѣмъ, сжигается, вмѣстѣ со щепой и стружками отъ гроба [1]). Одѣваютъ покойника — мужчину стараго въ бѣлую новую рубашку и *балахонъ* [2]), женщинъ-старухъ — въ сорочкѣ, на головы тѣмъ и другимъ надѣваютъ *кукель* (въ родѣ короткаго мѣшка) такъ, чтобы было закрыто лицо. Молодыхъ же мужчинъ и женщинъ одѣваютъ въ обычное платье, какое вообще носилось ими при жизни. Нижнее бѣлье, понятно, шьется новое изъ холста; у женщинъ повязываютъ голову платкомъ, у мужчинъ такъ. Одежду шьютъ для покойника на изгнанку т. е. не къ себѣ задергиваютъ нитку, а отъ себя. По омовеніи покойника кладутъ на лицевую (правую отъ божницы) лавку, головой къ иконамъ и постилаютъ подъ него солому. Служить панихиду на дому нѣтъ обычая. Обыкновенно старушка покадитъ покойника старинной съ ручкой кадильницей и тѣмъ дѣло кончается. Читать по покойникамъ тоже не водится. Объяснить это можно отчасти почти поголовной безграмотностію взрослыхъ мужчинъ и стариковъ, не говоря уже о женщинахъ. У раскольниковъ есть обычай читать, такъ какъ у нихъ старики больше грамотные. Старушки обычно день и ночь сидятъ у покойника, «одного», говорятъ, «грѣхъ оставлять». Гробы дѣлаются простые изъ наслёнаго тёсу, никогда ничѣмъ не красятся и не украшаются [3]); постилкой служитъ сухой листъ отъ вѣниковъ, подушка—изъ тѣхъ-же листьевъ. Когда покойника снимутъ съ лавки и положатъ въ гробъ, то на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, кладутъ печной крюкъ (кочергу) [4]), чтобы, по народному повѣрью, не было въ избѣ другого покойника. Хоронятъ большей частью на другой или на третій день вечеромъ, при чемъ обѣденъ не служатъ, кромѣ развѣ у состоятельныхъ людей. При выносѣ покойника изъ дому вслѣдъ за гробомъ идетъ женщина съ вѣникомъ до порога, брызжетъ водой и затѣмъ метётъ избу. Оставшіеся дома дѣти, при выносѣ гроба, смотрятъ въ печку, засунувъ голову въ отверстіе шестка (чтобы не видѣть покойника и скоро не умереть). На похороны обычно, кромѣ родни, сбирается вся деревня, особенно, если время не страдное — напр. въ началѣ лѣта. На кладбище покойника всегда *везутъ* и при томъ на дровняхъ, хотя бы и лѣтомъ; нести покойника на рукахъ нѣтъ обычая. Возятъ и въ лодкахъ, если удобнѣе и ближе, напр. въ сосѣднихъ приходахъ — Ундозерѣ и Куштозерѣ. Когда привезутъ къ церкви, лошадь распрягаютъ и оглобли у дровней вывертываютъ назадъ такъ, чтобы оконечности ихъ приходились назади дровней; покойника вносятъ обязательно, даже и у раскольниковъ, въ церковь для отпѣванія [5]). При прощаніи съ покойникомъ въ церкви непремѣнно его цѣлуютъ всѣ въ губы. Послѣ отпѣванія священникъ провожаетъ покойника до могилы (въ другихъ приходахъ это не вездѣ соблюдается). Поминаютъ кутьей изъ ржи и мёду, при этомъ бываетъ обычная стряпня: калитки, колобы, рыбники и обязательно *блины изъ житной муки*; все это носится въ церковь: часть выдѣляется духовенству, часть съѣдается присутствующими на могилѣ — поминаютъ. Состоятельные крестьяне приглашаютъ духовенство и на обѣдъ, только по взросломъ покойникѣ. Мѣсто для могилы выбирается преимущественно на правой сторонѣ церкви (вѣрованіе, кажется, раскольниковъ «что на страшномъ судѣ будетъ тоже одесную Судіи). Младенцевъ-выкидышей хоронятъ въ дальнемъ углу кладбища. Могилу облагаютъ дерномъ и никакихъ *избушекъ* не дѣлается, а ставится деревянный, непремѣнно восьмиконечный, крестъ [6]). Поминаютъ въ установленные церковью дни — 3, 9, 20 и 40, по возможности служатъ обѣдни и носятъ указанныя выше кушанья въ церковь; въ большинствѣ же случаевъ старшая хозяйка идетъ съ *хлѣбомъ* на могилу, поплачетъ, помолится, закуситъ (помянетъ) на могилѣ и тѣмъ кончается поминка въ поминальные дни. А стряпню все таки приноситъ на домъ къ духовенству и раздаетъ всѣмъ членамъ причта

[1]) Младенцевъ обмываетъ только своя бабушка или какая либо изъ стороннихъ, преимущественно бабушка, — замѣняющая акушерку при родахъ; хоронятъ ихъ на другой же день въ какое бы время дня ни случилось. Никакихъ причитяній по младенцу не бываетъ — говорятъ: «грѣхъ, — ангельская душенька, — ангелы уносятъ сряду же на небо».

[2]) *Балахонъ* — мужская, лѣтняя, безъ подкладки одежда; шьется изъ довольно грубаго холста; носится лѣтомъ въ жаркое время; шьется безъ подкладки, длиною до колѣнъ.

[3]) Въ Кончезерскомъ приходѣ, петрозаводскаго у., да и вообще по корелѣ, въ гробу дѣлается у головы окошечко со стеклышкомъ. (Разсказывалъ мѣстный священникъ).

[4]) Въ Коштугахъ, Вытегорскаго у. — квашню хлѣбную, или просто мякушку хлѣба.

[5]) Въ Коштугскомъ приходѣ, гдѣ были селенія за 20—30 вер., (с. Яргозеро), покойниковъ хоронили безъ отпѣванія. Священникъ въ проѣздъ, спустя недѣли двѣ, а то и болѣе, отпѣваетъ. (Теперь тамъ самостоятельный приходъ).

[6]) Въ с. Ундозерѣ, въ 10 вер., есть избушки ан могилахъ — во всю ихъ длину, въ аршинъ вышиною.

по части. Въ 40-й день стараются непремѣнно отслужить обѣдню и, какъ выражаются: «отпустить покойника». Послѣ обѣдни духовенство приглашаютъ обѣдать; въ концѣ обѣда, когда нужно пропѣть «вѣчную память», духовенство выходитъ на улицу (священникъ съ кадиломъ и въ епитрахилѣ), хозяинъ съ *киселемъ* и *кутьей* и здѣсь, обращаясь на церковь, если она въ виду, поется краткая литія; если же церкви не видно, то все таки становятся въ сторону ея и, кадятъ. Въ этомъ и состоитъ отпускъ покойника. Въ избѣ затѣмъ доканчивается обѣдъ. Если-же священника не бываетъ, то въ этотъ день все-таки сама хозяйка выходитъ на улицу съ кутьей и киселемъ, помолиться въ сторону церкви или вообще кладбища, гдѣ похороненъ покойникъ. Въ продолженіе года поминки по усопшемъ совершаются тоже въ установленные церковью дни. Люди бѣдные ограничиваются единственно тѣмъ, что приносятъ на кладбище упомянутую выше стряпню, помянутъ на могилахъ, выдѣливъ часть духовенству и этимъ поминка кончается. Панихидъ служить на могилахъ духовенствомъ не принято, кромѣ развѣ могилъ богатыхъ крестьянъ. Никакой траурной одежды по покойнику не носятъ, ходятъ въ обычной одеждѣ. Послѣ похоронъ жизнь въ семьѣ, спустя немного времени, продолжаетъ идти обычнымъ порядкомъ, хотя понятно, въ семьѣ послѣ такого событія, особенно если похоронили хозяина или другое дорогое лицо, замѣтно довольно долго печальное настроеніе. Особеннаго сочувствія — по́мочи въ односельчанахъ къ вдовѣ и оставшимся сиротамъ незамѣтно; вся тягота по хозяйству и уплатѣ сборовъ лежитъ всецѣло на матери-вдовѣ; хотя въ тоже время не въ обычаѣ отнимать у такой вдовы земельныхъ участковъ.

Плакать — *причитывать* по умершемъ обязаны знать всѣ взрослыя женщины и дѣвицы; не знать причитывать стыдно предъ людьми и осмѣютъ со стороны. Потому-то, надо полагать, вокругъ плачущей женщины, особенно умѣлой, на могилѣ (въ воскресные дни послѣ обѣдни) стоитъ гурьба молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, (помимо сочувствія скорѣе всего и сами учатся). Плакать по умершемъ т. е. причитывать полагается только *первый годъ*; плачутъ и причитываютъ обычно сряду послѣ смерти, въ тѣ дни, пока покойникъ дома, особенно сильно при выносѣ изъ церкви и на могилѣ, въ другое же время только по праздникамъ послѣ обѣденъ; въ простые дни плачутъ мало. На могилахъ плачутъ, припавъ головой къ могилѣ, на колѣняхъ [1]). Когда женщины причитываютъ на могилахъ, то часто «обомру́тъ», по мѣстному выраженію, отъ сильнаго горя плачущая обмираетъ, т. е. упавъ на могилу мужа лежитъ безъ движенія. Присутствующія здѣсь обычно женщины растряхиваютъ ее, приводя въ сознаніе; а она опять, припавъ къ могилѣ, продолжаетъ причитывать. Такія обмиранія бываютъ по нѣсколько разъ. Часто впрочемъ дѣлается это и для виду, такъ какъ это дѣлаетъ честь плачущей, ее за это хвалятъ, что «умѣетъ плакать.» Плачутъ и сторонніе, особенно тѣ, у кого былъ недавно свой покойникъ. Особыхъ плакальщицъ за плату нѣтъ.

К. Ф. Филимоновъ.

[1]) Въ Куйскомъ приходѣ Бѣлозер. у. плачутъ стоя у могилы (самъ очевидецъ).

а) Новгородск. губ., Бѣлозерск. у., дер. Гришкино, Антушевской волости.

Тѣло покойника, пока оно еще не остыло умываютъ теплой водою съ мыломъ, волосы причесываютъ и затѣмъ одѣваютъ его въ чистое бѣлье и кладутъ на лавку, которая идетъ вдоль пола, а не поперегъ. Приготовляютъ гробъ (домовище), скалачивая его изъ досокъ. Приносятъ чистые березовые вѣники, *бруснутъ* съ нихъ листья прямо въ гробъ, накрываютъ ихъ бѣлымъ, чистымъ полотномъ и — постель для усопшаго готова. Вмѣсто подушки кладутъ покойнику подъ голову мѣшокъ, набитый листьями вѣника; кладутъ еще ему въ гробъ гребень, которымъ расчесывали ему волосы, мыло, которымъ его обмывали, полагая, что эти вещи ему пригодятся въ будущемъ. Впрочемъ эти вещи кладутъ въ гробъ и потому, что ихъ больше употреблять нельзя. Если изъ волосъ мертваго выбредетъ вошь, то ея не убиваютъ. Во все время пребыванія тѣла покойника въ домѣ читаютъ псалтирь. На третій день везутъ покойника на погостъ. Послѣ его выноса изъ дома оставляютъ на столѣ на ночь чашку съ водой, чтобы онъ могъ напиться. Стружки, щепки и остатки досокъ, изъ которыхъ сдѣланъ гробъ выносятъ въ поле, гдѣ ихъ сжигаютъ, при чемъ замѣчаютъ, куда направляется дымъ: если на деревню, то это предвѣщаетъ новаго покойника, а если въ сторону отъ деревни, то это считается хорошимъ признакомъ. Чтобы не бояться мертвеца, садятся на то мѣсто, гдѣ лежало его тѣло. Заглядываютъ въ печь и въ подполье, произнося: «ухъ, нѣту!»

б) Того же уѣзда, с. Замошье, близъ Новозера.

Прежде чѣмъ опустить умершаго въ могилу,

бросаютъ туда деньги, чтобы купить умершему мѣсто.

Въ первую ночь послѣ похоронъ покойника въ домѣ его раскидываютъ постель, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ и оставляютъ ее пустою до утра. Это дѣлаютъ для того, чтобы узнать: ходитъ ли умершій домой? Если ходитъ, то онъ ляжетъ на постель и послѣ его ухода на ней окажутся формы его тѣла.

Чтобы покойникъ не ходилъ съ кладбища, то надъ воротами и надъ дверьми дома кладутъ рябиновые прутья. Говорятъ, что покойники боятся этихъ прутьевъ. Для этой же цѣли вѣшаютъ на двери узду съ лошади, на которой еще не ѣздили.

Душа покойника витаетъ около дома 40 дней.

Въ девятый, двадцатый и сороковой дни происходятъ поминовенія покойника: служатъ обѣдни, панихиды, послѣ которыхъ (какъ и въ день погребенія) дѣлаютъ поминальные обѣды, на которые приглашаютъ, кромѣ духовенства, всѣхъ родственниковъ, друзей покойнаго и сосѣдей. Предъ каждымъ кушаньемъ поютъ духовныя пѣсни, сидя, а передъ киселемъ поютъ ихъ стоя. Для покойника ставится на столѣ приборъ, кладется ложка. Послѣ киселя выходятъ изъ-за стола, провожаютъ покойника: духовенство съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ, а женщины-родственницы — съ причетами. Во всѣ дни поминовеній, а также въ престольные праздники носятъ на могилу пироги, иногда пиво и водку, кутью, собираются родственники и кушаютъ. Собственно для покойника пекутся пшеничныя на скоромномъ маслѣ и яичныя блины. На канунѣ сороковаго дня вечеромъ топятъ баню. Отправляясь туда, берутъ съ собою и для покойника бѣлье, мыло и вѣникъ. А дочь, жена или кто нибудь изъ родственницъ покойника обращаются лицомъ къ погосту и причитаютъ:

2502.

Ты кормилецъ, сударь батюшка!
Ты приди-ко къ намъ, пожалуста.
Какъ у насъ у сиротинушекъ,
Для тебя, кормилецъ батюшка,
Поистоплена баня-паруша,
Сварены да слизки-щелоки,
Посогрѣта ключева вода
И распаренъ шелковъ вѣничекъ.
Ты приди, кормилецъ-батюшка,
Безъ большого очуженьица,
Безъ великаго ломаньица.

Войдя въ баню, кладутъ вѣникъ въ горячую воду, бѣлье — на окно, но сами пока не умываются, чтобы дать время помыться покойнику. По выходѣ изъ бани провожаютъ его причетами, въ родѣ слѣдующаго:

2503.

Не осуди, кормилецъ-батюшка,
Каково баня истоплена,
Каково поизготовлена.
Ты приди, кормилецъ батюшка,
Утромъ рано поранешеньку
Къ намъ на гостьбу на любимую:
У насъ варено да пиво пьяное,
Курено да зелено вино.

Зап. учит. народн. училища П. Вересовымъ.

Въ с. Староселье (Тагаево тожъ) Лукояновскаго у. Нижегородской губ.

Выносятъ покойника въ церковь непремѣнно въ ворота, а не въ калитку, для того, чтобы открыть ему широкій путь въ небо.

Провожать покойника нужно непремѣнно съ воплемъ, иначе трудно будетъ на томъ свѣтѣ его душѣ.

Если во время выноса тѣла пойдетъ дождь или ненастье, то это означаетъ что усопшій — праведный, если же солнце сіяетъ, — то грѣшный.

Изъ записи свящ. І. Лаврова. Сообщ. М. И. Макаревскимъ.

Плачь вдовы по мужѣ, какъ только онъ умретъ.

Олонецкой губ., Петрозаводскаго у.

2504.

По сегодняшнему дѣнницку,
По теперешнему времяцку,
Що што у насъ слуцилосе:
Какъ пришла да смерть прекрасная,

Голова да не разсудная;
Подъ окошкомъ не даваласе,
За воротцямъ не стучаласе;
Подошла да потихошиньку,
Сняла душу полегошиньку;
Я сидѣла горька-бѣдная
У трудной больной постелюшки,
У тяжелаго зголовьица;
Караулила я, бѣдная,
Твою скорую смерётушку;
Я нашла бы бѣдна, горькая,
Себѣ плотничковъ, работничковъ:
Нарядила бы я, бѣдная,
Состроить крѣпости бы крѣпкiи,
Тыны́ (заборы) то бы желѣзныи,
Дый (да и) воротечки кленовыи;
Ко воротечкамъ кленовымъ
Замочки-то *булатныи*,
Я поставила бы, бѣдная,
Щцо (еще) сторожа удалого, —
Не пустила бъ смерть прекрасную
Во наше витое-то гнѣздышко.
Тутъ зашла да смерть прекрасная,
Во наше витое-то гнѣздышко.
Тутъ зашла да смерть прекрасная
Голова не разсудимая;
Я бы знала бѣдна-го́рюша,
Окупила бъ смерть прекрасную,
Задарила бъ златомъ-серебромъ,
Я бы скатнымъ-то жемчугомъ.
Какъ на то да не поладилась (согласилась),
Я бы прибрала бы, бѣдная,
Во своемъ роду безчастнаёмъ
Человѣка бы таковскаго,
Ты не вйдла, смерть прекрасная,
Взять ни нищаго, ни бѣднаго,
Ни калики волочащаго
По подо́конью просящаго.
Ты увйдала, смерть прекрасная
Моёго да милу ладушку,
Да удалую головушку,
У моихъ у милыхъ дѣтушокъ
Ты кормильца-батюшку.

Когда выносятъ покойника изъ дому:

2505.

По сегодняшнему деницку,
По топерешнему времяцку,
При послйди — поры времячки;
Погости-ко, красно солнышко,
Во своемъ да витомъ гнѣздышки,
У меня у молодой жены,
У своихъ да малыхъ дѣтушокъ.
Ты, скажи-ко, мила младушка,
Ты куды да отправляешьсе?
Ты куды да снаряжаешьсе?
Въ путь во дальную-ль дороженьку,
Въ безъизвѣстную-ль сторонушку
Во вѣковую-ль во жирушку?
Ты скажи-ко, мила молодушка,
На кого то пооставилъ нынь
Своихъ рожёныхъ бѣдныхъ дѣтушокъ?
На народъ ли племя широкое,
На своихъ ли родныхъ сродничковъ,
На порядовыихъ сусѣдушекъ?
Сама бѣдна, сама горькая.
Ты оставько, мила младушка,
На самого Христа небеснаго.
Ты простись-ко, мила младушка,
Со всима́ своима́ сродничкамъ;
Да ищо́ простись-ко, мла́душка,
Со рожёныма со дѣтушкамъ,
Со поля́мы со широ́кима,
Со луча́мы со зелёныма,
Съ порядо́выма сусѣдушкамъ
Со сусѣдскима да дѣтушкамъ!

Когда подвозятъ покойника къ церкви.

2506.

Путь-дорожка показаласе,—
Путь дорожка короталасе;
Не нарадуйсе-ко, Тройца,
Пресвятая Богородиця!
Ужъ везутъ-то Теби, Троиця,
Ужъ не пелены церковныи,
Дый не ризы золоченыи;
Какъ везутъ Тебѣ, Тройця,
Моёго да милу младушку;
Ужъ везутъ-то тѣло мертвоё
Тѣло мёртво, лицё блёкло.

К. Ф. Филимоновымъ.

Причетъ по умершемъ мужѣ.

Вологодской губ.

2507.

Ты оставилъ меня, бѣдную,
Ты оставилъ меня, горькую,
Сироту горемычную,
Со маленькимъ крошечкамъ!

Какъ мы жить будемъ, бѣдные,
Безъ тебя, красно солнышко,
Моя милая ладушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣтечко красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми, —
Не будетъ у насъ бѣдныихъ
Ни денного работничка,
Ни ночного попечельщичка!
Ты куда же снарядился,
Ты куда же сподобился,
Мое красное солнышко,
Моя милая ладушка?
Не въ торги, не во ярмарки,
Не на гуляночки веселыя, —
Снарядился моя ладушка,
Ко церкви божественной,
На житьё вѣковѣчное.
Намъ ждать, не дождатися,
Глядѣть, не наглядѣтися
Ни съ которой сторонушки
Тебя, милую ладушку!

2508.

Государь, свѣтъ, мой батюшка,
Ты моя лада милая!
Ты оставила, лада милая,
При великой при бѣдности
Меня горе-горькую
Съ моимъ маленькимъ крошецкямъ.
Токотȯ да тéпереце
У тя отпала желанная (?)
Отъ меня горе-горькіё,
Отъ маленькихъ дѣтонёкъ.
Кажитсö да и глепетсö,
Не въ пȯру да не вȯ время
Создавъ Христосъ истинный
Тебѣ смёртку-то скорую.
Напринимматьсö горе-горькіимъ.
Безъ тебя, безъ голубцика,
Много нȳжды да бѣдности,
Холоду да и голоду,
Все пецȇли великіё
Натерпѣтьсо же горькіё,
Все пустыя — то славушки.
Доживутъ малы дѣтоньки
До весны матки красныё,
До лѣта до тёплова.
Да не выду, горе — горькяя,
На широку на ȳлицю
О годóвыхъ цесныхъ празницкяхъ, —
Назовутъ люди добрыё
Сиротъ горе-горькіихъ:
«Собаки-ти вольныё,
Вольныё да безотецкіё!»
Захватитъ же у горькіё
Мое серце ретйвое.
Погляжу, горе-горькяя,
На своихъ-то малыхъ дѣтей.
Они гулеютъ, горе-горькіё,
Все съ большимъ униженьецёмъ,
Съ большимъ съ покорȇньецóмъ.
Доживу, горе-горькяя,
До годовȯва цȇсна празницкя,
И приду, горе-горькяя,
Къ Покрову Богородицѣ,
На святое покла̇дбище, (sic)
Помолюсь, горе-горькяя,
На вси цетыре стȯроны.
Вы подуйте, витры буйныё,
Со вси цетыре стȯроны,
Расташитё, витры буйныё,
Вси желтыe песȯцики,
Сдуньтё, витры буйныё,
Тȯнки бѣлы полотȇнецкя
Съ моеё лады милыё,
Отожмитесь, руки бѣлыё,
Отъ сердецкя ретйвова,
Распецетайтёсь, уста̇ сахарныё!
Ты промолви-ка, лада милая,
Со мной словецко единоё.
Ты спроси, лада милая,
Про своихъ малыхъ дѣтушекъ.
Штȯ я глупа̇я, глупа̇я,
Глупа̇я, неразумная!
Съ глупа̇ ума добираюся!
Отъ сухȯва деревця
Не живётъ отростельеця,
Отъ тѣла-то мёртвова
Не живётъ благословлȇньеця.
Тово гȯрце да бѣдцѣе
Какъ доживу, горе-горькяя,
До лѣта-то тёплова.
Пойдутъ люди добрыё
На работу на пȯльнную
Большимъ-то артилюшкямъ, —
Какъ я про ея подумаю:
Какъ пойду, горе-горькяя,
Со своимъ-то малимъ дитя̇мъ?
У меня не стало, у горькіё,
На постатоцкѣ косȇцикя, [1])
На полоскѣ-то жнȇцикя,
Не стало у горькіё
Большіё застѣноцкя [2]).

Зап. Н. А. Иваницкимъ со словъ крестьянки Кадниковск. у.

---

[1]) Косца.
[2]) Защиты.

Причетъ жены по мужѣ (Послѣ обмывки и обряда покойника).

Новогородск. губ., Кирил. у., Чуженчскій приходъ.

2509.

Ужъ ты моя да лада милая!
Ужъ ты куда да снарядилася,
Ты куда да обрядилася
Во матушку да въ сыру землю.
Ужъ ты подумай, лада милая,
На кого да оставляешь меня,
На кого покидаешь ты свою молоду жену?
Ужъ не создай да Христосъ Истинный
Молодымъ да людямъ вдовить,
Малымъ дѣтушкамъ сиротать.
Ужъ насловутся малы дѣточки
Вольничей да самовольною!
Ужъ находиться будетъ дѣточкамъ
По міру да по крещенному,
Наживутся малы дѣточки
По чужимъ да по добрымъ людямъ,
По казакамъ да по работникамъ,
По пастухамъ да на все лѣто теплое!
У меня, горюшки бѣдное,
Изболитъ мое сердечушко,
Да изоржавѣетъ ретивое,
Все объ васъ, малы дѣточки.
Ужъ ты моя да лада милая —
Тебѣ не та да пора-времечко,
Что на тотъ свѣтъ да представлятися.
Ужъ ты моя да лада милая
Тебѣ бъ жить, Богу молитися,
Поить кормить да малыхъ дѣточекъ.
Ужъ мнѣ бъ лучше, *горю бѣдному*,
Ты лежалъ да лада милая
Во больной да во постеленькѣ,
Ты наряжалъ, да лада милая
Ты своихъ, да малыхъ дѣточекъ
На дѣло и на работушку,
Такъ и меня, горюшу бѣдную.
Вы мои да малы дѣточки
Пожалѣть-то васъ некому,
Приголубить-то не подумати.
Нѣтъ доброхота, свѣта батюшки.
Ты говорилъ, лада милая,
Ты о мнѣ, горюшѣ бѣдной:
«Ты моя, молода жона!
Ты до бѣла не вымывайся,
До баска не наряжайся.
Ты не ходи, да молода жена,
Ты по избамъ да по друго избамъ.
Ты не держи, да молода жена
Семь подружекъ да кумушекъ.
Съ умомъ живи со разумомъ.
Нѣтъ во чистомъ да полѣ пахаря,
Во темномъ лѣсу да дровосѣка.
Какъ доживу, горюша бѣдная,
До лѣта до теплова,
До тяжелыя работушки —
Всѣ пойдутъ да люди добрые
На тяжелую работушку
Всѣ съ се́мьями да съ артелями, —
Какъ у меня, горюши,
Малы маленькія дѣточки,
Все не рабы да не работники.
Ты наказалъ ли, лада милая,
Всѣмъ сусѣдамъ и сусѣдушкамъ,
Ты своимъ да милымъ братьицамъ,
Чтобъ не оставили братьица
Все меня, горюшу бѣдную,
И со малыми-то дѣточками,
Съ сиротами горе-горькими.
Вы богданные братьица! вы наставьте меня,
Бѣдную сироту да горе-горькую.

Когда покойникъ въ гробу.

2510.

Ужъ ты моя лада милая!
Тебѣ состроили свѣтлую свѣтлицу,
Свѣтлую свѣтлицу да и высокую горницу,
Только безъ оконъ да и безъ дверей,
Тебѣ на всѣ да вѣки долгіе,
На все житье да вѣковѣшное,
И на всю жизнь да безконечную.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что со того да свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни конпаго, ни пѣшаго,
Нѣтъ ни слуху да и не вѣсточки,
Нѣтъ и скоропечатны грамотки.

Когда покойникъ ночуетъ ночь въ церкви.

2511.

Ты моя да лада милая!
Я разскажу, горюша бѣдная,
Я про свое про горе великое:
Какъ сія да темныя ноченьки
Мнѣ не спалось да не дремалося.
Какъ погляжу, горюша бѣдная,
Я на мягкую постелюшку,
Какъ мои маленькія дѣточки,

Малые да не великіе,
Глупые да не разумные.
Ужъ я ждала да дождалася
Все тебя я, лада милая,
Домой на свою сторону,
Къ себѣ во свѣтлую свѣтлицу.
Все я думала, бѣдная,
Что ты придешь, да лада милая,
Что ты нарядишь, да лада милая
Своихъ малыхъ дѣтушекъ на дѣло
И на работушку.

Всѣ три зап. учит. народн. училища Ѳ. Ивановымъ. Сообщ. инспекторомъ Народн. училищъ Н. К. Рамзевичемъ.

Причитанье жены по мужѣ.

Ярославской губ., Пошехонск. у.

2512.

Ты послушай-ко меня ясенъ соколъ,
Соколъ ясный, лада милая,
Слово горькое, слово печальное
Черезъ землю сырую матушку,
Черезъ крышу гробову доску,
Черезъ саванъ бѣлый, вышитой,
Моей правой рукой выбраный,
На тебѣ-то мною сложенный!
Тяжело мнѣ молодехонькѣ
Безъ тебя жить, лада милая!
Люди злые молодехоньку
Помыкаютъ, всюду мыкаютъ.
Согрубятъ — млада расплачуся,
Житье вдовье — безъ платка головушка,
Житье вдовье — домъ некутанный,
Житье вдовье не затѣйное,
Безъ застоя-то не застойное...
О, охъ, бѣд-на-я!
Ты приди-ко, лада милая,
Ты приди хоть ночью темною —
Хоть во снѣ ты на минуточку,
Ко своей подругѣ-ладушкѣ,
И прижми-ко къ ретиву сердцу,
Ты горюшу крѣпко на крѣпко...
О, охъ, горе, о горь-ка-я!
Прилети-ко яснымъ соколомъ,
Прилети-ко соловеюшкомъ
Хоть на малую минуточку:
Той минутой радость скажется,
Той минутой сердце спрыгаетъ...
О, охъ, я разпесчаст-ная!
Разступися, мать сыра земля,—
Пріоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вышитый,
Моей правой рукой выбранный,
Вылетай, милъ яснымъ соколомъ,
Пой вослой-ко соловеюшкомъ;
Я взяла бы тебя, пташечку,
На свои на руки бѣлыя,
Приласкала-бы, прихолила,
Примочила перья сизыя,
До мокра слезами горькими
И снесла бы въ свой во вдовій домъ.
О, охъ, горюша горькая!

Тамъ же.

2513.

Благослови, Боже Господи,
Да и Ты Пресвятая Богородица,
Чтобы проводить мнѣ ладу милую.
Изъ дому-то изъ благодатнова
Во мѣстечко-то вѣковѣчное,
Что во матушку-то во сыру землю.
Посижу-то я, млада младешенька,
Во мѣстечкѣ-то во печальноемъ,
Во слезливомъ во сиротскоемъ,
Побужу-ко я, горе-горькая,
Моего-то ясна сокола,
Ладу милую-то молчаливую:
«Ты возстань-ко да проснися,
Мой соколикъ, лада милая,
Отъ просонья-то отъ крѣпкова,
Отъ сна-то вѣковѣчнова!
Ты скажи-ко, вымолви словечушко,
Ты скажи слово по прежнему,
Чтобы сердце мое прыгало
Отъ ра́динья и отъ радости
Ты лежишь-то безъ словечушка,
Ты не смотришь очьми ясными.
Вѣрно мнѣ, горюшѣ горькоей
Встать-то помолитися,
Поклонитися-то Богу Господу,
Да заступницѣ сиротческой,
Пресвятой-то Богородицѣ,
Да сложить-то тебѣ крестъ по старому,
На бѣлой груди къ сердечушку,
Призакрыть-то очи ясныя
Отъ радинья ретива сердца.
Ты скажи-ко, лада милая,
Въ кою сторону сподобился,
Снарядившись хорошехонько
Въ какую путь-сторонушку,
Въ чью сторонушку-то чужедальную,
И на долго-ль отлучаешься?

Ты повѣдай, лада милая,
Въ кое время оборотишься?
Ты одинъ иль съ гостемъ явишься?
Стану я тебя, сердешнова,
Ждать да дожидатися
По утру-то ранымъ ранешенько,
Ко полудню въ обѣдъ, паужинъ,
Вечеромъ въ потемки-темныя,
Въ полуночь при ясномъ мѣсяцѣ.
Какъ завижу я сердешнова
Выйду встрѣть середь улицы,
Устелю весь дворъ широкій я
Новиною тонко-спряденной,
Хитро въ клѣтки вязью вытканной,
На насту весной бѣленою.
Приведу я тебя, лада милая,
Во новый домъ за бѣлы руки,
Посажу за столъ со яствами,
Да со питьями медвяными
Поклонюсь тебѣ низехонько,
Ниже пояса къ сырой землѣ,
Я скажу тебѣ, сердешный другъ:
Ты покушай яства сытова,
И отвѣдай питья сладкова!»

Оба зап. Я. С. Деруновымъ.

По мужѣ.

Псковской губерніи, Опочецк. у.

2514.

Моя милая, удалая головушка!
Посмотри ты на меня, горькую, несчастную,
Посмотри ты на своихъ малыхъ пташечекъ!
Съ кѣмъ ихъ оставляешь, моя удалая головушка?
Пошатаются мои малыя пташечки
По всѣмъ по честнымъ людямъ,
Понавидятъ они много горя великаго!
Къ комужъ они приклонятъ свою буйную головушку?
Не будетъ имъ теперь ласковаго словечушка
Безъ своего-то роднаго батюшки.
Бѣднешенько мнѣ безъ тебя, моя удалая головушка,
Что покинулъ ты меня, горемычную!

2515.

Моя удалая головушка, мой милый батюшка!
Встань ты на свои скоры ноженьки,
Размахни ты свои бѣлыя ручушки,
Распечатай ты свои уста сахарныя!
Споглянь ты своимъ очамъ яснымъ,
И пройди ты по своему широкому двору:
Что не по прежнему, моя удалая головушка,
Не по прежнему в' насъ, не по бывалому.
На кого же ты спонадѣялся?
Спокинулъ меня, молодешеньку
Съ маленькимъ моимъ пташечкамъ.
Маленькія мои пташечки!
Упросите вы своего родимаго батюшку,
Чтобъ не кидалъ онъ насъ по прежнему,
Что не на кого мнѣ падѣяться,
Что нѣту у меня братцевъ соловеюшекъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

По мужѣ.

Той же губ., Островск. у.

2516.

Умильная моя удалая головушка!
Что, объ чемъ ты на меня, сиротинушка, распрогнѣвался?
Али я, сиротинушка, вкругъ тебя не увивалася?
Увивалась, сиротинка, со всего радѣнья,
Со радѣйница, съ пожалѣйница.
Что самъ же ты зналъ, моя удалая головушка,
Что не на кого мнѣ, сиротинушка, надѣяться,
Что нѣтъ у меня, сиротинушка, братцевъ-соловеюшекъ,
А найаче того ясныхъ соколовъ, родныхъ дѣтушекъ.
Хоть и есть у меня двѣ бѣлыхъ лебедушки,
Что самъ же ты зналъ и самъ видѣлъ,
Что они еще глупешеньки.
Безъ тебя, меня, удалая головушка,
Навѣются на нихъ вѣтры буйные,
Понаговорятся про нихъ люди добрые.
Умильная моя удалая головушка!
Что не красный-то день безъ красна солнышка,
Что не весело-то жить безъ удалой головушки,
И тошнешенько и грустнешенько.
Что, бывало, какъ пойдетъ моя удалая головушка на скору работушку,
А я ходючи, сиротинушка, по новымъ горницамъ,
По свѣтлымъ свѣтлицамъ, посматриваючи въ косячато окошечко:
Что откудова-то выйдетъ мое красное солнышко?
Какъ бывало, моя удалая головушка, какъ распрогнѣваешься,
Я тебя, сиротинушка, все хожу и *упрахываю*,
Что покуда мой батюшка взмилуется.
А теперь-то не могу я, сиротинушка,
Тебя добудиться и допроситься.
Что скрѣпилъ ты свое ретивое сердечушко крѣпше камышка.

Размахни, моя удалая головушка, свои бѣлы ручушки,
И прогляни ты своими очами ясными!
Распечатай ты свои уста сахарныя,
Промолви мнѣ, сиротинушкѣ, хоть единое словечушко,
Что обрадуй ты мое ретивое сердечушко,
Что обрадуй ты, хоть на единый часъ,
На единый часъ, на одну минуточку!
Умильная моя удалая головушка!
Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками!
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ!
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка:
Что не мой ли это милый батюшка?

Сообщено М. И. Семевскимъ.

По мужѣ.

Новгородской губ., Валдайскаго у., с. Гоголева.

2517.

Ахъ ты, удала́ моя головушка!
Удала, — хорошая, умная, разумная!
Оставилъ ты меня, сиротинушку,
На злодѣй-горе великое.
Безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Натерпѣться мнѣ злодѣй-горя,
Мнѣ холоду будетъ принять и голоду.
А теперь мнѣ, сиротинушкѣ,
Терпѣть отъ родныхъ дѣтушекъ.

2518.

При старой я при старости
Наскитлась, сиротинушка
По чужимъ теплымъ гнѣздышкамъ,
Натерпѣлась я злодѣй-горя.
А безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Нѣтъ застоюшки и оборонушки,
Нихто за насъ не замолвитъ слово ласковое,
А терпѣть намъ, сиротинушкамъ,
Все злодѣй-горя великое.

Обѣ зап. мною отъ бывшей дворовой.

Плачь матери по сыну (единственному).

Олонецкой губ., Петрозаводск. у.

2519.

По сегодняшнему денницу и т. д.
Отправляла мати бѣдная
Я роженого-то дитятка,
Да наливчатого яблучка,
Ищо написанного пряничка;
Отправляла я роженого
Я не въ дальней путь дороженьку,
Дый не въ дальни перелѣсочки;
(А) въ безъизвѣстную сторонушку
На вѣковую ль на жирушку.
Я не знала, мати бѣдная,
Великой ли да невзгодушки
Надъ своей буйной головушкой.
Я надіяласе, бѣдная, — (что)
Отъ рожоного-то дитятка
Буде хлѣбъ-соль мни простра́нная (довольная),
Буде крѣпкая надѣтушка (одежда),
Буде лёгка перемѣнушка,
Буде печенька-то тёплая.
Ты, рожено мое дитятко!
Одіешь узкія то плеченьки,
Обуешь рѣзвыя-то ноженьки.
Ужъ какъ нынѣчу-топерячу
Потеряла потеряшечку,
Обронила я оброночку, —
Потеряшечку не маленьку,
Оброночку не дешевую —
Своего-то красна солнышка,
Родимого-то дитятка. —
Ужъ какъ нынѣчу-топерячу
Послѣ твоего быванъица
Во нашемъ витоёмъ-то гнѣздышки —
Пустымъ стало пустёшинько,
Холоднымъ да холоднёшинько;
Послѣ твоего быванъица
Забусіютъ наши гнѣздышки,
По стѣнамъ будутъ снѣжочики,
По угламъ да инеёчики.

Когда ждутъ на домъ духовенство на поминку въ 40-й день.

2520.

Я пойду, да мати бѣдная,
Во чистое я во полюшко,
На посильнюю работушку:
Камешковъ насоберанюсе,
Слѣдковъ напримѣчаюсе,
Тебя въ чистомъ поли дожидаючи.
Ты скажи-ко, красно солнышко,
Ты, рожено мое дитятко;
Когды въ гости ты посулишьсе:
По утру ли ты ранёшинько,
Въ вечеру ль придёть позднёшинько,

Серди ль темныя ноченьки,
Посерёдки ль денька бѣлаго?
Стану ждать я, мати бѣдная,
У косящата окошечка,
Со которой со сторонушки
Откуль ко мнѣ появишьсе;
Стану я то, мати бѣдная,
Держать ножки на порожки,
Ручки бѣлы на заложки,
Стану ждать я, мати бѣдная,
На любимое гостибище.
Я поставлю, мати бѣдная,
Тиби столички дубовыи,
Кладу скатерти-то браныи,
Кладу кушанья сахàрныи
Кладу питьиця медовыи.
Ты поѣшь-ко, ты, покушай,
Красно, тепло, мое солнышко,
У родители у матушки!

Обѣ отъ крестьянки П. Мелдовой.
К. Ф. Филимоновымъ.

По сынѣ.

Новгородской губерніи, Валдайскаго у., с. Гоголево.

2521.

Припаду я, сиротинушка, ко сырой землѣ,
Побужу я, сиротинушка, свово-то чаду милова,
Разскажу я ему свое злодѣй-горе:
«Какъ живу я, сиротинушка
Со свойнымъ милымъ дѣтушкамъ.
Ты спроси, чадо родное
Про своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Про свою-то молоду жену.
Поразвѣяла твоя молода жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то по сторонушкамъ,
Безъ тебя то, чадо родное.
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить.
Ты спроси-ко-сь, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты.
Кто насъ будетъ кормить, поить.
Безъ тебя, мое рожденное?
Не сожалѣла твоя молодая жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
Горькихъ сиротинушекъ:
Ена ихъ кинула и бросила
На чужого отца съ матерью.

Зап. мною отъ 70 лѣтн. старухи, бывшей дворовой.

По дочери.

Олонецкой губерніи.

2522.

Была у меня милая дочушка
Я держала крѣпкую надѣю великую.
Я срядила ее и обрядила
Во хорошее платье цвѣтное.
Немножко она походила и поносила.
Не находилась да не наносилась.
Спросилъ истинный Христосъ да Царь Небесный.
Ходила, моя милая дочушка,
Со кумами ходила, да со подругами,
Со сусѣдками порядовными.
И встанутъ въ Воскресенье Христово,
Пойдутъ ко ранней ко утренней ко заутрени,
Пойдутъ ея подружки возлюбленныя.
И я выйду, горе горькая кукушка,
Поглядѣть на ея подружекъ:
Нейдетъ-ли моя дочерь бѣлая
Со своими да со кумами и со подругами.
Какъ я ворочусь да кручиная бѣдная,
Да соберу ея платье цвѣтное
И сряжу и обряжу, какъ дочь свою
Придетъ ко мнѣ сынъ и скажетъ:
«Вѣдь, это мало живетъ и водится,
Что мертвый съ погосту воротится?
Тошнешенько сердцу ретивому
Нѣту въ живности дочери голубушки:
Думщица она была да собесѣдница».
Была тайная моя да разговорчица.
Не дивите-ка народъ да люди добрые:
Мнѣ тошнешенько сердечку ретивому;
Какъ собрались ко мнѣ ея подружки
Да возлюбленные,—я молилась имъ:
Вы мои кумы да и подруженьки!
Не увидите-ли моей дочери бѣлой голубушки
На гульбищахъ и на игрищахъ?
Увидите ее—и приведите ко мнѣ».

Зап. учит. Петроз. дух. учил. Л. Малиновскій.
Сообщ. К. Ф. Филимоновымъ.

По дѣтямъ.

Псковской губерніи, Островскаго у.

2523.

Милыя вы мои дѣтушки!
Дождались вы меня, сиротинушку;
Я спѣшила къ вамъ скоры́мъ скорешенько.
Я не на конѣ къ вамъ ѣхала,

Я спѣшилася на своихъ скорыхъ ноженькахъ.
Мои скоры ноженьки натянутся,
Мои бѣлыя ручушки не вздымаются,
Мои очи ясныя не глядятъ на бѣлый свѣтъ.
Вы завѣйте, вѣтры буйные,
Вы развѣйте-ко желты пески!
Вы расколите-тко гробову доску,
Размахните-тко тонко бѣло полотно.
Мои милыя дѣтушки!
Размахните свои бѣлы ручушки,
Распечатайте вы свои уста сахарныя.
Разомкните вы свои очи ясныя
Промолвите мнѣ хоть единое словечушко!
Вы спросите у меня, горькой сиротинушки:
Что, какъ я живу, сокрушаюся?
А мнѣ нѣту скорой посылочки,
А мнѣ нѣту ласковаго словечушка,
А мнѣ нѣту теплаго завѣтерья.
Какъ не ясенъ день безъ краснаго солнушка,—
Мнѣ не весело жить безъ васъ, мои милыя дѣтушки!
Что сумнилась моя буйная головушка,
Что сумнилася, сокрушилася:
Что къ кому я приклоню свою буйную головушку?
Кто же сложитъ безъ васъ мои бѣлыя ручушки?
Мнѣ, сиротинушкѣ, нѣтъ крѣпкой надеждушки.
Я живу, сиротинушка, со чужими людьми,
Со чужими людьми, съ неродными дѣтьми.
Чужи дѣтушки нежалостны,
Чужи люди недогадливы.
Какъ я теперь при старости,
Что при старости и при хворости
Мнѣ не съ кѣмъ подумать крѣпкой думушки.
Я шатаюсь промежъ добрыхъ людей, какъ травинушка,
Я подумаю своимъ глупымъ разумомъ:
Есть-ли на свѣтѣ такіе люди безчастные?
Зародила меня матушка на горе,
Надѣлила меня частью горькою.
Ахъ, милыя вы мои дѣтушки сердечныя!
Я жила съ молодыхъ лѣтъ въ одиночествѣ.
Я надѣялась на васъ своей крѣпкой надеждушкой,
Я думала, вы будете мнѣ посылочки и поговорочки,
А я думала: вы будете мнѣ поильцы, кормильцы.
Ростила я васъ до хорошаго до возраста,
Сокрушалась я о васъ съ молодыхъ лѣтъ,
Наукала я васъ уму-разуму.
Не судилъ мнѣ Господь Богъ съ вами пожить!
Вы оставили меня, сиротинушку, скорымъ скорошенько,
Вы обрадовали меня, да не на долго.
Миновалась вся жизнь моя хорошая.
А теперь навижусь я всякой всячины.

Сообщено М. И. Семевскимъ.

Плачь дочери на могилѣ родной матери.

Олонецкой губ., Петрозаводск. у.

2524.

По сегодняшнему денечку
По теперешнему времячку
Я ходила, горюша бѣдная,
Во Божью церковъ-во матушку
Я ко ранней-то ко обидиньки.
Я стояла, горюша бѣдная,
На лѣвоей на сторонушкѣ,
Примѣчала я, горюша бѣдная,
Я свою родиму матушку
Не могла примитить, бѣдная,
Ни по волосу, дый ни по голосу,
Ни по цвѣтному по платьицю;
Выходила я, горюша бѣдная,
На круто, красно крылечушко
Да на Спасову площадочку [1]);
Я увидѣла, горюша бѣдная,
Круту̀ высокую могилушку.
Вы не вiйте, вiйте, витерочики!
Вы не рвите, витерочики,
Со ольши́нушки верши́нушокъ,
Со березыньки листочиковъ!
Вы завiйте, витерочики,
Изъ тиха́ да потихо́шиньку
Изъ легка́ да полего́шиньку!
Вы разнесите-тко, витерочики,
Со могилушки песочики!
Росколись-ко, мать, сыра земля,
Покажись-ко, гробова доска,
Гробова доска да тёсу бѣлого
Тесу бѣлого — пилёного!
Отокройсе, полотёнышко,
Покажись-ка тѣло мёртвое,
Тѣло мёртво, лицё блёклое!
Прилетите-ка съ небесъ ангелы крылатыи,
Вложите душеньку да во тѣло бѣлое,
Рѣзвы ноженьки — во хожевьицё,
Бѣлы рученьки — во махавьицё,
Очи ясныи во глядѣньицё,
Во уста да говореньицё!
Ужъ, ты, встань-ко, родитель-матушка,
Ужъ ты, красно моё солнышко,
Ты великое жалавьицё!
Ты пудёмъ-ко (пойдемъ), красно солнышко,
На тихую да на тишинку —
Какъ на малое безлюдьцё!
Ужъ какъ не быть дѣлу, не статися,

1) Площадка передъ мѣстный церковнаго Спаса Преображенія.

Живымъ (ому) съ мертвымъ не вѣдатися:
Какъ не выстать бѣлу камешку
Изо дна да моря синяго, —
Не живать да мни-ка бѣдноей
Со родителью со матушкой.

Плачь дочери по матери.

(Послѣ обмывки и обряда покойницы).

Новгородской губ., Кирил. у.

2525.

Моя сердешная матушка,
Твоя жалость великая!
Ты куда да снарядилася?
Ты куда обрядилася?
Обрядилась моя матушка
На повозъ Богу молитися,
Что ко ранней заутренѣ
Ко . . . . . обиднею.
Ужъ можно знати,
Да можно вѣдати,
Что обрядилась моя матушка
На всѣ да вѣки долгіе,
На всё житье да вѣковѣшное.
Ужъ я стану, сиротинушка,
Стану глядѣти да смотрѣти
На сердешную свою матушка.
Моя жалость ты великая!
Ты подумай-ко, матушка,
Ты подумай-ко, сердешная:
Оставляешь меня, бѣдную
Сиротой да горе — бѣдную.
Ужъ не создай да Христосъ истинный
Не приведи да Богородица
Жить сиротой да горе — бѣдною,
Будетъ нелюбое да назваиьицо.
Ужъ охъ ти мни-мнека тошнешенько,
Какъ назовутъ сиротиночку вольницей,
Вольницей да самовольницей!
Ужъ одолить велико горе у меня да сиротиночки.

(Дорогой при отправкѣ покойницы на ночь въ церковь).

2526.

Моя сердешная матушка,
Моя жалость великая!
Ужъ можно знать,
Да можно вѣдать,
Что недалеко спроводимъ,
Да глубоко опустимъ.
Ужъ тутъ ни пути,
Да ни дороженьки,
Нѣтъ ни выходу, ни выѣзду,
Ни скорописныя грамотки.
Моя сердешная матушка,
Мое красное солнышко!
Ноныче да и теперече
Закатилось ужъ
На вси вѣки долгіе,
На все житье вѣковишное, —
Оно за лѣса да темные,
За горы да за высокіе.

Зап. учит. народн. училища Ѳ. Ивановымъ.
Сообщ. инспект. народн. учил. Н. К. Рамзевичемъ.

Причитаніе дочери по матери.

Нижегородской губерніи, Ардатовскаго у.

2527.

Милая моя матушка!
Куда ты собралась, срядилася?
Въ который путь, въ котору дороженьку?
Въ который базаръ, въ кою ярмарку?
Откуда намъ тебя ждать?
Выйдемъ-ли за воротички,
Поглядимъ на всѣ четыре сторонушки:
Со всѣхъ-то сторонъ у добрыхъ людей матери, —
У насъ, горькіихъ, матери нѣтъ.
Со всѣхъ-то сторонъ холодный вѣтеръ дуетъ
И солнышко насъ не грѣетъ,
И никто насъ безъ тебя не пожалѣетъ,
Никто насъ не встрѣчаетъ, никто не проводитъ
И никто насъ ласковымъ словомъ не примолвитъ
И всѣмъ-то мы надоѣдимъ и надоскучимъ,
Никто-то намъ не радъ
Никто-то съ нами, горькими сиротами, не посовѣтуется,
Никто-то насъ не нарядитъ,
Никто ничего не укажетъ,
Чужіе-то всѣ насъ на смѣхъ поднимутъ — и т. д.

Зап. свящ. Цвѣтаевымъ.
Сообщ. М. И. Макаревскимъ.

Тоже.

Олонецкой губерніи.

2528.

Убралась родимая матушка
Осталось двѣ дочери голубушки —
Холодны и голодны.

Остались онѣ отъ родимой матушки
Малешеньки онѣ и глупешеньки,
Не во полноемъ въ дѣвичьемъ возрастѣ.
Какъ я сяду ко своей матушкѣ,
Сяду я ко сердечку ретивому,
Положу я свои бѣлы бумажны рученьки
Ко ея сердечку ретивому —
И убьюсь я слезами горькими и горе-горькими:
Такъ учули сосѣди порядовные,
Учули и братья да жалостливые —
И пришли къ намъ въ тепловатое гнѣздышко.
Мы бужаемъ свою кормилицу матушку,
Но отпихиваютъ насъ прочь отъ своей да родимой матушки
Свои да сосѣди порядовные.
Я захвачу за шейку свою родитель матушку,
Припаду къ ея устамъ да сахарнымъ,
Но одолѣли ее крѣпки сны да забудущіе,
Застыли ея бѣлыя рученьки.
Я отогрѣю ея бѣлыя рученьки,
Какъ положу ихъ во свою-ли да во теплую пазуху.
Не отогрѣть-то ихъ да и не оттаяти
Выпали ручки изъ теплыя пазушки
Мы червочкой вкругъ ея да увиваемся,
Косатой ласточкой ея да извивается.
На кого ты держишь крѣпкую надѣю великую,
Что покинула ты малыхъ дѣточекъ?
Отъ кого-то мы станемъ глядѣть доброты
Да ласкость великія мы — та малыя дѣточки?
Мы находимся по міру,—народу крещенному,
Насбираемся кусочковъ поданныхъ.

Зап. учит. Петрозаводск. Духовн. училища, Л. Малиновскимъ.

Тоже.

Смоленской губерніи, Вяземскагс у., с. Рыхлово.

2529.

Родимая матушка,
На кого жъ ты мене покинула?
Возьми жъ ты мене, горькую,
Несчастную къ себѣ,
Подъ правое свое крылышко;
Не давай мнѣ много горя мыкать,
Чужимъ людямъ надоѣдать.
Насудются люди добрые,
Наговорятся всячина.
Родимая наша матушка!
Съ какой намъ сторонушки
Тебе ждать будетъ?
Отъ кого мы ласковое слово услышимъ?...

Калужской губерніи, Тар. у., с. Маковицы.

2530.

Родимая матушка,
Желанная матушка!
На кого жъ ты насъ (или: мене, горькую), бросила?
Кто объ насъ обдумаетъ,
И кому мы будемъ нужны,
Кому мы будемъ бо́льны,
И кто объ насъ такъ соболи́тся,
Какъ ты была, наша матушка?
Куды мы ни придемъ,
Куды ни прибудемъ,
Ты насъ стрѣчала,
Стрѣчала ты насъ, ласкала;
А теперь мы, горькіи,
Никому не будемъ бо́льны
И никому не нужны;
И напоминать про насъ будетъ некому,
И стрѣтить некому
И приклониться намъ будетъ нѐ къ кому!

Если дочь замужняя, то она прибавляетъ слѣдующія три стиха:

(Зарастутъ мои всѣ стёжечки-дороженки,
Перестанутъ ходить мои ноженьки
Ко родимой моей матушкѣ»).
Я приду къ ея могилушкѣ,
Возбужу свою родимаю матушку:
«Встань-ка, проснися, моя матушка,
Воскинь ты свои очи ясныя,
Промолви хоть одно словечко
Со мною, горькой сиротою!
Трудно мнѣ, горькою, жить въ чужихъ людяхъ,
Подумать мнѣ не съ кѣмъ,
И слово сказать некому».
Со всѣхъ сторонушекъ холоднай вѣтеръ дуетъ;
Ни съ одной стороны мене не пригрѣетъ.
Возьми меня, родимая матушка,
Къ себѣ подъ правое крылушко.
Не давай-ка мнѣ, горькою,
На свѣтѣ страдать и горе мыкать.

Зап. студент. филологич. факульт. Москов. унив. Марковымъ. Сообщ. В. О. Миллеромъ.

Тоже.

Тульской губерніи, Епифанск. у.

2531.

Родимая ты, моя матушка,
На горе ты меня зародила!

Пошла я горе безъ тебя мыкать.
Бывало, ты мнѣ все готовила,
Бывало, ты мнѣ все припасала,
А теперь я стану, горькая, горе мыкать,
Никто со мной думушку не подумаетъ,
Тайное словечко никто не промолваетъ.
Что ты, моя кормилица,
Крѣпко спишь, не проснисьси?
Скрѣпила ты свое сердечушко
Крѣпче горючаго камышка.
Нигдѣ я тебя не завижу,
Слѣдочка твово не увижу,
Голосочка твово не услышу.

Зап. мною.

Причитанія дочери по отцѣ.

Ярославской губерніи, Пошехонскаго у.

2532.

Растунися мать сыра земля,
Пріоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вытканный,
На лицо рукой покинутый!
Встань родимой батюшко,
Пробудись отъ сна отъ крѣпкаго
Отъ сна крѣпкаго, вѣковѣчнаго!
Погляди на насъ, желаненькой!
Поднимись на скоры ноженьки,
Приласкай руками бѣлыми
Насъ сиротокъ безпривѣтниньких,
Безпривѣтныхъ, горегорькіихъ.
Пожалѣй-ко насъ, кормилецъ батюшко,
Отъ радѣнья—ретива сердца.
Ты приди кормилецъ батюшко,
Ты приди — пожалуй родиинькой
Во свой новый, благодатный домъ
На повѣтушки тесовыя,
На дворы свои широкіе,
Во избушечки уютныя,
Отъ морозу—въ зимы—теплыя.
Мы возьмемъ тебя за рученьки,
И посадимъ радость милаго,
За столы-то за дубовые,
За скатерки самобраныя;
И сиди-ко ты, кормилецъ нашъ,
На лавочкахъ-то на тесовыхъ,
На пробойнкахъ-то на кленовыехъ.
Мы, тебѣ, кормилецъ батюшко,
Всѣ поклонимся низехонько,
Ниже пояса-то до сырой земли,
Всякимъ яствами отпотчуемъ,
Наглядимся вдоволь, до сыта.

2533.

Взойди ты, ясное солнышко,
Со восточной-то со сторонушки,
Покажись ярчѣе по небу,
Освѣти ты землю матушку,
Урони лучи ты ясные
На могилушку болѣзнова,
Чтобы мой-то родимый батюшко
Не сидѣлъ во тьмѣ кромѣшноей,
Чтобы ему, родимому, не горевати,
Съ тоской не битися, не тосковати!
Взойди, взойди, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ты взойди яснѣй со вечера,
Свѣти свѣтлѣй во всю ноченьку,
Освѣти всю землю матушку,
Урони лучи на могилушку
Мово-то кормильца-батюшки
Чтобы свѣтлѣй-то ему было лежати
Во сырой землѣ, не горевати
По своимъ-то дѣткамъ милыёмъ.
Вѣтеръ вѣтровичъ, ты буйненькій!
Ты развѣйся-ко, разбушуйся-ко
Въ темну ноченьку до полуночи!
Принеси-ко вѣсточку радостну,
Моему-то кормильцу-батюшку,
Что поёмъ-то мы сокрушаемся,
За его-то мы слезно плачемся,
Во слезахъ-то усердно молимся.

2534.

Я сама, млада младешенька,
Безъ ума стала, безъ разума.
Не пойму какъ не сдогодалася,
Што ты къ намъ ужъ не пожалуешь
Въ дороги гости, родиминькой.
Я пришла-то въ свѣтлу свѣтлицу,
Я пришла, — не оглядѣлася,
И глядѣть — не доглядѣтися
Мнѣ тебѣ во вѣки вѣчные.
Коли я о чемъ подумаю —
Ты, родимый, мнѣ представишься,
Я зальюся горючимъ слезамъ,
Все же нѣтъ тебя, не выплачу, —
Не вернешься въ свѣтлу свѣтлицу.

Всѣ 3 зап. Дерунивымъ. Сообщ. Этногр. Отдѣл. И. О. Л. Е. А. и Э.

По отцѣ.

Олонецкой губерніи.

2535.

На своей на родимой на сторонушкѣ
Сквозь туманъ да пекетъ красно солнышко;
Заунывъ стоитъ высока горенка;
Призаплакались окошечки косящаты,
Подломились да новы сѣни рѣшетчаты,
Разсыпалась частоступчатая лѣсенка,
Закатилась да схоже-красно солнышко.
Не дивите-ко, люди добрые,
Да сусѣди порядовные,
На мои стихи, причеты неумильные!
Вѣдь не пекетъ два схожія солнышка,
Не живетъ да два родителя батюшка!
Одна моя стѣна, ограда бѣлокаменна,
Одинъ да доброхотъ — родитель батюшка.
И всего того тошнѣе да обиднѣе,
Что не была у своего родителя у батюшка
Какъ при той порѣ, да времячкѣ,
Какъ разставалась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Выкатилось зрѣнье и смотрѣньице
Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей.
Это что за чудо за чудное!
Раньше было, какъ на собраньи людей добрыхъ,
Онъ имѣлъ совѣтъ съ господами, купцами и
боярами.
Теперь же что несетъ гнѣвъ сердце великое?
— Наѣхали гости къ нему, въ бѣлую палату;
Онъ прежде встрѣчалъ ихъ и честь давалъ,
Теперь, ужъ видно, гости пріѣхали
Не по уму ему, да не по разуму;
Пойдите, дочери — бѣлые голубушки,
Побужайте да родителя батюшка:
Одолѣли тебя крѣпки сны да забудущіе?
Это мало живетъ да водится,
Что заговоритъ покойный словечко единое.
Подавай да листъ бумажку гербовую
Ему да во правую рученку!
Напиши, да добрый батюшко,
Свое рукописаньице,
Своей да доброй матушкѣ чѣмъ воспитатися
При старости лѣтъ, да и при дряхлости.

Зап. со словъ крест. Дрыгиной учит. Петрозаводск. духовн. училища Л. Малиновскій. Олонецк. Сборн., вып. 2-ой Петрозав. 1886 г.

Той же губ. и у.

(Дополненіе къ предыдущимъ).

2536.

Когда покойника относятъ въ церковь для отпѣванія и когда затѣмъ отпускаютъ его въ могилу, то причитаютъ слѣдующее причитанье, которое называется: *послѣднимъ разставаніемъ.* Оно причитается одинаково какъ по отцѣ, матери, такъ и по мужѣ и другихъ родныхъ, перемѣняя только слова, по комъ идетъ рѣчь.

Во остатное свиданьецо,
Во послѣднее разставаньецо,
Попрощайся лада милая!
Не видаться въ вѣки по вѣки!
При послѣднемъ пирѣ-времечкѣ,
Ты когда въ гости посулишься:
По утру ли ты ранехонько,
Въ вечеру ли ты позднехонько,
Или ночью близь полуночи?
Я тогда бы, разнесчастная,
Спать не стала въ это времячко,
Я сидѣла бы, несчастная,
Укосякчота окошечка,
Я глядѣла бы въ сторонушку,
Въ луговую полуденную,
Что ко Дмитрію къ Солунскому.
Я узнала-бы, несчастная
Изъ далека ладу милую,
Середь поля, середь чистаго,
По за рѣченькѣ изгибается,
Въ зеленомъ лугу широкомъ
Подъ туманомъ бы подъ утреннимъ,
Подъ тьмою ли вечернею,
При звѣздахъ ли въ ночку свѣтлую, —
Я узнаю тебя, сокола,
По походочкѣ постатною,
По бѣлу лицу румяному.
Я бы вышла, тебя встрѣтила,
Середи поля широкого,
Середи луга зеленаго,
Возлѣ рѣченкѣ на бережкѣ,
Я бросилась бы, несчастная,
На твою па грудь высокую,
Залилась бы горючимъ слезамъ;
Я сказала бы словечушко:
Гдѣ взялась ты, лада милая?
Я взяла бы, лада милая,
За бѣлы тебя, за рученьки,
Привела бы въ сиротскій домъ,
Ко сиротамъ бы, милымъ дѣтушкамъ,
Посадила бы къ окошечку,
Ко переднему, къ косякчотому;
Посадили бъ рядомъ дѣтушекъ,
Я сама бы сѣла супротивъ,
Передъ очи па скамеечку, —
Залилась бы я, несчастная,
Горючимъ слезамъ, рыдаючи,
Стала бы разсказывать
Про свое житье, сиротчество. . .

Нѣтъ! не быть тому, не видывать
Мнѣ во вѣки ладу милую!
Не всплывать камню поверхъ воды,
Не бывать веснѣ середь зимы,
Не цвѣсти травонькѣ по снѣгу, —
Моя радость не воротится!
Раньше старость подвигается..
Не придешь ты, ладо-милая,
Ко мнѣ въ гости, молодехонькѣ
И ко малымъ своимъ къ дѣтушкамъ.
Не вставать-то ладѣ милому
Изъ сырой земли-то матушки,
Не видать-то свѣта бѣлаго,
Солнца краснаго весеняго.
Что изъ той-то изъ сторонушки
Нѣтъ не выходу, ни выѣзду.

Похоронивъ покойника, родные возвращаются въ домъ, гдѣ приготовляется обѣдъ. Непремѣнною обязанностью считается послѣ смерти покойника помянуть его хлѣбомъ-солью. Чѣмъ больше бываетъ за обѣдомъ народу, тѣмъ лучше. Иногда у богатаго крестьянина за столомъ на поминкахъ сидитъ все селеніе—малые и старые. Возвратившіяся отъ свѣжей могилы жена или дочери умершаго, причитаютъ слѣдующій причетъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Моя радость ты великая!
Подойди, моя жаланная,
Къ столамъ ты къ дубовыимъ,
Ко скатеркамъ самобраныимъ,
Ко всѣмъ сродничкамъ, пріятелямъ,
Ихъ попотчуй-ка, родимая,
Сладкимъ яствами...
Помянули бы, болѣзные,
Мою ладу милую.
Не прогнѣвайтесь, болѣзные,
На меня, на горемычную,
Что не потчую васъ хлѣбомъ-солію, —
Что отъ горя-то отъ великаго
Мои ноги-то подкосилися,
Бѣлы руки-то опустилися,
Помутился умъ со разумомъ.
Вы подумайте, болѣзные,
Какъ мнѣ жить-то, молодехонькѣ,
Безъ своей-то лады милыя,
Со малыми дѣтками съ глупыми?
Вѣдь малымъ онѣ малехоньки,
И глупымъ онѣ глупехоньки!
Я открою-ко окошечко:
Не летитъ ли лада-милая
Перелетной вольной пташечкой,
Иль сизымъ орломъ въ поднебесьи?
Я къ нему бъ, вдова, заплакала,
Чтобы сѣлъ онъ на окошечко
И послушалъ, какъ я, горькая,
Слезы лью съ своимъ сиротушкомъ.
Какъ придетъ-то зима вьюжная
Со морозами съ стрекучами,
Со снѣгами-то со бѣлыми —
Назноблюсь я, лада милая,
Безъ тебя, безъ ясна сокола.
Какъ разстаютъ снѣги бѣлые,
Протекутъ-то рѣки быстрыя,
Какъ придетъ-то весна красная,
И придетъ-то лѣто теплое
Съ работушкой съ тяжелою:
Какъ пойдутъ-то люди добрыя
На работушку на страдную, —
Всѣ пойдутъ мои товарочки
Со своими ладамъ милыми, —
Имъ работушка тяжелая
Не тяжелою покажется.
Я возьму, млада младехонька,
На работу на тяжелую
Своихъ дѣтокъ малыихъ.
На работѣ всѣ товарочки
Веселымъ-то веселехонько,
Я то, горемычная,
Лишь зальюся горючимъ слезамъ.
Я косить буду, несчастная,
Тупой косой траву шелковую.
Вся трава-то зеленехонька,
Всѣ цвѣты кругомъ алехоньки.
Докошусь я, разнесчастная,
До одного цвѣтка до блеклаго, —
Я надъ нимъ-то разстоскуюся
И зальюся горючимъ слезамъ:
Знать-то этотъ блеклый цвѣточекъ
Не расцвѣлъ, пресохъ безъ времени.
Этотъ цвѣтокъ — лада милая!
Не пора бы, лада милая,
Не пора бъ тебѣ, не времячко
Умереть лежать въ сырой землѣ.
Я возьму жъ этотъ цвѣточекъ
На свои на руки бѣлыя,
Принесу его въ сиротскій домъ.

Хоронить покойника слѣдуетъ въ той самой рубахѣ, въ которой онъ умеръ, или же положить эту рубаху съ нимъ въ гробъ.

Умершаго обмываютъ водою, причесываютъ, надѣваютъ на него новое, нарочно сшитое, бѣлье, которое и называется *бѣлье на смерть*, поверхъ рубахи надѣваютъ саванъ (изъ полотна), на ноги надѣваютъ башмаки, сшитые изъ сукна, или лапти. Если башмаки окажутся широки, или саванъ длиннымъ, то это предвѣщаетъ новаго покойника.

Оставшіяся отъ шитья нитки и обрѣзки должно положить во гробъ къ покойнику; также кладутъ ему туда въ головы вѣнокъ.

Перваго умершаго въ домѣ покойника слѣдуетъ выносить изъ дома не въ дверь, а въ окно.

Когда покойника выносятъ изъ дому, то впередъ посылаютъ кого-нибудь съ обрѣзкомъ холста или полотна (аршина въ два) и этотъ обрѣзокъ отдаютъ первому встрѣчному, что и называется «первой стрѣчей». Думаютъ будто съ этимъ покойникомъ и встрѣтится на томъ свѣтѣ принявшій встрѣчу.

Если при отпѣваніи покойника въ церкви, во время кажденія выпадетъ изъ кадила уголь, то быть еще въ томъ домѣ въ скоромъ времени покойнику.

Когда покойника выносятъ изъ дома, то не останавливаются, потому что остановка предвѣщаетъ еще покойника.

Отцу не слѣдуетъ выносить изъ дому своихъ умершихъ дѣтей, потому что тогда ему придется видѣть всѣхъ своихъ дѣтей умершими прежде себя.

По выносѣ изъ дома метутъ избу и соръ весь сжигаютъ въ печкѣ, чтобы не бояться покойниковъ.

Если умирающій долго мучится предсмертными муками, то спрыскиваютъ святою Богоявленскою водою его и все его окружающее, — для того, чтобы дьяволы отлетали прочь отъ умирающаго и не мѣшали ангелу Господня взять его душу.

Душа умершаго человѣка каждодневно посѣщаетъ свое жилище и всѣ тѣ мѣста, гдѣ она бывала и дѣйствовала. Ангелъ ее носитъ и показываетъ ей хорошія дѣла, а дьяволъ худыя. Поэтому въ продолженіе 40 дней и творятъ поминовенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда вывѣшиваютъ изъ окна (къ переднему углу) избы на улицу полотенцо, или просто тряпку, которую, по истеченіи сороковаго дня бросаютъ на воду — въ рѣку или прудъ и т. п. Это дѣлается для того, чтобы душѣ покойника, умывающейся каждый разъ по возвращеніи въ домъ, было бы чѣмъ утереться.

По истеченіи сорока дней душа умершаго садится въ уготованное ей на томъ свѣтѣ мѣсто: Если душа была праведная, то она садится въ свѣтлое мѣсто, если же не праведная, — то въ темное.

Въ разные дни года, какъ-то: въ родительскія субботы, въ день смерти, въ день тезоименитства родственники умершаго совершаютъ по немъ поминки: служатъ панихиды, ставятъ свѣчи, затепляютъ лампады, подаютъ нищимъ пироговъ и разнаго рода милостыни. Въ эти дни и въ церковь носятъ пироги, которые и отдаютъ церковнослужителямъ. За всѣ подобныя поминовенія и подачки покойникъ, если душа его оказалась въ темномъ мѣстѣ, получаетъ отраду и видитъ свѣтъ. Поминаютъ умершихъ особенно за блинами и киселемъ съ медомъ. Безъ киселя и поминки не въ поминки. Поминальныя трапезы по умершимъ весьма распространены въ нашемъ уѣздѣ и очень чтутся народомъ.

Душа утопившагося или удавившагого проваливается въ тартарары.

На могилы умершихъ во время поминовенія сыплютъ разныя хлѣбныя зерна, — жита, овса и ржи — для птицъ. Если умершій умеръ насильственной смертью: отравился, удавился или задушился, то птицы не тронутъ насыпанныхъ зеренъ. Обычай кормить птицъ во дни поминовенія усопшихъ тоже весьма распространенъ среди крестьянскаго населенія нашего уѣзда. Многіе говорятъ, что птица небесная лучше помянетъ покойника, чѣмъ человѣкъ.

Въ заключеніе еще одинъ причетъ по отцѣ дочери, оставшейся съ мачихой.

2537.

По тиху, по позду по вечеру,
Была на милой на сторонушкѣ,
У своего да у родителя батюшки.
Сидѣла я на мягкихъ пуховыхъ перинушкахъ
И проспала крѣпкаго благословеньица.
Какъ я встала по утру ранешенько, —
Пришла нерадостная вѣсточка,
Нерадостная вѣсточка, не веселая:
«Нѣтъ во живности родителя батюшка!»
По малешеньку иду да потихошеньку
На свою на родиму на сторонушку.
Не гнутся подо мной ножки рѣзвыя,
Не глядятъ мои очи ясныя,
Не вздымаются мои ручки бѣлыя,
Пріупывъ стоитъ высока горница,
Позаплакались окошка косящаты,
Приразсыпалась частоступчатая лѣсенка.
Взошла я во сѣни во новыя, —
Призаплакались стѣнки сосновыя,
Оглядѣлась на народъ да на крещенный:
Погляжу по новой высокой горницѣ...
Гдѣ же доброхотъ мой, родитель батюшка?
Онъ сряженъ лежитъ, обряженъ

Въ умиральнo платье цвѣтное.
И я сѣла тутъ къ родителю батюшкѣ
Подъ правое крылышко,
Стала бужать да родителя батюшку:
«Доброхотъ да родитель батюшка!
Наказалъ-ли ты молодой женѣ,
Моей-ли чужеспальчивой мачихѣ,
Наказалъ-ли пріючать [1]) меня на свою родимую сторонушку
Во свое да тепловатое гнѣздышко?»
Какъ станетъ пріючать меня кормилица-матушка
На свою родимую сторонушку,
Не заростетъ путь-дорожка широкая
На милую сторонушку. —
Есть и малая сестрица родимая —
У насъ съ ней совѣтъ дума да соединая.
Не стала пріючать меня родимая матушка

[1]) Принимать, пріютить.

На свою родимую на сторону, —
И заросла путь-дороженька
Мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ
И частымъ орѣшничкомъ!
Какъ въ веснѣ, по веснѣ красной
Что-то мнѣ почудилось, да послышалось,
Что во темномъ лѣсу, да во березничкѣ,
Во березничкѣ да во орѣшничкѣ:
Тамъ кукуетъ горе-горькая кукушечка,
Тамъ тоскуетъ моя милая сестрица и горюетъ.
Тамъ, видно, стошнилось ей по родимомъ родителѣ;
Видно, не издачна [1]) да чужая сторонушка,
Непохвальна неволя великая.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Е. И. Якушкинымъ.

[1]) Не гостепріимна.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Вар. къ №№ 26 и 27, стр. 9.

2538.

Новгородск. губ. Кирилловск. у.

«Куколка моховая
Гдѣ ночéсь ночевала?»
— Подъ кусточкомъ, подъ березкой.
Шли мужики—скороходы,
Выломили по пруточку,
Сдѣлали по гудочку.
«Вы ли, гудки, не гудите,
Батюшка моего не будите!
Батюшка мой старенекъ,
Матушка молоденька,
Всѣ братья по службамъ,
Всѣ сестры по замужьямъ.
Брата Романа убили,
Подъ колоколъ захоронили,
Кадиломъ покадили,
Просворой помянули.
Некому поплакать,
Некому повоять:
Два волка сѣдатыхъ,
Двѣ свиньи горбатыхъ, —
Тѣмъ нельзя поплакать.

Зап. бывш. ученикомъ Тумбажскаго училища. Сообщ. инспекторъ народн. учил. 5-го района Новгородск. губ. Н. К. Рамзевичемъ.

Достойно вниманія, что во всѣхъ трехъ варіантахъ данной прібаутки, записанныхъ въ мѣстностяхъ, отстающихъ другъ отъ друга на весьма значительномъ разстояніи, упоминается объ убіеніи брата и опредѣленно о мѣстѣ его погребенія: по вар. Валдайскому и Пермскому — подъ колоколомъ, т. е. подъ колокольней, а по Кирилловскому: противъ Спаса-Власо-Пряжи, въ Николы па горки. Едва-ли можно сомнѣваться, что тутъ кроется намекъ на дѣйствительное событіе, которое своей необычайностью произвело такое сильное впечатлѣніе на народъ, такъ поразило его воображеніе, его нравственное чувство, что онъ поспѣшилъ запечатлѣть его въ своемъ пѣснопѣніи для грядущаго потомства. Надо думать, что прежде, когда-то существовали (а можетъ быть существуютъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ и донынѣ) отдѣльныя пѣсни, цѣликомъ посвященныя тому кровавому событію, тусклое воспоминаніе о которомъ дошло теперь до насъ въ осколкахъ дѣтской прибаутки. Если изслѣдователи и бытописатели исторической старины найдутъ нелишнимъ принять къ свѣдѣнію согласное упоминаніе нашихъ варіантовъ о сути означеннаго факта, то имъ, быть можетъ, и удастся доискаться до болѣе подробнаго изображенія означеннаго событія.

Вар. къ №№ 102 и 103 (стр. 22), зап. мною въ Твери.

2539.

Бубенъ, ты бубенъ!
Отдай свою дочку
За нашего князя!
У нашего князя
Трое хоромъ,
Трое сѣней:
Курица ступила —
Сѣни проломили.
Изъ курицы перо,
Покатилося зерно
Подъ Иваново село.
Иванъ съ пестомъ,
Жена съ шестомъ.
Какъ поповы дѣти
Горохъ молотили,
Цѣпи поломали,
За-овинъ покидали.
Попъ погрозился,
Съ палатей свалился,
А поподья съ печки
Приломила плечки,
А пѣтухъ съ полúчки [1])
Проломилъ галúчки.

Вар. къ № 114 (стр. 24). Ряз. губ. Данк. у.

После стиха:
«Онъ играетъ во трубу»
продолжаетъ такъ:
Труба тóченая,
Позолоченная.

[1]) *«Полица* (отъ сл. *полка*), вообще всякая доска придѣланная на ребро къ стѣнѣ или къ поставцѣ, въ шкапу для постановки и поклажи чего». Слов. Даля.

Жена плеточки плететъ,
Сsово мужа продаетъ
За лисицу, за тряпицу,
За лысаго кобеля
За медвѣдя п . . . па.

Къ № 117.

Этотъ № состоитъ собственно изъ двухъ прибаутокъ, изъ которыхъ первая оканчивается 7-мъ стихомъ и есть не что иное, какъ припѣвъ при игрѣ «Захарка». Игра эта практиковалась и практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь. Вотъ что говоритъ про нее Сахаровъ: (стр. 24) (приложеніе).

«Захарка, — игра дѣтская, веселитъ дѣтей и изъ ума выжившихъ старушекъ. Не имѣя ни-одной самобытной идеи, она за то не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Оттого мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливость, указывающую прямо на дѣтскія наивности и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая потѣшить дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарка!
Пріѣхалъ Захарко,
Самъ на тележкѣ,
Жена на кобылкѣ,
Дѣти на санкахъ,
Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и сбираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу позабавиться «захаркою.» Сахаровъ: сказ. р. н. т. I, стр. 84.

Изъ новѣйшихъ этнографовъ Е. А. Покровскій въ своей книгѣ: Дѣтскія игры, преимущественно русскія» (стр. 354) сообщаетъ слѣдующее объ этой игрѣ: «Захарка. Игра ведется почти исключительно въ лѣсныхъ губерніяхъ, между маленькими дѣтьми въ длинные осенніе или зимніе вечера. Для этого они собираются въ какую-нибудь пустую избу, въ отсутствіе стариковъ изъ дому, берутъ пукъ лучины, зажигаютъ его отъ свѣтца, т. е. той подставки, въ которой укрѣпляютъ лучину для горѣнія, даютъ каждому по лучинкѣ и каждый, махая по воздуху, сначала горящей, а потомъ превратившейся въ красный уголь, лучинкой, приговариваютъ на распѣвъ: «Гори, гори ярко и т. д. безъ перемѣны. Это повторяется до тѣхъ поръ пока лучинка не превратиться въ черно-красный уголь. Затѣмъ и снова зажигаютъ и повторяютъ тотъ-же припѣвъ до тѣхъ поръ, пока вся лучина сгоритъ. Ср. также выше, № 269 описаніе игры «Курилка».

Къ № 118 (стр. 25). По вар. изъ Тульской г., Крапив. у., Ясная Поляна. Послѣ стиха:

«Я по курочкѣ цѣпомъ» продолжается такъ:

Она къ верху зобомъ,
Завертѣлась колесомъ.
Воробей пищитъ,
Сто рублей тащитъ.

Вар. къ № 280. (Изъ с. Вапины, Зарайскаго у. Ряз. губ.

Около больн. няни играющія дѣти поютъ такъ:

Костромужка Кострома!
«Ай канупъ до свѣчи,
Да горячи блины,
Пошенишны пироги».

Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ такой:
«Живъ-ли Костромушка?»
— Боленъ.
Опять сначала и опять:
«Живъ-ли Костромушка?»
— Выздоравливаетъ.

Въ третій разъ на этотъ вопросъ отвѣчаютъ: «всталъ».

Въ четвертый «пошелъ».

Сообщ. учит. народнаго училища Кедровъ. Ср. также описаніе этой игры у Покровскаго «Дѣтскія игры», стр. 197—198.

Во II отдѣлѣ этого сборника (стр. 367—371) читатель вѣроятно ужъ обратилъ свое вниманіе на подробное описаніе «обычая хороненія Костромы» (въ Муромск. у. Владимірской губ.), откуда онъ могъ увидѣть что загадочная современная дѣтская игра Костромы есть не что иное какъ убогій только обломокъ ритуальнаго обряда глубокой языческой древности.

Въ 1858 г. я записалъ отъ одной няни Корчевск. у. (Тверской губ.) еще слѣдующій варіантъ,

составляющій, какъ видно, только отрывокъ изъ неизвѣстнаго намъ цѣлаго:

Костромушка, кострома,
Государева жена!
На костромушки блинки,
Блинки съ творожкомъ,
Кисель съ молочкомъ.

—

Ложки крашеныя,
Ложки гнутся,
Носъ трясется,
Сердце радуется.

По смыслу здѣсь кострома означаетъ какъ будто какую-то кухонную посуду, въ родѣ сковороды, или кострюльки. Въ Петрозаводск. у., Олонецкой губерніи: «Кострома»—растущая во ржи сорная трава (плевелы): «Сей годъ во ржи костромы много.» Дополнен. къ «Опыту великорусскаго областнаго словаря.»

Послѣдній вар. можетъ служить новымъ доказательствомъ, что пѣсня, разъ вырванная изъ рамки своей исконной обрядности съ теченіемъ времени то и дѣло сокращается, видоизмѣняется до неузнаваемости и наконецъ примѣняется къ обстоятельствамъ далеко ей несроднымъ, что еще болѣе выясняется изъ слѣдующаго примѣчанія.

Къ №№ 222—229 (стр. 38—39).

Въ сборникѣ «Дѣтскихъ пѣсенъ» Безсонова два варіанта этихъ прибаутокъ отнесены къ числу тѣхъ, которыя дѣвочки распѣваютъ, играя въ куклы, и озаглавлены: «Куклы ходятъ въ гости, ихъ потчуютъ.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти же прибаутки поются деревенскими нянями при убаюкиваніи и укачиваніи дѣтей. Но по большинству имѣющихся у меня варіантовъ этихъ прибаутокъ выходитъ, что они практикуются дѣтьми, владѣющими уже въ достаточной степени родной рѣчью, при играхъ, въ видѣ жеребьеваго приговора, такъ называемаго *конанья*, почему я ихъ и помѣстилъ въ этотъ разрядъ.

По замѣчанію Н. С. Хомякова въ предисловіи его «Къ русскимъ пѣснямъ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго», напечатанныхъ въ I т. Московскаго Сборника (М. 1852 г.) наша прибаутка является пѣснею колыбельною. Замѣчаніе это, интересное само по себѣ, мнѣ показалось такъ поучительнымъ для изслѣдователей русской народной словесности, что считаю необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ, т. е. вмѣстѣ съ относящейся къ нему выноской:

«Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Такъ напримѣръ однажды, входя въ комнату, въ которой кормилица, родомъ изъ сельца Солнушкова, Московской губерніи, укачивала мою дочь, я услышалъ такую колыбельную пѣсню, которая меня удивила. Слова ея мною были записаны, и вотъ ея содержаніе:

Ребенокъ зоветъ другого ребенка играть и веселиться вмѣстѣ:

«Ты куколка, я куколка,
Ты маленькая, я маленькая.
Приди ко мнѣ въ гости.»

Другой отвѣчаетъ:

«Я радешенька-бъ пошла,
Да боюся тіуна.»

Первый возражаетъ:

«Ты не бойся тіуна, —
Тіунъ тебѣ не судья,
Судья намъ Владыка.»

Переданное въ такомъ обрывочномъ видѣ содержаніе этой старобытной интересной пѣсенки весьма естественно вызвало во мнѣ желаніе познакомиться съ нею въ цѣломъ ея составѣ. Это мнѣ удалось только въ концѣ 50 годовъ, благодаря обязательнѣйшей любезности покойнаго И. С. Аксакова. Какъ я только заговорилъ съ нимъ объ упомянутомъ предисловіи Хомякова, онъ вспомнилъ тотчасъ, что по поводу его ему было прислано изъ Ростова замѣчаніе съ полнымъ текстомъ искомой мною пѣсни для помѣщенія во второмъ томѣ, приготовленнаго для печати (и запрещенномъ цензурой), Московскаго Сборника и съ полнымъ радушіемъ предложилъ мнѣ списать для себя, если желаю, все письмо почтеннаго Ростовскаго купца, но не иначе какъ тутъ же, въ его комнатѣ. Я, разумѣется, незамедлилъ воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ. И вотъ это письмо въ пересказѣ редакціи Сборника.

«На дняхъ мы получили—письмо изъ Ростова[1]) отъ почетнаго гражданина П. В. Хлѣбникова, который сообщаетъ намъ, что эта пѣсня поется и до сихъ поръ въ Ростовскомъ уѣздѣ, но тамъ она не колыбельная. Тамъ она составляетъ особенный родъ игры, въ которую играютъ маленькія дѣти и преимущественно дѣвушки. Дѣти становятся въ кружокъ,—одинъ изъ нихъ выступаетъ на середину круга и начинаетъ говорить пѣсню:

2540.

«Ты куколка,
«Я куколка;
«Ты маленькая,
«Я маленькая, —
«Гдѣ ты была?»

[1]) Ярославской губ.

— У вечерни пробыла.
«Что ты въ гости не пришла?»
— Боялася теуна.
«Теунъ тебѣ не судья, —
«Судья владыка.»
Владыковы дѣти,
Хотятъ улетѣти....
Шишелъ [1]) вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Стоящій въ серединѣ круга при первомъ стихѣ дотрогивается рукою до одной изъ составляющихъ кругъ, при второмъ стихѣ до сосѣда того, до котораго она уже прежде дотронулась и т. д. обходитъ весь кругъ. Тотъ, на которомъ, при послѣднемъ стихѣ: «вонъ пошелъ» остановится его рука, выходитъ изъ круга. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока въ кругу останется всего одинъ. Этого оставшагося начинаютъ дразнить словами: «Окова продѣта! Окова продѣта!» а она обязана всѣхъ переловить. Пойманный дразнить уже не можетъ. Когда уже будутъ пойманы всѣ, то они вмѣстѣ нападаютъ на ловившаго ихъ, начинаютъ его тормошить и щекотать. Тѣмъ и оканчивается игра.

Примѣчаніе редакціи Сборника:

«Ростовцевъ и до сихъ поръ въ народѣ называютъ въ шутку *«оковниками»*. Извѣстно, что въ древнія времена существовала хлѣбная мѣра *«оковъ»* (отъ оковки желѣзными обручами). Въ Ростовскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Хлѣбникова, есть преданіе, будто Ростовцы во время голода, первыя раздѣлили эту мѣру на части: четверть окова составила нынѣшнюю четверть, осьмая часть названа осьминой, а 16 часть—кадью. Впрочемъ, все это не объясняетъ, по нашему мнѣнію, ни значенія словъ: «окова продѣта», ни того, какимъ образомъ попали они въ дѣтскую игру.»

И въ Вологодской губерніи у дѣтей въ ходу эта жеребьевая пѣсенька подобнымъ же образомъ. Вотъ какъ объ этомъ сообщаетъ Н. А. Иваницкій.

«Весной, какъ только первая лужайка растаетъ, въ какой-нибудь праздникъ, собираются дѣти, становятся въ кругъ, а одинъ въ средину. Этотъ послѣдній поворачивается вокругъ себя, дотрогивается каждому до груди и говоритъ: «ты куколка, я куколка, зачѣмъ долго не была? побоялась типуна. Типу, типу, не судья, ради кошеля, шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.» На кого упало слово: пошелъ, тотъ отходитъ до послѣдняго. Кто остался, тотъ бѣгаетъ за другими и ловитъ. Кого поймаютъ, тотъ въ свою очередь долженъ ловить, и т. д.»

Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи. Изв. И. Об. Л. Е. А. и Э. Труды Этногр. Отд. т. XX, вып. а, стр. 159.

«Въ заозерномъ селѣ Угодичахъ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи доселѣ удержался обрядъ завиванія нитокъ, — при чемъ поется пѣсня «Куколка». Правда, въ послѣднее время этотъ обрядъ держится только у малолѣтнихъ дѣвочекъ, тогда, какъ немного лѣтъ тому назадъ, завиваніе нитокъ было обязательно для всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ. Обрядъ этотъ совершается теперь въ Угодичахъ слѣдующимъ образомъ: небольшія дѣвочки собираются въ недѣлю Женъ Мѵроносицъ въ извѣстномъ количествѣ въ домѣ одной изъ нихъ и составляютъ изъ извѣстнаго числа нитокъ кольцеобразно «плетеницу», которую украшаютъ различными лентами и сквозь нее онѣ поочередно цѣлуются попарно, каждая съ избранной своей подругой. Это у нихъ называется «Кумиться». Потомъ онѣ вѣшаютъ эту плетеницу-кольцо секретно отъ другихъ, на малиновый или смородинный кустъ, предварительно избравъ изъ среды себя должностныхъ лицъ: *куму*, *подкумье* и *раскумье*. Въ это время каждая пара имѣетъ все общее между собою (?), не исключая и пищи, которую приносятъ онѣ каждая съ собою, потомъ изъ общихъ припасовъ изготовляютъ для нихъ чай и хорошій обѣдъ и ужинъ. Въ тотъ день, ходятъ онѣ къ обѣднѣ, кромѣ кумы и подкумья, которыя въ это время убираютъ въ тайное мѣсто, извѣстное только имъ двумъ, кольцо-плетеницу. Послѣобѣденное время, до ужина онѣ проводятъ въ разныхъ играхъ, увеселеніяхъ и пѣніи пѣсенъ.

«Это первая половина загадочнаго обряда. Вторая половина заканчивается Троицынымъ днемъ; до обѣдни всѣ, кромѣ кумы—ищутъ спрятанную плетеницу, а нашедши, развиваютъ ленты съ нея и украшаютъ ими березку. Потомъ всѣ идутъ къ обѣднѣ, послѣ которой тоже изъ общихъ припасовъ пьютъ чай, затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда кума беретъ плетеницу, а подкумье разукрашенную лентами березку и всѣ гурьбой съ пѣснями идутъ по улицамъ къ озеру, гдѣ расплетаютъ плетеницу, дѣлятъ ее по частямъ между собою и спускаютъ нитки по воду, выводя изъ этого различныя замѣчанія о своемъ будущемъ [2]).

«Игры, пѣсни, чай и ужинъ заканчиваютъ этотъ таинственный обрядъ. Замѣчательно при этомъ то, что если которая дѣвица отстанетъ

[1]) Въ Ростовскомъ уѣздѣ употребляютъ иногда въ брани названіе *шишелъ*. Х.

[2]) Ср. въ этомъ же сборн. Описанія Вознесенія, Семика и Троицына дня — стр. 342—347.

послѣ первой части обряда и не пожелаетъ участвовать въ другой, то она почитается измѣнницей и въ теченіе всего лѣта имѣютъ ее въ подозрѣніи и не принимаютъ въ свое общество.

Слова пѣсни слѣдующія:

2541.

Куколка, ты куколка!
Не малая — малая.
Зачѣмъ долго не была?
— Бояласе тіуна
Тіунъ тебѣ не судья, —
Судья-то владыка.
Владыкины дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шышелъ вышелъ, —
Вонъ пошелъ.»

Труды Этнограф. Отд. Общ. Люб. Е., Антроп. и Этн. книга VII, стр. 44—5. Сообщ. д. чл. А. А. Шитова.

Къ №№ 238—248 (стр. 41—45).

«*Первенчики*», говоритъ Сахаровъ, «игра дѣвушекъ невѣстъ, есть въ полной мѣрѣ игра отъ нечего дѣлать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сживали съ своими внучками въ свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда, въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое-нибудь занятіе, и вотъ наши бабушки обучали своихъ внучекъ первенчикамъ. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.»

«Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полъ, въ кружокъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою поговаривать:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень!

«Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ, и на который достается слово «выкень», тотъ палецъ и выкидывается. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ, прежде нежели будетъ произнесено роковое «выкень!» Отклоняя такимъ образомъ, приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающіе эту игру, въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чьей останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

«Старушки разсказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали, вмѣстѣ со своими бабушками. Вѣрно, имъ, бѣднымъ, было усладательно!» Сахаровъ: Сказ. р. н., т. I, стр. 77.

Къ №№ 360—362 у Соболевскаго II, 20—204.
— №№ 401—403 » II, 118—123.
— №№ 410—415 » II, 365—370.
— №№ 412—416 » IV, 122—134.
— №№ 419—421 » III, 274—288.
— №№ 422—424 » IV, 224—225, 286.
— № 425 » IV, 764—771.
— № 433 » I, 166—169.
— №№ 434—436 » I, 51, 54—57.
— №№ 438—443 » II, 561 — 570. См. также замѣчанія Т. И. Филиппова въ его Сборникѣ, стр. 31—34.
Къ №№ 444—447 у Соболевскаго III, 150—154.

2542.

Вар. къ № 447. Владимірск. губ., Покровскаго уѣзда, с. Арханино.

Разметемъ лужокъ,
Заведемъ кружокъ —
Круги заводить,
Пѣсни запѣвать,
Дѣвокъ выбирать.
Дѣвокъ выбрали,
Коней выдали, —
Моему дружку
Коня не дали.
«Ужъ ты милъ мой,
Милъ душа моя!
Какъ мнѣ жаль тебя,
Все не какъ себя.
Заложи меня,
Да купи коня, 2
Поѣзжай въ службу.
Въ службѣ выслужишь,
Меня выкупишь,
За себя возьмешь.»
Всѣ князья-друзья
Съ войны ѣдутъ,
Моего дружка
Въ завѣтѣ нѣтъ.
Одинъ конь бѣжитъ,
На немъ явь лежитъ, 2
Черна пухова шляпа.
Въ пуховой шляпѣ лежитъ
Мой шелковъ платокъ.
Мнѣ не жаль платка,
Что онъ въ шляпѣ носится

Только жаль дружка,
Что съ иной онъ водится.
Съ которой водится,
Съ той цалуется.

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ.

Къ №№ 452—455 у Соболевскаго. II, 624—632.
Къ №№ 462—463 »
Къ №№ 466—473 » I, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 549—550 } » II, 493—496.
Къ №№ 553—554 }
Къ №№ 566—568 » II, 49, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 606—604 » II, 590—599
Къ №№ 612—613.

2543.

Вар. изъ Владим. г. Покровск. у.

Наварю я пива пьяново,
Накурю вина зеленова,
Напою я мужа пьянова,
Повалю его среди двора,
Завалю его соломою,
Подожгу его лучиною,
Сама выбѣгу на улицу,
Закричу во всю Ивановску:
«Не видали ли, какъ туча шла?
Не слыхали ли, какъ громъ гремѣлъ?
Мово мужа убило грозой,
А меня, младу, помиловала:
На печи въ углу валялася
Вся въ сажѣ перемазалася,
Меня туча испугалася,
Назадъ туча воротилася.»

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ. Ср. у Соболевск. III, 139—142.

Къ №№ 614—615 у Соболевскаго IV, 157—161.
Къ №№ 627—628 » II, 347—351, 353.
Къ № 692 » IV, 404—409.
Къ №№ 693—694 » IV, 374—382.
Къ №№ 709—712 » II, 205—212.
Къ №№ 730—732 » II, 29—294.
Къ №№ 750—753. Толкованіе смысла этой *канибальской* пѣсни см. въ сочиненіи профессора Л. Воеводскаго: «Канибализмъ въ греческой миѳологіи», стр. 62—63. При этомъ нужно замѣтить, что въ Тимск. у. Курск. губ. эта пѣсня поется скорымъ темпомъ и подъ ней пляшутъ.
Къ № 755 у Соболевскаго V, 223—231.
Къ №№ 765—766 у Соболевскаго V, 177—183.
Къ №№ 775—777 » III, 500—503.
Къ №№ 778—780 » III, 483—488.
Къ №№ 781—782 » V, 104.
Къ №№ 797—801 » I, 442, 444, 448.
Къ №№ 812—820 » I, 449—463. Срав. также въ моихъ «Матер. для изученія быта и яз. русск. населенія С.-З. края». Т. I, ч. I, 177, и мой же сборн. «Бѣлор. народн. пѣсни». №№ 158 и 159, тамъ же 395.

Къ №№ 821—827, стр. 216—219. (Отравленіе брата) у Соболевскаго т. I, стр. 140—143, 145—146. Вар. бѣлорусск. см. въ вышеназван. моихъ: «Матеріалахъ» т. I, ч. I, №№ 543—544.

Вар. малорусскія:

2544.

— Ой дівчино, дівчинонько!
— Люби мене молодого:
— Будешъ мати мужа свого!
«Ой якъ мині тебе любить,
Братъ приіде, то буде бить!»
— Иструй братіка рідного:
— Будешъ мати миленького! —
«Якъ не знаю, коли умру,
«Такъ не знаю, чимъ счарую.»
— Ой у полі калиноньба,
На калині гадиноньба:
Підставъ, дівко, коновочку
Підъ гадючу головочку.»
Якъ набрала тй чари —
И тимъ брата чаровала.
Еще братікъ у дорозі —
А вже чари на порозі,
Тілько братікъ приізджае,
Сестра къ брату виходжае.
Братъ до сестри дароньками,
Сестра къ брату чароньками.
— Ой на, сестро, уберися:
— Иди до саду проходися. —
«Ой напийсь, братку, пива
Шо я сама наварила.»
Якъ, братікъ, пива напився —
Зъ кониченька вироного,
Зъ сіделечка золотого.
«Иди, братку, до комнати,
Въ білу постіль—ставъ канати.
Стала дівча листъ писати:
«Ой до менѐ, дворанине!
«Бо муй братікъ марно гине.»
— Дурная дівчина,
— Рідного брата струіла:
— Струіла-сь брата родного,
— Струішъ мене молодого.
Не пошла дівка за казака,
Тілько пошла за жебрака.
Жебракъ ходить, хліба просить,
А дівчина торбу носить.
Кусокъ хліба вложить въ торбу,
А дівчину вдарить въ морду.
Повій, вітре буйнесенькій,
На мой розумъ дурнесенькій.

Примѣч. Слово *чары* означаетъ часто, какъ и здѣсь, ядъ. Южноруссы думаютъ, что знаніе ядовитыхъ свойствъ вещей пріобрѣтается знакомствомъ съ злыми духами.

Народн. пѣсни, собр. въ западн. части Волынской губ. въ 1844 г. Н. Костомаровымъ, напечат. въ Малорусск. Литерат. Сборникѣ Д. Мордовцева 1859 г. стр. 217.

2545.

Минской губ. Пинскаго у.

«Чому дѣвче пышно ходишъ?
«Чому ко мни не заходишъ?
— Якъ же мни выходити,
— Маю брата, буде бити
«Счаруй брата, счаруй свого,
«То матимешъ мужа молодого.»
— Да кабъже я зелье знала,
— Тобъ я его счаровала. —
«Скажу теби, дѣвче, чары:
«Ой у лузи надъ водою
«Стоитъ гадюкъ зъ гадиною.
«Подай, матцы, коновочку,
«На гадину головочку.
«А якъ пойде ропа зъ рота,
«То и счаруешъ свого брата.
— Нема брата теперь дома,
— Поѣхавъ гдѣсь у дорогу.
«Коли нема брата въ дому,
«Поставъ чары на порогу.»
Братъ зъ дороги прыѣзджае,
Сёстра зъ пивомъ выходжае,—
Братъ до сестры зъ радоньками,
Сёстра къ брату зъ чароньками:
«Гдѣ ты, братко, забавивса?
«Возьми пива напитися,
«Що я сама наробила.»
— Выпiй, выпiй, сестро, сама,
— Яжъ баюса, кобъ не здрада.
«Яжъ, братко, сама пила,
«Да-й для цебе оставила.»
Взявъ братко да и напивса,
Да-й за серцо ухопивса. —
Изъ коника извалився
— Ой що то, сестро, за пиво,
— Що за сердечко вхопило? —
Ой лыжъ, браце, и проспися,
— Проспавшыся, ще напiйся.
Ой ще брата не сховала,
До Свербины листы слала:
«Ой Свербино, Свербинонько,
«Возьми мене, дѣвчыноньку!
— Я не хочу тебе брати,
— Колы умѣешъ чаровати;
— Счаровала брата свого,
— То счаруешъ мужа молодого.
«Повинь, витре, найбуйнiйшы,
Тожъ мой розумъ найдурнiйшы!
Повинь, витре, буйнесеньки,
Тожъ научывъ дурнесеньки!
Повинь, витре, найтужышы,
Бывъ у мене братъ найвѣрнѣйшы!
Ой ни брата, ни козака.»
Пошла дѣвче за жебрака;
Жебракъ ходитъ, жебракъ проситъ,
За имъ дѣвче торбы носитъ. —
Въ ее торбы за плечыма,
Завше слёзы подъ очыма.

Изъ книги Р. Зенкевича: Piosenki gminne ludu pińskiego стр. 330.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodni české písně a řikadla, str. 477.

2546.

Sestra travička.

Stojí hruška v šírém poli,
pod tou hruškou kámen bílý.
Pod kamenem zlatý prsten,
skrz ten prsten tráva roste.
Kdo tu trávu žíti bude,
zlatý prsten nosit bude.
Žala ji tam moje milá,
prstenu přec nenosila.
Jeli tudy cizí páni:
«Pojed, holka, pojed' s námi!»
«Já bych s vámi ráda jela,
kdybych bratra já neměla.»
«Bratra můžeš otráviti,
s námi můžeš předce jíti.»
«Kterak bych ho otrávila?
Ját' se tomu neučila.»
«Idi do háje zeleného,
najdeš hada jedového.
Uvař mu ho v teplém mlíce,
on ti skoná v malé chvílce.»
Už bratříček z lesa jede,
javorové dřevo veze.
«Pojd', bratříčku, k snídaničku,
přichystala jsem rybičku.»
«Iaká, sestro, to rybička,
bez hlavičky, bez ploutvíčka?»
«Hlavičku já posnídala,
a ploutvíčka kočka vzala.»
A když bylo po snídaní,
bratr má se k umírání.
«Idi, sestřičko, pro vínečko,
at' okřeje mé srdéčko.»
Nabrala mu vody z louže:
«Pí, bratříčku, to zpomůžc.»
A když bylo po obědě:
«Běda, sestro, zle je, zle je!
Podej, sestro, poduštičku,
at' položím svou hlavičku!»
Podala mu tvrdý kámen:

«spi, bratříčku, s Kristem pánem!»
A když bylo po večeři,
přijeli tam tři lékaři.
«Ó vy páni lékařové,
probodněte srdce moje.
Tělo dejte pod kamení,
at' ten oheň více není.
A z kamení do kostnice,
at' ta bolest není více.»
Ieden den ho pochovala,
a druhý den psaní psala:
«Přijed', milý bez prodlení,
už je bratr otrávený.»
«Když jsí bratra otrávila,
ani mne bys nešetřila.»
«Ouvej Bože, jaké hoře!
nemám bratra ani muže.
Bratra jsem si otrávila,
a muže jsem nenabyla!»

Z Berounska.

2547.

Pásla Iuda, pásla pava
od večera až do rána.
Přijel-tě k ní šelma Němec:
«Dej, Iudýtko, dej ten věnec!»
«Já ti věnec nemohu dát,
mámt' já bratra, ten je voják.»
Bratra můžeš otráviti,
mne si za manžela vzíti.»
«Iak pak bych ho otrávila?
ját' se tomu neučila.»
«Idi do lesa jedlového,
najdeš hada jedového.
Usekni mu jen hlavičku,
přistroj mu ho za rybičku.»
Bratr z vojny domů jede,
čtyry koně vrané vede.
«Dej koníčky do maštale,
máš tam ryby přistrojené.»
«Iakě, sestro, máš rybičky
bez hlavičky—bez ploutvičky?»
«Hlavičky jsem usekala,
a ploutvičky kočce dala.»
A když bylo po snídaní,
brabr má se k umírání.
«Ovej, sestro, hlava bolí!
vem šáteček, zavaž mi ji.»
«Kdybych chtěla vázat hlavu,
nedala bych jídla z hadů.»
«Podej, sestro, poduštičku,
at' vypustím svou dušičku!»
Podala mu tvrdý kámen:
«Umři, bratře, umři na něm!»
Už bratrovi hrany zvoní,
a Iudýtku kati honí.
Už bratříčka k hrobu nesou,
a Iudýtku kati vedou,
Už bratříčka ve hrob kladou,
a Iudýtku kolem lámou.

Z Hradecka.

2548.

Žala holka, žala trávu
na tom podviničném stavu.
Ieli tudy cizí páni:
«Pojed: holka, pojed' s námi.»
«Iá bych s vámi ráda jela,
kdybych bratříčka neměla.»
«Zav se, holka, bratra svého,
dej mu hada jedového.»
Už bratříček z vojny jede,
čtyry koně s sebou vede.
A pátý hop! na provodě:
«Iseš-li, sestro, na svobodě?»
«Isem, bratříčku, na svobodě,
jako ryba v čerstvé vodě!
Na, bratříčku, snídaničku,
dřipravila jsem rybičku.»
«Iaké, sestro, máš rybičky:
bez ploutviček, bez hlavičky!»
«Iá hlavičky sama snědla,
a ploutvičky kočka zvedla.»
Po snídaní hlava bolí:
«Pojd', sestřičko, zavaž mi ji!»
«Kdybych chtěla hlavu vázat,
nechtěla bych jedu dávat!»
«Idi, sestřičko, do lednice,
natoč vína do sklenice.»
Než sestřička s vínem přišla,
už z bratříčka duše vyšla.
«Ouvej, kde jsou moje růže!
nemám bratra ani muže:
Bratra jsem si otrávila,
a muže jsem nenabyla!»
Rozpletta si dva rulíčky,
vypletla z nich dva nožíčky:
Iedním hrobek vykvpala,
druhým krček podřezala.

Z Budějovicka. Srov. Čel II, 49. III, 9, 76, 108; Suš. 167; Kol. II, 32; Žeg. P. 81, 82; Vojć. 1, 71, 232, 289: Karadž. 1, 215; Kukulj. 1, 214; Sachar. IV, 7.

Приводимъ указанный Эрбеномъ вар. изъ В. Караджича, какъ болѣе подходящій къ нашему вар. подъ № 827. Первый, по всей вѣроятности послужилъ канвою для послѣдняго.

Вар. сербск. Караджичъ, т. I, стр. 215.

2549.

Сестра-отравительница.

Солнце закатилось межъ двухъ лѣсистыхъ горъ,
Парень лежитъ между двухъ дѣвушекъ,
Одну онъ цѣлуетъ, а другую не цѣлуетъ.
Но говоритъ краса дѣвица:
«Цѣлуй и меня, парень неженатый!»
Ей говоритъ парень неженатый:
«Ябы тебя цѣловалъ, краса дѣвица,
«Но боюсь твоего брата [1])
«У тебя братъ-большой ссорщикъ (спорщикъ),
«Куда-бы онъ ни пошелъ, онъ начинаетъ ссору.»
Когда услышала это краса дѣвица,
Она пошла въ зеленый лѣсъ,
Тамъ она переворичиваетъ камни и деревья,
Пока ни нашла змѣи-отравительницу (ядовитую),
Заколола (убила) ее золоченнымъ перстнемъ,
Наточила полстакана яду,
Остальное наполнила виномъ
И дала его своему родному брату.
Такъ и отравила своего брата
И пошла она къ парню неженатому:
«Поцѣлуй и меня, парень неженатый,
«Я отравила своего брата!»
Но говоритъ парень неженатый:
«Ступай отсюда (вонъ), отравительница!
«Если ты своего брата отравила,
«Отравишь и меня, юнака.» —

Перевелъ съ сербскаго П. А. Кулаковскій.

Къ №№ 841—845 у Соболевскаго III, 47—56.
Къ №№ 846—859 » III, 19—32 Срав. также въ моихъ «Матеріал.». Т. I, ч. I, №№ 479—485.
Къ №№ 858—864 у Соболевскаго II, 414—420.
Къ №№ 875—886 » I, 25, 27, 29, 37, 42. 44—49.
Къ №№ 888—889 » II, 53, 120—121, 124. Ср. также въ «Матеріал.». Т. I, ч. I, № 534.
Къ №№ 890—894 у Соболевскаго I, 126—130. Срав. Шейна «Матеріалы». Т. I, ч. I, №№ 537—539.
Къ №№ 900—902 у Соболевскаго III, 123—130.
Къ №№ 903—906 » I, 96—121.
Къ №№ 907—909 » I, 96—123.
Къ №№ 910—911 »
Къ №№ 923—926. Ср. въ моихъ «Матеріалы». Т. I, ч. I, 646—647. Тамъ же, на стр. 581—583 читатель найдетъ небольшую историко-литературную замѣтку касательно животнаго эпоса.
Къ №№ 954—957. Ср. въ тѣхъ же: Матеріалы т. II, № 103 (стр. 221) сказку: «Недовольный мужъ и хитрая жена.»

Къ №№ 967—970: «Пошла коза по орѣхи.»

О распространеніи сородичей этой пѣсни среди другихъ европейскихъ народовъ и нѣкоторыя соображенія о ея первоисточникѣ читатель найдетъ въ «примѣчаніяхъ и дополненіяхъ» ко II тому назван. «Матеріаловъ».

—

Вар. къ №№ 971—974.

2550.

Новгород. губ., Кирилов. у., с. Нефедовское.

Козликъ.

У бабушки старушки,
У дѣдушки Варюшки
Быў козелъ.
«Бабушка старушка,
Дѣдушка Варюшка,
Спуститё погулять!
Я вамъ воўка убью,
Жеребёнка страцю»...
Побѣжалъ козелъ
По борку, по торгу,
По верстеўку.
На стрйцю козлу
Бѣло да мохнато,
Глаза выпуціў.
Тутъ испугаўся козелъ,
Подъ кусточекъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепетъ,
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ
Какъ виницкомъ.
Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать—не улёжать,
Да бѣжать не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли, жидовинъ —
Овецей скоть, собацей бѣготь?»
— «Ой ты, глупый козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў,
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў,
Ты звирей не видаў?
Я заюшко, я биленькой
Пуцёглазенькой.
Опеть побѣжалъ козелъ
По торгу, по торгу
По веретеўку.

[1]) Собственно: несмѣю со страха предъ твоимъ братомъ:

На стрицю козлу —
Лисо да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ,
Подъ кустикъ упаў:
Головою рвётъ,
Ногами тепётъ,
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ.
        Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать — не улёжать,
Да бѣжать — не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воўцекъ жидовинъ —
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— «Ой, ты глупый козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў,
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў;
Звирей не видаў?
— Я лисанька довгофостая,
        Кромофостая.»
Опеть побѣжаў козелъ
По торгу, по борку,
        По веретеўку.
На стрицю козлу —
Цёрно да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ,
Подъ кустикъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ —
Какъ добрый конь,
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ.
        Да вирю, вирю — вирю!
Да лежать — не улежать,
Да бѣжать — не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ
У тебя поспрошать:
Не ты ли, воўцекъ,
Не ты ли, жидовинъ,
Овцей-скотъ, собацей бѣготъ?
Ой, ты глупой козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў?
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў?
Звирей не видаў?
— Я медвѣдушко.»
Опеть побѣжаў козелъ
По торгу, по борку,
        По веретеўку.
На стрицю козлу —
Сѣро да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ, —
Подъ кустикъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ
        Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать — не улёжать,
Да бѣжать — не убѣжать
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воўцекъ,
Не ты ли жидовинъ
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— Я то и есь!
Сфатіў козла да разорваў...
Несетъ волкъ козла
Мимо бабкинъ домъ,
Мимо дѣўкинъ дворъ,
Бабка-то скацётъ,
Дѣўка-то пляшётъ:
«Нашъ козелъ воўка убіў,
Жеребенка сратіў!..»
День прошоў — козла нѣтъ,
Другой-то прошоў — козла нѣтъ.
На третій день пошли
Козла искать, —
Нашли козла подъ кустомъ:
Рога на кусту, борода на пню.

Зап. учит. народн. школы. Сообщ. инспектор. народн. училищъ Новгородск. губ. V-го района Н. К. Рамзевичемъ.

Что пѣсня о бабушкиномъ козликѣ или козлѣ служила когда-то сатирой на современные нравы — объ этомъ мы находимъ довольно интересное указаніе въ книгѣ достопочтеннаго С. В. Максимова «Сибирь и каторга», въ отд. «Тюремныя пѣсни». Послѣ приведенія имъ тамъ цѣлаго ряда пѣсенъ этого рода онъ въ заключеніе сообщаетъ еще 4 пѣсни сибирскихъ тюремъ и передъ текстомъ послѣдней замѣчаетъ слѣдующее:

«Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ именемъ «заводской» и записанная нами въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ со словъ ссыльнаго, пришедшаго съ Урала (Изъ Пермской губ.) передана была съ нѣкоторою таинственностью. Знакомецъ нашъ придавалъ ей большое значеніе, какъ бы какой многознаменательной загадкѣ и, проговаривая пѣсню, просилъ разгадать ея смыслъ. Вотъ эта послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ тюремныхъ пѣсенъ, знакомая и въ Россіи.

2551.

За рѣкою, за рѣченькою,
Жили были три бабушки:
Три Варварушки,
Три старыя старушки —
Три постриженицы.
У первой, у старушки
Было стадо быковъ,
У второй, у старушки
Было стадо коровъ,
У третьей, у старушки —
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночька.
Принесла она козла
И съ тѣмъ вмѣстѣ дурака —
Москвитéнинка.
По три годы козелъ,
По три годы дуракъ
Подъ полатями стоялъ,
Мякинки зобалъ —
Толокончатыя,
А помоечки пилъ
Судомойчатыя.
Сталъ-же козелъ,
Сталъ-же дуракъ
На [illegible] растѣ —
У бабушки, у Варварушки,
Отпрашиваться: —
Въ чисто поле гулять.
Пошелъ-же козелъ,
Пошелъ же дуракъ:
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами сѣкетъ [1])
Глазками глядитъ,
Какъ муравчиками [2]).
Въ стрѣчу козлу,
Въ стрѣчу дураку
Незнакомый звѣрь:
Сѣренекъ и маленекъ,
Глазки на выпучкѣ.
Обошедши козелъ кругомъ,
Палъ ему въ ноги челомъ:
Не вѣдаю о чемъ.
«Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству? —
Не смерть-ли ты моя,
Да не съѣшь-ли ты меня,
Козла дурака
И Москвитенинка?»
— «Какая твоя смерть!
Вѣдь я заинька пучеглазенькій:
Я по камушкамъ скачу,
Я осиночку гложу.
Спрошу я тебя,
У козла дурака,
У Москвитенинка
Про семь волковъ». —
«Я шести не боюсь:
Шесть волковъ
На спинѣ унесу,
Во рту (или въ зубахъ) утащу.
Изъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиною
Шубу опушу.
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо».

С. Максимовъ, «Сибирь и каторга», Ч. I, 1871 г. стр. 419—421.

Къ № 976. Отысканный конецъ: послѣ стиха «Поплыла требуха» продолжается такъ:

Мимо Бакина двора
Бѣжитъ баба со двора
Съ двумя дочерями,
Съ тремя кочетами.
«Ужъ ты батюшка Матвѣй
Ты, пожалуйста, отбей!
Мнѣ жаль сына, кобеля
Бѣло-гóрнстаго.
Онъ за зайцами ходилъ,
За лисицами турилъ,
Денежки выручалъ
На солянкѣ проѣдалъ.

Къ №№ 979—981 стр.

2552.

Служилъ я папу
По первое лѣто,
Далъ же мнѣ папу
Курочку за это:
Моя курочка
Гей, гей, да зюзюлечка,
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаетъ,
Пана утѣшаетъ,
Курочка!
Служилъ я папу
По второе лѣто,

[1]) Въ Россіи вар. Онъ ножками трясетъ.
Да мережки плететъ. М.

[2]) Т. е. очень бойко, какъ объяснилъ пѣсельникъ. М.

Далъ же мнѣ пану
Уточку за это:
Моя утка
Водоплавка,
Моя курочка
Гей, гей, да зюзюлечка и пр.
Служилъ я пану
По третье лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Гуся за это:
Мой гусь
Подлѣ усъ,
Моя утка
Водоплавка и пр.
Служилъ я пану
По четвертое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Пороси за это:
Мое порося
Лежа прося,
Мой гусь
Подлѣ усъ, и пр.
Служилъ я пану
По пятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Козочку за это:
Моя коза
Спала съ воза,
Мое порося
Лежа прося, и пр.
Служилъ я пану
По шестое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Барана за это:
Мой баранъ
По горамъ,
Моя коза
Спала съ воза, и пр.
Служилъ я пану
По седьмое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Телятко за это:
Мое теля
Хвостомъ меля,
Мой баранъ
По горамъ и пр.
Служилъ я пану
По осьмое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Корову за это:
Моя корова,
Будь здорова!
Мое теля
Хвостомъ меля и пр.
Служилъ я пану
Девятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Кобылу за это:
Моя кобыла
Черногрпва,
Моя корова,
Будь здорова! и пр.
Служилъ я пану
Десятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Коника за это:
Мой конь
Возитъ въ домъ,
Моя кобыла
Черногрива,
Моя корова,
Будь здорова!
Мое теля
Хвостомъ меля,
Мой баранъ
По горамъ,
Моя коза
Спала съ воза,
Мое порося
Лежа прося,
Мой гусь
Подлѣ усъ,
Мея утка
Водоплавка,
Моя курочка,
Гей, гей, да зюзюлечка,
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаетъ,
Пана утѣшаетъ,
Курочка!

Изъ «Собр. пѣс.», Новикова. Москва, 1783.

2553.

Służyłem u pana na pierwsze lato,
Wysłużyłem sobie kokosku za to,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurczęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!
Służyłem u pana na drugie lato,
Wysłużyłem sobie scygielka za to,
Mój scygielek dziobie mak,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurczęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!

Służyłem u pana na trzecie lato,
Wysłu 'yłem sobie kacusie za to,
Moja kacka mówi tak,
Mój scygielek dziobie mak,
Moja kura
Złotopióra,
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!
Służyłem u pana na czwarte lato,
Wysłużyłem sobie gąseczke za to,
Moja gęs,
Kuprem trsęs,
Moja kaczka mówi tak,
Mój scygielek dziobe mak,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!

«Piesni ludu Krakowskiego, zebral J. Konopka».
W Krakowie, 1840, стр. 157.

2554.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodni české písně a říkadla, str. 380.

Devttélétá výsluha

Když jsem já sloužil
to prvni léto,
vysloužil jsem si
kuřátko za to:
a to kuře kràkoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem ſá sloužil
to druhé léto,
vysloužil jsem si
kachničku za to:
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem já sloužil
to třetí léto,
vysloužil jsem si
husičku za to:
a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna atd.
Když jsem já sloužil
to čtorté léto,
vysloužil isem si
vepříka za to:
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa atd.
Když jsem já sloužil
to páté léto,
vysloužil jsem si
telátko za to:
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř atd.
Když jsem já sloužil
to šesté léto,
vysloužil jsem si
kravičku za to:
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele atd.
Když jsem já sloužil
to sedmé léto,
vysloužil jsem si
volečka za to:
a ten vul jako kůl,
a ta kráva mlíko dává atd.
Když jsem já sloužil
to osmé léto,
vysloužil jsem si
botičky za to:
a ty boty do roboty,
a ten vůl jako kůl atd.
Když jsem já sloužil
poslední léto,
vysloužil jsem si
děvčátko za to:
to děvčátko jak poupátko,
a ty boty do roboty,
a ten vůl jako kůl,
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře
běhá po dvoře:
má panenka stele
postel v komoře.

Z Berounska. — Srov. Suš. 621; kol. II, 49; Karadž. 1, 505; Koryt. II, 98; Ross. Erot. S. Petersb. III, 173.

Къ №№ 982—983, (стр. 283).

Соображеніе о томъ, на что эта сатирическая пѣсня намекаетъ мы находимъ въ статьѣ свящ. Т. Успенскаго (помѣщ. въ Пермскомъ Сборникѣ), гдѣ онъ сообщая о любви мѣстн. стариковъ-крестьянъ старожиловъ къ преданіямъ старины, особенно о кладахъ, прибавляетъ еще слѣдующее:

«Любятъ еще старики потѣшать себя и молодое племя разсказами о томъ, какъ ихъ отцы и дѣды готовились отражать пугачевскую волость и ростоптать ее, какъ грибы. Рѣдкая бесѣда старыхъ людей обойдется безъ ссылки на ту памятную эпоху. «Я въ Пугачевъ годъ женился, говоритъ одинъ», «а я родился за годъ до Пугачева», говоритъ другой, «а я тогда съ покойнымъ бачкой учился въ цѣль стрѣлять, говоритъ третій». Всѣ же единодушно утверждаютъ, что тогда въ народѣ было сильное желаніе сражаться съ шайкою мятежниковъ, что для этого всякій, у кого было ружье, учился на дворѣ опытнаго стрѣльца-охотника стрѣлять въ цѣль. Для такого ученья ставился на дворѣ учителя столбъ, обращенный въ послѣдствіи въ коновязь, еще не такъ давно стоялъ на дворѣ одного изъ моихъ прихожанъ. Были, конечно, въ то время и трусы, разбѣжавшіяся по лѣсамъ, когда шайка Пугачева приблизилась къ Долматову и начала громить монастырь. Вотъ еще и любимая старинная пѣсня, сложенная едвали не про ту Пугачевскую эпоху и характеризующая съ нѣкоторой ироніей героевъ тогдашняго времени:

Какъ вздумалъ грибъ,
Нашъ грибъ-боровикъ
По всѣмъ грибамъ полковникъ,
Подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи,
Повелѣть и приказать
На войну идти опенкамъ и т. д.

Изъ ст. священ. Т. Успенскаго «Очеркъ юго-западной половина Шадринскаго уѣзда, Пермск. губ. Пермск. сборн. (М. 1895), кн. I, смѣсь, стр. 37.

Къ № 984. Болѣе исправный списокъ этого сказанія см. въ интересной монографіи г. Хр. Лопарева: «Древне-русскія сказанія о птицахъ», стр. 18. Тамъ же на стр. XXIX и объясненіе этой сатиры. Означенная монографія вышла въ свѣтъ, когда весь текстъ настоящаго сборника былъ отпечатанъ.

Къ №№ 987—997. Ср. у Шейна: «Матеріалы». Т. I, ч. I, 641 (стр. 521).

Къ №№ 998—1000. Ср. тамъ же стр. 632—637.

Къ № 1004: послѣ стиховъ:

Клопы подымали,
Животъ надорвали —

По старинному продолжается такъ:

Посылаетъ вошка блошку
Къ судьѣ воеводѣ.
Судья приказалъ,
Воевода наказалъ —
Могилушку рыти,
Вошь хоронити:
Попы—клопы,
Сверчки—дьячки,
Тараканы погребали,
Мухи голосомъ кричали,
Воробьи могилу об......

Сообщ. бывшимъ губернаторомъ Вятск. губ. въ 50-хъ годахъ Н. Н. Семеновымъ, помѣщикомъ Рязанск. губ.

Къ № 1009. Вар.

2555.

Новгородск. г. Кирилловск. у.

Злой мужикъ-садовникъ!
Онъ по зеленому садику гуляетъ,
Меня, хмелинушка, провѣдаетъ:
Онъ тычинушку въ сердечушко втыкаетъ.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался,
По тычинушку къ верху подымался,
Я отростилъ себѣ бумажные листье,
И отростилъ себѣ яровыя шишки.
Ужъ какъ злой мужикъ-садовникъ
По зеленому садику гуляетъ,
Меня, хмелюшка, провѣдаетъ.
Онъ отрѣзалъ мнѣ рѣзвы ноги.
Старики меня, старухи, ощипали,
Во рогожи, во кули зашивали,
По торгамъ по базарамъ развозили,
Богатые мужики да покупали.
Наварилъ мужикъ сладкаго сусла.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался. —
Во намѣрникѣ да разгулялся.
Богатые мужики да выпивали, —
Тутъ мужикъ съ мужикомъ да разодрался:
Онъ ударилъ о тынъ его головою,
Въ коровье калье да бородою.

Зап. учит. народн. учил. А. Разумовскимъ. Сообщ. инспект. народн. училищъ Новгород. губ. Н. К. Рамзевичемъ. Ср. у Соболевскаго, I. 501—503.

Къ №№ 1048—1051. Ср. у Соболевскаго II, 617.

2556.

Вар. Пермск. губ.

Подъ грушею подъ кудрявою,
Подъ яблонью подъ садовою

Сѣю, вѣю, разсѣваю коноп́елышко;
А сама коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопелышко
Ты не низко, не высоко, въ саду съ вишеньемъ [равно.
Ахъ всѣ мои подружки на игрище ушли,
А меня, младу младешеньку, свекоръ не отпу- [скатъ[1])
Заставилъ свекоръ батюшко работу работать,
Работу работать—овинъ сушить;—
А я въ сердце-то войду,—весь овинъ сожгу,
А сама, млада-младешинька, на игрище уйду.
Подъ грушею подъ зеленою,
Подъ яблонью подъ садовою
Сѣю, вѣю, разсѣваю конопелышко;
А сама, коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопелышко,
Ты не низко, не высоко,—въ саду съ вишеньемъ [равно.—
Ахъ всѣ мои подруженьки на игрище ушли,
А меня, младу-младешеньку, свекровь не отпу- [скатъ;
Заставила свекровушка работу работать,
Работу работать,—кросенце ткать.
А я въ сердце-то войду,—кросна изорву,
Я кросна изорву—и челнокъ изломлю,
А сама, млада младешенька, на игрище уйду.
Подъ грушею... и проч.
Ахъ всѣ мои подруженьки на и́грище ушли,
А меня, младу младешеньку деверь не отпускатъ;
Заставилъ деверинушко работу работать,
Работу работать—коня сѣдлать.
А я въ сердце-то взойду—коня въ поле отпущу,
А сама млада младешенька, на и́грище уйду.
Подъ грушею... и проч.
Ахъ всѣ мои подруженьки на и́грище ушли,
А меня, младу младешеньку, золовка не пускатъ;
Заставила золовушка работу работать,
Работу работать—себѣ косу расплетать.

[1]) Вм. отпускаетъ—общеупотребительная народная форма. С.

А я въ сердце-то войду,—русу косу оторву,
А сама, млада младешенька, на и́грище уйду.

Сообщ. А. И. Соколовымъ

Къ № 1052 Ср. у Соболевскаго I, 501—503.
Къ №№ 1054—1055 » II, 609—613

Къ №№ 1068—69.

2557.

Вар. Вологодской губ., Повѣн. у.

Вокругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія;
Ужъ я старицу бужу:
Ужъ ты старица, встань,
Спасенная душа встань!
Встань, къ заутренѣ звонятъ,
На расходъ говорятъ!
Люди молятся,
Черти возятся
— «Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Сердце ключикомъ кипитъ».
— «Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться». —
«Ужо встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей,
Для милыхъ гостей.

Зап. Н. А. Иваницкій.

Къ №№ 1241—1242. Ср. у Соболевск. II, 262—268.
Къ № 1243 » IV, 838—840.

Свадьба Нижегородск. губ. въ городѣ Балахнѣ

Въ этомъ городѣ и окрестныхъ его деревняхъ продолжительность свадебныхъ дней бываетъ отъ недѣли и до двухъ. Большей частью здѣсь свадьбы бываютъ осенью и зимою.

Сватанье начинается въ понедѣльникъ или вторникъ. Сваха посланная женихомъ приходитъ въ домъ невѣсты, становится среди комнаты противъ матицы и проситъ себѣ стулъ. Сѣвъ на него, она обращается къ родителямъ невѣсты со словами: «такой-то (имя, отчество и фамил. жениха) приказалъ вамъ кланяться и просить руки вашей дочери». Сваха не принимаетъ никакихъ угощеній, пока дѣло не пойдетъ въ ея пользу. Если родители изъявятъ согласіе на всѣ условія, предложенныя со стороны свахи, а именно: о составѣ приданнаго: сколько и какихъ платьевъ, дипломатовъ, шубъ, какое бѣлье, постель? на чей счетъ свадьба и сколько согласны дать жениху денегъ на столъ», то они свои желанія передаютъ своей дочери и, получивъ и отъ нея согласіе, объявляютъ о томъ свахѣ. Послѣдняя или кто другой идетъ въ домъ жениха и приглашаетъ послѣдняго и его близкихъ родныхъ въ домъ невѣсты, гдѣ совершается рукобитіе. По приходѣ туда, гости усаживаются за столъ по старшинству и родству, молятся Богу и отецъ жениха и невѣсты (а если кого-нибудь изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, то заступающіе ихъ мѣсто) встаютъ и кладутъ правыя полы своихъ кафтановъ или шубъ пола на полу и даютъ и бьютъ въ знакъ согласія другъ другу правыя руки. Вслѣдъ затѣмъ гости садятся за столъ и начинается угощеніе ихъ чаемъ, водкой и дисертомъ. Въ это время приходятъ дѣвицы подруги невѣсты и начинаютъ пѣть пѣсни.

Эти пѣсни поютъ уже болѣе 100 лѣтъ. — Расходъ на свадебныя приготовленія весьма неодинаковъ. Если невѣста бѣдная, то и расходъ небольшой. Если же обѣ стороны исправныя, то кромѣ своего приданаго, невѣста шьетъ жениху вѣнчальную тройку и даетъ ему денегъ: отъ 25 руб. и до 50 руб. и болѣе. Расходъ такого жениха доходитъ до 150 руб. Послѣ рукобитія до дня брака у невѣсты бываютъ вечера, куда сходятся по приглашенію дѣвицы и кавалеры: поютъ пѣсни и танцуютъ. Накануне дня брака бываетъ въ домѣ невѣсты главный вечеръ, называемый «сговоръ», куда приглашаются родственники жениха и невѣсты. Родственники жениха собираются сначала къ нему въ домъ и помолившись Богу, идутъ, предводительствуемые дружкой, къ невѣстѣ. Если родъ большой, то гостей собирается отъ 20 до 50 человѣкъ. На этотъ вечеръ приглашаютъ и священника. Гости жениха садятся на первыя мѣста, а невѣста за ними. Ихъ угощаютъ чаемъ, водкой, десертомъ. Затѣмъ бываетъ ужинъ, состоящій отъ 5 до 10 кушаньевъ. Въ селѣ Кубинцевѣ въ этотъ вечеръ, во время ужина, двѣ любимыя подруги невѣсты входятъ прикрытые платками, такъ, чтобы ихъ не узнали и дарятъ жениха, невѣсту и всѣхъ гостей разными бумажными вещичками. Гости въ свою очередь отдариваютъ дѣвушекъ, кладя на тарелку деньги, которые идутъ въ пользу дѣвицъ. Крестный отецъ и мать благословляютъ нареченныхъ иконами и садятся на первыя мѣста подлѣ родителей. При благословеніи на бракъ предпочтеніе отдается отцу. Если въ день брака случается дождь или снѣгъ, то, по народному повѣрью молодые будутъ жить счастливо.

Во избѣжаніи дурныхъ послѣдствій нареченнымъ съ перваго же вечера кладутъ въ карманъ по луковицѣ и горсть зеренъ простаго пшена. При входѣ и выходѣ изъ храма дружко предупреждаетъ молодыхъ не задѣвать своимъ тѣломъ косяковъ и дверей храма. Кромѣ этого, невѣстѣ на гайтанъ [1]) нанизываютъ двѣ жемчужины, привязываютъ кусочекъ ртути и втыкаютъ нѣсколько иголокъ въ подолъ платья крестъ-на крестъ. Если-де порча и коснется тѣла, то вреда не будетъ, а спадетъ только одна жемчужина.

Накануне брака, невѣста съ подругами ходитъ въ баню, гдѣ для пару поддаютъ вмѣсто воды — пивомъ, если явится горечь, то молодые жить будутъ плохо, а если горечи не будетъ, то жить будутъ счастливо. По выходѣ изъ бани дѣвицы на лошадяхъ отвозятъ приданое невѣсты къ жениху въ домъ. Женихъ даетъ имъ выкупъ кромѣ угощенія сколько нибудь денегъ. Въ этотъ день невѣста кланяется родителямъ своимъ въ ноги и благодаритъ ихъ за хлѣбъ, за соль, за воспитаніе и воскормленіе. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ дружкой и привозитъ невѣстѣ ларецъ. Въ самый день брака къ жениху и невѣстѣ приносятъ изъ храма иконы и затѣмъ бываетъ обѣдъ у жениха, куда приглашаютъ весь причтъ. Вѣнчаніе въ большинствѣ случаевъ назначается въ воскресенье или въ понедѣльникъ. Около 4 часовъ пополудни этого дня родственники жениха, участвующіе въ поѣздѣ, собираются къ нему и отправляютъ одну лошадь за священникомъ. Священникъ прочитаетъ молитву, послѣ чего родители благословятъ своего сына и поѣзжане (дружка, крестный, крестная, свахи, шаферъ) выходятъ и садятся въ повозки: свя-

---

[1]) Снурокъ, на которомъ носятъ тѣльный крестъ. Сл. Даля.

щенникъ садится съ женихомъ на одну. Дружка съ обнаженной головой и съ иконой въ рукахъ три раза обходитъ поѣздъ и затѣмъ велитъ трогать и поѣздъ отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ къ этому времени она уже наряжена и благословлена своими родителями. По пріѣздѣ, всѣ поѣзжане садятся за столъ. Къ нимъ выводятъ невѣсту. Въ селѣ Кубинцевѣ сваха со стороны жениха въ это время даритъ родственниковъ невѣсты полотномъ, ситцемъ и мятными вяземскими пряниками. Затѣмъ сваха расплетаетъ косу невѣсты и проситъ подать ей тарелку, на которую и кладетъ всѣ принадлежности дѣвичьей косы, которыя и отдаетъ ихъ матери невѣсты съ словами: «Свахынька прими — на дѣвичью красу.» Послѣ этого молятся Богу и дружка беретъ подъ руки жениха и невѣсту, выводитъ ихъ на улицу и сажаетъ отдѣльно. Здѣсь дружка снова обходитъ поѣздъ такъ же, какъ и въ первый разъ,—и ѣдутъ въ церковь. По окончаніи бракосочетанія молодыхъ ведутъ въ вѣнцахъ въ домъ жениха, гдѣ приготовленъ для всѣхъ ужинъ, называемый «столъ». При входѣ молодыхъ въ домъ ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать жениха: отецъ съ иконой, а мать съ хлѣбомъ и солью. Молодые кладутъ три поясные поклона предъ иконой, цѣлуютъ ее, а потомъ здороваются съ отцомъ; тоже тремя поцѣлуями, затѣмъ прикладываются къ хлѣбу-соли и также здороваются съ матерью и входятъ въ домъ. Ужинъ состоитъ изъ 10-ти или 15 кушаньевъ и изъ множества напитковъ. Пирующіе гости расходятся не раньше 1-го ч. ночи. Молодыхъ уводятъ въ другое помѣщеніе, гдѣ устроено для нихъ брачное ложе. На слѣдующее утро снова всѣ гости сходятся въ домѣ жениха. Дружка, вооруженный заслономъ и горшкомъ сопровождаетъ молодыхъ до бани и обратно. Когда молодые на возвратномъ пути изъ бани вступятъ на порогъ дома, то всякъ изъ гостей хватаетъ горшокъ или плошку и бьетъ объ полъ; нѣкоторые изъ сватьевъ и свахи нашиваютъ себѣ на одежду ленточки пунцоваго цвѣта, а нѣкоторые вплетаютъ ихъ себѣ въ голову, садятся въ повозки и ѣдутъ по городу, распѣвая пѣсни. Свахи вооружены бутылками, наполненными виномъ краснаго цвѣта и размахивая ими, пляшутъ. Этимъ даютъ всѣмъ знать о цѣломудренности невѣсты. Послѣ этого въ домѣ жениха бываетъ для всѣхъ гостей обѣдъ, по окончаніи котораго гости расходятся и припасаются къ встрѣчѣ молодыхъ. Молодые съ 2 часовъ дня ѣдутъ по родственникамъ съ визитомъ, гдѣ ихъ дарятъ разными подарками, въ которыхъ чувствуютъ нужду новобрачные. Вечеромъ снова всѣ гости сходятся къ молодому въ домъ, гдѣ уже приготовленъ такой же ужинъ, какъ и наканунѣ. Въ селѣ Кубинцевѣ на второй день послѣ вѣнчанія ужинъ бываетъ и у невѣсты и называется «блинки». Спустя недѣлю молодые приглашаютъ снова всѣхъ родственниковъ, *кавалеровъ и барышенъ* и устраиваютъ танцевальный вечеръ.

Этимъ вечеромъ завершается кругъ свадебныхъ празднествъ.

Свадебныя пѣсни.

2558.

Ужъ ты, свѣтъ, наша измѣнщица!
Измѣнщица, красна дѣвица.
Измѣнила *насъ*, подруженекъ,
Подруженекъ, красныхъ дѣвушекъ:
Сказала, что «замужъ нейду!»
И говорила: «не подумаю».
Сказала: «въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду, въ игуменьи,
А васъ, дѣвушки, съ собой возьму,
Съ собой возьму—въ монашеньки»,
А теперьче замужъ пошла,
А тепереча и подумала.
На что, душа, прельстилася:
На орѣшки ли, иль на прянички?
Или на сахарны сладки яблочки?
Ты скаже, на что прельстилася?
Человѣка ли добилася?
Или росту онъ высокаго?
Или роду онъ богатаго?
— Онъ худенешекъ, манешенекъ,
На личико смуглешенекъ.
Онъ и ходитъ—запинается,
Говоритъ рѣчь—*заякается*,
Самъ подноситъ—заливается.
Онъ цѣлуетъ—забывается.

2559.

Высоко солнце восходило,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше терема высокаго.
Какъ во этомъ новомъ теремѣ
Сидѣла тутъ Аннушка,
Сидѣла она, плакала.
Такъ она плачетъ,—какъ рѣка льется,
Во рыданьи какъ волна бьется,
Проклинула она чужу сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, чужая сторона!
Ты злодѣй, злодѣй — чужой отецъ и мать!
Посылаютъ меня, молоду»
Во глухую полночь пó воду.
Ужъ какъ я, млада за водой пошла,—
Какъ подули вѣтры буйные,

Прилетѣли гуси сѣрыя
Со родимыя со сторонушки,
Намутили воду свѣжую.
Ужъ какъ я ли безъ воды пришла, —
Свекоръ батюшка журитъ-бранитъ,
Свекровь матушка побить велитъ,
Девери насмѣхаются.
Одна милая золовушка,
Ея умная головушка,—
За меня слово замолвила:
«Не брани-ко ее, батюшко,
Не жури-ко, родна матушка!
Мнѣ самой идти въ чужи́ люди».
— А ты, глупая невѣстушка,
Почерпнула бы воды мутныя:
Вода въ ведрахъ настоялась бы,
Сердце свекра уходилось бы.»

2560.

Не было вѣтру да навяпуло,
Не было гостей, да наѣхало.
Ужъ какъ полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полны сѣнички дорогихъ гостей.
Подломали они сѣни новыя,
Разступили они золоту чару,
Золоту чару со фени́сами (?),
Со зелеными изумрудами.
Испугали они соловья въ саду.
Какъ расплакалась душа Аннушка,
Уговариваетъ ее свѣтъ Васинька:
«Ты не плачь-ка, не плачь, не вздыхай тяжело!
Я сострою тебѣ сѣни новыя,
Я солью тебѣ золоту чару со фени́сами,
Со зелеными изумрудами,
Ужъ я самъ у тебя соловей въ саду.
Ужъ я буду тебя по зарямъ будить,
По зарямъ будить по утреннимъ».

2561.

Ужъ вы дѣвушки подруженьки
Вы придите посидѣть ко мнѣ во останешны,
Во останешны въ послѣдній разъ.
Послушайте голубушки, что я буду вамъ наказывать,
Что наказывать, приказывать:
Придетъ-то весна красная,
Разольется вода-полая,
Расцвѣтутъ лазоревыя
Вы поѣдете въ луги гулять,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать,
Ужъ вы будете вѣночки вить,
Ужъ какъ мой цвѣточекъ останется.
Онъ останется, расплачется,
Ко сырой землѣ приклонится.
Любезная подруженька,
Сорви-ко ты и мой цвѣтокъ,
Завей-ко ты и мой вѣнокъ,
Отнеси ко родной матушкѣ.
Положико-ко на окошечко,
Чтобы матушка увидѣла,
Родимая бы возжалилась,
Возжалѣвшись бы, ко мнѣ пришла,
Меня, Аннушку, къ себѣ взяла.
«Родимое мое дитятко!
Что скоро соскучилось?»
— «Родимая моя матушка!
Ты спроси-ко гуся сѣраго:
Не зябутъ ли у него ноженьки?
А потомъ ты меня спрашивай:
Хорошо ли жить въ чужихъ людяхъ,
У чужаго отца-матери,
У чужого роду племени?
Чужой отецъ—не батюшка,
Чужая мать не матушка.»
— «Родимое мое дитятко!
Ты убавь-ко своей гордости!
Держи голову поклончиву,
Ретиво́ сердце, покорчиво,
Назови-ко свекра батюшкомъ,
Назови-ко свекровь матушкой!»
— «Родима́я матушка!
Мое сердце не воротится,
И назвать мнѣ нехочется.»

2562.

Въ вечеру поздо позднешенько,
Поутру рано ранешенько
Приходила ко мнѣ свахынька,
Стучала подъ окошечко,
Вызывала мою матушку,
Вызывала на красенъ крылецъ,
Кланялась низехынько,
Говорила рѣчь тихохынько:
У васъ есть лебедь бѣлая,
А у насъ есть ясенъ соколъ.
Не можно ли подумати
За Василія Павлыча
Анну (Ивановну) замужъ выдати?
Она сватала, все хвастала,
Восхваляла чу́жу сто́рону:
«Чужая-то сторонушка
Виноградомъ насѣяна,
Черносливомъ обгорожена,
Сытою поливана,
Золотой парчей покры́вана,

У (такого-то) широкій дворъ —
На семи верстахъ съ половиною,
Среди двора горница —
Ровно свѣтлая свѣтлица.»
— «Не жила млада не вѣдала,
Пожила— все свѣдала:
Чужая сторонушка.
Она горемъ насѣяна,
Кручиной обгорожена,
Слезами поли́вана,
Печалью покрывана,
У (такого-то) широкій дворъ
На семи куриныхъ шагахъ.
Да съ половиною.
Среди-то двора банишка —
Что худымъ-то худешенько,
Всѣ углы-то отвалилися,
По бревну раскатилися.
Еще свахѣ-то страннинцѣ,
Да ей еще подговорщицѣ —
Кумаха-бы замучила:
На печи подъ шубою,
Подъ двумя бы тулупами,
Подъ тремя бы одѣялами!
Умереть бы тебѣ, свахынька,
Безъ гроба и безъ савана,
И безъ свѣчъ и безъ ладана
Схоронить бы тебя, сваханька —
Безъ попа и безъ дьякона.
Схоронить бы за банею,
Зарыть бы мякиною,
Помянуть бы дробиною! [1])»

Примѣч. къ стр. 640, къ концу описанія свадьбы въ Калязинск. у. Тверск. губ.

«Разсмотрѣвши внимательно всѣ вышеприведенныя пѣсни и причеты, мы должны придти къ заключенію, что въ нашей мѣстности когда-то существовала купля невѣстъ, на это указываютъ вышеприведенныя сцены выкупа невѣсты у подругъ, брата и т. п.

Независимо отъ воли самого народа, по традиціи, въ причетахъ и пѣсняхъ сохранились черты болѣе или менѣе глубокой древности; мы можемъ даже, съ большей или меньшей вѣроятностью предположить къ какому именно періоду старины относятся тѣ или другія мѣста изъ пѣсенъ и причетовъ, если только постараемся ихъ анализировать. Прежде всего: какою представляется дѣвушка въ причетахъ и пѣсняхъ? Она представляется сильно прикрѣпленною къ своей родной семьѣ, гдѣ окружена попеченіями своихъ отца съ матерью и подругъ: въ этой семьѣ для нея и «работаньице очень легко» и «вешнее гуляньице вольно». Здѣсь цвѣтетъ и расцвѣтаетъ ея красота, здѣсь она среди своихъ подругъ точно лебедь среди лебединнаго стада. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣвушку не можетъ не тяготить совершенная замкнутость женской жизни вообще: въ «ея дѣвическую косу вплетаются два ножечка булатные, два замочка полуженные», которые вынимаются изъ дѣвичьей косы только съ выходомъ замужъ. Эта замкнутость, конечно, скорѣе всего можно понимать въ смыслѣ психическихъ потребностей, въ смыслѣ неудовлетворяемыхъ потребностей любви, привязанности и т. д. Эти потребности, безъ сомнѣнія, пробуждались и въ удаленныхъ отъ мужскихъ взоровъ теремахъ, онѣ и тамъ жгли дѣвичье сердце; но только сама дѣвушка не въ состояніи была даже уловить значенія волновавшихъ ея чувствъ, предъ ея взорами носился лишь неясный образъ «друга милаго», въ видѣ яснаго сокола: и только уже мать дѣвушки, догадавшись въ чемъ секретъ, совѣтуетъ дочери «приголубить яснаго сокола». Но чувства дѣвушки уже дошли до своего апогея: она «рада бы сокола приголубить, только ея ноженьки подогнулися, рученьки опустилися, голова съ плечъ покатилася». Въ этихъ словахъ мы видимъ уже изнеможеніе отъ тяжести чувства, подобно тому, какъ это отобразилась въ греческихъ пѣсенкахъ Сафо, гдѣ дѣвушка, одержимая страстью, говоритъ своей матери:

Ниточки рвутся,
Руки трясутся;
Милая маменька,
Дай мнѣ уйти!

Такъ чувство бьется въ дѣвичьей груди и не знаетъ себѣ исхода; но вотъ дѣвушка въ концѣ концовъ останавливается на «другѣ сердечномъ» и произноситъ:

— Милъ-то ли мнѣ милешенекъ,
Милъ сердечный другъ!..

[1]) У Даля этого слова нѣтъ, а есть: «дробило», ср. чекмарь, колотушка для раздробленія сухихъ комьевъ на пашнѣ.

Эти чувства къ другу милому однако страшатъ молодую неопытную дѣвушку, они представляются ей «бѣлымъ горючимъ камнемъ, который холоднымъ холодешенекъ и который зазнобитъ ея ретивое сердце». Вообще чувство любви скорѣе знобитъ русскаго человѣка, нежели кидаетъ его въ жаръ и волнуетъ кровь,—отсюда и названіе милой въ народѣ «зазноба, зазнобушка». Это чувство подавляетъ его нервную систему, заставляетъ опускать руки и подкашивать ноги, а нерѣдко снимаетъ голову съ плечъ. Конечно все это зависитъ отъ тяжелыхъ условій русской жизни.

Замужество для русской дѣвушки вообще не представляетъ выхода изъ ея тяжелаго положенія, потому что не даетъ ей свободнаго выбора, соотвѣтственно ея чувствамъ, оно бросаетъ ее по волѣ родителей на чужую сторону, къ чужимъ людямъ: оттого-то столько упрековъ и жалобъ выходитъ изъ устъ дѣвушки, обращенныхъ къ своимъ роднымъ, оттого она проситъ завалить дорогу,—по которой долженъ ѣхать ея женихъ,—ельничкомъ, березничкомъ, закатить катомъ, а ее отъ жениха защитить щитами; оттого-то столько отчаянія и грусти вырывается изъ устъ дѣвушки, когда всѣ эти каты откатилися, всѣ щиты отщитилися и всѣ родные ее продали.

Въ концѣ концовъ русская дѣвушка въ приведенныхъ причетахъ и пѣсняхъ представляетъ «работницей-заботницей; ея рука не нѣжная, рука рабочая». Какимъ же въ свою очередь представляется въ тѣхъ же пѣсняхъ и причетахъ женихъ?

Онъ представляется добрымъ молодцемъ, который гуляетъ «по запольицу», или же разъѣзжаетъ по зеленой дубравушкѣ «въ колясочкѣ»,—онъ называется княземъ, который съ подарками и, какъ будто случайно, попадаетъ къ дѣвушкѣ въ домъ, къ которому привела его изъ зеленой дубравушки хитрая лисичка, показывая слѣдъ».

Вникая въ подробности причетовъ и пѣсенъ, обрисовывающихъ жениха, мы наталкиваемся на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи этихъ народныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ: почему женихъ называется заѣзжимъ молодцомъ, княземъ, ѣдущимъ въ колясочкѣ, почему онъ первоначально посылаетъ въ домъ невѣсты пословъ, а самъ остается въ дубровушкѣ, почему его гости называются «боярами», которые, въѣхавши въ невѣстины ворота «полонъ дворъ коней наставили и поломали сѣни новы?»

Нельзя ли допустить предположеніе, что всѣ эти свадебныя церемоніи ведутъ свое начало отъ временъ княжеской Руси, когда князья рыскали по дубровушкамъ за охотой, когда они женились или въ сосѣднихъ княжествахъ, или у своихъ подданныхъ. Съ другой стороны,—при княжескихъ домахъ, во время свадебъ тоже были свои церемоніи,—и не были ли эти церемоніи заимствованы отсюда народомъ, какъ теперь заимствуются деревней разные обычаи города,—и такимъ образомъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, дошли до нашего времени. Интересно было бы собрать, какъ можно болѣе подобныхъ причетовъ и пѣсенъ и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ: тогда бы по сличенію ихъ, можно было бы дѣлать болѣе обобщенные выводы. Народныя пѣсни и причеты говорятъ не только о настоящей народной психологіи, но также о психологіи и бытѣ давно прошедшаго, а это очень важно.

П. Новоселовъ.

Тверск. Вѣстникъ 1880 г., № 19, стр. 15 (конецъ ст. Народная свадьба въ Калязин. у.).

Изъ письма А. Кузнецова. Дополненіе къ описанію свадьбы въ Оренбургск. у.

«Въ письмѣ своемъ вы указываете на пробѣлы въ моемъ свадебномъ очеркѣ.

Относительно стоимости свадьбы сообщу, что самая бѣдная крестьянская свадьба въ Оренбургскомъ уѣздѣ стоитъ сторонѣ невѣсты 40 рублей, а жениховой 80, если не считать пищевыхъ продуктовъ, идущихъ на свадьбу изъ своего хозяйства; богатая же крестьянская свадьба здѣсь только на одно вино требуетъ отъ невѣстиной стороны 80 р., отъ жениховой 150—200 р. Прошлой осенью, въ селѣ Покровскомъ, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, мой пріятель, богатый мужикъ (Карповъ) выдавалъ замужъ внучку,—и ему свадьба обошлась въ 100 руб., да кромѣ того онъ употребилъ на харчи 2 свиней по 8 пудовъ, 7 барановъ, 15 гусей, 10 утокъ, кадушку масла коровьяго, воза два муки на пироги, да огромное количество (около 2500 штукъ) яицъ да куръ штукъ 50. Женихова сторона (Захаръ Пономаревъ, сватъ Карпова) израсходовалъ вдвое больше невѣстиной. Нельзя было и не израсходовать: вѣдь на свадьбѣ только однихъ родныхъ было 70 человѣкъ, а кумушекъ да сосѣдушекъ съ шабрами не считали, а то навѣрное насчитали бы столько же, если не больше.

Пріятель мой Карповъ старикъ 75-ти лѣтъ, глава 20-ти головой семьи (въ нашемъ уѣздѣ не рѣдкость семья въ 30—35 человѣкъ). Онъ разсказываетъ, что въ старину дореформенную свадьбы были веселѣе: вина больше выпивали, примѣрно, вдвое, «а про харчи—хлѣбъ-соль и говорить нечего. . . На семьянистой и богатой

свадьбѣ по 10 барановъ за разъ съѣдали, а про гусей й утокъ, особливо про куръ и яйца, про масло и хлѣбъ и говорить нечего. За то тогда и безобразій было больше. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ старикъ, бывалый и видавшій виды.

О продолжительности свадебныхъ торжествъ, я кажется писалъ въ очеркѣ. Точно опредѣлить продолжительности ихъ очень трудно, потому что они, т. е. празднества бываютъ съ перерывами, съ промежутками—иногда съ недѣльными, иногда больше, иногда меньше. Чѣмъ богаче стороны, справляющія свадьбу, тѣмъ продолжительнѣе празднества и на оборотъ, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ короче. Безъ промежутковъ мой пріятель Карповъ гулялъ свадьбу двѣ недѣли, а съ промежутками—$1^1/_2$ мѣсяца.

Цѣломудріе у насъ въ уѣздѣ строго соблюдается, въ глухихъ, болѣе отдаленныхъ отъ города селеніяхъ; въ селеніяхъ же близкихъ къ городу и въ такъ называемыхъ селеніяхъ базарныхъ уже не такъ цѣнится и наблюдается. За то въ первыхъ въ большомъ употребленіи «покора» (худой стаканъ родителямъ и хомутъ на шею или вывороченная шуба), а во вторыхъ она бросается. И въ первыхъ «цѣлошная» рубашка выносится на публику, на показъ всей честной компаніи, а въ послѣднихъ вмѣсто показыванія рубашки, какъ знакъ цѣломудрія невѣсты устраивается особый пиръ, называемый «Калинкой». Въ знакъ же отсутствія «цѣлки» этого пира у невѣсты не справляется, если молодой не пожелаетъ обнаружить грѣхъ своей суженой, т. е. уже молодушки».

Въ пригородныхъ селеніяхъ послѣ «гарнаго» на другой день утромъ молодой ходитъ къ тещѣ на блины, и если онъ, узнавъ грѣхъ нецѣломудріи своей жены въ дѣвкахъ, пожелаетъ его обнаружить, то онъ въ поданныхъ блинахъ выѣдастъ только серединки или просто дѣлаетъ въ нихъ дырки (тоже «покора»).

Въ прежнее время, до реформы, по словамъ стариковъ, дѣвки и парни вели себя, въ общемъ, лучше: почти не было случаевъ, чтобы обнаруживалась нецѣломудренность дѣвушки, чтобы, какъ поется въ одной современной пѣсенкѣ:

Дѣвки мелки
Растеряли свои цѣлки.

или:

Какъ мы съ обыскомъ пойдемъ
Одной цѣлки не найдемъ.

Не смотря на то, что парни и дѣвки часто цѣлыя недѣли проводили вдали отъ родителей, на вечеринкахъ, гдѣ устраивались игры и спали вмѣстѣ, или попарно, или же цѣлою вечеринкой на одномъ полу, на однихъ полатяхъ, на однихъ печахъ и т. д. Нынѣ родители строго слѣдятъ за дочками, а между тѣмъ неуцѣлѣвшихъ выходятъ замужъ больше, а въ пригородныхъ и базарныхъ селеніяхъ встрѣчаются случаи, когда дѣвка имѣетъ дѣтей:

У дѣвушки Любушки
Двѣ дочки голубушки.

Коровай — особый свадебный хлѣбъ существуетъ только въ немногихъ селеніяхъ, а «курникъ» забылся, а можетъ быть, его у насъ и не было, такъ какъ здѣсь всѣ подъ словомъ «курникъ» разумѣютъ паштетны (пашкетный) пирогъ, начиненный куриными потрахами и мясомъ».

А. Кузнецовъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Оканчивая этимъ II-мъ выпускомъ первый томъ настоящаго своего сборника, я нахожу необходимымъ разъяснить въ его заключеніи возможныя со стороны читателей нѣкоторыя недоумѣнія, разрѣшеніе которыхъ они не нашли въ предисловіи къ 1-му его выпуску и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ихъ тѣ мысли, которыми я руководствовался при составленіи предлагаемаго выпуска.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска «Великорусса» однимъ ученымъ рецензентомъ было, между прочимъ, высказано недоумѣніе на счетъ того, что великорусскія народныя пѣсни попали въ Одессу. Это странное недоумѣніе можно объяснить себѣ только тѣмъ, что почтенный ученый въ данномъ случаѣ совершенно упустилъ изъ виду, что въ этомъ многолюдномъ приморскомъ торговомъ городѣ мы встрѣчаемъ не только среди рабочихъ всякаго рода, массу пришлаго православнаго люда изъ ближайшихъ великорусскихъ губерній, но тамъ за городомъ уже много десятковъ лѣтъ существуютъ цѣлыя слободы, населенныя коренными великоруссами, доселѣ весьма ревниво сохранившіе нерушимо свой бытъ, свой родной языкъ, свои обычаи, преданія и пѣсни. Объ этомъ еще въ 40 годахъ писалъ въ «Москвитянинѣ» профессоръ Зеленецкій.

Подобное недоумѣніе вызовутъ, пожалуй, и тѣ пѣсни, которыя у насъ помѣчены изъ Харьковской и Екатеринославской губерній. Но дѣло въ томъ, что и эти пѣсни записаны отъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, по долгу проживавшихъ среди малороссовъ, вліяніе которыхъ, хотя въ слабой степени, не могло не отразиться на ихъ языкъ.

Затѣмъ можетъ возникнуть еще недоумѣніе относительно встрѣчи однихъ и тѣхъ же пѣсенъ изъ Вологодской губерніи, за подписью Н. А. Иваницкаго и въ настоящемъ сборникѣ и въ разныхъ томахъ монументальнаго сборника профессора А. И. Соболевскаго (Великорусскія народныя пѣсни). Для рѣшенія этого, весьма понятнаго недоумѣнія нахожу нужнымъ сообщить слѣдующее: лѣтъ 15 тому назадъ нашъ извѣстный даровитый этнографъ, упомянутый Н. А. Иваницкій (уже покойный), почтилъ меня своимъ довѣріемъ и передалъ въ полное мое распоряженіе большой рукописный сборникъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ разныхъ уѣздахъ означенной губерніи. Часть этихъ пѣсенъ была, какъ онъ объясняетъ тамъ въ предисловіи, напечатана въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и затѣмъ въ сборникѣ земства, въ крайне неисправномъ видѣ. Изъ сказаннаго ясно, что хотя и я и профессоръ Соболевскій черпали пѣсенный матеріалъ по Вологодской губ. изъ одного и того же источника, но въ одинакомъ невѣдѣніи насъ обоихъ насчетъ степени пользованія этимъ источникомъ для своихъ цѣлей каждымъ изъ насъ, такъ какъ наши сборники печатались въ одно и тоже время.

Теперь мнѣ остается отвѣчать еще на одинъ, возможный со стороны читателя вопросъ: почему я выбралъ для настоящаго своего сборника такое многообѣщающее заглавіе?

Выбралъ я это заглавіе во-первыхъ потому, чтобы съ разу отличить его отъ другихъ, ему предшествовавшихъ моихъ сборниковъ по бѣлорусской этнографіи, цѣлый рядъ которыхъ появлялись

въ печати въ теченіе не одного десятка лѣтъ (начиная съ 1874 г.) и пріучили читателя новѣйшихъ поколѣній къ мысли, что всѣ мои этнографическія работы ограничивались и ограничиваются только предѣлами областей бѣлорусскихъ говоровъ. Во-вторыхъ для того, чтобы полнѣе, рельефнѣе выставить на видъ содержаніе предлагаемаго труда, для котораго заглавіе «Русскія народныя пѣсни», подъ которымъ въ 1870 году вышелъ въ свѣтъ первый мой великорусскій сборникъ, далеко не выражаетъ всего объема того, что входитъ теперь въ разнообразный его составъ.

Приведенное объясненіе можетъ, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ того, что даннымъ заглавіемъ я не думалъ, да и думать не могъ представить въ своемъ «Великоруссѣ» полный кодексъ этнографическихъ данныхъ всѣхъ губерній и областей, населенныхъ преимущественно великорусскимъ племенемъ. На такую задачу не хватило бы жизни не только одного человѣка, но и цѣлаго поколѣнія самыхъ ревностныхъ собирателей, особливо при крайней скудости какъ матеріальныхъ средствъ, такъ и активнаго сочувствія нашего общества въ пользу подобныхъ задачъ.

Но какъ бы то ни было, а разъ выбравши, хотя по необходимости, для новаго своего сборника такой многообѣщающій, чуть-ли не рискованный титулъ, я, по мѣрѣ своихъ силъ старался расширить для него (противъ прежняго его изданія), рамки своей программы и пополнить ихъ, какъ можно болѣе разнообразными этнографическими данными въ области слова, обычая, обряда, пѣсни и т. п. Преимущественно же мое вниманіе при этомъ было направлено на пополненіе отдѣловъ по части обрядовъ, сопровождающихъ главные моменты жизни человѣка на землѣ, каковы рожденіе и крестины, свадьбы и смерть, такъ какъ въ нихъ, вслѣдствіе ихъ ритуальнаго значенія, уцѣлѣли отъ сокрушенія времени вплоть до нашихъ дней крупные слѣды древняго быта, древнихъ вѣрованій. Труднѣе всего оказалось добываніе матеріаловъ по обрядамъ двухъ первыхъ категорій и потому они и совершенно отсутствуютъ въ этой книгѣ. Однако надѣюсь, что мои дальнѣйшіе поиски по нимъ, если Богу угодно будетъ сохранить еще мнѣ жизнь и здоровье, окажутся не совсѣмъ безуспѣшными и я буду имѣть возможность напечатать ихъ въ приложеніи къ слѣдующему тому. Но за то мнѣ болѣе посчастливилось собрать значительное количество небезынтереснаго матеріала по обрядамъ свадебнымъ изъ 22 великорусскихъ губерній. Разумѣется всѣ эти записи не одинаковаго достоинства, но со стороны хронологіи онѣ представляютъ возможность прослѣдить свадебный ритуалъ исторически, начиная съ 50 годовъ.

Предлагаемое собраніе названныхъ данныхъ, хотя и занимаетъ въ этомъ сборникѣ цѣлыхъ 25 печатныхъ листовъ, едва-ли однако оно составитъ и сотую долю того, что являлось по этой части въ печати въ продолженіе только что истекшаго столѣтія, начиная съ первой его четверти,—преимущественно въ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльныхъ же сборниковъ, посвященныхъ исключительно обрядамъ свадебнымъ и погребальнымъ въ нашей этнографической литературѣ почти не существуютъ. II-й т. «Быта русскаго народа» Терещенко, содержащій описаніе этихъ обрядовъ, нельзя принимать въ счетъ, такъ какъ добрая часть его посвящена пересказамъ изъ Олеарія и старинныхъ грамотъ о свадьбахъ русскихъ царей до-Петровскихъ временъ, а затѣмъ перепечаткой изъ соч. Снегирева и отчасти Сахарова.

Мысль о важности приложенія подробнаго предметнаго указателя ко всѣмъ отдѣламъ настоящаго моего сборника, которымъ, льщу себѣ пріятной надеждой, не преминуть воспользоваться, въ видѣ подспорья, наши ученые этнографы при своихъ изслѣдованіяхъ бытовой народной жизни, преслѣдовала меня безотлучно въ теченіе многихъ лѣтъ. Но, осуществить эту основательную мысль на дѣлѣ я оказался внѣ всякой возможности, такъ какъ всю многосложную работу надъ упорядоченіемъ и окончательнымъ приготовленіемъ къ печати громаднаго количества *совершенно сырыхъ* матеріаловъ по великорусской и бѣлорусской этнографіи я веду совершенно одинъ, безъ посторонней помощи. А для составленія желаннаго указателя, требующаго и, какъ хорошо всѣмъ извѣстно, не мало времени и кропотливаго труда, мнѣ пришлось бы задержать появленія его въ печати еще на неопредѣленно-долгое время, что въ виду преклонныхъ моихъ лѣтъ и сильно надтреснутаго здоровья, было бы не только весьма рисковано, но и досадно и совѣстно передъ самимъ собою и въ особенности передъ моими безкорыстными сотрудниками, разсѣянными почти по десяткамъ губерній Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго я рѣшился составить, по крайней мѣрѣ, хоть отдѣльный *сокращенный* указатель для самаго большаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самого содержательнаго отдѣла своего «Великорусса» — т. е. для свадебныхъ обрядовъ, который вслѣдъ затѣмъ и предлагаю:

а) Время для совершенія свадьбъ не во всѣхъ губерніяхъ, откуда у насъ приведено ихъ описаніе, одинаково. Подробное указаніе на этотъ счетъ читатель найдетъ на страницахъ: 565, 631, 662, 664, 708, 710, 715, 718, 724.

б) Свадебные чины и прочіе участники свадебнаго ритуала.

Кромѣ обычныхъ на всѣхъ русскихъ свадьбахъ чиновъ, какъ напр. *тысяцкій*, дружка, поддружье, полудружье, *большей* и *малый бояринъ* и пр., мы въ г. Пинегѣ встрѣчаемъ еще: а) *вѣжливаго*, т. е. колдуна, оберегающаго свадьбу отъ порчи со стороны другихъ колдуновъ: стр. 332—333 и б) *подголошницы* — дѣвицы, помогающія невѣстѣ въ причитаніяхъ: стр. 387.

Въ Елябужск. у. (Вятск. г.) *погонихи*: стр. 467.

Въ Крестецк. у. *шапошники*: стр. 500.

Въ г. Псковѣ между свадебными чинами встрѣчаемъ: «вѣнчальнаго батька» и «вѣнчальную матку»: стр. 544.

Въ Зарайск. у. (Ряз. губ.) выдѣляются *вечеровыя*: стр. 560.

Въ Каляз. у. (Тверск. губ.) между перечисленными свадебными членами (стр. 633) обращаетъ на себя наше вниманіе *гвоздарь*, названіе, отзывающееся глубокой стариною; о немъ упоминается и дальше, на стр. 639.

Въ Новоторжск. у. (той-же губ.): одинъ изъ свадебныхъ чиновъ носитъ названіе: *трутень* или *кормовой*, — его обязанностью готовить постель для новобрачныхъ: стр. 640.

Въ Судогодск. у. (Владим. губ.) мы (на стр. 676) находимъ цѣлый рядъ свадебныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ мы въ другихъ великорусскихъ губерніяхъ пока не встрѣчали.

Въ Сердобск. у. (Саратовск. губ.) въ числѣ свадебныхъ должностныхъ лицъ мы видимъ *каравайника* (онъ везетъ съ женихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви) и *подсвѣчники*, который принимаетъ свѣчи, употребляемыя при вѣнчаніи: стр. 745.

Въ Оренбургск. у. *постельники:* мужчина и женщина, ихъ обязанность — доставка постели и приданнаго отъ невѣсты до жениха: стр. 753.

Изъ болѣе дѣятельныхъ участниковъ въ свадебной обрядности особенно выдаются: сватъ, сваха, а еще болѣе — дружко.

О свахѣ, ея пріемахъ и рѣчахъ при сватовствѣ, также о взглядѣ на нее мѣстныхъ обывателей см. стр. 470, 536, 539, 565, 566, 662, 742.

Роль свахи въ иныхъ мѣстностяхъ исполняетъ сватъ. О немъ — стр. 673 и 751.

в) Относительно же дружка и его краснобайства считаю нужнымъ сдѣлать болѣе обстоятельное указаніе:

	стран.
Арханг. губ. Рѣчи дружки передъ выѣздомъ къ вѣнцу	389
Вологодск. губ. Устюжск. у. Его причеты въ домѣ невѣсты — №№ 1431—1444, 1496—1499.	
Вятск. губ. Глаз. у.	483—484
Владимірск. г. Юрьевец. у. № 2232	669
Судогодск. у.	677, 678
Покровск. у.	683—685
Новгородск. г. Крестецк. у	501, 505
Бѣлозерск. у. Дружки сторонъ загадываютъ другъ дружкѣ загадки	524—525
Валдайск. у. Переговоры дружекъ съ братомъ невѣсты	533, 535
Псковск. г. гор. Псковъ. Переговоры дружекъ	544
Рѣчь дружки	546
Великолуцк. у. Пѣсни дружки жениха съ пирогами №№ 1825, 1826 и 1827.	551—552
Рѣчь дружки жениха	552
Разговоръ дружки жениха съ дружкомъ невѣсты съ боярками	553
Тульск. г. Новосильск. у. Переговоры дружки жениха съ подружками невѣсты и съ женихомъ	570
Курск. г. Рыльск. у.	626
Тверск. г. Калязинск. у. Рѣчь свата, замѣняющаго здѣсь, какъ подъ часъ и въ другихъ мѣстахъ роль дружка	633

д) Въ свадебномъ ритуалѣ занимаетъ весьма важное мѣсто обрядъ приготовленія для невѣсты (накапунѣ бракосочетанія) *бани*, проводы ея туда и обратно съ пѣснями. Этотъ древній обрядъ сохранился и практикуется до нашихъ дней среди великорусскаго населенія всей Россіи. Въ настоящемъ сборникѣ сообщаются свѣдѣнія объ этой обрядности изъ слѣдующихъ губерній:

е) Еще привлекают наше вниманіе слѣдующіе обряды и обычаи:

При этомъ нелишне будетъ напомнить, что свадебный хлѣбъ составляетъ предметъ священнаго культа какъ у Великоруссовъ, такъ и у Бѣлоруссовъ, Малороссовъ, Галичанъ. См. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 214—248, 560, 570, 584, 601, 634; у Шейна: «Бѣлорусскія народныя пѣсни», стр. 340—343; его же «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣв.-Зап. края.» Т. I, ч. II, стр. 275—280.

Въ Галицкой Руси коровай играетъ важную роль въ свадебномъ ритуалѣ. См. «Галицкія и Угорскія пѣсни Головацкаго — ч. II, стр. 403, 438, 643, — ч. III, стр. 306.

И у литовцевъ свадебныя обрядности не обходятся безъ коровая.

См. Hochzeitsgebräuche der Welonischen Litauer (Karvólus svosidi) *), стр. 328—330.

и) Взглядъ народа на цѣломудріе дѣвушекъ и отношеніе его къ проступившимся не вездѣ одинаковъ; также не вездѣ одинаково строги требованія доказательствъ такъ называемой честности отъ новобрачной. Это видно изъ нижеслѣдующихъ указанныхъ данныхъ:

*) Sonderabdruck aus den Mittheilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft Bd. III, Heft 14 S. 134 ff.

Примѣчаніе. О «калинкѣ», какъ объ одномъ изъ значительныхъ отдѣловъ свадебнаго ритуала въ Малой и Бѣлой Руси см. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 450, 453—454, «Матеріалы» Шейна т. I, ч. II, стр. 29 — и его-же «Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр. 304, 336 и 352. Три пѣсни подъ заглавіемъ «калина», поющіяся, когда подымаютъ молодыхъ и невѣста оказалась честною. Не лишнимъ считаю привести оттуда одну изъ этихъ пѣсенъ:

Добрые наши морозы!
Не зморозили намъ рожи.
Пусцили квѣты по клѣцы,
А зялёны листокъ подъ мостокъ,
Чирвону калину въ подолòкъ.
Тутъ табѣ, калина, развицьца,
А мнѣ, молодзѣ разжицьца,
Тутъ тебѣ, калина, съ вѣтками,
А мнѣ, молодзѣ, зъ дзѣтками.

Ср. мои «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 119 и 327.

і) Касательно стихотворной части свадебной обрядности, болѣе всего привлекаютъ наше вниманіе такъ называемыя *заплачки, причитанія или причети.* Мы, правда, ихъ встрѣчаемъ спорадически въ губерніяхъ центральныхъ или приволжскихъ, но нигдѣ не пользуются онѣ тамъ такимъ почетомъ, нигдѣ не составляютъ такого необходимаго элемента свадебныхъ торжествъ, какъ именно въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ. Тутъ народъ считаетъ причитанія священной частью этихъ торжествъ, пропускать которыя никакъ нельзя. Невѣста, приступая къ нимъ (въ день, особо для этого назначенный — вскорѣ послѣ рукобитья), съ первыхъ же словъ обращается къ Богу и святымъ угодникамъ о дарованіи ей «звучнаго голосу со умильной, со горазной, со причетью» (№ 1296) и далѣе (въ № 1316, стр. 387), въ началѣ своей причети также обращается къ Царю Небесному, Христу Истинному и Св. Богородицѣ съ молитвою: благословить ее

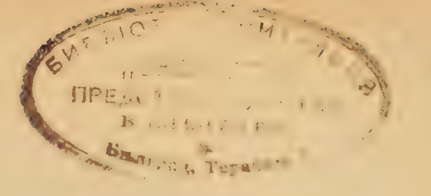
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей восплакати.

Затѣмъ въ этихъ причитаніяхъ поражаетъ проявленіе такого искренняго религіознаго и патріотическаго настроенія, котораго мы (пока) нигдѣ въ остальной Россіи не встрѣчаемъ. Это: поклоны передъ образами и молитвы за духовенство, за царя, царицу, царское семейство и за армію. См. №№ 1306 (стр. 383), 1369 (стр. 405) и 1466 (стр. 433).

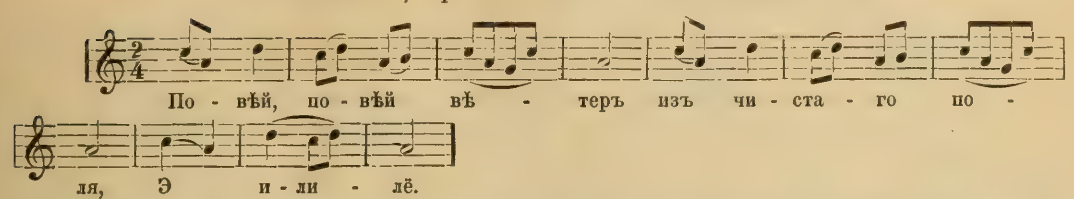
Также достойны вниманія: а) пѣсни слѣд. №№: 1825—1827 (Пск. г.) и 1911 (Тульск. г.). Въ нихъ передъ благословеніемъ брачущихся мы встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ святымъ Кузьмѣ и Демьяну (подъ которымъ народъ подразумѣваетъ одно лицо,—ковачу и закрѣпителя брачнаго, чтобы онъ сковалъ имъ свадьбу крѣпко-на крѣпко. Ср. у Шейна: «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 426 и 455. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и приговорахъ мы чаще встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ этимъ святымъ угодникамъ.

и к) Пѣсни и причеты, въ которыхъ невѣста разсказываетъ свои вѣщіе сны. См. №№ 1303, 1331, 1381, 1410, 1443, 1638, 1697, 1829, 1862, 2193, 2214, 2390.

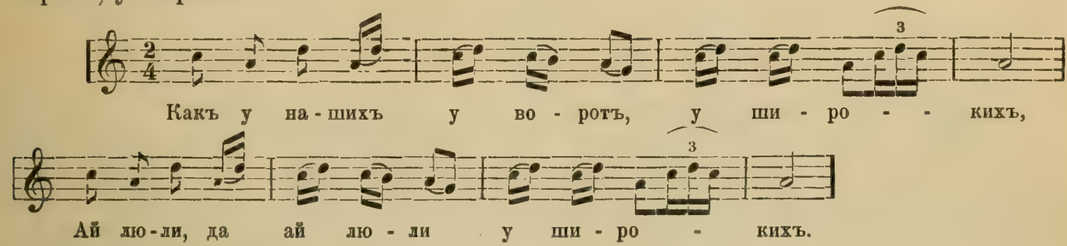
л) О свадьбахъ уходомъ, воровскихъ — см. стр. 708 и 765.



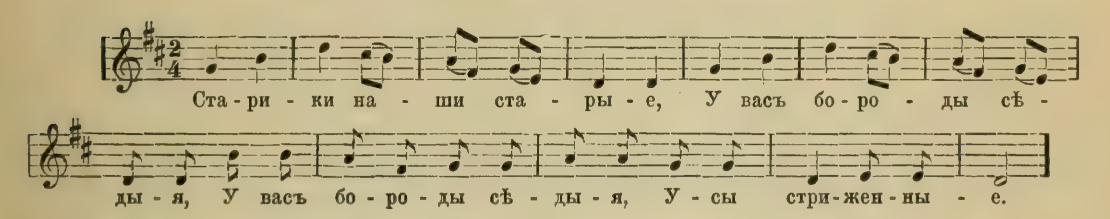
Къ № 437, стр. 101. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



На варіантъ этой пѣсни поется плясовая (но не хороводная) «Какъ у нашихъ у воротъ, у широкихъ».

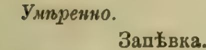


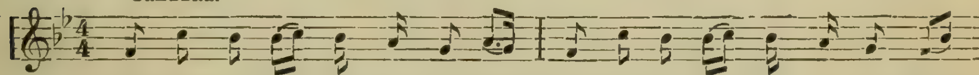
Къ № 554, стр. 136. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ

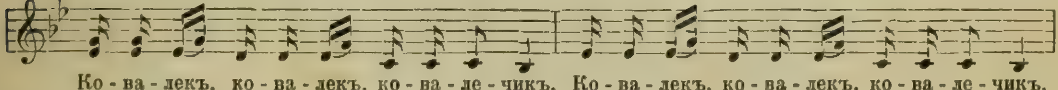


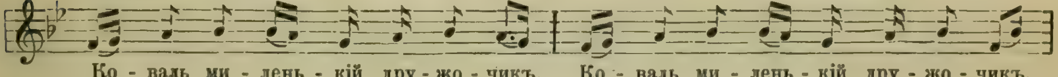
Къ № 573, стр. 143. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса М. П. Лихаревой (1898 г.).

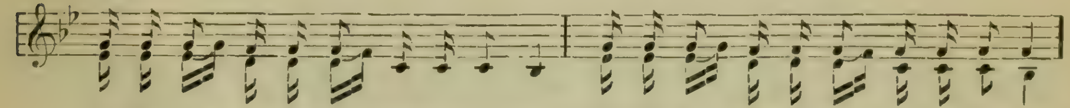
Коваль. Скопинск. у. Рязанской губ.





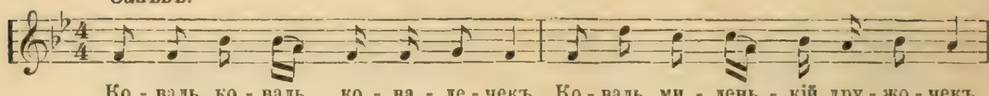






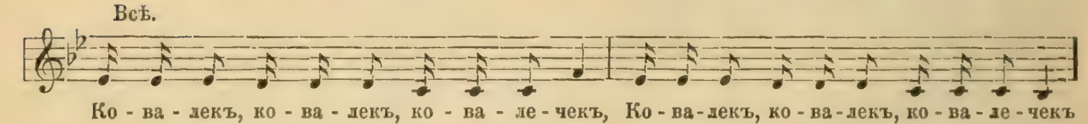
Вар. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса П. В. Шейна (1898 г.).

Запѣвъ.



Ко - валь, ко - валь, ко - ва - ле - чекъ, Ко - валь ми - лень - кій дру - жо - чекъ,
Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ, Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ.

Всѣ.



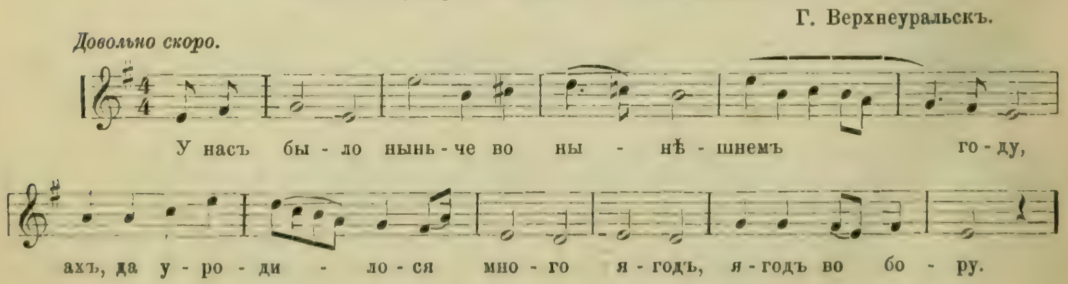
Къ № 770, стр. 201. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).

Къ № 707, стр. 184. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

Г. Вернеуральскъ, Оренб. губ.

Къ № 712, стр. 185. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

Г. Верхнеуральскъ.



Къ № 775, стр. 203. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).

Умѣренно.

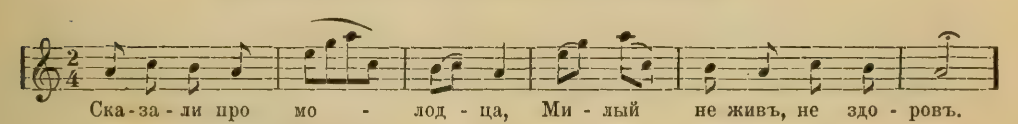
Запѣвало.

Ска - за - ли про мо - лод - ца, что не живъ,

Хоръ.

Что не живъ и не здо - ровъ, что не живъ и не здо-ровъ.

Къ № 776, стр. 203. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

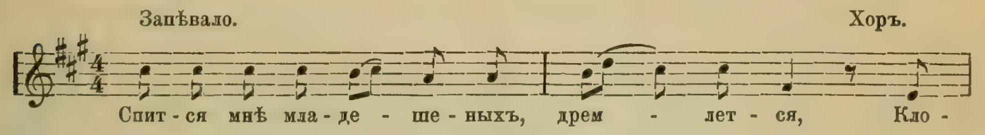


Къ № 833, стр. 221. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Умѣренно скоро.

Запѣвало.

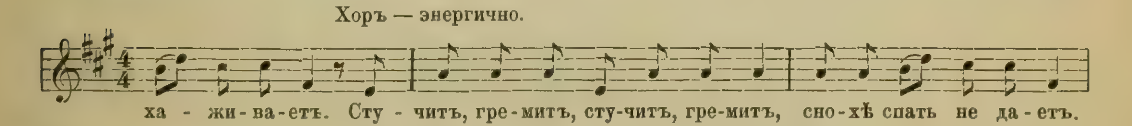
Хоръ.



Запѣвало.

нитъ мо - ю го - ло - вуш - ку на по - ду - шеч - ку. Све - коръ ба - тюш - ка по сѣ - нич - камъ по -

Хоръ — энергично.



Запѣвало.

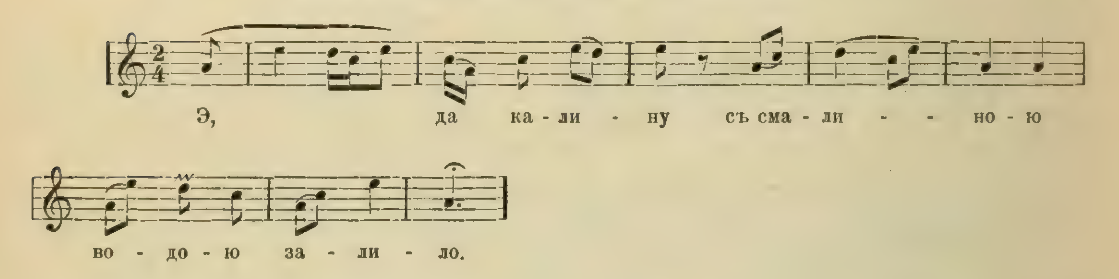
mf

Встань, встань, встань, ты сон - ли - ва - я, встань, встань, встань, ты дрем -

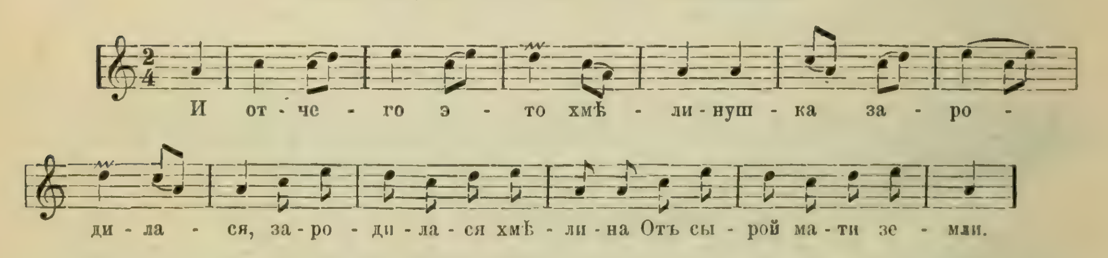
Хоръ — энергично.

ли - ва я, сон - ли - ва - я, дрем - ли - ва - я, не - у - ряд - ли - ва - я.

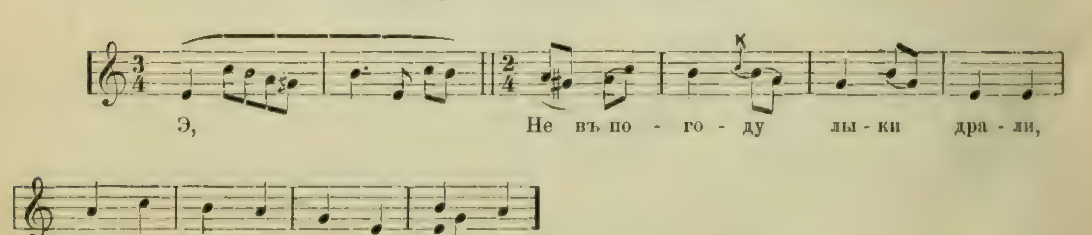
Къ № 852, стр. 227. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



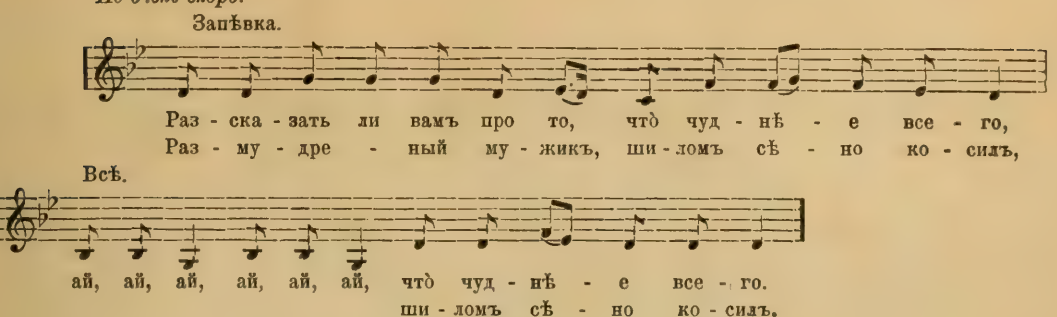
Къ № 857, стр. 228. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



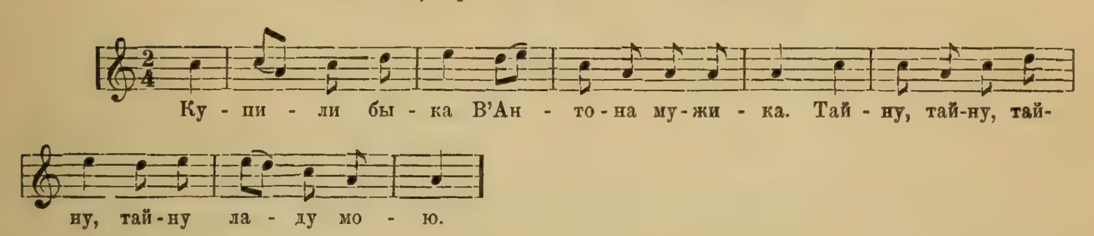
Къ № 955, стр. 270. Зап. Н. Ѳ. Соловьемымъ.



Къ № 958, стр. 271. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

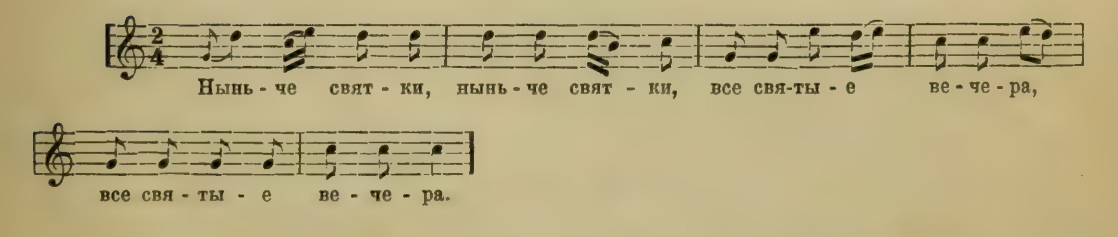


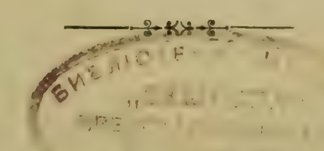
Къ № 1014, стр. 297. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



Къ № 1245, стр. 362. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Къ № 1050, стр. 310. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.





(Объяснительное письмо Н. Θ. Соловьева по поводу сообщенныхъ имъ мнѣ пѣсенъ).

Многоуважаемый

Павелъ Васильевичъ,

Сообщая вамъ нѣкоторыя русскія пѣсни, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія примѣчанія.

Записывалъ я эти пѣсни въ 60-хъ годахъ съ исключительною цѣлью поближе познакомиться съ духомъ русской мелодіи.

Около 300 пѣсней сообщила мнѣ нѣкая крестьянка Марья, тульская уроженка, обладавшая обширной памятью. При записываніи я довольствовался только мелодіей въ томъ видѣ, въ какомъ она подходитъ къ первымъ строкамъ пѣсни, не доводя свой трудъ до точной музыкальной записи текста съ пѣніемъ — вплоть до конца пѣсни, которой мелодія, сообразно съ текстомъ, немного видоизмѣнялась, съуживаясь или расширяясь, по капризному требованію не всегда одинаково размѣренной рѣчи. Самый же текстъ пѣсней мнѣ казался настолько интереснымъ, что я его записывалъ до конца, стараясь помѣстить всѣ своеобразные пріемы произношенія народнаго языка.

Не могу поручиться за то, что доставленные мною вамъ напѣвы, подходящіе къ первымъ строкамъ пѣсни, вполнѣ подходили бы и къ слѣдующимъ.

Совершенно случайно выбранныя вами пѣсни оказались только въ двухъ-дольномъ размѣрѣ, но многія, мною записанныя у Марьи, имѣютъ и другой размѣръ и болѣе интересное ритмическое содержаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Н. Соловьевъ.

12 января 1900 года